

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ТРУДЫ
ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

XIII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1 9 5 7 ЛЕНИНГРАД

Ответственный редактор

Д. С. Лихачев

О Т Р Е Д А К Ц И И

Оценивая результаты исследований древнерусских литературных произведений за минувшие сорок лет, мы должны иметь в виду следующее. Дореволюционная академическая наука уделяла исключительно большое внимание древнерусской литературе за счет изучения новой и новейшей русской литературы. Подавляющее большинство филологов в Академии наук были специалистами именно по древней русской литературе. В настоящее время центр внимания советских литературоведов естественно, в силу новых задач, вставших перед литературоведением, переместился на русскую классическую и советскую литературу. В связи с этим древней русской литературе уделяется относительно меньше внимания. Тем не менее изучение древней русской литературы за годы советской власти имеет крупные достижения, обусловленные тем, что литературоведение стало марксистским, а это не только коренным образом перестроило всю методологию историко-литературных исследований, но и их методику, а также расширило самый предмет изучения, переместило центр тяжести исследований: наибольшее значение было придано ведущим произведениям древнерусской литературы, ее прогрессивным тенденциям и народным основам, — выдвинуло на первый план изучение светских жанров, общих теоретических вопросов, художественной формы, историко-литературного процесса и т. д. Вместе с тем, объединение всех наук общей марксистской методологией способствовало сближению изучения древней русской литературы с исторической наукой, искусствоведением, лингвистикой и позволило историкам древней русской литературы совместно с исследователями смежных дисциплин успешнее решать вопросы периодизации, изучать основы литературы, устанавливать ее связи с другими областями культуры и исторической жизни.

Таким образом, изучение древней русской литературы, хотя и перестало быть центральной дисциплиной филологии, но вооружение ее марксистской методологией и укрепление связей со смежными науками способствовало ее плодотворному развитию, привело к ряду значительнейших успехов.

Важно отметить, что в изучении древней русской литературы лучшие традиции старой филологии не обрывались. В 20-е и 30-е годы вышли из печати капитальные исследования А. А. Шахматова, В. Н. Перетца, В. М. Истрина, М. Н. Сперанского, Н. К. Никольского. Печатание крупнейших работ старых ученых продолжалось в 40-х и 50-х годах. Традиции академической филологической науки были подхвачены в области изучения летописания, хронографии, древнерусской повести, «Слова о полку Игореве» и т. д. Отдельные исследования позднего русского летописания явились непосредственным завершением работ А. А. Шахматова и В. М. Истрина, другие — широко применили методику текстологических исследований, выработанную А. А. Шахматовым, В. Н. Перетцом и др.,

третьи — обобщали результаты старых исследований или пополняли их новыми наблюдениями. Однако в советских исследованиях по древнерусской литературе очень рано определились собственные темы, сказались собственные, резко отличные от старого буржуазного литературоведения научные интересы.

Из отдельных литературных жанров интенсивнее всего изучались за последние 40 лет исторические произведения. Это и понятно: здесь скрестились возросшие интересы советской науки к историческим темам, к темам патриотическим, к своим, самобытным жанрам и стремление исследовать литературный процесс, для которого особенно много дают именно исторические жанры, где изменения происходят быстрее и они точнее датируются. Вместе с тем, в интересе к историческим жанрам сказался историзм, все более проникающий советское литературоведение.

Изучение русского летописания за последние 40 лет достигло значительных результатов, как в издании памятников, так и в исследовательских выводах. Материалы, накопленные по истории летописания, позволили советским исследователям создать систематическую историю русского летописания от XI и до XVI вв., обратить пристальное внимание на художественную сторону отдельных летописей, на историю самого жанра летописания. На очереди стоит сейчас изучение позднего летописания — XVI и, главным образом, XVII вв. Здесь пока еще сделано очень мало.

Значительно менее интенсивно развивалось у нас изучение хронографии. В этой области могут быть отмечены лишь немногие работы по отдельным вопросам. В частности ряд исследований был посвящен влиянию хронографов на другие жанры и отдельные произведения. То обстоятельство, что хронографии посвящено у нас мало исследований, объясняется тем, что историко-литературная ценность хронографической литературы у нас явно недооценивалась. Сами по себе хронографы составляют крупнейший после летописания раздел древней русской литературы. Они усиленно читались и оказывали большое влияние на историко-литературный процесс. Они принадлежат к той «большой литературе» древней Руси, которая еще ждет своих кропотливых и самоотверженных исследователей.

К изучению летописей и хронографов тесно примыкает изучение древнерусской повести. Древнерусская повесть не представляет собой единого и устойчивого жанра: здесь и исторические повести (летописные и нелетописные), воинские повести, историко-бытовые повести, повести, близкие к житийной литературе, и т. д. Больше всего исследовались за последнее время воинские повести, историко-бытовые, исторические повести, посвященные событиям «смуты» и некоторые другие. Изучение историко-бытовых повестей позволило по новому поставить вопрос об истории самого жанра, создать ряд высоко ценных изданий этих повестей, углубило представление о связи их с русской действительностью и народным творчеством. Изучение воинских повестей позволило по-новому оценить их и как памятники литературы, и как произведения политической мысли.

В советское время был открыт и исследован раздел литературы, имеющий первостепенное значение для построения цельной, марксистской истории русской литературы и для выяснения ее народных основ, — демократическая сатира XVII в.

Сильно подвинулось изучение истории общественной мысли, — особенно XVI в. Наиболее успешным и важным было в этом изучении определение классовых основ отдельных публицистических произведений, их связей с исторической действительностью. Отдельные литературные произведения подверглись тщательному изучению с точки зрения отражения

в них развития общественной мысли. Сравнительно слабо изучалось художественное мастерство публицистов, а из отдельных эпох недостаточное внимание уделялось середине и второй половине XVII в.

Особый раздел советского литературоведения составляет изучение «Слова о полку Игореве». И здесь могут быть отмечены значительные успехи. Литература о «Слове» за последние 40 лет огромна, поэтому могут быть указаны лишь самые общие ее тенденции. Для буржуазного литературоведения начала XX в. было характерно изучение «Слова» по преимуществу по отдельным частным вопросам. В советское время возродился интерес к монографическому изучению «Слова», к созданию крупных обобщающих работ, ставящих себе задачей целостное изучение памятника. Два прошедших юбилея «Слова» (750-летия памятника и 150-летия со времени выхода первого издания) обогатили науку особенно большим числом его изданий и различных исследований. Частные исследования были посвящены главным образом отысканию различных реалий — исторических и природоведческих. Очень большой интерес представили исследования связей «Слова» с народным творчеством; вопрос об этих связях был поставлен совершенно по-новому — в единстве формы и содержания. Серьезные работы созданы в области изучения языка «Слова», палеографии погибшей рукописи, жанровой природы «Слова», истории его изучения и т. д.

Изучение «Слова» за последние сорок лет особенно отчетливо вскрыло глубокие связи «Слова» с культурой XII в., с исторической обстановкой XII в., показало его органическое родство с художественными методами древней русской литературы и народного творчества. «Слово» было выведено из той блестящей изоляции от явлений своего времени, в которой оно находилось, и было рассмотрено в широкой исторической перспективе. Это коснулось и его идейного содержания и его художественной формы. Тем не менее и в этой области перед специалистами по древней русской литературе стоят сейчас серьезные задачи. Специалистами по «Слову» должны быть проведены крупные работы, которые помогут более глубоко подойти к вопросам его комментирования и историографии. В первую очередь необходимы словарь «Слова», полный свод его толкований, издание всех материалов, связанных с историей его открытия и публикации 1800 года.

Ряд областей древней русской литературы изучался слабо: агиография, переводная литература, связи древнерусской литературы со славянскими; недостаточно велась работа по научному описанию рукописей.

Жития святых в силу определенности этого жанра, дают возможность проследить в них изменения стиля, художественного метода изображения людей и т. д. К сожалению, мы можем отметить в этой области только несколько публикаций и исследований. Советское литературоведение уделяет особенное внимание светским произведениям древней русской литературы, как наиболее ценным и показательным в историко-литературном процессе, однако это не обязывает исследователей считать литературу древней Руси более светской, чем она была на самом деле. Громадная роль церковных жанров в средневековой литературе не подлежит сомнению и исследование их должно быть углублено.

Сравнительное изучение славянских литератур развивалось в начале XX в. довольно успешно (В. М. Истрин, М. Н. Сперанский), однако за последние двадцать лет общая недооценка сравнительных исследований в литературоведении привела к тому, что и этой областью исследователи почти не занимаются. Мало появляется работ и по переводной литературе; почти прекратилось изучение переводческой деятельности Кирилла и Мефодия и их ближайших преемников.

Не менее тревожно обстоит дело и с изучением истории нашей науки, без чего нельзя всерьез говорить о преодолении методологических недостатков прошлого и об использовании его отдельных достижений. Недостаточное внимание уделялось до недавнего времени советскими исследователями и многочисленным работам, выходящим по древней русской литературе на Западе, разоблачению реакционных теорий и усвоению опыта прогрессивных ученых.

За годы советской власти произошли значительные передвижения рукописных материалов: рукописные собрания были сконцентрированы в немногих хранилищах. Это позволило советским исследователям проводить текстологическую работу на гораздо более широком рукописном материале, чем это делалось раньше. Однако научное описание рукописных собраний идет недопустимо медленно. За последние годы вышли научные описания только в Библиотеке Академии Наук СССР и в Публичной библиотеке в Ленинграде, составляется научное описание рукописей, собранных на Печоре, и идет работа по раскрытию содержания периферийных древлехранилищ.

Значительные успехи могут быть отмечены в области текстологии древнерусских литературных произведений. Издания древнерусских литературных памятников осуществляются с привлечением максимального количества списков, на основе полного изучения всей истории текста произведения. Создан новый тип монографических исследований-изданий памятников в осуществляемой Сектором древнерусской литературы серии памятников древнерусской литературы (вышли — «Казанская история», «Сказание о князьях владимирских», «Сказание Авраамия Палицына», «Сочинения Ивана Пересветова», «Повесть о Сухане», «Артаксерксово действо»). На очереди — создание обобщающего исследования по всем вопросам древнерусской текстологии.

Значительное влияние на общее направление изучения древнерусской литературы оказала научно-популяризаторская работа, участие исследователей древнерусской литературы в серии «Литературные памятники», в серии научно-популярной литературы Издательства Академии наук СССР и в различных публикациях других издательств. Широкий размах научно-популяризаторской работы привлек внимание исследователей к актуальным темам, к основным вопросам изучения древнерусской литературы и к ее наиболее выдающимся произведениям.

В целом исследования по древнерусской литературе за истекшие 40 лет коренным образом изменили наши представления об историко-литературном процессе древней Руси. Никто уже не станет сейчас защищать тезиса о том, что древнерусская литература почти не менялась в своих принципах, что она не знает развития, что в ней господствуют одни лишь традиционные формулы, традиционные жанры и что она имеет «подражательный характер», завися только от смен иностранных влияний. Каждая эпоха предстала перед нами в своем своеобразии, — меняются жанры, сменяются литературные стили, литература тесно связана с русской исторической действительностью, с классовой борьбой своего времени. Открылась возможность создания подлинно научной истории литературы древней Руси, историко-литературный процесс предстал перед нами во всем своем своеобразии и во всей своей динамике. Общие курсы и истории литературы, написанные за последние десятилетия, разительно отличаются от тех, которые были созданы в дореволюционной науке и носили по преимуществу описательный характер. Отметим, что первые тома десятитомной академической «Истории русской литературы», посвященные древней рус-

ской литературе, являются самой обширной историей литературы XI—XVIII вв., которая когда-либо была создана.

Исследований, посвященных общим вопросам истории древней русской литературы, сравнительно немного. Имеется ряд работ, касающихся вопросов классового характера древней русской литературы, ее народных основ, связей с фольклором, периодизации, проблем ее возникновения, ее движения к реалистическому изображению действительности, художественного мастерства и т. д. Написание новых теоретических работ в значительной мере зависит от частных исследований, от того, как расширяются наши представления о репертуаре памятников древнерусской литературы, как уточняется их хронологическое приращение к отдельным эпохам и т. д.

Можно с уверенностью сказать, что решение многих общетеоретических вопросов подготовлено и облегчено в нашей науке уже сейчас введением в кругозор исследователей целого ряда новых памятников, новых частных открытий и уточнений, особенно в тех областях, которые тенденциозно обходились буржуазным литературоведением или определить которые оно не было способно.

Основная задача, которая стоит сейчас в области древнерусской литературы перед работами теоретического характера: решительнее переходить от решения частных вопросов теории к тем широким обобщениям, которые позволяют ясно представить себе процесс литературного развития древней Руси во всей его сложности и своеобразии.

ИССЛЕДОВАНИЯ

Н. Н. ВОРОНИН

„Анонимное“ сказание о Борисе и Глебе, его время, стиль
и автор

1

Группа произведений, связанных с жизнеописанием и прославлением первых русских святых Бориса и Глеба, занимает выдающееся место в истории древнерусской литературы; их исследованию посвящены работы многих специалистов. Однако до сих пор остается спорным важнейший вопрос о взаимоотношении и хронологии двух основных произведений о Борисе и Глебе — «Чтения» Нестора и анонимного «Сказания». Основные точки зрения представлены заключениями двух виднейших ученых — академика А. А. Шахматова, подходившего к данной теме в связи с изучением «Повести временных лет», и специально исследовавшего литературные памятники о Борисе и Глебе С. А. Бугославского.

Основные выводы А. А. Шахматова сводятся к следующему.

«Чтение» написано Нестором между 1081 и 1088 гг. Он использовал для своего сочинения данные древнейшего летописного свода и новгородские записи в их краткой редакции, не переходившей тогда за середину 80-х годов.

«Сказание» в дошедшем до нас виде отражает редакцию, сложившуюся после 1115 г.; оно тесно связано с развивавшимся в конце XI в. летописанием. Автор «Сказания» опирался уже на данные Начального свода и использовал Несторово «Чтение».¹

К мнению А. А. Шахматова присоединились исследователь русских княжеских житий Н. Серебрянский² и изучавший и издавший литературные памятники о Борисе и Глебе Д. И. Абрамович.³

Противоположная точка зрения была сформулирована С. А. Бугославским в результате многолетнего текстологического изучения 255 списков всех памятников, связанных с культом Бориса и Глеба. Основные выводы были сделаны автором еще в 1914 г.⁴; затем они были кратко повторены в публикации памятников в 1928 г.⁵ и в развернутом виде изложены в не-

¹ А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 29—97.

² Н. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития. М., 1915, стр. 106; здесь же (стр. 86 и сл.) обзор литературы.

³ Д. И. Абрамович. 1) Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Пгр., 1916, стр. I—XIV; 2) Исследование о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике. СПб., 1902, стр. X—XI.

⁴ С. А. Бугославский. К вопросу о характере и объеме литературной деятельности преп. Нестора. ИОРЯС, 1914, кн. I, стр. 135—143.

⁵ С. А. Бугославский. Памятки XI—XVIII вв. про князів Бориса та Глеба. Киев, 1928.

опубликованной докторской диссертации автора в 1940 г.⁶ Последним кратким изложением концепции С. А. Бугославского в печати является написанный им текст в I томе академической «Истории русской литературы».⁷ На протяжении этих работ автор не изменил своей концепции, хотя уже первая ее публикация в 1914 г. вызвала критический отклик А. А. Шахматова, убедительно отстаивавшего свои взгляды.⁸ Точно так же доводы, изложенные в публикации Д. И. Абрамовича, не встретили отклика С. А. Бугославского. На это указывалось и оппонентом по его диссертации Н. К. Гудзием.⁹ Таким образом, мы вправе изложить выводы С. А. Бугославского по его последнему печатному труду, дополняя их по ранним изданиям.

Взгляд С. А. Бугославского диаметрально противоположен концепции А. А. Шахматова. Он сводится к следующему.

«Сказание» (без обширного рассказа о чудесах) возникло в последние годы княжения Ярослава и является по существу панегириком ему. Автор «Сказания» развил в особе произведение летописную статью 1015 г. «Об убийении Борисове». «Сказание» обильно историческими фактами и именами и написано в свободной от подражания византийским образцам манере. В своей диссертации С. А. Бугославский высоко оценивает «Сказание» как «первую русскую историческую повесть, преодолевшую застывшие литературно-агиографические каноны. Так, новое содержание, живая струя народного патриотизма обновили и стиль и форму произведения. „Сказание“ положило основание новому русскому жанру — княжеского жития, близкого к летописи».¹⁰ К «древнейшему» ядру «Сказания» позднее примкнуло особое «Сказание о чудесах», составившееся последовательно тремя авторами. Первый автор работал между 1089 и 1105 гг., он переписал и дополнил само «Сказание»; второй автор, показавший себя противником Святополка, работал около 1108 г.; третий был явным сторонником Владимира Мономаха, он дополнил «Сказание о чудесах» описанием перенесения мощей Бориса и Глеба в 1115 г.

«Чтение» является поздним произведением: оно было составлено Нестором на основе «древнейшей» части «Сказания» с дополнившим его «Сказанием о чудесах» (в «редакции второго автора»); Нестор писал до 1115 г., так как он еще не знает о происшедшем в этом году перенесении мощей Бориса и Глеба, и скорее всего около 1108 г. Задачей Нестора было превращение «Сказания» в годное для чтения в церкви житие в духе монашеских или великомученических византийских житий. В связи с этим Нестор заменяет все конкретное и «земное», столь богато насыщающее «Сказание», общими местами. Он избегает называть личные и географические имена, заменяя их аморфными родовыми понятиями; он усиливает агиографический назидательный элемент, превращая Бориса и Глеба в образцовых святых. Общая характеристика труда Нестора у С. А. Бугославского крайне противоречива. «Все эти распространения — общего житийного характера, — писал исследователь, — все они удаляют и читателя, и действующих лиц от исторического момента, из русской среды в область агиографических общих мест»; и, однако, в той же работе автор называет

⁶ С. А. Бугославский. Древнерусские литературные произведения о Борисе и Глебе. Рукопись диссертации, защищенной в Институте мировой литературы. Отдел рукописей Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР.

⁷ История русской литературы, т. I. М.—Л., 1941, стр. 317—321 и 326—328.

⁸ А. А. Шахматов. Повесть временных лет. Пгр., 1916, стр. LXVII—LXXVII

⁹ С текстом отзыва меня познакомил Н. К. Гудзий, которому приношу благодарность за разрешение сослаться на его мнение.

¹⁰ С. А. Бугославский. Древнерусские литературные произведения о Борисе и Глебе, стр. 305

Нестора «писателем-реалистом».¹¹ В итоге исследователь должен был признать, что Нестор, работая в начале XII в., шел против течения, он стремился «увести русскую агиографию с пути прочно сложившегося жанра исторических сказаний, княжеских житий и историко-агиографических эпизодов».¹²

Однако и теперь, после того как концепция С. А. Бугославского была принята в академической «Истории русской литературы», крупнейшие специалисты продолжают относиться к ней с осторожностью, хотя и принимают, без особой уверенности, положение, что «Сказание» появилось раньше «Чтения», но не при Ярославе, а в конце XI—начале XII вв.¹³ Голос в защиту концепции А. А. Шахматова поднял археолог и искусствовед В. И. Лесючевский, высказавшийся в пользу старшинства «Чтения» и за более позднее время «Сказания».¹⁴ Все же концепция С. А. Бугославского остается в обращении науки. Так, ее разделяет М. К. Каргер, изучавший «Чтение» и «Сказание» в связи с публикацией открытого его раскопками выдающегося памятника конца XI в. — огромного каменного Борисоглебского храма в Вышгороде.¹⁵ С решением С. А. Бугославского о позднейшем происхождении «Чтения» (около 1108 г.) соглашается и Л. В. Черепнин, привлечший этот памятник в своем интересном исследовании о Повести временных лет, но не касавшийся «Сказания».¹⁶

При сопоставлении двух очерченных выше концепций о взаимоотношении «Чтения» и «Сказания» возникает прежде всего одно общее соображение. Взгляд А. А. Шахматова хорошо согласуется с определенным научной общими направлением развития древнерусской литературы и летописания XI—XII вв. и с конкретным движением самого исторического процесса.

Вспомним, что сложившееся при Ярославе «Сказание о распространении христианства на Руси»¹⁷ и знаменитое «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона посвящены церковно-исторической теме. Они освещают лишь борьбу за самостоятельность русской церкви. Эта борьба являлась существенной стороной дела упрочения независимости и могущества молодого русского государства. Поэтому в церковно-исторических произведениях времени Ярослава входили, органически связываясь с ними, патриотические идеи величия Русской земли и ее равноправия с другими странами Европы. В то же время существенно, что эти произведения были предназначены для узкой, привилегированной аудитории, «преизлиха насытившейся сладости книжныя». «Слово» Илариона сложно и отвлеченно по своему построению и стилю; это философско-богословское «витийственное» произведение, явно недоступное пониманию простых людей и отнюдь не рассчитанное на широкий пропагандистский эффект. С этим этапом начальной поры русской литературы по всему своему строю и по ее сильной зависимости от византийских агиографических образцов очень органично и естественно связано «Чтение» Нестора, близкое по концепции

¹¹ С. А. Бугославский. К вопросу..., стр. 173 и 163.

¹² История русской литературы, т. I, стр. 328.

¹³ См., например: Н. К. Гудзий. История древнерусской литературы. М., 1953, стр. 95.

¹⁴ В. И. Лесючевский. Вышгородский культ Бориса и Глеба в памятниках искусства. Советская археология, т. VIII. Л., 1946, стр. 240.

¹⁵ М. К. Каргер. К истории киевского зодчества XI в. Храм-мавзолей Бориса и Глеба в Вышгороде. Советская археология, т. XVI. М.—Л., 1952, стр. 77—86.

¹⁶ Л. В. Черепнин. «Повесть временных лет», ее редакция и предшествующие ей летописные своды. Исторические записки, № 25. М., 1948, стр. 311.

¹⁷ Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 44—76.

«Слову» Илариона; оно включается в процесс развития литературы XI в.

Последующее развитие литературы, если оценить главное в ее течении, характеризуется нарастанием конкретности изложения, оживлением интереса к аргументации сообщаемых сведений, включением в поле зрения литераторов и летописцев политической истории, стремлением к точным датам в летописи, привлечением разнообразных источников — рассказов участников событий, народных или дружинных преданий и даже материальных «археологических» памятников.¹⁸ Это время создания Начального свода, «Повести временных лет», «Поучения» Владимира Мономаха, «Хождения» игумена Даниила. С этим этапом отвлеченный стиль «Чтения» плохо вяжется, и Нестор представляется запоздалым одиночкой, действительно идущим против течения со своим архаическим стилем, а его попытка повернуть процесс вспять исторически непонятна. Вместе с тем и определение исторического места «Чтения» С. А. Бугославским представляется очень искусственным и натянутым. Точно так же, вопреки мнению исследователя, отнесшего «древнейшую» часть «Сказания» ко временам Ярослава, где оно стоит также особняком, это замечательное произведение прекрасно связывается, как покажем подробно ниже, с течением русской литературы в первой четверти XII в. Существенно, что «Чтение» было скоро и основательно забыто, отразившись в незначительном количестве списков, уступив место «Сказанию», пользовавшемуся популярностью в течение многих веков и представленному во множестве списков.

Уже эти общие соображения, с неизбежностью ведущие к признанию правильности концепции А. А. Шахматова, должны были насторожить по отношению к гипотезе С. А. Бугославского, популярность которой, как нам представляется, есть результат определенного гипноза того огромного текстологического фундамента, на котором она зиждется.

Однако при внимательном изучении трудов С. А. Бугославского складывается впечатление, что и сам исследователь, принципиально отказавшись от «конъектуральной» критики источников и целиком уйдя в кропотливый анализ и сопоставление множества текстов, оказался замкнутым в искусственном мире самодвижения редакций и разночтений и полностью оторвал предмет своего исследования от живой действительности, которая была ясно зрима в самих изучаемых им текстах, о чем пойдет речь ниже.¹⁹

Но и сама эта аналитическая работа над текстами дала в общем относительно малый эффект: различные «редакции» «Сказания», как выяснилось, мало разнятся друг от друга, и бесспорно древнейшим и наиболее близким к первоначальному тексту остался список в знаменитом сборнике XII в. московского Успенского собора.²⁰

Аналитический труд С. А. Бугославского не дал бесспорных результатов и в отношении расчленения «Сказания» на разновременные части. Так, тот же А. А. Шахматов, очень сильно и просто защищая свои позиции, внимательно изучил аргументы С. А. Бугославского и отдал должное его гигантскому и кропотливому труду, но счел возможным сделать следующее заключение по одному из основных его положений. По его мнению, «Сказание» «едва ли может быть отделено от приложенного к нему „Сказания о чудесах“ и не только от древнейшей части „Сказания“, но и от

¹⁸ М. К. Каргер. К характеристике древнерусского летописца. ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955, стр. 59 и сл.

¹⁹ Формализм метода С. А. Бугославского был справедливо отмечен Л. В. Черпниным («Повесть временных лет»..., стр. 297—299).

²⁰ С. А. Бугославский. К вопросу..., стр. 132; С. А. Бугославский. Пам'ятки..., стр. XII.

позднейшей; между тем позднейшая часть „Сказания о чудесах“ составлена после 1115 г.».²¹ Следовательно, А. А. Шахматов считал «Сказание» целостным произведением, неразрывно связанным со «Сказанием о чудесах», что определяло дату произведения в целом и лишало возможности выделять его «древнейшую» часть и относить ее ко времени Ярослава. Добавим, что самый факт наличия в ряде списков этой «древнейшей» части в отдельном виде не может служить доказательством ее первоначально отдельного существования. Большое монументальное произведение, каким является «Сказание» в его сложном целом, могло переписываться по частям, в зависимости от потребности заказчика, чему способствовала стройная архитектурная расчлененность «Сказания». Существенно также, что в древнейшем его списке XII в. в сборнике московского Успенского собора оно представлено целиком.

А. А. Шахматов убедительно указал на искусственность гипотезы С. А. Бугославского и в отношении трех этапов в истории «Сказания о чудесах», допуская в лучшем случае два этапа, но отнюдь не принимая и это допущение как обязательное и доказанное.²²

Сами текстологические сопоставления, положенные С. А. Бугославским в основу доказательства зависимости «Чтения» от «Сказания», могут быть использованы и для утверждения обратного. Если, по Бугославскому, Нестор безжалостно выхолащивал из «Сказания» все живое и конкретное, то те же примеры можно рассматривать как обогащение жизненными подробностями и фактическими данными мертвого материала более раннего «Чтения» автором позднейшего «Сказания». Этот вывод еще до исследования С. А. Бугославского, когда «Сказание» считалось не «анонимным», делал Д. И. Абрамович, справедливо писавший: «Принято думать, что Несторово „Чтение“ составлено под сильным влиянием „Сказания“ о святых Борисе и Глебе, приписываемого Иакову мниху; но с таким же точно правом можно доказывать и противное».²³ На этой точке зрения Д. И. Абрамович стоял и в 1916 г., после появления работы С. А. Бугославского.

Как мы говорили, С. А. Бугославский не отвел возражений А. А. Шахматова и не опроверг взглядов Д. И. Абрамовича и Н. Серебрянского.

После этих замечаний мы можем обратиться к изложению некоторых наблюдений над текстом «Сказания». Мы приводим наши наблюдения и выводы в том порядке, в каком мы продвигались от вопроса к вопросу, от частного к общему.

2

Важнейшее значение для изучения литературной истории «Сказания» имеет рассказ о чуде с сухорукой женой.

Рассказ об этом чуде в «Чтении» лишен конкретных деталей, хотя Нестор и удостоверяет, что он писал со слов самой героини чуда. Некая жена, до того не знакомая автору, из не названного по имени «ыного града», якобы рассказала ему, как она работала в праздник Николы в своей «храмине» и не пошла в церковь, несмотря на укоры других женщин. Внезапно на ее двор въехали (видимо, на конях) три мужа — старый (Никола) и

²¹ А. А. Шахматов. Повесть временных лет, стр. LXXIV; Д. И. Абрамович. Исследование о Киево-Печерском патерике..., стр. X, прим. 36; Н. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития, стр. 91. Н. К. Никольский считал, что отнесение «Сказания» в целом ко времени после 1115 г. аргументировать трудно и находил его «более чем сомнительным» (Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений X—XI в. СПб., 1906, стр. 255 и 257).

²² А. А. Шахматов. Повесть временных лет, стр. LXIX—LXXVIII.

²³ Д. И. Абрамович. Исследование о Киево-Печерском патерике..., стр. X.

двое молодых (Борис и Глеб). Юноши упрекнули вдову, что она оскорбила Николу, работая в день его праздника. В ответ на ее объяснения, что бедной женщине нужно трудиться, а не ходить в церковь, Никола приказал юношам разрушить ее жилище и выволок саму ее за руку, так что она обмерла и была «яко мертва» до великого поста. Тогда ее принесли в церковь Николы, здесь она очнулась, и оказалось, что у нее усохла правая рука. Так прошло 3 года, когда она услышала о чудесах Бориса и Глеба, пошла в Вышгород и молилась у их храма. Во сне ей явились Борис и Глеб и повелели ей перекреститься, но сухорукая не могла этого сделать. Тогда один из князей взял ее за руку, но в это время некий пономарь стал отпирать храм и прервал ее сон. Сухорукая вошла в храм и стала молиться об исцелении. Вдруг у нее выпали из ушей «златии коцци» и покатались к гробницам Бориса и Глеба; она подняла их и отдала нищим. Вскоре рука приобрела чувствительность, пояс, которым была подвязана рука, сам оторвался от шеи, и женщина исцелилась.²⁴

Таково очень отвлеченное, несколько длинное и противоречивое изложение «чуда о сухорукой» в «Чтении». Оно безымянно и довольно надуманно; к чему-то изображена конная «троица» — Николы и святых князей; подчеркнута грубость их действий — разрушен дом, Никола повредил ей руку. Введено литературно излишнее сонное «видение» жене святых князей. У бедной сухорукой в ушах оказываются дорогие золотые височные кольца, которые она отдает не в храм, а нищим.

Тот же сюжет в «Сказании» приобрел совершенно иной характер; как сейчас увидим, он был коренным образом переработан. Основное в этой переработке — более ясное выявление фабулы, стремление к максимальной конкретности сведений об обстоятельствах чуда и введение нового действующего лица — попа Лазаря.

Если первоначальный текст в «Чтении» легко поддавался сокращенному пересказу, то новый текст «Сказания» настолько сжат, что остаются одни необходимые факты, и поэтому мы приведем его полностью.²⁵

ЧУДО 5-е О ЖЕНЕ СУХОРУЦЕ

Въ граде Дорогобужи некая жена, раба сущи, делаша в вежи повелениемъ госпожа своея в днь свягата Николы. И възнезупу явиста ей святая стратотръпца, претяща и глаголюща ей: «по что тако твориши в днь свягата Николы? се ти сътворише казнь». И се рекъша разметаста храмину ту, жену же ту акы мрътву сътвориста. И лежа месяць, не могуци ничьсо же и вьставъши немощна, а рука ей бяше суха пребываше не могуци страдати, ни послужити господе. Юже видевъши госпожа ея таку, отгна ю от себе, а отрочища ея, в свободе родивъшася, поработиша я. Судящи же не послабиша тому такому быти, нъ господе ея повелеша лихом быти цены тоя, а онех свободе сподобиша, зане же по неволи делавъши казнь прияла есть. И минувъшем летом тръм. слышавъши жена сухорукая о человеце бывъшимъ съкръчене руками и ногами, и како прия прощение у църкве святою мученику Романа и Давида. И вьставъши иде Вышегороду. И приде в днь суботъный, и бяше же и канон святыя богородици. И възвести Лазореви, иже беаше старейшина клириком църкве тоя. Он же повеле ей пребыти чрес ноць у църкве. И на утрия, идущем съ крсты к святеи богородици, приступивъши жена имущия руку суху, споведаша сын Лазореви сице: «В сию ноць, седящи ми у църкве, и приидоста два уноши красна, и рекоста ми — кто ты е седе посадила? И из отъвещах — Лазорь поп, ты ми есть повелел, рек — седи ты, некая бог и молитва святою мученику ицелати ты. И се рекъши ми, абие старейшии ею съньм прьстенъ с руки, дасть ми, рек — възложи си се на руку и прекръстися и ицелеесть ти рука». Си слышав, Лазорь повеле ей на литургии престояти у дьврни църквъвных, да егда отъпоють, сътворять ей молитву и масльмъ деревянымъ помажють ей руку. И начаша пети литургию. И яко отпеша «святны боже», певдью рекъшю песнь богородици, прокымен «величить душа моя господя», и възнезупу жена сухорукая побеже к олтарю, трепе-

²⁴ Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 23—24.

²⁵ Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 58—59.

щющи и трясущи рукою. И видяще вси, людие же и клирици мняхуть беснующуюся, и влечашу ю к гробом святою. Узре же ю Лазорь и, познав ю, бысть ужасн. И томь часе бысть рука цела. И вси видевъше прославиша бога о томь чудеси, дивящесе скорому божию посещению и силе святою Христову мученику.

Очень ярко и конкретно освещенный сюжет с рабой какой-то дорогобужской «госпожи» привлекает внимание прежде всего реальностью самой ситуации. Оказывается, раба трудилась в праздник Николы не по своей воле, а по приказанию госпожи, которая прогнала искалеченную Николой женщину да еще обратила в раба ее рожденного на свободе сына. Далее примечателен новый эпизод о «справедливости» княжого суда, который якобы встал на защиту прав дорогобужской холопки, отпустив ее с сыном на свободу и заставив госпожу потерпеть убыток. В «Чтении» есть опущенный в «Сказании» другой штрих. В ответ на суровый вопрос явившихся жене Николы и князей, почему она не идет в церковь, она отвечает им: «аз емь жена вдова, убога, да достоить ми делати и несть ми требе в церковь ходити», т. е. бедному человеку нужно работать, а ходить в церковь ему не к чему! Нельзя не увидеть в этом ответе оттенок определенной дерзости и пренебрежения к церкви. После этого становится понятным возмущение чудотворца Николы, который так рванул ее за руку, что она отсохла!

Этот рассказ странным образом не привлек пристального внимания С. А. Бугославского. Более того, у исследователя сложилось совершенно неверное суждение, что рассказ Нестора дает более «подробную редакцию чуда о жене сухорукой, которую Нестор слышал от самой исцеленной», и что автор «Сказания о чудесах» передает его «по другому м е н е е о с в е д о м л е н н о м у источнику».²⁶ В действительности мы видим как раз обратное — редакция чуда в «Сказании» гораздо конкретнее, полнее и живее.

Этот примечательный по своей историчности рассказ, кажется, не привлекая и должного внимания историков, приобретает особую значимость еще в другой связи. Известно, что в 1072 г., по случаю перенесения мощей Бориса и Глеба, в Вышгороде собрались Ярославичи вместе с крупнейшими представителями феодальной знати и составили знаменитые дополнения к «Русской Правде» — «Правду Ярославичей». В ней есть 23-я статья о 80-гривенном штрафе, который установил Изяслав за своего конюха, «его же убиле Дорогобудци».²⁷ Комментаторов этой статьи интересовало содержание самого юридического казуса и время введения этого штрафа.²⁸ М. Н. Тихомиров метко определил связь возникновения «Правды Ярославичей» с подъемом крестьянских и городских восстаний 1068—1071 гг.²⁹ и датировал убийство Изяслава конюха под Дорогобужем 1068 или 1069 г.³⁰ Естественно напрашивается сопоставление этой статьи «Правды» об убийстве в Дорогобуже княжеского конюха, давшем повод узаконить поразительно высокий штраф в 80 гривен, ограждающий жизнь конюха — не очень значительной фигуры в княжеском хозяйстве, с рассказом о дорогобужской же вдове. Она также испытала жестокую кару Николы за вольнодумную фразу о том, что бедным нечего ходить в церковь; в этой связи и введена в рассказ сентенция о «справедливости» княжого суда, якобы ставшего на защиту холопских прав. Думаем, что совпадение этих

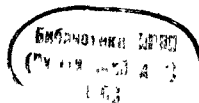
²⁶ С. А. Бугославский. К вопросу..., стр. 142—143.

²⁷ Правда Русская, т. I. М.—Л., 1940, стр. 80.

²⁸ Правда Русская, т. II. М.—Л., 1947, стр. 161—163.

²⁹ М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде. М.—Л., 1941, стр. 66—67.

³⁰ М. Н. Тихомиров. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955, стр. 108.

происшествий в Изяславовой вотчине под Дорогобужем и в самом городе не случайно. Можем с большой вероятностью думать, что оба они сигнализируют о каких-то крупных событиях в Дорогобуже — городе незначительном и упомянутом летописью лишь в связи с его передачей во владение родоначальнику гродненских князей Давиду Игоревичу. Когда же было организовано чудо с сухорукой?

Оно кажется точно датированным. В Несторовом «Чтении» указано, что оно произошло в день Успения богородицы, приходившийся на воскресенье. Эта календарная примета соответствует 1081 или 1087 г., что и позволило А. А. Шахматову датировать «Чтение» временем до 1088 г.³¹ Но было ли устроено само чудо также в эти годы, можно сомневаться. Любопытно, что в «Чтении» совпадение чуда с праздником Успения особо подчеркнуто специальной фразой: «бе бо неделя в ть день и Успение святые богородица». В этом нельзя не усмотреть стремления печерского монаха Нестора как-то сказать, что в чуде проявилось благоволение не только Бориса и Глеба, а и богородицы, Успению которой была посвящена «великая церковь» его монастыря. Может быть, о тех же печерских интересах говорит особая роль в чуде с сухорукой явления Николая-чудотворца. Его культ был популярен на Руси, и предполагают, что автором службы Николе был печерский монах Григорий — «творец канонов».³² Таким образом, действительная достоверность календарной приметы в рассказе о сухорукой не очень высока. К тому же в других рассказах о чудесах (кроме чуда с узниками) такой календарной точности нет. Сами авторы «Чтения» и «Сказания» хорошо знали фиктивность своих чудес и свободно обращались с их исторической привязкой. Вспомним, что чудо с узниками (о нем ниже), отнесенное Нестором ко времени Ярослава, в «Сказании» было связано со Святополком. Поэтому мы можем лишь говорить, что чудо с сухорукой было организовано после 1072 г., может быть вскоре после постройки новой церкви в Вышгороде. Существенна в этом плане хронологическая заметка, что чудо произошло через три года после того, как бедная раба пострадала за свое вольнодумство от расправы Николи и святых князей.³³ Нам кажется вероятным, что эта история с дорогобужской рабой, проявившей вольное отношение к церкви, имела место скорее всего в пору восстаний горожан и смердов в 1068—1071 гг., одним из эпизодов которых было и возмущение в дорогобужской же вотчине Изяслава, когда был убит старый княжеский конюх; 80-гривенный штраф, наложенный Изяславом и узаконенный «Правдой Ярославичей», свидетельствует о размахе дорогобужских событий. Глубоко прав М. Н. Тихомиров, указавший, что восстания 60-х годов распространились «на значительные пространства».³⁴

Если история с дорогобужским конюхом говорит о восстании в Изяславовой вотчине, то рассказ о дорогобужской рабе указывает на какие-то волнения в городе. Знаменитое «Слово о казнях божиих», составленное в связи с восстаниями 60-х годов, обращало внимание современников на

³¹ А. А. Шахматов. Разыскания... стр. 56.

³² Е. Голубинский. История русской церкви, т. I, ч. 2. М., 1904, стр. 400, прим. 1.

³³ Мотив о непосещении церкви в течение трех лет после происшедшего несчастья отразился в духовном стихе о Николе:

Что же ты не веруешь в святителя Миколу,
Не приходишь ты к соборной божьей церкви
Не много, ни мало — по три года...

См.: П. Безсонов. Калики переходные, вып. III М., 1861, стр. 560.

³⁴ М. Н. Тихомиров. Крестьянские и городские восстания... стр. 99

многие неправды господствующего класса, в частности говорило о неправедных судах, лишении наемных людей платы, порабощении сирот и вдов («насильствующая сироте и вдовици»).³⁵ На этот последний, видимо, особенно частый сюжет и откликается рассказ с сухорукой в «Сказании» — саму ее госпожа выгнала, а ее сына, рожденного на свободе, поработила. Вот тут-то и вмешался княжий суд, «оправдавший» рабу. Думаем, что действительно так и было, но, конечно, судьи стали за холопку против ее госпожи не от хорошего житья — в Дорогобуже обстановка была, видимо, не менее накаленной, чем в Киеве, где свои холопы удавили епископа Стефана.³⁶ Автор рассказа о сухорукой по понятным причинам умалчал об этой стороне дела, а о «справедливости» княжого суда сказал во весь голос.

По существу тему о справедливости суда развивает на своем материале и сам не очень обычный сюжет чуда. Его мораль сводится к тому, что даже сами святые князья совершили ошибку, столь жестоко расправившись с рабой, не пошедшей в церковь по вине госпожи, и сочли за благо простить грешницу и исцелили ее.

Таким образом, мы приходим к заключению, что в Дорогобуже, как и в княжеской вотчине под Дорогобужем, в 60-х годах поднялось народное восстание, составляющее звено крестьянских и городских движений этих лет.

История с дорогобужской рабой освещает и другую сторону восстаний 60-х годов. Они глубоко подрывали авторитет церкви. М. Н. Тихомиров связывает с этой порой рассказ патерика о прямом нападении на Печерский монастырь «разбойников», в которых исследователь законно видит восставших крестьян.³⁷ Вольнодумство дорогобужской вдовы не было частным случаем пренебрежения церковной службой, оно отражало, несомненно, какие-то более общие и угрожающие явления, — недаром на вдову ополчились даже «кроткие» святые князья. Опять-таки уже указанное «Слово о казнях божиих» перекликается и с этой деталью рассказа о сухорукой знаменитой тирадой о живучести язычества и предпочтении народом игрищу церковной службе: «Видим бо игрища утолочена... а церкви стоять (пусты); егда же бывает год молитвы, мало их обретаются в церкви».³⁸ Церковь встречала сопротивление народа и боролась с ним своими средствами. Если «Правда Ярославичей» была ответом на восстания со стороны «властей предержавших», то чудо с сухорукой, вторя «Слову о казнях божиих», присоединяло к мечу княжого суда «меч духовный», грозу кары свыше за пренебрежение к церкви. Несомненно, что и само пышное торжество с перенесением мощей Бориса и Глеба в 1072 г. было организовано с той же целью поднять авторитет церкви и напомнить о божественности княжеской власти, представленной святыми родителями.

Таким образом, конкретные подробности истории с дорогобужской рабой вполне реальны, а сам этот случай связан с восстаниями в Дорогобуже где-то в 1068—1069 гг. Думаем, что и само чудо было организовано вскоре после этих лет, — дорогобужская вдова пришла в Вышгород через три года после своего несчастья, т. е., видимо, в 1073—1074 гг., и ее исцеление продолжило цепь актов церковной пропаганды культа останков Бориса и Глеба, столь пышно водворенных в 1072 г. в новом храме.

Рассказы о сухорукой в «Чтении» и «Сказании» — это по существу р а з н ы е разработки одной и той же темы. Даже самый момент исцеления

³⁵ ПВД, т. I, Л., 1950, стр. 113.

³⁶ М. Н. Тихомиров. Крестьянские и городские восстания..., стр. 96—97.

³⁷ М. Н. Тихомиров. Крестьянские и городские восстания..., стр. 98.

³⁸ ПВД, т. I, стр. 114.

представлен по-разному (височные кольца и перстень и пр.). Откуда же попали эти новые, притом точные данные и политические добавления в рассказ о чуде с сухорукой в «Сказании»? А. А. Шахматов предположил, что источником «Чтения» и «Сказания» были записи о чудесах, ведшиеся при вышгородской церкви. Видимо, они были достаточно подробны, и Нестор мог опустить сочтенные им излишними подробности; автор же «Сказания» использовал запись полностью. Можно, однако, думать, что автор «Сказания» располагал своими сведениями и мог дать свое освещение и оценку событию, т. е. он был современником события и, более того, видимо, лично говорил с героиней чуда — дорогобужской вдовой.

Кто же этот автор?

Мы уже отметили, что в тексте о чуде с сухорукой в «Сказании» обращает на себя внимание появление попа Лазаря, «старейшины клириков» вышгородской церкви Бориса и Глеба. Он является здесь главным действующим лицом, «режиссером» и «свидетелем» исцеления сухорукой рабы. Фигура Лазаря не привлекла внимания исследователей; так, С. А. Бугославский лишь вскользь упоминал, что «второй автор» «Сказания о чудесах» был близок священнику Лазарю, бывшему затем епископом Переяславля-Южного и участвовавшему в перенесении мощей Бориса и Глеба в 1115 г.³⁹ Однако известно, что подобные упоминания определенных лиц иногда позволяли установить автора того или иного произведения, где он выводил себя в виде действующего лица. Так установлен автор рассказа об ослеплении Василька Теробовльского галицкий поп Василий, связанный с Выдубицким монастырем; так, в фигуре «княнина Кузьмищи» видели автора «Повести об убийстве Андрея Боголюбского» и т. д., поэтому и выдвижение в рассказе о сухорукой в «Сказании» Лазаря заставляет нас насторожиться.

Биография Лазаря может быть намечена довольно подробно. В момент перенесения мощей Бориса и Глеба в 1072 г. он был уже «старейшиной клириков», т. е. настоятелем, нового храма («и бе тогда держа Вышегород Чюдин, а церковь Лазорь»).⁴⁰ В 1088 г. Лазарь был уже игуменом в Выдубицком Михайловском монастыре Всеволода Ярославича, когда там освящалась новая церковь («а игуменьство тогда държащю того монастыря Лазореви»).⁴¹ 12 ноября 1105 г. он был поставлен епископом Переяславля-Южного.⁴² Далее, в 1115 г., он участвовал в перенесении мощей Бориса и Глеба,⁴³ и, наконец, умер 6 сентября 1117 г.⁴⁴ Существенно, что его сменил и на выдубицком игуменстве и на переяславской кафедре знаменитый Сильвестр, создавший в 1116 г. вторую редакцию Повести временных лет.⁴⁵

Таким образом, «старейшина клириков» вышгородской церкви Бориса и Глеба Лазарь был тесно связан с тем же церковно-политическим направлением, что и Сильвестр. Нельзя не отметить, что в рассказе о сухорукой в редакции «Сказания» совпадение чуда с праздником Успения не подчеркнуто, об этом сказано между прочим, исчез и играющий столь вид-

³⁹ С. А. Бугославский. Памятки..., стр. XIV; С. А. Бугославский. 1) Древнерусские литературные произведения о Борисе и Глебе, стр. 182; 2) К вопросу..., стр. 134—135.

⁴⁰ ПВА, т. I, стр. 121.

⁴¹ ПВА, т. I, стр. 137; Амвросий. История Российской иерархии, т. III, М., 1811, стр. 629; П. Строев. Списки иерархов... СПб., 1877, столб. 23 (указан со знаком вопроса).

⁴² ПВА, т. I, стр. 185.

⁴³ ПВА, т. I, стр. 199.

⁴⁴ ПВА, т. I, стр. 202.

⁴⁵ П. Строев. Списки иерархов..., столб. 23 и 1047.

ную роль в изложении Несторова «Чтения» Никола, но выдвинулись Борис и Глеб. Словом, здесь проявилось критическое отношение к литературному творчеству печерянина Нестора. Вместе с тем рассказ о сухорукой наполнился живыми бытовыми и социальными ситуациями, явно выхваченными из жизни, к которым умело привязана сентенция о справедливости княжого суда. Все это, как мы заметили, было, вероятнее всего, материалом собственных воспоминаний автора «Сказания», который явно был соучастником устройства чуда и имел свою информацию от дорогобужской вдовы. Можно думать также, что Лазарь, будучи в 1072 г. главой вышгородских попов, стал причастен и к совещанию Ярославичей и мог знать о дорогобужских событиях и из уст самих господ.

Все это дает нам основание считать, что новую редакцию рассказа о сухорукой составил Лазарь. Возможно, что именно в этой редакции было освещено чудо и в соответствующей вышгородской записи, сделанной, конечно, тем же Лазарем. Однако в рассказе Несторова «Чтения» он отсутствует, — в этом можно видеть проявление обычной манеры Нестора обезличивать рассказ. Но не исключено, что в данном случае имело место сознательное нежелание печерского автора выдвигать вышгородского попа, — видимо, и здесь сказалась конкуренция двух церковных организаций: печерского монастыря и вышгородских клириков. Естественно, что Лазарь восстановил истину и ввел в свой рассказ самого себя в почетном сане «старейшины клириков».

Обратимся к другим вопросам, где и когда включился Лазарь в литературную работу, ограничилась ли его роль только переработкой рассказа о чуде с сухорукой, наконец, почему и чем отличны замысел и литературный стиль «Сказания» от замысла и стиля «Чтения»?

3

Обратимся сначала к «Сказанию о чудесах». Его общая датировка временем после 1115 г. достаточно прочно обоснована А. А. Шахматовым. Тем же исследователем, равно как и рядом других, с полной ясностью определена политическая тенденция последней части этого произведения, написанной с отчетливым стремлением выдвинуть значение Владимира Мономаха в прославлении Бориса и Глеба. Оба эти положения можно лишь уточнить и детализировать, развивая сказанное выше о причастности к работе над «Сказанием» Лазаря.

Потребность в создании нового литературного произведения о чудесах Бориса и Глеба диктовалась, в частности, стремлением укрепить их культ в глазах простого народа, который не проявлял особого почтения ни к религии, ни тем более к святости останков князей. Если митрополит-грек Георгий, зная настоящую цену чудесам вообще и имея веские политические причины не способствовать прославлению русских чудотворцев, «не твердо» верил «къ святыма», то тем более в простом народе трудно было внедрить и укрепить такую веру — многие, приходившие в Вышгород, весьма явно высказывали свое отношение к святости князей, они «не вероваху, нъ акы лъжю мняху».

Случай с вольнодумной дорогобужской рабой, признание «Слова о казнях божиих» в растущей непопулярности пустующих церквей, нападение восставших крестьян на Киево-Печерский монастырь, давление своими холопами епископа Стефана — все это свидетельствует, что вместе с ростом сопротивления народных масс вообще росло их сопротивление и церковной пропаганде, а позиции церкви угрожающе слабели. Росла и грамотность горожан, они теперь могли сами читать. Теперь к ним не только можно, но и нужно было обращать устную проповедь и литературные сред-

ства пропаганды. Все это не могло не отразиться на характере этой литературы. Ее значение возрастало, она становилась весьма ответственным делом, от постановки которого зависел успех церковной пропаганды против «невгласей», которые попросту считали ложью святость и чудотворность реликвий. Теперь было недостаточно просто прокламировать чудеса, как это делал Нестор, — теперь они ставились на суд народа и, как на суде, требовалось выставлять «послухов» и «видоков» этих чудес. Нужно было всемерно обосновывать реальность чудесных событий, доказывать их с привлечением точных фактов и дат, ссылаться на очевидцев и свидетелей, называя их имена и указывая место жительства. Этим выдвинутым самой жизнью, нарастающей классовой борьбой горожан и крестьянства требованиям, конечно, никак не удовлетворяли ни великолепное и утонченное «Слово» митрополита Илариона, ни тем более отвлеченное и лишенное конкретности, но обильное пустыми цветами церковного красноречия «Чтение» Нестора.

Эти новые условия накладывают свой властный отпечаток на развитие психологии общества вообще и характер литературы в целом, в ней начинают звучать явно слышимые ноты реализма. Они звучат в летописном труде мудрого Никона, вводящего в повествование хронологическую канву и обогащающего запас исторических сведений широким привлечением разнообразных источников; они сказываются в Начальном своде и в «Поучении» Мономаха. Сами церковники проявляют явное стремление подвести прочный эмпирический фундамент под свою пропаганду, собрать факты, подтверждающие создаваемые ими чудеса и мифы. В этой связи следует подробнее остановиться на существенном для нашей темы выдающемся памятнике — «Житие и хоженье Данила, Русьския земли игумена».

Игумен одного из черниговских монастырей Даниил совершил свое путешествие в Палестину в 1106—1108 гг. и составил свое «Хождение» до 1113 г.⁴⁶ Добротный русский человек практического ума и пытливой мысли, горячо любящий родину, по-деловому дорожающий представляемой им религией, Даниил сам ясно формулирует основную задачу предпринятого им трудного и опасного путешествия: собрать документальный материал о действительности библейских и евангельских легенд и дать точное и объективное описание виденного.

Его путешествие было, по-видимому, хорошо обеспечено, хотя он и говорит уничиженно, что он путешествовал, «имея в руку мою худаго моего добыточка», т. е. на скромные собственные средства.⁴⁷ Однако далее он сообщает, что смог нанять в лавре Саввы ученого старого монаха, послужившего ему гидом по святым местам — Палестина представляла собой тогда своеобразный, хорошо организованный музей, документировавший многочисленными объектами библейско-евангельскую мифологию. Далее, Даниил смог дать «нечто мало» ключарю гроба господня, чтобы попасть туда одному, смерить «собою» (т. е. своим ростом) гроб господень и отломить от него, под клятвой сохранить это втайне, кусочек; конечно, это стоило крупной взятки.⁴⁸ Наконец, Даниил смог «отпеть» 90 литургий за живых и мертвых князей и всех христиан, а также записать в синодик лавры святого Саввы и других мест русских князей — Святополка, Владимира Мономаха, Давида и Олега Святославичей и Глеба Минского, «опроче всех князь русских и о болярех».⁴⁹ Все эти вещи стоили очень дорого. Можно, следовательно, думать, что путешествие Даниила было хорошо обеспечено

⁴⁶ История русской литературы, т. I, стр. 366.

⁴⁷ Житие и хоженье Данила, Русьския земли игумена СПб, 1885, стр. 4.

⁴⁸ Житие и хоженье... стр. 138—139.

⁴⁹ Житие и хоженье... стр. 140—141.

не только его «худым добыточком», но и крупными средствами иного происхождения.

Обращаясь к своим читателям с мольбой: «не зазрити худоумию моему и грубости моей», Даниил называет их «братие и господья мои»,⁵⁰ т. е. его «Хождение» было составлено для его собратий средних духовных чинов — игуменов и попов, и для высших светских и духовных господ — князей и епископов. Они и послали умного игумена в «святую землю», щедро обеспечив его средствами. Основными вкладчиками этого предприятия были, очевидно, поименованные Даниилом владельческие князья — участники строительства храма Бориса и Глеба в Вышгороде. Упоминание Глеба Минского, умершего в 1119 г., противника Мономаха, было связано, видимо, с уважением Даниила к Глебу, так как этот князь при жизни вместе со своей женой сделал огромный вклад золотом и серебром в Печерский монастырь и построил там в 1108 г. «трапезницу».⁵¹ Эта деталь позволяет думать, что Даниил был выходцем из рядовых монахов Печерского монастыря.⁵²

Даниил не выдает прямо своих политических симпатий, хотя, видимо, он сочувствовал представлениям киево-печерских монахов об идеальном князе, которые впоследствии воплотил в своем автопортрете Владимир Мономах. Так, Даниил хвалит иерусалимского Балдуина I, «якоже есть мужь благодатен и смирен велми и не городить ни мала», хотя по его приказу в праздник гроба господня «разгнаша люди насиле[м] и створиша яко улицю олне до гроба».⁵³

Сказанное позволяет думать, что Даниил был тесно связан с теми же княжескими и церковными кругами, которые всячески развивали культ Бориса и Глеба и вели борьбу за вышгородские реликвии. Отсюда же и исходила инициатива путешествия Даниила-игумена в Палестину.⁵⁴

Чем же было вызвано это предприятие? Об этом Даниил говорит с полной определенностью. Он с удовлетворением отмечает, что вот он обошел лично «вся та святаа места, куда же Христос бог наш походил своима ногама. . . то же ми показа бог видети и обиходити ногама своима недостойныма и видех очима своима грешныма всю ту землю святую и желанную. Не ложно, по истине, яко видех, тако и написах о местех святых; мнози друзии, доходивше мест сих, не могоша испытати добре, блазнятся (т. е. соблазняются) о местех сих, а инии, не доходивше мест сих, лжут много и блядуть».⁵⁵ Здесь речь идет не только о том, что многие паломники после ознакомления с палестинскими реликвиями возвращались на родину полными заблуждений, сомнений и соблазнов. В русских былинах отражен образ такого «паломника» Васьки Буслаева, не веровавшего «ни в сон ни в чох», смело купавшегося в Иордане, видимо, сняв «порты», тогда как полагалось купаться в сорочке, ткнувшего ногой чьи-то кости и прыгавшего через священный камень «на горе Сорочинской», за что буйный новгородец и полатился жизнью.

Даниил не раз дает понять, что его тревожит общее состояние христианской веры, пока далеко не завоевавшей себе бесспорного признания на Руси. Так, рассказывая об одном из наиболее тонко поставленных чудес — о схождении небесного огня на светильники у гроба гос-

⁵⁰ Житие и хоженье. . . , стр. 141 (или «братие и отци и господие мои» — стр. 125).

⁵¹ Ипатьевская летопись под 1108, 1119, 1158 гг.

⁵² В. В. Данилов. К характеристике «Хождения» игумена Даниила. ТОДРЛ, т. X. Л., 1954, стр. 103.

⁵³ Житие и хоженье. . . , стр. 126—132.

⁵⁴ Ср.: В. В. Данилов. К характеристике «Хождения» игумена Даниила, стр. 94.

⁵⁵ Житие и хоженье. . . , стр. 101.

подня, он сразу же вспоминает, что ему могут не поверить, и записывает следующее размышление: «Иже бо не видев тоа радости в той день, то не иметь веры сказажущим о всем том видении; обаче мудрии и вернии человеци велми веруют и въ сласть послушают сказания сего и истинны сеа и о местех сих святых. Верный в мале и во мнозе верен естъ, а злу человеку неверну истина крива стваряеться».⁵⁶ И тут же в расчете на сомнения неверных, которые даже «истину» превращают в ложь, Даниил ссылается на «послухов» и «видоков»: «Мне же, худому, бог послух есть и святой гроб господень, и вся дружина, Русьстии сынове, приключышия в той день новгородци и кияне: Изяслав Ивановичь, Городислав Михайловичь, Кашкича и инии мнози, они то сведают о мне худом и о сказании сем».⁵⁷ Серьезность ссылки на свидетелей, от самого господа бога до живых людей говорит о серьезности положения — нужно было документировать и доказывать каждый свой шаг. Авторитарность средневекового мышления явно не прививалась к сметливому и практическому русскому народу. Это определило и содержание и стиль «Хождения».

«Хождение» Даниила — это по существу протокольная, точная запись слышанного и виденного в «святой земле», своего рода путеводитель по стране чудес и реликвий с указанием их реальных подробностей, расстояний и т. п. Все эти урочища, храмы и памятные места являются в глазах Даниила вещественными, т. е. наиболее убедительными доказательствами церковной мифологии. Подобно Никону, вводящему в систему построения русской истории «археологические» памятники,⁵⁸ Даниил подчеркивает, что многие из реликвий — «ветхие», т. е. древние и подлинные, памятники священной истории. Так, апостол Тимофей «в ветсем гробе лежит. И ту есть в ветсей церкви икона святыа богородица, ею же святии препреша Нестория еретика».⁵⁹ «Ветха я же церкви Святаа Святых разорена есть и несть ничтожь от перваго здания Соломония знати, и токмо знати насоп церковный (т. е. холм над его руинами)».⁶⁰ Далее, в «археологическом дневнике» Даниила описано древнее городище, поселение библейского Ханаана на Хевроне: «Хеврон же гора есть велика и град был на горе той велик и тверд велми, и здания его суть ветхаа; сильно множество людей седело перво по горе той и ныне же есть пусто».⁶¹ Такие запустевшие городища со следами былой жизни Даниил мог видеть и на родине. С такою же документальностью описано множество палестинских «святынь» с их размерами и внешним видом вплоть до пенька, на который Закхей «бьяше взлезл, хотя видити Христоса», и т. п.

В случаях же особенно сложных чудес, не поддающихся примитивному, «вещному» истолкованию и подтверждению, Даниил прибегает к другим аргументам. Так, сошествие «святого духа» на воды иорданские «видять достойнии человеци добрии, а вси народи не видят ничтоже», т. е. это чудо для избранных.⁶² В то же время по поводу упомянутого выше чуда «о свете небесном, како сходит ко гробу господню», сам Даниил возражает тем, кто

⁵⁶ Житье и хоженье... стр. 135—136.

⁵⁷ Житье и хоженье... стр. 136. У арабских авторов упоминается знаменитое «чудо» о сжигении огня, которое они прямо называют «тонкой хитростью» попов и которому дают рациональное объяснение (см.: И. Ю. Крачковский. Благодатный огонь. По рассказу ал-Бируни и других мусульманских писателей X—XIII вв. Христианский Восток, т. III, вып. 3. Пгр., 1914, стр. 225—242).

⁵⁸ М. К. Каргер. К характеристике...

⁵⁹ Житье и хоженье... стр. 7.

⁶⁰ Житье и хоженье... стр. 31.

⁶¹ Житье и хоженье... стр. 72.

⁶² Житье и хоженье... стр. 48.

хотел бы его истолковать упрощенно: «Мнози бо странници неправо глаголють о схождении света святаго; ин бо глаголетъ, яко святыи дух голу- бем сходит ко гробу господню; а друзии глаголють: молнии сходить с не- бесе и тако вжигаются кандила над гробом господнимъ. И то есть лжа и не правда: ничтоже бо есть не видети тогда ни голубя, ни молнии, но тако невидимо сходит с небеси благодатию божиею и вжигает кандила в гробе господни». И далее, чтобы у читателя не было подозрения в какой-нибудь подделке и хитрости церковников, удостоверяет, что все огни в храме тушат и гроб запечатывают, а «кандила» все-таки «вжигаются».⁶³

Труд Даниила не только служил хорошим пособием для церковников, нуждавшихся в своде доказательств в своей пропаганде или в спорах с «не- верными» людьми. Его «Хождение» могло свободно читаться и грамотным горожанином. Не случайно сам Даниил указывает, что он писал «не хитро, но просто».⁶⁴

Разбор «Хождения» Даниила показывает, как приходилось перевоору- жаться русскому духовенству, чтобы укрепить свои позиции в борьбе с со- противлением народных масс. «Хождение» приобрело особую актуальность сразу же после его появления. Киевское восстание 1113 г. грозило обру- шиться и на монастыри и церкви.⁶⁵

Эта же накаленная обстановка определила судьбу Несторова «Чтения», срочную необходимость в новом произведении о чудесах Бориса и Глеба, а вместе с тем обусловила задачу и самый стиль «Сказания о чудесах». Оно прежде всего должно было убеждать, должно было точно засвидетель- ствовать, обставить фактическими данными и показаниями «самовидцев» чудеса святых князей для устранения сомнений «невегласей» в их досто- верности. Здесь опыт игумена Даниила и его «Хождение» могли быть ис- пользованы. Это была не только продиктованная ходом классовой борьбы деловая установка для писателя-церковника, это в известной мере было вынужденным сближением его мышления с мыш- лением народа, его приемов с принципами народного творчества, народной мифологии.

Осуществление народных чаяний о социальной справедливости, о сча- стливой и радостной жизни было веками недоступно народу. Чувство бес- силия перед силами природы и перед навалившимся на народ гнетом господ было особенно остро в начальный период феодализма, когда еще были живы воспоминания о патриархальной свободе ремесленника и смерда. Поражения разрозненных и стихийных восстаний усиливали это сознание и обновляли почву для отражения народных чаяний в форме светлой сказки и фантастической выдумки, полной «чудесных» — потому что несбыточ- ных — картин, вмешательства добрых и злых сверхъестественных сил в жизнь и судьбу человека. При этом фантазия была конкретной и реали- стической по своему поэтическому оформлению, была своеобразной и правдой, а невероятность выдумки не воспринималась народом как ложь.

Если Несторово «Чтение» превращало действительность в лишенный пространства мир безымянных лиц и неведомых мест, видимо, исходя из мысли, что это более приличествует высокому значению проявлений боже- ственного промысла и что вера не требует доказательств, то жизнь на- голову разбила отвлеченную идеалистическую творческую концепцию писа- теля-монаха. Концепция эта была мимо цели и сразу же отстала от острых требований жизни. В этом была основная причина «непопулярности» «Чтения».

⁶³ Житие и хоженье... стр. 126—127.

⁶⁴ Житие и хоженье... стр. 126.

⁶⁵ ПВЛ, т. I, стр. 196.

Принцип «Сказания» совершенно иной — его автор сознательно ставится на народную позицию создания сказочного вымысла как действительности. Поэтому он не смог почерпнуть многого в этом смысле из труда своего предшественника и обратился, для освещения отдаленных тем, непосредственно к летописи, данные которой теперь были несравненно богаче, чем в XI в., а то, что было ближе, обогащал из запасов своей собственной памяти.

Особенно выразителен в этом отношении рассмотренный выше рассказ о чуде с сухорукой. Под пером Лазаря он пополнился реальными и точными подробностями и обрел животрепещущую социальную остроту. Само введение в рассказ собственной фигуры Лазаря было не только данью гордости и честолюбию маститого и близкого к самому Мономаху иерарха. Важнее другое — его, Лазаря, конечно, хорошо знали, и появление его в качестве главного соучастника и свидетеля чуда — исцеления сухорукой — повышало в глазах читателя его реальность.

То же стремление доказать реальность чуда явно сказалось в повествовании об узниках. Мы его приводим полностью ниже и еще вернемся к его анализу. Здесь же отметим лишь некоторые любопытные моменты. С наивной непосредственностью автор заставляет самих Бориса и Глеба позаботиться о доказательствах своего явления и освобождения заключенных. Выпустив одного, они ослепляют и оставляют в темнице другого «на уверие прочим еда не начнут вы веры яти». Иными словами, здесь доказательства усилены, — человеку могут не поверить, и, чтобы подкрепить его показания о чуде, вводится как бы «вспомогательное чудо». ⁶⁶ Ту же цель усиления конкретности вымысла преследовало возвращение в «Сказание» личных имен, социальных характеристик действующих лиц, географических названий и различных бытовых реалий и т. д. Как и в рассказе о чуде с сухорукой, в рассказ о чуде с узниками введены реальные, выхваченные из жизни детали.

Особенно интересно в этом смысле описание обстановки самой тюрьмы и обстоятельств освобождения узников. Они содержались в большой земляной тюрьме — «погребе». Интересен сам термин — заключенные как бы погребены заживо в земле. Яма была, очевидно, перекрыта накатом, засыпанная землей. В этом своем виде земляная тюрьма напоминала так называемую срубную могилу. В момент чуда дверь, вернее люк в этом накате, был не только «заключен», т. е. заперт на ключ, но и «погребен», т. е. тоже завален землей, а лестница, по которой можно было спуститься в погреб, была вытащена и лежала «въне», т. е. снаружи. Видимо, дело узников было, как говорится, пропавшее, так как из летописи известны случаи, когда погребенные в подобных «земляных мешках» узники умирали от удущья, что иногда входило в планы заточивших их князей, т. е. «заключенные» гибли «нужной смертью».

Точность описания земляной тюрьмы поразительна! ⁶⁷ Хорошо описаны

⁶⁶ Д. И. Абрамович. Жития... стр. 61—62.

⁶⁷ В своей работе — житице IX—XIII вв. (История культуры древней Руси, т. I. М.—Л., 1951, стр. 226—228) я ошибочно объединял земляную тюрьму — «погреб» и бревенчатую тюрьму — «поруб». В рассказе о киевском восстании 1068 г. встречаются оба термина. Это обстоятельство позволило Л. В. Алексееву восстановить две версии рассказа о восстании — южную и северную (Полоуккая земля в IX—XIII вв. Кандидатская диссертация. Автореферат. М., 1955, стр. 12). Устройство тюрьмы наследовало местную домостроительную традицию: южный «погреб» восходил к полужемляночным жилищам, северный «поруб» — к срубным постройкам. Иллюстратор оригинала Радзиловского списка летописи в миниатюре освобождения Всеслава изобразил именно бревенчатую тюрьму — «поруб» (см.: История культуры древней Руси, т. II. М.—Л., 1951, рис. 9). В «поруб» же был заключен в Пскове князь Судислав (ПВЛ, т. I, стр. 102).

и оковы, сходные с кандалами недавнего времени, пережившими почти без изменений всю кровавую тысячелетнюю историю классового общества в России. Освобожденный чудом Бориса и Глеба узник, проснувшись вне темницы («на погреб»), увидел вокруг себя «железа изламана», т. е. обломки разбитых цепей, а «обруча, яже о ногу его» были «извиты, аке уже», т. е. перекручены сверхъестественной силой, как веревки.

И земляные тюрьмы и цепи были хорошо знакомы читателям «Сказания» и господам, и «простьцам», конечно, последним куда ближе. Да и самый факт разбития оков, может быть, не представлялся людям того времени столь «чудесным» — тогда на Руси еще не перевелись рассказы о богатырях, способных голой рукой вырвать кусок кожи у разъяренного быка. А самый образ посаженного в «погреб» «мужа» напоминает образы былинных богатырей, попадавших в княжью немилость: «во погреба холодные» был посажен Ставр Гоудинович; могучий Илья Муромец, способный «выпинуть» «двери и колоды» «погребов глубоких» и «без ключей замочки отшелкивать», сам был заключен Владимиром в погреб, на который

Навалили дубья-колоды со всех сторон,
Да засыпали песками желтыми,

как были засыпаны в погреб и вышгородские узники.

Так, силой классовой борьбы, требовавшей от церковного писателя, вступавшего в борьбу с «шатанием» и мятежом народа, новых средств убеждения, в его труд входил дух историзма и жизненной правды в его средневековом понимании, а следом за ними и освоение приемов народного творчества.

4

«Сказание о чудесах» тесно связано с современной ему литературой и общественной жизнью существенной стороной своего содержания.

В конце XI—начале XII в. под давлением того же сопротивления угнетенных классов складывается характерная концепция церковно-политической пропаганды — теория общественного примирения, всеобщего согласия и гражданского мира. Ее появление во второй половине XI в. и развитие в начале XII в. детально прослежено в исследовании И. У. Будовница.⁶⁸ Эта теория нашла отражение в «Изборнике» Святослава 1076 г., Начальном своде и «Поучении» Мономаха. Ее смысл — в рекомендации господам кротости и человеколюбия в отношении к подданным, милостыни — бедным, осторожности в обращении с «меньшими», чтобы «не разгневать мужа в нищете его». А для народа проповедуется терпение к социальным несправедливостям, покорность господам и властям предрержащим и безропотный труд. Эта весьма утонченная и опасная для народа пропаганда имела задачей сгладить социальные противоречия, смягчить недовольство угнетенных классов. Исследователь справедливо полагает, что такие сборники правил житейской морали, как «Изборник» 1076 г., были рассчитаны не только на потребу социальных верхов, но и для назидательного чтения «рабам» и «убогим» их господами.⁶⁹ В «Поучении» Мономаха звучит та же проповедь терпения и всепрощения и рисуется вполне идеалистический образец феодала, пекущегося о народе, гуманно и справедливо судящего своих худых смердов и убогих вдовиц, защищающего своих людей от произвола вотчинной администрации. Мономах дважды обращается к теме

⁶⁸ И. У. Будовниц. «Изборник» Святослава 1076 г. и «Поучение» Владимира Мономаха и их место в истории русской общественной мысли. ТОДРА, т. X. М.—Л., 1954, стр. 44—75.

⁶⁹ И. У. Будовниц. «Изборник» Святослава 1076 г. ..., стр. 52.

суда. «Избавите обидима, судите сироте, оправдайте вдовицу», — цитирует он пророка Исанию и снова в другом месте повторяет этот совет уже от себя: «вдовицу оправдайте сами, а не вдавайте сильным погубити человека».

Та же пропаганда социального мира, охраняющая феодальные порядки и зывающая к смирению угнетенных, прониживает и «Сказание о чудесах».

Мы уже отмечали сюжет «справедливого суда» в рассказе о сухорукой. Здесь эта тема преподносится уже не от лица земных владык, но от лица самих святых князей. Они показывают образец правдолюбия, «оправдав» дорогобужскую вдовицу и отменив свое же несправедливое возмездие ей.

Этот же сюжет с еще большей остротой разрабатывается в знаменитом рассказе о чуде с узниками. К сожалению, он лишен той исторической и топографической конкретности, которой характеризуется рассказ о сухорукой; может быть, это потому, что он целиком — плод вымысла, имевшего определенную практическую цель; мы не знаем ни места, где это событие произошло, ни его даты, хотя в «Сказании» назван даже день чуда — «баше же в днь четвертък», а само событие кажется происшедшим в Вышгороде. Существенно, что в «Чтении» событие приурочено ко времени Ярослава, здесь же оно с легкостью перенесено во времена Святополка. Изменение редакции рассказа об узниках от «Чтения» к «Сказанию» говорит о нарастании остроты вопроса о несправедливом суде.

В «Чтении» еще по существу нет мотива несправедливого суда. Старейшина града осудил неких мужей и посадил их в погреб. Здесь они раскаялись «о первом согрешении своем», призывая помощь Бориса и Глеба. Святые не замедлили торжественно явиться на конях, предшествуемые отроком со свечой; освободив узников, они сказали, что в связи с их раскаянием судья не сможет сотворить им никакого зла и отпустит их с миром. На крик узников, изумленных видением, прибежали сторожа и увидели, что узилище разметано. Сторожа известили о чуде судью, тот еще расспросил о чуде самих узников, изумился, отпустил их с миром и извещил об этом «христороубца» Ярослава. Князь приказал заровнять место темницы и создать на нем церковь во имя святых князей, которая якобы «и донныне есть». Нестор заключает свой рассказ указанием, что святые князья таким же образом освобождали многих закованных в железа и заточенных в погребах не только в этом городе, но и «на всех местех». Это такое же «аморфное» чудо, как и все рассказы о деятельности святых князей как целителей. Мораль рассказа Нестора проста: суд в общем прав, наказание — средство для покаяния, покайтесь и помолитесь Борису и Глебу, и судьи отпустят вас с миром.⁷⁰ С. А. Бугославский считает, что Нестор переработал материал «Сказания» из сочувствия Святополку, при котором история с узниками и произошла. Переработка материала была произведена «настолько, что он возможно меньше напоминал о действительно совершившемся событии», и хотел обезличить рассказ.⁷¹ Как увидим далее, Нестор сокращал не «Сказание о чудесах», которого еще не было, а вышгородские записи.

Совершенно иначе звучит рассказ «Сказания», полный драматизма и реальных подробностей. От Нестора заимствован по существу лишь сюжет, и то в самой общей форме — освобождение узников, но сама аранжировка рассказа обрела неслыханную для церковного, житийного повествования социальную напряженность и остроту. Как и рассказ о сухорукой, этот

⁷⁰ Д. И. Абрамович. Жития ..., стр. 20.

⁷¹ С. А. Бугославский. К вопросу..., стр. 165—167.

текст «Сказания» настолько интересен, что его следует привести полностью.⁷²

Святопльк князь въсадил бяше в погреб два мужа, не в которей вине худе окована, и не справив, нь послуша облыгающих, забыв реченаго Давидьмь пророкъмь: «не прильпе мне сръдце лукаво, и злаго не познах, оклеветающего таи ближняго, таковааго изгонях». Въсадив же убо сия, и в забытья я положи. Она же, суща в такои беде, много молястася святыма стратотерьпцама, и по вся неделя въдаста стражеви тому, да купив просфору, доносить в църковь святоу мученику Романа и Давида. И многу же времени минувъшу, а онема ту пребывающема в печали и тузе. И молястася, и призываста святая Христова стратотерьпца, яже не презрета ею, нь спасающа и заступающа, и пособствующа быста има. Сидьмь убо образьмь. Двьрмь сущем погребеным заключеном, онема же утръ спящема, и инем многом, лествици же вьне лежащи извлечене, — в нощи вьнезапу един от нею вьне бысть, на погребѣ съпя. Убужь же ся, видеса прост от оков, и възррев, виде железа, иже беша на немь и на подрузе его, изламана лежаща окръст его и обруча, яже о ногу его, извита акы уже. И вьстав, прослави бога и святая его угодника. И вспомянув, яже бе видел, и призывав стража, показаше ему все бывшее, и глаголааше: «поведи мя к църкви преславноу Христову мученику». И пришед же в църковь на утрънии — бяше же в днь четвертък — и покланяся пред святыма ковчегома, съказаше пред всеми клирики и людьми, сущими в църкви, сице рекыи. «Нама убо спящема, и инем мъножаншем, утръ в тьмьници, вьнезапу бысть акы отьят покров, и нама зрящема — вьнидоста святая и рекоста: «по что съде пребываета?». Сице отьрекохове: «такое воля есть княжа, оклеветана бо есве». Святая же рекоста к нима: «Се повелевае вама, иди ты в църковь и повежь сице, яко же еси видел, а сего подруга его оставяе утръ, еще же и слепа его сьтворихове на уверие прочим, еда не начьнуть вы веры яти. Сама же в отьходиве до Грьчьскы земля, и по трьх дньх възвративъшася, и присетиве его, сьтвори и видяща. И тьгда, шедьша, глаголета князю: «по что сице твориши, а не исправляя, томиши и мучиши? Нь аще ся сего не покаши, ни останеши, сице твоя, то весто ти буди, яко съблюдаея пребывай, еда не избудеши». И си изглаголавъша, и ина к сим, не видима быста от наю. Си убо аз, видев, съказах, братия моя, вам, да аще хочете истее видети или слышати, идем к погребу». И шедьше к погребу, видеша ключа невреженыи и замьк, лествицу же, по неиже съходятъ и исходятъ, вьне лежащю, и удививъшася, прославиша господа и святая. Отвьрьше и вьшдьше, видеша оного, его же рекохом, подруга приседяща, слепа тако яко ни векомь, ни рязнам не познатися, уз же не имеюща. И вьпрашаим, сице поведаше. Тогда отьпущена бывъша, и не отьходяста от църкъве день и ношь. Паче же и ослеплены, акы поносы имьи кь святыма, и акы дълга прося, и припадая къ гробома, и моляся, глаголаше: «О, святая угодника Христова! не презьрита, ни забудета, имже обещаастася, даруита ми, обет дължна ми еста». Сице же творяше по вся дьни тришьды, дондеже бысть в днь недельный. И пришед по обычаю, моляшеся сице же на утрънии, дондеже и поющем вопль его сьтужи, яко прогнелатися и рещи: «отвлещи лепо есть слепьца сего, яко не лье имь пети». Ти яко пребываше бяися и припадая пред святыма, и вьпя: «помилуйта мя, понеже обещаста ми ся!» И вьнезапу обративъся, рече: «зовете-кирелеисовя! Видите славу божию и святоу? Се вижю!». И бяша очи ему сьдраве, акы не имевъши болести, ни слепоты николи же. Тьгда вси прославиша бога и святая стратотерьпца, и шдьша же, поведаста кь князю Святопльку, яже видеста и слышаста. И отьтоле не многими насильствоваше людемь, и на времена многа преходяше творяше празьдник Вышегороде, часто приходя летьмь.

Как видим, история с узниками приобрела очень детализированный и политически заостренный характер, превратившись в большое повествование, волнующее и конкретное. Основная завязка выглядит совсем по-другому, чем в «Чтении». Там узники виноваты и каются. Здесь виноват во всем случившемся сам князь Святопльк — это он не разобрался сам в составе обвинения и доверился клеветникам, заточил невинных и даже забыл о них. Узники не без насмешки и злой иронии говорят Борису и Глебу, что такова воля князя — осуждать по клевете! Святые приказывают узникам по освобождении идти прямо к князю, спросить его, почему он томит и мучает невинных и не исправляет своей ошибки, а если он не раскается, то ему надлежит остерегаться («съблюдаея пребывай, еда не избудеши»). Чего должен опасаться неправедный князь — не сказано: может быть, это указание на гнев святых, способных уйти в греческую землю, а может быть.

⁷² Д. И. Абрамович. Жития... стр. 60—62.

и на возможность возмущения народа. Тут автор использует «Слово о князях божиих», где устами пророка неправедные судьи призываются к раскаянию: «Почто не сдерзастесь о гресех ваших? Но уклоните законы моя и не охраните их». Когда о случившемся чуде узнал Святополк, он якобы «отътоле не многыими насильствоваше людем».

Конечно, Святополк давно истлел в своей гробнице в соборе Михаила, когда писался этот рассказ, — «мертвые срама не имут», а отношение Мономаха к покойному двоюродному брату было весьма отрицательным. Однако почти памфлетная острота обличения, какой пронизано это повествование, продиктована иным. Она свидетельствует еще раз о подлинной силе восстания 1113 г. и тревожной обстановке последующих лет, заставившей автора оставить корректный и мягкий тон «Поучения» Мономаха и угрожающе повысить почти до окрика свой голос писателя, чтобы образумить ставших на край гибели феодальных владык и установить вождельный социальный мир с помощью авторитета святых феодалов Бориса и Глеба.

Большой художественной и впечатляющей силой проникнут и сам богатырский образ освобожденного, вопреки княжому суду, узника, увидевшего себя на воле и лежащие вокруг сбитые чудесной силой разломанные звенья цепей и скрученные, как веревки, обручи кандалов. Этот образ был дорог народу и ужасающ для господ.

Самый сюжет о невинно заключенных и освобожденных узниках имел не только злободневный социальный смысл вообще, что, конечно, было основным, но он откликался и на наверно еще памятную реальную историю киевского восстания 1068—1069 гг. Тогда вероломно захваченный Ярославичами Всеслав Полоцкий был заточен в погреб и был освобожден восставшими киевлянами. Здесь ту же операцию проделывают сами святые князья, становящиеся на сторону оклеветанных, проявляя невиданную дерзость и подрывая авторитет власти. Может быть, и мотив ухода Бориса и Глеба на три дня «до Грьчьскы земля» откликается на угрозу киевлян после бегства Всеслава, если не вернутся в Киев Святослав и Всеволод, «ступить в Грьчьску землю». Тогда же произошла кровавая расправа Мстислава с освободившими Всеслава киевлянами: он перебил 70 человек «чади», «а другыя слепиша, другыи жъ без вины погуби, не испытав». ⁷³ Тут в грандиозном масштабе та же несправедливость, какую в меньшем размере допустил Святополк. Да и история с ослеплением нашла отклик в «Сказании» — Борис и Глеб тоже на время ослепили узника, но лишь для доказательства чуда, а потом исцелили его. Впрочем, и здесь характерно изменение самой интонации: ослепленный не столько умоляет князей вернуть ему зрение, сколько кричит, стыдя и укоряя святых («аки поносы имыи къ святыима»), ⁷⁴ и требует соблюдения обещанное — «дължна ми еста», — он обращается к святым как настойчивый кредитор. Сюжет ослепления приводил на память и недавнее преступление князей — злодейское ослепление князя Василька Тербовальского, к которому был причастен Святополк. ⁷⁵

⁷³ ПВЛ, т. I, стр. 114—116.

⁷⁴ «Понос» — движение, поругание, оскорбление, поношение, укор, осуждение, стыд, позор, подозрение (Срезневский, Материалы, т. II, 1902, стлб. 1183).

⁷⁵ Возможно, что привязка к Святополку истории с узниками вызвана и другими ассоциациями из фактов междукняжеской борьбы. Так, в 1101 г. против Святополка поднялся берестейский князь Ярослав Ярополчич; Святополк захватил его и в окопах привел в Киев; только по мольбе митрополита и игуменов «заводиша и (rote) у раку святого Бориса и Глеба и сняша оковы, и пустиша». Однако на другой год Ярослав был снова схвачен, закован Святополком и в этом же, 1102, году умер, вероятно, погребенный в земляной тюрьме (ПВЛ, т. I, стр. 182—183).

Все эти детали реальных событий, нашедшие отклик в рассказе автора, видимо, читавшего при работе над «Сказанием» летопись и ее волнующий рассказ о социальной буре 1068—1069 гг.,⁷⁶ делали чудо с узниками более значительным и полным актуального смысла.

Таким образом, мотив социального мира в рассказе об узниках, как и в чуде с сухорукой, раскрыт через тему беззакония и оправдания, неправедного суда и необходимости его исправления. В рассказе об узниках он приобрел еще большую политическую и художественную остроту. Литературные средства в обоих рассказах очень сходны. Единство замысла и формы позволяет считать и рассказ об узниках написанным Лазарем.

5

Коснулась ли рука Лазаря и других рассказов о чудесах? Опять сопоставим с этой целью текст «Чтения» и «Сказания».

Нестор, переходя к повествованию о чудесах, не выделяет его особым названием, но вводит короткую молитву, в которой благодарит бога за то, что страна обращена от «прелести идолестей» к христианству, что явились новые «угодники» Борис и Глеб, что их гробы исцеляют различные болезни. Далее, указывая, что подобное сокровище не могло быть скрыто в земле, он говорит о «знамениях» над могилой святых князей — о чудесно горевших свечах или огненном столпе. Любопытно, что здесь печерянин Нестор сравнивает могилу Бориса и Глеба с зарытым серебряным или золотым кладом, на месте которого «сребролюбых ради» дьявол показывает свои знамения «огнь горящ на том месте».⁷⁷ Может быть эта деталь связана с печерской легендой о варяжских кладах («варяжской поклаже»), в поисках которых позже князь Мстислав Святополчич пытал печерского монаха Федора.⁷⁸

В «Сказании» после текста «О Борисе как бе възбор», о котором мы скажем ниже, следует заголовок, выделяющий «Съказание чудес». Оно, как и в «Чтении», предварено вступлением о значении культа Бориса и Глеба.⁷⁹ Существенна первая же мысль этого текста: святость — это награда за страдание, справедливое «възмездие» за «труд» на земле, святые удостоиваются вечной жизни, а их «мертвая плоть» способна творить чудеса, изгонять бесов и исцелять недуги. Потому их и следует почитать. И вот доказательство того, как неверящие в их святость терпят кару. С этой мотивировкой и сообщается рассказ о варягах, один из которых ступил на могилу святых князей и огонь опалил его ноги. Здесь появление варягов мотивировано и другой связью — варяги добивали Бориса, а теперь он, став святым, их покарал: зло наказано. В «Чтении» ни убийства варягов, ни этой мотивировки нет.

Таким образом, начальная часть «Сказания о чудесах» оказывается тесно связанной с основной житийной частью произведения идеей справедливости и возмездия злу.

Любопытно, однако, что рассказ о пожаре церкви Василия оказывается в «Чтении» более подробным и конкретным, чем в «Сказании». У Нестора

⁷⁶ О восстании 1068—1069 гг. в Киеве вспоминали еще 80 лет спустя, в 1147 г. Киевская летопись, излагая ход событий, предшествовавших убийству Игоря, сообщает, что на вече «един человек» напомнил собравшимся историю с освобождением киевлянами Всеслава, протрешшего «много зла» «граду нашему», и посоветовал убить Игоря (ПСРЛ, II, стлб. 349). Тем более естественно, что после киевского восстания 1113 г. воспоминания о восстании 1068 г. были очень актуальны.

⁷⁷ Д. И. Абрамович. Жития... стр. 15—16.

⁷⁸ Патерик Киево-Печерского монастыря. СПб., 1911, стр. 118—119.

⁷⁹ Д. И. Абрамович. Жития... стр. 52—53.

сообщается очень реальная подробность о причине пожара — пономарь, уснув после утрени, спросонок ушел домой, забыв потушить горевшие на высоком месте свечи. Однако, рассказав о столь прозаических обстоятельствах пожара, Нестор тут же высказывает мысль, что это все было от «божьего промысла», так как церквушка Василия была плохая и ветхая, а святые заслуживали лучшей.⁸⁰ В «Сказании» эти конкретные подробности и размышления опущены, но просто сказано о пожаре храма и постройке клетской часовни над могилами князей. История с извещением Ярослава о пожаре церкви, изъятии гробниц князей из земли и постановке их в клетской церковке изложена как в «Чтении», так и в «Сказании» по содержанию почти одинаково. У Нестора изложение по стилю официальнее и суше, в «Сказании» — несколько живее и проще. Любопытно опять-таки, что и здесь в «Сказании» почему-то опущена ссылка на «градника», известного Ярослава о чуде и пожаре, о чем сказано в «Чтении». Однако пополнено описание эмоций митрополита Иоанна, который, узнав о чуде, «бысть преужасьн и в усъмнении, таче и в дързновении и в радости и к богу».

Отмеченные различия «Чтения» и «Сказания» в деталях этого рассказа, восходящего к одному источнику — вышгородским записям, позволяют оценить отношение авторов к их материалу. Нестор делал выборку не очень последовательно и не очень внимательно. Так, он пропустил имевшееся в вышгородских записях сообщение о постройке клетской часовни, а в рассказе о перенесении сослался на «преже реченую клетку», не заметив, что сам он о ней не сказал.⁸¹ Сохраненная Нестором бытовая подробность о причинах пожара церкви мешает его же сентенции о промышлении божьем. Автор «Сказания» на первый взгляд напрасно опускает точные жизненные детали о прославшем пономаре и об извещении князя именно «градником». Однако эти опущения не случайны. Автор критически отбирает свой материал с ясным сознанием того, где он должен быть документальным и доказательным, — это в сюжетах о чудесах. Здесь же речь идет о вещах обычных — пожар дело частое, извещение князя о пожаре тоже не требует точной ссылки на лицо. А вот для показа значительности события — первого проявления сверхъестественной силы мощей Бориса и Глеба, автор не ограничивается набором сведений об «благой воне» и «светлости» ликов трупов, но вводит очень оживляющую рассказ фразу об охвативших митрополита противоречивых чувствах — ужасе и радости, колебаниях и смелости.

Повествование о чуде с хромым отроком в «Чтении» и «Сказании» почти одинаково.⁸² Только в «Сказании» точно названо имя градника — это Миронег, а отрок — это его сын. С. А. Бугославский даже предполагал, что данный рассказ в вышгородской записи был скреплен подписью Миронегга, хотя текст не дает к тому никаких оснований.⁸³

Точно так же рассказы «Чтения» и «Сказания» о чуде со слепым мужем по своему содержанию мало отличаются.⁸⁴ В «Сказании» снова назван Миронег, сообщивший о чуде Ярославу, но опущены некоторые детали «Чтения», например, сведения о приглашении древоделей, о заготовке ими в зимнее время материала для постройки церкви, о заказе Ярославом первого иконного изображения Бориса и Глеба. То обстоятельство, что ново-

⁸⁰ Д. И. Абрамович. Жития... стр. 16.

⁸¹ Таким образом, этот момент не может служить аргументом в пользу позднейшего времени «Чтения» (ср.: С. А. Бугославский. Памятки..., стр. XXVI).

⁸² Д. И. Абрамович. Жития... стр. 17—18, 54.

⁸³ С. А. Бугославский. К вопросу... стр. 134.

⁸⁴ Д. И. Абрамович. Жития... стр. 18, 54—55

построенная Ярославом прекрасная и великая пятиверхая церковь была освящена и в нее перенесли гробницы князей 24 июля, в день убийства Бориса, позволяет думать, что Ярославов храм был посвящен не обоим князьям, а старшему, Борису. На изображениях князей на крестах-энколпионах Борис представлен всегда с 5-главым храмом.⁸⁵

Рассказ о следующем чуде с хромым, происшедшем во время литургии в присутствии самого князя Ярослава и митрополита, также сходен в «Чтении» и «Сказании».⁸⁶ В «Сказании» опущены сообщения в «Чтении» два существенных момента: об установлении Ярославом десятины в пользу нового вышгородского храма и учреждении митрополитом («архиепископом») повседневной службы в нем, а главное, поставление им старейшины церковного причта, в какой должности уже в 1072 г. выступает, как мы видели, Лазарь. Именно после этого текста «Сказание» нарушает последовательность изложения в «Чтении» — отсюда изымается рассмотренный нами выше рассказ о чуде с узниками, относимый «Сказанием» ко времени Святополка. Поэтому сразу же после описания празднеств по случаю освящения церкви и перенесения в нее гробниц «Сказание» сообщает о смерти Ярослава и распределении им княжений с точным указанием столов Ярославичей («а Всеволода Переяславли») и коротко упоминает о замысле Изяслава построить новую одноверхую церковь.⁸⁷ «Сказание» снова опускает драгоценные для историка архитектуры подробности о постройке новой церкви и о том, что якобы первая церковь уже обветшала, что явно невероятно. К тому же первую церковь не разобрали, а рядом с ней поставили новую. Можно думать, что эта церковь была посвящена специально Глебу — на медных крестах-энколпионах он изображается с одноглавым храмом в руке.⁸⁸ В отмеченных сокращениях сведений об истории собственно церковной — о дани в пользу вышгородской церкви, уставлении в ней служб и учреждении должности старейшины ее причта, подробностях о постройке новой церкви — автор «Сказания» был последователен: это были побочные сюжеты, не имеющие прямого отношения к его теме, и он освобождал от них свое повествование. Он переходит прямо к описанию второго перенесения мощей в новую церковь в 1072 г.

Рассказ об этом сюжете изложен в «Сказании» с большей подробностью и документальностью, нежели в «Чтении», и с серьезными расхождениями в деталях.⁸⁹

У Нестора среди присутствующего на пиршествах безымянного «множества» духовенства выделяется его патрон — «преподобный отец наш Феодосий, игумен монастыря Печерьскаго, светяся аки солнце... украшен добрыми нравы». Рядом с ним «неверьствующий» митрополит-грек Георгий. Вскрытие гробницы Бориса происходит в церкви, посвященной его имени, тут же рукой Бориса благословляют князей, при этом в волосах Святослава «на благословение ему» остается ноготь, отвалившийся от высохших и истлевших мышечных тканей. Потом гробницы перенесут.

«Сказание» подробнее документирует это происшествие. Автор именно перечисляет собравшихся в Вышгороде князей и иерархов, отнюдь не выделяя Феодосия. Сначала перевозят в новую церковь мощи Бориса и перекадывают их здесь из деревянной гробницы в каменную; при этом митрополит удостоверился в «нетленности» мощей и просил перед гробом

⁸⁵ В. И. Лесючевский. Вышгородский культ..., стр. 232—233.

⁸⁶ Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 19, 55.

⁸⁷ Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 56.

⁸⁸ В. И. Лесючевский. Вышгородский культ..., стр. 232—233.

⁸⁹ Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 21—22, 55—56.

прощения в своем неверии. Потом взяли мощи Глеба, уже заблаговременно положенные в каменную раку, и на саях веревками поволокли гробницу в новую церковь; здесь, в дверях, рака застряла, обнаружив явное нежелание Глеба «войти» в построенный Изяславом храм, но ее все же ввезли. И тут целовали главу Бориса, а рукой Глеба митрополит благословил Изяслава и Всеволода; Святослав же задержал руку, усиленно прикладывая ее к «вереду» на своей шее, глазам и темени. Потом на литургии Святослав сказал своему дружиннику варягу Берну, что ему что-то царапает голову («нечто мя на голове бодеть»), тот снял княжеский клобук и обнаружил в волосах ноготь Глеба и отдал его князю. Святослав увидел в этом «благодарение» святых князей. Рассказ заключается описанием праздника и сообщением об установлении нового праздника 20 мая. Так, рассказ о пресловутом ногте Глеба получил в «Сказании» вполне рациональное и даже несколько ироническое истолкование. Собственно ничего особенного в нем не было, просто Святослав слишком усердно пользовал свой «веред» и главу мертвой рукой — вот от нее и отпал ноготь. Полагаем, что эта переработка связана с последующим изложением, где, как увидим, отмечено, что Святослав не успел достроить каменную церковь святых князей в Вышгороде, в чем автор «Сказания», видимо, усматривал безучастное отношение Бориса и Глеба к предприятию Святослава, — не помог и ноготь; значит, в том, что он застрял в волосах Святослава, никакой благодати и не было.

Основное внимание рассмотренного рассказа «Сказания» к мощам Глеба подтверждает мысль, что построенный Изяславом храм и был посвящен Глебу, которого заблаговременно переложили в каменный гроб, и, возможно, у Изяслава были планы поделить останки князей, сделав своим патроном именно Глеба.

Последующий рассказ о чуде с хромым и немой, сходный по содержанию в обоих произведениях и изложенный в обычном для «Чтения» бесстрастным стиле с безымянными действующими лицами, подвергнут в «Сказании» внимательной литературной обработке.⁹⁰ Это чудо занимает особое место в ряду других исцелений — его объект не «муж» и не сын градника, но убогий нищий, у которого была по какой-то причине «утята», т. е. отсечена нога, и он ходил на подвязанной деревяшке; к тому же он был нем. Можно думать, что он явился жертвой какой-то кровавой кары. Вспомним, что в 1069 г. Мстислав ослепил часть восставших киевлян, освободивших Всеслава из тюрьмы. В 1053 г. новгородский епископ Лука Жидята казнил за донос своего холопа Дудика, «урезав» ему губы и нос и отрубив обе руки. Членовредительные наказания были необычны на Руси, но широко практиковались в Византии.⁹¹ Столетием позже митрополит-грек Константин подверг владимирского епископа Федора зверской казни: «повеле ему язык урезати... и руку правую утяти, и очи ему выняти».⁹² Не было ли подобной расправы и с киевскими мятежниками в 1069 г.?

Так это или нет, но немой хромец среди других нищих сидел у церкви Бориса и Глеба и просил подавания. И вот однажды у богатого вышгородца, старейшины огородников (горододельцев) Ждана, носившего христианское имя Николы, был праздник, какой он справлял святому Николе каждый год. Мы не знаем, был ли это день именин старейшины или «братчина Никольщина», устроенная членами его корпорации. На этот пир устремились и нищие и среди них немой хромец. Но он напрасно сидел у дома

⁹⁰ Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 22—23, 56—58.

⁹¹ С. В. Юшков. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949, стр. 492.

⁹² Лаврентьевская летопись под 1169 г.

богача — ему ничего не дали, и этот отверженный оставался «алчѣн и жадѣн». Внезапно он впал в беспамятство, и ему показалось, что он сидит у церкви и к нему идут Борис и Глеб; он в ужасе пал перед ними, но они ласково обошлись с ним — подняли его за руку, усадили и заговорили о его исцелении. Они перекрестили его уста и, взяв за ногу, потянули за колено, как бы смазывая обрубок маслом. Все это он видел как бы во сне, замечает автор; а из того, что автор рассказывает виденное нищим во сне, ясно, что его немота была исцелена, хотя этого и не сказано прямо. Тем временем его окружили люди (собравшиеся у Ждана), поворачивали его туда и сюда, но он лежал как мертвый, с неподвижными губами и глазами; душа еще оставалась в нем и сердце билось; все подумали, что его поразила бес, отнесли его к дверям церкви и смотрели на него. И тут произошло чудо — из коленки стала расти нога, сначала маленькая «акы младу детищу», и за час сравнялась с другой. Тут все похвалили бога за новое чудо.

Так, чудо вплелось в ткань живого бытового рассказа на актуальную тему о богатом и бедном, которую разрабатывали и поучения в «Изборнике» Святослава 1076 г., и особое слово о богаче и Лазаре, известное в списках XII в.⁹³ Здесь, в «Сказании», если справедлива наша догадка, что немота и хромота нищего не были случайны, этот сюжет приобретал двойную остроту. События развернулись в доме всем известного человека. Явление святых немой видел во сне — его не нужно было документировать, но его смысл ясен: святые князя оказались на стороне отверженного нищего, они, в отличие от слуг богача, обошлись с ним внимательно и исцелили его. Описание «прорастания» ноги из обрубка, на которое смотрели и дивились «обретшиеся ту», сделано с наивным натурализмом, делающим выдумку правдоподобной.⁹⁴

Далее, в «Сказании» помещено чудо с сухорукой, подробно разобранное нами выше. За ним следует рассказ об исцелении опять-таки слепого человека.⁹⁵ В «Сказании» довольно ясно дается понять, что это «киянин», так как он ходил к церкви Георгия (построенной Ярославом в Киеве) и просил исцеления. Георгий, явившийся во сне, сказал, что слепой должен просить не его, а Бориса и Глеба, которым дана сила «в стране сей земля Руське пращати и исцелити всяку страсть и недуг». Он долго молился им, и они, наконец, явились, трижды перекрестили его глаза: он прозрел «и съказаше предъ всеми» о происшедшем. Этот рассказ наиболее трафаретен и мало отличается по содержанию от его передачи в «Чтении».

Следом за этим помещен текст типа краткой летописной справки о происшествиях до вокняжения Святополка.⁹⁶ Здесь сообщается, как Святослав начал строить новую каменную церковь, но достроить ее помешала смерть. Ее достроил, по вступлении на киевский стол, Всеволод, но верх храма сразу же после окончания работ обрушился. По смерти Всеволода на главных княжениях сели новые князья — Святополк занял киевский стол, Давид и Олег — Чернигов; Владимир — Переяславль. В это же время усилился натиск половцев и было не до строительства церкви, — ни один из князей не мог ничего сделать и даже записать новые чудеса. Автор как бы

⁹³ И. И. Срезневский. Сведения и заметки..., вып. III. СПб., 1867, стр. 28—33.

⁹⁴ Интересно, что мотив чудесного восстановления конечностей, отсеченных по клевете, известен в русских сказках о «безручке» — женщине, которой муж по злому навету отрубил руки, впоследствии выросшие. Сказка о «безручке» имеет ряд вариантов (см.: А. М. Смирнов. Сборник великорусских сказок. Пгр., 1917, №№ 104, 182, 233, 242, 330, 348; Живая старина, 1912, XXI, стр. 271). Указанием на эти параллели я обязан В. И. Чичерову.

⁹⁵ Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 24—25, 59—60.

⁹⁶ Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 60.

спешит к чему-то более важному, словно опасается не успеть довершить своего сочинения. И вот автор со слов «самовидцев» рассказывает о новом чуде — это рассмотренный нами выше рассказ об освобождении узников, заключенных без вины якобы Святополком. Подробность и объем этого рассказа, а также его острый тревожный строй являют резкий контраст с последним чудом о слепом и «летописной» записью. В то же время самые пропорции рассказов об исцелениях и степень интереса к ним показывают, что стремится подчеркнуть автор, что нужно для его замысла. Обычные исцеления его не интересуют, он почти не переделывает их. Но всюду, где разворачивается острая социально-политическая ситуация, он глубоко перерабатывает форму и содержание рассказа «Чтения».

Чудо с узниками по существу завершает собственно «Сказание о чуде-сах». Как убеждают изложенные выше наблюдения, весь цикл рассказов о чудесах связан в единое целое как по своей идейно-политической направленности, так и по стилю изложения. Далее следует заключительная часть «Сказания», не содержащая ничего чудесного, — о достройке каменного храма-мавзолея в Вышгороде и последнем перенесении мощей.⁹⁷ Этот текст совершенно самостоятелен, не зависит от каких-либо более ранних источников и проникнут откровенно выраженной политической тенденцией. Он тесно связан с замыслом чуда об узниках. Там на имя Святополка брошена тень: его неправый суд вызвал гнев Бориса и Глеба, святые князья обратились против него, освободив заточенных по клевете узников. После их освобождения Святополк якобы решил строить новый каменный храм в Вышгороде, оставив недостроенным рухнувшее здание постройки Святослава и Всеволода. Он якобы боялся «дързнуть» переносить гробницы и мыслил построить храм «окръст» деревянной церкви Изяслава, где покоились останки святых князей. Однако, замечает автор, «сему же умышлению не събывъшюся по божию строению и по воле святою мученику», — они, следовательно, против Святополка и отвергают его служение их памяти. И тут же рядом со Святополком встает светлый идеализированный образ Мономаха как особо ревностного почитателя Бориса и Глеба. Он заслуживает всяческих похвал за его «благородство же, въкупъ и великоумье, и любовь, еже къ святымъ, кротость же и съмерение и тыщание к богу и къ святымъ църквамъ». Он не только заслужил похвалу от бога и святых Бориса и Глеба, но и «от человек благословение и похвалу отъ всехъ видящихъ и слышащихъ».

В условиях ожесточенной борьбы княжеских династий за господство в феодальной Руси, за расширение возможностей эксплуатации сельского и городского люда, роль религиозной идеологии, божественной санкции княжеских притязаний необычайно возрастала. Последние страницы «Сказания» и рисуют соперничество феодалов в доказательстве монопольного права обладания вышгородскими реликвиями.

Рассказ начинается с приподнятого и красочного панегирика Мономаху за его старания украсить гробницы святых князей. Автор как бы не может утерпеть и, опережая ход излагаемых событий, сразу сообщает о всем сделанном благоверным, великоумным, благородным и смиренным князем. Оказывается, Мономах тайком, ночью смерил гробницы святых князей и также ночью оковал их золотыми и серебряными досками, вызвав радостное изумление и похвалы людей. А после перенесения мощей в новый каменный храм, он «и множайша съдела», соорудив над гробницами великолепный драгоценный терем-киворий (о том, что это был терем, мы знаем из Повести временных лет) с серебряно-вызолоченными

⁹⁷ Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 63—66.

изображениями святых князей и с чудесными светильниками, поднимавшими кверху воротом на золотой и серебряной цепи «с хрустальными великими разнизанием»; всей этой невиданной красоте, с гордостью замечает автор, удивлялись даже приезжие греки. После этого вступления, ослепляющего читателя блеском драгоценных металлов и сияньем хрусталя и завершеного упомянутым панегириком Мономаху, автор возвращается к теме.

Олег Святославич достроил вышгородский храм (заложенный его отцом), и к 1111 г. он был расписан. Олег много раз обращался к Святополку с предложением перенести мощи; он требовал и умолял, но Святополк не давал согласия, завидя, что не он, а Олег достроил храм. Так продолжалось до смерти Святополка, сопровождавшейся многим мятежом и крамолой и различными слухами, пока «причътъмь всех людии» (т. е. по решению собрания знати; «причът» — собрание, сбор) большие и нарочитые люди не умолили Мономаха взяться за подавление восстания. Он «утоли мятежь и гълку в люде и прия княжение всея Русьское земля». Тогда Владимир, по согласию с Олегом и Давидом, решил организовать перенесение мощей. Князья со своими сыновьями прибыли в Вышгород, куда съехались и виднейшие иерархи (среди которых на третьем месте назван епископ переяславский Лазарь), а также много попов, клириков и монахов со всей Русской земли (т. е. приднепровских княжеств) «и от инех стран» (т. е. из других княжений). Сошлось и множество мирян — бояр, старейшин и воевод Русской земли, богатых и убогих, здоровых и больных; город был переполнен настолько, что люди расположились даже на забралах вышгородской крепости. 1 мая освятили храм, а на утро в воскресенье, 2 мая, началась утренняя служба «в обою церквию» (т. е. в одном из деревянных и в новом каменном храмах), и гробницу Бориса повлекли на специально приготовленных украшенных саях (соблюдая народный обычай) за толстые веревки, прикрепленные с обеих сторон к вороту («въръмь»).⁹⁸ Чтобы очистить путь от теснившегося народа, Мономах приказал бросать в толпу куны, меха и лоскуты шелковых паволок; многие бросились хватать их, а другие теснились к гробнице и все обливались радостными слезами «от многааго веселия», так что раку Бориса перевозили с большим трудом. Потом так же повезли раку Глеба, и тут «чудо преславно бысть»: пока везли Бориса, все шло «бес пакости», только было тесно от напиравших людей, а тут не раз лопались веревки, так как рака была столь велика, что ее муж не мог бы обхватить руками. Тогда все люди, заполнившие город и облепившие, подобно пчелам, стены и забрала крепости, закричали «господи помилуй», и глас народа был подобен грому.⁹⁹ И так едва смогли довести раку Глеба.

В чем состояло чудо при перенесении раки Глеба, автор не уточнил, он спешил дописывать свой рассказ: последняя молитвенная фраза, завершающая «Сказание», так и осталось недописанной.¹⁰⁰ Мощи Глеба второй раз

⁹⁸ С. А. Бугославский почему-то счел слово «вър» собственным именем «хорошо известной особы» (Пам'ятки... стр. XIII), хотя приводимые им варианты ясно дают понять, что «вър» — это ворот (к тому же этим термином в рассказе об устроенном Мономахом тереме названа драгоценная цепь, на которой поднимались светильники). В рассказе же Повести временных лет устройство передвижки гробницы «вором» изложено еще яснее: канаты были натянуты по сторонам гробницы воротами, которые натиск народа портил — «поламляху вор» (ПВЛ, т. I, стр. 199).

⁹⁹ Ср. в «Хождении» Даниила описание скопления богомольцев на чуде небесного огня, которые «вопють сильно, яко тутнати гремети всему месту тому от вопля людей тех» (стр. 131).

¹⁰⁰ Это отметил С. А. Бугославский (Древнерусские литературные произведения о Борисе и Глебе, стр. 313).

оказывали сопротивление переносу. В данном случае, может быть, прах Глеба давал знать, что почести надлежит воздавать «старейшему» брату, а сам он предпочитал покоем, в скромной деревянной церкви, выстроенной Изяславом в его честь. Может быть, однако, автор хотел подчеркнуть другое: что воля народа, его молитва пересилили сопротивление святой гробницы и она была благополучно водворена под высокими сводами храма-мавзолея.

Рассмотренный заключительный рассказ является апофеозом «Сказания». Из него устранен известный нам по Повести временных лет факт крупной размолвки князей о том, где поставить раки, — в аркосолиях ли собора, как задумал покойный Святополк, или посередине церкви, как хотелось Мономаху (уже создавшему, по словам «Сказания», терем-киворий); в ссору вмешались митрополит и епископы, предложившие бросить жребий, который оказался не в пользу Мономаха, — такова была воля самих князей.¹⁰¹ Этот факт был в «Сказании» по понятным причинам опущен панегиристом Мономаха. По той же причине симпатии автора — в перечне князей, присутствовавших на вышгородском торжестве, на первом месте назван Мономах, хотя главным виновником торжества был достроивший храм Олег; по летописи князья и «обедаша у Ольга и пиша, и бысть учреждение велико, и накормиша убогия и странньныя по 3 дни».¹⁰²

С. А. Бугославский относил рассмотренную часть «Сказания о чудесах» к труду «третьего автора», в котором видел светского человека, сторонника Мономаха, и датировал его работу до 1118 г., когда умер епископ Лазарь, упомянутый в рассказе о торжествах 1115 г. как живой.¹⁰³

Финал «Сказания» органически завершает повествование о чудесах картиной всеобщей радости богатых и бедных, лучезарным миражем столь желанного феодалам гражданского мира, созданного верой в «кротких» святых князей и любовью к их памяти. Этот финал неотделим от «Сказания о чудесах» — оно в целом произведение одного автора. Отдельные детали «Сказания о чудесах» указывают, что его автор жил и писал в Переяславле-Русском. Он особо подчеркивает связь Мономаха с переяславльским столом. По смерти Всеволода Владимир «прия княжение... Переяславли», а в момент замысла Святополка построить новую церковь Бориса и Глеба в Вышгороде «Володимир же, иже и Мономах нареченый, сын Всеволожь, в та времена, яко же рекохом, предръжааше убо Переяславскую оболость».¹⁰⁴ Пояснить это по ходу изложения не требовалось. В другом месте он сообщает о сооружении храмов на месте гибели Бориса и Глеба. Об одном мы знаем точно — это построенная Владимиром Мономахом в 1117 г. маленькая церковь Бориса и Глеба на Альте, на полпути между Киевом и Переяславлем.¹⁰⁵ Возможно, что и в Смоленске на Смядыни тогда был уже основан монастырь Бориса и Глеба, упоминаемый впервые под 1138 г.¹⁰⁶ Основание Борисоглебского монастыря на Смядыни скорее всего следует связывать также с инициативой Мономаха — в 1101 г. он строит в Смоленске большой городской Успенский собор.¹⁰⁷ Вероятно, в это же время был основан и Смядынский монастырь.

¹⁰¹ ПВЛ, т. I, стр. 199—200.

¹⁰² ПВЛ, т. I, стр. 199.

¹⁰³ С. А. Бугославский. Памятки..., стр. XIII—XIV.

¹⁰⁴ Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 60—63.

¹⁰⁵ М. К. Каргер. «Летская божница» Владимира Мономаха КСИИМК, вып. XLIX. М., 1953, стр. 13—20.

¹⁰⁶ В 1138 г. «на Смядыне в монастыри» был посажен захваченный новгородцами князь Святослав (Новгородская первая летопись. М.—Л., 1950, стр. 25).

¹⁰⁷ Ипатьевская летопись под 1101 г.

Все сказанное приводит нас к заключению, что «Сказание о чудесах» не может быть расчленено. Лишь чисто формальные и мелкие признаки позволили С. А. Бугославскому усмотреть здесь последовательную работу трех авторов. За этими частностями исследователь не заметил крупных черт идейного и стилистического единства «Сказания о чудесах». Оно является произведением единого замысла и стиля, принадлежащим одному времени и одному автору. Оно написано между 2 мая 1115 г. и 6 сентября 1117 г. епископом переяславльским Лазарем. Упоминание Лазарем построенной в 1117 г. Мономахом церкви на Альте в Переяславльской епархии свидетельствует, что он до самой своей смерти трудился над «Сказанием».

6

До сих пор наши наблюдения не выходили за пределы «Сказания о чудесах», завершающего «Сказание и страсть и похвалу святому мученику Бориса и Глеба». Мы убедились в единстве авторского стиля и церковно-политической концепции этой части «Сказания» и в возможной принадлежности ее Лазарю.

Теперь, в свете уже сделанных выводов, можно обратиться к основной, житийной части «Сказания» и сопоставить его с текстом «Чтения» Нестора. Это сопоставление позволит нам ответить на вопросы, могла ли первая часть «Сказания» существовать отдельно и относиться ко времени Ярослава, как считал С. А. Бугославский, каков ее стиль и идейная направленность.

«Чтение» подходит к основной теме издаелека¹⁰⁸ — с сотворения мира, истории человеческих грехопадений, рождения Христа и распространения спасительного христианства. В этой перспективе выступает и подвиг Владимира, просветившего Русскую землю светом христианства. Своим замыслом вступление к «Чтению» близко напоминает «Слово» митрополита Илариона.

Автор «Сказания»¹⁰⁹ начинает свое повествование совершенно иначе. Грозно и приподнято звучат первые слова: «Род правых благословиться — рече пророк — и семя их в благословении будеть». Этот торжественный библейский зачин «Сказания» — его эпиграф и его лейтмотив: только справедливые заслуживают божественного покровительства. И сразу же, без похвал и отступлений, автор говорит о сыновьях крестителя Владимира (его автор выразительно именует «самодръжьцем въсеи Русьскеи земли»), среди которых контрастно выделена зловещая фигура Святополка «окаяньного», родившегося от расстриженной красавицы-черницы «от дъвою отцю и брату сущу». Автор быстро влечет читателя к цели повествования и, прерывая рассказ о распределении княжений между сыновьями Владимира, замечает: «се остану много глаголати да не многописании в забыть влезем».¹¹⁰ Автор как бы откликается здесь своей оценкой и осуждением на отвлеченный и «многоглаголивый» стиль «Чтения».

Он минует пространные и стандартно-житийные вымышленные картины юности Бориса и Глеба, одобренные Нестором библейскими параллелями и напоминающими о нищелюбии, кротости и прирожденной святости князей.¹¹¹ Автор «Сказания» стремительно ведет читателя к сцене

¹⁰⁸ Д И Абрамович. Жития, стр 1—5

¹⁰⁹ Д И Абрамович Жития, стр 27—28

¹¹⁰ Ср «в забыть я положи» в рассказе Лазаря об узниках

¹¹¹ Д И Абрамович Жития, стр 5—7.

смерти Владимира, написанной с реальными подробностями, развивающими данные летописной повести 1015 г., и влагает в уста Бориса народный плач, проникнутый подлинной человеческой печалью и скорбью по умершем отце и тревогой о коварных замыслах брата Святополка.¹¹² Далее¹¹³ живо переданы колебания и размышления Бориса о том, что дало междукняжеское соперничество его отцу и братьям, о бренности богатства и власти. Он грустит о своем обреченном красивом теле и льет слезы, и все оплакивают его, и только в конце размышлений, как бы между прочим, звучит утешительный мотив, что, если он падет от руки брата, то «мученик буду». При некоторой растянутости все эти размышления очень человечны и естественны, они подкупают читателя живыми психологическими чертами и трогают его сердце. И снова рядом со светом — мрачная тень: мастерски описанные, опять-таки на основе летописной повести, переговоры Святополка, совещающегося ночью с Путьшей и вышгородскими боярами об убийстве Бориса. Это — черные силы, «собирающие беззаконие», это — не «род правых».

Сопоставляя с этим текст «Чтения»,¹¹⁴ находим несравненно более отвлеченное, книжное изложение: картины смерти Владимира с ее бытовыми деталями нет; вместо скорбного плача Бориса — холодный ритуал прощания с умирающим: он «пад поклонися отцю своему и облобыза честней нозе его, и паки вьстав, обуим выю его, целоваше съ слезами»; когда же Борис узнал о смерти отца, снова в его устах обычная церковная молитва, вместо реальной и драматичной картины заговора Святополка с предателями вышгородцами — библейская параллель с Каином и отправление безликих «мужей неистовых» на убийство Бориса.

И вот ключевое событие рассказа — убийство Бориса.

В «Чтении»¹¹⁵ — две силы: «блаженный» Борис и «окаянный» Святополк. Неизвестно, где застала Бориса весть о приближении убийц; он останавливается покорный божьей воле; он отвергает предложение дружины выступить против Святополка, так как это нарушит божий промысел и поведет к напрасной гибели «толику душ», и отпускает дружину. Далее — ожидание смерти, церковная служба в шатре, которой якобы не дерзнули нарушить «нечестивии». Наконец, — гибель Бориса и некоего безымянного слуги, пронзенного над его телом, последний выход Бориса из шатра, его молитва, смерть и погребение в Вышгороде. Темп рассказа Нестора равномерен, почти бесстрастен, его повествование дает лишь скупой скелет событий, освобожденный от живой ткани деталей и чувств.

В «Сказании»¹¹⁶ трагическая развязка приближается замедленно, напрягая внимание и чувства читателя. Этот темп особенно ощутим после быстрого ритма вступления к «Сказанию». Он усиливает ощущение тревожного ожидания. Извещенный о посланных убийцах, Борис «стал на Лyte шатры». Дружина, узнав, что он не хочет бороться со «старейшим» Святополком, сама покидает Бориса на произвол судьбы, и он остается с горсточкой отроков, «в тузе и печали, удручьнымь сьрдьцьмь».¹¹⁷ Все произошло просто и естественно — для божьего промысла нет места. В шатре Борис вспоминает «мученье и страсть» святых Никиты и Вячеслава и успокоительные сентенции Соломона. Однако эти явно книжные моменты мотивированы скорбными переживаниями героя, ими он «утешаа-

¹¹² Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 29.

¹¹³ Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 31.

¹¹⁴ Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 7—8.

¹¹⁵ Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 9—11.

¹¹⁶ Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 32—37.

¹¹⁷ Ср. «онема ту пребывающема в печали и тузе» в рассказе Лазаря об узниках.

• шesia и радоваашеся» подобно тому, как в духовном стихе о Георгии, когда его терзают, —

А святой Егорий он стихи поет,
Он поет стихи херувимские,

и это делает его стойким в муке.¹¹⁸ Прослушав вечерню, Борис ложится спать, но сон его по-человечески тяжек и беспокоен, «въ мѣнозе мысли и в печали, крепѣе и тяжѣе и страшне». Рано оборвался тревожный сон; Борис сам обулся и оделся; убийцы уже подступают к шатру. Борис ощущает близость развязки, молится и содрогается, услышав «шпѣт зѣл окръст шатѣра»; из глаз его льются слезы. Оставшиеся с ним «попин» и отрок, «видевѣша господина своего дряхла и печалию облиана зело», плачут над ним. И вот уже блещет оружие и звенят выхваченные из ножен мечи убийц. Они названы по именам, как в обвинительном акте. Они пронзают копьями Бориса. Убит и бросившийся с жалостным плачем на тело господина любимый отрок Георгий, родом угрин, носивший пожалованную князем золотую гривну. Но Борис еще жив — он «в оторопе» выбегает из шатра и произносит последнюю молитву, в которой призывает бога рассудить его, правого, с братом. Эта длинная книжная вставка опять-таки не случайна: в ней развернут уже знакомый нам мотив — требование справедливого суда. И снова звучит, казалось бы, неуместный по самой ситуации, но оправданный по идейному замыслу плач-причеть окружающих Бориса людей, переходящий в славу и похвалу умирающему праведному князю. Плач прерывается новым трагическим моментом: убийцы хотят сорвать золотую гривну с шеи мертвого отрока Георгия и отрубают ему голову, так что потом не могли опознать его труп. Но автор не довольствуется уже созданным высоким напряжением повествования. Борис еще жив, его везут на колах, завернув в полотнище шатра; где-то в бору он очнулся и поднял голову; по указанию Святополка (который не участвовал непосредственно в убийстве, но введен для усиления эффекта) два варяга пронзают сердце Бориса мечами. Затем его везут в Вышгород и погребают у церкви Василия. Как мы видели выше, первое чудо у могилы святых князей и имело своим объектом именно варягов, один из них, святотатственно поправший ногами их могилу, поплатился страшным ожогом ног. Этот момент связывает обе части «Сказания».

Сюжет гибели Глеба разработан в «Чтении» сравнительно коротко.¹¹⁹ За юным князем, бежавшим в «кораблеце», Святополк организовал погоню. Сопровождавшие Глеба хотели оказать сопротивление, но Глеб отвечает длинной речью, моля их отъехать к берегу и оставить его в корабле посреди реки — он еще надеется, что брат послал за ним для того, чтобы увидеть его, и что, может быть, он смилостивится. Так, Глеб, отпустив сопровождающих, остался один с отроками, а «оканьнии же ти... устремишася по немь, акы звери дивии»; и Глеб снова молится. Далее Нестор дает одну живую деталь, как враги, сблизившись «имше корабль ключи, и привлекоша к себе», т. е. схватились за уключины ладьи и подтащили к своим. Пока безымянный «старейшина поваром» извлек нож и схватил князя за голову, чтобы перерезать ему горло, Глеб произносит молитву, славя бога. Его труп бросают в «пустыни». Святополк продолжает злодействовать, так что даже поднимается крамола в людях и его изгоняют на чужбину, где он и «живот свой сконца». Вокняжается праведный и тихий христоролюбивый Ярослав. По его повелению «изискивают» тело Глеба, оказавшееся нетленным и светящимся, «яко молнии». Он пишет «еписто-

¹¹⁸ П. Безсонов. Калики перехожие, вып. II, М., 1861, стр. 394

¹¹⁹ Д. И. Абрамович Жития..., стр. 11—15

лию» старейшине града о перевозе мощей «в преже реченый град», и их несут со свечами и темьяном в «кораблец», везут «в нарочитый град» и погребают рядом с Борисом. Здесь Нестор кончает рассказ о «житии и погублении», который он якобы «списах», и, переходя к описанию чудес, предпосылает ему молитву, благодарящую бога за явление новых «угодников» и определяющую их основную (и первоначальную) профессию как целителей от всех недугов.

В «Сказании»¹²⁰ рассказ об убийстве Глеба пронизан конкретными мотивировками происходящего и множеством реальных подробностей. Сатана подстрекает Святополка к дальнейшим убийствам, так как если он не доведет свое черное дело до конца, то от уцелевших братьев ему грозит страшная кара — «жалость земле моя съестъ ми, и поношения поносящих нападутъ на мя, и кнѣзжение мое приметь ин, и въ дворех моих не будет живущааго... и матери моя грех да не оцеститься...». На Святополке все равно тяготеет проклятие позорного рождения, и он решает продолжать преступление, послав за Глебом, которого якобы зовет его больной отец. Путь Глеба описан подробно: он едет верхом с малой дружиной; на Волге его конь споткнулся, и князь повредил ногу; к Смоленску едут уже водой и останавливаются на Смядыни, где приходит весть от Предславы и Ярослава о смерти Владимира и убийстве Бориса. Третий раз автор использует в повествовании форму плача, развивая плач, данный в летописной повести, и влагая его в уста Глеба. Но вот приближаются убийцы, и снова черное и белое, тень и свет чередуются в образах «Сказания». Глеб с радостью плывет навстречу убийцам, «целование чаяше от них прияти», а они «узрьевше и омрачися», и, когда ладьи поровнялись, прыгают в ладью Глеба с обнаженными мечами, так что гребцы «от страха омыртвеше» и выронили из рук весла. Снова в устах Глеба ритмическая речь к убийцам — он «жалостно» молит пожалеть его юности, он не сотворил зла и просит отвезти его к Святополку,¹²¹ а если «что зъло сътвориш, съведетельствуите ми и не жалю си», т. е. если он в чем-нибудь виноват и они докажут это, то он не просит пощады. Однако убийцы хватают Глеба, и он произносит две молитвы. В одной он просит отца Василия и брата Бориса помолиться за сродников, за Святополка и за него, Глеба, так как он «без вины за кааем». Во второй молитве он свидетельствует перед богом, что он «за кааем есмь не вемь что ради» или «за которую обиду не съведе», и предает себя убийцам. По приказанию окаянного Горясера быстрее прикончить дело глебов повар Торчин убивает господина. Автор приводит слова пророка Давида, что те, кто осмеливается «заклати правыя сьрдцьемь», попадут в ад, и, оценивая злобную радость Святополка, снова грозно восклицает: «Что ся хвалиши сильнии о зълбе безаконие въ съ день? Неправду умысли язык твой, възлюбил еси зълбу паче благостыне, неправду неже глаголати правду... Сего ради раздруть ты бог до коньца!». Такова кульминация мысли автора. Он говорит не о княжеской распре и братоубийстве, а о несправедном суде и гибели правды, вознаграждаемой лишь на небе. Позднее эту мысль русский народ выразит проще: «Правда у бога, а кривда на земле». Таким образом, в рассказе об убийстве Глеба автор «Сказания» поднялся от узкофеодальных представлений до широкого социального обобщения. Чудесные явления на пустовавшем месте, где было брошено тело Глеба, — огненный столп, горящие свечи или ангельское пе-

¹²⁰ Д. И. Абрамович. Жития ..., стр. 39—45

¹²¹ Ср. в рассказе о восстании смердов 1071 г в Поволжье они считают, что Ян Вышатич не может казнить их, и дважды требуют «стати нам пред Святославом» (ПВЛ, т. I, стр. 118)

ние — были якобы замечены многими «видоками» — плывущими мимо гостями, охотниками или пастухами, но никому не пришла мысль «о взъискании телесе святааго».

Сюжет гибели злодея Святополка, отраженный в «Чтении» несколькими строками,¹²² в «Сказании» развернут в большое повествование о борьбе Ярослава со Святополком, приведшим много печенегов.¹²³ С эпической силой описана победоносная битва на Альте и страшный конец Святополка, пораженного параличом и манией преследования, несомого на носилках все дальше и дальше от родной земли и кончившего свою жизнь где-то в пустыне между чехами и ляхами, а его могила источает и до сего дня злой смрад «на показание человеком... отмстия зьлым делателем». Ряд параллелей из житий и священного писания подтверждает торжество справедливости и поражение зла.

Только после смерти Святополка и прекращения «крамолы в Русьске земли» Ярослав берется за прославление братьев: прах Глеба (якобы нетленные мощи) торжественно переносят в Вышгород и погребают рядом с Борисом.

Далее в «Сказании» помещена похвала святым князьям, примечательная как по своей форме, так и особенно по содержанию.

Соответствующая похвала в «Чтении» как бы разделена на две части — одна завершает рассказ о жизни и смерти князей, вторая является концовкой всего «Чтения».¹²⁴ О первой мы упоминали, в ней выражена благодарность богу за появление новых святых и дана характеристика их как целителей, направленная на привлечение к ним народных масс. Во второй — основная мораль «Чтения» обращена к феодалам: покорность старейшим князьям — добро, непокорность «детеских» князей — зло и приводит к убийству непокорных, но они не становятся святыми, Борис и Глеб предпочли смерть послушанию воле старшего князя и за это «благодати сподобили». Нет ни слова о том, что усобицы губят Русскую землю. Дальше мысли о феодальной субординации обобщение Нестора не простирается. Этот итог «Чтения» вскрывает ограниченность его политической задачи, узость аудитории, к которой оно обращено, — это княжеские круги, те же, что и слушатели «Слова» Илариона.

В похвале, завершающей житийную часть «Сказания», значение культа Бориса и Глеба необычайно расширено.¹²⁵ Похвала как бы заранее суммирует те мотивы, которые читатель ощутит лишь позднее, при чтении уже рассмотренных нами выше рассказов о чудесах.

Во-первых, здесь широко и поэтично сказано об обращенной к народу стороне культа святых князей. Они сияют «в русьскей стороне велицей, идеже много стражующих съпасени бывають»; они ходят «по всем землям», исцеляя больных и посещая закованных в темницах; они скоро приходят на помощь скорбящим; они не ангелы, но люди, их нельзя назвать и князьями, так как они проще и смиреннее людей. Те черты человечности и привлекательности, которые автор умело приписал князьям в их житии и в характеристике внешности Бориса («какъ бе възрь»), здесь суммированы и обобщены, равно как предвосхищены чудеса с хромыми, слепыми и узниками.

Во-вторых, в рассматриваемой похвале в «Сказании» с большой страстью и патриотическим подъемом выражена лишь намеченная в летописной повести 1015 г. и отсутствующая в «Чтении» мысль об общерус-

¹²² Д. И. Абрамович. Жития... стр. 14.

¹²³ Д. И. Абрамович. Жития... стр. 44—47.

¹²⁴ Д. И. Абрамович. Жития... стр. 15, 25—26.

¹²⁵ Д. И. Абрамович. Жития... стр. 48—51.

ском значении культа Бориса и Глеба. Они помогают князьям «държавьно» побеждать противников, они «земля Русьскыя забрала и утвержение и меча обоюду остра, имаже дързость поганьскую низълагаем». Они помогают своему отечеству, как Димитрий Солунский; однако он был покровителем одного города, а Борис и Глеб «всеи земли Русьскеи». Поэтому и Вышгород, где лежат их останки, превыше всех городов, это «второй Селунь явися в Русьске земли». Эта явно антигреческая нота поддержана затем в финале «Сказания о чудесах» значительной фразой об изумлении греков роскошью и красотой кивория, созданного Мономахом над гробницами князей. Патриотический пафос и мысль о первородстве Русской земли, выраженные в похвале, близко напоминают «Слово» Илариона, но в «Сказании» они выражены проще и агитационно выразительнее. Культ Бориса и Глеба выступает как культ общерусский, они заступники против «поганых» половцев, они — на стороне «държавьных» князей. Эти новые аспекты культа имели исключительную политическую актуальность в пору княжения Владимира Мономаха. Он стремился удержать под своей державной рукой распадавшееся и дробившееся Русское государство, вел энергичную борьбу с кочевой степью. Его политика оказывалась под верховным покровительством святых предков. Все эти патриотические идеи «Сказания» были близки народу и включали культ Бориса и Глеба в арсенал идеологических средств борьбы за независимость Русской земли с «погаными» степняками и за сохранение ее сил, тратившихся в усобицах.

Но в той же похвале в «Сказании» с полной ясностью раскрыта и обратная, феодальная сторона культа: Борис и Глеб — заступники господствующего класса, молитвенники за его страшные грехи. Стоит вслушаться в слова молитвы, обращенной к святым князьям: «не забывайте отечества... пусть не придет на нас зло... пусть не придет на нас нога гордыни и рука грешников не погубит нас, и пусть всякая пагуба не найдет на нас. Далеко отгоните от нас голод и озлобление и избавьте нас от бранного меча и сделайте усобицы нам чуждыми. И от всякого греха и нападения заступите... так как мы очень согрешили и совершили прेमного беззаконий и слишком, сверх меры безчинствовали... Только надеясь на ваши молитвы, мы вопием к спасу... Хотя мы совершали беззакония, но сделай нам послабление... оправдай как сборщика мыта... и скупи нас от наступающего зла и дай нам время для покаяния, так как многочисленны наши беззакония перед тобой, господи... не сделай нас посмещищем...». В свете рассмотренных выше рассказов о чудесах с их ярко выраженной темой беззакония и справедливости приведенные молебны никак нельзя осмысливать в плане общих понятий о грехе и возмездии. Здесь речь идет о конкретных преступлениях господствующего класса и его страхе перед мстительной «рукой грешников» и «наступающих злом». Эта молитва-обличение может быть сопоставлена с грозным обличительным пафосом рассказа Лазаря об узниках. Оба текста поражают гневной силой, с какой бичуются пороки кровавого и бесчеловечного феодального мира.

Сопоставление похвалы в «Чтении» и в «Сказании» твдательствует о необычайном развитии и расширении идейно-политического значения культа Бориса и Глеба в период между восстаниями 1068—1069 гг. и киевским восстанием 1113 г., в период усилившегося натиска на Русь степняков. Функции святых князей усложняются — они теперь не столько целители недугов, сколько небесные воины, обороняющие Русскую землю от врагов, и верховные патроны «държавьных» князей, молитвенники перед богом об оправдании страшных преступлений феодалов и установлении в стране гражданского мира.

Это развитие культа с неменьшей силой отражено в искусстве. Святослав закладывает в Вышгороде новый каменный храм в честь Бориса и Глеба. Теперь мы знаем, что это было грандиозное сооружение, почти не уступавшее по своим масштабам громаде Софийского собора в Киеве.¹²⁶ Святослав не достроил храма и умер; его дело продолжил Всеволод, но законченный им величественный собор рухнул. Его вновь достраивал в 1111 г. Олег Святославич, а Мономах, соревнуясь с ним, украсил со сказочным богатством гробницы князей. Строительству грандиозного храма-мавзолея придается большое политическое значение. По предположению Л. В. Черепнина, с этапами этого строительства были связаны важные моменты развития русского летописания.¹²⁷ Памятники изобразительного искусства этой поры документируют расширение, точнее — изменение функций культа. Если раньше художники изображали Бориса и Глеба как целителей, «врачей безмездных», что оставалось существенным для сохранения влияния их культа в народе и в дальнейшем, то теперь их начинают представлять в виде святых воинов-феодалов, в их руках появляются мечи — выразительная эмблема феодальной власти («князь бо не туне мечь носит») и военного могущества. Возможно, что этот тип изображений Бориса и Глеба впервые появился в росписи каменного собора в Вышгороде.¹²⁸

В заключение наших наблюдений нужно остановиться на маленькой «вставке», как бы случайно вклинившейся между житийной частью «Сказания» и «Сказанием о чудесах», — «О Борисе какъ бе възъръм».

На протяжении почти столетия усилиями княжеской власти и церкви культ Бориса и Глеба распространился довольно широко. Их первые чудеса как целителей болезней могли доставить новоявленным святым некоторый успех и в среде темного люда, пользовавшегося при недугах заговорами и услугами знахарей, носивших ладанки и амулеты. В XI—XII вв. появляются изготовлявшиеся киевскими или вышгородскими мастерами христианские заместители языческих амулетов — медные кресты-энколпионы (складни) с изображениями Бориса и Глеба.¹²⁹ Внутри креста-складня могли класть какие-нибудь частицы со святого места (землю или траву с могилы святых князей и т. д.). Этими дешевыми изделиями, вероятно, широко торговали вышгородские церковники в дни праздников и особенно во время таких торжеств, как перенесение мощей. Изображения князей на этих мелких изделиях ремесленников-меднолитейщиков были столь миниатюрны и грубы, что вопрос о передаче действительного облика Бориса и Глеба не возникал. Какие-то иконные изображения святых князей были в их деревянных храмах. Их икону приказал написать Ярослав. Но по-настоящему вопрос о том, как их изображать, встал в 1111 г., при росписи огромного каменного храма их имени в Вышгороде; в этой росписи несомненно должны были быть изображения Бориса и Глеба. В связи с этим и предстояло узаконить уже определенное представление о внешнем облике погибших сто лет назад князей. Вероятно, к решению этого вопроса привлекался и епископ Лазарь, как старейший вышгородский церковник. Ничего реального о внешности князей он сказать явно не мог, но все же было установлено какое-то условное представление об этом, воплощенное в росписи храма-мавзолея.

Думаем, что с этим и связана считающаяся «вставкой» статья «О Борисе какъ бе възъръм», несколько напоминающая описание иконописного

¹²⁶ М. К. Каргер. К истории... стр. 93.

¹²⁷ Л. В. Черепнин. «Повесть временных лет»... стр. 309, 330—331.

¹²⁸ В. И. Лесючевский. Вышгородский культ... стр. 244—245.

¹²⁹ В. И. Лесючевский. Вышгородский культ... стр. 241—242.

подлинника. Оказывается, Борис был красив и высок, широкоплеч и тонкок станом; его круглое и веселое лицо с добрыми глазами опушала «борода мала и ус».¹³⁰ Последняя деталь зрительно отличала старшего Бориса от младшего Глеба, что было существенно для воплощения их образов живописцами. Несмотря на свою схематичность, этот образ по-человечески прост, привлекателен и жизненен; особенно примечательно указание на веселое лицо и добрые глаза, стремящиеся расположить читателя к памяти святого феодала. В правильности этой оценки описания облика Бориса убеждает и сравнение описаний явления святых князей в рассказе об узниках в «Чтении» и «Сказании». Если Нестор как в рассказе о сухорукой, так и в чуде с узниками изображает князей конными дружинниками, а в последнем рассказе им «предтечет» отрок со свечой (совсем как в церковной процессии), то в «Сказании» они являются пешими, как простые воины — «пешцы», да еще сами, подобно живым людям, заботятся, чтобы был «видок» их чудесного пришествия, пока они пешком, как калики-перехожие, но с чудесной быстротой сходят в греческую землю. Таким образом, человеческая, житейская простота «портрета» Бориса тесно связана со всем литературным строем «Сказания», с его ярко выраженным стремлением к реалистичности, к передаче живых человеческих чувств. Конечно, эти человеческие черты, отражающие психический склад Бориса, не могли быть реализованы живописцами, работавшими в пределах отвлеченного церковного стиля, но писатель это сделать смог, и это лежало в плане его стремлений к максимальной изобразительности и документальности его повествования. Поэтому мы с полной уверенностью полагаем, что эта «вставка» сделана автором «Сказания».

С. А. Бугославский, отделяя житийную часть «Сказания» и относя ее ко времени Ярослава, писал, что в этом произведении литературная умелость берет верх над летописным стремлением к исторической правде (как будто литературная умелость должна удалять от правды!). Автор был высоко образованным человеком, хорошо знакомым с византийской житийной литературой и со «Словом» Илариона. Сходство стиля отдельных мест его сочинения со стилистикой церковных служб и молитв является, по тонкому наблюдению исследователя, «результатом цитирования по памяти того, что автор „Сказания“ частенько читал в церкви» — он явно духовное лицо.¹³¹

В свете изложенных выше наблюдений над «Сказанием о чудесах» совершенно ясно, что похвала, завершающая первую, житийную часть «Сказания», органически связана и с рассказом о жизни и кончине Бориса и Глеба, и с последующим циклом чудес. Их объединяет в стройное целое как идейно-политический замысел, так и стиль изложения. Основная философская и политическая тема — о неправедном суде и беззаконии, о кривде и правде — пронизывает все «Сказание». Его увлекающие читателя страницы наполнены живыми образами людей и борьбой человеческих чувств, множеством взятых из реальной жизни деталей. Мы приходим к бесспорному выводу, что «Сказание» немислимо рассекать на две одновременные части, как это сделал С. А. Бугославский, так же как нет оснований видеть в тексте о чудесах труд трех авторов-редакторов. «Сказание» — единое высокохудожественное и актуальное произведение, созданное одновременно рукой одного автора. Как теперь можно предположить, оно написано между 2 мая 1115 г. и 6 сентября 1117 г. епископом Переяславля-Русского Лазарем.

¹³⁰ Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 51.

¹³¹ С. А. Бугославский. Пам'ятки..., стр. XXI—XXIII.

Ему же принадлежит как бы разрывающая «Сказание» «вставка» «О Борисе какъ бе възъръм», казавшаяся исследователям случайным и инородным телом. Закономерность появления этой статьи мы осветили выше. Но возникает вопрос — почему Лазарь не сделал подобного же литературного портрета Глеба? Думаем, что это тоже след холодной руки смерти, оборвавшей труд старого епископа, недописавшего и последних слов «Сказания».

В связи с этим можно догадываться и о внешнем облике его незавершенной рукописи. Она писалась на листах пергамента; компануя текст, Лазарь думал вставить в конце жития и похвалы князьям их литературные портреты и начал писать их на отдельном листе, но смерть не дала закончить этой вставки и на листе оставалось пустое место для второй статьи «О Глебе какъ бе възъръ». Вероятно из уважения к труду усопшего писателя бережно собранные листы его рукописи были оставлены без дополнения этой статьи и конца рассказа о перенесении мощей и в таком виде были переплетены, а затем и повторены во множестве списков, причем статья о Борисе приобрела характер случайной «вставки».

7

Сделанные выше наблюдения позволяют подвести основные итоги.

А. А. Шахматов был прав в своем решении вопроса о взаимоотношении Несторова «Чтения» и «Сказания» и датировке последнего, а также в догадке, что «Сказание» является единым, целостным произведением. Выдающимся исследователем русского летописания руководила мысль о тесной связи литературного и летописного труда с реальной исторической жизнью.

С. А. Бугославский в своем гигантском текстологическом исследовании по существу замкнулся в границах саморазвития текстов и отказался от исторической критики изучаемых произведений и пришел к искусственной, ошибочной концепции, которая вставала в противоречие с действительным ходом исторического развития и развитием самой литературы.

Как А. А. Шахматов, так и С. А. Бугославский не сделали попытки рассмотреть «Чтение» и «Сказание» со стороны их идейно-политического содержания и художественной формы, тем самым резкое различие обоих памятников осталось невыясненным. Тем более обоим исследователям была глубоко чужда мысль о связи изучавшихся ими произведений с классовой борьбой. В этом была причина того, что оба исследователя не заметили ни ясно видимых идейных и стилистических различий «Чтения» и «Сказания», ни почти прямых данных последнего, позволяющих установить его автора.

В своих возражениях на концепцию А. А. Шахматова С. А. Бугославский поставил ему и другим его последователям ряд вопросов, казавшихся Бугославскому неразрешимыми с позиций выводов Шахматова.¹³² Ниже, по ходу изложения наших выводов, мы попытаемся на эти вопросы ответить.

Одним из важнейших источников как Нестора, так и Лазаря были записи, ведшиеся при вышгородской церкви. Как можно думать, они не ограничивались более или менее подробными записями чудес, к которым был причастен и сам Лазарь, но содержали и достаточно обильные сведения об обстоятельствах гибели князей, в особенности же Бориса. Как показывает насыщенность изложения этой темы в «Сказании» конкрет-

¹³² С. А. Бугославский. К вопросу... стр. 142—143.

ными, явно не вымышленными живыми подробностями, эти последние могли быть известны лишь очевидцу или участнику самого убийства. Думаем, что такими информаторами могли быть попы, сопровождавшие Бориса и Глеба, конечно, не убитые агентами Святополка (попов били смерды) и, вероятно, пришедшие в Вышгород, куда сразу привезли убитого Бориса; его тело, возможно, и сопровождал тот «попин», который упомянут в «Сказании» как очевидец смерти Бориса. Их рассказы и могли быть зафиксированы в вышгородских записях, равно как сведения об обстоятельствах поисков останков Глеба на пустынном Смядынском урочище под Смоленском. Эти записи дополняли сравнительно скурые данные, отраженные в летописной повести 1015 г. Их материал был по-разному использован Нестором и Лазарем.¹³³

«Чтение» Нестора характеризуется отвлеченностью изложения. Он составлял церковное житие, следуя образцам греческих агиографов.¹³⁴ В связи с этой задачей он оставлял без внимания живые подробности вышгородских записей, от конкретности он стремился к абстрактности. Видимо, его признание, что он «от многих мала въписах»,¹³⁵ говорит о его отношении и мере использования им своего источника — вышгородских записей. Его малый литературный опыт сказался в промахах или пропусках при выборке материала. Таково упоминание о клетской церкви, при отсутствии своевременного указания о ее постройке. Данные о житейских причинах пожара церкви Василия противоречат сентенции Нестора о божественном промысле. Сохранение реальных подробностей о схватке в ладьях в рассказе о смерти Глеба и деловых обстоятельствах постройки деревянных храмов идет вразрез с общим абстрактным стилем изложения. «Чтение» в целом освобождено от «земных» подробностей, имен и географических определений. По меткому замечанию С. А. Бугославского, Нестор «игнорирует действительность», а исторические интересы стоят на последнем месте.¹³⁶ Божественный промысел руководит действиями людей. Борис и Глеб — образцовые святые, стремящиеся чуть не с рождения к мученичеству. Их «житие и страсть» — доказательство узкофеодальной династической морали: подчинение младших князей старейшим является высшим законом междукняжеских отношений. Чудеса от мощей святых князей освещены с позиций авторитарного мышления церкви: они, как и вера, не требуют, по мнению Нестора, доказательств. Изложение чудесных исцелений и помощи князей узникам равно и бесстрастно, лишено человеческих эмоций и социальной окраски. Вступление к «Чтению» с его церковно-исторической концепцией о первостепенном значении христианского русского народа в мировой истории не ново и не оригинально. Оно напоминает «Слово» Илариона, с которым имеет и ряд текстуальных параллелей.¹³⁷ Оба произведения были рассчитаны на узкую аудиторию феодальных верхов. Однако «Слово» неизмеримо выше «Чтения». «Слово» — произведение широкого философского и исторического размаха, торже-

¹³³ Н. К. Никольский, возражая против возможности отнесения «Сказания» в целом ко времени после 1115 г., полагал, что трудно доказать единство памятника по содержанию и по данным дошедших списков. Вторым доводом было утверждение, что «Сказание» должно было предшествовать Повести временных лет, так как составитель ее пользовался уже «готовыми материалами» о Борисе и Глебе (см.: Никольский. Материалы..., стр. 257). Таким материалом как для «Сказания», так и для Повести были одни и те же вышгородские записи, составившиеся тем же Лазарем и, может быть, близкие к «Сказанию» по содержанию и стилю.

¹³⁴ С. А. Бугославский. К вопросу..., стр. 155.

¹³⁵ Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 26.

¹³⁶ С. А. Бугославский. К вопросу..., стр. 164, 172.

¹³⁷ С. А. Бугославский. К вопросу..., стр. 145—147.

ственное и литературно сложное; его герои эпически могучи и прекрасны; его великолепный строй сродни величественному и светлому пространству киевской Софии, где, видимо, и было произнесено мудрое «Слово» знаменитого русского митрополита. «Чтение» же — это трафаретное житие, которое легко представить произносимым в монастырском храме монотонно звенящим скопческим голосом чтеца-монаха.

Мы не касаемся здесь вопроса о точной датировке «Чтения», создано ли оно в 80-х годах XI в., как полагал А. А. Шахматов, или же оно написано Нестором в княжение Святополка, около 1108 г., как считал С. А. Бугославский и теперь считает Л. В. Черепнин.¹³⁸ Для нас сейчас важно, что оно предшествует «Сказанию», а его стиль и характер связывают «Чтение» с более ранним временем, последней четвертью XI в., или с уже архаическими для начала XII в. традициями литературы XI в. Во всяком случае уже во время своего появления «Чтение» сразу же отставало от жизни и ее требований. Русское летописание под пером Никона необычайно обогатилось по содержанию и форме. Уже прозвучало трагическое «Слово о казнях божиих», откликнувшееся на потрясшие феодальную Русь восстания горожан и смердов 1069—1071 гг. Оживилось язычество. Волхвы действовали не только в деревне далекого Поволжья, но и в самом Киеве и Новгороде; восставшие крестьяне нападали на Печерский монастырь. Одним из вызванных этими событиями идеологических мероприятий князей и церкви были первое перенесение мощей Бориса и Глеба в 1072 г. и организация их новых чудес; тогда же был оформлен и новый жестокий закон — «Правда Ярославичей». Однако обстановка продолжала осложняться. В народные массы проникала грамотность и просвещение, а вместе с ними усиливалось критическое отношение к религии. Русские люди ходили в «святую землю», чтобы проверить истинность церковной мифологии, и приносили на родину новые шатания и сомнения. Положение церкви становилось трудным. Крупнейшие князья и иерархи организовали путешествие игумена Даниила в Палестину. Его знаменитое «Хождение» дало образец для аргументации истинности мифов и реликвий. Все эти условия ставили на очередь необходимость идеологического перевооружения и крупнейшего русского культа Бориса и Глеба, в котором массы простых людей упорно и законно видели «лжу», и замены отвлеченного и узкого по своей идейной задаче «Чтения» Нестора новым агитационно-ответственным произведением о жизни, гибели и чудесах святых князей, отвечающим изменившимся и усложнившимся обстоятельствам и рассчитанным на широкую народную аудиторию.

Новый взрыв классовой борьбы — киевское восстание 1113 г. после смерти Святополка — еще более накалил обстановку; оно потрясло «богустановленную» власть феодалов и вновь угрожало оплотам церкви — Печерскому и другим монастырям.

Полагаем, что общерусский съезд князей и духовенства в Вышгороде в 1115 г. не ограничился церковным торжеством и пиром; они были лишь предлогом, чтобы, как и в 1072 г., провести широкое совещание по вопросам внутренней политики, обостренным киевским восстанием 1113 г. Возможно, что и сами пышные торжества освящения грандиозного и пышно украшенного храма в Вышгороде и перенесение мощей было одним из актов идеологической борьбы с возмущением народных масс. Можно думать, что на этом съезде были утверждены законодательные мероприятия Мономаха, спешно разработанные им в 1113 г. («по Святополце») в узком кругу тысяцких и представителей знати. Если справедлива догадка

¹³⁸ Л. В. Черепнин. «Повесть временных лет»... стр. 312.

Л. В. Черепнина о том, что Нестор создал «Повесть временных лет» в связи с вышгородским торжеством 1115 г.,¹³⁹ то можно думать, что этот труд был частью хорошо продуманного литературно-политического плана и, может быть, к 1115 г. был уже закончен. Видимо, на съезде 1115 г. обсуждались и вопросы церковной пропаганды, в особенности культа Бориса и Глеба, и здесь епископ Лазарь получил поручение составить новое сочинение об их жизни, гибели и чудесах.

Выбор Лазаря был оправдан не только тем, что это был преданный Всеволоду и его сыну Мономаху человек, игумен их «отнего» монастыря на Выдубицах, а потом епископ их Переяславльского княжения, — Лазарь был связан с Вышгородом и культом Бориса и Глеба как «старейшина клириков» вышгородского храма мучеников, досконально знал их чудеса и сам вел их протокол — вышгородские записи. Он знал и то, как относился народ к феодальной вышгородской святыне, и, наверно, лучше, чем кто-либо, оценивал силу неверия и размышлял о средствах борьбы с ним.

Теперь мы можем подвести общие итоги сделанным наблюдениям и дать оценку литературному труду Лазаря.

Выше мы выявили основную социально-политическую установку, отраженную в «Сказании», — это тема беззакония и справедливости, неправого и правого суда, тема о необходимости соблюдения законности как основы социального мира. Мы указывали также, что эта тема звучит в «Поучении» Мономаха, не раз возвращающегося к образцу своей личной гуманности и защите им интересов униженных и оскорбленных. Митрополит Никифор в своем послании Мономаху откликнулся на эти преувеличенные представления князя о своей справедливости и, льстя ему, называл Владимира «устроющим словеса на суде, хранящим истину в веки, творящим суд и правду посреде земля».¹⁴⁰ Очевидно, что эти мысли были продиктованы Лазарю или поняты и подхвачены им самим. Так или иначе, но он сделал их основной идеей «Сказания», раскрытой через образы святых князей Бориса и Глеба, невинно пострадавших от руки океянского Святополка, через цепь их чудес, где Лазарь поднял до необычайной изобразительной силы и политической остроты наиболее откровенные в социальном отношении рассказы о сухорукой и об узниках. Все его повествование посвящено «роду правых» князей. В «Похвале», завершающей житийную часть «Сказания», Лазарь поднимается до потрясающей силы обличения преступлений господствующего класса, оставляя далеко позади обличительную силу «Слова о казнях божиих», а в финале «Сказания» рисует резко контрастирующее мраку светлое торжество желанного социального мира, всеобщей радости богатых и бедных перед лицом церковного праздника в честь праведных князей.

Через все «Сказание» проходит и второй политический мотив — прославление Владимира Мономаха. Непосредственно и прямо оно выражено лишь на последних страницах «Сказания о чудесах». Но косвенно оно осуществлено путем различной степени «затенения» других князей. В прошлом — это законченный злодей и слуга сатаны Святополк, убийца праведных братьев. Его черная тень падает и на XII в., на его тезку, предшественника и соперника Мономаха — Святополка Изяславича. Он верит клевете, его суд был неправаден, против него поднимаются святые князья, освобождающие его узников и наущающие их спорить с князем, обличать его беззаконие, грозить ему какой-то карой. Его замысел заложить новую церковь над гробницами Бориса и Глеба после чуда с узниками не осу-

¹³⁹ Л. В. Черепнин. «Повесть временных лет»..., стр. 314.

¹⁴⁰ М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде, стр. 148

шествился по воле бога и святых мучеников — они отвергли его мысль. Святополк не очень почиттелен к святым князьям, он сопротивлялся перенесению их мощей в новую церковь, руководимый низкой завистью, что не он, а Олег достроил храм чудотворцев. Непосредственно следующий за этим рассказ о смерти Святополка и киевском восстании легко мог быть истолкован читателем как прямой намек на то, что восстание — кара Святополка волей святых князей. В этом суждении Лазарь был не одинок. В Печерском монастыре даже нападения половцев и другие несчастья объясняли божьей карой за беззаконие Святополка. «Много насилия людемь сътвори Святополк, домы силных до основания без вины искоренив, имени многих отъем. И сего ради попусти господь поганым силу имети над нимь, и быша брани многы от половець. К сим же и усобица бысть в та времена, и глад крепок, и скудета велиа при всем Рускою земли. . .».¹⁴¹ Все беды — от Святополка. Лазарь добавляет, что это за его неправду на голову социальных верхов и церкви обрушился страшный мятеж народа. Неправедный Святополк, идущий по греховному пути Святополка старого, — виновник нарушения социального мира. Социальное зло персонифицировано и осуждено.

Вместо идеи Нестора о подчинении старейшему князю, даже если он явный злодей, в «Сказании» выступает право осуждения старейшего, если он творит беззаконие. Право на княжеский стол имеет наиболее справедливый князь. Это — позиция и третьей редакции Повести временных лет, составлявшейся почти одновременно со «Сказанием» Лазаря.¹⁴² Так, на место умершего плохого князя на киевском столе сел князь хороший — Владимир Мономах. Это объяснение было на уровне «царистской» идеологии патриархального крестьянства, пронесшего ее через всю историю своей борьбы с феодальным гнетом: зло не в системе феодального строя, а в плохом князе. Даже в белозерской глуши восставшие в 1071 г. смерды верили в правосудие далекого владыки Святослава, видимо, представляя его еще в образе патриархального старейшины.

Лазарь поддерживает и закрепляет это заблуждение. Он дает читателю понять, что Владимир вообще лучше всех своих братьев. Вот Святослав думал, что ноготь от руки Глеба, случайно отломившийся, пока он тер ею свою голову, — проявление благоволения к нему святого князя, а церковь ему достроить не пришлось — он умер. Даже отцу Мономаха, Всеволоду, святые князья не очень помогали; он достроил храм, а тот взял да обрушился. Лазарь не делает этих прямых выводов, но он мастерски подводит к ним, и они естественно возникают у читателя. Так создается теневой фон для лучезарной и сказочной фигуры доброго, праведного Мономаха, на которую как бы падают яркие блики от сверкания золота, серебра и хрусталей его кивория над гробницами Бориса и Глеба в Вышгородском соборе.

Третьей важнейшей социально-политической темой «Сказания» является пропаганда общерусского, национального значения культа Бориса и Глеба. Они уподобляются забралам крепости, охраняющей Русскую землю, они помогают князьям побеждать «поганых» — они обоюдоострые мечи в борьбе с половецкой однолезвийной саблей. Эта мысль «Сказания» была также созвучна чаяниям народа, страдавшего от нашествий степняков. В этой же связи Лазарь осуждает усобицы — «пусть будут чужды нам усобные брани». Это все мысли, откликающиеся на злободневные политические темы современности — борьбу за целостность распадавшегося под неумо-

¹⁴¹ Патерик Киево-Печерского монастыря, стр. 106.

¹⁴² Л. В. Черепнин. «Повесть временных лет»... стр. 321.

лимым давлением центробежных сил феодализма Русского государства, борьбу за его независимость с грозным натиском степи. Это — темы, близкие народному сознанию и воплощенные в эпических образах русских богатырей, стерегущих границы Русской земли. В ряд с ними Лазарь ставит своих героев Бориса и Глеба. Вторя ему, в искусстве создается образ конных Бориса и Глеба с мечами и стягами-копьями, поспевающих туда, где есть угроза миру и справедливости.¹⁴³ Это — образ идеализированных святых феодалов, стоящих на страже интересов всего народа. В связи с этим их роль как «врачей безмездных» отходит на второй план: Лазарь, как мы видели, уделил мало внимания переработке этих рассказов. Перенос внимания писателя с главной темы Нестора на новые задачи культа диктовался самой жизнью и усиливал идейную действенность и популярность святых князей.

Вместе с этим в «Сказании» прозвучала другая патриотическая нота — мысль о международной, мировой значимости культа Бориса и Глеба. Они превосходят солунского святого Димитрия — он защищал только свой город, Солунь, его интересы были феодально узки. Борис и Глеб пекутся не об одном или двух городах, ни о всех, но о всей земле Русской. Поэтому Вышгород — не даром Вышний город, он значительнее Солуня, а чудесная целительная сила Бориса и Глеба дана не только «нашему единому языку... но и всей земли... от всех бо стран ту приходяще туне почьреплють исцеление». Это — не местный патриотизм старого вышгородца Лазаря, связанного с «Вышним градом» воспоминаниями своей молодости и трудов. Это — проявление свойственного Лазарю представления о любимой Руси. Как и игумен Даниил, он искренний и горячий патриот, гордящийся тем, что драгоценный киворий Мономаха удивил греков, что родной Вышгород выше прославленного Солуня. Этот антигреческий мотив в «Сказании» лишний раз показывает искусственность представления о Мономахе как грекофиле, не одобрявшем национальных тенденций Печерского монастыря.¹⁴⁴

Наконец, последнее, но самое главное. Читатель Нестора движется среди явлений отвлеченного мира, в котором почти нет живых людей, а тем более народа. Пожалуй, только один раз народ появляется в церковном вступлении «Чтения» и то в роли «радостно текущих» креститься статигос, в театральной сцене крещения. М. Д. Приселков отметил, что Нестор вообще не высоко оценивал значение народа и считал, что «ум одного выше веча, движимого голодом и неспособного к тонкой мысли».¹⁴⁵ «Сказание» поражает нас обратным. После событий 1068—1071 гг. и 1113 г., современником которых был Лазарь, не заметить народа, его значения и силы было нельзя. Труд Лазаря был призван стать одним из средств «утоления мятежа» и укрепления веры в народных массах. Поэтому Лазарь делает представителей народа — дорогобужскую рабу и заточенных по клевете узников — центральными героями чудес Бориса и Глеба, оставляя в тени рассказы об исцелениях. Он с впечатляющей силой говорит о заступничестве святых князей за униженных и оскорбленных княжеским судом; они дают право узникам обвинять князя и угрожать ему; Лазарь влагает в молитву, заключающую житийную часть, по существу обвинительный акт злодеяниям феодалов. В апофеозе «Сказа-

¹⁴³ В. И. Лесючевский. Вышгородский культ... стр. 245.

¹⁴⁴ Возражения против этой точки зрения уже делались в литературе; см., например: Л. В. Черепнин. «Повесть временных лет»..., стр. 306—308; А. С. Орлов. Владимир Мономах. Л., 1946, стр. 55, 63—64.

¹⁴⁵ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 40—41.

ния» Лазарь мастерски рисует эпическую массовую сцену перенесения мощей, — народ затопил город и облепил, как пчелы, стены вышгородской крепости, он «оттирает» князей от гробниц, подобный грому крик народа помогает преодолеть «сопротивление» саркофага Глеба и водворить его в новом храме. Ничего подобного по изобразительной силе до Лазаря русская литература не знала. Под давлением масс и в интересах действительности церковной пропаганды в «Сказание» вошли со своим могучим голосом и требованиями сами народные массы и их представители. Можно думать, что и сам Лазарь, повидавший на своем долгом веку много зла и несправедливости и много простых людей, приносивших свои скорби в Вышгород в слепой надежде утолить их у гробов святых и праведных господ, — сам Лазарь внутренне понимал правду народного гнева и потому смог передать его с такой искренностью и живым чувством.

Те же исторические причины определили глубокое изменение самого художественного мышления и литературных приемов, выраженное в «Сказании». Выше мы указывали на эти примечательные черты труда Лазаря, перешедшего с позиций церковной отвлеченности к жизненной и исторической конкретности, с позиций авторитарного мышления на путь доказательств своих положений, от мотива божьего промысла — к исторической и психологической мотивировке явлений и поступков или же к народному понятию судьбы, «судьбины», того, что «на роду написано», — таково замечание о «скверном» рождении Святополка от черницы, да еще от двух отцов, предопределившем его «окаянство». Даже традиционные церковно-книжные отступления или молитвы, влагаемые Лазарем в уста героев, литературно оправданы и свободно вытекают из хода событий, объясняя их, расширяя возможность развития основной мысли автора. Он стремится сделать былью миф, усваивая принцип народного творчества творить вымысел как действительность. Отсюда обилие конкретных подробностей и реалий, точное указание имен действующих лиц и мест событий, оснащение изложения «Сказания» ссылками на свидетелей. Это сообщает «Сказанию» черты глубокой и тонко детализированной правдивости, черты историзма, это позволяет одному из списателей труда Лазаря, почти не нарушив стилиа и последовательности «Сказания», внести в него большой отрывок летописного текста о борьбе Ярослава со Святополком.¹⁴⁶

В этом сознательном глубоком историзме и конкретности мышления Лазаря и замысла его «Сказания» и лежит ответ на недоуменный вопрос С. А. Бугославского: почему автор «Сказания» предпочел обращаться непосредственно к летописи и почти ничего не использовал из труда Нестора как в отношении фактов, так и в отношении его стилистики.¹⁴⁷

В отборе своего материала и выборе формы его подачи, как мы уже говорили, Лазарь, сравнительно с Нестором, проявляет большое критическое чутье и умение, обращаясь не только к письменности и к своей памяти, но и смело вводя в свой текст форму народного плача-причети, сообщаящую его святым героям народные черты. Автор стремится придать образам Бориса и Глеба максимально возможную для литературы того времени жизненность и человечность, вызвать сочувствие к их горькой судьбине и тягостным переживаниям, чтобы читатель не остался безучастным, но читал строки «Сказания» «желеючи». Вспомним описание последних часов жизни Бориса: перед сном он помолился, «со слезами горькими и частым въздыханиемъ и стонаниемъ многымъ»; его сон был тяжек и мучителен; он встал рано, сам обулся и умылся; за утренней молитвой он

¹⁴⁶ Д. И. Абрамович. Жития..., стр. 44—46.

¹⁴⁷ С. А. Бугославский К вопросу..., стр. 142—143

услышал злой шопот убийц за полотнищем шатра и, объятый дрожью страха, заплакал; его попин и отрок, увидев его «дряхла (т. е. ослабевшего от страха) и печалию облияна суща зело» сами не могли удержать слез и т. д. Все эти черты, не лишённые налета излишней чувствительности, заставляют читателя сопереживать описываемые события, сочувствовать чувствам героев. В том же плане сделан литературный портрет Бориса с его веселым лицом и добрыми глазами.

Лазарь умеет использовать разнообразные литературные средства и формы — торжественный панегирик и яростное обличение, тонкую ироническую усмешку в рассказе с ногтем Глеба и молитвенные отступления. Он с мастерством и удивительным чутьем пользуется приемом контраста, сопоставляя добро и зло, черное и белое, бросая на события то ясный свет, то мрачную и тревожную тень. Поддерживая неослабевающий интерес читателя, Лазарь искусно меняет ритм повествования, то ускоряя, то замедляя его, достигая этим приемом в рассказе о гибели Бориса огромного драматического напряжения.

Такова идейная и художественная значимость «Сказания», выдающегося произведения русской литературы времени Мономаха, эпохи окончательного заката славы Киевской державы и грозных народных восстаний. Его автор переяславльский епископ и сподвижник Мономаха — Лазарь — по праву должен занять свое место в ряду крупнейших и славных писателей русской древности. Его место рядом с самим Мономахом и «игуменом Русской земли» Даниилом, но ближе к безымянному гению, создавшему «Слово о полку Игореве», так как в «Сказании» нашли широкий отклик народные идеи о справедливости и правде, о силе и славе родной Русской земли, а художественная ткань «Сказания» сблизилась с народным творчеством.

«Сказание» Лазаря меньше всего похоже на церковное житие, хотя оно имеет форму жития и содержит много элементов церковности. Это сложное произведение, сочетающее различные жанры, умело сплавленные Лазарем в единое и архитектурно-строительное целое. Подобно русским плотникам XI—XII вв., высокое искусство которых было еще не дифференцировано, которые с равным мастерством работали в разных «жанрах», строя избы и хоромы, храмы и крепости, перенося приемы гражданского зодчества в культовое, создавая единое русское зодчество древнейшей поры,¹⁴⁸ — подобно им епископ Лазарь обладал многогранным литературным талантом, используя в едином произведении приемы разных жанров. В этом своеобразии построения и формы «Сказания» содержится ответ на недоуменный вопрос С. А. Бугославского: почему автор «Сказания» не воспользовался «более полным» (?) «готовым житием» и обратился за подробностями не к Нестору (их у него как раз и не было), а к летописи и придал своему оригинальному произведению своеобразную трехчастную форму: житие, похвала, сказание о чудесах.¹⁴⁹ С. А. Бугославский, видимо, исходил из мысли, что литература могла двигаться только в русле образцов и традиций.

Разнообразие стилистических оттенков его сочинения, бывшее одним из доводов в пользу гипотезы С. А. Бугославского о нескольких авторах «Сказания о чудесах»¹⁵⁰, принадлежит одному Лазарю, свидетельствуя о богатстве и тонкости литературного таланта маститого автора, прошедшего долгий служебный путь и бывшего свидетелем почти более полувека

¹⁴⁸ Н. Воронин. У истоков русского национального зодчества. Ежегодник Института истории искусств, М.—Л., 1952, стр. 276.

¹⁴⁹ С. А. Бугославский. К вопросу..., стр. 142—143.

¹⁵⁰ С. А. Бугославский. Памятки..., стр. XIV.

русской истории. Идейно-политическая насыщенность «Сказания», ярко отраженные в нем черты народности, увлекательность и реалистичность повествования — все это привлекало интерес широких читателей и обеспечило долгую жизнь «Сказания». Этим объясняется и историческая обреченность «Чтения», мелькнувшего как краткий, не имевший последствий эпизод в литературной жизни XI—XII вв. и скоро и прочно забытого, оставившего всего 18 списков. «Сказание» же переписывалось на протяжении столетий, видимо, сотни раз, так как до нас оно дошло в исключительном количестве (свыше 150) списков. Характерно при этом, что последующие писатели почти не изменяли сделанного Лазарем. Его труд сохранил в глазах потомков свою ценность в первоначальном виде. Более того, Борис и Глеб вошли в народное творчество как герои духовных стихов.¹⁵¹

Влияние «Сказания» на развитие русской литературы ближайшего времени и последующих столетий вплоть до XVII в. было исключительно велико. В частности, его влияние сказалось в литературных памятниках Владимиро-Суздальской Руси XII—XIII вв.¹⁵² Поэтому представляет интерес вопрос о том, было ли среди книжных богатств Владимира «Сказание» Лазаря в непосредственном виде. Древнейший список «Сказания» известен нам по сборнику XII в. московского Успенского собора. Откуда он попал сюда? Есть основания думать, что оттуда же, откуда происходит ряд важнейших памятников искусства, сохранных в Успенском соборе Москвы, — из великокняжеского Владимира XII в. Так, в московском Успенском соборе оказались не только центральная святыня Владимира — икона Владимирской богородицы, но и знаменитый большой сион со сходной с боголюбовским киворием ротондальной нижней частью XII в., происходящий из драгоценной утвари владимирского Успенского собора,¹⁵³ и явно владимирские иконы, как например, оглавной Деисус XII в.¹⁵⁴ и др. Сборник Успенского собора и сам имеет художественную улику своего владимирского происхождения. На его новом (вероятно XV—XVI вв.) переплете сохранилась круглая литая бронза (диаметром 33 мм) темной меди типичного для XII—XIII вв. сплава с изображением характерного для владимиро-суздальской пластики льва с захлестнутым за спину «процветшим» хвостом.¹⁵⁵ Таких львов мы найдем и на Дмитриевском соборе во Владимире (1194—1197 гг.) и среди рельефов Георгиевского собора в Юрьеве-Польском (1230—1234 гг.); очень близкую фигуру льва мы видим среди сбитых рельефов Успенского собора 1158—1161 гг., перенесенных на стены Всеволодовых галерей 1185—1189 гг. Таким образом, эмблема на переплете сборника Успенского собора удостоверяет принадлежность рукописи какой-то храмовой библиотеке Владимирской земли и скорее всего владимирского Успенского собора.¹⁵⁶ Возможно, что

¹⁵¹ Д. И. Абрамович. Жития..., стр. XIII.

¹⁵² С. А. Бугославский. Литературная традиция в северо-восточной русской агнографии. Сборник статей в честь академика А. И. Соболевского, Л., 1928.

¹⁵³ Р. J. Uhrigenson. Romanische Einflüsse in der altrussischen Goldschmiedplastik. Zeitschrift für bildende Kunst, 1928—1929, № 10; Н. Н. Воронин. Боголюбовский киворий. КСИИМК, вып. XIII. М., 1946, стр. 55—66.

¹⁵⁴ В. Н. Лазарев. 1) Два новых памятника русской станковой живописи XII в. КСИИМК, вып. XIII. М., 1946, стр. 67—76; 2) Живопись Владимиро-Суздальской Руси. В кн.: История русского искусства, т. I. М., 1953, стр. 470 и сл.

¹⁵⁵ Эту деталь оформления рукописи отметил А. Н. Попов — «медный круг с изображением на нем льва с поднятой правой лапой» (А. Н. Попов. Библиографические материалы. ЧОИДР, 1879, кн. I, стр. 3).

¹⁵⁶ А. И. Соболевский, относивший Сборник Успенского собора к XIII в., считал, что он происходит из библиотеки ростовского епископа Кирилла (А. И. Соболевский и др. Остатки библиотеки XIII в. СОРЯС, т. 88. СПб., 1910, стр. 206).

текст «Сказания», созданного переяславским епископом Лазарем, попал во Владимир в то же время, когда для нужд владимирского летописания из Переяславля-Южного были получены епископский и княжеский летописцы.¹⁵⁷ Возможно также, что рукопись появилась с вышгородскими попами, сопровождавшими уехавшего на север вместе с вышгородской, будущей знаменитой Владимирской иконой богородицы Андрея Боголюбского. Отсюда становится ощутимой причина значительного влияния «Сказания» на литературу северо-востока, на «Повесть об убийстве Андрея Боголюбского», житие Леонтия Ростовского и другие памятники владимирской литературы XII в. Но это — тема другого нашего исследования.¹⁵⁸

¹⁵⁷ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв., стр. 66 и сл.

¹⁵⁸ Когда данная статья была уже набрана, я смог частично ознакомиться с интереснейшим исследованием проф. Лудольфа Мюллера: Studien zur altrussischen der Heiligen Boris und Gleb (Zeitschrift für Slavische Philologie, Band XXV, 1956, Heft 2 S. 329—363) и не имел возможности учесть его выводов.

Н. А. МЕЩЕРСКИЙ

К вопросу об источниках Повести временных лет

В той редакции Повести временных лет, которая представлена Ипатьевской и сходными с нею списками летописей, под 6618 (1110) г. мы читаем известное рассуждение летописца о том, что ангелы могут быть и у язычников; рассуждение иллюстрируется рассказом из жизни Александра Македонского, повествующим об его походе на Иерусалим.¹

Приведу этот рассказ полностью по списку Ипатьевской летописи с разночтениями Хлебниковского списка: «Аще ли кто речеть, яко аньела (ангела Хл.) несть у поганых, да слышитъ, яко Олександрю Макидоньскому ополчившю на Дарья и пошедшю ему, и победившю (повинувшю Хл.) землю всю от вѣсток и до запад, и побѣ землю Егупетьскую, и побѣ Арама, и приде в острова морьскыя, и врати лице свое взити в Ерусалим, побидити (побити Хл.) жиды, зане же бяху мирни со Дарьемъ. И поиде со вси вои его, и ста на товарищи, и почи. И приспе ночь, и лежа на ложи своемъ посреде шатра, отверзъ очи свои, види мужа, стояща над нимъ и мечъ наг в руке его; и обличенье (обличие Хл.) меча его, яко молонии. И запряже мечемъ своим на главу цесареву. И ужасеся цесарь велми и рече: „Не бий мене“. И рече ему ангел: „Посла мя бог уимати цесаре великий пред тобою и люди многи. Аз же хожю пред тобою, помагая ти (помогати Хл.). А ныне ведай, яко умерьши, понеже помыслил еси взити в Ерусалим, зло створити ереем божьим и к людем его».

«И рече цесарь: „Молю тя, о господи, отпусти ныне грех раба твоего, аче не любо ти, а ворочюся дому моему“.

«И рече ангел: „Не бойся, иди путем твоим к Иерусалиму, и узриши ту в Ерусалими мужа в обличени моем, и борзо пади на лица своемъ и поклонися мужу тому, и все, еже речеть к тебе, створи. Не преступи речи ему; в онъ же день преступиши речь его, и умерши“.

«И вѣстав цесарь, иде в Ерусалим. И пришед вѣспроси ереев: „Иду ли на Дарья?“.

«И показаша ему книги Данила пророка и рекоша ему: „Ты еси козел, а он овен и потолчеши и возьмеша царство его“.

«Се оубо не ангел ли вожаше Олександрю? Не поган ли побешаше?»²

Этот рассказ летописи, без сомнения, не может быть признан плодом творчества самого летописца. Мы имеем здесь бесспорную выдержку из ка-

¹ Указываемое место летописи относят обычно к так называемой «второй» редакции Повести временных лет (по А. А. Шахматову), т. е. редакции 1118 г., или «третьей» редакции (по мнению М. Приселкова, поддерживаемому в наши дни Д. С. Лихачевым), которая, предположительно, была составлена по почину Мстислава, сына Владимира Мономаха, в 1117 г. переведенного оттуд из новгородского княжения в г. Белгород Киевской земли, в непосредственное соседство с киевским столом, в наследники и соправители которого он был предназначен.

² Цитирую по «Повести временных лет по Ипатскому списку» (издание Археологической комиссии 1871 г., фототипическое, стр. 194)

кой-либо версии повествования об Александре Македонском. Произведение это, восходящее к греческому роману эпохи эллинизма, возникшему, по-видимому, в Египте незадолго до начала нашей эры, неправильно надписывалось именем одного из сподвижников македонского завоевателя, Каллисфена.³ Оно было широко распространено в средневековую эпоху на самых различных языках как в западных, так и в восточных литературах во всех странах христианского и мусульманского мира, от Испании и Франции до Средней Азии.⁴

Однако непосредственный источник летописного повествования до сих пор еще не был раскрыт, и вопрос о нем даже и не ставился никем из исследователей, занимавшихся Повестью временных лет.

Роман об Александре, «Александрия», принадлежит к числу произведений, широко представленных и в древнерусской письменности. В. М. Истриным были изучены и изданы четыре древнерусских редакции этого романа.⁵ «Александрия», по всей видимости, была переведена с греческого непосредственно на Руси в Киевскую эпоху.⁶ Однако ни одна из четырех редакций древнерусской «Александрии» не имеет ничего хоть сколько-нибудь похожего на летописный отрывок. Не находим мы ничего сходного и в южнославянских версиях романа об Александре, например в сербской «Александрии».⁷

Эпизод о походе Александра Македонского на Иерусалим содержится лишь в одной, позднейшей редакции греческого текста Псевдокаллисфена (редакция С по Истрину). Там он представляет собою пересказ 8-й главы XI книги «Древностей Иудейских» Иосифа Флавия.

Как было правильно замечено В. М. Истриным, уже древнейшая первая древнерусская редакция «Александрии» заменила эпизод о походе Александра на Иерусалим обширной вставкой из хроники Георгия Амартола. В этой последней иерусалимский поход Александра Македонского излагается в благочестиво христианском духе и соединен со сказанием Епифания Кипрского «О 12 камнях на ризе Иерусалимского первосвященника», включенным еще в «Изборник» Святослава 1073 г. и, вероятно, дважды послужившим основанием для летописного рассказа: во-первых, во вводной его части и, во-вторых, в повествовании о походе Олега на Царьград год 907 г.⁸ Из первой редакции «Александрии» указанная вставка перешла и во все последующие древнерусские редакции и списки.⁹ Таким образом, само собою отпадает предположение о возможном заимствовании летописцем изучаемого нами эпизода из какой-либо русской или вообще славянской «Александрии». Не дают ничего и сопоставления как с греческими, так и с западными версиями романа об Александре.

Наибольшую близость к приведенному летописному рассказу мы встречаем только в одной версии этого романа — в средневековой древнееврейской, которая существовала как в отдельном виде, в так называемой «Книге Александр Македон», так и в составе второй части всемирно исторической хронографии, приписывавшейся «Иосиппону» или «Иосифу Го-

³ См.: В. В. Струве. У истоков романа об Александре. Сборник «Язык и литература», т. II, в. 2. Л., 1927, стр. 133.

⁴ См.: Е. Э. Бертельс. Роман об Александре. М.—Л., Изд. АН СССР, 1949.

⁵ В. М. Истрин. Александрия русских хронографов. М., 1893.

⁶ См.: А. И. Соболевский. Особенности русских переводов до-монгольского периода. СОРЯС, т. XXXVIII, № 9, 1910, стр. 160—180.

⁷ См.: А. Н. Веселовский. К вопросу об источниках сербской Александрии. ЖМНП, 1884, ч. 233, отд. 2, стр. 149—197; ч. 235, отд. 2, стр. 16—18.

⁸ А. А. Шахматов. «Повесть временных лет» и ее источники. ТОДРЛ, т. IV. Л., 1940, стр. 80.

⁹ В. М. Истрин. Александрия русских хронографов, стр. 123.

риониду», «Иосифу бен Гориону».¹⁰ Для сравнения привожу сделанный мною подстрочный перевод из указанной книги:¹¹

«И вышел Александр из Македонии с войском сильным весьма (букв. «в силе тяжкой весьма»), и пошел против Дария войною. И побил он все народы, которые были в союзе с Дарием. И побил он землю Египетскую (евр. «Мицраим») и землю Эдом, и вышел на берег моря, и побил Акко и Аскалон, и Газу. И вознамерился он (букв. «положил лицо свое») пойти на Иерусалим (букв. «подняться на Иерусалим»), чтобы покорить его, так как он был в союзе с Дарием. И вышел он из Газы со всем воинством своим, и был на пути в становище своем, он расположился там сам и воинство его.

«И было ночью той, и вот он почил на ложе своем посреди шатра. И увидел он, и вот муж стоит у изголовья его, облеченный в льняную одежду. И меч обнаженный в руке его. И в руке его меч, как сияние молнии, которая блистает в день дождя. И занес он меч свой над головою царя.

«И испугался царь весьма и сказал ему: „Зачем господин мой бьет раба своего?“.

«И ответил он ему: „Послал меня бог, чтобы сломить пред лицом твоим царей великих и могучих и покорить под тебя народы многочисленные. И вот я ангел, идущий пред лицом твоим, чтобы помогать тебе. А теперь знай, что непременно умрешь (букв. «смертью умрешь») ты за то, что замыслил ты идти против Иерусалима, чтобы причинить зло священникам Иахве и народу его“.

«И сказал царь: „Прошу тебя, прости грех рабу твоему. И если это зло в глазах твоих, то я вернусь“.

«И сказал ему муж: „Не бойся! Ибо прощаю тебе грех этот. Быстро иди путем своим к Иерусалиму. И будет, когда ты приблизишься к Иерусалиму, и увидишь мужа, одетого в льняные одежды, каким ты видишь меня. И когда встретишь его, быстро пади на лицо свое на землю перед ним и окажи ему почтение, и все, что он скажет тебе, исполни. И не преступай повеления его, ибо смертью умрешь в день, в который нарушишь речь его...“.

«И сказал священник царю:¹² „По слову Иахве, иди, и сокрушишь (Дария), ибо он предаст его в руки твои“. И принес он (священник) ему книгу Даниила пророка, и прочитал в ней, и показал ему писание, написанное в ней, о баране с выдающимися рогами и о козле, который устремился на барана и низвергнул его на землю.¹³

«И сказал священник царю: „Ты — это козел, а Дарий — баран. Ты низвергнешь его на землю и захватишь царство его!“.

«И укрепил священник сердце царя».

Как видим из сопоставления двух приведенных текстов, летописный рассказ представляет собой несколько сокращенное, но весьма близкое к тексту изложение иерусалимского эпизода романа об Александре именно по «Иосиппону». Заслуживает внимания следующий факт. Из краткого упоминания Иосифа Флавия, вложенного им в уста Александра в качестве объяснения того, почему он оказывает почтение иерусалимскому первосвященнику, о его сновидении еще во время пребывания в Ма-

¹⁰ См.: А. Я. Гаркави. 1) Неизданная версия романа об Александре. СПб 1892, стр. 49 и сл.; 2) Новые данные для истории об Александре. СПб., 1892.

¹¹ Перевожу по изданию: F. Breithaupt. Josippos sive Josephus ben Gorion. L. II. Gotha et Lipsiae, 1710, с. 6, стр. 84 и сл.

¹² F. Breithaupt. Josippos sive Josephus ben Gorion, кн. II, гл. VII, стр. 88.

¹³ См.: Кн. Даниила, гл. VIII, ст. 3—8.

кедонии, когда он размышлял о том, идти ли ему походом на Персию, — «Иосиппон» делает драматизированный рассказ, помещая его непосредственно перед посещением Александром Иерусалима. Летопись передает все подробности именно этого выразительного диалога с одинаковым числом реплик ангела и царя.

В рассказе летописца мы встречаем многочисленные следы использования им текста, переведенного непосредственно с еврейского оригинала, что может быть объяснено только тем, что летописец имел в своем распоряжении довольно точный древнерусский перевод еврейского сказания об Александре. Даже в летописной передаче продолжают явственно проступать гебраизмы. Это проявляется прежде всего в использовании особых значений слов, свойственных именно древнееврейскому языку. Так, в летописном рассказе древнерусский глагол «възйти» употреблен для обозначения движения к Иерусалиму, что полностью соответствует семантике глагола **עלה** — «идти вверх», «подниматься», «идти от берега моря вглубь страны», затем специально «идти по направлению к Иерусалиму».¹⁴

Во-вторых, текст летописного повествования насыщен буквальными передачами древнееврейских фразеологических сочетаний. Сюда относятся устойчивые сочетания со словом «лице» (евр. **פני**), например: «вратити лице», «пасти на лице», а также такие, как выражение «преступити речь» (евр. **עבר את פי**) и др. Подобного рода семантические и фразеологические гебраизмы могли бы быть признаны «библейзмами», обычными в языке переводов ветхозаветных книг Библии, поскольку они встречаются и в древнееврейских подлинниках этих произведений и отсюда перешли как в греческий перевод «Септуагинты», так и, уже через него, в старославянские переводы. Однако в данном случае совпадения настолько близки, что мы сможем смело признать эти выражения следом непосредственно древнееврейского оригинала, бывшего под рукою древнерусского переводчика.

Наряду с семантическими и фразеологическими гебраизмами доказательством прямого использования переводчиком именно древнееврейского текста являются и отдельные черты буквализма в передаче древнееврейских синтаксических конструкций. Так, например, «зло створити ереем божьим и к людем его». В данном случае русский предлог «к» соответствует по своей синтаксической функции предлогу **ל** в качестве грамматического показателя датива: **לעמו**. Явлением такого же порядка нужно считать и смешение в русском тексте личных (указательных) и возвратно-притяжательных местоимений, например: «со всеми вои его» вместо «со всеми вои своими». Известно, что древнееврейский притяжательный суффикс третьего лица **ו** соответствует как одному, так и другому русскому значению.

Наряду с указанными буквализмами перевода следует отметить во многих случаях свободную передачу смысла древнееврейских выражений грамматически правильными русскими словосочетаниями, что свидетельствует о стилистической самостоятельности переводчика. Так, фразеологическому сочетанию **רע בעיניך** — «зло в очах твоих» соответствует в русском тексте «аче не люблю ти», что совершенно верно и тонко передает не только смысловое содержание, но и эмоциональную оценку древнееврейской идиомы. Тавтологическое сочетание, дважды встречающееся в древнееврейском подлиннике: **מות תמות** — «умирая умрешь», передано древнерус-

¹⁴ Ср греческий глагол *ἀναβαίνειν* с аналогичным значением

ским простым глаголом «умреши». Усилительно-императивная форма редупликации глагола $\text{לך} - \text{ךך}$ переведена простым глаголом «иди».

Отдельные особенности перевода свидетельствуют о том, что перед глазами переводчика находилась древнееврейская рукопись, отличавшаяся от той, которая была положена в основу издания Брейтхаупта, использованного нами. Так, если в последнем мы читаем «земля Эдом» (ארץ אדום) то переводчик, по всей видимости, прочитал ארץ ארם , т. е. «земля Арам», как он и передал в русском тексте, имея в виду Сирию. Начертания букв ך (реш) и ר (далет) настолько близки друг к другу, что переписчики легко могли их смешать, огласовки же в тексте «Иосиппона», как и вообще в небиблейских средневековых текстах, быть не могло. Поэтому мог легко ошибиться и переводчик. Вероятно, в его оригинале было в этом слове так называемое *Scriptio defectiva*. Подобное же смешение мы встречаем и в соответствии сочетания שם פניו — «положил лице свое», т. е. «вознамерился», и русского «врати лице свое». По всей вероятности, в данном случае переводчик читал שב פניו — «повернул лицо свое», т. е. вместо буквы פ (мем) в имевшейся перед ним рукописи была в этом слове буква ב (бет), с которой может быть смешана буква פ (мем) в своем «конечном» начертании; что же касается диакритических знаков под буквой ש (ש шин или ש син), то и таких, как известно, не употребляли в средневековых рукописях светского содержания. Таким образом, приведенные разночтения древнерусского текста по сравнению с оригиналом могут быть очень хорошо объяснены со стороны палеографии.

Итак, летописный отрывок есть не что иное, как несомненная цитата из древнерусского перевода книги «Иосиппона».

Следует заметить, что отдельные части этого же перевода обнаруживаются в различном объеме в целом ряде памятников древнерусской исторической письменности, однако они никем еще не были определены и опознаны в качестве частей единого целого.

Прежде всего в составе так называемого «Еллинского и Римского летописца», в его второй редакции, имеется особая повесть «О взятии Иерусалима, третья, Титова», которая включает в большей своей части древнерусский перевод VI книги «Иосиппона». Это последнее произведение было чрезвычайно распространено на севере и северо-востоке Руси в период с XV по XVI в.; оно засвидетельствовано десятками списков в трех различных редакциях; оно оказало воздействие на ряд русских оригинальных исторических произведений, как например, сказание о Липицкой битве в Суздальской летописи под 1216 г., сказание о взятии Москвы Тохтамышем в Московском летописном своде 1480 г., даже повесть XVII в. «Об Азовском осадном сидении». Богатой фактами литературной истории этого памятника будет посвящена особая работа автора настоящей статьи.¹⁵

Во-вторых, части древнерусского «Иосиппона» сохранены в так называемых «Трех пленениях Иерусалима» — компилятивном хронографическом произведении, которое мы имеем в составе так называемого Академического хронографа и в подобных ему списках.¹⁶ Здесь мы находим повести

¹⁵ Повесть эта не подвергалась специальному изучению. По всей видимости, она попала в поле зрения научных изысканий акад. В. М. Истрина в последние годы его жизни. В его архиве хранится папка с копиями ряда списков, несколько выписок со словарным материалом, извлеченным им из памятника в сопровождении ряда черновых замечаний (см.: Архив АН СССР, фонд 322/7, № 7).

¹⁶ Рукопись Библиотеки Академии наук СССР № 45.13.4 XV в., а также идентичные с ним по составу Уваровская № 3 (18), находящаяся в Государственном историческом музее в Москве, и Троицко-Сергиевская № 1 (13) — во Всесоюзной библиотеке им. В. И. Ленина.

о мучении Елеазара и семи братьев, а также о восстании иерея Мататиага (Маттафии) против царя Антиоха.

В. М. Истрин, еще в 1905 г. опубликовавший тексты названных отрывков в своей работе об Академическом хронографе, не мог определить их источника, считая их произведениями новозаветной эпохи на том основании, что в них очень много и часто говорится о воскресении мертвых и что они по стилю напоминают рассказы о христианских мучениках.¹⁷ В действительности оригиналом этих сказаний являются отрывки из III книги «Иосиппона» (первое сказание в главах 6, 7, 8; второе — в главе 12 этой книги). Это, несомненно, отрывки того же перевода, с которым мы встречаемся и в повести «О взятии»; мы легко можем распознать те же стилистические и синтаксические гебраизмы, как бы сквозящие сквозь ткань древнерусского текста, те же приемы перевода, сходные фразеологические сочетания, излюбленные переводчиком. Они близки к разобранным нами выше языковым особенностям летописного отрывка, сохранившего часть перевода II книги. Возможно, что следы той же II книги «Иосиппона» откроются при ближайшем внимательном изучении второй редакции древнерусской «Александрии», текст которой содержит свыше 15 добавлений по сравнению с первой редакцией; В. М. Истрин не смог найти их источников. Эта редакция, как известно, сохранилась в тех же списках «Еллинского и Римского летописца», что и «О взятии Иерусалима».

Таким образом, наличие отрывка из «Иосиппона» в Повести временных лет доказывает существование древнерусского перевода книги «Иосиппона» в полном ее объеме уже в XI—XII вв. Перевод этот, вне всякого сомнения, был сделан именно на Руси и на древнерусский, а не на старославянский литературный язык. Свидетельством тому являются яркие, бросающиеся в глаза восточнославянизмы, пронизывающие собою весь приведенный выше летописный отрывок.

Мы имеем возможность отметить такие характерные явления древнерусской лексики, как «шатер», «товарище» (в смысле «воинский стан», «лагерь»). Типичными следует признать такие фонетические руссизмы, как «ночь», «ворочюся», «аче», «хожую», «вожаше», «молонии» и ряд других. Морфологические особенности тоже специфически древнерусские, например форма винительного падежа множественного числа от существительного с основой на «jo» с флексией «ѣ»: «царѣ». Синтаксис в ряде мест отражает свойства русской народной речи: соединение в одном и том же сложном предложении сочинительной и подчинительной связи — «аче не либо ти, а ворочюся дому своему», «в онъ же днь преступиши речь его, и умерши».

В отличие от окружающих его частей Повести временных лет, содержащих по преимуществу записи о церковных событиях и изложенных церковно-славянским возвышенным слогом, отрывок сразу поражает своим русским народным языковым складом.

Весь отрывок в целом отличается живостью, яркостью, образностью и выразительностью языка. Те же черты народности в языке мы обнаруживаем и в названных выше остальных частях древнерусского «Иосиппона». Это говорит о высоком мастерстве переводчика, отваживавшегося переводить вообще очень трудные для перевода средневековые еврейские тексты светского содержания.

Литературная судьба перевода, сохранившегося не в целом, а лишь в отдельных отрывках, в виде позднейших цитат или в составе компилятивных произведений, не представляет собою чего-либо необычного для

¹⁷ В. М. Истрин. Хронограф Академии наук 45.13.4. Одесса, 1905, стр. 13 и сл.

древнерусской письменности. Аналогичное положение наблюдается, например, и в отношении древнерусского или старославянского перевода хроники Иоанна Малалы. Это чрезвычайно своеобразное произведение византийской литературы, сохранившееся лишь в одном греческом списке, имевшем в полном виде в древнерусском переводе, тоже сделанном, по всей вероятности, на Руси и не позже XI в. Однако перевод тоже не дошел до нас в рукописях как целостное произведение: мы имеем разрозненные куски его в составе различных компилятивных древнерусских хронографов. Большая часть текста книг I—X находится в Архивском и в идентичном с его первыми частями Виленском хронографах; фрагменты книг XI—XVIII находятся только в списках «Еллинского и Римского летописца» так называемой первой и второй редакций. Кое-какие отрывки сохранились в особом виде хронографе Софийской библиотеки № 1454, исследованном в свое время В. М. Истриным.¹⁸

Та же Повесть временных лет под 1114 г. помещает отрывок из Хронографа, не совпадающий по объему и содержанию ни с одним из известных нам списков.¹⁹ Наконец, при более внимательном изучении хронографических памятников возникает возможность найти новые отрывки этого перевода, ускользнувшие в свое время от внимательного взгляда такого кропотливого исследователя, каким был В. М. Истрин. Так, в составе IV книги древнерусской «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия по тексту Виленского и Академического хронографов обнаруживаются два, оставшиеся неизвестными В. М. Истрину, отрывка из X книги древнерусского текста Малалы, повествующие о царствовании римского императора Веспасиана.²⁰

Сходная судьба древнерусского «Иосиппона», переведенного на Руси с древнееврейского языка, и древнерусского Малалы, переведенного с греческого, является доказательством того, что о составе древнерусской литературы Киевского периода отнюдь нельзя судить по незначительному числу случайно дошедших до нас современных их созданию списков. Она была, бесспорно, богаче и разнообразнее, чем можно судить только по случайно сохранившимся до наших дней ее осколкам.

При исследовании разбираемого нами летописного отрывка заслуживает еще особого внимания следующее обстоятельство: выше приведенный рассказ Повести временных лет в слегка измененном виде читается также и в тексте «Летописца Переяславля-Суздальского» под тем же 6618 (1110) г., непосредственно после рассказа о явлении света над гробом Феодосия Печерского.²¹

¹⁸ В. М. Истрин. Хроника Малалы. Книга X. Летопись Историко-филологического общества при Новороссийском университете. Одесса, 1913.

¹⁹ А. А. Шахматов. «Повесть временных лет» и ее источники, стр. 76.

²⁰ Уже С. П. Шестаков в 1894 г. указал на наличие данных отрывков в рукописи Архивского хронографа (см. его статью «О значении славянского перевода хроники Иоанна Малалы для восстановления и исправления ее греческого текста»: Византийский временник, т. I. СПб., 1894, стр. 519, 520). Однако, по-видимому, это указание осталось неизвестным В. М. Истрину, и он не включил их в подготовленное им издание X книги. Возможно, он не сделал это и потому, что, вслед за И. И. Срезневским и другими исследователями, считал, что выдержки из хроники Малалы прекращаются, начиная со II книги «Истории Иудейской войны». При подготовке же к изданию этой последней он брал в основу список ее отдельной редакции, в составе которой вставок из Малалы не обнаруживается.

²¹ Так называемый «Летописец Переяславля-Суздальского», или «Летописец русских царей», — памятник, сохранившийся в списке Архивского хронографа (рукопись бывш. Архива Министрства иностранных дел, № 279/658, ныне находящаяся в Центральном государственном архиве древних актов в Москве). Первооригинал, как правильно замечено еще первым издателем памятника М. А. Оболенским, был составлен в Переяславле-

Прочитируем его в полном объеме:

«Си ж агглский вид, аггел бо сице является, яко же Макидону явися, спящу ему в шатре, ста над ним, иды мысля Иерусалим взяти. И мечь дрѣжа мльниин в руке и надклони над Олександра. И устращися Олександр велми и рече: „Господи, не убий мене“. И рече аггел: „Посла мя бог уимати цесари великиа пред тобою, и хожю пред тобою и помагаю ти, а ныне ведай, яко глаголеши: „Ерусалим с жиды Дарию мирни, идеши их пленити, и священники потребити, и ты не будеши жив, но умреши“. И рече Александр: „Молюся, господи, отпусти ми грех, а не любо ти война моя, аз ворочюся к дому“. И рече аггел: „Не бойся, иди в Иерусалим, и узриши ту в Иерусалиме мужа в обличье мое, и уборзи пасти на лица своем, и поклонися мужу тому“. И рече: „Иду ли на Дариа?“. Они ж пророка Данила показаша книгу писану: поиди, ты еси козел, а Дарин овен, потолчеши и, и возмеши царство его. И взя две дщери Дариевы, а Дария уби, а своима рукама опрята.

«Реша друзи ему: „Оженися, царю: се 2 дщери Дариєви, възми за ся“. Он же не восхоте их и видети по вся дни, глаголя, несть воин ожевивыйся.

«И съгради Олександрию, от Вавилона Перс, и преставися царствовав 12 лет, а 12-ти нача воевати».²²

Обращает на себя внимание сокращенное изложение всего приведенного эпизода в «Переяславском летописце» сравнительно с Повестью временных лет. Замечательно, что прямо от речи ангела в нем совершается непосредственный переход к пересказу и толкованию пророчества. Однако некоторые подробности рассказа, внесенные вновь по сравнению с Повестью временных лет, не случайны, они могут быть объяснены прямым воздействием и на составителя «Переяславского летописца» древнерусского перевода «Иосиппона». Прежде всего, это название Александра «Макидон». Это довольно точная передача эпитета Макдон (מקדון), обычно сопровождающего имя этого царя в древнееврейской литературной традиции; ср. заглавие книги ספר אלכסנדר מקדון «Книга Александр Макдон». Из «Иосиппона», весьма вероятно, взято и указание на то, что Александр сам убил и предал погребению Дария. Упоминание об этом находится в XVII главе II книги «Иосиппона» (по изданию Брейтхаупта, стр. 122).

Ограничение царствования Александра лишь 12 годами, как и упоминание о том, что он убил Дария, находит себе параллель в сказании о втором пленении Иерусалима из книги «Плены Иерусалима».²³ Как указано выше, этот текст тоже восходит к III книге «Иосиппона».

Что же касается упоминания об отказе Александра жениться на дочерях Дария, то такого известия в изученных нами редакциях и версиях «Александрии» найти не удалось. Наоборот, в них обычно рассказывается о женитьбе Александра на Роксане, дочери Дария. Впрочем, нет оснований сомневаться в том, что в каком-либо списке древнееврейской версии романа об Александре могло бы найтись и упомянутое дополнение, понравившееся древнерусскому летописцу, ибо оно было в духе представлений о воинской доблести, свойственных русскому феодализму.

Суздальском (Залеском) не позднее 1219 г. (см.: А. А. Шахматов. «Повесть временных лет» и ее источники, стр. 18).

²² М. Оболенский. Летописец Переяславля-Суздальского, составленный в начале XIII века. М., 1851, стр. 52.

²³ Рук. БАН, № 45.13.4, л. 216: «И умре царствовавъ летъ 12 и погребен быст в чести велицѣ». Возможно, источником этого указания служил текст I книги Макавеев I.

Таким образом, дополнения, внесенные автором «Летописца Переяславля-Суздальского» в рассказ Повести временных лет, свидетельствуют о том, что в эпоху его составления, т. е. в начале XIII в., древнерусский перевод «Иосиппона» был распространен и использовался русскими писателями на северо-востоке, во Владимиро-Суздальском княжестве, где, интересно отметить, почти одновременно, в 30—40-х годах XIII столетия, вероятно, вошло в состав второй редакции Еллинского летописца и сказание «О взятии Иерусалима», восходящее к VI книге того же «Иосиппона». Дополнения, по-видимому, внесены автором «Летописца Переяславля-Суздальского» не из своей фантазии, а на основании использования отождествленного им и находившегося в его распоряжении источника Повести временных лет.

Как известно, по объему передаваемого текста Повести временных лет «Летописец Переяславля-Суздальского» близок к таким спискам, как Лаврентьевская, Радзивилловская или Московско-Академическая летописи, т. е. примыкает к так называемой «Сильвестровской» ее редакции.²⁴ Наличие же в нем рассказа о походе Александра, сохраненного лишь в списках так называемой «Мстиславовой» редакции, заставляет признать, что составитель «Переяславского летописца» либо имел перед собою списки обеих редакций Повести временных лет, либо какой-то другой текст, восходивший, возможно, непосредственно к труду Нестора, помимо сильвестровской переработки последнего. Напрашивается предположение о том, не заменил ли Сильвестр из благочестивых христианских соображений этот показавшийся ему соблазнительным рассказ своими назидательными поучениями об ангелах, которые мы читаем под тем же 1110 г. в Лаврентьевской летописи. Впрочем, этот вопрос требует специального обстоятельного исследования и пока может быть поставлен лишь с максимальной осторожностью.

Приведенные материалы еще раз напоминают о высоком мастерстве русских переводчиков XI в. и позволяют с уверенностью говорить о прекрасном знании ими ряда языков.

²⁴ Первой редакции, по А. А. Шахматову, и второй, по мнению М. Д. Приселкова. Изложение событий в этой редакции обрывается на 1110 г., как раз перед изучаемым нами рассказом о походе Александра. После этого непосредственно следует запись Сильвестра, игумена Выдубицкого монастыря, об его работе над летописью, помеченная 1116 г.

Д. С. ЛИХАЧЕВ

История подготовки к печати текста „Слова о полку Игореве“ в конце XVIII в.

Несмотря на наличие отдельных работ, посвященных специально первому изданию «Слова о полку Игореве» и так называемой Екатерининской копии, оба эти вида воспроизведения утраченной рукописи «Слова» современными приемами текстологии изучены не были.

Работы П. Пекарского, И. И. Козловского, П. К. Симони о палеографических особенностях погибшей рукописи «Слова», о Екатерининской копии и первом издании исходили из предположки, что первые публикаторы «Слова» стремились передать его текст, но «не умели» этого сделать, «не могли» прочесть правильно рукопись и только поэтому допускали в своей работе отдельные, довольно многочисленные ошибки, одни из которых больше, другие меньше искажали памятник. К изучению этих отдельных ошибок в Екатерининской копии и в первом издании и к конъектурным поправкам на этой основе отдельных мест сводилось в основном текстологическое рассмотрение Екатерининской копии и первого издания. На этом пути были достигнуты несомненные успехи. Многие ошибки были не только выяснены, но удалось правильно и бесспорно восстановить некоторые первоначальные чтения в рукописи. Мало того, отдельные ошибки были объяснены особенностями графики погибшей рукописи (бесспорно удачны объяснения таких неправильных прочтений в Екатерининской копии, как «Зояни», «ни очима сьглядати» и т. д.). На основании этих ошибок, точно объясняемых палеографическими особенностями погибшей рукописи «Слова», оказалось возможным выяснить некоторые ее палеографические приметы и по ним приблизительно определить ее время и почерк.

Однако при всех этих отдельных достижениях изучение Екатерининской копии и первого издания имело определенные изъяны. Прежде всего отметим, что не были изучены приемы передачи текста в Екатерининской копии и первом издании. Не было также попытки основательно рассмотреть вопрос об отношении Екатерининской копии к погибшей рукописи: списывал ли писец непосредственно с рукописи или текст был ему заранее кем-то подготовлен. Наконец, не было сделано попытки вскрыть отношение Екатерининской копии к первому изданию. Одним словом, текстологические взаимоотношения первого издания, Екатерининской копии и погибшей рукописи остаются совершенно неизученными. Незученым остается и вопрос о том, с каких текстов делались первые переводы «Слова», а также текстологические связи этих переводов друг с другом.

Предлагаемая вниманию читателей работа представляет собой попытку текстологического исследования всех вышеперечисленных вопросов с целью

установления генеалогического взаимоотношения дошедших до нас «списков» «Слова» с погибшей рукописью.

* *
*

Установление приемов передачи текста памятника его издателями не представляет затруднений, когда рукопись цела и издание может быть с ней сверено. В тех же случаях, когда оригинал издания погиб, сложность такой задачи возрастает, но частичное решение ее все же возможно. Некоторые вопросы решаются безусловно, а другие гипотетически, по аналогии, на основании изучения уровня текстологической техники того времени или приемов публикации, примененных теми же издателями в отношении других памятников, рукописи которых сохранились.

В самом деле, не имея самой рукописи, но зная общие языковые, орфографические и графические нормы древнейших рукописей, можно все же решить, что в издании оказалось опущено, дополнено или изменено. В отношении «Слова о полку Игореве» не представляет, например, сомнений, что в рукописи были иотированные гласные, юс малый и некоторые другие буквы, в издании опущенные. Не трудно догадаться также, что пунктуация и прописные буквы расставлены издателями, исчезли титла, выносные буквы и т. д. Все это совершенно ясно каждому, имевшему дело с первым изданием, и не требует особого углубленного рассмотрения, хотя надо сказать, что общего свода таких «правил публикации» издания 1800 г. до сих пор ни одним исследователем дано не было.

Кроме того, можно определить некоторые публикаторские приемы издателей «Слова» на основании других их изданий. Эта вторая возможность, несмотря на всю свою очевидность, также до сих пор не была использована.

В распоряжении исследователей имеется мусин-пушкинское издание «Поучения» Владимира Мономаха. Из всех изданий А. И. Мусина-Пушкина и двух его помощников по публикации «Слова» только это издание, вышедшее в 1793 г.,¹ может служить для выяснения приемов передачи текста «Слова». «Русская Правда», изданная А. И. Мусиным-Пушкиным с участием Болтина в 1792 г.,² представляет собой компиляцию XVIII в. из разных списков и поэтому не может быть сверена с рукописями. Все остальные издания А. И. Мусина-Пушкина, Н. Н. Бантыша-Каменского и А. Ф. Малиновского посвящены сравнительно поздним памятникам, и итоги сличения их с рукописями не могут быть показательными.

Не может дать особых результатов также изучение издательских приемов конца XVIII в. Эти приемы были крайне неустойчивы, разнообразны и произвольны. Изучение их в будущем потребует много труда, но вряд ли представит интерес для исследования публикаторских приемов первых издателей «Слова». Таким образом, единственным изданием, с которым в первую очередь и главным образом должен считаться исследователь первого издания «Слова», должно быть бесспорно признано мусин-пушкинское издание «Поучения».

«Поучение» Мусиным-Пушкиным издавалось непосредственно в те годы, когда была обнаружена рукопись «Слова», может быть, несколько

¹ Духовная великого князя Владимира Всеволодовича Мономаха детям своим, названная в летописи Суздальской Поученье. СПб., 1793.

² Правда Руская, или Законы великих князей Ярослав Владимировича и Владимира Всеволодовича Мономаха. С предложением древнего оных наречия и слога на употребительные ныне, и с объяснением слов и названий из употребления вышедших. Изданы любителями отечественной истории. М., 1792; 2-е изд., М., 1799.

раньше.³ Вышедшее спустя семь лет после «Поучения» первое издание «Слова» выполнено в основном в том же типе (тот же формат, та же система примечаний внизу страницы под чертой и та же параллельная подача текста и перевода в две колонки, но разными шрифтами).⁴ Внешнее отличие первого издания «Слова» от издания «Поучения» состоит в том, что текст «Слова» напечатан гражданским шрифтом (курсивом), тогда как текст «Поучения» напечатан шрифтом церковно-славянским (на причинах, по которым первые издатели «Слова» решили отказаться от церковно-славянского шрифта, и на том, какие существенные изменения были с этим связаны, я еще останавлиюсь в дальнейшем).

Правда, в числе издателей «Поучения» не было еще ни Н. Н. Бантыша-Каменского, ни А. Ф. Малиновского, но именно это обстоятельство позволит нам в дальнейшем, до известной степени, установить долю учебного участия в первом издании «Слова» этих двух его редакторов.

Сопоставляя мусин-пушкинское издание «Поучения» с рукописным текстом «Поучения» в Лаврентьевской летописи, не трудно убедиться в том, что издатели довольно решительно приноравливали текст «Поучения» к орфографической системе церковно-славянской печати второй половины XVIII в. Решительность этого приноравления не была, впрочем, одинаково последовательной во всех случаях. Издатели «Поучения» стремились преимущественно к тому, чтобы внешний вид текста не отличался от внешнего вида обычного церковно-славянского набора XVIII в. Все диакритические знаки церковно-славянского шрифта, как известно, весьма обильные в XVIII и XIX вв., широко применены в издании и никак не отражают той скромной системы этих знаков, которая имеется в рукописи Лаврентьевской летописи. Текст «Поучения», само собой разумеется, разбит на слова, предлоги отделены от последующего слова, в конце слов, оканчивающихся на согласный, последовательно расставлен «ъ», расставлены прописные буквы и знаки препинания, исправлено согласно орфографическим нормам XVIII в. употребление «Ѣ» («онемѣють» → «онѣмють», стр. 13; «тобе» → «тобѣ», стр. 13, и т. п.). Юсы малые поставлены так, как это было принято в церковно-славянской печати XVIII в. («своѣа» → «своеа», стр. 2; «моѣа», → «моеа», стр. 3; «любаѣ» → «любаа», стр. 4, и т. п.). По орфографическим нормам церковно-славянской печати XVIII в. выправлено употребление «Ѡ» («Ѡко» → «ѠкоѠ», стр. 4, 10 и др.; «Ѡго» → «ѠгоѠ», стр. 4, 6, 11 и др.; «Ѡако» → «ѠакоѠ», стр. 3, и т. п.), «Ѡ» («Ѡло» → «сло», стр. 10, 53, 55 и др.; «Ѡлыхъ» → «слыхъ», стр. 58), «Ѡ» («Ѡсалтырю» → «Ѡсалтырю», стр. 3), «і» («Ѡпримайте», → «примайте», стр. 4; «Ѡмира» → «мира», стр. 9, и т. п.). Исправлено употребление выносных букв, сокращений, титл (постоянны «бѣ» → «бѣгъ», «бѣ» → «бѣже», «га» → «гда», «гне» → «Гдне», «евангльскому» → «евльскому», стр. 9 и т. д.).

«Ю» после «ч», «ш» и «щ» заменено, согласно правописанию XVIII в., на «у» («чюѣна» → «чѣдна», стр. 12; «чюде» → «чѣдесъ», стр. 12 и т. д.); «ы» после «к» заменено на «и» (всюду «Ѡаки» → «Ѡаки»; «Ѡеликыѣ» →

³ Н. К. Гудзий в статье «Судьбы печатного текста „Слова о полку Игореве“» (ТОДРА, т. VIII. М.—Л., 1951, стр. 34) относит время приобретения рукописи «Слова» А. И. Мусиным-Пушкиным «к началу 1790-х годов». Присоединяемся к его мнению.

⁴ Отметим, что вышедшее на год раньше издания «Поучения» мусин-пушкинское издание «Русской Правды» (СПб., 1792) уже приближается к этому типу, с тем только различием, что примечания идут не внизу страницы, под чертой, а сразу же за текстом статьи. В конце издания дан словарь-указатель.

«великихъ», стр. 12). В некоторых случаях в середину слова вставлен «ь» — опять-таки в тех случаях, где это требовалось орфографией и произносительными нормами XVIII в. («печална» → «печальна», стр. 4; «меншими» → «меньшими», стр. 7; «хвално» → «хвально», стр. 12; «силныа» → «сильныа», стр. 12; «толко» → «только», стр. 37; «дѣтми» → «дѣтми», стр. 42; «половечскы^х» → «Половеческихъ», стр. 43, и т. п.). Отдельные русские формы церковно-славянизированы («луче» → «лучше», стр. 5; «розноличнии» → «разноличнїи», стр. 12; «присужено» → «присуждено», стр. 31; и т. п.).

Таким образом, мусин-пушкинское издание «Поучения» не может быть охарактеризовано только как издание, «изобилующее разнообразными ошибками»,⁵ неправильными прочтениями и т. п. Во многих случаях то, что исследователи принимали за ошибки, было определенной системой передачи текста. Оправдывалась эта система тем, что А. И. Мусин-Пушкин считал «Поучение» написанным на «славянском наречии», «от переписчиков инде испорченном».⁶ Можно не сомневаться, что «порчу» текста А. И. Мусин-Пушкин видел в отступлениях от современной ему церковно-славянской орфографии и в нарушениях привычного корректорского единообразия.

Остановимся более подробно на некоторых приемах передачи текста в «Поучении», проливающих свет на приемы передачи текста в Екатерининской копии и в издании 1800 г.

Существенное значение для установления приемов передачи текста «Слова о полку Игореве» в Екатерининской копии и в первом издании «Слова» имеют принципы расстановки «і» в мусин-пушкинском издании «Поучения». В самой рукописи «Поучения» «і» встречается только шесть раз: «кршєнїи», «прїимите», «оїдну», «ї на биричи» «ї в ловчих», «ї нынѣ». Между тем в издании «Поучения» оно всюду расставлено по правилам орфографии конца XVIII в.: «кршєнїи» (стр. 1; оставлено как и в рукописи), «прїимите» (стр. 14), «одину» (стр. 15), «ни на биричи» (стр. 46), «и въ ловчихъ» (стр. 47), «и нынѣ» (стр. 61), а также: «дѣтїи» (вм. «дѣтми»), «бжїи» (вм. «бии»), «прїимайте» (вм. «приимайте»), «лукавнующїи» (вм. «лукавнующии») и многие другие. Следовательно, только в одном случае в издании «Поучения» «і» совпадает с «і» в рукописи!

Ту же выдержанность расстановки «і» по правилам орфографии XVIII в. находим мы и в первом издании «Слова»: «братїе», «повѣстїи», «замышленїю», «вѣщїи», «мыслїю» и т. д. Данные мусин-пушкинского издания «Духовной» Владимира Мономаха не позволяют сомневаться в том, что расстановка «і» в Екатерининской копии и в первом издании «Слова о полку Игореве» отнюдь не отражает графику самой рукописи. Несомненно, что «і» расставлялось в первом издании в строгом соответствии с правилами орфографии конца XVIII в.

Исключение может быть отмечено только в двух случаях: «усобицѣ» (стр. 3) и «а Володимиръ» (стр. 28). Характерно, что в обоих этих случаях Екатерининская копия более последовательно проводит орфографию XVIII в. В ней читается «усобицѣ» и «а Володимиръ». Надо думать, что изменения внесены в текст издания 1800 г. из рукописи (на примерах исправления текста 1800 г. по рукописи мы еще остановимся).

Таким образом, единственный случай, где мы можем полагать, что «і» издания точно соответствует «і» рукописи, — это слово «усобицѣ». Отсюда ясна правота А. С. Орлова, отказавшегося в своем издании

⁵ Н. К. Гудзий. Судьбы печатного текста «Слова о полку Игореве», стр. 35.

⁶ Духовная великого князя Владимира Всеволодовича..., стр. VIII.

«Слова» от «і» первого издания и всюду заменившего его через «и». В своем издании «Слова» А. С. Орлов писал: «Новостью нашей графики является совершенное устранение буквы „і“, проставленной первыми издателями в тексте „Слова“ несомненно под влиянием орфографии конца XVIII в. Итак, все „і“ заменены у нас посредством „и“, что соответствует средневековой графике в преобладающем числе случаев». ⁷ Вслед за А. С. Орловым, «і» заменяется на «и» и в тексте «Слова», подготовленном к печати мною. ⁸ Думаю, что данные первого издания «Поучения Владимира Мономаха» полностью подтверждают правильность такой замены.

Совершенно ясно, что конечное «ъ» расставлено в Екатерининской копии и в первом издании во всех случаях в конце слов, оканчивающихся на согласный, даже тогда, когда его не было в рукописи. В самом деле, не может представлять сомнения, что в рукописи «Слова» были выносные буквы. Как известно, выносные буквы очень часто в конце слов, но в выносах конечное «ъ» не пишется. В первом же издании «Слова» почти все слова, оканчивающиеся на согласный (за крайне немногими исключениями, о которых я скажу в дальнейшем), имеют конечное «ъ». Здесь тот же прием передачи текста, что и в мусин-пушкинском издании «Поучения». Обычно, в частности, постановка «ъ» после предлогов, оканчивающихся на согласный. Предлоги же, как правило, в древнерусских текстах пишутся слитно с последующим словом.

При разделении предлога и слова в мусин-пушкинском издании «Поучения» обычно после конечного согласного в предлоге ставится «ъ»: «въ сердци» (из «всрдци»), «съ нами» (из «снами») и т. д. То же самое видим мы и в первом издании «Слова»: «подъ облакы» (дважды), «предъ пълкы», «отъ старого», «отъ него», «къ дружинѣ», «съ вами», «въ тропу», «чресъ поля», «чрезъ поля», «къ дону», «въ Киевѣ», «въ Новѣградѣ», «въ Путивлѣ», «подъ трубами», «подъ шеломы», «въ полѣ», «въ златѣ», «въ стазби» (об этом выражении ниже), «въ срожать» (об этом выражении ниже), «съ зараня въпяткѣ», «съ ними», «въ полѣ», «съ моря», «въ нихъ», «съ Дону», «съ моря», «отъ Дона и отъ моря и отъ всѣхъ странъ», «отъ тебе», «въ златѣ», «въ градѣ», «въ Черниговѣ», «съ тояже», «къ Киеву», «въ княжихъ», «въ ты рати, и въ ты пълкы», «съ зараня», «съ вечера», «въ полѣ», «подъ копыты», «предъ зорями», «къ полудню», «къ земли», «въ силахъ», «съ всѣхъ», «съ побѣдами», «къ морю», «въ пламянѣ», «отъ двора», «изъ луку», «отъ железныхъ», «въ градѣ», «въ гридниѣ», «изъ сѣдла», «въ сѣдло», «въ Киевѣ», «съ вечера» (дважды), «съ трудомъ», «безъ кнѣса», «къ синему», «съ отня», «въ путины», «съ нимъ», «въ морѣ», «въ жестоцемя», «въ буести», «съ черниговьскими», «съ Могуты и съ Татраны, и съ Шельбиры, и съ Топчакы, и съ Ревугы, и съ Ольберы», «съ засапожники», «въ прадѣнюю», «въ мытэхъ», «въ обиду», «подъ саблями», «подъ ранами», «въ злата», «чрезъ облаки», «съ отня», «въ буести», «въ буйстве», «подъ шеломы», «подъ тыи», «къ граду» (дважды), «подъ кликомъ», «подъ чрълеными», «изъ храбра», «чресъ злато», «изъ дѣдней», «отъ земли», «отъ нихъ», «въ пльночи», «изъ Бѣла-града», «съ Дудутокъ», «отъ тѣла», «въ ночь», «изъ Кыева», «въ Полотскѣ», «въ колоколы», «въ Киевѣ»,

⁷ А. С. Орлов. «Слово о полку Игореве», второе, дополненное издание М.—Л., 1946, стр. 65.

⁸ «Слово о полку Игореве». Л., 1949 и 1953 (малая серия «Библиотеки поэта»); «Слово о полку Игореве». М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»); «Слово о полку Игореве». Детгиз, М., 1949 и 1954.

«въ друзѣ», «къ горамъ», «въ Каялѣ», «въ Путивлѣ», «подъ облакы», «къ мнѣ», «къ нему», «къ Путивлѣ», «въ полѣ», «изъ земли», «къ отню», «отъ великаго», «въ полуночи», «къ тростию», «съ него», «къ лугу», «подъ мъглами», «подъ сѣнію», «къ земли», «съ Кончакомъ», «къ рѣцѣ», «къ гнѣзду» (дважды), «къ Кончакови», «безъ Игоря», «въ Руской», «къ Святѣй».

Сейчас я не останавливаюсь на некоторых незначительных разночтениях между Екатерининской копией и изданием 1800 г. Важно, что и в издании «Поучения» и в Екатерининской копии, и в издании 1800 г. принята одна и та же система расстановки «ъ» в конце слов после согласного, значительно нарушающая орфографические нормы XII—XVI вв.

В связи с изложенным встает вопрос, как было написано в рукописи слово «къмети». Как известно, Мусин-Пушкин не знал этого слова и разделил его на два «къ мети», переведя «в цель». Очень может быть, что конечное «ъ» поставлено было им при разделении этого слова на два, в рукописи же это слово вполне могло быть написано без «ъ»: «кмети». Предположение это полностью подтверждается мусин-пушкинским изданием «Поучения», где вместо «инѣхъ кметий молодыхъ» напечатано «и инѣхъ къ мети и молодыхъ» (стр. 44). Так именно это слово писалось в подавляющем числе случаев (см.: Срезневский, Материалы, вып. III, 1893, стр. 1390). Отсюда ясно, что при реконструкции непонятных «въ стазби» и «въ срожать» надо иметь в виду, что «ъ» также могло отсутствовать в рукописи.

Из всего приведенного материала о конечном «ъ» совершенно ясна ошибочность того, что пишет С. П. Обнорский о «ъ» в конце предлогов в своем исследовании языка «Слова о полку Игореве»: «Выдержанною графической чертой памятника, вероятно, обязанной последнему его писцу, отдавшему дань позднему югославянскому влиянию, служит устойчивое употребление „ъ“ в исходе предлогов. Таковы написания не только тех предлогов, которые исконно оканчивались на „ъ“ (въ 46 случаев, къ 23 сл., отъ 12 сл., подъ 14 сл., предъ 3, 18, съ 28 сл., чрезъ 6, 34 и чрезъ, 7, 30, 45), но в подравнение к ним и предлогов, не имевших первоначально в исходе „ъ“ (таковы безъ 23, 44, и изъ 21, 22, 34 bis, 35, 36, 39)».⁹

Вернемся к вопросу о некоторых, весьма немногочисленных в первом издании «Слова» исключениях из рассмотренного нами приема расстановки «ъ» после конечного согласного. Случаи эти следующие: «вмоемъ» (стр. 23), «стугою» (стр. 43) и «бес шитовъ» (стр. 27). В первом и последнем случаях в Екатерининской копии предлоги написаны с «ъ» в конце и сами предлоги отделены от последующего слова. Во втором случае («стугою») слова написаны так же точно, как в Екатерининской копии (без «ъ» и слитно). Забегая несколько вперед, скажу, что издатели «Слова» несомненно проверяли весь текст по рукописи, но в основе своей работы имели для проверки по рукописи текст, восходящий к протографу Екатерининской копии. Одновременно надо принять во внимание, что издание 1800 г. имеет большое количество опечаток, не изученных и даже не учтенных в науке. Первые издатели были весьма малоопытными корректорами и в исправлении опечаток, и в проведении единожды принятой системы.

Установлению единообразия в издании 1800 г. мешало постоянное обращение к подлинной рукописи «Слова» и стремление как можно ближе

⁹ С. П. Обнорский Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.—Л., 1946, стр. 138.

придерживаться текста рукописи, входившее в постоянное противоречие со стремлением к корректорскому единообразию на основе орфографических приемов XVIII в.

Приведу некоторые примеры. На стр. 12 издания 1800 г. слова «съморя» дважды напечатаны слитно (в Екатерининской копии они разделены). Такого написания не могло быть в рукописи. В рукописи без сомнения было «сморя». А. И. Мусин-Пушкин первоначально отделил предлог от последующего слова и поставил после предлога «ъ». Такое написание в обоих случаях и дошло до нас в Екатерининской копии. При просмотре текста по рукописям первыми издателями, а может быть, и в результате ошибки наборщиков (во втором случае набор строки оказался очень тесным) оба слова слились. Имеются в первом издании и другие явные просмотры в разделении на слова. Так, например, на стр. 27 напечатано: «и съ Шельбиры, и съ Топчаки, **исъ** Ревугы, и съ Ольберы». Совершенно ясно, что соединение союза «и» с предлогом «съ» в сочетании «исъ Ревугы» является не больше, как грубым просмотром первых издателей.

Из сказанного становится ясным происхождение тех трех случаев, в которых после предлога с конечным согласным не был поставлен конечный «ъ». На стр. 23 предлог «в» не был отделен по недосмотру издателей, в отмену своему правилу, от последующего слова. Слова были написаны вместе в результате их очевидной проверки по рукописи, и, таким образом, восстановлено написание рукописи. Перед нами несомненно след воздействия самой рукописи, так как в Екатерининской копии, к протографу которой, как мы увидим в дальнейшем, восходит текст первого издания, эти слова написаны отдельно и с «ъ» после «в» согласно приемам передачи текста А. И. Мусиным-Пушкиным. На стр. 27 не имеет конечного «ъ» предлог «бес» при последующем шипящем: «бес щитовъ». Как известно, в таких случаях, согласно фонетическому приему письма в древней Руси, буква «с» вообще опускается. В рукописи «Поучения» Мономаха мы имеем два таких случая: «ищерьнигова» и «ищернигова». В своем издании «Поучения» А. И. Мусин-Пушкин восстанавливает «правильное» (согласно представлениям XVIII в.) написание этих слов: «из Чернигова» (стр. 43) и «и съ Чернигова» (стр. 44), но странным образом, вопреки своей системе, забывает поставить «ъ» в конце предлога «из». Очевидно, А. И. Мусин-Пушкин, дополнив предлог буквой «с» и восстановив первоначальное «Ч» в слове «Чернигова», не решился поставить «ъ», иными словами не довел до конца своей переделки текста.

Вообще в тех случаях, когда А. И. Мусин-Пушкин в своем издании «Поучения» восстанавливал в конце предлога согласную, он не ставил «ъ»: «без суперникъ» (стр. 58; в рукописи «бесуперни^к»), «безсемени» (стр. 60; в рукописи «бесемене»). Полную аналогию этим случаям из «Поучения» мы и имеем и в «Слове» в примере с «бес щитовъ».

Совершенно решается вопрос об отсутствии «ъ» в словах «стугою» (стр. 43). Здесь еще в протограф Екатерининской копии «проскочило» написание подлинной рукописи. Текст издания 1800 г. генетически восходит к этому протографу Екатерининской копии (доказательство мы приведем ниже), но неоднократно проверялся по рукописи. Естественно, что эти проверки только подтверждали слитное написание «стугою» без «ъ», интересы же корректорского единообразия в данном случае ускользнули от внимания издателей (такие случаи, как мною уже отмечалось, неоднократно в издании 1800 г.).

Теперь обратимся к тем правилам передачи текста рукописи, где Екатерининская копия ближе к системе, принятой для передачи текста

в «Почуении», чем издание 1800 г. Наблюдения в этой области окажутся для нас в дальнейшем особенно важными.

Выше уже указывалось, что в отношении правил расстановки «і» и «ѣ» в конце слов издание 1800 г. сравнительно с Екатерининской копией допускает отдельные (правда, очень редкие) исключения, приближающие, как можно предположить, издание 1800 г. к орфографии подлинной рукописи.

Еще яснее эта тенденция выступает в других правилах передачи текста, принятых в издании «Почуения» и в Екатерининской копии, но почти отмененных в издании 1800 г.

Крайне неустойчиво в издании «Почуения» «ѣ». Постоянны случаи постановки «ѣ» в тех случаях, когда его нет в рукописи, и наоборот. По большей части такие перемены производились по орфографическим правилам конца XVIII в.; «сане^x» → «санѣхъ», «смѣренье» → «смеренье» (стр. 9), «собе» → «собѣ» (стр. 10), «тобе» → «тобѣ» (стр. 13), «онѣмѣють» → «онѣмѣють» (стр. 13), «кленитеса» → «клѣнитеса» (стр. 17), «душѣ своеѣ» → «душе своее» (стр. 17), «сторожѣ» → «стороже» (стр. 20), «идеже» → «идѣже» (стр. 23), «боле же» → «болѣ же» (стр. 23), «ватичѣ» → «ватиче» (стр. 31), «на сугейску» → «на Сугѣйску» (стр. 32), «к бѣлѣ вежи» → «къ Беле вежи» (стр. 37), «вежѣ взахо^m» → «Веже взахомъ» (стр. 38), «половчскій» → «Половчскіе» (стр. 39), «своѣ» → «свое» (стр. 43), «братѣ» → «братье» (стр. 44), «дикиѣ» → «дикіе» (стр. 45), «оубогѣ въдовицѣ» → «оубогые въдовицѣ» (стр. 47) и т. д.

В первом издании «Слова» сравнительно с Екатерининской копией довольно много случаев колебания в написании слов с «ѣ» и с «е». Вряд ли здесь дело только в том, что А. И. Мусин-Пушкин и его ученые помощники не разобрали написаний. По-видимому, путаница объясняется тем, что публикаторы колебались между орфографической системой XVIII в. и написаниями рукописи. При этом по большей части (хотя были и обратные случаи) Екатерининская копия следовала орфографическим правилам XVIII в., а издание 1800 г. частично восстанавливало старые формы рукописи. Так, например, звательный падеж в Екатерининской копии оканчивается на «е», в издании же 1800 г. — на «ѣ»: «землѣ» (стр. 12; Ек. «земле»), «Всеволодѣ» (стр. 13, 46; Ек. «Всеволоде»), «Осмомыслѣ» (стр. 30; Ек. «Осмомысле»), «вътрѣ» (стр. 38; Ек. «ветре»). Сравнительно с Екатерининской копией издание 1800 г. восстанавливает древнее написание родительного падежа множественного числа: «на стадо лебедѣи» (стр. 3 и 4; Ек. «на стадо лебедей», согласно орфографии XVIII в.).¹⁰

Необходимо при этом отметить, что в конце XVIII в. древнее написание окончания родительного падежа множественного числа на «ѣи» не было известно. Поэтому следование в данном случае издания 1800 г. за рукописью несомненно.

Мало понятно систематическое разноречие между Екатерининской копией и изданием 1800 г. в словах «стрелять» и «стрела». В Екатерининской копии эти слова постоянно пишутся через «е», в издании же 1800 г. — всюду через «ѣ»: «стрѣлами» (стр. 12, 13, 33, 43; Ек. «стрелами»), «стрѣлы» (стр. 15, 17; Ек. «стрелы»), «стрѣляти» (стр. 29; Ек. «стреляти»), «стрѣляеши» (стр. 30; Ек. «стреляеши»), «Стрѣлай» (стр. 30; Ек. «Стреляй»). И в рукописях XII—XVII вв., и в орфографии XVIII в. в корне этих слов обычно пишется «ѣ» (исключение могло

¹⁰ См.: И. И. Козловский. Палеографические особенности погибшей рукописи Слова о полку Игореве. М., 1890, стр. 5.

быть только в новгородских рукописях). Окончательно решить вопрос о том, должно ли было быть в рукописи «Слова» в этих случаях «ѣ» или «е», смогут только лингвисты. Не подлежит, однако, сомнению, что либо в Екатерининском списке, либо в издании 1800 г. (а может быть, в тексте обоих) написания этих слов подверглись сплошной корректорской унификации.

К сожалению, рукопись «Поучения» не знает болгаризированной орфографии в сочетаниях плавных с «ъ» и «ь», и поэтому нам трудно с уверенностью судить о том, как поступили бы издатели «Поучения» в случаях сочетаний «ръ», «рь», «ль» и «лѣ». Однако все же на стр. 41 мусин-пушкинского издания «Поучения» имеется, правда, один, но весьма характерный пример: там напечатано «полкы», тогда как в рукописи стоит «плѣкы». Тот же прием замены болгаризированных сочетаний «ръ», «рь», «ль» и «лѣ» русскими «ор», «ер», «ол» и «ел» мы постоянно встречаем в Екатерининской копии. В издании же 1800 г. это болгаризированное сочетание восстанавливается, и, нет сомнений, по подлинной рукописи: «наплѣнився» (стр. 5; Ек. «наполнився»), «плѣкы» (стр. 5; Ек. — «полкы»), «брѣзья» (стр. 5; Ек. «борзья»), «брѣзый» (стр. 7; Ек. «брѣзый»), «влѣци» (стр. 8; Ек. «вълци»), «чрѣленья» (стр. 10; Ек. «чрленья»), «млѣний» (стр. 12; Ек. «молнїи»), «плѣкы» (стр. 12, 13, 27; Ек. «полки»), «Чрѣнигова» (стр. 13; Ек. «Чернигова»), «плѣци» (стр. 14; Ек. «полци»), «Святоплѣкъ» (стр. 16; Ек. «Святополкъ»), «плѣкы» (стр. 17; Ек. «полкы»), «чрѣна» (стр. 17; Ек. «черна»), «плѣкы» (стр. 18; Ек. «полкы»), «млѣвити» (стр. 19; Ек. «молвити»), «плѣку» (стр. 20; Ек. «полку»), «плѣковъ» (стр. 22; Ек. «полковъ»), «чрѣною» (стр. 23; Ек. «черною»), «плѣки» (стр. 30; Ек. «полки»), «плѣку» (стр. 32, 39; Ек. «полку»), «плѣночи» (стр. 35, Ек. «полночи»), «влѣкомъ» (стр. 35; Ек. «воломъ»), «влѣкомъ» (стр. 36 bis; Ек. bis «волокомъ»), «прѣвое» (стр. 37; Ек. «первое»), «прѣвую» (стр. 37; Ек. «первую»), «прѣвыхъ» (стр. 37; Ек. «первыхъ»), «слѣнце» (стр. 39; Ек. «Солнце»), «брѣзъ» (стр. 41; Ек. «борзъ»), «влѣкомъ» (стр. 41 bis; Ек. bis «воломъ»), «брѣзья» (стр. 41; Ек. «борзая»); «влѣнах» (стр. 42; Ек. «волнахъ»), «помлѣоша» (стр. 43; Ек. «помолкоша»), «Млѣвити» (стр. 43; Ек. «Молвити»), «плѣки» (стр. 46; Ек. «полки»). Только в одном случае нужно думать, что Екатерининская копия дает лучшее чтение сравнительно с первым изданием: «мркнетъ» (стр. 10; Ек. «мръкнетъ»). Здесь, очевидно, сказалась двойная невнимательность: составитель текста Екатерининской копии не провел своей системы в сочетании, а составители текста первого издания «Слова» имели уже перед собой «исправленный» согласно орфографии XVIII в. список с «меркнетъ» вместо «мръкнетъ», который и выправили по подлинной рукописи, но не до конца (ограничившись тем, что выбросили «е»).

Как известно, отдельные страницы первого издания «Слова» перепечатывались, причем в текст вкрались изменения: вместо «плѣку» — «плѣку», вместо «Владимир» — «Владиміръ» и др. Можно думать, что второе из этих изменений внесено не по рукописи, а является обычным для издателей «приноровлением» орфографии подлинника к орфографии XVIII в. Во всяком случае в древних рукописях написания «Владиміръ» с «і» нам не встречалось. Что же касается первого случая, то изменение здесь введено, как нам кажется, для единообразия, к которому, как это ясно и из текста издания «Поучения», первые издатели были весьма чувствительны. Введя болгаризированные формы «ръ», «ль» по рукописи, издатели вполне могли начать распространять эту особенность, принятую за древнюю «систему» рукописи «Слова», и на те случаи, где этих болгаризи-

рованных форм не было. Сомнительно, например, чтобы в рукописи действительно было написание «пльночь» (см. первое издание, стр. 35), так как в «пол» «о» было исконным. Сомнительны и такие написания, как «Вльзѣ» (стр. 9), «Чрънигова» (стр. 13) и некоторые другие.

Вызывает размышление следующее наблюдение С. П. Обнорского: «Можно обратить внимание на то, что этот доминирующий в памятнике способ передачи сочетаний „о, е + р, л“ по типу болгарской орфографии был освоен писцом „Слова“ не сразу: по началу писец держался приблизительно старорусского типа написаний этих сочетаний, т. е. пользовался употреблением „ъ“ перед плавным. . . а далее уже у него вырабатывается устойчивый прием написаний соответственных слов на болгарский лад, с „ъ“ после плавного. . .».¹¹ Заметим от себя, что переход от одной системы к другой (в данном случае от старорусской к болгаризированной) мало вероятен для писца (писец обычно придерживался каких-то своих постоянных приемов передачи текста, либо следуя за текстом подлинника, либо в некоторой степени его переиначивая, но не «перестраиваясь» на ходу), для издателя же текста, стремящегося к известному единообразию, попытка выдержать текст в одной орфографической системе гораздо вероятнее: издатель, переписывая текст для публикации, мог не сразу заметить, что в нем преобладают болгаризированные формы, и перешел к ним постепенно (ближе к концу). Перед нами — типичная ошибка малоопытного публикатора. Эта ошибка станет нам вполне понятной, если мы вспомним, что большинство болгаризированных форм было устранено в первоначальной копии с рукописи (как об этом свидетельствуют Екатерининская копия и издание 1793 г. «Поучения») и восстановлено по рукописи в издании 1800 г. Нам кажется естественным, что, восстанавливая текст по рукописи и не отказавшись от идеи «единообразия» орфографии, издатели увлеклись и переделали всю систему. Исправления по рукописи незаметно для самих издателей перешли в установление новой «системы».

При перепечатке самого начала «Слова» слово «пълку» в его заголовке было также переделано на «пльку» по этой новой «системе».

Следовательно, и тут перед нами еще одно соображение в пользу того, что у издателей 1800 г. была рукопись, которую они считали авторитетной, но передать все особенности которой они не могли главным образом потому, что стремились к корректорскому единообразию, с одной стороны, и к «правильности правописания», с другой. В меньшей мере сказывалось неумение читать древние тексты.

В мусин-пушкинском издании «Поучения» «ю» после шипящих «ч» и «щ» заменяется согласно орфографическим правилам XVIII в. на «у»; «душою» → «душу» (стр. 6, 8), «възношюса» → «взношуса» (стр. 9), «чюдна» → «чудна» (стр. 12 bis), «чюдесь» → «чудесь» (стр. 12 bis), «чюду» → «чуду» (стр. 12), «чю^тса» → «чудеса» (стр. 13), «чюжимъ» → «чужимъ» (стр. 22), «въсходящю» → «всходящу» (стр. 29). К сожалению, мы не можем установить, как было бы в случаях с «я» после «ч» и «щ», так как в рукописи «Поучения» в этих случаях всегда «а», которое, естественно, в издании 1793 г. и сохраняется: «привечавше» (стр. 24), «часто» (стр. 26), «щадя» (стр. 46) и др. В Екатерининской копии в основном «я» после «ч» и «щ» заменяется на «а», но в первом издании первоначальное «я» систематически восстанавливается: «начяти» (стр. 1; Ек. «начати»), «поскопяше» (стр. 13; Ек. «поскочаше»), «Святъславличя» (стр. 15; Ек. «Святъславлича»), «давечя» (стр. 18; Ек. «давеча»), «начяша» (стр. 19; Ек. «начаша»), «сыновчя» (стр. 26; Ек. «сыновча»), «Брячяслава» (стр. 34;

Ек. «Брячаслава»), «начясте» (стр. 35; Ек. «начасте»). Имеется только один обратный случай: «Полочаномъ» (стр. 33; Ек. «Полочяномъ»).

Следовательно, и здесь перед нами несомненно свидетельство того, что текст «Слова» для издания 1800 г. выверялся по подлинной рукописи и приведенная выше особенность орфографии XVIII в., проникшая в первоначально подготовленный текст «Слова» (сохранившийся в Екатерининской копии), затем была отменена.

Отчасти в пользу той же выверки текста «Слова» по рукописи для издания 1800 г. свидетельствует еще и тот факт, что в издании 1800 г., сравнительно с Екатерининской копией, все цифровые обозначения чисел заменены буквенными, как в рукописи («і соколовъ» bis; «въ г день» вместо «10 сколовъ» bis; «въ 3 день»).

Необходимо отметить, что замена «ь» на «ъ» и обратно согласно орфографическим нормам XVIII в. проведена в мусин-пушкинском издании «Почучения» недостаточно последовательно. Так, например, в нескольких случаях «ь» в 3-м лице единственного числа оставлено без изменений: «согрѣшить» (стр. 15), «избываеть» (стр. 15), «оумѣеть» (стр. 28); оставлено в одном случае «потомъ» (стр. 37) при изменении «потомъ» в «потомъ» в двух соседних случаях и т. д.

Такою же непоследовательностью в случаях с окончаниями на «ь» и «ъ» отличалась, по-видимому, и работа первых издателей «Слова» над его текстом.

Так, например, в первом издании «Слова» очень часто конечное «ъ» Екатерининской копии, соответствующее орфографическим нормам XVIII в., заменяется на «ь», очевидно в соответствии с написаниями рукописи: «былинамъ» (стр. 2; Ек. «былинамь»), «помняшетъ» (стр. 3; Ек. «помняшеть»), «соколовъ» (стр. 3, 4; Ек. «соколовь»), «умь» (стр. 5, 6; Ек. «умь»), «трубять» (стр. 7; Ек. «трубять»), «имъ» (стр. 8; Ек. «имь»), «скачють» (стр. 8; Ек. «скачють»), «пасеть» (стр. 9; Ек. «пасеть»), «текутъ» (стр. 12; Ек. «текутъ»), «человѣкомъ» (стр. 17; Ек. «человѣкомь»), «Святъславъ» (стр. 23; Ек. «Святъславь»), «зоветь» (стр. 32; Ек. «зоветь»).

Однако гораздо более часты обратные случаи: «въсрожать» (стр. 9; Ек. «въсрожать»), «яругамъ» (стр. 9; Ек. «яругамь»), «хотять» (стр. 12; Ек. «хотять»), «прикрывають» (стр. 12; Ек. «прикрывають»), «летять» (стр. 17; Ек. «летять»), «заворочаетъ» (стр. 18; Ек. «заворочаеть»), «синѣмъ» (стр. 19; Ек. «синемь»), «Княземъ» (стр. 19; Ек. «Княземь»), «за нимъ» (стр. 20; Ек. «за нимь»), «Черниговъ» (стр. 20; Ек. «Черниговь»), «отець» (стр. 21; Ек. «отець»), «нѣгуютъ» (стр. 23; Ек. «нѣгують»), «поють» (стр. 25; Ек. «поють»), «побѣждаютъ» (стр. 27; Ек. «побѣждають»), «подѣлимъ» (стр. 27; Ек. «подѣлимь»), «бываеть» (стр. 27; Ек. «бываеть»), «птиць» (стр. 27; Ек. «птиць»), «възбиваеть» (стр. 27; Ек. «възбиваеть»), «дасть» (стр. 27; Ек. «дасть»), «рыкають» (стр. 29; Ек. «рыкають»), «текутъ» (стр. 30; Ек. «текутъ»), «умь» (стр. 31; Ек. «умь»), «бологомъ» (стр. 32; Ек. «бологомь»), «кличетъ» (стр. 32; Ек. «кличеть»), «течетъ» (стр. 33; Ек. «течеть»), «болотомъ» (стр. 33; Ек. «болотомь»), «Васильковъ» (стр. 33; Ек. «Васильковь»), «стелють» (стр. 36; Ек. «стелють»), «животь кладуть» (стр. 36; Ек. «животь кладуть»), «сыновъ» (стр. 36; Ек. «сыновь»), «пашуть» (стр. 37; Ек. «пашуть»), «слышеть» (стр. 37; Ек. «слышеть»), «плачетъ» (стр. 38, 39; Ек. «плачеть»), «всѣмъ» (стр. 39; Ек. «всѣмь»), «идуть» (стр. 39; Ек. «идуть»), «спить» (стр. 40; Ек. «спить»), «бдить» (стр. 40; Ек. «бдить»), «мѣрить» (стр. 40; Ек. «мѣрить»), «Донецъ» (стр. 41; Ек. «Донець»), «летить» (стр. 43; Ек. «летить»), «Княземъ» (стр. 46; Ек. «Княземь»).

С. П. Обнорский в своем исследовании языка «Слова» объясняет эти колебания между Екатерининской копией и изданием 1800 г. недостаточно четким написанием «ъ» и «ь», позволявшим их смешивать.¹² Палеографически такое объяснение вполне вероятно, однако несомненно и другое: сам А. И. Мусин-Пушкин и его ученые помощники явно колебались в данном случае между написаниями рукописи и интересами проведения орфографического единообразия. Эти колебания были, возможно, поддержаны тем, что «ъ» и «ь» в подлинной рукописи действительно недостаточно четко различались.

Колебания между орфографической системой XVIII в. и чтениями подлинной рукописи весьма характерны для издания 1800 г., хотя в целом мы должны признать, что первое издание гораздо ближе следует за рукописью, чем Екатерининская копия. Тем не менее есть и такие случаи, когда Екатерининская копия вернее отражает оригинал, чем издание 1800 г., подчинившее в том или ином частном случае свое правописание орфографии XVIII в. Приведем примеры: в издании 1800 г. «веселія» (стр. 26), в Екатерининской копии «веселіа», что точнее отражает югославянскую графику оригинала «Слова»; затем: «Готскія» (стр. 25; Ек. «Готьскія»), «Святславъ» (стр. 26; Ек. «Святъславъ»), «Святславлича» (стр. 30; Ек. «Святъславлича»), «по Рсіи» (стр. 32; Ек. «по Роси»), «Русскую» (стр. 33; Ек. «Рускую»), «Ростиславя» (стр. 42; Ек. «Ростиславля»), «чрезъ» (стр. 45; Ек. «чресъ») и многие другие. Лучшие чтения в Екатерининской копии объясняются, во-первых, тем, что издатели «Слова» постоянно колебались при написании того или иного слова между «системой» (от попытки провести которую они целиком не отказались, а только несколько «умерили» ее сравнительно с Екатерининским списком) и написаниями рукописи. Во-вторых, они, по-видимому, объясняются и еще одним обстоятельством. Правя текст «Слова», А. И. Мусин-Пушкин постоянно заказывал своим писцам копии, которые и рассылал для консультации, комментирования и перевода различным ученым. Поправки вносились, по-видимому, в эти писарские копии. Эти-то писарские копии и плодили различные ошибки и упрощения текста (следствие невольного подведения текста под орфографические нормы XVIII в.).

В дальнейшем мы увидим, что в тексте «Слова» имеется целый ряд описок, общих с Екатерининским списком.

Колебания в написаниях с «ъ» и «ь» объясняются не только тем, что «ъ» и «ь» имели сходные начертания. Они объясняются, как уже говорилось, и тем, что тут имело место колебание между «системой» и текстом рукописи. Доказывается это тем обстоятельством, что в ряде случаев мы имеем отнюдь не путаницы в написаниях «ъ» и «ь», а то пропуски, то вставки этих самых «ъ» и «ь», которые никак не могут быть объяснены простым сходством начертаний: «Ольга» (стр. 15; Ек. «Олга»), «Тьмутороканъ» (стр. 15; Ек. «Тмутороканъ»), «иноходцы» (стр. 16; Ек. «иноходды»), «сильными» (стр. 21; Ек. «сильными»), «Кіевскій» (стр. 21; Ек. «Кіевскій»), «Тьмутороканя» (стр. 24; Ек. «Тмутороканя»), «крильца» (стр. 24; Ек. «криця»), «готскія» (стр. 25; Ек. «готьскія»), «съ Ольберы» (стр. 27; Ек. «съ Олберы»), «Литовскія» (стр. 33; Ек. «Литовьскія»), «Полотскъ» (стр. 36; Ек. «Полотьскъ»), «мъглами» (стр. 41; Ек. «мглами»). Аналогичные пропуски и вставки «ь» и «ъ» в середине слов, главным образом (но не всегда) с целью приспособления текста к орфографии XVIII в., наполняют собой и издание «Поучения» 1793 г.

¹² С. П. Обнорский. Очерки..., стр. 140.

Особенно интересны в издании «Поучения» некоторые ошибочные прочтения, совпадающие с такими же неверными прочтениями «Слова» в Екатерининской копии и в издании «Слова» 1800 г. Мы уже говорили о том, что А. И. Мусин-Пушкин и в «Духовной» и в «Слове» не понял слова «къмети». В «Поучении» вместо «инѣхъ кметии молодыхъ» напечатано «инѣхъ къ метии молодыхъ»; в первом же издании «Слова о полку Игореве» вместо «свѣдоми къмети» напечатано «свѣдоми къ мети». Не понял А. И. Мусин-Пушкин и слов «мужство», «мужаться». В «Поучении» вместо «мужство и грамоту» напечатано «мужь твой грамоту»; в первом издании «Слова о полку Игореве» — «му жа имѣся сами» вместо «мужаймся сами». Эти общие в «Поучении» и «Слове» ошибки ясно показывают, что виновником их был сам А. И. Мусин-Пушкин, а не кто-либо из его ученых помощников. Они же, кстати сказать, лишний раз и совершенно бесспорно свидетельствуют о том, что перед А. И. Мусиным-Пушкиным была подлинная, древняя рукопись «Слова», которую он не во всех случаях умел прочесть, и что он делал типичные для себя ошибки в прочтении древних рукописей.

Публикаторскую технику Мусина-Пушкина довольно ярко характеризуют и другие случаи неумелого прочтения и разделения на слова текста «Поучения» («и шпочиваетъ» вместо «бо почиваетъ», «сѣ ѣтавкомъ» вместо «со Ставкомъ», «и сѣ Переслава» вместо «ис Переслава», «даси ми» вместо «да сими»), а также манера в случаях затруднений с пониманием какого-либо слова считать его именем собственным: «по Стугани ва...» вместо «по сту оуганиваль». И то и другое, как известно, представлено рядом примеров и в Екатерининской копии, и в первом издании «Слова».

Отдельные случаи своеобразной передачи текста в «Поучении» объясняют неточности Екатерининской копии и издания 1800 г. Так, например, в «Поучении» имеются вставки согласного там, где его не было в рукописи, под влиянием требований этимологии: «отвори» (стр. 35; в Екатерининской копии — более вероятное в рукописи «отвори»); ср. в издании «Поучения»: «беззаконье» (стр. 4, 6 и 49; в рукописи «безаконье»), «безсемени» (стр. 60; в рукописи «бесемене»).

Я не ставлю перед собой цели восстановления более правильных чтений, критики текста «Слова о полку Игореве». Поэтому я не предполагаю анализировать все расхождения между Екатерининской копией и изданием 1800 г. Такая работа в значительной мере уже проделана. В данном случае перед нами другая задача, гораздо более узкая, но до сих пор в науке не поставленная: установить общие приемы передачи текста в Екатерининской копии и в издании 1800 г. и самый ход работы над подготовкой Екатерининской копии и изданием 1800 г.

Приведенные материалы позволяют нам сделать следующие предварительные выводы. И Екатерининская копия, и издание 1800 г. отразили определенные приемы передачи текста древних рукописей, свойственные А. И. Мусину-Пушкину и привлеченным им ученым. Эти приемы близки к тем, которые совершенно достоверно могут быть установлены для мусинпушкинского издания «Поучения» Мономаха. Ближе всего к приемам этого издания Екатерининская копия. В издании 1800 г. заметно стремление строже придерживаться текста рукописи, в связи с чем некоторые приемы были отменены вовсе, а в других заметны колебания, но некоторая часть приемов осталась без изменений. Будущие исследователи языка «Слова» и реконструкторы его текста непременно должны считаться с тем, что в ошибках Екатерининской копии и издания 1800 г. отразилось не простое «неумение» прочесть текст погибшей рукописи, а некоторая, правда не совсем последовательная и четкая с и с т е м а приемов передачи текста ру-

кописи. Поэтому совершенно иначе распределяются в Екатерининской копии и издании 1800 г. достоверные и недостоверные чтения. Прежние исследователи не колебались признавать в тексте «Слова» достоверным и восходящим к погибшей рукописи все то, что является общим Екатерининской копии и изданию 1800 г. Мы убедились, что это не совсем так.

* *
*

Исследователи и публикаторы Екатерининской копии не ставили вопроса о том, как работал писец, с чего он делал свою копию: непосредственно с погибшей ли рукописи «Слова» или с какого-то специально для него подготовленного текста. По-видимому, П. Пекарский, И. И. Козловский, Н. С. Тихонравов, П. К. Симоны не сомневались в том, что писцу была предоставлена сама рукопись «Слова» и что писец являлся, таким образом, одним из первых ее исследователей и интерпретаторов. Так, например, И. И. Козловский считал, что особенности Екатерининской копии объясняются «простым неумением писца или руководившего им графа» прочесть затруднительный текст;¹³ отсюда ясно, что И. И. Козловский считал, что писец сам переписывал рукопись. Только М. В. Щепкина в своем исследовании «К вопросу о сгоревшей рукописи „Слова о полку Игореве“» писала: «Для характеристики Екатерининской копии важно знать, с чего списывал писец, — с самого оригинала конца XV—начала XVI века, т. е. непосредственно с мусин-пушкинского сборника, или уже со списка, изготовленного под наблюдением и по указаниям А. И. Мусина-Пушкина. Всего вероятнее последнее, ибо если бы даже самый опытный писец XVIII века стал копировать рукопись XV—XVI века с таким необычным текстом, то, с одной стороны, он дал бы больше неверных чтений и неправильных делений на слова, а с другой стороны, опытный писец проще и правильнее раскрыл бы ряд сокращений и учел бы ряд выносных знаков, пропущенных Мусиным-Пушкиным».¹⁴

Рассмотрение мусин-пушкинских приемов издания текстов ясно показывает, что так называемая Екатерининская копия «Слова» делалась не непосредственно с рукописи, а с подготовленного Мусиным-Пушкиным текста и отражает одну из стадий его работы по прочтению рукописи. Если бы писарь списывал текст непосредственно с рукописи, то он неизбежно отразил бы свое понимание текста, нарушил бы в чем-то систему передачи текста. Между тем в работе писаря мы видим ту же систему расстановки «ъ», «ь», «і» и многие, характерные и для издания 1800 г. неправильности в прочтении текста: «кѣ мети», «мужа имѣ ся» (в первом издании «му жа имѣся»), «нѣ рози нося» и т. д. В Екатерининской копии ясно ощущается, что над протографом ее работал ученый интерпретатор текста, дававший тексту свое толкование, расставлявший знаки препинания, прописные буквы, разделявший текст на слова и т. д. При этом с изданием 1800 г., даже в неверных толкованиях, гораздо больше сходства, чем различий.

Объяснение этому может быть только одно. Писец Екатерининской копии переписывал не рукопись «Слова» XV или XVI в., а приготовленный для него А. И. Мусиным-Пушкиным текст. В основном этот текст был А. И. Мусиным-Пушкиным приготовлен теми же приемами, что и издание «Поучения», но только гражданским, привычным для него почерком, а не церковно-славянским полууставом. В нем поэтому не было церковно-славянских букв и были уже расставлены все знаки препинания,

¹³ И. И. Козловский. Палеографические особенности..., стр. 4.

¹⁴ ТОДРА, т. XI. М.—Л., 1955, стр. 44.

приведена к корректорскому единству орфография. Правда, в Екатерининской копии кое-где имеются выносные буквы, которых нет в первом издании «Слова». В этих выносных буквах видят обычно остатки графики самой рукописи, отраженные якобы писцом, стремившимся точно следовать за рукописью. Это неправильно. В мусин-пушкинском издании «Поучения» выносные буквы совершенно не отражают графику оригинала. Они составлены Мусиным-Пушкиным по правилам их постановки в церковнославянских текстах XVIII в., главным образом в конце слов. То же самое видим мы и в Екатерининской копии. Здесь выносные буквы имеются также только в окончаниях слов (по преимуществу конечные «х» и «м», как и в церковнославянских текстах XVIII в.) и отражают приемы расстановки выносных букв в письме XVIII в. (не следует забывать, что выносные буквы еще продолжали употребляться в письме XVIII в.). Это обстоятельство заставляет сильно сомневаться в том, что выносные буквы Екатерининской копии перешли в нее из погибшего оригинала. Эти сомнения окончательно подтверждаются следующим наблюдением. Екатерининская копия имеет выносные буквы только в конце своих строк, там, где строка копии оказывалась длиннее обычного. Выносная буква помогала писцу Екатерининской копии избежать неудобных переносов, и только. Вот эти слова с выносными буквами: умо^м, оди^и, поведая^т, трепещу^т, шело^м, желѣзны^х, со^и, трудо^м, ури^и, звере^м, босы^и, на свои^х, лети^т, молоды^и.

Совершенно не прав Н. С. Тихонравов, который считал выносные буквы Екатерининской копии принадлежностью погибшей рукописи «Слова» и на этом основании даже обвинял первых издателей в том, что они неверно внесли их в текст при подготовке первого издания. «Выводя некоторые слова из-под титл, — пишет Н. С. Тихонравов, — первые издатели произвольно ставят „ь“ или „ъ“ и там, где их, конечно, не было в подлиннике. Так, они печатают „трудо^м“ (стр. 7), где в Екатерин. списке „трудо^м“, „умо^м“ (стр. 2), где в Ек. сп. „умо^м“».¹⁵

Между тем написания «трудо^м» и «умо^м» в издании 1800 г. как раз с полной очевидностью говорят о том, что выносные буквы «м» в этих словах принадлежат писцу Екатерининской копии и отсутствовали в рукописи. В самом деле, если бы окончания этих слов были восстановлены А. И. Мусиным-Пушкиным, как думает Н. С. Тихонравов, а не принадлежали оригиналу, он бы восстановил их, как мы теперь можем думать, зная его систему передачи текста, не с «ь», а с «ъ», по правописанию XVIII в. Таким образом, в этом случае изданию 1800 г. мы можем верить.

Можно думать, что выносные буквы не только не принадлежат погибшей рукописи «Слова», но не отражают даже и того оригинала, который был предоставлен А. И. Мусиным-Пушкиным писцу. Это чисто графическая особенность самой копии, и только.

Отнюдь не отражают графики погибшей рукописи «Слова» и такие слова под титлами, как «гна» и «гне» (дважды), — это обычные сокращения, принятые в церковнославянских изданиях конца XVIII в., а отчасти и в письме.

О том, что писец Екатерининской копии имел перед собою не подлинную рукопись, а подготовленный для него А. И. Мусин-Пушкиным оригинал, убеждает также и расстановка знаков препинания в Екатерининской копии: она в большинстве случаев почти соответствует первому изданию. Совпасть в своей расстановке знаков препинания с первым

¹⁵ «Слово по полку Игореве». Издано для учащихся Николаем Тихонравовым. 2-е изд., М., 1868, стр. V.

изданием «Слова» в такой степени, как это мы видим в Екатерининской копии, обычный писец не смог бы.

Характерная манера Мусина-Пушкина — опускать, не оговаривая, непроченные места также отразилась в Екатерининской копии. В ней пропущены слова «свистъ звѣринъ въ стази». В первом издании эти слова восстановлены, очевидно, по инициативе А. Ф. Малиновского и Н. Н. Бантыша-Каменского. В одном случае Екатерининская копия включает в свой состав комментаторскую глоссу, взятую в скобки: «Пѣти было пѣснѣ Игореве, того (Ольга) внуку». Эту же глоссу, как известно, имеет и первое издание «Слова» (стр. 6) с той разницей, что слово «Ольга» написано без «ь». Принадлежать эта глосса писцу также никак не могла. Слово «Ольга», поставленное в скобки, по свидетельству Н. М. Карамзина, отсутствовало в подлиннике и было внесено в текст «для большей ясности речи».¹⁶

Итак, Екатерининская копия отражает один из этапов подготовки текста к печати А. И. Мусиным-Пушкиным: этап первоначальный и далеко не совершенный. Екатерининская копия — список с подготовленного А. И. Мусиным-Пушкиным текста.

Наблюдение это подтверждается и следующим обстоятельством. Тот же писец, который переписывал текст «Слова», переписывал также и его перевод с примечаниями и содержание «Слова». Почерк всех этих бумаг Екатерины совершенно идентичен. Но ведь перевод, примечания и содержания «Слова» составлялись писцом не самостоятельно, а переписывались с подготовленного оригинала. Следовательно, нет ничего удивительного, что и для текста «Слова» оригинал был подготовлен А. И. Мусиным-Пушкиным, причем подготовлен теми же приемами, что и издание «Почтения».

Зная, что писец переписывал не подлинную рукопись «Слова», а оригинал, подготовленный для него А. И. Мусиным-Пушкиным, можно объяснить и другие особенности Екатерининской копии. Так, например, некоторые ошибки Екатерининской копии объясняются отнюдь не тем, что писец не разобрал рукописи XVI в., а тем, что он не разобрал почерка А. И. Мусина-Пушкина. В Екатерининской копии писец написал «самого» вместо двойственного числа «самаю» в рукописи (последняя форма сохранена нам изданием 1800 г.). Для объяснения этой ошибки писца И. И. Козловский прибег к чрезвычайно натянутому объяснению: он предположил, что в погибшей рукописи «о» писалось близко к «а», а слог «го» мог быть принят за «ю».¹⁷ Однако всякий обращающийся к рукописям XV—XVI вв. знает, что смешать в них «а» и «о», а тем более «го» с «ю», чрезвычайно трудно и что сходные начертания могут быть указаны крайне редко. Если же мы обратимся к почерку самого А. И. Мусина-Пушкина, то в нем смешать буквы «го» и «ю» было вполне просто, тем более что форма двойственного числа «самаю» была писцу неизвестна. Окончание же «ого» вместо «аго» также было легко писцу подставить, так как такого рода прием передачи текста был типичен для мусин-пушкинских изданий (он обычен и в его издании «Почтения»).

То обстоятельство, что писец Екатерининской копии, несмотря на всю его «квалифицированность»,¹⁸ все же допускал при переписывании ошибки, может быть доказано рядом примеров. Так, под влиянием соседних букв в слове «великий» «е» заменено им ошибочно на «ы»: «грознѣй

¹⁶ Сын Отечества, 1839, т. VIII, отд. VI, стр. 20.

¹⁷ И. И. Козловский. Палеографические особенности..., стр. 7—8.

¹⁸ Он, как известно, переписывал и другие бумаги для Екатерины II (П. Пекарский. Слово о полку Игореве по списку, найденному между бумагами императрицы Екатерины II. СПб., 1864, стр. 6).

выликый Кіевський» (в издании 1800 г. «великий»). К таким же опискам писца Екатерининской копии может быть отнесено: «падоша стяж» вместо «падоша стяги». Смешать «ги» с «ж» можно было именно в почерке XVIII в., тем более что мусин-пушкинский перевод «Слова», присланный им Екатерине, дает правильное понимание этого слова: «знамена». К числу описок писца может быть отнесена и такая: «з а н е землю Русскую» вместо «за землю Русскую» (стр. 30 первого издания), «халужными» вместо «харалужными» (стр. 36). Некоторые описки произошли не по вине писца, а принадлежат подготовленному тексту. Вместо текста «а быхъ неслала къ нему слезъ на море рано. Ярославна р а н о плачеть» (первое издание, стр. 39), в Екатерининской копии написано: «а быхъ неслала к нему слезъ на морѣ рано. Ярославна н а м о р ѣ плачеть». Писец два раза повторил «на морѣ», опустив одно «рано». Это явная описка, но описка эта произошла не по вине писца, а принадлежала тому оригиналу, с которого писец списывал. Это доказывается тем, что то же второе «на море» имеется и в том мусин-пушкинском переводе «Слова», копия которого им была послана Екатерине II: «Ярославна на морѣ плачеть къ Путивлю». В дальнейшем мы увидим, что перевод для Екатерины готовился уже тогда, когда копия текста была Екатерине отослана, следовательно, она делалась с другого оригинала, по-видимому, с протографа Екатерининской копии.

Другая явная ошибка Екатерининской копии — двойное, «очное» «о» в слове «ниоочима» — также принадлежит не писцу, а была уже в протографе Екатерининской копии, подготовленном непосредственно с рукописи; протографу же принадлежит неправильное прочтение слова «Зояни» вместо «Трояни» и многие другие.

Впрочем, Екатерининская копия была не просто переписана с текста, подготовленного для писца А. И. Мусиным-Пушкиным. Возможно, что она проверялась самим А. И. Мусиным-Пушкиным после переписки ее писцом. И. И. Козловский отметил, что в Екатерининской копии в слове «наполнился» буквы «ол» писаны по подскобленному тексту.¹⁹ Очевидно, что Мусин-Пушкин сперва правильно скопировал рукопись «наплънвился» (так этот текст и читается в издании 1800 г.), а затем подновил его, чтобы сделать его чтение понятным. По-видимому, в этом месте текст Екатерининской копии был подвергнут правке с точки зрения «системы», проводившейся А. И. Мусиным-Пушкиным в его изданиях.

Протограф Екатерининской копии, составленный А. И. Мусиным-Пушкиным (возможно, при участии Болтина), не затерялся. Несомненно, что он отразился в издании 1800 г. Текст издания 1800 г. генетически восходит к протографу Екатерининской копии, с поправками непосредственно по погибшей рукописи. В самом деле, интерпретация текста в издании 1800 г. во многом, несмотря на многочисленные поправки по рукописи, сохраняет особенности, характерные и для Екатерининской копии. Общим являются глосса «Ольга», отдельные ошибки («влъзѣ» со строчной; «сице и рати», «стугою», «сыпахутьми», «исъ Ревугы», «му жа имѣся» и т. д.), одинаковая расстановка знаков препинания, особенно показательная в спорных и неясных случаях (например, и в Екатерининской копии, и в издании 1800 г.: «... въстала обидя въ силахъ Дажь-Божа внука. Вступилъ дѣвою...», «Грозою бяшетъ; притрепеталь своими сильными плъкы» и др.).

Некоторые особенности расстановки знаков препинания в издании 1800 г. объясняются через протограф Екатерининской копии. Так, напри-

¹⁹ И. И. Козловский. Палеографические особенности..., стр. 5.

мер, известное место, в котором русские войска прощаются с Русской землей, в Екатерининской копии пунктуационно читается так: «О Руская земле! Уже за Шоломянемъ еси дълго: ночь мръкнетъ» и т. д. В издании 1800 г. пунктуация поправлена, очевидно под влиянием повторения этого места в начале описания битвы, где слово «дълго» отсутствует. И это слово «Дълго» отделено от предшествующей фразы точкой, но объяснения своего оно еще не получило и осталось стоять особняком, отделенное точками и от предшествующей и от последующей фразы, к которой оно относится: «О Руская земле! уже за Шеломянемъ еси. Дълго. Ночь мркнетъ...».²⁰

* *
*

Между протографом Екатерининской копии и изданием 1800 г. существовало еще несколько этапов работы над текстом «Слова». К сожалению, не все этапы этой работы до нас дошли. Один из этих этапов может быть все же отчасти представлен с помощью того текста перевода «Слова о полку Игореве», который наряду с Екатерининской копией сохранился в бумагах Екатерины.

Не может быть сомнений в том, что текст перевода «Слова о полку Игореве», найденный среди бумаг Екатерины II, не одновременен Екатерининской копии. Факт этот также до сих пор не обращал на себя внимания исследователей.

В самом деле, бумага Екатерининской копии текста «Слова» не отличается от бумаги перевода и бумаги содержания «Слова», хотя П. Симиони и утверждал, что она «несколько большего формата»²¹ и имеет иные водяные знаки. Тем не менее текст «Слова», перевод и содержание когда-то составляли самостоятельные части и переплетены вместе уже после смерти Екатерины II, не ранее 1804 г., как о том можно судить по водяному знаку на первом нумерованном листе фолианта, вpletенном при переплете.²²

Перевод «Слова» писан той же рукой, что и текст, но это не свидетельствует об одновременности текста и перевода, так как та же рука видна и в других бумагах, писанных для Екатерины в различное время. Вместе с тем совершенно ясно из рассмотрения обоих текстов, что они переписаны различными способами и не могли составлять части единого целого. Текст «Слова» писан в лист с небольшими полями. Перевод же «Слова» писан на листах, перегнутых пополам. Перевод находится в правом столбце. Левый столбец оставлен пустым или занят случайными заметками. Внизу листов, под прямой, проведенной по линейке чертой, размещаются примечания. Обращает на себя внимание, что в этой второй тетради перевод и примечания расположены точно так же, как и в первом издании «Слова» и в издании «Поучения»; левый же незаполненный столбец явно предназначался для текста, опять-таки так же как и в первом издании. Перед нами, следовательно, как бы подготовительные материалы для издания, чего отнюдь нельзя сказать про Екатерининскую копию текста. Весьма возможно, что перевод и примечания были спешно посланы

²⁰ На странность расстановки знаков препинания в этом месте обратил внимание еще Н. С. Тихонравов («Слово о полку Игореве». Издано для учащихся Николаем Тихонравовым. М., 1866, стр. VIII; см. то же во втором издании: М., 1868, стр. VIII).

²¹ П. Симиони. Текст Слова о полку Игореве по списку, хранящемуся в бумагах имп. Екатерины II. Древности, т. XIII. М., 1890, стр. 19.

²² П. Симиони. Текст Слова о полку Игореве... стр. 17.

Екатерине II в том экземпляре, который оказался у А. И. Мусина-Пушкина под рукой.²³

Если же мы проанализируем и самый перевод «Слова», то убедимся, что он сделан не по Екатерининской копии текста или ее протографа, а отражает какую-то промежуточную стадию подготовки текста «Слова», более позднюю, чем Екатерининская копия, но более раннюю, чем текст издания 1800 г.²⁴

Оставляя в стороне общее рассмотрение Екатерининского перевода «Слова» с точки зрения его достоинств, отраженного в нем понимания «Слова» и т. д.,²⁵ остановимся только на тех его особенностях, которые позволяют установить какие-либо данные о том тексте, с которого этот перевод велся.

В основном Екатерининский перевод сделан с текста, близкого тексту Екатерининской копии, однако можно думать все же, что перед переводчиком был текст, содержащий уже некоторые из поправок, принятых затем в издании 1800 г. Приведу примеры.

В Екатерининской копии слово «галици», в отличие от названий других животных, последовательно пишется с прописной буквы: «Галици стада», «говоръ Галичь», «а Галици свою речь говоряхуть». Это заставляет предполагать, что подготавливавший текст для Екатерининской копии А. И. Мусин-Пушкин первоначально считал, что «галици» — это «галичане» (названия народов, жителей местности в Екатерининской копии, как и в изданиях старых текстов в XVIII—начале XIX вв., пишутся с прописной буквы: «Половци», «Нъмци», «Греци», «Морава» и т. д.). Однако в Екатерининском переводе, так же как и во всех последующих переводах XVIII в., «галици» правильно переводится «галки».

Испорченное в Екатерининской копии место «падоша стяж Игоревы» в переводе понято правильно: «пали знамена Игоревы».

В Екатерининской копии «Карна и Жля» соединены в одно слово: «За нимь кликну Карнаижля поскочи по Русской земли». В переводе эти слова уже разъединены: «В след за ним крикнул Карна, и Жля рассеялась по русской земле».

В Екатерининской копии не понято слово «дъскы»: «Ужедь ски». В переводе эти слова разделены правильно: «Уже дски».

В некоторых случаях Екатерининский перевод предлагает иное понимание текста, и хотя далекое от ныне принятого, но все же более близкое к изданию 1800 г., чем к Екатерининской копии. Так, например, в Екатерининской копии слово «урим» написано со строчной буквы: «Се ури^м кричатъ». Очевидно, что составитель текста еще не видел в нем имени собственного. В переводе это слово написано уже с прописной буквы; оно понято так же, как и в издании 1800 г.: «Се Уримъ кричить».²⁶

В некоторых случаях переводчик не разобрал текста, правильно переписанного в Екатерининской копии: вместо «пбо суху шерешеры стрелять»

²³ При этом, однако, текст этого перевода остался у А. И. Мусина-Пушкина, а отослан был Екатерине II лишь один из имевшихся экземпляров, так как текст Екатерининского перевода отчетливо отразился во всех дошедших до нас переводах «Слова» XVIII в. (см.: Р. О. Якобсон. Тетрадь князя Белосельского. В сб. «Слово о полку Игореве в переводах конца восемнадцатого века», Leiden, 1954).

²⁴ Отметим, кстати, что Екатерининский перевод «Слова» в иных случаях почти буквально повторяет отдельные древнерусские выражения, а иногда и целые места «Слова», что облегчает реконструкцию текста, легшего в его основу.

²⁵ Оно сделано в работе А. В. Соловьева «Екатерининский список и первое издание Слова» (в сб. «Слово о полку Игореве в переводах конца восемнадцатого века», Leiden, 1954).

²⁶ В переводе издания 1800 г.: «Уже кричить Уримъ».

автор перевода имеет в виду какой-то другой, испорченный текст — «по суку шерешери стрелять»; вместо «Галички Осмомысле» переводчик пишет «Галицкий Гостомысле». В последнем случае переводчик явно поправляет текст, предполагая, очевидно, популярного в конце XVIII в. персонажа русской истории — новгородца Гостомысла. Впрочем, последняя ошибка могла возникнуть и в связи с тем, что автор принял букву «м» за треногое «т». Дурное прочтение текста переводчиком заметно и в другом случае: слова «кое ваши» переводчик переводит «но ваши». Очевидно, слово «кое» было написано в оригинале, с которого делался перевод, недостаточно ясно.

Очень важна поправка, которая была перед переводчиком, в известной ошибке Екатерининской копии: «на седмомъ вѣцѣ Зояни». Как доказано, эта ошибка «Зояни» вместо «Трояни» могла произойти только при одном условии, что перед составителем текста для Екатерининской копии была рукопись XVI в. с обычным для этого времени лигатурным написанием букв «Тр», которое могло быть легко принято за «З». Иного объяснения этой ошибки Екатерининской копии, как известно, дано не было. В переводе Екатерининского архива это слово понято правильно: «Трояновом» («На седьмомъ вѣкѣ Трояновомъ»). Это доказывает, что перед переводчиком был действительно иной текст, чем в Екатерининской копии, текст, проверенный и поправленный по подлинной рукописи.

Текст этот не мог представлять собой тот же протограф Екатерининской копии, но с поправками; это был заново переписанный с этого оригинала и исправленный текст, в который, как мы видели, писцом были внесены и некоторые описки. Отмеченные нами выше погрешности перевода, как мы видели, являются погрешностями того текста, который был перед переводчиком; вероятнее всего, что эти погрешности принадлежали писцу, а не самому А. И. Мусину-Пушкину, так как они обе ухудшают текст, являются следами «механического» непонимания текста, в чем вряд ли можно подозревать А. И. Мусина-Пушкина.

Наконец, отметим более правильное разделение на слова следующих мест Екатерининской копии: «вазнистри кусы» (в Екатерининском переводе, так же как и в переводе издания 1800 г., — «вонзив стрикусы») и «о дне пресловутицю!» (в Екатерининском переводе — «О Днѣпре, славный!»).

Таким образом, перевод делался не с Екатерининской копии, а с переписанного писцом и исправленного еще раз непосредственно по рукописи «Слова» текста, генетически восходящего к протографу Екатерининской копии.

В дальнейшем, когда предпринятая Сектором древнерусской литературы работа по опубликованию всех переводов «Слова» XVIII в. закончится, необходимо будет попытаться проверить, какие тексты лежат в основе переводов, сохранившихся в бумагах Малиновского и в архиве Воронцова.

* * *

*

Текстологическое исследование дошедшего до нас Екатерининского списка, первого издания 1800 г. и первого перевода «Слова» ясно доказывает, что существовала авторитетная для первых издателей рукопись «Слова» и именно с нею сообразовалось то «движение текста», которое может быть отмечено прямо в издании 1800 г., сравнительно с Екатерининской копией, и косвенно в Екатерининском переводе, отражающем промежуточный этап подготовки и толкования текста.

Текст «Слова о полку Игореве» в мусин-пушкинских копиях его (мы условно называем мусин-пушкинскими те копии, которые находились в его распоряжении, но которые по существу являлись плодом коллективной работы ученых и простых переписчиков) постоянно исправлялся, и эти исправления в целом не отдаляли этот текст от подлинной рукописи, а приближали. Все изменения в тексте «Слова» по мере подготовки его к печати могут быть объяснены четырьмя обстоятельствами: во-первых, наличием авторитетной для издателей рукописи, по которой они постоянно выправляли текст, стремясь его не только механически прочесть, но и понять, сделать удобочитаемым; во-вторых, некоторой неподготовленностью издателей к своей работе; в-третьих, стремлением издателей к унификации орфографии и попытками приблизить ее к правописанию XVIII в. — попытками, более определенными в начале работы и менее отчетливыми под конец подготовки «Слова» к печати, и, в-четвертых, тем, что в процессе работы над текстом он переписывался профессиональными писарями, которые вводили в текст некоторое (небольшое) количество механических ошибок, описок, неправильных прочтений.

Все эти четыре обстоятельства настолько несомненны при анализе различий, что отсюда может быть сделан и вполне определенный вывод: издатели «Слова» безусловно были уверены в подлинности рукописи; весь ход работы над изданием «Слова» убеждает, что издатели ничего сознательно не придумывали, не сочиняли, не изменяли более раннего текста без каких-либо серьезных оснований.

Если бы кто-либо из издателей «Слова», будь то сам А. И. Мусин-Пушкин, Н. Н. Бантыш-Каменский или А. Ф. Малиновский, не был уверен в подлинности рукописи, а считал бы, что имеет дело с удобочитаемой подделкой (а подделки, как правило, бывают обычно удобочитаемы: в них нет темных мест, тем более таких, которые в некоторой части с течением времени бесспорно могут быть объясняемы), то весь ход работы был бы совсем иным.

Ход работы А. И. Мусина-Пушкина и его «ученой дружины» над первым изданием на основании всего изложенного может быть наглядно показан в виде приведенной здесь схемы (см. стр. 87).

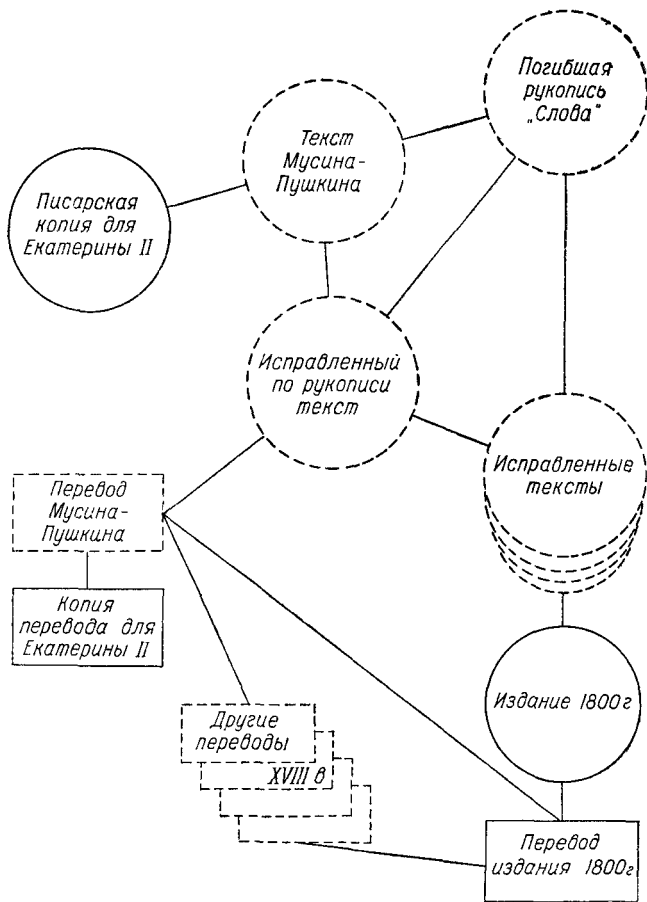
Почему издание 1800 г., в отличие от издания «Поучения» 1793 г., с которым оно имеет так много общего, применило гражданский, а не церковный шрифт?

Причины могли быть разные, и все они могли действовать в совокупности.

Прежде всего отметим, что выбор шрифта определился самим ходом работы над текстом «Слова». Текст «Слова» раньше, чем быть окончательно подготовленным к печати, многократно переписывался от руки. Его, повидимому, подготовил первоначально сам А. И. Мусин-Пушкин или И. Н. Болтин. Затем А. И. Мусин-Пушкин давал его переписывать писарю. После писаря в текст вносил поправки сам А. И. Мусин-Пушкин и те из авторитетных для него лиц, которым он посылал текст «Слова» для замечаний, исправлений, толкований. После текст переписывался еще и еще. Само собой разумеется, что простую переписку текста не к чему было производить церковно-славянским шрифтом. Церковно-славянский шрифт при переписке рукописи мог быть применен только тогда, когда этот текст непосредственно предназначался для церковно-славянского набора. Поскольку этого вначале не было, а текст готовился для его изучения, рассылки отдельным ученым, он многократно переписывался обычным способом, и это неизбежно создавало некоторую инерцию, которая затем и сказалась в выборе именно гражданского шрифта.

По существу выбора шрифта и не было: гражданский шрифт явился результатом всего хода работы над текстом погибшей рукописи.²⁷

Применение гражданского алфавита в первом издании «Слова» было удачным: оно обеспечивало гораздо большую точность передачи текста; оно избавляло издателей от необходимости расставлять надстрочные знаки, без которых в конце XVIII в. казались немислимыми издания церковной печати; кроме того, оно избавляло издателей от необходимости

вводить в текст А, Ѡ, Ѣ, расстановка которых в изданиях XVIII в. также обычно не соответствовала рукописной традиции XII—XVI вв. Иной была в церковных изданиях XVIII в. и система сокращений, постановки титла и выноса букв над строкой. Гражданский шрифт гораздо менее связывал издателей, позволял точнее следовать тексту. Он был более «нейтрален» по отношению к древнерусскому тексту, чем церковно-славянский.

Совсем иным было бы отношение издателей к гражданскому шрифту, если бы они не задавались целью более или менее точной передачи древ-

²⁷ Можно было бы думать, что церковно-славянский шрифт не подходил для памятника светского. Действительно, «Поучение», изданное А. И. Мусиным-Пушкиным, могло восприниматься как произведение церковной литературы, однако тем же Мусиным-Пушкиным была издана и «Русская Правда» — памятник не менее светский, чем «Слово», и изданный тем же церковно-славянским шрифтом.

него текста, написанного в иной орфографической системе, чем в изданиях церковной печати конца XVIII в. Если бы перед издателями стояла цель передать древний колорит памятника или тем более создать подделку под древность, они, возможно, остановились бы в своем выборе на церковно-славянском шрифте и, не будучи связаны оригиналом, расставили бы юсы, «ѣ», выносные буквы и титла так, как это было принято и казалось им обычным в «словенском наречии», без всяких смущавших издателей неправильностей его.

Связанность издателей текстом авторитетной для них рукописи может быть доказана для всех случаев исправления текста, для всей системы подготовки текста к печати и для всех приемов передачи текста «Слова о полку Игореве».

В свете рассмотренных материалов становится ясным, почему редакторы первого издания, Н. Н. Бантыш-Каменский и А. Ф. Малиновский, запрещали А. И. Мусину-Пушкина править корректуры. Чего, собственно, могли опасаться Н. Н. Бантыш-Каменский и А. Ф. Малиновский? Может быть, они опасались, что А. И. Мусин-Пушкин обратится к рукописи «Слова» и введет в корректуру свое собственное понимание какого-либо множество раз уже толкованного и перетолкованного темного места «Слова», не считаясь с мнением им же самим привлеченных к изданию ученых? Вряд ли именно этого опасались Н. Н. Бантыш-Каменский и А. Ф. Малиновский. Однако они, естественно, могли ожидать, что А. И. Мусин-Пушкин станет править не по рукописи, а «унифицируя» текст согласно тем старым приемам, которые он применил в издании «Поучения» и первоначальной копии, введет новые ошибки. В издании могли пострадать характерные югославянские формы «ль» «рѣ», могло быть заменено «ю» после «ч» на «у» и т. д. Иными словами, ученые редакторы первого издания имели все основания бояться правки А. И. Мусина-Пушкина не по рукописи (в этом случае А. И. Мусин-Пушкин вряд ли бы предложил самостоятельные прочтения), а правки без рукописи, по привычным нормам орфографии XVIII в. Последняя, как мы видели, и не была вовсе изгнана из издания 1800 г., а лишь умерена.

Весь приведенный материал бесспорно и совершенно отчетливо убеждает в том, как много потеряла наука и русская культура в целом от того, что первые издатели «Слова» не применили дипломатических приемов передачи текста. Если бы издатели «Слова» своевременно отказались от попыток собственного «прочтения» текста, от введения правописания XVIII в., современного разделения на слова, расстановки знаков препинания и пр. и приняли бы дипломатические приемы издания, которые к этому времени уже стали намечаться, то мы были бы избавлены от многих ошибок и искажений, от которых не гарантирован ни один из исследователей, ставящих перед собою целью интерпретацию текста, «приближение текста к читателю», а не только точное его издание.

Сейчас же волей-неволей перед исследователями встает как одна из важнейших задач исследования «Слова» реконструкция такого его текста, в котором были бы отмечены все те буквы и написания, в отношении которых мы можем подозревать, что они явились результатом интерпретации текста, введения правописания XVIII в. Такой текст мог бы служить исходным материалом для последующей лингвистической и конъектуральной работы над ним. Этот текст должен учитывать показания генеалогического соотношения двух его списков — Екатерининской копии и издания 1800 г., и на основании тех сведений, которые могут быть собраны относительно приемов передачи текста в том и другом, в нем должны быть показаны (особым шрифтом или каким-либо другим способом) все те

места и отдельные буквы, которые могли быть изменены издателями сравнительно с погибшей рукописью.

Работа эта сможет быть закончена только тогда, когда будут приведены в известность не только все данные относительно того, как готовился текст к изданию 1800 г., но и история печатания этого издания, что может быть сделано на основании установления разночтений всех сохранившихся экземпляров первого издания. Было бы полезно, восстанавливая текст рукописи XVI в., отмечать все те буквы («ъ», «ь» и т. д.), которые могли быть расставлены издателями «Слова» в порядке приспособления к орфографическим нормам конца XVIII в.

М. В. ЩЕПКИНА

К вопросу о правописании рукописи „Слова о полку Игореве“

Сличение первого издания «Слова» с Екатерининской копией дало нам возможность выяснить до известной степени приметы самой рукописи — ее размеры, количество листов, которое занимала в ней поэма. Настоящая работа является попыткой разобраться в особенностях правописания памятника, поскольку оно отразилось в двух дошедших до нас списках; причем надо оговориться, что Екатерининскую копию мы будем рассматривать как транскрипцию самого владельца, графа А. И. Мусина-Пушкина, а первое издание в основном как транскрипцию редактора А. Ф. Малиновского. Конечно, надо иметь в виду, что транскрипция Екатерининской копии не являлась для Мусина-Пушкина окончательной, он продолжал работать над ней вплоть до издания 1800 г.: об этом свидетельствуют слова предисловия к первому изданию, что владелец рукописи «через старания свои и прозрбы к знающим достаточно российский язык, доводил чрез несколько лет приложенный перевод до желанной ясности».¹ Несомненно, слова эти надо относить не только к переводу, но и к самому тексту «Слова».

Давно учтены все разночтения этих двух списков. Однако до сих пор еще не сделаны все выводы из этих разночтений. Может быть, это объясняется тем, что не вполне выяснено соотношение этих списков. Много раз было высказано мнение, что первое издание выполнено чрезвычайно добросовестно и, по мере возможности, точно передает написания подлинника. Особенно ценно для нас свидетельство очевидца рукописи, Н. М. Карамзина. Последний передавал К. Калайдовичу, что «по сделанному им сличению оказалось, что Песнь о походе князя Игоря со всей точностью напечатана против подлинника, выключая слов „вѣчи Трояни“, вместо которых в подлиннике стоят „сѣчи Трояни“. Касательно же „Ольга“, на стр. 6, то это учинено для большей ясности».² Подобное же указание находим у Н. М. Карамзина в примечании № 268 к третьей книге «Истории Государства Российского»: «Сочинитель говорит (стр. 16) „с тоя же Кааялы Святопакъ... по сѣчѣ я отца своего между Угорьскими иноходцами ко святой Софии к Къеву“. Издатели не угадали смысла сей речи, где есть описка: „повелѣ я“ вместо „по сѣчѣ я“, т. е. взял». О добросовестности Малиновского говорят и Д. Дубенский и Е. В. Барсов.³ В наше время тщательность первого издания отмечал

¹ Слово о полку Игореве. М., 1800, Предисловие, стр. VII—VIII.

² Со слов профессора Московского университета Р. Ф. Тимковского (см: Летописи русской литературы и древности, 1859—1860, кн. 6, стр. 90).

³ Д. Дубенский. Слово о полку Игореве, объясненное по древним письменным памятникам. М., 1844; Е. В. Барсов. Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси, тт. 1—3. М., 1887—1890.

А. С. Орлов. То же указывает и Д. С. Лихачев в своих комментариях к «Слову».⁴ Из всех исследователей только, кажется, Н. С. Тихонравов прямо отдавал предпочтение Екатерининской копии и считал, что по сравнению с нею первые издатели «Слова» в 1800 г. произвольно изменяли написание оригинала.⁵

Однако на деле недоверие к первому изданию мы встречаем даже у тех исследователей, которые отдают ему как будто должное. Тот же Е. В. Барсов высказывает мнение, что хотя издатели и избегали поправок, но допускали их там, где смысл для них был ясен и где казавшаяся им грамматическая ошибка могла «затемнять его для читателей». Так, Барсов предполагает, что написание оригинала «сынъ Всеволодь» издатели исправили на «Всеволожь»; а относительно чтения в первом издании «подобію» вместо «по дубію» считает, что «погрешность эта могла принадлежать самим издателям».⁶

Предположив, что Малиновский не вполне разобрал написание рукописи или, разобрав, заподозрил в нем ошибку и произвольно исправил ее, Барсов предлагает обычно свою версию «подлинного текста» рукописи и, исходя из нее, дает объяснения и перевод, часто мало обоснованный и даже фантастический. Главная ошибка Барсова заключается в том, что единичный случай, встреченный им в какой-либо одной рукописи, он возводит в правило, которое и применяет потом для объяснения и исправления текста первого издания. Этому способствовало то обстоятельство, что Барсов был сам собирателем рукописей.

В наше время А. С. Орлов заявлял, что кладет в основу своего издания «печатный текст 1800 года, как более осмотрительно сделанный», но вносит «в этот основной текст лучшие чтения, местами сохранные Архивной (Екатерининской) копией».⁷ Таким образом, создается впечатление, что Орлов придает одинаковое значение показаниям обоих списков, что они для него по существу равноценны. В ряде случаев он предполагает «подравнивание написаний» то в одном, то в другом списке и не определяет, в чем же собственно заключается различие того и другого. А между тем их разногласия вытекают из тех целей, которые ставят себе Мусин-Пушкин и Малиновский.

Ф. И. Буслаев в своей оценке обоих списков говорит не о произволе издателей, а о несовершенстве транскрипций: «Правописание Слова о полку Игореве дошло до нас в самом искаженном виде как потому, что оно было подновлено и попорчено в рукописи XV или XVI столетия, так и потому, что ни писец Ек. копии, ни издатель 1800 года с своими помощниками не умели во всей точности передать старинную рукопись».⁸ Таким образом, Буслаевым поставлен в сущности вопрос о системе двух транскрипций. Позднее И. И. Козловский, выясняя различие обоих списков, на ряде примеров показал, что издание 1800 г. пытается передать оригинал, как он есть, а Екатерининская копия упрощает правописание подлинной рукописи.⁹ Наша задача заключается в том, чтобы продолжить и

⁴ А. С. Орлов. «Слово о полку Игореве», второе, дополненное издание. М.—Л., 1946; Д. С. Лихачев. «Слово о полку Игореве». Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 361—365.

⁵ Н. С. Тихонравов. «Слово о полку Игореве». М., 1866.

⁶ Е. В. Барсов. «Слово о полку Игореве»..., т. 3, стр. 182, 164; ср. также стр. 194, 199, 206, 226, 229, 288.

⁷ А. С. Орлов. «Слово о полку Игореве», стр. 45.

⁸ Ф. И. Буслаев. Русская хрестоматия, изд. X. М., 1912, стр. 86.

⁹ И. И. Козловский. Палеографические особенности рукописи «Слова о полку Игореве». Древности, Труды Московского археологического общества, 1890, т. XIII, вып. 2, стр. 2—3.

уточнить анализ, начатый И. И. Козловским, проследить правописание первого издания и выяснить приемы передачи подлинной рукописи у Малиновского в издании 1800 г. и у Мусина-Пушкина в Екатерининской копии.

В первую очередь мы остановимся на вопросе о югославянской орфографии, следы которой отмечают в рукописи «Слова» все исследователи. Это — приемы правописания, сложившиеся в систему у балканских славян к концу XIV в. В XV в. эта условная, частью архаизирующая орфография вытесняет у нас свою, русскую. Основные правила нового югославянского правописания следующие: 1) постановка «і» десятеричного перед всеми гласными; 2) восстановление старославянского написания глухих перед плавной в положении между согласными, т. е. «ръ», «лъ» вместо древнерусских «ѣр», «ѣл» и новых «ор», «ол» (ср. слова «влькъ», «бръзь» и т. п.);¹⁰ 3) отсутствие иотации, т. е. окончания «аа», «иа» вместо «ая», «ия»; 4) употребление одной из полугласных в качестве конечного знака (обычно «ь») и «ѣ» в середине слов, а также в предлогах.¹¹ Приемы эти в одних русских памятниках XV, а также первой половины XVI в. проведены более строго, в других менее. Особенно ярко проявляется новая орфография в рукописях церковного содержания. Как пример можно указать уже приводившиеся нами однажды псалтыри: Епархиального собрания № 86, XV в., и Музейского собрания № 4085, первой половины XVI в.¹²

Весьма характерный образец подобного правописания представляет также Апостол XV в. Синодального собрания № 18. В этой рукописи, на странице листового размера в 30 строк, «і» десятеричное может встречаться по десяти и более раз; случаев отсутствия иотации насчитывается от четырех до десяти на страницу, а написаний типа «ръ», «лъ» — в среднем от четырех до пяти на страницу.

Если мы обратимся к правописанию рукописи «Слова о полку Игореве», то мы должны принять во внимание, что в Екатерининской копии, кроме приемов книжной орфографии конца XVIII в., соблюдавшихся в печати, надо учитывать и те отступления от установленного правописания, которые допускались в русской письменности этого времени. Мы подразумеваем, например, постановку «я» и «ю» после «ч», а также «е» вместо «ѣ» в неударном положении. В этих случаях Екатерининская копия частью будет совпадать с оригиналом, а частью расходиться с ним, смотря по тому, является ли данный прием привычным для писца XVIII в. Что касается первого издания, то оно, с одной стороны, стремилось передать оригинал со всей точностью, а с другой стороны, чтобы сделать текст удобочитаемым и «грамотным», должно было в известной мере соблюдать установленное правописание своей эпохи (конец XVIII в.).

Как уже сказано, мы остановимся на югославянских особенностях правописания, отмеченных в первом издании «Слова». Начнем с «і» десятеричного. А. С. Орлов в своих изданиях 1923 и 1946 гг. впервые отказался от употребления «і» десятеричного. «Новостью нашего издания, — говорит он, — является совершенное устранение і, проставленного первыми издателями в тексте Слова, несомненно под влиянием орфографии конца 18 века. Все „і“ заменены у нас „и“, что соответствовало средневековой графике в преобладающем числе случаев». А. С. Орлов не раз-

¹⁰ Мы не касаемся отдельно написаний «ръ», «лъ», так как, по югославянской орфографии, «ь» в середине слова заменяется обычно через «ѣ».

¹¹ Конечный «ь», вообще не обязательный для большинства русских летописей XV в., мы пока оставляем.

¹² См.: ТОДРЛ, IX. М.—Л., 1952, стр. 13

живает и не поясняет своего положения; возможно, он говорит на основании личного опыта. Объяснение дает нам палеография русских рукописей, которая отмечает, что «в первой половине 16 века московская письменность (кроме литургических текстов) вообще очищается от югославянских особенностей».¹³ Следовательно, югославянское правописание может встречаться в церковных текстах и позднее. Другое дело — тексты светского содержания, в них «и» восьмеричное преобладает над «і» десятеричным в положении перед гласной, даже в памятниках XV в. Особенно бросается в глаза эта особенность в летописных текстах, таких, как летопись XV в. Синодального собрания № 941, летопись первой половины XVI в. собрания Уварова № 1366, Кирилло-Белозерская летопись XVI в., бывшая в Синодальном собрании за № 788, летопись XVI в. в собрании Черткова № 360. Следовательно, для текста «Слова о полку Игоре» А. С. Орлов мог с полным основанием допустить преобладание «и» восьмеричного. Он не прав только в одном отношении: явление это не означает еще, что сгоревшая рукопись Мусина-Пушкина относилась непременно к XVI в. Как уже указано, отсутствие «і» десятеричного перед гласными могло иметь место и в первой половине XVI и даже в XV в.

В первом издании «Слова» «і» десятеричное проставлено 94 раза: 90 раз перед гласной, 3 раза в имени «Владимир» (согласно правописанию XVIII—XIX вв.)¹⁴ и 1 раз в слове «усобицѣ» (на стр. 3). Екатерининская копия совпадает с первым изданием в 88 случаях; 5 раз копия дает окончание «ый», «ыя» вместо «ий», «ия»:

Первое издание

русскія (стр. 20)
половецкія (стр. 22)
великій (стр. 26)
ляцкіи (стр. 33)
литовскія (стр. 33)

Екатерининская копия

русская (л. 30 об.)
половецкая (л. 31)
великий (л. 31 об.)
ляцкыи (л. 32 об.)
литовская (л. 33)

В слове «усобицѣ» Екатерининская копия, в противоположность первому изданию, ставит «и» восьмеричное.

Отступления от общепринятой орфографии своего времени, допущенные Малиновским в словах «Володимиръ» (стр. 28) и «усобицѣ» (стр. 3), наводят на мысль, что он хотел отметить особенности правописания оригинала. При этом в слове «усобицѣ» мы встречаем особое написание «і» десятеричного, а именно с одной точкой.

Надо напомнить, что в первом издании употреблены четыре шрифта: 1) крупный гражданский шрифт для предисловия и перевода поэмы; 2) соответствующий ему мелкий гражданский шрифт для примечаний; 3) крупный курсив для самого текста поэмы, а также для имен собственных как в предисловии, так и в переводе; 4) соответственный ему мелкий курсив для цитат и имен собственных в примечаниях.

Все четыре шрифта передают «і» десятеричное в виде столбика с двумя точками. Однако при ближайшем рассмотрении выясняется следующая особенность: и крупный и мелкий курсив дают два начертания для «і» десятеричного — одно с двумя точками, обычное для всех четырех шрифтов, и другое с одной точкой. Это второе начертание встречено в мелком курсиве всего один раз и то лишь в цитате из рукописи Мусина-Пушкина, а именно в оглавлении ее, в слове «Лѣтописаніе», тогда как «і» десятеричное с двумя точками употреблено в этом же оглавлении

¹³ В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии. М., 1919, стр. 119.

¹⁴ Один раз первое издание, вопреки новому правописанию, дает «Володимиръ» через «и» восьмеричное (стр. 28) и один раз «Володимеръ» (стр. 5).

9 раз.¹⁵ В крупном курсиве в самом тексте поэмы «і» десятеричное с одной точкой проставлено 12 раз. Как белая бумага роскошных экземпляров, так и подсиненная бумага обычных экземпляров первого издания имеют настолько неровную и рыхлую поверхность, что две точки курсивного «і» десятеричного выходят на ней неодинаково четко: левая точка обычно отпечатывается слабее. Это затрудняет проверку. Однако 12 написаний с одной точкой прослежены по восьми экземплярам первого издания, причем установлено, что они повторяются всюду, в одних случаях совершенно ясно, в других менее отчетливо; в слове «усобиць» «і» в некоторых экземплярах стоит даже совсем без точки. Сличение проведено по следующим экземплярам первого издания:

Государственный исторический музей

- 1) экземпляр акад. М. Н. Сперанского
- 2) » М. И. Прахова

Всесоюзная библиотека им. В. И. Ленина

- 3) экземпляр графа Н. П. Румянцева
- 4) » Общества истории и древностей российских
- 5) » А. Ф. Малиновского
- 6) » А. С. Норова
- 7) » графа С. Д. Шереметева
- 8) » Л. М. Кубарева¹⁶

В Екатерининской копии «і» десятеричное пишется всюду с одной точкой, за исключением слова «копїе», где почему-то проставлены две точки.¹⁷ Приводим те 12 случаев, где «і» десятеричное дано в первом издании с одной точкой вместо двух: мыслію (стр. 3), усобиць (стр. 3), мльнїи (стр. 12), къ Кїеву (стр. 16), поганїи (стр. 19), кїевскїй (стр. 21), лядкїй (стр. 33), веселїе (стр. 34), кїевскаго (стр. 35), божїа (стр. 37), кїевскымъ (стр. 37), нелюбіа (стр. 41).

Не верить транскрипции Малиновского мы не имеем основания. Видеть в этих 12 случаях особого написания «і» десятеричного случайность — нельзя: мы знаем, что корректура первого издания велась медленно и тщательно, по-видимому в течение двух лет, как полагает М. Н. Сперанский.¹⁸ В дошедших до нас экземплярах имеется еще одна особенность, которая показывает, насколько тщательно велось первое издание. Мало того, что оно имело три корректуры, в нем произведена была еще замена четырех листов уже отпечатанного текста. Надо думать, что в них были обнаружены какие-то важные недочеты, потому что они вырезаны и взамен подклеены вновь отпечатанные листы. Во всех 8 просмотренных нами экземплярах листы 1/2, 7/8, 15/16, 37/38 вклеены.¹⁹ Это наблюдается даже в роскошных экземплярах, которые принадлежали графу

¹⁵ Не считая «і» в словах: «Исус Навин» и «Судей іудейских», где в обоих случаях стоит заглавная буква без точки вообще (см. стр. VII издания 1800 г.).

¹⁶ Описание перечисленных экземпляров см. в статье А. В. Позднеева (ТОДРА, т. X. М.—Л., 1954, стр. 244). Перепечатки первого издания здесь не привлекаются, так как выяснилось, что они вообще не вполне достоверны в передаче деталей: в них «і» десятеричное вышло местами с одной точкой и в тех случаях, где в подлинном издании прослеживаются две точки.

¹⁷ См. факсимильное издание Екатерининской копии «Слова о полку Игореве»: Слово о полку Игореве, Игоря сына Святъславля, внука Ольгова. Под ред. Н. В. Водозова. ГИХЛ, М., 1954, стр. 2.

¹⁸ См. факсимиле первого издания «Слова о полку Игореве» М. и С. Сабашниковых (М., 1921, статья М. Н. Сперанского, стр. 24).

¹⁹ Н. Н. Зарубин в своей работе «К вопросу о первом издании Слова о полку Игореве» установил перепечатку одного листа 15/16 и указал экземпляр А. Ф. Бычкова, сохранивший первоначальный текст (см.: Сборник статей в честь 40-летия ученой деятельности академика А. С. Орлова. Л., 1934, стр. 523—527).

Н. П. Румянцеву и Обществу истории и древностей российских. Правда, подклейка в них произведена особенно тщательно и новые листы отпечатаны на той же плотной, слегка желтоватой бумаге, с тем же самым водяным знаком (геральдическая лилия), что и в остальной книге. В простых экземплярах, где бумага менее плотная и плохо отбеленная, вставные листы отличаются более интенсивной синеватой окраской, а также иной фактурой.

Итак, три корректуры, замена уже отпечатанных четырех листов новыми и лист с указанием замеченных опечаток, приложенный в конце издания, — все это говорит о строгой проверке транскрипции. Остается думать, что 12 случаев «і» десятеричного с одной точкой передают подлинное написание рукописи, тогда как «і» десятеричное с двумя точками, стоящее в курсивном тексте поэмы, очевидно, проставлено Малиновским вместо «и» восьмеричного всюду, где это требовалось правописанием конца XVIII в.

Следовательно, из 94 случаев «і» десятеричного, встреченного в первом издании «Слова», только 12 соответствовали написанию оригинала, а в остальных 82 случаях в рукописи «Слова» стояло «и» восьмеричное. Таким образом, Малиновский хотя и должен был выправить правописание памятника согласно современным правилам, но принял меры, чтобы отметить подлинные случаи «і» десятеричного, встреченные в самой рукописи. Особенно доказательно для нас написание такого слова, как «усобищѣ», где «і» десятеричное не требовалось ни югославянским правописанием XV—XVI вв., ни современным; и слово это как раз имеет в издании «і» с одной точкой. Это показывает, что и в остальных 11 случаях мы имеем дело не с опечаткой и не с типографской небрежностью, а с сознательным желанием отразить правописание подлинника. Правда, способ, примененный Малиновским, нельзя назвать удачным. Во-первых, в некоторых экземплярах издания в тех случаях, где «і» десятеричное должно бы иметь две точки, оно имеет одну, так как левая не вышла, хотя след от нее имеется на бумаге. Это можно объяснить несовершенством печати, а также фактурой бумаги. В других случаях, где по существу стоит «і» с одной точкой, очень мешают типографские помарки, т. е. следы типографской краски, идущие по контуру штампа соседней буквы слева; особенно чувствуется эта помеха в словах «Кіеву» и «Кіевскими», так как помарки, рисующие границу штампа заглавной буквы «К», временами создают подобие второй, левой точки над буквой «і».²⁰

Итак, на 17 неполных страницах листового размера в рукописи конца XV—начала XVI в. встречены 12 случаев «і» десятеричного, между тем как в памятниках этого времени с ярко выраженной югославянской орфографией «і» десятеричное могло встречаться на листовой странице по 10 раз и больше, как мы видим в Синодальном Апостоле № 18. В оригинале «Слова» «і» десятеричное приходилось в среднем от одного до двух раз на лист, т. е. меньше, чем по одному случаю на страницу. Цифра эта вполне допустима для памятника с историческим, а не церковным содержанием, но самое количество случаев заставляет предполагать, что правописание рукописи соответственно этому и в других отношениях не носило югославянского характера. Об этом же свидетельствует и количество примеров отсутствия иотации — всего 9 случаев на 17 листовых страниц рукописи.²¹ Случаи эти следующие (первое издание): вѣщја (стр. 1),

²⁰ Эти следы типографской краски, рисующие границы штампа, очень хорошо видны на концовке, изображающей корзинку с цветами

²¹ Случаи отсутствия иотации в тексте первого издания уже отмечены А. С. Орловым в указанном сочинении.

сія (стр. 6), съ заранія (стр. 17), трупія (стр. 17), копія (стр. 17), копія (стр. 37), божія (стр. 37), веселія (стр. 41), граахуть (стр. 43).

В Екатерининской копии находим такие же написания в этих 9 случаях, что подтверждает показания первого издания.

Эти редкие примеры отсутствия иотации приводят А. С. Орлова к заключению, что рукопись Мусина-Пушкина была написана уже после падения югославянской орфографии, т. е. не в XV, а в XVI в. Однако, как мы уже указывали относительно «і» десятеричного, это явление не столько зависело от времени написания рукописи, сколько от самого содержания текста.

«Слово о полку Игореве» нельзя сравнивать с привычными церковными памятниками, где новое югославянское правописание укреплялось от списка к списку. В данном случае текст был исторического, притом совершенно особого содержания. В подобном памятнике приемы югославянского правописания не были обязательны. Самые примеры отсутствия иотации, встреченные в тексте поэмы, являются в сущности словами, характерными для такого церковного текста, как например, псалтырь: божія, сіа, вѣщія, веселія, копія, трупія. Они были настолько привычны для писца XV—XVI вв., что он мог машинально внести их в любой текст при списывании. Но их очень немного. Зато при 12 случаях «і» десятеричного и 9 случаях отсутствия иотации мы встречаем в первом издании непропорционально большое количество случаев употребления группы «плавная + глухая» типа «ръ», «ль». Подобных написаний имеется в издании «Слова» 71 случай на 17 страниц оригинала, т. е. в среднем от 4 до 5 случаев на страницу, или от 8 до 9 на лист, как мы это встречаем в рукописях с типичным югославянским правописанием.²²

Мы имеем две попытки объяснить это явление. С. П. Обнорский приписывает обилие написаний типа «ръ», «ль» (глухая после плавной) последнему писцу XV—XVI вв., который придал орфографии рукописи Мусина-Пушкина модный югославянский характер.²³ Как мы уже указывали выше, это вряд ли возможно в рукописи исторического содержания; притом количество их несоразмерно велико по сравнению с другими чертами нового правописания XV в. А. С. Орлов, который с самого начала отрицает югославянский характер орфографии в рукописи «Слова о полку Игореве», относит многочисленность случаев типа «ръ», «ль» за счет древнего протографа поэмы, т. е. видит в них отголосок орфографии первоначальной рукописи «Слова» конца XII в. Предположение это уже само по себе вызывает сомнение. В протографе конца XII в., притом в русском и не традиционном тексте, мы скорее могли бы ожидать преобладания случаев обратной постановки — глухой перед плавной, т. е. «ѣр», «ѣл», типа «вѣлкѣ», «пѣлкѣ». Разительное расхождение в количестве случаев «ръ», «ль» между первым изданием и Екатерининской копией также говорит против этого предположения. Правда, А. С. Орлов в данном случае сличает оба списка поэмы и пытается сделать выводы из их различий. Но если его предположение относительно редкости употребления «і» десятеричного подтверждается транскрипцией Малиновского, то в вопросе об употреблении группы «ръ», «ль» А. С. Орлов не пришел к ясным и бесспорным выводам. Он дает для первого издания статистику

²² Само собой разумеется, количество случаев зависит от содержания текста и распределение их поэтом не может быть равномерно.

²³ С. П. Обнорский. Очерки по истории русского языка. М., 1939, стр. 90.

написаний: плавная + глухая, и отмечает, что оба списка в отношении этой особенности совпадают в 22 случаях.²⁴

А. С. Орлов предполагает, что эти совпадающие в обоих списках написания можно возводить к самой рукописи «Слова». Что же касается случаев, в которых первое издание дает написание «ръ», «ль», а Екатерининская копия «вр», «ол» (по Орлову, 44 случая), то о них он говорит следующее: «Хотя мы и склонны допустить, что большинство в этих 44-х начертаниях (первого издания) верно воспроизводят «ръ», «ль» подлинника, но возможно, что в нескольких случаях этими «ръ», «ль» подменены «ър», «ъл» с целью подравнивания правописания».²⁵ Поэтому он считает, что к общим 22 случаям написания «ръ», «ль» для рукописи «Слова» можно прибавить «еще хоть треть таких же индивидуальных написаний первого издания» и полагает, что их было в оригинале всего около 35.

Написаний с группой «ър», «ъл» А. С. Орлов насчитывает в первом издании 5²⁶ и полагает, «что их было больше, но редакторы сочли такие начертания чуть ли не ошибочными и, подравнивая правописание, заменили их в ряде случаев группой «ръ», «ль». Исходя из этого предположения, А. С. Орлов к 5 случаям, встреченным в первом издании, считает возможным добавить 3 случая «ър», «ъл», приведенные в Екатерининской копии, и насчитывает их «по крайней мере 8». Затем, отметив, что Екатерининская копия в большинстве случаев написания югославянского типа, сохраненные в первом издании, передает как «ор», «ол», А. С. Орлов приписывает это неопытности Мусина-Пушкина в начальный период его работы над текстом рукописи «Слова».²⁷

Таким образом, А. С. Орлов как будто основывается на показаниях первого издания. Но он подозревает в произвольной передаче подлинника не только Мусина-Пушкина в Екатерининской копии, но и редактора первого издания. Первый «подновляет» правописание оригинала на современный лад («ор», «ол»); редакторы первого издания «подравнивают» древнерусские написания «ър», «ъл» под югославянский «ръ», «ль», так как начертания этого типа встречались в рукописи чаще, чем первые. Но если стать на такую точку зрения и допустить произвольную передачу оригинала в обеих транскрипциях, то вряд ли можно сделать надежные выводы из их разночтений. В силу этого на выводы А. С. Орлова нельзя полагаться полностью. Единственно, что можно принять из его предположений, это то, что в тех случаях, где оба списка совпадают в передаче написаний «ръ», «ль», они действительно отражают подлинное правописание оригинала поэмы. Правда, система транскрипции первого издания (т. е. Малиновского) еще не раскрыта вполне, но, как мы уже указывали, после И. И. Козловского совершенно естественно предполагать, что Малиновский стремился к точной передаче рукописи, а Мусин-Пушкин в Екатерининской копии упрощал ее. Характеристика эта, несмотря на ее общность, дает нам право исходить при оценке разночтений двух списков из показаний первого издания.

В первом издании всего 75 слов, где имеется написание «плавная + глухая» между двумя согласными. Из них имеют написания в обоих списках «ръ», «ль» 23 слова, написания «ър», «ъл» только в первом издании 4 слова, написания «ър», «ъл» только в Екатерининской копии 3 слова.

²⁴ Цифра эта преуменьшена у А. С. Орлова, и из нее следует исключить слово «въ друзѣ», так как это — старая ошибка самого оригинала, повторенная в обоих списках. Ниже мы дадим исправленные цифры.

²⁵ А. С. Орлов. «Слово о полку Игореве», стр. 55.

²⁶ В действительности их только четыре. А. С. Орлов ошибочно причисляет к ним «Святоплѣкъ» — I, 16.

²⁷ А. С. Орлов. «Слово о полку Игореве», стр. 34.

Можно считать, что в тех 23 случаях, где оба списка совпадают в написании группы «ръ», «ль», они передают правописание оригинала.

Четыре случая написания древнерусского типа «ѣр», «ѣл», имеющиеся в начале текста в первом издании, также должны восходить к правописанию подлинной рукописи «Слова». Это как раз те типы, в которых можно видеть отражение протографа поэмы. В конце XII в. в русском тексте исторического содержания мы вправе ожидать преобладания именно таких русских написаний «ѣр», «ѣл» над старославянскими «ръ», «ль». Очень характерно в данном случае, что они стоят в начале текста.²⁸ Это — обычное явление, наблюдающееся в рукописях: в начале текста писец присматривается пристальнее к своему оригиналу и тщательнее передает его правописание, а иногда и самые начертания. В дальнейшем, освоившись с особенностями подлинника, он переходит к привычным приемам своего времени и своей школы. То же видим мы и здесь: после первой страницы писец конца XV—начала XVI в. уже не передает неупотребительных в его время написаний «ѣр», «ѣл», заменяя их привычными для себя югославянскими типами «ръ», «ль». Мусин-Пушкин в Екатерининской копии передает эти четыре начальных случая в современной транскрипции, как «ер», «ол»:

Первое издание	Екатерининская копия
пѣлку (стр. 1)	полку (л. 27)
вѣлкошь (стр. 3)	волкомъ (л. 27)
пѣрвыхъ (стр. 3)	первыхъ (л. 27)
пѣлки (стр. 4)	полкы (л. 27)

Для Мусина-Пушкина слова эти вполне ясны: подобные написания встречены в рукописи только четыре раза, и он не считается с ними. Другое дело — 23 случая написания «ръ», «ль». Количество их показывает, что это был прием, характерный для самой рукописи. При этом для Мусина-Пушкина «ѣ» и «ь» не являлись звуками, а могли обозначать или 1) мягкость или твердость согласной, или 2) конец слова. Так как Мусин-Пушкин не всегда был уверен в своем делении текста на слова, то это также заставляло его сохранять подобные написания подлинника. Как же рассматривать тогда в Екатерининской копии три написания типа «ѣр», «ѣл». Все они приходятся на вторую и третью страницы копии. Первое издание передает их как югославянские «ръ», «ль».

Первое издание	Екатерининская копия
брѣзая (стр. 5)	брѣзая (л. 27 об.)
брѣзыи (стр. 7)	брѣзыи (л. 28)
вѣлци (стр. 8)	вѣлци (л. 28)

Мы полагаем, что и здесь также следует исходить из первого издания: раз Малиновский отметил четыре случая русского написания «ѣр», «ѣл» в начале текста, то странно было бы думать, что он не отметит их и в дальнейшем тексте. Надо полагать, что трех случаев, отмеченных Екатерининской копией, совсем не было в оригинале, что это — те же написания югославянского типа «ръ», «ль», неверно переданные Екатерининской копией, и, может быть, это вина не самого Мусина-Пушкина, а просто ошибка екатерининского писца, для которого легче было поставить «брѣзыи», «вѣлци», чем более необычное написание «брѣзыи», «вѣлци».

Отдавая предпочтение первому изданию, мы все-таки предполагаем какую-то, хотя бы простейшую систему и у Мусина-Пушкина в Екатерининской копии и считаем поэтому, что раз он первые четыре случая древнерусского написания передал как «ер» и «ол», того же следовало ожидать

²⁸ Судя по Екатерининской копии, они приходились на первую страницу текста в рукописи Мусина-Пушкина.

в его транскрипции и в дальнейшем. В силу этого в приведенных у него трех случаях скорее надо видеть описку писца. Однако наличие в этих трех случаях полугласной дает нам основание рассматривать их как обычное написание югославянского типа «ръ», «ль». Поэтому число совпадений в обоих списках надо считать не 23, а 26. Приводим их по обоим спискам с исправлением трех написаний «ѣр», «ѣл» Екатерининской копии на «ръ», «ль».

Первое издание

прѣсты (стр. 4)
брѣзыя (стр. 5)
брѣзыи (стр. 7)
вѣскрѣмени (стр. 8)
влѣци (стр. 8)
врѣху (стр. 9)
влѣзѣ (стр. 9)
блѣванъ (стр. 9)
чрѣленыя (стр. 10)
чрѣлеными (стр. 10)
чрѣлень (стр. 11)
чрѣлена (стр. 11)
чрѣлеными (стр. 13)
хлѣми (стр. 21)
чрѣпахуть (стр. 23)
златоврѣсмѣ (стр. 23)
стлѣпа (стр. 25)
врѣжеса (стр. 25)
поврѣгоща (стр. 32)
чрѣлеными (стр. 33)
врѣже (стр. 35)
подпрѣся (стр. 35)
хрѣсови (стр. 35)
прѣтрѣгоста (стр. 41)
чрѣнядьми (стр. 42)
пожрѣши (стр. 42)

Екатерининская копия

прѣсты (л. 27)
брѣзыя (л. 27 об.)
брѣзыи (л. 28)
вѣскрѣмени (л. 28)
влѣци (л. 28)
врѣху (л. 28)
влѣзѣ (л. 28)
блѣванъ (л. 28 об.)
чрѣленыя (л. 28 об.)
чрѣлень (л. 28 об.)
чрѣлеными (л. 28 об.)
чрѣвлена (л. 28 об.)
чрѣлеными (л. 29)
хлѣми (л. 30 об.)
чрѣпахуть (л. 31)
златоврѣсмѣ (л. 31)
стлѣпа (л. 31 об.)
врѣжеса (л. 31 об.)
поврѣгоща (л. 32)
чрѣлеными (л. 33)
врѣже (л. 33)
подпрѣся (л. 33)
хрѣсови (л. 33 об.)
прѣтрѣгоста (л. 34)
чрѣнядьми (л. 34 об.)
пожрѣши (л. 34 об.)²⁹

В этом списке надо отметить встреченное 6 раз слово «чрѣлень». В первом издании оно дается 3 раза с группой «ръ», согласно югославянской орфографии, и 3 раза фонетически правильно с группой «ръ». Екатерининская копия во всех 6 случаях ставит «ръ». Мы уже указывали, что колебания транскрипции в первом издании никоим образом нельзя рассматривать как ошибку или недосмотр издателей. Надо полагать, мы имеем в данном случае точную передачу того разнообразия начертаний, которое имело в подлинной рукописи «Слова о полку Игореве». Следовательно, то единообразие написаний, которое мы видим в Екатерининской копии в таком случае, как «чрѣлень», означает «подравнивание» орфографии: Мусин-Пушкин выправлял древнее правописание по аналогии с большинством подобных случаев и ставил «ръ».³⁰

Здесь любопытно указать еще одно слово: первое издание дает на стр. 32 «утрпѣ», Екатерининская копия проставляет и здесь «ѣ» после плавной (л. 32) — «утрпѣ», подгоняя этот случай под югославянский тип.

Таким образом, Екатерининская копия из 26 случаев написания группы «ръ», «ль» дает, по-видимому, 3 описки: «ѣр», «ѣл» вместо «ръ», «ль», и 3 раза выправляет написание оригинала «ръ» на «ръ».

²⁹ Как уже было сказано, мы исключаем слово «въ друзѣ», включенное А. С. Орловым в число примеров группы «ръ», так как, судя по обоим спискам, оно и в оригинале стояло в том же написании. Это еще старая ошибка одного из списков поэмы — вместо «дрзѣ».

³⁰ Напомним, что по новой орфографии XV в. в середине слова, независимо от того, правильно это или нет, полагалось писать «ѣ», а не «ъ».

Нам остается рассмотреть 45 случаев расхождения в обоих списках, когда Малиновский дает югославянское написание «рѣ», «ль», а Мусин-Пушкин — современные «ор», «ол». Приводим эти 45 случаев по первому изданию: пльку (в заглавии, стр. 1); наплънвися (стр. 5); плькы (стр. 5); плькы (стр. 6); вльци (стр. 9); дльго (стр. 10); плькы (стр. 10); чръныи (стр. 11); влькомъ (стр. 11); чръныя (стр. 12); мльнии (стр. 12); плькы (стр. 12); плькы (стр. 13); чрънигова (стр. 13); пльци (стр. 14); святоплькъ (стр. 16); плькы (стр. 17); чръна (стр. 17); плькы (стр. 18); мльвити (стр. 19); пльку (стр. 20); плькы (стр. 21); пльковъ (стр. 22); чръною (стр. 23); плькы (стр. 27); пльки (стр. 30); пльку (стр. 32); пльночи (стр. 35); влькомъ (стр. 35); влькомъ (стр. 36); влькомъ (стр. 36); пръвое (стр. 37); пръвую (стр. 37); пръвыхъ (стр. 37); пльку (стр. 39); слънце (стр. 39); вьвържеса (стр. 41); бръзъ (стр. 41); влькомъ (стр. 41); влькомъ (стр. 41); бръзая (стр. 41); вльнахъ (стр. 42); помлькоша (стр. 43); мльвить (стр. 43); пльки (стр. 46).

Мы не будем приводить полностью соответствующие написания Екатерининской копии, они все переданы совершенно правильно, в современной транскрипции с группами «ор», «ер», «ол»: полкъ, волкъ, молвити, волнахъ, молнии, полночи, черниговъ, первый, черный, борзый.

Надо отметить, что в первом издании имеется также ряд написаний с группой «ор», «ол», причем случаи эти всегда совпадают с Екатерининской копией; ср., например:

Первое издание

солнце (стр. 5, 8)
солнца (стр. 12, 25)
солнцю (стр. 32)
волгу (стр. 28)
черниговъ (стр. 20)

Екатерининская копия

солнце (л. 27 об., 28)
солнца (л. 28 об., 31 об.)
солнцю (л. 32 об.)
волгу (л. 32)
черниговъ (л. 30 об.)

Чем же тогда объяснить 45 случаев расхождения между обоими списками. Их слишком много, чтобы видеть в них «подравнение». Остается думать, что они имели в оригинале какое-то особое написание, и такое написание известно нам из древнерусских рукописей. Дело в том, что исследователи обычно учитывают только три приема написания слов, имевших в древности группу «плавная + глухая» в положении между согласными: 1) согласно старославянской и, позднее, югославянской архаизирующей орфографии с группой «рѣ», «ль»: бръзый, влькъ; 2) древнерусское написание с перестановкой глухой: бързый, вълкъ; 3) современное написание: борзый, волкъ. Однако имеется и четвертый прием написания тех же слов — в сокращении с выносом плавной над строкой: б̑зый, в̑къ.

Этот тип написания чрезвычайно распространен в эпоху полуустава, притом одинаково как в светских, так и в церковных памятниках. Как известно, одним из отличительных признаков полууставного почерка является большое увеличение количества сокращений по сравнению с уставом; это ускоряет и облегчает процесс письма. Подобных сокращенных написаний конечно не имелось ни в протографе поэмы XII в., ни в ее ранних списках. Сокращения эти вошли в текст постепенно, с переходом от уставного письма к полууставу. В сгоревшей рукописи Мусина-Пушкина они имелись уже в достаточном количестве. Следовательно, в подлиннике, по-видимому, имелось 26 случаев написаний югославянского типа, с группой «рѣ», «ль», и 45 случаев написания сокращенного, с выносом плавной. У Мусина-Пушкина они раскрыты обычным образом с группой «ор», «ол», у Малиновского — с группой «рѣ», «ль». Чем же объяснить эту необычную транскрипцию Малиновского? Надо вспомнить, что языковедения как науки еще не

существовало в его время. Буквы «ъ» и «ь» не означали для него звуков. Он стремился к точности в передаче рукописи. Сокращенное написание слова «пѣснь» = пѣ̑ он передает как «пѣсь», т. е. оставляет только те буквы, которые имелись в подлиннике, и как уступку орфографии конца XVIII в. проставляет конечный «ь», полагающийся в этом слове.³¹ Он считал, очевидно, и в данном случае, что, передавая сокращение написания оригинала «в^кѣ» как «влѣкѣ», он не нарушает правописания рукописи, так как не вставляет ни одного нового звука, лишнего против подлинника, как это было бы в случае раскрытия по типу «волкѣ». Написания типа «влѣкѣ» встречались в оригинале в тех же словах, в которых приходилось раскрывать сокращения, а также и в аналогичных, т. е. имевших те же группы «ръ», «ль» между согласными. Таким образом, Малиновский раскрывал здесь сокращения оригинала по аналогии с теми написаниями, которые в нем имелись.

Малиновский не учел, однако, что даже писец XV в., если он ставил подобное слово полностью в строку, мог наряду с написанием типа «бръзый» и «влѣкѣ» поставить и такое, как «борзый», «волкѣ». Это видно, например, в псалтыри Епархиального собрания № 86, XV в., при ярко выраженном югославянском правописании.³²

Мы уже приводили примечание Н. М. Карамзина к III т. «Истории Государства Российского» (№ 268), где он дает цитату из «Слова о полку Игореве». Нас интересует в ней одно слово — «Святополкѣ». Карамзин указывает при этом 16-ю страницу первого издания, но пишет это слово иным, особым образом. Мы имеем в Екатерининской копии — «Святополкѣ», в первом издании — «Святоплѣкѣ», у Карамзина — «Святоплѣкѣ», т. е. он сносит в строку выносное «л», не раскрывая сокращения. Данное написание подтверждает наше предположение, что и в остальных 45 случаях югославянского типа, не согласных с Екатерининской копией, надо видеть передачу сокращенного написания с выносом плавной.

Таким образом, предположение С. П. Обнорского, что преувеличенное количество написаний «ръ», «ль» следует относить за счет югославянского влияния, а также мнение А. С. Орлова, видевшего в них отголосок протографа, отпадают.

В данном отношении непосредственный прием, примененный Мусиным-Пушкиным в Екатерининской копии, оказался удачнее и совпадает с правилами современной транскрипции древнерусских рукописей. Стремление к точности привело Малиновского к неправильному приему, который затемнил подлинное написание рукописи и придал памятнику большее количество написаний югославянского типа, с группой «ръ», «ль», чем их было на самом деле. На 17 страниц текста насчитывалось всего 26 написаний подобного рода, т. е. от одного до двух случаев на страницу. Цифры эти не противоречат количеству «і» десятеричного — 12 и количеству случаев отсутствия иотации — 9. Остальные 45 случаев архаизирующего югославянского типа являются не более, как условным раскрытием обычных сокращений с выносом плавной, имевшихся в полууставной рукописи конца XV—начала XVI в.

Надо заметить, что именно слово «полкѣ» в летописных текстах XV и XVI вв. обычно чаще всего пишется в сокращении, с выносом буквы «л».

³¹ И. И. Козловский. Палеографические особенности. ., стр. 3.

³² Смотри снимок, приведенный в IX т. ТОДРА (стр. 13).

И. П. ЕРЕМИН

Волинская летопись 1289—1290 гг.

Так называемая Волинская летопись, в дошедших до нас списках непосредственно примыкающая к летописи Данила Галицкого, уже дважды была предметом специального изучения. Однако вопрос о ее происхождении и объеме до сих пор не может считаться решенным: мнения исследователей расходятся.

М. С. Грушевский¹ полагал, что Волинская летопись была составлена в три приема.

В 1260—1263 гг.² летопись Данила Галицкого (заканчивалась она, по утверждению М. С. Грушевского, рассказом о событиях 1255 г. — эпилогом австрийской кампании Данила) была дополнена небольшой «Повестью о Куремсе и Бурандае» (стр. 555—565).³ «Повесть» эта, излагающая поход на Волинь в конце 1255 г. татарского воеводы Куремсы и поход на Русь и Польшу в 1259—1260 гг. другого татарского воеводы, Бурандая (Бурондая), была составлена, по мнению М. С. Грушевского, еще при жизни Данила Галицкого. Большое внимание, какое автор «Повести» уделит Холму, истории его строительства, его пожару во время нашествия Куремсы, его спасению от разгрома в дни нашествия Бурандая, свидетельствует, что «Повесть» была составлена в Холме кем-либо из местных жителей, очень возможно, местным священником, судя по детальному описанию холмских церквей.

Вскоре после убийства литовского князя Войшелка (Войшелк был убит в 1267 г. или в 1268 г., но до 1269 г.) это «первое продолжение» летописи Данила Галицкого было дополнено вторым — Повестью о событиях в Литве после смерти Миндовга (стр. 565—573). Основное содержание Повести — история убийства Миндовга, уособица после его смерти, месть Войшелка за смерть отца, передача им княжения Шварну Даниловичу, убийство Войшелка. Тот факт, что Повесть особое внимание уделяет Шварну Даниловичу, уделом которого был Холм, дает М. С. Грушевскому основание полагать, что и эта Повесть, как и предшествующая — о Куремсе и Бурандае, была составлена в Холме. Принадлежит эта Повесть, однако, другому автору — не тому, кто составил рассказ о походах Куремсы и Бурандая: отсутствие какого-либо интереса к татарам у второго автора не дает оснований, по мнению М. С. Грушевского, отождествлять

¹ М. Грушевський. Історія української літератури, т. III. Київ—Львів, 1923, стр. 180—203.

² Здесь и ниже даты приводятся по таблице М. С. Грушевского; см.: М. Грушевський. Хронологія подій Галицько-Волинської літописи, Записки Наукового товариства ім. Шевченка, т. XLІ, 1901, кн. III, стр. 61—72.

³ Все ссылки на текст Волинской летописи даются по изданию: Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871.

его с первым. Повесть не дошла до нас в первоначальном своем виде: она перебита некрологом Данила Галицкого и погодными известиями, под 1265—1266 гг. в Ипатьевском списке, о появлении на востоке звезды «хвостатой», о смерти княгини Елены и о «мятеже» у татар. И этот некролог, и эти известия производят на исследователя впечатление позднейшего добавления к Повести.

Последняя составная часть Волынской летописи — «Повесть о Владимире Васильковиче» (стр. 573—616). Написана она одною рукою как продолжение предыдущей Повести о событиях в Литве, за исключением, разве, завершающих повествование известий о сооружении Мстиславом Даниловичем каменной гробницы «над гробом бабы своей Романовой», о смерти пинского князя Юрия Владимировича и степанского князя Ивана Глебовича и некоторых других возможных вставок. Приступая к делу — зимою 1286—1287 гг., — автор «Повести» переписал не только Повесть о событиях в Литве, но и весь предшествующий ей текст, в том числе и летопись Данила Галицкого. Начал свою «Повесть» автор с краткого обзора событий 1269 г. (смерть Шварна Даниловича, вступление на литовское княжение Тройдена, смерть Василька Романовича) и закончил ее рассказом о событиях 1289 г. — о начале княжения во Владимире-Волынском преемника Владимира Васильковича — Мстислава Даниловича.

Новейший исследователь В. Т. Пашуто⁴ также полагает, что Волынская летопись была составлена в три приема. Но историю текста этой летописи он представляет себе иначе, чем М. С. Грушевский, не опровергая, впрочем, и даже не оговаривая построений своего предшественника. По утверждению В. Т. Пашуто, дело происходило так.

После смерти Данила Галицкого (умер в 1264 г.) летопись этого князя «попала в город Владимир и здесь, при дворе князя Василька, была переработана и продолжена с целью показать роль владимирского княжения и самого князя Василька Романовича в политической жизни юго-западной Руси».⁵ Свое изложение «летопись князя Василька Романовича», как называет ее В. Т. Пашуто, доводила до 1269 г. и обрывалась кратким сообщением о смерти князя Василька в этом году (стр. 574).

Летописание при Васильке Романовиче не было оформлено в специальный свод, а по смерти князя было продолжено его сыном и преемником Владимиром. Начинала свое изложение «летопись Владимира Васильковича» с известия о вступлении Владимира на княжеский стол в 1269 г., после смерти отца, и доводила повествование до 1289 г. (стр. 574—610). Начатая, возможно, еще при жизни Владимира, закончена она была уже после его смерти. По предположению В. Т. Пашуто, составлена была летопись по инициативе епископа Евстигнея.

Тот же автор при преемнике Владимира Васильковича — Мстиславе Даниловиче стал продолжать свою летопись. От этого продолжения до нас дошел, по мнению В. Т. Пашуто, только «отрывок» (стр. 610—616), сильно пострадавший от последующей переработки.

Так называемая Волынская летопись представляет собою, следовательно, летописный свод, в состав которого, по утверждению В. Т. Пашуто, вошли, последовательно наслаиваясь одна на другую, «придворные» летописи князей Василька Романовича, его сына Владимира и Мстислава Даниловича.

Совпадая в основном положении (Волынская летопись составлена в три приема), концепции М. С. Грушевского и В. Т. Пашуто в подробностях,

⁴ В. Т. Пашуто. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. Изд. АН СССР, М., 1950, стр. 101—133.

⁵ В. Т. Пашуто. Очерки. . . , стр. 103.

как видим, существенно отличаются одна от другой. Какая же из них соответствует действительности? Чтобы ответить на этот вопрос, очевидно необходимо обратиться к аргументации исследователей и проверить ее на тексте.

Переходя к критическому разбору построения М. С. Грушевского, прежде всего нужно отметить, что у нас нет достаточных оснований для выделения особой «Повести о Куремсе и Бурандае». Текст летописи не подтверждает гипотезы М. С. Грушевского.

Если в летописи два или три рассказа объединяются в один повествовательный ряд «единством темы», факт этот сам по себе еще ничего не доказывает: иногда это «единство» подсказывается летописцу самой исторической действительностью (события следуют одно за другим), иногда летописец, не желая дробить повествования, сам объединяет сходные по содержанию эпизоды в один ряд. Гипотеза М. С. Грушевского исходит из чисто умозрительного предположения о том, что всякое «единство темы» в рамках летописного повествования всегда будто бы свидетельствует о самостоятельности данного отрезка повествования и предполагает руку другого автора. В данном случае, впрочем, нет даже и этого условия: «единство темы» предполагаемой М. С. Грушевским «Повести о Куремсе и Бурандае» весьма относительно. «Повесть» перебита эпизодами, не имеющими прямого отношения к «татарской» теме: рассказом о «сече великой» Руси с Литвою у Луцка в 1255 г. (стр. 556—557), рассказом об основании Холма, о его церквах, о восстановлении города после пожара (стр. 558—560), сообщением о конфликте Данила Галицкого с литовскими князьями из-за сына Романа и о походе Данила на Литву в 1258 г. (стр. 560—561), известием о торжестве во Владимире — свадьбе Ольги Васильковны (стр. 561—562). Отступления эти нарушают то «единство темы», которым якобы объединяются, по словам М. С. Грушевского, все эпизоды «Повести о Куремсе и Бурандае».

Не подтверждает предположения М. С. Грушевского и литературный строй «Повести»: рассказ о Куремсе близок по своему литературному оформлению к летописи Данила Галицкого, составной частью которой он несомненно и является;⁶ рассказ о Бурандае обнаруживает руку, типичную для волынского летописания. Неоднородность литературного строя «Повести» вынужден был признать и М. С. Грушевский; он объяснял ее тем, что автор «Повести» вначале якобы находился «под сильным влиянием» стиля своего предшественника — галицкого летописца и только постепенно, по мере продвижения «Повести» к концу, от этого влияния освобождался.

Даже первая строка предполагаемой М. С. Грушевским «Повести» не подтверждает его предположения: «По рати же Кремянецькой Куремьсине Данил воздвиже рать противу татаром...» (стр. 555); вполне понятная в устах летописца, незадолго перед тем описавшего на своем месте поход Куремсы под Кременец в 1254 г. (см. стр. 550), она более чем сомнительна в устах автора «Повести», задуманной в качестве самостоятельного повествования о «татарской беде». Рассказ о «рати Кремянецькой» находится в прямой связи по содержанию с читающимся в начале «Повести» рассказом о походе Данила «противу татаром»: широко задуманный Данилом поход против татар в 1255 г. — месть за кременецкое поражение. Связь эту и подчеркивает первая строка «Повести»: «По рати же Кремянецькой Куремьсине Данил воздвиже рать...». Однако М. С. Гру-

⁶ В рассказе налицо некоторые характерные для летописца Данила Галицкого слова и словосочетания: «времени же минувшу», «не бе бо могл», «не удоси ею», «всим тоснущимся» и пр.

шевский не счел возможным рассказ о «рати Кремянецькой» присоединить к «Повести»: операция эта вступила бы в противоречие с его же собственным утверждением, по которому летопись Данила Галицкого заканчивалась позже — обрывалась рассказом о событиях 1255 г. (эпилогом австрийской кампании Данила).

Лишено достаточных оснований и утверждение М. С. Грушевского, что непосредственным продолжением «Повести о Куремсе и Бурандае» явилась специальная Повесть о событиях в Литве после смерти Миндовга.

«Единство темы», в данном случае «литовской», и здесь для М. С. Грушевского имеет решающее значение. Текст, однако, свидетельствует, что «единство» это осуществляется далеко не последовательно. Повесть перебита известиями, не имеющими отношения к Литве: о «снеме» русских князей с польским королем в Тернаве (стр. 567), о «свадбе» у Романа Брянского в 1263 г. (стр. 569), о смерти Данила Галицкого в 1264 г. (стр. 570), о появлении кометы в том же году, о смерти княгини Елены, о «мятеже» у татар (стр. 570).

Не убеждает и другой довод М. С. Грушевского. Отдельные эпизоды Повести (убийство Миндовга, убийство Тройната и др.), утверждает он, обрамлены стилистическими формулами, свойственными только этой Повести: «Убийство же его сице скажемъ» (стр. 567), «И тако бысть конецъ Миндовгову убитью» (стр. 568), «И тако бысть конецъ убитья Тренятина» (стр. 569). В последний раз в тексте Волынской летописи одна из этих формул встречается, по словам М. С. Грушевского, в финале рассказа об убийстве Войшелка: «И такъ бысть конецъ убитья его» (стр. 573). Это последнее обстоятельство и дает М. С. Грушевскому основание считать, что предполагаемая им Повесть именно здесь, рассказом об убийстве Войшелка, и заканчивалась⁷ и что следующие за ним сообщения — о смерти Шварна Даниловича и о начале княжения в Литве Тройдена — принадлежат другому автору. В действительности формулы эти в тексте Волынской летописи встречаются не раз, и выше Повести и много ниже: «И тако бысть конецъ Судомирскому взятю», — читаем в конце рассказа о взятии татарам Сандомира (стр. 565); «Убийство же ею сице скажемъ», — читаем в начале рассказа о смерти на поле брани «прусына» и Раха (стр. 584). Те же формулы обрамляют и повествование о смерти князя Владимира Васильковича: «Болезнь же его сице скажемъ», — читаем в начале повествования (стр. 601) и в конце: «Тутю же положим конецъ Володимерову княжению» (стр. 610). Указанные формулы, как видим, отнюдь не являются принадлежностью только автора Повести и не дают оснований рассказ об убийстве Войшелка отрывать от тесно связанного с ним по содержанию рассказа о смерти Шварна и о начале княжения в Литве Тройдена.

«Повесть о Куремсе и Бурандае» была составлена, полагал М. С. Грушевский, в Холме. Там же, по его мнению, была составлена и Повесть о литовских событиях после смерти Миндовга. Последняя в стилистическом отношении ничем существенным от первой не отличается. Не отрицая этого факта, М. С. Грушевский, тем не менее, не считал возможным приписать ее тому же автору, который написал «Повесть о Куремсе и Бурандае», на том основании, что автор Повести о литовских событиях, целиком занятый литовскими делами, в отличие от своего предшественника, не обнаруживает какого-либо интереса к татарам. Не говоря уже о том, что здесь эта ссыла М. С. Грушевского на отсутствие интереса к татарам сама по себе явно недостаточна, она и неверна: автор Повести не так уж безразли-

⁷ «...спрятавшє тело его и положиша во цєркви святаго Михаїла Великаго» (стр. 573).

чен к татарам, как казалось М. С. Грушевскому; он сообщает о «мятеже» у татар (стр. 570), и М. С. Грушевский напрасно — текст не дает для этого ни малейшего основания — объявляет это сообщение «позднейшим добавлением» к Повести.

На мой взгляд, никак не может быть принято и построение В. Т. Пашуто.

Факт существования особой «летописи князя Василька Романовича» В. Т. Пашуто не доказан. Исследователь прав, когда утверждает, что тот отрывок Волинской летописи, где он ищет следов этой «летописи Василька Романовича» (стр. 560—574), составлен во Владимире сторонником князя Василька. Данный отрывок действительно «отражает претензии Василька Романовича на руководящую роль в юго-западной Руси»;⁸ князь Данил Галицкий здесь действительно означен, в рассказе о свадьбе во Владимире Ольги Васильковны с Андреем Черниговским, как «брат Василков» (пояснение, понятное в устах владимирского летописца); рассказ о походе Василька и сына его Владимира на Литву в 1262 г., очень возможно, действительно составлен «современником и очевидцем» этого похода.⁹ Но отсюда еще не следует, что отрывок этот мог быть составлен только при дворе князя Василька — при его жизни или вскоре же после его смерти (Василько Романович умер в 1269 г.). Он с равным успехом мог быть составлен и позже — при дворе Владимира Васильковича. Ничего невероятного в этом нет. Летописец Владимира Васильковича, продолжая летопись Данила Галицкого, мог поставить себе ту же цель, что и предполагаемый В. Т. Пашуто «придворный» летописец Василька Романовича. Владимир был сыном Василька и его преемником на владимирском остоле. Не менее своего отца он был, конечно, заинтересован в том, чтобы его «придворный» летописец — епископ Евстигней или кто-либо из его окружения, как думает В. Т. Пашуто, — в должном свете показал роль и значение Василька Романовича в политической жизни юго-западной Руси. Около 1290 г., когда был, по предположению В. Т. Пашуто, составлен «летописный свод» епископа Евстигнея, сделать это в ретроспективном плане было даже легче: время Василька Романовича уже отходило в прошлое, становилось достоянием истории. Ссылка В. Т. Пашуто на то, что события княжения Василька излагал «современник и очевидец», также не убедительна. Если епископ Евстигней около 1290 г. мог описать события 1269 г. (вступление Владимира Васильковича на княжеский стол), то он мог описать и события 1258—1259 гг.

Не убеждает и предложенная в исследовании В. Т. Пашуто реконструкция этой предполагаемой им «летописи Василька Романовича». Возникла она, по утверждению В. Т. Пашуто, как непосредственное продолжение холмской летописи Данила Галицкого: конец последней владимирский летописец, по словам В. Т. Пашуто, вконец переработал,¹⁰ систематически «вклинивая куски» то ли собственного текста, то ли какой-то бывшей у него под руками особой «владимирской хроники» (это неясно в изложении В. Т. Пашуто).

Рассказ о первом нашествии Бурандая в 1258 г. является, полагает В. Т. Пашуто, именно тем местом в тексте Галицко-Волинской летописи, где впервые отчетливо заметна эта операция. Уже это первое положение В. Т. Пашуто вызывает недоумение. Почему именно здесь? Только потому,

⁸ В. Т. Пашуто. Очерки..., стр. 109.

⁹ В. Т. Пашуто. Очерки..., стр. 104—105.

¹⁰ Последний след летописи Данила Галицкого в составе Волинской летописи В. Т. Пашуто предположительно усматривает в рассказе о княжеском съезде 1262 г. в Тернаве (стр. 567). (См.: В. Т. Пашуто. Очерки..., стр. 102).

что в рассказе о нашествии Бурандая впервые подчеркнута «самостоятельная деятельность» князя Василька? Но почему нельзя предположить, что в рассказе о событиях 1258—1259 гг. роль Василька в политической жизни юго-западной Руси подчеркнута потому, что Василько в эти годы действительно обнаружил активность? Почему, наконец, о «самостоятельной деятельности» Василька мог рассказать только его, Василька Романовича, «придворный» летописец и не мог сделать того же летописец Данила Романовича? В. Т. Пашуто полагает, что сделать это мог только летописец князя Василька.

Исходя из этого голословного утверждения, В. Т. Пашуто далее, уже не затрудняя себя какой-либо аргументацией, отмечает, какие именно «куски» текста должны быть отнесены за счет владимирского источника, какие за счет холмского. Анализ сводится к простому распределению текста между этими двумя источниками. В результате такой операции разным авторам приписываются «куски» текста, теснейшим образом связанные между собою не только по своему литературному оформлению, но и по содержанию.

Рассказ о первом нашествии Бурандая в 1258 г. (стр. 560—561) В. Т. Пашуто, верно, с моей точки зрения, считает принадлежащим летописцу Данила Галицкого, но исключает из летописца эпизод о походе Василька и Бурандая на Литву (от слов: «Василкови же едушу по Борундаи...» до слов: «... княгиню бе бо оставил у брата и сына своего Володимера»). Почему? Ведь эпизод этот — по содержанию прямое продолжение предшествующего изложения: выше сообщалось, что Данил и Василько специально совещались, кому ехать с татарами, и было решено, что поедет Василько. Связан этот эпизод с предшествующим и по изложению: «... и еха Василко за брата, и проводи его брат (Данило) до Берестья, и посла с ним люди своя... Василкови же едушу по Борундаи одному по Литовьской земле, обрет негде Литву...» (стр. 560). Почему этот эпизод в целом не мог принадлежать холмскому летописцу Данила Романовича — непонятно.

Ряд недоумений вызывает и анализ В. Т. Пашуто рассказа о втором нашествии Бурандая в 1259 г. (стр. 561—564). Начинается рассказ с сообщения о свадьбе во Владимире у Василька Романовича; в разгар свадебного веселья пришла князьям весть о приходе Бурандая. По утверждению В. Т. Пашуто, оба эти эпизода принадлежат разным авторам: первый («веселье») — владимирскому летописцу, второй («весть») — холмскому. Почему? Или В. Т. Пашуто предполагает, что та подробность, что «весть» пришла в разгар «веселья», могла быть известна только владимирскому автору? Что холмский автор об этом обстоятельстве не знал и знать не мог? Предположение В. Т. Пашуто тем более непонятно, что оба эпизода находятся в теснейшей грамматической связи между собою. «И бышву же веселью немалу в Володимире городе, и приде весть тогда Данилови к королю и к Василкови, оже Бурандай идеть...» (стр. 562). Это «тогда» здесь — знак, что оба эпизода несомненно принадлежат одному и тому же автору, что второй эпизод — прямое продолжение первого не только по содержанию, но и по изложению. Эпизод, по предположению В. Т. Пашуто принадлежащий холмскому автору, оканчивался словами: «Данило же убоявся побеже в Ляхы, а из Ляхов побеже во Угры» (стр. 562). Опять произвольное допущение, не подтвержденное никакими доказательствами. Почему именно здесь? Почему не ниже? Потому что дальнейший текст рассказывает о действиях Василька? Но о действиях Василька рассказывает и текст, который В. Т. Пашуто считает принадлежащим холмскому автору (не Данил, а Василько отправляется к Бурандаю с дарами, Василько

отправляет епископа к Данилу с донесением, Василько по приказу Бурандая разоряет Кременец и Луцк).

В. Т. Пашуто убедительно, на ряде примеров, показал, что владимирский летописец, переписывая летопись своего предшественника, иногда вносил в нее свои дополнения с целью подчеркнуть роль Василька Романовича в политической жизни юго-западной Руси.¹¹ Но ведь отсюда еще отнюдь не следует, что все или почти все упоминания о князе Васильке в тексте летописи Данила Галицкого принадлежат перу ее владимирского редактора.

По мнению В. Т. Пашуто, предполагаемая им «летопись Василька Романовича» заканчивалась сообщением о смерти князя Василька: «Преставися благоверный князь и христоробивый великий Володимерьский, именемъ Василко» (стр. 574). И это утверждение В. Т. Пашуто не подкреплено решительно никакими доказательствами. Видимо, оно исходит из предположения, совсем не самоочевидного, что в древней Руси каждый князь вел свою местную летопись: со смертью князя летопись завершалась, с восшествием на стол другого князя, его преемника, начиналась новая летопись.

В. Т. Пашуто несомненно прав, когда утверждает, что текст, где излагается начало княжения во Владимире-Волынском Мстислава Даниловича (стр. 610—616), принадлежит тому же автору, который составил весь предшествующий текст (историю княжения Владимира Васильковича). Нет, действительно, никаких оснований этот коротенький текст (6 страниц по изданию 1871 г.) рассматривать как произведение нового автора, как новый этап волынского летописания: конструктивно и стилистически они однотипны.

Решительное возражение вызывает только попытка В. Т. Пашуто рассматривать этот текст как «отрывок» якобы существовавшей особой «летописи Мстислава Даниловича». Об утрате конца этой летописи, полагает В. Т. Пашуто, свидетельствует «последнее известие ее, касающееся пинских и степанских князей».¹² Известие это составляют два кратких некролога — Юрия Владимировича пинского и Ивана Глебовича степанского. Оба некролога составлены в характерной для Волынской летописи манере и, на мой взгляд, «об утрате конца текста» сами по себе не свидетельствуют и не могут свидетельствовать: с равным правом можно предположить, что летописец именно здесь по неизвестным нам причинам оборвал свое изложение.

Текст «летописи Мстислава Даниловича», полагает В. Т. Пашуто, не дошел до нас в своем первоначальном виде: он «пострадал от последующей переработки», он перебит «вставками», носит «явные следы перегруппировки».¹³ Не вижу оснований для такого рода утверждений: они отнюдь не поддерживаются текстом.

По мнению В. Т. Пашуто, сообщение о вокняжении Мстислава Даниловича («Князь же Мьстислав седе на столе брата своего Володимера, на самый великий день, месяца априля в 10 день...») стоит «не на месте»: место этого сообщения — в самом начале «летописи», а читается оно ниже — после рассказа о «кормоле» берестян (стр. 613). Не вижу причин предполагать здесь непременно перестановку. Все на месте, с моей точки зрения. В дошедшем до нас тексте предполагаемая В. Т. Пашуто «летопись Мстислава Даниловича» начинается с сообщения о том, что Мстислав несколько запоздал и прибыл во Владимир, когда гроб покой-

¹¹ В. Т. Пашуто. Очерки... стр. 105—109.

¹² В. Т. Пашуто. Очерки... стр. 102.

¹³ В. Т. Пашуто. Очерки... стр. 130—132.

ного князя уже был установлен в княжеской усыпальнице — в «епископы» у «святей Богородици». Сообщение это органически связано с предшествующим текстом (рассказом о похоронах Владимира Васильковича), и есть поэтому все основания думать, что «летопись» так именно и начиналась — с этого сообщения. «И утолвжеса от плача, и нача (Мстислав) розсылати засаду по всим городом...», — читаем дальше (стр. 610). Почему нельзя предположить, что Мстислав, приехав во Владимир после смерти своего предшественника на владимирском столе, так и поступил, как здесь сказано: узнав по приезде о «коромоле» берестян, решил прежде всего принять срочные меры по охране своих владений, торжество же своего вокняжения отложил до «великого дня» — до пасхи? Не желая дробить уже начатого рассказа о «коромоле» берестян, летописец довел его до конца; когда рассказ был закончен,¹⁴ он с небольшим опозданием сделал то, чего не сделал раньше: сообщил о вокняжении Мстислава.

Известно о том, что литовские князья вскоре после вокняжения Мстислава передали ему Волковыйск, «абы с ними мир держал», — «вставка», по мнению В. Т. Пашуто. Опять произвольное допущение. «Вставка» эта навеяна предшествующим текстом: «мир держа (Мстислав) с околными сторонами, с Ляхи и с Немци, с Литвою» (стр. 613). В подтверждение этого последнего факта летописец и привел, конечно, сообщение о передаче Волковыйска Мстиславу.

Рассказ о распре Болеслава Краковского с Генрихом Вроцлавским и о походе Льва Даниловича на Краков и Шлезек в помощь Болеславу (стр. 614—616) — тоже «вставка», по мнению В. Т. Пашуто, прерывающая текст «княжой летописи». Только потому, что здесь речь идет о событиях в Польше? Но ведь сам же В. Т. Пашуто пишет, что в событиях этих «владимирский князь был заинтересован, поддерживая Конрада Семовитовича».¹⁵ А если так, то почему же не мог рассказать об этих событиях тот же автор, что выше писал о важной политической услуге, оказанной князем Мстиславом Конраду Мазовецкому. Рассказ в стилистическом отношении ничем не отличается от предшествующего изложения.

Как видим, нет достаточных оснований рассматривать дошедший до нас текст Волынской летописи как летописный свод. Ее «сводного» происхождения во всяком случае пока не удалось доказать ни одному из исследователей. И в этом нет ничего удивительного: метод «внутреннего анализа текста» при отсутствии каких-либо дополнительных материалов обычно не дает прочного результата и очень ограничен в своих возможностях. Волынская летопись в дошедшем до нас тексте не обнаруживает достоверных следов спайки, вставок, перегруппировки повествовательного материала. Концепция, по которой Волынская летопись — результат работы трех авторов (М. С. Грушевский) или двух (В. Т. Пашуто), текстом не подтверждается.

Есть основания полагать, что Волынская летопись от начала до конца — труд одного и того же автора. Хлебниковский и Ипатьевский списки относительно точно воспроизводят ее первоначальный текст. Об одной руке свидетельствуют как содержание летописи, так и весь ее литературный строй.

По наиболее вероятному предположению,¹⁶ летопись Данила Галицкого в дошедшем до нас тексте обрывается рассказом о походе Бурандая в 1258 г. на Литву. Действительно, после слов Данила сыновьям Льву

¹⁴ О конце рассказа ясно свидетельствует его заключительная фраза: «А вписал есмь в летописець коромолу их» (стр. 613).

¹⁵ В. Т. Пашуто. Очерки... стр. 132.

¹⁶ Л. В. Черепнин. Летописец Данила Галицкого Исторические записки, № 12, 1941, стр. 228—229.

и Шварну: «Аще вы будете у мене, вам ездити к ним (татарам); ажели аз буду. . .» (стр. 561), уже отчетливо ощущается рука волынского летописца.

* *
*

Волынская летопись замечательна прежде всего единством своих политических симпатий и антипатий. Вся она, от начала до конца, проникнута местными интересами: предметом ее внимания являются прежде всего волынские князья, их дела и дни. Эта «волынская» тенденция в особенности отчетливо выступает на фоне летописи Данила Галицкого.

Центральный герой последней — Данил Романович здесь явно отступает в тень. Излагая события 1259—1264 гг., волынский летописец не раз упоминает о Даниле почтительно, но сдержанно. Характерный для его предшественника образ Данила — «рыцаря без страха и упрека» — под пером волынского летописца заметно бледнеет. Показателен в этом отношении уже начальный рассказ летописца — о втором нашествии Бурандая: узнав об «опале Бурандаевой», Данил «убоявся побеже в Ляхы, а из Ляхов побеже во Угры» (стр. 562). Краткий некролог Данила (стр. 570) банален и не идет дальше обычных в некрологах такого типа похвальных эпитетов («добрый, «хоробрый», «мудрый»); автор хвалит Данила за то, что он города ставил, церкви украшал; в особенности же хвалит Данила за то, что он любил брата Василька.

Почтительное отношение к Данилу переходит у волынского летописца в критику и даже откровенно враждебное отношение, когда речь у него идет о сыновьях Данила, Льве и Шварне, и о внуке Юрии Львовиче.

Хитрый, жадный, мстительный — таков Лев Данилович в изображении волынского летописца. Он осуждает Льва за убийство Войшелка: «дьявол же исконе не хотя добра человеческому роду, и вложи во сердце Лвови, уби Войшелка завистью, оже бяшет дал землю Литовскую брату его Шварнови. . .» (стр. 573). Рассказывая об объединенном походе русских князей в конце 1275 г. на Литву, автор сурово порицает Льва за то, что он, когда полки стояли у Новгородка, «лесть учини межи братьею своею, — утаився Мьстислава и Володимера, взя окольный город с татары» (стр. 576); «И гневахуся вси князи на Лва» за то, что поход на Литву по его вине был сорван. Когда в 1279 г. умер краковский князь Болеслав, Лев «восхоте себе» Лядской земли, но местные бояре «не даша ему земле». С осуждением пишет летописец и о том, что Лев не покинул своих намерений и тогда, когда краковский стол занял Лешко Казимирич. Желая «собе части в земле Лядской», Лев обратился за содействием к Ногаю «оканьному, проклятому». Зимой 1279 г. Лев вместе с татарской «помощью» пошел в Польшу; к походу вынуждены были присоединиться Мстислав Данилович, сын его Данило, Владимир Василькович («пойдоша неволю татарьскую»). Летописец явно не сочувствует этому походу. На Краков Лев пошел «с гордостью великою» (стр. 581). Поход Льва закончился полной неудачей («бог учини над ним волю свою»): Лев и его полки были разбиты (23 февраля 1280 г.) и он вернулся назад «с великим безчестьем» (стр. 582). Мечь Лешка Казимирича Льву («взя у него город Перевореск») отмечается как заслуженная кара за «гордость». С осуждением рассказывает летописец и о том, как Лев в 1288 г. «хитростью» пытался выпросить себе у больного Владимира Васильковича Берестье (стр. 600—601). Только один раз дал летописец Льву положительную характеристику. В 1289 г. Лев принял участие в войне за Краков Болеслава Семовитовича с Генрихом Вроцлавским. Болеслав был рад помощи Льва: «зане

бысть Лев князь думен, и хоробор, и крепок на рати» (стр. 615). Этот положительный отзыв о Лье здесь понятен, если учесть, что летописец сочувственно относился к борьбе Болеслава против узурпатора; в борьбе этой принимал участие и Конрад Мазовецкий, пользующийся большой симпатией волынского летописца.

Напоминает брата и Шварн Данилович в изображении волынского летописца. В нападении поляков на Холм в 1266 г. летописец косвенно обвиняет Шварна, упрекая его в лицемерии и коварстве по отношению к королю Болеславу (стр. 571). Шварна, на этот раз уже прямо, он обвиняет в поражении объединенных полков Шварна и Владимира Васильковича в битве с поляками 17 июня 1266 г. («вперед идя своим полком и не помня речи стрья своего, и не дождав полка брата своего Володимера, и устремися на бой») — полк Владимира не мог оказать помощи «теснотою» (стр. 572). Упомянув о смерти Шварна (стр. 574), летописец даже не счел нужным посвятить ему краткий некролог с традиционным перечислением добродетелей покойного князя.

В самых резких тонах излагает волынский летописец действия Юрия Львовича. Он с осуждением упоминает о «безумьи» Юрия в походе 1277 г. на Литву (стр. 579). С осуждением рассказывает и о другом поступке Юрия: когда в 1288 г. умер Лешко Черный, претендентами на его наследство явились не только Конрад Мазовецкий, но и верный политике своего отца Юрий Львович («хотяшетъ бо собе Люблина и земле Люблинской»); в город, однако, его не пустили; тогда он долта разорил околицы Люблина, пожег их и пограбил (стр. 599). Наглая просьба Юрия к Владимиру Васильковичу отдать ему Берестье также вызывает возмущение летописца (стр. 600). Узнав о смерти Владимира, Юрий, сообщает летописец, «въеха в Берестий и нача княжити в немь, по съвету безумных своих бояр молодых и коромолников берестьян» (стр. 611). Выехав «с великим соромом» из Берестья по настоянию отца, испуганного угрозой Мстислава Даниловича призвать татар («еще бо ему не сошла оскомина Телебужины рати»), Юрий ограбил «все дома стрья своего, камня на камне не оставил в Берестье, в Каменце и в Бельске (стр. 612).

На первый план у волынского летописца выдвинуты Василько Романович и его сын Владимир Василькович. Последний в особенности. Повесть о болезни и смерти этого князя занимает в летописи центральное место и принадлежит к лучшим ее страницам по обстоятельности изложения, знанию мельчайших подробностей, теплоте чувства.

«Благоверный», «христолюбивый» князь Василько Романович окружен у волынского летописца подчеркнутым вниманием и симпатией. С большим удовлетворением отмечает автор тот факт, что в 1259 г. именно он, Василько, вышел навстречу Бурандою с дарами и тем самым успел предупредить брата об опале. Именно он, Василько, а не Данил Романович, спасает Холм — стольный город брата — от татарского разорения; «съ же великий князь Василко акы от бога послан бы[сть] на помочь горожаном, пода им хытростью разум», — пишет летописец по этому поводу (стр. 563). В 1262 г. Василько, «возложив упование на бога и на пречистую его мать и на силу честнаго хреста», одержал победу над литовцами, напавшими на Мельницу; факт этот радует летописца несмотря на то, что Василько сам отчасти был виноват: нападение литовцев — месть за поход Василька с татарами на Литву в 1259 г. «Василко поеха к Володимерю с победою и честью великою, славя и хваля бога, створшаго предивная, покоршаго ворогы под нозе Василкови князю» (стр. 566). Мелкая стычка (только один человек был убит «от полка Василкова») под пером летописца приобрела значение блестящей победы, едва ли не чуда! Когда

в 1266 г. поляки напали на Русь, оборону умело и своевременно организовал Василько (стр. 571—572). В уста Войшелка, когда он уступил Литву Шварну Даниловичу и ушел в монастырь, летописец вложил такие слова: «Се ми зде близ мене сын мой Шварно, а другий господин мой отець, князь Василко» (стр. 573; ср. стр. 570).

Владимир Василькович в изображении воынского летописца — высокий идеал князя-правителя. Справедливый и милостивый, он пользовался, по словам летописца, всеобщей любовью, как князей и бояр, так и «простых людей», за свое «добро и правду». «Беспокровным покров», «обидимым заступник», он оказывал помощь и содействие всем, кто только в этом нуждался. В 1279 г. он помог голодающим ятвягам (стр. 580). Когда в 1282 г. Конрад Мазовецкий отправил Владимиру посла с извещением о своей «соромоте», он «сжаливси и расплакався» и немедленно принял участие в распре Семовитовичей на стороне Конрада (стр. 582—583). В 1285 г. он оказал помощь и попавшему в беду Льву Даниловичу: по просьбе Льва пошел вместе с ним на поляков, разорявших владения Льва (стр. 585—586). Он поддерживал добрые отношения с Литвою, и литовцы, по словам летописца, очень ценили это отношение к ним Владимира; они говорили ему: «Володимере, добрый княже, правдивый! Можем за тя головы свое сложити; коли ти любо, осе есмы готовы» (стр. 586). Особо отмечена в летописи забота Владимира о церкви: «домы церковные» он щедро снабжал иконами, книгами, дорогими сосудами, посылал ценные подарки епископиям Перемышльской и Луцкой, даже в далекий Чернигов (стр. 609). С большой похвалой подчеркнута летописцем также необыкновенная образованность и начитанность Владимира Васильковича; книги он не только читал, но и охотно переписывал (стр. 609). «Бысть книжник велик и философ, акого же не бысть во всей земли и ни по немь не будеть», — писал о нем летописец (стр. 601). По словам летописца, он хорошо разумел «древняя и задняя» (стр. 600) и даже обладал даром понимать «притче» и всякое «темно слово» (стр. 601).

Единством характеризуется и литературный строй Воынской летописи. Непосредственно примыкая к летописи Данила Галицкого, она ведет изложение без погодной сетки, как и предшествующая ей летопись. Но этим и исчерпывается сходство между ними. Летопись Воынская по всему своему литературному строю явно тяготеет к традициям киевского летописания XII в.

В основе ее изложения лежит тот же строго хронологический принцип, что и в летописании киевском. Характерное для летописца Данила Галицкого стремление «овогда же писати в передняя, овогда же возстupati в задняя» воынскому летописцу чуждо; отступления от хронологического принципа у него единичны и не выходят за пределы обычной нормы.

С киевским летописанием Воынская летопись сближается и наличием одних и тех же форм повествования. В ней налицо все выработанные киевским летописанием повествовательные жанры: краткая погодная запись, «документальный» рассказ, некролог и, наконец, пространный агиографическая повесть (о смерти Владимира Васильковича).

В отличие от летописи Данила Галицкого, где погодные записи вообще отсутствуют, в летописи Воынской они нередки (стр. 570, 589, 590 и др.). Краткие и аморфные в литературном отношении, они ничем не разнятся от аналогичных в летописи Киевской.

Некрологи Воынской летописи также по структуре своей очень близко напоминают соответствующие статьи Киевской летописи, иногда даже дословно совпадая с ними. Все они (см. стр. 570, 574, 581, 590, 591) построены по одной и той же схеме: сообщается о том, когда умер князь,

где, в каком именно монастыре или церкви, он был погребен; часто добавляется сюда еще и краткое упоминание о плаче над телом покойного его родственников или всего народа, а также краткая характеристика добродетелей покойного.

Рассказы Волынской летописи (многие из них воспроизводят отдельные эпизоды «семейной хроники» князя Василька Романовича и его сына Владимира), как и рассказы Киевской летописи, написаны просто, без того нагромождения «дательных самостоятельных», которое так характерно для летописца Данила Галицкого, без свойственных его повествовательной манере стилистических украшений: развернутых сравнений, риторических восклицаний, отступлений «от автора» и пр. Все рассказы волынского летописца строго фактографичны; суховатую деловитость тона и протокольную конкретность описаний только изредка нарушают отдельные колоритные детали: когда Василько вел переговоры с Бурандаем, холмский владыка «стояше во ужаси велице» (стр. 562); Тройден был убит, когда шел «до мовниці мыться» (стр. 569); пар, исходящий из горных источников, татарами был принят за «пар ис коней» (стр. 576) и пр.

Нет в летописи Данила Галицкого и чего-либо похожего на повесть о болезни и смерти Владимира Васильковича. Начиная с рассказа о событиях 1287 г., она переключается в отчетливый агиографический строй повествования — в стиле повестей Киевской летописи о смерти Ростислава Мстиславича и его сыновей — Мстислава и Давида. То же нагнетение подробностей, иллюстрирующих христианские добродетели князя. Та же «умилительность» поведения князя (пространные молитвы, глубокие «воздыхания», обильные слезы, воздетые к небу руки).¹⁷ Есть и дословные совпадения. Молитва Владимира Васильковича перед смертью буквально соответствует молитве Давида Ростиславича.

Волынская летопись

Киевская летопись

Владыко господи боже мой! Призри на немощь мою и вижь смирение мое, одержаща мя ныне: на тя бо уповаю терплю; о всех сих благодарю тя, господи боже, ... яко смирил еси душу мою, во царствии твоём причастника мя створи... (стр. 603).

Владыко господи боже мой! Призри на немощь мою, вижь смирение мое, одержаща мя ныне, да тобою уповаю терплю; и о всех сих благодарю тя, господи, яко смирил еси душу мою и во царствии твоём причастника мя створи... (стр. 472).

Плач княгини Ольги по муже почти дословно воспроизводит плач княгини Романа Ростиславича над телом супруга.

Волынская летопись

Киевская летопись

Царю мой благый, кроткий, смиренный, правдивый! Воистину наречено бысть тебе имя во крещеньи Иван, всею добродетелью подобен есь ему: многыа досады прим от своих сродник, не видех тя, господине мой, николиже противу их злу никоторого же зла воздающа, но на бозе вся покладывая провожаще (стр. 604).

Царю мой благый, кроткий, смиренный, правдивый! Воистину тебе нарчено имя Роман, всею добродетелью сый подобен ему: многыа досады прия от смолян, и не виде тя, господине, николи же противу их злу никоторого зла въздающа, но на бозе вся покладывая провожаще (стр. 417—418).

«Лепшии мужи» владимирские оплакивают смерть своего князя так же, как и «лепшии мужи» новгородские смерть своего князя — Мстислава Ростиславича.

¹⁷ См.: И. П. Еремин. Киевская летопись как памятник литературы. ТОДРА, т. VII. М.—Л., 1949, стр. 85—90.

Волинская летопись

Добро бы ны, господине, с тобою умрети, створшему толикую свободу, якоже и дед твой Роман свободил бяше от всех обид; ты же бяше, господине, сему поревновал и наследил путь деда своего; ныне же, господине, уже ктому не можем тебе зрети, уже бо солнце наше зайде ны и во обиде всем остахом (стр. 605).

Киевская летопись

... добро бы ныне, господине, с тобою умрети, створшему толикую свободу новгородьцем от поганых, якоже и дед твой Мьстислав свободил ны бяше от всех обид; ты же бяше, господине мой, сему поревновал и наследил путь деда своего; ныне же, господине, уже ктому не можем тебе узрети, уже бо солнце наше зайде ны и во обиде всим остахом (стр. 413).

Есть, наконец, у волинского летописца своя, отличная от галицкого, манера изложения, свои излюбленные слова и словосочетания, неоднократно повторяющиеся на протяжении всего текста летописи; одни из них воспроизводят аналогичные формулы киевского летописания, другие являются, очевидно, принадлежностью самого автора, например: «возвратишася во свояси», «пойдоша во свояси», «поехаша во свояси» (стр. 565, 576, 570, 572 и др.); «безчисленное множество» (стр. 564, 570, 580, 585 и др.); «быти во велице любви», «быти в любви велице» (стр. 572, 577, 581 и др.); «милую свою дочь» (стр. 569), «милое место» (стр. 584) и др.; «показа мужьство свое», «не мало бо показа мужьство свое» (стр. 569, 572, 615 и др.); «печален бысть о семь велии и нача промышляти» (стр. 568, 575, 579); «свое безумье», «своим безумьем», «своего безумья» (стр. 579, 585, 587, 611); «устремишася на бег» (стр. 566, 585 и др.); «и не успеха у него ничтоже», «не успев ничего же» (стр. 563, 589, 590, 615, 616 и др.); «створи дело памяти достойно» (стр. 564, 585); см. также некоторые устойчивые сочетания отрицательных эпитетов: оканьный, безаконный, проклятый (стр. 562, 565, 569, 574, 587 и др.). Формула, в Киевской летописи обычно завершающая собою сообщение о смерти того или иного князя, волинским летописцем также была привлечена — после известия о кончине Владимира Васильковича: «приложися ко отцем своим и дедом, отдав общий долг, его же несть убежати всякому роженому» (стр. 603).

Когда Волинская летопись была составлена? Есть данные, указывающие на то, что составлена она была в один прием — не ранее 1289—1290 гг.

Сообщая о появлении в 1264 г. на востоке кометы (звезды «хвостатой»), летописец отметил, что некие «хитреци» так рассуждали по поводу ее: «оже мятежь велик будеть в земли», и добавил: «но бог спасе своєю волею, и не бысть ничтоже» (стр. 570). Последняя фраза — знак, что известие о комете было записано позже 1264 г.

Рассказывая о том, что после убийства Войшелка в 1267 или 1268 г. (точная дата неизвестна) княжить в Литве стал «оканьный и безаконный» Тройден, летописец сообщил, забегаая вперед, что Тройден «жи в же лет 12, и тако преставися безаконник» (стр. 574). Тройден умер в 1281 или 1282 г. Рассказ, следовательно, был написан уже после его смерти.

Позже 1281—1282 гг. был, несомненно, составлен и рассказ о походе в 1275 г. Льва Даниловича с татарами на Новгородок; начинается он так: «Тройденеви же еще княжашу в Литовьской земле...» (стр. 575). После смерти Тройдена была составлена и запись об удачном его походе на поляков в 1278 г., судя по начальной фразе: «Тройдени же еще княжа в Литовьской земле...» (стр. 579—580).

Даже рассказ о событиях 1286—1287 гг. был написан позже этих лет. Излагая историю похода Телебуги и Ногая на Польшу и Волинь в 1286—1287 гг., летописец так объяснил причину, побудившую русских князей

присоединиться к походу татар на Польшу: «тогда же бяху вси князи в неволе татарьской» (стр. 588; ср. стр. 575, 585, 591). Несколько ниже летописец писал: «Телебуга же еха обзирать города Володимеря, а друзии молвять, оже бы и в городе был, но то не ведомо» (стр. 588).

Подробному и обстоятельному изложению событий, начиная с рассказа о событиях 1287 г., предшествует в летописи более или менее беглый рассказ о событиях 1259—1286 гг. В этой части повествования имеются даже провалы: о событиях 1261, 1270—1271, 1283 гг. ничего не сообщается. Эта неравномерность изложения понятна, если предположить, что летопись была составлена не ранее 1289—1290 гг.

Обращает на себя внимание в этой же связи и отсутствие развернутых «речей» (прямой речи) в начале летописи, а также разного рода припоминания; например, в рассказе об убийстве литовского князя Миндовга или в рассказе о походе русских князей на Польшу в 1286 г. Убит был Миндовг в 1263 г., но летописец, излагая предысторию этого события, сюда же, в рассказ об убийстве Миндовга, поместил и ряд других известий, относящихся к более раннему времени: о крещении Войшелка и пребывании его у старца Григория в Полонине (1255—1256 гг.), о попытке Войшелка отправиться на Афон (1256—1257 гг.), о смерти жены Миндовга (около 1263 г.) и др. (см. стр. 567—568). Рассказывая историю похода 1286 г. Льва и Владимира на Польшу, о погроме ими околицы Вышгорода и Люблина совместно с литовцами, летописец вспомнил и записал событие 1280 г. — о победе берестян (воеводы Тита) над поляками (стр. 586—587): победа над поляками 1286 г. напомнила ему аналогичную победу 1280 г.

Завершающая повесть о смерти Владимира Васильковича «похвала» этому князю, несомненно написанная уже в начале княжения Мстислава Даниловича, бросает дополнительный свет на цели и задачи волынского летописца. Обращаясь к покойному князю с разного рода риторическими вопросами и восклицаниями (многие из них имитируют «Слово о законе и благодати»), летописец, между прочим, писал: «Добр зело послух брат твой Мьстислав, его же сотвори господь наместника по тебе твоему владычеству, не рушаща твоих устав, но утвержающа, ни умаляюща твоему благоверью положения, но паче прилагающа, не казняща, но вчиняюща; иже не скончана а твоя учиняюща...» (стр. 606; ср. стр. 607). Строки эти — прямой призыв к Мстиславу Даниловичу во всем продолжать дело Владимира Васильковича.¹⁸ Летописец полностью включил в состав своего труда завещание Владимира — несомненно в напоминание ныне здравствующему князю. Летопись отражает и тревогу и надежды, которыми были охвачены приближенные покойного князя в начале правления его преемника.

Кто был автором летописи? Прямых указаний на него в тексте нет. М. С. Грушевский, а вслед за ним и Ф. Коструба¹⁹ полагали, что автором летописи был тот писец Федорец (Ходорец), который по поручению Владимира Васильковича писал его предсмертные «грамоты» (стр. 594). М. С. Грушевский отождествлял этого Федорца с тем Входорком Юрьевичем, у которого князь купил село Березовичи для своего монастыря Святых Апостолов (стр. 595). «Как приближенный, „покоевый“ писец Федо-

¹⁸ К. Н. Бестужев-Рюмин даже предполагал, что повесть о смерти князя Владимира Васильковича была специально написана «для Мстислава» [см.: К. Бестужев-Рюмин. О составе русских летописей до конца XIV века. ЛЗАР (1865—1866), вып. IV. СПб., 1868, стр. 156].

¹⁹ Галицько-волинський літопис, ч. I. Переклав і пояснив Теофіль Коструба. Львів, 1936, стр. 22.

рец был при Владимире неотлучно во время его болезни и потому так обстоятельно и описал его жизнь со дня на день, с часу на час. Он присутствовал при его последних приемах, о которых и сообщил с такими мелкими подробностями». ²⁰ Гипотезе М. С. Грушевского нельзя отказать в остроумии, но вероятность ее все же очень сомнительна. Трудно допустить, что писец Федорец писал сам о себе в третьем лице: это было совсем не свойственно древнерусским книжникам. По тем же причинам решительное сомнение вызывает и догадка В. Т. Пашуто, что автором летописи («летописей» Владимира Васильковича и Мстислава Даниловича) был владимирский епископ Евстигней. Если автора непременно искать среди упоминающихся в летописи духовных лиц из окружения Владимира, то с равным основанием можно предположить, что автором летописи был другой епископ — Марк, которого князь Владимир Василькович оставил вместо себя во Владимире, когда принял решение уехать в Любомль (стр. 592), или тот «отец духовный», у которого Владимир накануне смерти причащался (стр. 602).

Об авторе Волынской летописи уверенно сказать можно только то, что он был горячим сторонником князя Владимира Васильковича, был в курсе всех событий его княжения и лично его знал, что человек он был начитанный, хорошо усвоивший практику и традиции летописного дела, — видимо, местный монах или священник.

Какими документальными источниками пользовался волынский летописец, составляя свой труд?

По-видимому, их было немного. В основном летопись была написана частью по памяти (она охватывает период времени всего за тридцать лет — с 1259 по 1290 г.), частью со слов «самовидцев» (см. стр. 587; ср. стр. 590). Точное перечисление имен послов, воевод и проч. наводит на мысль, что автор пользовался и какими-то краткими записями — «памятками». В руках его было и два подлинных документа: завещание («рукописание») князя Владимира Васильковича (стр. 594—595) и уставная грамота Мстислава Даниловича берестянам (стр. 613).

По предположению В. Т. Пашуто, волынский летописец имел и еще некоторые источники: «антитатарскую обличительную повесть», как называет ее исследователь, «летопись литовскую», особую повесть о «судомирском взятии», две «героические» повести о Рахе Михайловиче и Тите, ряд грамот и посольских донесений. Предположение это, однако, принято быть не может, так как В. Т. Пашуто обосновать его в должной мере не удалось.

«Антитатарская обличительная повесть» была, по утверждению В. Т. Пашуто, посвящена событиям 1285—1287 гг. и состояла, собственно, из трех рассказов: о походе Телебуги и Ногая в Венгрию, о походе Телебуги и Ногая на Польшу в 1286 г., о новом походе Телебуги и Алгуя на Польшу в 1287 г. В тексте Волынской летописи повествование об этих походах перебито другими известиями: о походе Льва Даниловича и Владимира Васильковича в 1286 г. на Болеслава Польского (о погроме ими околицы Вышгорода и Люблина), о победе берестян над поляками в 1280 г., о совместном походе Руси и Литвы на Сохачев, а также рядом других сообщений. Прием, при помощи которого В. Т. Пашуто реконструирует «повесть», очень прост: из «татарских» рассказов летописи устраняется все, что перебивает «татарскую» тему. ²¹ Установленные в результате этой операции части текста объявляются «фрагментами» не дошедшей до нас «антитатарской повести», все остальное — записями «княжеской летописи». При чем не ясно, какими соображениями руководствовался исследователь, отме-

²⁰ М. Грушевський й. Історія української літератури, стр. 202.

²¹ В. Т. Пашуто. Очерки..., стр. 110—112.

чая границы того или иного «фрагмента». Первый, например, фрагмент «повести», по утверждению В. Т. Пашуто, обрывается словами: «... и тако поидоша вси» (стр. 585). Следующая фраза, на мой взгляд, теснейшим образом связанная с предыдущей, принадлежит, по словам В. Т. Пашуто, владимирскому летописцу: «Токмо и один Володимер остая, зане бысть хром». Только потому, что здесь налицо повторение, дважды сообщается о хромоте Владимира? Но почему летописец не мог повторить одно и то же?

Аналогичным образом реконструируется В. Т. Пашуто и предполагаемая им «литовская летопись», составленная якобы в Новгороде. «Если выбрать из летописи, — пишет В. Т. Пашуто, — все упоминания о литовских князьях, то получится относительно связный текст, состоящий из жизнеописаний ряда литовских князей, составленных, вероятно, книжником одного из прославленных монастырей Литвы».²² Идя этим путем, В. Т. Пашуто, конечно, находит «фрагменты» предполагаемого им источника, так как Волынская летопись о литовских князьях (Миндовге, Тройнате, Войшелке, Шварне, Тройдене) действительно сообщает. Отсюда, однако, еще отнюдь не следует, что факт существования «литовской летописи» становится бесспорным. Что касается остальных источников, то суждения о них В. Т. Пашуто не идут дальше допущений и догадок.

²² В. Т. Пашуто. Очерки... стр. 113.

Б. И. ДУБЕНЦОВ

К вопросу о так называемом „Летописце княжения Тферскаго“

В генеалогии тверских летописных сводов, как она представлена в исследовании А. Н. Насонова «Летописные памятники Тверского княжества. Опыт реконструкции тверского летописания с XIII до конца XV в.»,¹ значительное место отведено летописному памятнику, озаглавленному «Летописец княжения Тферскаго». Состав этого памятника восстанавливается А. А. Шахматовым и А. Н. Насоновым главным образом по Тверскому сборнику, в котором, как полагают, этот «Летописец» дошел в наибольшем объеме. По мнению первого исследователя, на долю «Летописца» в Тверском сборнике приходится текст отдельных отрывков начиная с 1325 г., и основная часть известий 1402—1425 гг. По мнению второго, «Летописец» лежит в основе известий почти всей второй части Тверского сборника от 1285 и до 1455 г. включительно.

Как показывает история изучения этого «Летописца», его анализ неразрывно переплетался с вопросом о литературной судьбе другого памятника тверской литературы — «Повести о великом князе Михаиле Александровиче Тверском», и спор о взаимоотношении в тексте Тверского сборника «Летописца» и «Повести» возник очень давно. Основной вопрос этого спора может быть сформулирован так: «Повесть о Михаиле Александровиче» или «Предисловие Летописца княжения Тферскаго» стоит под 1402 г.² во второй части Тверского сборника?

В полутоме «Истории русской литературы», вышедшем в 1946 г., имеется в разделе «Исторические повести» Тверского княжества XIV и XV вв. статья о «Повести о Михаиле».³ В ней С. К. Шамбинаго, давая итоги изучения этого памятника, говорит только о «двух отрывках» «Повести», имеющих в Тверском сборнике под 1402 г., не объясняя, почему они здесь открываются заглавием «Предисловие Летописца княжения Тферскаго», и вообще ничего не сообщая о взаимоотношении между «Летописцем» и «Повестью». Такая точка зрения соответствует давнему мнению В. О. Ключевского, считавшего, что интересующий нас текст представляет собой именно «Повесть», а не летопись.

С. К. Шамбинаго поступил так несмотря на то, что автор последнего исследования по тверскому летописанию, в котором уделяется очень большое внимание данному тексту, — А. Н. Насонов, разрешая вопрос об объеме «Летописца княжения Тферскаго» и его идейной направленности,

¹ Известия Академии наук СССР, Отделение гуманитарных наук, 1930, №№ 9 и 10, стр. 709—772.

² Имеется в виду текст стлб. 463—470: Тверской сборник. ПСРЛ, т. XV. СПб., 1863.

³ История русской литературы, т. II, ч. 1. М.—Л., 1946, стр. 244—246.

упоминает о существовании «Повести о Михаиле» лишь в Н4Л, а в отношении Тверского сборника признает только, что «автор предисловия («Летописца», — Б. Д.) несомненно пользовался литературными приемами составителя жития Михаила Александровича, отрывки которого сохранились в Новг. 4 лет. под 1399 г.».⁴ А. Н. Насонов доказывает, что весь интересующий нас текст Тверского сборника представляет собой только «Предисловие Летописца княжения Тферскаго», составлен в соответствии именно с этим назначением, и что это «Предисловие» связано со всем остальным текстом, который он относит к «Летописцу княжения Тферскаго». Эта точка зрения соответствует первоначальному мнению по интересующему нас вопросу, принадлежавшему А. Ф. Бычкову.

Однако автор последней работы о тверской литературе, М. А. Ильин, явно возражая А. Н. Насонову, утверждает, что «предисловие по своему смыслу относится скорее к повести о в. к. Михаиле, чем к летописи. Тем более, что далее следуют на некотором расстоянии друг от друга два отрывка из Повести о Михаиле». М. А. Ильин считает, что во время переработки тверского летописного свода при великом князе тверском Борисе Александровиче «были использованы более ранние записи о Михаиле Александровиче, и к ним было придано пышное, в стиле Епифания Премудрого, предисловие, ставшее одновременно и предисловием к новой редакции этого свода».⁵ «Предисловие Летописца», значит, представляет собой переработку Предисловия «Повести» и двух ее отрывков, идущих за последним. Таким образом, М. А. Ильин ближе всего примыкает к точке зрения А. А. Шахматова, считавшего, что здесь налицо летопись с ее предисловием, в которые была переработана при Борисе Александровиче «Повесть о Михаиле Александровиче» вместе с ее Предисловием.

Как видим, в настоящее время существуют три различных ответа на заданный вопрос и с конца прошлого века до сих пор не разрешен спор: стоит ли в Тверском сборнике под 1402 г. «Предисловие Летописца», не имеющее почти никакого отношения к «Повести о Михаиле» (мнение А. Ф. Бычкова—А. Н. Насонова), или, наоборот, здесь в текст Сборника вставлена «Повесть» и ее Предисловие (В. О. Ключевский—С. К. Шамбинаго), или здесь «Предисловие Летописца», но сделанное на основе «Повести» и ее Предисловия (А. А. Шахматов—М. А. Ильин).

Оговорим два обстоятельства, прежде чем обратиться к этому спору. В настоящей статье мы не ставим своей задачей пересмотр вопроса о «Летописце княжения Тферскаго» во всем его объеме, ограничимся лишь более углубленным рассмотрением взаимоотношения этого летописца и «Повести о Михаиле Александровиче» главным образом в пределах текста Тверского сборника, указанных выше (см. прим. 2), используя для этого некоторые результаты сопоставления вариантов «Повести», содержащихся в различных летописях. Сопоставление же различных вариантов «Повести о Михаиле» с указанной частью текста Тверского сборника тем более необходимо, что А. Н. Насонов рассматривал взаимоотношение этой части Тверского сборника только с остальным его текстом и совершенно не использовал возможность и такого сопоставления. Однако давать оценку данному тексту как «Предисловию Летописца» без сопоставления его с «Повестью» представляется неправомерным. А это обстоятельство

⁴ А. Н. Насонов. Летописные памятники Тверского княжества..., стр. 744, прим. 1.

⁵ М. А. Ильин. Тверская литература XV в. как исторический источник. Труды Историко-архивного института, т. III, 1947, стр. 22 и 24. В остальном, что касается «Летописца княжения Тферскаго» — свода 1455 г., заказанного Борисом Александровичем и заполняющего собой большую часть Тверского сборника, М. А. Ильин согласен с выводами А. Н. Насонова и исходит из них.

в свою очередь ставит под сомнение и предположенный А. Н. Насоновым объем «Летописца княжения Тферскаго».

Все исследователи, о которых идет речь, пользовались текстом Тверского сборника по считавшемуся долгое время единственным списку Погодинского собрания ГПБ, № 1414, XVII в., изданному в 1863 г. в XV т. ПСРЛ. Но этот список наиболее далек от оригинала, пестрит искажениями и является худшим из всех известных списков Тверского сборника. А. Н. Насонов в своей работе 1930 г. впервые использовал наилучший и старейший список Тверского сборника — Забелинский, XVI в. Этот список, хранящийся в ГИМ, в Музейском собрании под № 2886, был открыт И. Е. Забелиным в 1906 г. Однако А. Н. Насонов все же цитировал Тверской сборник по изданному Погодинскому списку, и в сущности текст Забелинского списка, особенно в интересующей нас части, остается невведенным в научный оборот. А. А. Шахматов в 1915 г. указал еще один список Тверского сборника, до сих пор никак не использованный. Это — список XVII в. из собрания Ф. А. Толстого (ГПБ, Ф. IV. 214).⁶ Используем все три списка и текст Тверского сборника цитируем по изданию в ПСРЛ только в тех случаях, когда Забелинский и Толстовский списки не дают явно более правильных чтений.

А. Ф. Бычков, издавая в 1863 г. «Летописный сборник, именуемый Тверской летописью», предпослал изданию предисловие, которое и явилось истоком упомянутого выше спора.

Указав, что в числе материалов, из которых составлен Сборник, имеется «Летописец княжения Тферскаго», он характеризовал последний следующим образом: «Об этой летописи мы узнаем из Сборника, что она составлена неизвестным лицом, по повелению тверского великого князя Бориса Александровича (ум. 1461), приказавшего ему описать время княжения Михаила Александровича...».⁷ Действительно, под заголовком «Предисловие Летописца княжения Тферскаго благоверных великих князей Тферьских» (стлб. 463) летописец упоминает «князя Бориса, еже повелел ми есть написати от слова честь премудраго Михаила», и далее речь идет именно о Михаиле Александровиче. Подчеркнутые нами слова можно понимать так, что Борис приказал написать летопись («описание времени») княжения Михаила Александровича. Так и поняли А. Ф. Бычков. Но можно их понять и так, что Борис Александрович заказал только «Повесть о житии Михаила Александровича».

Никаких доказательств в пользу принятого им истолкования у А. Ф. Бычкова не было, кроме того соображения, что смысл указанных слов должен соответствовать заголовку, под которым они стоят. Понятно, что это соображение могло иметь силу, а А. Ф. Бычков, соответственно, мог иметь право на свою трактовку только при уверенности, что заголовок этот стоит на своем месте, соответствует всему, что стоит под ним. Но это-то и является первым сомнением в целом ряду сомнений, возникающих при принятии вывода А. Ф. Бычкова, даже в том случае, если

⁶ В предисловии к XV т. ПСРЛ (стр. VI) Погодинский список обозначен старым номером 970 (теперь под этим номером значится сборник слов Ефрема Сирина). О Забелинском списке см.: А. Н. Насонов. Летописные памятники Тверского княжества. . . , стр. 711, прим. 2 (номер его здесь ошибочно указан как 2885). Забелинский список был привлечен здесь А. Н. Насоновым в отношении отметок на полях его об использованных писцом источниках (стр. 711—712), наличия отдельных известий (главным образом по последней части Сборника — стр. 739, 741—742, 755); кроме этого, было процитировано одно слово (стр. 750). О Толстовском списке см.: А. А. Шахматов. Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв. Л., 1938, стр. 372 (статья «Летописи» из «Нового энциклопедического словаря» Брокгауза-Ефрона).

⁷ ПСРЛ, т. XV, стр. V («Предисловие» А. Ф. Бычкова)

мы не выходим за пределы Тверского сборника. Прошло почти сто лет со времени появления трактовки А. Ф. Бычкова, а сомнение в соответствии заголовка последующему тексту остается в полной силе.

Почему можно, опираясь на заголовок, толковать слова «от слова честь» как говорящие о летописи, посвященной времени Михаила Александровича, если в заголовке сказано, что это летописец «княжения... великих князей тферских», а не одного Михаила? Почему, если последовательность текста не нарушена, летопись времени Михаила начинается после рассказа о его смерти? Почему начало этой летописи стоит именно под 1402 г., если Михаил умер в 1399 г.? Заголовок говорит о летописи, как, допустим, и трактуемые слова текста, но где же сама эта летопись? Если ею является весь текст, идущий от заголовка и до сообщения о вокняжении Ивана Михайловича, то что это за странная летопись, составитель которой пробегает на двух-трех листах события от 1327 по 1400 г. и при этом ни разу не употребляет обычной для летописи формы — погодных известий? Если же означенный раздел есть предисловие к летописи времени Михаила, то где же тогда эта летопись, если после предисловия идет речь уже не о Михаиле, а об Иване? Как видим, даже единственный довод, имевшийся у А. Ф. Бычкова в пользу его трактовки, не разрешил всех этих вопросов. Так возникло мнение о существовании «Летописца княжения Тферскаго».

Вторая ошибка А. Ф. Бычкова вытекает из первой. В Тверском сборнике составитель, получивший заказ от Бориса Александровича, начиная писать «от слова честь» Михаилу, говорит: «Пръвое честь мужу речем, да ведомо всем будет, от которого богасадного корени таковаа доброплоднаа отрасль, или реку, ветвь, израсте...».⁸ Эти слова памятника уже сами по себе не в пользу А. Ф. Бычкова решают спор о том, что именно заказал Борис Александрович. Под возданием «честь» Михаилу сам составитель, оказывается, понимал не летопись событий его времени, а его биографию, житие — повесть о нем, ибо «первой честью», т. е. первым, чем он воздал честь Михаилу, было описание родословия Михаила. Перечислив «степени» его родословия, он заключает: «Дозде пишущу уставихом ис първаго летописца въображающе, якоже Володимерский полихрон, степенем привее, яве указывает, и пречестнейша сего в князех являет словуще имя Михаила Александровича».⁹ Если рассматривать оба приведенных отрывка в связи друг с другом и с текстом, идущим между ними, а не вырывать последний отрывок из контекста, как сделала это и А. Ф. Бычков и позднее А. А. Шахматов, то толкование последнего отрывка может быть только одно, именно то, которое дал В. О. Ключевский: «полихрон понадобился автору, чтобы изложить родословную князя».¹⁰ Воздав эту «первую честь» Михаилу, он поэтому именно здесь и пояснил, что до этого места он пишет из Владимирского полихрона, давая вместе с тем понять, что далее он пишет по другому своему источнику.

Однако А. Ф. Бычков, не обратив внимания на слова памятника о «степенях», написал следующее: «При изложении событий, предшествовавших вступлению на престол Михаила Александровича, составитель Летописи, как он сам говорит, руководствовался Владимирским полихроном».¹¹ Так «Летописец княжения Тферскаго» получил свой источник, которым в действительности пользовался автор «Повести».

⁸ ПСРЛ, т. XV, стлб. 464.

⁹ ПСРЛ, т. XV, стлб. 465.

¹⁰ В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 178.

¹¹ ПСРЛ, т. XV, стр. V.

Против признания А. Ф. Бычковым варианта «Повести» Тверского сборника летописью выступил В. О. Ключевский. Он указал, что заголовок противоречит тому, как «автор излагает программу своего труда о Михаиле: „зело скоропытне искавше образ бытия его, когда родися, ч како богом утвержаем в крепости възраста, и колико мужества на земли храбрости показа, наипаче же елми к богу веру в делех стяжа“. Ясно, что автор хочет писать не летопись, а биографию кн. Михаила. Дальнейшее изложение также чуждо летописных приемов... Сплошной биографический рассказ без хронологических пометок, причем отрочество князя и его воспитание изображено обычными чертами житий».¹² Он указал также на полное несходство и иногда противоречие сообщений биографии Михаила о нем и его отце с тверскими летописными известиями как Никоновской, так и Тверского сборника и, главное, на то, что в Н4Л помещена та же статья о преставлении Михаила, которая имеется и в Тверском сборнике (до заголовка), «но с сокращениями и вариантами», однако в Н4Л этой статье «предпослано в виде предисловия начало выше анализированного вступления к тверскому жизнеописанию Михаила с незначительными переменами в словах и без искажений, сделанных писцом тверского сборника».¹³

Итак, еще в самом начале изучения «Повести» было замечено то обстоятельство, что текст, стоящий в Тверском сборнике непосредственно под заголовком «Предисловие Летописца княжения Тферскаго благоверных великих князей тферских», этому заголовку не соответствует; что этот текст тождественен с тем Предисловием, которое (вместе с «Повестью о преставлении Михаила») имеется в Н4Л, а различия между ними говорят о том, что именно протограф текста Предисловия Н4Л переработал составитель рассматриваемого текста Тверского сборника, в частности подставивший имя Бориса вместо того имени, которое там было.

В Предисловии Н4Л на том месте, на котором в Тверском сборнике стоит обещание «написать от слова честь премудраго Михаила», читается «написать от жития премудраго Михаила».¹⁴ Следовательно, в Тверском сборнике под заголовком «Предисловие Летописца княжения... великих князей тферских» стоит Предисловие к житию Михаила Александровича. И, перерабатывая текст Предисловия протографа Н4Л, составитель Предисловия Тверского сборника понимал свою задачу — написать «от слова честь» Михаилу — именно как написание жития Михаила, о чем, как мы уже видели, свидетельствует изложенная именно им программа его труда. Переработка не изменила характера Предисловия. Следовательно, «Летописец княжения Тферскаго» не имеет своего специального предисловия.

Однако, может быть, Предисловие к житию Михаила поставлено здесь в качестве предисловия именно к летописи?

А. Ф. Бычков, хотя и сопоставлял Тверской сборник с Никоновской летописью,¹⁵ но не заметил, что в Никоновской летописи имеется особо озаглавленная «Повесть о Михаиле Александровиче», первая половина которой сходна по своему составу с текстом Тверского сборника, идущим

¹² В. О. Ключевский. Древнерусские жития..., стр. 178.

¹³ В. О. Ключевский. Древнерусские жития..., стр. 179.

¹⁴ Новгородская IV, старший извод, Толстовский список: ГПБ, Q. IV. 138, конец XV—начало XVI в., л. 42 об. Ввиду дефектности древнейшего из списков старшего извода Н4Л, Новороссийского, цитируем по Толстовскому списку в тех случаях, когда Строевский список младшего извода, принятый за основной и во втором издании IV т. ПСРЛ, дает менее верные чтения.

¹⁵ ПСРЛ, т. XV, стр. V.

после имеющегося в нем Предисловия к житию Михаила. Однако это заметил В. О. Ключевский. Он указал и на то, что рассказы о преставлении Михаила в Н4Л и в особенности в Тверском сборнике и в Никоновской почти сходны по своему составу.

Таким образом, еще в самом начале изучения «Повести» было замечено, что если обе части текста, имеющегося в Тверском сборнике до и после заголовка «Предисловие Летописца», переставить в хронологической последовательности (рассказ о смерти Михаила поставить после рассказа о его детстве и вокняжении), то получается текст «Повести о Михаиле», сходный по составу с «Повестью о Михаиле» Никоновской летописи (в котором будет не хватать только начала Предисловия к «Повести», сохранившегося в Н4Л).

И. А. Тихомирову, выступившему в 1876 г. с работой «О сборнике, именуемом Тверской летописью», нужно было выбирать между двумя точками зрения. Он решительно примкнул к точке зрения В. О. Ключевского, дополнив ее указаниями на то, что заголовок «Предисловие Летописца...» «вставлен, по всей вероятности, составителем сборника».¹⁶ Рассказ о кончине Михаила Тверского сборника он считал, вслед за В. О. Ключевским, частью одной и той же «Повести о Михаиле», имеющейся в Тверском сборнике.¹⁷ Следовательно, в Тверском сборнике под 1402 и 1399 гг. стоит именно «Повесть о Михаиле», а не «Летопись княжения Тферскаго». Эта «Повесть» просто перерезается заголовком, вставленным составителем либо всего Тверского сборника, либо второй его части, переставившим обе части «Повести».

Итак, казалось бы, мы получили ответ на заданный нами вначале вопрос: после заголовка «Предисловие Летописца княжения Тферскаго» в Тверском сборнике идет Предисловие к «Повести о Михаиле», за ним же — именно эта «Повесть», только разорванная и сокращенная поздней рукой. И Борис Александрович заказывал в данном случае не летопись времени Михаила, а повесть о нем. По сути дела, ошибка А. Ф. Бычкова была очевидна еще в 1870-х годах, однако эта очевидность была забыта, а вопрос о заказе Бориса усложнен. Из небольшой ошибки А. Ф. Бычкова родились сложные, но ошибочные построения.

Как известно, И. А. Тихомиров ограничивался статическим анализом «внутреннего состава свода, разложением его на первоначальные источники — погодные записи и сказания» как на некие «неделимые элементы».¹⁸ Поскольку масса погодных записей, составляющих основу летописи, оставалась нерасчлененной, то на этом закрывался дальнейший путь исследования летописи. И Тихомиров, естественно, сосредоточивал свое внимание на том, чтобы изучать «сказания (повести и жития), вошедшие в Тверской сборник, отдельность которых несомненна и неоспорима».¹⁹ Таким образом, для И. А. Тихомирова «Повесть о Михаиле» оставалась одним из специальных объектов изучения. Этим и объясняется правильность его взглядов относительно «Повести».

¹⁶ ЖМНП, 1876, № 12, стр. 279—280.

¹⁷ О сборнике, именуемом Тверской летописью, стр. 280. Об одном, наиболее важном наблюдении И. А. Тихомирова скажем далее.

¹⁸ А. А. Шахматов. Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси северо-восточной». Отчет о сороковом присуждении наград гр. Уварова. Записки Академии Наук по историко-филологическому отделению, 1899, т. IV, № 2, стр. 233, 236. Мы, разумеется, не задаемся целью оценивать и рассматривать полностью ни работу И. А. Тихомирова, ни работы А. А. Шахматова, о которых пойдет речь. Рассматриваем их, как и работу А. Н. Насонова, только в части, содержащей данные для решения интересующего нас вопроса.

¹⁹ И. А. Тихомиров. О сборнике, именуемом Тверской летописью, стр. 273.

А. А. Шахматов, как известно, указал на ту единицу, изучение которой выводило исследователя из хаоса сплошной массы погодных известий: он ввел современное понятие летописного свода. Работа А. А. Шахматова «Разбор сочинения И. А. Тихомирова» принесла с собой полный разгром старого направления в изучении летописания. Удар был так силен, что и частные верные выводы И. А. Тихомирова по «Повести» были сметены вместе с основными его выводами. Вместе с тем эта работа А. А. Шахматова открыла собой ряд таких работ, в которых интересующий нас текст Тверского сборника рассматривался все более только по ходу изучения тверских летописных сводов, изучался только в зависимости от задач их исследования, и в которых из-за этого все менее уделялось вниманию сопоставлению этого текста с «Повестью» других летописей.

Кроме того, А. А. Шахматов при всей новизне его метода в конкретных вопросах, естественно, исходил из тех данных, которые были добыты его предшественниками, а значит, иногда и из их ошибок. В той же работе А. А. Шахматов по интересующему нас вопросу отправился от вывода А. Ф. Бычкова, будто в основе второй части Тверского сборника лежит заказанный Борисом Александровичем «Летописец княжения Тферскаго», «Предисловием» которого якобы и является изучаемый нами текст. «Ниже я попытаюсь доказать, — писал А. А. Шахматов, — что эти известия (XV в. о Твери, — Б. Д.) примыкали к историческому памятнику, нашедшему себе место в Тверском сборнике, — к тем статьям его, которые г. Тихомиров признает отрывками из жития великого князя Михаила Александровича и которым в Тверском сборнике предшествует предисловие с заглавием: „Предисловие летописца княжения Тферскаго...“».²⁰

Так получилось, что статья И. А. Тихомирова, неверная в основном, оказалась правильной в частностях (в теме «Тверской сборник» наблюдения над «Повестью о Михаиле» были лишь частностью). Вызванная же этой статьей рецензия А. А. Шахматова, наоборот, верная в целом, оказалась ошибочной в части, касающейся «Повести», и вытеснила из научного оборота верные наблюдения над ней И. А. Тихомирова.

Поэтому нам необходимо будет разобрать аргументацию А. А. Шахматова, дабы подтвердить только что сказанное, а затем обосновать правильность ответа на разбираемый вопрос, имевшегося до работы А. А. Шахматова, применяя новые доказательства или конкретизируя уже известные.

А. А. Шахматов стремился ответить на вопросы-возражения, обращавшиеся к А. Ф. Бычкову, ответить так, чтобы учесть серьезные фактические основания этих вопросов и в то же время сохранить «Летописец княжения Тферскаго» как особую летопись, заказанную Борисом Александровичем.²¹ Мы видели, что одним из возражений А. Ф. Бычкову было указание на несоответствие заголовка тексту, стоящему под ним, на то, что нет у «Летописца княжения Тферскаго» своего предисловия, что на его месте стоит Предисловие к житию Михаила и само это житие.

²⁰ А. А. Шахматов. Разбор..., стр. 199.

²¹ Однако обилие фактов, противостоящих такому сохранению, заставляло А. А. Шахматова колебаться, менять частные решения, в которых так или иначе давала себя знать неверность исходной позиции. И в конце концов он так и не отказался от «Летописца княжения Тферскаго», но и не доказал его существования и не опроверг всех доводов против него. В последней работе, где он затрагивал вопрос о «Повести», — в «Отзыве об издании Н. П. Лихачева „Инок Фомы Слово похвальное“» (СПб., 1909), А. А. Шахматов выставил лишь несколько кратких тезисов, так и не образовавших законченного генеалогического построения, нуждавшихся в дальнейшем доказательстве и объяснении.

А. А. Шахматов попытался отвести это возражение следующим аргументом: «Надо обратить внимание на то, что в предисловии, читаемом в Новгородской IV летописи, говорится о житии Михаила (...от жития...), а в предисловии, помещенном в Тверском сборнике, упоминается о каком-то другого рода или характера произведении (...от слова честь...). Если мы сообразим это обстоятельство и сопоставим его с заглавными строками, свидетельствующими, что мы имеем дело с предисловием не жития, а летописца, то»²² следует вывод, что Борис заказывал летопись.

Как видим (ср. стр. 122), из сопоставления данных слов Н4Л и Тверского сборника возможны прямо противоположные заключения. Но все дело в том, что обозначение заказа автору в Н4Л соответствует и тексту этой летописи, и тексту Тверского сборника; этим и расшифровывается смысл выражения «от слова честь»: оно дает лишь более риторическое определение последующего текста как текста жития. Такое истолкование выражения «от слова честь» подтверждается и тем планом произведения, который намечен в Тверском сборнике; это истолкование учитывает все данные текста «Повести» и Н4Л, и Тверского сборника, а не опирается лишь на заголовок последнего и соотнесенные с ним, вырванные из контекста выражения.

Аргумент А. А. Шахматова основан на той посылке, что заголовок соответствует идущему за ним тексту. Но налицо, напротив, несоответствие. Это несоответствие, лишаящее права судить о тексте, исходя из заголовка его, и сопоставлять выражение «от слова честь» с заголовком, не устраняется ни принятием точки зрения А. Ф. Бычкова, ни принятием точки зрения А. А. Шахматова.

А. Ф. Бычков, считая, что заголовок соответствует тексту, определил «Летописец княжения Тферскаго» как летопись, обнимающую княжение Михаила. Несоответствие сейчас же обнаружилось: в заголовке говорится о «Летописце княжения... великих князей тферских», а не одного Михаила. А. А. Шахматов попытался устранить это несоответствие. «Летописец княжения Тферскаго» обнимал, писал он в 1899 г., «события трех княжений — Александра, Михаила и Ивана», т. е. в основной своей части доходил до 1425 г.²³ Таким образом, Шахматов полагал, что после заглавия и общего вступления к летописи «Летописец» открывался беглым обзором событий княжения Александра Михайловича, только часть этого обзора была вырвана отсюда позднейшей рукой и переставлена вперед, до заглавия (см. стр. 135). Но это только обнаружило с новой стороны общее несоответствие заголовка идущему за ним тексту: в тексте говорится, что Борис заказывал «от слова честь премудраго Михаила», а не нескольких князей.

Второй аргумент А. А. Шахматова против того же возражения А. Ф. Бычкову, о котором говорилось выше, заключался в ссылке на особый характер «Летописца княжения Тферскаго». «Думаю, — писал А. А. Шахматов, — что г. Тихомиров прав только отчасти: до нас путем сборника действительно дошли отрывки из жития Михаила, но сам составитель сборника внес в него не житие Михаила, а Тверскую летопись, где между прочим находились отрывки этого жития».²⁴ Это было верно в том отношении, что составитель Тверского сборника, по всей вероятности,

²² А. А. Шахматов. Разбор..., стр. 220.

²³ А. А. Шахматов. Разбор..., стр. 232. В труде «Общерусские летописные своды XIV и XV веков» А. А. Шахматов продолжал так же определять объем «Летописца княжения Тферскаго» (ЖМНП, 1900, № 9, стр. 175 и др.).

²⁴ А. А. Шахматов. Разбор..., стр. 218.

имел дело с «Повестью», уже включенной в летопись. Но какую именно летопись, содержащую «Повесть», использовал он, какова она была по своему характеру? А. А. Шахматов дает такой ответ: «В начале XV в., по распоряжению епископа Арсения, составлено житие Михаила, в середине же этого века, по распоряжению князя Бориса Александровича, сочинена Тверская летопись, существенную часть которой составило житие Михаила Александровича: из этого жития заимствовано предисловие, несколько измененное (обращения к Борису Александровичу «твое боголюбие», «честнаа главо» заимствованы, — бесспорно верно замечает в примечании к сему А. А. Шахматов, — из предисловия к Житию, где они относились к епископу) и распространенное, из него же заимствованы и другие части: историческая и риторическая (т. е. об обстоятельствах рождения Михаила и его отца — первая, характеристика правления Михаила — вторая, — Б. Д.), содержащие похвалу князю. Итак, в Тверском сборнике за указанным предисловием следует не житие Михаила Александровича, как думает г. Тихомиров, а отрывки из „Летописца княжения Тферскаго“, в который входило и интересующее нас житие».²⁵

Доказательство этого положения А. А. Шахматов формулирует так: «Действительно, странно было бы начинать житие Михаила Александровича с княжения Александра Михайловича и излагать в нем подробности о Щелкановщине».²⁶ А летопись, заключающая в себе отрывки из жития, — это явление обычное. Однако более пристальный анализ и колебания в вопросе о характере «Летописца княжения Тферскаго» привели затем А. А. Шахматова почти к отказу от этого своего аргумента. В 1900 г. он говорил о характере «Летописца»: «Этот летописец по всем соображениям состоял из двух частей: первой — жития великого князя Михаила Александровича и второй — описания первых лет княжения Ивана Михайловича со следующим затем кратким хронологическим перечнем тверских и далее московских событий XV века».²⁷ И дальше еще более решительно говорится: «„Летописец княжения Тферскаго...“ в основной своей части был не летописью, а исторической повестью о жизни великого князя Михаила Александровича...»²⁸ (разрядка наша, — Б. Д.).

Ни одной другой такой летописи, которая также в своей основной части представляла бы собой житие, не существует. Но зато существует житие Михаила Александровича в Никоновской летописи, о котором невозможно сказать, что это — что-либо иное, а не житие, хотя в начале оно и содержит исторические сведения об отце Михаила. Оно так и озаглавлено: «Повесть древняя, списана о жити великаго князя Михаила Александровича...».²⁹ Сопоставление ее с текстом Тверского сборника опровергает оба аргумента А. А. Шахматова.

²⁵ А. А. Шахматов. Разбор. ., стр. 220—221. Перед тем как сделать этот вывод, А. А. Шахматов неосновательно противопоставляет свой вывод о «Повести» в целом выводу В. О. Ключевского. Последний считал, что тот вид «Повести», который имеется в Тверском сборнике, составлен при Борисе, но что первичный вид «Повести» написан был ранее, близко ко времени Михаила. В том, что «Повесть» существовала еще до Бориса, выводы обоих исследователей как раз совпадают, но они противоречат друг другу в том, что именно заказывал Борис.

²⁶ А. А. Шахматов. Разбор... , стр. 221.

²⁷ А. А. Шахматов. Общерусские летописные своды... ЖМНП, 1900, № 9, стр. 174.

²⁸ А. А. Шахматов. Общерусские летописные своды... ЖМНП, 1900, № 9, стр. 144.

²⁹ ПСРЛ, т. XI, стр. 175.

В «Повести о Михаиле» Никоновской летописи, как это вообще обычно для «повести о житии», после краткого вступления изложение начинается с сообщения сведений о родителях Михаила и об обстоятельствах его рождения: «Тогда бо отцу его великому князю Александру Михайловичу по Щелканове... убиении не могушу в своей отчине во Тфери жити... и сице отъиде в Псковь, и тамо родися ему сын, князь Михайло...».³⁰ По тем же самым причинам и составителю «Повести о Михаиле» Тверского сборника понадобилось начинать изложение с Александра Михайловича и событий Щелкановщины.

В Тверском сборнике от слов «Мы же елико многа без лености» (стлб. 464) и кончая словами «наипаче же елми к богу веру в делех стяжа» (стлб. 465) идет последняя часть Предисловия к «Повести о Михаиле». Она написана составителем именно того вида «Повести о Михаиле», который имеется в Тверском сборнике, так как она не находит себе соответствия в том Предисловии к «Повести о Михаиле», которое сохранилось в Н4Л. Эта часть не могла также содержаться в том первичном виде Предисловия к «Повести о Михаиле», из которого писец протографа Н4Л заимствовал только начало, а составитель «Повести» Тверского сборника взял середину и конец, послужившие ему основой для создания нового вида Предисловия (почему это так — об этом ниже). Таким образом, написанное в этой части более всего дает нам возможность определить, какой задачей руководствовался этот составитель, что именно он хотел написать. И как раз в этой части он сообщает о той «программе» своего труда, по которой он искал материал в «Русском гранографе» (программе) явно житийного труда, которую впервые заметил, как мы уже говорили, В. О. Ключевский. Наблюдение последнего получает, следовательно, новую опору.

И уже в этой части Предисловия составитель говорит об Александре Михайловиче, поясняя тут же, зачем он это делает: «его же сын, сый пресловущи Михаил, о сем же слово начахомь».³¹ Произнося имя Александра, он спешит пояснить, что пишет он о Михаиле. Прежде всего в своей «программе» составитель, естественно, «обещал» рассказать, «когда родися» Михаил; по окончании последней части Предисловия он и начинает выполнять это обещание. Таким образом, последняя часть Предисловия к «Повести» в Тверском сборнике связана с последующим текстом без какого-либо перерыва, «переделки в летопись» и т. п.; это еще раз подтверждает, что дальше идет сама «Повесть о Михаиле».

Текст самой «Повести о Михаиле» в Тверском сборнике начинается с той же цепи фактов, что и в «Повести о житии Михаила» Никоновской летописи: «Зачало рождения его сице глаголеть, яко дръжавному Александру владеюще землею Рускою...» (следует перечисление земель, на которые якобы распространялась власть Александра), «и бысть попущением божием в тыи дни възмогша иноплеменищи, глаголемии татарове, и на сего Александра завистию вземшеса... и Шевкал... приходит в православный град Тверский...» (следует изложение событий Щелкановщины).³² Далее составитель переходит к той цели, ради которой и понадобились ему описания событий Щелкановщины и судьбы Александра, к той же цели, по которой упомянул о них и составитель «Повести» Никоновской летописи: Александр «отъиде въ град свой Псков, и татарове же, Александру не сущу в Тфери, отъидоша в свою землю. Александрови

³⁰ ПСРЛ, т. XI, стр. 175.

³¹ Тверской сборник ПСРЛ, т. XV, стлб. 465.

³² ПСРЛ, т. XV, стлб. 465—466.

же князю в Псковской земли, ту, в велице Пскове, родися ему сынъ, съй преславный Михаил, о немже и слово грядет».³³ Снова составитель напоминает, чтобы читатель за распространенным описанием событий Щелкановщины не потерял из виду основной темы повествования, и тем самым подтверждает нам снова, что и здесь продолжается текст «Повести о Михаиле».

«Озбяз же... лестию призва к себе Александра, и уби его... Благодарному же сынови его Михаилу детьску сушу оставшюся...».³⁴ Сравним вновь с Никоновской. Там и тут налицо разные редакции «Повести о Михаиле», их авторы проводят разные идеи в своих произведениях, поэтому в Тверском сборнике распространено изложение Щелкановщины, а в Никоновской дается пространное описание поведения Александра непосредственно перед убийством его в Орде. Но и тут все подводится к тому, что «посла царь во Тферь, призва Александра к себе, и убиен бысть во Орде и с сыном своим Феодором. Другому же сыну его, князю Михаилу, младу зело, 9 лет сушу...».³⁵

Один и тот же круг фактов времени княжения Александра Михайловича понадобился обоим составителям для того, чтобы рассказать о рождении Михаила, о его отце, о том, почему Михаил, будучи наследником великого князя Тверского и Владимирского, властителя над всей Русью, оказался с самого рождения изгнанником, о том, как он рано осиротел, и в конечном счете вызвать сочувствие читателя к герою написанных ими биографий.

Итак, мы убедились в том, что изложение событий детства Михаила было принято за летопись княжения Александра, что в тексте Тверского сборника налицо «Повесть о Михаиле», а не летопись, начинающаяся со времени Александра, и не летопись времени Михаила. Здесь, напротив, в части описания Щелкановщины была переработана для нужд составления «Повести» какая-то тверская летопись, существовавшая еще до появления свода Бориса Александровича.

Мы разобрали единственное место спорного текста Тверского сборника, которое явно восходит к летописному источнику и потому может быть принято за летопись. Дальнейший текст, вплоть до слов о Семене Дмитриевиче Суздальском, тем более не подходит под такое определение. Далее в Тверском сборнике, опять-таки как и в Никоновской, говорится об отдаче Михаила в учение, о том, каким добродетельным он был еще в детстве. Затем в «Повести» Никоновской летописи рассказ переходит сразу в хвалебную характеристику правления и поведения Михаила, «егда же сяде на отчине и на дедине своей».³⁶ Ту же характеристику, со значительными фразеологическими, иногда буквальными совпадениями, встречаем и в конце рассматриваемого текста Тверского сборника.³⁷ Между нею и рассказом о добродетельной юности Михаила в Тверском сборнике идут два эпизода, которых нет ни в Никоновской, ни в других вариантах «Повести о Михаиле», но относительно их принадлежности не к летописи, а к «Повести о житии Михаила» не может быть сомнений. Где как не в житии Михаила следовало рассказать подробно о его женитьбе? И в полном соответствии с тенденцией трогательного приукрашивания образа Михаила в «Повести» Тверского сборника находится второй эпизод, рассказывающий о том, как сирота-изгнанник, возмужав, вопреки

³³ ПСРЛ, т. XV, стлб. 466.

³⁴ ПСРЛ, т. XV, стлб. 466—467.

³⁵ ПСРЛ, т. XI, стр. 176.

³⁶ ПСРЛ, т. XI, стр. 176.

³⁷ ПСРЛ, т. XV, стлб. 469—470.

проискам завистников, с помощью божией достигает престола. Никаких следов переработки в летопись в этой (следующей после сообщения о смерти Александра) части «Повести» также не обнаруживаем. Следовательно, о летописном тексте можно говорить только после характеристики правления Михаила, заканчивающей здесь первую половину «Повести о Михаиле».

Обратимся теперь вновь к Предисловию «Повести» Тверского сборника. А. А. Шахматов, как мы видели (стр. 126), считал, что оно заимствовано из «Повести о Михаиле», заказанной епископом Арсением, но приспособлено здесь к новой задаче — открывать собой «Летописец княжения Тферскаго». Так же думает и М. А. Ильин: в своде Бориса Александровича «Повести» «придано было новое предисловие с определенной целью — возвелить род князей тверских».³⁸

Сам А. А. Шахматов, отметив, что Предисловие, имеющееся в Тверском сборнике, сделано на основе протографа Предисловия, сохранившегося в Н4Л, указал путь для опровержения собственного мнения, высказанного в связи с этим. Указание А. А. Шахматова использовал³⁹ и развил в общем в верном направлении А. Д. Седельников. Он констатировал, во-первых, что то же Предисловие, что и в Н4Л, «в урезанном виде (начиная со слов «Мудраа основания твердости...», — поясняет он, — Б. Д.) и с порчей смысла ради новой задачи» имеется и в Тверском сборнике;⁴⁰ во-вторых, что «перед автором Предисловия стояла задача написать вообще „от жития“, т. е. проделать труд, по приемам близкий к агиографии»; в-третьих, что «с этой стороны ближе стоит к Предисловию... тот текст, который сопровождает его вторичную редакцию в Тверском сборнике». В последнем же, по его мнению, «дальше вслед за текстом, отвечающим прежнему предисловию, идет, действительно, своего рода житие — панегирик Михаилу Александровичу».⁴¹ Таким образом, А. Д. Седельников считал, что в Тверском сборнике налицо именно «Повесть о Михаиле» и предназначенное именно для нее Предисловие, и он отказался от мнения А. А. Шахматова, что это Предисловие в Тверском сборнике переработано в предисловии к летописи.

А. Д. Седельников поставил также важный вопрос: «в каких генетически отношениях к Предисловию находится краткое „сказание“ IV-ой Новгородской летописи и житие-панегирик Тверского сборника?».⁴² Но ответ на этот вопрос дал в общем несколько неожиданный: «Очевиднее всего то, что Предисловие лишь присоединено к сказанию (краткому) и принадлежит другому автору».⁴³ (Что Предисловие механически присоединено к «Повести», имеющейся в Н4Л, составителем этой летописи, а не данного вида «Повести», нам представляется, в отличие от дальнейшего,

³⁸ М. А. Ильин. Тверская литература XV в., стр. 28.

³⁹ А. Д. Седельников. Из области литературного общения в начале XV века (Кирилл тверской и Епифаний «московский»). ИОРЯС, т. XXXI, 1926, стр. 161. Работа А. Д. Седельникова получила сплошь отрицательный отзыв в вышеуказанной работе М. А. Ильина (стр. 25, 28—29). Основной ее тезис — о принадлежности Предисловия к житию перу Епифания Премудрого, а заказа на самое житие (в одном из его первичных вариантов) не Арсению, а «Корнилию-Кириллу» — представляется нам, как и М. А. Ильину, совершенно необудительным, но М. А. Ильин не заметил всего того положительного, что внес своей работой А. Д. Седельников в изучение «Повести о Михаиле», помимо этого тезиса.

⁴⁰ А. Д. Седельников. Из области литературного общения..., стр. 160—161.

⁴¹ А. Д. Седельников. Из области литературного общения..., стр. 161—162.

⁴² А. Д. Седельников. Из области литературного общения..., стр. 161. «Кратким сказанием» А. Д. Седельников называет «Повесть о преставлении Михаила», имеющуюся в Н4Л, Воскресенской и других летописях.

⁴³ А. Д. Седельников. Из области литературного общения..., стр. 161.

беспорным). «Компилятор, писавший по повелению великого князя Бориса, мог использовать в числе других источников житие, не вошедшее почему-либо в IV-ю Новгородскую и другие летописи... Но не менее вероятно (?!) и другая возможность: обещанного Предисловием жития могло не существовать вовсе, так как автор не исполнил обещанного»,⁴⁴ т. е. выходит, что Предисловие столь же механически, за исключением переработки, связанной с переменной заказчика, присоединено и к тексту «Повести» в Тверском сборнике. А. Д. Седельников, высказав верную мысль о первой возможности, слишком рано прервал сопоставление текстов Н4Л и Тверского сборника и обратился на путь поиска автора Предисловия и заказчика «Повести» без предварительного полного текстологического анализа всех имеющихся текстов «Повести о Михаиле», воспользовавшись для этого гораздо менее вероятной второй возможностью.

Что существовало только «одинокое предисловие», а «Повести», для которой оно было написано, не было, А. Д. Седельников подтверждал доказательствами двух родов. «Замечательно, что Предисловие вошло со временем в летописи московского происхождения (IV Новгор., Воскрес.), куда попало не из тверского источника; в частности, нет его в тверском своде 1412 г., имеющем распространенную редакцию Сказания (список — Рогожский летописец)».⁴⁵ Но в Воскресенской летописи Предисловия нет, оно вообще имеется только в Н4Л и, в измененном виде, в Тверском сборнике. Вторая часть последнего — памятник тверской, а что Предисловие попало в Н4Л не из тверского источника — это требует доказательства.

Судя по содержанию Предисловия и по тому, что составитель «Повести», работавший по заказу Бориса Александровича, заимствовал его не из Н4Л (о чем ниже), и, наконец, ввиду отсутствия его в С1Л (летописи действительно московской), что указывает на отсутствие Предисловия и в общем источнике С1Л и Н4Л, и в московских источниках последнего, — Предисловие попало в Н4Л именно из тверского источника. В Рогожском же летописце, как и в общем с ним тверском протографе Симеоновской летописи, его и не могло быть, так как в Рогожском и Симеоновской имеется распространенная «Повесть о преставлении Михаила», к которой Предисловие, говорящее о написании повести о житии Михаила, могло бы быть присоединено только по чистой случайности, подобно тому, как это произошло с краткой «Повестью о преставлении Михаила» в Н4Л.

Другого рода доказательства А. Д. Седельникова таковы: «автор не пошел дальше вводных фраз, чему причина довольно прозрачно высказана тут же: он не в состоянии привести ни одного рассуждения о личности почившего князя, лишь со стороны дивился его разуму и нраву...».⁴⁶ Значит, по мнению А. Д. Седельникова, Предисловие не только существовало без своей «Повести», но и само было недописано. Чтобы проверить это, а также и верность второго аргумента из этой группы доказательств, надо представить себе объем и структуру первичного вида Предисловия.

А. Д. Седельников, очевидно, считал, что оно состояло из двух частей: первой, сохранившейся только в Н4Л, и второй, начиная со слов «мудраа основания твердости и крепости стен...»,⁴⁷ сохранившейся и в Н4Л, и в Тверском сборнике до слов «всяко прощение в оглаголении

⁴⁴ А. Д. Седельников. Из области литературного общения..., стр. 162.

⁴⁵ А. Д. Седельников. Из области литературного общения..., стр. 162.

⁴⁶ А. Д. Седельников. Из области литературного общения..., стр. 162.

⁴⁷ Новгородская IV. ПСРЛ, т. IV, ч. 1, в. 2, 1925, стр. 386; ПСРЛ, т. XV, столб. 463.

место да примем от...».⁴⁸ В таком случае, действительно, создается впечатление, что Предисловие либо было не закончено, либо не сохранилось в полном виде. Но дело в том, что есть еще третья часть, начиная со слов «ради же поистинне великаго и неудобь скажима...»,⁴⁹ которая сохранилась только в Тверском сборнике. Причем, в отличие от четвертой части Предисловия «Повести» Тверского сборника, о которой мы говорили выше, эта третья часть входила в первичный вид Предисловия, ибо по своему содержанию неотделима от него.

Все Предисловие представляет собой два развернутые и переплетенные взаимно сравнения: автора — с пришельцем, пораженным видом прекрасного города, и Михаила Александровича — с этим городом. Чтобы пояснить все сказанное выше, нам придется разобраться подробнее в художественной ткани Предисловия и для этого привести дословно первую и вторую части его по тексту Н4Л:⁵⁰ «Егда единою видевый пришлец великаго града изрядное стоание, что убо хощет рещи о нем, но токмо же в собе видению дивится, и ко инем же глаголет: „видех убо аз преславное граду видение, о нем же по части несть ми съглаголати, преудивиша бо ми ся мудрая основания твердости и крепости стен, и утвержение врат, и сведение столп, и полат украшение, разум же не прииде ми ни ко единому ухыщрению, да тем не могу инем исповедати, ибо сам аз насладихся тоя неизреченныя красоты“».⁵¹

Итак, пришелец сам видел город, но не может о нем рассказать другим потому, что рассказывать по отдельным деталям невозможно — нужно говорить о целом, а целое он не может охватить разумом, не может сопоставить о нем единого, целостного представления, дать единое истолкование, настолько поразили его отдельные части города. Так что именно потому, что он видел город сам, он и не может о нем рассказать другим. В выделенном нами месте во всех списках Н4Л стоит «не»: «сам аз не насладихся», но в старшем списке древнейшего извода Н4Л, Новороссийском, это «не» отсутствует, и верить надо Новороссийскому списку, потому что вначале трижды говорится о том, что пришелец сам видел город: 1) «единою видевый пришлец великаго града изрядное стояние», 2) пришелец говорит другим: «видех убо аз преславное граду видение», 3) далее он говорит, что его удивили городские стены, палаты и т. д., значит он их видел. Дальнейший текст представит еще одно подтверждение этому. Конечно, проще была обратная формулировка: не видел сам, потому и не могу сказать. И все остальные переписчики Н4Л вставляли привычное «не» — не видел сам, не поняв сложного художественного приема составителя первичного вида Предисловия и разрушая тем самым его художественную ткань.

Далее идет раскрытие первого сравнения: автор — пришелец. «Яко же и се в том подобное вещи, отче отцем кюрил...»⁵² иже повелед ми еси написати от жития премудраго Михаила, боголюбца князя. То же выше силы и не досяжема умалению нашему; обаче же блости подобает, да не преслушание в нас обрящется. Молю твое боголюбство, честная главо, ибо сам чюдяся мужа разуму и нравом, и не могли единого рассужения во ум привести, ослушания же бояся, да еще от великих мног малая речем, всяко прощение в оглаголании место

⁴⁸ Новгородская IV. ПСРЛ, т. IV, ч. 1, в. 2, стр. 386; ПСРЛ, т. XV, стлб. 463.

⁴⁹ ПСРЛ, т. XV, стлб. 463.

⁵⁰ При этом отдельные места исправляем по Новороссийскому списку.

⁵¹ Н4Л, Толстовский список, л. 42—42 об.

⁵² Здесь идет тайнопись. Присоединяемся к мнению А. А. Шахматова: зашифровано имя Арсения, «кюр» превратилось в «Кюрила» — «Кирилла» у позднейших переписчиков.

да примем от священнаго верха».⁵³ Автор, подобно пришельцу, видевшему город, также сам видел Михаила. Выделенное нами место — четвертое подтверждение того, что это так. Все четыре подтверждения вместе со свидетельством Новороссийского списка говорят о том, что пришелец сам видел город и что автор — свидетель дел Михаила. Подобно пришельцу, автор именно потому, что он сам видел Михаила и его дела, не может создать целостного суждения о Михаиле, но, в отличие от пришельца, понуждаемый повелением епископа и боясь послушания, все же принимается за дело. Здесь кончается вторая часть Предисловия.

Следовательно, второй аргумент А. Д. Седельникова отпадает: автор не потому говорит о своем бессилии, что он «человек для Твери чужой, едва знавший тверского великого князя при жизни» и со стороны только дивился ему,⁵⁴ но именно потому, что, будучи очевидцем дел Михаила, хорошо их знавшим, он не может выразить все величие Михаила и его дел, настолько он ими поражен, настолько они велики, настолько слабы силы автора.⁵⁵ Предисловие в форме двойного сравнения имело своей задачей, с одной стороны, включить обычную для житий, но в данном случае более тонкую формулу авторского самоумаления, а, с другой стороны, с самого начала, еще до основного текста «Повести», поразить читателя величием Михаила, восславить его.

Мы сказали, что автор принимается за дело, но собственно в тексте, сохранившемся в Н4Л, это еще не сказано: автор только рассуждает: если он напишет, то пусть его не осудят, а простят. К тому же и второе сравнение (город — Михаил) еще только начало раскрываться и прославление Михаила, для которого необходимо это сравнение, только еще намечено, а между тем у автора уже запасено немало поводов для развертывания второго сравнения: твердость стен и прочее и прочее. Ясно, что Предисловие не могло так кончаться, да оно и не кончилось так: в тексте Тверского сборника, в том отрезке, который мы назвали третьей частью Предисловия, находим все недостающее. Прежде всего заметно, что последняя фраза Предисловия в Н4Л оборвана и ее непосредственное (с того же слова) продолжение налицо в Тверском сборнике, благодаря чему она легко реконструируется. «Прощение в оглаголения место да примем от священнаго верха,⁵⁶ ради же поистинне великаго и неудобь сказаема,⁵⁷ и основания бо сего на твердем сем христове камени веры, по реченному глаголом, иже николиже позыбаема бурею забвения, — еже о любви [к] церкве божиа Михаила реку самодержца».⁵⁸ Оказывается, автор надеялся получить прощение епископа вместо осуждения, ради великой любви Михаила к церкви, основанной «на твердом... камне веры».

⁵³ Н4Л, Толстовский список, л. 42 об. Если воспользоваться здесь Тверским сборником, то еще яснее: «и не могый (моги — *Забелинский список*) того единого разсуждения в ум привести» (ПСРЛ, т. XV, стр. 463), т. е. «того» именно, о котором он говорил ранее по поводу города.

⁵⁴ А. Д. Седельников. Из области литературного общения... стр. 162.

⁵⁵ Между прочим, уже вследствие этого отпадает гипотеза А. Д. Седельникова о Елифании Премудром как авторе Предисловия.

⁵⁶ Здесь пропускаем вставленное составителем Предисловия «Повести» Тверского сборника: он, переделывая текст в связи с переменной адресата, выражает надежду получить прощение «от руки» князя: «всяко прощения место да примем от богодарованная ти и неисклонная ти руки, благодетивый самодержче» (Тверской сборник, *Забелинский список*, л. 186 об.). При переделке утратился первоначальный смысл: «прощение вместо оглаголения» превратилось в бессмысленное «прощения место».

⁵⁷ Теперь нам понятно, что это значит. Если о делах Михаила и о нем самом невозможно рассказать по их величю, то и любовь этого князя к церкви тоже так велика, что «неудобь сказаема».

⁵⁸ До ссылки 56 — Н4Л, Толстовский список, л. 42 об., после — Тверской сборник, *Забелинский список*, л. 186 об.

Далее и идет прославляющее Михаила раскрытие сравнения Михаил — город: страх божий в твердом сердце Михаила — основа того града, благие нравы Михаила — стены его. Разъясняется окончательно, и почему нельзя «единого рассуждения привести» о Михаиле: «Кто бо может исцести мужа того? Многая бо и преславная съдеясая во днии блегов възраста его, елма же не многа ведуциим. Повелением же боголюбныя твоея дрѣзжавы,⁵⁹ богу наставляющу худость нашу, да убо отселе начаток поставим, а иже кто может множайшая вести, и болшая покажет».⁶⁰ Ясно, что перед нами часть Предисловия первичного вида. Вместе с тем ясно, что кончалось оно последней из приведенных фраз; здесь, наконец, автор Предисловия окончил свои колебания и приступал к изложению самой «Повести»: «отселе начаток поставим». Таким образом, получаем доказательство того, что следующая, четвертая часть Предисловия отсутствовала в его первичном виде и принадлежит уже составителю «Повести», заказанной Борисом, использовавшему до этого места Предисловие более ранней «Повести о Михаиле».

Следовательно, первичное Предисловие не было оборвано на вводных фразах, как полагал А. Д. Седельников, а было вполне закончено.

Основная редакция Н4Л составлена не позднее 1428 г.⁶¹ (начало Предисловия имеется во всех списках Н4Л), а «Повесть о Михаиле» Тверского сборника, судя по ее основной идее, заказывалась Борисом не ранее 1446 г., а может быть, и позднее.⁶² Составитель «Повести Тверского сборника» нашел первичное Предисловие не в Н4Л, ибо там не было 3-й части его. Учтивывая все это, представляется весьма сомнительным, чтобы вполне законченное Предисловие без каких-либо видимых причин (причины, указывавшиеся А. Д. Седельниковым, отпали) не было сопровождено «Повестью», для которой оно предназначалось, и имело в таком виде хождение около 20 лет. В то же время отмечавшееся сходство состава «Повести» Никоновской летописи и Тверского сборника (а первичное Предисловие несомненно предназначалось для «Повести о житии и преставлении Михаила», где и должно было «исцесть» дела «великого мужа») показывает, что, по всей вероятности, «Повесть», для которой предназначалась это Предисловие, должна была быть сходна с «Повестью» Никоновской летописи или с «Повестью» Лицевого свода (они близки друг к другу). Эти первичные Предисловие и «Повесть» находились в каком-то более раннем тверском своде, из которого сперва списал начало Предисловия составитель Н4Л, а затем из него же использовал «Повесть» и ее Предисловие составитель «Повести» Тверского сборника. Таким образом, оказывается верной первая возможность — использование им «Повести», не вошедшей в Н4Л, и неверной вторая возможность из высказанных А. Д. Седельниковым, как неверны и выводы его, идущие по линии этой последней (см. стр. 129—130).

Что же именно сделал с первичным Предисловием составитель, работавший по заказу Бориса Александровича? Списал ли он механически

⁵⁹ «Держава» — опять-таки замена, сделанная составителем «Повести» Тверского сборника. Слова Забелинского списка о том, что «не многие знают», сколько славных дел было во дни правления Михаила, — еще одно (пятое) подтверждение того, что автор первичного Предисловия хорошо (лучше, чем многие другие) знал Михаила и его дела. Это также еще раз подтверждает сказанное, в прим 55.

⁶⁰ Тверской сборник, Забелинский список, л 186 об.

⁶¹ Д. С. Лихачев Русские летописи и их культурно-историческое значение. М—Л 1947, стр 450

⁶² Полностью разбирать содержание «Повести» в рамках настоящей статьи мы не можем

только часть его, внеся лишь изменения в связи с переменной адресата, и столь же механически отбросил его начало, как полагал А. Д. Седельников, или он переработал его в «Предисловие Летописца княжения Тферскаго», как полагал А. А. Шахматов? Ни то, ни другое. Имел ли этот составитель перед собой вполне исправный текст первичного Предисловия — без «не» при «насладихся» (см. стр. 131) — или уже испорченный по непониманию этой вставки, но он, в отличие от переписчиков Н4Л, разобравшись в смысле сказанного составителем первичного Предисловия (либо заметил также получающееся от вставки «не» противоречие) и вполне сознательно вставил в свой текст это «не». Сознательно, так как он вообще последовательно провел в своем тексте более стандартную формулу авторского самоумаления. Он убрал всю первую часть Предисловия, где были указания на то, что пришелец сам видел город. Заменял «не могу инем исповедати» на «не могу [о] реченнем поведати». ⁶³ По первоначальному замыслу очевидец только другим не может выразить то, что сам знает и видел, здесь же получилось, что автор вообще не может рассказать то, чего он не видел и не знает. В целом у него получилось так: «Мудраа основания твердости и крепости стен... разум же не придет ни ко единому ухищрению». Потому («да тем») «не могу [о] реченнем поведати», что («ибо») «сам аз не насладихся тоя неизреченныя красоты, якоже и се в той подобныя вещи». ⁶⁴ Смысл получился такой: бывает так, что есть прекрасные вещи, но ничего о них не можешь сказать, если сам их не видел, так же и я ничего не могу сказать о Михаиле. Составитель, работавший по заказу Бориса Александровича, писал гораздо позже автора первичного Предисловия, он действительно не мог видеть Михаила, поэтому он сознательно разрушил сравнение автор—пришелец.

Как видим, когда составителю времени Бориса это было нужно, он довольно радикально и достаточно последовательно перерабатывал свой источник. Следовательно, третью часть первичного Предисловия и сравнение Михаил—город он сохранил тоже сознательно. Они понадобились ему, как и автору первичного Предисловия, для прославления Михаила. Значит, новое Предисловие, которое он делал, должно было открывать собой произведение, посвященное прославлению именно Михаила, а не трех великих князей тверских и не всего рода тверских князей.

Содержание же четвертой части Предисловия, написанной им самостоятельно, как мы уже видели ранее, подтверждает (авторская житийная программа), что новое Предисловие писалось им для «Повести о житии Михаила» и непосредственно предваряло собой ее текст («о нем же и слово начахомь»; см. стр. 127). Дополнить переработку старого Предисловия четвертой частью ему понадобилось для того, чтобы показать высокое происхождение Михаила и высокое положение его отца и тем самым уже здесь начать рисовать образ «сироты-изгнанника, наследника властителя всей Русской земли». Итак, и у Предисловия, и у самой «Повести» Тверского сборника имеются общие черты, они неразрывно связаны друг с другом. Предисловие предназначалось для этой «Повести». А. А. Шахматов был неправ: никакой переделки первичного Предисловия в «Предисловие Летописца княжения Тферскаго» составитель данного текста Тверского сборника не производил, и Борис ему этого и не заказывал, он заказывал «Повесть о Михаиле».

Подведем первый итог. Ни в пределах текста, занимаемого в Тверском сборнике Предисловием к «Повести», ни в пределах текста, занимаемого

⁶³ ПСРЛ, т. XV, столб. 463.

⁶⁴ ПСРЛ, т. XV, столб. 463.

там же самой «Повестью», не оказалось ни «Предисловия Летописца княжения Тферскаго», ни текста самого этого «Летописца». Мнение А. А. Шахматова об особом характере «Летописца» оказывается неверным: в Тверском сборнике, в пределах спорного текста (от заголовка до слов о Семене Суздальском), находится не летопись, переделанная из «Повести», а текст самой «Повести о Михаиле», вставленной, как обычно это имеет место, в летопись. Мы получили ответ на основной вопрос спора о взаимоотношении в тексте Тверского сборника между «Летописцем» и «Повестью».

Однако вопрос о том, что именно стоит в тексте Тверского сборника под 1402 г., не исчерпывает собой всех вопросов этого спора. Вторым является вопрос о том, что именно находится в Тверском сборнике под 1399 г., т. е. об отношении к «Повести о Михаиле» Тверского сборника рассказа о смерти Михаила, имеющегося в нем же. Этот вопрос касается нашей темы потому, что тесно связан с третьим вопросом спора — о самом заголовке «Предисловие Летописца», который имеется в тексте Тверского сборника.

Заголовок не только не соответствует тексту, но и находится не на месте — возражали А. Ф. Бычкову. Почему именно с 1402 г. начиналась летопись княжения Михаила, тем более Александра? Почему летопись эта начинается здесь после рассказа о смерти Михаила? Возражения такого типа, как и то возражение, что рассказ о смерти Михаила в Тверском сборнике принадлежит «Повести»,⁶⁵ А. А. Шахматов отвел тем, что связал материал второй части Тверского сборника в основном с двумя различными сводами: сводом 1499 г. и «Летописцем княжения Тферскаго», которыми, по его мнению, пользовался составитель второй части Тверского сборника (это положение одинаково присуще работам и 1899 и 1900—1901 гг.). Но составитель этот в разных местах второй части Тверского сборника, говорит А. А. Шахматов, в разной степени использовал свои два основных источника. «Определяя, что именно в Тверском сборнике восходит к этому первому источнику его (Летописцу княжения тверского), укажем, что до 1402 года, то есть до предисловия тверского летописца, из него могли быть заимствованы некоторые отдельные рассказы и небольшие заметки о тверских событиях, начиная с княжения Александра Михайловича... Далее к первому источнику восходит краткий рассказ о княжении Михаила Александровича и предшествующее ему предисловие, помещенные под 1402 г. (XV, 463—470),⁶⁶ некоторые части летописного рассказа о княжении Ивана Михайловича... и, наконец, те тверские (а частью и московские) известия XV века, которых нет в известных нам московских летописных сводах. Второй источник Тверского сборника в части до 1402 года включительно восстанавливается путем исключения из текста сборника только что указанных вставок из первого источника, а после этого года к нему должно возвести все то, что по тем или другим основаниям не может быть отнесено к первому источнику».⁶⁷ Таким образом, в части до 1402 г. составитель пользовался преимущественно сводом 1499 г., а после 1402 г. — преимущественно «Летописцем княжения Тферскаго».

Избрание гранью 1402 года было обусловлено не столько наблюдениями над текстом Тверского сборника (в действительности состав Сборника гораздо сложнее), сколько тем же предвзятым и неверным мнением о соответствии текста 1402 г. заголовку, открывающему его, и вытекающим

⁶⁵ Об этой точке зрения В. О. Ключевского и И. А. Тихомирова по данному вопросу мы уже говорили на стр. 122—123.

⁶⁶ Т. е. основная часть «Повести о Михаиле».

⁶⁷ А. А. Шахматов. Общерусские летописные своды... ЖМНП, 1900, № 9, стр. 145.

отсюда выводом о том, что «основное ядро» «Летописца княжения Тферскаго» лежит после и около 1402 г.⁶⁸ Сделав гранью 1402 год, А. А. Шахматов разрезал надвое текст «Повести», имеющийся в Тверском сборнике (точнее, закрепил генетически тот разрез ее на две части и постановку второй части перед первой, которые были сделаны рукой древнего компилятора). Основная часть «Повести», по мнению А. А. Шахматова, восходит (как мы читали в приведенной цитате) к «Летописцу княжения Тферскаго», а «рассказ о смерти Михаила Александровича (1399 г.) восходит непосредственно к своду 1499 г.»⁶⁹

В 1899 г. А. А. Шахматов еще считал, что первоначально было одно житие Михаила, к которому восходят в конечном счете и рассказ о смерти Михаила, имеющийся в Тверском сборнике под 1399 г., и рассказ о его рождении, детстве и пр., имеющийся там же под 1402 г., но что они попали в Тверской сборник разными путями и потому и стоят там под разными годами. «Может быть, — говорил он, — в Тверской летописи начала XV века читалось все житие Михаила, может быть, им оканчивалась эта летопись, но составитель ростовского свода (1419 г., — Б. Д.) заимствовал из него лишь несколько строк предисловия и конец жития — описание смерти князя. Сводчик Новгородской IV-й летописи внес все это в свой летописный сборник, тогда как московский сводчик 1499 года ограничился только рассказом о кончине князя, опустив предшествующие ему строки предисловия».⁷⁰ В этом виде, значит, рассказ о кончине и попал из свода 1499 г. в Тверской сборник. Подчеркиваем, в том же виде, в каком он (помимо Предисловия) читается в Н4Л. А составитель «Летописца княжения Тферскаго» взял из жития Михаила начало его — предисловие и «части историческую и риторическую» (см. стр. 126).

Однако включение в круг исследования А. А. Шахматова Никоновской и Симеоновской летописей, а, главное, логика развития исходных положений А. А. Шахматова, в основе которых лежала ошибка А. Ф. Бычкова, привели в работе 1900—1901 гг. к окончательному расчленению текста «Повести» Тверского сборника. В исследовании «Общерусские летописные своды» А. А. Шахматов писал об открытом им здесь Владимирском полихроне Фотия 1423 г., определяя его состав и расположение в нем материала: «Под... 1399 годом внесено было в полихрон житие вел. кн. Михаила Александровича Тверского и притом, по-видимому, вслед за рассказом о кончине этого князя, восходящим к Тверской летописи. Житие Михаила Александровича (оканчивавшееся особым от летописного описанием его смерти) было составлено... после 1410 года по распоряжению тверского епископа Антония. Присутствие этого жития в полихроне доказывается не только Никоновскою и Симеоновскою летописями, но и Новгородскою IV-ю, сохранившею предисловие к этому житию и поместившею его⁷¹ перед другим (летописным) рассказом о кончине Михаила Александровича (ср. IV, 359; начало летописного рассказа, со слов «По Госпожине дни»). Таким образом, в полихроне о кончине Михаила Александровича было два рассказа: один летописный, а другой житийный. Вот причина, почему большинство летописных сводов, ограничившись летописным рассказом (весьма, впрочем, обстоятельным), оставляло в стороне Михайлово житие».⁷²

⁶⁸ А. А. Шахматов. Разбор..., стр. 217.

⁶⁹ А. А. Шахматов. Разбор..., стр. 224.

⁷⁰ А. А. Шахматов. Разбор..., стр. 219.

⁷¹ В ЖМНП напечатано явно ошибочно — «е».

⁷² А. А. Шахматов. Общерусские летописные своды... ЖМНП, 1901, № 11, стр. 64.

Итак, один «сочинитель имел первоначально мысль написать только от жития премудраго Михаила боголюбца князя, причем, работая над этим житием, он исполнял поручение, данное ему тверским епископом Антонием (поставленным в 1410 г.). Но в княжение Бориса Александровича была задумана летопись о тверских князьях: сочинитель ее, говорящий о себе в предисловии и заменивший имя Антония именем князя Бориса, положил в основание житие Михаила Александровича, но дополнил его рассказом о княжении Ивана Михайловича»⁷³ и т. д. «Особое житие Михаила»,⁷⁴ составленное после 1410 г., попало через Владимирский полихрон и «Летописец княжения Тферскаго» в Тверской сборник, где и читается под 1402 г. Оно же через тот же полихрон попало в Никоновскую и Симеоновскую летописи. Третий же сочинитель неизвестно когда,⁷⁵ но во всяком случае до 1423 г., написал «летописный рассказ о кончине Михаила», который через тот же полихрон и далее — свод 1499 г. (вторую сокращенную редакцию общерусского свода — «полихрона», как называет его А. А. Шахматов) попал в Тверской сборник, где и помещен под 1399 г. Этот же именно «летописный рассказ» находится и в Н4Л, С1Л и Воскресенской летописи, куда он попал из того же Владимирского полихрона, но уже через посредство свода 1448 г.

Таким образом, А. А. Шахматов утверждал, что в Тверском сборнике — два разных памятника о Михаиле: «летописный рассказ» о кончине Михаила под 1399 г. и часть (без окончания) «особого жития Михаила» под 1402 г. Именно работа «Общерусские летописные своды XIV и XV веков» прибавила к старой ошибке А. Ф. Бычкова еще новую, оказавшую не меньшее задерживающее влияние на изучение «Повести». Расчленение материала данного варианта «Повести» лишило возможности исследовать этот вариант в его целом, так как поставило под сомнение имевшееся определение границ его текста, запутало вопрос о его взаимоотношениях с другими вариантами «Повести» и т. д. (например, по А. А. Шахматову выходит, что конец жития Михаила, имеющегося в Тверском сборнике под 1402 г., находится в Никоновской и Симеоновской летописях). Вследствие принятия мнения А. А. Шахматова о двух памятниках о Михаиле в Тверском сборнике, некоторые современные исследователи считают возможным, рассматривая «Повесть о Михаиле» Тверского сборника, вовсе не упоминать о наличии там рассказа о смерти Михаила, для них как бы ничего не существует до заголовка «Предисловие Летописца». Так поступает в вышеуказанной работе М. А. Ильин. С. К. Шамбинаго говорит: «В Тверском сборнике... осталось только два отрывка: жизнеописание до борьбы с дядей Василием и начало вокняжения Михаила».⁷⁶

Ошибочность этого расчленения материала варианта «Повести» Тверского сборника становится очевидна, если при исследовании пути «Повести» по летописным сводам уделить большее внимание сопоставле-

⁷³ А. А. Шахматов. Общерусские летописные своды... ЖМНП, 1900, № 9, стр. 175.

⁷⁴ А. А. Шахматов. Общерусские летописные своды... ЖМНП, 1900, № 9, стр. 163.

⁷⁵ В «Общерусских летописных сводах» А. А. Шахматов оставил без ответа этот вопрос, поскольку он здесь отказался от мнения об одной первичной «Повести о Михаиле». Изменив датировку появления первоначального «житийного рассказа» (а также и определение его заказчика), он не дал новой датировки «рассказу летописному».

⁷⁶ История русской литературы, т. II, ч. 1, стр. 245. Сделанный нами выше разбор текста «Повести» Тверского сборника и сличение его с «Повестью» Никоновской летописи показывают, что текст первой не является отрывочным и может содержать только мелкие пропуски, так как в нем налицо весь состав эпизодов, свойственный вообще «Повести о житии Михаила».

нию вариантов «Повести». Мы уже приводили (стр. 135) мнение А. А. Шахматова о распределении материала Тверского сборника между его двумя основными источниками и видели, что в пределах до 1402 г., согласно этому мнению, составитель второй части Тверского сборника пользовался обоими этими источниками. Значит, рассказ о смерти Михаила мог попасть в Тверской сборник и из того же свода, из которого была взята основная часть «Повести», стоящая под 1402 г., будь то «Летописец княжения Тферскаго» или какой-либо иной по своему характеру свод Бориса Александровича. В таком случае даже по схеме А. А. Шахматова возможна принадлежность данного рассказа о смерти Михаила к тому же самому, стоящему под 1402 г., виду «Повести», заказанному Борисом. А. А. Шахматов только по одной причине относит рассказ о смерти Михаила к другому источнику Тверского сборника: он относит к «Летописцу княжения Тферскаго» вообще те известия, «которых нет в известных нам московских летописных сводах». И в работе 1899 г. (см. стр. 136), и в работе 1900—1901 гг. (см. стр. 137) А. А. Шахматов относит рассказ о смерти Михаила к иному своду, нежели самую «Повесть», потому что считает этот рассказ тождественным с рассказом о том же в московских сводах. Это наблюдение появилось в работе 1899 г. и не было ни проверено, ни отменено в последующей «Мы, — писал А. А. Шахматов, — находим в Воскр. статью „О преставлении князя Михаила“; начинается она словами: „того же лета, по празднице госпожине дни, разболеся князь Михайло“. Ту же статью содержит Новгородская 4-я летопись, но начало ее несколько иное, так как здесь сохранилось краткое предисловие к житию... за этим предисловием самый рассказ начинается так же, как в Воскр.: „По госпожине дни, князь великий Михайло Александрович Тферьский разболеся“ В Тверском своде сохранился тот же отрывок, причем начало его тождественно с Воскр. летописью: „Того же лета, по госпожине дни...“. Естественно возникает предположение, что в рассмотренные три свода этот отрывок попал из одного общего основного источника, основного летописного свода; такое предположение тем естественнее, что во всех них отрывок этот следует непосредственно за рассказом о бое Витовта с Темир-Кутлумом, причем заглавие отрывка в Воскр. и Новг. 4-й одинаково читается вслед за... словами, которыми заключается перечень павших в бою литовских князей (перечень этот в Твер. сборнике... опущен)».⁷⁷

Но это наблюдение неверно, так как А. А. Шахматов ограничился учетом только начальной фразы и места рассказа в летописи. Сходство рассказов Н4Л (за вычетом Предисловия) и Воскресенской бесспорно. Но рассказ о смерти Михаила в Тверском сборнике как раз не сходен с рассказами остальных двух летописей. Это — другой рассказ, из другого жития о Михаиле. Мы не говорим уже о том, что оба рассказа различны совершенно по изложению, рассказ Тверского сборника имеет совсем иное окончание и не имеет той заключительной похвальной характеристики Михаила, которая есть в Н4Л. А наиболее важно то, что в рассказе Н4Л в центре внимания рассказчика — «завещание» Михаила, раздел уделов, им произведенный. В Тверском сборнике этот раздел исключен вовсе и внимание сосредоточено на назначении Ивана преемником Михаила. Соответственно различно построены и оба рассказа: одинаковые в основном по составу, что вызвано и одинаковостью описываемых событий, и одинаковостью жанра произведений, и, возможно, зави-

⁷⁷ А. А. Шахматов. Разбор... стр. 218. Отсутствие в Тверском сборнике перечня павших князей — первый сигнал о частичной неверности всего этого наблюдения.

симостью одного рассказа от другого, они различны по своему отношению к описываемым событиям. Автор рассказа Тверского сборника подробно говорит только о том, что было уже после того, как Михаил попрощался с детьми, «веля же последовати благым своим нравы, братолюбие имети».⁷⁸ По сравнению с тем, как детально описывается эта сцена в Н4Л и как обстоятельно там рассказано, что именно завещал своим детям Михаил, здесь, в Тверском сборнике, автор просто обходит эту сцену, глухо, скороговоркой сказав лишь только одну приведенную фразу. Он выбросил то, что обычно в древнерусских памятниках точно передавалось и сохранялось, — текст «завещания» Михаила, описание раздела уделов. Ему зато важно то, что после пострижения в монастыре Михаил призвал епископа Арсения и распорядился о вокняжении Ивана, и то, как объявил об этом Арсений народу; и что ответил народ (последнее — черта, редкая в памятниках древней Руси). Для автора же рассказа Н4Л ход событий как бы оканчивается с пострижением Михаила. После этого он кратко сообщает, что Михаил «пребыть в монастыри 7 днии, и в той же день преставися»,⁷⁹ и переходит к заключительной похвале Михаилу, отсутствующей, как мы уже сказали, в Тверском сборнике.

Ясно, что это два разных рассказа, что они написаны разными лицами и с неодинаковыми целями. Того «летописного» рассказа, который был во Владимирском полихроне и имеется в Н4Л, нет в Тверском сборнике.

А. А. Шахматов считал, что в Никоновской, Симеоновской и в Тверском сборнике (под 1402 г.) — одно и то же житие Михаила, только «в Симеоновской начало жития опущено»,⁸⁰ а в Тверском сборнике оно переработано в «Летописец». Поскольку выяснилось, что «Повесть» Тверского сборника не подвергалась такой переработке, то тем более (если верна шахматовская схема движения «Повести» по летописным сводам) она должна быть тождественна «Повести» Никоновской летописи. Отсутствующий же, по мнению А. А. Шахматова, в Тверском сборнике конец ее — рассказ о смерти Михаила — должен находиться в Никоновской и Симеоновской.

Однако сличение текстов «Повестей» Никоновской летописи и Тверского сборника показывает, что они представляют собой две разные редакции этого памятника, написанные разными лицами и с разными целями. Обе они сходны по своему составу, «Повесть» Тверского сборника несомненно составлялась на основе «Повести», сохранившейся в Никоновской летописи, но в них на каждом шагу встречаемся с различным отношением их составителей к одним и тем же фактам и явлениям.

Мы уже отмечали, что составитель «Повести» Никоновской летописи большое внимание уделил поведению Александра Михайловича после Щелкановщины, тогда как составитель «Повести» Тверского сборника, напротив, интересуется более всего его поведением во время событий Щелкановщины. И это не случайно. Для составителя «Повести» Тверского сборника главный враг Александра Михайловича, Твери и всей Руси — татары. Только они виноваты в событиях Щелкановщины, а затем и в гибели Александра. Щелкан с Азбяком все это сами задумали и провели, «завистью вземшися на сего Александра». Составитель не жалеет резких эпитетов при упоминании имен обоих: «нечестивый», «поганный», «окаянный», «лукавейший». Составитель же «Повести» Никоновской летописи иначе относится к татарам. Щелкан для него только «Щелкан

⁷⁸ ПСРЛ, т. XV, стлб. 460.

⁷⁹ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, в. 2, стр. 389.

⁸⁰ А. А. Шахматов. *Общерусские летописные своды...* ЖМНП, 1901, № 11, стр. 64, прим. 1.

Дюденевиц, братаничъ Азбяка Ординскаго царя».⁸¹ Ни одного резкого эпитета по адресу обоих он не дает. Азбяк даже выглядит у него благородным, он умеет оценить «сладость словес» и мудрость оправдывающегося смиренно перед ним Александра и сначала даже жалуется на него за это. Если он потом и убивает Александра с сыном, то это только потому, что «бе бо от неких оклеветани быша».⁸² И для составителя «Повести» Никоновской летописи все дело в этих «неких», а не в татарах.

Почему Александр после Щелкановщины не остался в Твери? Составитель «Повести», работавший по заказу Бориса, отвечает так: Александр спасает Русь и Тверь, уходя из Твери, отводит от них гнев татар, нависший над ним за его расправу над Щелканом, будучи не в силах одолеть Орду. «Святоучительный же епископ Андрей учаше православного не събирати воя, ни вопреки глаголати цареви. Его же послуша разсудительный, и отиде во град свой Пськов. Татарове же, Александру не сушу в Твери, и отъидоша в свою землю».⁸³ Составитель «Повести» Никоновской отвечает иначе: Александр ушел «не могущу в своей отчине, во Тфери, жить, татарского насилия и гонения тръпети, еще же и от братии своей, великих князей русских, разгласи и розмириа».⁸⁴ Уходит не из-за татар, а из-за русских «неких» князей, которые натравливали на него татар. Свои, русские, — главный враг Александра, они виноваты во всем, и в гибели Александра.

Отношение ко всей Руси в этих «Повестях» прямо противоположное: в Тверском сборнике все время подчеркивается роль и положение Александра во всей Руси, он заботится обо всей Руси, он представляет собой главу всей Руси. Для того чтобы погубить Русь, татарам надо прежде сломить Александра. В Никоновской же о Руси вообще ни слова, и, решая вопрос о том, идти или не идти ему к Азбяку, Александр заботится даже не о Твери (о Руси нет и помину), а о том, «что убо ми будет и детям моим?.. Дети мои лишени будут княжения своего».⁸⁵ Он заботится больше всего о своей династии, о своем наследственном праве. Дума — такая близкая сердцу не только многих князей, но каждого боярина-вотчинника.

Отношение к Москве также различное. В Тверском сборнике Иван Калита обвиняется только в том, что поддался силе татарской и свои счеты с Тверью поставил выше общерусского дела, пошел против своих вместе с врагом: после убийства Шевкала «татарове... видевше ся посрамлени, събрашеся множество бесчисленное татарь, с ними же Иван Московский грядяше и вож имь на грады Тверския бываше».⁸⁶ Он опустился до роли татарского проводника, но и только. Татары сами все начали. В Никоновской же автор «Повести» показывает, что дело было не в татарах, а в борьбе Ивана Калиты против Александра, и началось все с него. Азбяк пожаловал Александра великим княжением Тверским, а Калита снова восстановил против Александра татар и добился гибели его. Александр «прииде во Тферь на великое княжение, а с ним послы — князь Киндяк и Авдул... И отпусти сына своего князя Феодора с послы царевыми, с Киндяком и Авдулом, ко царю Азбяку во Орду; а с великим князем Иваном Даниловичем Московским не докончаша и мира не взяша; и пришедшу князю Феодору Александровичю Тферскому во Орду...

⁸¹ ПСРЛ, т. XI, стр. 175

⁸² ПСРЛ, т. XI, стр. 176.

⁸³ Тверской сборник, Забелинский список, л. 187 об.

⁸⁴ ПСРЛ, т. XI, стр. 175

⁸⁵ ПСРЛ, т. XI, стр. 175.

⁸⁶ ПСРЛ, т. XV, стлб. 466

а царь Азбяк уже zelo гневен на великаго князя Александра Михаиловича и на сына его Феодора, бо бе от неких оклеветани быша». ⁸⁷ Затем Азбяк призвал Александра и убил его вместе с сыном. Автор подает все в такой взаимосвязи, что становится ясно, что «некие клеветавшие» — это Калита и его люди, и те великие князья русские, от «розмириа» которых ранее Александр ушел из Твери, — это тоже Калита и его сторонники. Главный враг — Москва, а не татары, — хочет сказать автор «Повести» Никоновской летописи. Автор «Повести» Тверского сборника по этим вопросам противоположного мнения.

В Никоновской летописи подчеркивается роль в жизни Михаила новгородского архиепископа Василия как крестного отца и учителя, а в жизни Александра — митрополита Феогноста. В Тверском сборнике на месте Феогноста — епископ Андрей, о Василии вообще ни слова, Михаил учится не в Новгороде, а в Киеве. Мы уже упоминали о том, что в Тверском сборнике имеются два эпизода, которых нет в Никоновской (см. стр. 128—129).

В Никоновской «юношеские добродетели» Михаила сводятся только к нравственно-религиозным: «отрок... в церкви всегда обретаешя, детских же играний и глумлений отлучаешя, но всегда божественному писанию прилежаешя» ⁸⁸ и т. д. В Тверском же сборнике показывается, как наряду с изучением святых книг Михаил с детства учился делу правления княжеством. Михаил здесь «дружину благоумную совокупляше собе и с теми царьскими утешеньми благочинне веселяшяся. Иереи же и слугы церковныя в чти имяше, zelo же любляше иноческий чин... Наипаче же всегда поучашяся, како суды исправлявати и како обыдимыя и маломощныя от насилствуемых избавляти, и с мудрыми земля всегда всегда беседовашя». ⁸⁹ Сказано ясно: духовных почитал, но важнее этого для него было заботиться о народе. И советовался о том, как укоротить «насилствуемых» не с иереями, а с «мудрыми своей земли», принимая от иереев только благословение и молитву: их дело молиться, а не в правлении участвовать. А кто же эти «мудрые»?

Хвалебная характеристика правления Михаила имеется как в Тверском сборнике, так и в Никоновской и Симеоновской. Но если в двух последних эти характеристики сходны между собой (различия «Повестей» Симеоновской и Никоновской в данной связи не важны), то имеющаяся в Тверском сборнике резко отличается от них. Достаточно указать на то, что в Никоновской в качестве главного достоинства Михаила как правителя указывается, что он «наипаче же святители, яко самого Христа почиташе и любляше, и священники же и иноки паче князей почиташе», ⁹⁰ и далее подробно рассказывается, как «милостив бе на иноческий чин» Михаил. В Симеоновской говорится то же, но короче, без последующего подробного рассказа. ⁹¹ А в Тверском сборнике это место в характеристике правления Михаила вообще отсутствует и вместо этого главным достоинством Михаила как правителя признается то, что он «сладок же беяше дружине своей, яко не любляше злата, ни риз многоценных, но вся, елико имеяше, и сим подароваше, дружине своей». ⁹² Далее рассказывается подробнее о любви Михаила к дружине, причем видно, что это не просто риторическая похвала — перепев старинного мотива восхваления древне-

⁸⁷ ПСРЛ, т. XI, стр. 176.

⁸⁸ ПСРЛ, т. XI, стр. 176.

⁸⁹ Тверской сборник, Забелинский список, л. 188.

⁹⁰ ПСРЛ, т. XI, стр. 177.

⁹¹ Симеоновская летопись. ПСРЛ, т. XVIII, 1913, стр. 144.

⁹² Тверской сборник, Забелинский список, л. 189—189 об.

киевских князей, но что речь идет о конкретной дружине XIV—XV вв., о симпатиях Михаила к определенному социальному слою, а не к какому-либо узкому кругу его сподвижников. Речь идет об определенной «внутренней» политике Михаила. Становится понятным, кто эти «мудрые земли», о которых говорилось выше. В результате этой политики Михаила, говорит составитель, работавший по заказу Бориса Александровича, «сего ради... и двор его день от дне множайше крепляшеся».⁹³ Любый дворянин, «слуга вольный», захотел бы пойти на службу к такому князю, — так описана любовь его к ним в данной «Повести».

Не так легко найти в древнерусской литературе более резкую противоположность взглядов: «Михаил, как самого Христа, любил святителей, князей церкви», — уверяет писавший для епископа Арсения; «Михаил больше золота любил своих дружинников-дворян», — возражает ему перерабатывавший первичное житие для великого князя Бориса Александровича. Ясно, что и читатели, к которым обращался составитель «Повести» Тверского сборника, иные, чем те, на которых рассчитывал составитель «Повести» Никоновской. Различием социальных позиций составителей обеих «Повестей», из которых один писал с позиции бояр-вотчинников, а другой — с позиции дворян,⁹⁴ и объясняется противоположность их отношения к общерусскому единству, к Москве и к татарам, различие их представлений об идеале князя.⁹⁵

Итак, в Тверском сборнике под 1402 г. сохранилась другая «Повесть о Михаиле», нежели та, которая находится в Никоновской летописи и часть которой (хвалебная характеристика правления Михаила) сохранилась в Симеоновской. «Повесть о житии и преставлении Михаила» не просто переходила из одного летописного свода в другой, представляя собой при этом все ту же ее редакцию, как это было с краткой «Повестью о преставлении Михаила», которая именно так перешла из Владимирского полихрона — свода Фотия 1423 г. в Н4Л и С1Л и далее в Воскресенскую и другие. «Повесть о житии и преставлении Михаила» представлена разными редакциями в Никоновской и Тверском сборнике, третьей редакцией является сделанная на основе этой же повести распространенная «Повесть о преставлении Михаила» Симеоновской летописи и Рогожского летописца. Следовательно, она перерабатывалась многократно за время своего движения по летописным сводам. Поскольку в связи с этим шахматовская схема движения «Повести» по летописным сводам оказывается неверной, возможно, что и сами своды, в которых она находилась, были иными, чем думал А. А. Шахматов.

Возвратимся к рассказу о смерти Михаила Тверского сборника. Он не является тождественным и с рассказами о том же Никоновской и Симеоновской. Прежде всего он гораздо короче последних, хотя начинается с того же, что и они: с сообщения о приходе посланцев с иконой из Царьграда. В нем пропущен целый ряд эпизодов, имеющих в Никонов-

⁹³ ПСРЛ, т. XV, стлб. 469.

⁹⁴ «По летописи двор — это прежде всего совокупность военных слуг» (В. Т. Пашуто. Очерки истории СССР IX—XIII вв. 1953, стр. 288). Речь идет о XII в. В исторической науке термин «дворяне» принято употреблять часто в узком смысле слова — только для дворян-помещиков, т. е. для времени начиная с конца XV — начала XVI в., когда оформляется поместная система. Но это не мешает нам употреблять, вместе со специалистами по истории XII—XIII вв., этот термин в широком смысле слова: для всех видов служилых феодалов, т. е. владевших землей в качестве условных держателей.

⁹⁵ Мы не приводим всех доказательств в пользу этого утверждения, как и вообще не приводим всех возможных доказательств относительно содержания упоминаемых вариантов «Повести о Михаиле», поскольку это можно сделать полностью только в работе, специально посвященной «Повести о Михаиле».

ской и Симеоновской. Поскольку рассказ Симеоновской в основном сходен с рассказом Никоновской, за исключением 4 мест, не имеющих в данном случае значения, мы будем сравнивать Тверской сборник с Никоновской.

В Тверском сборнике, по сравнению с Никоновской, отсутствуют: размышления Михаила накануне встречи иконы и ночная молитва Михаила, в которых он, пока еще самому себе да богу, говорит о желании постричься в монашество; разговор Михаила с епископом Арсением наедине о том же; рассказ о смятении в городе при распространении известия о намерении Михаила постричься. Речь Михаила перед иконой сокращена и совершенно изменена по смыслу: в Никоновской Михаил опять-таки говорит о своем желании принять монашество: «да у тебе почюю, прежде даже не отъиду»,⁹⁶ а в Тверском сборнике он просит у бога сподобить его «неосужденно стати пред тобою на страшном... суде».⁹⁷ Совершенно изменена речь Михаила к народу по выходе из храма Спаса: в Никоновской он в ней сам всенародно назначает себе преемника, а в Тверском сборнике только просит прощения у народа, а у бога царствия небесного. Ответ народа в Тверском сборнике также отсутствует. Сцена пострижения Михаила Арсением в Тверском сборнике сокращена до одной фразы — сообщения о самом факте. О дальнейшем пребывании Михаила в монастыре в Тверском сборнике не упоминается. Зато в нем, в отличие от Никоновской, сам Михаил, уже после пострижения, сообщает епископу имя своего преемника, и уже епископ объявляет его народу. Весь дальнейший текст Никоновской, начиная с пострижения Михаила, начисто отсутствует в Тверском сборнике, где после этого сообщения идет гораздо более короткий и совершенно иной текст.

Итак, если оказалось, что в Тверском сборнике имеется особый, не сходный с прочими, рассказ о кончине Михаила и особый, не сходный с прочими, вид «Повести о Михаиле», у которого недостает конца, то следует считать доказанной отодвинутую в забвение авторитетом А. А. Шахматова догадку В. О. Ключевского и И. А. Тихомирова о том, что это части одного и того же произведения, разрезанного позднейшим составителем: «конец его он поместил под годом смерти Михаила, так как в последней части жития описывалась кончина князя, а начало жития он поместил дальше, не заботясь о хронологической точности».⁹⁸

Этот вывод подтверждается при рассмотрении следующих двух вопросов. Во-первых, если наш вывод неверен, то может ли рассказ о преставлении Михаила «Повести» Никоновской летописи или «Повести» Симеоновской летописи являться, как это утверждал А. А. Шахматов, отсутствующим в Тверском сборнике концом «Повести» этого сборника? И, во-вторых, если наш вывод верен, то подходит ли рассказ о смерти Михаила Тверского сборника в качестве окончания к «Повести» Тверского сборника?

Концом «Повести» Тверского сборника не может являться рассказ о преставлении Михаила «Повести» Никоновской летописи прежде всего потому, что в нем Михаил, прощаясь с народом, объявляет: «... се вам оставляю любимаго и старейшаго сына моего В а с и л и а, да будет вам князь в мое место...».⁹⁹

Иначе сказано в так называемом «Древнем летописце» — Лицевом своде эпохи Грозного. Но этот последний представляет собой особый летописный свод, хотя и имеющий в основе Никоновскую. Этот свод со-

⁹⁶ ПСРЛ, т. XI, стр. 179.

⁹⁷ ПСРЛ, т. XV, стлб. 459.

⁹⁸ И. А. Тихомиров. О сборнике, именуемом Тверской летописью, стр. 283.

⁹⁹ ПСРЛ, т. XI, стр. 181.

держит и особый вид «Повести о житии и преставлении Михаила», ближе всего стоящий к «Повести» Никоновской летописи, но содержащий существенные отличия от нее, представляющий собой особую редакцию «Повести», до сих пор исследователями этого памятника не изучавшуюся.

В окончании «Повести» Тверского сборника княжество не могло завещаться Василию, ибо в ней уделяется особое внимание Ивану Михайловичу. Эпизод о женитьбе Михаила, имеющийся только в ней, вставлен едва ли не исключительно с той целью, чтобы по возможности раньше направить мысль читателя к преемственности родовой линии великих князей Тверских Александра—Михаила—Ивана, проводивших якобы одну и ту же политику. Прославление Александра Михайловича нужно было составителю «Повести», работавшему по заказу Бориса Александровича, для того, чтобы тем сильнее прославить Михаила, сына властителя всей Руси, погибшего за дело защиты Руси от татар. Слава же Михаила должна осветить своими лучами и Ивана Михайловича, преемника и продолжателя политики Михаила, как она изображена в данной «Повести». При таком освещении прошлого читателю должны были быть ясны и величие и правильность политики Бориса Александровича, для которого работал наш составитель, фактического преемника и действительного продолжателя политики Ивана Михайловича (княжения Александра Ивановича и Юрия Александровича вместе продлились не более одного года и промелькнули как бы незаметно). Поэтому составитель «Повести» Тверского сборника и заканчивает рассказ о женитьбе Михаила следующей фразой: «И поят же благодарный Михаил дщерь великого князя Константина Евдокия благоумную, от нея же роди благоразумнаго Ивана, възлюбленнаго сына, его же възпита премудрено, наказаа страху божию и премудрости человечестей».¹⁰⁰ Это не просто пришедшаяся к слову похвала Ивану, а важное в общем замысле составителя, работавшего по заказу Бориса Александровича, место, играющее как бы роль «связи с современностью». Ясно, что и в окончании «Повести» Тверского сборника должно было уделяться особое внимание Ивану, тем более что там должна была идти речь о назначении преемника Михаила и его вокняжении.

В рассказе о преставлении Михаила, имеющемся в Лицевом своде и Симеоновской летописи, а также в той первичной «Повести о житии и преставлении Михаила», которая видна как общая первооснова и «Повестей» этих двух летописей и «Повести» Никоновской, Михаил назначает своим преемником Ивана. Но все же этот рассказ не мог являться окончанием «Повести» Тверского сборника. Поскольку этот рассказ, исключая замену имени Ивана на имя Василия,¹⁰¹ в основном тот же, что рассказ Никоновской, будем продолжать сопоставление текста Тверского сборника с этим рассказом по тексту Никоновской. Говоря о рассказе о преставлении Михаила Никоновской летописи, мы могли убедиться (см. стр. 143), что одним из главных его моментов является история пострижения Михаила, о котором автор напоминает на протяжении всего этого рассказа. Это также средство возвеличения Михаила, но уже присущее манере и идеологии автора «Повести», которую так радикально переработал составитель, работавший по заказу Бориса. Уделяя такое большое внимание пострижению Михаила, он добивается этим возвышения Михаила до ранга святого, намекая на возможность его канонизации. В первой части «Повести» Никоновской летописи пострижение Михаила основательно

¹⁰⁰ ПСРЛ, т. XV, стлб. 468.

¹⁰¹ Другие отличия «Повести» Никоновской летописи от «Повести» Лицевого свода и Симеоновской летописи в данной статье нам не важны.

подготовлено, и к мысли о святости Михаила читатель подводится вполне последовательно. Мы видели (стр. 141—142), что автор характеризует юношу Михаила как аскета, что он подчеркивает в качестве главного достоинства Михаила-правителя его любовь к «священному чину», его заботу о священниках и монахах. Благодаря этому во второй части «Повести», в рассказе о преставлении Михаила, читатель уже совершенно подготовлен к словам о том, что Михаил, узнав о приходе посланцев с иконой от патриарха, «радости же духовных исполнился, бе бо всею душею ждый благословения и молитвы от святого патриарха, мысляще бо, яко да святого молитвою хотяше тещи в добрый путь... еже во иноческое житие, и възприати святого ангелскаго иноческаго образа, его же от многих лет горением сердца желаше, сего ради со слезами завидяше иноческому житию и, яко бо ангелы божиа, с любовию инока среташе».¹⁰² Михаил давно хотел пострижения, давно завидовал иноческому житию, потому и любил всегда и почитал монахов, «яко самого Христа и паче князей». Ясно, что «Повесть», оканчивающаяся тем именно рассказом о преставлении Михаила, в котором имеется только что процитированное место и в основе которого лежит идея о Михаиле-святом и история его пострижения, должна была бы содержать и все те упоминания об особой любви Михаила к монахам, которые есть в первой части «Повести» Никоновской летописи и Лицевого свода и в хвалебной характеристике правления Михаила, содержащейся в них и в Симеоновской летописи. Но мы уже видели (см. стр. 141—143), что составитель «Повести» Тверского сборника часть этих упоминаний выбросил, заменив их указанием на гражданские добродетели Михаила-юноши и подчеркнув в качестве его главного достоинства как правителя совсем другую, вполне светскую, черту. Следовательно, концом «Повести» Тверского сборника не может являться рассказ о преставлении Михаила «Повестей» Никоновской летописи, Лицевого свода и Симеоновской летописи, так как в противном случае «Повесть» Тверского сборника лишилась бы единства своего идейно-художественного замысла.

Обращая внимание на те же два момента: линию Михаил-святой, любящий монахов, и линию отношения к Ивану, как они отразились в рассказе о смерти Михаила Тверского сборника, мы видим, что именно здесь налицо соответствие отражению обеих этих линий в «Повести» Тверского сборника. Как в «Повести» Тверского сборника исключена линия Михаил-святой, так и в рассказе, стоящем там же под 1399 г., нет ничего, что было бы с этой линией связано. Напротив, Михаил дает здесь обед («вечеру велику») всем вместе: и «священному чину», и нищим, слепым, хромым, и всему народу; и составитель, возможно, полемизируя со своим предшественником, заставляет Михаила сказать на этом-то обеде: «Един путь, по нему же вси идем к создавшему нас».¹⁰³ У этого составителя Михаил, оказывается, не думает, что «священный чин» — особые люди, «ангелы божиа на земле», но утверждает, что все мы христиане: и монахи, и священники, и миряне.

Что же касается отношения к Ивану Михайловичу, то ни в одном другом варианте рассказа о смерти Михаила нет такого особого внимания к Ивану, как в рассказе Тверского сборника. Только в нем дважды говорится об Иване как законном преемнике Михаила: сначала сам Михаил говорит об этом епископу, только для этого (а вовсе не для разговоров о пострижении) и призвав последнего, а затем уже епископ, опять-таки

¹⁰² ПСРЛ, т. XI, стр. 177.

¹⁰³ ПСРЛ, т. XV, стлб. 459; Тверской сборник, Забелинский список, л. 185.

специально для этого созвав народ, объявляет всем имя Ивана: «„той бо есть благословень своим отцемъ, великим князем Михаилом, на великий стол града Тфери“. Они же реша: „многа лета великому князю!“».¹⁰⁴ Такой концовки нет ни в одном другом рассказе о смерти Михаила.

Итак, именно рассказ о смерти Михаила, стоящий в Тверском сборнике под 1399 г., является концом «Повести о Михаиле», стоящей там же под 1402 г.

Каков же был в таком случае состав «Повести о Михаиле», заказанной Борисом? Иначе говоря, вся ли она дошла до нас, или компилятор второй части Тверского сборника, поместив конец «Повести» под 1399 г., а первую ее часть под 1402 г., выбросил ее среднюю часть, в которой могли подробно описываться конкретные дела Михаила во время его великого княжения на тверском столе? Учитывая характер композиции княжеских житий того времени, такое предположение считаем маловероятным. Состав «Повести», заказанной Борисом, таков и был в общем, каким он дошел в Тверском сборнике. И он обычен, ибо, как заметил В. О. Ключевский о варианте Никоновской летописи, «по составу своему оно («Краткое житие Михаила», по терминологии Ключевского, — Б. Д.) совершенно одинаково с запиской о князе Ярославском Феодоре, написанной до Антония: беглый очерк жизни князя сопровождается вдвое более обширным описанием его кончины; только здесь, в житии Михаила, биографические черты гораздо живее и обильнее».¹⁰⁵ Такая же картина и в «Слове о житии и преставлении Дмитрия Ивановича, царя Русского»: конкретные дела князей в памятниках такого жанра вообще не описывались.

Компилятор второй части Тверского сборника не сделал крупного пропуса. В этом можно убедиться, сопоставив окончания первых половин «Повестей» Тверского сборника, Лицевого свода, Никоновской и Симоновской летописей. Во всех четырех «Повестях» хвалебные характеристики правления Михаила одинаково оканчиваются, хотя картина личного и семейного благополучия Михаила и благополучия всей Твери, которыми наслаждался Михаил в результате своего правления и своего хорошего нрава, и изображена различно.

Никоновская и Лицевой свод

Темъ же и господь бог возлюбил его, а многа благаа дарова ему, и славою и честью венча его, и в странах прослави. Сам бо рече: прославляющаго мя прославаю; темъ же и господь постави его во главу языком многим, и от всех стран собирахуся к нему, и сынове чуждии пороботаша ему, понеже он бога возлюбил, и бог его возлюбил.

Симоновская

Тем же и господь бог... возлюбил многа тому бещисленнаа блага дарова, славою бо и честью венчаи, и в странах прослави. Сам бо рече: прославляюще мя прославаю, и сему сбысться по пророку... и от стран к нему собирахуся, и сынове чужии пороботаша тому, и господь бо постави и во главу языком многым, и люди земля его веселиа и богатства исполни, и всегда веселитися ему сподоби, зря сыны своя окрест трапезы, яко новорасти маслинныя, по пророку,

Тверской сборник

Князю же ему, и вся, елико аще творяи, успеваше, по пророку, и господь бог възвыси и прослави рог Тверския земля, многаа благаа и земная възприать, яко же речеся

Быша бо ему сынове смьслени храбри, и доброволне повеселишася пред Господемъ о сыне сынов своих, и быше о всем добре изо-

¹⁰⁴ ПСРЛ, т. XV, стлб 460—461. В Толстовском списке: «Народ же рече: „Многа лета великому князю Иоанну“»

¹⁰⁵ В. О. Ключевский. Древнерусские жития..., стр. 180

Аз бо, рече, любящая мя, люблю, и ищущии мене обрещут благодать.

Исходящу же лету 34-му дръжавы великаго княжениа его, в сие же лето и церковь обнови соборную Преображение господне, и приидоша

к нему послонницы его Тферскии от Константинаграда, Данило, протопоп соборныа церкви святаго Михаила, и Колоян... (ПСРЛ, т. XI, стр. 177).

виде бо ны сынов своих благороднем цдетуша пред очима его и всем в благих исполнися желание его: аз бо, рече, любящая мя, люблю. Преставление же боголюбиваго сего великаго князя сице есть: бысть яко же богоспасному граду Тферьскому живушу всем миром и благочестием, церковного ради благостояниа, и сему князю великому Михаилу Александровичю изрядно строящу град и люди, и людем всем благовременующе обилне и всем благодарящим господа бога о таком благовременем пребывании града, и бысть яко же псходящу лету тридесять четвертому дръжавныа области Тферьского настолования и мирнаго царства Михаила, достославнаго великаго князя, в лето въ немже обновлена бысть святая великаа съборнаа Тферьскаа церкви, приидоша послонницы от Константияграда, иереи Даниил, начальник прозвитером сборныа церкви святаго Михаила, и Колоанн... (ПСРЛ, т. XVIII, стлб. 144—145).

билау в дому своем, и, благодаря господа бога, радовашеся, зря землю свою всеми благыми кипящу пред очима (ПСРЛ, т. XV, стлб. 469—470).

Того же лета, по Госпожине дни, князю великому Михаилу Александровичю, лежаще в великой болезни, приидоша послоннии из Царяграда, Данило протопоп з други... (ПСРЛ, т. XV, стлб. 459).

Как видим, всюду рассказ о преставлении Михаила идет непосредственно за окончанием хвалебной характеристики правления Михаила. Так же получается и в сохранившемся тексте «Повести» Тверского сборника, если восстановить в нем хронологический порядок. Переход к рассказу о смерти Михаила, который был в первичном виде «Повести», лучше всего сохранился в Симеоновской. И на основании ее текста видно, что либо под рукой составителя «Повести» Тверского сборника, либо под рукой компилятора второй части Тверского сборника выпало только несколько переходных фраз. В Тверском сборнике, таким образом, оказалось исключенным в данном месте не больше текста, чем в «Повести» Никоновской летописи.

Все сказанное вместе с тем подтверждает, что текст Тверского сборника 1402 и 1399 гг. — это две части одной «Повести». Следовательно, оба текста были заимствованы компилятором второй части Тверского сборника не из двух летописных сводов, как полагал А. А. Шахматов, а из одного свода Бориса Александровича.¹⁰⁶ Поскольку это так, меняется вся картина работы компилятора второй части Тверского сборника над его текстом от 1399 и по 1403 г., нарисованная А. А. Шахматовым, и заново встает вопрос: что сделал в этих пределах со своими источниками этот компилятор.

¹⁰⁶ Могло быть, конечно, и так, что компилятор имел отдельную «Повесть о Михаиле», заказанную Борисом, но это менее вероятно, ибо что свод Бориса Александровича 1450-х годов вообще существовал, доказывается наличием его следа — летописного отрывка в «Слове инока Фомы о великом князе Борисе Александровиче».

Для того чтобы доказать существование «Летописца княжения Тферскаго», А. А. Шахматов резко отделяет текст второй части Тверского сборника вплоть до заголовка «Предисловие Летописца» от идущего после него, относя первый к одному своду, второй — к другому, и объявляет текст «Повести» началом «Летописца». Соответственно он подчеркивает однородность всего текста Тверского сборника начиная от заголовка и до конца Сборника. Но И. А. Тихомиров указал тот рубеж, где оканчивается сплошной текст первой части «Повести», и отметил, что после него идет текст летописного свода, в который компилятор второй части Тверского сборника вставил «Повесть о Михаиле». «Там, где он (составитель Тверского сборника, имеет в виду И. А. Тихомиров, компилятор второй части Тверского сборника, скажем мы, — Б. Д.) сделал последние выписки из жития,¹⁰⁷ он счел необходимым сказать „начнем о ихже начахом“,¹⁰⁸ т. е. о княжении Ивана Михайловича, начало княжения которого уже было раз описано и теперь повторяется в другой раз. Что это заключение принадлежит составителю Сборника, а не автору жития, видно из того, что в житии ни разу не упоминалось об Иване Михайловиче, и, следовательно, нельзя сказать: „начнем о ихже начахом“».¹⁰⁹

Таким образом ясно, что именно компилятор второй части Тверского сборника разорвал текст списываемого им летописного свода вставкой «Повести», очевидно, заимствованной из другого летописного свода, — иначе не надо было бы делать эту ссылку. Эта фраза компилятора отсекает текст, идущий после нее, от текста «Повести», и нельзя говорить обо всем тексте второй части Тверского сборника от заголовка и до конца Сборника (или даже до 1425 г.) как о принадлежащем к одному литературному памятнику — «Летописцу княжения Тферскаго».

А. А. Шахматов устранил это противоречащее его выводам наблюдение И. А. Тихомирова простым умолчанием о нем. Излагая порядок известий в Тверском сборнике, он называет указанную И. А. Тихомировым фразу «переходной».¹¹⁰ Далее выясняется, что переходной она названа не потому, что здесь составитель перешел к другому своему источнику, а потому, что здесь переход в изложении к другой теме. По мнению А. А. Шахматова, составитель Тверского сборника переписывал свод 1499 г. «вплоть до известия о смерти Ольга Рязанского» (включительно). А затем он сделал вставку из «Летописца княжения Тферскаго», простирающуюся от заголовка «Предисловие Летописца» (включительно) и до повторения известия о взятии Нижнего Семенов Дмитриевичем и царевичем Ентяком. Затем он вернулся к списыванию свода 1499 г., сделав при этом ошибочно повторение, о котором только что говорилось.¹¹¹

В таком случае фраза «прекратим слово... и начнем о их же начахом» оказывается принадлежащей не составителю второй части Тверского сборника, а составителю «Летописца княжения Тферскаго». Но тогда, что же

¹⁰⁷ Точнее, прервал выписку начала «Повести», так как конец ее он поместил ранее. Так, собственно, понимал это и И. А. Тихомиров.

¹⁰⁸ Приводим эту фразу целиком: «Но убо о сем прекратим слово и кончаем беседу, и начнем о их же начахом» (ПСРЛ, т. XV, стлб. 470). Эта фраза идет сразу же за последней фразой хвалебной характеристики Михаила (см. стр. 147).

¹⁰⁹ И. А. Тихомиров. О сборнике, именуемом Тверской летописью, стр. 282. В конце процитированного И. А. Тихомиров допустил неточность: о самом Иване Михайловиче в тексте жития рассказывается в связи с женитьбой Михаила. Следует говорить только о начале княжения Ивана Михайловича.

¹¹⁰ А. А. Шахматов. Разбор..., стр. 224.

¹¹¹ А. А. Шахматов. Разбор..., стр. 226—227.

имел в виду сказавший эту фразу под словами «начнем о их же начахом»? А. А. Шахматов ничего не отвечает на этот вопрос. Попытаемся ответить на него, становясь на точку зрения А. А. Шахматова. Допустим, что этой фразой составитель «Летописца княжения Тферскаго» переходил от списывания своего источника — жития Михаила начала XV в. — к написанию собственного текста летописи, в которую он перерабатывал это житие. Но о возвращении к какому же началу мог он тогда говорить, если, согласно точке зрения А. А. Шахматова, «Летописец княжения Тферскаго» открывался заголовком «Предисловие Летописца» и следующим за ним текстом, т. е. ничего в нем до этого и не было, а текст, имеющийся до заголовка, по мнению А. А. Шахматова, относится к другому своду — к своду 1499 г., на него составитель «Летописца княжения Тферскаго» сослаться не мог. В тексте же, между заголовком и этой фразой, о начале княжения Ивана Михайловича действительно не говорится. Зато о начале княжения Ивана Михайловича говорится в конце второй части «Повести» (рассказа о смерти Михаила): там сказано об оглашении епископом воли Михаила и о принятии тверичами Ивана Михайловича в качестве нового великого князя (мы цитировали это место на стр. 146). Только это место может иметь в виду разбираемая ссылка. В то же время возражать И. А. Тихомирову против того, что написавший эту фразу имел в виду начинать вновь речь о начале княжения Ивана Михайловича, невозможно. После этой фразы в тексте идет: «Начало княжения великого князя Ивана Михайловича Тверскаго».¹¹²

Значит, в указанной И. А. Тихомировым фразе написавший ее сам заявляет, что он возвращается к тому, что он же («о их же начахом») написал ранее. То есть автор этой фразы сам подтверждает, что именно он разорвал текст «Повести» пополам и уже выписал ее вторую часть.¹¹³ Следовательно, фраза, указанная И. А. Тихомировым, принадлежит составителю второй части Тверского сборника.

А. Н. Насонов в своей работе 1930 г., следуя в общем картине работы компилятора, нарисованной А. А. Шахматовым, несколько изменил ее. Он также считал, что составитель второй части Тверского сборника (т. е. «Московской редакции Тверского свода конца XV века») имел дело одновременно с двумя источниками: «Летописцем княжения Тферскаго» и московской летописью. Из первого он и вставил под 1402 г. в текст последней «Предисловие Летописца». Но конец этой вставки А. Н. Насонов указал иной: «„Предисловие“ продолжается в составе сборника до слов: „князь же великий Иван Михайлович“. С этого места он снова обратился к тексту летописи, причем, как известно, по ошибке второй раз переписал конец 6907 г. и начало 6908 г., до слов: „Темир Аксак уби царь“, но здесь заметил свою ошибку и далее продолжал уже сразу с 6911 г. Первая фраза, с которой начинается текст летописи, — о восшествии на стол Ивана Михайловича и о том, как „людие“ „благодарно ему воспеша... многа лета“, — была, очевидно, заключительной фразой в рассказе о преставлении Михаила Александровича под 6907 г.; это ясно по смыслу текста: перед датой смерти Михаила рассказывается, что епископ говорил народу о Иване Михайловиче как о преемнике вел. кн. Михаила: „они же (т. е. „людие“) реша: многа лета великому князю“. Как видим, „Предисловие“ попало не на место; можно думать, что у составителя экземпляра Тверского свода был дефектным... Заглавие отрывка

¹¹² ПСРЛ, т XV, стлб 470

¹¹³ Это еще раз подтверждает, что рассказ о Михаиле под 1399 г и рассказ о нем же под 1402 г — две части одного памятника, и что они взяты из одного свода

достаточно ясно указывает на его место и назначение: он служил „предисловием“ к Тверскому „летописцу“». ¹¹⁴

Но мы уже показали, что нельзя судить о назначении текста «Предисловия», исходя из его заглавия, и что рассказ о преставлении и «Предисловие» — только две части одной «Повести». С противоположными неверными положениями тесно связано и отнесение принадлежности фразы-ссылки перу автора «Предисловия». По мнению А. Н. Насонова, «Предисловие» вообще кончалось так, как оно кончается теперь в Тверском сборнике (т. е. характеристикой правления Михаила), и именно его «автор вслед за тем заявляет, что следует кончать „слово“ и прекратить „беседу“ и начинать летописец». ¹¹⁵ Таким образом, оказывается, что автор здесь ссылается на самый заголовок.

Однако в словах А. Н. Насонова бросается в глаза неясность. Как видно из процитированного, текст «Предисловия» кончался после слов «начнем о их же начахом» и до слов «князь же великий Иван Михайлович». Следовательно, подзаголовок «Начало княжения великаго князя Ивана Михайловича Тверскаго» написан также автором «Предисловия». Каким же образом таким подзаголовком могло открываться шедшее в «Летописце княжения Тферскаго» первоначально за «Предисловием» (как это явствует из сказанного на той же и на следующей страницах у А. Н. Насонова) летописное изложение тверских событий XIII—XIV вв. и «времени княжения Михаила Александровича», до которого и сокращал «первоначальный текст Тверского свода» автор «Летописца княжения Тферскаго», якобы работавший по заказу Бориса Александровича? Конечно, ссылка на заглавие «Предисловие Летописца княжения Тферскаго великих благоверных князей тферских» при переходе к началу княжения Ивана Михайловича сама по себе могла иметь место. Но ведь, по словам А. Н. Насонова, текст «Предисловия» попал перед сообщением о вокняжении Ивана чисто случайно (по вине компилятора и по дефектности его источника). Почему же в первоначальный текст «Предисловия», открывавшего сперва свод, посвященный Михаилу, попал подзаголовок о начале княжения Ивана? Следовательно, фраза-ссылка не могла относиться к заглавию и принадлежать автору «Предисловия». Она имеет в виду именно начало княжения Ивана.

Придя в работе 1946 г. о псковском летописании к выводу о том, что «житие Довмонта первоначально стояло в начале летописи и что составитель Синодального списка, сокращая свой источник, перенес житие в текст перед 6573 г.», ¹¹⁶ А. Н. Насонов использовал этот вывод для подкрепления своей точки зрения по разбираемому вопросу тверского летописания. «Естественно, — писал он там же, — встает вопрос: не следует ли искать аналогичного литературного явления в истории тверского летописания, где мы находим указание на существование „Летописца княжения Тферскаго...“, имевшего обширное „предисловие“, содержавшее славословие великому князю Михаилу Александровичу Тверскому и биографический материал о нем и его предках».

Прежде всего мы видим здесь повторение той же эволюции взгляда на «Предисловие Летописца», которое мы отмечали выше (см. стр. 126) для А. А. Шахматова: более пристальное рассмотрение привело и А. Н. Насонова к оценке рассматриваемого текста уже не только как «Предисловия Летописца», а прежде всего как жития Михаила (на чем

¹¹⁴ А. Н. Насонов Летописные памятники Тверского княжества, стр. 743

¹¹⁵ А. Н. Насонов Летописные памятники Тверского княжества, стр. 744

¹¹⁶ А. Н. Насонов Из истории псковского летописания Исторические записки, т. XVIII, 1946, стр. 282

и основана аналогия). Это последнее мнение А. Н. Насонова существенно укрепляет наши позиции.

Из сказанного в работе нельзя определить, применена аналогия в узком или более широком значении. Если она только подкрепляет примером возможность того предположения, что житие Михаила открывало собой свод Бориса Александровича, из которого списал его компилятор второй части Тверского сборника и поместил под 1402 г., то мы согласны с этим. И это предположение будет только еще более вероятным, если мы будем усваивать своду Бориса Александровича другой объем, содержание и состав, нежели те, которые усваивает ему А. Н. Насонов в работе 1930 г., и считать, что следы этого свода сохранились более в «Слове инокa Фомы», нежели в Тверском сборнике. Действительно, и по содержанию своему, и по стилю «Повесть о Михаиле» Тверского сборника более сходна со «Словом инокa Фомы» и сохранившимся в нем летописным отрывком, нежели с летописным текстом, окружающим «Повесть» в Тверском сборнике.¹¹⁷

Но если аналогия проводится на всю картину работы компилятора второй части Тверского сборника и имеется в виду, что, подобно составителю Синодального списка Псковской летописи, он имел дело не с двумя, а с одним летописным источником, материал которого он только сокращал и перемещал, то на этом следует остановиться особо. В таком случае основной летописный материал Тверского сборника окажется равнозначным «Летописцу княжения Тферскаго» — своду Бориса Александровича, в котором компилятор нашел и «Повесть» — «Предисловие». В этом случае фраза-ссылка могла принадлежать компилятору: писец, поставивший «Предисловие» в середину того же свода, к которому оно принадлежало и раньше, сослался здесь на оказавшийся переписанным им выше материал того же свода. Но всему этому противоречит то обстоятельство, что в описанном случае для писца просто невозможно было бы допустить то повторение летописных известий, которое имеется в Тверском сборнике.

В самом деле, фраза «начнем о их же начахом» — свидетельство того, что написавший ее писец в процессе делавшегося им разрыва «Повести» и вставки ее двумя отдельными частями из свода, в котором она была, в текст другого, списывавшегося им свода, допустил повторение летописных известий. Картина работы компилятора, нарисованная А. А. Шахматовым и в 1930 г. А. Н. Насоновым, верна как раз в том отношении, что компилятор должен был иметь дело одновременно с двумя источниками, а не с одним. И ссылка «начнем о их же начахом» говорит о том, что, прежде чем ее написать, компилятор посмотрел то место, где он уже писал о вокняжении Ивана под 1399 г. либо по своему уже написанному тексту, либо по тексту своего источника. Если бы он имел дело с одним списываемым источником, то в обоих случаях он бы заметил, что при этом им были уже написаны летописные известия 1399 г. (о взятии Нижнего) и 1400 г. Таким образом, точка зрения А. А. Шахматова и точка зрения А. Н. Насонова, высказанная в 1930 г., делают необъяснимой фразу-ссылку, точка зрения А. Н. Насонова 1946 г. делает необъяснимой повторение летописных известий.

Утверждение, что именно написавший фразу-ссылку разорвал «Повесть» на две части и переставил их в обратном порядке, подкрепляется наблюдениями над двумя фразами, следующими за ссылкой. Написав, что

¹¹⁷ Может быть, даже свод Бориса Александровича и не содержал вовсе описания времени Михаила Александровича, которое заменялось в нем открывавшей его «Повестью о Михаиле», после которой шло изложение времени княжения Ивана Михайловича

он возвращается к тому, о чем уже начинал говорить, компилятор должен был пояснить читателю, что именно он имеет в виду. И он вставил подзаголовок: «Начало княжения великого князя Ивана Михайловича Тверскаго».

Понятно, что подзаголовок в свою очередь должен был быть оправдан, за ним действительно должна была идти речь о вокняжении Ивана. А. Н. Насонов верно заметил, что следующее за подзаголовком сообщение об этом было заключительной фразой рассказа о преставлении Михаила, т. е. второй части «Повести».¹¹⁸ А. Н. Насонов считает, что эта фраза стоит на своем месте и только отсекается от рассказа, к которому она принадлежала, вставкой «Предисловия». Но поскольку мы уже знаем, что рассказ о смерти Михаила — это вторая часть той же «Повести», что следует за ним, и он сам тоже является вставкой, то ясно, что фраза о вокняжении Ивана искусственно переставлена компилятором при вставке уже первой части «Повести». Стиль этой фразы резко разнится от следующего за ней текста и совершенно сходен со стилем «Повести». В то же время конец «Повести» явно оборван: выдержанная в торжественном стиле, она должна была и концовку иметь столь же торжественную, а не завершаться кратким указанием на то, когда умер Михаил и сколько лет он прожил.

Следовательно, «Повесть», заказанная Борисом, заканчивалась так: «... „ныне же да блюдет вас князь Иоанн, той бо есть благословен своим отцем, великим князем Михайлом, на великий стол града Тфери“. Они же реша: „Многа лета великому князю“. Князь великий Михаил преставися месяца августа 27 дня. И жить веку своего 60 и 5 лет.¹¹⁹ Князь же великий Иоанн Михайлович, благодарив господа бога, седяй на столе дедне и отчи в церкви святого Спаса в лето 6908. И тако силою божию бысть великий князь богохранимого града Твери, людие же, радующесе, благодарно ему воспеша многа лета».¹²⁰

Итак, компилятор второй части Тверского сборника сначала заменил в списывавшемся им своде то, что там говорилось о смерти Михаила, рассказом о том же из «Повести о Михаиле», которую он нашел в своде Бориса Александровича, своим вторым источником. Так как этот рассказ нужен был ему именно в качестве развернутого сообщения о смерти Михаила, то он и оборвал конец «Повести» на фразе о том, в какой день умер Михаил и сколько лет он жил, и стал было переписывать (в первый раз) известия следующих годов из своего основного источника. Переписав по последнему известия 1402 г., он почему-то вернулся к «Повести» и почему-то захотел и первую ее половину вставить в свой текст.

Когда он ее вставил, то заглянул в конец «Повести» и почему-то решил повернуть изложение от Михаила к вокняжению Ивана. Он сделал этот поворот с помощью фразы-ссылки и подзаголовка, напоминавших читателю о том, что о назначении Ивана преемником Михаила уже говорилось выше. Для того чтобы завершить этот поворот, понадобившийся ему в связи со вставкой первой части «Повести», он из конца «Повести» вставил затем фразу о вокняжении Ивана, которую он опустил было при вставке второй части «Повести».

Таким образом, о том, что компилятор после списывания первой части «Повести» заглянул вновь в конец «Повести», свидетельствует само появление фразы о вокняжении Ивана там, где она теперь стоит. И важно

¹¹⁸ См. процитированное нами из работы А. Н. Насонова на стр. 149 настоящей статьи.

¹¹⁹ Тверской сборник, Забелинский список, л. 185 об.; ПСРЛ, т. XV, стлб. 460—461.

¹²⁰ Тверской сборник, Забелинский список, л. 189 об.; ПСРЛ, т. XV, стлб. 470

то, что он смотрел в конце «Повести», переставляя эту фразу и справляясь о том, что о завещании княжения Ивану уже говорилось, не по своему написанному ранее тексту, где этой фразы не было, а по тексту того свода, из которого он списывал «Повесть» и в котором не было тех летописных известий, которые он уже приписал в своем тексте после того, как оборвал конец «Повести». Именно поэтому, возвратившись после перестановки фразы о вокняжении к переписыванию своего основного источника, летописного свода, текст которого он еще под 1399 г. разрезал вставкой второй части «Повести», он и не заметил, что повторяет известия 1399 г. о Семене Суздальском и 1400 г. о получении Иваном ярлыка и убийстве Баязета. И компилятор продолжал списывать летописные известия из своего основного источника, так и не заметив своей ошибки, и списал во второй раз полностью известия 1399—1402 гг.

Что в оригинале второй части Тверского сборника и в оригинале самого Тверского сборника эти известия были повторены полностью, подтверждается тем, что позднейшие переписчики Тверского сборника, сталкиваясь с этим, по-разному — один удачно, другой неудачно — пытались исправлять ошибку. Тот факт, что все они (насколько можно судить при ограниченном количестве дошедших до нас списков Тверского сборника) как-то стремились исправить повторение, показывает, что оно было полным и потому всеми ясно воспринималось как ошибка.

Толстовский список Тверского сборника — поздний, и, очевидно, не его писец, а именно писец его протографа исправил радикально ошибку, убрав вместе с повторяющимися известиями и всю первую часть «Повести» (включая и присоединенную к ней фразу о вокняжении Ивана). В нем, на лл. 393—394 об, имеется рассказ о преставлении Михаила, а далее идут летописные известия 1399 и следующих по порядку годов.

Иную картину встречаем в Забелинском списке, XVI в. Его писец, переписав рассказ о смерти Михаила, летописные известия и первую часть «Повести», начал переписывать повторяющиеся известия во второй раз, но заметил повторение при переписке известий 1400 г. Именно этот писец прервал повторяющиеся известия на словах «царь Темир-Аксак уби стоя». Это подтверждается тем, что он, оборвав на этих словах изложение посреди строки, оставил затем пропуск в 24 строки. И только внизу этого же, 190 листа, приблизительно на том же месте, на котором на л. 186 кончаются в первый раз написанные известия и начинается заглавие «Предисловие Летописца...», он начал снова писать уже с повторяющегося известия 1403 г. Ясно, что он хотел перенести на л. 190 окончание известий 1400 г. и известия 1401—1402 гг., занимавшие пространство, примерно равное заготовленному пропуску, с л. 186, а л. 186 выбросить. Но так как на л. 186 уже написано было и начало первой части «Повести», то, не найдя выхода, писец и оставил все в описанном положении.

В Погодинском списке, восходящем к Забелинскому, этого пропуска нет. Писец Погодинского переписал все подряд, что было в Забелинском списке, переставив только в последних словах перед пропуском (т. е. стоявших перед пропуском в Забелинском) слово «царь», чтобы сделать хоть немного более понятным непонятное место. В нем идет «Темир Аксак уби царь стоя» и сразу же за ними в ту же строку: «В лето 1403...». Таким образом, писцы непосредственного протографа (или протографов) Погодинского списка и самого этого списка увековечили неудавшуюся попытку писца Забелинского списка исправить ошибку компилятора второй части Тверского сборника. Только в силу того, что Погодинский список

стал раньше известен, чем Забелинский и Толстовский, и считалось, что компилятор сам исправил свою ошибку.

На стр. 152 мы оставили без ответа два вопроса: почему компилятор, переписав повторяющиеся летописные известия в первый раз, передумал и решил вставить в свой текст и первую часть «Повести» и почему он, вставив ее, опять-таки передумал и решил присоединить к ней фразу о вокняжении Ивана, выброшенную было им из конца второй части «Повести»? Прежде чем ответить, присмотримся к тому, что еще падает на долю компилятора в том виде первой части «Повести», в котором она дошла в Тверском сборнике. Мы выяснили, что подзаголовок о начале княжения Ивана вставил компилятор. Что можно сказать о других двух подзаголовках такого же типа, имеющих в тексте «Повести» Тверского сборника?

Подзаголовок «о Шевкале»¹²¹ явно искусственно врезан посреди текста, которому он никак не соответствует. Во-первых, он разрезает собой цельную фразу текста, первая половина которой обесмысливается, если будет поставлена точка, как того требует наличие подзаголовка. «Зачало рождения его (Михаила, — Б. Д.) сице глаголетъ, яко дръжавному Александру владеюще (владеюще) землею Рускою... (идет перечисление земель, входивших в Русь и его владения, — Б. Д.) и повсюду честному его имени възносящесе (възносящуся) (идет подзаголовок) и бысть попущением божим в тыи дни възмогша иноплеменици... на сего Александра завистию вземшесе».¹²² Смысл не в том, что Михаил родился тогда, когда Александр владел всей Русью и имя его всюду славилось. И содержание фразы этим не исчерпывается. Михаил родился не в хорошие, а в тяжелые времена, когда татары одолевали, взявшись завистию на Александра, владевшего всей Русью и всюду славного своим именем. Во-вторых, хотя далее и упоминается Шевкал, но мы уже видели (стр. 127—128), что фактически под этим подзаголовком идет речь не о Шевкале, а об обстоятельствах рождения Михаила, смерти его отца, его детства.

Так же обстоит дело и со вторым подзаголовком: «Начало великаго княжения князя Михаила Александровича».¹²³ В тексте, стоящем под ним, обещаемого подзаголовком рассказа о том, как вокняжился Михаил, нет. Речь идет уже о том, как Михаил, возблагодарив бога за уже состоявшееся вокняжение, «пребываа в многих временах»¹²⁴ после своего вокняжения, правил на тверском столе. Значит, все три подзаголовка вставил в текст «Повести» компилятор второй части Тверского сборника.

А. Н. Насонов характеризует этого компилятора как работавшего по заказу Дмитрия Ивановича (сына Ивана III) в момент, когда Дмитрий ожидал пожалования тверским столом, уже вошедшим в состав Московского государства.¹²⁵ Ясно, что компилятору в своей работе надо было показать, как славен был некогда тот стол, которого ожидал его патрон. Увидев в тексте первой половины «Повести» имена целого ряда тверских князей и заметив, что большинство из них восхваляется в тексте (а мы уже знаем, зачем нужно было составителю «Повести», помимо Михаила, восхвалять еще и Александра и Ивана), он и включил первую половину «Повести» вместе с ее Предисловием в свой текст. Дабы оправдать

¹²¹ ПСРЛ, т. XV, стлб. 465.

¹²² ПСРЛ, т. XV, стлб. 465. В скобках — чтения Забелинского списка

¹²³ ПСРЛ, т. XV, стлб. 469.

¹²⁴ ПСРЛ, т. XV, стлб. 469.

¹²⁵ А. Н. Насонов в Летописные памятники Тверского княжества, стр. 741—742.

эту несвоевременную по хронологическому течению известий вставку и придать ей вид произведения, прославляющего весь род тверских князей и самое княжение Тверское, он поставил рассмотренные подзаголовки.

И, главное, этот компилятор придал всему тексту первой половины «Повести» совершенно не соответствующее ему, но зато вполне соответствующее замыслу всей работы компилятора заглавие: «Предисловие летописца княжения Тферскаго благоверных великих князей тферьских». Что это заглавие вставлено рукой компилятора второй части Тверского сборника, доказывается тем, что оно из всего идущего за ним текста вполне соответствует только тем подзаголовкам, которые расставил сам же этот компилятор.

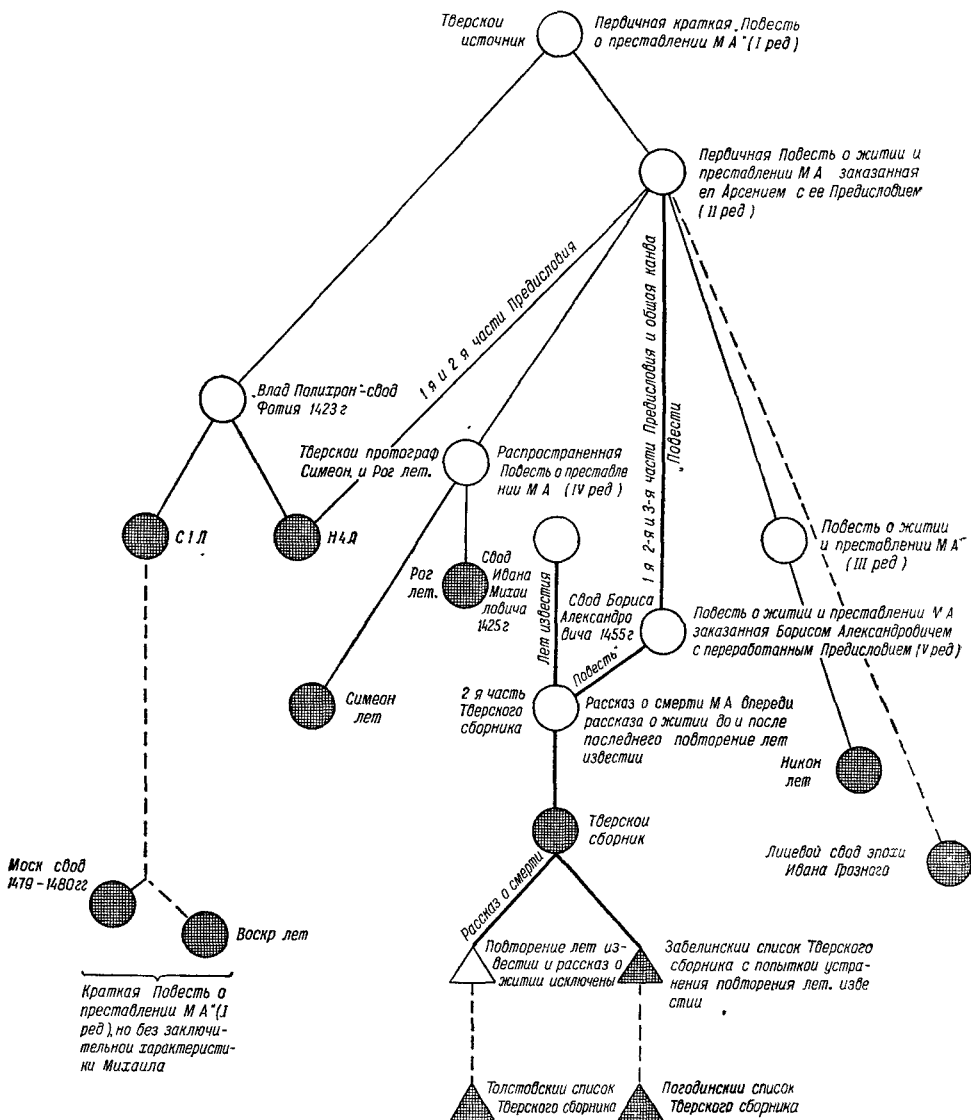
Теперь понятно, почему, вставив первую часть «Повести» и придав ей такой смысл заглавием и подзаголовками, компилятор заглянул в конец «Повести» и вставил фразу о вокняжении Ивана. Он искал теперь там недостающего ему материала об Иване. Для того чтобы оправдать заглавие, для того чтобы текст «Повести о Михаиле» действительно казался говорящим о княжении «благоверных великих князей тферьских» вообще, ему не хватало только этого материала. Только после вставки первой части «Повести» ему и понадобилась фраза, дававшая возможность поставить еще один, сходный с уже поставленным, подзаголовок: раз есть начало княжения Михаила, должно быть и начало княжения Ивана. Как видим, последний подзаголовок нес у компилятора двойную функцию: давал возможность повернуть увиденное в сторону вставки первой части «Повести» изложение и дополнял оформление переосмысления текста первой части «Повести».

Мы получили ответы на все три вопроса спора о взаимоотношении «Повести» и «Летописца» в тексте Тверского сборника в пределах от 1399 и до 1403 г. Какие выводы отсюда следуют для вопроса о самом существовании «Летописца княжения Тферскаго» вообще?

Комплекс из фразы «прекращаем беседу, и начнем о их же начахом», подзаголовок о начале княжения Ивана и последней фразы «Повести», указанной Борисом, отсекает весь последующий за ней текст от текста «Повести» или, говоря по А. А. Шахматову, от «Предисловия летописца княжения Тферскаго», за которым теперь в Тверском сборнике оказывается свод, не относящийся к «Предисловию летописца». Этот комплекс также связывает текст, идущий после «Повести», с текстом, стоящим до нее. Получается, что составитель второй части Тверского сборника списал из Борисова свода только «Повесть о Михаиле». Иначе говоря, от «Летописца княжения Тферскаго» остается только его «Предисловие». Но так как было доказано, что «Предисловие летописца княжения Тферскаго» вовсе не является таковым, что заголовок не соответствует тексту и что это просто «Повесть о Михаиле», то от «Летописца княжения Тферскаго» не остается в Тверском сборнике ничего, кроме заголовка, из которого он единственно и вырос в версиях ученых. Но и заголовок, оказывается, давался не действительному летописцу, а первой половине той же «Повести о Михаиле», которую компилятор второй части Тверского сборника пытался преобразить в произведение нужного ему типа единственно с помощью этого заголовка и соответствующих последнему подзаголовков.

Итак, мы можем сделать вывод, что свод, идущий в Тверском сборнике до и вслед за текстом «Повести о Михаиле», нельзя называть «Летописцем княжения Тферскаго», это какой-то иной свод, к которому не имеют отношения слова о заказе Бориса, имеющиеся в «Повести».

Что это за свод? Мы можем высказать только ничем пока не подтверждаемую догадку, что в основе всей второй части Тверского сборника лежит свод Ивана Михайловича 1425 г., открытый А. Н. Насоновым.

Источники «Повести о Михаиле Александровиче» Тверского сборника и ее эволюция.

Мы рассмотрели вопрос о взаимоотношении «Повести» и «Летописца» в Тверском сборнике только в пределах текста известных 1399—1403 гг. Однако поскольку из особенностей именно этого текста родилось мнение о существовании «Летописца княжения Тверского» и более всего оно обосновывалось данными именно этого текста, то мы считаем себя вправе высказать предположение о том, что «Летописца княжения Тверского» — особого свода, заказанного Борисом, посвященного Михаилу и

лежащего в основе всей второй части Тверского сборника, не существовало вообще.

В нашей статье остался нерассмотренным один, последний, вопрос разбившегося спора. А. А. Шахматов и А. Н. Насонов утверждают, что текст второй части Тверского сборника, идущий после 1402 г., однороден с текстом 1402 г., т. е. принадлежит одной и той же редакторской руке, представляет собой тот же свод Бориса Александровича, к которому относится и текст 1402 г., — «Повесть» Тверского сборника, по нашей терминологии. Мы ограничиваемся лишь постановкой вопроса о существовании «Летописца» потому, что это положение А. А. Шахматова и А. Н. Насонова опровергнуто нами только частично, ибо остаются действительными те доказательства однородности текста «Повести о Михаиле» Тверского сборника со всем (по известие 1455 г. включительно) последующим текстом второй части Сборника, которые опираются на данные текста, идущего после 1402 г. Наша же задача ограничивалась рассмотрением текста 1399—1402 гг. Вопрос о полном опровержении существования «Летописца княжения Тферскаго», требующий в конечном счете анализа всей второй части Тверского сборника и части текста Рогожского летописца, должен быть темой особой статьи.

Мы не рассматривали в данной статье аргументацию, которую выставил в пользу существования «Летописца» А. Н. Насонов. Аргументация эта сводится к пяти доказательствам, распадающимся на три группы. Два доказательства основаны на данных текста 1402 г., т. е. на признании «Повести о Михаиле» Тверского сборника «Предисловием Летописца», и того, что речь в нем идет о заказе Борисом не повести, а летописи. Эти аргументы представляют собой повторение и использование аргументов А. А. Шахматова, рассмотренных и отклоненных в настоящей статье. Два других доказательства основаны на использовании данных текста второй части Тверского сборника, идущего после 1403 г., и сопоставлении их с текстом 1402 г. Одно из них ранее высказывалось А. А. Шахматовым, другое впервые выдвинуто А. Н. Насоновым. Наконец, последнее и главное доказательство основано на полном постатейном сличении всего текста второй части Тверского сборника с другими летописями, впервые проделанном А. Н. Насоновым. Таким образом, мы не рассматривали специально аргументацию А. Н. Насонова потому, что часть ее (первая группа) отклоняется нашими выводами вместе с соответствующими аргументами А. А. Шахматова, рассмотрение же другой части (две последние группы) выходит за пределы задачи, стоявшей перед нашей статьей.

А. И. КЛИБАНОВ

К проблеме античного наследия в памятниках древнерусской письменности

Значение проблемы античного наследия в памятниках древнерусской письменности определяется тем основным фактом, что античное культурное наследие явилось исходной точкой и опорной идеологической базой новой, гуманистической культуры Европы, названной поэтому культурой Возрождения.

Решение этой проблемы предопределяет ответ на следующий вопрос: развились ли новые начала русской культуры, которые прослеживаются уже в XIV—XV вв., из источника, общего с новой культурой Запада, или, минуя целый культурно-исторический этап, воспользовались готовыми результатами новой европейской образованности, и не в качестве желанного подспорья, а в качестве основы?

Досоветская историография, обойдя всю проблему становления русской гуманистической мысли, исходила именно из того, что древнерусское общество было изолировано от античного культурного наследия. В согласии со всей современной ему историографией, но, может быть, яснее других этот тезис выразил В. Иконников в «Опыте исследования о культурном значении Византии в русской истории»: «В развитии научных понятий древняя Россия и Западная Европа представляла резкий контраст: в то время как на Западе остатки древней образованности послужили основанием, из которого развилась культура новой Европы, а латинский язык, распространенный религией, облегчил доступ к пониманию древней науки, Россия не имела подобных условий. Правда, получив религию из христианской Византии, при содействии греческого языка, она могла бы усвоить образованность древней Греции, во многом превосходившей римскую, но ограниченное влияние Византии и нераспространенность греческого языка, как мы увидим ниже, постоянно препятствовала развитию научных знаний» (разрядка наша, — А. К.).¹

В русской историографии эта характеристика была обиходной и потому никогда не являлась предметом научной проверки.

Как ни значительны соображения, принятые во внимание В. Иконниковым, как ни справедливы отмеченные им преимущественное положение западноевропейских стран, малодоступность для древнерусского общества античного наследия, «нераспространенность греческого языка», наконец, церковная ограниченность византийского влияния, не они определяли судьбы русской гуманистической мысли. Когда идеи становятся общественно-необходимыми, когда историческая практика не может без них

¹ В. Иконников. Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории. Киев, 1869, стр. 1.

обойтись, тогда раньше или позже, столбовой дорогой или проселочными, общественная мысль находит доступ к питающим ее источникам.

С тем или иным размахом гуманистические течения в период XV—XVI вв. сказались в большинстве европейских стран, включая Германию, Чехию, Польшу, Сербию. Свою базу эти течения имели в городах.

Энгельс писал: «Как вся эпоха Возрождения, начиная с середины XV века, так и вновь пробудившаяся с тех пор философия были в сущности плодом развития городов, т. е. бюргерства».² Результаты работ советских исследователей в области истории древнерусских городов, их экономического развития и связей, их классового состава и классовых отношений, при всем своеобразии русского города XV—XVI вв., снимают проблему «контраста» между русским и, например, немецким, чешским, польским средневековым городом. Мы имеем в виду исследования М. Н. Тихомирова, Н. Г. Порфиридова, Б. А. Рыбакова, А. В. Арциховского. Было бы поэтому правильно связывать становление и русской гуманистической мысли с развитием городской жизни Москвы, Новгорода, Пскова. Твери в XV и XVI вв.

Что же касается сопоставлений между использованием античного духовного наследия западноевропейской культурой, с одной стороны, и русской культурой — с другой, между западноевропейской и русской гуманистической мыслью, то такие сопоставления только тогда станут научно плодотворными, когда они будут исходить не из «сплошных» оценок, а из конкретно-исторического изучения. Тогда окажется, что культурно-бытовой паганизм эпохи Возрождения (мимо которого действительно прошли нравы и культура древней Руси) не покрывал собой содержания и всех направлений европейского гуманизма. Если заглянуть в творческие лаборатории итальянских гуманистов XV в., например Марсилиа Фичино и Джованни Пико делла Мирандола, то в них окажутся не только Платон, Аристотель и Плотин, но и апостол Павел и Псевдо-Дионисий Ареопагит. В отмеченном В. Иконниковым «ограниченном влиянии Византии» следует установить границы «ограниченного».

Исследование, осуществленное при этих условиях, покажет всю относительность «контраста» в культурном развитии Европы и России и обнадежит труд, направленный на поиски следов античной мысли в памятниках древнерусской письменности.

I

Как ни ограничено было знакомство русского общества XV—XVI вв. с памятниками античной мысли, кое-что из этой области было известно на Руси. В конце XIV или начале XV в. в памятниках русской письменности встречаются «Менандра Мудрого разуми», сборник изречений из комедий знаменитого греческого драматурга. Круг древнерусских читателей Менандра указывается, между прочим, в послании новгородского архиепископа Геннадия к ростовскому архиепископу Иосафу, где, перечисляя книги, имевшиеся у новгородских еретиков, Геннадий называет Менандра.

Послание Геннадия к Иосафу составлено в 1489 г., а в 1495 г. деятель итальянского гуманизма Альд Мануций, с которым, кстати сказать, был знаком и связан Максим Грек, издал изречения Менандра в Венеции

² Ф. Энгельс Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии Госполитиздат, 1955, стр. 49

вместе с произведениями Феокрита, Феогида, Пифагора, Катония Старшего.³

В то же время, что и «Менандра Мудрого разуми», в древнерусской письменности появляется памятник стоической философии «Енхидрион» Эпиктета, правда, подвергшийся христианской обработке, но такой, которая не затронула существа Эпиктетовой философии. Учение стоиков, особенно Эпиктета, превозносившего человеческий разум и на этой основе придавшего человеку божественное достоинство, привлекло внимание итальянских гуманистов. Но и в «Енхидрионе», имевшемся в древнерусской письменности, встречается, например, изречение: «Вес мир нас деля быс, а не мы его ради». По словам описавших «Енхидрион» А. Горского и К. Невоструева, этого изречения в греческом оригинале нет.⁴

В капитальном исследовании М. Н. Сперанского «Переводные сборники изречений в славяно-русской письменности» указывается еще источник, знакомивший Русь с античным культурным наследием. Это был флорилегий, представлявший собой свод античной культурной мысли в отрывках из произведений наиболее значительных ее представителей. Этот флорилегий, известный на Руси, как и на Западе, в христианизирующей византийской обработке, сыграл свою роль в формировании идеологии Возрождения. Оценивая значение византийского флорилегия на Руси, М. Н. Сперанский отличает его как от распространенных на Руси «церковных по духу писаний», так и от писаний «не узко церковных». Вместе с тем, как полагает М. Н. Сперанский, флорилегий «не способствовал у нас прививке (не говоря уже о развитии) античного миропонимания».⁵ Причину этого М. Н. Сперанский видит в том, что церковь придавала византийским влияниям одностороннее, церковно-религиозное направление, враждебное как античной, так и западной культуре. В оценке деятельности церкви М. Н. Сперанский, конечно, прав. Нельзя при этом не указать, что в своем исследовании М. Н. Сперанский не принял во внимание противоборствующие церкви течения в Твери, Пскове, Новгороде, Москве, которые отнюдь не считались с направлением, какое задавала церковь тем или иным культурным влияниям. Между тем учет всех фактов и факторов, имевших место в общественной и культурной жизни Руси XV—XVI вв., изменил бы перспективу исследования М. Н. Сперанского, что позволило бы ему по достоинству оценить значение византийского флорилегия как источника сведений для древнерусского читателя о культуре античного мира.

Однако, кроме античных традиций, завещанных эпохой Киевской Руси, кроме живого общения с Византией и многочисленных памятников античной мысли, представленных в русской письменности XIV—XVI вв., существовал еще источник, знакомивший древнерусское общество с идеями античного мира. Силой исторических условий, создавших те барьеры на путях к овладению античной культурой, которые справедливо перечислил В. Иконников, этот источник был подчеркнут в своем значении. Мы имеем в виду патристические сочинения II—VII вв., усвоившие, употребляя выражение В. Иконникова, «остатки древней образованности». Со времен Киевской Руси, а особенно с XIV в. и позднее, непосредственно из Византии и окружающим путем, через посредство юго-западных славян, патристические сочинения вливались в древнерусскую письменность и старательно размножались писцами.

³ См.: М. Н. Сперанский. Переводные сборники изречений в славяно-русской письменности. М., 1904, стр. 396.

⁴ А. Горский и К. Невоструев. Описание славянских рукописей московской синодальной библиотеки, отд. II. М., 1859, № 154.

⁵ М. Н. Сперанский. Переводные сборники..., стр. 571.

В спекулятивных сплетениях богословия они приносили и неразмытые «остатки древней образованности» то в виде текстуальных заимствований у греческих авторов, то в виде заимствованных у греческих авторов идей, механически скрепленных с православным учением и легко отделимых.

Тесный союз церкви и государства в царской России не позволял ученым осуществить специальное исследование, которое бы выделило в патристической литературе текстуальные вкрапления и целые идеи, принадлежащие античным писателям. И все же этого вопроса нельзя было миновать. М. Н. Сперанский писал: «... христианство приняло в себя и понесло в себе на пространстве веков все лучшее и наиболее устойчивое из язычества, главным образом общечеловеческие идеи, насколько они были в язычестве, и совершенство формы в связи с разработанным культивированным языком древнего мира. Таким образом, античный мир оказал громадную услугу новому, да и сам уцелел, но в новом облике, с новым для него содержанием». ⁶ По-своему оценивали взаимоотношение античной философии с христианством церковные историки. Сопоставим с тем, что писал М. Н. Сперанский, почти одновременное высказывание А. Спасского в большом труде «История догматических движений в эпоху вселенских соборов»: «... самый факт влияния эллинской философии на церковную догматику получает совершенно новый смысл. Он был не превращением христианства в эллинизм, а наоборот: обращением эллинизма в христианство. Метафизические идеи философии, пересаживаемые в христианскую церковь, здесь переродились и получали другой высший и духовный смысл и, как в других областях жизни, так и здесь, в сфере философии, христианская религия извлекла все свежие соки, преобразовала их сообразно своему собственному духу и усвоила себе, как принадлежащую себе собственность». ⁷

Мы не будем вдаваться в оценку, предложенную А. Спасским. Существенен тот неоспоримый факт, что патристические учения питались греческой философской мыслью.

Но синтез эллинизма с христианством не удался. Он был невозможен по тем мотивам, которые высказал еще Гегель, отказавшись в своих «Лекциях по истории философии» предоставить место патристическим учениям в истории философской мысли. Гегель при этом исходил из того, что патристические учения не были дальнейшим развитием античной мысли, но что догматизирующая мысль «отцов церкви», связанная наперед христианской доктриной, являлась несвободной и поэтому лишенной творчески развивающегося содержания. ⁸ Таким образом, патристические сочинения представляли собой не философский синтез, а эклектическое смешение философских понятий античности с христианскими понятиями.

Но чем невозможнее был синтез эллинизма с христианством, тем доступнее делался анализ, разложение патристических учений на составные части, отделение одних элементов от других. Это очень важное обстоятельство. Его значение в том, что патристика могла поставлять материал не одной только церкви в ее борьбе против свободомыслящих, но, при известных условиях, и свободомыслящим в их борьбе против церкви.

Когда А. Спасский говорит, что из эллинизма «христианская религия извлекла все свежие соки, преобразовала их сообразно своему собственному духу и усвоила себе, как принадлежащую себе собственность», то надо иметь в виду, что это не было результатом какого-либо одновременного акта.

⁶ М. Н. Сперанский. Переводные сборники..., стр. 51.

⁷ А. Спасский. История догматических движений в эпоху вселенских соборов. Сергиев Посад, 1906, стр. 650—651.

⁸ Гегель, Сочинения, т. IX. М., 1932, стр. 85—86.

Это был долгий процесс, относящийся вовсе не только ко времени вселенских соборов. «Очищения» христианства от античной философской мысли в период патристического богословия вообще не было достигнуто. Характерно, что даже у богословов VII в., например у Максима Исповедника, можно найти не только отдельные высказывания в платоновском, аристотелевском и новоплатоновском духе, но и обширное компилятивное сочинение «*Loci communes*» («Общие положения»),⁹ состоящее из прямых текстов Платона, Аристотеля, Демокрита, Гераклита, Ксенофонта, Фалеса, Пифагора, Менандра, а также, конечно, и отцов церкви, предшествовавших Максиму Исповеднику. Эти тексты древних мыслителей сведены Максимом Исповедником в группы, соответственно основным положениям христианства, что позволяет судить как о том, что христианство опиралось на авторитет античных мыслителей, так и о том, какими источниками пользовалось христианство при разработке своих основных положений.

Элементы античной мысли были окончательно уничтожены в христианстве теми поколениями богословов, которые действовали в эпоху развитого средневековья. Примером такого богословия у нас могут служить сочинения Иосифа Волоцкого.

Замечательно, что в то время, когда усилиями богословов было покончено с элементами античной мысли, которыми пользовалась ранняя патристика, прогрессивные общественные течения средних веков и начала нового времени, еретические и гуманистические течения обнаружили отложения античной мысли в патристике и немало сделали для выявления их и для очищения их от церковной догмы.

Не все, что было заимствовано патристикой в философских учениях Греции, представляло для прогрессивных общественных течений XV—XVI вв. одинаковый интерес. Наиболее важными для них оказались античный принцип нравственной свободы, принцип «ничего лишнего!», указывающий нравственную норму в том, что является естественно необходимым, античное учение о благе как верховном принципе бытия, наконец, античный философский пантеизм.

Уже сократовско-платоновская этика выработала представление о человеке как нравственной личности, обладающей свободным произволением в своих действиях и в выборе своего жизненного пути. Человек представлялся свободным в своих поступках, как и в своем разуме, и именно разуму как руководителю в поступках сократовско-платоновская философия отвела особое место: разум, добывающий подлинное знание, рассматривался как гарант в выборе человеком правильной линии поведения. Это учение, а также исходившая из этих же принципов «Этика» Аристотеля определили христианское учение о свободном выборе, или, как оно называется в памятниках древнерусской письменности, — о «самовластии души». Мы имеем возможность наблюдать за этим учением в самый момент принятия его христианством из античной философии. Вот это учение у одного из самых ранних (II в.) «отцов церкви» Иустина Философа. «Опять же, — пишет Иустин Философ, — если бы человек не имел способности со свободным произволением убежать порочного и избирать доброе, то он не был бы виноват ни в чем, чтобы ни делал. . . ибо человека создал бог не таким, как другие твари, например, дерева и четвероногие, которые не могут действовать со свободой. Иначе он не был бы достоин награды или похвалы, если бы не свободно избирал доброе, но был сотворен таким и не мог бы, если бы худ был, по справедливости быть наказан».¹⁰ Иустин здесь же го-

⁹ С. Migne. *Patrologiae cursus completus, series graeca*, t. XCI, стр. 722—1018.

¹⁰ Иустин Апология первая, в переводе П. А. Преображенского. Православное обозрение, 1862, июнь, стр. 81.

ворит об источниках учения о свободном выборе: «Этому научил нас святой дух пророчественный, который свидетельствует чрез Моисея, что перво-созданному человеку бог сказал таким образом: „вот пред лицом твоим благо и зло, избери благое“». Далее Иустин ссылается на пророка Исаяю, а затем: «И Платон, говоря, что „вина в человеке избирающем, а бог невинен“ заимствовал это от пророка Моисея».¹¹ Цитата, которую приводит Иустин, взята им из десятой главы «Политии» Платона, из знаменитого мифа об Ире, сыне Армения, которому отдали дань внимания Плутарх, а с другой стороны, Климент Александрийский, Ориген, Кирилл, Феодорит и, наконец, Августин в своем «De civitate Dei».

Конечно, ни во Второзаконии (XXX, 15), ни у Исаяи (I, 16—20), на которых ссылается Иустин, нет и в помине такого развития темы о свободном произволении, которое содержится в мифе об Ире, сыне Армения, у Платона. «Вы вступаете, — читаем у Платона, — в новый период смертного, смерть носящего рода. Не гений будет избирать вас, а вы выберете гения. . . Добродетель не знает владычества: каждый будет иметь ее больше или меньше, смотря по тому, чит ли ее или уничтожает. Вина на избирающем; бог не виновен. . . надобно особенно стараться о том, чтобы каждый из нас, не заботясь о других науках, был исследователем и учеником этой науки, лишь бы только осведомиться и открыть, кто в состоянии доставить нам способность и знание, как чрез различие в жизни доброго и дурного всегда и везде избирать жизнь из возможных наилучшую, рассчитывая все, как теперь сказано, и рассчитываемое применяя к добродетельной жизни, какова она бывает; как узнать, что такое красота, сопровождаемая богатством или бедностью, в каком состоянии душа делает зло и добро, что такое благородство и неблагородство, частная и правительственная деятельность, сила и слабость, образование и необразованность. . . чтобы из всего этого можно было рационально избрать относящееся к природе души — худшую и лучшую жизнь, худшую так называемую, которая поведет душу так, что она станет несправедливее, а лучшую ту, которая сделает ее справедливее, все же прочее оставит. Ведь мы видели, что это избрание есть важнейшее дело и для живущего и для умершего».¹²

Не может быть сомнения в том, что главным источником рассуждений Иустина о свободном произволении был Платон (возможно, и Аристотель, которого Иустин не упоминает), а не лаконическая строка, имеющаяся во Второзаконии, и совсем уже натянутая ссылка на Исаяю.

«Этика» Аристотеля, развившая принципы платоновской философии, еще больше подчеркнула роль свободного произволения в нравственной природе человека. Она оказала заметное влияние на патристические сочинения IV в.

Ничем иным, как пересказом идей аристотелевской «Этики» является следующая формула самовластия души у Григория Нисского: «Одним из числа всего необходимого есть и сие — быть свободным, не подчиняться какому-либо естественному владычеству, но иметь самовластную, по своему усмотрению решимость».¹³

Приведем отрывок из «Этики» Аристотеля, в котором Аристотель поясняет примерами свое учение о свободном произволении: «И не только

¹¹ Иустин. Апология первая, стр. 82.

¹² Платон. Полития, 614В—621Д. Сочинения в переводе Карпова, ч. III. СПб., 1863.

¹³ Григорий Нисский. Об устройении человека. В кн.: Творения Григория Нисского, ч. I, изд. Моск. дух. акад., М., 1861, стр. 141. Ср.: Аристотель. Этика. СПб., 1908, кн. II, §§ 1, 3, 7 (К Никомаху).

душевные пороки произвольны, но у некоторых людей даже и телесные, поэтому-то их и хулят; кто природой обезображен, того никто не хулит, а только тех, которые обезображены от недостатка телесных упражнений и небрежности; то же относится к телесной слабости и искалечению: никто не станет бранить слепого от природы, или от болезни, или от удара, а станет жалеть его; но всякий станет хулить (ставшего слепым) от пьянства или иного вида невоздержанности. Итак, порицаются те телесные недостатки, которые в нашей власти, те же, которые не в нашей власти, — нет».¹⁴ Сравним этот отрывок с христианской редакцией учения о свободе выбора в статье «О самовластном человечестве» в «Диоптре» по списку XV—XVI вв.,¹⁵ впрочем, совпадающему со списком «Диоптры» XIV в.¹⁶

Статья начинается словами: «Бог человека созда самовластна, словом и премудростию почте ег[о], пред очима его положи живот и смерть (это текст из XXX главы Второзакония, — А. К.), яко да въсхошет самовластием своим в пут животный пойти, жив будет въ веки, аще от злог[о] произволения своег[о] пойдет в пут смертный, вечно мучим будет».

После этого вступления статья, в духе приведенного выше отрывка из Аристотеля, разъясняет, что за свои природные физические недостатки человек не несет ответственности: «... никто же бо осужен быс когда, заеж быти бел или чернь, или долог или мал. Ни бо суть нашег[о] произволения».¹⁷

Укажем на одно очень важное отличие христианского учения о нравственной свободе от соответствующих учений Платона и Аристотеля. Последние считали действия человека свободными при двух условиях: непорабощенности внешней силой и непорабощенности заблуждениями. Они не считали свободным человека, находящегося во власти неведения. Действия такого человека, по мнению Платона и Аристотеля, были слепыми. Это второе условие открывало выход умственным силам человека, самовластною ума, которое дополняло самовластие души и вооружало человека на борьбу против власти тьмы.

Отсюда то огромное, решающее значение, которое Аристотель, как и Платон, отводили мудрости в своих понятиях о нравственной свободе. Это второе условие Платона и Аристотеля было сведено христианством к мудрости в познании христианства. Для христианства началом и концом мудрости было оно само.

Как уже указывалось, патристика широко воспользовалась античным принципом естественной меры («ничего лишнего!»). Этот принцип, намеренный в системе Платона, Аристотель развивал так: «... добродетель... точно так же как и природа, должна стремиться к середине».¹⁸ Те результаты деятельности были, по Аристотелю, совершенными, «от которых нельзя ничего ни отнять, ни прибавить, так совершенство уничтожается избытком и недостатком, а сохраняется серединой».¹⁹ Отсюда, пояснял Аристотель, «мужество — середина трусости и отважности... В области наслаждений и страданий... середину мы называем умеренностью, избыток — невоздержанностью... щедрость — середина относительно траты

¹⁴ Аристотель. Этика, стр. 48.

¹⁵ Рук. № 505 собр. Пискарева в ВБЛ.

¹⁶ Рук. № 15/15 Чудовского собр. в ГИМе.

¹⁷ Рук. № 505 собр. Пискарева в ВБЛ, л. 210.

¹⁸ Аристотель. Этика, стр. 30.

¹⁹ Аристотель. Этика, стр. 30.

денег на приобретение; избыток называется расточительностью, а недостаток скупостью».²⁰

Григорий Нисский повторял Аристотеля: «... всякая добродетель есть середина двух зол — недостатка и чрезмерности в добре. Например, о мужестве и свободе говорят, что одно усматривается в середине между трусостью и дерзостью, а другая — между связанностью мелочами и самовольством. И утверждают, что к числу пороков принадлежат трусость и связанность мелочами по недостатку в надлежащем, а самовольство и дерзость по излишку и преступлению меры; середину же между чрезмерностью в том и другом называют добродетелью».²¹

Античное учение о естественной мере как середине между излишеством и недостатком было нравственным принципом, с помощью которого регулировалась свобода выбора. Отклоняя извращения естественной меры, это учение утверждало жизнь во всех ее здоровых началах. Что было «нужно», «необходимо», «полезно» по самой природе вещей, то и было нравственно. Как бы это ни казалось неожиданным с точки зрения принятых представлений, но у Григория Нисского, как и у Григория Богослова, находились сильные слова в защиту прав человеческой плоти, определявшиеся упомянутым принципом естественной меры. В рассуждении «О девстве» Григорий Нисский, проповедуя общие христианские воззрения на брак, вместе с тем писал: «Никто, впрочем, из сказанного нами не должен заключать, что мы отвергаем установления брака: ибо неизвестно нам, что и он не лишен благословения божия. Но поелику в защиту его достаточно говорит общая природа человеческая, вложившая самопроизвольное стремление к нему во всех, которые путем брака рождают детей, а девство как бы противоречит природе, то излишен был бы и труд писать советы и увещания относительно брака, когда само удовольствие служит непреодолимым его защитником. Нужна может быть такая речь о браке для тех, которые искажают догматы церкви, которых апостол именует сожженными своей совестью (1 Тим. IV, 2) и именует справедливыми...» (разрядка наша, — А. К.).²²

Это рассуждение Григория Нисского шло от античности. И Платон утверждал в «Законах», что «человек должен держаться своей вечно рождающей природы». И Аристотель называл в «Этике» брак древнейшим и необходимым установлением природы.

Патристическая литература, составляющая огромную часть древнерусской письменности, несла с собой и «остатки древней образованности» для тех, разумеется, кто искал древнюю образованность, кто умел отделять истинное знание от ложного. О фонде патристической литературы в древнерусской письменности Горский и Невоструев писали: «Таковыми и другими способами составилась у нас богатый запас переводов отеческих писателей, какого не представляет ни одна древняя литература новых западных народов».²³

Но ни Иулиан, ни Григорий Нисский, ни Григорий Богослов, ни другие многочисленные «отцы церкви», сочинения которых в большем или меньшем объеме представлены в древнерусской письменности, не могли служить ознакомлению с античным философским наследием так, как сочинения Псевдо-Дионисия Ареопагита.

²⁰ Аристотель. *Этика*, стр. 32.

²¹ Григорий Нисский. Точное изъяснение песни песней Соломона. Творения, ч. III, М., 1862, стр. 245—246.

²² Григорий Нисский. О девстве. Творения, ч. VII, М., 1865, стр. 323—324.

²³ А. Горский и К. Невоструев. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки отд. II, стр. VI.

II

В семнадцатой главе «Деяний апостолов», в рассказе о проповеди Павла в афинском ареопаге, среди эпикурейских и стоических философов содержится упоминание о некоем Дионисии Ареопагите, одном из немногих, последовавших за Павлом после его проповеди.

В христианской литературе VI в. стали известны сочинения, носившие имя Дионисия Ареопагита.

Уже гуманистическая наука в лице Лоренцо Валла и Эразма Роттердамского усомнилась в аутентичности сочинений Дионисия Ареопагита. Историческая наука XIX в. окончательно установила, что сочинения под именем Дионисия Ареопагита никакого отношения к персонажу из апостольских деяний не имеют, что эти сочинения написаны в конце V в. и что автор их — христианский писатель, принадлежавший к неоплатонической школе.

Сочинения Псевдо-Дионисия Ареопагита в полном объеме появились на Руси в конце XIV в. Их привез митрополит Киприан в копии, собственноручно сделанной им с перевода болгарского монаха Исаяи.²⁴ Монах Исаяя трудился над переводом сочинений Псевдо-Дионисия Ареопагита и схолий к ним Максима Исповедника в течение двадцати лет и окончил свой труд в 1371 г. В списке Киприана представлены как сочинения Псевдо-Дионисия, так и схолии к ним Максима Исповедника.²⁵

Русское общество проявило значительный интерес к сочинениям Псевдо-Дионисия Ареопагита. Они многократно переписывались в XV, XVI, XVII и даже XVIII вв. Не вникая сколько-нибудь подробно в историю литературной традиции Псевдо-Дионисия, укажем, однако, на существование двух изводов его сочинений в древнерусской письменности. Первый, самый ранний, назовем киприановским, второй, внесенный в макарьевские Минеи Четии, — минейным.²⁶ Отличие минейного извода от киприановского состоит в том, что многочисленные глоссы на полях киприановской рукописи, не принадлежащие ни Псевдо-Дионисию, ни Максиму Исповеднику, в минейном изводе введены в основной текст. Кроме того, минейный извод отличается от киприановского иным порядком чередования основного текста со схолиями Максима Исповедника.

Выяснение отношения перевода Исаяи к греческому оригиналу должно быть делом специального исследования и в задачу настоящей работы не входит. В пределах, которые определялись интересами нашей работы, мы имели возможность слить перевод сочинения Псевдо-Дионисия «О божественных именах» с латинским текстом этого сочинения (по Миню). Отступления, замеченные нами у переводчика, сводятся главным образом к сокращениям, не очень значительным, которые, как правило, относятся к наиболее абстрактным спекуляциям Псевдо-Дионисия в неоплатоническом духе.

Мы считаем несколько пострадавшей в переводе эманационную теорию Псевдо-Дионисия как от сокращений, так и от огрубления мысли Псевдо-Дионисия, для адекватного выражения которой переводчику не хватило терминов. То же можно сказать о переводе ареопагитских онтологических определений божества. Мы не обнаружили каких-либо попыток переводчика к сознательному перетолкованию Псевдо-Дионисия в ортодоксально-церковном духе. В меру своего разумения переводчик добросовестно делал свое дело, и когда через триста лет после Исаяи был осуществлен новый перевод сочинений Псевдо-Дионисия Ареопагита (евфимиевский в 1675 году), то он в большой мере повторил перевод Исаяи.

²⁴ Рук. № 144 бывш. Московской духовной академии (МДА) в ВБЛ.

²⁵ Богословская энциклопедия, т. IV, стр. 1076—1082.

²⁶ ВМЧ, октябрь, дни 1—3. СПб., 1870. стр. 266—792.

Православная церковь с предубеждением отнеслась к сочинениям Псевдо-Дионисия Ареопагита, хотя для нее он был учеником апостола Павла и святым Дионисием Ареопагитом.

Богословие второй половины XIX в. еще пыталось доказать подлинность этих сочинений и подчеркнуть православные моменты в них. Таково было исследование епископа Порфирия Успенского «Святой Дионисий Ареопагит и творения его».²⁷ Современное богословие искажает взгляды Псевдо-Дионисия, чтобы выдать их за ортодоксально-православные и таким путем изолировать Псевдо-Дионисия от того философского окружения, к которому он исторически принадлежал. Примером этого рода может служить статья В. Лосского «Отрицательное богословие в учении Дионисия Ареопагита».²⁸

Гораздо более прямым было отношение к Псевдо-Дионисию Ареопагиту со стороны Е. Голубинского. Он не верил ни в имя Дионисия Ареопагита, ни в его православие и не мог простить болгарскому монаху его перевода ареопагитских сочинений с греческого: «Но трудившиеся над переводами книг с греческого, — писал Е. Голубинский, — болгарские и сербские монахи позднейшего нашего послемонгольского времени не показали своей заботливости о том, чтобы доставить славянскому православному миру греческую богословско-догматическую письменность в возможно полном составе ее важнейшего... единственное, что было ими переведено по нашему отделу догматического богословия, это — творения „темного в разуме“ (очень трудного для понимания), философствующего по Платону богослова Дионисия Ареопагита (т. е. позднейшего писателя, известного под именем Дионисия)».²⁹

В целом русская православная церковь была ближе всего к оценке, которую дал Псевдо-Дионисию Ареопагиту Е. Голубинский. Во всяком случае основное сочинение Псевдо-Дионисия «О божественных именах» так никогда и не появилось на русском языке.

Сочинения Псевдо-Дионисия Ареопагита, особенно со второй половины XIX в., были предметом тщательного изучения и, кажется, более всего со стороны немецких филологов, историков, философов (работы Jhan'a, Koch'a, Siebert'a и др.).

Эти ученые построчно расписали сочинения Псевдо-Дионисия Ареопагита по предваряющим ареопагитские сочинениям Платона, Плотина, Прокла. Действительно, совпадения велики. Сравним в качестве примера отрывок из книги «О божественных именах» Псевдо-Дионисия с соответствующим отрывком из «Пира» Платона:

Псевдо-Дионисий

Добро же, яко прекрасно вкупе и предобро и присно сый и подобно, и такожде добро и ниже бываемо, ниже растлеваемо, ниже растимо, ниже умънеемо, ниже овои убо добро, овои же студно, ниже тогда — убо, тогда же — ни, ниже к овому убо добро к овому же студно, ниже идеже — убо, идеже — ни, или неким убо суще добро, неким же не добро, но яко само по себе с собою единовидно присно сый добро.³⁰

Платон

(Прекрасное) всегда существует и ни рождается, ни погибает ни оскудевает; потом оно не таково, что по этому прекрасно, а по иному безобразно, либо иногда прекрасно, а иногда нет, либо для одного прекрасно, а для другого безобразно, либо там прекрасно, а здесь безобразно, либо одним прекрасно, а другим безобразно. Это прекрасное... как сущее само по себе, всегда с собою одновидное.³¹

²⁷ Порфирий Успенский. Первое путешествие в афонские скиты и монастыри, ч. II. М., 1881.

²⁸ Seminarium Kondakovianum, III. Prague, 1929.

²⁹ Е. Голубинский. История русской церкви, т. II. М., 1917, стр. 136

³⁰ Дионисий Ареопагит. О божественных именах (IV, 9). Рук. № 144 бывш. МДА в ВБЛ, лл. 138 об.—139.

³¹ Платон. Пир, 211 А/В. Сочинения в переводе Карпова, ч. IV. СПб., 1863.

Можно указать на множество платоновских, платиновских и особенно прокловских³² фраз и целых отрывков, которые в составе сочинений Псевдо-Дионисия Ареопагита вошли с XIV в. в культурный оборот русского общества, ничего не потеряв в собственном философском значении от соседства с ареопагитскими текстами.

Но не этим определяется философское и общекультурное значение идей, представленных в сочинениях Псевдо-Дионисия, особенно в его книге «О божественных именах». В этом сочинении Псевдо-Дионисия, явно преваляя над христианским мировоззрением, раскрывается антично-пантеистическое мировоззрение автора. То, что автор пытается осмыслить и перетолковать христианство с основ философского пантеизма («эманатизма») древности, придавало полемическую остроту его книге, делало ее гораздо более угрожающей для христианства, чем платиновско-прокловские сочинения, и обеспечило книге Псевдо-Дионисия Ареопагита самостоятельную культурно-историческую роль. Для ищущего читателя древней Руси новый философский мир открывался в книгах Псевдо-Дионисия. В конце XIV в., в то время, когда Киприан привез свой список, и даже раньше этого времени, такой читатель на Руси уже был. Это могли быть, во всяком случае, стригольники, «изучившие словеса книжные» и в 1375 г. заплатившие жертвенную дань за свои идейные искания. Такой читатель искал и находил у Псевдо-Дионисия не православно-ортодоксальное, а пантеистическое мировоззрение. Он узнавал, что бог «естъ в духах и в душах, и в теле, и в небесах, и в земле, во всех вместе; (что он есть) в мире, о мире (т. е. вокруг мира, — А. К.), над миром, над небесами, над существенным; (что он) солнце, звезда, огонь, вода, ветер прохладный, облако, что он камень основополагающий — все, что существует, и ничто из существующего».³³ Не такие ли же представления о боге, когда бог был во всем, и в небе, и в земле, имели стригольники, исповедовавшиеся земле и нарицавшие себе отца в небе?

Но если бог не являлся ничем одним из сущего, но все сущее проникал собой, то этим самым он освящал не только мир духовного, не только умы и души, но также и тела и весь материальный мир вообще. Русский читатель конца XIV в., воспитывавшийся церковно-аскетической проповедью и письменностью в духе умерщвления греховной и бренной плоти, неожиданно узнавал из ареопагитских сочинений: «Но зло не в телах — уродливость и недуг (это) оскудение формы (вида) и недостаточность порядка (в теле). Отнюдь же это не зло, а уменьшение блага. Если же и всецелое будет разрушение красоты (добра) и формы (вида) и порядка (в теле) — разлится и самое тело.

«А то, что отнюдь не тело, причина зла в душе, явствует из того, что зло может быть и помимо тела. . .».³⁴

Итак, не тело является источником зла. Не является вообще источником зла материя как таковая. Псевдо-Дионисий Ареопагит предлагает свое-

³² См.: Hugo Koch. Pseudo-Dionysius Areopagita in seinen Beziehungen zum Neoplatonismus und Mysterien Wesen. Mainz, 1900.

³³ «ибо и в умех того быти (т. е. бога, — А. К.) реша и в душах, и в теле, и в небеси, и в земли, и въкупе ту; того в мире, о мире, премирна, пренебеснаго, пресущствьнаго — солнце, звезду, огонь, воду, духъ хладенъ, облак, самокамень и каминь?), въсе яже суща и ни едино сущиих» (рук. № 144 бывш. МДА в ВБЛ, л. 99 об.).

³⁴ «но ниже в телесах зло — нелепота бо и недуг оскудение вида и улишение чина. Се же не отнюдь зло, но мньше добро. Аще бо свьсма (= *ολοτελης* — «вполне совершенный», — А. К.) будет раздрешение доброты и вида и чина — разлится и само тело. А якоже ниже злобы виновно души тело явлено от еще мощно быти и кроме телесе състоится злобе. . .» (рук. № 144 бывш. МДА в ВБЛ, лл. 175, 175 об., 176 об.). В рукописи текст Псевдо-Дионисия перемежается со схолиями Максима Исповедника.

образную философскую апологию благодати материального. В этом пункте он не столько с Платоном и неоплатониками, сколько с «Физикой» Аристотеля, в которой можно угадать (окончание первой книги «Физики», текст 192а) источник рассуждений Псевдо-Дионисия. Приведем (в переводе) это рассуждение, как оно изложено в киприановском списке:

«Но не в материи пресловутое зло, как (это) говорят, потому что материя и та красоте, добру и форме причастна. Если же исключить таковые (т. е. красоту, добро, форму, — А. К.), может ли что-нибудь причинить материя, сама по себе бескачественная и бесформенная, материя сама по себе не могущая (и) чувствовать?»

«Иначе как же материя зло? Если это так, то никак и нисколько не есть она ни благо, ни зло. Если же (она) в чем-то существенна, существенное же все от Благого, (то) и эта (т. е. материя, — А. К.) от Благого будет. Или Благо творит зло, или зло, как существующее от Блага — благо... Если же говорят, что материя необходима для наполнения вселенной, (то) как материя зло? Одно (дело) зло, другое (дело) необходимости. Как же Благой производит нечто из зла к бытию? Или как же зло то, что желает благого? Как, будучи злом, материя рождает и питает природу? Ибо зло, будучи злом, ничего не рождает или питает или что-либо производит или сохраняет!

«Если же скажут, что (материя, — А. К.), хотя и не производит зло в душах, но увлекает их (ко злу, — А. К.), как будет истинно это? Многие из них (душ, — А. К.) взирают к Благому, а как же этому быть, (если) материя всячески таковые (души, — А. К.) ко злу увлекает? Тем же не от материи зло в душах, но от бесчинного и грешного побуждения.

«Если же скажут и так, что (души, — А. К.) последуют материи, а материя, (сама) не будучи существенной, необходима (для того), что само собой не может осуществиться, (то) как зло необходимо или же необходимость зла?»³⁵

Как видно из приведенного текста, Псевдо-Дионисий многосторонне рассматривает проблему благодати материального. Он доказывает, что зло не в материи, приводя к противоречию платоновскую натурфилософию, провозгласившую материю бескачественной и «не сущей» (τὸ μὴ ὄν). Ибо если признать материю за «не сущее», то она и не благо и не зло.

Псевдо-Дионисий далее обращается к натурфилософии Аристотеля, придавшей материи некоторую существенность как положительной потенции (δυναμικόν) эмпирического мира. Он показывает, что с этой точки зрения материя причастна благому.

По Псевдо-Дионисию, мир, как наполненный богом, наполнен благом (по тенденции, заложенной в философии Псевдо-Дионисия, эту фор-

³⁵ «Но ниже многословущее в вещи зло, якоже решя, поже вещь и бо и та красоты и доброты и вида имат причястие. Ащели сих кроме вещь по себе не качьствена ес и невидовна, како творит что вещь, яже ниже еже страдати мощи по себе имущи? Инако же како вещь зло? Аще бо убо николико есть ниже благо, ниже зло. Ащели же некако суще, сущаа же все от благаго — и сия от благаго убо будет. И или благо злу творительно или зло, яко от блага суще — благо... Ащели же нужно глаголят вещь к исполнению всего мира, како вещь зло? Ино бо зло и ино бо нужно. Како же благый от злаго приводит некаа к бытию или како зло, еже благого требуй?»

«Како же рождает и питеет естество вещь зла сущи? Зло бо, поже зло ни единого есть рождалено или питателно или отнуд творително или спасително? Ащели же рекут тои убо не творити злобу в душах, привлачите же тех — како будет се истинно? Многья бо их в благое зрят а паче како быс се вещи всеко та в зло влекущои? Тем же не от вещи в душах злое, но от безчиннаго и съгрешна движения. Ащели же и се рекут вещи всеко последовати и нужна нестателна вещь иже собою утврждатися не могущих, как зло нужно или еже нужно — зло?» (рук. № 144 бывш. МДА в ВБЛ, лл. 176 об., 178, 178 об.).

мулу следовало бы представить в обратном порядке, т. е. мир, как наполненный благом, наполнен богом).

Зла в мире нет. Бывает оскудение блага, и это воспринимается нами как зло. Наполненный благом мир тем самым наполнен любовью и красотой. Так ведет нить своей философии Псевдо-Дионисий. Его вывод: мир прекрасен во всем, что ни есть в мире.

«Так же, — читаем у Псевдо-Дионисия, — как перебирая руками светлую цепь, идущую от верха небес и спускающуюся в наш мир, кажется нам, что мы ее низвлекаем, а на самом деле не ее, находящуюся между горним и дольным низвлекаем, а сами возводимся к высочайшему, полному сияния и блеска лучу. . . (так) прежде всего надо творить молитву, предпочтя ее богословию, не (чтобы этим) привлечь сущую везде и нигде силу, но себя ей вручить и соединиться (с нею) призыванием и памятованием божественного».³⁶ Человек Псевдо-Дионисия обладал великими духовными силами, способными возвести его к такому пределу совершенства, где он соединился с богом. Светлой цепью, протянутой от божественного к мирскому и возводящей мирское к божественному, была любовь. Ее составляли пять нижущихся друг за другом звеньев. Но обратимся к Псевдо-Дионисию: «Любовь — божественную ли, либо ангельскую, либо духовную, либо животную, либо природную, назовем некоей соединительной и охватывающей силой, подвижущей высоких на заботу о меньших, равночинных, в свою очередь, к сообщению друг с другом и обращающую низших и меньших к лучшим и превышающим».³⁷ Любовь естественная, как разъясняют Псевдо-Дионисий и его комментатор Максим Исповедник, это — стремление неодушевленной природы, направленное к сохранению своего бытия. Так камень сопротивляется удару молота, выявляя таким способом стремление существовать. Это стремление, как бы выступая из самого себя, касается животной любви, «чувственного любления без ума». Чувственная любовь в своем высшем развитии достигает сознательной, подлинно человеческой любви. Последняя, одухотворяясь, достигает той степени совершенства, на которой она из разумной становится духовной, ангельской. Наконец, ангельская чисто духовная любовь сопредельна с божественной. Так протягивается между божественным и мирским единая цепь любви, состоящая из пяти звеньев.

В этом своем учении Псевдо-Дионисий не был оригинален, по крайней мере в основной идее его. Учение о божественном Эросе принадлежит, как хорошо известно, Платону, который пытался цепью любви и красоты связать его же философией разорванные миры идеального и чувственно-эмпирического. Особенностью учения Псевдо-Дионисия является то, что он пытался спасти божественный Эрос Платона от угрожавшего ему и победно развивавшегося христианства. Псевдо-Дионисий пытался внести в христианство это платоническое учение и сделал глашатаем божественного Эроса самого апостола Павла: «Множеству (людей) непонятно наиме-

³⁶ «... якоже аще многосветлой узе от небесного края повешенной до-зде же сходящей и присно тоя напред руками поеманием дръжачесе низвлеци убо ту мнимся. Истинная же не сводим ону горе же и доле посред (слово «посред» на полях, — А. К.) бываемую, но сами мы възводимся к высочайшим многосветомных луч зарем . . сего ради и прежде всего и паче же богословия молитву начинати должно ес, не яко привлачашим яже везде сущая и нигде же силу, но якоже божественными памяти и призываним нас самех вручашся и съединеаще» (рук. № 144 бывш. МДА в ВБЛ, л. 122 об.).

³⁷ «Рачительство, любо божественное, любо аггельское, любо разумное, любо душевное, любо естествоное, речем, съединительная нека и съдержателная да разумеем силу, яже убо високаа подвижууя на промысл менших, вкупочиннаа же паки в причастное друг друга имательство и при последних (на полях «меншаа к лучших», — А. К.) и превышележащих обращению» (рук. № 144 бывш. МДА в ВБЛ, л. 151 об.).

нование бога как простоты любовной, — говорит Дионисий, явно полемизируя с христианскими противниками платонизма, — судя по себе, (они понимают это) телесоподобно и разобщающе, что не есть истинная любовь, но кумир или, лучше, отпадение от истинной любви. Ибо непонятны для многих простота и единство божественной любви... Божественная любовь — это есть истступительная (преизбытокствующая, — А. К.) сила, которая (нас) не оставляет в любви к самим себе, но (обращает) к (другим) любимым, указывая тем, кто выше, заботиться о меньших, равным — взаимно держаться друг друга, а меньшим — божественно направляться к первым.

«Сего ради великий Павел, будучи одержим божественной любовью и приобщившись к ее истступительной силе, сказал божественными устами: „Это не я живу, — живет во мне Христос“. Поистине, как сам и говорил бог, (так) и живет не своей, но жизнью любовной, весьма усладительной». Но сила любви превышает самого бога. «Осмелюсь же ради истины сказать и то, что сам всего виновник в благе и красоте любви ко всему, по безмерию любовной благодати выступает сам из себя и влечется в сущее всеми промыслами и неким образом благодатью, любовью и страстью и от всяческого превосходства ко всем сходит по истступительной, пресущественной, не отходящей от него силе».³⁸

В согласии ли с буквой Псевдо-Дионисиева учения или в отход от нее, но все изложенное им о божественном Эросе позволяло заинтересованному читателю угадывать в подтексте формулу: «Все во мне и я во всем».

Мы указали на некоторые существенные идеи в учении Псевдо-Дионисия Ареопагита, пользуясь пространными выдержками из его сочинения «О божественных именах». Античный философский пантеизм, сказавшийся в сочинениях Псевдо-Дионисия Ареопагита, античные принципы нравственной свободы и естественной меры у других церковных писателей раннего средневековья (их в большей или меньшей мере повторяет и Псевдо-Дионисий Ареопагит), — могли ли они служить материалом для выработки гуманистических идей? В каком отношении к этим источникам стоит западная гуманистическая мысль? В каком отношении к ним стоит русская общественная мысль XV—XVI вв.?

III

Сочинения Псевдо-Дионисия Ареопагита были возрождены западными гуманистами. Имя его, в одном ряду с Платоном, Аристотелем и Плотинем, вошло в сочинения Марсилия Фичино и Джованни Пико дела Миран-

³⁸ «Множеству не вместившу еже единовидное рачительнаго богоименования искрвине (искрвнии = πρὸς τὸν — «приближаться», «подходить», «находиться близ») себе в частно и телесоподобное и раздельное пользвошас еже нес истинно рачительство, но кумир или паче отпадение истиннаго рачительства. Невместимо бо ес множеством единствѣнное божествнаго и единаго рачительства. Ее же и иступително божественно рачительство, не оставяе самех себе быти рачителе, но рачимых и являеть яже убо превышаа промысла бывше мѣнших и вѣкупо сѣставнаа друг друга сѣдрѣжання и яже мѣншаа к прѣвным божествнейшааго обращенна. Сего ради Павел великий в одрѣжании божественнаго быв рачительства и иступительнаа его силы приобщився божественными усты: „живу аз, рече, не к тому, живет же во мне Христос“, яко истинне рачител и иступителне, якоже сам глаголет богови и не свою живе, но рачителеву жизнь, як zelo любовная.

«Сметелне же и о сем истине рещи, яко и сам иже въсех виновны добрым и благом въсех рачительством, безмерна ради рачительнаа благодати въне себе бывает иже в сущаа въсе промысленми и образом неким благодатию и любовию и рачительством привлачитс и от паче въсех и всех изряднѣства к еже въвсех сѣходит по иступительной пресуществной силе неотходной его» (рук. № 144 бывш. МДА в ВБЛ, лл. 149, 149 об., 150).

дола, виднейших теоретиков и деятелей итальянского гуманизма XV в. Наибольшее внимание переводу сочинений Псевдо-Дионисия и комментированию их уделил Марсилий Фичино, но и Мирандола называл Псевдо-Дионисия (который был для него Дионисием Ареопагитом) «божественным человеком» и в «De Ente et Uno», пусть и с большим преувеличением, утверждал, что Дионисий Ареопагит «выше» Платона и Аристотеля.

Мы последуем за Марсилием Фичино в его комментариях на книгу Псевдо-Дионисия «О божественных именах». Опираясь на это сочинение Псевдо-Дионисия, Марсилий Фичино развивал свое гуманистическое учение.

В центре гуманистических идей и всей идеологии Возрождения стояло приятие жизни и утверждение жизни как высшего из возможных, абсолютного блага. Фичино пересказывает Дионисия: «Кроме того, не тело является причиной пороков, сосредоточенных в душе; отсюда ясно, что даже вне тела может возникнуть испорченность, как например, у демонов.

«Вот что является злом для ума и души: слабость, не способная следовать за собственным благом, и падение».³⁹

Пользуясь этим положением как отправным, Марсилий Фичино развивает следующее: «Некоторые древние называли материю злом, может быть, думая, что она — чистое зло, начало (всех) зол.

«Дионисий опровергает это так: материя мыслится как или принявшая некую форму или лишенная всякой формы; если она приняла некую форму, то она сделалась уже способной к добру; если она лишена формы, то вследствие (этого) отсутствия формы, явно не способного к действию, она ничего не может осуществить, (следовательно), не может быть названа началом зла. И она даже не может испытывать никакого зла».⁴⁰

Марсилий Фичино, вслед за Аристотелем и Дионисием Ареопагитом, значительно ограничивает платоновское определение материи как некоей пустоты, полого пространства, в котором разворачивается творящая энергия вечных идей. Он, конечно, не может признать в материи вечной сущности, первопричины всего существующего. Он ищет какую-то «среднюю» позицию в этом основном философском вопросе и находит ее в Дионисиевском толковании материи как необходимости. «Итак, — пишет Фичино, — она (материя, — А. К.) должна быть названа чем-то средним между добром и злом, а именно „необходимым“, так как природа необходимого, как и природа материи, всегда возвращается к другому, обратно к благу. Необходимое любым способом устремляется к благу, поскольку оно избирает (нечто) полезное и направленное к определенной цели. Это свойство необходимого представляется чуждым злу. Отсюда ясно, что материя — не зло, потому что самое благо устроило материю для создания как можно большего числа благ. И сама (материя) естественно и неизбежно стремится к формам добра, она, как в „Тимее“ говорит наш Платон, мать и кормилица всего порожденного, беспорно лучшего».

Однако принятие материи как необходимости, как «матери и кормилицы всего порожденного» (ср. не только у Платона, но и у Дионисия: «како же рождает и питает естество вещь, зла суще?»), служит у Фичино предпосылкой для оправдания материального начала в человеке, ибо человек является целью гуманистической философии Фичино. И для этого привлекает он Дионисия Ареопагита, комментируя тезис Дионисия «Зло в душе не от материи, которая создавала бы зло или притягивала душу». «Те, которые думают, — говорит Фичино, — что материя порождает некое зло

³⁹ Marsilii Ficini florentini, opera omnia. Parisiis, MDCXLL, tomus secundus, стр. 61 (В дальнейшем: Marsilius Ficino).

⁴⁰ Marsilius Ficino, стр. 61.

в душе, вынуждены немедленно признать, что материя не лишена формы, а облечена в некие формы, при помощи которых может нечто породить, и, следовательно, душа телесна, если она может быть создана или разрушена чем-то телесным. А это, вне сомнения, ложно. Нет недостатка и в таких, которые измышляют, что материя неизбежно влечет ко злу. Они немедленно опровергаются тем, что они представляют некую силу самой материи, конечно, не имеющей никакой силы; часто души, даже и против желания тела, обращаются к бестелесным благам». ⁴¹ Для Фичино, воспитанного в духе античных натурфилософских понятий, материя представлялась пассивной. Исходя из этого представления о материи, Фичино противопоставляет пассивности материи активность души, пользуясь этим как доказательством против «измышляющих», что «материя неизбежно влечет ко злу». Он пользуется античным учением о нравственной свободе, или, иначе, учением о самовластии души: «Третье мнение, созвучное платоникам, что есть два начала, вызывающие изменения: одно — активное, т. е. душа, начинающая свои изменения из самой себя; другое начало пассивное, т. е. материя, способная принимать различные формы, (нечто) необходимое, подчиненное формам, способным изменяться. Всемирный закон таков, что душа, входя в сношения с материей, постоянно полная суетных дел, чаще сама направляет свой путь от неизменного блага к благам переменчивым. А такое обращение — грех и зло, хотя материя и не принуждает к этому. Это всемирный закон часто так приравнивает одни обстоятельства к другим. Поэтому не называя дурной природу материи, если ты признаешь ее необходимой в мире». ⁴² Ссылаясь на «мнение, созвучное платоникам», как на источник, Фичино высказывает принцип самовластии души, дважды называя его «всемирным законом». Дело в том, что именно этот принцип был положен гуманистами в основу их учения о независимости, свободе и достоинстве человека.

Новое учение о человеке, разработанное гуманистами и отметившее собой целую культурную эпоху, определило и другую теорию гуманистов — их теорию о благе и любви как всемирном законе. Гуманисты, подчеркившие со всей энергией, на какую только были способны, значение индивидуальности, понимали под индивидуальным человеком не бесстрастного самосозерцателя, а человека общественно активного.

По ставшей классической характеристике Энгельса, люди Возрождения «почти все живут в самой гуще интересов своего времени, принимают живое участие в практической борьбе, становясь на сторону той или иной партии, и борются кто словом и пером, кто мечом, а кто и тем и другим вместе. Отсюда та полнота и сила характера, которые делают их цельными людьми». ⁴³ Из общественных интересов гуманистов вытекало их учение о благе, любви, единении. О любви как универсальном принципе бытия много пишет и Марсилиус Фичино, привлекая сочинения Псевдо-Дионисия и на этот раз. Фичино переводит: «Говорим ли мы о любви божественной, или ангельской, или умственной, или душевной, или природной, мы станем подразумевать некую силу, объединяющую и сливающую, побуждающую высших заботиться о низших, находящихся на одном положении помогать друг другу; силу, призывающую низших обратиться к высшим». ⁴⁴

Фичино определяет любовь как силу союза и единения: «Когда учитель Дионисий вместе с Иерофеем называют любовь силой, я понимаю (под

⁴¹ Marsilius Ficino, стр. 61.

⁴² Marsilius Ficino, стр. 61. (Здесь и ниже разрядка моя, — А. К.).

⁴³ Ф. Энгельс. Диалектика природы. Госполитиздат, 1952, стр. 4

⁴⁴ Marsilius Ficino, стр. 49.

этим) сильное внутреннее движение, направленное к единению и слиянию. Что значит объединять, связывать и сливать воедино, мы изложили выше. Он насчитывает в свое время пять видов любви». ⁴⁵

Особенно теплые слова находит Фичино для любви природной: «Пятый вид любви (представлен) в природе, то есть или в здоровой силе какой-либо души, или в некоей известной способности всякого тела, где бы то ни было и повсюду, в соответствии с (его) силами, присоединяющей (к нему) нечто подходящее. Отсюда происходит и любовь голодного к пище и любовь жаждущего к питью, любовь листьев и цветов к теплу, корней к влаге, гладкого к круглому, магнита к железу, огня к воздушной стихии и маслянистому». ⁴⁶ Любовь универсальна, как самая жизнь. «Наконец, — заключает Фичино, — если удалить из мира любовь, ни высшие не будут заботиться о низших, ни низшие не будут поручать себя высшим, ни находящиеся на одном положении не будут помогать друг другу». ⁴⁷

Приведенные тексты из Марсилия Фичино не дают представления о всем объеме, в каком сочинения Псевдо-Дионисия Ареопагита были привлечены Фичино в качестве источника для развития им своих гуманистических идей. Но и они позволяют судить о значении сочинений Псевдо-Дионисия для знаменитого учителя Мирандолы и о направлении, в котором Фичино развивал идеи Псевдо-Дионисия.

Ссылки, сделанные нами на комментарии Фичино к книге «О божественных именах», избавляют нас от необходимости приводить рассуждения Мирандолы, связанные с идеями Псевдо-Дионисия. Но один факт заслуживает быть отмеченным.

Следование идеям Псевдо-Дионисия было небезопасным и вызывало нарекания со стороны католической церкви. Мирандоле приходилось отстаивать подлинность и правоту автора ареопагитских сочинений, тем самым отклоняя от себя подозрения в религиозном вольномудстве. «... он был вернейшим учеником Павла в вере Христовой...», — писал Мирандола, — бог через апостола своего привел Дионисия к тому, что он признал истину, последовал за ней и обрел венец мученика за веру Христову. Об его учености много говорил Григорий и папа Мартин в римском соборе, созванном против еретиков. Дамаскин и многие другие превозносят его в самых высоких похвалах; книги его, скрытые еретиками, долгое время не были известны верующим». ⁴⁸ В действительности же не еретики, а именно католическая церковь скрывала сочинения Ареопагита от массы верующих.

Но Псевдо-Дионисий Ареопагит, возрожденный западноевропейскими гуманистами, был замечен (и задолго) до западноевропейских гуманистов на Востоке. Шота Руставели в «Витязе в тигровой шкуре» упоминает Дионисия и поэтически раскрывает его философию:

Мудрый Дивнос открывает дела скрытого исток:
Лишь добро являет миру, а не зло рождает бог,
Злу отводит он мгновение, а добру — пространный срок,
Ввысь подъяв его истоки, где нетленности порог. ⁴⁹

Переводчик Шота Руставели, профессор Ш. Нуцубидзе, он же автор очень интересного исследования «Тайна Псевдо-Дионисия Ареопагита», в следующих словах оценивает значение ареопагитских идей в культурной истории Грузии XII—XIII вв., и в частности в творчестве Руставели:

⁴⁵ Marsilius Ficino, стр. 49.

⁴⁶ Marsilius Ficino, стр. 49.

⁴⁷ Marsilius Ficino, стр. 49.

⁴⁸ Opera omnia Joannis Pici Mirandulae... Basileae, MDLVII, стр. 306.

⁴⁹ Шота Руставели. Витязь в тигровой шкуре. ГИХЛ, М., 1941, строфа 1494.

«...если ареопагитский неоплатонизм является идеологическим базисом грузинского ренессанса, то философская поэма Руставели „Витязь в тигровой шкуре“ дает адекватное поэтическое восприятие идей Псевдо-Ареопагита».⁵⁰

Философские идеи Псевдо-Дионисия Ареопагита были фактом мирового культурного значения. И прежде всего для развития идеологии гуманизма.

IV

Характер и цели использования патристики в православной церкви не есть критерий отношения к патристике со стороны древнерусского читателя. Интересы церкви и общества не совпадали и в этом пункте. Поэтому, если согласиться с А. С. Архангельским в том, что переводы патристических сочинений были «любимым и главным»⁵¹ материалом для чтения в древнерусском обществе, то следует либо отождествить вкусы, запросы и интересы древнерусского читателя с церковными, либо понять, что древнерусский читатель удовлетворял в патристике отнюдь не одни конфессиональные интересы.

Понятие мудрости и науки не было в сознании русского общества XIV—XVI вв. отдифференцировано от религии, так же как, например, и у самых образованных и ярких деятелей итальянского гуманистического просвещения XIV—XVI вв. Грамота едва ли не понималась как Писание, т. е. как писание с большой буквы, как священное писание, а не просто искусство чтения и письма. Но этот факт имеет двустороннее значение. Люди всегда живут интересами жизни. Религиозное восприятие мудрости и науки было возможно потому, что и в самой религии искали науку и мудрость жизни, не жизни метафизической, а науку и мудрость насущного человеческого бытия.

Для древнерусского общества Афанасий Александрийский, Василий Великий, Григорий Назианин, Григорий Нисский, Дионисий Ареопагит, а также и Аристотель, и Платон, и Фалес, и Демокрит, и Зенон — это не два ряда имен, это один ряд. В древнейшем из сохранившихся списков «Шестоднева» Иоанна Экзарха Болгарского (1263 г.) имеется заголовок, надписанный не экзархом, а всего скорее русским читателем XIII в.: «Шестоденье съписано Иоанном пресвитером экзархом от св[ятого] Василия, Иоана, и Сеурияна, и Аристотеля философа, и иных...».⁵²

Тот факт, что в древней Руси Иоанну Дамаскину приписывалось такое произведение, как «Повесть о Варлааме и Иоасафе», показывает, как расширительно понимались патристические произведения. Псевдо-дамаскины, псевдо-златоусты и иные «псевдо» — это не случаи, а явление в древнерусской письменности. Так, под именем Златоуста ходило на Руси (с XV в.) сочинение «Кояя дела вины быхом самовластнии...». Оно полностью приводится А. С. Архангельским в IV выпуске «Творений отцов церкви в древнерусской письменности». Среди сочинений Златоуста этого сочинения нет. Псевдо-Златоуст, о котором мы говорим, посвящен теме о нравственной свободе и воспроизводит христианское переложение этого античного учения:

«Ты бо не тогда раба си приязнива твориши, егда бо связан во оковех дръжиши. Но егда он своею волею принят и любит тебя и сам бо не хотел бы того. Да раба связав дръжиши, но сам он зло сотворит безумием

⁵⁰ Ш. И. Нуцубидзе. Тайна Псевдо-Дионисия Ареопагита. Тбилиси, 1942, стр. 51—52.

⁵¹ А. С. Архангельский. Творения отцов церкви в древнерусской письменности. ЖМНП, 1888, № 7, СПб., стр. 1.

⁵² А. С. Архангельский. Творения отцов церкви..., стр. 28.

своим». Псевдо-Златоуст хочет этим примером указать на свободу выбора человеком своих поступков: «Самовластна бо богом сотворени есмы, или спасемся или погубнем волею своею». Псевдо-Златоуст выясняет соотношение между природными инстинктами и сознательной волей человека, указывая на преобладающую силу последней: «Мнози бо глаголют: родом есма гневливии, или блуднии, да не можем удръжати себе». Но это Псевдо-Златоуст отвечает просто и остроумно: «Рци ми убо: аще будеши крадый или блуд творя, узре кого грядуща, не речеши родом есмь, но вскоре отбегнеши и престанеши злое творя».⁵³

Этот маленький этико-психологический трактат, воспроизводивший в христианской форме античные этико-психологические понятия, ни в современном ему обществе, ни позднее, и так чуть ли не до самого А. С. Архангельского, не вызывал сомнений в подлинности авторского имени, которое он носил.

Наконец, тот факт, что и на Западе сочинения Псевдо-Дионисия Ареопагита тысячелетие существовали под именем ученика апостола Павла, пока Лоренцо Валла не высказал убедительных предположений в фиктивности этого имени, самый этот факт показывает, как поздно в общественном сознании была проведена граница между философией и богословием. Но это совсем не значит, что философия только то и делала, что ходила в служанках у теологии. Это значит прежде всего, что философская мысль развивалась в средние века в богословской форме, а нередко даже и не в богословской форме, а всего лишь под богословским названием.

В этом отношении исключительно интересно послание Юрия Крижанича царю Федору Алексеевичу. В этом послании Крижанич предлагает царю перевести Аристотеля, мотивируя свое предложение тем, что с в я т о т е ч е с к и е сочинения не рассмотрели темы о «гражданской и царской премудрости». Юрий Крижанич считает этот факт пробелом в святоотеческих сочинениях, тем самым показывая, какое обширное значение придавали патристике, полагая, что «гражданская и царская премудрость» является подлежащей патристике темой. Впрочем, Крижанич не возлагает на отцов церкви ответственности за этот пробел. «Чесого же ради, — спрашивает Крижанич, — отцы святии сего толико потребнаго ведания не возвестиша?». И отвечает: «Вина есть явственна: не восхотеша бо дела перделывать деланнаго. Еллинстии бо философы преобило о той мудрости написаша, паче же Аристотель то политичное учение тако светло подробно изъясил есть и разсудил, яко ничтоже может вящши вещей ни желати, ни просити, глаголет же во всей политике тако к х р и с т и а н с к о м у б л а г о ч е с т и ю согласно и прилично, яко ни сами святии отцы не быша возмогли в сем предложении вящши правды, ни лучшего учения предати».⁵⁴ В глазах Крижанича святоотеческие произведения просто и прямо продолжали античную философию и в такой мере, что включение аристотелевских произведений в круг святоотеческой литературы представлялось чем-то само собой разумеющимся.

Для Крижанича отличие Аристотелевых сочинений от святоотеческих сводилось не столько к содержанию, сколько к тому, что имя Аристотеля не было канонизировано, подобно именам отцов церкви.

Вот что предлагал Крижанич: «За то нимало еллинских писаней оставил и Аристотелево имя извергл бы, написал бы же на книгах Григория Богослова имя, никто же бы от благочестивых мог от того соблазн прияти,

⁵³ А. С. Архангельский. Творения отцов церкви в древнерусской письменности, IV. Казань, 1890, стр. 114—115.

⁵⁴ Послание Крижанича царю Федору Алексеевичу. Известия и ученые записки Казанского университета, 1865, вып. 1, стр. 16—17.

но паче всяк (о пременении имени неведый) без сомнения бы те книги приял яко добры, и яко Богослова благочестие и премудрости творение». ⁵⁵ Предложение Крижанича царю Федору Алексеевичу сделано не без доли лукавства — это попытка обмануть несложным маневром бдительность церкви. Но не в этом историко-культурное значение факта. Самый маневр, предлагаемый Юрием Крижаничем, свидетельствует о глубоко укоренившемся и до петровских времен дожившем сознании, объединявшем в понятии мудрости античное наследие, как и святоотеческие произведения, и видевшем в мудрости, на каком бы языке она ни говорила, чье бы имя ни носила, единую развивающуюся божественную и человеческую, человеческую и божественную Правду. Это устанавливаемое памятниками отношения древнерусского общества к мудрости само по себе является философским и гуманистическим. Оно дополняется сложившимся в XIV—XV вв. на Руси учением о Правде, крупницы которого, рассеянные по многим источникам нашей письменности, давно пора собрать вместе. Это учение увенчивают в XVI в. прекрасные слова Феодосия Косого: «Все люди одно суть у бога, и татарове, и немцы, и прочие языки!».

Когда Юрий Крижанич предлагал царю Федору своего Псевдо-Григория Богослова, он, может быть, руководствовался не только соображениями, которые изложил царю, но и опирался на фактические прецеденты. В древней русской письменности, в самом деле, имеется Псевдо-Григорий Богослов, а именно: «Разумения единострочныя Григория Богослова», которые есть не что иное, как изречения из комедий Менандра. Если однажды был назван Григорием Богословом Менандр, то, и в самом деле, почему в другой раз не назвать Григорием Богословом Аристотеля?

Вопрос о том, где произошла замена имен в случае, когда Менандр был выдан за Григория Богослова, на русской ли почве или на греческой, остается открытым. По мнению М. Н. Сперанского, эта замена произошла в Греции. Это было бы тем более характерно в интересующем нас отношении. Если на родине Менандра возможно было существование его изречений под псевдонимом Григория Богослова, то, следовательно, были точки, сближавшие этих двух авторов. Так именно и считал М. Н. Сперанский. Он пишет: «Григорий Богослов, воспитанник классических преданий и античной школы, совмещал в своей деятельности и то и другое культурное течение, являясь не только одним из первых столпов христианской литературы, но и одним из последних по времени представителей античной художественной мысли и формы: он один из немногих христианских писателей, которого как поэта высоко ставила и нехристианская литература. На почве таких настроений эпохи, на почве „нейтральной“ морали первых веков христианской письменности, взаимодействие между античным памятником такого особенного характера, каков Менандров монотих, и писанием полуантичного писателя Григория вполне понятно». ⁵⁶

⁵⁵ Послание Крижанича царю Федору Алексеевичу, стр. 16—17.

⁵⁶ М. Н. Сперанский. Переводные сборники. . . , стр. 411—412. Влияние Григория Богослова, этого «полуантичного писателя», как его называет М. Н. Сперанский, на русскую культурную мысль обнаруживается и за пределами философской и религиозной области. Оно прослеживается, между прочим, и в русской исторической повести XVII в. В известном описании весенней природы Катырева-Ростовского, проникнутом гуманным искренним чувством, встречаются строки из нашего «полуантичного писателя»:

Катырев-Ростовский

Тогда ратай ралом погружает и сладкую бразду прочертает и плодотвора бога на помощь призывает. . . (А. Н. Попов. *Изборник. М., 1869, стр. 297*).

Григорий Богослов

Ныне ратай рало погружает, горе взирая и плодотвора призывая, и к яру приводится вол орный и прочертает сладкую бразду и надеждами веселится (Григорий Богослов. *Творения, ч. IV. М., 1889, стр. 121. Русский перевод*).

Церковь не всегда умела различить, что соответствовало ортодоксальным взглядам и что противоречило им. Долгое время она с суеверным почтением относилась к патристике и то, на чем стояло имя того или иного отца церкви, было для нее свято. Это отношение к патристике было решительно пересмотрено русской православной церковью с той поры, как в борьбе с ересями XIV—XVI вв. стало складываться русское православное богословие, в первую очередь обличительное, а вслед за ним и догматическое. Поздний, но яркий пример церковной обработки патристического сочинения составляет рукопись «Диалектики» Иоанна Дамаскина, XVII в., (№ 16), из Соловецкого собрания. В этой рукописи имеются отрывки из 2-й и 3-й глав «Диалектики» Дамаскина. Дамаскин (параграф «О мысли») говорит, что тот, кто не обладает мыслью, шествует как бы во тьме, и он решил поэтому, «всяческий разум елика сила сократив, в настоящей написати книзе. Тем же источник разума да нарицается сия книга».⁵⁷

Дамаскин далее сообщает: «Реку же бо, убо мое, якоже рех, ничесоже. Посеяние же есть святых великих божественных и премудрых людей, избранна совокупив сложу».⁵⁸ После этих слов Дамаскин начинает: «Лучше убо первие разумети абие что есть философия».⁵⁹ Но с этих слов и обрывается сочинение Дамаскина. За ними крупными буквами следует киноварный заголовок: «О философии внимай разумно, да не погресиши», которого в сочинении Дамаскина нет. Этот заголовок относится к следующему, вставленному в «Диалектику» отрывку: «В посте, и в жажде, и в воздержании, и в чистоте, и целомудрии, и во упразнении, и в безмолвии, и в болезни, и труды, и молитвами, и слезами, и со страхом божим начало положим. Философия — любомудрие по словенскому толкуется языку. Философия божие дело есть, и мысль непрестанная к богу».⁶⁰ После этих слов возобновляется текст Дамаскина (из третьей главы «Диалектики»), неоднократно прерываемый вставками. Среди них, например, такая: «Утай же ся философии, и философствуй, да соблюдает тверде и добре православную веру Христову и божественная его заповеди и всегда угодная ему да творит, пребывая выну в чистоте душевной и телесной. Аще ли обленится философствуй, постраждет изступление ума и бывает скотен и зверообразен и вес плотян. От плотского же мудрования и от растлена[го] жития ереси составишяся».⁶¹ Это, как мы указали, памятник XVII в. Мы можем сослаться на памятник, встретившийся нам в рукописи последней четверти XVI в. Это — неизвестное и никогда не публиковавшееся в литературе «Сказание о книзе святаго Дионисия Ареопагита во истинну философии священной и божественной». Текст, следующий за этим заголовком, приводится: «Понеже мнози недоумеваютьс[я], яже о книзе святаго Дионисия ради богословия того глубины и смущающес[я] и унывающе и глаголюще: „никто ж[е] может яж в святем Дионисии разумети писаннаа“. К ним же достоит рещи: „которое делание духовное или телесное может исполнитис от небрежения или лености или тщеславия?“. В злохитру бо реч[е] душу не внидес премудрос[ть]. Но яве убо с божиею волею, смиренномудрием прошение купно стяжати преж[е] и стрывати двери премудрых, а не богатых тщетне и убо упразднимес[я] и разумей як[о] аз есмь бог. И яже о Господи и того помощию у дверей разума предстояти и еж[е] отверзенме дверем чрътога получитьи просяще.

⁵⁷ Рук № 16 Соловецкого собр. в ГПБ, л. 334 об

⁵⁸ Рук № 16 Соловецкого собр. в ГПБ, л. 334 об

⁵⁹ Рук № 16 Соловецкого собр. в ГПБ, лл 334 об — 335

⁶⁰ Рук № 16 Соловецкого собр. в ГПБ, л. 335.

⁶¹ Рук № 16 Соловецкого собр. в ГПБ, л 336 об

«Двери убо суть писм[ен]а. Внятрѣне же дверей чрътога съкровеннаа в нем мыслией неизреченнаа доброта истиннаг[о] духа.

«И тако благопождателне тлъцем и прочтем елико возможно многиши и таковое скровище разума копающе обрящем и богатства его насладимся. Всяк бо просий приемлет и ищай обрящет и тлъкущему отвержаетс[я]. И тогда аще с чистым и смиренным сердцем, вся предреченнаа может в книзе сей разумети. А щели ж кто всуе прочитает и с неверием, не ползы ради душевныа, но ищя словес дабы друга препрети и дабы себе иног мудрейши показати и дменем гръдости шатався отвсуду, таковой ничто ж полезно обрящет, токмо себе прелщати начинается. И паки: премудрос[ть] плотскаа — смерть глаголетс[я].

«К сим ж, аще хошеим известно разумети сию книгу, известно прочти Моисеовы книги пят и другаа по сих: и пророческиа книги, и откровение Иоанна Богослова, и грановныа Логисеи, и Небеса и прочаа и вкратце рещи вес закон ветхий и новый известно прочтет обрящеши вся откровенна. Аминь».⁶²

Назначение «Сказания» состояло в том, чтобы, с одной стороны, открыть доступ к книгам Ареопажита для недостаточно подготовленных к ним читателей, а с другой, — предупредить против религиозного вольномыслия, для которого Ареопажит мог служить источником. Предупреждение против тех, которые читают Ареопажита, «ища словес дабы друга препрети», являлось обобщением практики.

Сочинения Псевдо-Дионисия Ареопажита возбуждали свободную мысль не только в конце или, может быть, во второй половине XVI в., когда появилось «Сказание» о его книгах. Наиболее содержательным и страстным временем литературной истории сочинений Псевдо-Дионисия Ареопажита на Руси был, по нашему мнению, конец XV—начало XVI в., когда Ареопажитом пользовались, как мы знаем из послания Геннадия к ростовскому архиепископу Иоасафу, новгородские вольнодумцы и когда писцы Геннадия размножали списки Ареопажитских сочинений, рассылая их по монастырям и вооружая деятелей православия. Как использовали новгородские вольнодумцы сочинения Псевдо-Дионисия? Зная по другим фактам повышенный интерес новгородских вольнодумцев к гуманистической культуре, справедливо будет предположить, что они разрабатывали Псевдо-Дионисия в круге тех идей, которые мы отметили у Марсилиа Фичино и Дживованни Пико дела Мирандола.

Что в начале XVII в сочинения Ареопажита вызывали у русских читателей, хотя и отнюдь не еретически настроенных, ассоциации, близкие Фичино и Мирандоле, это мы достоверно узнаем по рукописи сочинений Ареопажита из Пискаревского собрания (№ 228/45).⁶³ Поля ареопажитских сочинений в этом списке усеяны глоссами.

По нижним полям на листах рукописи идут киноварные резюме

Вот резюме на развороте лл. 191 об.—192: «Разумий, яко плот[ь] несть вещь зла, понеже егда душа от плоти разлучится, тогда ни благаго не можем сотворити, ни злаго».

На лл. 206 об.—207: «Зде разумей, яко нужна вещь тела наше[го], яко соисполнительница миру».

На лл. 212 об.—213: «Разумей, яко грех не составен в нас, но от невнимания приходит к нам и слабости».

⁶² Рук № 182 собр Егорова в ВБЛ, л 1—1 об.

⁶³ В собраниях ВБЛ.

На лл. 213 об. — 214: «Зде разумей о самовластии человеческом: изгнав от самовластия всяку неволю вводит самоизвольное. Да будет, рече апостол, благое твое по воли».

На л. 202 об.: «Разумей, яко по улишении благаго бывает злое».

На л. 208: «И яко вещь есть в нас некаа тело от земли создано нест[ь] зло».

На л. 209: «Человек есть животно словесно, мертвено, ума и художества приятно».

К последнему приведем написанное (другой рукой) на л. 177 об. той же рукописи. В тексте под заголовком «Сия припис иных зводов» встречается фраза, помещенная на полях л. 209, но в следующем контексте: «По внешних философех сице лежит о человеце: человек животно словесно, мертвено, ума и художества всякого приятно». К этому на поле л. 177 об. глосса: «Разумей: внешнии философи недоразумеша о том, что ес в нас душа безсмертна».

Эти приписки, как уже было сказано, сравнительно поздние. Однако существуют и значительно более ранние приписки. В первом среди имеющих в русской письменности, киприановском списке Ареопагитских сочинений содержится множество глосс, сделанных рукой самого Киприана. Этим глосс нет у Псевдо-Дионисия Ареопагита, нет их у комментатора Псевдо-Дионисия — Максима Исповедника, нет их у позднейшего толкователя Псевдо-Дионисия — Пахимера.

Глоссы эти могли бы принадлежать монаху Исайе, переводчику Ареопагитских сочинений. Однако глоссы, написанные рукой Киприана, рассчитаны именно на русского читателя. Невозможно представить, чтобы болгарский монах был автором такой, например, глоссы: «Скутавати, рекше покрывати»,⁶⁴ глоссы, дающей перевод болгарского слова «скутавати» на русский язык.

Киприан в своих глоссах солидарен с Ареопагитом и комментирует Ареопагита в сочувственном духе.

Приведем некоторые из его глосс. Ареопагит пишет, что противоположности, разделенные в мире, бог примиряет. Киприан: «Слава — бесславие, богатство — нищета и инаа таковаа. Егда богат[ство при человеце ес, нищета разделена есть от того] при бозе же все въкупе».⁶⁵

Ареопагит пишет, что бывает благо, которое дает благо некоторым, но что бывает «просто благо», т. е. общее благо. Киприан к этому: «Якоже богатство некому благо ес, а не всем. Просте ж благо, рекше всем благ ес бог.

«И паки и само то благо сиречь бог».⁶⁶

К словам Ареопагита о том, что древние называли материей то, что можно было представить только разумом, но что не имело формы и являлось «не сущим», Киприан приписывает: «Мнози инако и инако возомнеша о вещи, овне събзначялну, ови ж инако».⁶⁷ В данном случае Киприан говорит, что мнение о материи как «не сущей» не является единственным, что многие иначе и иначе рассуждали о материи, в том числе были и такие, которые называли материю «собезначальной».

Есть замечательное место у Ареопагита, где тот в духе Аристотелевой диалектики говорит о противоположностях в природе, о том, что зло по отношению к одному может быть добром по отношению к другому и что даже смерть одних служит для других началом жизни. Например, говорит

⁶⁴ Рук. № 144 бывш. МДА в ВБЛ, л. 65 об.

⁶⁵ Рук. № 144 бывш. МДА в ВБЛ, л. 83 об. Слова, взятые в скобки, испорчены в рукописи № 144 и восстанавливаются по рукописи № 142 Румянцевского собр., XV в

⁶⁶ Рук. № 144 бывш. МДА в ВБЛ, л. 153.

⁶⁷ Рук. № 144 бывш. МДА в ВБЛ, л. 154 об.

Ареопагит, яйцо, распадаясь, освобождает птенца, боб, посаженный в землю и скрытый в ней, становится зачатком растения, и человеческие тела и тела животных, истлевая, дают жизнь насекомым.

Киприан подкрепляет это место ссылкой на Аристотеля: «Аристотель в естественных глаголет: в растлении коне — осы бывают, а в вола — пчелы от чрвыи бываема». ⁶⁸

Античный принцип естественной меры, принцип «Ничего лишнего!» стал предметом нескольких глосс Киприана. В одном случае он выносит на поле такую формулу: «Естества же злоба — еже чресьестества». В другом случае Киприан пишет так: «Иному бо существу, рекше огню, горе носитися, се же иному чрезь естество, рекше воде — доле бо той по естеству носитис». Наконец: «Отъясти же в сущих ова сут комуждо по естестве, ова же чрезь естество. Огня по естестве горе носитися, презьестество ж доле». ⁶⁹

Мы привели здесь только немногие из глосс Киприана. По ним можно судить, с какими философскими комментариями обращался Киприан к тем древнерусским читателям, для которых он сделал список сочинений Ареопагита.

Судя по киприановой оценке русских читателей конца XIV в., сложные вопросы Аристотелевой, Платоновой, наконец, Ареопагитовой философии были им подстать.

Подведем некоторые итоги.

Патристическая литература рассматривалась в древнерусском обществе как философское чтение не в меньшей мере, чем религиозное. Читатель искал в ней ответа на интересовавшие его вопросы общественной, нравственной и духовной жизни. «Патристическим», лучше сказать, вообще священным считался самый факт литературного творчества. В этом свете известные слова Нила Сорского о том, что писаний много, но не все божественны суть, приобретают еще одно новое значение. При таком взгляде на литературу для древнерусского читателя «патристически» осмысливались имена Платона, Аристотеля и других писателей античного (и не античного) мира.

При таком взгляде в патристической литературе искали науку, что, следовательно, делало возможным находить в патристике те элементы античной мысли, которые она включила в себя.

Так патристические сочинения, несмотря на свою неполноценность, становились в древнерусском обществе посредствующей связью с античным культурным миром. Русское общество XIV—XVI вв. проявило сознательный интерес к элементам античного наследия в ранней богословской литературе, в частности к ареопагитским сочинениям. Ввиду этого интереса церковь постепенно становилась в оппозицию к тем из литературных памятников греческого христианского богословия, которые в большей степени, чем другие, были связаны с греческой философской мыслью.

Иными словами, в русской действительности XIV—XVI вв. ранние памятники греческого христианского богословия играли такую же (в принципе) культурно-историческую роль, как например, Псевдо-Дионисий Ареопагит в истории итальянского гуманизма XV в. и в истории грузинского культурного возрождения XII—XIII вв.

⁶⁸ Рук. № 144 бывш. МДА в ВБЛ, л. 159.

⁶⁹ Рук. № 144 бывш. МДА в ВБЛ, л. 175.

Я. С. ЛУРЬЕ

К вопросу об идеологии Нила Сорского

I

Вопрос об идеологии основоположника нестяжателей Нила Сорского давно не пересматривался в историографии. В своей оценке Нила исследователи почти неизменно исходят из концепции, сложившейся еще во второй половине XIX в. в основном в либерально-славянофильской публицистике и историографии.

До конца 60-х годов XIX в. историки мало интересовались фигурой Нила Сорского. Нил рассматривался лишь как «великий подвижник», «муж силы духовной», и если мировоззрение его и противопоставлялось мировоззрению его современника — Иосифа Волоцкого, то лишь в том отношении, что «Нил смотрел на монастырь как на общество людей, отказавшихся от мира», а Иосиф «смотрел на монастырь также как на рассадник властей церковных»;¹ оба эти воззрения были, по мнению историка церкви Макария, «справедливы», но оба «справедливы неполне».² Авторы специальных исследований отмечали также аскетизм Нила, влияние на него византийской аскетической литературы.³

Либерально-славянофильская историография 60—70-х годов ставит вопрос о Ниле на новую почву. «Великий старец» XV в. заинтересовал славянофилов главным образом потому, что они увидели в нем своего исторического предка. Выступая за освобождение крестьян, преобразование суда и ряд других реформ умеренно-буржуазного характера, либеральные славянофилы, однако, никак не хотели и не могли признать, что реформы эти должны повести Россию по пути капиталистического развития, свойственного «растленному Западу»; напротив, они доказывали, что реформы вернут Русь к исконным порядкам, существовавшим в допетровские времена; но, как ни идеализировали они допетровскую Русь, они не могли не замечать целого ряда явлений древнерусской истории, которые явно противоречили провозглашаемому ими либеральным идеалам. Необходимо было поэтому как-то разграничить идеологию допетровской Руси, найти

¹ С. М. Соловьев. История России, кн. 1 (т. V). Изд. «Общественная польза», стлб. 1559; ср. стлб. 1723—1725.

² Макарий. История русской церкви, т. VI. СПб., 1870, стр. 131—133; ср. т. VII, СПб., 1874, стр. 76—79.

³ Сведения о древних переводах творений святых отцов на славяно-русский язык. Православный собеседник, 1859, ч. III, стр. 379—381. Ср. также: С. Шевырев. История русской словесности, ч. IV. Изд. 2, СПб., 1877, стр. 113—124; П. Ф. Николаевский. Русская проповедь в XV—XVI вв. ЖМНП, 1868, № 4, стр. 166—170; В. Иконников. Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории. Киев, 1869, стр. 77—83; П—ов. Из истории русского монашества в XVI в. ЧОДП, 1872, тт. IX и XI—XII.

в ней два начала — темное и светлое. Темным началом в глазах славянофилов, естественно, оказывались иосифляне: именно они, по словам Курбского, вдохновили Ивана Грозного на жестокую расправу с врагами во второй период его царствования, именно иосифляне, добившись казней еретиков, насадили на русской почве «зародыши нетерпимости», чуждые «православно-славянским» началам. «Вдохновеннейшими глашатаями» противоположных, исконно русских начал славянофилы объявили противников Иосифа — «заволжских старцев», «прекрасную славу русской земли», проповедников мягкости и терпимости. В своей статье «Вопрос о направлении Иосифа Волоколамского» славянофильский публицист Орест Миллер прямо связывал борьбу иосифлян и нестяжателей с дальнейшими путями развития русской истории: «Долго, в течение трех с половиною веков, перевес оставался за иосифлянами. Но... невольно припоминаются нам слова московских старообрядцев из их изъявления верноподданнических чувств государю императору, всемиловитвейше принятого и затем обнародованного в 1863 году: „в новизнах твоего царствования нам старина наша слышится“. После этого, смеем думать, возникает надежда, что весы вполне склонятся, наконец, на сторону направления старцев заволжских».⁴ Связь между славянофильской идеологией и определенным отношением к борьбе между иосифлянами и нестяжателями казалась О. Миллеру настолько тесной, что, когда один из его прежних единомышленников П. Безсонов вздумал вступить за Иосифа Волоцкого, солидаризируясь при этом с реакционным профессором Духовной академии К. Невоструевым, Миллер буквально «отлучил» его от славянофильства. «Пусть г. Безсонов откажется от всяких связей со славянофилами, — заявил он, — пусть перестанет хвалиться тем, что созрел под их умственным кровом».⁵

Статья О. Миллера не была научным исследованием. Но обратившись к научной литературе последующих лет, мы легко можем обнаружить в ней те же самые идеи, которые были высказаны Миллером (и его единомышленниками в этом вопросе)⁶ в публицистической форме. В первую очередь это относится к капитальной работе, вышедшей в 1881 г. и посвященной основным проблемам идеологической борьбы первой половины XVI в., — к исследованию В. И. Жмакина «Митрополит Даниил и его сочинения». Направление Иосифа Волоцкого В. И. Жмакин характеризовал как «консервативно-формальное»; консерватизм иосифлян в религиозно-нравственных вопросах приводил их, по мнению В. Жмакина, и к признанию полной неограниченности царской власти.⁷ Консерваторам-иосифлянам противостояло «направление более высокое» — критическое, «нравственно-либеральное», проникнутое «идеями свободы», признающее «право личности как нравственного существа».⁸ Во вступительном слове к своей работе (которая была его магистерской диссертацией) В. И. Жмакин высказывал эту мысль еще резче: Нила Сорского и его сподвижников он называл

⁴ ЖМНП, 1868, № 2, стр. 545.

⁵ Инквизиторские вождения ученого. Журнал «Заря», 1870, т. X, стр. 303.

⁶ Сходные с О. Миллером взгляды высказывал (хотя и в менее резкой форме) Н. И. Костомаров. Он также видел в Иосифе Волоцком и Ниле Сорском представителей «двух направлений» в монастыре: «Одно опиралось на авторитет, другое — на самоубеждение; одно проповедовало повиновение, другое — совет; одно стояло за строгость, другое — за кротость». Направление Иосифа Костомаров связывал с Москвой, направление Нила — с Новгородом (Н. К.—в. Рецензия на И. Хрущова. Вестник Европы, 1868, кн. 4, стлб. 969).

⁷ В. Жмакин. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881, стр. 23—24, 91—92, 107.

⁸ В. Жмакин. Митрополит Даниил... стр. 33—35 и 107.

«русскими гуманистами-реформаторами в самом благородном значении этого слова», стоявшими «выше Лютера и Кальвина и других западных реформаторов»; В. И. Жмакин утверждал даже (не приводя тому никаких доказательств), что «идея свободы крестьян восходит у нас к золотому веку заволажбой братии», и, вслед за О. Миллером, применял к нестяжателям слова из старообрядческого адреса Александру II.⁹

Несмотря на ряд серьезных недостатков (голословность многих утверждений, неточность и небрежность при цитировании источников), ярко написанная и богатая материалом работа В. Жмакина имела очень большое влияние на последующую историографию. Недостатки книги В. Жмакина были отмечены (во многом справедливо) в рецензии профессора Казанской духовной академии П. Знаменского,¹⁰ но сама эта рецензия, написанная с крайне реакционных, обскурантистских позиций, в сущности возвращала читателя к прежнему представлению о Ниле как о «подвижнике» без какой-либо определенной идеологии; в историографии рецензия П. Знаменского осталась почти незамеченной. Можно без преувеличения сказать, что под влиянием работы В. Жмакина находились все дореволюционные исследователи, писавшие об идеологических движениях древней Руси. Концепцию В. Жмакина заимствовал А. Н. Пыпин, целыми страницами цитировавший своего предшественника;¹¹ характеристику иосифлян как «консерваторов» и нестяжателей как «либералов» повторяли М. В. Довнар-Запольский,¹² П. Н. Милюков¹³ и многие другие.

Под прямым влиянием концепции В. Жмакина находились и авторы специальных исследований о Ниле Сорском, написанных в конце XIX—начале XX в. Исследования и публикации этого периода ввели в научный оборот новые, частично не известные прежде материалы, относящиеся к Нилу и его сподвижникам. Но традиционный взгляд на «великого старца», сложившийся еще в славянофильской историографии, взгляд на Нила как на воплощение «нравственной свободы» и «либерализма» в противовес «догматизму» и «фанатизму» иосифлян оставался неизменным. Это относится в первую очередь к капитальной монографии А. С. Архангельского о Ниле Сорском (первая часть его незавершенного исследования «Нил Сорский и Вассиан Патрикеев»). Хотя А. С. Архангельский и отметил в своей работе, что характеристика Нила, данная Жмакиным, «не совсем верна», так как «автор совершенно упускает из виду один из самых важных элементов в воззрениях Нила, элемент созерцательный»,¹⁴ он полностью солидаризировался со своим предшественником, признавая одной из характерных черт идеологии Нила «принцип критики»¹⁵ и, в частности, критического отношения к божественным писаниям. А. С. Архангельский шел даже дальше в этом направлении, связывая Нила с еретиками конца XV в. «Являясь фактически отрицанием господствовавших интересов книжной среды, становясь обличением преобладавшего церковно-обрядового направления мысли, — указывал он, — идеи Нила Сорского уже этим

⁹ В. И. Жмакин. Борьба идей в России в первой половине XVI в. ЖМНП, 1882, № 4, стр. 149—152.

¹⁰ П. Знаменский. Рецензия на сочинение Жмакина. Церковный вестник, 1884, №№ 27—28 и 29.

¹¹ А. Н. Пыпин. Иосиф Волоцкий и Нил Сорский. Вестник Европы, 1894, кн. 6.

¹² М. В. Довнар-Запольский. Московские гуманисты и обскуранты. Сб. «Москва в ее прошлом и настоящем», т. II. М., б. г.

¹³ П. Милюков. Очерки по истории русской культуры, ч. 2. СПб., 1905, стр. 26—32.

¹⁴ А. С. Архангельский. Нил Сорский и Вассиан Патрикеев, ч. 1. Преподобный Нил Сорский. СПб., 1882, стр. XII.

¹⁵ А. С. Архангельский. Нил Сорский..., стр. 134—135 и 278.

самым сближались с возникшей партией протеста».¹⁶ Архангельский находил и другие «положительные и более частные пункты сближения» между Нилом и еретиками: 1) их «духовность», т. е. отрицательное отношение к чисто обрядной религиозности, 2) «принцип критики», 3) «принцип личной правоспособности каждого мирянина в религиозной сфере», 4) отрицательное отношение к общей массе современного им монашества. «Идеи Нила, — по мнению А. С. Архангельского, — являлись как бы подготовлением, переходной ступенью к более смелым и крайним „сумнениям“ и „шатаниям“».¹⁷

Представление о Ниле Сорском как о главе направления, резко противоставленного официальной, иосифлянской церкви, легло в основу ряда исследований по истории Кирилло-Белозерского монастыря, предпринятых Н. К. Никольским.¹⁸ Связь кирилло-белозерского монашества с нестяжательством представлялась Н. К. Никольскому настолько неразрывной, что он склонен был причислять к нестяжателям даже тех лиц, которые хотя бы скончались в Кирилловом и соседних с ним монастырях.¹⁹ Н. К. Никольскому пришлось, правда, встретиться с фактом, который явно противоречил такому представлению: среди кирилловских «старцев», близких к Нилу, было немало лиц, никакого отношения к нестяжательству не имевших. Для устранения этого противоречия Н. К. Никольский предложил сложную и явно искусственную классификацию нестяжателей, которых он разделил на три группы: 1) собственно нестяжателей (Нил Сорский), 2) противников «расширения монастырской вотчины», не возражавших, однако, против «вотчинного быта по принципу», и 3) «наиболее крайнюю либеральную фракцию нестяжателей», выступавших против «вотчинного быта» из чисто политических побуждений (Вассиан Патрикеев). Последняя группа была, по мнению Н. К. Никольского, связана с еретиками.²⁰

Те же взгляды высказывала и третья исследовательница Нила Сорского (впервые научно издавшая его «Предание и Устав») — М. С. Боровкова-Майкова. Она тоже считала характерной чертой мировоззрения Нила «критическое отношение» к «божественным писаниям»; не связывая Нила непосредственно с еретиками, М. С. Боровкова-Майкова полагала, что, проявляя «снисхождение» к ереси, заволжские старцы «действовали всецело под влиянием своего великого старца».²¹

Взгляд на мировоззрение Нила Сорского, высказанный славянофилами и В. Жмакиным и развитый А. С. Архангельским и другими исследователями, мы можем считать, таким образом, общепринятым в дореволюционной исторической науке.²² Та же точка зрения утвердилась и в западной историографии.²³ Ознакомившись с недавно опубликованной статьей

¹⁶ А. С. Архангельский. Нил Сорский..., стр. 277—278.

¹⁷ А. С. Архангельский. Нил Сорский..., стр. 278—281.

¹⁸ Н. К. Никольский. 1) Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV в. СПб., 1897; 2) Общинная и келейная жизнь в Кирилло-Белозерском монастыре в XV и XVI вв. и в начале XVII в. Христианское чтение, 1907, т. ССXXIV, ч. 1. Обе работы связаны с капитальной монографией о Кирилло-Белозерском монастыре, не законченной автором.

¹⁹ Н. К. Никольский. Общинная и келейная жизнь..., стр. 188—189, примечание.

²⁰ Н. К. Никольский. Общинная и келейная жизнь..., стр. 167—187.

²¹ М. С. Боровкова-Майкова. Великий старец Нил, пустынный Сорский. Оттиск из «Русского филологического вестника», 1910, т. LXIV, стр. 10 и 12—13.

²² Попытка пересмотра отдельных вопросов, связанных с Нилом, была сделана в работах К. В. Покровского и Г. Левицкого, носивших узко филологический и богословский характер и не доведенных авторами до конца. См. об этих работах ниже, стр. 200—201 и 207—208.

²³ Совершенно необычной на первый взгляд может показаться оценка нестяжателей и иосифлян, данная И. Денисовым (E. Denisoff. Aux origines de l'église russe auto-

английского исследователя Дж. Л. Феннела «Отношение иосифлян и заволжских старцев к ереси жидовствующих», мы можем обнаружить, что автор ее исходит в сущности из тех же взглядов, что и А. С. Архангельский. Он также считает, что Нил, в отличие от иосифлян, был сторонником «терпимости» по отношению к еретикам, и объясняет эту «терпимость» не только гуманностью, но и определенным сходством между взглядами Нила и еретиков: «претензия еретиков на право свободной интерпретации священного писания и их скептическое отношение к непогрешимости всех божественных писаний были логическим заострением критической позиции Нила относительно божественных писаний».²⁴ Вслед за русскими историками Феннел предполагает существование прямых и даже фамильных связей между еретиками и нестяжателями.²⁵

Советская историография впервые поставила вопрос о социальной роли учения Нила и его последователей, отказавшись от оценки иосифлянства как абстрактно-«консервативного» явления и нестяжательства как «либерализма». Уже Н. М. Никольский отметил, что вопрос о монастырском землевладении, «занимавший в сочинениях Нила второстепенное место, для тогдашних политиков выдвинулся на первый план и заслони собою основное положение Нила, созерцательность монашеской жизни».²⁶ «Стоит только слегка распахнуть монашеское одеяние любого из „нестяжателей“, как мы увидим под ним парчу боярского кафтана, — писал Б. А. Рыбаков. — Пытаясь отдалить нависающий призрак опричнины, боярин указывал путь к вотчинам „непогребенных мертвецов“».²⁷ Ту же мысль мы находим и в вузовском курсе «Истории СССР».²⁸ Об использовании учения Нила в качестве «орудия боярской политики» говорит и И. У. Будовниц, считающий самого Нила выразителем «монашеской патриархальной крестьянства».²⁹ Об этом же говорится и в «Очерках истории СССР»: «За религиозной оболочкой учения Нила Сорского скрывалась внутриклассовая борьба, направленная, в частности, против усиливающейся княжеской власти»³⁰

cephale. *Revue des études slaves*, t. XXIII, f. 1—4, 1947). Денисов считает консерваторами и ревнителями старины митрополита Геронтия и вместе с ним нестяжателей, а сторонниками нового — иосифлян. Но мотивировка такой переоценки оказывается у него весьма неожиданной и едва ли убедительной: новым и передовым в иосифлянах представляется ему их приверженность к католицизму, нетерпимость к еретикам и «такая политика, которая возлагает на церковь охрану порядка в догматических воззрениях (la police des opinions dogmatiques)» (стр. 84); у нестяжателей эти черты, по мнению автора, отсутствовали. Мы не будем разбирать здесь концепцию Денисова по существу; отметим только, что, несмотря на иные оценки, фактическая характеристика обеих групп остается у Денисова прежней: он резко противопоставляет друг другу иосифлян и нестяжателей, считая последних сторонниками снисходительного отношения к ереси.

²⁴ J. L. G. Fennell. *The Attitude of the Josephians and Trans-Volga Elders to the Heresy of the Judizers*. *The Slavonic and East European Review*, v. XXIX, № 73, 1951, стр. 504.

²⁵ J. L. G. Fennell. *The Attitude of the Josephians...*, стр. 505—509. Некоторые из выводов Феннела основываются на предположениях, ошибочность которых была отмечена еще в дореволюционной науке (например, предположение о фамильных связях между Курицыными и Патрикеевыми; ср.: Н. П. Лихачев. *Разрядные дьяки XVI в.* СПб., 1888, стр. 87).

²⁶ Н. М. Никольский. *История русской церкви*. М., 1930, стр. 83.

²⁷ Б. А. Рыбаков. *Воинствующие церковники XVI в.* *Антирелигиозник*, 1934, № 3, стр. 24.

²⁸ *История СССР*, под ред. В. И. Лебедева, Б. Д. Грекова и С. В. Бахрушина, т. 1. М., 1939, стр. 340.

²⁹ И. У. Будовниц. *Русская публицистика XVI в.* М.—Л., 1947, стр. 81.

³⁰ *Очерки истории СССР, период феодализма, кон. XV в.—нач. XVII в.* М., 1955, стр. 176.

Но изменив оценку движения нестяжателей, данную в историографии второй половины XIX—начала XX в., советские исследователи не попытались подвергнуть проверке фактические положения, легшие в основу этой оценки. По-прежнему историки говорят о «критическом отношении» Нила к церковной литературе;³¹ по-прежнему они так или иначе связывают его с еретическим движением. По мнению Н. М. Никольского, «сосланные в заволжские скиты друзья еретиков из старобоярской партии» нашли поддержку среди нестяжателей.³² А. А. Зимин считает, что «нестяжатели использовали в своекорыстных целях отдельные элементы русских гуманистически-реформационных учений», ибо «главные идеологи нестяжателей (Нил Майков и Вассиан Патрикеев) были в свое время близки к разгромленному боярскому еретическому кружку».³³

Необходимость пересмотра традиционного взгляда на идеологию Нила Сорского вытекает прежде всего из рассмотрения смежных вопросов. Ознакомление с памятниками раннего иосифлянства и особенно с сочинениями самого Иосифа Волоцкого совершенно разрушает представление о «консерватизме» иосифлян и об официозном характере этого движения;³⁴ в ранних произведениях Иосифа мы обнаруживаем своеобразные «нестяжательские» тенденции (запрещение всякой личной собственности в монастыре), во многом сходные с «нестяжательством» самого Нила.³⁵ С другой стороны, изучение истории еретических движений совершенно опровергает представление о существовании внутри ереси какой-либо «старобоярской группы»; представители феодальной аристократии (Ряполовский, Патрикеевы) никогда не были еретиками; их политическая связь с придворными представителями ереси также крайне сомнительна.³⁶

Наконец, изучение истории землевладения Белозерского края разрушает представление (особенно развитое Н. К. Никольским) о Кирилло-Белозерском монастыре как о «цитадели нестяжательства» и о преобладании в этом монастыре в какой-либо период его существования (даже в конце XV в., когда видную роль там играли сподвижники Нила) нестяжательских тенденций.³⁷

Все эти соображения позволяют, на наш взгляд, заново поставить вопрос об идеологии Нила Сорского.

II

Материал, относящийся к биографии Нила Сорского, крайне беден. Составленное после его смерти житие, если верить преданию, сгорело уже в 30-х годах XVI в.;³⁸ биографические известия о Ниле дошли до нас

³¹ История русской литературы, т. II, ч. 1, стр. 319; И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI в., стр. 78; Очерки истории СССР, стр. 175.

³² Н. М. Никольский. История русской церкви, стр. 81. Ср.: Очерки истории СССР, стр. 175.

³³ А. А. Зимин. О политической доктрине Иосифа Волоцкого. ТОДРЛ, IX. М.—Л., 1952, стр. 169.

³⁴ А. А. Зимин. О политической доктрине Иосифа Волоцкого, стр. 160, 167—174, 177.

³⁵ Я. С. Лурье. Краткая редакция «Устава» Иосифа Волоцкого — памятник идеологии раннего иосифлянства. ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956.

³⁶ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI в. М.—Л., 1955, стр. 163—170.

³⁷ А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.—Л., 1951.

³⁸ Ср.: А. С. Архангельский. Нил Сорский..., стр. 1. Б. И. Дубенцов любезно обратил мое внимание на рукопись XIX в., содержащую наряду с сочинениями Нила «Житие преподобного отца нашего, Нила Сорского чудотворца» (ГПБ, 708/1929 г., л. 60). Трудно сказать, что перед нами — сохранившийся текст древнего жития или

в поздних и случайных памятниках.³⁹ Судя по этим известиям, Нил происходил из Москвы, где был «судиям книгчий»; местом его первоначального пострига был Кирилло-Белозерский монастырь, откуда затем он направился в Константинополь и на Афон: «Тако же убо Афонскую гору доиде и в Русию паки возвратися и пришед... в... Сорскую пустыню».⁴⁰ Дополнением к этим известиям могут служить полукриптографические записи, содержащиеся в сборничке, исследованном Н. К. Никольским и составленном, по-видимому, кирилло-белозерским монахом Германом Подольным. Здесь сообщается, что у Нила был брат Андрей, умерший в 1502/03 г., т. е. очевидно Андрей Майко, великокняжеский дьяк, упоминания о котором в источниках прекращаются около этого года.⁴¹ Родственные отношения Нила с дьяком Майко подтверждают известие о том, что он был «судиям книгчий», и опровергают позднейшие домыслы историков о происхождении Нила из боярской⁴² или крестьянской среды.⁴³ Наконец, тот же сборник Германа содержит и дату смерти Нила: «в лето 7016 (1508)... мая в 7»,⁴⁴ приводимую и рядом других источников.⁴⁵

Скудость прямых биографических данных о Ниле вынуждает нас обратиться к косвенным свидетельствам источников, не имеющих специально биографического характера. Наибольший интерес среди этих источников представляют, несомненно, сочинения самого Нила. В послании Герману Подольному, старцу Кириллова монастыря, Нил упоминает о своем уходе из этого монастыря, «странничестве» (путешествии на Афон) и создании им после этого особой «келии»: «Таже, по отшествии странничества моего, пришед в монастырь, вне близь монастыря створих келию и также живях, елико по силе моей. Ныне же вдале от монастыря преселихся, понеже, благодатию божиею, обретох место угодно моему разуму, занеже мирския чади маловходно». Этим событиям предшествовал какой-то конфликт между Нилом и оставшимся в монастыре Германом: «Мнишь брань мне на тебя, — писал Нил, — тех ради речей, что говорили есмь с тобою...».⁴⁶ Уход Нила, как прямо обнаруживается из

компиляция, составленная по сочинениям Нила и другим материалам. Во всяком случае, текст этого жития не содержит ничего, что выходило бы за пределы остальных источников.

³⁹ Весьма сомнительными представляются нам источники, привлеченные для этой цели А. С. Архангельским (Нил Сорский..., стр. 3—4, 11, 22): из двух рукописей, использованных им, одна представляет собой запись XIX в. на полях «Синодика» Кирилло-Белозерского монастыря, неизвестно на чем основанную (ГПБ, Кир.-Бел. 752/1009, л. 1 об.), а другая содержит явно легендарный рассказ, согласно которому Нил Сорский (умерший в 1508 г. и живший, судя по этому же источнику, 75 лет) был современником и учеником Кирилла Белозерского, умершего в 1427 г. (ГПБ, Ф.1.260, л. 56). Более достоверна «Повесть о старце Ниле», изданная М. С. Боровковой-Майковой (Нила Сорского Предание и Устав. СПб., 1912, Приложение, стр. XXIX—XXXI), хотя и она относится к XVII в.

⁴⁰ Нила Сорского Предание и Устав, Приложение, стр. XXIX—XXX. О пребывании Нила «на святей горе Афонстей и в странах Цариграда» сообщает он сам в 11-м «слове» своего Устава (там же, стр. 89).

⁴¹ Н. К. Никольский. Описание рукописей..., стр. XV, примечание; ср. стр. XXXVIII. О принадлежности Нила к роду Майковых сообщает «Письмо о нелюбках» (Прибавление к творениям святых отцов, ч. X, 1851, стр. 505) — памятник, на значении которого мы остановимся ниже (стр. 195).

⁴² С. Шевырев. История русской словесности, ч. IV, стр. 113. Ср.: Б. А. Рыбаков. Воинствующие церковники XVI в., стр. 24.

⁴³ А. С. Архангельский. Нил Сорский..., стр. 3. Источником этого мнения было самоуничижительное замечание Нила о себе: «невежа и поселянин есмь».

⁴⁴ Н. К. Никольский. Описание рукописей..., стр. XLII, примечание.

⁴⁵ Ср.: А. С. Архангельский. Нил Сорский..., стр. 43, прим. 110.

⁴⁶ ГПБ, Кир.-Бел. 101/1178, лл. 218 и 219. Цитируем по списку из сборника самого Германа Полева как наиболее аутентичному (в других списках вместо «брань» — «скорбь»).

письма, был вызван возникшим у него недовольством порядками в Кирилловом монастыре. Нил говорит о своем «изшествии из монастыря»: «... точию непользы ради душевная, а не за иное что, занеже не видя ныне хранима жительства закон божиих, по святых писаниих и преданию святых отецъ, но по своих волях и умышленных человеческих».⁴⁷

Когда же произошло это «изшествие» Нила из Кирилло-Белозерского монастыря? Дата его ухода, как и дата основания им Сорской обители, не сохранилась в биографических заметках; предложенная А. Муравьевым и не основанная ни на каких источниках датировка основания Сорской пустыни 1450 г. представляется нам совершенно неубедительной.⁴⁸ Документальные источники позволяют определить *terminus post quem* ухода Нила из Кирилло-Белозерского монастыря: среди «старцев Кириллова монастыря» Нила называет «отводная грамота» 1448—1460 гг.⁴⁹ и меновная грамота 1471—1475 гг.⁵⁰ Если мы учтем, что уход Нила из монастыря носил достаточно резкий характер и сопровождался даже какой-то «бранью» с оставшимися «старцами», то станет очевидным, что в роли официального представителя монастыря Нил мог выступать только до своего «изшествия». «Отводная грамота» 1482 г. как будто позволяет еще несколько отодвинуть дату основания Сорской обители: несмотря на то что граница отвода (межевания монастырской земли) проходила как раз у самой территории Сорской пустыни, эта пустынь не названа здесь ни внутри, ни вне владений Кириллова монастыря; можно предполагать поэтому, что в 1482 г. ее еще не существовало.⁵¹ Итак, уход Нила, его «странствие» и основание самостоятельной «кельи» следует относить, по нашему мнению, не ранее, чем к 70—80-м годам XV в.

В истории Кирилло-Белозерского монастыря 70—80-е годы были временем острой и напряженной внутренней борьбы. Основанный в последние годы XIV в., Кириллов монастырь ни в какой из периодов своего существования не был «нестязательным» монастырем: большие земельные приобретения были сделаны еще при самом Кирилле;⁵² преемники его усердно продолжали приобретательскую деятельность основателя. К последней четверти XV в. монастырская вотчина представляла собой значительную территорию (в состав ее входила 51 деревня); естественно, что вопрос о верховном сюзерене этой вотчины имел немалое значение.

В конце 70—начале 80-х годов Кириллов монастырь стал центром сложных политических интриг: в 1478 г. игумен монастыря Нифонт, поддержанный удельным князем Михаилом Андреевичем (а затем митрополитом Геронтием), выступил против ростовского архиепископа (кото-

⁴⁷ Кир.-Бел. 101/1178, л. 218 (в других списках: «точию же пользы ради душевная»).

⁴⁸ А. Муравьев. Русская Фиваида на Севере. СПб., 1855 (схема в конце книги). Работа А. Муравьева не имела научного характера, и автор не давал ссылок на источники. В книге его множество фактических ошибок: собор, на котором Нил выступил против монастырского землевладения, он относит к 1508 г. и выступление Нила приписывает влиянию Максима Грека (приехавшего в Россию в 1518 г.) и т. д. По-видимому, Муравьев опирался на источник, подобный сказанию в сборнике ГПБ, F.I.260 (см. выше, стр. 188, прим. 39): из него он заимствовал утверждение, что Нил «прочувстал... немного спустя после св. Кирилла Белозерского», и именно поэтому датировал основание Сорской пустыни столь ранним временем (в действительности Нилу, умершему в 1508 г., едва ли было в 1450 г. более 20 лет).

⁴⁹ РИБ, т. II, № 25, стр. 289—290.

⁵⁰ С. Шумаков. Обзор грамот Коллегии экономии, вып. II. М., 1900, стр. 105.

⁵¹ С. Шумаков. Обзор грамот Коллегии экономии, вып. II, стр. 88—89.

⁵² Ср.: А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв., стр. 16—48, 87—96.

рого в свою очередь поддержал великий князь);⁵³ в 1482 г. Нифонта сменил Серапион, но год спустя с протестом против нового игумена выступили 15 «больших старцев»⁵⁴ и «князь (Михаил Андреевич, — Я. Л.) отгнати того повеле от Кирилова монастыря».⁵⁵

История борьбы в Кирилловом монастыре уже обратила внимание одного из исследователей — Н. К. Никольского, но, верный традиционному представлению о «нестяжательских» традициях монастыря, Н. К. Никольский и в этих эпизодах усмотрел прежде всего столкновение между сторонниками «вотчинно-общеземельного быта» и «нестяжателями»; по его мнению, оба игумена — Нифонт и Серапион — были сторонниками «вотчинного быта» (монастырского землевладения). Н. К. Никольский полагал, что 15 старцев, покинувших монастырь в 1483 г., были нестяжателями, а «поводом к недовольству игуменом было предпринятое им расширение владений, несогласное с заветами основателя монастыря».⁵⁶

Объяснение, предложенное Н. К. Никольским, не представляется нам убедительным. Ни летописный рассказ о событиях 1478 г., ни имеющиеся у нас сообщения о конфликте 1483 г. ничего не говорят о том, чтобы вопрос о землевладении был в этот период предметом спора в монастыре. Все эти рассказы зато с достаточной ясностью говорят о другом: о политическом характере обоих столкновений, о связи их с борьбой вне монастыря. И в 1478 г. и в 1483 г. в борьбу между кирило-белозерскими «старцами» так или иначе оказался замешан князь Михаил Андреевич. При этом заметим, что роль обоих игуменов, которых Никольский считал представителями одной «вотчинновладельческой» группировки, была диаметрально противоположна: Нифонт выступал в 1476 г. против Вассиана на стороне Михаила Андреевича; Серапион, напротив, был «отгнан» в 1483 г. благодаря вмешательству Михаила Андреевича. Но столкновения 1478 и 1483 гг. затрагивали не только интересы удельного князя; в них оказались замешанными также и митрополит и великий князь,⁵⁷ предпринявший в 1482 г. даже специальные меры для ограничения землевладения Кириллова монастыря.⁵⁸ Кирило-Белозерский монастырь оказывался, таким образом, центром сложной политической борьбы.

Какую же позицию мог занимать в этой борьбе, развернувшейся внутри и вне монастыря, Нил Сорский? Решение этого вопроса затрудняется тем обстоятельством, что в событиях 1478—1483 гг. в противоположных ролях выступали два лица, тесно связанных с Нилом. С одной стороны, Нил был, по-видимому, близок к известному церковному деятелю конца XV в. — Паисию Ярославову. Паисия и Нила рядом называют два источника того времени, которых мы будем касаться ниже: послание новгородского архиепископа Геннадия⁵⁹ и новгородский летописный рассказ о «соборе на

⁵³ ПСРЛ, т. XXIV. Пг., 1921, стр. 197. Дополнением к этому источнику может служить правая грамота митрополиту Геронтию, найденная и опубликованная Н. К. Никольским (Правая грамота митрополита Геронтия. СПб., 1897. Отд. оттиск из «Памятников древней письменности», LXXI).

⁵⁴ «Летописчик» Гурия Тушина. ГПБ, Соф. 1468, л. 178—178 об.

⁵⁵ «Отвещание любозагорным» Иосифа Волоцкого. ВМЧ, сент. 1—13. СПб., 1868, стлб. 551.

⁵⁶ Н. К. Никольский. Общинная и келейная жизнь..., стр. 167 и 173.

⁵⁷ Ср.: ПСРЛ, т. VI, стр. 233—234.

⁵⁸ А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв., стр. 104—105, прим. 3; ср. стр. 43—44, прим. 6.

⁵⁹ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодалные еретические движения..., стр. 318 и 320.

еретиков» 1490 г.⁶⁰ Паисий же в событиях этих лет держал, по всей видимости, сторону Ивана III: именно его хотел посадить великий князь на место несговорчивого митрополита Геронтия.⁶¹ Связь с Паисием должна была как будто определять сочувствие Нила великому князю во время споров 1478—1483 гг., но, с другой стороны, Нил был связан (и вероятно теснее, чем с Паисием) с более молодым представителем кирилловской братии — Гурием Тушиным. Гурию было адресовано одно из важнейших посланий Нила, им же были переписаны три дошедших до нас сборника житий «Нилова потруженья».⁶² А между тем Гурий Тушин был связан с иной группой, борющейся в 1478—1483 гг. В своем «летописчике», дошедшем до нас в одной из кирилловских рукописей, Гурий поведал об «уходе старцев» в 1483 г., закончившемся победой Михаила Андреевича и удалением игумена Серапиона, но зато совсем обошел предшествующее столкновение, имевшее противоположный исход. Сам Гурий был явно близок к предшественнику Серапиона — Нифонту: он был постриженником этого игумена и в своем летописчике аккуратно перечислил всех остальных постриженников Нифонта.⁶³ Мало того, в своем летописчике, составленном без соблюдения точного хронологического порядка, Тушин дважды подводит читателя к 6991 (1483) г. — году падения игумена Серапиона;⁶⁴ но он скромно умалчивает о том, кто стал игуменом после того, как Серапион благодаря вмешательству «старцев» был «отогнан» от монастыря. Мы узнаем об этом из другого источника — списка кирилловских игуменов: преемником смещенного Серапиона (и, очевидно, носителем противоположных ему тенденций) стал сам Гурий Тушин, несмотря на свой недавний постриг (1479 г.) и вероятную молодость.⁶⁵

Неясность позиции Нила в событиях 1478—1483 гг. не позволяет установить, какое из упомянутых выше событий было поводом к его «изшествию» из монастыря. Но приведенные выше замечания Нила в грамоте Герману ясно показывают, что «изшествию» этому предшествовали серьезные разногласия между ним и основной частью кирилловских «старцев». Если бы весь монастырь держался бы таких же «нестыжательских» взглядов, как Нил, а оппозиция этим взглядам исходила только от двух игуменов, Нилу незачем было бы уходить из монастыря, да и еще «братиться» из-за этого со своими прежними друзьями.

Уход Нила из своего монастыря — не исключительное явление в истории монастырского быта конца XV в. Так же, как и Нил, и примерно в те же годы, покинул свою обитель и обратился к изысканию новых путей организации монашества (паломничая для этой цели, в частности, в Кирилло-Белозерский монастырь) и другой церковный деятель того времени — Иосиф Волоцкий.

Сходство между биографиями Нила Сорского и Иосифа Волоцкого обнаруживается и в другом. В истории древней Руси Иосиф Волоцкий выступает, как известно, не только в качестве реорганизатора церковно-монастырского уклада, но и в роли свирепого «обличителя ересей». Сорат-

⁶⁰ ПСРЛ, т. IV. СПб., 1841, стр. 158. Памятники, которые А. С. Архангельский считал посланиями Нила к Паисию, в действительности таковыми не являются (см. ниже, стр. 211).

⁶¹ ПСРЛ, т. XXIV, стр. 203.

⁶² См. ниже, стр. 188—199 и 204.

⁶³ Соф. 1468, л. 177—177 об.

⁶⁴ Соф. 1468, лл. 177—177 об. и 177 об.—178 об. (6984, 6986, 6987, 6989, 6993, 6991, 6964, 6971, 6973, 6974, 6981, 6986, 6988, 6989, 6991...).

⁶⁵ Ср., например, списки кирилловских игуменов: ГПБ, Соф. 1462, л. 2 об.; Соф. 1166, л. 154 об.; Соф. 1167, л. 151 и др.

никами Иосифа в его «обличительной» деятельности был новгородский архиепископ Геннадий и ближайшие сподвижники жены Ивана III, Софии Палеолог (соперница которой в придворно-династической борьбе, Елена Стефановна, была еретичкой). Великий князь, однако, в течение некоторого времени благоволил еретикам и «обличителям», которым, по словам Иосифа, нередко грозили «скорби многи и юзы и темница», приходилось искать себе более широкой опоры в среде духовенства. В числе лиц, на поддержку которых рассчитывали Геннадий и Иосиф, были виднейшие иерархи того времени — архиепископ Иоасаф Ростовский, епископ Нифонт Суздальский (в прошлом — кирилловский игумен), Прохор Сарский и др.

Нил Сорский был уже в это время крупной фигурой в среде русского монашества. Естественно, что и он не мог оставаться в стороне от этой борьбы. Среди немногочисленных известий о Ниле Сорском, дошедших до нас от XV в., два известия связывают его (так же как и близкого к нему Паисия Ярославова) с «обличительной деятельностью» тех лет. В 1489 г. новгородский архиепископ Геннадий обратился к ростовскому архиепископу Иоасафу с просьбой привлечь к борьбе с ересью «Паисея и Нила»; он спрашивал их совета по наиболее острым полемическим вопросам и интересовался, имеются ли в Кирилловом и других северных монастырях книги, которыми пользуются еретики.⁶⁶ В 1490 г., по известию близкой к Геннадию летописи, Паисий и Нил приняли участие в соборе, осудившем новгородских еретиков.⁶⁷

Письмо Геннадия Иоасафу, так же как летописное известие об участии Паисия и Нила в соборе 1490 г., давно и хорошо известно в литературе; однако значение столь прямого свидетельства о связи «обличителей» с Нилом Сорским почему-то недооценивалось историками. А. С. Архангельский склонен был даже видеть в послании Геннадия Иоасафу доказательство «странной изолированности Нила Сорского от борьбы с таким ужасным злом», каким считалась ересь: по его мнению, результаты обращения Геннадия к Нилу и Паисию «были не совсем такие, каких желалось», ибо «после мы не видим уже никаких сношений Геннадия ни с Паисием, ни с Нилом», а собор 1490 г., на котором участвовали Паисий и Нил, «дал совсем не то, чего ждали» от него «обличители».⁶⁸ Едва ли можно признать такое рассуждение убедительным: источник, сохранившийся от конца XV в., достаточно скуден; известий же, относящихся к Нилу Сорскому, буквально считанное количество. При таком положении было бы весьма странно предполагать, что до нас должна дойти не только грамота Геннадия, но и вся дальнейшая переписка по этому вопросу; тем более странно вывести из отсутствия источников какие-либо заключения отрицательного характера. Впрочем, вопреки мнению А. С. Архангельского, мы и после 1489 г. встречаем следы сношений Геннадия с кирилловскими «старцами». В послании Иоасафу Геннадий запрашивал Паисия и Нила, есть ли, в частности, у них в монастыре книга «Афанасий Александрийский» (книга против еретиков-ариан). На этот запрос он, очевидно, получил ответ, и ответ отрицательный, ибо в том же году два ближайших сподвижника новгородского архиепископа — дьяк Герасим Поповка и его брат Митя (Герасимов) — сочли необходимым переписать «книгу Афанасий

⁶⁶ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодалные еретические движения..., Приложения, стр. 318 и 320.

⁶⁷ ПСРЛ, т. IV, стр. 158.

⁶⁸ А. С. Архангельский. Нил Сорский..., стр. 30—33; ср. стр. 281. Ср. также: J. L. I. Fennell. The Attitude of the Josephians..., стр. 491.

Александрійский» и послать ее в Кирилло-Белозерский монастырь.⁶⁹ Что касается собора 1490 г., то у нас нет никаких оснований считать решения этого собора мягкими и противоречащими требованиям «обличителей»: все новгородские еретики, преданные соборному суду, были прокляты и лишены сана; физическая же расправа над ними была делом не церковного собора, а светской власти, и если она не была произведена в 1490 г., то это объясняется политической позицией великого князя, а не деятельностью «отцов собора».⁷⁰ Так или иначе мы не имеем ни малейшего основания противопоставлять в этом случае Паисия и Нила всем иерархам, участвовавшим в соборе 1490 г.

Сочинения Нила содержат дополнительные данные о его враждебности еретическим движениям. «Лжеиеретиков же учителей еретическая учения и предания вся проклинаю аз и суции со мною, и еретики вси чюжи нам да будут»,⁷¹ — писал Нил в своем «Предании». М. С. Боровкова-Майкова обратила внимание и на другое любопытное явление: на значительные текстуальные совпадения, которые имеет «Послание старца духовна некому брату» Нила Сорского с «Посланием иконописцу», — памятником, служащим предисловием к трем обличительным «словам на новгородских еретиков» (впоследствии вошедшим в «Просветитель» Иосифа Волоцкого в качестве 5-го, 6-го и 7-го «слов»).⁷² Весь текст «Послания иконописцу», за исключением раздела, излагающего содержание трех последующих «слов», совпадает с «Посланием некому брату». Чем объясняется такое совпадение? Принадлежность «Послания брату» Нилу Сорскому не вызывает сомнений: М. С. Боровкова-Майкова рядом примеров убедительно показала близость этого сочинения к другим произведениям Нила. Едва ли можно, однако, вместе с исследовательницей, объяснять совпадение текста между обоими посланиями случайными обстоятельствами: ошибкой при списывании или перебоем листов при сшивании.⁷³ Считать в «Послании иконописцу» разделы, совпадающие с «Посланием брату», случайной вставкой, попавшей в текст по недоразумению, нельзя уже потому, что без этих разделов (занимающих все начало и конец «Послания») текст «Послания иконописцу» становится бессмысленным и непонятным. Во всех списках, в которых дошло до нас «Послание иконописцу», и в том числе в достаточно ранних списках (первой половины XVI в.),⁷⁴ оно совпадает в своей основной части с «Посланием брату»; «Послание брату» органически входит в ткань «Послания иконописцу». Перед нами — произведение, предпосланное трем «словам» против новгородских еретиков и принадлежащее в основной своей части Нилу Сорскому. Могут быть высказаны, очевидно, два предположения о происхождении этих «слов» и вступительного «Послания иконописцу». Либо мы можем считать, что автором всего сочинения в целом («послания» и «слов») был Нил Сорский, а Иосиф Волоцкий при составлении «Просветителя» включил в него «слова» Нила, опустив вступительное «послание». Либо, наоборот, мы можем предположить, что и вне «Просветителя» «слова» об иконах — произведение Иосифа Волоцкого, но что во вступительном «послании» волоколамский игумен широко использовал «Посла-

⁶⁹ Л. Н. Майков. Последние труды. ИОРЯС, 1900, т. V, кн. 2, стр. 376.

⁷⁰ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодалные еретические движения... стр. 129—130.

⁷¹ Нила Сорского Предание и Устав, стр. 3.

⁷² См. это послание в кн.: Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодалные еретические движения..., Приложение, стр. 323—325.

⁷³ М. С. Боровкова-Майкова. К литературной деятельности Нила Сорского. СПб., 1911, стр. 4—12.

⁷⁴ ГПБ, Соф. 1474.

ние брату» Нила. С точки зрения представления об авторской собственности, характерной для XV в., возможно и заимствование Иосифом части вступительного «послания» и заимствование им целых «слов». Но какую бы из этих возможностей мы ни приняли, ясно одно: использование Иосифом сочинения Нила в его борьбе против еретиков свидетельствует о близости между обоими писателями, о том, что волоколамский игумен видел в сорском отшельнике своего единомышленника в борьбе с ересью.

О связи Нила с «обличителями» говорит еще одно обстоятельство. Выше мы уже отмечали активную роль, которую играло в борьбе с еретическим движением непосредственное окружение великой княгини Софии Палеолог. Речь идет здесь в первую очередь о приехавших с Софией на Русь братьях Траханиотах, помогавших новгородскому владыке в его полемике с еретиками и даже доставивших ему отчет о деятельности испанской инквизиции. Но к свите Софии Палеолог принадлежало еще одно лицо — князь Константин Мавнукский (Манкупский), также переселившийся в Россию вместе с «царегородской царевной». Как и Траханиоты, князь Константин завязал тесные связи с высшей церковной иерархией: он поступил на службу к ростовскому архиепископу Иоасафу, тому самому иерарху, через которого Геннадий вступил в переговоры с Паисием и Нилом. В 1489 г. Иоасаф был лишен сана вследствие какого-то столкновения с великим князем; крайне недовольный этой отставкой, Геннадий попрекал Иоасафа за то, что он не сумел остаться архиепископом в момент борьбы с еретиками: «...оставил архиепископию, да предал еси овцы влъком на расхищение, а слыша такуюв беду церковную». ⁷⁵ Вместе с Иоасафом подвергся опале и Константин Мавнукский: ему пришлось удалиться вместе с Иоасафом в монастырь и там, вопреки его желанию, постричься (под именем Кассиана). ⁷⁶ Опала Иоасафа и Константина, по всей видимости, была связана с теми «скорбями многими», которые, как рассказывал Иосиф Волоцкий, пришлось вынести некоторым деятелям церкви в годы близости великого князя с еретиками; сочувствуя своим пострадавшим собратьям, другие церковники, по словам Иосифа, «пострадали» им «писанием утешительным». Геннадий писал «утешительное писание» Иоасафу; «писание утешительное» Константину-Кассиану Мавнукскому написал Нил Сорский. Послание это дошло до нас. В послании Нил вспоминает бедствия, испытанные опальным князем на родине: «скорби, и беды, и пленение и заведение от своея земли и рода и отечества в землю чужю и язык несведом», и затем на Руси: «потом же наведе на ны, грех ради наших искушения и скорби и заточения», и утешает Кассиана: «О сем паки радуяся, яко возлюби нас бог, не хотя мучити на оном веце будущем, но зде попусти поскорбети». ⁷⁷

Известные нам факты биографии Нила Сорского (относящиеся, по-видимому, в основном к концу XV в.) не дают, таким образом, оснований для противопоставления его Иосифу Волоцкому и иосифлянам. Исключение составляет только один факт, не засвидетельствованный современными Нилу источниками и известный только на основании посмертной традиции. Мы имеем в виду выступление Нила Сорского по вопросу о монастырских имуществвах в связи с собором 1503 г. Наиболее про-

⁷⁵ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодалные еретические движения... Приложение, стр. 317.

⁷⁶ См.: Житие св. Константина кн. Манкупского. ГПБ, Погод. 1563, лл. 65 об.—67. Ср.: А. С. Архангельский. Нил Сорский..., стр. 56, прим. 26.

⁷⁷ ВБЛ, Фунд. 185, лл. 364 об.—365. В печатном издании (Преподобный Нил Сорский. СПб., 1864, стр. 185) неверная, по нашему мнению, транскрипция: «Потому же наведе на ны...».

странное и определенное известие об этом выступлении содержится в так называемом «Письме о нелюбках старцев Кириллова и Иосифова монастыря». В этом письме рассказывается, как во время «собора о вдовых поех и диаконых», происходившего в 1503 г., «нача старец Нил глаголати, чтобы у монастырей сел не было, а жили бы черньцы по пустыням, а кормили бы ся рукоделием».⁷⁸ Хотя известие это содержится в относительно позднем источнике (30—40-е годы XVI в.), вдобавок грешащем явными анахронизмами и неточностями («письмо» утверждает, что на соборе 1503 «был старец Паисея Ярослав», в действительности умерший в 1502 г.),⁷⁹ оно, на наш взгляд, не может быть полностью отвергнуто: о каком-то выступлении Нила в 1503 г. против церковного землевладения говорится и в сочинении его ученика, Вассиана (хотя инициатива возбуждения этого вопроса там приписывается не Нилу, а самому князю);⁸⁰ намекает на это выступление (не называя имени Нила) и житие Иосифа, составленное неизвестным.⁸¹ Однако если даже выступление Нила в 1503 г. и имело место, то во всяком случае событие это относится к достаточно позднему моменту в его биографии — через несколько лет после 1503 г. Нил умер, и серьезные столкновения его учеников с иосифлянами произошли уже после его смерти. Выступление 1503 г. в той или иной степени могло вытекать из мировоззрения Нила, но его исходной точкой оно не было.

III

Говоря о мировоззрении Нила Сорского, исследователи обычно называют в качестве его наиболее характерной черты «критицизм», «принцип свободного критического исследования церковных источников». Эта черта, по их мнению, резко отличает Нила от Иосифа Волоцкого и иосифлян и даже сближает его с еретиками конца XV в.

На чем основывается представление о «критицизме» Нила, прочно укоренившееся в историографии?

В первую очередь здесь, как и в других случаях, важную роль играют источники, связанные с учеником Нила Сорского — Вассианом Патрикеевым. В одном из сочинений Вассиана — «Собрании от святых правил и от многих книг», направленном против Иосифа Волоцкого, содержится своеобразный диалог между ним и Иосифом Волоцким — обвинения Иосифа и опровержение их Вассианом. Иосиф, судя по этому диалогу, обвинял Нила и Вассиана в том, что они «похулиша не токмо в Руской земли чудотворцов, но иже и в древняя лета и в тамошних землях бывших чудотворцов, чудесам их не вероваша и от писания изметаша чудеса их». Хотя обвинение это было тут же опровергнуто Вассианом, заявившим, что «сие, Иосифе, лжеси на мя и на моего старца Нила» и что «чудес из их святых писаний ничего старец Нил не выкинул»,⁸² историки склонны были верить в данном случае Иосифу, а не Вассиану и предполагали, что Нил «скептически относился к чудесам некоторых святых».

Стремясь доказать это положение, исследователи обращались к рукописным памятникам, так или иначе связанным с Нилом Сорским, и искали в них конкретные примеры «трудов с оттенком критического направле-

⁷⁸ Прибавления к творениям святых отцов, ч. X, стр. 505.

⁷⁹ Н. К. Никольский. Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря... стр. XV—XLI.

⁸⁰ Православный собеседник, 1863, ч. III, стр. 206.

⁸¹ ЧОИДР, 1903, кн. III, стр. 37.

⁸² Православный собеседник, 1863, ч. III, стр. 208.

ния». Уже В. Жмакин в качестве конкретного примера Нилова «критицизма» приводил один из сборников житий «исправления старца Нила» (из Уваровского собрания), который он датировал XVI в.⁸³ А. С. Архангельский обратил внимание на две рукописи житий, более или менее современные Нилу (начала XVI в.) — одну из Кирилло-Белозерского монастыря (№ 23/1262) и другую из Троицко-Сергиевой лавры (№ 684). В обеих рукописях содержится предисловие, в котором составитель говорит, что, найдя «в списках оных многа неисправленна», он по возможности «сия исправлях»; в кирилловской рукописи имеется, кроме того, заключительная приписка, указывающая, что «сия жития и мучения преписаны с книги старца Нила, с его писания и исправления». Найдя в тексте обеих рукописей ряд пропусков, сопровождающихся заметками типа «от зде в списке неправо», «в списках преступлено зде» и т. д., А. С. Архангельский пришел к заключению, что обнаруженные им жития и являются теми «трудами с оттенком критического направления», за которые Иосиф Волоцкий порицал Нила.⁸⁴

Третьим и наиболее веским доказательством «критицизма» Нила исследователи считают его неоднократные высказывания о необходимости следовать «божественным писаниям» и прежде всего постоянно цитируемое во всех работах замечание из послания Гурию Тушину, что «писания многа, но не вся божественна суть».⁸⁵ В дополнение к этой цитате нередко приводятся также слова Нила из послания Герману, что он «наипаче» испытует «божественные писания, прежде заповеди господни и толкования их, и апостольские предания, таже жития и учения святых отец».⁸⁶ Высказывания эти, по мнению исследователей, не только свидетельствуют о склонности Нила противопоставлять друг другу священное писание, священное предание и святоотеческую литературу,⁸⁷ но и о его критическом отношении к самому «божественному писанию».⁸⁸

Такова в общих чертах аргументация исследователей, считающих Нила представителем «критического» направления. Попробуем разобраться в этой аргументации.

Из числа перечисленных аргументов наиболее сомнительным представляется нам свидетельство Иосифа в «Собрании» Вассиана. Прежде всего перед нами, как уже было отмечено, утверждение враждебно настроенного лица, которое тут же было решительно опровергнуто его оппонентом. Мало того, обратившись к самим цитатам Иосифа, приведенным у Вассиана, мы убедимся, что волоцкий игумен ставил в вину своим противникам не столько их недостаточную веру в чудотворцев, сколько совсем иные грехи. Пункт диалога между Иосифом и Вассианом, обвинявший их в недостаточной вере в чудеса, был лишь дополнением к предшествующим разделам, где шла речь о хуле на русских чудотворцев: «Нил и ученик его Васьян, — говорил Иосиф, — похулиша не токмо в Руской земле чудотворцев, но иже в древняя лета и в тамошних землях бывших чудотворцев». А в предыдущих разделах речь шла о «хуле» на «чудотворцев Антония и Феодосия» — основателей Киево-Печерского монастыря, и о том, что Нил и Вассиан отрицали право монастырей «сел дрѣжати».

⁸³ В. Жмакин. Митрополит Даниил..., стр. 34.

⁸⁴ А. С. Архангельский. Нил Сорский..., стр. 124—127

⁸⁵ ГПБ, Кир.-Бел. 25/1102, л. 101—101 об.

⁸⁶ ГПБ, Кир.-Бел. 101/1178, л. 219.

⁸⁷ В. Жмакин. Митрополит Даниил..., стр. 27.

⁸⁸ Ср., например: А. С. Архангельский. Нил Сорский..., стр. 134; М. С. Боровкова-Майкова. Великий старец Нил..., стр. 10.

Смысл слов Иосифа, приведенных Вассианом, становится еще более понятным, если сопоставить их с обвинениями против Вассиана, высказанными спустя ряд лет учеником Иосифа, митрополитом Даниилом, на церковном соборе. «Чюдотворцев, — обвинял Даниил Вассиана, — называешь смутотворца, потому что они у монастырей села имеют и люди». Возражая Вассиану, митрополит доказывал, что «и в ныняшня лета святии отци чюдотворци села к монастырем имели, но яко богу священо и возложено, твердо сохраняли и соблюдали, и ты почто мнишь и нынешних чюдотворцев страстных?». ⁸⁹ Считая владение селами и людьми несовместимым с чудотворством, Вассиан и его учитель подвергали тем самым, по мнению иосифлян, сомнению святость тех многочисленных чудотворцев «в Русской земле», а также «в тамошних землях», которые владели селами. Здесь перед нами, таким образом, не столько реальное рассуждение Нила и Вассиана, сколько вывод, навязанный им их противниками, — тенденциозный, хотя и не лишенный логики, полемический прием. К аналогичному полемическому приему прибегли спустя несколько столетий старообрядцы в своей борьбе с Никоном: если, говорили они, Никон отрицает святость русских церковных книг, существовавших до его реформы, то тем самым он «хулит» и чудотворцев, «спасшихся» по этим книгам.

Логически связанное с вопросом о владении «селами» обвинение в «хуле» на чудотворцев было, однако, облечено Иосифом в излюбленную им провокационно-инквизиторскую форму и дополнено обвинением, будто Нил и Вассиан «чюдесем их не вероваשא, и от писания изметаשא чюдеса их». Эта инсинуация и заставила Вассиана заявить, что Иосиф облыгает Нила «по страсти, яко человеконенавистник», и подчеркнуть, что «чудес из их святых писаний ничего старец Нил не выкинул, а наипаче исправил с иных с правых списках».

Последнее замечание Вассиана в значительной степени помогает нам разобраться и в тех житийных списках, в которых исследователи видели доказательство «критицизма» Нила Сорского. В каком смысле можно говорить о «критицизме» Нила в этих житиях? Филологическая критика церковных текстов в истории позднего средневековья действительно нередко переходила в критику их содержания, она обнаруживала противоречия между «писанием» и «преданием», разоблачала поздние подделки (например, критика так называемого «Дара Константина» в работах итальянского гуманиста Лоренцо Валла). Однако наряду с такой критикой содержания письменность средних веков издавна знала «критицизм» иного рода — внимательное отношение переписчиков к своим рукописным оригиналам, умение выбрать из нескольких списков более исправный, осторожное пользование сомнительным (прежде всего в смысле исправности текста) и противоречивым протографом. Было бы совершенно неправильно отказывать в такого рода умении работать над текстом русским средневековым книжникам и полагать, что они всегда механически следовали своим оригиналам. Яркие примеры осторожной и тонкой «текстологической» работы над оригиналом дают, например, памятники древнерусского летописания. Уже в летописном своде конца XII в., легшем в основу Лаврентьевской летописи, мы встречаем следы работы составителя над двумя противоречивыми источниками: встретив в одном из них указание, что призванный славянами Рюрик «седе Новегороде», а в другом — «седе в Ладозе», сводчик оставил пустое место после имени Рюрика, отмечая тем самым противоречивость источников. ⁹⁰ Сводку противоречи-

⁸⁹ ЧОИДР, 1847, № 9, стр. 3 и 6—7.

⁹⁰ М. Д. Приселков. История русского летописания. Л., 1940, стр. 80.

вых известий разных летописцев мы находим в Тверской летописи;⁹¹ критические замечания о недостаточной «доброте» использованного им «Лесицкого летописца» сделал составитель НЗЛ⁹² и т. д. Перед нами в данном случае, конечно, не проявление какого-либо религиозного «критицизма», а то элементарное умение работать над текстом, которое было достаточно знакомо лучшим из средневековых книжников. При этом необходимо отметить, что в своей «текстологической» работе книжники древней Руси отнюдь не интересовались только текстом ради текста, напротив, они очень хорошо понимали, какие важные практические выводы могут вытекать из использования того или иного варианта «писания»: именно поэтому московский великокняжеский летописец с таким возмущением указывал, что князь Юрий Дмитриевич Галицкий добивался престола «летописци старыми списками».⁹³ Такое же понимание важности того или иного варианта текста (или того или иного перевода с греческого) обнаруживал и ученик Нила, Вассиан, специально объяснявший в своей «Кормчей книге», что греческое слово «проастион» надо переводить как «пашни и винограды, а не села с житийскими христианами».⁹⁴ Однако ни Вассиан, ни его оппоненты иосифляне (ведшие аналогичную «текстологическую» полемику) отнюдь не становились из-за этого представителями «критического направления».

Какой же характер имеет «критицизм» в житиях святых, связанных с Нилом Сорским? До нас дошло четыре списка житий такого типа: два списка (с прямым указанием — «с книги старца Нила») из ГПБ (Кирилло-Белозерское собр., №№ 23/1262 и 141/1218) и два списка (без имени Нила, но с такими же предисловиями) из ВБЛ (Троицкое собр., №№ 684 и 685). Что касается Уваровского собрания (на которое обратил внимание В. Жмакин), то имеющийся в нем список «исправления старца Нила» написан в 1661 г.⁹⁵ и представляет собой в лучшем случае позднюю копию с оригинала Нила. Кирилло-Белозерские и Троицкие списки более или менее современны Нилу: они относятся к началу XVI в., но ни один из них, по всей видимости, не является автографом. Рукопись житий (письма Нила Сорского), хранившаяся в Волоколамском монастыре и известная археографам середины XIX в., до нас, к сожалению, не дошла.⁹⁶ Из дошедших до нас рукописей списки Кир.-Бел. 23/1262 (л. 596) и

⁹¹ ПСРА, т. XV, стлб. 108.

⁹² Новгородская летопись. СПб., 1879, стр. 111—112. Ср.: Д. С. Лихачев. О летописном периоде русской историографии. Вопросы истории, 1948, № 9, стр. 27—28.

⁹³ ПСРА, т. XVIII, стр. 132, прим. 7.

⁹⁴ Ср.: А. С. Павлов. О кормчей князя-инока Вассиана. Ученые записки Казанского университета по Отделению историко-филологических и политико-юридических наук, 1864, вып. II, стр. 494.

⁹⁵ ГИМ, Увар. 17. Ср.: Леонид. Систематическое описание славяно-русских рукописей гр. Уварова, ч. 2. М., 1893, № 1054, стр. 369—370.

⁹⁶ Наиболее подробное описание этой рукописи содержится в «Истории русской словесности» С. Шевырева (ч. IV, стр. 126, прим. 5 к двадцатой лекции); по словам Шевырева, рукопись эта хранилась в библиотеке Иосифова (Волоколамского) монастыря за № 637, 253 лл., вплоть до конца жития Паисия Великого «переписи старца Нила» (Сорского); окончена Нилом Полевым и в 1514 г. сдана в Волоколамский монастырь; рукопись включала жития, относящиеся и к первой (Симеон Столпник) и ко второй половине года (Онуфрий, Петр Афонский, Паисий, Филимон и т. д.). А. С. Архангельский, очевидно, уже не видел этой рукописи, ибо не привлек ее для решения вопроса о «критицизме» Нила (ср.: А. С. Архангельский. Нил Сорский..., стр. 27, прим. 67). В двух собраниях, сохранивших рукописи Волоколамского монастыря, — Епархиальном собрании ГИМ и Волоколамском собрании ВБЛ — этой рукописи в настоящее время нет. В фонде Волоколамского монастыря ЦГАДА среди «Отрывков житий и поучений» (№ 514) сохранилось 6 листов из житийного сборника конца XV — начала XVI в., содержащих как раз фрагмент жития Симеона Столпника, которое было в сборнике Нила.

141/1218 (л. 564) имеют точную дату — 7013 (1509) г. и прямое указание на переписчика — «многогрешного Гурия» (Тушина, рукой которого, однако, переписана лишь часть житий). Списки эти непосредственно примыкают друг к другу: список Кир.-Бел. 23/1262 содержит жития святых с сентября по февраль, список Кир.-Бел. 141/1218 — с февраля по август. Список Троицк. 685, полностью (судя по почерку) переписанный рукой Тушина, содержит одно декабрьское житие (Иоанна Безмолвника) и остальные — с апреля по июль. Список Троицк. 684 почти совпадает по составу с Кир.-Бел. 23/1262; имя переписчика в нем не названо, но почерк списка чрезвычайно напоминает руку известного церковного деятеля начала XVI в. Нила Полева.⁹⁷

Для решения вопроса о характере «критицизма» Нила Сорского наибольший интерес представляют списки ГПБ, Кир.-Бел. 23/1262 и ВБЛ, Троицк. 684, содержащие особенно значительные пропуски в тексте с пометками на полях: «в списке неправо», «в списке преступлено zde» и т. д. В Троицк. 684 эти пропуски в нескольких местах заполнены текстом, написанным на специальных вклейках; в Кир.-Бел. 23/1262 в соответствующих местах вставки внесены в текст, но иным почерком (рукой Тушина в текст, писанный другим лицом).⁹⁸ Сопоставление отдельных житий в обоих списках с соответствующими житиями в макарьевских Великих Минеях Четних (в этой части изданными) помогает понять характер пропусков и «исправлений» Нила.

Уже в предисловиях и послесловиях к разбираемым сборникам житий мы встречаем указания, что составитель исправлял то, что было «многа неисправлена» в использованных им списках-оригиналах, «не согласующих в себе в исправлениях» (т. е. расходящихся между собой); о том, что Нил исправил переписанные им жития «с иных с правых списков», говорил и Вассиан. Отдельные лакуны и «исправления» сборников Кир.-Бел. 23/1262 и Троицк. 684 свидетельствуют о том, что предметом внимания и беспокойства Нила были в первую очередь чисто текстуальные погрешности в его оригиналах. В житиях мы встречаем пропуски в переводе трудных греческих слов,⁹⁹ географических терминов¹⁰⁰ и т. д. В житии Федора Студита оба разбираемых списка делают пропуск в том месте, где говорится о возрасте святого в момент наречения его игуменом: «... имея възраста лет [пропуск], а отнеле же в иноки причтется 30 имея лет».¹⁰¹ В соответствующем месте Великих Миней Четий читаем: «... пятое убо и тридесатное лето имея возрастию, отнеле же в мнихи причтется 30 имея всех лет».¹⁰² Это — явная путаница: если в возрасте 35 лет Федор уже 30 лет был монахом, то постричься он должен был пяти лет от роду; между тем в предшествующем тексте говорится, что Федор вступил в монашество, будучи взрослым человеком. Греческий текст жития объясняет происхождение этой ошибки: там говорится, что Федор до игуменства был монахом не 30, а 13 лет.¹⁰³ Тем самым выясняется и причина пропуска в разбираемых списках: в общем оригинале житийных сборников Нила и Великих Миней Четий была погрешность,

⁹⁷ Ср. сборник житий, переписанный Полевым (ВБЛ, Вол. 630, л. 1). В списке Нила Полева мы обнаруживаем тот же характерный пропуск в житии Феодосия, что и в Троицком и Кирилловском списках (ср.: Вол. 630, л. 56 об.; Троицк. 684, л. 314, и Кир.-Бел. 23/1262, л. 426).

⁹⁸ Троицк. 684, лл. 85 и 92; Кир.-Бел. 23/1262, лл. 50, 58 об.—59.

⁹⁹ Кир.-Бел. 23/1262, л. 388. Ср.: ВМЧ, янв. 6—11, стлб. 572 (ср. прим. 17).

¹⁰⁰ Кир.-Бел. 23/1262, л. 355; Троицк. 684, л. 262. Ср.: ВМЧ, дек. 1—5, стлб. 523.

¹⁰¹ Кир.-Бел. 23/1262, л. 72; Троицк. 684, л. 125.

¹⁰² ВМЧ, ноябрь 1—12, стлб. 373.

¹⁰³ ВМЧ, ноябрь 1—12, стлб. 373, прим. 2.

отразившаяся в обоих источниках, — там говорилось, что Федор 30 лет был монахом; понимая, что это несовместимо с 35-летним возрастом святого, составитель житийных сборников (видимо, Нил Сорский) пропустил указание на возраст Федора. Такого же происхождения и другие многочисленные пропуски в житиях — недаром, делая эти пропуски, составитель писал, что здесь «в списке преступлено», «и зде недостает», «в списке неправо» и т. д.; недаром в целом ряде мест житий эти пропущенные места были затем вставлены в текст (Нилом или его переписчиками). К числу таких заполненных пропусков относится, например, то место в житии Иоанникия, где говорится сперва о военных подвигах святого, а затем о его «уходе от мира». В обоих житийных сборниках здесь пробыл, заполненный затем краткой вставкой: «И по сих възжела отрещися мира... научает же ся от мужа искусна в добродетелех, глаголюще ему сице: О, любезне...»; в Троицком списке вставка эта сделана на отдельном листочке со специальной оговоркой: «Аще где в ином переводе обрящется известнейше сего, тамо да чтется».¹⁰⁴ Сравнение с ВМЧ опять объясняет происхождение данного «исправления»: там все это место (весьма пространное в греческом тексте жития) полностью пропущено и рассказ о военных подвигах Иоанникия бессмысленно переходит в речь «искусного мужа».¹⁰⁵ Ясно, что в оригинале житийных сборников и Минея был какой-то пропуск, который составители житийных сборников (Нил или его преемники) сумели кое-как заполнить, а составитель Минея не сумел. Пропуски в житийных сборниках соответствуют пропускам (иногда более обширным) в Минеях и в ряде других случаев: трижды в житии Кириака,¹⁰⁶ еще в одном месте в житии Иоанникия¹⁰⁷ и т. д. Во всех этих случаях речь идет о явных дефектах в оригиналах, общих житийным сборникам и Минеям.

Чисто текстуальный характер «критики» Нила в связанных с ним житийных сборниках уже обратил на себя внимание одного исследователя — К. В. Покровского. В своем реферате «К литературной деятельности Нила Сорского» (дошедшем до нас, к сожалению, только в виде краткого протокольного изложения) К. В. Покровский, отметив наличие совпадений между пропусками в житийных сборниках и в Минеях, пришел к выводу, что «критицизм» Нила относился лишь «к тексту, а не к содержанию житий».

Указав, что большинство пропусков в житийных сборниках, не находящихся соответствия в Минеях, «очень невелико по размеру и незначительно по содержанию» и что «содержание их опять-таки говорит о полнейшем отсутствии какой-либо полемическо-рационалистической мысли», К. В. Покровский отметил, однако, три пропуска в житиях, представляющих интерес с точки зрения идеологии: 1) пропуск в житии Кириака места о желании святого устроить «общежитие», 2) пропуск известия о подвижничестве и посте Илариона Великого и 3) пропуск известия о получении Саввой Освященным 1000 золотых на содержание монастыря. Хотя сам К. В. Покровский не придавал значения этим пропускам и считал их случайными, но его оппоненты увидели в них все-таки доказательство «критицизма» Нила; возражая Покровскому, Ф. Е. Корш

¹⁰⁴ Кир.-Бел. 23/1262, л. 50; Троицк. 684, л. 85.

¹⁰⁵ ВМЧ, ноября 1—12, стлб. 107, ср. прим. 7.

¹⁰⁶ 1) Кир.-Бел. 23/1262, л. 39; Троицк. 684, л. 29; ВМЧ, сент. 25—30, стлб. 2202; 2) Кир.-Бел. 23/1262, л. 39 об.; Троицк. 684, л. 29 об.; ВМЧ, сент. 25—30, стлб. 2202—2203; 3) Кир.-Бел. 23/1262, л. 41 об.; Троицк. 684, л. 31; ВМЧ, сент. 25—30, стлб. 2204.

¹⁰⁷ Кир.-Бел. 23/1262, лл. 58 об.—59; Троицк. 684, л. 92; ВМЧ, ноября 1—12, стлб. 113, прим. 6.

заявил, что «пропуски и особенно пропуск о посте очень характерны для Нила: они свидетельствуют об его критицизме».¹⁰⁸

Ознакомление с текстом житийных сборников полностью подтверждает, на наш взгляд, мнение К. В. Покровского о случайном характере трех указанных пропусков. Если бы пропуски эти вызывались не лакунами в оригиналах Нила, а были сделаны им сознательно, то они были бы приведены с той или иной степенью последовательности. Между тем, обращаясь к тексту других житий и даже к другим местам тех самых житий, где встречаются отмеченные Покровским пропуски, мы находим там в полной неприкосновенности упоминания и об общежительстве, и о посте, и о получении святыми денег от благотворителей. Большинство греческих святых, которым посвящены переписанные Нилом и его учениками жития, были монахами общежительных монастырей; обстоятельство это нисколько не замалчивается в житиях, среди которых одно даже озаглавлено «Житие преподобного отца нашего Феодосия общим житием начяльника».¹⁰⁹ Еще меньше склонны были Нил и его преемники «изменить» из житий упоминания о посте. В том же самом житии Илариона, всего двумя листами выше отмеченного К. В. Покровским пропуска, повествуется о том, как Иларион говорил своему телу: «Аз тя аки скот умчю... не напитаяю тя хлебом, но былием польским и жажею утомяю тя», и о том, как он «жестоким житием иссушаше плоть свою и порабощаше... да болезнью поста толма же утоми тело свое, яко едва костем его от тела съдержатися».¹¹⁰ Пропуск в житии Илариона относится не к вопросу о посте (здесь говорится о том, что Иларион «различная пощения поставляше»), а к подробному описанию «рациона» святого в разные годы его жизни, описанию сложному, которое содержало множество цифр и легко могло подвергнуться искажению в списке, служившем оригиналом для Нила Сорского. В рукописи Троицк. 684 пропуск в житии Илариона сопровождается обычным в таких случаях указанием на техническую погрешность в оригинале: «От зде в списках неправо».¹¹¹ В Великих Миняях Четиях житие Илариона дано в ином переводе с греческого и имеет, следовательно, другой русский оригинал.¹¹² То же самое можно сказать и о пропуске в житии Саввы. В житии этом многократно сообщается о получении святым денег для монастыря от целого ряда лиц (от его матери, принесшей сыну «злато много», от некоего незнакомца и т. д.); рассказывается здесь, в частности, о получении Саввой от императора «тысящи златник» и о том, как «отец наш Сава много злато посла от Цариграда к отечеству своему».¹¹³ Ясно, что пропуск совершенно аналогичного места о получении «1000 златников» от императора¹¹⁴ следует считать случайным.

Таким образом, житийные сборники, связанные с Нилом Сорским, не могут служить доказательством его «критицизма». Самый факт тща-

¹⁰⁸ Древности. Труды славянской комиссии Московского археологического общества, т. V. М., 1911, Протоколы, стр. 32—34. Краткое изложение реферата К. В. Покровского, к сожалению, совершенно не имеет научного аппарата, в связи с чем нам пришлось вторично произвести всю работу над рукописями, проделанную К. В. Покровским.

¹⁰⁹ Кир.-Бел. 23/1262, л. 383; Троицк. 684, л. 273. Пропуск упоминания об общежитии в житии Кириака см.: Кир.-Бел. 23/1262, лл. 37 об.—38; Троицк. 684, л. 28. Ср.: ВМЧ, сент. 25—30, стлб. 2201.

¹¹⁰ Кир.-Бел. 23/1262, л. 111—111 об.; Троицк. 684, л. 38.

¹¹¹ Троицк. 684, лл. 39 об.—40. В Кир.-Бел. 23/1262 пропуск также имеется, но он не оговорен в тексте и соответствующего пробела нет (л. 113).

¹¹² ВМЧ, окт. 19—31, стлб. 1688—1689.

¹¹³ Кир.-Бел. 23/1262, лл. 332 об. и 336.

¹¹⁴ ВМЧ, дек. 1—5, стлб. 531—532. Ср.: Кир.-Бел. 23/1262, л. 363—363 об.; Троицк. 684, лл. 268 об.—269.

тельной работы Нила над житийными списками, несомненно, заслуживает внимания: подбор Нилом тех или иных житий (и, может быть, тех или иных переводов житий), весьма вероятно, был как-то связан с его общими идеологическими позициями.¹¹⁵ Но критического отношения к священному «писанию» в этих житиях мы не обнаруживаем, как не обнаруживаем в них случаев сознательного пропуска Нилом «чудес» тех или иных святых.

Для понимания мировоззрения Нила Сорского наибольший интерес, конечно, представляют его собственные сочинения. Говоря о «критицизме» Нила, исследователи пытались найти, как мы уже отметили, главную опору в его заявлении (в послании Тушину) о том, что «писания многа, но не вся божественна суть». Можно ли, однако, понимать эти слова в смысле противопоставления «божественного писания» (т. е. Библии) остальной церковной литературе, например писаниям «святых отцов»?

В древнерусском языке слово «писание» имело достаточно широкий смысл: оно обозначало всякое письменное сочинение или запись («обличители» говорили, например, о «писаниях» стригольников).¹¹⁶ Церковь, издавна прославлявшая «почитание книжное», издавна же стремилась отделить от заслуживающей «почитания» «божественной» литературы «ложная писания», «богоотметныя и ненавидимыя книги». Перечни «отреченных книг», проникавшие из Византии, не раз появлялись на Руси: в конце XIV в. такой перечень был выпущен митрополитом Киприаном, в конце XV в. — митрополитом Зосимой.¹¹⁷ Стремление выделить из массы «писаний» литературу «божественную» и, наоборот, литературу, не заслуживающую доверия, было свойственно и церковному деятелю XV в., которого историки обычно особенно резко противопоставляют Нилу, — Иосифу Волоцкому.

В «Сказании от божественных писаний, яко его же бог не повеле ведати, о сих не подобает пытати» (вошедшем впоследствии в «Просветитель» в качестве 8-го «слова») были подчеркнуты, например, критике те «писания», в которых предсказывалась та или иная определенная дата «конца мира»: «... устремившася нещии рещи и написати, яко по Христове воскресении тысяща лет до антихристова прихода... Абие нещии нача домышляти его седморицен есть век настоящий» и т. д. Этим «писа-

¹¹⁵ В этом отношении заслуживает внимания одно любопытное отличие текста рассматриваемых житийных сборников от минейного текста, бывшего в распоряжении иосифляне. В житии Николая Студита, содержащегося в Великих Минеях Четиях, рассказывается, как этот святой, «видя беззаконие многое», творившееся по вине императора, оставил монастырь и «иде в Пренет село монастырское»; далее упоминается, как он, «изгнан быв из сел монастырских, скитаяся пребываше» (ГПБ, Соф. 1320, л. 36 б, с); иосифляне видели в этом месте столь важный аргумент в пользу исконности монастырского землевладения, что Даниил цитировал его во время суда над Вассианом в 1531 г. (ЧОИДР, 1847, № 9, Смесь, стр. 6). В житийных сборниках мы читаем в соответствующих местах, что Николай Студит «иде в Пренет в монастырское место» и «изгнан быв скиташеся» (Кир.-Бел. 23/1262, лл. 587 об. и 588 об.; Троицк. 684, лл. 465 об. и 466 об.). Сборники, связанные с Нилом, вернее передают греческий оригинал, чем Великие Миней Четии: в оригинале упоминается «страннопримный дом» монастыря (ταύτης καταγωγῆς), а отнюдь не село, и речь идет о монастырских владениях вообще (τῶν οἰκείων, Patrologia graeca, CV, столб. 908—909). Откуда произошло замеченное нами расхождение: фальсифицировали ли иосифляне житие Николая Студита или искажение было уже в раннем тексте перевода, и Нил исправил его по греческому оригиналу? Для ответа на этот вопрос надо найти русский перевод жития Николая Студита ранее конца XV в. (если такой перевод вообще существовал до Нила); нам такой текст неизвестен.

¹¹⁶ Срезневский, Материалы, т. II, СПб., 1902, столб. 934—935.

¹¹⁷ РИБ, т. VI, СПб., 1908, столб. 789, № 117.

ниям нецых» (сочинению Никифора Ксанфопула и др.) противопоставлялись здесь «божественная писания».¹¹⁸

Нил Сорский, очевидно, также хотел внести какую-то дифференциацию в огромную массу «писаний». Какое же «писание» он считал «божественным» и какое не считал?

Анализ многочисленных высказываний Нила Сорского о «божественных писаниях» дает основание утверждать, что Нил (в отличие от еретиков XV в.) ни в какой мере не был склонен к противопоставлению каких-либо сочинений «святых отцов» «пророческому, евангельскому и апостольскому писанию». Напротив, через все творчество Нила Сорского проходит одна тема: прославление «преданий святых отец», которых он читает рядом и наравне с «божественными писаниями». «Не просто... подобает нам творити дела кая, но по божественных писаниях и по преданию святых отец... Творя по святых писанию и по жительству святых отец, благодатию Христовою не погресиши...», — писал он в послании Герману.

Такой же смысл имеет, по нашему мнению, и часто цитируемое высказывание из того же послания: «Наипаче испытую божественнаа писания, преже заповеди господня и толкования их, и апостольскаа предания, таже жития и учения святых отець, и тем внимаю». Порядок, в котором перечисляет здесь Нил «божественнаа писания», вовсе не свидетельствует о каком-либо противопоставлении им «учений святых отец» «заповедям господним»; такой порядок (сперва библейские тексты, затем апостольские и, наконец, святоотеческие) был испокон века свойственен церковно-полемической литературе и встречается у того же Иосифа Волоцкого.¹¹⁹ Характерно также, что хотя «жития и учения святых отець» у Нила названы по порядку позже, чем остальное «писание», но «толкования» на «заповеди господни» (т. е. по существу та же святоотеческая литература) здесь следуют непосредственно за самими «заповедями» (раньше «апостольских преданий»), в полном согласии с советом Иосифа Волоцкого дополнять «малые главизны» «божественных писаний» сочинениями «святых и божественных отцов и учителей».¹²⁰

«Тщися делати заповеди божия и предания святых отец», — читается в послании Гурию Тушину. Свой «Устав» Нил прямо охарактеризовал как сочинение, написанное «от писаний святых отець». Теснейшим образом сближая «святые писания» с сочинениями «отцов», он писал: «Събрав от святых писаний, еже рекоша о сих духоноснии отци. От святых писаний мало от многих събрах, якоже нес от крупц падающих трапезы словес господий своих блаженных отець... Написахом... от богодуховенных писаний святых отець...». Содержание «Устава» и других сочинений Нила подтверждает эту характеристику: произведение это действительно теснейшим образом связано с греческой патристикой и является в значительной степени изложением и развитием взглядов Нила Синайского, Иоанна Лествичника и других «отцов церкви».¹²¹

О противопоставлении Нилом Сорским «божественного писания» святоотеческой традиции (характерном для еретических и реформационных движений) не может быть, таким образом, и речи. Кому же и чему

¹¹⁸ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодалные еретические движения... Приложение, стр. 398, 400—401.

¹¹⁹ Ср., например, Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодалные еретические движения... Приложение, стр. 365 и 409—413.

¹²⁰ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодалные еретические движения... стр. 364—365.

¹²¹ А. С. Архангельский. Нил Сорский... стр. 139—183.

противопоставлял Нил Сорский пропагандируемый им принцип следования писанию?

Ответ на этот вопрос дает уже отчасти послание Нила Герману Подольному. Послание это, как мы знаем, написано в связи с уходом Нила из Кириллова монастыря и его «бранью» с оставшимся в монастыре Германом. Нил, по его собственным словам, ушел из монастыря, убежденный в том, что творящиеся там дела могут принести вред его душевному спасению («неползы ради душевная»), «занеже не видя ныне хранима жительства закон божиих, по святых писаниих и преданию святых отецъ, но по своих волях и умышленных человеческих». Тех же кирилловских монахов имеет в виду Нил и ниже, когда пишет: «Жестока убо достойно онем, иже не хотят истинно смиритися в страсе господни и плотских мудрований отступитьи, но по своих волях страстных жити, а не по святая писании». ¹²² Нам не известно, какой именно из борющихся в монастыре партий (сторонникам великого князя или его противникам) Нил ставил в вину «плотские мудрования», но ясно, что во всех этих филиппиках против «своеволия» он имел в виду отнюдь не современную ему церковную догматику или «писания святых отецъ», а именно укоренившиеся в монастырской практике уклонения от «жительства закон божиих».

Сходные выводы позволяют сделать и послание Нила Гурию Тушину. Для понимания этого послания, как и послания Герману, необходимо прежде всего определить обстоятельства и время его написания. Послание это написано в ответ на несколько вопросов Гурия и содержит ряд советов, непосредственно ему адресованных, в том числе и совет, «как отступитьи от мира». Очевидно, такие советы можно было давать только лицу, поступающему в монастырь, или же молодому новопостриженному иноку. Дата пострижения Гурия Тушина известна нам из его летописчика: он постригся в 1479 г., когда Нил был уже «старцем» Кириллова монастыря и, естественно, мог давать наставление молодому монаху. ¹²³ В 1485 г. Гурий стал игуменом монастыря — давать ему после этой даты указания, «как отступитьи от мира», было бы совершенно неуместно. Таким образом, послание Тушину было написано в конце 70—начале 80-х годов XV в., в период, когда, как мы уже знаем, в Кирилловом монастыре и вокруг него шла ожесточенная политическая борьба. Эту-то борьбу в монастыре и имел в виду Нил Сорский, когда он, отвечая на вопрос, «как отступитьи от мира», советовал Гурию «не приобретать» к «мирская мудрствуищим», но вместе с тем и не «наскакати» на них «речми». ¹²⁴ Речь идет здесь не о полемике между противниками и защитниками церковного землевладения вообще ¹²⁵ и уже, конечно, не о спорах с иосифлянами (Иосиф Санин в 1479 г. только основал свой монастырь), а, несомненно, о той ожесточенной борьбе (связанной, конечно, с вопросами «монастырского богатства и стяжания»), в которую сразу же по поступлении в монастырь оказался вовлеченным молодой инок.

Но в послании Гурию Тушину Нил выступает не только против «мирская мудрствующих». Кроме вопроса, «как отступитьи от мира», он отвечает еще на один вопрос: «как не заблудити от истиннаго пути». Если в «мирские мудрствования» люди впадают от «неразумна божественных

¹²² Кир.-Бел. 101/1178, л. 220 об.

¹²³ ГПБ, Соф. 1468, л. 177—177 об.

¹²⁴ ГПБ, Кир.-Бел. 25/1102, л. 100—100 об.

¹²⁵ Так толкуют цитируемое место П. Николаевский (ЖМНП, 1868, № 4, стр. 167), С. Виланский (Послания старца Артемия. Одесса, 1906, стр. 163), М. С. Боровкова-Майкова (статья «Нил Сорский» в «Истории русской литературы», т. II, ч. 1, стр. 321—322).

писаний», то к «заблуждению от истинного пути» приводит, согласно Нилу, иная причина — излишнее внимание к «писаниям» не-«божественного» характера. Именно против этой опасности и направлено предостережение Нила: «...писания бо многа, но не вся божественна суть». ¹²⁶ «Елици разътленем разумом творят дело божие, — указывает Нил, — сии погрешают от праваго пути». ¹²⁷ Что же это за «заблуждение от истинного пути», к которому может привести недостаточно осторожное изучение «писаний»? Конец 70—начало 80-х годов XV в. были не только временем борьбы между отдельными группами церковников. К этому времени относятся и первые упоминания об опасном «заблуждении от истинного пути», появившемся на Руси, — новгородско-московской ереси.

Еще до 1479 г. Иосифом Саниным было написано первое сочинение против еретиков — «Послание архимандриту Вассиану о Троице»; ¹²⁸ в 1480 г. главные новгородские еретики Алексей и Денис были переведены в Москву; благоволивший им великий князь поручил Алексею и Денису служить в главных московских храмах. К 80-м годам относятся и некоторые дошедшие до нас «писания» еретиков (книги Ивана Черного). Нам представляется поэтому, что, отвечая на четвертый вопрос Тушина, Нил предостерегал молодого монаха против наиболее опасного «заблуждения от истинного пути», появившегося в те годы, — против ереси. ¹²⁹

IV

Ни сочинения Нила Сорского, ни памятники, косвенно связанные с ним, не дают оснований для того противопоставления его взглядов ортодоксальному религиозному мировоззрению, которое часто встречается в исторической литературе. Полемическое острое посланий Нила было направлено не против церковных «писаний», а против отдельных злоупотреблений в монастырской практике и против «разътленных разумом» еретиков. Эта позиция Нила (как и некоторые данные его биографии) позволяет говорить об определенной близости между Нилом и другим крупным церковным и политическим деятелем того времени — Иосифом Волоцким. Изучая краткую редакцию «Устава» Иосифа Волоцкого, мы обнаруживаем в ней такое же стремление к очищению монастырского быта от «плотских» и «мирских» мудрствований и к укреплению монастырской дисциплины, как и в сочинениях Нила; как и Нил, Иосиф выступал за обязательное «рукоделие» (физический труд) для монахов и против всякой личной собственности в монастыре (что касается земельной собственности монастыря в целом, то за ликвидацию ее в прямой и определенной форме до 1503 г. не выступал и Нил). ¹³⁰ Идейная близость приводила и к прямому сотрудничеству между ближайшими сподвижниками Иосифа и Нила: ученики Иосифа, Нил Полев и Дионисий Звенигородский, жили в заволжских скитах и участвовали, по-видимому, в литературных трудах сорской школы; сочинения Нила Сорского переписывались и хранились в Волоколамском монастыре. ¹³¹ В этом отношении значитель-

¹²⁶ ГПБ, Кир.-Бел. 25/1102, л. 101—101 об.

¹²⁷ ГПБ, Кир.-Бел. 25/1102, л. 102—102 об.

¹²⁸ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения... Приложение, стр. 305.

¹²⁹ С. Вилинский также считает, что данное высказывание Нила направлено против еретиков (С. Вилинский. Послания старца Артемия, стр. 163).

¹³⁰ Подробнее об этом см. нашу статью «Краткая редакция Устава Иосифа Волоцкого — памятник идеологии раннего иосифлянства» (ТОДРА, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 125—126).

¹³¹ См. выше, стр. 198—199. Ср. нашу статью «Краткая редакция Устава Иосифа Волоцкого...» (стр. 123—125).

ный интерес представляют уже рассмотренные нами житийные сборники, связанные с Нилом Сорским. Независимо от того, насколько точно или «критично» передавал Нил свои источники, самая попытка систематизации русских текстов житий греческих «подвижников» была важным фактом в истории церковной литературы и в какой-то степени предвосхищала создание иосифлянских Великих Мчней Четий.

Однако, если основная цель преобразований, предлагаемых Иосифом и Нилом, представляется нам сходной, то из этого вовсе не следует, что и сами преобразования, предложенные ими, могут считаться идентичными. Сопоставление сочинений обоих церковных реформаторов говорит не только о сходстве, но и о существенной разнице между конкретной программой Иосифа Волоцкого и Нила Сорского.

С наибольшей ясностью различие между обоими авторами обнаруживается при сравнении «Устава» Иосифа Волоцкого с «Уставом» Нила Сорского. Композиционное построение обоих «Уставов» совпадает: оба они состоят из 11 «слов». Но содержание «слов» резко расходится в обоих памятниках: если «слова» Иосифа посвящены практическим вопросам монастырского быта — «о соборной молитве», «о пище и питии», «о еже не беседовати на трапезе», «о одеждах и обушах» и т. д.,¹³² то Нила интересуют совсем иные вопросы, связанные с внутренним душевным состоянием монаха: «о различии еже на нас мысленные брани», «о борении нашем еже к сим», о «мысленном подвиге», о «начальнейших помыслах» и т. д.¹³³ Для изложения вопросов монастырского быта Нилу было вполне достаточно его краткого «Предания»;¹³⁴ свое наиболее значительное и программное сочинение — «Устав» — он посвятил гораздо более важной с его точки зрения теме духовного самосовершенствования инока.

Идея духовного подвижничества, «умного делания» представляется нам наиболее характерной особенностью мировоззрения Нила Сорского. Интерес к этим вопросам не был исключительной особенностью Нила. Идеи внутреннего самосовершенствования встречаются в сочинениях некоторых московских еретиков конца XV в. Еретик Иван Черный специально оговаривал в приписке к «Еллинскому летописцу», что весь церковный «закон едином словом скончается, еже любити бога и ближняго»; он же переписывал (с особыми «тълкованиями») известный памятник византийской аскетической литературы — «Лестницу» Иоанна Симайского.¹³⁵ «Начальник» московских еретиков, Федор Курицын, в своем «Лаодикийском послании» цитировал слова одного из главных представителей аскетически-созерцательного направления в византийской патристике — Исаака Сирина: «Страх божий начало добродетели».¹³⁶ Вопросы «умного делания» привлекали и представителя противоположного лагеря — Иосифа Волоцкого: рукой Иосифа было переписано сочинение второго (наряду с Исааком Сиринским) виднейшего представителя византийской аскетики, Симеона Нового Богослова, включая и его знаменитое рассуждение о «фаворском свете» — «о мысленном откровении действенаго божественнаго света и делания умном и божественем добродетельнаго живота».¹³⁷ Но если в твор-

¹³² Я. С. Лурье. Краткая редакция Устава Иосифа Волоцкого..., стр. 120.

¹³³ Нила Сорского Предание и Устав, стр. 15 и сл.

¹³⁴ Нила Сорского Предание и Устав, стр. 5—9.

¹³⁵ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодалные еретические движения..., Приложение, стр. 278—280, ср. стр. 184—185.

¹³⁶ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодалные еретические движения..., стр. 173.

¹³⁷ ГИМ, Епарх. 357/536, лл. 311 об.—312. На л. 1 этой рукописи помета: «А се сборник и письмо и собрание старца и отца нашего Иосифа. А вынесл его из мона-

честве других идеологов конца XV в. этот момент был, по-видимому, относительно второстепенным, то у Нила аскетизм и мистика являлись одной из наиболее характерных особенностей. Эта особенность сближала Нила Сорского с византийскими писателями мистического направления, «исихастами», такими, как Григорий Синаит, Григорий Палама и др. У византийских мистиков Нил Сорский, по-видимому, заимствовал идею «умной» (внутренней) молитвы, психологический анализ развития «страстей» и т. д.¹³⁸

В чем смысл мистической направленности в учении Нила Сорского? Роль мистики в развитии средневековой идеологии довольно сложна. Мистика — учение о возможности непосредственного общения человека с богом — в какой-то степени присуща всякому религиозному мировоззрению; мистическое направление существовало в средние века и в римско-католической и в греко-православной церкви. Иногда, как отмечает Энгельс, мистические учения играли роль одной из форм, в которых находила выражение «революционная оппозиция феодализму».¹³⁹ Однако в большинстве случаев мистические учения отнюдь не противостояли официальной церкви и не порывали с церковной ортодоксией. Различие между двумя направлениями средневековой мистики определялось в первую очередь их разным отношением к феодальной церковной организации: «революционной оппозицией феодализму» мистика становилась лишь в том случае, если она во имя прямого общения человека с богом объявляла ненужными церковь и внешние формы культа.

Едва ли необходимо доказывать, что мистицизм Нила Сорского не был проявлением «революционной оппозиции феодализму». В отличие от еретиков XV—XVI вв., ни Нил Сорский, ни его ученики никогда не выступали против обрядов; в XVI в. одному из наиболее последовательных нестяжателей, Артемию, пришлось во время его пребывания в Литве даже выступить с развернутой апологией внешних форм культа против еретика Феодосия Косого.

Уже учителя Нила, византийские «исихасты», были вполне ортодоксальны по своим взглядам на церковную организацию: в ходе религиозной борьбы XIV в. именно «исихасты» получили поддержку официальной церкви; еретиками были признаны их противники, сторонники изучения светской античной науки — «варлаамиты» (опиравшиеся на городские массы).¹⁴⁰ Но Нил Сорский был еще умереннее византийских «исихастов». Г. Левицкий, единственный исследователь, обративший внимание на своеобразие взглядов Нила по сравнению с его учителями (хотя и исключительно в богословском плане), уже отметил, что у Нила совершенно отсутствует свойственное восточной аскетике учение «о нормальном человеке», «о добродетели как состоянии, естественным образом развивающемся из заложенных в природу человека добрых задатков».¹⁴¹ А между тем именно это учение о «первоначальном единении бога с человеком» и

стыря Досифей и прислал из Саватьева». Рук. Иосифа Волоцкого, по-видимому, написан текст на лл. 2—15 об. и 17—333 об. О «фаворском свете» ср.: А. С. Архангельский. Нил Сорский..., стр. 170—172. Ссылку на Симеона см. ВМЧ, стлб. 513.

¹³⁸ А. С. Архангельский. Нил Сорский..., стр. 177—178; С. Вилинский. Послания старца Артемия, стр. 315—341.

¹³⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. VIII, стр. 129.

¹⁴⁰ Ф. И. Успенский. История Византийской церкви, т. III. М.—Л., 1948, стр. 708—714.

¹⁴¹ Работа Г. Левицкого издана, к сожалению, только в виде краткого отчета о его занятиях; см.: Отчет профессорского стипендиата Г. Левицкого о занятиях в 1889—90 г. Христианское чтение, 1895, вып. 2—3, Протоколы заседаний совета СПб. духовной академии, стр. 332—335.

составляло основную теоретическую предпосылку учения «исихастов», сближая их с западными мистиками Экартом и Таулером,¹⁴² в свою очередь оказавшими влияние на Томаса Мюнцера.¹⁴³ Если у «исихастов» их «психологические» упражнения имели целью восстановить в человеке его первоначальную «добродетельность», то у Нила, по справедливому замечанию Левицкого, «психологические наблюдения заносятся в устав лишь настолько, насколько план может найти в них практическое средство для целесообразного ведения борьбы с пороками».¹⁴⁴ «Насколько в изложении Нила скрадывается положительная сторона совершенствования, настолько бьет в глаза отрицательная... У него... все внимание поглощено „борьбой“ и подавлением зла».¹⁴⁵

Эта особенность Нилова аскетизма позволяет, на наш взгляд, правильно понять отношение его воззрений к взглядам новгородско-московских еретиков. О совпадении между идеями внутреннего самосовершенствования у Нила Сорского и аналогичными идеями у еретиков можно говорить лишь в том смысле, в каком мы говорим о связи между программой личного нестяжания монахов у Иосифа Волоцкого (и у того же Нила) и еретической критикой корыстолюбия духовенства. Новгородский еретик Захар отвергал всю иерархию как поставленную «по мзде»; московские еретики выступали против монашества; Иосиф и Нил отвечали на это планами внутреннего переустройства и усовершенствования монастырского уклада. Точно так же еретики провозглашали, что весь церковный «закон» «скончается» заповедью любви к ближнему; Нил Сорский призывал к духовному подвижничеству, желая усовершенствовать монахов и сохранить церковь и обряды.

Как и программа Иосифа Волоцкого, программа Нила была по своему характеру не реформационна, а контрреформационна. Но конкретные пути этой контрреформации были у Нила несколько иными, чем у иосифлян. В центре внимания Иосифа лежала внешняя обрядность, обязанности инока по отношению к монастырю в целом; Нила интересовало главным образом индивидуальное самосовершенствование и «умное деланье» инока. С этой особенностью мировоззрения Нила была связана и та сторона его учения, которой предстояло сыграть наибольшую роль в социально-политической борьбе XVI в. Наилучшей формой организации монашества, по воззрениям Нила, был маленький скит на два-три человека: «с едином или с двема безмолвие».¹⁴⁶ Формально такое «пустынничество» не противостояло резко общежительным идеалам Иосифа Волоцкого: в краткой редакции «Устава» Иосиф в подкрепление своих нестяжательских принципов ссылался между прочим и на монахов, живущих «в пустыне».¹⁴⁷ 11-е «слово» своего «Устава», излагающее его план организации скитского «жития», Нил направил не против общежития, а в первую очередь против одиночного отшельничества, порождающего «высокоумие». Против монахов-одиночек были направлены и другие сочинения Нила, например переведенное им поучение «О мнисиех кружащих стяжаний ради».¹⁴⁸ В этом отношении Нил Сорский не расходился с офи-

¹⁴² К. Радченко. Религиозное и литературное движение в Болгарии в эпоху перед турецким завоеванием. Киев, 1898, стр. 61—68 и 71—72.

¹⁴³ М. М. Смирин. Народная реформация Томаса Мюнцера. М., 1955, стр. 171—229.

¹⁴⁴ Отчет профессорского стипендиата Г. Левицкого... стр. 303—304.

¹⁴⁵ Отчет профессорского стипендиата Г. Левицкого... стр. 343—344.

¹⁴⁶ Нила Сорского Предание и Устав, стр. 87.

¹⁴⁷ ГПБ, Сол. 346/326, л. 28.

¹⁴⁸ См.: А. С. Архангельский. Нил Сорский... стр. 72. Ср.: М. С. Борова-Майкова. К литературной деятельности Нила Сорского, стр. 3.

циальной церковной практикой того времени: против монахов-отшельников, строящих себе по собственному почину келью в пустыне», высказывался в сер. XVI в. и «Стоглав».¹⁴⁹ Однако, резко не противореча общежительному плану Иосифа, принцип «жития» с «единым или множае двумя братома» на деле все-таки существенно отличался от него. Нил недаром называл этот принцип «средним путем» в отличие от «уединенного ошельства» и «общего жития».¹⁵⁰ На практике маленькие скиты в два-три человека нередко вырастали потом в общежительные монастыри; но Нил, очевидно, видел в них не временный этап, а наилучший вид монашеского устройства. Между тем вопрос об устройстве монастырей, как это, конечно, не могли не понимать современники, был неразрывно связан с вопросом о монастырском землевладении: скиты не нуждались в земле и крестьянах для ее обработки. Именно это обстоятельство и определило возможность выступления Нила Сорского с поддерживаемой секуляризационных планов Ивана III в начале XVI в.

Каковы же были социальные корни программы Нила Сорского, идеологию каких именно общественных слоев она отражала? Вопрос этот представляется нам довольно сложным; для правильного ответа на него необходимо прежде всего отделить мировоззрение самого Нила Сорского от тех логических выводов, которые были сделаны из его взглядов в более позднее время.

Ни в посланиях Нила, ни в его «Уставе» нет ничего такого, что позволяло бы (как это нередко делают историки) видеть в нем боярского идеолога. Не представляется нам достаточно убедительным и высказанный И. У. Будовницем взгляд на Нила как на выразителя «умонастроения патриархального крестьянства».¹⁵¹ Характеристика патриархального крестьянства, данная В. И. Лениным в его статьях о Л. Н. Толстом, относится к началу XX в., когда в России преобладал капиталистический уклад и патриархальная деревня «отдана была буквально на поток и разграбление капиталу и фиску»;¹⁵² для XV в. едва ли можно вообще выделять «патриархальное крестьянство» как особую социальную группу. В памятниках письменности древней Руси нам трудно встретить отражение крестьянской идеологии; единственным исключением в этом отношении можно считать, пожалуй, холопа-еретика XVI в. Феодосия Косого.

Программа умеренных реформ (точнее, контрреформ) монастырского уклада, предложенная Нилом Сорским, ни в какой мере не была антифеодальной, напротив, она имела своей целью укрепление феодальной церкви; теоретические воззрения Нила также никак не противоречили господствующей религиозной идеологии. Как и Иосиф Волоцкий, Нил Сорский был, по нашему мнению, идеологом духовенства, т. е. одной из групп класса феодалов; но, в отличие от Иосифа, Нил был связан прежде всего с черным духовенством русского севера, «Заволжья». Отсюда — некоторые своеобразные черты его учения. Северная, «заволжская» Русь представляла собой, как известно, ту область, где прочнее и шире всего сохранилось черное крестьянское землевладение. Здесь открывались наиболее широкие возможности для монастырской и светской феодальной колонизации, но здесь же эта колонизация наталкивалась на наибольшее сопротивление со стороны крестьянства. Нам уже известно, какой бурной и острой политической борьбой сопровождалось расширение вотчины Кириллова монастыря — места монашеского пострига Нила. Активное противодействие соседей мо-

¹⁴⁹ Стоглав, изд. Кожанчикова СПб., 1863, стр. 49

¹⁵⁰ Нила Сорского Предание и Устав, стр. 87.

¹⁵¹ И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI в., стр. 81.

¹⁵² В. И. Ленин, Соч., изд. 4, т. 15, стр. 183.

настыря, и в первую очередь белозерского черного крестьянства, было, по справедливому предположению А. И. Копанева, главной причиной, воспрепятствовавшей дальнейшему расширению монастырской вотчины с конца XV в.¹⁵³ Группа «старцев», стоявшая во главе монастыря в конце века, отнюдь не держалась нестяжательских взглядов (как думал Н. К. Никольский), напротив, монастырская верхушка вела непрерывные тяжбы с соседями, «перелезавшими» на монастырские земли; но самая необходимость таких тяжб не могла не встревожить наиболее вдумчивых представителей монашества. Дальнейшая монастырская колонизация на севере могла идти, очевидно, не столько за счет расширения уже существующих больших общежительных монастырей, сколько за счет маленьких скитов, вновь создаваемых на еще не освоенной территории. Этому направлению монастырской колонизации Заволжья и соответствовал «средний путь», предложенный Нилом Сорским.

Таково было первоначальное объективное значение программы Нила Сорского. Но если в конце XV в. проповедь Нила об истинном «отступлении от мира» имела практическое значение главным образом для Заволжья, то уже в первые годы XVI в. деятельность учеников Нила придала его учению совсем иное звучание. Говоря об этих учениках Нила, о первых нестяжателях, выступивших против иосифлян, следует прежде всего отметить одну их характерную особенность: почти все они люди аристократического происхождения. Выходца из посадской среды Нила Майкова окружали князата и представители крупных боярских родов.¹⁵⁴ Двое из них нам уже известны: это Гурий Тушин, сын боярина Михаила Александровича Квашнина-Тушина,¹⁵⁵ и Герман Подольный, человек «от благородного корене», близко связанный с родом Сорокоумовых-Глебовых¹⁵⁶ (виднейший представитель этого рода Иван Ощера-Сорокоумов подвергся в конце XV в. великокняжеской опале).¹⁵⁷ С 1499 г. среди окружения Нила появилась новая фигура — насильственно постриженный в монахи князь Василий-Вассиан Патрикеев; Нил написал этому молодому аристократу утешительное послание примерно такого же содержания, какое он посылал к князю Константину-Кассиану Мавнуцкому.¹⁵⁸ Знатного происхождения был и еще один ученик Нила — князь Иван-Иннокентий Охлебинин.

В идеологии этих аристократических сподвижников Нила собственно нестяжательство и отказ от «мирских мудрствований» играли очень скромную роль. Герман, как мы уже знаем, остался в Кирилло-Белозерском монастыре, когда из него ушел Нил, и между ними даже возникла «брань» по этому вопросу. Гурий Тушин был постриженником сугубо «стяжательного» игумена Нифонта, а спустя несколько лет после пострижения он стал (вероятно, именно благодаря своему знатному происхождению) игуменом монастыря. Ко времени Гурия (1485 г.) относится одно из столкновений монастыря с его соседом, И. Г. Монастыревым, из-за земли.¹⁵⁹ Глава крупнейшего общежительного монастыря-землевладельца Гурий Тушин не обнаруживал враждебности и по отношению к другим общежитель-

¹⁵³ А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв., стр. 193—200.

¹⁵⁴ Ср.: Н. К. Никольский. Общинная и келейная жизнь..., стр. 180—181.

¹⁵⁵ Н. К. Никольский. Общинная и келейная жизнь..., стр. 174.

¹⁵⁶ Н. К. Никольский. Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря..., стр. XXXVI и XL.

¹⁵⁷ К. В. Базилевич. Новгородские помещики из послужильцев. Исторические записки, № 14. 1945, стр. 70—71.

¹⁵⁸ ГПБ, Кир.-Бел., № 25/1102, лл. 90 об.—97.

¹⁵⁹ А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв., стр. 106.

ным монастырям. Когда молодой сородич Гурия (четвероюродный брат), Андрей Невежа Квашнин, постриженный в Иосифовом Волоколамском монастыре, сбежал оттуда и явился в «обитель святого чудотворца Кирила», Тушин (которого в этом случае житие Иосифа почтительно именует «старцем многолетним и честным», «иже живой житием крепким зело») — повеле его скоро возвратити назад в обитель отца Иосифа». ¹⁶⁰ Именно Андрею Невеже, как мы можем предполагать, принадлежит сохранившееся в одном из волоколамских сборников анонимное послание, которое А. С. Архангельский совершенно неосновательно считал посланием Нила Сорского Паисию Ярославову. Автор послания просит прощения у адресата (очевидно, Гурия Тушина) за то, что после того, как тот его «в гостиницу-киновию Иосифову послал», он, не терпя «удаления от великого пастыря», к которому привык «от пелен», вернулся к нему. ¹⁶¹

Аристократические сподвижники Нила Сорского придали его учению новый смысл и характер. На полемику с иосифлянами учеников Нила толкнула, по-видимому, не враждебность к «стяжательству» Иосифа, а совсем иные, политические причины.

После собора 1503 г., на котором сторонники Иосифа отстаивали неприкосновенность церковных имуществ, и после собора 1504 г., на котором они добились казни московских еретиков, Иосиф Волоцкий и его приверженцы превратились фактически в правящую группировку в русской церкви. В 1507 г. произошло событие, которое сделало Иосифа еще более влиятельной фигурой в Русском государстве: «отказавшись от удельного волоцкого князя, Иосиф передал свой монастырь под непосредственную юрисдикцию великого князя Василия III. Переход Волоколамского монастыря под патронат великого князя повлек за собой целую цепь событий: в 1508 г. новгородский архиепископ Серапион, возмущенный самовольством волоколамского игумена, отлучил его от церкви, а в 1509 г. высокие покровители Иосифа, великий князь Василий Иванович и митрополит Симон, лишили Серапиона за этот поступок сана и заточили его в монастырь. ¹⁶² Однако победа эта дорого стоила иосифлянам: горячая полемика, возникшая вокруг дела Серапиона, заставила великого князя уже в 1511 г. переменить позиции — Василий III примирился с опальным архиепископом и принудил также митрополита Симона примириться с ним; ¹⁶³ в том же, 1511 г. покровитель иосифлян митрополит Симон при неизвестных нам обстоятельствах «оставил митрополью». ¹⁶⁴ Такое окончание дела Серапиона, несомненно, должно было несколько ослабить позиции Иосифа. Церковные деятели, недовольные исключительным влиянием иосифлян, получили благодаря этому удобную возможность для выступления против «старца Иосифа». Нил Сорский уже не принял участия в этой полемике — он умер в 1508 г.; после его смерти наиболее видной фигурой среди нестяжателей стал Вассиан Патрикеев, вернувшийся в эти годы в Москву и ставший «великим временным человеком» при Василии III.

Участие нестяжателей в спорах, разгоревшихся вокруг дела Серапиона, с несомненностью обнаруживается из нескольких полемических памятни-

¹⁶⁰ ВМЧ, сент. 1—15, стлб. 495—497.

¹⁶¹ ГПБ, Q.XVII.50, лл. 59 об.—61 об. Ср.: А. С. Архангельский. Нил Сорский..., стр. 56—57 и 79—84. А. С. Архангельский считает посланием Нила Паисию еще одно произведение (ГПБ, Q.XVII.50, лл. 58—59 об.) и также, по-видимому, неверно. Вопрос о действительном авторстве мнимых посланий Нила мы предлагаем разобрать в специальной работе.

¹⁶² ПСРЛ, т. III, стр. 147, 184, 247; т. IV, стр. 136; т. VI, стр. 249—250; т. VIII, стр. 250.

¹⁶³ ПСРЛ, т. III, стр. 148, 184; т. VI, стр. 251—252; т. VII, стр. 252.

¹⁶⁴ ПСРЛ, т. XXIII, стр. 199.

ков. Мы имеем все основания предполагать, что именно дело Серапиона было поводом к началу открытых столкновений между учениками Иосифа и Нила. Когда, еще при жизни Нила Сорского, два постриженника Волоколамского монастыря, Нил Полев и Дионисий Звенигородский, отправились с благословения Иосифа на поселение к заволжским «пустынникам», они не встретили со стороны заволжцев враждебного отношения. «Изначала», по свидетельству одного из них, между ними и учениками Нила существовала даже «духовная любовь». Однако после скандала с Серапионом положение резко переменилось: уже известный нам белозерский «старец» Герман назвал иосифлян отлученными от церкви; в ответных письмах иосифлянин Нил Полев призвал своего обидчика, будучи «ногой», не судить «главе» — «сиречь митрополиту и всему собору Русская митрополия и отцу нашему и священно-иноку Иосифу».¹⁶⁵ Окончился этот спор весьма резким конфликтом: иосифляне обвинили одного из «заволжцев» в ереси, но не сумели убедить в этом великого князя и, благодаря вмешательству Вассиана Патрикеева, сами попали в заточение в Кириллов монастырь.¹⁶⁶ Об участии нестяжателей в споре о Серапионе свидетельствует и другой памятник, относительно недавно обнаруженный В. Ф. Ржигой. Это — послание неизвестного автора Иосифу, в котором автор очень едко высмеивает аргументы волоцкого игумена в споре с новгородским архиепископом. Кто бы ни был автором этого послания: двоюродный брат Вассиана Патрикеева И. И. Третьяков¹⁶⁷ или сам Вассиан,¹⁶⁸ нестяжательский характер памятника не вызывает сомнений.

Таким образом, первое активное выступление нестяжателей против Иосифа тесно связано с конфликтом между волоколамским игуменом и новгородским владыкой — конфликтом, социально-политический смысл которого достаточно ясен. Каково бы ни было отношение Иосифа к великокняжеской власти во время его борьбы с ересью, в 1508—1511 гг., волоколамский игумен несомненно объективно защищал централизацию против сепаратизма, выступал против носителей идей феодальной раздробленности — местного удельного князя и его защитника, новгородского архиепископа. Настроения сподвижников волоколамского князя очень ярко рисовал в одном из своих посланий Иосиф, жаловавшийся на нелюбовь к нему «велмож», заявлявших: «С собою ли он принес? Монастырского не дает! Оскудит ли тем монастырь?».¹⁶⁹ Теми же взглядами вдохновлялся и другой недруг Иосифа — Серапион. «Волен я в своем чернице, — говорил Серапион на соборе 1509 г., — а князь Федор волен в своем монастыре, хочет — грабит, хочет — жалует».¹⁷⁰

Выступая в защиту этих носителей феодального сепаратизма, нестяжатели в сущности проникались теми же настроениями и исходили из тех же позиций. «Почему еси дворянин великого князя?» — иронически вопрошал Иосифа автор анонимного послания, найденного В. Ф. Ржигой.¹⁷¹ Связь нестяжательства с идеологией феодальной знати, со всей ясностью обнаруживающаяся в середине XVI в., берет свое начало, как мы можем думать, от первых выступлений князя-инока Патрикеева в 1508—1511 гг.,

¹⁶⁵ В. Жмакин. Нил Полев. ЖМНП, 1881, № 8, стр. 189—196.

¹⁶⁶ Прибавление к творениям святых отцов, X, стр. 506—507.

¹⁶⁷ В. Ф. Ржига. Из полемики «иосифлян» и «нестяжателей». Известия Академии наук СССР, Отделение гуманитарных наук, 1929, № 9, стр. 812.

¹⁶⁸ Так предполагает А. А. Зимин.

¹⁶⁹ В. Малинин. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901, Приложения, стр. 129.

¹⁷⁰ ДРВ, т. XIV, стр. 196.

¹⁷¹ В. Ф. Ржига. Из полемики «иосифлян» и «нестяжателей», стр. 809.

недаром князь Курбский так чтит «оного блаженного Васьяна».¹⁷² С этим же связано и другое характерное для XVI в. явление — поддержка нестяжательского движения некоторыми крупными монастырями, в частности таким старым центром политической оппозиции, каким был еще в XV в. Кирилло-Белозерский монастырь. Филиппики Нила против «плотских мудрствований», первоначально направленные именно против кирилловского монашества, легко переосмыслились по адресу господствующей иосифлянской верхушки церкви; еще охотнее повторяли эти филиппики бояре, недовольные ростом монастырского землевладения за счет светского. Общая направленность учения Нила — его индивидуализм (личное самосовершенствование), проповедь «ухода от мира» — также гармонировала с настроениями знати, все более оттесняемой от власти и переходившей в оппозицию. В глазах крупных феодалов нестяжательство становилось прежде всего политической идеологией, направленной против светских и духовных «дворян великого князя».

Столкновение нестяжателей с Иосифом Волоцким в последний период деятельности волоцкого игумена говорит, таким образом, об определенной эволюции нестяжательства. Но это столкновение говорит и о другом. Чем объясняется, что резкое расхождение между двумя идеологическими течениями, вышедшими из русла феодальной церкви, обнаружилось именно в начале XVI в.? Почему ученики Нила Сорского, упорно воздерживавшегося в своих сочинениях от прямых полемических выступлений против других церковников, решились в 1508—1511 гг. выступить против «митрополита и всего собора Русския митрополия и... священно-инька игумена Иосифа»? Для того чтобы понять причины этого, следует учесть явление, отмеченное нами выше: существование в конце XV в. силы, перед лицом которой все представители феодальной церкви были солидарны, — еретического движения. В начале XVI в. ересь была разгромлена; Вассиан Патрикеев и другие нестяжатели именно потому могли себе позволить выступить вопреки Иосифу за великодушие по отношению к еретикам, что речь шла о еретиках, отрехшихся от своих взглядов; активные деятели еретического движения, способные защищать свои воззрения (против которых Вассиан выступал так же решительно, как Иосиф) были физически истреблены. Предпосылкой нестяжательской «терпимости» было, таким образом, падение еретического движения.

Для того чтобы понять смысл идеологической борьбы, развившейся в Русском государстве в конце XV и в начале XVI в., необходимо постоянно учитывать крупнейшее общественное движение этого периода — новгородско-московскую ересь. При всей своей сложности еретическое движение конца XV в. представляло собой форму «революционной оппозиции против феодализма». Именно поэтому существование этого движения заставляло церковников серьезно помышлять о внутренней реформе церкви. Именно поэтому временное устранение еретической опасности позволило выйти наружу идеологическим движениям, отражавшим противоречия внутри господствующего класса феодалов.

¹⁷² А. М. Курбский, История о великом князе Московском. Оттиск из: РИБ, т. XXXI СПб, 1913, стлб. 3—4.

Ю. К. БЕГУНОВ

Соборные приговоры как источник по истории новгородско-московской ереси

История новгородско-московской ереси в посланиях архиепископа Геннадия, в произведениях Иосифа Волоцкого, в летописях и соборных приговорах отразилась в искаженном свете. Устранение тенденциозной версии «Просветителя», приписывавшей еретикам полное отступничество в иудейскую религию, не заставляет нас отвергнуть в качестве исторических источников официозные обвинения протопопа Алексея, Дениса попа и Федора Курицына.

В исследовании Я. С. Лурье¹ материалы соборных приговоров (анафематствований) использованы неполностью. Между тем различные чины анафематствования могут дать материал для вопроса о разных направлениях в новгородско-московской ереси, для определения личного состава еретических кружков, для восстановления предположительного чтения обвинений в не дошедшем до нас Соборном приговоре 1504 г. К. Т. Никольский,² Ф. И. Успенский,³ Е. В. Петухов,⁴ М. И. Горчаков⁵ отмечали, что чин анафем встречается в синодиках первой редакции XVI—XVII вв., лишь в некоторых списках синодиков второй редакции (Московская Постная триодь 1656 г.) и вовсе не встречается в самых распространенных синодиках третьей редакции, памятниках второй половины XVII—XVIII вв. Древнерусский Синодик является одним из значительнейших памятников церкви. Церковная теория «Москва—Третий Рим» и взгляды на необходимость компромисса «священства» и «царства» находили в Синодике (особенно в его поминальной и задравной частях) свое выражение.⁶ Внесенные в него анафематствования, или отлучения от церкви, являлись главным средством поддержания авторитета воинствующей церкви и наказания лиц, опасных для церкви и государства. Анафематствование «жидовствующим» было одним из первых русских добавлений в текст Синодика, переведенного с греческого в XIV в.⁷

¹ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI в. М.—Л., 1955, стр. 74—226.

² К. Т. Никольский. Анафематствование. СПб., 1879, стр. 22, 88. См. рецензию М. И. Горчакова в «Отчете о 23-м присуждении наград графа Уварова» (СПб., 1880, стр. 7—10).

³ Ф. И. Успенский. 1) Очерки по истории византийской образованности. СПб., 1891, стр. 89—145; 2) Синодик в неделю православия XVI века. ЖМНП, 1891, № 2, стр. 267—323.

⁴ Е. В. Петухов. Очерки из литературной истории Синодика. ОЛДП, СПб., 1895, стр. 1—79.

⁵ М. И. Горчаков. Синодик. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. 59, стр. 36—38.

⁶ См.: Ф. И. Успенский. Синодик в неделю православия XVI века, стр. 294.

⁷ К. Т. Никольский. Анафематствование, стр. 181; А. И. Соболевский. Рецензия на книгу Е. В. Петухова «Очерки из литературной истории Синодика» (СПб., 1895). ЖМНП, 1895, № 7, стр. 186.

Нам известны три различных анафематствования новгородско-московским еретикам. Первое анафематствование читается следующим образом: «Новоявившиеся еретици новгородци и глаголющии хулу на господа нашего Иисуса Христа и на пречистую его мать и на святии чудотворци: Захар чернец, Софейский протопоп Гаврило новгородский, поп Денис Архангельский, поп Максим Иоановский, поп Василь Покровский, Макар диак Никольской, Гридя диак Борисоглебской, Васюк попов, зять Денисов, Самуха диак Никольской, Ивашко Максимов сын попов и с их поборники да будут прокляти. И вси еретици да будут прокляти». Этот текст сохраняет нам Вологодский синодик 1534—1536 гг.⁸ и Соловецкий синодик второй половины XVI в.,⁹ который К. Т. Никольский¹⁰ принимал за древнейший из дошедших до нас.

Второе анафематствование имеет следующий вид: «Новии еретици, неверующии в господа нашего Иисуса Христа, сына божия, и в пречистую богородицу, и похулившей седмь соборов святых отец, Касьян архимандрит Юрьева монастыря, Ивашко Максимов, Некрас Рукавов, Волк Курицын, Митя Коноплев и их ересинальствовавшие в рустей земли и вси их поборници и единомысленици и развратници православней вере христианстей да будут прокляти и вси еретици, да будут прокляти». Оно читается в Троицкой книге,¹¹ в Московской Постной триоди 1656 г.¹² и во многих синодиках первой и второй редакций XVII—XVIII вв.¹³

Третье, наиболее полное анафематствование читается следующим образом: «Новии еретики неверующии в господа нашего Иисуса Христа, сына божия, и в пречистую богородицу и похулившие всю седмь соборов святых отец: Архимандрит Юрьева монастыря Касиян з братом с Самочерным Иваном. Да новгородцкой протопоп Гаврило, да поп Денис, да поп Максим, да поп Павел, да поп Яков, да дьяк Обакша, да дьяк Самуха, да дьяк Васюк, да дьяк Гридя Квашенка, да дьяк Самсонко, да дьяк Куземка, да дьяк Степанко, да Мишука Собака, да Иван Волк Курицын, да Иван Некрас Рукавов, да Олексейко подъячей, да Иванко Максимов, да Митя Коноплев, Захар чернец, поп Василей Покровской, дьякон Макар, дьяк Ивашко протопопов и их ересинальствовавшии в русской земле и вси их поборници и единомысленики и развратници православней вере христианстей, да будут прокляти». Оно содержится в новгородских синодиках XVII в.¹⁴ В большинстве случаев анафематствование новгородско-москов-

⁸ ГПБ, Погодинское собр., № 1596, сборник XVII в., л. 161. См. также: А. И. Бычков. Описание церковно-славянских и русских сборников Имп. публичной библиотеки. СПб., 1882, стр. 298.

⁹ ГПБ, Соловецкое собр., № 344/954, сборник XVII в., л. 320 об.

¹⁰ К. Т. Никольский. Анафематствование, стр. 189.

¹¹ ГИМ, Синодальное собр., № 667, XVII в., л. 30 об. См.: К. Т. Никольский. Анафематствование, стр. 24.

¹² ГПБ, F.IV.208, конец XVII в., л. 31 об.

¹³ ГПБ, собр. Михайловского, № 39, конец XVII—начало XVIII в., л. 22. См.: К. Т. Никольский. Анафематствование, стр. 30—31, 38—39, 193 (Иркутский, Вологодский, Псковский синодики, московский «Соборный чиновник» XVIII в.); ДРВ, т. VI, изд. 2, стр. 431, 500—501 (Пергаменная рукопись московского Успенского собора, около 1684 г., из Патриаршего собрания, № 465).

¹⁴ ГПБ, F. IV. 1, Новгородский синодик начала XVII в., лл. 77—79. Как указал нам Н. А. Соколов, это анафематствование является наиболее полным, содержащим 24 имени еретиков. Ф. И. Успенский считал, что этот синодик выражал церковную теорию «Москва—Третий Рим» и мог претендовать на роль вселенского (см.: Ф. И. Успенский. Синодик в неделю православия XVI века, стр. 295—299). В трех следующих синодиках четыре последних имени еретиков пропущены: ГПБ, Софийское собр., № 1058, Синодик, XVII в., лл. 15—16; ГПБ, Софийское собр., № 1060, Синодик, конец XVII в., л. 26; ГПБ, Софийское собр., № 1059, Синодик, 1632 г., лл. 24—25.

ским еретикам читается сразу после анафематствования греческим еретикам Варлааму и Акиндину (XIV в.). Так, например, в одном из древнейших синодиков Троицкой книги¹⁵ анафематствование московским еретикам (второе) записано почерком XVII в. на обороте 30 л. после проклятия Варлааму и Акиндину. Однако в Вологодском и Соловецком синодиках XVI в. (первое анафематствование) и в Ростовском синодике XVII в.¹⁶ между анафематствованием Варлааму и Акиндину и анафематствованием новгородско-московским еретикам читаются анафематствования Еремие, попу суздальскому, отступившим в «бохмическую веру» чернецам Корнилию и Зосиме, обличение на «вси насильствующ[е]и и обидящей святыи церкви, отнимающе[и] у них дан[н]ая тем села и винограды», «грабящая и насильствующая вдовици и сироти».

В Соловецком синодике, непосредственно перед анафематствованием «жидовствующим», встречается следующее обличение: «Аще кто епископ или игумен, или еретики служа ином дасть причастие, а сам не причастится, да будет проклят».¹⁷ Можно предполагать, что эти анафематствования были занесены раньше анафематствования новгородско-московским еретикам, но не позднее 90-х годов XV в. А. С. Павлов датировал обличение на «вси насильствующей и обидящей церкви» 90-ми годами XV в. или самым началом XVI в.¹⁸ Текст обличения на «обидящей церкви», возможно, так же, как и вышедшее из геннадиевского кружка в 1497 г. «Слово кратко противу тех, иже в вещи священныя, подвижныя и неподвижныя, соборныи церкви вступаютя и отымати дерзают»,¹⁹ отражает общую постановку вопроса о неотъемлемости всего вданного церкви, имевшую место задолго до собора 1503 г., впервые затронувшего проблему существования монастырских вотчин. Анафематствование священникам, отрицающим причастие, вероятно, выражало борьбу церкви в XIV—XV вв. со стригольническим учением. Чернец Немчинова монастыря Захар, один из руководителей новгородского кружка еретиков, осужденный собором 1490 г., отрицал обряд причастия на том основании, что все священники поставлены по мзде. В севернорусских областях это мнение имело сторонников еще и в конце XV в., накануне появления новгородско-московской ереси. В пользу древности анафематствования новгородско-московским еретикам свидетельствует Новгородский синодик начала XVII в.,²⁰ в котором текст анафематствования новгородско-московским еретикам следует за анафематствованием Варлааму и Акиндину, но перед анафематствованием Исидору митрополиту, бывшему на Флорентинском соборе 1439 г. В начале XVIII в. анафематствование «жидовствующим» читалось в неделю православия после изложения учения о троице вместе с анафематствованиями Исидору митрополиту, Фавору, Мартину, Матвею Башкину, Гришке Отрепьеву, Тимошке Акиндину, Аввакуму, Степану

¹⁵ ГИМ, Синодальное собр., № 667, XVII в., л. 30 об. См.: Е. В. Петухов. Очерки из литературной истории синодика, стр. 37—38; И. Снегирев. Неделя православия, или сборное воскресенье в Москве. Православное обозрение, 1865, февраль, стр. 64.

¹⁶ ГИМ, Типографское собр., № 1331/443, Ростовский синодик XVII в., л. 4.

¹⁷ ГПБ, Соловецкое собр., № 344/954, сборник XVII в., л. 320. Как свидетельствует К. Т. Никольский, такой же текст читается и в Ростовском синодике (К. Т. Никольский. Анафематствование, стр. 174).

¹⁸ А. С. Павлов. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. Одесса, 1871, стр. 4, 51.

¹⁹ Датировка «Слова кратка» установлена А. Д. Седельниковым (см.: А. Д. Седельников. К изучению «Слова кратка» и деятельности доминиканца Вениамина ИОРЯС, т. XXX, 1925, стр. 212—213).

²⁰ ГПБ, Ф. IV. 1, л. 79 и сл

Разину, Мазепе и Булавину.²¹ В середине XVIII в. анафематствование «жидовствующим» уже не читалось. В употребление вошло анафематствование всем еретикам в наиболее общей форме, без упоминания имен еретиков и их ересей.²²

Из сопоставления между собой трех анафематствований новгородско-московским еретикам следует, что первое и второе анафематствования не зависят друг от друга и восходят к разным источникам, а третье анафематствование соотносится с первым и вторым и еще с некоторыми другими источниками, из которых оно берет несколько имен еретиков, отсутствующих в первом и втором анафематствованиях. Если сравнить тексты анафематствований с текстом Соборного приговора 1490 г., то становится ясным, что первое анафематствование повторяет Соборный приговор на «Захара черныца, да Гаврила протопопа, да попа Дениса, да попа Максима, да попа Василья, Макара диакона, да Гридю, да Васюка, да Самуху, дяков, и их единомысленников».²³ Произнесенный в октябре 1490 г. митрополитом Зосимой приговор едва ли был сразу же занесен во все синодики. Архиепископ Геннадий, устроивший в Новгороде церемонию посрамления еретиков с сожжением у них на головах берестяных шлемов, мог отдать распоряжение о записи анафематствования в новгородские синодики.²⁴ Среди книг, переписывавшихся монахом геннадиевского кружка Досифеем для Соловецкого монастыря,²⁵ мог быть и дошедший до нас Соловецкий синодик.

В конце 90-х годов составитель летописного свода, связанный с архиепископом Геннадием,²⁶ использовал материалы собора 1490 г., в том числе и текст Соборного приговора, для пространного рассказа о соборе 1490 г. Этот рассказ вошел в Н4Л,²⁷ Воскресенскую,²⁸ в дополнение к Русскому хронографу 1512 г.²⁹ Если С1Л,³⁰ Московский свод начала 90-х годов,³¹ Ермолинская,³² Львовская,³³ Симеоновская,³⁴ Типографская³⁵ летописи ограничиваются лишь краткими сообщениями, то Н4Л излагает подробное обличение еретических дел и речей. В Воскресенской летописи из этого рассказа были выбраны речи еретиков: «Глаголющим же им про господа нашего Иисуса Христа сына божия: „как может бог на землю снити и от девы родитися, яко человек? Но ни есть тако, яко пророк бе подобен Моисею, а не равен богу отцу“ и не вероваху еже от

²¹ Например: ГПБ, собр. Михайловского, Ф., № 39, Синодик, конец XVII—начало XVIII в., л. 22. Об обряде провозглашения анафемы «жидовствующим» см. в Новгородском синодике 1632 г. (ГПБ, Софийское собр., № 1059, лл. 76—86).

²² Н. И. Григорович. Письма императрицы Екатерины II к обер-прокурорам Святейшего Правительствующего синода (1765—1796). Русский архив, 1870, № 4—5, стр. 752—757.

²³ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодалные еретические движения... стр. 385.

²⁴ А. С. Павлов предполагает, что составление Новгородского синодика произошло между 1491—1503 гг. (см.: А. С. Павлов. Исторический очерк..., стр. 57, прим. 1).

²⁵ ГПБ, Соловецкое собр., № 858, Кормчая 1493 г., переписанная монахом геннадиевского кружка Досифеем для Соловецкого монастыря.

²⁶ Я. С. Лурье. Из истории русского летописания конца XV века. ТОДРА. т. XI. М.—Л., 1955, стр. 176.

²⁷ ПСРЛ, т. IV, в. 1. Пгр., 1915, стр. 158—159; в. 2, Л., 1925, стр. 528—529.

²⁸ ПСРЛ, т. VIII. СПб., 1859, стр. 220—221.

²⁹ ПСРЛ, т. XXII, ч. 1. СПб., 1911, стр. 505—506.

³⁰ ПСРЛ, т. VI. СПб., 1853, стр. 38.

³¹ ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949, стр. 331—332.

³² ПСРЛ, т. XXIII. СПб., 1910, стр. 187—188.

³³ ПСРЛ, т. XX, ч. 1. СПб., 1910, стр. 355.

³⁴ ПСРЛ, т. XVIII. СПб., 1913, стр. 273—274.

³⁵ ПСРЛ, т. XXIV. Пгр., 1921, стр. 207.

пречистья девья богородица рождеству ея, ни воскресению его».³⁶ Подробности об осквернении еретиками икон и литургии, о приверженности их к Ветхому Завету и к иудейским обрядам могли быть добавлены составителем рассказа значительно позже, когда обвинения еретиков в «жидовстве» уже были полностью сочинены (начало 1500-х годов). В перечислении еретиков в летописях недостает имени Ивана Максимова. Отсутствует оно также и среди имен, названных Иосифом Волоцким в «Сказании о новоявившейся ереси» в числе лиц, проклятых митрополитом Зосимой.³⁷ Известно, что после собора 1490 г. Ивашко Максимов и Ивашко Протопопов, сын Алексеев, «бегу яшася»,³⁸ а на 90-е годы падает активная деятельность Ивана Максимова в Москве. Вероятно, Иосиф Волоцкий не хотел признать того факта, что церковное отлучение не помешало найти Ивану Максиму горячих сторонников при дворе великого князя, у великой княгини Елены Стефановны. Если принять во внимание внутривосточную обстановку 90-х годов, когда влиятельные покровители новгородских еретиков Федор Курицын и великая княгиня Елена Стефановна с сыном-наследником престола, великим князем Дмитрием, находились у власти, то можно предположить, что еретики до самого конца 90-х годов не могли подвергаться серьезным нападкам. Соборный приговор 1490 г. в период подготовки расправы над еретиками, в 1502—1504 гг., был повторен Иосифом Волоцким в первой редакции «Сказания о новоявившейся ереси» с заменой имени Захара чернеца на имя уже умершего к моменту собора 1490 г. Алексея протопопа.³⁹ Это нужно было Иосифу для подтверждения иудейского характера ереси. Захар же, судя по обличительным посланиям Геннадия, был ярко выраженный стригольник, едва ли не главный полемический противник новгородского архиепископа. Первое анафематствование, вероятно, существовавшее до собора 1504 г. в новгородских синодиках, после окончательной расправы над еретиками, возможно, было распространено вплоть до середины XVI в. «Нестыжателью» игумену Троице-Сергиевого монастыря Артемию ставили в вину, что он еретиков «новгородских» не проклинал.⁴⁰ Из сравнения первого анафематствования со вторым и третьим видно, что только в первом анафематствовании еретики названы «новоявившиеся еретици новгородци». В других случаях они названы «новые еретици».

Второе анафематствование отличает от первого полное отсутствие имен еретиков, осужденных собором 1490 г. Как можно предполагать, второе анафематствование восходит к Соборному приговору 1504 г., который до нас не дошел. В Воскресенской,⁴¹ Никоновской,⁴² Львовской⁴³ и С1А⁴⁴ содержатся краткие известия о сожжении еретиков в 1504 г., такие же, как и во втором анафематствовании. В С2А,⁴⁵ кроме архимандрита Кассиана, названы три следующих имени еретиков, отсутствующих во втором анафематствовании: Иван Самочерный, брат Кассиана, Гридя Квашня и Митя Пустоселов. Отсутствие второго анафематствования в списках си-

³⁶ ПСРЛ, т. IV. СПб., 1848, стр. 158—159.

³⁷ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения..., Приложение, стр. 472.

³⁸ ПСРЛ, т. XXI, ч. 1. Степенная книга. СПб., 1908, стр. 567.

³⁹ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения, Приложение, стр. 472.

⁴⁰ ДАЭ, СПб., 1836, т. 1, стр. 251.

⁴¹ ПСРЛ, т. VIII, стр. 244.

⁴² ПСРЛ, т. XII. СПб., 1901, стр. 258.

⁴³ ПСРЛ, т. XX, ч. 1, стр. 375.

⁴⁴ ПСРЛ, т. VI, стр. 49.

⁴⁵ ПСРЛ, т. VI, стр. 244.

нодиков XVI в., с одной стороны, и широкая распространенность второго (краткого) анафематствования в синодиках и в списках летописей XVII—начала XVIII в., с другой, позволяет нам предположить, что, возникнув из Соборного приговора 1504 г., второе анафематствование не было распространено в XVI в. и в списках синодиком появилось лишь в начале XVII в.

Третье анафематствование отличается от первого и второго тем, что объединяет в одну группу еретиков, осужденных соборами 1490 и 1504 гг. В самом начале с киноварной заглавной буквы читаются, как и во втором анафематствовании, имена архимандрита Юрьева монастыря Кассиана и его брата, Ивана Самочерного, осужденных в 1504 г. Затем читаются снова с киноварной заглавной буквы имена новгородских еретиков, осужденных в 1490 г.: «да новгородской протопоп Гаврило, да поп Денис, да поп Максим», т. е. как и в первом анафематствовании, но без упоминания имени Захара чернеца. В трех новгородских синодиках⁴⁶ анафематствование завершается именами еретиков, осужденных в 1504 г.: «да Иван Волк Курицын, да Иван Некрас Рукавов, да Олексейко подъячей, да Ивашко Максимов, да Митя Коноплев». И лишь в пергаменном синодике начала XVII в.⁴⁷ после имени Мити Коноплева следует дополнение имен еретиков, осужденных в 1490 г.: «Захар чернец, поп Василий Покровской, дьякон Макар, дьяк Ивашко протопопов». Составитель третьего анафематствования, таким образом, мог принять за основу второе анафематствование и дополнить его перечислением имен из первого анафематствования и из некоторых других источников, возможно, из обвинительных документов: такие имена, как дьякон Обакша, поп Павел, дьяк Куземка, дьяк Степанко, не встречаются в дошедших до нас посланиях Геннадия и в «Просветителе» Иосифа Волоцкого. Третье анафематствование отразилось не только в синодике, составленном в 1559 г. при митрополите Макарии,⁴⁸ но и в «Житии Иосифа», составленном неизвестным⁴⁹ (середина XVI в.), и в Степенной книге (70-е годы XVI в.). В этих источниках осуждение еретиков, новгородских и московских, представлено как одно событие, случившееся в 6999 г. Влияние версии «Просветителя» сказывается как в отдельных выражениях по адресу отступников, так и в общем характере рассказа. В начале 20-й главы Степенной книги рассказывается «о многом смущении в Великом Новеграде вражим наветом вниде от некоего жидовина».⁵⁰ Называются имена еретиков, как в Собор-

⁴⁶ ГПБ, Софийское собр., №№ 1058—1060, синодики, XVII в.

⁴⁷ ГПБ, Ф. IV. 1, Новгородский синодик, начало XVII в., л. 79.

⁴⁸ ГПБ, Софийское собр., № 1058, л. 65. См.: К. Т. Никольский Анафематствование, стр. 26.

⁴⁹ Житие Иосифа, составленное неизвестным, ЧОИДР, 1903, кн. III.

⁵⁰ ПСРЛ, т. XXI, ч. 2. СПб., 1913, стр. 567. Подробнее о тенденциозной версии «Просветителя» см. исследования Я. С. Лурье в книге Н. А. Казаковой и Я. С. Лурье «Антифеодалные еретические движения...» (стр. 486—488). Об иудейском характере ереси свидетельствуют лишь два анафематствования. Одно из них, близкое ко второму типу анафематствований, читается в Архангельском и Холмогорском синодиках XVIII в. в следующем виде: «Новии еретицы, отступльшия от кафолическия божия церкви и обратившиися в иудейство всезлобно, и обрезание приемши, неверующии в господа нашего Иисуса Христа, сына божия и бога, и в пречистую богородицу, и похулившии святых отец вся соборы [в]селенския и местныя, великаго Новаграда Юрьева монастыря архимандрит Кассиан, и единомысленники его Ивашко Максимов, Некрас Рукавов, Волк Курицын, Митя Коноплев и вси тоя ереси защитницы и православней христианстей вере развратницы, яко Арий да будут прокляты» (см.: К. Т. Никольский. Анафематствование, стр. 194). Другое анафематствование читается в Ростовском синодике XVII в.; здесь упоминаются следующие еретики, известные в Москве: «Алексея протопоп, и Денис поп, и Максим поп с детьми, и Иван Волк Курицын, и Касян архимандрит с братом, и Феогност Чермной, архимандрит, иже на Песку, Иосиф Кункин, чернец, Некрас Рукавов, и вси их единомысленники и вси их советницы, и вси их по-

ном приговоре 1490 г.: «Ивашко же Максимов и другий Ивашко протопопов, сын Алексеев, и сии два бегу яшася». Архиепископ Геннадий доложил о ереси митрополиту Филиппу. В Шумиловском списке Никоновской летописи, где читается такой же рассказ (но соборы 1490 и 1504 гг. в нем не смешаны, и второй части рассказа Степенной книги в летописи не читается), в рукописи стояло первоначально имя Филиппа, но оно было затерто и по затертому написано «Зосима».⁵¹ Вероятно, рассказы Степенной книги и Шумиловского списка Никоновской летописи восходили к одному источнику, где говорилось о доносе Геннадия митрополиту без упоминания имени последнего, где появление еретиков связывалось с началом 70-х годов, где имелись намеки на то, что «сия же безумных гнилая мудрования внидоша во уши и самому великому князя Ивану Васильевичу, всеа Русии самодержцу», где, наконец, расправа над еретиками упоминалась только под 6999 г. Несомненно, что этим общим источником было «Сказание о новоявившейся ереси». Последняя часть рассказа о сожжении дьяка Волка Курицына, Мити Коноплева, Некраса Рукавова, юрьевского архимандрита Кассиана и его брата могла быть добавлена из летописей. В рассказе Степенной книги и «Жития Иосифа» подчеркивается выдающаяся роль Иосифа Волоцкого и его книги «Просветитель». Возможно, что третье анафематствование было составлено не позднее середины XVI в., когда образ Иосифа Волоцкого начал приобретать иконописные черты и его обличение ереси было официально принятым. В начале XVII в. текст третьего анафематствования еще существовал, но он уже вытеснялся более кратким текстом.⁵² Во второй половине XVII в. в синодиках встречается всегда текст более краткого, второго анафематствования.

Если обратиться теперь к формуле обвинения трех анафематствований, то обнаруживается, что эта формула первого анафематствования отличается от обвинительной формулы второго и третьего анафематствований. Если первое содержит обвинения еретиков только лишь в «глаголении хулы» на бога, богородицу и чудотворцев, то второе и третье анафематствования обвиняют еретиков уже в «неверии в бога» и в «похулении седми вселенских соборов». Хотя Иосиф Волоцкий и пытался представить ересь «Алексея протопопа, Дениса попа и Федора Курицына» как явление единое, враждебное церкви, соборные приговоры не могли не отметить различий между новгородской и московской ересью, точно так же как не мог не отметить различий между ересью протопопа Алексея и ересью Федора Курицына Иван III. «Хула» на семь вселенских соборов не была просто обвинительной формулой. Эта «хула» означала непризнание решений вселенских соборов, на которых основывалась вся организация церкви, все ее догматы и обряды. В разное время за «глаголение» этой «хулы» преследованиям подвергались митрополит Исидор, московские еретики, «не-

борницы и вси их стайницы новии жидове, отвергшейся православныя и непорочныя веры христианския, и учившихся от жидов и тех скверную и треклятую жидовскую веру воспримших и многие душа христиански прильстивших и сведших в погибельный той ров, да будут прокляти» (К. Т. Никольский. Анафематствование, стр. 191; ГИМ, Типографское собр., № 1331/443, XVII в., л. 4). Ростовский текст мог быть составлен при непосредственном участии брата Иосифа Волоцкого — ростовского архиепископа Вассиана Санина (1506—1515), которому могли быть известны Феогност Черной, архимандрит монастыря «иже на Песку», и Иосиф Кунькин, чернец.

⁵¹ ПСРЛ, т. XII, стр. 225.

⁵² В Новгородском синодике 1632 г. приведены в разных местах тексты обеих редакций. Причем текст второй редакции, обвинявший Волка Курицына в непоклонении иконам, читался в торжественной службе, оканчивавшейся провозглашением здравия царю Михаилу Федоровичу (ГПБ, Софийское собр., № 1059, 1632 г., л. 84 и 84 об.; см.: К. Т. Никольский. Анафематствование, стр. 61).

«стяжатель» Вассиан Патрикеев, Матвей Башкин и еретики 50—60-х годов XVI в. Все эти лица с разных позиций подвергали критике положение церкви в государстве. В обличении собора 1553 г. на ересь Башкина говорится, что еретики «на семь вселенских святых съборов грѣдость възлагают, глаголюще, яко все себя для писали, чтоб им всем владети, и царским, и святительским».⁵³ «Нестяжатель» Вассиан Патрикеев в первой четверти XVI в. резко выступил против имущественных прав монастырей. В своей Кормчей он пытался устранить найденное им противоречие между духом священного писания и существующими церковными законами, основывавшимися на деятельности вселенских соборов и «градских законах» византийских императоров. Иван Волк Курицын в конце XV в. в своей Кормчей выразил очевидное несогласие с вероучительной деятельностью семи вселенских соборов, являвшейся основанием компромисса воинствующей церкви и государства. Архиепископ Геннадий, обращаясь к собору епископов, в 1490 г. писал: «А одна вѣсхотят собору быти о вере, и вы бы на то не дръзнули: занеже изложена нам православнаа вера на прьвом соборе, да и на втором, о святем душе, да и прочии собори вси прьвому собору последовали, а на седмом соборе запечатлели, еже в троици единого бога славити научиша, таже единого от троица, бога же и чело века, сугубо еством, а не составом; тем же соврѣшена того бога и соврѣшена чело века воистину проповедающе, исповедаем Христа бога нашего».⁵⁴ Обличая учение новгородских еретиков, отрицавших троичность бога и поклонение иконам, Геннадий обращается к авторитету семи вселенских соборов. Соборный приговор 1504 г., обвинявший еретиков вместо «глаголании хулы» уже в «неверии в бога» и в «похулении седми вселенских соборов», отражал не только непримиримость духовенства, добивавшегося сожжения отступников. Второе и третье анафематствования, как это можно предполагать, не просто усиливали обвинение по сравнению с первым анафематствованием, а, может быть, отражали тот факт, что московские еретики в своих требованиях шли гораздо дальше новгородских еретиков. Вероятно, что нападки новгородских еретиков на семь соборов ограничивались опровержением догмата о троице и законодательства против иконоборцев.⁵⁵ Московские еретики могли усилить критику решений семи вселенских соборов, отрицая право церкви на прочный союз с государством и «святоотеческие» законодательства,⁵⁶ на основе которых духовенство «гордость на себя возлагало» и владело всем: «и царским, и святительским». Отличие ереси Алексея протопопа от ереси Федора Курицына знали и в XVII в., несмотря на то что версия «Просветителя» и третьего анафематствования была господствующей в течение всего XVI и первой четверти XVII в. В синодиках XVII в. уже не встречается первого и третьего анафематствований, только в списках XVII в. появляется второе анафематствование, восходящее непосредственно к соборному

⁵³ АИ, СПб., 1841, т. 1, № 161.

⁵⁴ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения. . . Приложение, стр. 381.

⁵⁵ Чернец Захар «всю седмиь вселенских соборов святых отец похули» на соборе 1490 г. Из содержания допроса его на соборе митрополитом Зосимой можно понять, что речь шла об отрицании Захаром божественности Христа и поклонения иконам. Похуление семи соборов еще не ставилось новгородским еретикам в вину в Соборном приговоре 1490 г. (см.: Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения. . . Приложение, стр. 385).

⁵⁶ Как предполагает Я. С. Лурье, московские еретики могли отрицать всю патристическую литературу и «предание», т. е. вероучительную традицию, сложившуюся после формирования христианской церкви, в период деятельности первых вселенских соборов (см.: Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения. . . стр. 159—163; Приложение, стр. 391—414).

приговору 1504 г., несмешивающее имена еретиков, осужденных на соборах 1490 г. и 1504 г. Соборный приговор 1504 г. до нас не дошел, но, вероятно, долгое время сохраняемый в хранилищах государственных документов, он стал снова известен в XVII в. и послужил основой для пересмотра тенденциозной версии третьего анафематствования и «Просветителя». В послании 1643 г. «О воплощении бога в видимом образе» к боярину С. Л. Стрешневу Иван Бегичев напоминает своему собеседнику о новгородских еретиках, «возбесившихся» именно по этому вопросу. Стремясь отвести от себя подозрение в ереси, Бегичев произносит своего рода анафему: «Иже в нынешних вещах возбесившихся: Федька Курицына и протопопа Алексея и прочих всех стаинников их, иже мудрствовавших безумно и Христа, бога нашего, проста человека и тварюю, и не творцем мнеша быти, и плоть его бездушну, и реша себе на погибель, яко вместо души божество во плоти было и инии же возбесившися и глаголаша, яко и воплощения не было и плоти не восприя господь, но яко в трубу утробу девичею действо богия пройде и вместо плоти привидение и мечты мнеша и прочая иная богомерская и хульная дела их, иконоборство от таковых изъясися».⁵⁷ Далее Иван Бегичев приводит ряд свидетельств из «Просветителя» Иосифа Волоцкого о троице. Одним из источников высказываний Ивана Бегичева был «Просветитель», но вышеизложенное анафематствование не было почерпнуто им из «Просветителя», так как оно ясно разделяет две ереси: Федора Курицына и протопопа Алексея. Это едва ли не единственное подтверждение, правда, в позднем переложении источника XVII в., свидетельства Ивана III, признававшего в 1502 г. в новгородско-московском движении две ереси: Федора Курицына и протопопа Алексея.

Как полагает Я. С. Лурье, основным богословским содержанием новгородской ереси была рационалистическая критика догмата о троице.⁵⁸ Летописный рассказ о соборе 1490 г. приписывает новгородским еретикам мнение, считавшее Христа пророком, «простым человеком», равным Моисею, но не равным богу отцу.⁵⁹ Вероятно, что как в Москве, так и в Новгороде одни еретики могли считать Христа пророком, а другие — вообще не верить в его существование. Но, по всей вероятности, «хулы» на Христа новгородских еретиков (ересь Алексея протопопа) позднее переросли уже в полное убеждение московских еретиков (ересь Федора Курицына) в том, что воплощения бога никогда не было.

Переходим теперь к выявлению личного состава еретических кружков. Из анафематствований, летописей, посланий Геннадия и произведений Иосифа Волоцкого мы можем восстановить поименно 33 участника новгородского кружка.⁶⁰ В числе их было 2 протопопа (Алексей и Гаврила), 11 попов (Денис, Наум, Григорий Семеновский, Ересим Никольский, Максим, Василий Покровский, Федор Покровский, Фома, Павел, Яков Апостольский, Иван Воскресенский), 3 родича попов (Иван Максимов, Гридя Клоч, Иван, сын протопопа Алексея), 10 представителей низшего духовенства (диаки Самсонко, Гридя Борисоглебский, Васюк Сухой, Са-

⁵⁷ А. И. Ядмирский. Послание Ивана Бегичева о видимом образе божием. ЧОИДР, 1898, кн. II. См.: И. Забелин. История города Москвы, часть первая. М., 1902, стр. 395—397.

⁵⁸ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения... стр. 120.

⁵⁹ ПСРЛ, т. IV, стр. 158.

⁶⁰ По расчету Я. С. Лурье, в новгородском кружке было 27 участников (Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения... стр. 126—127). Несосчитанными, вероятно, остались Иван, сын протопопа Алексея, поп Фома, дьяк Степанко, дьяк Гридя Борисоглебский и некоторые другие.

муха, Куземка, Степанко, дьякон Обакша, дьякон Никольский Макар, крылошан Авдей и Степан), 1 чернец (Захар), 1 боярин (Григорий Михайлович Тучин), 1 подъячий (Алексейко Костев), 4 от «простых людей» (Лавреш, Мишука Собака, Юрка Семенов сын Долгого, Овдоким Люлиш). В «Послании о соблюдении соборного приговора 1504 года» Иосиф Волоцкий говорит еще об участии «иных многих детей боярских и от купцов и от простых людей». ⁶¹

Московский кружок в середине 80-х годов XV в. уже существовал. ⁶² В приписке к «Еллинскому летописцу» Ивана Черного говорится, что уже в июле 1485 г. существовал московский кружок из 26 человек: «Бяше же нас, яже в заповедех повеления царя два чиновнаа рядовника, раби же и сослужебници двадесят и четири». ⁶³ Из 26 членов кружка, действовавших в Москве до собора 1490 г., мы можем, с известной степенью достоверности, восстановить имена только 7 человек: посольских дьяков Федора и Ивана Волка Курицыных, крылошанина, переписчика книг Ивана Черного, угрянина Мартынка, крестовых дьяков Истомы и Сверчка, купца Игната Зубова. Поздний источник называет еще «иных многих от великаго князя двора, да и от купцов и от крылошан и от простых людей». ⁶⁴ К московскому кружку 90-х годов можно отнести также Митю Коноплева из «детей боярских», купца Семена Кленова, великую княгиню Елену Волошанку и Ивана Максимова.

В 90-х годах, вероятно, существовал новгородский кружок, возрожденный усилиями братьев Курицыных, которые добились поставления своего единомышленника Кассиана в архимандриты Юрьева монастыря. Второе и третье анафематствования, возможно, не случайно называют на первом месте имя архимандрита Кассиана как «ересьначальника». В некоторых вариантах второго анафематствования на первом месте назван Волк Курицын. Это позволяет предположить, что в 1490—начале 1500-х годов существовало два еретических центра — в Москве и в Юрьевом монастыре, близ Новгорода. Удастся поименно восстановить имена только 5 участников новгородского кружка: Кассиан, архимандрит, его брат Иван Са-

⁶¹ Ср.: Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения... Приложение, стр. 506.

⁶² Архиепископ Геннадий связывает появление ереси в Москве с приездом Федора Курицына из Венгрии (1485 г.) и с бегством еретиков из Новгорода (см.: Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения... Приложение, стр. 377). Иосиф Волоцкий объясняет появление ереси в Москве результатом деятельности Алексея и Дениса (см. там же, Приложение, стр. 506). Более вероятной представляется нам версия архиепископа Геннадия, согласно которой «беда состалась» со времени приезда из Венгрии Курицына, ставшего «начальником» приходивших к нему еретиков. Во второй половине XV в., при короле Матиасе Корвине, Венгрия пережила эпоху централизации. Гуманистическое движение, идеи таборитов играли немалую роль в проведении централизации (подробнее см.: Kardos Tibor. A magyarorsági humanizmus kora. 1955, стр. 418 и сл. (Реэюме на русском языке)). Впечатления от заграничной поездки не могли пройти для Курицына бесследно. Вернувшись в Москву, он попытался быть своего рода покровителем искусств и ремесел. В переговорах с послом венгерского короля дьяком Иваном в 1488 г. он от имени великого князя просил прислать в Москву архитекторов, мастеров горного и пушечного дела, мастеров по серебру, каменщиков (см.: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, т. 1. СПб., 1851, стр. 165). Астрономические интересы Алексея и Дениса, занятия Ивана Черного всемирной историей, античной и средневековой рационалистической философией, грамматикой, проблемами гражданского законодательства и сильной великокняжеской власти находили действительную поддержку у Ивана III и Федора Курицына.

⁶³ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения... стр. 148; Приложение, стр. 279.

⁶⁴ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения... Приложение, стр. 506.

мочерный, диак Гридя Квашня, Митя Пустоселов, Иван Некрас Рукавов.⁶⁵

Итак, подведем некоторые итоги. Рассмотрение трех анафематствований подтверждает наличие в новгородско-московском движении двух еретических направлений: новгородского и московского, очевидно, различавшихся между собой взглядами и личным составом кружков. По-видимому, в новгородском кружке 80—начала 90-х годов было не менее 33 членов, восстанавливаемых поименно. В московском кружке до собора 1490 г. было не менее 26 членов, из них восстанавливаются поименно только 7.⁶⁶ Из участников кружков 90-х годов, кроме нескольких лиц, участвовавших в еретическом движении ранее, удастся восстановить имена 3 «москвичей» и 7 «новгородцев». Итого, в общей сложности, в новгородско-московском движении участвовало не менее 70 человек. Соборные приговоры очень кратко, но яснее, определеннее, чем другие официальные источники, называют «вины» новгородских (первое анафематствование) и «вины» московских еретиков (второе и третье анафематствования). Из них видно, что Соборный приговор 1504 г. усиливал обвинение по сравнению с Соборным приговором 1490 г., добавляя обвинения «в неверии в бога» и «в похулении седми вселенских соборов». Все это, однако, еще не дает полных оснований полагать, что нападки московских еретиков на институт церкви носили более решительный и радикальный характер, чем выступления новгородских еретиков. Тем не менее в исследовании идеологии московских еретиков данные соборных приговоров необходимо будет принимать во внимание.

⁶⁵ К какой группе относились Феогност Чермной, архимандрит монастыря «ниже на Песку», и Иосиф Кунькин, чернец, — сказать трудно. Вероятнее всего, они примыкали к новгородцам, так как в составе московского кружка представителей духовенства не было.

А. А. ЗИМИН

К изучению источников Степенной книги

Степенная книга — одно из наиболее значительных обобщающих историко-литературных произведений XVI в. Написанная около 1560—1563 гг. по поручению митрополита Макария царским духовником Андреем (позднее митрополитом Афанасием),¹ Степенная книга служила цели идеологического обоснования самодержавной власти московских государей.

К числу наиболее сложных вопросов истории создания этого большого сочинения относится, как это недавно особенно отметил Н. К. Гудзий в своем докладе о «Слове о погибели Русской земли», вопрос о его источниках. Целый ряд источников, органически включенных в текст Степенной книги, выявил В. В. Кусков в своей диссертации, написанной под руководством Н. К. Гудзья.² Однако происхождение значительного числа повестей, помещающихся в этом памятнике, остается все еще невыясненным. Так, до сих пор считалось, что источником Повести о нашествии Магмет-Гирея на Москву в 1521 г. (грань XVI, глава 16) и Повести о московском пожаре 1547 г. (в XVII грани) «служила устная церковная легенда».³ В настоящее время обе эти повести обнаружены в сборниках вне текста Степенной книги.

Древнейший из дошедших до нас списков Повести (Рогожский) датируется 1609 г. Весьма интересен состав сборника, в котором помещен Рогожский список. Он представляет собой сборник (ВБЛ, Рогожск. 82), написанный скорописью начала XVII в.⁴ на 299 лл. в 1°. Основную часть сборника (лл. 1—276) составляет хронограф I редакции, после которого на л. 276 помещена запись: «Божиею милостию совершена бысть книга сия в лето 7117-го месяца мая». Вслед за этим в рукописи находится ряд памятников, связанных с чудесами Владимирской иконы богородицы и других. Так, на лл. 276 об.—277 об. — «О ходу к стретенью пресвятыя богородица в монастырь августа в 25 день в лето 6903»;⁵ лл. 277 об.—278 — «О ходу и стретению июня в 23 день на память святые великомученицы Агрены, пострадавшая в Риме»;⁶ л. 278—278 об. — «О ходу,

¹ П. Г. Васенко. Книга Степенная царского «родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности, ч. 1. СПб., 1904, стр. 243.

² В. В. Кусков. Степенная книга как литературный памятник XVI в. Глава II. Состав и источники Степенной книги. 1951. Рукопись, хранящаяся в ВБЛ.

³ В. В. Кусков. Степенная книга. . . , стр. 278, 284.

⁴ Водяной знак — однорукий кувшинчик с полумесяцем над ним, а также с буквами «РВ» с полумесяцем внутри его.

⁵ Нач.: «В седмое лето княжения великаго князя Василья Дмитреявича».

⁶ Нач.: «В лето 6988-е подвигнувшася на Русскую землю воевати Болшия Орды нечестивому царю Ахмату».

иже на Никитин день сентября в 15 день»;⁷ лл. 278 об.—279 — «О ходу, еже на царя Константина в день мая в 21 день»;⁸ л. 279—279 об. — «О ходу со кресты к Пятнице ко Ржевской»;⁹ л. 279 об. — «О ходу ко пречистой ко Ржевской»;¹⁰ лл. 279—280 — Заключение цикла рассказов,¹¹ значительная часть которых связана с борьбой Москвы с татаро-монголами; л. 280 — приписка о «ходе» 21 февраля 1606 г.; на л. 180 об. — краткая выписка о Византии.¹² На л. 281 помещена весьма интересная запись о беседе митрополита Макария с синайским старцем Григорием,¹³ который сообщил ему ряд интересных сведений о Египте: ¹⁴ «В Египте 14 000 улиц, а во всякой улицы по 14 000 дворов каменных, а посреде посаду стоит город, где жил прекрасный Иосиф, а величеством с Москву. И в том городе одна стоит церковь Никола чудотворец, а в той церкви служит патриарх Александрский Иоаким. В лета 7032-го в Цареграде церковей христианских 70 без трех, а в Галате 10, а дает патриарх царю оброку 3000 золотых на год, а Святыя горы дают 4000 золотых на год, а потриархов 4 вселенских: болшее патриаршество Цареградское, 2-е александрийское, 3-е было антиохийское да Микорской розарил; 4-е иерусалимское. Под патриаршескою рукою цареградскаго 84 митрополитов». Затем, на л. 281—281 об., идут рассказы Максима Грека о «Птице Неясыте» и «Аспиде змие», после чего на лл. 281 об.—283 об. помещена Повесть о царице Динаре.¹⁵

Не исключена возможность, что и Повесть о царице Динаре на Руси записана по легенде, рассказанной Макарию синайским монахом Григорием. Сама Повесть — воинская по своему основному содержанию — носит следы клерикальной окраски: в ней утверждается неизбежность пожалований в монастыри (проблема, которой посвящен ряд осифлянских памятников середины XVI в.).

После ряда чистых листов в сборнике помещены произведения, являющиеся предметом нашего специального рассмотрения: это — Повесть о нашествии Магмет-Гирея в 1521 г. (лл. 286—291),¹⁶ Повесть о московском пожаре 1547 г.¹⁷ (лл. 291 об.—294) и, наконец, чудо о церковном

⁷ Нач.: «В лето 7026-е повелением христоролюбиваго великаго князя Василия Ивановича всея Руси самодержца и благословением Варлама, митрополита всея Русни, принесени быша святыя иконы из града Владимиря в славный град Москву». 15 октября 1519 г. иконы отправлены снова во Владимир.

⁸ Нач.: «В лето 7029 день благочестивому и христоролюбивому великому князю Василию Ивановичю».

⁹ Нач.: «Ноября в 27 день в лето 7038 повелением благочестиваго и христоролюбиваго великаго князя Василия Ивановича всея Руси самодержца принесены быша две иконы чудотворныя изо Ржевы на Москву».

¹⁰ Нач.: «В лето 7048 генваря в 11 день принесены быша от Ржеви во царствующий град Москву чудотворныя две иконы».

¹¹ Нач.: «Мы убо о сих праздницех толико в писаниих обретохом».

¹² Нач.: «А се выписано из царств: Рим старее Византеи 30-ю леты».

¹³ Нач.: «В лета 7055-го месяца февраля в 27 день сказывал господину пресвященному Макарию, митрополиту всеа Русни, старец Синайская горы священной инок Григорей».

¹⁴ Рассказ о Египте, напечатанный В. Малининым, с этими сведениями почти не совпадает (В. М а л и н и н. Старец Елеозарова монастыря Филофей. Киев, 1901, Приложение, стр. 70).

¹⁵ Нач. «Слова дивная повесть зело полезна о девицы дщери царя Иверскаго, нарицаемая Динар царицы. Умершу же иверскому властодержцу» и т. д.

¹⁶ Повесть озаглавлена: «Знамение ужасно и предивна, и как спасен бысть град Москва от нашествия безбожных тотар, иже к богу молитвами пречистыя богородица и великих чудотворцов руских, и како божьим пособием сами безбожнии побегоша».

¹⁷ Повесть озаглавлена: «О великом и сугубом пожаре и о милостивом защищении, иже на воздухе заступлением пречистые богородицы».

воре (лл. 294 об.—295).¹⁸ Первые две повести в другой редакции помещены в составе Степенной книги.¹⁹ Перед исследователем, естественно, встает вопрос, какая из дошедших редакций является первоначальной. На этот вопрос можно дать совершенно определенный ответ — Рогожская редакция сохранила первоначальный текст повестей, а Степенная книга поместила повести в переработанном виде.

Рогожская редакция дает более пространный и целостный текст обоих произведений. Повесть о нашествии 1521 г. в ней начинается особым введением, в котором автор сообщает о причинах, побудивших его написать это сочинение. В начало рассказа включено много летописных известий о взаимоотношении России с Литвою и с Крымом, которые прямо не связаны с повествованием о нашествии 1521 г. В частности, автор отмечает, что его рассказ о чудесах Владимирской иконы написан «повелением господина нашего преосвященного Макария митрополита всея Руси».²⁰ Подобное введение, нарушающее целостность изложения Степенной книги, сочтено ее составителем излишним, а потому и опущено. В начале Повести, отсутствующем в Степенной книге, нашествие крымских татар рассматривается как проявление божьего гнева («хотя преблагий господь наш милостивно наказати нас»)²¹ Автор Рогожской редакции Повести указывает, что фактическую сторону рассказа ему сообщили казначей И. И. Третьяков и постельничий И. Д. Бобров.²²

В Рогожской повести значительно более пространно изложение «видения» блаженного Василия, причем со ссылками на рассказы «многих иноземных гостей».²³ И в дальнейшем Повесть Рогожской редакции дает много новых конкретных сведений, отсутствующих в Степенной книге (например, об архиепископе ростовском Иване, об «отроковице Ильинского крестца», о видении родственницы Ивана Третьякова, двор которого находился у Фроловских ворот и т. д.). Повесть в Степенной книге не только сокращена, но и разбита на разделы особыми заголовками (как и другие части Степенной книги).

Совершенно аналогичны исправления, сделанные составителем Степенной книги в Повести о московском пожаре 1547 г. И здесь текст пополнен рядом летописных сведений (например, о женитьбе Ивана Грозного) и разбит заголовками на главы. Здесь также снято утверждение автора Повести о том, что пожар послан богом «за грехи».²⁴ Снято, например, сле-

¹⁸ В этом чуде (происшедшем при Макарии) рассказывается, как один «каменносечец» хотел украсть «драгую утварь» из Успенского собора, но не смог этого сделать. Сборник завершается приписками 1619 г. о посещении Москвы патриархом Феодосием и о чуде, происшедшем в 1667 г. С Рогожской сборника списаны сборники конца XVII в.: ВБЛ, Большаков, № 213, 441 лл., в лист (о нем см.: Г. П. Георгиевский и И. Рукописи Т. Ф. Большакова. Пгр., 1915, стр. 173—174); ГИМ, Увар. 1336/419 (о нем см.: Леонид. Систематическое описание славяно-русских рукописей гр. Уварова, ч. 3, стр. 26—27); ср. также ГИМ, Увар. 1044/320, л. 102 об. и сл.; ГПБ, Нов.-Сейф 1516 (98), л. 56 и сл.

¹⁹ ПСРЛ, т. XXXI, ч. 2. СПб., 1913, стр. 597—603, 634—638.

²⁰ ВБЛ, Рогожск. 82, л. 286.

²¹ ВБЛ, Рогожск. 82, л. 286 об.

²² «Многа страшная знаменья... извести от славных неких велмож, от Ивана рогомога Третьякова, иже бысть казначей царьских великаго князя сокровищ, и от другаго, Ивана Боброва глаголемаго, и тои бысть постельничей» (ВБЛ, Рогожск. 82, л. 286 об.).

²³ ВБЛ, Рогожск. 82, л. 287. И здесь опять-таки подчеркивается мысль о том, что Владимирская икона хотела покинуть Москву, так как «люди прошевая беззлобиваго бога» (л. 287). Ср. ниже: «мы убо согрешихом к богу, тако же гнев божи приближися на ны» (л. 287 об.) — мысль, отсутствующая в Степенной книге.

²⁴ «Таков пожар попустил бог, яко да восприимут людие наказание и страх господень обыдет и побоят о гресех» (ВБЛ, Рогожск. 82, л. 292); ср.: «Мы же многа непростанно согрешаем и тако сами на ся гнев божий наведомом» (л. 293).

дующее утверждение: «Тако нас наковзет господь и врачюя, яко многа богатество огнем потребися, иже от неправды собранное».²⁵ Произведен ряд сокращений (в том числе, как и в Повести о нашествии, опущены выдержки из Григория Богослова). В Степенной книге опущены многие общие места и некоторые детали (например, о том, что в Успенском соборе вместе с Макарием был протопоп Гурий).²⁶ При этом весь текст Повести подвергнут составителем Степенной книги сильной редакционной правке.

Таким образом, бóльшая конкретность изложения несомненно свидетельствует о первоначальности Рогожской редакции повестей. Обе эти повести (как и чудо о церковном тате) представляют собою типичные образцы церковной литературы, сложившейся в кругу митрополита Макария. Автор сам ссылается на Макария как на лицо, поручившее ему составить Повесть о нашествии 1521 г., а сам митрополит выступает как один из основных героев Повести о пожаре 1547 г. и чуда о тате.

Весь этот комплекс произведений написан с целью прославления русской церкви и имел совершенно определенное идеологическое звучание во время его составления, т. е. около 50-х годов XVI в.²⁷ Середина XVI в., как известно, была временем обострения классовой борьбы, выражавшейся как в восстаниях горожан, так и в подъеме реформационно-гуманистического движения. Одним из действенных средств борьбы с выступлениями эксплуатируемых масс населения страны являлась церковная литература, призывавшая народ к повиновению и послушанию господам.²⁸ В многочисленных посланиях, проповедях, житиях «святых угодников» и в других произведениях церковной литературы духовенство обосновывало и освящало идеологические позиции господствующего класса. С целью дискредитации учений «грешников» и поднятия престижа официальной церкви производились открытия мощей русских святых и распространялись легенды о чудесах, якобы творившихся всевозможными иконами и чудотворцами. Так, например, в начале 1553 г. в Новгородской земле, где ересь Феодосия Косого находила особенно горячую поддержку в народе, были открыты «нетленные» мощи архиепископа новгородского Никиты²⁹ (а позднее и архиепископа Ионы), и в связи с этим составлены различные сочинения, прославлявшие подвиги этих церковных деятелей. К тому же году относится специальное распоряжение Ивана IV «по многим градом писати святых книги».³⁰

В такой обстановке были написаны повести о нашествии 1521 г. и о пожаре 1547 г., в которых читателю сообщалось, что только благодаря чудодейственному вмешательству небесных сил Москва была избавлена от страшных бедствий. В них настойчиво проводилась мысль о том, что все несчастья ниспосланы богом «за грехи». Божий гнев настагает непокорных.³¹ Церковь, следовательно, старалась внушить мысль, что все по-

²⁵ ВБЛ, Рогожск. 82, л. 292 об.

²⁶ ВБЛ, Рогожск. 82, л. 293.

²⁷ Повести написаны не ранее пожара 1547 г. (пожар в Москве) и не позже 1563 г. (смерть Макария), скорее всего — непосредственно после этого пожара. Оба произведения, очевидно, составлены одновременно, ибо едины по своему идейному замыслу и манере изложения. Вместе с другими рассказами о чудесах, творившихся якобы иконами в Москве, они входят в цикл повестей о Владимирской иконе богородицы, помещавшейся в московском Успенском соборе.

²⁸ См. подробнее: А. М. Самсонов. Народные антифеодальные восстания в России и церковь. М., 1955.

²⁹ Новгородские летописи. СПб., 1879, стр. 86, 89.

³⁰ П. М. Строев Библиологический словарь. СПб., 1882, стр. 374

³¹ «Гнев божий приходит на сыны непокоривыя» (ВБЛ, Рогожск. 82, л. 286—286 об.).

пытки сопротивляться феодальному гнету караются небесными силами. Одним из героев обеих повестей выступает «блаженный» Василий, являвший собою образ смирения и отрицания всех, даже элементарных жизненных благ («дивный нагоходец» «самоволне» даже «телеснаго одеяния» не имел).³² Итак, смирение — удел народных масс. А поскольку Москва в 1521 и 1547 гг. избавлена от гибели заступничеством богоматери и угодников,³³ постольку в религии и покорности церкви следует искать опору в житейских бедах. Таков несложный идейный смысл обеих повестей, являвшихся характерным образцом идеологического воздействия церкви на народные массы в период обострения классовой борьбы в середине XVI в. Весьма характерно, что в Повести о пожаре 1547 г. даже не упоминается о восстании в Москве, происшедшем через несколько дней после этого пожара.

Наряду с реакционно-клерикальным замыслом повести содержат интересные сведения современников о событиях 1521 и 1547 гг. Весьма показательна беспощадная критика автором Повести о московском пожаре своекорыстной политики боярских временщиков.

После смерти Елены Глинской, пишет он, «бояре и велможи вси видяще самодержьца наследника царствию юна суща и яко благополучно и самовластно себе время видяще и изволиша собрати себе множество имения и вместо еже любити правду и любовь, в ненависть уклонишася и кождо их различных санов желающе и ничтоже получаху, но обаче на мало время. И нача в них быти самолюбие и неправда и желание на восхищение чюжого имения и воздвигоша крамолу велию, желающе себе властолюбия. Друг друга лукавством не токмо в заточение посылаху и в темницах затворяху и юзами облагаху, но и самой смерти предаваху, навыкше господоубийственному совету. Иже преже умориша и самех двух царьских отрослей князя Георгия и князя Ондreja Ивановичев. Также и сами на своих друзей востающе и яростными смертьми скончавша и дома и села их наследоваша. И от похищения чюжого имения дома их исполниша и сокровища их неправеднаго богатества умножишася. Не токмо же сие едино содеваху, но и великия главам приразишася, дву митрополитов святительскаго престола лишаша — Данила³⁴ и Иасафа,³⁵ праведне учащих и обличающих их. Но понеже богу изволившу по сих же на престол их воздешу пресвященному митрополиту дивному* Мокарию многа же настроения тогда содевахусь даже и до самого возраста царьскаго, дондеже царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси царьским венцем венчася рукою того преосвященнаго Макария митрополита всея Руси и законному браку приобщишь».³⁶

В этом рассказе важен ряд моментов. Первое — это указание на расхищение земельных владений княжатами и боярами, т. е. на борьбу за перераспределение земли внутри класса феодалов. Второе — отмеченное автором «самовластие» бояр, приводившее к борьбе между ними за власть и чины. Третий момент — это отнесение конца феодальных распрей ко времени венчания царя. В этом Повесть отличается от продолжателя Летописца начала царства, который датирует самостоятельное правление Ивана IV выступлением его против Андрея Шуйского. Автор Повести более прав, относя серьезные сдвиги в политике Ивана IV к 1547 г.

³² ВБЛ, Рогожск. 82, лл. 286 об. — 287.

³³ ВБЛ, Рогожск. 82, лл. 287 об., 294.

³⁴⁻³⁵ Слова над строкой. В тексте «Иосифа».

³⁶ ВБЛ, Рогожск. 82, лл. 291 об. — 292.*

Красочный рассказ Повести о московском пожаре и о боярских распрях в малолетство Ивана Грозного можно поставить в один ряд с другими сочинениями публицистики середины XVI в., в которых находится критика боярского самовластия (сочинения Пересветова, Ивана IV и Летописец начала царства). В целом же повести о нашествии татар 1521 г. и московском пожаре 1547 г. — публицистические памятники, показывающие напряженное биение общественно-политической мысли середины XVI в. Содержащаяся в них клерикальная оценка важных событий первой половины XVI в. вполне соответствовала воззрениям составителя Степенной книги, преемника Макария на митрополичьем престоле — Афанасия, который поэтому широко использовал их при составлении своего большого исторического труда.

М. А. САЛМИНА

К вопросу о происхождении „Сказания об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы“

Когда обращаешься к рукописям или изданиям¹ одного из сказаний, посвященных основанию Москвы, известного в литературе под названием «новеллы», или «Повести, об убиении Даниила Московского», некоторое недоумение вызывают обычно конец повести и особенно ее начало. «Сказание об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы», так будем называть эту повесть,² начинается летописным вступлением: «В лето 6789 (или 6889), месяца октября, в 29 день, по Владимире князе во Володимере граде державствовал князь Андреи Александровичь, а в Суздале граде державствовал князь Данило Александровичь Невского». Только после этой летописной заметки следует текст самой повести. Кончается же она рассказом о правлении Ивана Калиты, приходе митрополита Петра в Москву и поставлении его в московские митрополиты — рассказом, далеко ушедшим уже за рамки повествования о начале Москвы.

На вопрос, почему повесть имеет именно такое начало и конец, трудно было бы ответить, если бы не летописец³ одного из принадлежащих ГИМу сборников, в котором оказался текст интересующего нас памятника.

Сборник известен под шифром: ГИМ, Музейное собр., № 3996. Кроме летописца, в состав сборника входит еще ряд статей: Житие Петра и Февронии Муромских, Житие Алексея, человека божия, Повесть о Святогорском монастыре, зовомом Иверский, и др.

Сборник в 4^о, писан скорописью одной руки (за исключением нескольких листов), на 295 лл. Этот сборник тщательнейшим образом описан М. В. Щепкиной (рукописное его описание находится в ГИМе), которая на основании палеографических данных относит его к первой половине XVII в. (филиграни 30—40-х годов XVII в.).

Летописец находится на лл. 160—273. Начала он не имеет. События излагаются в нем с момента распространения христианства (приход апостола Андрея на Днепр) по 1583 г. — взятие донскими атаманами Сибири.

Все известия, упоминаемые в летописце, изложены кратко. Иногда сообщается только дата смерти названного в нем лица. Наряду с краткими заметками о каком-нибудь событии встречаются в нем и повести,

¹ См., например, текст, изданный М. Н. Тихомировым в «Древней Москве» (М., 1947, стр. 216—222) и переизданный в «Русской повести XVII века» (Гослитиздат, 1954, стр. 74—81).

² Обоснование этого заглавия будет дано в другой работе.

³ За указание этого летописца и за любезное предоставление описания этой рукописи приношу М. В. Щепкиной глубокую благодарность.

как например, Повесть о знаменях от Новгородской иконы богородицы, Повесть о пришествии Владимирской иконы, Повесть об убиении Бориса и Глеба и др. Многие даты, имеющиеся в летописце, неверны.

Среди источников, использованных летописцем, была, по-видимому, житийная литература (жития Авраамия Ростовского, Зосимы и Савватия Соловецких и др.) и литература сказочно-легендарного характера. Так, под 7063 г. помещена сказочная повесть о взятии Иваном Грозным Смоленска, а в житии митрополита Алексея появился любопытный отрывок, рассказывающий об «искушении» Алексея царем Бердебеком: поданную царем к столу на блюде кобылью голову Алексей «прекрестив своею рукою», «и бысть на блюде щучья глава и кушающе преподобный и вси суции с ними».

Летописец производит впечатление неофициального. В нем встречается много просторечных слов, имеются обороты фольклорного происхождения, что отмечено в описании М. В. Щепкиной. Для летописца характерна одна черта, из-за которой М. В. Щепкина называет его летописцем типа краткой Степенной книги, и вот какая.

Весь материал в летописце расположен в порядке родословия великих князей, причем, как и в Степенной книге, параллельно с упоминанием о том или ином князе называются и лица духовные, жившие при этом князе или связанные почему-либо с его именем. Так, говорится о Ярославе Мудром — называется имя Антония Печерского, с именем Андрея Боголюбского связывается открытие мощей Леонтия Ростовского, Иван Калита упоминается вместе с митрополитом Петром, а князья Дмитрий Иванович и Василий Дмитриевич вместе с митрополитами Алексеем, Пименом, Киприяном и т. д. Однако о полном сходстве с реальной Степенной книгой не может идти речи: текст летописца не совпадает с текстом какой-либо из известных степенных книг; можно говорить лишь о сходстве в построении: материал в летописце располагается так же по степеням великокняжеского рода.

С л. 189 об. в летописце следует текст, совпадающий с текстом «Сказания об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы».⁴ Благодаря нахождению изучаемого текста именно в этом летописце становится возможным объяснение начальных строк повести, считавшихся исследователями ее (исключая М. Н. Тихомирова)⁵ принадлежащими ей, а также конца повести с митрополитом Петром.

«Рассказ о начале Москвы» открывает собой в летописце княжение владимирского князя Андрея, сына Александра Невского. Начинается он со слов: «И почему было Москве царством быть, и хто то знал, что Москве государством сыть». Строки под 6789 г., которыми начинается повесть, в отдельных списках оказываются на самом деле не принадлежащими ей. «В лета 6789, месяца октября 29 день» — это в летописце дата смерти Авраамия Ростовского, житие которого предваряет повесть (дан эпизод из жития о клевете на Авраамия Ростовского). 29 октября действительно день смерти Авраамия Ростовского (см.: ВМЧ, октябрь, дня 29. СПб., 1880, стлб. 2025). Что же касается 6789 г., то его происхождение в летописце пока не ясно.⁶ Последующие за датой строки: «По

⁴ Называем его в дальнейшем «рассказом о начале Москвы».

⁵ Текст этот в летописце известен М. Н. Тихомирову — М. Н. Тихомиров: 1) Древняя Москва, стр. 13, 211, 2) Сказания о начале Москвы. — Исторические записки, № 32. М., 1950, стр. 236.

⁶ Год смерти Авраамия Ростовского не известен. В исследовательской литературе существуют различные точки зрения на то, когда жил Авраамий; годы его жизни относят к XI, XII и XIV вв.

Володимере же князе в Володимере граде державствова князь Андрей Александрович, а в Суздале граде державствова брат его князь Данило Александрович Невскаго», являются связующим звеном между житием и летописным «рассказом о начале Москвы».⁷

Благодаря летописцу находит свое объяснение и конец повести в отдельных списках.

Начало «рассказа о начале Москвы» в летописце определяется сразу, конец же его сразу не обнаружить, так как четкой границы, отделяющей рассказ от остального текста летописца, нет; записи в нем сливаются одна с другой. Так, после известия об основании князем Андреем Москвы летописец сообщает о его смерти, затем переходит к правлению в Москве Ивана Калиты, приводит пророчество митрополита Петра, говорит о поставлении его в митрополиты московские, сообщает о смерти его и Ивана Калиты. Далее летописец переходит уже к княжению Ивана Ивановича.

И все же окончание «рассказа о начале Москвы» в летописце определить можно.

Выше говорилось уже об одной особенности летописца: автор его стремится расположить материал по великим княжениям. Начало «рассказа о начале Москвы» в летописце совпадает с известием о вокняжении во Владимире князя Андрея. Следует думать, что и конец рассказа надо искать в пределах княжения этого же князя.

Княжение Андрея оканчивается известием о построении им в 6799 г. Москвы. Дальше говорится о передаче им престола Ивану Калите. И вместе с тем это известие — первое, которым мог бы окончиться рассказ. Его и следует считать концом повествования. Отрывок, рассказывающий о построении Москвы и оканчивающийся фразой «и оттоле нача именоватися и прославися град той Москва», логически завершает историю о создании столицы. Здесь имеется уже и ответ на поставленный в начале вопрос — «почему было Москве царством быть». В этом отрывке еще упоминаются «те красные села по Москве-реке», о которых шла речь вначале. В последующих же известиях летописца, идущих под знаком правления великого князя Ивана Даниловича, ничего от «рассказа о начале Москвы» уже не встретить.

«Сказание об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы», так же как и летописный «рассказ о начале Москвы», в своем изложении доходит до известия об основании князем Андреем столицы. Но текст его на этом известии не прерывается. Он продолжен дальше, причем известия его в этой последней части оказываются повторениями записей

⁷ «По Володимере же князе» означает следующее. Владимир — это князь владимирский, который упоминается в предшествующем «рассказу о начале Москвы» эпизоде из жития Авраамия Ростовского. Эпизод этот помещен автором летописца в правление некоего владимирского князя Владимира Ярославича, княжившего, по летописцу, после Александра Невского и названного здесь его братом. На самом деле у Александра Невского брата с таким именем не было. По-видимому, дело обстояло так. Автору нужно было поместить в летописец отрывок из жития Авраамия Ростовского. Но куда? Из жития Авраамия он знал только, что тот жил при ростовском князе Борисе, в то время когда Ростов, как следует из жития, находился под властью владимирского князя. Это могло быть в XII—XIII вв. В этом промежутке времени среди ростовских князей встречается только один князь, по имени Борис, живший во второй—третьей четверти XIII в. Но в житии упоминается еще владимирский князь Владимир, правивший, по житию, одновременно с Борисом. Князя с таким именем во Владимире в третьей четверти XIII в. не было. Во Владимире в это время правил род Ярославичей: Ярослав и Василий — братья Александра Невского (см.: А. В. Э к з е м п л я р с к и й. Великие и удельные князья северной Руси, т. I. СПб., 1889, стр. 40). Но житие надо было поместить в летописце в этот определенный промежуток времени. И автор для того, чтобы достигнуть полной согласованности в именах, делает одного из Ярославичей Владимиром.

летописца о правлении Ивана Калиты, вплоть до сообщения о поставлении Петра в митрополиты московские.

Становится очевидным, что прототипом сказания был «рассказ о начале Москвы» этого или родственного ему летописца.⁸ Но при переписывании рассказа в начале и в конце были прихвачены известия, к нему не относящиеся.

Почему же переписчик не остановился на естественном конце рассказа?

После известия о построении Москвы летописец говорит о правлении в Москве Ивана Калиты и о приходе в Москву митрополита Петра. В «рассказе о начале Москвы» имя малолетнего Ивана уже упоминалось дважды. Поэтому переписчик мог посчитать известия об Иване Калите за известия, также относящиеся к рассказу. Но Иван Калита считался и первым «московским и всея Руси государем». Пророчество же митрополита Петра, первого «московского и всея Руси чудотворца», прославляло и возвеличивало столицу. Фраза «и оттоле назвася и прославись царствующий град Москва и всеа Росии и благоверный великий князь Иван Данилович⁹ Московский и всеа Росии» давала концовку. Все же последующие известия летописца уже никакого отношения к сказанию иметь не могли.

Итак, летописец, находящийся в сборнике ГИМа (Музейное собр., № 3996), дает возможность понять, каким образом появилась и получила затем распространение одна из древнерусских повестей, посвященная истории создания Москвы.

По-видимому, составлялась краткая история Руси и при ее написании была сделана попытка объяснить историю создания столицы.¹⁰ Рассказ носил легендарно-сказочный характер, и хотя он и выделялся ярким пятном, но подходил под общий стиль летописца.¹¹

«Рассказ о начале Москвы», по-видимому, понравился древнерусскому читателю и был выписан из летописца, выписан механически вместе с не относящимися к нему записями. В дальнейшем он распространялся в многочисленных списках, подвергался неоднократным переработкам, но начало и конец в этих списках продолжали сохранять следы этой выписки.¹²

⁸ Хотя летописец этот известен только в одном списке, текст его не кажется первоначальным. В тексте имеются искажения, явно принадлежащие переписчику.

⁹ В «рассказе о начале Москвы» в летописце вместо «Иван Данилович» стоит «имя рек».

¹⁰ Вопрос о том, использовал ли при этом составитель летописи какой-то рассказ, уже до него существовавший в письменной традиции, или он сам сочинил этот рассказ на основании устных легенд и преданий, остается пока нерешенным. Как самостоятельное произведение рассказ известен до сих пор только через передачу летописца.

¹¹ О стиле летописца будет сказано в другой статье.

¹² Кроме высказанных соображений, первоначальность летописного текста памятника подтверждается текстологическим анализом всего текста произведения в отдельных списках.

Б. В. САПУНОВ

К вопросу о культурных связях России с другими странами в XVI—XVII вв.

(По материалам печатных книг)

Среди многочисленных вещественных памятников, отражающих культурные связи России с Украиной и странами южной и западной Европы в XVI—XVII вв., печатные книги по своему значению бесспорно занимают одно из видных мест. Изучение этого источника дает возможность выявить многие, и притом весьма существенные, стороны международных культурных связей России. Взаимный обмен достижениями в области техники книгопечатного дела, обмен иконографическими сюжетами и художественными мотивами оформления печатных книг, обмен духовными ценностями, заключавшимися в текстах этих изданий, был возможен только благодаря широкому взаимному проникновению печатной продукции. Характер этих связей в разное время и с разными странами значительно менялся. Взаимоотношения с Германией, Швецией, Англией, Данией и другими странами, исповедующими католицизм или различные толки протестантизма, значительно отличались от связей, сложившихся с Украиной и славянскими народами Балканского полуострова.

Естественно, что наиболее оживленными и наиболее дружественными были связи между Россией и Украиной. Украинское книгопечатание, возникновение и развитие которого неразрывно связано с типографской деятельностью во Львове и Остроге Ивана Федорова, «печатника з Москвы», является ярким примером плодотворности культурных связей подобного рода.

В задачи настоящей работы не входит анализ исторических предпосылок возникновения книгопечатного дела на Украине. Отметим только, что основные причины появления печатной украинской книги коренились во внутренних потребностях украинского народа и были тесно связаны с широким подъемом борьбы населения юго-западной Руси с агрессивной польско-католической шляхты, особенно усилившейся после Унии 1569 г. В обстановке ожесточенной идеологической и политической борьбы русско-украинская печатная книга являлась острым политическим оружием, которое активно использовалось украинским народом в борьбе за сохранение родного языка, православной веры, за воссоединение с великим русским народом.¹

Типографии, работавшие в западнорусских областях до Ивана Федорова, сыграли определенную роль в истории украинского и белорусского книгопечатания. Особенно следует отметить Франциска Скорину, вилен-

¹ Букварь. Изд. Ивана Федорова, Львов, 1574.

ские издания которого по своему изяществу настолько выделялись среди других церковно-славянских изданий первой половины XVI в., что вызвали подражание не только в юго-западной России, но и на Западе, где они получили широкое распространение.²

Однако, содействуя в той или иной степени католической или лютеранской пропаганде, почти все эти типографии не служили интересам русского, украинского и белорусского народов. Они не могли заложить основы национального книгопечатного дела на Украине. На типографскую деятельность московского печатника украинский народ смотрел как на свое кровное дело,³ и, естественно, только Иван Федоров, не являясь формально украинским первопечатником, по существу оказался основоположником подлинно украинского книгопечатания. Иван Федоров был не только духовным отцом украинского национального книгопечатного искусства, он был тем человеком, который перенес на Украину технические навыки, приемы и оборудование московского книгопечатного дела.

А. С. Зернова, специально занимавшаяся вопросами применения типографского материала Ивана Федорова после его смерти, пришла к интересным выводам. В различных украинских изданиях ей удалось обнаружить 60% (21 из 35) московских досок Федорова. Всех изданий, в которых были обнаружены отпечатки с досок первопечатника, оказалось 48. Они выходили в течение 184 лет, с 1588 по 1772 г. В отдельных книгах этих изданий далеко не редкость встретить до 20 заставок Ивана Федорова. После его смерти во Львовской и Острожской типографиях употреблялись 62 доски Ивана Федорова, 17 из которых были сделаны им еще в Москве.⁴

Помимо подлинных досок и шрифтов Ивана Федорова, в многочисленных украинских изданиях вплоть до конца XVIII в. встречаются повторения многих элементов оформления книг, изданных им в Москве, Львове и Остроге. Большое значение имел также и тот факт, что типографии Ивана Федорова были настоящей школой, где формировались кадры национальных мастеров книгопечатного дела.

От печатных дворов Федорова в Заблудове (1568—1569 гг.), Львове (1573—1574 гг.), Остроге (1580—1612), от Виленской типографии Петра Мстиславца (1575 г.) ведут свое происхождение типографии в Евье (1611 г.), Киеве (1617 г.), Кутейне (1630 г.), Могилеве (1616 г.) и другие печатные дворы.

Имеются сведения о том, что московское правительство Ивана IV поддерживало типографскую деятельность на Украине. Так, например, в Москву, по-видимому в 1573 г., приезжал Михаил Гарабурда, писарь великого княжества Литовского с просьбой князя Константина Острожского передать русский рукописный список Библии для напечатания его в типографии Ивана Федорова.⁵ Историк церкви И. И. Малышевский считал, что Михаил Гарабурда привез в Острог список известной геннадиевской Библии.⁶

Поездки подобного рода, видимо, не являлись исключительным явлением. В 1582 г. в присутствии боярской думы Ивану IV был представлен

² П. В. Владимиров Доктор Франциск Скорина. Его переводы, печатные издания и язык. ОЛДП, ХС. СПб., 1888, стр. 201, 202, 207.

³ Апостол. Львов, 1574, послесловие; Букварь, Львов, 1574, послесловие.

⁴ А. С. Зернова. Начало книгопечатания в Москве и на Украине. М., 1947, стр. 73—77.

⁵ Библия. Острог, 1581, предисловие.

⁶ И. Малышевский Новые данные для биографии Ивана Федорова, русского первопечатника. Чтения в Историческом обществе Нестора летописца, кн. 7. Киев, 1893, стр. 108, 110.

киевский иеродиакон Иоаким с сопровождающими его лицами. Приехавшие просили русский рукописный список Библии, чтоб издать ее «гиснением печатным нашему народу христианскому русскому литовскому да и русскому московскому, да и повсюду всем православным христианом, иже в Болгарех и Сербех, в Мылтянех и Волосех. А еще просили Беседы евангельские, переведенные учеником Максима Грека Селиваном, и житие Антония Печерского, ибо в Киеве списков этого жития не оказалось».⁷

Белорусские и литовские печатники XVI в. также широко использовали в своих изданиях элементы графического оформления русской книги. Так, например, в 1576 г. в друкарне дома Мамоньчей в г. Вильно Петр Мстиславец напечатал свой Апостол, являющийся довольно точной копией московского Апостола 1564 г. Рамка и фигура апостола Луки во фронтисписе обоих изданий настолько близки друг к другу, что невольно заставляют предположить наличие не копии, а авторского повторения.⁸ В 1591 г. Мамоньчи вторично издали Апостол, использовав при этом весь типографский материал Петра Мстиславца. В 1599 г. в иезуитской типографии г. Вильно была напечатана «Постилла» — собрание душеспасительных поучений жмудина Миколаса Даукши на литовском языке с титульным листом в рамке федоровского Апостола. Л. Владимиров утверждает, что иезуиты использовали в этом издании не московскую федоровскую доску фронтисписа, а искусное повторение ее, выполненное Петром Мстиславцем в 1576 г.⁹ В 1600 г. доска Мстиславца снова была использована для обрамления титульного листа в реформаторском литовском издании «Постиллы». Нельзя не согласиться с литовскими искусствоведами, которые утверждают, что причина такой популярности федоровских мотивов в литовском книгопечатном искусстве кроется в родстве художественных вкусов двух братских народов.¹⁰

Культурные связи Москвы с населением юго-западной и западной Руси носили двусторонний характер. Книги западнорусской, или, как тогда говорили, «литовской», печати имели свободное хождение на Руси. В крупных московских монастырях они встречались уже в последней трети XVI в.¹¹ В декабре 1627 г. под влиянием Филарета был издан указ, запрещающий покупать западнорусские книги. Впрочем, этот указ вскоре потерял силу и книги «литовской» печати продолжали распространяться и перепечатываться в Москве.

После воссоединения Украины создались наиболее благоприятные условия для распространения в Москве книг украинской печати. Большое значение для проникновения на московский рынок украинских печатных книг имело также назначение Симеона Полоцкого главным цензором всех привозимых в Москву печатных изданий. Начиная с середины XVII в. Москва закупает на Украине большие партии книг. Так, с октября 1655 по февраль 1656 г. для патриарха было закуплено в Киеве 180 книг, напечатанных в типографии Печерской лавры.¹² Во второй по-

⁷ Путешествие киевского иеродиакона Иоакима в Москву за книгами... ЧОИДР, М., 1883, кн. 1, отд. IV, Смесь, стр. 1—3.

⁸ А. А. Сидоров. Древнерусская книжная гравюра. М., 1951, стр. 122.

⁹ Л. Владимиров. От «Апостола» Федорова к «Постилле» Даукши. Полиграфическое производство, М., 1954, № 2, стр. 26—28.

¹⁰ P. Calune. Lietuvos knygos meno raidos metmenys XVI—XVII amžiuose. Kaunas, 1941, стр. 6.

¹¹ Опись книг Иосифо-Волоколамского монастыря 1757 года. Сообщение П. К. ЧОИДР, М., 1847, № 7, отд. IV, Смесь, стр. 2.

¹² Г. И. Коляда. Из истории русско-украинских друкарских связей в XVI—XVII вв. Труды Среднеазиатского Гос. университета им. В. И. Ленина, Языковедение, новая серия, в. LXIX, Филологические науки, кн. 8, Ташкент, 1955, стр. 27.

ловине 60-х годов XVII в. черниговский архиепископ Лазарь Баранович добился разрешения продавать в Москве на льготных условиях свое отпечатанное в Киеве сочинение «Меч духовный». В 1669 г. было позволено свободно продавать в Москве сочинение Иннокентия Гизеля «Мир с богом человеку», а «Трубы...» Лазаря Барановича печатать в Москве за казенный счет. Печатные украинские книги подносили Алексею Михайловичу архимандрит черниговского Елецкого монастыря Иоанникий Галатовский, Лазарь Баранович и другие лица.

В марте 1672 г. в Москву прибыли киевские мещане Яким Супрунов, Иван Васильев и слуга Печерской лавры Матвей Федоров для продажи книг Киево-Печерского монастыря. Супрунов «с товарищи» привез 539 экземпляров печатных книг и другую печатную продукцию. Среди привезенных книг было 50 польских букварей, 50 русских грамматик, 58 часовников, 31 азбука, 12 библий и другие сочинения по преимуществу богословского содержания. Продавались они по более низкой цене, чем аналогичные им книги московской печати.

Летом 1672 г. печерский архимандрит Иннокентий Гизель послал в Москву двух мастеров печатного двора Киево-Печерской лавры — Алексея Мушича и Тимофея Кушву с большой партией книг киевской печати. В Москве они сняли лавку и открыли торговлю. Следует отметить, что это была одна из первых попыток основать в Москве частную специализированную книжную торговлю. В июле того же года в лавке Алексея Мушича оставалось еще около 300 нераспроданных книг 23 названий. Около 50 книг было на польском языке. Оставалось также несколько экземпляров острожских Библий. По-видимому, общее количество первопечатных славяно-русских Библий Ивана Федорова, попавших в Московское государство в XVI—XVII вв., было относительно велико. Этот факт отмечали еще современники. На одном экземпляре Библии, изданной Иваном Федоровым, имеется надпись 1593 г., в которой сказано, что большое число этих книг «привезены быша великия России [в] царствующий град Москву... и рассеяшася во вся грады и держатся до сих времен».¹³

Вскоре после смерти патриарха Иосафа II был издан указ о запрещении продажи польских книг, и Алексей Мушич вынужден был с нераспроданными книгами на польском языке перебраться в Смоленск, где имелось польское население.

В сентябре 1672 г. по указу Алексея Михайловича в Киеве закупались книги для отправки в Москву. В начале 1673 г. Гизель снова послал в Москву Тимофея Кушву с очередной партией книг львовской, каменецкой и киевской печати. Тимофей Кушва вез с собой около 800 экземпляров 35 названий по преимуществу духовного содержания. Часть книг после цензуры на Печатном дворе была изъята (377 экземпляров 14 названий), но Гизелю было заплачено за них 119 рублей, 20 алтын, 2 деньги. В 1675 г. в Москве была продана в казну и на вольном рынке большая партия печатных украинских книг «Трубы». В последние десятилетия XVII в. продажа в Москве украинских книг несколько сократилась.¹⁴ Объясняется это, по-видимому, тем, что в 1675 г. был издан указ, согласно которому все привозимые в Москву книги подвергались строгой цензуре.

¹³ А. С. Зернова. Начало книгопечатания..., стр. 62.

¹⁴ Сведения о торговле украинскими книгами в Москве взяты из статьи В. Эйнгорна «Книги Киевской и Львовской печати в Москве в третью четверть XVII в.» (Книговедение, IX и X. М., 1894, стр. 3—19).

Результаты обмена печатной продукцией между Россией и Украиной можно проследить по изменениям в составе фондов ряда личных и церковных библиотек XVII в., описи которых сохранились до наших дней. Если в конце XVI в. книги «литовской» печати насчитывались единицами даже в собраниях крупных и богатых монастырей,¹⁵ то в XVII в. процент книг западнорусской и киевской печати значительно вырос, достигая в отдельных случаях весьма внушительных размеров.

В описи Свяжского Богородицкого мужского монастыря, составленной в 1614 г., значится, что в монастырской библиотеке хранилось 258 книг, 30 из которых было русской, а 5 «литовской» печати.¹⁶ Уже в первой трети XVII в. книги «литовской» печати проникали в отдаленные уголки страны. Так, например, в новгородской писцовой книге за 1628—1629 гг. записано, что в церкви Николая Чудотворца в поселке на Видле-озере имелось 6 книг, из которых две были рукописные, одна московской и три «литовской» печати.¹⁷ В церкви Успенье в деревне Наган на волоке Онкудинки Кононова было 6 книг, в том числе 4 письменных и две «литовской» печати.¹⁸ Из описи книг патриарха Филарета, произведенной 25 августа 1630 г., следует, что из 298 книг русской печати было 116, «литовской» — 47, немецкой — одна и греческой печати — одна книга.¹⁹ В пределе Усекновения головы Иоанна Предтечи Софийского собора в Новгороде на рубеже 30-х и 40-х годов, кроме 19 письменных книг, имелся один Апостол «литовской» печати.²⁰ 31 июля 1658 г. по распоряжению Алексея Михайловича была составлена переписная книга домовый казны Никона, в которой получена отражение огромная библиотека патриарха. В собрании этого крупного церковного деятеля середины XVII в. хранилось 1297 книг. Из 986 печатных книг, указанных в описи, русской печати было 255, «литовской» — 14, киевской — 228 и, наконец, виленской — одна книга. Книги киевской печати закупались Никоном большими партиями, так как в описи отмечены хранившиеся вместе 89 псалтырей, 90 канунников и 42 полуустава, отпечатанных в Киеве.²¹

В июне 1676 г. дьяк Алмаз Чистый произвел опись Соловецкого монастыря. Вместе с другими видами движимого и недвижимого имущества были инвентаризованы книги. Всего их оказалось 1478 единиц, из которых 530 были печатных. Среди печатных книг находились 39 изданных в Киеве и 8 острожских Библий.²²

Большой интерес для изучения русско-украинских культурных связей имеет история текста недавно обнаруженного львовского Букваря 1574 г. Этот выдающийся памятник русской культуры XVI в. был составлен Иваном Федоровым по русскому рукописному сочинению «Книга глаголемая буквы». Все последующие буквари, включая «Первое поучение от-

¹⁵ Опись книг Иосифо-Волоколамского монастыря 1573 года, стр. 2.

¹⁶ Опись Свяжского Богородицкого мужского монастыря, составленная в 1614 году. Сообщение Н. И. Суворова. Известия Имп. археологического общества (ИАО), т. IV. СПб., 1863, вып. 6, стлб. 560—569.

¹⁷ Описи новгородских церквей по писцовой книге по Новгороду в 1628—1629 годах. Составлено Н. И. Ивановым. ИАО, т. III. СПб., 1861, вып. 5, III, стлб. 362.

¹⁸ Описи новгородских церквей. . . , VI, стлб. 364.

¹⁹ Опись книг патриарха Филарета Никитича, учиненная 7138 (1630) года, августа в 25 день. Описание Государственного архива старых дел. Составлено П. Ивановым. М., 1850, Прилож. II, стр. 287—295.

²⁰ Отрывки из описи новгородского Софийского собора первой половины XVII века. Доставил И. К. Куприянов. ИАО, т. III. СПб., 1861, вып. 5, V, стлб. 386.

²¹ Переписная книга домовый казны патриарха Никона. Сообщение И. Д. Беляева. ВОИДР, М., кн. 15, 1852, отд. II, Материалы, стр. 1—134.

²² Библиотека и архив Соловецкого монастыря после осады (1676 г.). ЧОИДР, М., 1887, кн. 1—2, отд. V, Смесь, стр. 1—80.

рокам» Феофана Прокоповича 1721 г. и даже учебник вполне светского содержания — «Юности честное зерцало», построенны по принципу Букваря Ивана Федорова. Основываясь на данных, опубликованных Барникотом и Симмонсом,²³ Т. А. Быкова приводит шесть букварей, изданных в Вильно, Остроге и других городах в конце XVI и в XVII в., которые повторяли издание Ивана Федорова.²⁴ С Азбуки Федора Бурцева 1634 г. львовский Букварь 1574 г. начинает переиздаваться в Москве. Седьмым повторением Букваря 1574 г. является Грамматика, напечатанная старообрядцами в Супрасле в 1781 г.

Помимо обмена книгами, имели место переходы мастеров печатного дела и, отчасти, перенос оборудования печатных дворов. Так, в 1654 г. монахи Кутейнского монастыря (около Орши), опасаясь репрессий со стороны польских властей, вместе с оборудованием свдзей типографии переехали в Россию, где основали в Иверском монастыре на Валдае новый печатный двор.

* *
*

Влияние русской культуры, и в том числе русского книгопечатного искусства, сказалось не только в Белоруссии и на Украине. Славянские народы Балканского полуострова всегда получали помощь и поддержку из Москвы. Русские цари в XVI и XVII вв. уделяли большое внимание восстановлению и поддержанию в Болгарии православных церквей и монастырей. Русские рукописные и печатные книги проникали даже в западную Болгарию и Македонию. Не случайно в болгарских церквях в XVI в. пели за здравие русского царя Ивана Грозного, которого царьградский патриарх Иоасаф в 1558 г. называл «надеждой и упованием всех христианских народов». Старопечатная русская книга получила такое распространение в Болгарии, что еще в начале XX столетия в болгарских церквях и монастырях М. Н. Сперанский встречал большое количество русских печатных книг XVI—XVII вв., по которым совершалось богослужение. Широкое распространение на Балканах получила Острожская библия Ивана Федорова.²⁵

Современный болгарский ученый Никола Мавродинов, специально занимающийся вопросами взаимосвязей русского и болгарского искусства, пишет, что в ряде церквей и монастырей Болгарии и по сей день сохранились русские старопечатные книги. Так, например, в Зографском монастыре хранится «многоценное» русское евангелие, подаренное гетманом Иваном Самойловичем в 1672 г.; в храме Параскевы в Софии имеется полная Острожская библия, в библиотеке Рьльского монастыря русское учительное евангелие 1691 г. и другие старопечатные русские книги. По мнению Н. Мавродинова, русские печатные книги XVI—XVII вв. оказали определенное влияние на болгарское иконописание, в котором появились новые, неизвестные ранее иконографические сюжеты.²⁶ Русская книжная традиция была настолько сильной, что воздействие ее сказывалось еще в XIX в. Так, в 1846—1851 гг. болгарин Фотинов, издавая

²³ J. D. Barnicot and J. S. C. Simmons. Some unrecorded earlyprinted slavonic books in English libraries. Oxford Slavonic Papers, vol. II, 1951, стр. 98—118.

²⁴ Т. А. Быкова. Место Букваря Ивана Федорова среди других начальных учебников. ИОЛЯ, 1955, т. XIV, вып. 5, стр. 469—473.

²⁵ М. Н. Сперанский. Иван Федоров и его потомство. Труды Московского археологического общества, т. 23, вып. 2. М., 1914, стр. 86—88.

²⁶ Никола Мавродинов. Връзките между Българското и руското изкуство. Наука и изкуство. София, 1955, стр. 54—55. См. также: Николай М. Дилевски Редки руски книги в Български книгохранилища от епохата на възрождането. Български език, т. V, 1955, кн. 4, София, стр. 319—328.

в г. Смирне свой политический орган «Любословие», печатал его церковно-славянской русской кириллицей

Русская книга получила широкое распространение в Сербии. Любомир Стоянович, опубликовавший большое количество записей и надписей на книгах, бытовавших у южнославянских народов, документально доказал, что русские рукописные и печатные книги начали проникать в Сербию уже с середины XVI в.²⁷ Так же как и в Болгарии, в сербских церквях еще в начале XX в. службы часто совершались по русским печатным книгам XVII столетия.²⁸

Весьма ощутимым было русское влияние в области книжного дела среди славянского населения Австро-Венгрии В конце XIX в. австрийские власти предпринимали специальные попытки вытравить у своих подданных Боснии и Герцоговины русское влияние, заменив русскую книгу австрийской. В 90-х годах XIX в. по распоряжению правительства Живановичи издали ряд книг (два Евангелия, Апостол, служебники, требники и т. д.) на славянских языках Однако эти мероприятия не достигли намеченной цели, так как все изданные книги имели в своей основе киевские или московские издания, а не древнесербские или австрийские. Книги были подвергнуты тщательной цензуре, из них старательно вычеркивалось все русское, но шрифт их прямо подражал московскому, в святцах сохранились русские «памяти» (Иосиф Волоцкий, Федор Смоленский, Пафнутий Боровский, Дмитрий Вологодский и др.).²⁹

Определенную помощь в деле основания и развития своего книгопечатания получили из России также народы Румынии. Одна из наиболее значительных румынских типографий XVII в. была основана украинским друкарем Т. А. Вербицким в местечке Долгое Поле в Молдавии.³⁰ В середине XVII в. в Румынии печатал Иван Кунатович «друкаръ рус». ³¹ В 1697 г. в Румынии была перепечатана Грамматика Мелетия Смотрицкого с московского издания 1648 г. Издана она была, по-видимому, в Терговице иеромонахом Антимом Типографом.³² Румынские печатные книги XVII в., хранящиеся в Государственной Публичной библиотеке в Ленинграде, приводят к убеждению, что в православной Румынии книжная орнаментика Ивана Федорова получила широкое распространение. Традиционная лубочная румынская книжка вплоть до XX в. часто печаталась старой кириллицей московского дела.

В Москве зародилось также и грузинское книгопечатное искусство. В самом начале 1703 г. Петр I отдал распоряжение печатать на Московском печатном дворе книги на грузинском языке. Это распоряжение вызвало полное сочувствие всей грузинской колонии в Москве. Вскоре была организована грузинская типография, в которой в 1705 г. была издана первая грузинская печатная книга — «Псалмуни», являющаяся одним из старейших памятников грузинской печати. В этой типографии, кроме духовных, издавались также и светские книги.³³ В художественном оформлении грузинских книг, изданных в Москве, хорошо прослеживаются русские орнаментальные мотивы.

²⁷ Л. Стојановић. Старч српски записи и натписи, кн I Београд, 1902 №№ 586, 633, 775, 1043, 1984 и др.

²⁸ М Н Сперанский Иван Федоров и его потомство, стр 87

²⁹ М Н Сперанский Иван Федоров и его потомство, стр. 88

³⁰ Г И Коляда Из истории русско-украинских друкарских связей в XVI—XVII вв., стр. 23.

³¹ Анфологион Долгое Поле, 1643, Послесловие

³² Николай М Дилевски Редки руски книги , стр 322, прим. 3

³³ Вл Татишвили Грузины в Москве. Тбилиси, 1950, стр. 117; Г. В. Хачапуридзе Об историческом значении присоединения Грузии к России Вопросы истории, М., 1954, № 5, стр. 101.

* *
*

По-другому складывались культурные связи России со странами северо-западной Европы. Если в Болгарии, Сербии и других странах Балканского полуострова русские встречали этнически близкое население, исповедующее православие, то на западе и северо-западе Европы были расположены государства, население которых не только отличалось от русских по культуре и языку, но и по религии. Москвичи XVI в. довольно настойчиво относились к иноземцам. Естественно, что книжная продукция католических и лютеранских стран не могла найти широкий сбыт в Москве.

В настоящее время, видимо, не удастся более или менее точно установить список названий печатных западноевропейских книг, попадавших в Москву в XVI в. Сведения о составе монастырских и частных библиотек этого периода не позволяют ответить на поставленный вопрос.

В литературе встречаются отдельные указания на попытки западноевропейского мира ввозить и распространять в Москве свои печатные книги. Однако каждый раз эти попытки были связаны с очередной идеологической агрессией католической или лютеранской церкви и поэтому были заранее обречены на противодействие. Наиболее ранняя из них относится еще к концу XV в. Протестантский пастор г. Любека Реймар Кок (1500—1569 гг.), автор «Любекской хроники», утверждал, что любекский типографшик Варфоломей Готан был в большой милости у великого князя Ивана III и поставлял ему книги. Из текста хроники можно предположить, что книги эти были религиозного католического содержания и были напечатаны на латинском и славянском языках.³⁴

Летом 1552 г. в Москву прибыл Ганс Миссенгайм — миссионер датского короля Христиана III, ревностного поборника лютеранства. Он привез с собой Библию и два догматических сочинения реформаторской церкви — аугсбургское исповедание и малый Лютеров катехизис, переведенный и напечатанный на славянском языке Примусом Трубером в 1550 г. Из сопроводительного письма Христиана III следует, что Ганс Миссенгайм собирался основать в Москве типографию для печатания лютеранских книг.³⁵

П. В. Владимирову удалось обнаружить в различных рукописных памятниках северо-восточной Европы XVI в. переводы предисловий и отрывков из книг, изданных Франциском Скориной. Анализ этих переводов дал П. В. Владимирову право утверждать, «что уже в половине XVI века в Москве, в северо-восточной России были известны почти все печатные книги Скорины, включительно с Апостолом 1525 года».³⁶

В начале 60-х годов XVI в. на базе чешской типографии Франциска Скорины в городе Несвиже была организована типография Симона Будного, где в 1562 г. был издан лютеровский катехизис, имевший целью проповедь основ лютеранского учения среди славянского населения юго-восточной Европы.

В 1561—1563 гг. в городах Тюбингене и Урахе Примусом Трубером было предпринято издание церковно-славянских книг с целью проповеди

³⁴ С. В. Арсеньев. О Любском типографшике Варфоломее Готане, бывшем в Москве в XV веке. ЧОИДР, М., 1909, кн 4, отд IV, Смесь, стр 17—20; П. Н. Берков. Кто был Бартоломей Любчанин? Сб. «Иван Федоров первопечатник». М.—Л., 1935, стр. 97—99.

³⁵ И. Снегирев. О сношениях датского короля Христиана III с царем Иоанном Васильевичем касательно заведения типографии в Москве. Русский исторический сборник, т. IV, кн. I. М., 1840, стр. 117—131

³⁶ П. В. Владимиров. Доктор Франциск Скорина, стр. 243—244.

лютеранства среди хорватов. Кроме того, эти книги предназначались для Москвы. Тюбингенские издания поддерживались влиятельными протестантскими кругами в Германии.³⁷

14 апреля 1625 г. шведский король Густав Адольф издал указ организовать в Стокгольме славянскую типографию для распространения лютеранского вероисповедания в пограничных со Швецией русских районах. В этой типографии был дважды отпечатан лютеровский катехизис.³⁸

Интересный материал для истории культурных связей России со странами Западной Европы в XVI в. дают сами русские старопечатные книги. Исследователи давно установили, что ряд художественных особенностей, а также других деталей оформления московских печатных книг XVI в. восходят к западноевропейским образцам. Так, например, В. Е. Румянцев³⁹ и немецкий историк книги Курт Таутц⁴⁰ отмечали присутствие итальянского влияния в московских первопечатных изданиях. В противоположность В. Е. Румянцеву и К. Таутцу А. И. Некрасов считал, что орнаментация русских первопечатных книг имела своим источником немецкие издания.⁴¹ Академик М. Н. Тихомиров доказывает, что оформление Апостола 1564 г. носит западный характер, и усматривает в нем близость к южнославянским и венецианским изданиям.⁴² И. В. Новосадский полагал, что образцы для русских первопечатных книг следует искать в южнославянских, и прежде всего в венецианских, изданиях Божидара Вуковича.⁴³

Не вдаваясь в подробности этого сложного вопроса, можно, по-видимому, утверждать, что русские книгопечатники были достаточно хорошо знакомы с продукцией типографий ряда стран Западной Европы. Имеются основания предположить, что пионеры русского печатного дела познакомились с западноевропейскими печатными книгами не за границей, а именно в Москве. Если бы они учились непосредственно у западноевропейских мастеров или изучали технологию печатания за границей, то, естественно, использовали бы более рациональный европейский способ печатания с двух наборных досок в два приема, а не печатали с одной наборной доски двухцветные оттиски за один прием.⁴⁴ Это интересное полиграфическое наблюдение А. А. Сидорова является лишним доказательством того факта, что западноевропейские печатные книги действительно бытовали в Москве уже в XVI в.

Иная картина наблюдается в XVII столетии. Вместе с общим оживлением связей с зарубежными странами значительно увеличился обмен печатными книгами. Обращает на себя внимание светское содержание большинства ввозимых в Россию иностранных книг. Встречаются сочинения по истории, юриспруденции, военному делу, медицине, космографии, астро-

³⁷ В. Е. Румянцев. Иван Федорович — первый русский книгопечатник. М., 1871, стр. 4.

³⁸ Евгений митрополит, Болховитинов]. О славяно-русских типографиях. Вестник Европы, М., 1813, ч. LXX, № 14, раздел II, стр. 120.

³⁹ В. Е. Румянцев Иван Федорович — первый русский книгопечатник, стр. 16—18.

⁴⁰ Kurt Tautz. Zur Einführung der Buchdruckerkunst in Russland. Zentralblatt für Bibliothekswesen, Leipzig, 1914, H. 3, März, стр. 120—121.

⁴¹ А. И. Некрасов. 1) Книгопечатание в России в XVI и XVII вв. Сб. «Книга в России», ч. I, ГИЗ, 1924, стр. 89—90; 2) Первопечатная русская гравюра. Сб. «Иван Федоров первопечатник». М.—Л., 1935, стр. 73—93.

⁴² М. Н. Тихомиров. Начало московского книгопечатания. Ученые записки Московского гос. университета, вып. 41, История, т. I, 1940, стр. 90.

⁴³ И. В. Новосадский. Возникновение печатной книги в России в XVI в. Сб. «Иван Федоров первопечатник». М.—Л., 1935, стр. 38—39.

⁴⁴ А. А. Сидоров. Древнерусская книжная гравюра, стр. 41—42.

номии, астрологии, сочинения античных авторов, грамматики, лексиконы и др.

Вполне объясним сравнительно небольшой процент богословских книг, так как сочинения религиозного содержания, напечатанные в католических или протестантских странах, не могли не вызвать настороженное или даже враждебное отношение у москвичей. В Россию попадали издания типографий Базеля, Венеции, Кельна, Кракова, Парижа, Флоренции и других городов Западной Европы. Встречаются книги, отпечатанные на латинском, немецком, итальянском, польском, греческом и других языках.

Следует отметить, что в первой половине и середине XVII в. издания на греческом языке как богословского, так и светского содержания получили довольно широкое распространение в России. Так например, в библиотеке патриарха Никона, насчитывавшей в 1658 г. 1297 печатных и рукописных книг, имелось 418 греческих и 70 греко-латинских печатных изданий. В этой весьма крупной для своего времени библиотеке, помимо богословской литературы, хранились сочинения Аристотеля, Плутарха, Гомера, Гесиода, физиологи, лечебники, травники, словари, грамматики, хронографы и другие издания светского содержания.⁴⁵

Тематический состав книг, находившихся в частных руках, сам по себе имеет большое историко-культурное значение, так как достаточно ярко отражает многогранность и широту интересов передовых деятелей русского просвещения середины и второй половины XVII в. Имеются некоторые данные о разнообразных по тематике и различных по языку иностранных книгах в составе библиотек Симеона Полоцкого, Сильвестра Медведева, Арсения Грека, Дионисия Грека, старца Евфимия и ряда других. Иностранные книги были у «справщиков» (редакторов) Московского печатного двора — Никифора Симеонова, Арсения Суханова, иеромонаха Тимофея.⁴⁶ Помимо частных собраний, печатные книги находились в Печатном дворе, в Посольском приказе, у царя.

Иностранные печатные книги проникали в Москву различными путями, но чаще всего через Польшу. Некоторые из них попадали через столетие после их выхода в свет. Значительная часть иностранных книг попала в Россию в составе личных вещей тех или иных деятелей культуры, переселившихся во второй половине XVII в. в Москву из юго-западной Руси (Епифаний Славиницкий, Арсений Грек, Симеон Полоцкий и др.). Западноевропейские книги проникали в Россию вместе с пленными в период Ливонской и других войн. По-видимому, имели место также организованные закупки книг для нужд Печатного двора, для Посольского приказа, для государя. Имеются сведения, что иностранные печатные книги можно было купить в Москве в Бумажном ряду, например у торгового человека Мартына Юрьева,⁴⁷ в Новгороде Великом.⁴⁸

В заключение следует отметить, что иностранных печатных книг в России в XVII столетии было все же относительно мало. Значительные изменения в этом вопросе, происшедшие в конце XVII в., были связаны с началом Петровских реформ.

⁴⁵ Опись книг патриарха Никона... В кн.: Описание Государственного архива... стр. 118—131, 131—133 и др.

⁴⁶ В. Погорелов. Библиотека Московской Синодальной типографии. Часть вторая. Печатные книги. Выпуск первый. Иностранная книги XV—XVI вв. (1485—1538). М., 1903, стр. VII+57; А. Покровский. Библиотека Московской Синодальной типографии. Часть вторая. Печатные книги. Выпуск второй. Иностранная книги XVI в. (1539—1570). М., 1912, стр. XXIV+192+4.

⁴⁷ В. Погорелов. Библиотека Московской Синодальной типографии, стр. 50

⁴⁸ Опись книг патриарха Никона... стр. 133.

В последние годы ряд исследователей на Западе проделали большую работу по выявлению русских старопечатных книг, обнаруженных в частных руках и государственных собраниях Западной Европы. В 1951 г. Леннерт Чьелберг составил список славянских книг XVI—XVII вв., хранящихся в библиотеке Упсальского университета, часть из которых неизвестна в России.⁴⁹ Из 154 славянских книг XVI—XVII вв. не менее 97 издано в Москве в XVII в. В 1951 г. английские исследователи Барникот и Симмонс опубликовали интереснейший перечень 19 русских изданий, вышедших не позднее половины XVII столетия и обнаруженных в библиотеках Оксфордского и Кембриджского университетов, а также в других собраниях и частных руках. Книги эти не известны в библиотеках СССР. Из 19 приведенных книг 3 были изданы в Москве. Это часовники 1618, 1626 и 1650 гг.⁵⁰

В одном из последних выпусков бюллетеня библиотеки Харвардского университета Р. Якобсон опубликовал обстоятельную статью, посвященную недавно обнаруженному львовскому Букварю Ивана Федорова.⁵¹ В королевской библиотеке в Брюсселе хранится экземпляр федоровского Часовника. В. С. Люблинский высказывает предположение, что единственный полный экземпляр этого Часовника находится ныне в собрании С. Лифаря.⁵²

Характерно, что почти все найденные книги — небольшого формата, дешевые и по преимуществу не церковно-служебные. Значительное место среди них занимают азбуки, буквари, часовники, т. е. книги, по которым обучали грамоте. Кроме этих книг, широко представлены псалтыри, апостолы, евангелия и, наконец, библии, составлявшие второй круг книг для чтения. Следовательно, перед нами школьно-учебные пособия, хотя и не совсем светские по содержанию.

В настоящее время невозможно установить историю всех русских книг, обнаруженных за границей. Однако уже теперь можно утверждать, что большинство из них оказалось за рубежом уже в XVII в. В России эти книги, особенно азбуки, буквари и часовники, быстро «зачитывались» и заменялись новыми изданиями. Они не являлись предметом бережного хранения и поэтому не были известны уже библиофилам XVIII и XIX столетий. Подобное положение имело место и на Западе, где крайне редко встречаются первопечатные донаты или дешевые ксилографические картинки начала XV в.

Старопечатные русские азбуки, буквари и часовники в качестве учебного пособия могли оказаться в руках иностранца — купца или дипломата, изучавшего по ним русский язык и письмо. Вместе с ними русские книги попадали за границу, где тщательно хранились как сувениры из далекой Московии. Не случайно, что среди 16 известных букварей, вышедших в России до 1652 г., 9 представлены только в зарубежных коллекциях.⁵³

⁴⁹ Lennart Kjellberg. Catalogue des imprimés slaves des XVI-e, XVII-e et XVIII-e siècles conservé à la Bibliothèque de l'université Royale d'Uppsala, Uppsala 1951, отдельный оттиск, стр. 1—37.

⁵⁰ J. D. A. Barnicot and J. C. Simmons. Some unrecorded early printed slavonic books in English libraries, стр. 98—118, рис. 8.

⁵¹ Roman Jakobson. Ivan Fedorov's Primer: N. A. Jackson. Appendix. Harvard Library Bulletin, vol. IX, Winter 1955, № 1, Cambridge, Massachusetts, стр. 1—45+12 листов таблиц.

⁵² В. С. Люблинский. Выдающийся памятник русской культуры — Львовский букварь Ивана Федорова 1574 г. Судьба памятника и его значение в истории отечественного книгопечатания. ИЮЛЯ, 1955, т. XIV, вып. 5, сентябрь—октябрь, стр. 463.

⁵³ В. С. Люблинский. Выдающийся памятник русской культуры..., стр. 463.

Иностранцы использовали для изучения русского языка не только пособия, изданные в России. Известно, например, что в 1696 г. в Оксфорде была отпечатана русская грамматика.⁵⁴

Итак, славянские кирилловские книги, изданные в России в XVI—XVII вв. и обнаруженные за пределами нашей родины, книги, изданные в типографиях Западной Европы и находящиеся в библиотеках СССР, являются вещественными памятниками широких международных культурных связей России в XVI—XVII столетиях.

⁵⁴ Е[вгений митрополит, Болховитинов]. О славяно-русских типографиях, стр. 120.

М. Д. КАГАН

Легендарная переписка Ивана IV с турецким султаном как литературный памятник первой четверти XVII в.

В сборниках XVII в. дошло до нас любопытное произведение из ряда «подложных», представляющее собой переписку царя Ивана Васильевича с турецким султаном.

Содержание Переписки таково: турецкий султан обращается к молодому Ивану IV якобы в 1546 г. с требованием прислать оброчную казну за 12 лет, не взимавшуюся во время малолетства Ивана. При этом султан называет русского царя «ратаем и тележным поганатаем», своим ясельничим, в некоторых списках Переписки даже слугою. Султан кичится своей грозной силой и требует от Ивана полной покорности, замечая при этом, что всех областей цари «повиновение» ему творят и лишь русский царь один хочет быть ему противником. Если Иван не покорится, не будет чествовать султанских послов — «поклисаров» и не пришлет дани, султан пошлет на него «гнев свой с великою яростию», не велит «утолить меча своего», велит область русскую «мечному посечению предать». Ответ Ивана полон иронии, он не велит казнить послов с дерзким посланием, а приказывает своему конюшему боярину слушать дело о выходной казне и оброках. Он поступает милостиво по отношению к неверному султану и его неверным послам, ибо рассудил своим «царским смыслом», что султан послал дерзкую грамоту «от неверия младоумием своим и с недовершенным возрастом своим не сметився», да и потому что находится далеко от русского царя и его силы и не «мнит себе супротивника». Вот если бы султан был близ «нашего царства, православного державства», русский царь тогда бы «неверному державству повиновение творил, дани и оброки посылал». Во-первых, он послал бы турецкому султану своего малого слугу воеводу с данью — мечом и «неунятою» саблею, неверный султан от этой дани скрылся бы в горы каменные. Во-вторых, послал бы ему от своей казны оброк — пушки и скорострельные пищали, от которых султан и в горах бы не укрылся. В-третьих, послал бы послов своих, которым велел править посольство, захватить султана живым в плен. В державе султана царь утвердил бы православие, разрушил бы палаты и камнями побил бы его думцев. Русский царь может совершить все обещанное, так как он укреплен и защищен православной верой. Как пример помощи бога христианам приводит автор легенду о вывозе фрягами из Царьграда мощей Иоанна Златоуста и гибели турецкого воеводы Козята.

Переписка неизвестна в числе дипломатических посланий, принадлежащих перу Грозного. Она отличается от настоящих дипломатических посланий неконкретностью своего содержания. В ней рассказывается о русско-турецких отношениях вообще, но нет упоминаний о каких-либо реальных фактах русско-турецких дипломатических отношений XVI в. Историче-

ские реалии Переписки крайне слабы, они не идут дальше намеков; имеется намек на то, что Василий III давал обязательство платить туркам дань, намек на правление бояр во время малолетства Ивана IV. В произведении соединены черты турецкого султана и крымского хана, ибо слова «невольный обдержатель» и «посаженный градарь и послушатель», исполняющий то, что ему велят цареградцы, могут быть поняты только по отношению к крымскому хану — «посаженику» (вассалу) турецкого султана.

Отсутствие в Переписке исторической конкретности, наличие в ней целого ряда легендарных элементов и тот факт, что она не принадлежит перу Грозного, свидетельствуют, что перед нами нарочито вымышленное произведение, литературный характер которого был несомненно ясен его читателям.

Вымышленная переписка Ивана IV с турецким султаном не рассматривалась исследователями в качестве самостоятельного литературного произведения. Определение ее «подложной», не принадлежащей к числу произведений самого царя, не являющейся действительным дипломатическим документом как бы заранее лишало Переписку права занять место в ряду литературных произведений, изучаемых филологами. А. Н. Попов, опубликовал несколько измененную редакцию Переписки, находящуюся в хронографе 1696 г.¹ В этой хронографической редакции Переписка включена в число однотипных вымышленных дипломатических грамот, относящихся к 70-м годам XVII в. Не зная, по-видимому, о наличии Переписки в списках первой четверти XVII в., А. Попов создал гипотезу об одновременном написании всех грамот цикла, в том числе и Переписки, в конце XVII в.² На публикации Попова и на его гипотезе основывается А. Н. Робинсон при разборе жанра Поэтической повести об Азове, проводя параллели между Поэтической повестью и грамотами цикла. Для нас особенно важно наблюдение А. Н. Робинсона о сходстве «жанровых особенностей» и «стилистических мотивов» Переписки с Поэтической повестью об Азове.³

Вопрос о датировке Переписки сложен. В пределах данной статьи его не удалось решить четко и пришлось ограничиться довольно общими предположениями. Сюжет Переписки, как мы увидим в дальнейшем, во многом зависит от документов Посольского приказа XVI в., следовательно, появление самого сюжета можно отнести к XVI в. Труднее сказать, когда именно бранная дипломатическая переписка была положена в основу литературного произведения. Вероятно, на этот сюжет были в кругах Посольского приказа написаны какие-либо произведения, не дошедшие до нас. Об этом можно судить, опираясь на версию этого же сюжета, рассказанную Исааком Массой⁴ и отличающуюся от версии, которая дошла до нас в сборниках первой четверти XVII в.

Турецкий султан Селим, рассказывает Исаак Масса, отправил письмо в Москву к Ивану, называя его в знак «особой милости» своим конюшим, указывая, что его отец скончался, оставив его малолетним. Из благоволения султан не обременял Ивана, ожидая, пока он достигнет совершеннолетия и станет управлять москвитями. Теперь султан требует уплатить дань без всякого промедления за все прежние годы, со времени смерти Василия Ивановича, который был всегда послушен и верен султану. Письмо было получено великим князем Иваном Васильевичем, велевшим

¹ См.: Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. Собрал и издал А. Попов. М., 1869, стр. 448—452.

² А. Попов. Обзор хронографов русской редакции, вып. 2. М., 1869, стр. 227—229.

³ А. Н. Робинсон. Жанр поэтической повести об Азове. ТОДРА, т. VII, М—Л., 1949, стр. 109.

⁴ Исаак Масса. Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 г. М., 1937, стр. 27—28.

приготовить в подарок султану крысью шкуру и мех чернубурой лисицы, обритой догола. Так как подарки, посылаемые московскими князьями иностранным государям, состоят из дорогих мехов, то крысый мех предназначался для одежды султана, а лисий — для его пестрой шапки. Султаны написали, что если он еще раз обратится с подобным требованием, то «конюший» обреет его, как эту лисицу, и прикажет московским ратям разорить его страну. Особенности легенды Исаака Массы, целиком посвященной истории дипломатического конфликта, с упоминанием русской традиции посольских подарков мехами, с угрозами, скрытыми в вежливых дипломатических выражениях, дают возможность предположить, что Исаак Масса слышал ее в кругах, связанных с Посольским приказом. Возможно, что эта редакция бытовала и в виде устной легенды.

Как бы то ни было, ясно, что легенда Исаака Массы повторяет тот же сюжет, что и в Переписке, причем послание султана точно совпадает с посланием Переписки, и не случайно, так как в основе этой части произведения и у Исаака Массы, и в Переписке лежит один и тот же документ из числа дипломатических грамот Посольского приказа: подлинная грамота крымского хана Сагиб-Гирея, посланная молодому Ивану IV.

На всем протяжении первой половины XVI в. с именем Сагиб-Гирея связана резко враждебная Московскому государству политика феодальных группировок Крыма и Турции. Уже в 1518 г. Сагиб-Гирей выступает как крымский ставленник на казанский престол и соперник московского кандидата — царевича Шах-Али. Занять казанский престол Сагиб-Гирею удалось только в 1521 г., свергнув Шах-Али путем вооруженного переворота, при поддержке крымского хана Мухаммед-Гирея, турецкого султана Сулеймана I и антимосковских группировок в самой Казани. В 1524 г. Сагиб-Гирей «заложился» за султана, т. е. отдал Казанское ханство Турции в вассальную зависимость, что было началом поворота русско-турецких отношений от мирных к враждебным. Теперь выступления русских против Казани, осуществление права сажать в Казани своих ставленников означало непосредственное столкновение с интересами Турции.⁶ Однако удержаться в Казани Сагиб-Гирею не удалось. В том же 1524 г. он принужден был бежать в Крым в результате большого военного похода на Казань Василия III. В это время он был крымским калгою. В 1533 г., после очередных династических усобиц в Крыму, турецкий султан назначает Сагиб-Гирея крымским ханом.⁷

Дипломатические грамоты Сагиб-Гирея отличались резкостью и грубостью. Биограф Сагиб-Гирея, Кайсуни-задэ Недаи, или, как его называют, Раммал-ходжа, писал в своих Тарихах Сагиб-Гирей-хана, что хан был «зол и надменен с подчиненными, не жаловал послов».⁸ Еще будучи калгою, в 1525 г., Сагиб-Гирей требовал у царя присылки больших «поминок», грозя, что в противном случае «готов на него»: «и ты бы тех ко мне наборзе прислал с первым гонцом, с легким поминком, с тяжелым поклоном».⁹ В Москве послание в таком тоне расценили как писанное «не по при-

⁵ В тексте Исаака Массы сказано «московским крысам», однако нам кажется, что дело здесь в неправильном переводе: Исаак Масса мог воспринять русское слово «рать» как голландское *rat* (мн. *ratten*) — «крыса» (см. Исаак Масса. Краткое известие... стр. 27—28).

⁶ И. И. Смирнов. Восточная политика Василия III. Исторические записки, № 27. М., 1948, стр. 53—54.

⁷ И. И. Смирнов. Восточная политика Василия III, стр. 61.

⁸ Тарихи Сагиб-Гирей-хана. Рукопись Восточного факультета Ленинградского государственного университета, № 488, лл. 65—66. Приношу свою благодарность научному сотруднику Института востоковедения АН СССР Л. В. Дмитриевой, переведившей мне «Тарихи».

⁹ ГПБ, Эрмитажное собр., № 550/10, лл. 37, 57.

гожу». ¹⁰ В 1539 г. шерстная грамота Сагиб-Гирея не была принята в Москве, по причине помещенных в ней предосудительных статей: об урочной присылке подарков и о включении в союз казанского царя Сафа-Гирея. ¹¹

Грамота, легшая в основу Переписки, относится приблизительно к 40-м годам XVI в. В. Д. Смирнов считает, что она была написана Сагиб-Гиреем в гневе после неудачного похода на Москву в 1541 г. Однако год этот установлен предположительно, так как Раммал-ходжа в «Тарихах» дат не приводит. Точно установить время написания грамоты пока не удалось, так как неизвестно, сохранился ли ее русский перевод XVI в. Ни Карамзин, ни Соловьев, писавшие о дипломатических переговорах Русского государства с Крымом в 40-х годах и использовавшие известные списки Крымских дел (№№ 8 и 9), ничего не говорят о переводе этой грамоты. «Реестр делам Крымского двора с 1474 по 1779 год, учиненный действительным статским советником Николаем Бантышом-Каменским» в 1808 г. и изданный Ф. Лашковым в «Известиях Таврической ученой архивной комиссии», показывает лакуну между делами 1539 и 1545 гг. Текст грамоты нам известен в довольно приблизительно пересказе Раммал-ходжи: ¹² «Проклятый и отверженный беззаконник, московский пахарь, раб мой! Да будет тебе ведомо, что мы намерены были, разграбив твои земли, схватить тебя самого, запречь в соху и заставить тебя сеять золу. Как мои предки поступали с твоими предками, так и я хотел поступить с тобою, даже еще более оказать тебе внимания: я, заковав тебе ноги в колодки, велел бы тебе копать отхожие места. Я бы показал твое значение и сделал бы тебя посмешищем целому миру. Благодарите же всевышнего бога, что у тебя еще остался в этом мире кусок хлеба: тому причину Баки-бек, по вине которого не состоялась переправа через Оку, воссылай за него молитвы. Теперь я сначала убью этого волка, замешавшегося среди моих овец, зарю его в навоз на задворках моего сада, а потом расправлюсь и с тобой». Несомненно, автор Переписки знал эту грамоту и использовал бранные обращения Сагиб-Гирея, изменив их и включив в титул Ивана IV, а также общий характер угроз хана: разграбить земли, пленить самого царя.

С. М. Соловьев упоминает еще о какой-то грамоте с «непригожими» словами, присланной Сагиб-Гиреем в 1539 г. во время переговоров об условиях шерстных грамот. Хан писал, что великий князь молод, в несовершенном разуме. ¹³ В Переписке также встречаются обвинения противников «в младумии», «недовершенном возрасте», «недовершенном разуме». Возможно, что и эти обвинения взяты из переводов татарских грамот. Приведенная грамота не совпадает точно с содержанием послания султана в Переписке. Автор несомненно соединял сюжеты, взятые из целого ряда татарских и турецких грамот, обрабатывал их, дополнял своим вымыслом.

Вопросы, нашедшие отражение в легендарной Переписке, например о присылке подарков, о «честном» приеме послов и другие, были обычными и постоянно поднимались в русско-татарских переговорах. В 1545 г. Сагиб-Гирей писал о присылке «поминок», подарков: «... а чего мы у тебя в за-

¹⁰ ГПБ, 550/10, л. 85 об.

¹¹ См.: Ф. Лашков. Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI—XVII вв. Симферополь, 1891, стр. 7, 25—26; ЛОИЦ, фонд 115, собр. Археографической комиссии, № 364, список XIX в. реестра договоров и грамотам европейских и азиатских дворов, л. 17.

¹² В. Д. Смирнов. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII в. СПб., 1887, стр. 417, ссыла на «Тарихи», стр. 65—66 (вероятно, хысты). В. Д. Смирнов считает существование Переписки (а особенно послания султана) доказательством того, что послание это — не выдумка Раммал-ходжи.

¹³ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, т. VI. М., 1856, стр. 68.

просе просим, и ты того не даешь, малым даваньем хочешь мириться. С нами тебе мириться и ратитца, то у тебя в своих руках. По нашей мысли дашь, и мы помиримся, а непохочешь дати, заратиться похочешь... и то в твоих же руках. Дотоле был ты молод, а нынче уже в разум вшел еси, которое тебе прибылнее и убыточнее и ты знаешь, посмотри, поразсуди».¹⁴ На упрек в плохом обращении с послами Сагиб-Гирей отвечает, что обычай этот ввел отец Ивана, Василий III, уморив в тюрьме татарских послов, Елюку-князя да Ильмязи дувана: «... которые дела над послы не бывали наперед у вас то всчали. Ты того не ведаешь, молод еси. Которые люди ведают, и ты их вступишь, те тебе скажут, что их было согрешенье и вина, что так учинили».¹⁵ Здесь уже знакомое нам пренебрежительное упоминание о молодости русского царя, о необходимости советоваться ему со своими приближенными, которые старше его и больше знают. Султан в Переписке требует, чтобы Иван «спрашивал у прежних советников отца своего», которым было «мочно ведати», «как отец... у нашей силы озоброчен был».

В вымышленных титулах Переписки автор использовал элементы титулования, употреблявшиеся турецкими султанами в грамотах к русским царям. В грамотах 1633—1645 гг. турецкие султаны писали: «Иисусова закона избранному и хвальному и всем назареом по желаниям исполнителю, чести и благодати достойному, честного и хвального государства обладателю, искони вечному нашего богочестного места сильному другу и много добротному великому государю и великому князю»;¹⁶ «Божию милостию во Иисусове законе надо всеми государи хвальному и благодатному... хранителю светлообразному и многих государств государю»; «Великому государю в Иисусове законе избранному в Мессиеве законе преславному и всем назареом желания исполнителю пресветлейшему над государи государю, чести и хвалы достойному честного и славного государства обладателю».¹⁷ Татарский хан Сагиб-Гирей также употреблял образные титулы, близкие к титулам Переписки: «Силы находца, Сагиб-Гирей салтан богатырево слово»; «Победителя Сагиб-Гирей салтан богатырево слово».¹⁸ Автор Переписки, не копируя титулов, сохранил их общий тон, дал также перечисление качеств правителя: «белообразный», «от вышнего присвоенным милосердием», «царьских властелин», «милосердый правитель», «обладатель и повелитель», «божий хранитель» и т. д. В татарских грамотах к турецкому султану, относящихся к 40-м годам XVII в., в титулах писали: «Государь и во царех избранный, сын Мекийсий и светлосияющий Мединский и светаго Иерусалима Беломорский»¹⁹ и Черноморский, восточный и западный, и тамошних городов и земель всех семи стран государь и над цари царь сый высокопрестольнейший, благополучнейший, светлейший и сильнейший, хвальнейший и страшнейший».²⁰ В титулах Переписки сохранен колорит подлинных титулов, но при этом им придан иронический оттенок, благодаря которому все пышные названия выглядят как похвальба султана.

¹⁴ ГПБ, Эрм. 550/13, Дела крымские (соответствует по дате ЦГАДА, Крымские дела, № 9), список XVIII в., л. 21—21 об.

¹⁵ ГПБ, Эрм. 550/13, Дела крымские, л. 22.

¹⁶ Сравниваем с титулованием, зафиксированным в Титулярике 1672 г.: ГПБ, Эрм. 440, л. 193 об.

¹⁷ ГПБ, Эрм. 440, лл. 193 об., 194.

¹⁸ ГПБ, Эрм. 550, лл. 110, 112.

¹⁹ Мраморное море называли Белым.

²⁰ Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI—XVII вв. Известия Таврической ученой архивной комиссии, № 11, Симферополь, 1891, стр. 34—35.

Автор Переписки мог найти в документах ссылки на обычай отца Ивана IV, Василия Ивановича, требование достойного приема послов и «больших» «поминок», дани. В избытке находил он и угрозы разорить страну, пленить царя, который не сможет противиться татарской силе, потому что, сказано в Переписке, «русский воздержатель хощеши один со мною братися, а не возможеши противу меня стояти, потому что в силе твоей стяжания нету и храбрости и конского урищрения».

Карамзин, ссылаясь на Дела крымские, приводит относящиеся к 1538 г. письма Сагиб-Гирея, в которых содержатся угрозы: «примиришься с моею Казанью и не будешь требовать дани с ее народа; но если дерзнешь воевать, то не хотим видеть ни послов, ни гонцов твоих: мы, неприятели, вступим в землю Русскую и все будет в ней прахом»;²¹ «... Государева обычая не держал отец твой как неискусный народ зане же некоторый государь так не делывал»; «Более ста тысячь рати у меня есть, и возьму шед из твоей земли по одной голове, сколько твоей земле убытка будет и сколько моей казне прибытка? Чаешь меня, как предние наши были а се иду... и ты буди готов, яз схоронясь нейду... Твою землю возьму, а ты захочешь мне лиха чинити, на мою тебе землю нейти... с великим царем Магмедом, с упокойником с дедом нашим из Суждала прадед твой Василий бился с ним, да и в руки ему попал».²² Общий тон Переписки напоминает переводы татарских грамот и русские ответы на них. Вот та же грамота 1538 г., приведенная Соловьевым, в более полном виде с ответом русских бояр: «Если пришлешь мне, что посылали вы всегда нам по обычаю, то хорошо, и мы по дружбе стоим. А не придут поминки к нам, всю зиму станешь волочить и откладывать до весны, то мы, надеясь на бога, сами искать пойдем, и если найдем, то ты уже потом не гневайся. Не жди от нас посла, за этим дела не откладывай, а станешь медлить, то от нас добра не жди. Теперь не по-старому с голою ратью татарскою пойдем: кроме собственного моего народа пушечного будет со мной счастливого хана (султана Турецкого) сто тысяч конных людей; я не так буду, как Магмет-Гирей с голой ратью, не думай, побольше его силы идет со мною. Казанская земля мой юрт, и Сафа-Гирей царь брат мне: так ты б с этого дня на Казанскую землю войною больше не ходил, а пойдешь на нее войною, то меня на Москве смотри».²³ Ответ от лица царя писали бояре: «Для тебя, брата моего, и для твоего прошения я удержал рать и послал своего человека к Сафа-Гирею: захочет он с нами мира, то пусть придет к нам добрых людей, а мы хотим держать его так, как дед и отец наш держали прежних казанских царей. А что ты писал к нам, что Казанская земля — юрт твой, то посмотри в старые твои летописцы, не того ли земля будет кто ее взял? Ты помнишь, как цари, потерявши свои ордынские юрты, приходили на Казанский юрт и брали его войнами, неправдами, а как дед наш милостию божиею Казань взял и царя свел, того ты не помнишь! Так ты бы брат, помни свою старину и нашей бы не забывал».²⁴ Переписка сохранила агрессивный резкий тон грамот татарского хана. Ответ Ивана IV в Переписке начинается с вежливого извещения о приеме послов, что соответствует спокойному тону грамоты бояр.

²¹ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. VIII. Изд. 2. СПб., 1819, стр. 39. Приложение № 61 (Дела крымские, № 8, лл. 416—425, 473, 478).

²² Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. VIII, стр. 22—23. Приложение № 82 (Дела крымские, № 8, лл. 490—492).

²³ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, т. VI, стр. 29—30.

²⁴ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, стр. 33—34. Карамзин в т. VI «Истории государства Российского» цитирует этот же документ в нескольких переводах и ссылается на Дела крымские, № 8, л. 480.

Итак, мы видим, что Переписка своими интересами к вопросам внешней политики и посольскому делу, композицией и манерой изложения, отдельными приемами изложения (цветастые образные титулы, брань и угрозы в дипломатической грамоте) соприкасается с документами Посольского приказа. Из них автор черпает темы и формы для своего творчества.

Создавая на основе дипломатических документов свои произведения, авторы из Посольского приказа сознательно сохраняли специфику своих документальных образцов, стремясь придать своему вымыслу правдивую форму. Нам известно уже одно такое произведение — Повесть о двух посольствах, которая написана в форме двух статейных списков.²⁵ В Переписке явно ощущается влияние подлинных татарских грамот. Татарские грамоты могли привлечь русского автора-дипломата не только сюжетом, но и красочностью стиля и языка. Если для дипломатического документа вообще характерна устойчивая формула, то особенно образная формула татарских документов не могла не пленить литературное воображение.

Так, например, об отправлении посла с подарками в татарских грамотах было принято писать, что он идет «с легким поминком, с тяжелым поклоном». О послах говорилось: «Так бы еси выдал в малых днех борзо ко мне, брату моему, старые свои поминки с добрым своим поклоном»;²⁶ «и ваш посол большей к нам идет, а нам к вам, и учнем послы меняться, и друг, услышев то, порадуется, а недруг скорбию побежден будет»;²⁷ «а ты с ним хочешь послати своего большого посла доброго своего человека. Твой бы посол к нам шел, а наш бы посол к тебе шел». О союзе писали так: «как его недруга саблею секу, так же и твоего недруга саблею секу»;²⁸ «и мы тебе правду учиним, саблею своею недруга твоего сечем».²⁹ О согласии между татарскими правителями сообщали формулой: «на одне уста посмотри»;³⁰ «слава богу, ныне земля на одне уста смотрит».³¹ Об установлении мира после усобицы писали: «да с доброю честью и любовью опять познались и земля на одне уста учели смотрити».³² Об укреплении хана на престоле сообщали, что он «на отца своего месте крепко стал своими ногами».³³ Сагиб-Гирей так же образно говорил о своем укреплении на царстве: «ноги у меня поскрепятца».³⁴ Про покоренную землю писали, что она «у коня под ногами» и еще: «недруга твоего королеву землю воевали, города потеряли, посады порушили»;³⁵ «и землю его и людей воевали, и несколько городов разрушили, и посады потеряли, и, бесчисленно полону взяв, к себе поздорову пришли».³⁶

В татарских грамотах встречаются, кроме того, образные выражения, не являющиеся специальными дипломатическими формулами. В грамоте 1528 г. рассказывается о том, как помирились два правителя, Саадет-Гирей

²⁵ См.: М. Д. Каган. «Повесть о двух посольствах» — легендарно-политическое произведение начала XVII в. ТОДРА, т. XI, М.—Л., 1955, стр. 218—254.

²⁶ ГПБ, Эрм. 550/10, л. 281—281 об.

²⁷ ГПБ, Эрм. 550/10, л. 282.

²⁸ ГПБ, Эрм. 550/10, л. 236 (около 1528 г.).

²⁹ ГПБ, Эрм. 550/10, лл. 142 об., 143.

³⁰ ГПБ, Эрм. 550/10, л. 233 об.

³¹ ГПБ, Эрм. 550/10, л. 236.

³² ГПБ, Эрм. 550/10, л. 162 об.

³³ ГПБ, Эрм. 550/10, л. 279 об.

³⁴ ГПБ, Эрм. 550/10, л. 108 об.

³⁵ ГПБ, Эрм. 550/10, л. 162 об. Этот образ знаком также русской литературе, сходный встречаем мы в «Слове о полку Игореве» и в Лаврентьевской летописи: сесть на коня — быть готовым к походу. Его же употребляет Иван Грозный во втором послании Курбскому: «коней наших ногами переехали все ваши дороги» и «иню уж Литве нельзя говорить, что не везде коня нашего ноги были». (Послания Ивана Грозного. М.—Л., 1951, стр. 211).

³⁶ ГПБ, Эрм. 550/10, л. 238.

и Ислам-Гирей: «опосля свое невежество познал, да между себя со царем людей посылали и царево величество, что в которые времена лихие дела деланные, и он ту черность с его лица белым молоком смыл». ³⁷ В грамоте Саадет-Гирея Василию III, улаживающей конфликт с татарскими торговыми людьми, у которых наторгованный ими в Москве товар был взят в казну, сказано так: «Ино бы послом нашим и гостем между нами убытков не было, чтобы сиротина робя и жонка вдова и гостинные караваны ходили бы молвя безо всякого задержания». ³⁸

Подчас татарские грамоты написаны в манере разговорной, как если бы хан сам непосредственно разговаривал со своим адресатом. Возможно, разговорность эта вызвана большой ролью устного слова в дипломатическом деле, получением известий в устной передаче гонцов, необходимостью не писать, а передавать свои речи с послами, или тем, что грамоты диктовались султаном. Саадет-Гирей упрекает Василия III в том, что он не почтил гонцов по старому обычаю: «Одно слово есть: только кто государя почтил и он и собаке его кость покинет. Уже как с нами захочешь в дружбе и в братстве быти и взмолвиши, чтобы добро было, и ты б ныне которые наши гонцы к тебе поехали и ты б их гораздо почтил, а не говорю тебе, чтоб еси их излишне почитал, чтоб еси их почтил, как наперед того по старине их чтили». ³⁹

Русский автор в татарских грамотах ощущал некоторую литературность, отличия их от стиля русских деловых документов. Образные титулы-сравнения, бытовые сценки целиком могли быть перенесены в произведения.

* *
*

Литературная начитанность деятелей Посольского приказа не ограничивалась материалами дипломатических документов. Это были люди, владеющие богатством современной им литературы как религиозной, так и светской. Они принадлежали к той части русского общества, в которую особенно быстро проникали достижения культуры, в которой широко была распространена рукописная и печатная книга. Быстрое восприятие новых веяний литературы и культуры в среде служащих и деятелей Посольского приказа было вызвано в какой-то степени их постоянной связью с границей, с востоком и западом, откуда они черпали новые впечатления. С другой стороны, сам род деятельности воспитывал в них приверженность к традиции, ибо традиционен был посольский ритуал и мало подвергались изменениям формы посольского делопроизводства. Деятельность Посольского приказа опиралась на официальную идеологию и основанную на ней государственную теорию богоизбранности царской власти. Таким образом, с одной стороны, устные легенды, народные сказки, не только русские, но и слышанные за границей, с другой — использующиеся в посольском деле при составлении грамот, для исторических ссылок летописи, хронографы, Степенная и Царственная книги; с одной стороны, чисто светский, деловой характер документов, написанный простым языком, близким местами к разговорному, с другой — религиозный пафос официальных произведений, обильно употреблявшихся формы церковно-славянского языка, — вот источники, на которых формировался литературный кругозор и вкус писателей из среды Посольского приказа. Отсюда и двойственность стиля, присущая произведениям, выходящим из-под пера этих авторов. Мы уже отметили связь Переписки с татарскими и турецкими дипломатическими

³⁷ ГПБ, Эрм. 550/10, л. 238.

³⁸ ГПБ, Эрм. 550/10, л. 227 об.

³⁹ ГПБ, Эрм. 550/10, лл. 225 об.—226.

документами, использованными автором в их русских переводах. Переписка написана также и под воздействием книжной традиции. В Переписке встречаются места, отражающие стиль Степенной книги.

В рассказе Степенной книги Батыевы послы обращаются к Александру Невскому со следующими словами: «Иже в руских держателях пресловущий княже Александре, вем, яко разумно ти есть, иже мне покорил бог многи языки, и вси повинуются державе моей. И паче ли всех един ты не радиши покоритися силе моей. Внимай убо себе, аще мыслиши соблудити землю твою невредиму, то, потыщися немедленню прити до мене и узриши честь и славу царствия моего, себе же и земли твоей полезная приобрящеши».⁴⁰ В Переписке султан, требуя повиновения от Ивана, пишет в своем послании: «вси области силы моя страшатца. . . дани и оброки мне со всех земель дают, все повинуютца мне и во всем послушание творят предо мною, а роздрания ко мне и сетей на мою державу не чинят. . . всех областей цари и князи и градодержатели повинование ко мне творят. . . великую службу ставят предо мною от сотворения миру. А ты, русский воздержатель, хощеси един со мною братися. . . И ты, князь, извесися себе како ти угодно». Автор писал явно под влиянием речи Батыевых послов.

В Степенной книге, в молении новгородцев к Ивану III, читаем: «и сам архиепископ с посадник и со гражданы приидоша к великому князю к Петру святому в Сытино и начаша молити его, дабы своей отчине милость показал, меч бы свой унял и огонь утолил».⁴¹ Выражения «показать милость», «утолить, унять меч» находим и в Переписке. Турецкий султан грозит Ивану: «послю на тя гнев свой с великою яростию, не вею утолити меча своего». В таких же выражениях отвечает султану Иван: «ведомо ти, коли я гнев свой велю утолити и меча не велю удержати». Выражение «учинить милость» в послании Ивана употребляется, как правило, в ироническом смысле — он обещает к пашам султана «милость учинити»: побить их камнями, а тела их «прихоронити псом». В другом же месте Иван «милостиво сотворил» к султану и его послам-поклисарам, не велел послов смертной казни предать.

Совпадения со Степенной книгой не были случайными. Интересно, что в обоих случаях, обращаясь к Степенной книге, автор особо отмечает места, рассказывающие о посольствах, а в первом случае даже о посольстве татарских послов. Такой выбор указывает на его профессиональный интерес к рассказам о посольствах и на особый интерес к событиям русско-татарских отношений, причем борьба с турецким султаном воспринимается как продолжение борьбы с Батыем.

Для произведений Посольского приказа характерны легенды-вставки, связанные с идейным замыслом рассказа. В Повести о двух посольствах это — легенды о сыне мертвой матери и об острове Кипре, в Переписке вставной легендой является история о мощах Иоанна Златоуста. В ней рассказывается о том, как «фряги» откупили у султана жемчугом, золотом и бисером мощи Иоанна Златоуста, находящиеся в Царьграде, чтобы увезти их на Родос. Коварный султан послал в погоню Козята воеводу на корабле, желая отнять мощи. Однако Златоуст потопил турецкий корабль со всем воинством в море. В послании Ивана история эта подтверждает мысль о крепости христианской веры и о преимуществе ее над «неверием» турок. Приводя эту легенду, автор Переписки ссылается на турецкие летописи. «Возри в летописец свой», — пишет он. Утверждение это следует оставить на совести автора, ибо сомнительно, что рассказ о христианских святынях,

⁴⁰ Степенная книга ПСРА, т. XXI, ч. 1, стр. 287

⁴¹ Степенная книга ПСРА, т. XXI, ч. 2, стр. 544

да еще с таким ярко антитурецким содержанием мог находиться в турецких источниках.

Религиозная легенда о мощах Иоанна Златоуста принадлежит к числу произведений книжных и, вероятно, апокрифична, так как ее нет в официальном житии Иоанна Златоуста, не попала она и в Четьи-Минеи. Скорее всего, автор знал ее по русским сборникам. Источником для автора Переписки мог послужить рассказ, известный нам по списку XVI в. из собрания Софийской библиотеки № 1449. Автор дал его пересказ, опустив кое-какие подробности: так, например, безбожный султан велел «великого светильника» «отвесити златом на мериле». Мощи сотворили чудо, так как оказалось, что «осталось на мериле десять золотых против светых мощей его».⁴² Автор избрал для своего неофициального произведения источники также неофициального характера, однако соответствующие его идейным замыслам и литературным задачам.

Читатели и переписчики, вносящие в Переписку свои добавления, чувствовали, по-видимому, наличие книжного элемента в произведении и дополняли его книжными же источниками. Так, в некоторых списках мы читаем добавление, имеющее много общего с формулировками Степенной книги. Иван, говоря, что не может терпеть служительства неверных дьяволу, обращается с увещанием: «что б вы обратились ко истинному крещению и к вере хрестьянской, занеже Христос неверных наказует, овогда гладом, овогда нашествием войску на град, а овогда запалением огненным на град за ваше беззаконство. И вы кладете то в великое забвение и не обратитесь на истинный путь».⁴³

* *

*

Итак, мы указали на зависимость Переписки от документов Посольского приказа и на связь ее с книжной литературной традицией. Помимо этого, на произведении отразилось знание автором фольклора своего времени.

Вся центральная часть «послания» Ивана IV написана в стиле исторической песни. Иван говорит о трех посольствах, которые он обещает отправить к султану. Уже сама троичность действия является здесь элементом фольклорным. Иван IV обещает быть покорным турецкому султану, творить ему «повиновение», «посылать дани и оброки», «отпускать поклицаров с казною». Однако первый посол, воевода, повез бы дань — меч и неунятую саблю, второй, атаман со стрельцами, — пушки и скорострельные пищали, а в третий раз послы посольство правили бы так, чтобы султана «поставить живым» перед русским царем. Таким образом, под видом мирного посольства русский царь предлагает войну. О войне говорит он и в конце

⁴² ГПБ, собр. Софийской библ., № 1449, лл. 580—581 (новой пагинации); см. данное издание, стр. 272. Происхождение истории о мощах не известно исследователям Д. И. Абрамович (см.: Описи рукописей С.-Петербургской духовной академии, Софийская библиотека, вып. III. СПб., 1910, стр. 201), описывая сборник № 1449, не дает по поводу данной статьи никаких пояснений.

⁴³ См. ниже стр. 272, варианты по спискам А (БАН, 16 7. 15), Б (ГПБ, Пог. 1573), Ф (ГПБ, КП. 182/1939); ср. со Степенной книгой: «Яко бо древле пострада многа лета сий царствующий град тьмочисленными бедами и различными напастми, тако же и ныне в последняя времена грех ради наших, овогда нахождением неверных и гонением от мучителей нечестивых, овогда гладом и поветрии частыми...» (ПСРЛ, т. XXI, ч. 2, стр. 493); «И паки бог по мере гнев свой и з безмерною милостию по малу наводя на ны многообразными наказаньми, овогда убо гладом, овогда же смертоносием, овогда же пожаром, иногда же пленением от поганых...» (ПСРЛ, т. XXI, ч. 1, стр. 259); «Бог же праведным судом приводяй нас на покаяние ово убо пожарам, ово убо гладом, ово ж убо ратным нахождением, ово убо мором» (Царственная книга. Изд. Щербатова. СПб., 1769, стр. 140—141).

Послания: «хошу к твоему неверию конечный мир обоюдный острый меч...». Сходный образ находим мы в исторической песне XVII в. «Под Конотопом под городом». В песне этой рассказывается, как князь Семен Романович Пожарский победил в единоборстве татарского воина, но был взят в плен. Крымский хан предлагает ему перейти к себе на службу, обещая в награду золото и серебро, женок «прелесных» и красных девиц. «Отвечает Пожарский князь самому хану крымскому, а и гои еси крымской хан, деревенской шишимары, я бы рад тебе служить самому хаму крымскому, кабы не скованы мои резвы ноги, да не связаны белы руки во чембуры шелковые, кабы мне сабелка вострая, послужил бы тебе верою на твоей буйной голове, я срубил бы тебе буину голову...».⁴⁴ Перед нами — развитие давно уже известных русскому народному творчеству образов «битвы-пира» и «битвы-встречи и проводов гостей». Сходство здесь несомненно.

Сравним три посольства Ивана IV из Переписки с ответом «добра молодца» из народной песни, который, возвращаясь раненым с поля боя, идет «сам шатается» и на вопрос матери, зачем он так напивается, отвечает:

Я не сам так, добрый молодец, напиваюся,
Напоил-то меня турецкий царь тремя поймами...
Как и первое-то его поило — сабля острая,
А другое его поило — копые меткое было,
Еще третье-то поило — пуля свинчатая.⁴⁵

Автор, используя хорошо знакомые ему образы исторических песен, создал новый образ — «посольства-войны», образ, родственный по своей литературной основе образам устной народной поэзии.

Литературное применение образа, в котором первая часть отрицается второй частью, как бы пародирующей первую, мы находим в демократической сатире XVII в. На этом приеме построены «Лечебник на иноземцев», «Послание дворительное недругу», «Роспись о приданом», в какой-то степени «Сказание о роскошном житии и веселии». Так, для лечения иноземцев предлагаются способы, которые их «немедленно живота избавят», от которых «на утро в землю» или «будет здрав без обеих рук».⁴⁶ В «Сказании о роскошном житии и веселии» для тех, кто вздумает поехать в «поместыце малое» до «тамошних утех и прохладов», автор советует везти с собой всякую утварь, начиная от чанов, бочек, ковшей, братин и вилок и кончая ослопами, дубинами, дрекольем, камнем, саблями, мечами, пищалями и пистолетами, винтовками и метлами, давая при этом смехотворное и фактически отрицающее все сказанное объяснение — «было бы чем от мух пообмахнуться».⁴⁷

Так, в Переписке якобы вежливое послание Ивана IV, обещающего быть султану покорным, принять его послов и отправить своих с оброками и данью, а в действительности угрожающего войной, является насмешкой над султаном, несет в себе элемент сатиры, чем сближается с демократической сатирой XVII в.

Неофициальность Переписки, простота ее языка, занимательность сюжета, наконец, сходство с мотивами устного народного творчества и демократической сатиры говорят о принадлежности автора к низам Посольского приказа, о близости его к демократическим слоям городского населения.

⁴⁴ Сборник Кирши Данилова. СПб., 1901, стр. 122.

⁴⁵ В. П. Адрианова-Перетц. Очерки повточного стиля древней Руси. М.—Л., 1947 (АН СССР), стр. 114. Пример этот приводится Б. Н. Путиловым в статье «Песня о Евпатии Коловрате» (ТОДРА, т. XI, М.—Л., 1955, стр. 129).

⁴⁶ В. П. Адрианова-Перетц. Русская демократическая сатира XVII века. М.—Л., 1954 (АН СССР), стр. 122—123.

⁴⁷ В. П. Адрианова-Перетц. Русская демократическая сатира XVII века, стр. 41—42.

Произведение писалось в расчете на тех же читателей, которые распространяли в списках в своей среде произведения демократической сатиры, хорошо знали исторические песни и одновременно интересовались вопросами внешней политики и международного положения Русского государства.

*
*
*

Помимо произведений, непосредственно повлиявших на Переписку, можно указать и такие, с которыми она стоит в одном ряду, развивая общие литературные вопросы и темы.

Несомненно близость Переписки к Повести о двух посольствах. То, что списки обоих произведений встречаются в сборниках рядом, нельзя объяснить случайностью. Читатель чувствовал общность их литературного происхождения, общность темы.

Для Переписки и Повести о двух посольствах характерна атмосфера дипломатической среды, которой присуща пересылка послами, посольские речи, грамоты государей. В обоих произведениях речь идет о воеводах, атаманах, казаках, стрельцах, обсуждается вопрос о завоевании русскими татарских улусов. В Переписке, в «послании» Ивана IV, об этом говорится: «Да и мне своим мечным посещением и великим движением поколебаться по окрестным твоим странам, и людие мои да видят невольных твоих жителей по улусом и от тебя отторгнувших под мою десницу преклонилися». В Повести в статейном списке Андрея Ищеина турецкому султану велено сказать, что русский царь велит донским, терским и волжским казакам «приклоншии твои арды и земъли многие попенити», «и ис твоих прежреченных улусов твоих посаженников велит государь выгнать».⁴⁸

В обоих произведениях рассказывается о турецких пашах. В Повести они названы глупыми пашами, которые посоветовали султану ответить русскому царю дерзко — требовать Астрахани, грозить «засесть» Москву. Русские послы назвали этот ответ «неподобными словесами». «Послание» султана в Переписке и есть эти «неподобные словеса», грамота, «писанная не по пригожу». За нее Иван IV обещает пашей-думцев побить камнями.

Хотя Повесть и Переписка — произведения различного жанра, но резкой грани между ними нет. Третья часть Повести, представляющая собою дипломатические грамоты Ивана Грозного и турецкого султана, соприкасается с грамотами Переписки. Повесть построена по образцу статейного списка, в ней преобладают диалог и повествование. Переписка укладывается в рамки эпистолярного жанра, это только послания с угрозами.

Политическое содержание обоих произведений в их антитурецкой направленности. Султан — враг, грозящий войной и разорением страны. В Повести он обещает «Русь пленить и Москву... засесть и... царя пред себя... привести». В Переписке султан намерен «область рускую мечному посещению предати», возложить свои руки на плечи русского царя, т. е. взять его в плен. Ответы Ивана IV также полны угроз. В Повести русский царь требует, чтобы султан отдал ему Царьград. В Переписке он грозит разорить палаты султана, убить его думцев, утвердить в державе православие.

В обоих произведениях тема внешнеполитических отношений связана с вопросом религии. О мусульманстве говорится как о вере «безверной», как о «неверии». Иван IV уверен в своей правоте и в своей силе в борьбе с неверными: «зане же господь и бог мой Исус Христос, сын божия, всегда супротивныя и неверныя враги покоряет мне вышним своим промыслом и под нозе мои подлагает вас, скверных»; «не попускает бо вышний неверных на православие, а православиею державы моя попускает на вас, не-

⁴⁸ ТОДРЛ, т. XI, стр. 245.

верных». Автор Переписки рассматривал вопрос о вере с тех же позиций, с каких решали его И. С. Пересветов в своих сочинениях и автор Повести о двух посольствах. В их понимании это вопрос не морально-этического характера, а прежде всего политический. Чистотой русского христианства — православия — объяснялась сила Русского государства. Так, у Пересветова Русь — «царство волное и царь волной, благоверный государь князь Иван Васильевич всея Руси, и в том царстве великое божие милосердие и знамя божие, святые новыя чудотворцы, яко первыя — тако от них милость божия, якоже и от первых».⁴⁹ В Повести о двух посольствах: «Руская земля велика и чудотворцев в ней много — и милость от них и чудеса великая».⁵⁰ В Переписке Иван IV считает свое государство защищенным от нападения тем, что «много в православном царстве, в моей державе святителей истинных богомольцев, которые вышнему вседержителю молитвы воздают о моей державе и о православном христианстве». Возможно, что в данном вопросе автор Переписки, так же как и автор Повести о двух посольствах, опирался на произведения Пересветова, которые были хорошо известны в среде писателей Посольского приказа.

Связь Переписки с Повестью о двух посольствах позволяет поставить вопрос: не написаны ли оба произведения в Посольском приказе одновременно, в какой-то момент общего интереса к турецкому вопросу, так как оба произведения решают этот вопрос одинаково. Повесть о двух посольствах была написана вскоре после 1613 г.⁵¹ Наличие Переписки в списках первой четверти XVII в. не мешает датировать и Переписку более широко — первой четвертью XVII в. Следует оговорить, что турецкая тема не была характерна ни для общественных интересов, ни для литературных произведений первого десятилетия XVII в. — времени крестьянской войны и польско-литовско-шведской интервенции.

В статье, посвященной Повести о двух посольствах, мы отмечали сходство последней с Поэтической повестью об азовском осадном сидении в 1642 г.⁵² Оба произведения соединены антитурецкой темой и близостью к посольскому делопроизводству. Эти же признаки роднят с Поэтической повестью Переписку Ивана IV с турецким султаном. Хотя Поэтическая повесть выходит за рамки отписки, но использует ее. Элемент переписки есть в Поэтической повести. Осаждавшие Азов турки прислали «яныченского» голову со словом от «царя... турского и от четырех пашей ево, и от царя крымского»,⁵³ на которое казаки дали ответ. Этот обмен речами ничем не отличается от обмена грамотами. В нем много общего с Перепиской Ивана IV с турецким султаном.⁵⁴

Образ турецкого султана в Поэтической повести во многом сходен с образом султана в Переписке. И тут и там султан в одинаковых выражениях кичится своей силой:

Поэтическая повесть

Несть ему никою равна или подобна величеством и силами на свете! Единому лише повинен он богу небесному и един лише он верен страж гроба божия, по воли ж божи: избра его бог на свете едина от всех царей.⁵⁵

Переписка

...над цари царь, над князи князь, вышняго бога Саваофа произволением страж гробу господню и печатник у вышняго престола... избранный во царех царь..

⁴⁹ Сочинения И. С. Пересветова М.—Л., 1956, стр. 161.

⁵⁰ ТОДРЛ, т. XI, стр. 251.

⁵¹ См.: ТОДРЛ, т. XI, стр. 219—222.

⁵² См.: ТОДРЛ, т. XI, стр. 234—236.

⁵³ Воинские повести древней Руси. Изд. АН СССР, М.—Л., 1949, стр. 62.

⁵⁴ Воинские повести древней Руси, стр. 62—71.

⁵⁵ Воинские повести древней Руси, стр. 63.

Обращение с ругательствами было характерно не только для татарских грамот XVI в., но и для практики дипломатических отношений казаков с турками в XVII в. Казаки Поэтической повести называют турецкого султана «худым свиным пастухом-наймитом». ⁵⁶ В Переписке Иван называет его «невольным обдержателем» и «посаженным градарем и послушателем». Обращение «ратаю и тележному поганатаю» Переписки дано в том же стиле, что и бранное название турецкого султана пастухом.

В Повести о двух посольствах, в Переписке и в Поэтической повести развивается тема глупых пашей, которые пишут столь дерзкие послания. В последних двух произведениях их обещают покарать за это смертью.

Исследуя Поэтическую повесть, А. Н. Робинсон как пример наличия в ней типичных формул официальной переписки приводит выражению: «он, государь наш великий. . . чинит по преданию святых отец, не желает пролития кровей ваших бусорманских. . .». ⁵⁷ Подобную формулу находим мы и в Переписке: «И яз возрех своим царским видением в писание господа нашего Исуса Христа и во уложение святых отец. . . не велел есми послаников твоих смертней казне предати. . .».

В Поэтической повести, так же как и в Переписке, сильна фольклорная струя. Авторы Повести применяют образы врагов-гостей и битвы-пира. Турецкий султан приглашает казаков служить ему, они отвечают, что побывают в Царьграде и станут служить ему, «царю, пищальми казачими, да своими сабелки вострыми». ⁵⁸ Казаки говорят, что если бы русский царь повелел им идти войной на турок, то «не укрылся бы ваш Ибрагим, турецкий царь, от руки его государевы и от жестокосердия людей его и во утробе матери своей. . . не защитило бы ево, царя турскаво. . . и море Черное». ⁵⁹ Сравним это с Перепиской: турецкий султан от дани русского царя — «острого меча и неунитой сабли» — «отставил свое неверственное державство и скрылся бы в горы каменные», а от «лушек и скорострельных пищалей» «и тамо не укрылся».

Автор Переписки и Повести в отношении турок преследуют одну и ту же цель. В повести: «взять бы ныне нам Царьград взатьем из рук ваших бусорманских, убить бы. . . вашего Ибрагима, царя турецкого, и со всеми его бусорманы погаными, пролити бы ваша кровь, бусорманская, нечистая». ⁶⁰

В Переписке русский царь пишет о своем желании взять турецкого султана живым в плен, в державе его утвердить православие, разрушить азиатские палаты, а думцев-пашей его убить камнями.

Сходство Переписки с выделенной частью Поэтической повести не ограничивается приведенными примерами. Манера «разговора» Ивана IV с турецким султаном близка к стилю казачьих грамот. Это еще раз указывает на общепатриотический характер сюжета Переписки, на близость ее идей к идеям таких демократических кругов, как донское казачество. Хотя Переписка не посвящена какому-либо определенному историческому событию, ее идеи и манера изложения во многом повторены в Поэтической повести, написанной с агитационной целью в обстановке очень острой политической борьбы. Это показывает, насколько правильно отражены в Переписке отношения определенных слоев общества к турецкому вопросу.

⁵⁶ Воинские повести древней Руси, стр. 66

⁵⁷ Воинские повести древней Руси, стр. 217

⁵⁸ Воинские повести древней Руси, стр. 70.

⁵⁹ Воинские повести древней Руси, стр. 69.

⁶⁰ Воинские повести древней Руси, стр. 70

* *
*

Эпистолярный жанр Переписки, отсутствие развернутого повествования, упоминания о каких-либо политических событиях — все это затрудняет анализ идейного содержания произведения.

Основная идея Переписки — идея величия и силы Русского государства и русского государя — раскрывается автором в ее религиозном понимании. Сила Русской земли — в превосходстве ее религии, православия, над «неверием» турок. Это «неверие» автор называет тьмой, а султана турецкого зашедшим «от света во тьму, от православия в неверие». Для Ивана IV турецкий султан является «самозванным царем, посаженным не от бога», в то время как сам он, православный государь, — «по достоянию царьскому и по величеству... власти и силы отческого правительства». Подобная постановка вопроса о силе государства характерна для древнерусских произведений, посвященных теме борьбы русских с татарами и турками.

Вопрос военных и дипломатических отношений с Крымом и Турцией был на протяжении нескольких веков животрепещущим вопросом внешней политики Русского государства, занимал общественно-политическую мысль, отражен в древнерусской литературе. Примерно с конца XV в. — со времени свержения татарского ига — антитурецкая тема звучит как тема защиты суверенитета национального государства. Она раскрывается в произведениях различного жанра: в послании Вассиана Рыло на Угру и в легенде Москвы — третьего Рима, в произведениях Пересветова и в казачьих повестях об Азове.

Татарские ханства на границах Русского государства в XVI и XVII вв. при поддержке Турции были постоянной военной угрозой для русского населения, набеги крымских и ногайских татар не прекращались даже при наличии мирных дипломатических отношений. Переписка — одно из тех неофициальных произведений, которое отразило это фактическое состояние постоянной войны. Оно написано на широкую общепатриотическую тему. В нем нет отклика на какое-либо определенное событие. Привычная для литературного произведения тема борьбы с турками была занимательна, становилась обычной для легенды, да к тому же еще питалась богатым материалом посольских документов.

Вторая идейная линия произведения связана с именем Ивана IV, который для автора Переписки был образцом великого государя. Сила государства олицетворяется в Иване, его перу приписывает автор угрозы по адресу турок. Появление Грозного в качестве героя произведения позволяет судить об определенных политических симпатиях автора: он сторонник сильной централизованной власти, идеалом которой для него была монархия Ивана IV. В своих действиях Иван не опирается на бояр, совет турецкого султана молодому Ивану спросить у бояр, как был изоброчен царь Василий у «турецкой силы», звучит оскорблением для самодержавного государя, и Иван не следует этому совету.

Демократический характер Переписки, наличие в ней сатирических и фольклорных элементов, упоминание в ней служилых категорий: конюшего боярина, которому велит царь править посольство с турецкими послами-поклисарами, малого слуги-воеводы, атамана и стрельцов, — все это говорит о принадлежности автора к служилым кругам. Для них характерна поддержка вступившего на престол царя Михаила Романова и идеализация образа Грозного, непосредственным родственником которого считали себя Романовы.

Жанр литературного произведения в форме дипломатической переписки типичен для XVII в., когда увеличилась роль Русского государства

в дипломатической жизни Европы и расширились государственные международные связи. Служащие Посольского приказа все активнее включаются в литературную работу. Они выполняют задания правительства по составлению произведений, которые смогли бы заменить в дипломатическом делопроизводстве старые летописи. В Посольском приказе пробуют писать продолжения и дополнения Степенной книги, составляют титулярники с родословием рода Романовых. На всем протяжении XVII в. там не прекращаются поиски типа нового официального произведения, формулирующего государственную теорию, которая бы отвечала интересам русского абсолютизма XVII в.

Но наряду с официальными произведениями создаются неофициальные, такие, как Повесть о двух посольствах и Переписка, показывающие, как воспринимались вопросы внешней политики рядовыми служащими Посольского приказа. Оба произведения следует относить к различным жанрам, но разделение это условно. Оно зависит от подлинного различия жанров документа-грамоты и документа-статейного списка, соответствующих различным деловым функциям. Переписка и Повесть о двух посольствах представляют собою стилизацию деловых документов без сохранения их деловых функций. Их назначение сугубо литературное. Авторы используют форму дипломатической грамоты, статейного списка, посольской книги аналогично тому, как авторы произведений демократической сатиры повторяют, пародируя, формы судебной процедуры, лечебника, росписи приданого, духовной и др. Отличие их в том, что в использовании формы дипломатического документа нет пародии, нет насмешки, скажем, над посольским делопроизводством или служащими Посольского приказа. Произведения этого жанра, как бы продолжая линию дипломатического документа, поднимают также тему политическую, тему защиты родины от врага.

Жанр произведений в форме дипломатических документов, близкий к подлинным челобитным и посланиям, начал складываться до XVII в. Некоторые дипломатические грамоты XVI в. были уже сами по себе довольно «литературны», однако их назначение не выходило за границы чисто деловой письменности. Но наряду с ними в XVI в. появляются послания и челобитные, которые, помимо деловой цели, преследовали цель литературную. Таковыми являются челобитные Пересветова, в какой-то степени произведения Ермолая Еразма и особенно дипломатические послания Грозного. Последние оказали, вероятно, и более серьезное влияние на появление Переписки и произведений, близких ей. Переписку можно назвать некоторой стилизацией Грозного. Может быть, знакомство автора с дипломатической перепиской Грозного подало ему мысль написать еще одно дипломатическое послание в таком же тоне, что и послания царя. Именно от Грозного заимствована сама манера разговора между государствами — ответ на письмо адресата по пунктам. В ответе Ивана IV можно найти отклик на отдельные места из послания султана. Если султан пишет, чтобы русский царь прислал дань по книгам отца своего, то Иван отвечает ему: он посмотрел в писание господина Иисуса Христа и уложение святых отец. Султан пишет, что он сидит в великой полате; он хвастается мудростью своих пашей. Русский царь обещает разорить палаты, а пашам «думцам» оказать «милость» — побить их камнями и «прихоронить псом». Сильнее всего ощущается сатирический план этого отклика в сюжете о дани, вместо которой собираются послать войска с оружием. В Переписке пародирование в одном послании другого только еще намечается, но прием этот найдет себе дальнейшее развитие в других произведениях эпистолярного жанра — цикле вымышленных дипломатических грамот

турецкого султана, короля Леопольдуса, польского короля и чигиринских казаков, в знаменитом послании запорожцев турецкому султану.

У Грозного же автор мог заимствовать пародирование титула, хотя бы из письма к Полубенскому. Следует думать, что и традиция приписывать грамоты-произведения перу Грозного идет от знакомства авторов из Посольского приказа с творениями самого царя. Иван Грозный был для них легендарным автором.

В числе произведений, относящихся к жанру дипломатических посланий, следует назвать мало исследованное «Послание Александра Македонского к русским князьям». Оно связано с историей о начале Русской земли и создании Новгорода и известно по списку хронографа 1679 г., причем в заглавии сказано: «а во иных гранографех сия повесть не обретается».⁶¹ Однако происхождение его следует относить к более раннему времени, ибо оно зафиксировано в Хронике Мартина Бельского, первое издание которой принято датировать 1550 г., а первый перевод на русский язык — 1584 г. Содержание послания таково: при Александре Македонском в Русской земле правили три князя — Великосан, Асан и Авенхасан, «храбрством и мудростью многих превозшедше». Александр, видя, что из-за дальности расстояния не может воевать с ними, посылает к ним дары и писание, «всяким похвалы украшено». Начало «писания» очень сходно с началом Переписки: «Александр царем царь и над цари бичь, божий презвятияжный рыцарь и всего света обладатель и всех иже под солнцем грозный повелитель к непокоривым яростный меч и страх, всего света честнейших над честнейшими в дальном разстоятельном и неизвестном крае вашем от нашего величества честь и мир и милость вам».⁶² Александр утверждает права русских князей на владение землей «от моря Варяжского до моря Хвалимского»: «аще каковой народ вселится в пределах вашего княжения от моря Варяжского до моря Хвалимского да будут вам и роду вашему подлежими вечней работе, во иныя же пределы отнюдь не ступит нога ваша».⁶³ Эта легенда повторяется в других списках хронографов в переводе, еще более близком к тексту Мартина Бельского,⁶⁴ что позволяет думать о ее польском происхождении.

К этому же жанру примыкает легендарное «рукописание шведского короля Магнуша», написанное в форме завещания. Рукописание Магнуша находится под 1352 г. в С1А, датированной последней четвертью XV в. Д. С. Лихачев связывает эту легенду со временем походов Ивана III против Новгорода.⁶⁵ Основная мысль легенды — наказ Магнуша своим братьям и детям «не наступать на Русь на крестном целовании, а кто наступит, на того бог, и огонь, и вода».⁶⁶ Мысль эта очень близка к идеям Переписки, идеям о величии и силе Русской земли и о поражении врагов, осмеливающихся нападать на Русское государство.

Обе легенды используют форму делового документа — завещания и дипломатического послания — в литературных целях. Обе написаны на политическую тему защиты Русской земли от внешних нападений.

* *

*

Итак, легендарная Переписка Ивана IV с турецким султаном — одно из произведений, вышедших из среды Посольского приказа, который

⁶¹ Изборник славянских и русских сочинений и статей... стр. 442.

⁶² Изборник славянских и русских сочинений и статей... стр. 445.

⁶³ Изборник славянских и русских сочинений и статей... стр. 445.

⁶⁴ Изборник славянских и русских сочинений и статей... стр. 440.

⁶⁵ История русской литературы, т. II, ч. 1. М.—Л., 1945, стр. 377.

⁶⁶ ПСРА, т. V, стр. 227.

в XVII в. становится своеобразным светским литературным центром со своими писательскими кадрами. Переписка — произведение светское, она продолжает линию официальной и неофициальной публицистики XVI в. В то же время она отличается определенной демократичностью, близостью к интересам широких масс читателей, перекликается с демократической сатирой XVII в., однако сатира ее отражает не классовую, а внешнеполитическую борьбу.

Основные особенности Переписки связаны с ее происхождением из среды Посольского приказа. Для литературы, выходящей из среды Посольского приказа, характерно следующее: высокий патриотизм, интерес к вопросу о внешнем могуществе Русского государства; связь сюжета с темой о посольстве, тяга к изображению дипломатических конфликтов; непосредственное влияние делового документа, использование его формы и языковых особенностей; сочетание стиля делового документа с книжной фразеологией; введение в произведение легендарного элемента или целых легендарных историй; соприкосновение с сюжетами и образцами устного народного творчества.

Переписка Ивана IV с турецким султаном интересовала читателя на всем протяжении XVII в. В 70-х годах она в несколько измененном виде была включена в цикл вымышленных легендарных дипломатических переписок, рассмотрение которых явится предметом следующей нашей статьи.

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР СПИСКОВ И ТЕКСТ ПЕРЕПИСКИ ИВАНА IV С ТУРЕЦКИМ СУЛТАНОМ

В настоящее время мы располагаем десятью списками Переписки, которые представляют собой две редакции: полную и краткую; вторую мы условно называем хронографической, так как она была включена в хронограф конца XVII в.

В настоящем издании мы публикуем полную редакцию Переписки по списку ГПБ из собрания М. П. Погодина № 1570 и даем разночтения по спискам: ГПБ, собр. М. П. Погодина, № 1573 (Б); ГПБ, собр. Археологическое, № 43 (Р); ГПБ, КП 182/1939 (Ф) и БАН, № 16.7.15 (А). Эти списки, как правило, дают общие разночтения к списку собрания Погодина № 1570.

В дополнение к тексту Переписки мы даем текст легенды о мощах Иоанна Златоуста по списку конца XVI в.: ГПБ, собр. Софийское, № 1449, лл. 570 об.—571.

Орфография текста упрощена: «ѣ» заменено «е», «і» — «и», «оу» — «у», ѓ — «ф», «ъ» в конце слова опущен, пунктуация современная. Все исправления оговорены.

Обзор списков

1. ГПБ, собр. М. П. Погодина, № 1570. Сборник 20—30-х годов XVII в., скоропись, 4°, лл. 173 об.—178 об., 178 об.—184. Вероятно, данный список переписывался с неисправного протографа, в котором переписчик из поврежденных первых строк разобрал только одно слово — «избранному», да и то не сразу, так как приписал его сверху. Начало Переписки восполняется по другим спискам, в частности по списку из собрания Погодина № 1573. Большая часть сборника писана одним почерком. Много места в нем занимают материалы документального характера, относящиеся к событиям «Смутного времени», в основном до 1619 г.: письма о шведской подмоге Шуйскому, воззвания патриарха Гермогена,

донесения о военных делах 1609 г., послание 1611 г. архимандрита Дионисия и келаря Авраамия Палицына к жителям Казанским и пр. Помимо документальных материалов, в сборнике находятся летописные отрывки, а также Повесть о Меркурии Смоленском, Сказание о нашествии Тохтамыша, о начале Данилова монастыря в Москве, и др.

2. ГПБ, собр. М. П. Погодина, № 1573. Сборник исторического и дипломатического содержания, середины XVII в., скоропись, 4°, лл. 19—24 об., 24 об.—30 об. В сборнике находится Повесть о двух посольствах, а также ряд исторических посланий и дипломатических документов: часть переписки Грозного с Курбским, послание Курбского в Псковский Печерский монастырь к Вассиану 1563 г.; другим почерком — списки с дипломатических грамот царя Михаила Романова к мегалопольским великим князьям, к французскому королю Людовику XIV от 1613 г. с извещением о воцарении и с кратким очерком событий от времени Бориса Годунова; список с докончальной грамоты Владислава о мире 1635 г.

3. ГПБ, собр. Археологическое, № 43. Сборная рукопись, конца XVII в., скоропись, 4°, лл. 16—18. Текст послания султана сохранен до слов: «и ты русский воздержатель избери себе едино», причем конец текста, начиная со слов «моей области удивляются и моей державе покоряются» попал почти в начало, перебив титулы султана. Ответа Ивана IV нет. В этой же тетрадке — послание Курбского Ивану IV из Вольмера.

4. ГПБ, собр. ОАДП, Ф. CCCLV (355). Сборник летописного и хронографического характера конца XVII в., скоропись, в лист, лл. 60 об.—61 об. Письмо турецкого султана дано в сокращенной (хронографической) редакции. Большим изменениям подвергся конец послания Ивана IV.

5. ГПБ, КП, 182/1939. Сборник, конца XVII—начала XVIII в., полуустав, 4°, лл. 116—122 об., 122 об.—129. Киноварные заголовки: «Послание ис Царяграда в царствующий град Москву к благочестивому великому государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа России самодержцу. А в послании неверный пишет Салтан турский царь». В сборнике: Повесть о двух посольствах, Сказание о хождении Трифона Коробейникова, вымысленные разряды.

6. БАН, № 16.7.15. Сборная рукопись, конца XVII в., скоропись, 4°, лл. 92—96, 96—100. В сборнике: Повесть о двух посольствах, летописные отрывки, начиная с Рюрика и кончая смертью Михаила Федоровича, книги св. Георгия Писида. Слово о путешествии архиепископа новгородского Иоанна на бесе в Иерусалим, Слово о проявлении его мощей и др.

7. ВБЛ, собр. Музейное, № 435. Сборник, первой половины XVII в., скоропись, 8°, лл. 346—352 об., 352 об.—359 об. Перед посланиями имеются киноварные заголовки: «Послание турецкого царя Салтана к царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа России самодержцу» и «Восписание супротивно от русийскаго царя к турецкому Салтану». Список по разночтениям близок к Погодинскому № 1573. В составе сборника отражен интерес к татаро-турецкой теме: Повесть о двух посольствах; Повесть о пленении царя Батыя, егда плени резанскую землю; Сказание Ивана Пересветова о царе турецком Магмете, како хоте сожещи книги греческие; Сказание о Задонском бою.

8. ГИМ, собр. А. С. Уварова, № 1909 (151). Сборник легендарных повестей, первой половины XVII в., четкая мелкая скоропись, 16°, лл. 1—8, 8—15 об. После заглавия: «доброобразному моему слуге, верному приятелю белому Ивану... ясельничему» («ратаю и тележному поганатаю» нет). Конец: «поклисарская киличейская грамота совершена в Российском царстве у православного самодержавного государя царя и

великого князя Ивана Васильевича всеа Русии самодержца». К Уваровскому списку по разночтениям близок список ГПБ, КП. 182/1939. Кроме Переписки, в сборнике находится Повесть о двух посольствах.

9. ГИМ, собр. Музейное, № 1640. Сборная рукопись, середины XVII в., полуустав, 4°, лл. 9 об.—10 об., 10 об.—12 об. Заголовки к посланиям киноварные. Послания даны в сильно сокращенном виде, чем близки к хронографической редакции. В послании султана сокращено количество эпитетов в титуле султана, нет описания его грозной силы, многие фразы совсем выброшены. В ответе Ивана IV не говорится о том, что недовольные жители улусов султана преклоняются под десницу русского царя, очень коротко передан эпизод с мощами Иоанна Златоуста, а имя воеводы Козыта не названо. Конец известен по хронографической редакции, опубликованной в «Изборнике» А. Попова: «Сия руская киличская грамота совершена в Руском государстве царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии на Москве. Киличей Ондрей Яковлевич Щелкалов».

10. ГИМ, собр. Музейное, № 1388. Сборная рукопись летописного характера, XVIII в., скоропись, в лист, лл. 252 об.—255. В сборнике только ответ Ивана IV султану. Конец несколько отличен от других списков: «когда аз великий государь царь великии области свой гнев велю утолити и мечю не велю удержати, дондеже сокрушу царство твое до конца». В составе сборника: Синописис, Сказание о Мамае, Казанский летописец, Повесть о двух посольствах, История в память предбудущим родом Авраамия Палицына, О граде Азове и о взятии его.

Текст первой редакции Переписки Ивана IV с турецким султаном

л. 173 об. ¹ В лета 7054-го году избранному моему ратаю и тележному поганатаю, белому Ивану, великому боярину, ясельничему моему, русской области воздержателю, рускому князю, яко же ² и сродникама твоим ³ братама, ин ⁴ рога рог, ⁵ над цари ⁶ царь над князи ⁷ князь, вышняго бога ⁸ Саваофа произволением ⁹ страж гробу господню и печатник у ¹⁰ вышняго престола, ¹¹ великий воин, крепкий ¹² вооружник ¹³ мужеством своим ¹⁴ и всем ¹⁵ царем царь ¹⁶ и советник восточныя и северския ¹⁷ страны, избранный во царех царь, обнаженный меч, неутолимы гнев, возбужденный ¹⁸ сердцем разсудный ¹⁹ многим держав, ²⁰ неограженный ²¹ страхом предложенным ²² златоточец, ²³ изобильном ²⁴ всяким богатством ²⁵ смиренным ²⁶ от вышнего присвоенным ²⁷ милосердием, ²⁸ драгий бисер, светлый на главе венец, прозорливый во ²⁹ всея светлости белообразный ³⁰ наказатель, ³¹ царьских властелин, ³² || светильник горнего ³³ Иеросалима и учитель воинственной силе, ³⁴ храбрый воин, ³⁵ исполненный всякой мудрости, ³⁶ совершенный

л. 174

II 1-2 Доп. по спискам БА, в ркп. Избранному; В лето 7054 году избранному моему ратаю и плужному поганатаю, белому моему боярину, великому Ивану, ясельничему моему русской области воздержателю, росийскому князю яко же Р; Доброобразному моему слуге и верному приятелю белому Ивану великому воину, ясельничему моему, росийския области воздержателю великому князю, яко же Ф. ³ Доб. и БАР ⁴ ино БА; нет Ф. ⁴⁻⁵ горем Р; нет Ф. ⁵⁻⁶ на царьми Р. ⁷ князьми БАФ. ⁸ Доб. вседержителя Р. ⁹ Доб. и Ф. ¹⁰ Нет РФ. ¹¹ Доб. велиаго Ф. ¹² крепким БА. ¹³ оружник А. ¹⁴ Нет БА. ¹⁵⁻¹⁶ кесарь Ф. ¹⁸ кесарь Р. ¹⁷ северныя РФ. ¹⁸ возбужденным БА; возбаженым Ф. ¹⁹ и разсуженным БА; разсудным Ф. ²⁰ державам БАР; держава Ф. ²¹ неоградимый БА; необаженный Р; неоградимым Ф. ²² предложенный БА; доб. сердцем БА; преложенный Р. ²³ златочестен БА; нет Ф. ²⁴ и изобилованным БА; изобилный Р; изобилованный Ф. ²⁵⁻²⁷ Нет Ф. ²⁶ смиренный Р. ²⁷ просвещенным БА; просвещенный Р. ²⁸ Доб. от вышнего прощенный Ф. ²⁹ Нет БА. ³⁰ благообразный Б. ³¹ показатель Р. ³² властей БАФ. ³³ горщаго Р. ³⁴⁻³⁵ Нет Ф. ³⁵ Доб. и во всех Ф. ³⁶ премудрости БА.

возрастом, непреклонная гордыня,³⁷ прекрасный лицом³⁷ быстрое зрение³⁸ очное, вышний закон,³⁹ ключарь небесный⁴⁰ и непокоренный⁴¹ землям⁴² турский⁴³ царь Салтана⁴⁴ кланяясь⁴⁵ и мною⁴⁶ радоваться пишу:⁴⁷

Послахом ныне⁴⁸ к тебе от⁴⁹ своєю силы поклисаря,⁵⁰ а с ними сотвори⁵¹ писание⁵² о выходные моея⁵³ казны за 12 лет,⁵⁴ зане же⁵⁵ отцу твоему Василью⁵⁶ умершу, а тебе⁵⁷ младу сушу⁵⁸ после его⁵⁹ оставльшуся⁶⁰ и яз⁶¹ до твоего возраста и недосовременного⁶² твоего⁶³ разума не нудил своєю оброчныя казны имати.⁶⁴ И яз || ныне приказ свой послал к тебе, а велел есми бес пождания казну свою взяти, исполнену по прежним книгам отца твоего⁶⁵ и по своим⁶⁶ поклисарским грамотам. л. 174 об.

⁶⁷ И ты б,⁶⁷ воздержатель руския области, отечеству своему последовал и спрашивал⁶⁸ у прежних советников отца своего,⁶⁹ которым было мочно ведати,⁷⁰ как отец твой у нашей силы озоброчен⁷¹ был и как чтил⁷² поклисаров.⁷³ И аще⁷⁴ советники⁷⁵ ти⁷⁶ истинну изрекут, и ты б поклисаров моих отпущал⁷⁷ честных, как им годя,⁷⁸ не замедливая, исполнях.⁷⁹ А будет⁸⁰ советники⁷⁵ твои учнут тя развратити,⁸¹ и ты б мне⁸² изрядно⁸³ проповедал, да и разум⁸⁴ растворил⁸⁵ от воздержания⁸⁶ создателя своего, || да и поклисары⁸⁷ от своєю⁸⁸ власти руския⁸⁸ пришли⁸⁹ л. 175 своимни⁹⁰ угодными⁹¹ речми⁹² и с покорением.

А поклисары б⁸⁷ твои были⁹³ превелика⁹⁴ разума и смысла, хто⁹⁵ б умел⁹⁶ с моими паши говорити⁹⁷ и смел,⁹⁷ зане же они⁹⁸ у меня⁹⁸ превысочайши⁹⁹ и велми велика¹⁰⁰ разума и смысла.||¹ И² по моему наказу³ всея области моея и⁴ нашим советником⁴ и⁵ разтворенники многим державам⁶ в совершенней⁷ мудрости вышним⁸ Саваофом наплавлениям⁹ великое сокровище в сердцы своем полагают, зане ж словеса¹⁰ их¹¹ страшна¹² суть, как¹³ моему величеству восхотят, тако и творят.

¹⁴ Все области¹⁴ силы моея страшатца, како¹⁵ аз || сам¹⁶ двинуся¹⁷ туды¹⁸ путь мой прав¹⁹ и покорен,²⁰ и имянуся²¹ самовластен, не устыжуся²² никоторые иные²³ державы, развее вышняго Саваофа, потому что²⁴ наше коли²⁵ перед ним неисправление,²⁶ в²⁷ которыхи грех²⁸ впа- л. 175 об.

37-37 прекрасное лице Ф. 38 возрение БА; дозрение Ф. 39 Нет Ф. 40 Нет Ф. 41 непокоренным БА; непокоривый Ф. 42 земли Р. 43 турским БА. 44 Салтан БАФ. 45 кланяюся Ф. 46 мною Р. 47 Доб. к тебе послание сие Ф. 48 Нет Ф. 49 о Р. 50 поклисары БР; послы А; поклисари Ф. 51 сотворил БАРФ. 52 Доб. сие Ф. 53 Доб. ка мне Р. 54 Доб. что на тебе взять А. 54-55 Нет БА. 56 великому князю Ф. 57 Доб. тогда Ф. 58-60 оставшу после отца своего Р. 59 отца своего Ф. 60 остается БА; остатца Ф. 61 Нет Ф. 62 несовершенного Р. 63 Нет БА. 64 Доб. на тебе А. 65 своего Р. 66 моим БАФ; их Р. 67-67 А ты же БА. 68 спрашивай БА; доб. бы еси Ф. 69 твоего БАРФ. 70 верити БА. 71 изборочен БАРФ. 72 Доб. мои БА; доб. моих РФ. 73 поклисари Б; послы А. 74 како БА. 74-80 Нет Ф. 75 советницы А. 76 твои БАР. 77 Доб. что Р. 78 годно Р. 79 исполненных БАР. 81 развратити БАРФ. 82 Нет Ф. 82 изрядное Б; изрядше А. 84 Доб. свой Ф. 85 развратил Ф. 86 Доб. от БА 87-87 Нет Р. 88-88 руския земли БА; области Ф. 89 пошан БА; доб. ко мне А. 90 с своимни БАФ. 91 угрожими БА; угодившими Ф. 92 реченими БА. 93 Доб. исполнена Р. 94 великаго Ф. 95 кто Б; что Ф. 96 Доб. и разумел БА; умели и смели Ф. 97-97 Нет БАРФ. 98-98 умны Р. 99 превысочайшая А; превысочайша Ф. 99-100 Нет Ф. 100 превелика БА.

II, 1 Доб. велика Ф. 2 Нет А. 3 наказанию Р. 4-4 наши советницы БА; иншим советники Ф. 5 Нет А. 6 странам БА. 7 совершение А. 8 Доб. богом Ф. 9 направляеми БАФ; справляеми Р. 10 слава БА; славнии Ф. 11 и Ф. 12 страшнии РФ. 13 како БА; доб. по БАР; каково Ф. 14-14 В своей области и везде и Ф. 15 камо БР; куды Ф. 15-16 ся Ф. 16 Нет БАР. 17 двингу БАРФ. 18 ту БА; доб. и РФ. 19 корен Р; правят Ф. 20 покорение имеют Ф. 21 Доб. аз Ф. 22 стгыжусь РФ. 23 Нет БА. 24 Доб. когда Ф. 24-25 нашим праведным Р. 25 Нет БАФ. 25-26 несправлени пред ним А. 26 Доб. кто Б; исправлением Р. 27 Доб. ком в А; и Ф. 28 Доб. на нас Ф.

дем,²⁹ ино³⁰ найдет²⁹ на державу мою страх³¹ и неизреченный³² трепет, земля³³ от него³⁴ поколебает.³⁵ А милость его коли к нам придет велика,³⁶ и яз их³⁷ тогда всех осеняю своим величеством.

А ис³⁸ которых царств приходят³⁹ ко мне поклицары, и оне зрети на мой образ не могут, страх⁴⁰ велик⁴¹ обдержит⁴² и ужас, зане ж лице мое бестудно. И кто⁴³ может исповедати силы величества моего, или видети⁴⁴ великое страхование || мое, како аз⁴⁵ обладаю всеми державами,⁴⁶ а имею аз⁴⁷ а. 176 ¹⁷⁶седалище свое⁴⁸ в⁴⁹ велицей полате,⁵⁰ а очи мои⁵¹ закровенный. А коли придут⁵² ко мне⁵² паши мои извещати⁵³ о чем,⁵⁰ и оне до меня не доходят за 20⁵⁴ мер, да понизят главы своя до земля. И яз в те поры⁵⁵ учиню⁵⁶ очи свои откровенный,⁵⁷ да учну⁵⁸ с своими ближними⁵⁹ витязи⁶⁰ разсужати⁶¹ кождо⁶² им по⁶² чему угодно, да и отказ у⁶³ меня улучат,⁶⁴ и походят⁶⁵ в свою полату⁶⁶ и там иншим⁶⁷ державам управление⁶⁸ учинят⁶⁹ по моему приказу.⁷⁰ И приезжают в мою область⁷¹ из⁷² инших царств⁷³ поклицары⁷⁴ и⁷⁵ самые⁷⁴ градодержцы,⁷⁶ и оне гласа моего слышати не могут, зане же⁷⁷ державами иншими⁷⁸ царствами || владею,⁷⁹ дани⁸⁰ и⁸¹ оброки мне со всех земель дают,⁸² все повинуютца мне и во всем послушание⁸³ творят предо мною, а роздрания ко мне и сетей на мою державу не чинят, зане же в моей области^{84а} град нерушимый,⁸⁴ все⁸⁵ области⁸⁶ удивляютца,⁸⁷ а моей державе.⁸⁸

Тако же и ты, руски⁸⁹ правитель, аще сего не сотвориши, дани⁹⁰ и казны моей к нашей силе⁹¹ с моими⁹² поклицары⁹³ не отпустишь и отцу своему последовати не учнешь, как отец твой к нашей силе⁹⁴ повинование творил и службу свою предо мною великую ставил. ⁹⁵А будет тебе на смысл⁹⁶ сроку надобеть,⁹⁵ и ты б известно моей державе учинил,⁹⁷ и яз бы а. 177 ¹⁷⁷тобя в том не шкотил,⁹⁸ зане ж яз⁹⁹ || к покоренным¹⁰⁰ милостив, аки вышний. III, 1 А хто¹ перед до мною великое повинование² творит³ и держит,³ ино его меч мой не сечет.

И ты, русский белой воздержатель, избери себе едино:⁴ повинование предо мною, или гордыню, да⁵ ко мне⁵ и поклицаров своих⁶ отпусти,⁷ ⁸яко же годе,⁹ и аще будеши предо мною повинование.¹⁰ А возложишь на ся гордыню,¹¹ а поклицаров моих отпустишь нечестных,¹² и ведомо ти буди, послю на тя гнев свой¹³ с великою¹³ яростию,¹⁴ не вею утолити

²⁹ попадет БАФ. ²⁹⁻²⁹ и ныне Б. ³⁰ и ныне А; и тогда Ф. ³¹ Доб. велик Ф. ³² Нет Ф. ³³ Доб. ся БА. ³⁴ Доб. вся Ф. ³⁵ поколебаает РФ. ³⁶ Нет Р. ³⁷ Нет БАФФ. ³⁸ Нет БАФФ. ³⁹ Доб. послы Р. ⁴⁰ Доб. их БАФ. ⁴¹ неизреченный Р; доб. и трепет Р. ⁴² обоимет БА; объемлет Р; обьет Ф. ⁴³ никто не Ф. ⁴⁴ ведети БА; ведати Ф. ⁴⁵ я А. ⁴⁶ Доб. моими Ф. ⁴⁶⁻⁴⁷ Нет Ф. ⁴⁹ себе БАФФ. ⁴⁹ в основном списке нет, испр. по Б. ⁵⁰⁻⁵⁰ Нет Р. ⁵¹ свои имею Ф. ⁵²⁻⁵² Нет Р. ⁵³ Доб. мне Ф. ⁵⁴ 12 Р. ⁵⁵⁻⁵⁷ открываю им очи свои Ф. ⁵⁶ учну Р. ⁵⁷ скровенны Б; доб. друг почну держати Р. ⁵⁸ Доб. аз Ф. ⁵⁹ Нет БА. ⁶⁰ Доб. говорити БА. ⁶¹ разсуждати Р. ⁶²⁻⁶² Нет Ф. ⁶³ от БАР. ⁶⁴ получат АРФ; доб. во всем Ф. ⁶⁵ ходят Р; поидут Ф. ⁶⁵⁻⁶⁶ в свои полаты РФ. ⁶⁶⁻⁶⁷ а тамошним БАФ. ⁶⁸ Доб. и А. ⁶⁹ чинят Ф. ⁷⁰ наказу БА; указу РФ. ⁷¹ Доб. многие многих Ф. ⁷¹⁻⁷³ Нет Р. ⁷² Нет БА; и Ф. ⁷⁴⁻⁷⁴ Нет Р. ⁷⁵ Нет А. ⁷⁶ самодержцы БА; самодержавцы Р; градодержавцы Ф. ⁷⁷ Доб. много многи Ф. ⁷⁸ иними БА; и иними Ф. ⁷⁹ властвуют БА; владеют да они ж Р; властвую Ф. ⁸⁰ да БА; нет Ф. ⁸¹ Нет БА. ⁸² Доб. и А. ^{83-84а} Нет Р. ^{84-84а} грады нерушимы Ф. ⁸⁵ всей БА; моей Р; и вси Ф. ⁸⁶ Доб. моей державе БАФ. ⁸⁷⁻⁸⁸ Нет БАФ; к моей державе Р. ⁸⁸ Доб. покоряются Р. ⁸⁹ руским БА. ⁹⁰ да БАР. ⁹¹⁻⁹² своими БА. ⁹¹⁻⁹³ Нет Р. ⁹⁴ Доб. во всем БАР. ⁹⁵⁻⁹⁵ И будет тебе, сроднику, на смысл надобеть Ф. ⁹⁶ мысль Р. ⁹⁷ чинил БА. ⁹⁸ мешкотил БА; не шкотдил Ф. ⁹⁹ яко БА. ¹⁰⁰ наказанным Р. III, 1-1 И тех кто БА. ² повинование А; покорение Р. ³⁻³ Нет Р. ⁴ Доб. или А. ⁵⁻⁵ Нет А. ⁶ Нет Ф. ⁷ пришли БА. ⁸⁻⁹ како ти годно Ф. ⁹⁻¹⁰ аще ж повинование (и аще будет Ф) повинование предо мною не сотвориши БАФ. ¹¹ своевольство Ф. ¹¹⁻¹² и поклицаров моих нечестных отпустишь в мою область и мой с ними выходные казны не отпустишь БА. ¹³⁻¹³ великий с Ф. ¹⁴ Доб. и А.

меча своего, и руже свои возложу¹⁵ на плеща твоя, а силу твою всю¹⁶ за твою¹⁷ к себе¹⁷ неправду злой смерти предати, а¹⁸ град твой¹⁹ под свою область покорити. А которые мо||ление²⁰ от тебя²⁰ посылают²¹ к выш- л. 177 об .
нему, и яз тех велью кождо²² по своим державам разводити, и в те поры вышний не услышит²³ гласа²⁴ в²⁵ твоём молении,²⁶ положит тя в великое забвение и милости к тебе не покажет за твое ко мне неповиновение и за непокорение, потому что хочешь един противник²⁷ быти.²⁸ А всех областей цари и князи и градодержатели повиновение ко мне творят:²⁹
³⁰ литовские короли³⁰ и святая святых горы, и греки, и волохи, и ерса- лимляне, и витязи,³¹ и³² римцы, и³³ кафимцы,³⁴ и тургане,³⁵ а³⁶ прежде³⁷ было³⁸ Вавилон и Асирия,³⁹ и вся восточныя и северския³⁹ страны, те⁴⁰ все великую || службу ставят предо мною от сотворения⁴¹ миру.⁴² А ты, л. 178
русский⁴³ воздержатель, хочещи един со мною братися, а не возможиси противу меня стояти,⁴⁴ потому⁴⁵ что в силе твоей стяжания⁴⁶ нету и храбрости, и конского урищрения⁴⁷ и несть достойно к моеи силе.

А⁴⁸ как будет^{49а} время,⁵⁰ и яз⁵⁰ пошлю к тебе опасного хранителя. чтобы тебе было⁴⁹ ведомо⁵¹ страхование мое и⁵² грозная супостать⁵² силы величества моего движения. А как придет на твое воздержание руское от моея силы плен, и ты учнешь в те поры от меня ждати великие милости, и яз⁵³ не пошажу никоторыми || делы, велью⁵⁴ область твою л. 178 об .
рускую⁵⁵ мечному посечению предати, зане же сердце мое неутолимо есть.

И ты, князь, извесися⁵⁶ себе, како ти угодно,⁵⁷ а грамотам моим по- клисарским ревную,⁵⁸ все ти ведомо чиню⁵⁹ и милосердо⁶⁰ ставлю.

Сия⁶¹ поклисары отпущены от дальняго силняго и грозного облада- теля турского и теврицского⁶² царя Салтана, угодного⁶³ землям мир.⁶⁴

Послание государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии области. || л. 179

Божию милостию и пречистыя^{1,1} богия² матери господа бога и спаса нашего Исуса Христа³ сына богия³ вышняго творца, создавшего⁴ небо и землю⁵ вседержителивы⁶ десницы.⁷

От⁸ благовернаго и православнаго,⁹ и великаго,⁹ и разумнаго, и мудраго,¹⁰ и справедливаго,¹⁰ и милосердаго правителя истиннаго, от¹¹ небеснаго царя¹² слуги,¹³ нареченнаго¹⁴ и перваго¹⁵ во царех царя,¹⁶ яко же

¹⁵ Доб. на тя БАФ. ¹⁶ велью БАФ. ¹⁷⁻¹⁷ великую Ф. ¹⁸⁻¹⁹ грады твои Ф.
¹⁹ Доб. велью БАФ. ²⁰⁻²⁰ о тебе БАФ. ²¹ возсылают Ф. ²² кождо БФ.
²³ Доб. их Ф. ²³⁻²⁶ еже о тебе моления Ф. ²⁴ Доб. твоего БА. ²⁵ о БА.
²⁶ Доб. и БА; молении А. ²⁷ сопротивен БА; супротив Ф. ²⁸ Доб. мне БА; стати противу мне Ф. ²⁹ держат и покарются Ф. ³⁰⁻³⁰ и литовский краля БА.
³¹ витязей А. ³² Нет А. ³³ Нет А. ³⁴ каримцы БА; кафинцы Ф. ³⁵ увар- вана БА; арсеня Ф. ³⁶⁻³⁷ Нет БА. ³⁸ и Ф. ³⁷⁻³⁸ Нет Ф. ³⁸ были БА.
³⁹⁻³⁹ и в северская все БА; и вся восточная страна и северная Ф. ⁴⁰ и БА. ⁴¹ Доб. и от зачала БА; доб. и от создания Ф. ⁴² Доб. како вышняго (вышним Ф) пове- лением земля стала БАФ. ⁴³ руским БА. ⁴⁴ стать А. ⁴⁵ к тому Ф. ⁴⁶ стя- жанней Ф. ⁴⁷ ухищрения БАФ. ⁴⁸ Нет А. ^{49а} Доб. мне БА. ^{49а-49} Нет Ф.
⁵⁰⁻⁵⁰ Нет БА. ⁵¹ Доб. тебе Ф. ⁵²⁻⁵² и грозные мои супостаты тебе Ф.
⁵³ Доб. тогда Ф. ⁵⁴ всю А; доб. всю Ф. ⁵⁵ Доб. велью А. ⁵⁶ Доб. сам Ф.
⁵⁷ годно А. ⁵⁸ ревнуй БА; внимай Ф. ⁵⁹ творю Ф. ⁶⁰ Доб. ся БА.
⁶¹ Доб. же БА; тии Ф. ⁶² тевризскаго БА. ⁶³ угодна БА; угодно Ф. ⁶⁴ Доб. и здравие БА; нет Ф.

¹ Доб. его А; доб. богородицы Ф. ² его Б; нет А. ³⁻³ Нет БА. ⁴ Нет БАФ. ⁴⁻⁵ небу и земли БАФ. ⁶ воздержателивы БА; нет Ф. ⁷ и его десни- цю Ф. ⁸ Нет Ф. ⁹⁻⁹ Нет БАФ; доб. гордого и буйственнаго БА, доб. и буй- ственнаго Ф. (В ркп. ГИМ 1388, XVIII в. не гордаго и не буйственнаго). ¹⁰⁻¹⁰ Нет Ф. ¹¹ его БА. ¹² Нет БАФ. ¹³ слуге БАФ. ¹⁴ нареченный БАФ. ¹⁴⁻¹⁵ в первых БА; нет Ф. ¹⁶ царь БАФ.

есть второй Манамах, и ¹⁷ сильного, и грозного, ¹⁸ обдержашаго ¹⁹ московского царства и иных многих областей воздержатель, русский царь и государь великаго княжения Иван Васильевич || всяя руския державы от владимерского крещения, всяя сибирския ²⁰ и северския ²⁰ страны ²¹ обладатель ²² и повелитель, ²² заступник и поборник истинныя православныя ²³ христианския ²⁴ веры, вышняго бога избранный ²⁵ пастух ²⁶ над державами изрядными ²⁷ поставленный, ²⁸ проповедатель благочестия, ²⁹ великий ³⁰ государь и разсудный, ³¹ покоренным милостив, ³² пощадитель, ³³ от страшнаго ³⁴ великаго сану, от грознаго ³⁵ и от крепкаго ³⁶ супротивника ³⁷ неверным, от твердыя ограды божия хранителя, от укрепленнаго словом Божиим и совершенна духом святым, от ³⁸ ключа ³⁹ всяя земли ⁴⁰ руския области, от щедраго ⁴¹ государя по || достоянию ⁴² царьскому и по величеству в ⁴³ власти и силы ⁴⁴ отческаго ⁴⁵ правительства, ⁴⁶ от крепкаго и твердаго ⁴⁷ щита ратующим ⁴⁸ воинством в турский во Царьград к неверному и злообразному, самохвальному и недостойному царского венца и скипетра, заблужшему и зашедшему в дальняя тии ⁴⁹ земля от света во тьму, от православия в неверие, самозванному царю и посаженному ⁵⁰ не от бога ⁵⁰ салтану.

Се же ти мно и поклонание творю в царьском своем ⁵¹ месте, ⁵² седя на степенем месте ⁵² и извесно ти являю, ⁵³ придоша от твоего неверия к нашему православному ⁵⁴ державству, ⁵⁵ к великому царству || ⁵⁶ в поклицарстве ⁵⁶ твои невольныи повелители, и яз приказ свой учинил конюшему своему боярину, а велел с твоими неверными поклицары посольство ⁵⁷ правити, яко же годе. И ^{58a} по моему царьскому приказу, ⁵⁸ и по величеству силы моя области посольство с моим конюшим бояриным было о выходной к тебе моей ⁵⁹ казне и о оброцех. ⁶⁰

И яз возрех ⁶¹ своим царьским видением в писание ⁶² господа нашего Исуса Христа и во уложение ⁶³ святых отец, да потому милостивно есмь к тебе, ⁶⁴ неверному, сотворил ⁶⁵ и ⁶⁶ к неверным ⁶⁷ твоим поклицарем, ⁶⁸ не велел есми посланников ⁶⁹ твоих ⁷⁰ смертней казне предати, ⁷¹ а разсудил есми от создателя вдохновения своим царьским смыслом, ⁷¹ что ты тако сотворил ⁷² от неверия ⁷³ младоумием своим и с недовершенным возрастом ⁷⁴ своим не сметився. ⁷⁴ Да и потому, ⁷⁵ что ты невольный ⁷⁶ обдержатель и посаженный ⁷⁷ градарь и послушатель, ⁷⁸ како ти цареградцы повелят, ⁷⁹

¹⁷ из БА; нет Ф. ¹⁸ неоскуднаго БАФ; ¹⁹ обдержания БАФ. ²⁰⁻²⁰ Нет БА; северныя Ф. ²¹ Доб. области Ф. ²²⁻²² Нет Б. ²³ Доб. правыя Ф. ²⁴ Нет БА. ²⁵ Нет БАФ. ²⁶ пастырь Ф. ²⁷ изрядный БАФ. ²⁸ Нет БАФ. ²⁹ Нет БАФ. ³⁰ растворенный БАФ. ³¹ Доб. и БАФ; нет Ф. ³² милостивый БФ; милостивы А. ³³ покровитель Ф. ³⁴ Доб. и А; строка Ф. ³⁵ Доб. война БАФ. ³⁶ супостата и БАФ. ³⁷ супротивнаго Ф. ³⁷⁻³⁷ и от изряднаго полчевника пленным (неутолимый Ф) на неверных, непреклонная глава, от востраго меча и от неунятые сабли и от твердые ограды и от душевнаго благородия и от красоты личныи и от света очию моею, от укрепленнаго воинственней силе непобедимый (победимый Ф), и государь насупротиву борцы, и братель на супостат, скоросмышленный и поспешным своим (доб. царским Ф) движением на свое царское дело и здравоходим своим воинством БАФ. ³⁹ ключарь БАФ. ⁴⁰ Доб. и страж своя (всеа Ф) БАФ. ⁴¹ Доб. и поспешнаго и потребнаго БАФ. ⁴² Доб. своему Ф. ⁴³ Нет БАФ. ⁴⁴ Доб. моя Ф. ⁴⁵ от честнаго БАФ. ⁴⁶ правителя БАФ. ⁴⁷ щедраго Ф. ⁴⁸ ратованный БА; ратованным Ф. ⁴⁹ Нет БАФ. ⁵⁰⁻⁵⁰ Нет БАФ. ⁵¹ Доб. степенем Ф. ⁵²⁻⁵² на поседании степенем БА; на поседании Ф. ⁵³ даю БА; ставлю Ф. ⁵⁴ Нет Ф. ⁵⁵ держательству Ф. ⁵⁶⁻⁵⁶ поклицарове БАФ. ⁵⁷ Доб. твое БА. ^{58a} Нет А. ⁵⁸ наказу БАФ. ⁵⁹ Нет БАФ. ⁶⁰ оброке А. ⁶¹ возрел БАФ. ⁶² Доб. истиннаго БА. ⁶³ сложение БА; изложение Ф. ⁶⁴ Доб. к А. ⁶⁵ учинил Ф. ⁶⁶ Нет А. ⁶⁷ невольным БАФ. ⁶⁸ Доб. благо сотворил Ф. ⁶⁹ послателей БФ; послателем А. ⁷⁰ твоим А. ⁷¹⁻⁷¹ да им растворила есми от создательевы десницы и своим царским речением БАФ. ⁷² твоирил А. ⁷³ Доб. со БА. ⁷⁴⁻⁷⁴ Нет БАФ. ⁷⁵ так в БАФ; в ркп. потом ⁷⁶ невольным БА. ⁷⁷ посаженным Б. ⁷⁸ Доб. уподобися наиннику БА; доб. градцкой и уподобися ты наемнику Ф. ⁷⁹ Доб. и ты А.

так и творишь, да и потому, что ты от царския моя руские⁸⁰ державы поудалел в заморския волнения и ты не мниши себе⁸¹ супротивника,⁸² живешь во отчаянии и посолские грамоты⁸³ так пишешь.⁸⁴

Аще ли бы еси был близь нашего царства, православнаго⁸⁵ державства, и яз бы⁸⁶ твоему неверному державству⁸⁷ повиновение творил, дани || и оброки посылал, и поклицаров бы своих к тебе с казною отпускал. л. 181 об.
Впервые б послал к тебе малого слугу воеводу своего, а дал бы⁸⁸ тебе отвести⁸⁹ дань от своая царския силы — острый меч и неунятую саблю. И ты бы, неверный, от той дани отставил свое неверственное⁹⁰ державство⁹¹ и⁹² скрылся бы⁹² в горы каменные. И яз бы еще послал к тебе атамана своего⁹³ и стрелцов,⁹³ а дал бы им⁹⁴ от⁹⁵ своая⁹⁶ казны оброк⁹⁷ тебе⁹⁸ пушки и скорострельные пищали, и ты б⁹⁹ от того оброку и тамо не укрывся.¹⁰⁰ Да еще бы к тебе послал послы своя, а велел бы им посольство^{11, 1} правити, тебя бы жива перед собою поставити, а в державе бы || твоей велел православие² утвердити, а³ превысочайшим твоим л. 182
пашам³ велел бы к ним милость⁴ учинити.⁵ А в которых ты⁶ полатах поседание⁷ своими витязи творишь, и яз бы те полаты приказал разоренью предати, а тем бы камнем⁸ велел думцов твоих⁹ побить и⁹ витязей, которые от тебя посольские грамоты чинят,¹⁰ а тело их прихоронити¹¹ псом¹² за их неверствие.¹³

Да и возможно мне тако учинити,¹⁴ зане же¹⁵ господь и бог мой Исус Христос, сын божия, всегда¹⁵ супротивный и¹⁶ неверный враги¹⁷ покоряет мне¹⁸ вышним¹⁹ своим промыслом и²⁰ под нозе мои²¹ подлагает вас, скверных.²¹ А тебе, неверному, невозможно²² на мое²³ || царство никоторое²⁴ злое²⁵ подвижение²⁶ учинити,²⁷ потому что²⁸ не до воли твоей стянути на нас.²⁸ И много в²⁹ православнем царстве, в моей державе святителей истинных³⁰ богомольцов, которые³¹ вышнему вседержителю молитвы³² воздают³³ о моей державе и о православном христианстве. И аще ты с неразумия своего и с недовершеннаго разума и движение учинишь,³⁴ и ты со всем своим движением в морском волнении погрузишься, яко ж и³⁵ Козят воевода вашь.³⁶ л. 182 об.

И³⁷ аще будет³⁸ сему недоверишь,³⁹ и ты возри в летописец свой; коли был православной⁴⁰ царь Костентин⁴¹ великий⁴² во Цареграде, а после ево царствовал сын его, и потом || начат⁴³ Царьград держати неверный салтан, яко ж и ты. И в твоём⁴⁴ Цареграде лежало тело Иванна Златаустаго и фрязове,⁴⁵ виде разорение Царяграда,⁴⁵ у салтана⁴⁶ неверного и у его думцов тело Иванна Златаустаго откупили жемчугом и зла- л. 183

⁸⁰ Нет Ф. ⁸¹ Доб. потому БА. ⁸² Доб. потому ты Ф. ⁸³ Доб. ко мне Ф.
⁸⁴ свершаешь БАФ. ⁸⁵ Доб. моего БАФ. ⁸⁶ Доб. по твоим посольским грамотам к БАФ. ⁸⁷ воздержательству Ф. ⁸⁸ Доб. к БА; доб. ему к Ф. ⁸⁹ вести БАФ.
⁹⁰ неверное БАФ. ⁹¹ царство Ф. ⁹²⁻⁹³ укрыв бы ся БА; укрыв бы ся ты Ф.
⁹³⁻⁹³ со стрелцы А. ⁹⁴ Нет Ф. ⁹⁵ Нет БА; из Ф. ⁹⁶ Доб. царския Ф.
⁹⁷ Доб. к БАФ. ⁹⁸ Доб. вести БАФ. ⁹⁹ Доб. ся А. ¹⁰⁰ укрыв А.
II. ¹ Доб. от себя Ф. ² Доб. учинити и Ф. ³⁻³ превысочайших твоих пашей БАФ. ⁴ милостивно БАФ. ⁵ Доб. темничному заключению предати БА; доб. темничному их затворению предати Ф. ⁶ Нет Ф. ⁷ Доб. с БФ. ⁸ камением БАФ.
⁹⁻⁹ Нет БАФ. ¹⁰ Доб. побити БАФ. ¹¹ прихоронити БА; нет Ф. ¹² Доб. на снимание дати БАФ. ¹³ зловерствие БАФ. ¹⁴ чинити БА. ¹⁵⁻¹⁵ богу помогающе ми на БАФ. ¹⁶ на БА. ¹⁷ Доб. и БАФ. ¹⁸ Нет БАФ. ¹⁹ вышний неверных БАФ. ²⁰⁻²⁰ Нет БАФ. ²¹⁻²¹ Нет БАФ. ²² не можно БА. ²³ Доб. великое Ф. ²⁴ никагорога БА. ²⁵ нет БАФ. ²⁶ движения БА, движение Ф. ²⁷ чинити БА, ²⁸⁻²⁸ недовольством (недовольство Ф.) ся жет БАФ. ²⁹ на БАФ. ³⁰ да еще к тому БАФ. ³¹ Доб. к БА. ³² Доб. о мне Ф. ³³ Доб. и Ф. ³⁴ Доб. на мое царство Ф. ³⁵⁻³⁶ Фараон погрузися и всадники своему Ф. ³⁶ Нет БА. ³⁷ или БА. ³⁸ Нет БАФ. ³⁹ не возришь БА. ⁴⁰ Доб. великий Ф. ⁴¹ Константин БАФ. ⁴² Нет Ф. ⁴³ нача БА. ⁴⁴ том БАФ. ⁴⁵⁻⁴⁵ из Родоса (Роздора Ф) приехав во Царьград да БАФ. ⁴⁶ Доб. у А.

том и бисером,⁴⁷ да привезли во Эроз⁴⁸ град, а рука⁴⁹ его и ныне во Царьграде. И салтан Царьградский⁵⁰ послал⁵¹ в погонь Козятя⁵² воеводу своего кораблем⁵³ и велел отнять тело Ивана Златаустаго. И Златауст их победил и потопил их корабль в море со всем воинством.⁵⁴ Тако же и ныне⁵⁵ того же убойся, не попускает бо⁵⁶ вышний⁵⁷ неверных на л. 183 об. ⁵⁸ православие, а правосла||вию⁵⁹ державы моея⁶⁰ попускает⁶¹ на вас,⁶² неверных. Потому не могу⁶³ бо⁶⁴ терпети злокозненнаго⁶⁵ вашего⁶⁶ служительства дияволу,⁶⁶ зане же⁶⁷ моление творишь⁶⁸ капищам идольским.

Да и се ти ведомо буди изрядно о моей державе, хошу⁶⁹ к твоему неверию⁷⁰ конечный мир⁷¹ — обоудный острый⁷² мечь и хошу простерти⁷³ руку свою царскую⁷⁴ и двигнути силою своею на твое неверное и злоправное державство за непокорение твое ко мне и за неистовое поклицарство твое⁷⁵ к нашему державству. Да и мне⁷⁶ своим⁷⁷ мечным посечением л. 184 и великим движением поколебаться⁷⁸ по окрестным⁷⁸ || твоим странам⁷⁹ и людие мои да⁷⁹ видят⁸⁰ невольных твоих жителей по улусом⁸¹ и от тебе отторгнувшея⁸¹ под мою десницу⁸² ⁸³ преклонилися⁸⁴ и во всем пред царскою моею десницею⁸³ повиновение ставили, яко же и иные державы преклонены к моему царству. А твоему неверию⁸⁵ о моей силе ведомо ти,⁸⁵ коли я гнев свой⁸⁶ велю⁸⁷ утолти и меча⁸⁸ не велю⁸⁸ удержати.

Сия посольская⁸⁹ грамота совершена⁹⁰ в российском⁹¹ царстве у православнаго державнаго⁹² царя⁹³ и великого князя Ивана Васильевича⁹⁴ всеа Русии⁹⁵ области солнечные.⁹⁶

Глава 122 Ивана Златаустаго мощех

Лета 6961 турской царь взял Царьгород месяца апреля 29. На третьей год приехав кораблем фрязове из Родоза града купити мощи святы великаго святителя Ивана Златаустаго. И безбожный салтан турьской велел великаго светилника Ивана Златаустаго отвесити златом на мериле И гости фрязи без всякого сомнения, призываючи молитвы святого Ивана Златаустаго, на другое мерило насыпали злата без числа и стали с мерила л. 580 об. ^{а. 580} унимати злата и толке осталось на мериле десять золотых противо || светых мощей его. И такое великое чудо ведев безбожный салтан турьской и срама ради повеле им дати мощи великаго светилника Ивана Златаустаго. И как фрязове пошли с телом святого Ивана Златаустаго и турьской послал за ними погоню Козата воеводу со множеством вои и молитвами святого Ивана Златаустаго все потоплени быша и погыбоша, а рака его святая и ныне во Цареграде.

⁴⁷ сребром БАФ. ⁴⁸ Родос БА; Родзор Ф. ⁴⁹ рака БАФ. ⁵⁰ В ркп. Цареградски; нет Ф. ⁵¹ Доб. за ними БА; доб. цареградцов за ними Ф. ⁵² Козата БАФ. ⁵³ с корабли БА; кораблями Ф. ⁵⁴ войском БАФ. ⁵⁴⁻⁵⁵ да тако и ты БА. ⁵⁶ бог БАФ. ⁵⁷ Нет Ф. ⁵⁸⁻⁵⁹ православную Ф. ⁵⁹ православие БА. ⁵⁹⁻⁶⁰ мою державу БАФ. ⁶¹ Доб. господь бог нас православных Ф. ⁶² Нет БА. ⁶³ может Ф; мотчи А. ⁶⁴ господь бог Ф; нет А. ⁶⁵ злоскаредного Ф. ⁶⁶⁻⁶⁸ дьявольства БАФ. ⁶⁶⁻⁶⁷ Нет БАФ; доб. что б вы обратились ко истинному крещению и к вере християнстей, зане же Христос неверных наказует, овогда гладом, овогда нашествием войску на град, а овогда запалением (пленением Ф) огненным на град (нет Ф) за ваше беззаконство. И вы кладете то в великое забвение и не обратитесь на истинный путь да БФ. ⁶⁸ творите Ф. ⁶⁹ Нет БА. ⁷⁰ Доб. послати Ф. ⁷¹ Нет Ф. ⁷² Нет БАФ. ⁷³ Нет БА. ⁷³⁻⁷⁴ рукою своею царскою БА. ⁷⁵ Нет Ф. ⁷⁶ мноу БАФ. ⁷⁷ Доб. великим Ф. ⁷⁸⁻⁷⁸ покоренным БА. ⁷⁹⁻⁷⁹ како мне царской деснице бог даровал и БАФ. ⁸⁰ видети БАФ. ⁸¹⁻⁸¹ чтоб оне БАФ. ⁸² державу Ф. ⁸³⁻⁸³ Нет БА. ⁸⁴ подклонились Ф. ⁸⁵⁻⁸⁵ от моей силы сведомо учнет быти БАФ. ⁸⁶ Нет БА. ⁸⁷ не велю БАФ. ⁸⁸⁻⁸⁸ Нет Ф. ⁸⁹ Доб. килчейская БА; поклицарская килчейская Ф. ⁹⁰ совершенная Ф. ⁹¹ руском А. ⁹² самодержавнейшаго Ф. ⁹³ Доб. государя Ф. ⁹⁴ исправлено, в ркп. Сильевича. ⁹⁵ Доб. самодержца Ф. ⁹⁵⁻⁹⁶ Нет Ф.

В. Е. ГУСЕВ

Заметки о стиле „Жития“ протопопа Аввакума*

Стиль «Жития» Аввакума принято называть «просторечием». Неудобство этого термина заключается в возможности толкования его как категории лингвистической, обозначающей лишь речевую стихию «Жития». Это, например, проявилось в ранней работе В. В. Виноградова «О задачах стилистики»,¹ но позднее сам исследователь предостерег против такого понимания термина.²

Действительно, во-первых, Аввакум, у которого, как известно, и заимствовано это слово, употребляет его в совершенно определенном значении, противопоставляет его не церковно-славянскому языку, а «виршам философским», «словесам красным», «красноречию»;³ «природной» же русский язык, составной частью которого являлись и слова и формы старославянского языка, противопоставлялся Аввакумом языкам иностранным.⁴ Следовательно, понятия «природного» языка и «просторечия» в сознании Аввакума были близкими, но не тождественными; первое понятие определяло национально-историческую природу русского языка, второе — стилистическую манеру, способ литературного применения «природного» языка.

Во-вторых, принципиально важным в историческом плане для стиля «Жития» является не только то, что Аввакум щедро вводил живой, разговорный язык, но и то, что он сознательно отказался в «Житии» от традиционного стиля «плетения словес», от риторической украшенности («красноречия»), которая вообще ему была известна,⁵ а также и от входившего в XVII в. в моду стиля украинско-польско-латинской книжности («философских виршей»)⁶.

* Посвящаю моему учителю — Н. К. Гудзию. Автор.

¹ См.: Русская речь, сборник под ред. Л. В. Щербы, вып. 1. Пгр., 1923.

² См.: Очерки по истории литературного языка XVII—XIX вв. Учпедгиз, М., 1938, стр. 35. Суженное толкование просторечия находим также у Н. К. Гудзия в работе «Протопоп Аввакум как писатель и как культурно-историческое явление» (см.: Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Редакция, вступительная статья и комментарии Н. К. Гудзия, Academia, 1934. В дальнейшем: Житие).

³ Житие, стр. 63.

⁴ Житие, стр. 247.

⁵ См., например, письма Аввакума Морозовой и Урусовой (Житие, стр. 309—310, 318—319) и единственный образец в самом «Житии», восходящий к Златоусту и митр. Даниилу (Житие, стр. 111; ср.: Памятники истории старообрядчества, кн. I, вып. 1. Л., Изд. АН СССР, 1927 (РИБ, XXXIX), стр. 244).

⁶ Французский исследователь Пьер Паскаль в своей обширной работе «Аввакум и начала раскола» неправильно толкует полемическое замечание Аввакума, что он «не учен диалектике и риторике и философии», как признание писателем недостатка в своем изложении (см.: Avvakum et les débuts du rascól. La crise religieuse au XVII-e siècle en Russie, par Pierre Pascal. Paris, 1938, стр. 486. (В дальнейшем: P a s c a l. Avvakum)).

Таким образом, под «просторечием» Аввакума следует понимать простой, «неукрашенный» стиль, в котором преобладание простонародной речи над языком церковно-славянской книжности было лишь одним из его признаков. Однако даже в этом смысле «просторечие» скорее является отрицательным, чем прямым определением стиля «Жития» — оно указывает на то, что противопоставляет его известному стилю, но не раскрывает признаков стиля самого «Жития». Другие термины, которыми пользуются исследователи, — «беседа» или «вяканье», т. е. непосредственная, безыскусственная манера повествования или «бесхитростная импровизация» (В. В. Виноградов), — также не исчерпывают всех особенностей стиля «Жития».⁷

Неудобство последних терминов заключается в том, что они дают возможность думать, будто стиль Аввакума сложился сам собою, стихийно, произвольно, бессознательно. На такое понимание наводит и сам Аввакум: «Что на ум попало, я тебе то и говорю». Однако уже сам факт предпослания редакции В «Жития» специального введения, являющегося своеобразным литературным credo Аввакума, свидетельствует о сознательном отношении писателя не только к содержанию, но и к форме своего сочинения. Об этом же свидетельствует и процесс работы Аввакума над редакциями «Жития».⁸ Прежде всего обращает на себя внимание то, что в редакции В в тексте «Жития» сокращаются или выбрасываются вовсе рассказы, прерывавшие в редакции А повествование, и даже некоторые рассказы о чудесах (например, стр. 116—119); с другой стороны, за пределами собственно «Жития» в этой редакции находим несколько дополнительных «чудесных» рассказов (стр. 188—194). В редакциях Б и В исключается гневное обличение никониан (стр. 137—139). В редакции В полемическая статья о причастии, разрывавшая повествование, перенесена в виде отдельной уже статьи в конец рукописи. Точно так же поступает Аввакум и с другим обличительным отрывком, направленным против запрещения со стороны никониан внецерковного крещения и явно нарушавшим течение рассказа в редакции А (стр. 108—110). Таким образом, Аввакум, заботясь о жанровой определенности «Жития», значительно перерабатывает свое произведение. С другой стороны, характерно, что введенные в редакцию В две новые статьи — «Почуение преподобного отца нашего аввы Дорофея о любви» и полемическая «О сложении перст» — помещаются здесь за пределами «Жития»: первая перед приступом, вторая вслед за статьей о причастии. Кроме того, интересно отметить, что мастерски рассказанный, но не имеющий прямого отношения к основному тексту «Жития» эпизод о хождении за рыбой на озеро Шакшу (стр. 190) помещается Аввакумом также за пределами «Жития». Итак, хотя рукопись сборника, по основному произведению получившая название «Житие», и разрасталась, но «Житие» в собственном смысле становилось все более и более цельным и однородным художественным

⁷ П. Паскаль в другой книге «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное» определяет стиль «Жития» синонимичным понятием «болтовня» («caquet», «bavardage»), толкуя это определение как «свободное повествование с нестройной («lâche») композицией, в фамильярном тоне дружеской беседы» (La vie de l'archiprêtre Avvakum écrit par lui-même. Traduite du vieux russe avec une introduction et des notes par Pierre Pascal. 2-е édition, Paris, 1938, стр. 44. В дальнейшем: Pascal, La vie)

⁸ Под «Житием» мы разумеем не всю рукопись, являющуюся, по существу, сборником разнородных и самостоятельных сочинений, а «Житие» в собственном смысле, границы которого были определены нами в работе «Житие протопопа Аввакума как художественное произведение» (см тезисы в книге: 2-я конференция научных работников Челябинской области. Доклады. Челябинск, 1948, стр. 29—33).

произведением.⁹ Работа Аввакума над редакциями «Жития» шла не только в направлении более четкого ограничения его текста, но и в направлении усовершенствования его слога, на что обратил внимание Пьер Паскаль: «Он (Аввакум, — В. Г.) исправил стиль, изменив порядок слов, чтобы получить более гармоническую клаузулу, вычеркнув повторения, отказавшись — но не последовательно — от архаических и слишком безыскусственных оборотов; он улучшил некоторые места, лишённые ясности».¹⁰

Итак, то, что на первый взгляд производит впечатление «бесхитростной импровизации», на самом деле является результатом сознательных усилий большого мастера.

В. В. Виноградов произвел стилистический анализ «Жития», проследив «сплетение... двух форм стиля» — формы сказа и проповеди и обусловленное этим своеобразное переплетение церковно-книжных и простонародно-речевых элементов.¹¹ Мы не будем касаться этой важной особенности стиля «Жития», принятой всеми исследователями.¹² Заметим только, что, на наш взгляд, В. В. Виноградов, а вслед за ним и другие преувеличивают значение литературной традиции в стилистической манере «Жития». «Способ рисовки реальных событий, — писал В. В. Виноградов, — определяется той церковно-библейской литературой, в кругу которой вращалась творческая интуиция Аввакума».¹³ Далее мы попытаемся выяснить, что определяет стиль «Жития» в целом. Что же касается книжных речений и библейской символики в «Житии», то они, думается, возникли по ассоциации с реальными образами, рождающимися из первоисточника — самой действительности, и лишь придавали этим образам аллегорическое толкование. Появление в «Житии» таких образов, как буря, волокита, зима, плавание, корабль, и их метафорическое развитие, а также наличие терминологии, связанной с драками, пытками, мучениями и т. п., объясняются в первую очередь реальными обстоятельствами жизни Аввакума. Думается, что именно реальные факты вызвали в памяти Аввакума сходные библейские ситуации и образы, а не наоборот, библейские символы рождали живые картины «Жития». Нельзя не согласиться с Рудольфом Ягодичем, который пишет, что «народный реализм — основная черта его живого, меткого стиля».¹⁴

Некоторые исследователи образец стиля «Жития» ищут в житийной литературе. К этому склонялся, в частности, и Пьер Паскаль в работе «Аввакум и начала раскола», однако во втором издании своей книги «Житие протопопа Аввакума» французский исследователь пришел к выводу, что «Аввакум не мог подчиниться предписаниям агиографического жанра»,

⁹ Разная жанровая природа и самостоятельный характер отдельных частей сочинения Аввакума осознавалась уже его современниками: полемические и поучительные статьи, помещенные в рукописи за пределами «Жития», имели вполне самостоятельное хождение в старообрядческой среде.

¹⁰ P a s c a l, Avvakum, стр. 487.

¹¹ Русская речь, стр. 215. К вопросу о жанре «Жития» мы предполагаем обратиться в специальном исследовании.

¹² Кроме русских авторов, назовем Рудольфа Ягодича, отметившего, что «при помощи такого соединения... Аввакум обеспечил себе сильнейшее воздействие и наиболее широкие выразительные возможности, и вместе с тем он создал таким образом один из стилистических феноменов мировой литературы» (Das Leben des Protopopen Avvakum von ihm selbst niedergeschrieben. Übersetzung aus dem Altrussischen nebst Einleitung und Kommentar von Rudolf Jagoditsch. Berlin, 1930, стр. 65—66 (в дальнейшем: Jagoditsch); см. также указанные работы П. Паскаля.

¹³ Русская речь, стр. 211; ср. стр. 214, 231, 234. См. также: Д. С. Лихачев и В. Л. Комарович. Протопоп Аввакум. В кн.: История русской литературы, т. II, ч. 2. АН СССР, 1948, гл. IX, § 1 (2), стр. 318. Впрочем, и Н. К. Гудзий, и Д. С. Лихачев в целом признают превалирование простонародно-речевой стихии.

¹⁴ Jagoditsch, стр. 67.

что «он не жертвовал своим темпераментом, свободой развития (de développement) и выражений законам жанра».¹⁵

Давно уже замечено, что новаторство стиля «Жития» проявилось в отступлении от признаков письменности, в приближении к строю устной речи, в воссоздании стиля устного рассказа, рассчитанного не столько на читателя, сколько на предполагаемого слушателя. Это лежит в основе самого точного, на наш взгляд, данного в работе В. Виноградова, определения стиля «Жития» как органического сплетения стилей сказа и проповеди. «Он не писал, а рассказывал», — замечает П. Паскаль.¹⁶ «„Житие“ становится... народным рассказом, который звучит подобно... записанному разговору (des Sprechens)», — заключает свою характеристику стиля «Жития» Р. Ягодич.¹⁷ «Он пишет, как бы беседуя», — констатирует Д. С. Лихачев, анализируя различные проявления в «Житии» формы «свободной и непринужденной беседы».¹⁸

Все характеристики стиля «Жития», верные сами по себе, страдают существенным недостатком: они сводятся лишь к определению слога писателя и не раскрывают стиль как единство всей совокупности признаков художественной формы «Жития» в связи с его идейным содержанием.

Исследователи рассматривают стиль «Жития» или как нечто совершенно самостоятельное или объясняют его либо «мучительными обстоятельствами... личной жизни» писателя,¹⁹ либо особенностями природы Аввакума,²⁰ либо его положением проповедника, обращающегося к широкой аудитории,²¹ либо, наконец, автобиографизмом «Жития».²²

Не отрицая известного значения всех этих факторов, мы хотели бы указать на более принципиальные, более глубокие источники стиля «Жития», принимая во внимание, что мы имеем дело с цельным художественным произведением, отразившим существенные стороны русской жизни XVII в. и в типических образах выразившим определенное мировоззрение писателя.

Работа Аввакума над стилем «Жития» была тесно связана с процессом художественного отражения реальной действительности и воплощения его идейного замысла. Аввакум сознательно отбирал из огромного житейского материала лишь то, что с наибольшей силой и полнотой выражало пафос его подвижнической жизни. Он сам подчеркивал, что рассказывает в своем «Житии» далеко не все, ибо «всего много говорить», «много тех бед мелких сказывать»,²³ и довольно четко сформулировал основной принцип отбора своего материала: «стану сказывать верхи своим бедам».²⁴

Благодаря этой сознательной установке на отбор «верхов» Аввакуму удается типизировать явления действительности и с предельной остротой передать драматизм событий, выразить героическую идею «Жития». Най-

¹⁵ Pascal, La vie, стр. 43. Ср. также: R. Jagoditsch, N. S. Trubetzkoy als Literarhistoriker, Wiener Slavistisches Jahrbuch, Vierter Band, 1955, стр. 46.

¹⁶ Pascal, La vie, стр. 43.

¹⁷ Jagoditsch, стр. 69.

¹⁸ Д. С. Лихачев и В. Л. Комарович. Протопоп Аввакум, стр. 316—317.

¹⁹ Д. С. Лихачев и В. Л. Комарович. Протопоп Аввакум, стр. 314.

²⁰ Житие протопопа Аввакума... Редакция, вступительная статья и комментарии Н. К. Гудзия, стр. 45—46.

²¹ Jagoditsch, стр. 65; Житие протопопа Аввакума..., стр. 34.

²² Житие протопопа Аввакума..., стр. 27; Pascal, La vie, стр. 43.

²³ См. отрывки из «Жития» по списку Г. М. Прянишникова, опубликованные В. И. Малышевым в ТОДРА (т. VIII, М.—Л., 1951, стр. 386).

²⁴ См.: Из жития протопопа Аввакума по списку Г. М. Прянишникова (В. И. Малышев. Материалы о протопопе Аввакуме, ТОДРА, т. IX, М.—Л., 1953, стр. 392).

денный Аввакумом стиль выявлял пафос борьбы, создавал необходимое настроение эмоциональной напряженности, возбуждая активное сочувствие или возмущение. Это была, действительно, «речь бойца» (А. М. Горький).

Стилевое новаторство Аввакума в конечном счете объясняется его своеобразным бунтарством, его связью со стихийным народным социально-религиозным движением против усиливавшегося феодального и церковного гнета. Противоречивая природа этого движения, объясняющаяся конкретно-историческими условиями, явилась объективным основанием противоречивого идейного содержания «Жития», отразившего реальные формы этого движения и в одно органическое целое соединившего, с одной стороны, идеи протеста и борьбы против разных светских и духовных «начальников», с другой стороны, идеи религиозного служения божьему делу, идеи страдания, терпения и смирения.²⁵ С этим противоречивым (и в то же время в конкретно-историческом значении цельным) идейным содержанием «Жития» и связано органическое единство двух основных стиливых потоков — народно-поэтического просторечия и религиозной книжной символики. Демократическая сущность идейного содержания «Жития», в условиях середины XVII в., обусловила и демократизацию его стиля. Имитацию устного рассказа в «Житии» в идейно-эстетическом плане следует рассматривать как ориентацию на устное искусство народных масс, в противовес письменному искусству духовной и светской аристократии, недоступному народу; эта особенность стиля «Жития» могла возникнуть в результате знакомства Аввакума с народно-поэтическими сказками.²⁶ Драматизм идейного содержания «Жития» определял и драматизм его стиля. На последнем, поскольку эта особенность стиля гениального произведения Аввакума не привлекла еще внимания исследователей, мы и остановимся в дальнейшем. Это лишь одна из особенностей стиля «Жития», но, поскольку под стилем следует разумеать единство всех компонентов художественной формы в их связи с содержанием, то эта особенность может проявиться по-разному, при этом несколько по-иному должны быть осмыслены и уже указанные исследователями в другой связи признаки стиля «Жития».

Нам кажется недостаточным определение манеры изложения «Жития» как «беседы». В этой манере достигается то органическое слияние эпического повествования с лирической эмоциональностью, которое часто превращает рассказ Аввакума в страстный, драматический монолог. В связи с этим необычайно важное значение приобретает разговорная, живая, гибкая и н т о н а ц и я рассказчика-героя, который представляет собою о д н о л и ц о — центральный художественный образ. Быстрый темп повествования, создаваемый лаконичной простой фразой, богатой глаголами непрерывная смена картин перебивается короткими восклицаниями, драматическую природу которых определяет удачно найденное меткое выражение В. Виноградова: «звуковые жесты».²⁷ Эти особенности интонации «Жития», которые хорошо передают постоянно сдерживаемое, но прорывающееся и потому особенно действующее на читателя волнение, придают стилю «Жития» д и н а м и ч н о с т ь.

Наращение драматического эффекта часто в «Житии» сопровождается группировкой фраз по восходящей смысловой и эмоциональной напряжен-

²⁵ Свое понимание идейного содержания «Жития» мы пытались изложить в упоминавшейся выше работе.

²⁶ Проблема отношения Аввакума к народной поэзии заслуживает особого внимания, здесь мы ограничиваемся лишь постановкой вопроса.

²⁷ Русская речь, стр. 272—278.

ности; таково, например, описание первого приезда Аввакума в Москву, с троекратным рефреном: «Тут паки горе».²⁸ Другой пример: «Осень была, дождь на меня шел, всю ночь под капелию лежал». Здесь эмоциональность усиливается и явно ощутимой ритмической организацией фразы.

Иногда ритмика подчеркивается в «Житии» рифмой или созвучием, которые появляются не просто для «оживления речи» (Н. К. Гудзий), а как средство эмоционального воздействия, для выделения мест наиболее драматических:

Убить вора, б...а сына,
да и тело собакам в ров кинем.
Венец тернов на главу ему там возложили,
в земляной тюрьме и уморили.
У церкви за волосы дерут,
и под бока толкают
и за чепь торгают
и в глаза плюют.
Пред царя пришед, учал юродством шаловать,
Царь же, осердясь, велел в Чудов монастырь отслать.²⁹
На кол было посадил,
да еще бог сохранил.

С той же целью выделить наиболее драматические эпизоды Аввакум иногда насыщает свою речь звуковыми повторами — аллитерацией и ассонансами. Это проистекало из устно-сказовой природы «Жития», что особенно заметно при сопоставлении «Жития» с соответствующими местами из «Первой челобитной царю Алексею Михайловичу», где Аввакум, не стремясь к воссозданию устной речи, излагает те же факты иначе, обыденным языком. Например, в «Житии»: «Среди улицы били батожьем и топтали, и бабы были с рычагами» (ср. в «Челобитной»: «бит ослопием и топтан злых человек ногами»).³⁰ В «Челобитной» Аввакум довольно сухо сообщает о расправе над ним в Москве: «... и посадя на телегу с чепью, по улицам, рогатня мои руки, не в одну пору возили...».³¹ Этот же факт с большим мастерством изображен в «Житии», где последовательно выдерживаются звуковые повторы (т—д, л—р, ассонанс на «е» и «и»):

«Егда же розсветало в дeнь недeльный, посадили меня на телегу, / и рогатнули руки, и везли от патриархова двора до Андроньева монастыря, / и тут на чеши кинули в темную полатку, ушла в землю, / и сидел три дни, ни ел, ни пил».³²

В конце отрывка ассонанс на «и» усилен точным ритмическим совпадением и внутренней рифмой (ср. в «Челобитной» обыденное: «три дни и три ночи на чеши держал без пищи»).

Вообще говоря, письма и челобитные Аввакума, в ряде случаев представляющие самостоятельную литературную ценность, в то же время могут рассматриваться как своеобразные подготовительные наброски к окончательному тексту «Жития». Что в письмах Аввакума излагалось конспективно, кратко, то в «Житии» становилось ярким эпизодом, приобретало образную наглядность. Сравним, например, письмо Аввакума к семье на Мезень от мая 1666 г. с соответствующим местом в «Житии». В письме читаем: «В Пафнутьеве монастыре держали девять недель на

²⁸ Житие, стр. 78.

²⁹ Другие примеры см. у В. Виноградова (Русская речь, стр. 283—284).

³⁰ Житие, стр. 78, 281.

³¹ Житие, стр. 282.

³² Житие, стр. 81.

³³ Житие, стр. 282.

переменных цепях. И после того мчали к Москве девяносто верст на переменных лошадях, не отдыхая: затрясли было». ³⁴ В «Житии», в соответствии со всей художественной тканью произведения, это место приобретает драматическую напряженность, что достигается и изменением спокойной интонации письма на драматически-сказовый стиль, и изменением синтаксиса, и продуманной детализацией описания, введением эпитетов, отбором выразительных слов: «Опять к Москве свезли то мнова человека, посадя на старую лошадь; пристав созади — побивай, да побивай; иное вверх ногами лошадь в грязи упадет, а я через голову; и днем одним перемчали девяносто верст, еле жив дотащился до Москвы». ³⁵

Интересную роль в «Житии» выполняет пейзаж, встречающийся здесь дважды. Соглашаясь с В. Виноградовым, что пейзаж «в обоих случаях служит для обострения действия», ³⁶ подчеркнем, что именно в этом проявляется драматическая функция пейзажа, однако не непосредственно, а косвенно, и в каждом случае по-своему.

В первом случае, ³⁷ несмотря на большой интерес к деталям (называются многие виды животных и птиц), пейзаж выполняет чисто служебную роль; это наивно раскрывается в последней фразе («На те горы выбивал меня Пашков...»); дается поэтому он в мрачных тонах. Обращает на себя внимание необычное для Аввакума построение предложений: почти полное отсутствие глаголов, перечисление предметов со сказуемым-прилагательным, что и придает описанию необходимую мрачную выразительность («Горы высокия, дебри непроходимыя, утес каменной, яко стена стоит, и поглядеть — заламя голову»). Этим средством Аввакум искусно пользуется в другом месте: «Река песчаная, засыпная, плоты тяжелые, приставы немилостивые, палки большие, батоги суковатые, кнуты острые, пытки жестокие — огонь да встряска, люди голодные: лишю станут мучить — ано и умрет... Ох, времени тому». ³⁸ И еще: «Страна варварская, иноземцы немирные».

Во всех трех случаях, как видим, отмеченный прием несет строго определенную функцию: придает рассказу мрачную, суровую интонацию. Интересно в этом отношении сравнить приведенные места со вторым пейзажем, представляющим описание «Байкалова моря». ³⁹

Непосредственно служебной роли этот пейзаж не выполняет; он приобретает более самостоятельное значение, еще большее внимание уделяется подробностям; появляется красивое образное сравнение плавающих гусей и лебедей со снегом. Но пейзаж завершает собою повесть о даурской ссылке — одном из самых страшных эпизодов «плавания» Аввакума, поэтому он проникнут светлым настроением. Люди спаслись от бури и на надежной земле спокойно наблюдают природу. Пейзаж должен передать их душевное состояние. Характерно, что прилагательное перестает здесь выполнять роль сказуемого, как это мы наблюдали в приведенных выше примерах, и превращается в простой эпитет, поставленный, однако, вслед за существительным. Число инверсий по сравнению с первым пейзажем увеличено, что сообщает рассказу своеобразную покойно-неторопливую

³⁴ В. И. Малышев. Три неизвестных сочинения протопопа Аввакума и новые документальные материалы о нем. Доклады и сообщения Филологического института Ленинградского университета, вып. 3, 1951, стр. 261—262.

³⁵ Житие, стр. 170; разрядка моя, — В. Г.

³⁶ Русская речь, стр. 281.

³⁷ Житие, 87—88: описание берега р. Тунгузки у порога Долгого.

³⁸ Житие, стр. 93

³⁹ Житие, стр. 110—111.

интонацию, резко выделяющую это место из всего драматического повествования, контрастирующую с последним.

В. Виноградов обратил внимание на обилие в «Житии» уменьшительных форм и сочетаний слов с ласкательными эпитетами, слов с определенным эмоциональным содержанием, обнаруживающим отношение рассказчика («горюн», «горемыка», «свет», «кормилец», «надежа»), на частое употребление глагола «плакать». Мы не можем согласиться с тем, что это окрашивает «Житие» в «сентиментальный тон»⁴⁰ (В. Виноградов). Взятые сами по себе, вне контекста, эти слова, может быть, и способны создать впечатление излишней чувствительности. Однако в общей высоко-драматической тональности «Жития», в связи с подлинным горем и страданиями, с высоким накалом всех чувств, эти слова вполне уместны: они лишь подчеркивают драматизм положений и чувств героев. Сентиментальность возникает при несоответствии степени выражения чувств характеру и глубине самого чувства — этого в «Житии» нет. В дополнение к наблюдениям исследователей в этом плане следует указать на наличие в «Житии» формы собирательных существительных: «батожьё», «кнутъё» (вместо батог, кнуты), которая выразительно оттеняет жестокость наказания.

Наконец, обратим внимание, что драматизм содержания «Жития» определил не только своеобразный монолог рассказчика-героя, оснащенный отмеченными средствами художественной выразительности, но и важное значение речи других персонажей и диалогов как средства обрисовки характеров и выражения идейного замысла. Так, образ Настасьи Марковны по существу создан одним этим средством, очерчен в нескольких репликах, которые она произносит при чрезвычайно драматических ситуациях: во время перехода через Иргень-озеро и в момент кратковременных колебаний самого Аввакума. Ярко сказывается характер казаков в немногих словах, обращенных при обыске к Настасье Марковне: «Матушка, опочивай ты, и так ты, государыня, горя нетерпелась». Патриарх Никон живо обрисован в двух контрастных сценах средствами драматической характеристики — двумя короткими репликами, в которых прекрасно передается характер лицемерного и циничного политика.⁴¹ Характер самого Аввакума, когда он перестает быть героем-рассказчиком, а предстает как действующее лицо «Жития», чаще всего раскрывается в произносимых им репликах. С этой особенностью обрисовки характеров связана и другая: психологически верное раскрытие внутреннего состояния героев достигается в «Житии» не описанием этих состояний и чувств, а с помощью их «внешних симптомов», как верно отметил В. В. Виноградов.⁴² На эту особенность обратил внимание также Р. Ягодич: «Его изображение при всей страстной заинтересованности рассказываемыми событиями охватывает только действия. . . Очень сдержан он также при рассказе о душевных состояниях».⁴³ Мы соглашаемся с высокой оценкой, какую дает немецкий исследователь этой особенности стиля Аввакума: «Он создал собственный, полный действительности стиль, который составляет нечто исключительное по сравнению со всем, что было написано в то время».⁴⁴ Однако исследователи не дали объяснения этой особенности стиля Аввакума. Ее следует рассматривать не как недостаток психологи-

⁴⁰ Русская речь, стр. 257

⁴¹ См.: Житие, стр. 79, 83

⁴² Русская речь, стр. 254.

⁴³ Jagoditsch, стр. 67

⁴⁴ Jagoditsch, стр. 65

ческой характеристики, а как ее своеобразие, вытекающее из основной драматической природы стиля «Жития», из действенного характера пафоса борьбы, пронизывающего все произведение Аввакума.

Преодолевая витийственную, торжественную манеру древнерусских книжников, провозгласив принципами своей литературной деятельности правду и простоту, Аввакум вошел в историю русской литературы как новатор, как писатель, нашедший свой оригинальный стиль, вполне соответствовавший замечательному содержанию его «Жития». В этом соответствии содержания и формы — причина могучего воздействия произведения и его неумирающей силы и красоты.

С. Н. АЗБЕЛЕВ

Летописные памятники Новгорода XVII—XVIII вв.

(Обзор списков)

Почти полная неизученность поздних летописей, сильно обедняя представление о продолжительности и размахе русского летописания, приводит подчас к необоснованным выводам, вплоть до утверждения, будто «Никоновская летопись, по существу говоря, заканчивает летописный период русской историографии».¹ Между тем многочисленные летописи XVII—XVIII вв., представленные наибольшим сравнительно с более ранними летописями количеством списков (что позволяет полнее проследить «механизм» летописной работы), дают, в частности, материал для изучения перехода от господствовавшей в древнерусской литературе летописной формы исторического повествования к исследовательским работам историков XVIII в. С этой точки зрения большую ценность представляют результаты проведенного А. Н. Насоновым сплошного просмотра всех летописных памятников в хранилищах Москвы (с определением состава 173 рукописей), давшие обильный материал и для изучения поздних летописей, в частности — обнаруженный им официальный летописец Петровского времени.²

Задача настоящего обзора — дать краткую внешнюю характеристику и рассмотреть в общих чертах взаимоотношение памятников позднего новгородского летописания, обнаруженных мною в результате обследования рукописных отделов шести хранилищ: Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина, Библиотеки Академии наук СССР, Государственного исторического музея, Центрального государственного архива древних актов и Архива Ленинградского отделения Института истории АН СССР. В обзор включено 76 известных мне в настоящее время списков новгородских летописей, относящихся к XVII—XVIII вв.³ Выявление списков производилось на основании существующих каталогов и описаний, поэтому обзор не может претендовать на исчерпывающую полноту, даже

¹ Очерки истории исторической науки в СССР, т. I. Под ред. М. Н. Тихомирова (главный редактор), М. А. Алпатова, А. Л. Сидорова. Изд. АН СССР, М., 1955, стр. 79.

² А. Н. Насонов. Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы) Проблемы источниковедения, IV. М., Изд. АН СССР, 1955, стр. 243—285.

³ В целях полноты настоящего обзора при характеристике списков НЗЛ указываются и те ее списки, которые уже были перечислены в моей статье «Новгородская третья летопись (время и обстоятельства возникновения)» в XII т. ТОДРА (М.—Л., 1956). Краткие летописцы (в том числе летописец новгородского Софийского собора и Летописец новгородских владык, известные в значительном количестве списков) в обзор не включены. О них будет подготовлена отдельная заметка

в отношении уже описанных ранее рукописей.⁴ Многие из содержащихся в статье выводов (в частности, установление редакций Забелинского и Погодинского летописных сводов) должны рассматриваться лишь как предварительные, так как они не являются результатом полного исследования памятников.

До сих пор вовсе не привлекал внимания исследователей новгородский летописный свод XVII в., читающийся в рукописях ГИМ, собр. Уварова, № 568 (1391)⁵ (последняя четверть XVII в., в лист, 591 лл., летописный текст на лл. 66—435 об.) и ГПБ, собр. Погодина, № 1403 (последняя четверть XVII в., в лист, 698 лл., летописный текст на лл. 32—478 об.). Этот свод, доведенный до 1646 г. (ниже я буду условно называть его Уваровским), по-видимому, явился основным источником НЗЛ, составив ядро ее пространной редакции. Очевидно, извлечением из этого свода является краткий летописец в составном сборнике ГПБ, собр. Погодина, 1953 (XVII в., в 4-ку, 153 лл., текст летописца на лл. 89—121 об.), датированный 1679 г.⁶

Обращаясь к самой НЗЛ, прежде всего отмечу любезно указанный мне А. А. Зиминым летописец ВБЛ, собр. Общества истории и древностей российских, № 127⁷ (последняя четверть XVII в., в лист, 562 лл., летописный текст на лл. 1—434), оказавшийся вторым списком пространной редакции этой летописи.⁸ Сличение его с уже известным списком ВБЛ, Р. 252 (последняя четверть XVIII в., в лист, 536 лл., летописный текст на лл. 1—417 об.) показало с полной очевидностью, что этот список восходит к списку ОИДР. 127: вся рукопись Р. 252 по содержанию

⁴ Не только краткие сведения каталогов, но и лучшие научные описания далеко не во всех случаях могут дать необходимые сведения. Так, рукопись ВБЛ, Р. 252, содержащая список пространной редакции НЗЛ, описана А. Востоковым на протяжении полутора страниц; тем не менее, из этого описания не видна не только связь ее текста с уже известной в то время НЗЛ краткой редакцией, но почти не отражена принадлежность летописи к числу новгородских (см.: А. Востоков. Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842, стр. 355—357). Ввиду этого de visu просматривались и летописи, описания которых вызывали лишь подозрения о новгородском происхождении памятника, а также некоторые сборники. Возможны, разумеется, и случайные пропуски при просмотре описаний. Полную гарантию от них мог бы дать только сплошной просмотр всех списков летописей и всех сборников XVII—XVIII вв., подобный работе, проделанной А. Н. Насоновым в отношении московских хранилищ. При обследовании использованы каталоги и описания, имевшиеся в наличии к началу 1956 г.

⁵ Описан А. Н. Насоновым (Летописные памятники хранилищ Москвы, стр. 264)

⁶ В указанной выше моей статье (стр. 248) этот летописец назван извлечением из несохранившегося первоначального вида пространной редакции НЗЛ, так как Уваровский свод мне не был в то время известен, а весь текст Погод. 1953 (за исключением шести известий) входит в окончательный вид этой редакции. Однако наличие в Уваровском своде и тех известий Погод. 1953, которых нет в этой летописи, а также одинаковое окончание списков Увар. 568 и Погод. 1953 (на 1646 г.) говорят в пользу того, что последний восходит именно к тексту, читающемуся в Уваровском своде. Предположение же о самом существовании первоначального вида пространной редакции НЗЛ (аргументированное в указанной статье лишь наличием и составом извлечения) подтвердилось составом Забелинского новгородского свода (см. ниже стр. 286—287). Остаются в силе и высказанные в указанной статье (стр. 254—257) соображения по датировке этого первоначального вида, в частности предположение об отсутствии в нем известия о смерти Алексея Михайловича (которое есть в Погод. 1953), так как этого известия нет в Увар. 568, а в Погод. 1953 оно, являясь последним, написано чернилами, несколько отличными по оттенку от чернил, которыми написан весь предшествующий текст (что не было мною использовано в указанной статье), — по-видимому, это известие внесено самим переписчиком.

⁷ Рукопись описана в обзоре А. Н. Насонова (вышедшем из печати после того, как список был указан мне А. А. Зиминым) на стр. 256. В дальнейшем сокращенно: ОИДР 127

⁸ Характеристика обеих ее редакций содержится в моей статье «Новгородская третья летопись (время и обстоятельства возникновения)» (стр. 241—242).

повторяет (с незначительными отклонениями, легко объясняемыми ошибками писца) текст рукописи ОИДР. 127 (включая следующие за летописью повесть «О изгнании Улу Ахмета царя от Златых Орды...» и «Казанскую историю»), причем сохранено без изменений даже деление текста на абзацы и расположение авторских маргиналий, а имеющиеся на полях ОИДР. 127 поздние заметки и приписки разными почерками XVIII в. оказываются перенесенными в рукопись Р. 252. По-видимому, эта последняя, датируемая последней четвертью XVIII в., представляет собой копию, снятую для Н. П. Румянцева с рукописи ОИДР. 127.⁹ Список ОИДР. 127 носит следы использования его переписчиком дополнительных источников или сверки с более полным текстом. Вся рукопись писана одним почерком (за исключением упомянутых приписок XVIII в.), но во многих местах на полях, между абзацами и между строк читаются известия, вписанные другими чернилами и иногда более густо, чем окружающий текст. Некоторые листы, по-видимому, были после этой правки переписаны. Об этом свидетельствует значительное количество вклеек и то обстоятельство, что л. 324 является белой копией предыдущего листа, испещренного такими вставками и вплетенного в рукопись, очевидно, по недосмотру.

Число известных списков краткой редакции НЗЛ увеличилось до двадцати. Это следующие рукописи: ГИМ—собр. Щукина, № 710 (конец XVII в., в 4-ку, 237 лл., летописный текст на лл. 23—237 об.), Синодальное собр., № 794 (вторая половина XVIII в., в 4-ку, 204 лл., летописный текст на лл. 13 об.—202), собр. Барсова, № 1790 (первая половина XVIII в., в 4-ку, 334 лл., летописный текст на лл. 36 об.—334 об.); ГПБ—F. IV. 623 (вторая половина XVIII в., в лист, 168 лл., летописный текст на лл. 19—168) и Q. IV. 78 (первая половина XVIII в., в 4-ку, 187 лл., летописный текст на лл. 62 об.—165 об.), собр. Титова, № 3250 (вторая половина XVIII в., в 4-ку, 192 лл., летописный текст на лл. 20—188 об.), собр. Погодина, № 1416 (конец XVII—начало XVIII в., в лист, 189 лл., летописный текст на лл. 81—184 об.) и собр. Петербургской духовной академии, № А I/260¹⁰ (последняя четверть XVIII в., в лист, 109 лл., текст летописи на лл. 20—93); БАН, 32.3.16 (начало XVIII в., в 4-ку, 326 лл., летописный текст на лл. 99 об.—271 об.); ВБЛ—M. 1841 (вторая половина XVIII в., в 4-ку, 173 лл., летописный текст на лл. 17 об.—155), Р. 250 (вторая половина XVIII в., в 4-ку, 326 лл., летописный текст на лл. 37—326) и M. 1511 (первая половина XVIII в., в 4-ку, 185 лл., летописный текст на лл. 25—90 об.); Публичная библиотека УССР, собр. Киевской духовной академии, № 215¹¹ (XVIII в., в лист, 130 лл., летописный текст на лл. 13—126); ЛОИИ—собр. Археологической комиссии, № 27¹² (вторая пол. XVIII в., в 4-ку, 336 лл., летописный текст на лл. 33—336), № 28¹³ (вторая половина XVIII в., в 4-ку,

⁹ Отличительной чертой этой копии сравнительно с оригиналом является передача буквенных обозначений чисел арабскими цифрами. В результате сличения обеих рукописей подтвердилось предположение о том, что в копии дата 7105 (1597) в тексте приписки на поле против известий 1069 г. (ВБЛ, Р 262, л. 80—80 об.) испорчена переписчиком, ошибочно принявшим 7190 за 7105. В рукописи ОИДР. 127 оказавшейся, как мы видели, оригиналом списка Р. 252, действительно стоит 7194 (л. 98 об.). Таким образом, подтвердилось и выведенная на основании этой гипотезы датировка того вида пространной редакции НЗЛ, к которому восходит краткая редакция, и исходная точка датировки самой краткой редакции (ТОДРА, т. XII, стр. 252—254)

¹⁰ В дальнейшем сокращенно: ПДА. А1/260.

¹¹ В дальнейшем сокращенно: КДА. 215.

¹² В дальнейшем сокращенно: Ком. 27.

¹³ В дальнейшем сокращенно: Ком. 28.

220 лл., летописный текст на лл. 21—203 об.) и № 29¹⁴ (вторая половина XVIII в., в 4-ку, 68 лл., летописный текст на лл. 9—33 об.); ф. 115, № 133 (1771 г., в 4-ку, 67 лл., без нумерации, летописный текст на лл. 1 об. — 64 об.); ЦГАДА, Рукописный отдел Библиотеки Московского главного архива Министерства иностранных дел (ф. 181), № 1161¹⁵ (конец XVIII—начало XIX в., в 4-ку, 226 лл., летописный текст на лл. 26—225) и собр. Мазурина (ф. 196), № 595 (первая половина XVIII в., в 4-ку, 204 лл., летописный текст на лл. 127 об. — 184 об.).¹⁶

Особо следует остановиться на большом летописном своде, известном ранее только по рукописи ГИМ, собр. Забелина, № 261¹⁷ (последняя четверть XVII в., в лист, 765 лл., летописный текст на лл. 1—669), широко отразившемся, как увидим ниже, в более поздних летописных памятниках Новгорода и позволяющего уточнить историю второй крупнейшей традиции его летописания XVII—XVIII вв. — Новгородской третьей летописи. До настоящего времени мною зарегистрировано девять списков этого свода: ВБЛ, М. 733 (вторая четверть XVIII в., в лист, 982 лл., летописный текст на лл. 1—853); БАН, 16.4.1 (1756 г., в лист, 662 лл.) и 34.2.26¹⁸ (вторая четверть XVIII в., в лист, 567 лл.); ГПБ, Эрмитажное собр., № 417 (последняя четверть XVIII в., в лист, 199 лл., летописный текст на лл. 1—195 об.) и № 418 (последняя четверть XVIII в., в лист, 377 лл., летописный текст на лл. 1—367 об.), собр. Вяземского, Q. CCXLI (середина XVIII в., в 4-ку, 422 лл., летописный текст на лл. 65—422 об.); ГИМ, Музейное собр., № 2159 (конец XVII в., в лист, 344 лл.); ЦГАДА, Рукописный отдел Главного архива Министерства иностранных дел, № 22¹⁹ (вторая половина XVIII в., в лист, 342 лл.) и уже упомянутый Забел. 261.

Наиболее интересна рукопись Забел. 261 — здесь мы имеем дело с явлением, чрезвычайно редким, — список является архетипным. Вся рукопись написана одним почерком, но содержит множество вставок (объемом от одного листа до нескольких десятков листов), бумага которых своим цветом, плотностью и водяными знаками отличается от бумаги, на которой написан остальной текст. Содержание каждой из этих вставок представляет собой самостоятельное целое, часто разрывающее основной текст на полупhrase или даже на полуслове.²⁰ В отдельных случаях, для устранения таких разрывов, начальная часть разорванного известия оказывается перечеркнутой и вписанной заново на свободной части листа после вставки. Имеются также пометки, указывающие, что продолжение оборванного текста следует искать через столько-то листов. Как будет показано ниже, содержание вставок и окружающего их текста восходит к разным источникам. Факт соединения разнородного материала самим автором рукописи Забел. 261 не вызывает, таким образом, никаких сомне-

¹⁴ В дальнейшем сокращенно: Ком. 29.

¹⁵ Список указан мне А. Н. Насоновым. В дальнейшем сокращенно: МИД. 1161

¹⁶ Список указан мне А. Н. Насоновым. После сдачи статьи в набор мною обнаружен еще один список НЗЛ краткой редакции в сборнике ГПБ, Q. XVII 77.

¹⁷ Небольшая часть этой рукописи (лл. 612 об—660) издана М. Н. Тихомировым с приложением описания (М. Н. Тихомиров. Новгородский хронограф XVII века Новгородский исторический сборник, вып. 7 Новгород, 1940, стр. 66—114). Л. В. Черепнин в своей работе «„Смута“ и историография XVII века (из истории древнерусского летописания)» (Исторические записки, т. 14. [М.], 1945), кроме этого списка, рассматривает и упоминаемые мною ниже списки Муз. 2159 и МИД. 22 (стр. 119, 121), но главным предметом его исследования является здесь не свод в целом, а читающаяся в составе этих списков редакция «Нового летописца».

¹⁸ Обе рукописи БАН указаны мне М. А. Салминой

¹⁹ В дальнейшем сокращенно: МИД. 22.

²⁰ Наличие этих вставок было отмечено М. Н. Тихомировым (Ук. соч., стр. 68).

ний. Остальные восемь списков этого свода повторяют ее содержание, вместе со всеми вставками и перебивками текста. Несомненно, что все они (как и любые другие списки этой редакции, если таковые будут обнаружены) восходят к рукописи Забел. 261. Ниже я буду условно называть этот свод *Забелинским новгородским сводом* (в отличие от *неновгородского свода* в рукописи Забелина № 262, названного А. Н. Насоновым *Забелинским*²¹).

Основу свода составляет пространная редакция НЗЛ, включенная почти целиком и дополненная другими летописными источниками, среди которых, начиная от первых листов и до конца XVI в., отчетливо прослеживается псковская летопись (судя по составу известий, это был летописец псковского Печерского монастыря). Далее идет особая редакция «Нового летописца», продолженная до 1679 г.²² В этот текст, могущий быть условно названным первоначальной редакцией *Забелинского новгородского свода*, включены в виде вставок, вклеенных на отдельных листах, *Синописис изданий 1647 г. и 1680 г.*²³ (почти весь — отдельными главами), «История еже о начале Руския земли» (включенная дважды: сначала частично, в виде отдельных вставок, а затем целиком), *Краткий летописец новгородских владык*, оканчивающийся известием о поставлении митрополитом *Конилия (1674—1695 гг.)*, подборка летописных известий, касающихся новгородского Софийского собора (включены целиком), *Сказание о Мамаевом побоище*,²⁴ большие отрывки из неизвестных до настоящего времени новгородских летописей (в числе их харатейный летописец)²⁵ и другие источники.²⁶ Вследствие необработанности свода в тексте его имеются многочисленные дублировки известий и непоследовательность в хронологии.

Большой интерес представляет не отмечавшееся до сих пор исследователями критическое отношение составителя свода к используемым источникам. После легендарных по содержанию глав из *Синописиса о Мосохе* и о переселении киевского митрополита *Максима* в Москву читаем пространное рассуждение (с использованием «Истории еже о начале Руския земли», печатных *Псалтири* и *Цветослова* и летописных источников) относительно несостоятельности утверждений *Гизеля* о существовании *Мосоха*, происхождении от него «московитов» и др. (см. Приложение).

Несомненно, что составителем *Забелинского новгородского свода* был использован не окончательный вид пространной редакции НЗЛ, представленный списками ОИДР. 127 и Р. 252 и составленный не ранее 1682 г.,²⁷ а несохранившийся первоначальный ее вид. Об этом свидетельствует не только то обстоятельство, что окончательная редакция *Забелинского свода* возникла, по-видимому, не позднее 1681 г.,²⁸ но также —

²¹ А. Н. Насонов. Летописные памятники хранилищ Москвы, стр. 258—259

²² Исследована Л. В. Черепниным («Смута» и историография XVII века, стр. 119—127).

²³ Л. В. Черепнин в указанной статье (где он рассматривает преимущественно заключительную часть свода) отмечает только использование издания 1680 г. В начальной же части свода несколько раз прямо говорится, что та или иная статья выписана из *Синописиса* издания 1674 г.

²⁴ См.: М. Н. Тихомиров. Древняя Москва. М., 1947, стр. 204—206.

²⁵ На использование его указывает сам составитель на л. 169 об. Начало отрывка, почерпнутого из харатейного летописца, приведено М. Н. Тихомировым (Новгородский хронограф XVII века, стр. 67).

²⁶ Большая часть их отмечена Л. В. Черепниным в указанной статье

²⁷ См.: ТОДРЛ, т. XII, стр. 253—254.

²⁸ Составитель отмечает на л. 635 об., что церковь Воскресенского монастыря «и донныне тако недостроена суть», тогда как в 1681 г. строительство ее было возобновлено и вскоре закончено (см.: Л. В. Черепнин. «Смута» и историография XVII века,

и с полной очевидностью — состав самого летописного текста. Многие известия Забел. 261, отсутствующие или измененные в ОИДР. 127, содержатся без изменений в Уваровском своде, представляющем собой, как указывалось, основной источник НЗЛ (включенный в нее целиком), и совпадают в свою очередь с соответствующими текстами С1Л и других древних летописей, к которым восходит Уваровский свод.²⁹ С другой стороны, составитель краткой редакции НЗЛ, основу которой составляет извлечение из окончательного вида пространной редакции,³⁰ использовал, по-видимому, для дополнений Забелинский новгородский свод, так как в этой редакции есть известия, отсутствующие в ОИДР. 127 (как и в Уваровском своде), но содержащиеся в Забел. 261. Обратной картины, т. е. использования краткой редакции составителем Забел. 261, быть не могло, так как, во-первых, эта редакция возникла не ранее 1682 г.,³¹ а Забел. 261, по всей вероятности, не позднее 1681 г. (см. стр. 286), а во-вторых, тексты, тождественные этой редакции и отсутствующие в ОИДР. 127 и Уваровском своде, есть как в основной части Забел. 261, так и на вклеенных листах, т. е. восходят к разным источникам.

Как уже отмечалось, составление Забелинского новгородского свода может быть разделено на два этапа: сначала был составлен летописный свод, основанный на НЗЛ и использовавший, кроме нее, «Новый летописец», псковскую летопись и другие источники и представлявший собой первоначальную редакцию, после чего, в уже составленную таким образом летопись, были сделаны вставки из Синописа и других памятников, давшие окончательную редакцию свода, архетипом которой является список Забел. 261. Списков первоначальной редакции в том ее виде, в каком она была использована при составлении Забел. 261, обнаружить пока не удалось, но имеется список, представляющий эту редакцию в несколько сокращенном виде: рукопись ГИМ, собр. Вахрамеева, № 499 (XVIII в., в лист, 311 л., летописный текст на лл. 7—296).³² Ознакомление с памятником показывает, что он содержит текст списка Забел. 261, за вычетом вклеенных на отдельных листах частей его, переданный в несколько сокращенном виде. При этом те части НЗЛ, которые были заменены в Забел. 261 вклеенными в него соответствующими главами Синописа и, таким образом, изъяты из окончательной редакции свода, оказываются сохраненными в списке Вахр. 499, начиная с первых фраз этой летописи, отсутствующих в Забел. 261.

Забелинский свод явился основой другого, до настоящего времени совершенно не изученного новгородского летописного свода, сохранившегося, как оказалось, в сравнительно большом количестве списков, которые могут быть разбиты на несколько редакций. Первоначальная и наиболее обширная редакция представлена следующими списками: ГПБ, собр. Погодина, № 1411 (первая половина XVIII в., в 4-ку, 330 л., летописный текст на лл. 1—316 об.), Эрмитажное собр., № 414 (конец XVIII—начало XIX вв., в лист, 379 л., летописный текст на лл. 2—372 об.) и № 445 (вторая половина XVIII в., в лист, 151 л., летописный текст на лл. 1—146 об.); ГИМ, собр. Черткова, № 331³³ (первая половина

стр. 121; добавим от себя, что указанное место читается на одном из вклеенных листов и, следовательно, принадлежит к окончательной редакции свода). Л. В. Черепнин относит составление свода к 1680 г. (там же, стр. 121 и 127).

²⁹ Изложение наблюдений над составом этого свода, как и над составом самой НЗЛ, не входит в задачу настоящей статьи.

³⁰ См.: ТОДРЛ, т. XII, стр. 240.

³¹ См.: ТОДРЛ, т. XII, стр. 257.

³² Окончание летописи после 1630 г. отсутствует

³³ Описан А. Н. Насоновым (Летописные памятники хранилищ Москвы, стр. 256)

XVIII в., в 4-ку, 393 лл., летописный текст на лл. 21 об. — 393 об.); ЦГАДА, Рукописный отдел Библиотеки Московского главного архива Министерства иностранных дел (ф. 181), № 9³¹ (вторая половина XVIII в., в лист, 266 лл., летописный текст на лл. 1—219 об.); БАН, 17.8.13 (1754 г., в 4-ку, 223 лл., летописный текст на лл. 25—221 об.). Поскольку известные списки этой редакции, по-видимому, восходят, к рукописи Погод. 1411,³⁵ ниже я буду условно называть весь свод Погодинским. Основную часть его составляет сильно сокращенный текст рукописи Забел. 261. Несомненно, что это сокращение именно окончательной, а не первоначальной редакции Забелинского новгородского свода, так как в нем отражены и те части списка Забел. 261, которые вклеены в него впоследствии (в частности, упоминавшаяся вставка из харатейного летописца). В свод включены также выборки непосредственно из НЗЛ (по-видимому, из краткой ее редакции), так как в нем есть тексты, восходящие к этой летописи, но отсутствующие в Забелинском своде, «Казанская история» (в сокращенном виде)³⁶ и известия некоторых других источников.

Вторая редакция Погодинского свода представлена двенадцатью списками: ГИМ, собр. Уварова, № 1399 (2) (вторая половина XVIII в., в лист, 184 лл., летописный текст на лл. 1—182), собр. Забелина, № 270 (439) (начало XIX в., большой лист, 73 лл., летописный текст на лл. 1—72 об.), собр. Барсова, № 1791³⁷ (вторая четверть XIX в., в 4-ку, 187 лл., летописный текст на лл. 25—187) и № 1793 (вторая четверть XIX в., в 4-ку, 106 лл.); ГПБ, F.IV.370 (середина XVIII в., в лист, 74 лл.), F.IV.888 (вторая половина XVIII в., в лист, 206 лл.), F.XVII.22 (середина XVIII в., в лист, 198 лл., летописный текст на лл. 1—189 об.), собр. Погодина, № 1474 (последняя четверть XVIII в., в лист, 103 лл.), Эрмитажное собр., № 444 (последняя четверть XVIII в., в лист, 204 лл.) и собр. Петербургской духовной академии, № А 1/260³⁸ (последняя четверть XVIII в., в лист, 109 лл., текст свода на лл. 1—15 об.); БАН, 21.6.13 (третья четверть XVIII в., в лист, 137 лл.) и 17.8.25 (конец XVIII в., в 4-ку, 429 лл., текст летописи на лл. 1—387). Редакция эта может быть названа сокращенной, так как текст первоначальной редакции подвергся в ней значительному и систематическому сокращению, причем некоторые части свода оказались выброшенными почти целиком (так, из обширного рассказа, восходящего к «Казанской истории», сохранена только одна из его глав). В тексте произведены также значительные перестановки почти на всем его протяжении. Дополнительные источники привлекались в этой редакции, по-видимому, только для продолжения текста, восходящего к первоначальной редакции.

Третью, краткую редакцию свода представляют списки ВБЛ, собр. Общества истории и древностей российских, № 129³⁹ (XVIII в., в 4-ку, 92 лл.), собр. Ундольского, № 1141 (конец XVII в., в 4-ку, 159 стр. +

³⁴ Описан А. Н. Насоновым в указанной статье (стр. 276). В дальнейшем сокращенно: МИД. 9.

³⁵ См. об этом ниже, стр. 291.

³⁶ Напомним, что «Казанская история» следует после текста летописного свода в самой рукописи Забел. 261. Можно предположить, что существовала обработанная редакция текста этой рукописи (носящей, как мы видели, характер черновика и лишь условно названной мною окончательной редакцией), включившая, в частности, «Казанскую историю» в летописный текст, и что сокращение именно этой обработанной редакции (а не самого Забел. 261) легло в основу Погодинского свода. Однако каких-либо конкретных данных, подтверждающих существование такой редакции, пока нет.

³⁷ Описан А. Н. Насоновым (Летописные памятники хранилищ Москвы, стр. 276).

³⁸ В дальнейшем сокращенно: ПДА. А1/260.

³⁹ В дальнейшем сокращенно: ОИДР. 129.

79 лл., летописный текст на стр. 1—157); ГПБ, Q.IV.148 (середина XVIII в., в 4-ку, 106 лл.), собр. Титова, № 3217 (XVIII в., в 4-ку, 128 лл., летописный текст на лл. 1—65, при переплетении листы перемешаны); БАН, 45.5.20 (середина XVIII в., в 4-ку, 49 лл., летописный текст на лл. 39—45 об.); ГИМ, Музейное собр., № 2513 (первая половина XVIII в., в 4-ку, 87 лл., летописный текст на лл. 14—64 об.). Основу этой редакции свода составляет сильно сокращенный текст второй редакции,⁴⁰ дополненный по НЗЛ (несомненно — по краткой редакции этой летописи, так как среди дополнений есть известия, встречающиеся только в ней) и включивший, кроме того, в самостоятельном виде родословие великих князей от сыновей Всеволода Ярославича до сыновей Ивана IV и небольшой краткий летописец с 862 по 1654 г., вставленные после известий 1052 г.

* *
*

Списки окончательной редакции Забелинского новгородского свода распадаются на три группы. Первая группа представлена списками Забел. 261, М. 733, 16.4.1 и 34.2.26. Второй из них полностью повторяет текст всей рукописи Забел. 261 (включая следующую за летописью «Казанскую историю»). Остальные две рукописи содержат только летописный текст, причем в списке 16.4.1, представляющем собой, как это явствует из записи на последнем листе, копию, снятую при Академии наук в 1756 г. «с оригинала Михаила Ларионовича Воронцова»,⁴¹ отсутствует начальная часть свода, а в списке 34.2.26 — окончание. Следов утраты начальных или конечных листов в этих рукописях нет. Неполнота их, по-видимому, является результатом сознательного опущения части текста переписчиками, так как границами списков являются границы структурных частей свода. В первом случае опущена вводная часть, предшествующая «Истории еже о начале Руския земли», а во втором случае — «Новый летописец» вместе с последующим текстом.

Вторая и третья группы списков составляют особый вид, который может быть назван неполным видом Забелинского новгородского свода; он содержит только заключительную часть летописи — текст «Нового летописца» с продолжением. Четыре списка второй группы: Муз. 2159, МИД. 22, Эрм. 417 и Эрм. 418, совершенно сходны между собой и содержат заключительную часть свода без каких-либо дополнений. По-видимому эти списки восходят к общему протографу.⁴² Третью группу составляет

⁴⁰ Несомненно, что краткая редакция восходит именно к сокращенной, а не к первоначальной редакции Погодинского свода, так как в ней есть тексты, полностью и до конца совпадающие с соответствующими текстами сокращенной редакции, которые в свою очередь являются сокращением текстов, читающихся в первоначальной редакции, — невозможно допустить, чтобы краткая и сокращенная редакции независимо одна от другой одинаково сократили эти тексты.

⁴¹ Оригинала этой рукописи в архиве Воронцовых обнаружить не удалось.

⁴² Л. В. Черепнин, касаясь взаимоотношения списков Муз. 2159 и МИД. 22 с Забел. 261, высказал предположение о «большой близости к протографу Забелинского списка» («Смута» и историография XVII века, стр. 123), ввиду того, что новгородский характер этой редакции «Нового летописца» соответствует новгородскому происхождению всего текста Забел. 261, а время составления этой редакции совпадает со временем составления всего свода и что в связи с этим вероятнее возводить указанную редакцию «Нового летописца» к Забелинскому своду, а не наоборот (там же, стр. 121—123). Правильность такого предположения доказывается с полной очевидностью сравнением списков Муз. 2159 и МИД. 22 с Забел. 261. Текст содержащихся в последнем вставок, написанных на другой бумаге, есть и в той части свода, которая читается в этих (и других) его списках. Одна из этих вставок (на лл. 232—235) разрывает в списке Забел. 261 ранее составленный текст на полуслове («... что словет

список Вяз. 241, где текст в конце дополнен известиями о воцарении Федора Алексеевича и о пожарах в Москве и Старой Русе за счет опущения читающейся в других списках (и в самом Забел. 261) пространной статьи о чигиринских походах, взятой из Синописа (имеются и другие отличия).

Извлечение из этого свода содержится в рукописи БАН, 24.5.33 (XVIII в., в 16-ю долю, 158 л., летописный текст на лл. 4—155 об.).⁴³

Списки краткой редакции НЗЛ могут быть разбиты на несколько групп. Первую группу составляют списки Щук. 710, Син. 794, Тит. 3250, М. 1841, Ком. 28 и ПДА. А1/260. В их общий протограф были сделаны два добавления, отсутствующие в списках всех других групп: под 1471 г., после пространной повести о присоединении Новгорода к Московскому государству и описания предшествовавших этому чудес, вставлена легенда о посещении Иваном III Хутынского монастыря; под 1346 г., после известия о буре, при которой водой вырвало семь городов Волховского моста, добавлено: «... а в ѳном летописце написано 87 городов»; выброшено повторное известие о море в Новгороде в 1507 г.⁴⁴ За вычетом этих особенностей список Щук. 710, самый старший из списков краткой редакции, по-видимому, наиболее близок к ее архетипу, так как он сохранил предшествующее летописному тексту пространное заглавие летописи, точно характеризующее состав ее известий,⁴⁵ и подробное оглавление с указанием против каждой статьи номеров соответствующих листов летописного текста⁴⁶ (в других списках это заглавие отсутствует или ошибочно перемещено в начало всей рукописи, хотя содержание предшествующих летописи памятников в нем не отражено, а в тех случаях, где заглавие оставлено на своем месте, дефектным оказывается текст оглавления; в ряде списков заглавия и оглавления нет вообще). Однако сама рукопись Щук. 710 дефектна: утрачен один лист в середине и последние листы — летописный текст обрывается на 1652 г.⁴⁷ Остальные пять списков этой группы полностью содержат летописный текст (оканчивающийся известиями 1674 г. о митрополите Иоакиме), но в них отсутствуют заглавие и оглавление, опущенные, очевидно, переписчиком их общего протографа.

Вторую группу составляют шесть списков: Ком. 27, Барс. 1790, F.IV.623, КДА. 215, МИД. 1161 и Р. 250. В их общем протографе оглавление также было опущено, а заглавие помещено в начало рукописи, переписывавшейся целиком, вместе с предшествующими летописи памят-

Корсун|ская. ...), причем на л. 231 об., перед началом вставки, приписано: «А конец сей статьи — перекинув 4 листа и тут конец». Весь текст, включая вставку, есть в списках Муз. 2159 и МИД. 22 (как и в других списках свода). Любопытно, что переписчик, обратив внимание на приписку, устранил разрыв и дописал сначала конец разорванного известия, а затем уже текст вставки (см.: Муз. 2159, л. 280; МИД. 22, л. 273).

⁴³ В оригинале этого списка листы были перемешаны.

⁴⁴ Оно сохранилось лишь в списке ПДА. А1/260; присутствие в нем этого известия указывает на связь с четырьмя последними списками второй группы (см. ниже). Об этом же говорит то обстоятельство, что целиком опущенное в них известие 1434 г. о поставлении Евфимия II (см. ниже) в списке ПДА. А1/260 сохранилось лишь в начальной своей части.

⁴⁵ «Книга глаголемая летописец Новгородской въкратце церквам божиим, в которое лето которая церковь во имя строена, и при котором епископе или архиепископе или митрополите; и в котором годе кон епископ или архиепископ, или митрополит поставлен бысть и какие времена и лета быша; и прилучай в котором годе какие были в Великом Новеграде и в пригородах. И то в сем летописце чтыи и обрящет по главам и по листам» (Щук. 710, л. 23).

⁴⁶ Оглавление состоит из четырех частей: оглавления известий о построении церквей, оглавления других известий, оглавления известий о пожарах в Новгороде и оглавления известий о поставлении новгородских иерархов.

⁴⁷ Один из владельцев рукописи, стремясь, по-видимому, скрыть ее неисправность, обрезал низ последнего листа и выскоблил последние строки в оглавлении.

никами.⁴⁸ В протографе списков Ком. 27 и Барс. 1790 заглавие было вообще выброшено, как и дублирующее известие о море 1507 г. В протографе остальных списков этой группы оказалось пропущенным известие 1434 г. о поставлении новгородским архиепископом Евфимия II.

В отдельную группу должен быть выделен сильно дефектный список М. 1511, обрывающийся на известиях 1454 г. Заглавие НЗЛ в нем отсутствует,⁴⁹ большая часть оглавления утрачена (сохранилось только его начало), оставшаяся часть перемешана и снабжена дополнительными статьями о предшествующих летописи памятниках, причем эти дополнительные статьи не входят в общую нумерацию статей оглавления; номера соответствующих листов летописного текста в оглавлении не указаны.

Две последние группы охватывают списки сокращенного вида краткой редакции летописи.⁵⁰ Четвертую группу составляют списки Погод. 1416 и Q.IV.78. В их протографе оглавление было несколько сокращено и не содержало номеров листов текста, дублирующее известие о море 1507 г. опущено, а летописный текст продолжен до 1699 г. В списке Q.IV.78 он продолжен еще далее — до 1716 г.

Пятая группа представлена списками 32.3.16; Ком. 29; ф. 115, № 133 и Маз. 595. В их общем протографе оглавление сокращению не подвергалось, но статьи его оказались перемешаны. В списках Ком. 29 (обрывающемся на 1376 г.) и ф. 115, № 133 оглавление сокращено (во втором списке начало рукописи, вместе с начальной частью оглавления, утрачено), а в самом тексте летописи имеются многочисленные пропуски.⁵¹ Список Маз. 595 обрывается на 1347 г., оглавление в нем вообще отсутствует.⁵² Номера листов в оглавлениях трех остальных списков переписаны механически и не соответствуют листам в тексте.

Сравнение списков Погодинского свода показало, что текст его был гораздо менее устойчив, чем текст краткой редакции НЗЛ. Различий между отдельными списками, подобных тем, которые были перечислены при группировке списков этой последней, в Погодинском своде имеется несколько десятков. Это опущения или включения отдельных известий и даже пространных текстов, распространение или сокращения известий, перестановки и т. п. При группировке списков были учтены все эти различия, здесь же мною отмечаются лишь наиболее крупные из них.

Списки первоначальной редакции свода (кроме списка 17.8.13), по-видимому, восходят к списку Погод. 1411, так как имеющиеся в нем исправления и особенно дополнения (иногда значительные, внесенные на заранее оставленные пустые места, в других случаях оставшиеся незаполненными), сделанные тем же почерком, но другими чернилами, читаются в остальных списках уже без каких-либо палеографических отличий от остального текста. Текст Погод. 1411 обрывается на известиях 1716 г.; имеется значительный пропуск в известиях второй половины XVI в., не-

⁴⁸ «Историей еже о начале Руския земли», Повестью о Данииле Александровиче Московском и Повестью о начале Москвы, сопутствующими НЗЛ во всех списках полного вида краткой редакции. Об отношении этих памятников к летописному тексту см. в ТОДРЛ, т. XII (стр. 242—247).

⁴⁹ Оно заменено кратким заглавием: «Книга глаголемая летописец Великаго Новграда» (М. 1511, л. 1).

⁵⁰ Особенности этого вида являются опущение Послания новгородского архиепископа Василия о рае, Легенды о видении пономаря Тарасия и Повести о присоединении Новгорода к Москве, а также отличия в составе окружения летописи (см.: ТОДРЛ, т. XII, стр. 240—244).

⁵¹ Оба списка написаны одним почерком и имеют ряд особенностей, позволяющих возводить их к общему протографу.

⁵² Из постоянного окружения летописи в этом списке сохранилась только Повесть о Данииле Александровиче.

которые листы перемешаны. Очевидно, при переплетении часть листов была утеряна; это произошло до переписки рукописи, так как остальные списки пропусков в соответствующих местах не имеют (кроме общего для всех списков пропуска во второй половине XVI в.).

Первую группу в этой редакции составляют списки Погод. 1411 и Чертк. 331, не имеющие крупных текстуральных различий и писанные одним почерком (список Чертк. 331 вследствие утраты листов обрывается на известиях 1709 г.).

Вторая группа представлена списками МИД. 9, Эрм. 414 и Эрм. 445, дающими в конце несколько сокращенный текст (за счет опущения ряда чисто церковных известий) и имеющими некоторые другие общие отличия. Мелкие особенности списков МИД. 9 и Эрм. 445 позволяют возводить их к общему протографу.

Список 17.8.13 представляет особый, сокращенный вид рассматриваемой редакции, независимый от списка Погод. 1411 и уделяющий преимущественное внимание известиям церковного характера. Сам сборник содержит, кроме сопутствующего и остальным спискам этой редакции перечня иерархов, статьи «О избрании епископов по градом» (роспись епископских кафедр) и «Присяга архиреем», а также запись о трех первых русских епископах. Летописный текст начинается с 991 г.; в последующем изложении многие известия опущены, в частности пропущены целиком период «Смуты» и последующие годы (1609—1637). Некоторые известия дополнены. Список оканчивается 1709 г.

Списки сокращенной редакции свода делятся на четыре группы. Первую составляют сходные между собой списки Увар. 1399 и Забел. 270, текст которых наиболее близок к первоначальной редакции и доведен до 1712 г. Далее в обоих списках идет «Сказание о чудеси преподобного Варлаама Хутынского, како избави молитвою Великий Новгород от потопа» (1505 г.) и известие 1728 г. об обратном течении Волхова.⁵³ Несмотря на значительное сходство обеих рукописей, текст младшего списка Забел. 270 имеет ряд отличий, свидетельствующих о том, что он восходит не к самому Увар. 1399, а к общему с ним протографу.

Вторая группа представлена списками 21.6.13, Барс. 1791, Барс. 1793 и ПДА. А1/260. В общий протограф этих списков было включено Сказание о Мамаевом побоище в редакции Синописа, сохранившееся в списке Барс. 1793 и опущенное в остальных списках (с указанием в списках Барс. 1791 и 21.6.13 на наличие этого текста в их оригинале). Список 21.6.13, по многочисленным признакам несомненно относящийся к этой группе, имеет некоторые признаки, свойственные спискам первой группы (например, известие 1480 г. о набеге Ахмета, отсутствующее в списках первоначальной редакции и содержащееся в протографе первой группы), что, по-видимому, свидетельствует о сверке оригинала этого списка по списку первой группы. О сверке самого списка 21.6.13 свидетельствует вписанное другой рукой известие 1598 г. о смерти царя Федора Иоанновича, содержащееся в остальных списках, но пропущенное переписчиком.⁵⁴ Оканчивается этот список, как и списки первой группы, известием 1712 г. о пожаре на Торговой стороне в Новгороде. Текст списка Барс. 1791 сов-

⁵³ В списке Увар 1399 после этого идет приписанное другим почерком известие 1785 г. о знамени в солнце, а в Забел. 270 тем же почерком — известия 1803 и 1807 гг. об обратном течении Волхова, после которых — краткое описание царствований Петра I, Екатерины I, Анны Иоанновны и Павла I и известие о вступлении на престол Александра I.

⁵⁴ Дата смерти указана точно, как и в других списках, но вместо «Федор Иванович» по ошибке стоит «Иван Иванович» (21 6 13. л. 108 об.).

падает с другими списками до 1697 г., за которым следует отличное от них продолжение, доведенное до 1767 г. В списке Барс. 1793 много пропусков, начало и окончание летописи отсутствуют (текст продолжается с 989 по 1557 г.), язык его местами значительно подновлен. Список ПДА А1/260 содержит лишь начало свода, обрывающееся на рассказе о княжении Ольги.

Третью группу составляют списки F.IV.370, F.XVII.22, Погод. 1474 и 17.8.25. Ряд признаков свидетельствует о том, что протограф этой группы восходит ко второй группе. Общей особенностью указанных списков является отсутствие в них заключительной части свода (после 1571 г.), причем окончание этих списков несколько отлично от соответствующего текста в списках первой и второй групп. Список 17.8.25 может быть лишь условно отнесен к Погодинскому своду, так как имеет посторонние включения из Хронографа (и, может быть, из других источников). Рукопись сохранила следы двойной сверки. Первоначально сам переписчик сверил ее, по-видимому, со своим оригиналом и вставлял пропущенные места, содержащиеся в других списках этой группы (вставки сделаны тем же почерком, но другими чернилами). Позднее сверка производилась по списку первой группы, не содержащему посторонних текстов, при этом недостающие известия были вписаны (другой рукой), а тексты, вставленные из другого источника, отмечены чертой на полях. В списке 17.8.25. имеются небольшие перестановки сравнительно с другими списками, в некоторых известиях есть добавления об упразднении церкви или монастыря, о котором идет речь.

Списки четвертой группы этой редакции — F.IV.888 и Эрм. 444 — представляют особый ее вид, который может быть назван распространенным. Особенности этих списков, общие с особенностями списков третьей группы (включая их окончание), показывают, что протограф этого вида восходит к одному из ее списков. Отличительной чертой этого вида является включение отсутствующих в других списках Повести о новгородском белом клобуке и Легенды о приплытии иконы Николая в Липенский монастырь.

Следует упомянуть также рукопись ГИМ, собр. Барсова, № 1794 (вторая четверть XIX в., в 4-ку, 70 л.), содержащую сильно сокращенное переложение сокращенной редакции Погодинского свода, изложенное преимущественно языком XIX в. (но с дословной передачей древнерусского текста в отдельных частях), которое не удастся возвести к одному из известных видов этой редакции. В начальной части рукописи отчетливо видна перестановка текстов, совпадающая с той, которая имеется в начале краткой редакции Погодинского свода сравнительно с сокращенной его редакцией. Это заставляет предполагать существование промежуточного вида этой редакции, к которому восходит краткая редакция и рукопись Барсова № 1794.

Списки краткой редакции подразделяются на две группы. Первую составляют списки Q.IV.148 и ОИДР.129, наиболее полно сохранившие текст этой редакции. В списке Q.IV.148 летописный текст доведен до 1704 г.; рукопись ОИДР. 129 дефектна: недостает некоторых листов в начале и окончания (список обрывается на рассказе о взятии Новгорода шведами под 1612 г.).

В протографе второй группы, представленной списками Унд. 1141, Муз. 2513 и Тит. 3217, вся вторая половина летописи была, по-видимому, утрачена и заменена окончанием, читающимся в списках третьей и четвертой групп сокращенной редакции свода. Списки Унд. 1141 и Муз. 2513 оканчиваются 1571 г., текст которого, отличный от текста, читаемого в Q.IV.148 и ОИДР. 129 (причем последнего известия о море в этих списках нет вообще), совпадает с текстом этого года в списках третьей и чет-

вертой группы сокращенной редакции (предшествующие годы, 1569 и 1570, в обеих редакциях совпадают). Список Тит. 3217 обрывается на рассказе о взятии Казани; мелкие особенности заставляют относить его к этой же группе. Списки этой группы содержат известия, восходящие к сокращенной редакции свода и отсутствующие в списках первой группы, что заставляет возводить вторую группу списков краткой редакции не непосредственно к первой группе, а к общему с ней протографу. Список 45.5.20 содержит только самое начало летописи, не дающее достаточного материала для обоснованного отнесения его к той или другой группе.

Сохранилось три, по-видимому, независимых друг от друга извлечения из этой редакции Погодинского свода. Одно из них содержится в рукописи ВБЛ, М. 2628 (вторая половина XVIII в., в лист, 59 лл., летописный текст на лл. 30—54), озаглавленной рукою А. Сулакадзева «Летописец Ладожский»⁵⁵ и представляет собой выборки из свода, сделанные, по всей вероятности, без какой-либо определенной системы. Текст извлечения оканчивается 1697 г., но имеет некоторые особенности, присущие только спискам второй группы краткой редакции свода (оканчивающимся 1571 г.) и, следовательно, восходит не к первой группе, а к общему протографу обеих групп.

Второе извлечение входит в состав литературного окружения, характерного для списков сокращенного вида краткой редакции НЗЛ. Оно читается ранее текстов этой последней в рукописях Погод. 1416 (на лл. 61—69 об.), Q.IV.78 (на лл. 49—54) и 32.3.16 (на лл. 76—85). Начальная часть краткой редакции свода передана извлечением сравнительно полно, после чего идет несколько отрывочных известий последующего текста, оканчивающихся 1323 г. Этот памятник представляет интерес для датировки Погодинского свода. Рукопись Погод. 1416 относится к 1699 г. или к первым годам XVIII в., так как текст НЗЛ в ней доведен до 1699 г., а почерки типичны для XVII в. (филигрань — герб Амстердама). Следовательно, не позднее этого времени сделано и помещенное в ней извлечение из краткой редакции Погодинского свода, а поскольку редакция его, как мы видели, последовательно восходят одна к другой, причем краткая является последней, очевидно, что все они возникли еще в XVII в., хотя сохранившиеся их списки относятся к XVIII—XIX вв.⁵⁶

Третье извлечение представлено списком Q.IV.177 (середина XVIII в., в 4-ку, 166 лл., текст извлечения на лл. 164—176), содержащим выборку известий, почти исключительно касающихся новгородских церквей, и восходит, по-видимому, к списку первой группы, так как оканчивается 1582 г.

Следует отметить также две летописи, представляющие собой механическое соединение некоторых из охарактеризованных выше памятников.

Рукопись ГПБ, F.IV.857 (вторая половина XVIII в., в лист, 292 лл.) в начальной части (лл. 2—183 об.) содержит окончательную редакцию Забелинского новгородского свода, вплоть до конца 1379 г., после чего, на том же листе, с последнего известия этого же года, идет текст Уваровского свода (вплоть до его окончания). Составитель компиляции F.IV.857, возможно, использовал оригинал именно рукописи Увар. 568, так как идущие в ней после летописного текста Сказание об осаде Тихвинского монастыря

⁵⁵ В самой рукописи имеется ряд пометок, приписок и рисунков А. Сулакадзева, рекламирующих и фальсифицирующих ее текст.

⁵⁶ Хотя в известных списках первоначальной редакции летописный текст заходит в XVIII в., вторая редакция содержит сокращение первоначальной только до 80-х годов XVII в., после чего их тексты расходятся и имеют отдельные совпадения, причем в совпадающих известиях текст сокращенной редакции часто оказывается более полным (чего ранее не встречается), — по-видимому, эти совпадения объясняются использованием в дополнительных частях обеих редакций общего источника

шведами и начало «Нового летописца» следуют за летописью и в F.IV.857 (использование самого списка Увар. 568 исключено, так как в нем текст «Нового летописца» обрывается ранее, чем в F.IV.857).

Рукопись ВБЛ, М. 1418⁵⁷ (вторая половина XVIII в., в 4-ку, 173 лл.⁵⁸) в начале содержит текст сокращенного вида краткой редакции НЗЛ (не могущий быть достаточно обоснованно возведенным к одной из известных групп его списков), обрывающийся на середине фразы в конце известий 1418 г., после чего, на том же листе (л. 69 об.), с 1419 г., идет сокращенная редакция Погодинского свода (текст восходит к первой группе ее списков), вплоть до 1712 г., после которого следует, как и в списках Увар. 1399 и Забел. 270, «Сказание о чудеси...». Всему летописному тексту предшествуют «История еже о начале руския земли» и Повесть о Данииле Александровиче. Перед ними помещено пространное заглавие и оглавление НЗЛ⁵⁹ (дополненное статьями о некоторых из известий Погодинского свода, отсутствующих в НЗЛ) с указанием номеров соответствующих листов. В тексте летописи есть небольшие пропуски. Вторым списком этой же компиляции является рукопись ВБЛ, М. 8617⁶⁰ (вторая половина XVIII в., в 4-ку, 187 лл.), в которой текст не дописан до конца (обрывается на середине последней фразы рассказа о пожаре 1609 г.), а в оглавлении отсутствуют дополнительные статьи (что не позволяет возводить эту рукопись к М. 1418) и не проставлены номера листов. Рукопись крайне ветхая, многих листов недостает. Третий список — в рукописи ГПБ, собр. Титова, № 4150 (1787 г., в 4-ку, 113 лл., летописный текст на лл. 16 об.—108 об.) — обрывается на рассказе об освобождении Новгорода от шведов и имеет много пропусков. Оглавление в начале рукописи не имеет ничего общего с обычным оглавлением НЗЛ.

В заключение можно указать две летописные компиляции, не связанные непосредственно с рассмотренными ранее памятниками.

Список ГПБ, Q.IV.213 (вторая половина XVIII в., большая четверка, 89 лл.) представляет обработку текста рукописи ЦГАДА, ф. 181, № 62/85, содержащей НЗЛ, «Отрывок из разряда новгородских летописей», Краткий летописец новгородских владык и Сказание о Софийском соборе в Новгороде. Первый, второй и четвертый памятники в рукописи Q.IV.213 объединены, причем все известия расположены по порядку хронологии, после чего следует Краткий летописец новгородских владык.

В рукописи ГПБ, Эрмитажное собр., № 416-а (середина XVIII в., в лист, 404 лл., летописный текст на лл. 9 об.—381) читается летописец следующего состава: в начале текст С1Л (до княжения Ольги), далее младший извод Н1Л (до 1447 г.), продолженный затем по псковской и московской летописям до 1547 г.

Генеалогия рассмотренных списков показана на прилагаемой схеме. Как это следует из изложения, многие моменты представленного на этой схеме взаимоотношения рукописей не выходят за пределы рабочей гипотезы. В тех случаях, когда возводить текст дочерней рукописи в определенной группе списков памятника, к которому она восходит, не удается (или если это требует дополнительного исследования), связь показана (чисто условно) непосредственно с архетипом. Кружками обозначены несохранившиеся списки.⁶¹

⁵⁷ Указана мне А. А. Зиминим.

⁵⁸ Лл. 153—160 вклеены не на свое место

⁵⁹ Заглавие это повторено перед началом летописного текста.

⁶⁰ Описана А. Н. Насоновым (Летописные памятники хранилищ Москвы, стр. 276).

⁶¹ Во время издания настоящего тома мне стали известны отрывок НЗЛ краткой редакции в сборнике ГИМ, собр. Уварова, № 1932 и три списка краткой редакции По-

ПРИЛОЖЕНИЕ

- Написание бысть о Мосохе Афетове сыне. Бысть о сем сумнение, како положил и напечатал Инокентий в Печерской обители в Киеве в лето 7182 ничтоже о сем разумеющим. Книжное писание требно и полезно есть, но ложь обретесе в писании его. В греческих и в русских и в немецких летописцех и
- а. 221 об. в иных землях || во всем с рускими летописными да согласуются, разве малым нечим разньство да сотворяется. Написано: Мосох сын Афетов б. А у Афета бысть 5 сынов: 1 Словен, 2 Рус, 3 Болгар, 4 Коман, 5 Истер, а б никакo ж нигде же в древних в старых не обретохом Мосоха. Да^а у него же написано: по потопе 131-го году от Вавилона с племенем своим во Ази и в Европи над берегами морь Чермнаго и Чернаго и над реками. То есть у него в летописце напечатано не против божественнаго писания и старых древних летописцев своим изволом к похвале Мосоха и Москверече, буди то от его родов вся Словеньская и Руская распространиласе; несть сие полезно и неправедно о сем. Когда выде праотец наш праведный Ной из ковчега и дети его, и жены детеи его и иные многие роды и преселишася где бысть Вавилон, а Ной праведный благослови дети своя и раздели землю вся вселенныя на 3 части 3-м сыновом своим, и чины раздели, и части земли — именована Симу сан священства и страну и Азийскую и инья страны к востоку; Хаму полуденную страну Африцу и инья пределы, а бысть ему иго работы; Яфету ж — достояние царское храбро воинственно, а пределы его на запад и к полунощию, и на север в Еропе.
- а. 222 || А в русских словенских летописцех написано: благослови праотец наш Ной внука своего — Симова сына Арфаксада, пределы Ханаонских — и от сих породилшася многи роды. По сем умыслиша столп создати, да не потопит нас вода, и с того столпотворения божим промыслом, по размещению языков племене Афетова, един от 72-х, их излияшася по благословению праотца Ноя к сыну Афету и детем его в наследие на западныя страны и на северныя, даже и до полунощныя. А о сем Мосохе ничтож бысть в писании, ни в сынох Ноевых и во внучатах, ни в правнучатах, ни о части его в Русийские земли, како он назнаменован и коего рода бысть, о сем в писании, в словенских и греческих летописцех не бысть написано до 182. Аще по разорении Словенские земли Угры Белых и после запустения того по многих летех воздвигошась роды от Словенова и Русова родов, приидоша з Дунаеви в Словенскую землю и в то время распространишася по многим странам на Белоозеро, на озеро Тинное, на Дунай и в Полях: Полочане — речки ради Полоты и Мозовжане, Жмутяне, Бужане — по реце Буге и Дреговичи, Кривичи, Чюдь — где ныне Псков, Ростовцы, Древляне Морива, Серби, Болгары, Северы, Лопи, Мордва, Мушлага; и в различная места разыдоша и прозывашася. Развее в тое время той Мосох прииде и преселись на устии Верху реки, и прозва по своему имени Москва-река, а града ничтож бысть, и о сем ничтоже || до лет^б бысть — о том никакo есть право в печать издадесе — и от рода какова бысть Мосох — про то бог весть, что не вем, како о сем написать о нем.
- а. 222 об. А в другие статьи написано и положено о именовании по имени реки Москвы град Москва, а в словенских старых старых древних летописцев о здании града Москвы до великого князя Андрея Александровича никакo ж бысть до лет 6797-го, и тогда той князь постави мал град древян

годинского свода — в сборниках ГПБ, Q.IV.529; ИРЛ, I.114.250 и I 114 351, за указание которых я признателен М. Д. Каган и Б. И. Дубенцову. Пользуясь также этим случаем, чтобы выразить свою благодарность М. А. Салминой и С. А. Левиной, наводившим для меня дополнительные справки по рукописям Увар. 568, Забел. 261 и МИД. 9.

^а В ркп да написано дважды ^б Цифра года в ркп не указана

Москву на^а тое реки, и от того времени нача той град распространятися славою и величеством во вся страны иноязычныя, а великий князь Иоанн Даниловичь бысть мал и млад, детское пребывание; по смерти дяди своего бысть великий князь московский.

Како в новопечатном летописце о митрополите Максиме московском написано: в лето 6791 первым митрополитом. Только той митрополит благослови великого князя Андрея Александровича суздальскаго поставити град, где ныне есть град Москва, а поставлен бысть в Володимир и преставися в Володимир же, и погребен бысть в соборные церкви. А в русских древних летописцех о сем написано: поставлен бысть святым Афонасием патриархом цареградцким Петр митрополит в Володимир град, и Петр митрополит благослови великаго князя Иоанна Даниловича поставити велии град Москву от древия, и по сем распростра||нися, и прославися во всю вселенную. А Петр митрополит иде из Владимирграда к Москве в лето 6816, марта в 22 день, а не Максим митрополит грек. А во псалтири печатной новоисправной в подлиннике напечатано: прииде Петр митрополит из Владимира града к Москве в лето 6816, тут на Москве и преставися, а на Москве бысть митрополитом 18 лет; а о том о всем избрано о начале Москвы подробну впереди и от жития Петра митрополита и о всем тако да есть писано.¹

4. 223.

|| Выписано ис печатнаго Анфологион, сиречь Цветослов или Трифолог, напечатан в лето 7159 в десть, от жития Петра митрополита московскаго. Прииде ж божи человек в славныи град Москву Петр митрополит из Владимира, владеющу в нем благоверному великому князю Иоанну Даниловичю, всякими добрыми делы украшену, милостиву до нищих, священником и церквам любочестиву, святых писанию послушателю, и зело возлюбю его божи святитель, и нача болше инех мест в том граде жити, повеле ж благоверному князю поставити церковь каменну во имя пречистыя владычицы нашея богородицы и приснодевы Марии, рек сице: яко аще мене послушаеши и храм пречистей богородицы воздвигнеши — и сам прославишися^а паче инех князеи, и град славен будет, и святители поживут в нем, и въздут руки его на плещи врагом его, и бог прославится в нем. Князь же со тщанием прилежа о церкви. Основанне же бывши день от дне воздвизашесь и сам святыи прилежа на всяк день спешити. И проуведев же святыи свои исход божим откровением, своима рукама себе гроб сотвори близ жертовника. По совершении же гроба бысть ему паки извещение от бога о смерти его и весь радости исполнися, и иде сам в церковь, и божественную службу соверши, помолився о всех православных и святых таин причастися. Пришед от церкви и призва весь причет, и поучив по обычаю, и отпусти их, и от того часа непреста милостыню твори всем приходящим. И яко уже и час уведа отшествия своего, призва Протасия стареишину града, князю во граде не сущу, и рече ему: чадо, и аз отхожу жития сего, оставляю же сыну возлюбленному князю Иоанну милость и мир, и благословение от бога, и семени его, до века; и иная изрек заветания всем вкупе мир дав, начат вечерню пети, и еще молитву сущи во устех его, душа его отиде ко господу.

4. 223 об.

А не Максим митрополит благослови, по житию Петра митрополита, и ево благословение Москве бысть о начале.

(ГИМ, Забел. 261, лл. 221—223 об.)

^а В ркп. на написано дважды. ¹ Далее в ркп. стоит крест и на поле: Сего знамени ищи на друго страници. Ниже этой пометки помещены не относящиеся к публикуемому тексту известия 1296 г. Затем, со следующей страници, после креста на поле, идет продолжение текста. ^а Далее в ркп. зачеркнуто в нем.

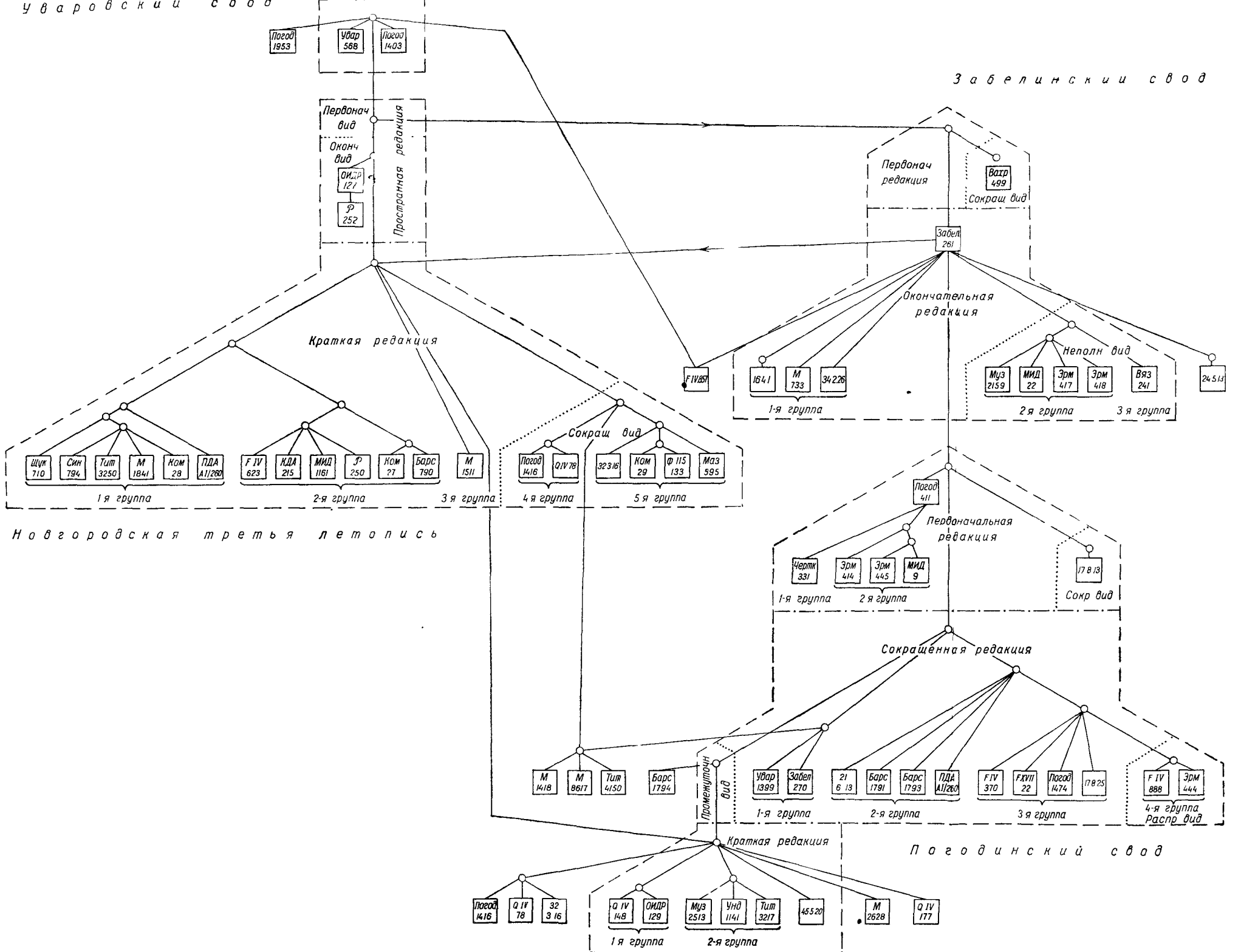

Схема взаимоотношения списков новгородских летописей XVII—XVIII вв.

П. Н. БЕРКОВ

Вероятный источник народной пьесы „О царе Максимилиане и его непокорном сыне Адольфе“

I

Широко известная народная драма «О царе Максимилиане и его непокорном сыне Адольфе» часто называется исследователями загадочной. Действительно, для подобной характеристики есть все основания. Загадочно ее происхождение, загадочно время ее появления в русской жизни, загадочно ее отношение к русской действительности, загадочны, наконец, основания, по которым эта пьеса о чужеземном царе и его сыне так пришлась по душе русскому народному зрителю.

Решить эти вопросы не так легко хотя бы по одному тому, что самые ранние документальные сведения о «Царе Максимилиане» имеют не более чем столетнюю давность. 30 октября 1855 г. Я. П. Полонский внес в свой дневник афишу солдатского спектакля в г. Сестербеке (Сестрорецке); ставилась, как сказано в афише, «комедия в 5 действиях», четвертое из которых было обозначено «Царь Максимилиан будет судить гордого и непокорного сына Адольфа».¹

В том же 1855 г. И. С. Аксаков, находившийся в действующей армии в Бендерах, писал родным, что 25 декабря к нему явились солдаты «с предложением мушкарда». Это было представление «Царя Максимилиана».²

Правда, оба эти свидетельства были опубликованы много позднее своего возникновения: первое в 1919 г., второе в 1892 г., тогда, когда в научной литературе уже были известны не только упоминания, но и тексты «Царя Максимилиана».

Указывая 1855 г. как время наиболее ранних упоминаний о «Царе Максимилиане», я как будто иду вразрез с некоторыми принятыми в науке положениями. Так, исследователи «Царя Максимилиана» очень часто цитируют отрывок из статьи протоиерея А. И. Сулоцкого: «Иногда разыгрывались ими (семинаристами, — П. Б.) пьесы и нерелигиозного содержания, вроде Максимиляна и Ирода-царя, Фомки и Калифа на час».³ Но в этом отрывке нет указания документального источника, из которого взяты автором сведения; нет также вполне определенного и точного обозначения времени исполнения перечисленных пьес; отмечено только, что семинария в Тобольске возникла в 1793 г.,

¹ Голос минувшего, 1919, № 1—4, стр. 115.

² И. С. Аксаков в его письмах, ч. 1, т. 3. М., 1892, стр. 221—222

³ ЧОИДР, 1870, кн. 2, отд. V, стр. 153—157 и отдельный оттиск: М., 1869. См. его же статью «Начало театра в Сибири. Семинарский театр встарину в Тобольске» (Тобольские губернские ведомости, 1858, № 12).

а сразу ли стали семинаристы исполнять «Царя Максимилиана» или уже в XIX в., Сулоцкий не уточняет. Такие же, не подтвержденные документальными данными указания на бытование «Царя Максимилиана» в сибирских солдатских театрах в XVIII в. находятся в статье М. Знаменского. Автор, не ссылаясь ни на какие источники, утверждает, что в XVIII в. «„Царь Максимилиан“ не сходил с казарменной сцены».⁴ Мнение о том, что «Царь Максимилиан» разыгрывался в народном театре в XVIII в., настолько прочно вошло в научный обиход, что нет необходимости приводить здесь имена от Алексея Веселовского, впервые, кажется, введшего интересующую нас пьесу в обзоры истории русского театра,⁵ и кончая анонимной статьей о народной драме в недавно вышедшем томе «Большой советской энциклопедии» (изд. 2),⁶ всюду «Царь Максимилиан» признается пьесой, созданной и ставившейся на народном театре в XVIII в.

Однако несомненным остается факт, что наиболее ранние, документально засвидетельствованные постановки «Царя Максимилиана» относятся к 1855 г.

Этот неопровержимый факт не исключает все же правильности распространенного взгляда на «Царя Максимилиана» как на пьесу, возникшую в XVIII в. Подкреплением этой точки зрения служит опубликованный Н. Н. Виноградовым в 1905 г. текст нашей пьесы, озаглавленной «Царь Максемьян и его непокорный сын Одольф».⁷ К своему изданию Н. Н. Виноградов приложил статью «Несколько соображений относительно древности текста предлагаемого варианта».⁸ Н. Н. Виноградов принял на веру сообщение владельца рукописи, с которой была снята копия, о том, что его «дедушко-флѳцкой» текст «Царя Максемьяна» «принес со службы из Питера» (стр. 1 оттиска). По правильным расчетам Н. Н. Виноградова, «список не мог появиться позднее 1818 г.» (стр. 33, примечание).

Таким образом, отсутствие рукописей «Царя Максимилиана», восходящих к XVIII в., а также документальных данных о том, что эта пьеса ставилась в том же столетии, не может служить основанием для отнесения драмы к XIX в. Несмотря на наличие многочисленных наслоений в записанных в последней четверти XIX в. текстах «Царя Максимилиана», основной сюжет пьесы — «Царь Максимилиан и его непокорный сын Адольф» — все же несомненно является созданием XVIII в.

Это признаю всеми, кто писал о данной драме, и в нашем распоряжении нет никаких материалов, которые давали бы сколько-нибудь достаточные основания для пересмотра этого вопроса.

Относя возникновение «Царя Максимилиана» к XVIII в., исследователи не всегда стремились более точно определить время создания этой драмы. Так, например, в недавно изданной хрестоматии С. И. Василенка и В. М. Сидельникова «Устное поэтическое творчество русского народа» «Царь Максимилиан» помещен в раздел «Народное творчество периода образования Российской империи и зарождения капиталистических отно-

⁴ Восточное обозрение, 1889, № 24—25 (цитирую по книге: С. Г. Ландау. Из истории драматического театра в Омске. Омск, 1950, стр. 6).

⁵ Алексей Веселовский. Старинный театр в Европе. Исторические очерки М., 1870, стр. 399—402.

⁶ Народная драма. В кн.: Большая советская энциклопедия, второе издание, т. 29, 1954, стр. 136.

⁷ ИОРЯС, т. X (1905), кн. 2, стр. 301—338, и отдельный оттиск: СПб, 1905, 38 стр.

⁸ Н. Н. Виноградов. Царь Максемьян и его непокорный сын Одольф. СПб, 1905, стр. 33—38.

шений», а в подстрочном примечании составители пишут: «Создание пьесы „Царь Максимилиан“ исследователи относят к Петровскому времени (см. книгу проф. Д. Д. Благого «История русской литературы XVIII века», М., 1951)».⁹ Менее определенно говорит о времени создания «Царя Максимилиана» В. Ю. Крупянская в написанной ею главе о народном театре в недавно изданной книге «Русское народное поэтическое творчество»; В. Ю. Крупянская считает, что драма «Царь Максимилиан» появляется в первой половине XVIII в.¹⁰ Более осторожно решал этот вопрос П. Н. Сакулин, писавший: «В XVIII в., несомненно, разыгрывалась комедия о царе Максимилиане. Возможно, что она существовала еще в первой половине этого столетия. Но во всяком случае ее постановка во второй половине XVIII в. засвидетельствована документально», и дальше, ссылаясь на упомянутую выше статью А. В. Сулоцкого, П. Н. Сакулин сообщал, что будто в 90-х годах XVIII в. эту пьесу играли в Тобольске.¹¹

Основанием для отнесения «Царя Максимилиана» к Петровскому времени служит высказанное И. Л. Щегловым-Леонтьевым предположение, что в пьесе в замаскированном виде изображены отношения Петра I и его сына Алексея.¹² Эта точка зрения была поддержана рядом исследователей (Н. Н. Виноградов, Т. А. Мартемьянов, Б. В. Варнеке, П. Н. Сакулин и др.), хотя в пользу данной гипотезы никаких дополнительных соображений не высказывалось. Во вступительной статье к изданной мною «Русской народной драме XVII—XX веков», изложив догадку И. Л. Щеглова, я обратил внимание на то, что в старейшем из известных текстов (упомянутой публикации Н. Н. Виноградова) одним из защитников Адольфа назван «римский посол». Мною высказано предположение, что, возможно, это представляет отголосок сохранившихся в народной памяти сведений о связи царевича Алексея с австрийским императором или, как тогда еще говорили, римским кесарем, на дочери которого Алексей был женат.¹³

Однако едва ли можно на этом основании отнести возникновение «Царя Максимилиана» именно ко времени после суда над царевичем и после его казни, т. е. ко времени после 1717 г. Могло быть так, что эти политические намеки проникли в народную пьесу уже после того, как она существовала некоторое время. Отсутствие ранних списков и иных сведений делает всякие предположения гадательными.

Отмечу как курьез гипотезу М. А. Рыбниковой о том, что в «Царе Максимилиане» отразились отношения Ивана Грозного к его сыну царевичу Ивану, убитому в 1582 г.¹⁴

⁹ С. И. Василенок и В. М. Сидельников. Устное поэтическое творчество русского народа. Хрестоматия. М., 1954, стр. 228.

¹⁰ Русское народное поэтическое творчество. Под ред. проф. П. Г. Богатырева. М., 1954, стр. 399.

¹¹ П. Н. Сакулин. Русская литература. Социолого-синтетический обзор литературных стилей. Часть вторая. Новая литература. М., 1929, стр. 160. Той же точки зрения придерживается и В. Д. Кузьмина в статье «Устная народная драма в XVIII веке» (Русское народное поэтическое творчество, т. II, кн. 1. М.—Л., 1955, стр. 388—389).

¹² И. Щеглов. 1) Еще о народном театре. Русское обозрение, 1894, № 11, стр. 203; 2) Народный театр в очерках и картинках. Изд. третье, СПб., 1902, стр. 138—139; 3) Народ и театр. СПб., 1911, стр. 87; 2-е изд., Пг., 1918, стр. 87.

¹³ Русская народная драма XVII—XX веков. Тексты пьес и описания представлений. Редакция, вступительная статья и комментарии П. Н. Беркова. М., 1953, стр. 33.

¹⁴ М. А. Рыбникова. Максимилиан. Драма. Л., 1925, стр. 17. Несколько раньше мимоходом упоминал об Иване Грозном как возможном прототипе «Царя Максимилиана» Т. А. Мартемьянов в статье «Комедия о „Царе Максимилиане“» (Исторический вестник, 1914, № 5, стр. 543).

II

Не менее, чем вопрос о времени возникновения «Царя Максимилиана», запутана проблема точного названия этой пьесы. Дело в том, что уже первый исследователь, пытавшийся обобщить разбросанные по разным источникам сведения о данной пьесе, Алексей Веселовский, вынужден был отметить отсутствие единообразия в ее заглавиях. «Мы имеем перед собой, — писал А. Н. Веселовский, — целый ряд вариантов этой пьесы, записанных в самых разнообразных местностях,¹⁵ имеем в газетах разных времен сведения о представлениях ее на всевозможных народных театрах, и сопоставление этих сведений возбуждает удивление при виде господства посредственного фарса от северных окраин России до солдатских стоянок на южной кавказской границе, у берегов Каспийского моря, у козачков Терского края».¹⁶ Излагая далее содержание пьесы, А. Н. Веселовский писал: «На сцену выходит грозный и могучий царь Максимилиан (Максимян, Максим)...» (стр. 400).

Таким образом, перед нами явное свидетельство того, что к тому моменту, когда автор писал цитированные слова, пьеса прошла уже длинный путь развития и заглавие ее претерпело изменения.

Какое же из приведенных А. Н. Веселовским имен главного действующего лица является исходным?

Отвечая на этот вопрос, прежде всего следует отметить, что среди известных в настоящее время в науке публикаций нет ни одной, в которой отец Адольфа назывался бы Максим. Так как А. Н. Веселовский не приводит списка «газет разных времен», из которых заимствованы им «сведения о представлениях ее (пьесы, — П. Б.) на всевозможных народных театрах», а в литературе о «Царе Максимилиане» библиография этой драмы в основном начинается с 1863 г.,¹⁷ мы лишены возможности установить, насколько часто в старых источниках упоминалось имя Максим как имя основного действующего лица драмы. Если принять во внимание, что герой пьесы обычно называется царь Максимилиан или царь Максемьян (Максимиан), то можно предположить, что царь Максим — это случайное искажение, может быть, даже опечатка.¹⁸

Анализ имеющихся публикаций пьесы приводит к выводу, что более старые записи или записи, сделанные в северных районах России, имеют заглавие «Царь Максемьян»,¹⁹ более поздние же публикации озаглавлены «Царь Максимилиан».

Для ясности картины необходимо напомнить, что никакого римского императора Максимилиана не было. Были императоры Максимиан (западноримский, 285—306), Максимиан Галерий (восточноримский, 305—

¹⁵ Позднее, в конце XIX в., А. Н. Веселовский опубликовал один из имевшихся в его распоряжении текстов «Царя Максимилиана» (по записи В. Костина) в журнале «Этнографическое обозрение» (1898, кн 2 (37), стр 103—116)

¹⁶ Алексей Веселовский. Старинный театр в Европе, стр. 399—400.

¹⁷ П. Царь Максимилиан. Искра, 1863, № 6, стр. 82—85. И Ф Масанов в своей книге «Русские сатиро-юмористические журналы (Библиографическое описание)» (вып. 1, Владимир-на-Клязьме, 1911, стр. 45) расшифровывает инициал «П» предположительно как Н. С. Курочкин.

¹⁸ В литературе о «Царе Максимилиане» есть еще указание на якобы другое имя главного действующего лица В упомянутой статье в журнале «Искра» мы читаем следующее: «Если не ошибаюсь, царь Максимилиан назывался прежде царь Давид, с прибавлением „и его непокорный сын Адольф“» (1863, № 6, стр. 83).

¹⁹ Н. Н. Виноградов. 1) Царь Максемьян и его непокорный сын Одольф СПб., 1905; 2) Народная драма Царь Максимилян. СПб., 1914, стр 53—96 («Царь Максимиан»; Н. Е. Ончуков. Северные народные драмы. СПб., 1911, стр 1—47 («Царь Максемьян») и 48—69 («Царь Максемьян») и др.

311), Максимиан I (римский, 235—238) и Максимиан Дака (восточноримский, 305—313). Максимиан Галерий был последним из императоров — гонителей христиан; Максимиан Дака также был гонителем христиан. Так как они царствовали одновременно, то в истории церкви, в особенности в житиях святых, обычно гонитель того или иного святого назывался Максимиан. Имя Максимиана как врага христианства проникло даже в лубочные картинки. В «Русских народных картинках» Д. А. Ровинского описана картинка № 795 «Корабль, знаменующий церковь, воющую и от еретиков гонимую на земли»; в левой ее части изображен «Вавилон град», а под ним: «Диоклитиан, Максимиан, Иулиан и протчии цари и мучители»; все они пускают в корабль стрелы из своих луков». ²⁰ В XV—XVI вв. было два немецких императора Максимилиана; кроме того, в XVI—XIX вв. было несколько курфюрстов и королей баварских, носивших имя Максимилиан. В XIX в. был император мексиканский Максимилиан. Однако ни один из перечисленных Максимилианов не имел отношения к народной драме «Царь Максимилиан».

Можно полагать, что последнее название пьесы и есть на самом деле более позднее, вытеснившее первое и основное обозначение героя — царя Максимиана. Произошло это, по-видимому, после 1839 г., когда приехавший в Россию герцог Лейхтенбергский Максимилиан (1817—1852) вступил в брак со старшей дочерью Николая I, Марией Николаевной (1819—1876), и поселился в Петербурге. Он был достаточно известен среди солдат и матросов, так как указом Николая был включен в состав императорской фамилии и, следовательно, имя его должно было заучиваться солдатами и моряками наряду с именами других членов царствующего дома. Кроме того, в 1839 же г. Максимилиан Лейхтенбергский был назначен Николаем шефом киевского гусарского полка, в каком-то звании он состоял до самой своей смерти. Его именем была названа одна из популярных в Петербурге больниц, Максимилиановская, существующая, как известно, и поныне.

Таким образом, имя Максимилиана Лейхтенбергского в 40-е, 50-е годы XIX в. было широко известно в России, и поэтому легко могло случиться, что сначала в солдатской и матросской, а затем и в ремесленно-мещанской среде оно заменило имя традиционного царя Максимиана.

Не исключена также возможность, что известную роль в упорчении имени «Максимилиан», вместо «Максимиан» сыграла судьба австрийского эрцгерцога Максимилиана (1832—1867), провозглашенного в 1863 г. европейской коалиционной интервенцией императором Мексики и расстрелянного в 1867 г. мексиканскими патриотами.

Если просмотреть все известные публикации «Царя Максимилиана» и изложения его сюжета (у Я. П. Полонского, И. С. Аксакова, в «Искре» 1863 г. и др.), имя сына царя повсюду звучит почти одинаково: Адольф, Одольф, Адольх, Адольг, Адольфий и т. п. Однако есть глухие указания на то, что были варианты данной пьесы, где второй герой носил иное имя и играл другую роль. Так, по крайней мере, можно понять одно место в рассказе Н. С. Лескова «Грабеж», где рассказчик передает свой разговор с матерью: «Нет, маменька, как вам угодно, но я дяденьку без родственной услуги не оставлю. Неужели я буду неблагодарный, как Альфред, которого ряженные солдаты по домам представляют?» ²¹

²⁰ Д. А. Ровинский. Русские народные картинки, т. III. СПб., 1881, стр. 178; ср. стр. 593, «Образ св. великомученика Дмитрия Селунского», где снова упоминается Максимиан.

²¹ Н. С. Лесков. Избранные произведения в трех томах. Петрозаводск, 1952, т. 3, стр. 201. За это указание приношу благодарность И. Я. Айзенштоку.

Трудно предположить, что такой знаток народного быта, как Н. С. Лесков, в данном случае ошибся и что у него случайно Альфред появился вместо Адольфа. С другой стороны, в литературе нет никаких указаний на то, что солдатами исполнялась какая-то особая пьеса о неблагодарном Альфреде. По-видимому, речь здесь идет об особом варианте «Царя Максимилиана», до нас не дошедшем. Время, в которое произошли события в рассказе «Грабеж» (1887), обозначено автором «лет за пятьдесят перед этим» (стр. 185), т. е. конец 30-х годов XIX в.

Таким образом, возможно, что в первой половине XIX в. были и другие варианты нашей пьесы, отличные от традиционных. Впрочем, в настоящей работе нас интересует основной сюжет «Царя Максимилиана». В дальнейшем мы еще вернемся к вопросу о том, как правильнее называть эту народную драму. Сейчас же мы обратимся к вопросу о ее источниках.

III

Более шестидесяти пяти лет назад П. О. Морозов писал о «Царе Максимилиане»: «Отыскать оригинал этой пьесы крайне затруднительно, потому что первоначальное ее содержание совершенно искажено и затерто всевозможными, часто импровизированными, вставками и переделками».²²

Несколько позднее В. В. Каллаш, касаясь того же вопроса, констатировал: «Искусственное произведение обрастало народно-поэтическими образами и народными переработками других книжных произведений. Но что относится к первоначальному зерну и что к позднейшим наростам? Только находка старинной рукописи или печатного текста дала бы нам возможность ответить на этот основной вопрос темной пока литературной истории „Царя Максимилиана“».²³

С тех пор как были высказаны приведенные суждения, положение дела несколько изменилось. Сам Каллаш выдвинул — правда, очень осторожно — гипотезу о возможном происхождении «Царя Максимилиана» от апокрифического жития великомученика Никиты (об этом подробнее см. ниже). Позднее были сделаны предположения о том, что данная народная пьеса восходит к светской повествовательной литературе XVII—XVIII вв. или к школьной драме. Впрочем, гораздо чаще встречаются «комбинированные», так сказать, концепции, в которых сочетаются первая и третья или вторая и третья точки зрения.

Предположение о зависимости пьесы о царе Максимилиане от повествовательной литературы впервые высказал П. О. Морозов. В «Очерках из истории русской драмы XVII—XVIII столетий» он осторожно писал: «...уделевшие до сих пор формальные особенности комедии заставляют предполагать, что она обязана своим происхождением пьесе, сочиненной в прошлом столетии, может быть, переделанной из какого-нибудь рассказа».²⁴ Совершенно то же самое повторил он в переиздании своей работы.²⁵

²² П. О. Морозов. 1) Очерки из истории русской драмы XVII—XVIII столетий, СПб, 1888, стр. 295; 2) История русского театра до половины XVIII столетия. СПб., 1889, стр. 284.

²³ В. В. Каллаш. Материалы для истории народного театра. IV. «Царь Максимилиан». (Варианты 3 и 4). Этнографическое обозрение, 1898, № 4 (кн. XXXIX), стр. 59. Есть отдельный оттиск: В. В. Каллаш. К истории народного театра. Царь Максимилиан. Критические замечания и тексты. (Из XXXIX кн. «Этнографического обозрения»). М., 1899, 22 стр.

²⁴ П. О. Морозов. Очерки из истории русской драмы XVII—XVIII столетий, стр. 297.

²⁵ П. О. Морозов. История русского театра до половины XVIII столетия. СПб, 1889, стр. 286.

Б. В. Варнеке также считал «Царя Максимилиана» пьесой, «переработанной из романа». ²⁶ Какой роман имел он в виду, Б. В. Варнеке не указал ни в одном издании своей «Истории русского театра», ни в статье «Что играет народ»; ²⁷ ни, наконец, в статье, специально посвященной «Царю Максимилиану». ²⁸ Примкнула к этой точке зрения и Т. М. Акимова, считающая особенно вероятной возможность происхождения драмы о Максимилиане из переводной повести XVIII в. ²⁹

В комментариях к одному из вариантов «Царя Максимилиана» в изданной мной «Русской народной драме XVII—XX веков» я в 1953 г. также склонен был видеть в словах главного героя «на своей супруге, королеве Трояне женился, от которой сын Адольф родился» «один из остатков текста повести, лежащей в основе драмы». ³⁰

Однако до сих пор не удалось обнаружить ни одной повести конца XVII или XVIII в., хоть сколько-нибудь похожей по своему сюжету на «Царя Максимилиана». Кроме того, содержание данной пьесы сильно отличается от авантюрно-галантных пьес вроде «Комедии о Петре Златые Ключи», «Комедии о графе Фарсоне» и пр., лежащим в его основе религиозным конфликтом.

Это обстоятельство вызвало сомнение в том, что «Царь Максимилиан» представляет сценическую обработку неизвестной повести. В связи с этим была выдвинута гипотеза о том, что источником «Царя Максимилиана» может быть житие какого-нибудь святого, переделанное затем в пьесу, вроде тех, которые ставились в театре царевны Натальи Алексеевны.

Впервые эта точка зрения была высказана В. В. Каллашом. «Мы предполагаем, — писал он, — сродство сюжета „Максимилиана“ с „Житием св. мученика Никиты“ (оно издавалось не раз: см., напр., Памятники старинной лит-ры, III, 146—149)». ³¹

В указанном Каллашом житии Никиты действительно есть кое-какие моменты, как будто сближающие с ним народную драму: герой жития, Никита, — сын царя Максимиана; во сне ему привиделось знамение (крест), которое он не умел понять. После того как спрошенная им христианка объяснила ему значение знамения, Никита становится христианином и начинает обличать своего отца Максимиана. Последний отправляет сына в темницу и в конце концов велит его казнить. Палач, пораженный стойкостью Никиты, переходит в христианство.

В гипотезе Каллаша самым слабым местом является то, что текст жития, на котором эта гипотеза построена, взят не из признанных церковью «Четых-Миней», а из апокрифической житийной литературы. Как указывает Ив. Франко, апокрифическое житие Никиты, сына кесаря Максимиана, стоит особняком в житийной литературе — его нет ни в «Четых-Минях» Димитрия Ростовского, ни в «Полном месяцеслове Востока» архиепископа Сергея (изд. 2-е, исправл. и много дополн., Владимир, 1901), ни, наконец, в английском «Dictionary of Christian Biography» (vol. IV, sub voce Nicetas). Во всех этих источниках под 15 сентября приводится

²⁶ Б. В. Варнеке История русского театра. Изд. 2 (СПб), (1914), стр. 79.

²⁷ Б. В. Варнеке. Что играет народ Ежегодник императорских театров, 1913, № 4, стр. 36 («... представляет переделку какого-нибудь романа»).

²⁸ Б. В. Варнеке. Заметки о народной драме ИОРЯС, т. XX (1915), кн. 3, стр. 1 («... эта распространеннейшая и излюбленнейшая среди простонародья пьеса в основе своей восходит по (так!) какой-нибудь переводной повести»).

²⁹ Т. М. Акимова. Народная драма в новых записях. Ученые записки Саратовского университета, 1948, т. XX, стр. 6.

³⁰ Русская народная драма XVII—XX веков, стр. 338.

³¹ Этнографическое обозрение, 1898, № 4, (кн. XXXIX), стр. 49.

житие Никиты, апостола готского.³² Этот Никита, готский воин, проповедовал христианство среди своих соплеменников при царе Афанарихе, или Афарике, и после истязаний был сожжен в 372 г.³³

Следовательно, житие Никиты, на котором основывал свое предположение В. В. Каллаш, никак не могло считаться авторитетным в конце XVII—начале XVIII в., когда уже существовали «Четьи-Миней» Дмитрия Ростовского, и едва ли могло быть использовано для сценической переработки.

В. В. Каллаш очень осторожно формулировал свою точку зрения. Изложив житие Никиты по «Памятникам старинной русской литературы»³⁴ и сопоставив с основным сюжетом «Царя Максимилиана», Каллаш писал: «Сходство в имени царя и в основном сюжете очень заманчиво, но мы несколько не преувеличиваем его значения». В примечании к словам «и основном сюжете» Каллаш писал: «Впрочем, предложение поклониться „кумирским богам“, отказ и мученья — довольно обычная черта житий и духовных стихов. Важнее имя и то, что мученичеству подвергался сын царя. Есть сходство и в отдельных подробностях: заточение в тюрьму, переход палача на сторону мучимого, восстание против царя-мучителя и т. д.»³⁵

Если всмотреться в аргументацию Каллаша, станет очевидным, что все то, что он признает «сходством в отдельных подробностях», не более как житийный графарет: если мученик подвергается гонениям, то вполне естественно, что он заточается в тюрьму; если царь отличается фанатической жестокостью, то для оттенения стойкости мученика авторы житий сообщают, что под влиянием страданий и мужества святого палач переходит на его сторону.

Таким образом, ничего специфического в том варианте жития Никиты, на который опирался Каллаш, не было. Поэтому предположение Каллаша большого успеха не снискало, а через несколько лет и вовсе было отвергнуто. Автор одного из наиболее подробных исследований о «Царе Максимилиане», Р. М. Волков, даже самым беглым образом сопоставив пьесу и ее предполагаемый источник, вполне резонно пришел к выводу: «Сюжет пьесы и жития, кроме общности имени царя-гонителя Максимилиана да факта гонения царя на сына, ничего общего не имеет».³⁶

Самое же существенное возражение против гипотезы В. В. Каллаша — это то, что ни в репертуаре театра царевны Натальи Алексеевны, где особенно много было пьес, написанных по житиям святых, ни в других современных ей театрах не было пьес о житии мученика Никиты. А если бы она была, то, конечно, основывалась бы, как и все остальные пьесы, на димитриевских «Четьих-Миней».³⁷

³² Апокрифи і легенди з українських рукописів. Зібрав, упорядкував і пояснив др. Іван Франко. Т. V. Легенди про святих, часть перша. Львів, 1910, стр. 137.

³³ См.: Жития святых, изданные Софьей Дестунис, изд. 3-е, сентябрь. СПб., 1912, стр. 73.

³⁴ Этнографическое обозрение, 1898, № 4 (кн XXXIX), стр. 51—52.

³⁵ Печатные тексты апокрифического жития Никиты известны следующие: Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко, вып. III. СПб., 1862, стр. 146—149; Памятники отреченной русской литературы. Собраны и изданы Николаем Тихонравовым, т. II. М., 1863, стр. 112—120; Апокрифи і легенди з українських рукописів. Зібрав, упорядкував і пояснив др. Іван Франко. Т. V. Легенди про святих, часть перша, стр. 119—125, 125—130 (покутская версия), 131—137 (угорская версия). Покутская версия почти полностью совпадает с редакцией «Четьих-Миней» Дмитрия Ростовского (см.: Апокрифи і легенди з українських рукописів, стр. 137).

³⁶ Р. М. Волков. Народная драма. «Царь Максимилиан». Опыт разыскания о составе и источниках. Русский филологический вестник, 1912, № 4, стр. 316.

³⁷ Автор новейшей работы о народной драме В. Д. Кузьмина считает, что «фабульной основой пьесы («Царя Максимилиана», — Л. Б.) явилась, по-видимому, какая-то

К точке зрения В. В. Каллаша, хотя, как мы видели, она основана на неправильных данных, примкнул отчасти и акад. П. Н. Сакулин. Мы говорим «отчасти», так как покойный ученый не исключал и светско-повествовательного происхождения драмы о царе Максимилиане. «В основе фавулы, — писал П. Н. Сакулин, — лежит письменный источник: какое-нибудь апокрифическое житие (напр., Никиты, Димитрия, Кирика и Улиты) или какая-нибудь авантюрная повесть западно-рыцарского стиля».³⁸

Поскольку версию об авантюрной повести мы уже рассмотрели и отвергли, продолжим анализ версии житийной. Очевидно, указывая имя Никиты, П. Н. Сакулин имел в виду точку зрения Каллаша. Выше мы показали неубедительность гипотезы последнего. Нет также абсолютно никаких оснований принимать в расчет гипотезу о происхождении драмы о царе Максимилиане из жития Кирика и Улиты: это житие, в том виде, как оно приводится в Четврых Минеях, не имеет ни малейшего, даже сколько-нибудь отдаленного сходства с сюжетом «Царя Максимилиана».³⁹

Гораздо больший интерес представляет гипотеза П. Н. Сакулина относительно связи сюжета пьесы о царе Максимилиане с житием мученика Димитрия. К сожалению, П. Н. Сакулин не указал, принадлежит ли ему это предположение или оно откуда-то заимствовано.

Между тем гипотеза о житии Димитрия тем более заманчива, что сохранилась школьная драма, написанная на этот сюжет, эта драма, по нашему мнению, и является вероятным источником народной комедии о царе Максимилиане и его непокорном сыне Адольфе.

IV

Однако прежде чем мы обратимся к рассмотрению этой школьной драмы, необходимо остановиться еще на одной гипотезе, выдвинутой двадцать пять лет тому назад Р. Якобсоном.

В 1938 г. в № 4 пражского журнала «Slovo a slovesnost» Р. Якобсон поместил статью о значении русской филологии при изучении чешской культуры. Здесь он, между прочим, высказал предположение, что источником «Царя Максимилиана» является пьеса чешского народного театра, так называемая «Игра о св. Доротее» («Dorotka»). Согласно чешским народным духовным песням, Доротее претерпела мучение при Максимиане. По мнению Якобсона, в Великодержии имя Доротеи было заменено сыном царя Адольфом, или Адолькой, так как таким образом в народную пьесу вошел намек на смерть царевича Алексея.⁴⁰

В этой гипотезе, судя по изложению Д. Чижевского, нет даже тех больших совпадений, которые имеются в тексте апокрифического жития Никиты и «Царем Максимилианом». Д. Чижевский, передавая точку зрения Р. Якобсона, не касается содержания «Доротки», потому, очевидно, что считает, будто сюжеты русской и чешской пьес совпадают. Однако в известных нам русских изложениях «Доротки» усмотреть совпадение

школьная драма начала XVIII века — инсценировка повести о казни царем-язычником непокорного сына-христианина» (Русское народное поэтическое творчество, т. II, кн. 1, стр. 388).

³⁸ П. Н. Сакулин. Русская литература... часть вторая, стр. 160.

³⁹ Н. П. Сакулин отметил, что на возможную связь сюжета «Максимилиана» с житием Кирика и Улиты устно указал ему Н. К. Пиксанов. Однако в беседе со мной несколько лет назад Н. К. Пиксанов ничего не мог вспомнить по этому поводу.

⁴⁰ Номер 4 «Slovo a slovesnost» за 1938 г. отсутствует в крупнейших ленинградских и московских библиотеках. Я пользовался изложением взгляда Р. Якобсона в статье Д. Чижевского «Car Maximilian» в «Zeitschrift für slavische Philologie» (1942, Bd. XVIII, H. 1, стр. 40—42) в серии заметок Чижевского «Literarische Lesefrüchte» (IX, 72).

сюжетов нельзя.⁴¹ Весьма возможно, что среди многочисленных вариантов этой пьесы, повсеместной на Западе, очень распространенной с XV в.,⁴² были и такие, которые сближаются с сюжетом «Царя Максимилиана». Но как и когда произошло это сближение, сейчас, ввиду отсутствия специальных работ о «Доротке», сказать трудно.

Д. Чижевский пишет: «Можно было бы считать, что предположение Якобсона обоснованно, если бы кое-что не противоречило ему».⁴³ По словам Чижевского, в связи с гипотезой Якобсона была опубликована в 1940 г. в № 4 журнала «Slavia» (стр. 549—557) статья А. Флоровского, в которой были высказаны важные соображения по данному вопросу. Во-первых, А. Флоровский указал возможные пути проникновения «Доротки» в Москву: чешские иезуиты давали в Москве представления (когда и чем это подтверждается, Д. Чижевский не сообщает). Во-вторых, Флоровский обратил внимание, что чешский текст «Игры о св. Доротее» конца XVII в., опубликованный А. Подляхой в 1914 г. («Sborník Historického Kroužku, XV, 33—41»), значительно расходится с текстами, используемыми Якобсоном.⁴⁴

Таким образом, из слов Д. Чижевского нетрудно сделать вывод, что гипотеза о «Доротке» как источнике «Царя Максимилиана» могла получить прямо противоположную формулировку: новые редакции чешской пьесы могли явиться как результат влияния «Царя Максимилиана».

К гипотезе Якобсона о «Доротке» как источнике «Царя Максимилиана» примкнул польский фольклорист Юзеф Голомбек, автор специального исследования о «Царе Максимилиане».⁴⁵ Он указал, между прочим, и другой возможный путь ознакомления русского зрителя с «Игрой о св. Доротее» в немецкой редакции. Голомбек напомнил, что в царствование Анны Иоанновны в Петербурге гастролировали немецкие куколь-

⁴¹ Алексей Веселовский. Старинный театр в Европе. Исторические очерки. стр. 236—237 и 242—245; В. Н. Перетц. Кукольный театр на Руси. Исторический очерк. СПб., 1895, стр. 28—29. Странным образом в работе В. А. Францева «Чешские драматические произведения XVI—XVII ст.» (Варшава, 1903 = Варшавские университетские известия, 1903, вып. IV—VI) о «Доротке» нет упоминаний. Чешские тексты «Доротки» мне не были доступны. В повести Божены Немцовой «Бабушка» (гл. XII) есть довольно подробное описание любительской постановки игры о св. Дороте: «Когда язычник Диоклетиан присуждал христианку Дороту к смерти от руки палача, то помощники этого последнего брали ее под руки и вели на лобное место, где ждал ее палач с занесенным мечом, кричавший с грозным патосом: „Дорота, вставай на колени, не пугайся моего меча, склони только свою гордую голову, а уж я мастерски отсеку ее!“. Панна Дорота становилась на колени, склоняла голову, и палач сбивал с ее головы корону, которую помощники поднимали. Потом все кланялись; панна Дорота снова надевала корону на голову и отходила в угол к двери» (Бабушка. Разказ (так!) Божены Немцовой. Из чешского перевела Э. Г. Петровская. Прага, издатель Ф. О. Моурек, 1871, стр. 208). Как видно из приведенной цитаты, сюжет «Дороты» в изложении Б. Немцовой имеет самое общее сходство с сюжетом «Царя Максимилиана», какое можно было бы установить с инсценировкой жизни любого мученика, вроде Никиты и пр. Обращает на себя внимание, что царь-гонитель здесь не Максимиан, а Диоклетиан. Напомню, что Диоклетиан, Максимиан и Юлиан-Отступник являются обычными именами врагов христианства (см. выше, стр. 302). Указанием на описание игры о св. Доротее у Б. Немцовой я обязан А. С. Мыльникову, которого прошу принять мою благодарность.

⁴² В недавно вышедшей книге Л. Шмидта (Leopoldt Schmidt. Das deutsche Volksschauspiel in geistigen Zeugnissen von Humanismus bis zur Gegenwart. Academie-Verlag, Berlin, 1954, стр. 23) указывается, со ссылкой на известную «Geschichte des neuen Dramas» Creizenach'a (Bd. I, стр. 239), что в 1431 г. в г. Бауцена в театре произошло пожар во время представления игры о св. Доротее.

⁴³ Zeitschrift für slavische Philologie, 1942, Bd. XVIII, H. 1, стр. 41.

⁴⁴ Zeitschrift für slavische Philologie, 1942, Bd. XVIII, H. 1, стр. 41.

⁴⁵ Jozef Gołabek. Car Maksymilian. (Widowisko ludowe na Russi). Kraków, 1938 (Praci komisji etnograficznej, № 17), 97 стр. (См. рец.: П. Г. Богатырев, Советская этнография, 1946, стр. 250).

ники, в репертуаре которых была пьеса о жизни и смерти мученицы Доротеи.⁴⁶

Д. Чижевский, по-видимому, не был особенно убежден в состоятельности гипотезы Р. Якобсона. Изложив приведенные выше сведения и напомнив о предположении Каллаша о житии Никиты как «более близком возможном источнике» «Царя Максимилиана», Д. Чижевский пришел к заключению, что «новая гипотеза по сравнению со старой представляется во всяком случае недостаточно доказательной».⁴⁷

С этим мнением нельзя не согласиться: ни «чешская» версия Якобсона, ни «немецкая» Голомбека не дают ничего, конкретно разъясняющего судьбу «Царя Максимилиана».

V

В 1702 г. ростовский и ярославский митрополит Димитрий основал в г. Ростове «училище латинское и греческое». Это «было первое духовное училище в российских епархиях после московского».⁴⁸

Новооткрытая школа имела элементарный характер, представляя собой низший раздел (trivium) тогдашнего общего курса обучения. Всего в училище было три класса, во главе которых стояли три учителя. Имена двух нам известны — Евфимий Морогин и Иван Мальцевич; имя третьего не сохранилось. Можно, впрочем, предположить, что третьего учителя и не было. Один из первых биографов Димитрия Ростовского писал: «За отсутствием учителя (Димитрий) сам принимал на себя его должность».⁴⁹ Означают ли слова «за отсутствием учителя» — «в случае болезни или по другим причинам», сказать трудно. Во всяком случае, для нас важно отметить, что кем-то из учителей были введены в Ростовском училище театральные представления. Это произошло в первый же год существования школы; 24 декабря 1702 г. была поставлена известная «Рождественская драма», приписываемая Димитрию; были, вероятно, и другие представления, — это можно заключить из начала эпилога к пьесе, поставленной 26 октября 1704 г. (о ней подробнее ниже):

Венец, его же прежде сплетать навыхоком...

Пьеса, о которой только что было сказано, имела длинное, витиеватое название, которое мы приведем полностью: «Венец славнопобедоносный добродовидвижнику храбренику Христову, святому великомученику Димитрию в день преславного праздника его торжественный от смиренных того именовца преосвященного Димитрия митрополита ростовского и ярославского питомцев грамматики учащих младенцев стихословне от дванадцатонветов сплетенный в богоспасаемом граде Ростове, лето от рождества Христова 1704».⁵⁰

Пьеса эта дошла до нас в двух списках: одном неполном, находящемся в Рукописном отделе ГПБ (шифр: Титов, 1302), другом полном, находящемся в ГИМ'е в Москве (шифр: № 1199-37936, 1900 г.). Оба

⁴⁶ Jozet Gołabek. *Sar Maksymilian*, стр. 8. Сведения эти автор почерпнул из «Истории русского театра до половины XVIII столетия» П. О. Морозова (стр. 346—347). (См.: Отчет Императорской публичной библиотеки за 1868 г. СПб, 1869, стр. 205—206).

⁴⁷ *Zeitschrift für slavische Philologie*, 1942, Bd XVIII, N. 1, стр. 42.

⁴⁸ В. Нечаев. Святой Димитрий, митрополит ростовский. М., 1849, стр. 46.

⁴⁹ В. Нечаев. Святой Димитрий, митрополит ростовский, стр. 47.

⁵⁰ И. А. Шляпкин. Св. Димитрий Ростовский и его время (1651—1709 гг.). СПб, 1891, Приложения, стр. 59; В. И. Резанов. «Венец Димитрию». Ростовская драма 1704 г. (До історії українських впливів на Московщину). Ювілейний збірник на пошану академіка Д. І. Багалія. Київ, 1927, стр. 651.

списка не являются, очевидно, оригинальными, так как в обоих имеются явно испорченные места (например, в ростовском «авсипилия» вместо «Асклипий»), в обоих списках число слогов в отдельных стихах не соответствует принятому размеру. И. А. Шляпкин, говоря о ростовской рукописи, отмечает «крайнюю ее безграмотность».⁵¹

«Венец Димитрию» является типичной школьной драмой начала XVIII в.: в нем наличествуют все элементы, требовавшиеся школьными пиитиками от этого жанра, — есть антипролог, пролог и эпилог; сама пьеса состоит из двух действий, из которых каждое содержит по шесть явлений. Написана она в основном тринадцати- и одиннадцатисложными силлабическими стихами. Язык драмы исключительно чистый, в нем почти совершенно нет обычных в тогдашних пьесах украинизмов. Так, рифмы, в которых сочетаются слова с «ять» и «и» («мира» — «вѣра», «силы» — «несмѣлы») встречаются крайне редко; из прочих украинизмов можно отметить рифмы «пресвята» — «попрата» (вместо «попрана»), «славна» — «здавна» (вместо «издавна»). Но такие «украинизмы» в конце XVII — начале XVIII в. встречались и в произведениях авторов-великороссов. Поэтому даже В. И. Резанов, ставивший целью своей статьи о «Венце Димитрию» доказать в этой пьесе «українськи впливи на Московщину», вынужден был признать, что она написана славяно-русским языком.⁵²

Поэтому драма «Венец Димитрию» безусловно является произведением русского, а не украинского автора. Ниже я изложу свои соображения о предполагаемом авторе. Если отбросить антипролог, пролог и эпилог, содержание пьесы сводится к следующему.

В первом явлении первого действия Максимиан, как говорит программа, «хвалится о силе своей, вопрошает вельмож, что будет впредь». Узнав от жрецов, что боги на их вопросы предвещают гибель и себе и Максимиану из-за распространения православия, разгневанный царь «призывает вой и посылает христиан убити, да православная вера не умножится». В этой же сцене находится эпизод, в котором Максимиану является вестница ада Мелея, побуждающая его начать гонения христиан.

Второе явление знакомит нас с Димитрием, который «блезнует о преследовании христианства» и идет в тайное место почитать истинного бога.

В третьем явлении «Максимиан по совету вельмож приглашает честно Димитрия в Солунь на воеводство и, снем к себе царский златоконанный пояс, влагает нань и вручает властительский жезл, таже встав с своего места, на месте воеводском посаждает нехотящу Димитрию, ибо не хотящи кланятися идолом».

Сделанный по воле Максимиана воеводой, Димитрий в последних трех явлениях первого действия поступает не как царский наместник, а как верующий христианин.

Второе действие начинается со встречи Максимиана с Димитрием. Царь «от словес познал я (яко) христианин ешь, призывает жреца, да обратит его к идолом. Димитрий же, ни прением, ни ласканием, ни прещением побежден, лишен чести, в темницу отсылается».

Во втором явлении второго действия Максимиан избирает нового воеводу и приказывает идолопоклоннику Лию бороться с христианами; последний сразу же в единоборстве убивает двух христиан. Максимиан «утешашеся смотря, како той Лий борется с храбрыми человеки».

В третьем явлении Димитрий, находящийся в темнице, беседует с христианином Нестором, сообщающим ему о злодействах Лия, именем гос-

⁵¹ И. А. Шляпкин. Св. Димитрий Ростовский..., стр. 70.

⁵² В. И. Резанов. «Венец Димитрию»..., стр. 667.

подним Дмитрий утверждает Нестора, «как имать погубити Лия». Нестор отправляется на единоборство с Лиём.

В четвертом явлении происходит единоборство Нестора и Лия, Нестор побеждает и убивает своего противника. Разъяренный Максимиан велит связать его и отсылает «на посечение». Максимиан узнает, что Нестор победил Лия «чрез Дмитрия», и, по совету нового воеводы, повелевает: «да копиями изboden будет Дмитрий».

Пятое явление, представляющее немую картину, изображает отсечение мечом главы Нестору и прободение Дмитрия копьем.

В последнем явлении второго действия происходит прение между Тщеславием Максимиана и Славой Дмитрия. Тщеславие хвалит царя за гонения христиан и убиение Дмитрия, Слава обличает Тщеславие и убивает его тем самым копьем, которым был прободен мученик.⁵³

Из нашего изложения содержания пьесы видно, что в ней есть семь основных эпизодов: а) величание Максимиана своим могуществом; б) появление адской посланицы Мелен; в) посвящение Дмитрия в воеводы; г) его христианские подвиги; д) гнев Максимиана и отправление Дмитрия в темницу; е) единоборство Нестора с Лиём; ж) казнь Нестора и Дмитрия.

Если теперь мы обратимся к тому, что исследователи называют «основным сюжетом» народной драмы «Царь Максимилиан», мы увидим, что все эти эпизоды, иногда в точном, иногда в переосмысленном виде, имеются в ней налицо. Так, «Царь Максимилиан», как и «Венец Дмитрию», начинается величанием царя. Посвящение Дмитрия в воеводы было осмыслено автором «Царя Максимилиана» как то, что герой является сыном царя. Все остальные элементы основного сюжета народной драмы настолько очевидно совпадают с соответствующими эпизодами «Венца Дмитрию», что нет, нам кажется, необходимости производить подробное их сопоставление.

Употребляя и в предшествующих частях статьи и сейчас выражение «основной сюжет» «Царя Максимилиана», мы исходим из принятого в литературе об этой драме положения о том, что в пьесе есть основное ядро и последующие дополнения. Вот как изложено это мнение в «Русской литературе» П. Н. Сакулина: «Сличение вариантов позволяет утверждать, что ядро («Царя Максимилиана», — П. Б.) составляет тема о царе Максимилиане и его сыне Адольфе: отец-язычник воздвигает гонение на сына-христианина. Первоначальный сюжет и первоначальная фабула, очевидно, зародились в какой-нибудь грамотной среде, а потом пьеса пошла гулять по городам и селам, принимая в свой состав все новые и новые элементы: рыцарские сцены («рыцарское штурмование»), сражение Аники воина со смертью, бой с Мамаем... и пр.»⁵⁴

Если принять гипотезу о том, что «Венец Дмитрию» представляет собой источник «Царя Максимилиана», то в концепцию П. Н. Сакулина и прочих исследователей сразу нужно внести поправку: «рыцарские сцены или «рыцарское штурмование» — это не позднее включенные в состав пьесы элементы, а переосмысление единоборства Лия с Нестором. Следовательно, сюжет «Венца Дмитрию» объясняет в народной драме органическую связь, с одной стороны, конфликта между отцом-язычником и сыном-христианином, и с другой — «рыцарскими сценами». Гипотеза В. В. Каллаша о житии мученика Никиты как источнике «Царя Максимилиана» на этот вопрос ответить не могла. В этом заключается еще одно

⁵³ И. А. Шляпкина. Св. Дмитрий Ростовский..., стр. 59—62; В. И. Резанов. «Венец Дмитрию»..., стр. 655—666.

⁵⁴ П. Н. Сакулин. Русская литература..., часть вторая, стр. 160—161.

ее уязвимое место. Еще меньше могла ответить на этот вопрос «Игра о св. Доротее»

В «Царе Максимилиане» есть еще очень важный элемент — появление богини Венеры, параллелью которой является посланница ада, называемая в обеих рукописях «Венца Димитрию» Мелеей.

Следовательно, появление в «Царе Максимилиане» богини Венеры также связано с «Венцом Димитрию», причем Мелея школьной драмы из вестницы ада переосмысливается в жену Максимилиана. Попутно отметим, что имя «Мелея» — несомненная ошибка в рукописи В античной мифологии нет никакого персонажа с именем Мелея. Здесь может идти речь лишь о двух вариантах: Медея или Мегера. Скорее всего должно быть Мегера. Если это так, то это объясняет, почему в ряде вариантов «Царя Максимилиана» богиня называется не Венера, а Медера. Впрочем, Медера могла произойти и из Медеи.

VI

Выдвигая предположение о том, что «Царь Максимилиан» имеет в качестве источника школьную драму «Венец Димитрию», мы не утверждаем, что автор народной пьесы опирался на писанный текст ростовского представления. Дело, по-видимому, обстояло иначе.

Вообще при изучении народного театра мы не учитывали одного существенного момента: многие деятели этого театра, как актеры, так и те, кого мы сейчас называем режиссерами, были совершенно неграмотными или полуграмотными и заучивали текст «с голоса». Достаточно познакомиться с литературой о «Царе Максимилиане», чтобы найти десятки подтверждений сказанного

Отличаясь большой и острой памятью, народные режиссеры, как и principals итальянской народной комедии масок, запоминали сюжет той или иной виденной ими в школьном или другом театре пьесы, иногда и большую часть ее текста и строили на этом материале свои драматические произведения. Любопытно, что подобный принцип создания пьес сохранился чуть ли не до наших дней.

В газете «Советское искусство» от 17 мая 1937 г. была помещена заметка, озаглавленная «Драматург из Олюторки» Анонимный автор заметки сообщал о поездке группы артистов Петропавловского-на-Камчатке городского театра по самым дальним районам полуострова. При посещении Олюторки произошло следующее. «В Олюторке, — пишет автор заметки, — артистов встретил заведующий рыбачьим клубом. Выражение его лица было мрачно. Он рассказал, что тяга к искусству среди рыбаков огромная. Они хотят сами играть и создали драматический кружок. Но культурный сектор АКО не присылает ни париков, ни грима, ни пьес.

«Зав клубом мрачно рассказывал:

— Ну, что мне делать? Рыбаки у нас народ серьезный. Хотят играть, хоть ты что! А я зав. клубом! Какое мое положение? Они на меня нажимают, а у меня ничего нет. Пришлось парики из пакли поделать, из той, что лодки конопатят, а грим из сурика, осталось от покраски стен. А пьесы? Братцы вы мои! Ведь пришлось мне самому и пьесы написать. Сам написал „Разбойников“ Шиллера и „Егора Булычева“ Горького. А как я об этих пьесах только по-наслышке знаю, то уж не обесудьте, что получилось . .

«Провожая артистов, зав. олюторским клубом сказал также мрачно:

— И поймите в виду, так и передайте в культотделе АКО, если они пьес и пособий не пришлют, так я сам „Ромео и Джульетту“ напишу. И взять с меня нечего: рыбаки требуют! Так им и скажите . .

«По просьбе вернувшихся в Петропавловск артистов пьесы и пособия были срочно высланы в Олюторку».

Приведенный нами материал позволяет предположить, что и в более ранние времена существовали такого же рода драматурги, которые по виденным пьесам или слышанным изложениям их создавали свои новые произведения.

По-видимому, в истории возникновения «Царя Максимилиана» мы имеем дело именно с таким случаем.

Процесс создания этой пьесы представляется нам в таком виде.

Поставленная 26 октября 1704 г. пьеса в честь Дмитрия Ростовского, по-видимому, игралась позднее не один раз: обе дошедшие до нас рукописи писаны на бумаге с водяными знаками ЯМСЯ (Ярославская мануфактура Саввы Яковлева) и цифрами: 1781, 1789; на московской рукописи есть владельческая запись о ее покупке в 1787 г. Сперва эта пьеса имела характер обычной инсценировки житийной повести. Впрочем, уже П. О. Морозов обратил внимание на то, что вопрос Дмитрия в ростовской пьесе: «лучше ли бояться царя земного или небесного?» имел политический оттенок.⁵⁵ По-видимому, после казни царевича Алексея Петровича в сюжете «Венца Димитрию» стали усматривать аналогию с историей отношений Петра и его сына, и это политическое истолкование пьесы сохранило интерес к ней вплоть до конца XVIII в.

Трудно сказать, видел ли будущий автор «Царя Максимилиана» постановку «Венца Димитрию» в стенах Ростовского «грамматического» училища или познакомился с этой школьной драмой позднее, — важно только, что из довольно сложной композиции «Венца Димитрию» он твердо усвоил несколько мотивов, из которых важнейшими являлись преследование царем-язычником своего наследника-христианина (так, по-видимому, была понята им сцена посвящения Дмитрия в воеводы) и единоборство язычника и христианина.

Эти мотивы были осложнены анонимным автором приемами народного творчества — троекратным повторением встреч царя и сына и повторными рыцарскими поединками. Переосмыслены были и некоторые другие подробности: Мелея (Медея или Мегера) из адского духа превратилась в богиню или жену царя и т. п. В первоначальном варианте пьесы, по-видимому, сохранялись и некоторые имена действующих лиц, например царя Максимиана, богини Мегеры. Понятно, почему нельзя было удерживать в тексте пьесы имя Дмитрия: по тогдашним понятиям и цензурно-полицейским требованиям лица церковно-религиозной традиции не могли появляться на подмостках светского театра. Поэтому и пришлось для сына царя придумать новое имя. Почему выпал жребий на имя Адольфа, сказать трудно. Возможно, правильно утверждение некоторых исследователей, что оно было подсказано лубочной литературой.⁵⁶

⁵⁵ П. О. Морозов История русского театра до половины XVIII столетия, стр. 340

⁵⁶ Не исключена возможность, что имя Адольф или Адольфий представляет осмысление имени св. Адельфы, епископа при императоре Констанции. Впрочем, этот святой не находится в месяцесловах греко-российской церкви (см. Архим. Сергей Полный месяцеслов Востока М., 1876, т. II, ч. III, прил. 2, стр. 28)

В дополнение к настоящей статье я предполагаю опубликовать в одном из ближайших томов ТОДРА текст «Венца Димитрию» по рукописям ГИМА и ГПБ

*К СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЮ
НИКОЛАЯ КАЛЛИНИКОВИЧА
ГУДЗИЯ*

Дорогой Николай Каллиникович!

Сотрудники Сектора древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР в радостный день Вашего юбилея от всей души поздравляют Вас и желают Вам всего, что только могут пожелать друзья и горячие почитатели.

Ваша многогранная научно-литературная деятельность всегда вызывала и вызывает наше искреннее восхищение. Для всех нас, работников советской филологической науки разных поколений, высоким образцом является и Ваше превосходное историко-литературное мастерство, и Ваше искусство давать живые отклики, полные мысли и знаний, на каждое новое явление отечественной и зарубежной науки.

Ваши труды по древнерусской литературе мы высоко ценим. На Вашем учебнике истории древнерусской литературы воспиталось не одно поколение советской молодежи. Сотни людей, окончивших наши филологические учебные заведения, с благодарностью вспоминают Ваше имя, потому что Вы первый научили их ценить непреходящее значение художественного наследия древней Руси. Исследователи не раз еще будут обращаться к Вашим работам о «Слове о полку Игореве» и «Молении» Даниила Заточника, о публицистах XVI в. и протопопе Аввакуме, о повествовательной прозе и драме XVII—XVIII вв. Работы Ваши будят мысль; многие из них явились толчком для дальнейшего изучения поставленных Вами научных проблем. Мы с благодарностью думаем о том большом научном вкладе, какой Вы внесли в работу нашего Сектора и как автор ряда статей в «Трудах» Сектора, и как составитель отдельных глав и разделов первых трех томов академической «Истории русской литературы».

Мы помним и знаем, как много сделали Вы и по изучению русской литературы XIX—XX вв. Пушкин и Гоголь, Крылов и Островский, Тютчев и Брюсов, в особенности же Лев Толстой всегда были

предметом Вашего неутомимого и пристального внимания. В этом приветственном слове мы не имеем возможности даже кратко перечислить те важные выводы, материалы и наблюдения, которыми Вы, со свойственной Вам научной щедростью, обогатили историю и новую русскую литературы.

Почетную известность уже давно заслужили также Ваши работы по литературе украинской. Они дают богатый материал для истории братского содружества русской и украинской литературы, и без них невозможно дальнейшее плодотворное изучение этого важного фактора нашей культуры.

Примите же, дорогой Николай Каллиникович, наши самые добрые пожелания, наше глубокое уважение и нашу любовь.

Дорогой и глубокоуважаемый Николай Каллиникович!

Московские специалисты по древнерусской литературе, Ваши многочисленные сверстники и многие товарищи по работе и ученики шлют Вам в день Вашего семидесятилетия свои горячие поздравления и самые лучшие пожелания.

Ваша разносторонняя научная деятельность, начавшаяся еще в студенческие годы и неутомимо продолжающаяся до сего дня, преимущественно обращена к изучению древнерусской литературы. Ваш превосходный курс «Истории древней русской литературы», многочисленные работы по «Слову о полку Игореве», исследование творчества Аввакума и других древнерусских и древнеукраинских писателей давно уже стали постоянными и неизменными спутниками всей нашей научной и преподавательской работы.

Мы, специалисты в области древнерусской литературы, не можем также не отметить с глубоким уважением Ваших работ в области литературы XVIII в. и в особенности XIX в. Вы много и плодотворно занимались изучением творчества Пушкина, Огарева, Тургенева, Тютчева, Лескова, украинских писателей Шевченко, Котляревского, Франко. Значительный вклад в науку внесли Ваши исследования культуры и литературной традиции русского символизма. Но особенно важны Ваши капитальные текстологические и историко-литературные исследования творчества Льва Толстого, которые наряду с Вашими трудами по древнерусской литературе приобрели широкую известность и признание как в Советском Союзе, так и за рубежом.

Нам хотелось бы в знаменательный день Вашего юбилея сказать также о нашем огромном уважении к Вашей живой практической работе. Ваши блестящие лекции, темпераментные публичные выступления и доклады, увлекательные семинары по древнерусской литературе, источниковедению и творчеству Л. Толстого, Ваша энергичная редакторская и научно-организационная деятельность, Ваши яркие статьи в широкой прессе — всё это всегда привлекает к Вам не

только филологов — студентов и аспирантов, преподавателей и научных работников, но и широкие круги советской интеллигенции. Нас восхищает и та принципиальная убежденность и тот молодой задор, с которыми Вы всегда откликаетесь на животрепещущие вопросы современной науки и культуры.

Каждому из нас, Ваших многих друзей, почитателей, товарищей по работе, учеников, радостно сознавать, что Вы живете и работаете среди нас, служите нам живым примером того, каким должен быть советский литературовед и филолог.

Желаем Вам, дорогой друг и учитель, еще долгих лет жизни и такой же плодотворной работы на благо советской науки.

К семидесятилетию Николая Калининвича Гудзия

(Очерк жизни и деятельности)

Академик Академии наук УССР, доктор филологических наук, профессор Н. К. Гудзий — один из крупнейших советских филологов-литературоведов — родился 21 апреля (4 мая) 1887 г. в г. Могилеве-Подольском в семье чиновника из крестьян. Он учился в реальном училище, окончил экстерном гимназию и в 1907 г. поступил на историко-филологический факультет (славяно-русское отделение) Киевского университета. Уже в ранние годы у Н. К. Гудзия проявилась та научная пытливость, та горячая любовь к русской словесности, которые в дальнейшем определили очень широкий круг его научных интересов.

Будучи студентом, Н. К. Гудзий принял активное участие в занятиях известного в истории отечественной филологии семинария профессора, а затем академика В. Н. Перетца, которого он по праву считает своим учителем. Характерными чертами той научной школы, которая была пройдена Н. К. Гудзием под руководством В. Н. Перетца, были тщательное изучение всей полноты фактического материала, высокое мастерство критики литературного текста, широта историко-литературных сопоставлений, культура научного изложения и блестящая эдиционная техника.

В 1911 г. Н. К. Гудзий окончил Киевский университет с золотой медалью за конкурсное сочинение «„Żywoty świętych“ Петра Скарги в юго-западной Руси XVI—XVIII вв.» и был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. В 1914 г. он выдержал магистерский экзамен, а затем начал преподавание в Киевском университете в качестве приват-доцента, работая одновременно и в средней школе. Еще студентом третьего курса, в 1910 г., Н. К. публикует свою первую научную статью «„Прение живота и смерти“ и новый украинский его список».¹ Он занимается изучением истории русской публицистики и международных связей русской литературы («Максим Грек и его отношение к эпохе итальянского Возрождения», «К вопросу об авторе „Беседы преподобных Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев“»), в особенности привлекает его внимание древняя украинская литература в ее отношениях с литературами других народов (статья «К вопросу о переводах из „Великого Зерцала“ в юго-западной Руси», изданное отдельной книгой упомянутое выше исследование житий Петра Скарги и др.). В кругу этих же работ молодого ученого находилась и рецензия, которой он откликнулся на труд великого украинского писателя И. Я. Франка «Пам'ятки українсько-руської мови і літератури, т. VI. Апокріфи і легенди з українських рукописів» (Львів, 1910). Уже в начале научной деятельности Н. К. Гудзием овладевает глу-

¹ Полные библиографические справки см. в опубликованном в настоящем издании списке печатных работ Н. К. Гудзия. Настоящая статья имеет своей целью коснуться лишь основных работ Н. К. Гудзия.

бокая любовь к «Слову о полку Игореве». В 1914 г. он публикует критико-библиографический обзор «Литература „Слова о полку Игореве“ за последнее двадцатилетие (1894—1913 гг.)», который продолжил аналогичные работы Е. В. Барсова, А. И. Смирнова, И. Н. Жданова и П. В. Владимиrowa и дал новое обобщение итогов изучения памятника. Н. К. Гудзий уделяет также много внимания изучению легендарных сюжетов средневековья («К истории легенды о папе Григории», «К легендам об Иуде предателе и Андрее Критском»).

Но параллельно с этими исследованиями в области древнерусской и древнеукраинской литературы Н. К. Гудзий уже очень рано начинает заниматься русская классическая литература XIX в. Так, в 1913 г. он печатает статью «Гоголь — критик Пушкина», позже статью «Огарев и Пушкин», рецензирует научные труды, посвященные Лермонтову, Достоевскому.

С 1918 г. Н. К. Гудзий переводится в Таврический университет (г. Симферополь), где открывает свой курс лекцией «Литературный дебют Тургенева». В этот период в круг научных занятий Н. К. Гудзия все более входит русская литература XVIII—начала XIX в. Он изучает историю старинного русского театра, историю русского сентиментализма («Путешествие в Крым П. И. Сумарокова»).

Н. К. Гудзий сложился как самостоятельный ученый еще до Великой Октябрьской социалистической революции. Однако расцвет его научной, педагогической и научно-организационной деятельности наступил только после революции. Никогда не увлекаясь модными в свое время формалистическим, а затем вульгарно-социологическим течениями в литературоведении, Н. К. Гудзий стремился сохранить и продолжить лучшие традиции русской академической филологии, а начиная с 30-х годов старался сочетать эти традиции с марксистским пониманием литературы как общественного явления, обусловленного закономерностями классовой борьбы и исторического развития.

Научная и педагогическая деятельность Н. К. Гудзия особенно широко развернулась в Москве, где с 1922 г. он начинает работать в качестве профессора Второго Московского государственного университета, затем Института красной профессуры, Московского института истории, философии и литературы им. Н. Г. Чернышевского. В эти годы Н. К. Гудзий был действительным членом Государственной академии художественных наук.

Не прекращая своих работ в области древнерусской литературы, Н. К. начинает теперь шире заниматься изучением различных вопросов русской литературы XIX—начала XX в. (статьи «Прототип Кулигина», «Пушкинская литература в послереволюционные годы», «Поэты-декабристы», «Письма Шевченко к С. Т. Аксакову» и др.), все более концентрируя свое внимание на вопросах истории русской поэзии. Важное значение имеют его работы по поэтике Тютчева («Аллитерация и ассонанс у Тютчева», «Тютчев в поэтической культуре русского символизма»), а также основанные на архивных разысканиях работы по русскому символизму («Из истории раннего русского символизма», «Юношеское творчество Брюсова») и работы по изучению текстов и художественных особенностей некоторых произведений Пушкина («Прозопопя у Пушкина», «К истории сюжета романа Пушкина о бедном рыцаре», «Братья-разбойники»). В древнерусской литературе Н. К. также в это время привлекают вопросы стилистики и истории стихосложения («Заметка о повести кн. Ив. Мих. Катырева-Ростовского»).

К концу 20-х годов относится начало работы Н. К. Гудзия над изучением рукописного наследия Л. Н. Толстого. Интерес к художественному

творчеству Толстого привел к формированию в научной работе Н. К. Гудзия второй, наряду с изучением древнерусской литературы, основной области исследований — толстововедения — и выдвинул его в число крупнейших специалистов по Толстому. Начиная с 1928 г., в связи со столетием со дня рождения Толстого, Н. К. Гудзий публикует ряд статей: «Толстой и Лесков», «Молодой Толстой и цензура», «Толстой о русской литературе», «Рассказ о казни Лозинского и Розовского в „Воскресении“ Толстого и его источники» и др. Затем, являясь активным членом редакционной коллегии юбилейного академического издания сочинений Толстого, Н. К. Гудзий с большим мастерством подготавливает к печати десять томов этого издания, включающих критически проверенные тексты около 50 произведений Толстого, в том числе таких, как «Анна Каренина», «Воскресение», «Крейцера соната», «Дьявол», «Власть тьмы», «Плоды просвещения», «Так что же нам делать?» и др. Н. К. Гудзий впервые публикует многочисленные черновые варианты этих произведений, сопровождая издание обширными комментариями и научными статьями. Тщательные архивные разыскания и тонкие текстологические наблюдения привели Н. К. Гудзия к важным выводам о характере художественного творчества Толстого, позволили ему восстановить и раскрыть историю создания многих его произведений. Эти исследования нашли свое отражение не только в статьях и комментариях, сопровождающих издание сочинений Толстого, но также в книге «Как работал Толстой» (1936 г.). Неоднократно перерабатывавшаяся и переиздававшаяся книга Н. К. Гудзия «Лев Толстой» получила международную известность: она была переведена на языки сербо-хорватский (Белград—Загреб, 1946), словенский (Любляны, 1947), польский (Краков, 1950), чешский (Прага, 1951), венгерский (Будапешт, б. г.), испанский (Монтевидео, б. г.), китайский (Шанхай, 1950), японский (Токио, 1950). Работа Н. К. Гудзия над рукописями Толстого является научным образцом, на котором долго еще будут учиться представители молодого поколения советских литературоведов, занимающихся исследованием и изданием сочинений классиков русской литературы.

Однако несмотря на то, что работа над изучением Толстого поглотила основное внимание и силы Н. К. Гудзия более чем на десять лет, он не оставляет древней русской литературы и литературы XVIII в. Его работы в этой области все более отличаются теперь поисками исторических и социальных объяснений содержания литературных памятников и творчества писателей («К какой социальной среде принадлежал Даниил Заточник?», «Об идеологии Княжнина», несколько статей о Ломоносове и др.). В 1934 г. под редакцией и с комментарием Н. К. Гудзия выходит в свет «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения». В обширной вступительной статье к этому изданию Н. К. Гудзий впервые в советском литературоведении дал широкую социально-историческую оценку творчества Аввакума.

В связи с возобновлением временно прекращенного преподавания в высшей школе истории древнерусской литературы и острой нуждой в учебных пособиях, которые по-новому осветили бы древнерусское литературное наследие, Н. К. Гудзий приступает к работе над составлением сначала «Хрестоматии по древней русской литературе XI—XVII вв.» (первое издание 1935 г.), а затем и университетского курса «Истории древней русской литературы» (первое издание 1938 г.). Трудно переоценить значение этих трудов для филологического образования советских студентов. Учебник Н. К. Гудзия был первым научным обобщением развития древнерусской литературы, появившимся после ликвидации вуль-

гарно-социологического течения в литературоведении. В этом труде автор дал новую концепцию литературного процесса древней Руси, обратив особое внимание на выделение и истолкование прогрессивных и эстетически ценных сторон в литературных памятниках русского средневековья. Определяющим направлением в общем содержании курса Н. К. Гудзия было стремление добиться органического сочетания марксистского понимания художественного наследия древней Руси с лучшими традициями его филологического изучения.

Уже в первых своих изданиях и хрестоматия и учебник Н. К. Гудзия вызвали высоко положительную оценку со стороны научной общественности. Академик А. С. Орлов, оценивая «Хрестоматию» (первое издание), отметил, что «не найдется вузовского преподавателя, который не был бы удовлетворен данным подбором памятников как собственно литературных и притом достаточно исследованных... Мы, педагоги, все должны быть глубоко благодарны за его книгу».² «„История древней русской литературы“ проф. Н. К. Гудзия (в первом издании), — отмечал проф. М. Я. Яковлев, — имеет много положительных данных». Это — «книга нужная, весьма полезная для высшей школы».³ Рецензируя третье издание курса, член-корреспондент АН СССР В. П. Адрианова-Перетц писала: «Популярности этой книги среди учащейся молодежи способствовали ее содержательность, богатство фактов, обстоятельное освещение литературных памятников первостепенного значения (особенно XI—XIII вв.)».⁴

Учебник и хрестоматия Н. К. Гудзия, выдержавшие уже по шесть изданий, прочно вошли в обиход советской высшей школы. Каждое новое издание этих трудов сопровождалось новой и тщательной работой над ними Н. К. Гудзия. Он постоянно обновлял свою хрестоматию и по составу включаемых в нее памятников и по замене старых изданий текстов их новейшими научными публикациями. Он неизменно совершенствовал свой курс, внимательно прислушиваясь к замечаниям рецензентов и критически учитывая результаты новых исследований по древнерусской литературе, публикуемых как в Советском Союзе, так и за рубежом. Каждое новое издание учебника Н. К. Гудзия являлось поэтому в значительной мере итогом изучения древнерусской литературы и в свою очередь нередко служило отправным пунктом дальнейших исследовательских работ в этой области. Курс Н. К. Гудзия стал настольной книгой многих историков русской литературы. Этот курс получил признание специалистов не только в нашей стране, но и за ее пределами. Он был переведен на английский язык и издан в Нью-Йорке в 1949 г. Чешский ученый проф. А. Достал отметил, что «в книге своей Гудзий дал своим преемникам массу мыслей как нельзя более плодотворных».⁵ Немецкий ученый проф. М. Фасмер писал: «Большой шаг вперед, который в этой области (в изучении древнерусской литературы, — А. Р.) был достигнут начиная с 20-х годов нашего столетия, наглядно иллюстрирует „История древней русской литературы“ Н. Гудзия, вышедшего из школы Перетца».⁶

Помимо учебника и хрестоматии, Н. К. Гудзий положил немало труда на составление целого ряда учебных программ, методических указаний,

² Акад. А. Орлов. Гудзий Н. К. Хрестоматия по древней русской литературе (XI—XVII вв.). (Рецензия). Учебно-педагогическая литература, 1935, № 12, стр. 11—12.

³ Проф. М. Я. Яковлев. Проф. Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. М., 1938. (Рецензия). Вестник древней истории, 1940, № 1, стр. 146—150.

⁴ В. П. Адрианова-Перетц. Н. К. Гудзий. История древней русской литературы... 1945. Советская книга, 1946, № 8—9, стр. 129.

⁵ *Byzantinoslavica*, XIII, 2, Prague, 1952—1953, стр. 324—326

⁶ *Zeitschrift für slavische Philologie*, Bd XX, H 2, 1950, стр. 459

тематики научных работ по русской литературе для советской высшей школы. Несколько статей он посвятил вопросам подготовки научных кадров.

В 1938 г. Н. К. Гудзий выступил в печати как инициатор литературного юбилея — 750-летия «Слова о полку Игореве», получившего живой отклик в широких кругах советской общественности. Н. К. Гудзий, являясь одним из организаторов этого юбилея, посвятил «Слову о полку Игореве» целый ряд новых работ; он научно издал текст памятника, сопроводил его своим переводом на современный русский язык, опубликовал статьи, раскрывающие историческое содержание «Слова», его связи с древнерусской литературной традицией, историю его изучения и др. Столетие со дня смерти Пушкина и юбилей «Слова о полку Игореве» дали повод Н. К. Гудзию, «свивая славы оба полы сего времени», изучить работу великого поэта над «Словом» (статья «Пушкин за работой над „Словом о полку Игореве“») и подготовить черновые тексты статьи Пушкина о «Слове» для академического издания его сочинений.

В течение ряда лет (1938—1947 гг.) Н. К. Гудзий руководил работой Отдела древнерусской литературы и литературы XVIII в. в Институте мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР. Одним из результатов работы этого отдела был выход в свет под редакцией Н. К. Гудзия научного сборника «Старинная русская повесть» (1941 г.), в которой сам Н. К. Гудзий поместил статью «„История иудейской войны“ Иосифа Флавия в древнерусском переводе». Одновременно Н. К. Гудзий принял участие как один из редакторов и как автор нескольких разделов в первых двух томах академической «Истории русской литературы», посвященных древнерусской литературе.

Великая Отечественная война застала Н. К. Гудзия на посту декана сначала Литературного факультета Московского института истории, философии и литературы им. Н. Г. Чернышевского (1940—1942 гг.), а затем Филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (1942—1944 гг.). Обязанности декана, особенно в трудных условиях эвакуации, позволили Н. К. Гудзию развернуть свои организаторские способности и широко проявить заботу о нашей учащейся молодежи. В годы войны Н. К. Гудзий выступает в широкой прессе по вопросам мировой культуры и исторической роли славянства, он пишет также ряд патриотических статей («Мировое значение русской литературы» и др.). В 1944 г. выходит книжка Н. К. Гудзия «Французская буржуазная революция и русская литература», в которой он прослеживает отражение прогрессивных идей французской буржуазной революции в русской литературе, начиная с первых откликов в ней на революцию и вплоть до эпохи русской революции 1905 г. В 1945 г. Н. К. Гудзий избирается действительным членом Академии наук УССР.

Еще до войны, в 1941 г., Н. К. Гудзий первым из советских ученых решительно выступил с научным опровержением работы проф. А. Мазона (Франция), сделавшего попытку возродить скептическое отношение к «Слову о полку Игореве» и объявить его подделкой конца XVIII в. Эта важная работа Н. К. Гудзия, сообщенная первоначально в виде доклада («Ревизия подлинности „Слова о полку Игореве“ в исследовании проф. А. Мазона»), смогла появиться в печати лишь в 1946 г. В послевоенные годы Н. К. Гудзий продолжает свои работы по «Слову» («О составе „золотого слова“ Святослава в „Слове о полку Игореве“», «О перестановке в начале текста „Слова о полку Игореве“», «Судьба печатного текста „Слова о полку Игореве“» и др.). Он выступает в печати с принципиальными возражениями против тех отечественных ра-

бот о «Слове», которые представляются ему научно необоснованными («В защиту грамматики, истории и науки вообще»). Наряду с этим Н. К. Гудзия занимают и другие темы истории древнерусской литературы («Зарождение и становление московской литературы», «Где и когда протекала литературная деятельность Серапиона Владимирского», «О „Слове о погибели Руския земли“» и др.). Развивая в этих работах свои взгляды, Н. К. Гудзий дает критический анализ новейших исследований зарубежных ученых (М. Горлин, А. Соловьев). В последние годы, заведя Отделом древнеукраинской литературы Института украинской литературы им. Т. Г. Шевченко (Киев), Н. К. Гудзий обращает особое внимание на изучение русско-украинских литературных связей. Под его редакцией издается сборник статей «Русско-украинские литературные связи» (1951 г.), им пишутся работы: «Литература Киевской Руси в истории братских литератур», «„Энеида“ И. П. Котляревского и русская травестированная проза XVIII в.», «Шевченко і російська революційно-демократична думка» и др.

Одной из основных тем в работах Н. К. Гудзия продолжает оставаться изучение творчества Л. Толстого, которому он посвящает большое число новых научных и научно-популярных статей («Работа над литературным наследством Льва Толстого за годы советской власти», «От „Романа русского помещика“ к „Утру помещика“», «Жизненный и творческий путь Толстого» и др.).

К 150-летию со дня рождения Пушкина Н. К. Гудзий издает отдельной книгой на русском и украинском языках критико-биографический очерк о великом поэте и несколько других работ о нем («Пушкін і російська культура» и др.). Несколько позже им изучается проблема перевода сочинений Пушкина на украинский язык («Поезія О. С. Пушкіна в українських перекладах»).

На протяжении всей своей научной деятельности Н. К. Гудзий постоянно занимался вопросами истории и историографии отечественного литературоведения. Помимо упомянутого выше его обзора научной литературы о «Слове о полку Игореве», необходимо отметить опубликованный им в «Zeitschrift für slavische Philologie» обширный критический обзор «Die altrussische Literaturgeschichte in die Jahren 1914—1926», статьи по истории литературоведения в Московском университете в дооктябрьский период, недавно вышедшую в свет книжку «Н. С. Тихонравов», обзоры трудов и деятельности отдельных советских филологов (статьи о Ю. М. Соколове, С. А. Бугославском, А. И. Белецком).

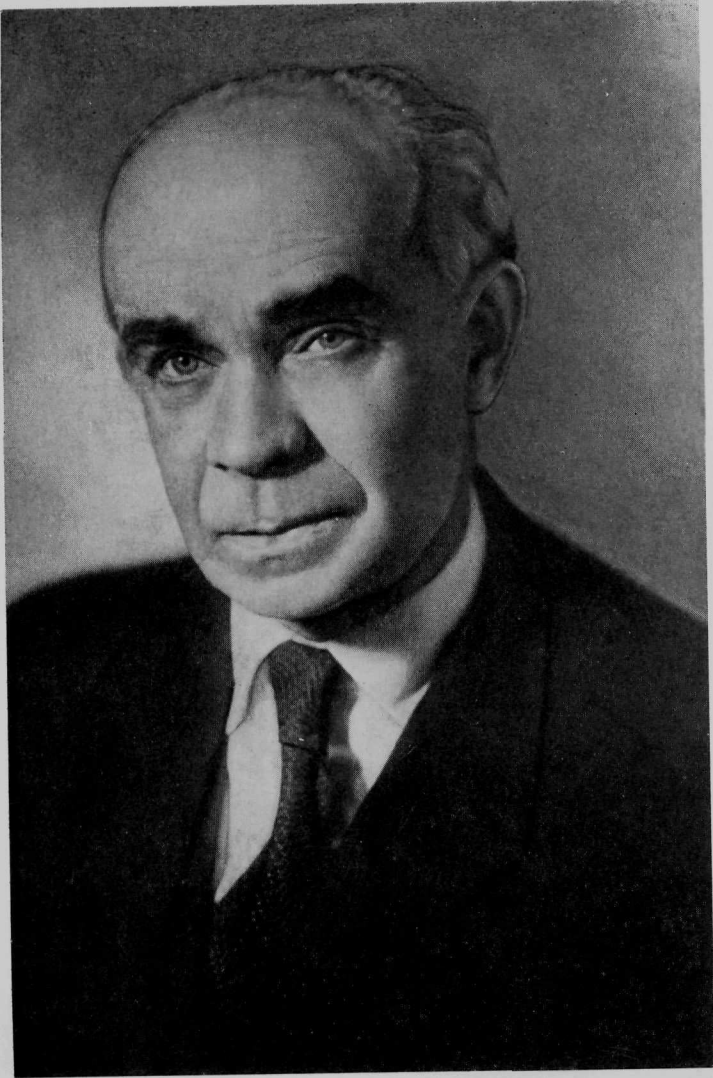
Перу Н. К. Гудзия принадлежит более 250 печатных работ. Для многих из них, особенно для работ, написанных за последние четверть века, является характерным органическое сочетание интересов науки с запросами нашей общественности. Н. К. Гудзий является не только выдающимся ученым, но и блестящим популяризатором науки, пропагандистом культуры. Многие газетные и журнальные статьи Н. К. Гудзия имеют характер ярких критических и публицистических выступлений. Как словеснику в широком смысле Н. К. Гудзию присуще тонкое чувство художественного стиля и высокая культура слова.

Личные качества Н. К. Гудзия, его строгое и требовательное, но в то же время душевное и дружеское отношение к учащейся молодежи, особенно способствуют успеху его научно-воспитательной работы. За многие годы преподавательской деятельности Н. К. Гудзий сумел возбудить любовь к русской литературе, передать историко-литературные знания и навыки научной работы тысячам студентов, многие из которых теперь сами ведут плодотворную педагогическую и научную работу. Более два-

дцати учеников Н. К. Гудзия защитили диссертации, причем несколько из них — докторские.

Н. К. Гудзий продолжает неутомимо и бодро работать: он читает общие и специальные курсы в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова и руководит работой аспирантов, он заведует Отделом древнеукраинской литературы в Институте украинской литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР, совершает научные поездки по Советскому Союзу и за его пределами (Венгрия, Англия и Шотландия). Глубокие и обширные познания в области истории русской литературы, украинской литературы и ряда смежных дисциплин, преданность советской науке, неутомимое и радостное служение ей, высокая научная принципиальность и личное обаяние отличают облик Н. К. Гудзия как ученого и человека. Советское правительство высоко оценило научные и педагогические заслуги Н. К. Гудзия, наградив его орденом Ленина, орденом Трудового Красного Знамени и медалями.

А. Н. Робинсон

Henry Jones

**Хронологический список трудов
академика Академии наук УССР
Николая Каллиниковича Гудзия**

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ¹

- БСЭ — Большая советская энциклопедия.
Искусство — «Искусство». Журнал Государственной академии художественных наук.
РФВ — Русский филологический вестник.
Чт. ИОНЛ — Чтения Исторического общества Нестора-летописца.
ZfSPh — Zeitschrift für slavische Philologie.

1910

1. «Прение живота и смерти» и новый украинский его список. — РФВ, 1910, № 3—4, стр. 317—336.

1911

2. Максим Грек и его отношение к эпохе итальянского Возрождения. — Университетские известия, Киев, 1911, № 7, стр. 1—19.
3. Занятия студ. Н. К. Гудзия. — В кн.: Проф. В. Н. П е р е т ц. Отчет об экскурсии семинария русской филологии в Житомир 21—26 октября 1910 г. Киев, 1911, стр. 57—70.

1912

4. Рец.: Пам'ятки українсько-руської мови і літератури, т. VI. Апокрифи и легенды з українських рукописів. Зібрав, упорядкував і пояснив Др. Іван Франко... у Львові, 1910. — ЖМНП, 1912, № 3, стр. 153—161.

1913

5. К вопросу об авторе «Беседы преподобных Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев». — РФВ, 1913, № 3, стр. 151—160.
6. К вопросу о переводах из «Великого Зеркала» в юго-западной Руси. — Чт. ИОНЛ, кн. XXIII, вып. II, 1913, стр. 3—42.
7. Гоголь — критик Пушкина. — Чт. ИОНЛ, кн. XXIV, вып. I, 1913, стр. 3—40.

1914

8. Литература «Слова о полку Игореве» за последнее двадцатилетие (1894—1913 гг.). (Критико-библиографический обзор). — ЖМНП, 1914, № 2, стр. 353—387.

¹ В список сокращений не вошли постоянные сокращения ТОДРА, которые даны в конце тома.

9. *Рец.*: И. И. Огиенко. Легендарно-апокрифический элемент в «Небе новом» Иоанникия Галятовского, южно-русского писателя XVII века. Киев, 1913. Его же. Проповеди Иоанникия Галятовского, южно-русского проповедника XVII века. Харьков, 1913. Его же. Отголоски современности и местные черты в «Ключе Разумения» Иоанникия Галятовского, южно-русского проповедника XVII в. Варшава, 1914.—Украина, 1914, кн. 3, стр. 107—110.
10. *Рец.*: А. И. Белецкий. Стихотворения Симеона Полоцкого на темы из всеобщей истории. Харьков, 1914.—Украина, 1914, кн. 4, стр. 95—96.
11. *Рец.*: С. И. Маслов. Грамота Стефана Яворского Нежинскому Благовещенскому монастырю 1717 г. Киев, 1914.—Украина, 1914, кн. 4, стр. 105—106.

1915

12. К истории легенды о пане Григории. — ИОРЯС, т. XIX (1914), кн. 4, 1915, стр. 217—256.
13. К легендам об Иуде предателе и Андрее Критском. — РФВ, 1915, № 1, стр. 1—34.
14. *Рец.*: С. И. Маслов. Библиотека Стефана Яворского. Киев, 1914. — Русский библиофил, 1915, кн. IV, стр. 88—90.
15. *Рец.*: Б. В. Нейман. Влияние Пушкина в творчестве Лермонтова. Киев, 1914. — Русский библиофил, 1915, кн. IV, стр. 90—91.

1916

16. *Рец.*: Józef Tretiak. Piotr Skarga w dziejach i literaturze unii Brzeskiej. Kraków, 1912. — ЖМНП, 1916, № 1, стр. 142—148.
17. *Рец.*: Ф. П. Сушицкий. Пособие по теории словесности (для средней школы и самообразования). Киев, 1915. — РФВ, 1916, № 1—2, стр. 53—62.
18. *Рец.*: Беседы. Сборник Общества истории литературы в Москве, I, М., 1915. — РФВ, 1916, № 3, стр. 158—162.
19. *Рец.*: М. Зайдман. Ф. М. Достоевский в западной литературе. Характеристика творчества и личности писателя в западной критической и научной литературе. Изд. 2-е, Одесса, 1915. — Голос минувшего, 1916, № 5—6, стр. 434—436.
20. Отчет приват-доцента Университета св. Владимира Н. К. Гудзия о занятиях в библиотеках Москвы летом 1916 г. — В кн.: Отчет о деятельности Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук за 1916 г. Составил академик В. Н. Перетц, Пгр., 1916, стр. 44—45.

1917

21. Переводы «Żywotów świętych» Петра Скарги в Юго-Западной Руси. Киев, 1917, 135 стр.
22. Огарев и Пушкин. — РФВ, 1917, № 1—2, стр. 141—151.
23. *Рец.*: П. О. Потапов. Из истории русского театра. Жизнь и деятельность В. А. Озерова. Одесса, 1915. — ЖМНП, 1917, № 1, стр. 84—122.

1918

24. *Рец.*: Л. Семенов. М. Ю. Лермонтов. Статьи и заметки. 1. М., 1915. — ИОРЯС, т. XXII, кн. 2, 1918, стр. 382—385.

1918—1919

25. Басни Крылова. Полное собрание под редакцией, с биографией и историко-литературным комментарием прив.-доц. Н. К. Гудзия. Киев, 1918—1919.

1919

26. К истории русского театра. I. Еще одна школьная декламация. II. Интермедия о старце. — Известия Таврического университета, т. 1. Симферополь, 1919, стр. 142—159.
27. Литературный дебют Тургенева. (Вступительная лекция, прочитанная в Таврическом университете 8-го ноября 1918 г.). — Известия Таврического университета, т. 1. Симферополь, 1919, стр. 160—167.
28. Мотив усеченной головы в татарской легенде об Азисе. — Известия Таврической ученой архивной комиссии, № 56. Симферополь, 1919, стр. 98—103.
29. К истории русского сентиментализма. (Путешествие в Крым П. И. Сумарокова). — Известия Таврической ученой архивной комиссии, № 56. Симферополь, 1919, стр. 131—143.
30. И. И. Козлов — переводчик Мицкевича. — Известия Таврической ученой архивной комиссии, № 57. Симферополь, 1919, стр. 305—320.

1924

31. Прототип Кулигина. (К литературной истории «Грозы» Островского). — В кн.: Историко-литературный сборник. Посвящается Всеволоду Измайловичу Срезневскому (1891—1916 гг.). Л., 1924, стр. 183—190.
32. Пушкинская литература в послереволюционные годы. — Книга о книгах, 1924, № 4, стр. 30—36.
33. Любовь Чернышевского. — Русский современник, 1924, № 1, стр. 318—320.
34. Рец.: Н. А. Пыпина. Любовь в жизни Чернышевского. Пгр., 1923. — Каторга и ссылка, 1924, № 3, стр. 281—282.

1925

35. Поэты-декабристы. — Каторга и ссылка, 1925, № 8, стр. 172—186.
36. Рец.: И. Н. Розанов. Н. А. Некрасов. Жизнь и судьба. Л., 1924. — Новый мир, 1925, № 9, стр. 157.

1927

37. Письма Шевченко к Т. С. Аксакову. — Искусство, 1927, кн. II—III, стр. 157—163.
38. Из истории раннего русского символизма. Московские сборники «Русские символисты». — Искусство, 1927, кн. IV, стр. 180—218.
39. Аллитерация и ассонанс у Тютчева. — «Slavia». Ročník V. Sešit. 1927, стр. 456—469.
40. Биография. — БСЭ, т. 6. М., 1927, столб. 281—282.
41. Рец.: Акад. Володимир Перетц. Слово о полку Ігоревім. Пам'ятка феодальної України-Русі XII віку. Вступ. текст. коментар. У Києві, 1926. Его же. К изучению «Слова о полку Игореве». Л., 1926. — ZfSPh, Bd. IV, N. 3/4, 1927, стр. 485—490.

42. Рец.: Творческая история. Исследования по русской литературе. Ред. Н. К. Пиксанова. М., 1927. — Печать и революция, 1927, кн. 2, стр. 187—189.

1928

43. Толстой и Лесков. — Искусство, 1928, кн. I—II, стр. 95—128.
 44. Заметка о повести кн. Ив. Мих. Катырева-Ростовского. — В кн.: Сборник статей в честь академика Алексея Ивановича Соболевского. Л., 1928, стр. 306—309.
 45. Молодой Толстой и цензура (цензурная история рассказа «Севастополь в мае 1855 г.»). — Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии, № 3. Симферополь, 1928, стр. 55—57.
 46. Пушкиноведение в 1926—1927 гг. (Обзор). — Печать и революция, 1928, № 1, стр. 123—130.
 47. Рец.: Н. К. Пиксанов. Областные культурные гнезда. Историко-краеведческий семинар, М.—Л., 1928. — Красная новь, 1928, № 4, стр. 248—250.

1928—1929

48. Die altrussische Literaturgeschichte in den Jahren 1914—1926. — ZfSPh, Bd. V, H. 1/2, 1928, стр. 153—175; Bd. V, H. 3/4, 1929, стр. 418—471; Bd. VI, H. 1/2, 1929, стр. 258—269.

1929

49. Толстой о русской литературе. — В кн.: Эстетика Льва Толстого. Сборник статей под ред. академика П. Н. Сакулина. М., 1929, стр. 185—239.
 50. Рец.: В. Н. Перетц. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII веков. 1. Л., 1926. — ZfSPh, Bd. VI, H. 1/2, 1929, стр. 293—295.

1930

51. К истории сюжета романа Пушкина о бедном рыцаре. — Пушкин. Сборник второй. Ред. Н. К. Пиксанова. М.—Л., 1930, стр. 145—158.
 52. Тютчев в поэтической культуре русского символизма. — В кн.: Известия по русскому языку и словесности Академии наук СССР, т. III, 1930, стр. 465—549.

1931

53. Прозопопья у Пушкина. — В кн.: Памяти П. Н. Сакулина. Сборник статей. М., 1931, стр. 56—64.

1932

54. Рассказ о казни Лозинского и Розовского в «Воскресении» Толстого и его источники. — Каторга и ссылка, 1932, № 8—9, стр. 62—83.
 55. Из литературного прошлого. Как искажался Толстой. — Литературная газета, 1932, 5 октября.

1933

56. Новое издание стихотворений Тютчева. — Литературная газета, 1933, 17 декабря.

57. Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений под общей редакцией В. Г. Черткова, т. 32, М.—Л., 1933. «Воскресение». Редакция текста. Печатные варианты. Цензурные варианты. Исправления Г. А. Русанова(?). Текстологические пояснения. Обзор содержания «Воскресения» по главам. Словарь трудных для понимания слов (стр. 447—538).
58. Л. Н. Толстой. Неизданные тексты. Редакция и комментарии Н. К. Гудзия и Н. Н. Гусева. Academia, ГИХЛ, 1933. 439 стр.
59. Как писалась и печаталась «Крейцеровая соната» Толстого. Напечатанные отрывки из «Крейцеровой сонаты». — В кн.: Звенья, II. М.—Л., 1933, стр. 572—617.

1934

60. К какой социальной среде принадлежал Даниил Заточник? — В кн.: Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова. Л., 1934, стр. 477—485.
61. Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений под общей редакцией В. Г. Черткова, т. 18, М.—Л., 1934. «Анна Каренина», части первая — четвертая (редакция текста совместно с П. Н. Сакулиным). Печатные варианты (стр. 459—548).
62. История печатания «Воскресения» Толстого. Неопубликованные варианты к «Воскресению». — Звенья, III—IV. М.—Л., 1934, стр. 762—824.
63. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Редакция, вступительная статья и комментарий Н. К. Гудзия. Изд. Academia, 1934. 497 стр.
64. Рец.: «Слово о полку Игореве». Вступительная статья, перевод и примечания Г. Шторма, М., 1934. — Известия ЦИК, 1934, 3 октября.

1935

65. Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений под общей редакцией В. Г. Черткова, т. 19, М., 1935. «Анна Каренина», части пятая—восьмая (редакция текста совместно с П. Н. Сакулиным). Печатные варианты (стр. 401—469). Текстологический комментарий (стр. 470—503).
66. Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений под общей редакцией В. Г. Черткова, т. 33, М., 1935. Черновые редакции и варианты «Воскресения» (стр. 1—326). Комментарии (стр. 327—477).
67. «Власть тьмы». История создания, печатания и постановки пьесы на сцене. — Литературный критик, 1935, № 11, стр. 356—375.
68. Как начал Толстой «Анну Каренину». (Литературная встреча Толстого с Пушкиным). — Красная новь, 1935, № 11, стр. 150—153.
69. Л. Н. Толстой. «Воскресение». Роман. Редакция текста и комментарии Н. К. Гудзия. Изд. Academia, 1935.
70. Хрестоматия по древней русской литературе (XI—XVII вв.) для высших педагогических учебных заведений. М., 1935, 392 стр.
71. Об идеологии Княжнина. — Литературное наследство, т. 19—21. М., 1935, стр. 659—664.
72. А. К. Толстой. Письмо к И. С. Аксакову. — Звенья, V. М.—Л., 1935, стр. 760—764.
73. Творческий союз критика с литературоведом. — Литературная газета, 1935, 20 февраля.

74. Из Мицкевича. «Олешкевич», «Русским друзьям», «Памятник Петра Великого» (прозаические переводы). — В кн.: Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. Подготовили к печати и комментировали М. А. Цявловский, Л. Б. Модзалевский, Т. Г. Зенгер. М.—Л., 1935, стр. 544—549.

1936

75. Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений под общей редакцией В. Г. Черткова, т. 26, М., 1936. Редакция текстов: «Первый винокур, или как чертенок краюшку заслужил», окончание малороссийской легенды «Сорок лет», изданной Костомаровым в 1881 г., «Власть тьмы», Драматическая обработка легенды об Аггее. Рукописные варианты этих текстов (стр. 488—504, 533—548). Комментарии (стр. 673—678, 692—702, 705—736, 855—857).
76. Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений под общей редакцией В. Г. Черткова, т. 27, М., 1936. Редакция текстов: «Крейцера соната», «Послесловие к „Крейцеровой сонате“», «Плоды просвещения», «Франсуаза», «Дорого стоит», «Дьявол». Варианты и планы этих текстов (стр. 291—480, 518—519). Комментарии (стр. 563—680, 714—728).
77. Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений под общей редакцией В. Г. Черткова, т. 36, М.—Л., 1936. Произведения 1904—1906 гг. Редакция текстов. Рукописные варианты их и тексты неопубликованные (стр. 393—556). Комментарии (стр. 557—741).
78. Как работал Л. Толстой. М., 1936. 248 стр.
79. Материалы для изучения стиля Л. Толстого. «Хозяин и работник» в первоначальной и окончательной редакции. — Труды Орехово-Зуевского педагогического института, 1936, стр. 41—53.
80. Литературное наследство Толстого. — Книжные новости, 1936, № 17, стр. 2—4.
81. Хрестоматия по древней русской литературе (XI—XVII вв.) для высших педагогических учебных заведений. Изд. 2-е, М., 1936. 392 стр.
82. Жизнь Ломоносова. — Литературная газета, 1936, 20 ноября.
83. Поэт и филолог. — Известия ЦИК, 1936, 28 ноября.
84. Писательский труд Л. Н. Толстого. — Литературная газета, 1936, 20 ноября.
85. Два неопубликованных письма Гаршина к И. Т. Полякову. — Звенья, VI. М.—Л., 1936, стр. 799—803.
86. Рец.: «Вирши» (Б-ка поэта, Малая серия, № 3). — Литературное обозрение, 1936, № 9, стр. 24—26.
87. Рец.: Древнерусские летописи. Перевод и комментарии В. Панова. Ред. В. Лебедева. Статьи В. Лебедева и В. Панова — Литературное обозрение, 1936, № 15, стр. 30—32.

1937

88. Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений под общей редакцией В. Г. Черткова, т. 25, М., 1937. Редакция текстов: «О переписи в Москве», «Так что же нам делать?», «Выдержка из частного письма по поводу возражений на статью „Женщинам“», «Учение 12-ти апостолов», «Греческий учитель Сократ», «Страдания святого мученика Феодора в Пергии Памфилийской», «Трудолюбие, или торжество земледельца», произведения, написанные для «Почтового

ящика», «Китайская мудрость», «О благотворительности», «Страдания святых Петра, Дионисия, Андрея, Павла и Христины», «Сидарта, прозванный Буддой, т. е. святым». Первоначальный печатный вариант главы XVII «Так что же нам делать?». Рукописные варианты этих текстов (стр. 611—664). Комментарии (стр. 738—873, 883—890).

89. «Братья-разбойники» Пушкина. — Известия Академии наук СССР, Отделение общественных наук, 1937, стр. 643—658.
90. «Братья-разбойники» Пушкина (редакция — совместно с С. М. Бонди — окончательного текста и черновых и печатных вариантов поэмы). — В кн.: А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, том четвертый, изд. АН СССР, 1937, стр. 143—151, 372—381, 470.
91. Ломоносов и русская литература. — Молодая гвардия, 1937, № 4, стр. 212—216.
92. Юношеское творчество Брюсова. — Литературное наследство, т. 27—28. М., 1937, стр. 198—238.
93. Гениальное произведение русского народа (к 750-летию «Слова о полку Игореве»). — Известия ЦИК, 1937, 6 января.
94. Пушкин за работой над «Словом о полку Игореве». — Литературная газета, 1937, 26 июля.
95. Рец.: Русская сатирическая литература XVII в. — Литературное обозрение, 1937, № 22, стр. 52—53.

Рецензия на книгу В. П. Адриановой-Перетц «Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в.» (Л., 1937).

1938

96. История древней русской литературы. Учебник для высших учебных заведений. М., 1938. 448 стр.
97. Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVII веков для высших учебных заведений. Изд. 3-е, исправленное и дополненное, М., 1938, 460 стр.
98. «Слово о полку Игореве». Подлинный текст, его прозаический перевод и художественные переводы и переложения русских поэтов 19-го и 20-го вв. М., изд. «Советский писатель», 1938.

Редакция текста, его прозаический перевод и комментарий.

99. Важнейшие этапы в изучении «Слова о полку Игореве» (к 750-летию со времени его написания). — Книжные новости, 1938, № 11, стр. 15—17.
100. «Слово о полку Игореве». — Известия ЦИК, 1938, 6 января.
101. Где, кем и когда было написано «Слово о полку Игореве»? — Литературная газета, 1938, 15 апреля.
102. «Слово о полку Игореве» и древнерусская литературная традиция. — Литературный критик, 1938, № 5, стр. 59—83.
103. «Слово о полку Игореве». — Литературная учеба, 1938, № 5, стр. 30—54.
104. «Слово о полку Игореве» и его историческая почва. — Исторический журнал, 1938, № 7, стр. 5—13.
105. «Слово о полку Игореве». Перевод и пояснения Ивана Новикова. Общая редакция и вступительная статья (стр. 5—16) Н. К. Гудзия, М., 1938.
106. Ломоносов Михаил Васильевич. — БСЭ, т. 37, М., 1938, стлб. 377—380.

107. Tale of Igors Regiment. — Sovietland, 1938, № 5, стр. 19—21, 31, 36—37.
108. «War and Peace». — Sovietland, 1938, № 9, стр. 9, 12, 29—30.

1939

109. Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений под общей редакцией В. Г. Черткова, т. 20, М., 1939. Черновые редакции и варианты «Анны Карениной» (стр. 1—573). Комментарии (стр. 575—676).
110. «Анна Каренина». Неизданные тексты. — В кн.: Литературное наследство, т. 35—36. М., 1939, стр. 381—486.
111. Письма А. К. Толстого к И. С. Аксакову. — Всесоюзная библиотека имени В. И. Ленина. Труды. Сборник IV. А. С. Пушкин. А. Н. Островский. Западники и славянофилы. М., 1939, стр. 227—232.
112. *Рец.*: Л. М. Мышковская. Л. Толстой. Работа и стиль. М., 1939. — Литературное обозрение, 1939, № 23, стр. 59—61.

1940

113. «Война и мир» как народная эпопея. — Литература в школе, 1940, № 1, стр. 1—12.
114. Замыслы Льва Толстого и их воплощение. — Новый мир, 1940, № 11—12, стр. 290—302.
115. Работа Толстого над статьей о Мопассане. — Интернациональная литература, 1940, № 11—12, стр. 219—228.
116. Наследство Льва Толстого. — Правда, 1940, 19 ноября.
117. Новый курс истории русской литературы XVIII века. — Литературный критик, 1940, № 11—12, стр. 271—276.
118. Программы и методические указания для заочников педагогических институтов. Факультет литературы и языка. История древней русской литературы. Наркомпрос РСФСР, 1940. 21 стр.
119. *Ред.*: Проблемы реализма в русской литературе XVIII века. Сборник статей. М.—Л., 1940.
120. *Ред.*: Русские сатирические журналы XVIII века. Избранные статьи и заметки. Составил Л. Б. Лехтблау. М., 1940.

1941

121. История древней русской литературы. Учебник для высших учебных заведений. Изд. 2-е, переработанное, М., 1941. 486 стр.

Переведено на английский язык: History of early Russian Literature by N. K. Gudzy, New York, 1949. 545 стр.

122. Пушкин в работе над «Словом о полку Игореве». — В кн.: Пушкин. Сборник статей под ред. А. Еголина. М., 1941, стр. 260—291.
123. «История Иудейской войны» Иосифа Флавия в древнерусском переводе. — В кн.: Старинная русская повесть. Статьи и исследования под ред. Н. К. Гудзия. М.—Л., 1941, стр. 38—47.
124. Переводная литература XI—начала XIII века, глава VI, § 1. «Александрия», § 2. «Повесть Иосифа Флавия о разорении Иерусалима», глава X. Естественно-научная литература. — В кн.: История русской литературы, т. I. Литература XI—начала XIII века. Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 135—150, 195—208.

125. Литература Петровского времени, глава VI. Феофан Прокопович. — В кн.: История русской литературы, т. III. Литература XVIII века, часть первая. Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 157—175.
126. Древняя русская литература. — БСЭ, т. 49, М., 1941, стлб. 606—618.
127. Русская литература (древняя). — Малая советская энциклопедия, т. 9. М., 1941, стлб. 262—267.
128. Ломоносов как поэт и филолог. — В кн.: Настольный календарь учителя на 1941 год. М., 1941, стр. 85—87.
129. Юрий Матвеевич Соколов. (Некролог). — ИЮЛЯ, 1941, № 2, стр. 120—122.
130. Аспирантура и аспиранты. — Учительская газета, 1941, 11 апреля.
131. *Рец.*: Корреспонденты Л. Н. Толстого. Составил Ф. В. Буслаев. Под редакцией Н. Н. Гусева. М., 1940. — Литературное обозрение, 1941, № 5, стр. 56—57.
132. *Рец.*: «Слово о полку Игореве». Библиография изданий, переводов и исследований. Составила В. П. Адрианова-Перетц. М.—Л., 1940; «Слово о полку Игореве». Библиографический указатель, составили О. В. Данилова и др., под редакцией и со вступительной статьей С. К. Шамбинаго. М., 1940. — Литературное обозрение, 1941, № 7, стр. 61—62.
133. *Рец.*: Древнерусская повесть. Составили В. П. Адрианова-Перетц и В. Ф. Покровская, вып. 1. М.—Л., 1940. — Литературное обозрение, 1941, № 7, стр. 62—65.
134. *Ред.* (совместно с В. П. Адриановой-Перетц и А. С. Орловым): История русской литературы, т. I. Литература XI—начала XIII века. Изд. АН СССР, М.—Л., 1941.

1942

135. Лев Толстой. Гослитиздат, 1942. 24 стр.
136. Герцен и родина. — Уральский рабочий, 1942, 6 апреля.

1943

137. Лев Толстой. Изд. АН СССР, М.—Л., 1943. 76 стр.
138. Державин. К двухсотлетию со дня рождения. — Правда, 1943, 14 июля.
139. Лев Толстой и война. — Литература и искусство, 1943, 11 сентября.

1944

140. Французская буржуазная революция и русская литература. М., 1944, 125 стр.

Переведено (в сокращении) на французский язык: La révolution française 1789—1794 et la littérature russe. — La littérature Soviétique, 1946, №№ 3, 9, 6, 7, 10.

141. Лев Толстой. Изд. 2-е, дополненное, ГИХЛ, М., 1944. 120 стр.
- Переведено на языки: сербо-хорватский (Белград—Загреб, 1946), словенский (Любляна, 1947), венгерский (Будапешт, б. г.), испанский (Монтевидео, б. г.).
142. Лев Николаевич Толстой. Изд. ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», М., 1944 (серия «Великие русские люди»). 80 стр.

143. Мировое значение русской литературы. Стенограмма публичной лекции, прочитанной 18 августа 1944 г. в Октябрьском зале Дома Союзов в Москве. М., 1944, 25 стр.

То же. — Ученые записки МГУ, вып. 107. М., 1946, стр. 122—138.

Переведено на немецкий язык: Die Weltbedeutung der russischen Literatur. — Neue Welt, 1947, Н. 14, стр. 72—90.

144. «War and Peace» by Leo Tolstoi. — International Literatur, 1944, № 8, стр. 55—58.

1945

145. История древней русской литературы. Учебник для высших учебных заведений. Изд. 3-е, переработанное, М., 1945. 511 стр.

146. Областные литературы периода феодальной раздробленности. Глава I. Литература Галицко-Волынского княжества XIII в. Введение. § 1. Галицко-волынская летопись. Глава II. Литература Владимиро-Ростово-Суздальской земли XIII—XIV вв. § 2. Моление Даниила Заточника. Литература времени образования национального Русского государства. Глава II. § 6. Митрополит Даниил. — В кн.: История русской литературы, т. II, часть первая. Литература 1220—1580-х годов. Изд. АН СССР, М.—Л., 1945, стр. 19—32, 35—45, 314—317.

147. Культура Руси XI—XV вв. Стенограмма лекции, читанной 27 ноября 1944 гса в лектории Объединения государственных издательств при СНК РСФСР. М., 1945. 21 стр. (На правах рукописи).

148. Лев Толстой. Стенограмма публичной лекции, прочитанной 15 декабря 1944 г. в Колонном зале Дома Союзов в Москве. М., 1945. 28 стр.

149. Слово о полку Игореве. — В кн.: БСЭ, т. 51. М., 1945, стлб. 406—411.

150. Величие Толстого. (К 35-летию со дня смерти). — Известия Советов Депутатов Трудящихся СССР, 1945, 20 ноября.

То же. — Правда Украины, 1945, 20 ноября.

Переведено на чешский язык: Velkost Tolstego. K 35 vugosi jeho smrti. — Tvorba, 1945, № 18, стр. 277—280, и на немецкий язык: Die Beteung Tolstojs. — Tägliche Rundschau, 1946, 22 ноября.

151. What makes Tolstoi Great. — Moscow News, 1945, 21 ноября.

152. Sobre el «Cantar de las huestes de Igor». — La literatura internacional, 1945, № 9, стр. 40—45, 55—56.

153. Методика преподавания курса истории литературы в Университете. — В кн.: Московский ордена Ленина государственный университет им. М. В. Ломоносова. Учебно-методическая конференция 7—12 июня 1945 г. Тезисы докладов. М., 1945, стр. 84—86.

154. Ред. (совместно с В. П. Адриановой-Перетц и А. С. Орловым): История русской литературы, т. II, часть первая. Литература 1220—1580-х годов. Изд. АН СССР, М.—Л., 1945.

1946

155. Ревизия подлинности «Слова о полку Игореве» в исследовании проф. А. Мазона. — Ученые записки МГУ, Труды кафедры русской литературы, книга первая. 1946, стр. 153—187.

156. Найновіші спроби ревізії справжності «Слова о полку Игореве». — Вісті Академії наук УРСР, 1946, № 2, стр. 19—36.

157. Место и роль русской литературы в мировой литературе. — Славяне, 1946, № 11—12, стр. 57—61.

158. Цінний вклад у справу слов'янського єднання. — Радянська Україна, 1946, 13 декабря
159. Подготовка кадров филологов. — Вестник высшей школы, 1946, № 2, стр. 29—33.
160. Рец.: Слово о полку Игореве. Перевод и комментарии Алексея Югова. Вступительные статьи акад. Б. Д. Грекова и акад. А. С. Орлова. М., 1945. — Советская книга, 1946, № 6—7, стр. 98—110.
161. Рец.: Д. С. Лихачев. Новгород Великий. Очерк культуры Новгорода XI—XVII веков. М., 1945. Его же. Национальное самосознание древней Руси. Очерки из области русской литературы XI—XVII веков. М.—Л., 1945. — Советская книга, 1946, № 2, стр. 92—97.
162. Классик украинской поэзии. (О стихотворениях И. Франко). — Известия Советов Депутатов Трудящихся СССР, 1946, 8 июня.
163. Ред. (совместно с И. И. Мещаниновым и др.): Тематика научно-исследовательских работ для высших учебных заведений. Сборник VI. Филологические науки. М., 1946.

1947

164. Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVII веков для высших учебных заведений. Изд. 4-е, исправленное и дополненное, М., 1947. 504 стр.
165. Лев Толстой, Київ, 1947. 67 стр.
166. Русская литература на переломе к новому времени. М., 1947. 21 стр. (ОГИЗ. Лекторий. Курс лекций по истории СССР. Лекция 25).
167. О составе «Золотого слова» Святослава в «Слове о полку Игореве». — Вестник Московского университета, 1947, № 2, стр. 19—32.
168. Зарождение и становление московской литературы. — Вестник Московского университета, 1947, № 9, стр. 97—107.
169. Работа над литературным наследством Льва Толстого за годы советской власти. — В кн.: Юбилейный сборник, посвященный тридцатилетию Великой Октябрьской социалистической революции, часть вторая. М.—Л., 1947, стр. 806—821.
170. В защиту грамматики, истории и науки вообще. — Новый мир, 1947, № 10, стр. 282—288.
171. Слов'янські видання Держлітвидаву України. — Більшовик України, 1947, № 3, стр. 55—60.
172. Рец.: И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI века. М.—Л., 1947. — Советская книга, 1947, № 5, стр. 43—47.
173. Рец.: А. Гозенпуд. Поэтический театр (Драматичні твори Лесі Українки). Київ, 1947. — Советская книга, 1947, № 8, стр. 101—106.
174. Рец.: «Слово о полку Игореве» в новом чешском переводе. — Огонек, 1947, № 11, стр. 25.
175. Хороший учебник. — Литературная газета, 1947, 25 января.

Об учебнике Д. Д. Благого «История русской литературы XVIII в.»

1948

176. Лев Толстой. (Критико-биографический очерк). — В кн.: Л. Н. Толстой. Собрание художественных произведений, т. 12. М., 1948 (Библиотека «Огонек»), стр. 225—264.
177. Ред. (совместно с А. А. Сурковым и А. А. Фадеевым): Л. Н. Толстой. Собрание художественных произведений, тт. 1—12. М., 1948 (Библиотека «Огонек»).

178. Лев Толстой. — В кн.: Л. М. Толстой. Повісті та оповідання. Київ, 1948, стр. 3—12.
- 179. Слово о полку Игореве. — В кн.: Народ-богатырь. М., 1948, стр. 20—35.
180. С. А. Бугославский. (Некролог). — ТОДРЛ, т. VI. М.—Л., 1948, стр. 410—413.
181. Рец.: Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947. — Советская книга, 1948, № 4, стр. 113—120.
- 182. Рец. (совместно с С. И. Ожеговым): А. А. Шахматов (1864—1920). Сборник статей и материалов. Под редакцией академика С. П. Обнорского. М.—Л., 1947. — Советская книга, 1948, № 1, стр. 93—100.
183. Ред. (совместно с В. П. Адриановой-Перетц и А. С. Орловым): История русской литературы, т. II, часть вторая. Литература 1590—1690-х годов. Изд. АН СССР, М.—Л., 1948.

1949

184. Пушкин. Критико-биографический очерк. Киев, 1949. 144 стр.
То же на украинском языке: Пушкін. Критико-біографічний нарис. Київ, 1949. 138 стр.
- 185. Черновые тексты статьи Пушкина о «Слове о полку Игореве». — В кн.: А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, том двенадцатый, Изд. АН СССР, 1949, стр. 147—152, 387—394, 449.
186. Пушкин и русская культура. — Правда, 1949, 4 июня.
187. Пушкін. — В кн.: Олександр Сергійович Пушкін, Твори, Київ, 1949, стр. 7—23.
188. Наш Пушкін. — Вітчизна, 1949, № 6, стр. 143—148.
189. Олександр Сергійович Пушкін. — Дніпро, 1949, № 6, стр. 93—106.
190. Пушкін і російська культура. — Вісник Академії наук Української Радянської соціалістичної республіки, 1949, № 5, стр. 32—41.
То же — Радянське літературознавство. Київ, 1949, № 12, стр. 13—22.
191. Л. Н. Толстой (1828—1910). М., 1949, 113 стр.
Переведено на языки: армянский (Ереван, 1950), польский (Краков, 1950), чешский (Прага, 1951), словацкий (Братислава, 1951), китайский (Шанхай, 1950), японский (Токио, 1950), венгерский (Будапешт, 1950).
192. Л. Н. Толстой — великий писатель русского народа. Стенограмма публичной лекции, прочитанной в Центральной лектории Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний. М., 1949. 32 стр.

1950

193. История древней русской литературы. Учебник для высших учебных заведений. Изд. 4-е, переработанное, М., 1950. 492 стр.
194. Лев Толстой. Київ, 1950. 97 стр.
195. Великий русский писатель Л. Н. Толстой. М., 1950. 34 стр.
То же на украинском языке: Л. М. Толстой — великий письменник російського народу, Київ, 1950. 28 стр.
196. Гордость русской литературы. К 40-летию со дня смерти Л. Н. Толстого. — Правда, 1950, 21 ноября.
197. «Энеида» И. П. Котляревского и русская травестированная проза XVIII в. — Вестник Московского университета, 1950, № 7, стр. 127—143.

198. Завдання боротьби проти буржуазно-націоналістичних перекручень в історії української літератури. — В кн.: Доповіді наукової сесії Інституту української літератури ім. Т. Г. Шевченка Академії наук Української РСР (17—22 червня 1950 р.). Київ, 1950, стр. 74—86.
199. О перестановке в начале текста «Слова о полку Игореве». — В кн.: «Слово о полку Игореве». Сборник исследований и статей под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 249—254.
200. Невероятные догадки проф. А. Мазона о вероятном авторе «Слова о полку Игореве». — ИЮЛЯ, т. IX, вып. 6. 1950, стр. 492—498.
201. «Слово о полку Игореве». (До 150-річчя виходу в світ 1-го видання). — Літературна газета, 1950, 14 декабря.
202. Бессмертное слово. (К 150-летию первого издания «Слова о полку Игореве»). — Комсомольская правда, 1950, 13 декабря.
203. Рец.: Юбилейное издание «Слова о полку Игореве». — Советская книга, 1950, № 12, стр. 97—102.
204. Поэма великого польского поэта в переводе Максима Рыльского. — Славяне, 1950, № 4, стр. 55—56.
205. Рец.: Воинские повести древней Руси. Под редакцией члена-корреспондента АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1949 (АН СССР, серия «Литературные памятники»). — Советская книга, 1950 № 5, стр. 108—114.
206. Рец.: Хрестоматія давньої української літератури (до феодалізму) Упорядкував дійсний член АН УРСР О. І. Білецькій. Київ, 1949. — Советская книга, 1950, № 9, стр. 107—109.

1951

207. Литература Киевской Руси в истории братских литератур. — В кн.: Русско-украинские литературные связи. Под редакцией Н. К. Гудзия, М., 1951, стр. 41—78.

То же на украинском языке. — В кн.: Російсько-українське літературне єднання. Под общей редакцией А. И. Беледко и Н. К. Гудзия, вып. 1 Київ, 1953, стр. 43—76.

208. Шевченко і російська революційно-демократична думка. — Жовтень 1951, № 2, стр. 81—87.
209. От «Романа русского помещика» к «Утру помещика». — В кн.: Лев Николаевич Толстой. Сборник статей и материалов. М., 1951 стр. 321—347.
210. Судьбы печатного текста «Слова о полку Игореве». — ТОДРА т. VIII. М.—Л., 1951, стр. 31—52.
211. Рец.: Книга о русском просветителе XVIII века. (Г. Макогоненко «Николай Новиков и русское просвещение XVIII века». Государственное издательство художественной литературы, М.—Л., 1951 543 стр.). — Большевик, 1951, № 21, ноябрь, стр. 67—73.

1952

212. Хрестоматія по древній російській літературі XI—XVII століть для вищих навчальних закладів. Изд. 5-е, исправленное и дополненное М., 1952. 551 стр.
213. Лев Николаевич Толстой. Из курса лекций по истории русской литературы. М., 1952. 112 стр.

Переведено на румынський язык (Бухарест, 1953).

214. Где и когда протекала литературная деятельность Серапиона Владимирского. — ИЮЛЯ, т. XI, вып. 5, 1952, стр. 450—456.
215. Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений, т. 48. Дневники и записные книжки 1858—1880. Подготовка текста А. С. Петровского. Предисловие Н. К. Гудзия и Н. С. Родионова к сорок восьмому и сорок девятому томам, М., 1952.
216. Лев Николаевич Толстой. — В кн.: Классики русской литературы. Критико-биографические очерки. М.—Л., 1952, стр. 579—611. (Второе издание: М.—Л., 1953).

1953

217. История древней русской литературы. Учебник для высших учебных заведений. Издание пятое, переработанное, М., 1953. 488 стр.
218. Пушкин. — О. С. Пушкин. Твори в чотирьох томах, т. 1. Київ, 1953, стр. 5—64.
219. Л. Н. Толстой — великий писатель русского народа (издание 2-е, исправленное и дополненное). Лекция 1-я и 2-я. Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. М., 1953. 48 стр.
220. Великий русский писатель Л. Н. Толстой. — Коммунист, 1953, № 13, стр. 79—91.
221. Труд великого мастера. (К 125-летию со дня рождения Л. Н. Толстого). — Вестник АН СССР, 1953, № 9, стр. 11—17.
222. Творча праця генія. (До 125-річчя з дня народження Льва Толстого). — Вісник Академії наук Української Радянської соціалістичної республіки, 1953, стр. 11—21.
223. Великий письменник-реаліст. — Комуніст України, 1953, № 10, стр. 44—53.
224. Великий сын русского народа. (К 125-летию со дня рождения Л. Н. Толстого). — Вестник Московского университета, 1953, № 11, стр. 119—130.
225. L'orgueil de la littérature (A l'occasion du 125-e anniversaire de la naissance de Léon Tolstoï). — La Littérature soviétique, Moskou, 1953, № 9, стр. 132—141.
226. Leo Tolstoj — Titan of world Litature. — News, 1953, № 18, стр. 22—24.
227. Вопросы текстологии (совместно с В. А. Ждановым). — Новый мир, 1953, № 3, стр. 232—242.
228. Рец.: «Слово о полку Игореве». Фотокопія видання 1800 р. Переклад проф. М. К. Грунського, переклад у віршах дійсного члена АН УРСР М. Т. Рильського. Стаття і коментар члена-кореспондента АН УРСР С. І. Маслова. Київ, 1952. — Література в школі, 1953, № 1, стр. 78—80.
229. Рец.: Хрестоматія давньої української літератури (доба феодалізму). Упорядкував дійсний член АН УРСР О. І. Білецький. Видання друге, виправлене та доповнене, Київ, 1952. — Література в школі, 1953, № 5, стр. 76—77.

1954

230. Література древньої Русі (до кінця XIII ст.). — В кн.: Історія української літератури, том перший. Дожовтнева література. Київ, 1954, стр. 25—54.

То же в русском тексте издания: Киев, 1954, стр. 25—55.

231. *Ред. (совместно с А. И. Белецким и др.):* Історія української літератури, том перший. Дожовтнева література, Київ, 1954.
То же — на русском языке, Киев, 1954.
232. Російсько-українське літературне єднання. — Радянське літературознавство, № 17. Київ, 1954, стр. 3—11.
233. Единение братских литератур. — Комсомольская правда, 1954, 21 мая.
234. Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений, т. 29, М., 1954. Редакция текстов: «Мать», «Кто прав?», «О суде». Комментарии (стр. 425—428, 430—432).
235. Александр Иванович Белецкий. (К 70-летию со дня рождения). — ИЮЛЯ, т. XIII, вып. 5. 1954, стр. 464—468.
236. *Ред. (совместно с С. А. Крижановским):* Василь Стефаник. Повне зібрання творів в трьох томах, том третій. Листи. Київ, 1954.

1955

237. Хрестоматия по древней русской литературе. Издание шестое, переработанное, М., 1955. 544 стр.
238. История литературоведения в Московском университете в дооктябрьский период. — История Московского университета, т. 1. М., 1955, стр. 177—179, 331—334, 337, 466—470.
239. Поезія О. С. Пушкіна в українських перекладах. — Вітчизна, 1955, № 8, стр. 108—124.
240. Олександр Іванович Білецький. — Радянське літературознавство, № 18. Київ, 1955; стр. 3—10.
241. Новая книга о Пушкине. — Октябрь, 1955, № 11, стр. 188—191.
242. Жизненный и творческий путь Толстого. — В кн.: Л. Толстой. Сборник статей. Пособие для учителя под общей редакцией Д. Д. Благого. М., 1955, стр. 19—69.
243. Слово о полку Игореве. М., 1955. Вступительная статья, редакция текста, прозаический перевод и примечания Н. К. Гудзия (стр. 3—45, 73—80).
244. «Слово о полку Ігоревім». (Вступительная статья и примечания к изданию: «Слово о полку Ігоревім». «Бібліотека поета». Київ, 1955), стр. 3—28, 359—367.
245. Изучение русской литературы в Московском университете в дооктябрьский период. — Московский ордена Ленина государственный университет имени М. В. Ломоносова. Юбилейная научная сессия, посвященная 200-летию университета, 9—13 мая 1956 года. Тезисы докладов филологического факультета. М., 1955, стр. 8—11.
246. Несправедливая критика. — Литературная газета, 1955, 15 марта.
247. *Ред.: Иван Вишенский.* Сочинения. Подготовка текста, статьи и комментарии И. П. Еремина. М.—Л., 1955 (АН СССР, серия «Литературные памятники»).
248. *Ред. (совместно с Л. А. Дмитриевым):* Библиография древнерусской повести. Составил А. А. Назаревский. М.—Л., 1955.
249. *Ред.: Лев Николаевич Толстой.* Сборник статей о творчестве. М., 1955.

1956

250. История древней русской литературы. Изд. 6-е, исправленное, М., 1956. 511 стр.
251. Лев Николаевич Толстой. Изд. 2-е, исправленное, М., 1956. 116 стр.
252. Николай Саввич Тихонравов. М., 1956, 84 стр.

253. Еще раз о перестановке в начале текста «Слова о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 35—41.
254. «Слово о погибели Рускыя земли». — ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 527—545.
255. По Англии и Шотландии. — Иностранная литература, 1956, № 4, стр. 215—218.
256. Tolstoy and the creative process. — Anglo-Soviet journal, 1956, № 2, стр. 27—36.
257. «Слово о полку Игореве» (совместно с Д. С. Лихачевым). БСЭ, изд. 2-е, т. 39, 1956, стр. 357—358.
258. Толстой Лев Николаевич. — БСЭ, изд. 2-е, т. 42, 1956, стр. 578—587.
259. Визначний філолог (об И. Франко). — Жовтень, 1956, № 8, стр. 10—11.
260. Лист О. М. Пипіна до І. Франка (публикация письма). — Жовтень, 1956, № 9, стр. 50—51.
261. Нове російське видання творів Т. Г. Шевченка. — Літературна газета, 1956, 19 июля.
262. Иван Франко и русские писатели. — Литературная газета, 1956, 21 августа.
263. Иван Франко. — Правда, 1956, 27 августа.
264. Поборник дружби народів. — Радянська Україна, 1956, 27 августа.
265. Забытые имена. — Литературная газета, 1956, 22 ноября.

Ряд статей, рецензий, заметок, кроме указанных, напечатан Н. К. Гудзием в различных журналах, газетах и в 1-м и 2-м изданиях Большой советской энциклопедии.

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

Ю. Н. ДМИТРИЕВ

Об истолковании древнерусского искусства

Искусство древней Руси часто называют условным.

Однако искусство всегда заключает в себе элемент условности, т. е. отступление от точной передачи всех качеств изображаемого объекта. Художник всегда делает отбор отдельных свойств предметов и явлений, когда изображает их в своем произведении. Он выделяет, подчеркивает, преувеличивает одни свойства, преуменьшает значение других или отбрасывает их вовсе. Сущность этой условности может быть различна. В реалистическом искусстве, например, отбор, подчеркивание, изменение соотношений определенных сторон действительности имеет целью выявление характерного, типического; условность классицизма вызвана стремлением возвысить искусство над жизнью; так называемое прикладное искусство преследует декоративные цели и т. п. Условность искусства может быть намеренной и ненамеренной, несознаваемой художником и зрителем; различной бывает, конечно, и степень условности.

Что касается древнерусского искусства, то условность его, как и всего искусства средневековья, особенно велика. Она настолько велика, что изображение становится схематичным и сходство изображения с изображаемым предметом или явлением оказывается очень общим. В иных случаях это сходство делается совсем незначительным, как, например, при передаче архитектурных сооружений, образующих фон композиции: их формы имеют очень мало черт реальной архитектуры. Преобладание и господство условных способов и приемов изображения определяет особенность стиля изобразительного искусства древней Руси.

Именно в этом смысле его можно назвать условным искусством.

Такая условность разительно отличает его от искусства последующей эпохи, от русского искусства XVIII—XIX столетий. Впрочем, так называемое народное искусство и в эту новую эпоху остается условным.

Вопрос, почему искусство древней Руси условно, есть, конечно, вопрос об отношении искусства к действительности. Этот последний основной вопрос в приложении к древнерусскому искусству еще не был предметом особого исследования. Однако многие авторы, писавшие о живописи древней Руси, стремились объяснить суть и причину столь глубокого отличия этого искусства от искусства позднейшего времени. Объяснения оказались различными.

В XIX в. исследователи древнерусского искусства полагали, что плоскостность, отступления от анатомической правильности при изображении человеческого тела, нарушение пропорций и другие подобные особенности рассматриваемого искусства произошли от неумения художников: неумения рисовать, незнания правил перспективы, незнакомства с образцами античного искусства, столь необходимыми в академической школе, современной исследователям, и т. п.

По мнению Ф. И. Буслаева,¹ древнерусская живопись «никогда... не удовлетворит эстетически воспитанного вкуса не только по своим ошибкам в рисунке и в колорите, но и особенно по той дисгармонии, какую всегда оказывает на душу художественное произведение, в котором внешняя красота принесена в жертву религиозной идее».² «Самые судьбы русской истории, — объяснял Ф. И. Буслаев, — сложились так, чтобы способствовать больше коснению, нежели усовершенствованию искусства». «При крайней неразвитости умственных интересов искусство должно было оставаться на низшей степени своей техники».³ «Религиозный принцип», «обычаем и преданием... вкоренившийся» в этом искусстве и требовавший от художника наиболее верного воспроизведения «предания», «останавливал развитие художественной личности».⁴ Осуществляя этот принцип, древнерусское искусство «намеренно наложило на себя узы коснения и застоя и вместо того, чтобы питать воображение, держало его целые столетия в заповедном кругу однообразно повторяющихся иконописных сюжетов».⁵ Будучи вынужден «неукоснительно держаться древнего оригинала, не смея самостоятельно относиться к природе», художник оказался поставленным в «неестественное отношение к природе».⁶ Но он «отвращался от действительности» также и вследствие «благочестивой мечтательности, переселявшей воображение в горный мир».⁷ Искусство «как бы боялось действительности, не находя необходимым брать у нее уроки». Поэтому живопись древней Руси «не имела необходимых средств» к достижению поставленных перед нею задач: «ни правильного рисунка, ни перспективы, ни колорита, осмысленного светотенью».⁸ Особенности, отличающие эту живопись, «принадлежат крайне неразвитому состоянию искусства, бедного техникою и чуждого первым условиям изящного вкуса, воспитанного изучением природы и художественных образцов».⁹ «Не зная ни природы, ни античного мира, русский иконописец напрасно искал вдохновения в богословской схоластике и только больше и больше грубел и разучивался».¹⁰

Так же оценивал древнерусское искусство Г. Д. Филимонов. И в его представлении художники древней Руси, «мало развитые» и «связанные установившимися преданиями, правилами», «не в состоянии были отрешиться от старых форм, не смели свободно относиться... к природе, которую знали только в условных формах».¹¹ Он также считал, что древнерусская живопись стояла на низкой степени развития и, «в зависимости от исторически крайне неблагоприятных художественному развитию причин», шла к упадку вплоть до времени деятельности Симона Ушакова. «Русская живопись XVII века, говоря откровенно, представляла печальное зрелище», — писал Г. Д. Филимонов. «По нашему крайнему разуме-

¹ Ф. Буслаев. Общие понятия о русской иконописи. Сборник на 1866 год, изданный Обществом древнерусского искусства при Московском публичном музее. М., 1866. (Цитаты даются по изданию: Сочинения Ф. И. Буслаева, т. 1, СПб., 1908).

² Сочинения Ф. И. Буслаева, т. 1, стр. 32.

³ Сочинения Ф. И. Буслаева, т. 1, стр. 3—5.

⁴ Сочинения Ф. И. Буслаева, т. 1, стр. 20.

⁵ Сочинения Ф. И. Буслаева, т. 1, стр. 39.

⁶ Сочинения Ф. И. Буслаева, т. 1, стр. 164.

⁷ Сочинения Ф. И. Буслаева, т. 1, стр. 24.

⁸ Сочинения Ф. И. Буслаева, т. 1, стр. 23.

⁹ Сочинения Ф. И. Буслаева, т. 1, стр. 21.

¹⁰ Сочинения Ф. И. Буслаева, т. 1, стр. 164.

¹¹ Г. Филимонов. Симон Ушаков и современная ему эпоха русской иконописи. Сборник на 1873 год, изданный Обществом древнерусского искусства при Московском публичном музее. М., 1873, стр. 83.

нию, она стояла ниже даже предшествующей эпохи», нисходя «до крайней степени ремесленности».¹²

В свою очередь И. Е. Забелин высказывал мысль, что «при отсутствии эстетического элемента в своем образовании», человек древней Руси «не знал и искусства в том значении, какое придает ему современность»; что «иконопись, не уклоняясь ни одною чертою от древних византийских образцов и подлинников», ограничивалась только более или менее верным «раболопным их переводом». Художник «страшился изобразить что-либо натурально», он «вовсе не умел рисовать, и особенно не удавались ему предметы живые, одушевленные. Символизм, условность его рисунка, рабски переводившего одни только старые образцы, неспособны были воспроизвести ни одной натуральной черты ни в лицах, ни в наряде».¹³

Так понимали древнерусскую живопись лучшие ее исследователи прошлого столетия, такова была оценка, которую давала ей наука XIX в. Можно отметить, что суждения последней совпадали со взглядами западноевропейской науки этого времени на средневековое искусство вообще: искусство византийское, романское, готическое.

Но в 10-х годах XX в. произошла переоценка древнерусской живописи. Вместо «отсутствия артистического умения», «дюжинных произведений посредственности», «безвкусица и безобразия»¹⁴ в ней увидели «сильное и прекрасное искусство»,¹⁵ которое создало нам, по выражению одного автора, «бессмертную и до сих пор непревзойденную славу во всей Европе». Несостоятельность прежнего объяснения древнерусского искусства стала очевидной. Однако искусство это было воспринято односторонне, искаженно. Подлинную его сущность буржуазное искусствознание не поняло, да и не могло понять, так как искало в нем лишь то, что ему было нужно. Историки искусства, выражавшие идеологию общественной реакции этих лет, приписали художнику древней Руси намеренное и «глубоко сознательное»¹⁶ обособление искусства от жизни.

Один из наиболее видных и талантливых представителей буржуазного искусствознания указанного десятилетия, П. П. Муратов, писал: «... русская фреска и икона являют редкий пример искусства чистого, имеющего весьма малую связь с жизнью, питающегося из себя и развивающегося в собственных традициях. Не только икона, и фреска почти никогда не изображает жизнь, оставаясь воплощением религиозных, поэтических и чисто живописных идей».¹⁷ «После сказанного... об идеальной основе русской живописи, неудивительным кажется обнаруженная ею малая любовь к предметности».¹⁸ Изображаемые художником «подобия живых существ и реальных предметов» «отличаются вполне идеальным, вполне отвлеченным характером».¹⁹ Художник не только не стремился «приблизить зрителя к миру изображаемых явлений», «как в других искусствах», но, напротив, «решительно отделял зрителя от этого мира». Чем менее условная форма «напоминает ему действитель-

¹² Г. Филимонов. Симон Ушаков. . . , стр. 21, 11, 81.

¹³ И. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. 4-е изд., М., 1918, стр. 154, 156. Подобные взгляды высказывал и Н. П. Кондаков (см., например, одну из последних его работ — «The Russian Icon», изданную посмертно в 1927 г.).

¹⁴ Сочинения Ф. И. Бушлаева, т. 1, стр. 21 и 10.

¹⁵ П. Муратов. Русская живопись до середины XVII в. История русского искусства И. Грабаря, т. VI. М., стр. 4—6.

¹⁶ П. Муратов. Русская живопись до середины XVII в., стр. 32.

¹⁷ П. Муратов. Русская живопись до середины XVII в., стр. 32.

¹⁸ П. Муратов. Русская живопись до середины XVII в., стр. 36.

¹⁹ П. Муратов. Русская живопись до середины XVII в., стр. 36.

ность, тем настойчивее он за нее держится».²⁰ В древнерусской живописи «всегда есть пафос расстояния, отделяющего землю от неба, есть сознание умозрительности изображаемых вещей и событий».²¹ В этом искусстве. «оторванном от условий места и времени»,²² «в огромном большинстве случаев» отделенном «пропастью от какой бы то ни было истории, литературы, природы, жизни»,²³ содержание и тема получили второстепенное значение. «Элементы формальные» преобладают в нем «над элементами содержания».²⁴ Художник «вкладывал весь объем своей души в формальную трактовку темы»²⁵ и в своих произведениях обращался к людям на отвлеченном, чистейшем языке форм, линий, красок.²⁶

В те же десятилетия XX в. искусству древней Руси было дано и иное истолкование.

Е. Н. Трубецкой увидел в древнерусской живописи искусство символическое. По его мнению, оно отказалось от воспроизведения реальной действительности совсем не для того, чтобы замкнуться в кругу чисто художественных, формальных задач. Напротив, в этой живописи, «в ее линиях и красках, мы имеем красоту по преимуществу смысловую», и тот, «кто видит лишь внешнюю оболочку... содержания», тот не идет дальше «поверхностного эстетизма».²⁷ Однако между древнерусской живописью и «живописью реалистической» существует «пропасть»,²⁸ так как живопись средневековой Руси не имеет намерений представить окружающий ее мир, но стремится «изобразить новый, неведомый нам строй жизни», передавая «тайны потустороннего» и «жизненное соприкосновение с небесами».²⁹ Изобразить это «она может, конечно, только символическим письмом, которое ни в каком случае не должно быть копией с нашей действительности».³⁰ Поэтому живопись создала свой особый язык символических образов и начертаний,³¹ пользуясь изобразительными элементами в их «символическом, потустороннем применении».³²

Развивая эти рассуждения, Е. Н. Трубецкой говорил о «мистическом сверхсозерцании иконописца» и придавал мистическое значение отдельным изобразительным приемам и формам древнерусской живописи.³³

При всем различии трех толкований древнерусского искусства, сделанных дореволюционным искусствоведением, у этих толкований есть одно общее: все три одинаково субъективны. Исследователи основываются не на критическом изучении произведений живописи, художественной деятель-

²⁰ П. Муратов. Русская живопись до середины XVII в., стр. 38.

²¹ П. Муратов. Русская живопись до середины XVII в., стр. 38.

²² П. Муратов. Русская живопись до середины XVII в., стр. 330.

²³ П. Муратов. Древнерусская живопись в собрании И. С. Остроухова. М., 1914, стр. 39.

²⁴ П. Муратов. Русская живопись до середины XVII в., стр. 28.

²⁵ П. Муратов. Русская живопись до середины XVII в., стр. 28.

²⁶ П. Муратов. Древнерусская живопись в собрании И. С. Остроухова, стр. 39.

²⁷ Е. Трубецкой. Два мира в древнерусской иконописи. М., 1916, стр. 4.

²⁸ Е. Трубецкой. Умозрение в красках. Вопрос о смысле жизни в древнерусской религиозной живописи. М., 1916, стр. 22.

²⁹ Е. Трубецкой. 1) Умозрение в красках..., стр. 31; 2) Два мира в древнерусской иконописи, стр. 14, 9.

³⁰ Е. Трубецкой. Умозрение в красках..., стр. 31—32. Слова, напечатанные разрядкой, выделены автором.

³¹ Е. Трубецкой. Два мира в древнерусской иконописи, стр. 4.

³² Е. Трубецкой. Два мира в древнерусской иконописи, стр. 10, 11.

³³ Впрочем, и П. П. Муратову не было чуждым признание мистического начала в древнерусской живописи. Он упоминал ее «идеалистическую основу», говорил о «созерцании чуда» и пр. (П. Муратов. Русская живопись до середины XVII в., стр. 36). Но Муратов не стал развивать эту мысль, которая в сущности плохо согласовывалась с его пониманием древнерусского искусства как искусства по преимуществу формального.

ности и общественной среды, их породившей, но произвольно вкладывают в эти произведения свое содержание, подчиняют искусство русского средневековья своим эстетическим концепциям. «Нет ничего характернее для буржуа, как перенесение черт современных порядков на все времена и народы».³⁴

Ф. И. Буслаев подходил к древнерусской живописи с нормами искусства XIX в. и нашел в ней лишь неумение и безвкусице. П. П. Муратов был одним из выразителей того художественного мировоззрения, сложившегося в России в годы общественной реакции, которое утверждало независимость искусства от жизни, самодовлеющее значение формы. Именно такими качествами он и наделил живопись средневековой Руси, приписав этой живописи совершенно чуждые ей эстетические нормы реакционной теории «чистого искусства». Е. Н. Трубецкой был последователем религиозно-идеалистической философии — он представил древнерусскую живопись как искусство мистическое по содержанию и символическое по формам.

И в истолкованиях П. П. Муратова, и в толкованиях Е. Н. Трубецкого буржуазное искусствознание приравнивало древнерусскую живопись к своим эстетическим теориям и к своей художественной практике, отрывавшим искусство от общественной жизни, тем самым как бы обосновывая историческим примером эту эстетическую теорию и эту художественную практику реакции.

Взгляды, сходные со взглядами Е. Н. Трубецкого, разделяют многие ученые Запада. За последние тридцать лет там появился ряд книг и статей, посвященных искусству древней Руси, авторы которых объясняют это искусство подобно тому, как объяснял его Трубецкой, упоминая обычно его сочинения.³⁵ Некоторые из этих авторов пытались вместе с тем сблизить древнерусскую живопись с современным им упадочным искусством экспрессионизма.³⁶ Они видели главное значение и главную ценность искусства, созданного русским средневековьем, в том, что это искусство не было связано с реальной действительностью.

Такое понимание древнерусского искусства дало иным зарубежным авторам основание к тому, чтобы противопоставить его искусству западноевропейского средневековья. «Чем более углубляемся мы в дух иконы, — пишет один из них, — тем более убеждаемся, что перед нами искусство, которое... коренным образом отличается от западноевропейского художественного восприятия». Это различие автор хочет определить «категориями идеализма и реализма». «Развитие искусства в Западной Европе, — объясняет он свою мысль, — с самого начала никогда не исключало полностью ориентацию форм на эмпирическую действительность, даже тогда, когда оно почти исключительно трактовало религиозные, идеалистические темы, как то было в романское и готическое время. Стремление к иллюзии действительности, к жизненной правде... становится даже главным динамическим фактором художественного развития западноевропейской живописи». «Совершенно иное в древнерусской живописи. Здесь строго религиозное, метафизически устремленное состояние души живописца... совер-

³⁴ В. И. Ленин. Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов? Сочинения, т. 1, стр. 137, примечание.

³⁵ В 1927 г. в Германии, в Падерборне, вышла книжка Е. Н. Трубецкого «Die religiöse Weitanschauung der altrussischen Ikonenmalerei». См. также F. W. Halle. Altrussische Kunst. Berlin, 6. r.; R. Jagoditsch. Das Wesen der altrussischen Ikonenkunst. Belvedere, H. 1—2, 1934; F. Nemitz. Die Kunst. Ruslands. Berlin, 1940; L. Ouspensky und W. Losky. Der Sinn der Ikonen. Bern und Olten, 1952.

³⁶ F. W. Halle. Altrussische Kunst, стр. 4.

шенно исключало подобную ориентацию форм на земную правду... Это был подлинно идеалистический стиль».³⁷ «В идеальной сфере служения божеству иконопись должна была вовсе устранить реалистические моменты. Изучение природы, живописная перспектива, пластическая иллюзия — вещи, которые были столь важны для развития западноевропейской живописи, здесь не могли иметь никакого значения».³⁸

«Живопись древней Руси, — говорит другой автор, — никогда не стремилась к точному отображению действительности, так как ее связь с догмой исключала какой бы то ни было реализм».³⁹ И еще одно мнение: «древнерусская живопись представляет собою выражение не чувственного, но исключительно религиозного мировосприятия». «Абстракция, сверхъестественное» это — его «внутренняя необходимость». «Его конечная цель очень близка... современному экспрессионизму».⁴⁰

Впрочем, заметим кстати, и в нашей литературе можно найти мысль о том, что между экспрессионизмом и древнерусским искусством существует сходство целей и что «русский экспрессионизм» находится в некоей исторической связи с искусством древней Руси. В экспрессионизме, читаем у одного автора, «русское искусство, вернее живопись, имеет свою достаточно древнюю и прочную традицию». «Мы имеем в виду, — пишет он, — ряд художественных явлений... образующих некоторую вполне органическую преемственность», начало которой — «византийско-русская древняя живопись (фрески, иконопись, миниатюры)» и т. д. Автор статьи об экспрессионизме поясняет, почему он говорит об этом: «Нам кажется небесполезным... указать на связи экспрессионизма с другими, уже несомненно историческими явлениями и тем самым подтвердить ошибочность сомнений в значительности и общезначимости экспрессионизма».⁴¹

Никто из советских историков искусства не поддержит в настоящее время ни оценки древнерусской живописи Ф. И. Буслаева, ни формалистических взглядов П. П. Муратова. Однако противопоставление древнерусского искусства действительности, на котором настаивает буржуазное искусствознание, начиная с П. П. Муратова, и объяснения этого противопоставления, по сути своей подобные объяснению Е. Н. Трубецкого, получили у нас довольно широкое распространение в научной литературе, лекционной практике и т. п.

Такое истолкование искусства древней Руси дает, например, А. А. Федоров-Давыдов,⁴² и его рассуждения можно считать типичными.

По словам А. А. Федорова-Давыдова, в средневековой Руси искусство было поставлено «на службу отрицающим реальность мира... задачам»⁴³ (не будем обращать внимания на язык приводимых цитат). По самому «существованию своему» это — искусство «символическое и условное». Его изображения отвлечены и представляют собою «лишь чувственно-конкретизированные понятия», «символы в своем овеществлении». Искусство передавало «не конкретное происшествие, а вечно и постоянно происходящий мистический акт»⁴⁴ (П. П. Муратов писал: древнерусская живопись

³⁷ R. Jagoditsch. Das Wesen der altrussischen Ikonenkunst, стр. 22—23. Ср. также: F. W. Halle. Altrussische Kunst, стр. 4.

³⁸ R. Jagoditsch. Das Wesen der altrussischen Ikonenkunst, стр. 28.

³⁹ F. Nemitz. Die Kunst Russlands, стр. 90 и 104.

⁴⁰ F. W. Halle. Altrussische Kunst, стр. 4.

⁴¹ М. И. Фабрикант. К стилистике экспрессионизма. Искусство, т. IV. кн. 1—2. Изд. Гос. академии художественных наук, М., 1928, стр. 17—19.

⁴² А. А. Федоров-Давыдов. Из истории древнерусского искусства. Искусство, 1941, № 5, стр. 74.

⁴³ А. А. Федоров-Давыдов. Из истории древнерусского искусства, стр. 74.

⁴⁴ А. А. Федоров-Давыдов. Из истории древнерусского искусства, стр. 74.

«никогда не изображает момент, но некое постоянно длящееся событие или явление», передавая «вневременное единство» «священного образа»⁴⁵). «Религиозное мышление, — по мнению А. А. Федорова-Давыдова, — допускает реализм единичного, но лишь в целях наиболее реальной и конкретной трактовки древнерусского целого». Именно в изображении человеческой фигуры древнерусская живопись «могла использовать иллюзионизм», «моменты иллюзионистической чувственности и реализма». Однако в общем «даже относительно реально и чувственно трактованная, но изолированная от всего окружающего, в том числе и от пространственной среды, фигура, трактованная как замкнутый объем, воспринимается как символ, как нечто постоянное, неизменное и вечное», ибо «богословская символика сюжета лишала... какого-то ни было реализма изображение сцены в целом».⁴⁶ Изменения, в которых выражалось развитие древнерусской живописи, в частности отдельные проявления «реалистических тенденций», не затронули «существа ее условного и символического художественного мышления», «религиозно-мистической сущности восприятия».⁴⁷

Десятью годами позднее сходные мысли высказывает М. К. Каргер в статье, посвященной русской живописи домонгольского времени.⁴⁸ Он пишет, что в «древнейшем периоде» истории русской живописи, т. е. в X—XI вв., «мы имеем дело с искусством, еще далеким от условности и отвлеченного символизма».⁴⁹ В этом искусстве автор отмечает различные реалистические черты.⁵⁰ Они были, выражаясь словами автора, «наследием античного, точнее эллинистического, искусства, переданного на Русь через искусство Византии».⁵¹ «Полная пережитков патриархальной старины, эпоха Владимира и Ярослава... являлась благодарной средой для проявления эллинистических традиций в живописи». Но «с победой феодализма и началом феодальной раздробленности», вызвавшими «глубокие изменения в общественной жизни и идеологии» Руси, в древнерусском искусстве, как и в искусстве «самой Византии», художественное течение, «пропитанное переживаниями античности», постепенно уступало место все более крепнущей струе церковно-схоластического искусства».⁵² Создается новый стиль. С XII в. русской живописи «свойственна прежде всего нарочитая условность и отвлеченность ее образов: она не ставит задачу отобразить реальную действительность; наоборот, она преобразует реальные явления в условные символические схемы и идеалистические формулы».⁵³

Толкование искусства древней Руси как искусства, «отрицающего реальность мира», по выражению А. А. Федорова-Давыдова, мистического, церковно-схоластического, искажающего действительность, преобразующего реальные предметы и явления в «символические схемы и идеалистические формулы», — подобное толкование предусматривает в древнерусском искусстве свойства, присущие, как известно, искусству реакционному, упадочному. Такие свойства особенно сильно выражены, например, в различных направлениях буржуазного искусства конца XIX и XX в.: в экспрес-

⁴⁵ П. Муратов. Русская живопись до середины XVII в., стр. 36.

⁴⁶ А. А. Федоров-Давыдов. Из истории древнерусского искусства. стр. 73—74.

⁴⁷ А. А. Федоров-Давыдов. Из истории древнерусского искусства. стр. 80, 82, 96.

⁴⁸ М. Каргер. Живопись. В кн.: История культуры древней Руси, т. II М.—Л., 1951.

⁴⁹ М. Каргер. Живопись, стр. 361.

⁵⁰ М. Каргер. Живопись, стр. 349, 350, 354, 357, 360, 361.

⁵¹ М. Каргер. Живопись, стр. 361.

⁵² М. Каргер. Живопись, стр. 361.

⁵³ М. Каргер. Живопись, стр. 362.

сионизме, сюрреализме и др. Эти и подобные им течения действительно отрицали окружающую реальность и, ставя своей задачей передать сверхчувственное, прибегали к деформации, искажению реальных предметов. «То, что экспрессионизм хочет написать, нарисовать, изваять, — писал один из буржуазных исследователей этого течения, — это — метафизический, божественный след на вещах». «Все создания экспрессионизма... сознательно или бессознательно перебрасывают мост к метафизике. Думали, что чем больше абстрагировать, тем ближе подойдешь к метафизике».⁵⁴

Некоторые историки искусства, как уже говорилось, в самом деле пытаются сблизить древнерусское искусство с искусством экспрессионизма.

Но если искусство древней Руси действительно заключает в себе перечисленные и приписываемые ему свойства, то, спрашивается, какую ценность может оно иметь для нас и какое место может оно занять в художественном наследии нашего народа?

Авторы, высказывания которых были только что приведены, несомненно признают величие художественной культуры древней Руси и мировое значение древнерусского искусства. Однако, вопреки такому признанию, их истолкование этого искусства ставит под большое сомнение ценность последнего, и Н. Н. Коваленская, например, вполне логично пришла однажды к выводу, что это искусство, несмотря на «огромное мастерство, которого достигли его художники», содержанием своим «нам не только чуждо, но и враждебно».⁵⁵

Но спросим: на чем основываются те советские историки искусства древней Руси, которые дают ему подобное истолкование?

Надо признать, что их объяснение этого искусства так же произвольно, как произвольны были и предшествующие истолкования.

Ни авторы, суждения которых были приведены в качестве примера, ни другие авторы, придерживавшиеся той же точки зрения на сущность древнерусского искусства и здесь не упомянутые, не высказывали своего отношения к интерпретации этого искусства буржуазными историками и философами дореволюционной России и современного Запада. В данном случае нет необходимости выяснять, как и почему сложилось у некоторых советских историков искусства то понимание искусства древней Руси, о котором идет здесь речь: возникло ли оно под влиянием теории и практики буржуазного искусства конца XIX—XX вв. или имеет какие-либо иные объяснения. Но необходимо указать, что это распространенное в нашем искусствознании истолкование древнерусского искусства никем и никак не обосновано, что никто никаких доводов в подтверждение его никогда не приводил. Это истолкование не является результатом конкретного и тщательного анализа, но прилагается к древнерусскому искусству без каких-либо доказательств.

Однако такое истолкование не находит себе подтверждения в фактах и последние противоречат ему. Вопреки утверждению его авторов, мистицизм в общем был чужд общественному сознанию древней Руси: он свойственен последнему лишь в той степени, в какой он свойственен всякой религии, вере. «Русский народ не таков: — писал В. Г. Белинский, — мистическая экзальтация не в его натуре, у него слишком много для этого

⁵⁴ W. Hansenstein, Ueber Expressionismus in der Malerei. 1918 (цитируется по русскому переводу: В. Гаузенштейн. Экспрессионизм в живописи. Сб. «Экспрессионизм». Пгр.—М., 1923, стр. 167—168).

⁵⁵ Путеводитель по искусству феодализма. Составила при участии сотрудников секции феодализма Н. Коваленская Государственная Третьяковская галерея. ОГИЗ, М., 1934.

здорового смысла, ясности и положительности в уме». ⁵⁶ Эти слова, хотя они и сказаны в иной связи, стоит вспомнить. Русская письменность с XI по XV в. вовсе не знала произведений мистического содержания, и позже они не получали значительного развития. Что касается живописи, то в дальнейшем мы попытаемся выяснить, как воспринималась она современниками. Сейчас же можно отметить, что мистических тем в собственном смысле этого слова нет или мало в искусстве Руси XI—XV вв., и если А. А. Федоров-Давыдов приводит в качестве примера изображение Евхаристии в Киево-Софийском соборе, ⁵⁷ то только по недоразумению: тема Евхаристии — богословско-догматическая. Точно так же древнерусская живопись отнюдь не часто прибегала к символам, и изображений с символическим содержанием (если исключить XVI в.) в ней немного. Мнение такого ученого, как Н. П. Кондаков, будет в этом вопросе весьма авторитетным. В книге, посвященной русской иконописи, он писал: «выделяя в особую историческую главу отдел мистико-догматических икон как определенный исторический тип XV—XVI веков, тем самым желательно устранить предвзятое понимание нашей иконописи, будто бы искони содержащей в своих темах мистическую символику как присущую ее религиозно-философскому миросозерцанию духовную сторону. . . Мы не можем видеть в этом отделе ни особого народного понимания религии, ни мистических настроений русского общества». ⁵⁸

В древнерусском искусстве преобладали темы конкретно-исторические. Такими исторически достоверными были, в понимании современников, сюжеты библейской истории и события, рассказываемые житиями. Изобразительное искусство не отличалось в этом отношении от литературы. В произведениях последней фантастика, чудеса вводились «только под знаком чего-то исторически верного, реально случившегося. Писатель и читатель были по большей части уверены в том, что все, о чем пишется в житии или в летописи, действительно произошло. Интерес древнерусского читателя был прикован к истории. Древнерусский читатель не интересовался бы произведением, если бы знал, что сюжет его вымышлен и герои его никогда не существовали». ⁵⁹

Об этом давно уже говорил М. Горький, который верно понял и правильно объяснил искусство восточноевропейского средневековья. В 1896 г., отвечая в «Нижегородском листке» художнику А. А. Карелину, М. Горький писал: «Художник средних веков, изображая религиозный сюжет, был глубоко убежден в том, что изображает действительность, правду. . . Религиозное предание принималось художником за факты. Художник был проникнут сознанием его буквальной правды и передавал его как действительность». И далее: «Художник той эпохи изображал не грезы и отвлечения, а документы и факты». ⁶⁰ М. Горький говорил в данном случае о византийском искусстве, но с полным правом его слова могут быть отнесены, конечно, и к древнерусскому искусству.

Хотя искусство древней Руси являлось в значительной степени религиозным, ибо в средневековьи богословие господствовало «во всех обла-

⁵⁶ В. Белинский. Письмо к Гоголю. Собрание сочинений в трех томах, т. III. М., 1948, стр. 710.

⁵⁷ А. А. Федоров-Давыдов. Из истории древнерусского искусства, стр. 73—74.

⁵⁸ Н. Кондаков. Русская икона. Текст, ч. 1. Прага, 1931, стр. 266.

⁵⁹ Д. Лихачев. 1) Возникновение русской литературы. М.—Л., 1952, стр. 195—196; 2) О летописном периоде русской историографии. Вопросы истории, № 9, 1948, стр. 23—24.

⁶⁰ М. Горький. Ответ А. А. Карелину. Нижегородский листок, № 219, от 6-го августа 1896 г.

стях умственной деятельности» (Ф. Энгельс),⁶¹ тем не менее невозможно сводить это искусство к искусству, «чисто культовому», как это делает не только А. А. Федоров-Давыдов,⁶² но, подчас, и другие историки искусства. Они забывают при этом то, что в искусстве древней Руси были широко распространены «светские» темы, что оно часто обращалось к историческим темам — к темам всемирной и отечественной истории, а также к бытовым сюжетам, что оно оставило нам ряд портретных изображений современников, что, наконец, само религиозное предание, являвшееся его главной темой, воспринималось как историческая действительность. Нельзя поэтому рассматривать иконопись и как какое-то особое искусство, существом своим отличающееся от всякой иной живописи, что делается также очень часто. Это — лишь один из жанров древнерусской живописи, какое бы место он в ней ни занимал, и, вопреки предвзятым мнениям, иконопись приемами изображения, особенностями стиля мало отличается от того, что можно назвать светской живописью древней Руси. Изображения, воспроизводящие, например, события русской истории и украшающие летописные своды, сходны с иллюстрациями к житиям святых и т. п.; скажем снова: в легенде, отображаемой иконой, видели ту же историческую действительность.

Вспомним затем, как легко и с какой непосредственностью вносил художник древней Руси «мирскую» тему и «мирские» интересы в ту область, которая, как может показаться, должна была бы принадлежать только религиозным размышлениям и переживаниям. Не делая различия между «церковным» и «светским», этот художник с поражающей исследователя наших дней свободой рисовал, например, в богослужебных книгах изображения животных или бытовые сценки, иной раз несколько вольного содержания. Так, в рисунках, исполненных для украшения Юрьевского евангелия (начало XII в.), представлен целый зверинец: двугорбый верблюд, конь под чепраком, барсы, змея, медведи, львица, кошка, журавль, фазан, сокол. Изображен также сирич, а инициал «Р» к словам «Рече господь...» нарисован в виде обнаженной женщины с цветком в руке.⁶³ Подобными изображениями украшены и другие русские церковные книги XII—XIII вв.

Проникновение «мирской» темы в декоративное оформление религиозной, богослужебной книги стало особенно значительным в XIII—начале XV вв. с расцветом рукописного тератологического орнамента, происхождением своим связанного с орнаментацией бытовых предметов: на изделиях древнерусских ремесленников этот звериный орнамент появляется с XI, если не с X, столетия. По словам одного исследователя, авторы книжных рисунков были «непосредственными учениками... мастеров, украшавших простонародную бытовую утварь».⁶⁴ В таких рисунках рукописей XIII—XV вв. «очень мало христианского религиозного элемента», который находился бы «в соответствии с религиозным содержанием книг, где они встречаются», писал В. В. Стасов.⁶⁵

В книгах с тератологическим орнаментом нередко нарисованы человеческие фигуры, либо вкомпанованные в орнамент, либо изображенные са-

⁶¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. VIII, стр. 128.

⁶² А. А. Федоров-Давыдов. Из истории древнерусского искусства, стр. 80.

⁶³ Атлас рисунков к трудам второго археологического съезда. СПб., 1884, табл. IX—X.

⁶⁴ А. Арциховский. Прикладное искусство Новгорода. В кн.: История русского искусства, т. II. М., 1954, стр. 285.

⁶⁵ В. Стасов. Картины и композиции, скрытые в заглавных буквах древних русских рукописей. СПб., 1884, стр. 22.

мостоятельно, образуя тот или иной инициал.⁶⁶ Персонажи таких инициалов, за очень редким исключением, — простые горожане или крестьяне. Представлены они всегда в действии: на страницах евангелий, апостолов и других церковных книг они живут повседневной жизнью, многие из них заняты обыденными, житейскими, чем-то по-«мирски» примечательными делами. Один рисунок изображает человека, который свежует пойманного зверька (зайца?). Персонаж другого несет деревянное ведро, вероятно с медом или вином, так как во второй руке он держит кубок. Третий персонаж, с посохом в руке, трубит: возможно, это — бирюч, глашатый, созывающий горожан на вече.⁶⁷ Часто изображаются гуслиеры. Нарисованный в новгородском евангелии 1358 г. гуслиер одновременно и играет на гуслиях и пританцовывает: художник представил, по-видимому, скомороха и, увлеченный изображаемой сценкой, дополнил ее надписью со словами, обращенными к нарисованному гуслиеру-скомороху: «гуди гораздо», т. е. играй хорошо!⁶⁸ Художник другой новгородской книги изобразил человека, опрокидывающего себе на голову банную шайку, а чтобы рисунок был правильно понят, и этот художник пояснил свое изображение надписью: «обливается водой».⁶⁹ Рисунок человека, обливающегося из шайки, придуман для инициала «Р» к тем же словам «Рече господь...», которыми начинаются многие евангельские тексты. Инициал находится в евангелии, написанном в 1355 г. «повелением архиепископа новгородского Моисея, рукою многогрешных Леонида и Георгия». В псалтири, которую в 1421 г. смоленская княгиня Ульяна, в иночестве Елена, дала в дар церкви Михаила Архангела, находится, в числе других украшений, известный рисунок, образующий инициал «М». Эта буква скомпонована в виде жанровой сценки, представляющей двух рыбаков, которые тянут невод, полный рыбы, и, как видно из надписей, перебраниваются между собой. «Потяни корвин сын», — сказано в одной надписи: это кричит рыбак слева. «Сам еси таков», — отвечает ему второй.⁷⁰ Инициал, изображающий двух рыбаков, понравился. Он был повторен в так называемом Боголюбовском евангелии 1544 г., причем художник этого евангелия заимствовал инициал не из смоленской псалтири, но из какой-то другой рукописи. Подобные рисунки развлекали и веселили, несомненно, и художника, и тех, кто заказывал украшенные ими книги. Сам тератологический орнамент носил в значительной мере гротескный характер. В нем «всякая естественная форма принимает вид чудовища, которое, однако, рассчитано не на то, чтобы пугать воображение, а на то, чтобы затейливостью группы... производить игривое впечатление», — говорил Ф. И. Буслаев.⁷¹

Примечательно, что никого из современников, даже деятелей церкви, не смущало, что такой орнамент и изображения забавных, подчас вольных сценок из повседневной, простонародной жизни стали обычным и излюбленным убранством богослужебных книг. Напротив, орнамент и рисунки нравились всем. Книги, украшенные ими, заказывали и приобретали люди самых различных слоев общества. Среди сохранившихся до наших дней церковных книг, украшенных тератологическим орнаментом и инициалами с рисунками человеческих фигур и жанровых сцен, есть такие, о которых

⁶⁶ А. Некрасов. Очерки из истории славянского орнамента. М., 1914.

⁶⁷ БАН, Рукописный отдел, Евангелие № 3; В. Стасов. Картины и композиции..., рис. 3, 8, 7.

⁶⁸ В. Стасов. Славянский и восточный орнамент. СПб., 1886, табл. XVII, рис. 2.

⁶⁹ В. Стасов. Славянский и восточный орнамент, табл. XV, рис. 29.

⁷⁰ В. Стасов. Славянский и восточный орнамент, табл. XXI, рис. 5.

⁷¹ Ф. Буслаев. Сочинения, т. III, Л., 1930, стр. 10.

известно, что они исполнены в монастыре, сделаны для монастыря или церкви, выполнены по заказу игумена или по повелению архиепископа. Так, например, одно из новгородских евангелий с тератологическим орнаментом, написанное в 1323 г., имеет запись: «Писал раб божий Иродион игумену Моисею в Колмов монастырь». Два других, новгородских же евангелия, в том числе евангелие 1355 г., о котором шла речь, сделаны по приказанию архиепископа Моисея и, по-видимому, его писцами. Преемник Моисея, архиепископ Алексей, также имел своих писцов, один из которых выполнил в 1362 г., «повелением боголюбивого архиепископа», евангелие с прекрасными заставками и инициалами тератологического стиля.

Рисунки, украшающие рукописи XIII—XIV вв., в ряду с другими, сходными и не единичными фактами истории древнерусского искусства, важны, в частности, тем, что ведут исследователя в еще мало известную область изобразительных мотивов современного им бытового искусства, с которыми они теснейшим образом связаны. В самом деле, на широких серебряных браслетах XII в., т. е. по времени более древних, чем рисунки рукописных книг, можно увидеть не только тератологический орнамент, но и жанровые сцены, по сюжету и стилю подобные книжным инициалам. Область древнерусского искусства, связанная с бытом, не так давно была представлена сравнительно немногочисленными предметами, сохранившимися преимущественно вкладах, выполненными в дорогом материале и имевшими распространение в узкой среде богатого населения, а также украшениями женской одежды, обнаруженными в сельских могильниках. По таким немногим и ограниченным в своем составе предметам трудно было понять роль искусства в обыденной жизни людей древней Руси, и легко складывалось впечатление, что все силы ее художественного творчества были направлены в сферу религиозной жизни. Но археологические раскопки в древних русских городах, произведенные в последние десятилетия, особенно раскопки А. В. Арциховского в Новгороде, обнаружили множество бытовых вещей, художественно оформленных, украшенных орнаментом и изображениями. Эти многочисленные находки показали, какое большое место занимало бытовое искусство в жизни людей различных общественных слоев древней Руси. Можно сказать, что историку искусства раскопки открыли новую область художественного творчества русского средневековья, которой надо отвести немаловажную роль в развитии художественной культуры и которую необходимо учесть в суждениях о древнерусском искусстве.

Как уже говорилось, жанровые рисунки книжных инициалов создались под влиянием изобразительных мотивов бытового искусства и остались очень близкими к нему стилистически. Притом вот что интересно и важно. Эти рисунки, как и изображения, украшавшие серебряные браслеты, могли быть выполнены живее и непосредственнее, чем величественные и торжественные композиции или фигуры храмовой росписи, либо иконы. Вместе с тем они не менее условны, чем последние. Напротив, жанровые сценки инициалов: рыбаки, тянущие невод, охотники, играющие и пляшущие гусяры-скоморохи, выполнены гораздо более условно. Вспомним еще рисунок отдыхающего работника, «делателя», на полях псковского Устава XIII в. — простое изображение простой, реальной жизни. В таких, выхваченных из жизни, исполненных с непосредственностью и юмором, как бы сымпровизированных рисунках никто, наверное, не обнаружит ни мистики, ни символик, ни абстракций. И тем не менее это — одни из наиболее условных изображений в древнерусском искусстве, еще более условные, чем традиционные композиции на библейские темы, написанные на церковных стенах или иконах. Заметим далее, что также условными являются и

другие изображения бытового искусства города, а также изображения в крестьянском искусстве древней Руси, известные по вещам, найденным при археологических раскопках сельских могильников XI—XII и последующих веков. Это — изображения птиц, некоторых домашних животных, всадников и т. п. Как бы ни истолковывать их,⁷² они не имеют, конечно, никакого отношения к церковной идеологии.

Еще одно сопоставление. Как уже говорилось, древнерусская живопись знала портрет. Она изображала современников ради того, чтобы запечатлеть их образ, и таких изображений дошло до нас не так уж мало. С другой стороны, художник древней Руси, писавший иконы святых, добивался в определенных случаях создания выразительных и очень индивидуальных по характеристике образов.

И вот что опять-таки интересно и важно. Портреты современников, исполненные по заказу тех, кого они изображали, художниками, знавшими свои оригиналы, менее портретны, нежели некоторые изображения святых. Произведения, сделанные с натуры или имевшие в виду воспроизвести натуру, изображавшие людей, хорошо известных художнику и зрителю, — эти произведения оказываются менее конкретными, чем образы, созданные преимущественно творческой фантазией художника, оформлявшиеся и изменявшиеся в процессе развития художественной традиции. Таковы, например, мозаичные изображения Иоанна Златоуста, Григория Чудотворца и Василия Великого в алтаре Киево-Софийского собора, икона Николы из Новодевичьего монастыря, икона Николы же из церкви Николы на Липне и др. Эти и подобные им изображения дают яркие портретные характеристики, раскрывающие своеобразную физическую и психологическую индивидуальность изображенного персонажа. Притом художественный образ не всегда оставался неизменным, и «портреты» одного и того же святого могли быть различны. Так, различны, и каждое по-своему выразительно, изображения Николая Мирликийского в росписи Киево-Софийского собора, на иконе из Новодевичьего монастыря и на иконе из церкви на Липне. Вместе с тем в портретах современников художник не шел дальше передачи немногих внешних признаков, и если изображаемый персонаж не был наделен какими-либо особыми, отличавшими его чертами, в его изображении было очень мало индивидуального.

Итак, условность древнерусского изобразительного искусства не может быть объясняема религиозной тематикой, хотя последняя занимала в нем очень большое место. Да и вообще тема, как и сюжет, не определяет содержание искусства и его стиль. Здесь можно вспомнить, например, искусство Возрождения или же античное искусство зрелой поры, которое питалось в значительной мере религиозными темами и было вместе с тем реалистическим. С другой стороны, следует напомнить так называемое народное искусство XVIII—XIX вв. Свои новые темы и сюжеты оно брало преимущественно из окружающей действительности, однако это бытовое искусство оставалось условным.⁷³

Кстати сказать, из примера хотя бы того же народного искусства следует, что значительная степень условности изображения сама по себе, взятая вне зависимости от других особенностей изображения, не означает непременно разрыва искусства с действительностью. Чтобы быть отражением последней, искусству вовсе не обязательно передавать все качества предмета и явления и изображать все с одинаковой точностью.

⁷² Б. Рыбаков. Прикладное искусство и скульптура. В кн.: История культуры древней Руси, т. II. М.—Л., 1951, стр. 399—404.

⁷³ Г. Малицкий. Бытовые мотивы и сюжеты народного искусства. Казань, 1923.

Итак, рассматриваемое истолкование искусства древней Руси не основывается на исследовании фактов, а представляет собою домысел, не согласуемый с фактами и противоречащий им. Такое объяснение не является научным объяснением. Вместе с тем, ложно оценивая одно из замечательнейших художественных наследий русского народа и одно из наиболее ярких проявлений его гения в прошлом, подобное истолкование искажает и умаляет значение этого наследия, внушает и укрепляет ложное к нему отношение.

Искусство древней Руси было искусством прогрессивным. Этого не следует упускать из вида. Оно было связано с коренными изменениями в общественной жизни восточных славян, переходом к более высокой форме общественной организации, появлением нового, передового для своего времени феодального строя. Это искусство открывало человеку новые стороны окружающей его жизни, и как бы окружающая действительность ни понималась, все же то был шаг вперед в ее познании. Искусство выражало новые общественные идеи, порожденные возникавшими феодальными отношениями и служившие им. Без преувеличения можно сказать, что оно явилось одним из самых мощных средств, которые способствовали развитию, укреплению нового строя и преодолению идеологических пережитков старых общественных отношений, отживших свой век, препятствовавших историческому развитию. И в дальнейшем искусство древней Руси, за исключением некоторых моментов своей истории, было искусством прогрессивным, поскольку оно продолжало отражать передовые идеи развивающегося феодального общества. Имена Андрея Рублева, Дионисия, Симона Ушакова отмечают отдельные ступени этого развития.

Такое искусство не могло быть, да и не было, конечно, искусством, оторванным от жизни, искусством, «отрицающим реальность мира», так как весь смысл его заключался в утверждении той «действительности», того мира, отражением которого оно являлось, хотя отражение это и было чаще всего фантастическим.

Те, кто толкует древнерусское искусство как искусство «потустороннее» и противостоящее жизни, упускают из вида многообразные формы связи этого искусства с жизнью. Поясним сказанное рядом примеров.

Уже давно историки русской культуры обратили внимание на достоверность тех или иных изображений в древнерусской живописи. Та степень точности, с какой художник (не изменяя условности стиля) мог передавать и передавал современные ему одежды, оружие, орудия труда, отдельные вещи, почему-либо привлечшие его внимание, те или иные действия, обычаи, эпизоды, взятые из жизни, и т. п., — эта степень точности сообщает многим памятникам древнерусской живописи значение исторических документов, которые помогают изучению отдельных сторон культуры и быта древней Руси.⁷⁴ В книжных миниатюрах «художник-иллюстра-

⁷⁴ Материалы для археологического словаря. Древности. Труды Московского археологического общества, т. II, М., 1870, статьи на слова: Бирючь (стр. 5), Жилище, деревянные постройки (стр. 17—34), Рало (стр. 45); В. Прохоров. Материалы по истории русских одежд. СПб., 1871; И. Мансветов. Художественные и бытовые данные в славянском списке летописи Георгия Амартола из библиотеки Московской духовной академии. Труды V археологического съезда, М., 1887, стр. 165—166; Ф. Буслаев. Мои воспоминания. Вестник Европы, 1898, февраль, стр. 579; Н. Кондаков. Изображение русской княжеской семьи в миниатюрах XI века. СПб., 1906; А. Арциховский. 1) Древнерусская миниатюра как исторический источник. Изд. МГУ, 1944; 2) Русская одежда X—XIII вв. Доклады и сообщения Исторического факультета МГУ, вып. III, М., 1945; 3) Лыжи на Руси. Труды Института этнографии АН СССР, вып. I, М.—Л., 1947; Б. Рыбаков. «Окна в исчезнувший мир». Доклады и сообщения Исторического факультета МГУ, вып. IV, М., 1946, и другие сочинения;

тор предстает перед вами как человек, хорошо знающий свою страну, различные города, дворцовый быт, военное дело, современных ему исторических деятелей». Его произведения «служат неоценимым источником сведений о хозяйстве, быте, вооружении... феодальной Руси». «Детали техники подсечного земледелия, колесный плуг XV в., способы размола зерна в бочках, монастырская варяна с водопроводом — все это видно на его рисунках». В этих рисунках «подробно вскрыты различные производственные моменты», в частности техника литья больших медных предметов⁷⁵ и т. д. и т. п. Когда художник рисует определенное и хорошо ему известное сооружение, по его рисунку возможно бывает восстановить первоначальные формы здания, впоследствии измененного перестройками или вовсе разрушенного.⁷⁶

Для понимания особенностей древнерусского искусства важно установить, что подобная точность передачи тех или иных предметов и явлений, при условных приемах изображения, вызвана часто совсем не требованиями сюжета, что причина ее в этих случаях — живой интерес художника к реальным подробностям, которые дополняют и позволяют конкретизировать представляемое событие. Вот перед нами миниатюры, украшающие книги и изображающие авторов этих книг, занятых своим трудом, например, изображения четырех евангелистов. Художник представил их в характерные и вместе с тем различные моменты работы. В раскрытых книгах он показал подготовленные к письму, определенным образом разграфленные листы. На столе рядом — нарисовал всевозможные принадлежности, употребляемые в книжном деле. По этим своеобразным «портретам», по реальным подробностям, которые внесены в них художником, можно составить себе ясное представление о том, как и чем работал книгописец древней Руси.

Но правдивость передачи отдельных подробностей свойственна также изображениям далеких от художников предметов и явлений, например изображениям на темы «древней» — библейской, греческой и римской — истории. В самом деле, разве нельзя было бы изучить по памятникам древнерусской живописи некоторые античные и восточные одежды благодаря той точности, с которой эти одежды и способ их ношения переданы художником древней Руси? Если бы он не придавал значения этой реальной подробности, не интересовался ею, художественная традиция не сохраняла бы ее в течение столетий и исказила, как исказила формы античного горного ландшафта или античной архитектуры, хотя в передаче последней можно найти иногда отдельные реальные, археологически верные черты.⁷⁷

Равным образом художника интересовали некоторые стороны жизни далеких зарубежных стран. Он прекрасно знал различие в оружии, доспехах и модах людей Востока и Запада, четко проводил это различие в своих изображениях. Умело рисовал и шведские лады со щитами на бортах, и английские резные корабли. Он мог изобразить многих экзотических зверей: льва, слона, обезьяну, верблюда...⁷⁸

Верность изображения отдельных предметов и явлений важно отметить потому, что эту верность деталей можно проследить в композициях

Э. Р и к м а н. Изображение бытовых предметов на рельефах Дмитриевского собора во Владимире. Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР, вып. 47. М., 1952.

⁷⁵ Б. Рыбаков. «Окна в исчезнувший мир», стр. 37—38.

⁷⁶ А. Мацулевич. Церковь Успения на Волотовом поле. Памятники древнерусского искусства, изд. Академии художеств, вып. IV. СПб., 1912; Н. Воронин. Хутынский столп 1535 г. Советская археология, т. VII. М.—Л., 1946.

⁷⁷ Ю. Дмитриев. Стенные росписи Новгорода, их реставрация и исследование. В кн.: Практика реставрационных работ, сб. 1. М., 1950, стр. 151.

⁷⁸ Б. Рыбаков. «Окна в исчезнувший мир», стр. 37—38.

самого различного содержания, в том числе на иконах. Она свойственна творчеству художника древней Руси и говорит об интересе, который он обнаруживал в тех или иных случаях к тем или иным явлениям жизни. Но интерес последнего к окружающей его действительности не ограничивался, конечно, отдельными частностями. Мы уже знаем, как охотно он обращался иной раз к темам, взятым из обычной жизни, и не только тогда, когда украшал рукописи жанровыми сценами, вкомпанованными в инициалы. Так, иллюстратор житий святых использовал отдельные места текста как предлог, чтобы воспроизвести картины близкого ему быта. И в этом случае и в других литературный источник, которым пользовался художник, мог и не содержать изображаемого им эпизода: художник представлял его от себя, дополняя текст самостоятельно сочиненной картинкой. Например, на иконе Троицы в бытии середины XVI в., находящейся в Русском музее, в одном из клейм⁷⁹ изображена жена Авраама. Сарра, вместе с двумя другими женщинами, месящая тесто, а возле ее дома художник написал корову с телятком, сосущим вымя. В библейском рассказе о посещении Авраама тремя ангелами отсутствует эпизод приготовления Саррой хлеба: изображение этой житейской сцены живописец ввел в свое повествование сам.

Но остановимся на сказанном и вспомним другой ряд произведений живописи древней Руси, созданных политическими потребностями дня. Естественно, что к политическим темам обращалось искусство, так сказать, официальное. Например, темам прославления и утверждения власти московских государей были посвящены резные изображения, украшавшие «царское место» — трон Ивана Грозного, а также росписи Грановитой и Золотой палат Кремлевского дворца. Однако политические темы проникали даже в храмовую роспись и в иконопись. Почти от каждой эпохи древнерусского искусства сохранились до нашего времени изображения на стенах церквей или иконы, содержанием которых явились политические идеи, волновавшие в ту пору общество.

В XI в., в годы, когда Киевская держава достигает своего наибольшего могущества, создается замечательная роспись лестничных башен Софийского собора в Киеве с изображением цирковых игр и сцен охоты. Смысл ее заключался в прославлении царской власти,⁸⁰ тем самым в возвышении великого князя Киевской Руси. Это была актуальная политическая тема. Какими бы эгоистическими побуждениями ни руководствовались киевские князья в стремлении расширить и усилить свое господство, сильная княжеская власть была нужна стране, и к укреплению ее призывали лучшие умы Русской земли.

Искусство Новгорода создало «икону», представившую победу новгородцев над суздальской ратью в 1169 г. Эту «икону» можно считать первой сохранившейся в русской живописи исторической картиной. Согласно повести, сложенной в новгородской литературе XIV в. и впоследствии переработанной известным писателем XV столетия Пахомием Логофетом, победа новгородцев была изображена, как следствие заступничества за них иконы «Богородицы-Знамение». Созданная в то время, когда Новгород вел упорные войны с внешними врагами, повесть говорила о славном прошлом Новгородского государства, о том, что оно находится под божественным покровительством, и внушала новгородцам уверенность в силе своего государства, укрепляемого защитой небесных сил. Политическая злободневность темы обеспечила ей успех в искусстве. Она повторялась

⁷⁹ Клеймами называют отдельные, самостоятельные, обычно небольшие изображения.

⁸⁰ A. Grabar. L'empereur dans l'art byzantin. Paris, 1936, стр. 62—74.

в живописи много раз и в XV в, когда шла борьба Новгорода с Москвой,⁸¹ и позднее.

В том же, XIV веке (в 1313 г.) в Пскове был расписан собор Снетогорского монастыря. По старому обычаю, в нем поместили изображение «Страшного суда», которое заняло не только западную стену, как в других росписях, но также свод и боковые стены западного нефа сверху до низу. В этой грандиозной композиции был представлен в виде отдельной картины ад, и в аду вместе с Иудой художник поместил русского князя Святополка, убийцу своих младших братьев, имя и прозвище которого — «Окаянный» — обозначил надписью. Это дополнение к обычному изображению ада было сделано, несомненно, не случайно. На долю Псковской земли выпала тяжелая, никогда надолго не прекращавшаяся борьба с различными врагами, которые угрожали ее территории и независимости. В условиях этой борьбы, требовавшей напряжения и сплочения физических и духовных сил народа, измена, предательство — являлись ли они в самом Пскове или приписывались «старшему брату» Новгороду, который часто лишал псковитян своей поддержки, — должны были вызывать к себе особенно нетерпимое отношение. Изображение, написанное на стене псковского храма, представило судьбу Святополка, расплачивающегося за совершенные преступления муками ада, и показывало страшные последствия, угрожающие предателю-братоубийце.

С XVI в — века крупнейших событий во внутренней и внешней жизни Русского государства — искусство значительно чаще, чем прежде, начинает обращаться к общественным, политическим темам. Напомним еще два произведения живописи этого века в дополнение к упомянутым ранее росписям кремлевских палат и резным украшениям «царского места» Ивана Грозного.

Борьба против монастырского землевладения и против вмешательства церкви в государственную деятельность, волновавшая русское общество первой половины XVI в, нашла свое отражение в одном из лучших произведений живописи 30—40-х годов столетия. Это была большая икона с шестью отдельными самостоятельными изображениями, из которых сохранились только три: «Видение Иоанна Лествичника», «Видение Евлогия» и «Притча о хромце и слепце». Первые два осуждали монахов, отступающих от правил монастырской жизни, третье могло толковаться как обличение корыстности церковных вельмож.⁸²

Другое произведение живописи середины XVI в, замечательное и по содержанию и по исполнению, связано с победоносными войнами, которые вело в это время Русское государство. Произведение это, известное в науке под условным названием «Церковь воинствующая», прославляло русское воинство и воинский подвиг.⁸³

Число приводимых примеров без особого труда могло бы быть увеличено. В искусстве эпохи Киевской Руси, в искусстве Новгорода, Владимиро-Суздальской земли и тем более в искусстве Москвы можно указать еще ряд произведений, которыми искусство отзывалось на важные вопросы современной ему общественной жизни. Несомненно, если перечислить все произведения подобного рода, дошедшие до наших дней, их окажется все же не очень много, и было их в свое время, конечно, значи-

⁸¹ Пятнадцатому веку принадлежат наиболее ранние из дошедших до нас икон, изображающих «битву новгородцев с суздальцами». Но анализ их приводит к выводу, что первые иконы на эту тему возникли, по-видимому, в XIV в.

⁸² Ю. Дмитриев *Древнерусское искусство*. Путеводитель по Государственному Русскому музею Л—М, 1940, стр. 50.

⁸³ Государственная Третьяковская галерея. Каталог М, 1947, стр. 33, табл. 9.

тельно меньше, чем произведений на другие темы, например икон в собственном смысле слова. Но ведь жизнь с ее потребностями и интересами отражалась в искусстве не одними только политическими темами: уже было отмечено, что искусство древней Руси обращалось и к бытовым темам, и к портретным изображениям. Вдумчивое изучение сохранившихся произведений искусства обнаружит многообразные связи этого искусства с жизнью. В памятниках религиозной живописи, в частности, оно покажет, как в традиционные темы художник вносил долю своего толкования, в котором отражались идеи и идеалы его времени,⁸⁴ и как, например, образами святых он придавал те или иные характерные черты своих современников.⁸⁵

Обращение художника древней Руси к политическим, историческим, бытовым темам не следует рассматривать как отступление от неких принципов, которые, по представлению тех или иных исследователей, лежали в основе древнерусского искусства, каквольное нарушение художником установленных традиций. Для такого утверждения нет оснований. Заметим снова, что обращение к указанным темам не означало отхода от условности трактовки форм, но, напротив, в ряде случаев, как это было показано, условность изображений становилась более значительной.

В вопросе об отношении древнерусского искусства к действительности главным являются все же не темы последнего, как бы жизненно важны они ни были для своего времени, а немногие примеры более или менее точной передачи характерных признаков тех или иных предметов, несмотря на то, что и указанные темы и отмеченная точность изображений отдельных предметов очень важны для правильного истолкования искусства древней Руси. В самом деле, те же самые темы могли быть изображены совершенно иначе и та же степень точности могла быть достигнута иными средствами. Изображения, например, могли бы быть трактованы более реально и вместе с тем менее достоверно. Это, впрочем, древнерусское искусство и сделало в последнем столетии своей истории. Живопись XVII в., подготовившая наступление новой эпохи, изображала предметы более реально, чем прежде, но вместе с тем часто подменяла действительность неким условным миром, представляя, например, русских воинов в облике древнеримских солдат и т. п. Относительно более реалистичные в передаче форм и совершенно недостоверные в историческом смысле, подобные изображения представляют собою полную противоположность изображениям XI—XII вв., относительно очень условным по стилю и вместе с тем во многих отношениях очень достоверным.

В центре исследования поставленного вопроса должен, следовательно, стать характер художественного образа. Нужно разъяснить причину сочетания верной передачи одних качеств изображаемых предметов и явлений с искажением или полным игнорированием других качеств этих предметов, например, таких, как объем, материал, пропорции (которые почти всегда изменяются) и пр. И что то же, — разъяснить сочетание достоверности изображения одних предметов с совершенно условной, подчас фантастической передачей других, например, горных скал и архитектурных сооружений, которые составляют пейзажный фон композиций, но не имеют ничего общего с русской природой, русской архитектурой (за отдельными исключениями) и своей стилизацией нередко далеко отходят от реальных форм вообще.

⁸⁴ Ср.: В. Лазарев. Новый памятник станковой живописи XII века и образ Георгия-воина в византийском и древнерусском искусстве. Византийский временник, т. VI. Изд. АН СССР, 1953.

⁸⁵ Ю. Дмитриев. Древнерусское искусство, стр. 8—9, 13—14, 34 и др.

Анализ художественного образа в искусстве, принадлежащем далекому прошлому, отдаленному от нас несколькими историческими эпохами, не совсем легок. В основном путь исследования должны определять два положения, которые выдающиеся представители русской критической мысли XIX в., Н. Г. Чернышевский и В. Г. Белинский, изложили так. «Все произведения искусства не нашей эпохи и не нашей цивилизации, — говорил Н. Г. Чернышевский, — непременно требуют, чтобы мы перенеслись в ту эпоху, в ту цивилизацию, которая создала их; иначе они покажутся нам непонятными и странными».⁸⁶ В. Г. Белинский писал: «Если вы изучили... произведения искусства со строгим беспристрастием и поняли верно, вы уже не носитесь по воле ветров в воздушных пространствах своей прихотливой фантазии, но стоите твердою ногою на прочной почве... Вы будете судить о нем (художнике, — Ю. Д.) на основании его личности, будете от него требовать только то, что он мог бы сделать на основании уже сделанного им». И вот тогда, «когда вы кончите его изучение, проникнитесь в сокровенный дух его поэзии, уловите тайну личности... ваша личность снова вступает в свои права и вы из ученика делаетесь судьбою».⁸⁷

Но, встав на такой путь исследования, историк искусства должен дать себе ясный отчет об одной опасности, которая может ожидать его при этом. В стремлении проникнуть в «дух» произведения искусства далекого прошлого, «перенестись в ту эпоху, которая создала их», легче всего переоценить значение и достоверность своего восприятия этих произведений, без помощи которого, конечно, невозможно обойтись. Но, если исследователь неосмотрительно доверится последнему полностью, не проверив его строжайшей критикой и не отличив верного впечатления от ошибочного, он может принять чисто субъективное, и в этом смысле произвольное, впечатление за действительное свойство изучаемого произведения, а собственный домысел — за объективную истину.

⁸⁶ Н. Чернышевский. Эстетические отношения искусства к действительности. Избранные философские сочинения, т. 1. Гос. издательство политической литературы, 1950, стр. 112. Мысль эта высказывалась, конечно, не одним Чернышевским.

⁸⁷ В. Белинский, Сочинения Александра Пушкина. Статья пятая. Собрание сочинений в трех томах, т. III. М., 1948, стр. 374—375. В приведенном отрывке речь идет о поэте и поэзии.

Н. Н. ВОРОНИН

Литературные источники в творчестве древнерусских зодчих

Исследование древнерусского зодчества и освещающих его историко-письменных источников позволило установить, что одним из основных путей накопления опыта мастеров было изучение ими лучших «образцов» предшествующего строительства. Те же «образцы» в том или ином сочетании позволяли определять формулу заказа новых зданий, новые же необычные черты задуманной постройки оговаривались как коррективы или дополнения к указанным «образцам».¹

Было также известно, что, по крайней мере в XVII столетии, русские зодчие обращались к определенным графическим или литературным пособиям, служившим источниками их творчества. Изучая строительство времени Бориса Годунова и открыв интереснейший проект постройки в Московском Кремле храма «святая святых», подобного легендарному храму Соломона, М. А. Ильин привлек драгоценное свидетельство Геркмана о разработке этого проекта.² Геркман пишет, что Борис «для увековечения своего имени... решился построить церковь, которая своим видом и устройством походила бы на храм Соломона... Мастера тотчас же принялись за работу, стали делать небольшие модели, причем обращались к книгам св. Писания, к сочинениям Иосифа Флавия и других писателей. Сделав модель, показали ее Борису, и она ему очень понравилась».³ Из этого текста совершенно ясно, что, получив необычный заказ, который не мог быть регламентирован ссылкой на отечественные «образцы», мастера должны были провести своеобразную «исследовательскую работу» и обратились к источникам, дающим представление о прославленном сооружении. Был ли, однако, этот путь использования зодчими литературы исключительным случаем, связанным лишь с данным необычайным заказом, или же это было делом более или менее обычным, и зодчие пользовались в своей работе литературными сведениями о тех или иных памятниках древней архитектуры?

Для ответа на этот вопрос мы не найдем столь недвусмысленного и прямого свидетельства, как приведенный текст Геркмана, однако путем косвенных наблюдений можно прийти к интересным заключениям.

¹ Н. Н. Воронин. 1) Очерки по истории русского зодчества XVI—XVII вв. М.—Л., 1934, стр. 73; 2) Архитектурный памятник как исторический источник. Советская археология, т. XIX. М., 1954, стр. 62—63.

² М. А. Ильин. Проект перестройки центра Московского Кремля при Борисе Годунове. Сообщения Института истории искусств АН СССР в. 1. М., 1951.

³ М. А. Ильин. Проект перестройки центра Московского Кремля при Борисе Годунове, стр. 80. Интересно, что модель была сделана из драгоценных материалов — «из золота, драгоценных камней и жемчуга» — в буквальное подражание сказочному описанию Соломонова храма. См. также Пискаревский летописец: О. А. Яковлева. Материалы по истории русской техники... Известия Отделения технических наук АН СССР, М., 1951, № 4, стр. 621.

1

Идея Годунова воспроизвести в Москве Соломонов храм не была новой и одинокой. Видимо, мысль крупнейших исторических деятелей древней Руси, проявивших себя и в широком строительстве, часто обращалась к образам Библии, где Соломонов храм выступал как пример наиболее грандиозного архитектурного замысла, а фигуры самих библейских царей давали завидные образцы.

Так, автор Повести об убиении Андрея Боголюбского, давая описание созданных Боголюбским во Владимире и Боголюбове храмов, говорит об их драгоценном убранстве и сравнивает их с храмом Соломона, а самого Андрея с Соломоном. Он «уподобился царю Соломону, яко дом господу богу и церковь преславну святых богородица рожества посреде города камену созда Боголюбом и удиви ю паче всех церквий подобна тое святая святых, ю же бе Соломон царь премудрый создад, тако и сий князь благоверный Андрей и створи церковь сию в память себе».⁴ И далее автор, распространяя сравнение с Соломоновым храмом и на Успенский собор во Владимире, еще раз повторяет, что князь Андрей «второй мудрый Соломон».⁵ Существенны подчеркнутые автором Повести качества построек Андрея: это обилие золота и драгоценных камней в их утвари и убранстве; стены церквей и столбы были снизу до верха «кованы золотом», золотом были «устроены» их двери, главы, полы и пояс; по краям «комар» стояли золотые птицы, кубки и ветрила; внутри храмы освещались золотыми и серебряными паникадилами, «золотом» были украшены надпрестольная сень, амвон и т. д.

Это описание построек князя Андрея вместе со сравнением его с Соломоном представлялось обычным литературным приемом гиперболзации деяний героя, стремлением уподобить его деятелям библейской древности. Для этого автор Повести мог использовать имевшиеся в распоряжении читателя XII в. литературные образцы. Одним из них был, несомненно, текст переведенной еще в XI в. хроники Георгия Амартола, где строительству Соломонова храма были посвящены яркие и увлекательные страницы.

Напомним этот текст.⁶ Соломон начал строить храм «на горе», его стены были украшены золотом: «позлати выспрняя стены вся и помост сътворив паки дъски златы», «и золотом от Суфира позлати дом... и стены, и верхы, и двъри, и одверья»; у кивота завета Соломон «двери ему и золотомъ покова»; «яко мраморы красными и различными церкы украшена... и каменя исполнена, драгое камене и различное и всякого каменя честнаго премного». Далее названы медные «столпы», обложенные «золатыми дъсками перста в толшее», драгоценная утварь, великие золотые светильники, кадильницы, темьянники, огнища и многочисленные сосуды, «злата же множество не оскудеваша». Далее в описании постройки Иерусалима существенно следующее место: Соломон «каменым оградомъ сию (церковь, — Н. В.) окружи, град же велий красный сверши и от белых камней всю и помости... и гроблю в трубах текущи воде всю створи».

Большое сходство приведенных мест Амартола с описанием храмов в Повести свидетельствует о том, что ее автор хорошо знал текст хроники и сознательно переносил из него на постройки Боголюбского сказочно-пышные

⁴ ПСРЛ, II, СПб., 1908, стлб. 581.

⁵ ПСРЛ, II, стлб. 582—584.

⁶ В. М. Ист р и н. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе, т. 1. Пгр., 1920, стр. 139—145.

черты Соломонова храма. Интересно, что и позднее, при описании в летописи Суздальского собора, к его устроенным в 1233 г. майоликовым полам также применен термин Амартола «моромор красный разноличный». ⁷ Хроника Г. Амартола была хорошо известна во Владимиро-Суздальской Руси, где в первой половине XIII в. был составлен обширный хронограф («Еллинский летописец II редакции»). «У его редактора было много разнообразных источников... и среди них в обширном размере хроника Г. Амартола», которая «привлекала к себе внимание и, несмотря на большой объем, переписывалась и читалась». ⁸

Приведенные параллели Амартолу из Повести об убиении Андрея Боголюбского и летописи могли бы быть объяснены только простым использованием авторами XII—XIII вв. в целях прославления князей-строителей литературного материала хроники Амартола, если бы археологические исследования не показали, что в постройках Владимира и Боголюбова действительно необычайно широко применялся своеобразный прием оковки золоченой медью порталов и барабанов куполов, что в Боголюбовском соборе были полы из медных плит, производившие впечатление золотых, что в порталах Успенского собора висели двери «писанные золотом», видимо, подобные знаменитым вратам Суздальского собора. ⁹ Следовательно, в этом отношении храмы Андрея Боголюбского действительно походили на описанный у Амартола храм Соломона. Более того, в тексте Амартола есть архитектурные подробности, не использованные автором Повести об убиении Андрея Боголюбского, но реально существующие в постройках в Боголюбове. Таково наличие белокаменных стен княжеского замка — Боголюбова-города, белокаменная вымостка двора перед дворцом, с тесанными из белого камня желобами — «трубами». Такая же белокаменная вымостка с желобами прикрывала искусственный холм, сооруженный зодчими князя Андрея в основании храма Покрова на Нерли (раскопки 1955 г.). Этот искусственный холм, вызванный инженерными потребностями поднять здание храма выше отметки разлива Нерли и Клязьмы, тем не менее не может не напомнить указания Амартола на сооружение храма Соломона «на горе», как были поставлены и владимирский Успенский и дворцовый Боголюбовский соборы, занявшие эффектные точки береговых высот над Клязьмой.

Все сказанное позволяет думать, что при строительстве Боголюбского князем и зодчими привлекался текст Амартола о храме Соломона, что пышное убранство храмов «золотом», равно как устройство белокаменных мостовых с желобами в замке с белокаменными стенами, было в какой-то мере навеяно этим текстом, что, следовательно, литература включалась в работу мастеров как источник, обогащавший их творческие замыслы. Не исключено также, что текст Амартола был указан мастерам, что у «владимирского самовластца» князя Андрея была горделивая мысль «последовать» мудрому библейскому царю.

Подобное стремление к подражанию образцам прославленного в Библии и хрониках строительства Соломона в Иерусалиме очень понятно в условиях древней Руси, когда архитектурные сооружения наделялись «публицистическим» смыслом и выражали идею преемственности царств, сопоставления новых государственных образований с государствами древности. Так, Москва мыслилась «вторым Иерусалимом», позднее патриарх Никон

⁷ ПСРЛ, I, стлб. 459—460.

⁸ В. Истрин. Хроника Г. Амартола в славянорусском переводе и связанные с нею памятники. ЖМНП, 1917, № 5, стр. 19 и 21.

⁹ Н. Н. Воронин. Памятники владимиро-суздальского зодчества XI—XIII веков. М., 1945, стр. 27—28 и 33—39.

стремился воспроизвести в своих монастырях постройки «святых мест» православного Востока и, в частности, Иерусалимского храма в Ново-Иерусалимском монастыре в Истре. В этом смысле замысел Андрея Боголюбского уподобиться Соломону был типичным явлением.

Любопытно также, что Иерусалимский храм строился Соломоном по «завету» его отца Давида.¹⁰ Не лежит ли в этом косвенная причина появления на стенах владимирских храмов скульптурного изображения царя Давида? Сам «премудрый» Соломон «глагола о древесех от кедры, сущаго в Ливане, даже и до исопа исходящих страсти и глагола о скотех, и о гадах, и птицах, и о рыбах... яко и припрение на бесы и запрещение размыслии».¹¹ Следовательно, со строителем Иерусалимского храма, по Амартолу, связывалось учение о живом мире растений и животных («фисилогии рекше родословии»), изображения которых, появившись в постройках Боголюбского, приобретают в дальнейшем столь важное значение в резном уборе построек Всеволода III и его сыновей. Это, конечно, не раскрывает причин появления резного тератологического убора в архитектуре Владимиро-Суздальской Руси и тем более не объясняет его содержания, но возможно, что мысль о резном убранстве храмов получила толчок от того же привлеченного строителями XII в. источника — хроники Амартола.

2

С тем же текстом Амартола о Соломоновом храме связан другой интересный вопрос истории древнерусского зодчества.

В тверской архитектуре первой половины XV в. существовал своеобразный тип ярусного храма, где над основным кубом здания возвышались один или несколько меньших, убывающих кверху ярусов. Такая церковь изображена на панораме тверского кремля начала XV в. (рис. 1); это, вероятно, храм Ивана Милостивого, построенный князем Иваном Михайловичем Тверским между 1413 и 1420 гг.¹² Живым образцом такой композиции является церковь в селе Городне на Волге, построенная в 40-х годах XV в. князем Борисом Александровичем Тверским (рис. 2).¹³ Последнее здание связано с общерусским процессом разработки динамической ступенчатой композиции верха храма, наиболее ярко проявившимся в зодчестве Москвы начала XV в. и более робко и сдержанно — в Твери. Позже эта ярусная композиция «тверского типа» отражена в деревянном зодчестве; такова, например, Вознесенская церковь в Торжке (1653 г.).¹⁴

Интересный комментарий к истории этого типа здания дают миниатюры знаменитой рукописи «тверского» Амартола, сделанной в Твери по заказу княгини Ксении и ее сына, князя Михаила Ярославича Тверского, около 1294 г.¹⁵ Здесь среди 127 миниатюр есть изображения иерусалимских зданий. Д. В. Айналов отметил, что «особенно замечательно изображение завета Давида Соломону о постройке Иерусалимского храма, причем изображен и самый храм в виде ступенчатого башнеобразного здания,

¹⁰ В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола..., стр. 143.

¹¹ В. М. Истрин, Хроника Георгия Амартола..., стр. 144—145.

¹² Н. Н. Воронин. Тверской кремль в XV веке. КСИИМК, в. XXIV. М.—Л., 1949, стр. 84—91.

¹³ Н. Н. Воронин и В. Н. Лазарев. Искусство среднерусских княжеств XIII—XV вв. В кн.: История русского искусства, т. III. М., 1955, стр. 25—27.

¹⁴ Древности. Труды Московского археологического общества, т. IX, таблица к стр. 133.

¹⁵ Д. В. Айналов. Миниатюры древнейших русских летописей в Музее Троице-Сергиевой лавры и на ее выставке. В кн.: Краткий отчет о деятельности Общества любителей древней письменности и искусства за 1917—1923 годы. Л., 1925.

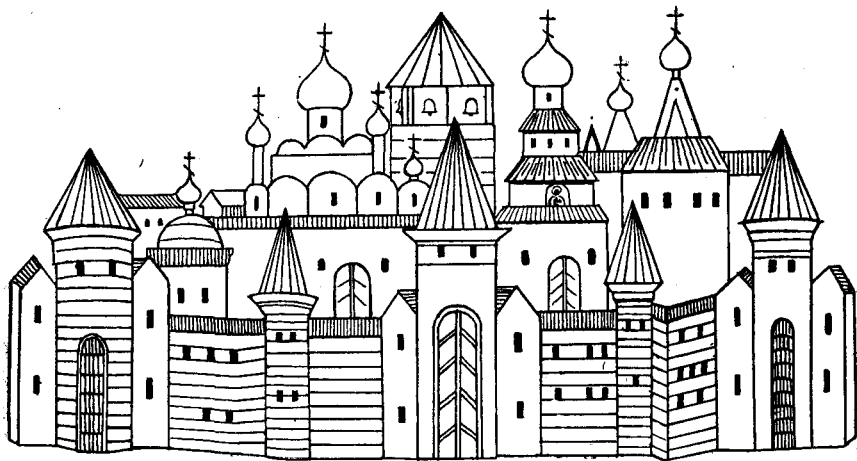

Рис. 1. Панорама тверского кремля. Икона князя Михаила и княгини Ксении.

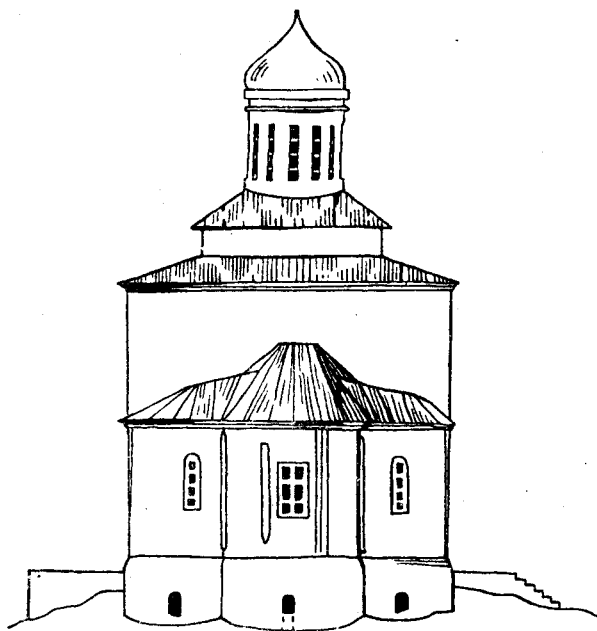

Рис. 2. Церковь Рождества Богородицы в селе
Городне на Волге. Восточный фасад
(реконструкция).

увенчанного главой».¹⁶ Исследователь не вполне точно передал смысл миниатюры. Она иллюстрирует текст о завете Давида, который, поручая своему сыну постройку, «дает ему образ церковный», т. е. модель, образец здания. Эта модель и изображена на миниатюре (рис. 3). Модель довольно крупная, по высоте она почти вровень с головами сидящих на тронах Давида и Соломона. Нижний массив здания имеет пониженную часть с аркадами и напоминает постройку базиликального типа. Над основным объемом возвышается ярусная башня, представляющая собой как бы отдельный храм. Над его кубической основой с тремя арочными окнами поднимаются уменьшающиеся кверху ступенчатые ярусы, завершенные гла-

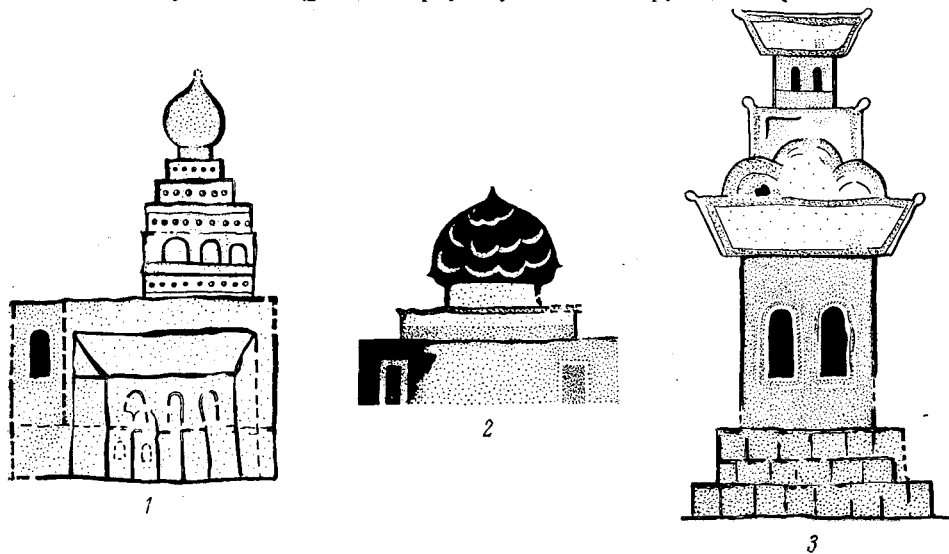

Рис. 3. Изображение зданий в миниатюрах тверской рукописи Георгия Амартола.

1 — «образец» («образ церковный») Соломонова храма; 2 — храм в сцене погребения Давида; 3 — «Ковчег завета».

вой луковичной формы на коротком барабане.¹⁷ Подобную ярусную композицию миниатюрист придал и второму зданию, изображенному в сцене погребения Давида (рис. 3, 2).¹⁸ Эти архитектурные рисунки в тверской рукописи Амартола, столь сходные с реальными памятниками тверской архитектуры, старше их на столетие с лишком. Они вновь возвращают к мысли, что тверские строители XV в. просматривали доступные им рукописи в поисках архитектурных данных; миниатюры в этом отношении были, конечно, особенно наглядны. Возможно, что рисунки старейшей тверской рукописи Амартола и послужили таким пособием для тверских мастеров первой половины XV в.

В том же «тверском» Амартоле интересна миниатюра, изображающая «кивот завета» (рис. 3, 3).¹⁹ Это, на первый взгляд, вполне условное фантастическое изображение. Однако, присмотревшись внимательно, мы различим его весьма реальные элементы. Представлено высокое башнеобразное здание, приподнятое на высоком ступенчатом цоколе из блоков камня (хотя в тексте «медяный степен»), на фасаде — два щелевидных

¹⁶ Д. В. Айналов. Миниатюры... стр. 18—19.

¹⁷ ВБЛ, фонд Московской духовной академии (МДА), № 100, л. 89 (слева).

¹⁸ ВБЛ, фонд МДА, № 100, л. 89 (справа).

¹⁹ ВБЛ, фонд МДА, № 100, л. 91 (слева).

арочных окна, выше — обычный, в миниатюрах широкий, с большим выносом карниз, над которым три круглых закомары-кокошника «в перебежку» или же схематическое изображение трехлопастной арки, что вероятнее. Над ней — высокий прямоугольный постамент, несущий барабан главы с двумя окнами, завершенный, однако, не главой, а трапециевидной площадкой. Художник изображал не церковь, а «ковчег завета», почему и заменил луковичу или шлем главы странным «столиком». Однако все остальное скомпоновано в виде храма на высоком цоколе с трифолием в основании барабана, т. е. примерно в виде храма того же типа, какой был известен по таким памятникам XII в., как Спасо-Евфросиниев собор в Полоцке или собор Троицы в Пскове.²⁰ Здесь миниатюрист явно «компилировал» формы непонятого ему «ковчеха завета» из знакомых ему форм архитектуры XII—XIII вв. В Твери это было особенно легко, так как на тверской епископской кафедре в последней четверти XIII в. были полоцкие выходцы — бывший епископ полоцкий Симеон, а затем сын литовского князя Герденя, Андрей.²¹ Через них в Тверь могли попасть и сведения о полоцких архитектурных памятниках.

Можно думать, что древнерусская миниатюра не только, в меру границ условности, «отражала» и «обобщала» явления мира архитектуры и отдельные архитектурные формы. Возможно, что некоторые из них были «измечтаны» живописцем, были плодом декоративного вымысла миниатюриста, его «архитектурной фантазией» и лишь затем были воплощены в реальном зодчестве. Так, Б. А. Рыбаков в своей замечательной рецензии на исследование А. В. Арциховского о древнерусских миниатюрах отметил, что, например, луковичные главы на храмах появляются уже в 1280 г. в миниатюрах Хлудовской псалтыри, а в Онежской псалтыри 1395 г. есть изображение пятиглавого храма со сложными луковичными главами с перехватом острия и дополненной маленькой главкой.²² Автор с полным основанием считает, что эти миниатюры датируют появление луковичных глав в деревянном зодчестве. Можно, однако, говорить и об обратном. Роль «иконников» и живописцев была велика в строительной практике XVII в., когда их руками делались первые «чертежи» и графические «образцы» построек. Но правомерно и предположение П. Н. Максимова, что в разработке композиции собора Спасо-Андроникова монастыря в Москве XV в. принимал участие великий художник Андрей Рублев.²³

3

С тверским же строительством конца XIV—первой половины XV в. связан документ, свидетельствующий об интересе к изображениям и описаниям выдающихся памятников архитектуры. Имею в виду знаменитое послание Епифания Премудрого к тверскому игумену Кириллу о рисунке Софии цареградской, сделанном Феофаном Греком.²⁴ А. Д. Седельников очень правдоподобно предполагает, что Кирилл — схимническое имя игумена тверского кремлевского Афанасиевского монастыря Корнилия.²⁵ По-

²⁰ Н. Н. Воронин. У истоков русского национального зодчества. Ежегодник Института истории искусства АН СССР, М., 1952.

²¹ П. Строев. Списки иерархов... СПб., 1877, стлб. 441.

²² Б. А. Рыбаков. «Окна в исчезнувший мир». Доклады и сообщения Исторического факультета МГУ, в. IV. М., 1946, стр. 50.

²³ П. Н. Максимов. Собор Спасо-Андроникова монастыря в Москве. В кн.: Архитектурные памятники Москвы XV—XVII вв. М., 1947, стр. 32.

²⁴ А. Д. Седельников. Из области литературного общения в начале XV в. (Кирилл тверской и Епифаний московский). ИОРЯС, 1926 (XXI), стр. 159—176; И. Э. Грабарь. Феофан Грек. Казанский музейный вестник, 1922, № 1.

²⁵ А. Д. Седельников. Из области литературного общения... стр. 175.

слание было написано Елифанием около 1413 г. в ответ на запрос Кирилла-Корнилия, который просил напомнить, когда Епифаний показывал ему Феофанов рисунок царьградского храма. Судя по ответу Епифания, весьма пространно описывающего не только деятельность Феофана, но и подробно характеризующего образ Софийского собора, этот запрос был продиктован не праздным припоминанием или, как думал Седельников, интересом Кирилла-Корнилия и Епифания к «полатному письму».²⁶

Вот, что писал Елифаний. Он вспоминает, что Юстиниан соорудил Софию «ротуясь и уподобився премудрому Соломону», и далее делает несколько неожиданное сопоставление Софии с Московским Кремлем: «ея же качество и величество нецыи поведаша яко Московский Кремль внутриградия и округ коло ея и основание и еж обходити округ ея; в нюже аще кто странен внидет и ходити хотя без проводника, без заблуждения не моши ему вон излести, аще и зело мудр быть мнится, множества ради столпотворения и околостолпия, сходов и восходов, преводов и преходов, и различных полат, и церквей, и лествиц, и хранильниц, и гробниц, и многоименитых преград, и предел, и окон, и путей, и дверей, влавов же и излавов и столпов каменных вкупе...». Далее Елифаний мотивирует свой интерес к изображению Софии тем, что «на таковой храм взирая, аки во Цареграде стояще мним». Весь приведенный текст передает не впечатление от рисунка Феофана, но представление выдающегося русского писателя о прославленном константинопольском храме, «качество и величество» которого ассоциировались у его современников с архитектурным ансамблем Московского Кремля. Рассказ Епифания и передает не столько образ Софии, сколько живописный ансамбль московской крепости, в белокаменных стенах которой сочетались в сложное целое храмы и хоромы с их переходами и лестницами. Сопоставление с Софией показывает, что Московский Кремль приравнялся к крупнейшей святыне Царьграда, которая в свою очередь соревновалась с храмом Соломона. Подробность же архитектурной характеристики свидетельствует о том, что запрос Кирилла-Корнилия был именно об этом; на него и ответил с большой обстоятельностью в своем послании Епифаний.

Можно с большой вероятностью определить причины интереса Кирилла-Корнилия к архитектурной теме. В это время, при князе Иване Михайловиче, ведется значительное строительство в тверском кремле: сооружается упомянутая выше ярусная церковь Ивана Милостивого, находящая себе «образец» в миниатюре «тверского» Амартола, рубится огромный столп звонницы при Спасском соборе, становящийся центральной осью кремлевского ансамбля (рис. 1). Весьма вероятно, что круг построек этого времени в кремле был шире, — деятельность князя Ивана Михайловича с 1413 по 1421 г. не отражена в летописи.²⁷ Позднее, при князе Борисе Александровиче, здесь вырастут при княжеском дворце новые белокаменные храмы Бориса и Глеба и Михаила-архангела. Весьма вероятно, что именно это кремлевское строительство и вызвало в Твери интерес к выдающимся сооружениям древности, а также и к крупнейшему ансамблю XIV—XV вв. на Руси — Московскому Кремлю, с которым соперничал кремль Твери.

Здесь нельзя не вспомнить еще раз²⁸ о том, что не только архитекторы использовали литературные сведения о строительстве прошлого, но и

²⁶ А. Д. Седельников. Из области литературного общения... стр. 170.

²⁷ А. В. Экземплярский. Великие и удельные князья Северной Руси... т. II. СПб., 1891, стр. 503.

²⁸ Я писал об излагаемом ниже сюжете в своей статье «Архитектурный памятник как исторический источник» (стр. 54).

писатели проявляли большой интерес к зодчеству и были тонкими ценителями строительного искусства. Тот же Елифаній Премудрый, получив от Кирилла-Корнилия заказ составить житие князя Михаила Александровича Тверского, отказался от этого труда, так как не знал князя и не мог написать его биографию. Свой отказ Елифаній изложил в образной форме: «Егда единою видевыйи пришеу великаго града [изрядно] стояние, что убо хоцеть рещи о нем? Не токмо в себе видению дивится, [но] и ко иным глаголет: „видех убо аз преславное граду видение, о нем же по части несть ми съглаголати, преудивиша бо ми ся мудрая основания твердости и крепости стен, и утверждение врат, и сведение столп, и полат украшение; разум же не прииде [ми] ни ко единому ухищрению, да тем не могу иным исповедати, ибо сам аз не насладихся тоя неизреченныя красоты“». ²⁹ Елифаній сравнивает себя с человеком, который, впервые увидев прекрасно расположенный город, удивился его отдельным внешним и частным чертам — мощи его укреплений и украшению зданий; но эти первые впечатления («по части») еще не сложились в целостное, обобщенное представление («единое ухищрение») об ансамбле города, так как он еще недостаточно напитался впечатлениями от его красоты. Этот замечательный фрагмент из литературного наследия Елифанія свидетельствует о том, как тонко и глубоко понимали архитектуру передовые люди того времени и какой интерес вызывала она у современников.

4

С временем князя Бориса Александровича Тверского связан еще один литературный памятник, проливающий свет на интересующую нас тему, — это составленное около 1453 г. «Смирненного инока Фомы Слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче». ³⁰

В третьей части «Слова» автор характеризует обширную строительную деятельность князя Бориса по сооружению крепостей и храмов: «Кто ли его исповедати может строения, но смышляет грады и строит монастыри, и делает веси, но всяко художество и хитрость управляет, но еще же чрес пределы и книгами горазд...». ³¹ Указание на книжные интересы князя Бориса и его «мудрость» в данном случае имеет не общий характер оценки «просвещенности» героя «Слова», но связано с его строительной деятельностью. О книжных интересах князя Бориса вообще инок Фома говорит еще раз особо, что он «повсюду събирая святыя книги и поучашася ими еже ко спасению». ³² Выше мы видели, что построенная князем Борисом церковь в Городне позволяет довольно определенно думать об обращении князя и зодчих к тверской рукописи Амартола и использовании в качестве «образца» миниатюры, изображавшей модель Соломонова храма.

Сам автор «Слова» обнаруживает большой интерес к архитектуре и высказывает весьма серьезные общие суждения «теоретического» порядка. Так, оценивая строительную деятельность князя Бориса, Фома сопоставляет ее со строительством других властителей, обращая за примерами к истории. «И нареку его (Бориса, — Н. В.) премудраго Лва и иже столпы красны несказанны созидаа, великий князь Борис Александрович той не столпы бо созидаа, но великий ограды съоружая в них церкви божи поставляя и събирая преподобны мнехи...

²⁹ А. Д. Седельников. Из области литературного общения... стр. 160, прим. 1.

³⁰ Н. П. Лихачев. Инока Фомы Слово похвальное... СПб., 1909.

³¹ Н. П. Лихачев. Инока Фомы Слово похвальное... стр. 20.

³² Н. П. Лихачев. Инока Фомы Слово похвальное... стр. 12.

Но мнит ми ся, — резюмирует Фома, — и Лва премудрие великий князь Борис Александрович и о чем бо столпы ставя, и никий же успех человеком, но токмо на видение, а великий князь Борис Александрович многы церкви поставе и иже просвещают всякого человека грядущаго в мир...». ³³ Трудно сказать, почему в сознании инока Фомы строительство «красных столпов», т. е., вероятно, колонн в Константинополе, связалось с именем византийского императора Льва-философа («премудраго Лва»). Суть не в этом, а в том, что Фома знает о таких сооружениях, не имеющих, с его точки зрения, никакого практического значения, и он осудительно отзывается о них: «о чем бо столпы ставя — и никий же успех человеком, но токмо на видение!». Другое дело — князь Борис: он строит монастыри, собирая в них «мнихов», и многие церкви, которые служат «просвещению» людей. Можно с осторожностью предполагать, что Фома стоит за поместительные крестовокупольные храмы и не одобряет постройку деревянных (а может быть, и каменных) столпообразных малопоместительных храмов, к которым вел процесс развития русской архитектуры XV в.

Далее, ссылаясь на Иоанна Златоуста, Фома различает три вида «хитрости». «Созидательная хитрость» — это строительство храмов («еже церкви божины многы създаша»). «Зижительная» — это военно-инженерное строительство, создание новых и восстановление старых крепостей («преже запустевшиа грады создаше»). Наконец, «деятельная хитрость» — это хозяйственное строительство («еже села и веси добре строяше»), это, собственно, не строительная, но хозяйственная деятельность вообще. ³⁴

Все эти особенности «Слова» инока Фомы отражают несомненно не его личные интересы и склонности, но практический интерес тверских князей и их зодчих к архитектурным памятникам прошлого, сведения о которых они могли почерпнуть лишь из литературы, из книг.

Все изложенные наблюдения и сопоставления позволяют с большим основанием предполагать, что в практике древнерусского строительства было довольно обычным обращение к литературе в поисках сведений о древних памятниках зодчества. Содержавшиеся в литературных произведениях описания или миниатюры служили строителям и зодчим материалом, расширявшим их кругозор и дававшим дополнительный толчок их творческой мысли. В свою очередь писатели внимательно следили за работой зодчих, не раз пользуясь в своих произведениях архитектурными образами. Так, псковский летописец, описывая ранний ледостав 1479 г. на реке Великой, сравнил остроугольные нагромождения льдин с ломким силуэтом хором: «лед стал наборзе, не ровен, как хоромы». ³⁵ Два столетия позже великий русский реалист XVII в. протопоп Аввакум, пораженный суровым скалистым пейзажем берегов «Байкалова моря», сравнивал его с архитектурой: «около его горы высокие, утесы каменны и зело высоки... Наверху их полатки и повалуши, врата и столпы, ограда каменныя и дворы — все богоделанно». ³⁶ Естественный «бого-

³³ Н. П. Лихачев. Инок Фомы Слово похвальное... стр. 11—12.

³⁴ Н. П. Лихачев. Инок Фомы Слово похвальное... стр. 27.

³⁵ Псковские летописи, в. II. М., 1955, стр. 218; в варианте еще выразительнее: «в третий ряд стала река и сварачало лед кринь емь великим акы хоромы» (там же, стр. 58) Если понимать термин «криньем» как разновидность слова «крин» — лилия, цветок, то в этом варианте текста можно видеть указание на какие-то криволинейные формы в хоромном деревянном строении, может быть, типа «бочки».

³⁶ Житие протопопа Аввакума. М., 1934, стр. 110—117. Интересно, что почти такими же словами двумя столетиями позже описывал горный ландшафт Южной Африки И. А. Гончаров: «... видишь точно целый город с обрушившимися от какого-

деланный» зубчатый силуэт байкальских скал вызвал в воображении Аввакума ассоциации со сложным и живописным силуэтом русского города, монастыря или богатой усадьбы. Литература и зодчество древней Руси развивались в живом творческом взаимодействии. Если бы до нас дошли не случайно уцелевшие от пожаров и вражеских разорений архитектурные памятники и рукописи, а все их богатство и разнообразие, мы могли бы говорить об этом взаимодействии более твердо и подробно.

нибудь страшного переворота башнями, столбами и основаниями зданий... Далее и далее все стены гор и все разбросанные на них громадные обломки, похожие на монастыри, на исполинские надгробные памятники, точно следы страшного опустошения» (И. А. Гончаров. Фрегат Паллада. М., 1949, стр. 219).

В. И. АНТОНОВА

Московская икона начала XIV в. из Киева и „Повесть о Николѣ Зарайском“

Широкое распространение, высокий патриотический смысл и большая художественность «Повести о Николѣ Зарайском» привлекли к ней внимание советских историков древнерусской литературы. Исследованные В. Л. Комаровичем и Д. С. Лихачевым многочисленные списки «Повести» дали некоторые основания для установления раннего, относимого предположительно к первой половине XIV в., возникновения воинских частей ее, а также восходящего к глубокой древности происхождения сказания о перенесении иконы Николы из Корсуни в Рязанскую землю, открывающего «Повесть». Но окончательную обработку она получает в первой половине XVI в., в то время, когда корсунское зерно «Повести» могло вызвать живой интерес, отвечающий желанию связать Русь со всемирной историей, так ярко проявившемуся в особенно популярном в это время «Сказании о князьях Владимирских».

Исследование дошедших до нашего времени икон Николы Зарайского, выполненное в связи с обнаружением в фондах Государственной Третьяковской галереи (ГТГ) памятника начала XIV в. с сопутствующей ему, прослеживаемой исторически легендой, привело к выводам, проливающим новый свет на состав «Повести» и природу ее длительной и разнообразной литературной жизни.

* *
 *

В 1947 г., во время работы над академическим каталогом собрания древнерусской живописи, в ГТГ привлек к себе внимание сильно разрушенный и записанный маслом в XVIII в. памятник (№ 21440), изображающий Николу Зарайского в житии на 14 клеймах, поступивший в 1933 г. из церкви Успения на Остоженке. На поземе, по обем сторонам фигуры Николы сохранились поновленные позднейшие надписи. Справа восемь крупных строчек киноварью с надстрочными знаками: «Млтию Бжію и прчтыя бцы || и поспѣшеством стго ивелико || чудотворца Николы подѣла || бысть икона сія влѣто \neq з лк [1524] июня || желаніем и замышленіем || Ивана тжковласна Кожухова, || а прежнему ел написанію || при нас памятухов не было». Слева — десять более мелких белильных строчек: «Млтию бжію і прчтыі тл || бцы и поспѣшеством великого чудо || творца Николы подѣлана бысть ікона си в лѣто \neq з р ѣ д [1656] году июня кв. . . || . . . желаніем і замышленіем а прежнему ел написанію при нас памятухов не было. || В лѣто \neq з р ч ѓ [1691] мца июня в. . . || подѣлана по обѣщанію. . .».

Редко встречающиеся подобные записи о поновлениях в 1524, 1656 и 1691 гг. свидетельствуют о том, что этот памятник считался ценным еще

в начале XVI в., вероятно, в связи с обострением интереса к «Повести о Николе Зарайском». Последнее поновление 1691 г. производилось одновременно с построением в этом году каменной церкви вместо первоначальной деревянной (см. ниже).

Липовая из двух частей доска памятника размером $117 \times 78 \times 2$ насквозь источена шашелом. Края иконы, в особенности нижнее поле, выкрошилось, вследствие чего еще в XVIII в. по верхнему торцу была наложена скрепляющая планка. На обороте уцелели поздние, врезные, сквозные, односторонние шпонки; несколько ниже верхней шпонки заметны следы деревянных гвоздей, прикреплявших к доске древнюю накладную шпонку, ныне утраченную.

Древний вид иконы останавливал и ранее внимание ценителей старины. Впервые описавший ее в 1874 г. Н. П. Розанов¹ относит памятник старины к XVI в.

Однако структура доски, пропорции ее, а также характер композиции средника и клейм под записью заставил предположить живопись XIV в., что подтвердилось пробами.

В 1940 г. я записала, со слов Дмитрия Николаевича Квашнина-Самарина, умершего 19 декабря 1943 г., семейную легенду об этой иконе.²

Квашнины-Самарины ведут свое происхождение от киевского боярина Родивона Нестеровича, переселившегося при Иване Калите со своим родом в Москву. Он основал среди отведенного ему двора, в урочище, получившем название по имени заселивших его киевлян «Киевцы», церковь во имя Николы. Храмовой иконой церкви Николы в Киевце стала привезенная Родивоном Нестеровичем с собой из Киева икона Николы с житием. По легенде, отец боярина Родивона, Нестор, имел второе имя Николая. До упразднения церкви в XVIII в. Квашнины-Самарины были ее ктиторами. Впоследствии икона была передана в церковь Успения на Остоженке, где находилась до 1933 г.

Обнаружение в собрании древнерусской живописи ГТГ московского памятника XIV в., с которым связана легенда, выводящая его происхождение из Киева, заставило проверить связь этой легенды с историческими событиями.

В Родословной середины XVI в., хранившейся в Архиве министерства иностранных дел,³ говорится: «Из Киева пришел Родион Нестерович; а у Родиона сын Иван Квашня; а у Ивана были 3 сына: Дмитрий, Василий да Василий же Туша, от тех трех братьев пошел Квашнин род».

В челобитной 1576 г., поданной Квашниным Ивану Васильевичу Грозному на Бутурлиных по вопросам местничества, рассказывается история рода Квашниных, ведущих свое происхождение от киевского боярина Родиона Нестеровича, еще в 1304 г. переехавшего в Москву по зову Ивана Калиты (родился в середине 80-х годов XIII в., умер в 1341 г.).⁴

¹ Описание древней иконы (XVI в.) Николая чудотворца в церкви Успения на Остоженке в Москве. Древности, Труды Московского археологического общества, т. IV, выпуск второй. М., 1874, стр. 67—68.

² Сведения о родословной Квашниных-Самариных находятся также в их семейном архиве, хранящемся в архивном фонде Отдела рукописей ВБЛ (см.: Краткий указатель архивных фондов Отдела рукописей. Изд. ВБЛ, М., 1948, стр. 89—90).

³ ВОИДР, книга X. М., 1851, стр. 259, гл. 29.

⁴ Собрание рукописей Г. Ф. Миллера, древнейшие дипломатические известия, № 13, Архив Иностранной коллегии (теперь ЦГАДА). См. также: Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. IV. СПб., 1819, стр. 242—243 и 189—191, прим. 324.

Подвиги Родиона Нестеровича в борьбе с противниками Ивана Калиты описываются также в Архивской Ростовской летописи на лл. 310 и 312.⁵

Церковь Николы в Киевце в Москве действительно существовала до 1773 г. на берегу Москвы-реки, в районе нынешнего Хилкова (2-го Ушаковского) переулка на Метростроевской (Остоженке). Она стояла в 10 аршинах от воды, в том урочище Москвы, где по воде и по берегу проходила древняя дорога, связывающая Ростов, Владимир и Москву со Смоленском и Киевом.⁶

По мнению М. И. Александровского, в этой местности жили переселенцы из Киева, давшие ей свое имя.⁷

Церковь Николы в Киевце поименована в ряде источников XVII и XVIII вв. В строельной книге 1657 г. значится «церковь деревянная Николы Чудотворца, что в Киевце, у Москвы-реки, на берегу». Она упоминается также в ружных книгах 1677 и 1681 гг. Каменная церковь, вместо деревянной, построена в 1691 г. Под прошением в Синод о разрешении устройства нового придела преподобного Сергия в этой церкви первым подписался стольник Семен Михайлович Самарин, что подтверждает ктиторовство Квашниных-Самариных, о котором рассказывается в семейной легенде. В 1772 г. церковь была упразднена, утварь (в том числе и икона ГТГ № 21440) отдана в соседнюю церковь Успения на Остоженке, а остальное — в устроенные тогда кладбищенские церкви: Дорогомилловскую, Миусскую и Ваганьковскую. В 1773 г. церковь Николы в Киевце была разобрана, и материал ее пошел на сооружение ограды Зачатьевского монастыря.⁸

Историческая достоверность легенды побудила произвести раскрытие иконы, выполненное ученым-реставратором И. А. Барановым в Реставрационной мастерской ГТГ в 1948 г.

Расчистка иконы из церкви Николы в Киевце была очень сложной и трудной работой даже для такого искусного мастера, каким является И. А. Баранов. Древесина памятника оказалась совершенно изъеденной шашелом, но лицевая поверхность доски уцелела благодаря плотному слою живописи, большая часть которой лежит на паволоке. В процессе реставрации выяснилось, что фигура Николы, в отличие от полей, написана без паволоки, прямо по тонкой левкасной подготовке, лежащей непосредственно на дереве. Первоначальный белый фон уцелел в виде фрагментов на некоторых клеймах (приведении во учение, явления царю Константину, преставлении и перенесении мощей). В XVI в. на среднике и полях был наложен новый левкас, покрытый золотом. Путем разреживания его достигнут светлый тон первоначального фона. Лицо Николы, неоднократно поновленное, особенно сильно переписанное в XVIII в., не сохранилось. Вокруг незначительных фрагментов XVI в. разрежены и оставлены более поздние записи. Форма головы и контур ее — древние. При расчистке не-

⁵ Архивская Ростовская летопись, или Архивский список начала XVIII в. бывшего Московского архива Министерства иностранных дел, является самостоятельной Ростовской летописью, содержащей свод 1479 г., явившийся также источником Воскресенской летописи (см.: Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М., 1947, стр. 473).

⁶ М. И. Александровский. Исторический указатель древних архитектурных сооружений в г. Москве, прежде бывших и ныне существующих, вып. I. М., 1927, рукопись, хранившаяся в Институте теории и истории архитектуры Всесоюзной академии архитектуры, № 123, стр. 157; древняя Смоленская дорога (она же вела на Киев) до XVI в. шла вдоль южной стены Новодевичьего монастыря через Хамовники по Остоженке. См также: П. В. Сытин. Из истории московских улиц. М., 1948, стр. 168.

⁷ М. И. Александровский. Исторический указатель..., вып. I, рукопись, № 11, стр. 20; П. В. Сытин. Прошлое Москвы. М., 1948, стр. 22.

⁸ М. И. Александровский. Исторический указатель..., вып. I, рукопись, № 11, стр. 20.

сохранившихся крестов омофора использована запись XVII в. Надписи на поземе промыты и оставлены в таком виде, в каком они дошли до нашего времени. Храня ценные для истории памятника сведения, они вместе с тем выделяются тяжелым темным пятном, нарушая колористическое решение его. Древний позем был, вероятно, того же темно-зеленого тона, как позем в клеймах.

Несмотря на сильную степень разрушения памятника, правильно и искусно примененные методы реставрации, выработавшиеся за тридцать лет практики, помогли не только раскрыть, но и восстановить древний вид его.

Раскрывшееся произведение живописи конца XIII—начала XIV в. представляет собой изображение Николы Зарайского,⁹ окруженное сценами жития в четырнадцать клеймах. Средник написан в глубоком ковчеге, клейма на полях, как рама, окружают его. Впечатлению торжественности темы Николы-епископа, обращающегося к народу, способствует осанка фигуры, а также композиция, оставляющая большое пространство ничем не заполненного белого фона. На нем четко выступает фигура Николы, величаво распростершего руки. Они касаются лузги: благодаря этому приему, делающему фигуру Николы исполинской по сравнению с клеймами, Николе тесно в просторном среднике, что увеличивает монументальность образа. Следуя еще античной традиции, Никола опирается на левую ногу, выдвинув несколько вперед правую, чтобы уравновесить тяжелое евангелие с красным обрезом и охряной, усеянной жемчугом и самоцветами крышкой, стоящее на кораллово-красном платке в левой руке. Евангелие, как и другие знаки его архиерейского служения: расшитые драгоценными камнями эпитрахиль, палица и белый с темными крестами омофор, выделены художником посредством цвета. Они четко вырисовываются на плавно ниспадающих складках бледно-зеленой фелони и розоватой исподней одежды.

Клейма, обрамляющие средник, исполнены прозрачными, неяркими красками: светло-зеленой, кораллово-красной, красно-коричневой, бледно-желтой, розовой. Разделенные широкими кораллово-красными полосами, они образуют начиная с левого верхнего угла связный рассказ о легендарной жизни Николы, обходящий по кругу его изображение. На них представлены: 1) рождение Николы, 2) приведение во учение, 3) поставление в диаконы, 4) поставление в иереи, 5) поставление в епископы, 6) явление царю Константину, 7) избавление Дмитрия со дна моря, 8) избавление трех мужей от казни, 9) изгнание бесов, 10) возвращение Агрикова сына, 11) преставление, 12) перенесение мощей, 13) спасение киевского отрочати, 14) избавление патриарха от потопления. Сказочные события жизни Николы, заканчивающиеся смертью — «преставлением» (угловое клеймо слева внизу), продолжены на левом боковом поле посмертными чудесами, удостоверяющими его святость. Среди них — два эпизода, связанных с Киевом. Как известно, перенесение мощей, отмечаемое лишь греко-восточной церковью, было впервые признано русским праздником в Киеве.¹⁰

⁹ Вследствие увлечения сначала византизмом (с середины XIX в.), а затем формалистическим и мистическим толкованиями икон были забыты русские названия их. Так, благословляющий или учащий Никола в рост с евангелием в левой руке назывался в русской иконографии Зарайским. См., например, икону конца XVI в. в ГИМе (№ 53918, И. VIII. 527, разм. 25 × 22), происходящую из Оружейной палаты в Кремле; на ней представлен Никола в описанной выше композиции: на верхнем поле надпись «Николае Зарайски».

¹⁰ Е. Голубинский. История русской церкви, т. I, первая половина. М., 1901, стр. 773—776; В. Leib. Rome, Kiev et Byzance a la fin du XI-e siècle. Paris, 1924, стр. 51—74.

Таким же киевским легендарным событием является спасение из вод Днепра «утопшего отрочати», очутившегося невредимым на запертых снаружи полатах киевской Софии, под иконой Николы Доброго. Наконец, последнее «посмертное чудо» Николы было особенно любимо на Руси и вошло позже в энциклопедический свод русского средневекового эпоса — Макарьевские Четыри-Минеи. В нем исключенный константинопольским патриархом за незнатное происхождение из числа святых «смердович» Никола чудесным образом спасает патриарха во время бури на Средиземном море, иронически произносит: «ци смердович скор в помощех». Вместе с соответствующим ему на правом поле «поставлением в епископы» эти клейма, занимающие в иконе особенно важное место (они помещены на уровне головы Николы), посвящены прославлению роли епископа, апофеозом которой является средник. Форма клейм, широких на верхнем и нижнем полях и удлинённых на боковых, соответствует пропорциям средника. Композиция их, просторных и немногочисленных, созвучна эпической величавости средника. Подобно припеву в народной поэзии, характеристика персонажей повторяется. Таковы одинаковые движения монаха на первом и втором клеймах, епископа — на четвертом и пятом, Николы — на шестом и четырнадцатом. Позы и жесты фигур, выступающих среди подобия кулис, образуемых зданиями и скалами, торжественны и медлительны. Они гармонически дополняют колористическое решение памятника. В нем еще сильно чувствуется иссякавшее в то время искусство Киевской Руси.

Что же значил в представлении людей древней Руси этот образ? По видимому, еще в первой половине XIV в. подобная икона Николы делается героиней «Повести о Николе Зарайском».¹¹ «Повесть» начинается в легендарной Корсуни, в том идеализированном месте, куда относили все необычайное, отдавая дань еще живому в то время традиционному восхищению культурой Византии.¹²

Предположить, что Корсунь имела реальное историческое значение, трудно: в краткой и, вероятно, древней редакции святцев, а также проложной редакции, опубликованных Д. С. Лихачевым, о Корсуни говорится в самой общей форме. Возможно, что корсунский эпизод был подробно разработан именно в первой половине XVI в., в соответствии с общими тенденциями повестей этого времени. Однако для решения корсунского вопроса необходимо было бы сопоставить памятники Херсонеса конца XII—начала XIII в. с широко популяризировавшимися «корсунскими святынями» Руси. Раскрытие и изучение «корсунских» памятников Владимира, Москвы и Новгорода не обнаруживает между ними тесного стили-

¹¹ А. С. Орлов. Героические темы древней русской литературы. М., 1945, стр. 107—111; В. Л. Комарович. К литературной истории повести о Николе Зарайском. ТОДРА, т. V, М., 1947, стр. 57—74; Д. С. Лихачев. Повесть о Николе Зарайском (тексты). ТОДРА, т. VII, М.—Л., 1949, стр. 257—405.

¹² И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности, вып. V, 1897, стр. 27 («корсунское было почти равнозначно архаическому»); А. Соболевский. Два слова о корсунских предметах. Труды Новгородского церковно-археологического общества, т. I, Новгород, 1914, стр. 59—66; М. Н. Сперанский. Корсунское чудо Кузьмы и Демьяна. — ИОРЯС, 1928, т. 1, стр. 362—375; Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси, М., 1948, стр. 762. В XIII в. и позже корсунскими чаще всего назывались памятники, имеющие отношение к киевской художественной культуре. Интерес к корсунским предметам Н. П. Кондаков связывает со сказаниями, стремящимися соединить историю Московского государства со всемирной историей, особенно популярными в первой половине XVI в. (см.: Н. П. Кондаков. Русская икона, III, 1. Прага, 1931, стр. 178). Н. И. Петров, с другой точки зрения, также связывает Зарайскую икону с Киевом (см.: Сказание о перенесении образа св. Николая Зарайского из Корсуни через Ригу в Зарайск в 1224—1225 гг. Труды X Археологического съезда в Риге, 1896, т. I, стр. 220—228).

стического и хронологического родства, позволяющего связывать их с небольшим греческим городом.¹³

В Корсуни, подобной сказочному «тридевятому царству, тридесятому государству», Никола Корсунский, икона которого красовалась в церкви на площади города, изъявляет иерею Евстафию желание идти в Рязанскую землю. После устрашающих видений поп с попадѣй сопровождают икону в эту неведомую землю через Кесь (Венден) и Новгород, где они живут продолжительное время. В Рязанской земле князь Феодор, взволнованный пророчествами о будущей печальной судьбе, которая постигнет его и семью, с почетом ставит икону в построенную для нее церковь. Предсказание сбывается, князь гибнет в орде, а жена, спасаясь от посягательства татар, «заразилась» — разбилась, бросившись вместе с сыном с высокого терема на землю.

В память этого события город стал называться Заразск (Зарайск), а икона — Николою Зарайским. Повесть служила распространенному в то время стремлению содействовать обрусению византийских образов. В ней знаменитый малоазиатский святой делается участником русских дел и событий, а образ византийского епископа¹⁴ — героем народно-эпических представлений.

Икона Николы Зарайского, доньяне находящаяся в Никольском Зарайском соборе, согласно легенде появившаяся там в 1225 г., по-видимому, в XVI в. была целиком переписана или заменена.¹⁵ От этого времени сохранились связанные с нею исторические данные. В 1513 г. «ради татарского нахождения» икона была перенесена в Коломну, в построенную для нее в кремле церковь Николы Зарайского, где находилась «некое время».¹⁶ Вероятно, именно тогда погиб подлинник XIII в. Однако еще в XV в. культ Николы Зарайского распространился в Москве. Уже в 1471 г.,¹⁷ в связи с торжественной встречей Ивана III с войском после похода на Новгород, упоминается церковь Николы Зарайского, что у старого Каменного моста (на Троицкой площадке, против Кутафы), просуществовавшая до 1838 г.

В 1533 г. Василий III, а в 1566 г. Иван Грозный с царевичем Иваном приезжали в Зарайск на поклонение Николу. В 1608 г. Василий Иванович Шуйский делает драгоценный вклад на эту икону, а в 1610 г. дает к ней вклад в виде золотой привесной цаты с надписью: «лѣта 7118 генваря в 27 день, государь царь и великий князь Василий Иоаннович всея Руси приложил к чудотворному образу великого чудотворца Николы Зарайского, как бог освободи град его от воровских людей, его чудотворцевою молитвою и доби́ли челом государю».

Эти уборы Зарайского памятника связаны с историческими событиями. В 1608 г. Зарайск, в противоположность Коломне, остался верен Василию

¹³ Вопросу о корсунских памятниках в древнерусском искусстве я предполагаю посвящать особую работу.

¹⁴ G. Schlumberger. Sigillographie de l'empire Byzantin. Paris, MDCCCLXXXIV, стр. 19.

¹⁵ Зарайский Николаевский собор. Рязань, 1878; Образ... Николая Зарайского. Рязань, 1860; 2-е изд., 1892; И. Добролюбов. Сказание о перенесении образа св. Николая из Корсуни в Зарайск в 1225 г. М., 1891; Никола Зарайский. Вестник археологии и истории, издаваемый СПб., археологическим институтом, 1885, вып. 2, приложение.

¹⁶ В. Л. Комарович. К литературной истории повести о Николу Зарайском, стр. 65. Д. С. Лихачев приводит в публикуемых им текстах два «коломенских эпизода»: по первому, подлинник остается навсегда в Коломне, по второму — переходит обратно в Зарайск, а в Коломне остается копия (см.: ТОДРА, т. VII, стр. 346—349). Наличие двух версий подтверждает наше предположение об утрате первоначального памятника.

¹⁷ Никоновская летопись под 1471 г.; М. И. Александровский. Исторический указатель... рукопись, № 65, стр. 83.

Ивановичу Шуйскому и под влиянием Дмитрия Михайловича Пожарского, бывшего в то время зарайским воеводой, отверг «Тушинского вора». «Стойкость» Зарайска подействовала на «шатость» Коломны, принявшей тушинцев, и «град Коломна опять обратится». Царской благодарностью Николе — защитнику государственности явился оклад 1608 г. В память сопротивления Д. М. Пожарского калужскому вору в 1610 г. сделана описанная выше цапа. Тогда же обложены серебром поля, где помещены девять серебряных гравированных дробниц. На них представлены Нерукотворный спас (в центре) вверху, а также Василий Великий, Дмитрий Прилуцкий и великомученик Дмитрий, соименные Шуйскому, Пожарскому и Зарайскому иерею Дмитрию, помощнику его. Особое место отведено новому покровителю династии, угличскому царевичу Дмитрию.

По-видимому, в соответствии со средневековыми представлениями, Зарайская икона с изображением Николы-епископа в позе оранта считалась защитницей от нашествия иноземных захватчиков, а также от междоусобиц. Это представление явилось наследием эпохи феодальной раздробленности и борьбы с татарским игом, когда церковь, в лице своих епископов участвуя в общенародном сопротивлении, противопоставляла единую «землю русскую, веру христианскую злomu игу татарскому, поганому, бусурманскому».¹⁸ Именно этой особенностью культа Николы Зарайского можно объяснить соединение в повести церковной легенды с воинскими повестями, рассказывающими о мужественной борьбе русских с татарами.

Еще В. О. Ключевский обратил внимание на не книжное, народное житие Николы, известное по спискам XV—XVI вв., но, возможно, возникшее ранее.¹⁹ В нем наряду с усилением фантастических черт легенды обращается особое внимание на роль епископа — «святителя» в общественных и государственных делах.

Особенно интересной является вставка об участии Николы в заседаниях Никейского собора, не встречающаяся в литературных житиях: сообщив легендарные подробности об утверждении низложенного после столкновения с Арием Николы в святительском сане самим Христом, давшим ему евангелие, и Богоматерью, вручившей омофор,²⁰ автор «Слова Николы» обращается к читателям: «Видите ли, братие, и примем в разум, как святителю не велят рукою дръзку быти, виноватого не велено своею рукою бити, а кто виноватее окаянного Ария! Св. же Николае за едино ударение святительского сана хотел отстати своего...». Смелость епископа-борца, рисковавшего своим саном для защиты правого дела, была так популярна в народе, что еще в XIX в. калики перехожие пели:

Ты бо на соборе
Ария побори.

¹⁸ Эти соображения подтверждаются историей возникновения почитания Николы Можайского, известного с 1303 г. Несомненно связь этой деревянной скульптуры XIV в. (ныне в ГТГ) с более древним образом Николы Зарайского. См., например, икону Николы Можайского середины XV в. в ГТГ (№ 17295).

¹⁹ Слово иже во святых отца нашего Николы, о житии его и о хождении его, и о погребении. В кн.: В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 453—459.

²⁰ Изображения Спаса и Богоматери по сторонам головы Николы восходят, по-видимому, еще к киевской традиции. См. эти изображения на иконе Николы из Липны 1294 г. (Новгородский музей. Никола Липный — древнейшая копия прославленного в Киевской Софии образа Николы Мокрого; см. сказание об обретении иконы Николы в 1108—1113 г. Новгородской летописи), а также на псковской иконе начала XIV в. Николы от Кожы (ГТГ, № 28720). На первоначальной Зарайской иконе 1225 г., судя по нынешнему ее виду XVI в., были изображены Спас и Богоматерь. На Зарайской иконе XIV в. во Владимире, в Успенском соборе, также представлены Спас с евангелием и Богоматерь с омофором.

Матерь Христа бога
 Пред всеми прослави,
 Николае пречудный.²¹

Далее, в этом же народном сказании, Никола перед смертью испрашивает для церквей его имени власть спасать от «сильных мучительств» и обеспечивать «пищу райскую».

Оканчивая рассказ о жизни Николы, автор «Слова» заключает: «А кто, братие, мало тому имет верити, что о сем истина есть писана, а кого бес научил и сам безумен будет, не имай ума своего крепка, и он тое помыслит, колико есть чудес св. Николы: где ни приходит, кто его призывает с верою и помолится ему, неленива его помощь и борз к милости, тепл на заступление, в латыньских землях телом лежит, а на небеси святаа его душа, а в нас, в Руси милосердие его и чудеса неизреченна... Рустии сынове и дщери, помолимся св. чудотворцу Николе... чтобы нас, грешных православных христиан, избавил онаго поганых насилия и онаго закона, и освяти церкви христианския и утверди их непорушны до скончания века, и нам ты подай твердый разум во едином крещении стояти до окончания века нашего...».

Средневековая идеология заставляла видеть в Николе воплощение идеала епископа-защитника. Его почитание, облеченное в эпические образы и представления, получило широкое распространение. Пословицы отразили обилие икон Николы и церквей, ему посвященных: «нет икон, как Никол», говорили еще в XIX в. На севере расстояние измерялось по николевскому церквям: «от Холмогор до Колы — тридцать три Николы».²²

В 1909 г. А. С. Орлов доказал, что народное, некнижное житие Николы переведено в Киевской Руси с греческого оригинала.²³ Особое внимание к роли епископа, проявившееся в этом житии, имеет, по-видимому, то же «корсунское», т. е. киевское, происхождение, что и прототип иконы этого названия (о «Повести о Николе Зарайском»). Широко распространенное в Византии изображение Николы-епископа, обращающегося к народу с евангелием в руке,²⁴ получает и в «Повести о Николе Зарайском», и в «Слове о Николе» русское осмысление, придающее далекому образу греческого иерарха черты народного идеала защитника Русской земли.

Памятники подтверждают исторические сведения об иконе Николы Зарайского.

Кроме изначальной Зарайской иконы 1225 г., по-видимому, утраченной в начале XVI в., и публикуемой новой московской иконы, изображения Николы этого типа были широко распространены на Руси уже на рубеже XIII и XIV вв. Иконы этого времени подтверждают мнение Д. С. Лихачева о возникновении «Повести о Николе Зарайском» в первой половине XIV в.²⁵

²¹ П. Безсонов. Калики переходные, вып. III. СПб., 1862, стр. 749. Возможно, что прославление этого действия Николы берет свое начало из памятника XIII в. — «Слова в неделю седьмую о зборе св. отец на Арья еретика», приписываемого ростовскому епископу Кириллу II (см. ЖМНП, 1854, № 12, где это «Слово» издано).

²² Н. П. Калинин. Церковно-народный месяцеслов на Руси. Записки Императорского географического общества по отделению этнографии, СПб., 1877, XII, стр. 68—72.

²³ А. С. Орлов. Русское «некнижное» житие Николы чудотворца. Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому. М., 1909, стр. 347—358.

²⁴ Шлюмбергер (G. Slumberger. Sigillographie de l'empire Byzantin, стр. 11, прим. 1) отмечает, что на византийских печатях изображение Николы-епископа (в рост с благословляющей рукой, с евангелием в левой) встречается почти так же часто, как и изображение Богоматери.

²⁵ ТОДРА, т. VII, стр. 258.

В 1930 г. в ГТГ поступил из ГИМа, из собрания А. В. Морозова, памятник, изображающий Николу Зарайского с житием на 14 клеймах.²⁶ По передаче движения и трактовке крестов фелони фигура средника на красном фоне приближается к миниатюре XIII в. Казанского служебника, изображающей Иоанна Златоуста. Об этой ранней дате говорят также рисунок скал в клеймах, написанных на белом фоне, разделение их полосами, украшенными белыми точками в виде жемчужин, а также палеография памятника.²⁷ Можно предположить, что икона была написана где-то в обширных пределах Ростово-Суздальской Руси.

Из этой же области, из погоста Большие Соли близ Костромы, исходит Никола Зарайский с житием на 20 клеймах. Эта икона XIII—XIV вв., принадлежавшая Ярославскому музею, была раскрыта в Государственном Русском музее (ГРМ), где находится и теперь.²⁸ Фоны ее средника и полей — белые, одежды Николы — голубого и розового цвета нежных оттенков. Угловое клеймо справа сверху и нижнее под ним изображают поставление в епископы и посрамление Ария. Все эти признаки говорят в пользу ранней даты иконы.

К этому же времени относится одноименный памятник с житием на 16 клеймах из села Павлова близ Ростова Великого.²⁹ Средник его на охряном фоне, поля на белом. Фелонь Николы с увеличивающимися книзу крестами трактовкой узора напоминает отмеченную выше икону XIII в. бывшего собрания А. В. Морозова, а голубой подризник — памятник Больших Солей. Клейма с поставлением в епископы и обличением Ария на уровне нимба Николы позволяют включить его в группу ранних памятников.

О внимании к этой теме в северо-восточной Руси свидетельствует икона Успенского собора в Московском Кремле, находящаяся у северной стены в местном ряду. Она еще не расчищена, но по сделанной И. А. Барановым в 1947 г. пробе ее можно отнести к первой половине XIV в. Включение

²⁶ ГТГ, № 14554, доска сосновая, шпонки набивные, на деревянных и кованых железных гвоздях, 102 × 77. Средник — на красном фоне, поля — на белом. Четыре клейма на нижнем поле не сохранились — оставлена запись XVII в. См. о ней: А. Грищенко. Русская икона как искусство живописи, вып. 3. М., 1917, стр. 175—177; А. И. Некрасов. Древнерусское изобразительное искусство. М., 1937, стр. 162—163, рис. 106.

²⁷ В последнее время при хронологической атрибуции опять обращено пристальное внимание на эпиграфику (см.: В. Н. Лазарев. Искусство Новгорода. М., 1947, где, как известно, большая часть новых датировок предлагается на основании экспертизы надписей). Между тем не случайно этот способ, имевший хождение и ранее, был оставлен такими осторожными учеными, как И. Э. Грабарь, Ю. А. Олсуфьев и А. И. Анисимов. Учитывая данные эпиграфики, они избегали базироваться только на них, так как им были хорошо известны многочисленные случаи подделки и искажения надписей. Можно с большой степенью достоверности утверждать, что почти на всех иконах, расчищенных до 1930-х годов, надписи подправлены реставраторами. М. В. Щепкина полагает, исследовав нынешний вид надписей на иконе Николы Зарайского из собрания А. В. Морозова, что почерк клейм может быть отнесен к XIII в., а средника — к XIV в. Форма скал в клеймах этой иконы такая же, как на миниатюре л. 26 Хлудовской Симоновой псалтыри конца XIII в. (ГИМ, Хлуд., 3, 1).

²⁸ Доска сосновая, на торце — следы набивных шпонок, без полей. Средник в ковчеге, паволока, левкас, яичная темпера, 129 × 82. См. о нем: В. И. Антонова. Памятники живописи Ростова Великого. М., 1946 (рукопись, фонд диссертаций ВБА), стр. 226—227, табл. 97 и 98.

²⁹ Доска из липового и соснового дерева, шпонки набивные, паволока, левкас, яичная темпера, 128 × 75. Поступила в ГТГ в 1935 г., расчищена И. В. Овчинниковым в 1936 г. (№ ДР46). См.: В. И. Антонова. Памятники живописи Ростова Великого, стр. 111—118; История русского искусства, т. III. М., 1955, стр. 19—20 (отнесена к XIV в.). М. В. Алпатов (Всеобщая история искусств, т. III. М., 1955, стр. 131 и клеймо с Арием на рис. 102) ошибочно называет эту икону Новгородской и относит к концу XIV в.

этой иконы в иконостас московского Успенского собора, своеобразного пантеона религиозной мифологии русского средневековья, говорит о типичности ее темы для Руси еще в начале XIV в.

Эти соображения подтверждает обнаружение такого же недавно раскрытого памятника раннего XIV в. в Успенском соборе во Владимире. Как известно, этот собор с его древней епископской кафедрой служил образцом для подражания в Москве, стремившейся к исторически обоснованному политическому преобладанию. Одним из орудий его служила церковная иерархия, управляемая митрополитом, с 1326 г. переселившимся из Владимира в Москву.

Великий Новгород, в соответствии с «Повестью о Николе Зарайском», рассказывающей о пребывании здесь иконы Николы, сохранил ранние памятники на эту тему. Драгоценным образцом является Никола Зарайский с житием на 18 клеймах, уцелевший от XIV в. на Теребужском погосте близ города Мги.³⁰ Правое нижнее угловое клеймо изображает «чудо об утопшем отрочати» в композиции, близкой к соответствующему клейму исследуемой нами иконы из Киевца в Москве.

Наличие древних икон Николы Зарайского вне пределов Рязанской земли позволяет думать, что и «Повесть о Николе Зарайском» была известна не только в Рязанской области. Как явствует из рассмотренных В. А. Комаровичем и Д. С. Лихачевым источников русской легенды о Николе Зарайском, в XV в. она несколько померкла. Возможно, что Зарайскую легенду в это время вытеснил московский культ порожденного ею образа Николы Можайского.³¹ Оживление зарайской легенды наступает в конце XV—начале XVI в., в связи с собирательской политикой Москвы, стремившейся отразить местные культы в московских святыхнях и церквях и этим заставить их служить идее религиозного превосходства Москвы, что в средние века служило опорой для обоснования политического главенства. Интерес к легенде выразился в тщательной переработке «Повести о Николе Зарайском», большая часть редакций которой относится именно к началу XVI в.

Как упоминалось выше, в 1471 г. в Москве известна церковь Николы Зарайского близ Кремля, напротив Кутафы. Характерно, что у этого здания устраивали торжественную встречу царю и войску, одержавшим победу над противником.³² Этот обычай отражал почитание Николы Зарайского как защитника от врагов.

Оживление зарайской легенды в конце XV в. представлено двумя памятниками этой эпохи. Тверская икона этого названия с житием на 18 клеймах хранится в ГРМ (№ 1557), а новгородская, еще не расчищенная, с 14 клеймами жития — в ГТГ (№ 19740). Как известно, искусство Твери и Новгорода в это время было уже тесно связано с Москвой.

³⁰ Ныне в ГРМ (№ 3921). Доска липовая, с накладными двумя поперечными и двумя накрест лежащими шпонками, прибитыми деревянными гвоздями. Сохранилась лишь поперечная верхняя. Паволока-холщевая, крупнозернистая, левкас, яичная темпера, 132 × 79. В 1929 г. была раскрыта в Центральном государственном реставрационных мастерских. Нынешнее состояние надписей указывает на XIV—XV вв. Вероятно, ими руководствовался В. Н. Лазарев (Искусство Новгорода, стр. 95).

³¹ Никола Можайский упоминается с 1303 г. По сведениям А. И. Некрасова, проведшего специальное исследование, статуя Николы Можайского (ныне в ГТГ, № 4279) заказана для Можайска митрополитом Петром в 20-х годах XIV в. В это время Никола Зарайский был уже широко известен и мог служить прототипом подобного ему изображения. См. об этом также: А. Вознесенский и Ф. Гусев. Житие и чудеса Николы и слава его в России, СПб., 1899, стр. 277; История русского искусства, т. III, М., 1955, стр. 202—206; о Николе Можайском в XVI—XVII вв. см. стр. 625—626.

³² См. прим. 17. Позднее, в 1597 г., у этой же церкви устроена встреча Борису Годунову после Серпуховского похода на крымских татар.

Образ распростершего руки мудрого старца, еще в глубокой древности наделенного русскими чертами здравомыслия, не лишено юмора, а также суровой требовательностью в исполнении долга, делается своеобразной эмблемой, отражающей борьбу Руси с иноземцами. Этот тип Николы прочно вошел в народное сознание как воплощение защитника от иноверных. Он начинает существовать самостоятельно, без житийных клейм, утратив связь со своим прототипом — Зарайской иконой. Таков обнаруженный Н. Е. Мневой в Обонежье в 1946 г. памятник XIII—XIV вв., где Никола представлен рядом с апостолом Филиппом (ГТГ, № ДР71, разм. 50 × 41).

В коллекции И. С. Остроухова издавна находилось замечательное художественное произведение этого типа, относящееся к началу XIV в. Величественная фигура Николы в нимбе, украшенной изображениями драгоценных камней и жемчуга, с большим искусством вписана в удлиненную доску.³³

По-видимому, из Вологодского района попала в собрание Анисимова икона Николы Зарайского на характерном темно-синем фоне с избранными святыми на охряных полях.³⁴ Обрамление средника Зарайской иконы вместо житийных клейм патрональными изображениями говорит о значительности культа ее, приравнивающего образ архиерея-защитника к основным персонажам христианской мифологии.

Микола, Микола святитель,
Зарайский, Можайский...³⁵

пели калики переходные, называя особенно популярные изображения в соответствии с историей этого культа в древней Руси. Его популярность привела к тому, что Никола Великорецкий, культ которого по политическим причинам насаждал Грозный, изображается в привычной композиции зарайского прототипа и его можайского варианта. Об этом свидетельствуют два памятника: шитая пелена 1552 г. из Кирилло-Белозерского монастыря (ГРМ) и икона Николы Великорецкого второй половины XVI в. в ГТГ (№ 12922).³⁶

Как упоминалось выше, сложившееся в XIII в., во время самой тяжелой борьбы с татарами, представление о Николае как об оплоте от иноземных захватчиков оживляется в начале XVI в., при обороне от крымских татар.

³³ Ныне ГТГ, № 12004, 106 × 36. Верх опилен позже в виде полукруга. Доска липовая, шпонки накладные, прикреплённые деревянными и коваными гвоздями. К этому же типу относятся подобные иконы в ГТГ (№ 22301—XIV в. и № 28759—XV в.).

³⁴ Ныне ГТГ, № 15005, разм. 90 × 68, доска липовая, шпонки врезные, сквозные, новые (см.: И. Грабарь. История русского искусства, т. V. М., б. г., стр. 202—203).

³⁵ П. Безонов. Калики переходные, вып. III, стр. 762.

³⁶ Великорецкая икона Николы, появление которой предание относит к концу XIV в. (Ф. Кибардин. О Великорецкой иконе св. Николая. Вятка, 1893), находилась в Москве при Иване Грозном четыре года (с 1552 по 1556 г.). Она приобрела большую известность в многочисленных копиях, сделанных в то время. Южный придел Покровского собора, что на рву (Василия Блаженного), был заложен в 1552 г. и освящен в 1555 г. в честь Николы Великорецкого. В середине XVI в. Николу Великорецкого изображают по типу Зарайской иконы, но без клейм жития (см. ГТГ, № 12922). В 1614—1615 гг. Великорецкая икона опять находится в Москве, где с нее были сделаны вновь копии. Однако в это время Никола Великорецкий изображается уже иначе: это обычная поясная икона (см. ГТГ, № 13918, с надписью «Никола Великорецкий»; см. также: А. Вознесенский и Ф. Гусев. Житие и чудеса Николы... , рис. 8, на стр. 185; стр. 299—319, 336—337, 429—430, 436—437, 552).

В ГТГ хранится памятник этой эпохи — копия Зарайской иконы, сделанная в Коломне около 1513 г.³⁷ Согласно сказанию и летописным данным, Зарайский памятник был в это время перенесен из-за набега «крымских людей» в Коломну в построенную в это время в коломенском кремле по повелению Василия III «ружную церковь Николы чудотворца Зарайского, что под колоколами».³⁸

Отражением бытования этой темы в Москве являются два произведения эпохи Дионисия в ГТГ, выделяющиеся своими живописными качествами.³⁹ Незадолго до поездки Василия III в Зарайск на богомолье, в 1531 г. «срублен бысть... в Кошире град деревян, а на Осетре (в Зарайске, — В. А.) камен».⁴⁰ Царское богомолье 1533 г. вызвано было политическими соображениями, по которым рязанскую патрональную святыню, палладий в борьбе с татарами, нужно было сделать московской, общегосударственной.

К этой же эпохе относится наиболее тщательное поновление публикуемой нами иконы из церкви на Киевце в Москве, как гласит уцелевшая на ней внизу надпись 1524 г. Культ Николы Зарайского в XVI в., свидетельством которого является поездка Грозного в Зарайск в 1566 г., а также редакция «Повести» 1561 г. и сооружение Зарайского собора Федором Иоанновичем в 1581 г. подтверждается тремя памятниками этого времени.⁴¹ В них растут сказочные народные элементы представления о Николе и его житии. На одной из икон умилившийся палач представлен добровольно отдающим меч Николе, на другой, в обычных сценах чудес, Агрикова сына весело встречают собаки, узнавшие хозяина, а купцы с мешками радостно благодарят Николу, извлекшего их со дна моря.

В XVII в., когда феодальная природа культа бледнеет, в изображениях Николы Зарайского, так же как и в других произведениях древнерусского искусства, усиливается жанровая трактовка фигур и сцен. Народноэпические представления, воплотившиеся в культе Николы, изображены в виде сцен русской жизни XVI в. с сильным фантастическим сказочным элементом, выразившимся в обилии чудес. Таково произведение второй половины XVII в. с житием на 20 клеймах (ГТГ, № 19887, разм. 114 × 84), с надписью: «стый Николае Зарайский чудотворец». Оно отвечает духу народных редакций о Николе Зарайском в XVII в. И в это время связь культа Николы Зарайского и порожденной им иконографии можайского и великорецкого изображений с воинской средой по-прежнему сильна. Об этом свидетельствует шитая пелена середины XVII в. № 5623 фондов музея «Новодевичий монастырь» в Москве, изображающая Николу с мечом и градом в распростертых руках. Надписи пелены говорят о том, что это изображение называется Никола Радунешский (Радонежский), а сделана она по заказу крупного воеводы середины XVII в., князя Дмитрия Петровича Львова-Ярославского.

Эти примеры, подтверждающие в памятниках длительную и богатую переменами жизнь «Повести о Николе Зарайском», могут быть значительно

³⁷ ГТГ, № 20861, разм. 138 × 105, Никола Зарайский с житием в 22 клеймах, записана. Пробы, сделанные И. А. Барановым, показывают, что живопись начала XVI в. была сильно поновлена в начале XVII в. и чинена в XVIII—XIX вв. Поновление начала XVII в. по легенде сделано Д. М. Пожарским (см. выше, стр. 381).

³⁸ См. о ней: Писцовые книги XVI века, под ред. Н. В. Калачева, отд. I. СПб., 1872, список с писцовой книги 1577—1578 гг., стр. 301, 306.

³⁹ Никола Зарайский с житием на 16 кл., №№ 13488 (разм. 50 × 39) и 13489 (51 × 41).

⁴⁰ Летописи Воскресенская и Никоновская под 1531 г.

⁴¹ ГТГ, № 14193, разм. 119 × 77, северных писем первой половины XVI в.; ГТГ, № 14742, разм. 92 × 69, Поволжье, середина XVI в.; ГТГ, № 22, разм. 127 × 91, Московская школа середины XVI в.

умножены. Но и сравнительно немногие из них, приведенные выше, показывают, что процесс преодоления и замены чуждой византийской мифологии даже в этом частном случае имел последовательный и глубокий характер. В нем византийская тема всеильного епископа еще в XIII в. подвергается русской переработке, превратившей византийца в вещего русского старца. Образ его, наделенный сказочными чертами в произведениях древнерусской живописи и литературы, отразил формирование и рост национального самосознания. Можно думать, что распростертые руки Николы в зарайском, можайском, великорецком и радонежском изображениях есть также плод русской переделки известного образа византийского епископа. В византийской иконографии обычно руки его изображаются перед грудью, прижатыми к туловищу.⁴²

В свете изложенных выше сведений, особое значение приобретает древнейший памятник этого типа, раскрытый в ГТГ в 1948 г. В связи с гибелью зарайского подлинника Никола из Киевца, сопоставленный с судьбой зарайской повести, — важное историческое свидетельство, приподнимающее завесу над миром образов древней Руси. Что же говорит нам сам памятник?

По легенде, Никола из Киевца привезен в Москву в 1304 г. Так как анализ легенды убеждает в ее связи с историческими сведениями, памятник должен быть отнесен к рубежу XIII и XIV вв., к кругу произведений, тяготеющих к киевской художественной культуре. Этому не противоречат описанные выше его материально-археологические признаки. Однако атрибуция и датировка нового памятника данной эпохи представляют большие трудности. Как известно, от XIII в. до нашего времени дошло очень мало памятников, а киевские произведения почти не сохранились. Кроме того, русская живопись начала XIV в. изучена еще недостаточно. В связи с этим определение памятника начала XIV в. по стилю является сложной задачей.

Среди произведений этого времени (см., например, приведенные выше ГТГ, №№ 14554, ДР46) Никола из Киевца несомненно выделяется по своему художественному уровню. Он связан с высокой художественной культурой. Благородство облика Николы на среднике, его торжественная и свободная осанка заставляет вспомнить образы живописи домонгольской Руси, зрелые творения Киевской школы. Таким величественным старцем представлен Никола на фреске Михайловского Златоверхого монастыря (ныне ГТГ). У Николы из Киевца такая же небольшая голова (вспомним, что несмотря на записи XVI и XVII вв., размеры и контур ее древние) по сравнению с могучей, рослой фигурой. Возможно, что с киевской традицией связан также древний белый фон памятника из Киевца.⁴³ Большие пространства ничем не заполненного фона, занимающего значительное место в композиции средника и клейм, придают образу Николы монументальную значительность. Этот прием восходит к фресковым росписям XI—XII вв. Подобная гармония между клеймами и средниками, достигнутая подчинением их одному ритму, встречается на иконе пророка Ильи с житием на 14 клеймах из села Выбуты близ Пскова (ГТГ, № 14907), относимой нами к концу XII в. Необходимо отметить, что пропорции боковых удлиненных клейм Николы из Киевца сходны с пропорциями доски Богоматери Печер-

⁴² См., например, Николу XII в. на фреске из Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве (ГТГ, № 22126) и мозаику XIII в. в соборе св. Марка в Венеции (Sergio Bettini. *Mosaici antichi di San Marco a Venezia, Bergamo, 1944, табл. XLVI*).

⁴³ До нас не дошли киевские иконы с таким фоном, но он встречается в архаичных памятниках раннего XIV в., почти совершенно исчезая впоследствии.

ской из Свенского монастыря 1288 г. (ГТГ, № 12723), связываемой преданием с Киевом.

Трактовка одежд на памятнике в Киевце тоже восходит к образам, связанным с Киевской Русью. Исполнение фелони и подризника мягкими полутонами с плавными переходами от света к тени повторяет такую же, но более совершенную технику исполнения тканей, облегающих фигуру архангела Гавриила на иконе так называемого Устюжного Благовещения.⁴⁴ О предлагаемой ранней дате говорит также передача драгоценных камней на омофоре и крышке книги в виде крупных разноцветных однотонных кружков.

Однако, помимо установления домонгольских истоков рассматриваемого произведения, существенно было бы сблизить его с произведениями XIII в.

Но немногие уцелевшие образцы станкового искусства этого времени очень разнородны, а датировка большей их части не вполне достоверна и систематически обоснована. Поэтому для включения в этот круг нового произведения приходится прибегнуть к старинному «палеографическому» методу, широко практиковавшемуся среди знатоков — собирателей икон. Одним из признаков, служивших им для определения даты памятника, являлась форма евангелия.

На иконе из Киевца обрез книги представлен только сбоку, в виде красной полосы слева от крышки. Этот прием чрезвычайно архаичен и свидетельствует о глубокой древности. Его мы встречаем на энкаустической иконе Спаса в монастыре св. Екатерины на Синае, относящейся, по нашему мнению, к X—XI вв.⁴⁵ Такая же книга написана художником фресок Киевской Софии XI в. у святителя в рост на столбе крещальни:⁴⁶ еще более существенно, что этот ракурс евангелия мы встречаем на упомянутой выше иконе XIII—XIV вв., изображающей Николу Зарайского и апостола Филиппа (ГТГ, № ДР71), а также на иконе этого названия из бывшего собрания И. С. Остроухова (ГТГ, № 12004), относящейся к раннему XIV в.⁴⁷

Также важен, казалось бы, совсем уже мелкий признак — изображение полулуния под крестом, венчающим храм на клейме «спасения киевского отрочати» нашей иконы. Левкас, наложенный на фоны в XVI в., искажил первоначальную форму главы этого замечательного сооружения, превратив ее в свойственную этой эпохе луковицу, но, к счастью, сохранил древнюю деталь формы креста.

В. В. Стасов отмечает такую форму креста в Византии по миниатюрам ее рукописей.⁴⁸ До нашего времени дошел такой крест на Дмитриевском соборе во Владимире.⁴⁹ В русских миниатюрах он встречается уже

⁴⁴ Вспомним, что на иконе XIII—XIV вв. Николы и Апостола Филиппа, вывезенной Н. Е. Мневой из Обонежья (ГТГ, № ДР71), одежды Николы написаны так же.

⁴⁵ Памятники Синая, вып. I. Л., 1925, табл. 17, текст, стр. 16—27. Н. П. Кондаков относит ее к VIII—IX столетиям, но после недавних открытий в Константинопольской Софии, правильнее считать эту икону относящейся к более позднему времени.

⁴⁶ Это изображение раскрыто Е. А. Домбровской в 1948 г. (см. ее доклад в Институте истории искусств АН СССР 20 II 1949).

⁴⁷ Этот же прием мы встречаем как своеобразный анахронизм или, быть может, как умышленную архаизацию на следующих, более поздних памятниках: 1) деусус из Твери, XV в. (ГТГ, № 12124); 2) Псковский деусус, на среднике со Спасом, XV в. (ГТГ, № 12867); 3) Никола Зарайский, начало XVI в. (ГТГ, № 13489); 4) Никола Бабаевский, XVI в. (ГТГ, № 24872). Приведенные памятники либо происходят из областей, где живопись в это время имела архаизирующие тенденции, либо воспроизводят Николу, восходя к древнему образцу.

⁴⁸ Миниатюры некоторых рукописей византийских, болгарских, русских, джагатайских и персидских, изд. ОЛДП, вып. СХХ, 102 стр. 62—63 и 73—74

⁴⁹ С. Строганов. Дмитриевский собор во Владимире. М., 1849, стр. 7, табл. II.

в 1164 г., в Добриловом евангелии, на изображении евангелиста Луки, а также и на многих миниатюрах Симоновой псалтыри конца XIII в.⁵⁰ Эту же деталь можно видеть на иконе конца XIII в. Новгородского музея, изображающей Николу с житием на клеймах.⁵¹

Однако эти два признака, связывая наш памятник с искусством Киевской Руси, встречаются и значительно позже, как архаические отзвуки в произведениях уже другого стиля.

Гораздо существеннее третья яркая особенность исследуемого произведения — обилие лестниц. Они изображены на клеймах 2-м, 3-м, 4-м, 5-м, 6-м и 12-м. Это уже не только «палеографический» признак, но и особый стилистический прием, выражающий стремление к своеобразной пространственной трактовке интерьера.

Игумен Даниил, описывая устройство Сионских комнат в Иерусалиме, в своем «Хождении» (1105—1108 гг.) объясняет, что в одно из помещений нужно было «вести по степеням, яко на горницу». Возможно, что такие ступени — «степени», сравненные Даниилом с устройством русской горницы, на клеймах Николы из Киевца были наблюдаемы в жизни особенностью архитектуры русских жилищ того времени. Такие лестницы мы видим на миниатюре XIII в. с евангелистом Иоанном Федоровского евангелия в Ярославле, а также на станковых произведениях XIII в. — Введении во храм из Кривецкого погоста (ГРМ, № В/44) и Николу Зарайском из Ростова Великого (ГТГ, № ДР46).⁵²

Выше в связи с одним из частных признаков клейм Николы из Киевца, уже упоминались миниатюры Симоновой псалтыри конца XIII в. Между тем стиль миниатюр этого памятника с его достоверной общепринятой датировкой обнаруживает, насколько это возможно для таких различных техник, как книжная иллюстрация и станковая живопись, близость к иконе из Киевца.

Как известно, эта славянская псалтырь (в лист, 27,5 × 20, на 291 л.), хранящаяся в ГИМе, писана для некоего старца Симона. Изображение деисуса на л. 248 об., где помещен Симон Зилот, а также одно из графити, упоминающее отца Симона, помогли определить принадлежность псалтыри. Еще Амфилохий, сравнивая Хлудовскую славянскую псалтырь с евангелием из Юрьева монастыря 1270 г. (ныне ВБЛ, Р. 105), пришел к выводу, что псалтырь происходит оттуда же, и считал ее писанной в 1280 г. М. В. Щепкина,⁵³ присоединяясь к Амфилохию, добавляет, что в Спасо-Евфимиев

⁵⁰ ГИМ, Хлуд., № 3 лл., 52 об., 85, 98 об., 147, 159, 175, 211, 246, 275 об.

⁵¹ Икону Николы из церкви Бориса и Глеба в Новгороде И. Э. Грабарь датирует концом XIII — началом XIV в. (И. Э. Грабарь, Андрей Рублев. Вопросы реставрации, I. М., 1926, стр. 40, рисунок на стр. 36). В. Н. Лазарев (Искусство Новгорода, стр. 94—95, табл. 99) считает ее исполненной в начале XV в., с чем мы, присоединяясь к мнению И. Э. Грабаря, не можем согласиться. Крест с полумесяцем встречается и позже: на миниатюре Федоровского евангелия XIII—XIV в., изображающей Иоанна и Прохора; на миниатюрах жития Бориса и Глеба XIV в. Сильвестровского сборника; на миниатюре л. 1 об. так называемого Службеника Антония Римлянина, XIV в. (ГИМ, Патр. 342/605), изображающей Иоанна Златоуста; на фронтисписе Часослова 1423 г. бывш. библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря; на фронтисписе Коневской псалтыри XV в.

⁵² Известно также изображение подобных лестниц на миниатюре «Благовещение» греческого евангелия XIII в. из Никомидии, хранившегося в Киеве (Н. И. Петров. Миниатюры и заставки в греческом евангелии XIII в. «Искусство», Киев, 1911, № 3, рис. 9 и 11). В. Н. Лазарев (Искусство Новгорода, стр. 92, табл. 85-а) на основании эпиграфики относит Кривецкое Введение во храм к первой половине XIV в. (см. об этом прим. 27).

⁵³ Лицевая псалтырь XIII века № 3 из собрания Хлудова (так называемая Симонская), рукопись. А. И. Некрасов (Возникновение Московского искусства, I. М., 1929, стр. 195—196) относит псалтырь ко второй половине XIV в. и считает ее выполненной

монастырь в Суздале, где эта книга находилась до того, как попала в Хлудовскую коллекцию, ее вложил, по-видимому, Иоанн Грозный, в 1571 г. вместе с другой казной вывезший Симонову псалтырь из Новгорода.

Уже первая, широко известная миниатюра (л. 1 об., — «Давид царь составляет псалтырь») монументальной трактовкой центральной фигуры Давида с несколько укороченными пропорциями, обилием ничем не заполненного белого фона, характером белых по синему пробелов, типами лиц людей, играющих на музыкальных инструментах, обнаруживает черты стилистической близости с памятником из Киевца. Характерно также, что преобладающие в Симоновой псалтыри маргинальные миниатюры исполнены не прямо по пергаменту, а по сделанному красками белому, теплого тона левкаса, фону, напоминающему древний белый фон Николы из Киевца. Колорит миниатюр с их прозрачными, неяркими красками, бледными зеленой и розовой, тусклыми синей и коричневой, также может быть сравнен с описанной выше цветовой гаммой исследуемого памятника.

Бесспорной стилистической общностью является соотношение архитектуры и фигур. Величественная архитектура и в псалтыри, и на иконе отличается вытянутыми пропорциями: разного вида сооружения сильно возвышаются над людьми, они велики и высоки. В этом можно убедиться, сравнивая лл. 6 об., 52, 98 об., 128, 239, 241, 246, 250 псалтыри с 5-м, 6-м, 7-м и 13-м клеймами иконы. Важной особенностью обоих памятников является одинаковая характеристика людей, типов и жестов их. Лица молодых людей на маргинальной миниатюре л. 134, исполненные мягкими тональными переходами красок, близки к хорошо сохранившимся на иконе изображениям 2-го, 10-го и 12-го клейм. Жест распростертых рук «человека от лица Адамля» на листе 118 об. сходен с движением женщины у купели в сцене рождества киевского памятника. К этим же сходным характеристикам типов и людей относится мягкое склонение голов изображений на лл. 89 об., 214 и 248 псалтыри и 1-м, 2-м, 6-м, 7-м и 15-м клеймах Николы. Большой интерес в сравнении со зданием на клейме 13 иконы в «чуде о киевском отрочати» приобретает маргинальная миниатюра на л. 247 псалтыри с изображением храма. Обе церкви — каменные сооружения со сложной шатрообразной конструкцией венчающего купола. Прототипом их, несмотря на некоторые фантастические, декоративные отступления рисунков, могла быть реальная архитектура, напоминающая описание исчезнувшей еще в 1152 г. церкви архангела Михаила в Остерском городке под Киевом, у которой «верх бяше нарублен деревом».⁵⁴ Предлагаемые аналогии могут быть еще дополнены сопоставлением одинаковых деталей. Башни клейм 7, 12 и 14 иконы представлены так же, как на лл. 36 об., 103 об., 113, 183, 243 и 250 псалтыри. Плохо сохранившиеся у Николы из Киевца горки приближаются к написанным в псалтыри слоистым, часто с вершинами, собранными в виде жгута, скалам на лл. 159, 211, 245, 259. Не лишне, может быть, упомянуть, что в некоторых из составных миниатюр композиции обведены и разделены между собой широкими цветными полосами, подобными тем, которые расчленяют клейма киевского памятника.

Сравниваемые произведения искусства сделаны большими мастерами своего дела. Великолепно прорисованный устав, гармонично вторящий формату книги, сочетается в псалтыри с как бы рождающимися из самого

в Москве. В. Н. Лазарев (Искусство Новгорода, стр. 96) датирует ее «поздним XIII—ранним XIV в.».

⁵⁴ Н. Макаренко. Древнейший памятник искусства Переяславского княжества. Сборник статей в честь графини П. С. Уваровой. М., 1916, стр. 377.

текста монументальными образами миниатюр. Таким же высоким артистизмом проникнут полуразрушенный станковый памятник из Киевца с его подчиненными одному стройному замыслу рисунком, композицией и колоритом. Оба произведения — драгоценные родственные образцы художественного мастерства своего времени. В свете этих наблюдений ценно суждение М. В. Щепкиной с ее обширным зрительным опытом о югославянском или греческом происхождении миниатюр, уводящее нас в сферу культурных связей Киевской Руси.

Итак, исторические и литературные данные, а также сама живопись Николы Зарайского из Киевца связывают этот памятник начала XIV в. с Киевской Русью. Икона могла быть написана в Киеве, подобно отделенной от нее почти столетием несравненно более значительной по художественному достоинству псалтыри 1397 г. (ГПБ). Возможно также, что икону написали киевские мастера, приехавшие с Родивоном Нестеровичем в Москву.

Таким образом, перед нами — единственный пока памятник позднего киевского искусства первого десятилетия XIV в., начавший свою длительную историческую и художественную жизнь в Москве времени Ивана Калиты и уцелевший до наших дней. В нем осуществились отмеченные нами через Ростов Великий⁵⁵ непосредственные связи начальной московской художественной культуры с Киевской Русью. Эти новые данные подтверждают предполагавшийся и ранее высокий уровень русского живописного искусства в Москве начала XIV в. и помогают понять его органическую связь с предшествовавшим художественным развитием древней Руси.

В свете особенностей культа Николы Зарайского, которые устанавливаются при исследовании дошедших до нашего времени икон с этим наименованием, история «Повести о Николе Зарайском» может быть дополнена следующими наблюдениями.

1. До конца XIII в. возникает русский культ Николы Зарайского — защитника от «оного поганых насилия», сопровождаемый в начале XIV в. распространением икон этого названия и сложением древнейшего варианта сказания о происхождении и значении памятника — «Повести о Николе Зарайском».

2. В связи с тем, что одно из древних живописных произведений на эту тему — Никола Зарайский из Киевца — выводится из Киева, истоки культа и прототип иконы нужно искать в Киевской Руси. Вопрос о корсунском происхождении прототипа остается открытым вследствие утраты древнейшего памятника в Зарайске. Кроме того, решению вопроса мешает неузученность корсунских памятников древней Руси.

3. Первоначальный воинский состав «Повести» бесспорен. Распространение и назначение памятников Николы Зарайского, направленность культа их, подтверждаемая свидетельствами исторических источников, объясняют органическое соединение в «Повести» трафаретной церковной легенды с полными жизни и чувства рассказами о разорении Рязанской земли и героизме Евпатия Коловрата. Косвенным подтверждением воинского характера «Повести о Николе Зарайском» служат типологически близкие к герою зарайской легенды Никола Можайский (начало XIV в.), Никола Великорецкий (середина XVI в.) и Никола Радонежский (середина XVII в.), пропагандировавшиеся как защитники от врагов.

4. Распространение икон Николы Зарайского XIV в. в Ростове, Владимире, Костроме, Новгороде, Твери и Москве позволяет думать, что и «Повесть о Николе Зарайском» имела широкую известность.

⁵⁵ В. И. Антонова. Памятники живописи Ростова Великого, стр. 37.

5. Борьба с крымскими татарами в XVI в. оживила воинский культ Николы Зарайского и привлекла особое внимание к «Повести», что вызвало переработку ее. Возможно, что именно в это время, в связи с общим направлением русской исторической концепции, была подробно развита «корсунская» тема.

6. Литературные достоинства и убедительность «Повести», подражающей в своей структуре летописи, в сочетании с обилием икон Николы Зарайского привели к длительной жизни ее в разнообразных народных редакциях XVII в. И иконы, и «Повесть» получают черты народного творчества, скованного в живописи церковным назначением ее. Последними отзвуками былой значительности в битвах с врагами иконы Николы Зарайского и повести о нем являются две воинские и стрелецкая редакции «Повести о Николе Зарайском», а также культ Николы Радонежского. По-видимому, в военной служилой среде и в XVII в. сохранился особый профессиональный интерес к русской воинской доблести, так ярко и живо описанной в древней «Повести о Николе Зарайском».

Рис. 1. Никола Зарайский из Киевца в Москве. Начало XIV в. ГТГ.

Рис. 2. Никола Зарайский из погоста Большие Соли близ Костромы.
XIII—XIV вв. ГРМ.

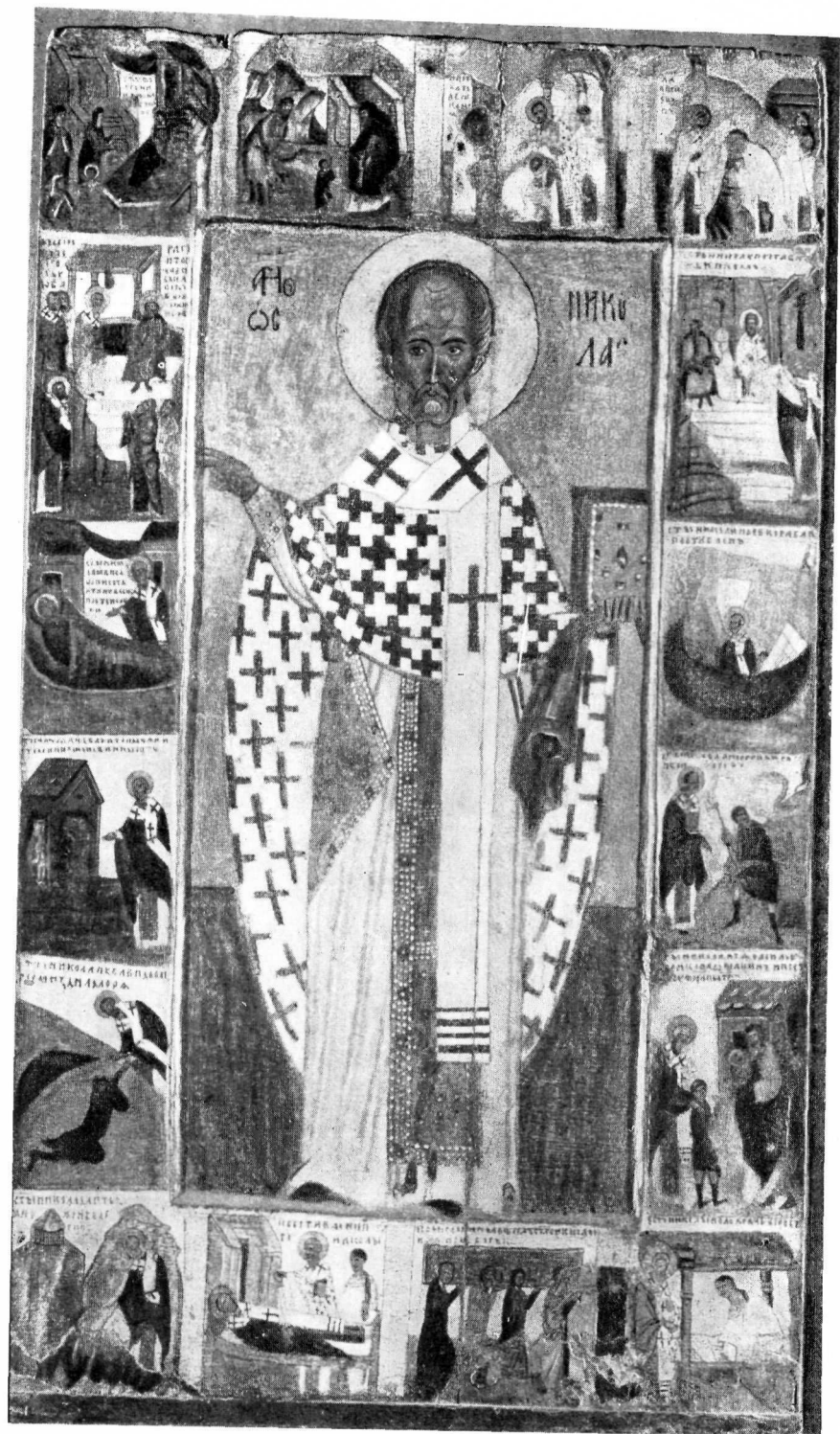

Рис. 3. Никола Зарайский из села Павлова близ Ростова Великого.
XIII—XIV вв. ГТГ.

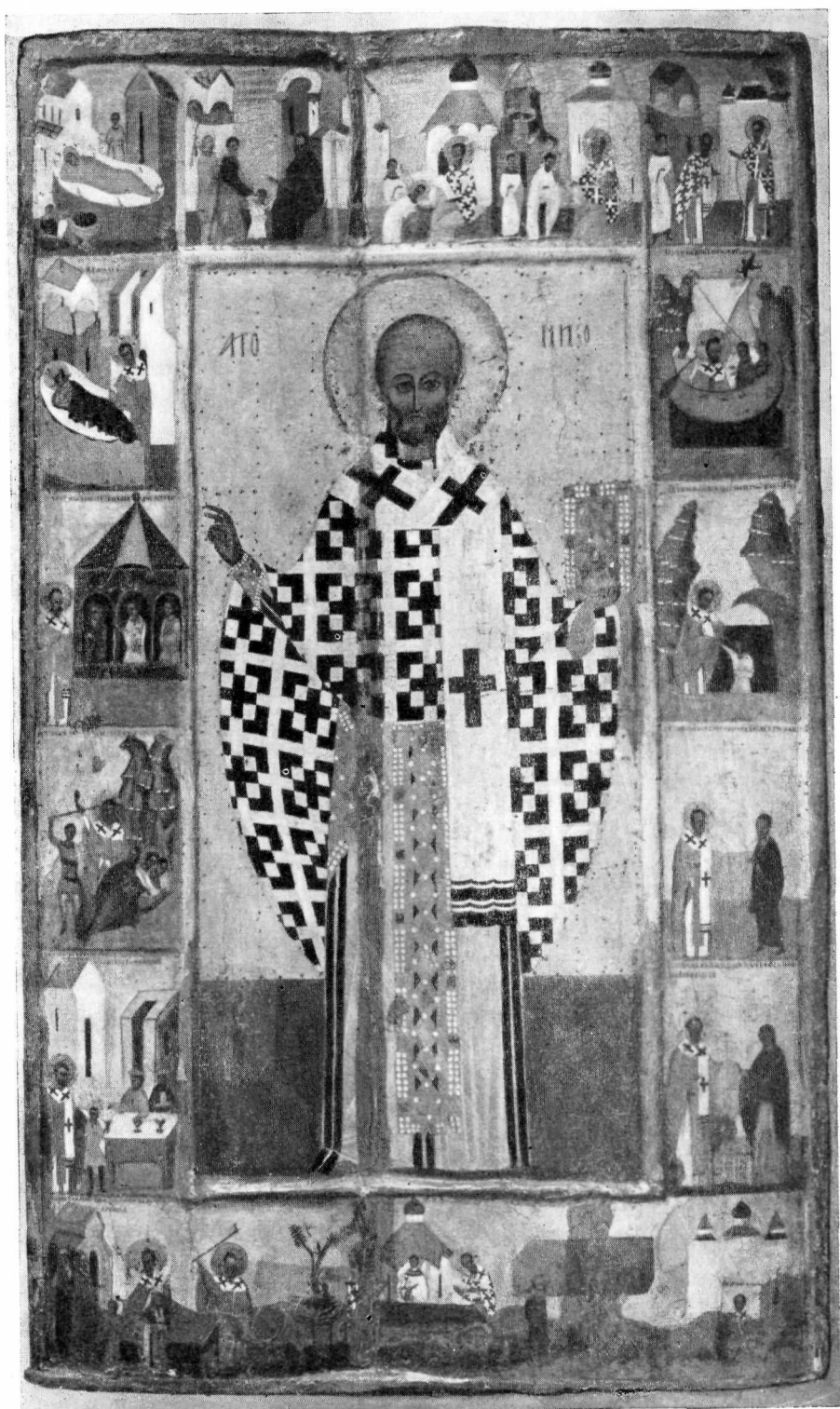

Рис. 4. Никола Зарайский из Теребужского погоста. XIV в. ГРМ.

Рис. 5. Никола Можайский из Троице-Сергиевой лавры. Начало XV в. ГТГ.

Рис. 6. Никола Великорецкий из Кириллова монастыря. Шитая пелена 1552 г. ГРМ.
Текст надписи: «лета $\overline{73}$ $\frac{3}{2}$ -го сию пелену приложила Иванова жена Петровича
Марья Васильева дочь».

О. И. ПОДОБЕДОВА

Лицевая рукопись XVII столетия „Повести о Петре и Февронии“

В Отделе древних рукописей и актов Института истории АН СССР хранится лицевая рукопись, происходящая из собрания акад. Н. П. Лихачева, «Повести о Петре и Февронии» (лл. 50). Рукопись эта до сих пор не была опубликована и не упоминалась до последнего времени ни в литературоведческих, ни в искусствоведческих трудах. Между тем обширный цикл миниатюр, иллюстрирующих «Повесть», естественно привлекает внимание исследователя своим образным строем. Некоторые палеографические особенности заставляют сделать попытку к выяснению истории возникновения данной рукописи. В процессе исследования раскрывается далеко не безынтeресная грань древнерусской культуры, намечаются аналогии в самом процессе формирования литературного текста и сложения иконографии повести.

Рукопись Лихачевского собрания содержит 40 миниатюр, сопровождающихся текстом, расположенным на 28 (+ 2 чистых) листах 4°. Каждая миниатюра занимает отдельную страницу, вверху которой располагается текст, занимающий от 3 до 5 строк. Текст писан полууставом XVI в., обнаруживающим руку опытного писца. Переплета и заглавия рукопись не имеет. Плетеная заставка, по-видимому, позднейшего происхождения.¹ Вслед за «Повестью о Петре и Февронии» в той же рукописи помещено «Житие Василия Рязанского», содержащее 16 миниатюр.

Несмотря на безукоризненность почерка, имеющего аналогии в лучших памятниках письменности XVI столетия, несмотря на то, что и образный строй, и стилистические особенности миниатюр в основе своей не противоречат характеру миниатюр XVI в., рукопись должна быть отнесена к XVII в. на основании обследования бумаги. Водяной знак плотной вержированной бумаги изображает голову шута (*la folie*) и указывает на голландскую бумагу XVII в.²

Миниатюры «Повести о Петре и Февронии» и, в меньшей мере, «Житие Василия Рязанского» сильно попорчены грубой ремесленной реставрацией конца XIX—начала XX столетия, что значительно затрудняет суждение о их художественных качествах.

Однако внимание исследователя в первую очередь должны привлечь две особенности данной рукописи. Прежде всего, интересным представ-

¹ Палеографическое исследование рукописи проведено под руководством М. В. Щепкиной, которой автор приносит глубокую благодарность.

² В трудах по палеографии и альбомах филиграней (К. Я. Тромонин, Н. П. Лихачев, В. Н. Щепкин, С. М. Брике) бумага с головой шута в большинстве случаев относится ко второй половине (приблизительно к 70-м годам) XVII в. Самый ранний из зарегистрированных памятников древнерусской письменности, выполненный на бумаге с головой шута относится исследователями к 1593 и 1604 годам. Однако Н. П. Лихачев эти ранние датировки подвергает сомнению (Лихачев. Палеогр. зн., т. II, стр. 413)

ляется столь обширный цикл миниатюр с развитой иконографией «Повести». Миниатюрист как бы ставил своей задачей тщательное и последовательное иллюстрирование каждого эпизода. Содержание «Повести» свободно «читается» при просмотре миниатюр независимо от текста. Первенствующая роль миниатюр в данной рукописи подчеркивается и их размером (каждая миниатюра, как уже сказано, занимает почти полную страницу, тексту же уделяется лишь место для размещения 3—5 строк вверху страницы), и самим характером этого текста. Текст представляет собой лишь пояснение к данной миниатюре, связанного изложения повести в рукописи мы не имеем. В большинстве случаев писец, давая пояснение миниатюре, пользуется общеизвестным текстом «Повести». Текстологический анализ заставляет отнести его к первой редакции, согласно публикации М. О. Скрипиля.³ Делая выборки для надписания миниатюры, писец не изменяет словарный состав и самый строй «Повести», стремится тщательно сохранить ее текст, но, будучи стеснен местом, опускает части повествования, отбирая фразы, непосредственно касающиеся изображенного в миниатюре события.

Приведу несколько примеров.

Текст первой редакции

И прииде ту [в церковь] един помолитися. Яви же ся ему отроча, глаголя: «Княже! Хощеш ли, да покажу ти агриков мечь?».

Благодарный же князь Петр взял меч той, прииде и поведа брату своему.

Надпись к 3-й миниатюре

Прииде святой князь Петр в церковь, явися ему отроча, глаголя, хощеш ли, да покажу ти агриков мечь.

Надпись к 4-й миниатюре

Благодарный князь Петр взял меч той, прииде, поведа брату своему и снос своей.

В качестве примера наибольшего сокращения текста «Повести» в надписях к миниатюре можно указать на надписи лл. 9 и 10 об.

Текст первой редакции

И прииде к некоего дому вратом и не виде никого же. И вниде в дом, и не бе, кто бы его чул. И вниде в хранину и зря видение чудно: сидяше бо една девица, ткаше красна, пред нею же скача заецъ. И глаголя девица (далее следует диалог с загадками, кончающийся словами:) Она же рече: «Да приведеш князя твоего семо».

Надпись к 9-й миниатюре

И прииде ко вратам, кто бы его чул, и вниде к хранину и виде в хранине сидяше едину девицу и ткаше, и рече юноша ей: «Аз слуга князя Петра, князь мой одержим болезнию». Она же рече: «Привези князя своего семо».

Таким образом, в надписи опущено само описание «видения чудна», так как оно непосредственно имеется в самом изображении (где с большой точностью передан и ткацкий стан, и скачущий заяц, но об этом ниже). Из пространного диалога сохранены две фразы, одна: «Аз есмь муромьского князя Петра, служай ему. Князь же мои имей болезнь тяжку и язвы», дана в сильном сокращении, тогда как ответная реплика Февронии имеет разночтение только в одном слове («приведеш» — «привезеш»).

Надпись к 11-й миниатюре в первой своей части точно воспроизводит текст повести, во второй — в нескольких словах передает содержание диалога между отроками и девицей, отроками и князем и заключает в себе основное условие исцеления, поставленное Февронией.

³ М. О. Скрипиль. Повесть о Петре и Февронии (тексты). ТОДРЛ, т. VII. М.—Л., 1949, стр. 225 и сл.

Текст первой редакции

И привезоша и в дом той, в нем же бе девица. И посла к ней отрок своих глаголя (далее следует диалог, до слов:) ...аще бо не имам быти супруга ему, не тебе ми есть вращевати его.

Надпись к 11-й миниатюре

И привезоша в дом той, в нем же бе девица, и посла к ней отрок своих глаголя. Она же отвеща им: «Аще не имам супруга ему быти, не тебе ми е вращевати его».

Приведенными примерами исчерпывается наличие и характер разночтений между надписями к 3—40-й миниатюрам. В этих надписях писец либо точно, либо в некотором сокращении приводит текст «Повести», но и в последнем случае сокращает, не изменяя смысл и не вступая в противоречие со стилем повествования.

Надписи к первым двум миниатюрам значительно отступают от начала «Повести», придавая ему иной смысл и иную направленность. В надписи к первой миниатюре писец говорит об одновременном княжении двух братьев в Муроме и на первое место ставит имя князя Петра: «Святый князь Петр и князь Павел княжествовали во граде Муроме». Рассказ жены о прилетах «неприятного змия» князю Павлу, рассказ, в свою очередь, Павла его брату о прилетах змея и возможности избавления от него при помощи «Петрова плеча, агрикова меча» здесь не упоминаются.

Из надписи к миниатюре второй можно усмотреть, что князь Петр непосредственно у снохи узнает о нашедшем на нее «искушении»: «Святый благоверный князь Петр прииде к сносе своей в полату и виде змия в образе брата своего».

Примечательно, что писец, точно и конкретно обозначивший в надписи содержание миниатюр, именно здесь, по отношению только к этим двум миниатюрам, дает надпись, совершенно не соответствующую изображению. В первой миниатюре, отличающейся, кстати сказать, наиболее сложным «палатным» письмом, изображены три события. В левой верхней части изображен влетающий в терем змей, затем он же, в образе князя Павла, сидящий рядом с женой последнего, и, наконец, в нижней правой части изображена беседа князя Павла с женой, во время которой жена и поведает «вся ключьяся ей». По сторонам князя и княгини стоят группы женщин и юношей, своими жестами и выражением лиц обнаруживающих интерес к происходящему. Надпись о сокняжении двух братьев в земле Муромской к содержанию данной миниатюры не имеет никакого отношения. Еще менее сочетается с изображением надпись ко второй миниатюре, где сидящий на престоле князь Павел обращается с речью к стоящему в почтительной позе и внимательно его слушающему брату Петру. Повидимому, здесь изображен рассказ князя Павла меньшому брату своему о «речах змиевых, яко же рекл есть к жене его». В правой верхней части миниатюры находится группа женщин и стоящая поодаль их — княгиня. Над обоими братьями помещены надписи: «князь Павел», «святый Петр». Таким образом, ни в одном из действующих лиц этой сцены нельзя предположить «неприятного змия», увиденного Петром в палате снохи своей. Поскольку эти две надписи по характеру письма не отличаются от остальных, нельзя заподозрить в них и позднейшую приписку по оставленному свободным месту. Остается предположить, что писец, поставивший себе целью прославление святого, счел необходимым начать текст надписи его именем, постарался возвысить исконное значение Петра в Муромской земле и в то же время приписал ему инициативу в раскрытии козней «неприятного змия».⁴

⁴ Последнее согласуется с одним из поздних вариантов записанной В. Соколовским устной редакции «Повести», по которой сноха поведала об искушении от змея брату своего мужа Петру, «в благочестие и мудрость которого глубоко верила» (В. Соко-

Это соображение подтверждается рассмотрением сюжетов всего цикла миниатюр, в которых первенствующая роль отводится Петру как с точки зрения содержания, так и в композиционном решении большинства листов. Фигура Петра дается крупным планом, помещается в центре, так или иначе главенствует в композиции. К Петру обращены жесты остальных действующих лиц, даже отсутствия, он является объектом действия (например, в сцене встречи с Февронией отрок ведет разговор о болящем князе; отрок приносит «повесмо льна», передавая «невыполнимое задание» князя, и получает в ответ от Февронии «поленце» и т. п.). Из 40 миниатюр данной рукописи в 36-ти Петр едва ли не всегда — основное действующее лицо.

Миниатюра прославляет доблесть князя-змеборца (2—6-я миниатюры), подчеркивает страдания его от болезни, вызванной все тем же подвигом (7-я, 8-я, 10-я, 17-я миниатюры); значительное место в цикле занимает и прославление его после смерти (чудесное соединение тел во едином гробе).

Образ Февронии дан несколько «на втором плане», хотя и не забыты все основные моменты ее характеристики. При первой встрече с ней княжеского отрока не забыт и скачущий заяц, и ткацкий станок (к слову сказать, поражающий реалистичностью изображения и не имеющий аналогий в древнерусской миниатюре). Сцене чудесного исцеления посвящено двенадцать миниатюр (лл. 4 об.—10 об.). Не забыты эпизоды «неисполненных заданий»: предложение князя «учинить срачицу и порты и полотенца» из «едина повесма лну» в то время, как князь будет мыться в бане, и ответное задание девицы князю «устроить» из обрубка полена «станок и все строение» ткацкое (лл. 7 об., 8). В сценах исцеления образ Февронии не лишен известного обаяния, однако он и здесь отодвигается не только композиционно, но и в самом разворачивании сюжета несколько «под сурдинку».

В последующих местах не забыты все чудесные эпизоды «Повести»: превращение остатков пищи в благоуханный ладан в руке Февронии; обличение Февронией нечистых помыслов женатого человека; произрастание деревьев по благословию Февронии во время путешествия по Оке из гнанных из Мурома князя и княгини, и т. п.

Миниатюрист увлечен занимательной стороной «Повести», он стремится донести ее до читателя, не упустив ни одной подробности. И если соображения экономии места заставляют его предельно сжимать текст надписей, то в еще большей мере заинтересованность сложным содержанием «Повести» заставляет его передавать средствами рисунка развитие действия со всеми мельчайшими деталями и реальной обстановки, и сказочной занимательности, не упуская дидактической стороны жития, не пренебрегая и всеми возможностями прославления чудотворцев.

Необходимо оценить всю сложность задачи, стоявшей перед миниатюристом. Для передачи жития, написанного по традиционной агиографической схеме, в древней Руси давно установились привычные формы выражения, выкристаллизовавшиеся в продолжение нескольких веков в клеймах житийных икон и миниатюрах ряда житий, бытовавшие в канонических образцах и прорисях. Традиционные сцены рождества, научения священному писанию, принятия священнического или иноческого чина (для предподобных) или мучений (для мучеников), добрые дела при жизни, «честное усение» и чудеса по смерти — такова привычная схема житий и житийных икон византийской и русской агиографической литературы и иконописи.

Л о в с к и й. Народное предание о жизни преподобных муромских Петра и Февронии. Цитируется по статье: М. О. С к р и п л ь. Повесть о Петре и Февронии муромских в ее отношении к русской сказке. — ТОДРЛ, т. VII. М.—Л., 1949, стр. 153).

Необычность содержания «Повести о Петре и Февронии», отличие этого «Жития новых муромских чудотворцев» от привычной агиографической схемы отмечалось множеством исследователей.⁵ Ими же указывалось на фольклорную основу жития. Однако, пожалуй, никогда еще не была оценена достаточно полно многоплановость, сложное переплетение сюжетных линий «Повести». Прославление князя-змееборца, явившееся откликом героических идеалов домонгольского периода и особенно периода борьбы с татарским игом, прославление мудрой девы из народа, т. е. та часть повести, в которой звучали и демократические, и антибоярские настроения, наконец, полный глубокой поэзии рассказ о совершенной любви, пережившей смерть, — таков сложный состав «Повести». К этому необходимо прибавить изменение акцентов, усиление (в зависимости от того или иного исторического периода) то моментов идеализации уходящего удельного порядка, то прославление идей единой государственной власти, а также упоминавшиеся выше моменты дидактические и стремление окружить «ореолом святости» «новых чудотворцев».⁶

Естественно, что ни о каких образцах и прорисях для руководства в передаче столь сложного содержания «Повести» не могло быть и речи. Тем труднее была задача миниатюриста, возвращенного в устойчивых традициях иконописания или миниатюрного письма. Однако сила поэтических образов «Повести» помогла преодолеть трудности самостоятельного творчества, вне канонических установлений.

Следуя за текстом «Повести», миниатюрист вместо традиционных форм рождения, «божественного призвания» и прославления после смерти находит возможным начать свое житийное повествование своеобразной интродукцией, вводящей в обширный цикл миниатюр, — первой, сложной по композиции миниатюрой, содержащей рассказ о князе Павле и его жене, о прилетах «неприятного» змея и о признании княгини мужу в своем падении.

Устанавливая своеобразную иконографию этого необычного жития, миниатюрист не только стремился передать развитие действия и развитие характеров героев своего повествования. Основной пафос его рассказа направлен на прославление идеальной любви, вопреки многим испытаниям крепнущей и очищающейся и в конце концов торжествующей не только над «людским коварством», но и над самой смертью. Именно это заставляет художника останавливаться на эпизодах двукратного исцеления, на устройении «единого гроба», согласии умереть во единый час, двукратном приходе отрока от Петра к княгине с вестью о приближении смерти и, наконец, на чудесном обретении тел любящих во едином гробе. Социальная острота боярских наветов, изгнания, усабицы отступает на второй план. Она заменяется скорее прославлением победы мудрого князя и княгини над мятежниками, торжества единой государственной власти.

Передача столь сложного переплетения сюжетных линий, эмоционального звучания и социальной направленности повести в данном цикле миниатюр в значительной мере удалась художнику. Это сказывается не только в тщательности и полноте иллюстрирования текста, в передаче мельчайших подробностей и в то же время в умелом отборе и показе характерных из них, но и в той своеобразной, несколько наивной поэзии, которую сумел почувствовать и донести до читателя, вернее до зрителя, древнерусский миниатюрист в созданных им образах.

⁵ Н. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития. М., 1915, стр. 287; М. О. Скрипиль. Повесть о Петре и Февронии..., стр. 131 и сл., и др.

⁶ М. О. Скрипиль. Повесть о Петре и Февронии..., стр. 139—140, 167.

Необходимо, однако, уяснить себе, принадлежит ли автору (или авторам) рассматриваемого цикла миниатюр честь создания и установления иконографии «Повести»

Палеографические данные рукописи весьма противоречивы. Если водяной знак заставляет определенно датировать бумагу не ранее чем 40-ми годами XVII в., то прекрасный полуустав XVI в., которым написан текст, является столь важным признаком в определении происхождения рукописи, что его не представляется возможным оставить без внимания

Необходимо остановиться и еще на одной примечательной особенности. Сорок миниатюр рассматриваемой рукописи по своему числу, сюжету и, в основном, по композиции совпадают с числом, сюжетом и композицией клейм двух житийных икон XVII в., хранящихся в Муромском краеведческом музее.⁷ Надписи на иконных клеймах обнаруживают известную близость с текстом списка «Повести» XVI—начала XVII в. (ГИМ, Синод 555), хотя и имеющему разночтения, но относящемуся к кругу первой редакции «Повести».⁸

Совпадая по сюжету и основной композиционной схеме с миниатюрами, клейма рознятся в некоторых второстепенных деталях: уменьшено или увеличено число людей в толпе или число башенок и островерхих крыш в архитектурном фоне, круглые окна или розетки заменены овальными и наоборот. Различие наблюдается и в деталях одежды. Основная направленность этих композиционных «разночтений» заключается в некотором упрощении композиции (хотя все же достаточно перегруженной), укрупнении пропорций, вызванных особенностями иконного письма.

Значительное различие отмечается в самом характере рисунка и колорита. Особенно отличается последний в иконе 40-х годов XVII в., изобилующей красной, светло-зеленой, белой, палевой, розовой и темно-зеленой красками, следами золота, что в совокупности приобретает характер цветистого ковра или узорочья.

Колористическая гамма миниатюр значительно сдержаннее, несколько глуше, и взята в иной тональности. И несмотря на все эти различия, основная композиционная схема устойчиво совпадает на протяжении всех 40 иконных клейм и 40 миниатюр, не говоря уже о точном совпадении сюжета.

Необходимо отметить и еще одно обстоятельство. В том же бывшем собрании Н. П. Лихачева имеется рукопись конца XVIII в. (л. 396), содержащая полный текст «Повести»,⁹ сопровождающийся 40 миниатюрами, которые являются точной копией клейм муромских икон и повторяют

⁷ Одна из них датируется 40-ми годами XVII в., дата другой (1669 г) определяется вкладной надписью. Подробнее об этих иконах см. О Подобедова «Повесть о Петре и Февронии» как литературный источник житийных икон XVII в. ТОДРА, т. X, М—Л, 1954, стр. 290—304

⁸ М. О. Скрипиль «Повесть о Петре и Февронии», стр. 224. Примечательно, что надпись на первом клейме обеих икон содержит традиционную начальную фразу «Повести»: «Бысть в российстей земле град, нарицаемой Муром, в нем же самодержавствуя благоверный князь Павел», столь вольно измененную в рассматриваемом лицевом списке.

⁹ «История о граде Муроме, како самодержавствуя в нем благоверный князь Павел с юнейшим братом благоверным князем Петром» Полуустав конца XVIII в. № 396, 100 лл., 4°. Отдел древних рукописей и актов ЛОИИ. Необходимо указать, что других аналогий среди лицевых рукописей «Повести» нет, за исключением лицевого жития в Четьи-Минее за июнь, относящейся к концу XVI—началу XVII в. Эта Минеева описана Калайдовичем и Строевым, указывающими, что «при некоторых из житий приложены изображения, особенно любопытные в жизни муромских чудотворцев, князя Петра и княгини Февронии, живших в XIII веке» (К. Калайдович и П. Строев. Обстоятельное описание славяно-русских рукописей, хранящихся в библиотеке Ф. А. Толстого М., 1829, стр. 170). Речь идет о Годуновской Минее, где часть миниатюр осталась в очереди (незакрашенными)

с небольшими (названными выше) расхождениями композицию и рисунок миниатюр рассматриваемой нами рукописи.

Все это позволяет говорить об установившейся иконографической традиции, больше того, указывает на разработанность иконографии «Повести» к середине XVII столетия, но пока еще недостаточно проливает свет на ее истоки. Истоки, по-видимому, нужно искать в Муромской земле, на что указывает не только наличие икон, повторяющих иконографическую схему миниатюр нашей рукописи, но и сам состав рукописи. Наличие в ней «Жития Василия Рязанского» указывает на интересы и симпатии заказчика рукописи (и ее создателя), связанные с Муромской землей.

Прекрасный почерк XVI в., некоторый архаизм форм и композиционных решений, сам характер контуров рисунка, способ наложения акварели («в приплеск») указывают на связь данной рукописи с кругом лицевых житий XVI в. Много черт XVI в. можно усмотреть и в одежде персонажей, и в палатном письме, отчасти в расположении деревьев и горок, в том, как миниатюрист драпирует одежды, ткани, в таких «индивидуальных» деталях, как шатер и своеобразный киворий над ложем и повозкой большого Петра (миниатюры 8, 10, 19) и т. д.

Отдаленные аналогии палатного письма, некоторых деталей (как изображение лодок на миниатюрах 27 и 30 или изображение коней княжеской свиты) можно усмотреть как в некоторых листах Лицевого свода, так и в миниатюрах «Слова Иоанна Богослова на Успение»... (ВБЛ, Егоровское собр., 1844).¹⁰ С последним связывает рассматриваемый нами цикл миниатюр еще и своеобразное построение композиции многих сцен, которые по своему содержанию, казалось бы, должны были совершаться внутри жилища. Однако миниатюрист работает в традициях XVI в. Он не вводит еще действие в интерьер, а предпочитает изобразить сложный городской ансамбль и вынести на открытое пространство переднего плана этого города сцены исцеления Петра (миниатюры 13, 14, 17 и др.), подобно тому, как на улице города миниатюрист «Слова Иоанна Богослова на Успение» выносит сцены прощания умирающей Богоматери с апостолами.

Эти аналогии позволяют в поисках протооригинала миниатюр «Повести о Петре и Февронии» обратиться к кругу Грозного и даже, точнее, к маркарьевским мастерским. Помимо стилистических данных, такое обращение оправдывается и некоторыми историческими событиями. Если местное поклонение Петру и Февронии бытовало достаточно давно в пределах Муромской земли, если почитание их начало постепенно проникать и в смежные среднерусские земли, то кононизация Петра и Февронии как общерусских святых совершилась лишь в 1549 г. Таким образом, включая их в обширный создаваемый им русский пантеон, Макарий не мог не уделить столь необычному житию Петра и Февронии некоторой доли внимания. Этому особенно способствовали развернувшиеся вскоре события, связанные со взятием Казани. Муром был избран Грозным как место сбора и военная база по подготовке операций осады, а потом и покорения Казани. В Муроме Грозный делал смотр войскам, оттуда и выступил по направлению к Казани.¹¹

¹⁰ Наиболее близкие аналогии палатного письма см.: Лицевой свод Грозного (Син. 962), л. 45; ср. сцену поставления митрополита Иосафа Скрипицина и нашу миниатюру 39. См. также Остермановский том Лицевого свода (лист «И даша посадничество Михалько Федоровичю...»), а также л. 240 об. Голицынского тома Лицевого свода, где изображен брачный пир князя Василия Константиновича ростовского и др. миниатюры, содержащие, помимо аналогий палатного письма, изображения трапезы, подобные изображению на миниатюре 25 «Повести о Петре и Февронии».

¹¹ «И учал государь мыслити з братом своим со князем Владимиром Андреевичем и з бояры и с всеми воеводами, как итти к Казани и на которые места; и приговорил

И в момент прихода своего и перед выступлением войск Грозный прибегает с молитвой к «сродникам своим и великим чудотворцам Петру и Февронии». Летопись дважды отмечает моление царя перед гробницей князя и княгини. Сразу же после известия о прибытии Грозного в Муром 13 июля 1552 г. летописец сообщает: «И приходит государь в соборную церковь града того Рождества Пречистыя и к сродникам своим к великим чудотворцам князю Петру и княгини Февронии, и по всем местам обходит с молением».¹²

В ожидании присоединения войск Шигалея, Грозный проводит в Муроме 10 дней. После соединения сил, накануне выступления происходит смотр полкам.¹³ На седьмой день своего пребывания в Муроме, по-видимому, уже после присоединения войск Шигалея и непосредственно перед приготовлениями к выступлению «иулиа 20, в среду, на Ильин день, прииде государь в церковь Рождества Пречистые и великим чудотворцом и молебная с великими слезами на многой час съвршив и призвав всесильного бога на помощь и пречистую его Богоматерь и великих чудотворцев также и святых своих сродников».¹⁴

Победа над Казанью много способствовала оживлению культа Петра и Февронии. Взойдя на улицы Казани, заваленные трупами убитых и еще дымящиеся пожарами, Грозный сразу же озаботился освятить город и заложить храм во имя Благовещения с двумя приделами, один из которых был посвящен Борису и Глебу, а другой — новым муромским чудотворцам, Петру и Февронии.¹⁵ В самом Муроме Грозный поновляет собор и, по местному преданию, заказывает образ Петра и Февронии с житием «на злате». Действительно, в описях Муромского собора значится образ на 10 или 11 цках (т. е. досках), однако в наши дни ни в описях, ни в актах на списание в краеведческом музее эта икона не упоминается. Очевидно, утрата ее относится к предреволюционному периоду. С созданием этого образа и может быть связано возникновение лицевой рукописи, содержащей развитый иконографический цикл жития, характеризующийся тщательностью, с которой миниатюрист воспроизвел мельчайшие подробности «Повести».

Эта рукопись могла возникнуть и как царский заказ лицевого жития, и как своеобразный вид прориси, вернее выполненного в красках «образа», предшествовавшего написанию житийной иконы.

Значение лицевых рукописей в развитии иконной и фресковой живописи второй половины XVI в. неоднократно упоминалось в искусствоведческой литературе,¹⁶ хотя сам процесс взаимодействия миниатюры с монументальной и станковой живописью так и остался до конца не исследованным. Однако и иконостасные «чины», и стенные росписи на темы биб-

итти государь надвое... а самому государю итти на Володимерь и на Муром, а въвед отпустить на Рязань и на Мещеру. А сам государь пошел из Володимеря Иулия 10, в неделю, к Мурому и прииде в Муром того же месяца 13, в среду» (Никоновская летопись под 1552 (7060) г.).

¹² Никоновская летопись под 1552 (7060) г.

¹³ «И возвигнувся из Мурома царь князь великий, собрався со всеми силами русскими, изыде на чистое поле на великое и ту благоразумию уряжает полки» (Казанская история. Под ред. Г. Н. Моисеевой. М.—Л., 1954, стр. 123).

¹⁴ Никоновская летопись под 1552 (7060) г.

¹⁵ «И во един день созда храм соборный Благовещение пресвятыя владычицы нашаия богородицы, на месте красне, на площади, близ царева двора, придела два имущи едином стоянием сотворенны церкви же приделныя велицын, стратотерпцы руския благоверни князи Борис и Глеб и новоявленныя чудотворцы муромския, князь Петр и княгини Феврония» (Казанская история, стр. 161—162).

¹⁶ Г. Георгиевский и Г. Георгиевский. Русская миниатюра XVI века. В кн.: М. Владимиров и Г. Георгиевский. Древнерусская миниатюра М., 1933, стр. 43.

лейской и церковной истории, и, главное, житийные иконы повторяют многие страницы лицевых рукописей, в данном случае использованных в прямом значении иконописных «подлинников».¹⁷ Тем более для столь необычного по составу жития, для воплощения которого невозможно было воспользоваться какими бы то ни было традициями, источником для житийной иконы должна была несомненно послужить лицевая рукопись. Таким образом, с уверенностью можно сказать, что рукопись, послужившая протооригиналом для разбираемой нами, явилась истоком и иконографии ряда икон (куда относятся уже упоминавшиеся нами иконы Муромского краеведческого музея, датирующиеся 1640-ми годами и 1669 г.). Время возникновения лицевой рукописи ограничивается 1547—1552 гг., т. е. моментом канонизации Петра и Февронии и временем оживления культа муромских чудотворцев в связи с Казанской эпопеей.

Трудно утверждать, была ли эта рукопись предназначена именно для упорядочения иконных изображений. Однако если учесть, с одной стороны, общую направленность деятельности Макария и его круга, а с другой — принять во внимание некоторые особенности дошедшей до нас лицевой рукописи, то такое предположение имеет некоторые основания.

Прежде всего большинство миниатюр носит прямоугольный характер, композиция отличается известной замкнутостью, архитектурные фоны значительно упрощены (если сравнивать их с такими сложными архитектурными фонами, как, например, в Лицевом своде), в пределах одной миниатюры изображается в большинстве случаев два, реже три происходящих одновременно или в прямой последовательности действия. Надписи над миниатюрами, являющиеся лишь краткими извлечениями из текста «Повести», могут трактоваться как будущие надписи на иконном клейме. Все это в значительной мере указывает на создание первоначальной рукописи как своего рода лицевого подлинника. В таком случае автора первоначального цикла миниатюр нужно искать в кругу макарьевских мастеров. На это указывает и прекрасный почерк, близкий лучшим страницам Лицевого свода и «Козьмы Индикоплова» (Синод. 997), и ряд аналогий в деталях с называвшимися выше рукописями макарьевского круга.

Все высказанные соображения подтверждаются и общей идейной направленностью цикла миниатюр, прославляющего Петра — святого-змееборца и единоподержавного мудрого правителя-князя, страдавшего от боярских козней, но преодолевшего их собственной мудростью и благочестием.

Если в известной мере удастся определить время возникновения и наметить круг, из которого вышел протооригинал лицевой «Повести», и определить его взаимоотношения с иконным циклом, то установить место написания и автора рукописи из бывшего Лихачевского собрания значительно труднее.

Иконографию ряда икон, в том числе двух икон XVII в., можно считать преемственной от протооригинала — первой лицевой рукописи — через древнейшую икону Грозненского времени к двум иконам XVII в. Таким образом, считать, что наша рукопись вновь копировала утраченную древнюю икону для создания икон XVII в., нет оснований.

Грозненская икона, окруженная, по преданию, особым почитанием, была достаточным источником для живописца середины XVII в. Иконописец, выполнявший икону 1669 г., явно копировал предыдущую икону 40-х годов, так как в виде 41-го клейма поместил оригинальный средник иконы 40-х годов.

¹⁷ М. Владимиров и Г. Георгиевский. Древнерусская миниатюра. М., 1935, стр. 43—44.

Однако бумага нашей рукописи указывает на 40—70-е годы XVII столетия. Прекрасный почерк — полуустав XVI в., точный во всех своих деталях, — скорее говорит о том, что рукопись мог выполнить сохранивший старинную выучку старик-писец, живший в Муроме. За это говорят и провинциализм всего характера миниатюр, и некоторые особенности в их выполнении. Благородный очерк некоторых фигур, мастерство композиции некоторых из них сочетается с профессиональными погрешностями в пределах одной и той же миниатюры, указывающими на то, что не всегда рука и зрение одинаково служили мастеру. Обширный цикл миниатюр выполнен не одним миниатюристом, тогда как надписи сделаны все одной рукой. С достоверностью можно выделить двух мастеров¹⁸ миниатюры: одного, более сильного, но поражающего отдельными профессиональными промахами, а другого — совсем слабого в композиции, но стремящегося к яркости красок, множеству мелких цветовых пятен, превращающих его листы в цветистое узорчье. Первому принадлежит подавляющее большинство миниатюр, иллюстрирующих эпизоды змеборства и чудесного исцеления князя Петра (за исключением 2-й и 20-й миниатюр), второму — эпизоды боярских наветов и уوبيцы, изгнания князя и княгини, чудесного плаванья, истории создания единого гроба, согласия умереть во единый час и соединения в одном гробе (в этой группе миниатюр первому мастеру могут принадлежать лишь 24-я, 32-я, 33-я и 38-я миниатюры).

Как уже сказано было выше, миниатюры первого мастера богаче по композиционным решениям. Сложное палатное письмо способствует членению первого, второго и третьего планов, объединяет или разделяет эпизоды, изображенные в пределах одной миниатюры, объединяет группы фигур и т. д. Изображение палат, представляющих собой либо одну замысловатую постройку, либо сложный ансамбль, нередко играет значительную роль в самом строе и эмоциональном звучании художественного образа.

Так, например, изображая в первой миниатюре многочисленные постройки княжеского дворца с его теремами, башнями, переходами и арками, мастер размещает действующих лиц трех эпизодов, самым композиционным решением указывая последовательность повествования. Ломаные линии острой двускатной крыши терема, куда влетает змей, несколько островерхих башенок усиливают напряженность действия в верхней левой части первой миниатюры, где изображен прилет змея и приход его под видом князя Павла к княгине. В нижней правой части фигуры князя Павла и его жены умело вписаны в полукруг арки, переброшенной между двумя массивными колоннами, которые размещены по бокам «стольцов», где восседают князь и княгиня.

Последовательность действия во времени удается передать мастеру, помещая фигуры Февронии и княжеского отрока в замкнутом четвероугольнике зданий (миниатюра 12), а ложе болящего князя, со склонившимися к нему фигурами двух слуг, располагая справа на первом плане.

Сложный городской ансамбль со множеством островерхих крыш, с причудливыми ломаными линиями башенок, цветным узорчьем на глади стен усиливает напряженность действия в сцене первого исцеления князя (14-я

¹⁸ Пристальный анализ очерка миниатюр, способа наложения краски, роли линии и цвета, колористических особенностей и выполнения ряда деталей одежды, драпировок, деревьев, архитектуры позволил бы, может быть, указать и на большее количество мастеров (до 4), работавших над данным циклом миниатюр. Однако позднейшие поновления настолько искажают представление о характере миниатюр, что дать обоснования работе многих миниатюристов с достаточной уверенностью не представляется возможным.

миниатюра). Четыре килевидные арочки дворцового здания соответствуют четырем сидящим за свадебной трапезой членам княжеской семьи (Петру, Февронии и Павлу с женой). Свадебный пир изображается не внутри, а на фоне здания.

Сложные архитектурные фоны, строго уравновешенная и продуманная композиция, всегда легко вписывающаяся в прямоугольник, напоминающий о прямоугольнике иконного клейма, благородный очерк фигур, в особенности рук действующих лиц, неожиданно сочетаются в пределах одной и той же миниатюры с большими головами, короткими и явно непропорциональными фигурами. Особенно характерна в этом случае 21-я миниатюра.

Было бы слишком примитивным решением относить все сильные стороны разбираемых нами миниатюр за счет высокого качества протооригинала и все промахи — за счет низкого уровня провинциального мастера. Этот же первый мастер хорошо усвоил принципы наложения краски в протооригинале. Он использует манеру «в приплеск», моделируя объемы, подчиняя графическое начало своих миниатюр живописному, строя объемы при помощи цвета. Об этом наглядно свидетельствуют миниатюры 1, 14 и 15, наименее испорченные поздним поновлением. Этот же первый мастер насыщает свои миниатюры множеством бытовых подробностей — тех «реалий», наличие которых столь характерно для всего искусства XVII столетия. Тщательно изображает он ткацкий станок Февронии в 9-й миниатюре, подробно останавливается на том, как мудрая дева черпает из квашни закваску, чтобы передать ее княжескому отроку (миниатюра 13), как княжеский отрок топит баню, а князь в бане моется, как тот же отрок берет с палатей полено, а потом отрубает «утинок» для невыполнимого задания князю (миниатюры 14, 15, 17), как по обету вышивает пелену княгиня-схимница (миниатюра 33) и т. д.

Мастер этот хорошо чувствует книгу, используя для композиционных построений развороты. Так, например, 8-я и 9-я миниатюры (стоящие на одном развороте) воспринимаются как единое целое. Движение повозки, в которой находится больной князь, слева направо в 8-й миниатюре продолжается и в 9-й, где изображены предшествующие повозке два всадника. В 8-й миниатюре изображена часть горы, склон которой продолжен в левой части 9-й миниатюры. Очерк гор, движения всадников на втором плане, как и жест Петра, указывающего вперед (миниатюра 8), — все обращено к правой верхней части 9-й миниатюры, где изображена мудрая дева, занятая рукоделием. Движение скачущего перед ней зайца заставляет взгляд зрителя устремляться от едущих князя и отроков к той, от кого они ищут помощи и исцеления.

Это композиционное решение разворота может быть отнесено и к искусному мастерству книжника-исполнителя протооригинала, и к установившимся традициям житийных икон, в которых действие в своем развитии почти неприметно для глаза переходит из клейма в клеймо.

Преобладание светлых и желтоватых тонов вносит в миниатюру (особенно в 8-ю) ощущение света, а легкие сулуэты всадников, выезжающих из-за холма, и очертания холма на светлом бумажном фоне воспринимаются как овеянные воздухом.

Говорить о колорите миниатюр приходится крайне осторожно из-за поздней записи. Сейчас в одеждах, утвари преобладают густые зеленые и коричнево-красные тона. Здания в архитектурных фонах — оранжевые, белые, розовые, светло- и темно-зеленые, крыши малиново-красные и зеленые. Основная древняя раскраска хорошо сохранилась на 1-й, 8-й, 12-й и 14-й миниатюрах. Акварель проложена тонким слоем, сильно освещенные места оставлены, как уже упоминалось, незакрашенными. Мазок ложится

уверенно, по форме, редко заходит за тонкий контур. В названных миниатюрах преобладают темно- и светло-зеленый, красный и розовый цвета. Причем красный имеет два тона: глубокий, интенсивный, нанесенный более плотно, и приглушенный, светлый, проложенный особенно тонким слоем. Последний придает особое очарование колористической гамме миниатюры. Следы твореного золота на нимбах, княжеских престолах и даже ложе больного князя указывают на известную парадность лицевой рукописи.

Более сдержанная цветовая гамма первого миниатюриста оживлялась мерцанием золота, приближая общий характер миниатюр к живописи клейм житийных икон.

Руку второго мастера прежде всего можно отличить по яркой цветовой гамме, по характеру наложения краски, особенностям рисунка и композиции. Этот мастер любит сочетать синий с яркими красным, зеленым, сиреневым, желтым и белым цветами. Краска покрывает плоскости, но не моделирует форму. Изображения более плоскостны. Скорее на первое место в некоторых миниатюрах выступает линейно-графическое начало. Складки одежды и драпировки ткани этот мастер покрывает множеством росчерков. Но главная черта его — в неорганизованности, почти беспомощности композиций. Особенно отличаются этим миниатюры 26 и 27, изображающие плавание по Оке, 30-я — возвращение в Муром изгнанных Петра и Февронии и 31-я — создание единого гроба. Стремясь воспроизвести сложные композиции протооригинала, мастер или упрощает их или искажает. Он беспомощно передает архитектурные фоны, традиционные лешадки заменяются у него волнистыми росчерками. Вместе с тем заметно, что он любит изображения природы. В его миниатюрах встречаются живо наблюдаемые детали — в позах, жестах, изображениях архитектуры. Достаточно указать на фигуру рулевого в 26-й миниатюре или на сцену приема муромских послов изгнанными князем и княгиней (миниатюра 29). Палаты напоминают покосившиеся деревенские строения, шатер над князем и княгиней отличается примитивностью формы (если сравнить с киворием над повозкой или шатром у ложа больного Петра в миниатюрах первого мастера). Примечательны лица послов, особенно стоящего слева, своей живой выразительностью — это увиденные мастером лица его современников — крестьян или посадских людей. Позы и жесты послов и изгнанных князя и княгини, «вписанность» этой сцены в «пейзаж» — придают ей особую интимность и задушевность. Второй мастер далек от столичной выучки, его малая подготовленность сказывается во всем, но отдельные, выполненные им миниатюры подкупают своей задушевностью.

Таким образом, рассмотрение художественных качеств миниатюр заставляет с большей уверенностью говорить о местном происхождении рукописи.

Много сложнее назвать заказчика рукописи. Хотя культ Петра и Февронии, оживившийся во времена Грозного, не забывается и позднее в царском кругу, о чем свидетельствует вклад Федора и Ирины в Муромский собор, а позднее изображение Петра и Февронии на северо-западном столпе Архангельского собора в числе «сродников» московского государя, однако искать заказчика рукописи в придворных кругах нет основания. Это исключается ремесленным качеством миниатюр, с одной стороны, и составом рукописи (наличие в ней «Жития Василия Рязанского»), указывающим на местные (муромско-рязанские) интересы заказчика.

Сама идейная направленность цикла, прославление в нем в первую очередь единоподданного правителя, а также ясно выраженный интерес к чудесному, к элементам сказки, к поэтической истории любви, пережив-

шей смерть, — все это указывает на заказчика, стоявшего в стороне от политических бурь, потрясавших страну в начале XVII столетия. Прочная власть единоподданного монарха, достаточно утвердившаяся уже в первой четверти столетия, не только способствовала процветанию служилого дворянства, но и отвечала насущным интересам торговых людей верхушки городского посада.

Еще со времени Грозного Муромский посад отличался обширностью и богатством. В XVII столетии город, стоявший на торговом водном пути (на берегу Оки), имел немало зажиточных ремесленников и торговых людей. Недаром в начале столетия Андрей Палицын получает назначение воеводой в богатый Муром как награду за верную службу первому Романову. Именно в этом кругу посадских и торговых людей следует искать заказчика лицевой рукописи «Повести». «Повесть» в картинках, наглядно передающая сложные события, детально изображенные миниатюристом, «Повесть», текст которой сведен до минимума в надписях к миниатюрам, а содержание не утратило от этого своей занимательности, должна была отвечать не только вкусам, но и уровню образования не всегда искушенного в грамоте посадского или торгового человека.

Весьма возможно, что вкладчик иконы 1669 г., Сидор Матвеев, сын Лопатин, не обозначивший во вкладной надписи своего звания, принадлежал к муромской «гостиной корпорации». Во всяком случае он обладал достаточно большими средствами, так как одновременно в октябре 1669 года смог поставить по обещанию четыре иконы, среди которых находилась житийная икона Петра и Февронии.¹⁹ Если рассматриваемая нами рукопись, миниатюры которой, как уже сказано выше, по числу, сюжетам и композиции близки иконе, выполненной «по обещанию» Сидора Лопатина, и не явилась непосредственной собственностью последнего (на это нет документальных данных), то заказчика ее нужно искать именно в кругу не служилых, а торговых людей.

Самый же факт дублирования рукописей не представляет чего-либо особо выдающегося в конце XVI—начале XVII столетий. Еще во второй половине XVI столетия можно указать на дублирование рукописей «Козьмы Индикоплова»,²⁰ позднее, в XVII столетии, можно указать на повторение лицевого жития Федора Эдесского.²¹ Подобные факты можно было бы умножить не только примером копирования лицевой рукописи «Повести о Петре и Февронии».²² Однако не нужно забывать, что иконография «Повести», запечатленная в миниатюрах рукописи из бывшего Лихачевского собрания и в двух иконах XVII в. из Муромского краеведче-

¹⁹ Вкладная надпись на иконе Петра и Февронии гласит: «года 7178 (1669), октября, в ... день, написаны иконы Воскресение христово и Муромских чудотворцев и мучеников христовых Георгия и Никиты и Бориса и Глеба в страстях, по обещанию Сидора Матвеева, сына Лопатина».

²⁰ Ср. рукопись «Христанской топографии Козьмы Индикоплова» в ВБЛ (№ 102 из бывш. собр. Московской духовной академии) и рукопись Макарьевых Четвх-Миней за ноябрь, хранящаяся в ГИМе (Синод. 997).

²¹ Житие Федора Эдесского, копия XVII в., хранится в ГИМе (Муз. 3446), восходит к царским письмам XVI в.

²² «Наличие дублирования в книжной продукции XVI века необходимо отметить. Почему в середине XVI века понадобилось иметь не один экземпляр „Козьмы Индикоплова“, это может быть понятно только при предположении, что Миней и вообще труды Макария служили подлинниками, оригиналами, в которых царские мастера находили себе сюжеты и их трактовку. Во всяком случае потребности XVI века вызвали и допустили дублировку художественных произведений в книжном оформлении, чего не знало предшествующее время и чем широко воспользовалось последующее» (М. Владимиров. Историко-художественное значение русской миниатюры XVI века. В кн.: М. Владимиров и Г. Георгиевский. Древнерусская миниатюра. М., 1933, стр. 41).

ского музея, была не единственной. Трактовка образов «Повести» нашла себе и иную социальную и иную эмоциональную окраску, как и иное пластическое воплощение, в иконе из Муромского краеведческого музея, являющейся вкладом 1618 г. в Муромский собор племянника знаменитого Авраамия Палицына — муромского воеводы Андрея Федоровича Палицына.

В тридцати шести клеймах этой житийной иконы «Муромских чудотворцев» остро выражены антибоярские тенденции «Повести». Именно в ней последовательно, из клейма в клеймо житийного цикла, прославляется поэтический образ мудрой девы из народа — Февронии. Как уже говорилось, икона исполнена, по всей вероятности, в мастерской Троице-Сергиевой лавры,²³ с которой прочно связан был род Палицыных на протяжении почти двух столетий.²⁴ Полная независимость как с точки зрения идейной направленности, так и в самом воплощении средствами изобразительного искусства содержания «Повести» в иконе 1618 г. свидетельствует о наличии второго и возможно более древнего иконографического извода, сложившегося в кругу, в котором достаточно устойчиво держались антибоярские и демократические тенденции.

С иконографией «Повести о Петре и Февронии» мы сталкиваемся не в момент ее возникновения и формирования, а в ту пору, когда сложился образный строй и идейная трактовка житийного цикла и в иконах, и в миниатюрах. Установить отправные моменты формирования этих циклов достаточно сложно. Однако с уверенностью можно сказать, что если текстологический анализ «Повести» позволяет предположить наличие двух ее архетипов, к которым восходят соответственно две группы дошедших до нас списков, то и анализ памятников изобразительного искусства дает нам два иконографических извода, отличающихся по образному строю и внутренней направленности.

Процесс сложения этих иконографических изводов всякий раз связан с кругом книжников, «любителей просвещения» и миниатюристов или иконных мастеров столицы. Но если последние черпают свои образы из богатого источника местных преданий и традиций, то в свою очередь произведения изобразительного искусства, созданные царскими или митрополитскими изографами, в процессе интерпретации их провинциальными мастерами, зачастую обогащаются новым эмоциональным звучанием и, повторяясь в списках, вариантах и копиях, живут на протяжении столетий.

²³ О. Подобедова. «Повесть о Петре и Февронии» как литературный источник житийных икон XVII века, стр. 296.

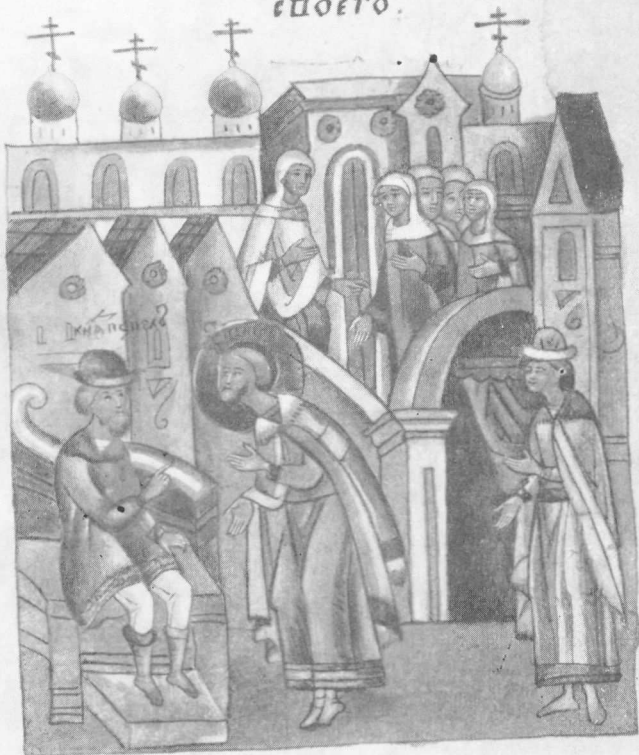
²⁴ С. В. Бахрушин. Андрей Федорович Палицын. В кн.: С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III. М., 1955, стр. 176—177.

Сѣи́и кнѣзь петро, и кнѣзь павелъ,
вплъкѣ довали соудѣ моу
ромѣ.

Рис. 1. 1-я миниатюра «Повести о Петре и Февронии» (л. 50).

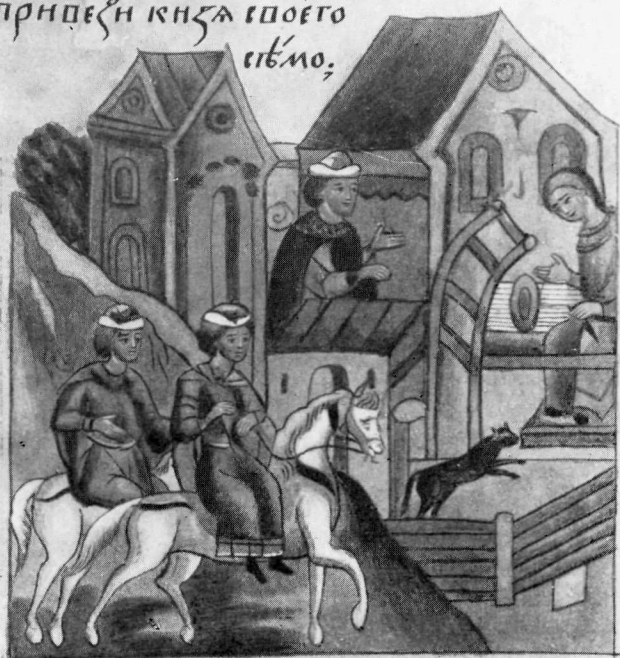
Сѣтынъ бѣгоубрныи князь перть прїиде
къ поитѣ своѣи съ полатѣ, и видѣ змиа
въ ѡбразѣ врата
своего.

Б

Рис. 2. 2-я миниатюра.

Спрінде коврѣтѣ ктѣбы сѣго чѣуль,
 и онде въ храмнѣхъ і вндѣ сѣхраминѣхъ
 сѣдѣше єдинѣ двѣхъ и тѣкаше, и рече
 юноша єн, азъ слѣдѣ князя петра
 кня мошежи большию, ѡнаже рече,
 придеши князя своєго
 сѣмо.

1

4

Рис. 3. 9-я миниатюра.

И пришесть тикъто, и пошеда кнзю
своемъ, тако рече дщца, кнзъ же петр
яко не беретъи слово ея. и рече имъ,
рцыте ея. и щелноувратитъ
поа ю себѣ жену;

КІ

Рис. 4. 12-я миниатюра

И прише рѣша ѿн слово, ѿна оземь
сосудь маю почерпѣ книледи свои,
и даху на нѣ, и рече, да оутредакнѣю
оашему браню, да помажутъ стрѣ
пы и оубы, его.

ГІ

Рис. 5. 13-я миниатюра.

Слѣга прннеє кней анѹ пощѣмон
 Викнѣже слоѡпо сказа, ѡнаѣже даде по
 ленце нрече, юмоше, даоустроити
 ми шѣ оутинцы кнѣзь пашь, ста
 нокѡ нѣже строеніе;

Рис. 6. 15-я миниатюра

Слуга же шенден казѣ кнѣзю. кѣ же
 в днѣ са швѣтхѣхъ. и по времени
 кнѣзь перѣ и де обаню мытнею .
 и помазѣа гѣзвы и
 стрѣпы.

Рис. 7. 17-я миниатюра.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

И. П. ЕРЕМИН

Литературное наследие Кирилла Туровского*

IV

1

¹ В недѣлю цвѣтную о сказании еваггельствѣмъ ² свя-
таго Кирила.³

Велика и ветха скровища, дивно и радостно откровение, добра и
сила богатства, нескудно ближним ⁴ даемии дарове, славна ⁵ и зѣло
честна ⁶ дому искуснии строители, обилны и преполнены ⁷ царское тря-
пезы мнози отстатци, от них же нищии препитаеми бывають негиблющею
ядью, но пребывающею в живот вѣчный. Словеса бо еваггельская пища
суть душам нашим, яже Христос многообразно глагола челоуѣческаго ради
спасения. Его же славный и честный дом — церкви имѣть искусны
строителя: патриархы и епископы, ерѣя же и игумены, и вся церковныя
учителя, иже вѣроу и чистотою ⁸ ближнии богу створишася и приемлють
святаго духа благодатью ⁹ различныя дары учению, ¹⁰ ицѣлению ¹¹ по мѣрѣ
дара Христова. Тѣмъ же и мы, убозии, тоя же тряпезы останков крупицѣ
възе (л. 178 об.) млющеи, насыщаемся: ¹² киждо бо раб своего господина
хвалить.

Радость же нам, братье, днесь и веселье всему миру пришедшаго ради
праздника, о немъ же ¹³ пророческая писанья сбытые приша, ¹⁴ творимаго
ради вонь Христомъ знаменья. Днесь Христос от Вифанья в Ерусалим
въходитъ, ¹⁵ въсѣд на жребя ося, да пророчество Захарьино свершиться, ¹⁶
иже ¹⁷ рече о нем: ¹⁸ Радуйся зѣло, дщи Сионова! Се бо цесарь твой гря-
детъ кроток, всѣд на жребецъ ун. Се убо пророчество разумѣюще весе-
лимся. Душа бо святыхъ дщери горняго Ерусалима нарицаются; жребя же
иже от язык вѣровавше вонь людые, их же, послав апостолы, отрѣши ¹⁹ от
льсти дьяволя. Днесь народи противу Исусу изидоша, вайя в руках ²⁰
держаща и тѣмъ почестъ ²¹ творяще, ²² егда ²³ Лазоря из гроба возва и от
мертвыхъ въскреси и. Предобро ²⁴ народа послушство, ему же языци и вѣ-
ровавше, сына божия познаша и: ²⁵ в жидѣх бо чудеса створи, а языком
спасение и благодать дарова; они его ²⁶ не познаша, ²⁷ а языци приша и; ²⁸

* Археографический комментарий см. Труды Отдела древнерусской литературы, т. XI (1955), стр. 349—358.

¹⁻³ Слово блаженнаго Кюрила на вербницию. Господи, благослови, отче! П; Слово блаженнаго Кюрила в цвѣтную недѣлю У; Слово Кирила мниха в недѣлю цвѣтную на вхоженъе в Иерусалим, сказание от еваггельскихъ и пророческихъ словес Т. ²⁻³ слово Кирилла мниха. Господи, благослови отче! П. ⁴ Доб. и дальним У. ⁵ Доб. и П. ⁶ и честна У. ⁷ преисполнены П. ⁸ честью У. ⁹ благодать У. ¹⁰ учения У. ¹¹ Нет У; исцѣлением П. ¹² В ркп. и валяемъ; насыщаемся У. ¹³⁻¹⁴ сбыхася пророческая писанья У. ¹⁵ приходитъ У. ¹⁶ сбудеть У. ¹⁷⁻¹⁸ В ркп. реченым; рече о немъ У; рече нынѣ Т. ¹⁹ В ркп. и отрѣши; отреси УП; ²⁰ Доб. своих У ²¹ Доб. ему Т. ²² Доб. ему У. ²³ Доб. и У. ²⁴ добро УП. ²⁵ Нет УП ²⁶⁻²⁷ В ркп. и в УП показаша; не познаша Т. ²⁸ Нет У

Израиль отречеса позвавшего его ²⁹ в вѣчную жизнь, а языци вѣровавшая в небесное царство введе; овѣм ³⁰ паденье, соблазн, а странам вѣра, встанье. Днесь апостоли на жребя своя ризы възложиша, и Христос верху их сѣдя. ³¹ Оле ³² преславныя тайны ³³ явленье! Хръстьяньския бо добродѣтели апостолски (л. 179) я суть ризы, иже своим ученьем благо-вѣрныя люди престол богови и вмѣстилище святому духу створиша: Вселю бо ся — рече — в ня и поожю, и буду им бог, и ти будут мнѣ люди. Днесь народи постилають ³⁴ по пути ³⁵ ризы своя, друзин же от древа рѣзачу ³⁶ вѣтвѣ постилаше. ³⁷ Добр убо и прав путь миродержителем и всѣм вельможам ³⁸ Христос бысть, его же милостынею и безлобьем ³⁹ пославше, нетрудно ⁴⁰ входятъ в небесное царство. Ломящеи же от древа вѣтви рядници ⁴¹ суть и грѣшници, иже скрушенным сердцемъ и умилениемъ душа, постом же и молитвами ⁴² свой путь равнающе ⁴³ к богови ⁴⁴ приходятъ: ⁴⁵ Аз бо — рече — есмь путь, истина и живот. ⁴⁶ Днесь предъидущии и въслѣдующии въсклицаютъ, глаголюще: Осана, сыну Давыдов, благословен грядый во имя господне! Предъидущии же суть пророци и апостоли; они же преже прорицаше о Христовѣ пришествии, а си ⁴⁷ проповѣдавше во всем мирѣ ⁴⁸ бога пришедша и во имя его крестящеи народы. А въслѣдующии святители суть с мученики; ови с еретики крѣпко по Христѣ борющеса и тѣх яко враги от ⁴⁹ церкви издрѣюще, си же до крове за имя Христово пострадавша и вся уметы створиша, въслѣд его текоша, да причастници будутъ страсти его. Всеи же «осана» възываху, рекуще: ⁵⁰ Ты еси сын (л. 179 об.) божи, въплотивыйся на земли, да Адама преступленьемъ падша възвигнеши; благословенья дѣла и мы потщимься добрая творити дѣла во имя господне. Днесь весь Иерусалим подвижася въшествия ради господня: старци быстро шествоваху, да Исусу, яко богу, поклоняться; отроци скоро течаху, да и прославятъ о чудеси Лазорева възскресения; младенци, ⁵¹ яко крилати окрест Исуса паряще, вопияху: Осана, сыну Давыдов, благословен гряды ⁵² во имя господне! Бог господь и явися нам! ⁵³ Оле тайн откровение ⁵⁴ и пророческих писании раздрѣшение! Старца бо язычския намѣнуеть ⁵⁵ люди: преже бо Аврама и ⁵⁶ Израила языци суть; тогда прельщени от бога уклонившеса, ⁵⁷ нынѣ же сыну божию вѣрою поклоняются. ⁵⁸ Образ же отрокъ всѣхъстанный дѣвство любящии отческый чин нарече, ⁵⁹ беспрестани славящимъ Христа и чудеса божию благодатию сѣтворяющим. Младенци же вся хръстьяны прообрази, иже ничто же пытаются о Христѣ, но о томъ живуше и за того умирающе, и тому обѣты и молитвы въздающе. Днесь Анйна и Каияфа негодуеть; всѣм ⁶⁰ радость и веселье, сима же ⁶¹ скорбь и смущенье. Подобаше иерѣиску чину расудну быти и пророки пытати, — егда се есть Христос, о нем же заповѣда Ияков сыном своим, глаголя: От племени твоего, Иудо, изидеть владыка небеси и земли, и тѣ упование ⁶² языком, привязая лозѣ жребя свое. ⁶³ Ни помяну (л. 180) ша Давыда, о нем же пророчествова, ⁶⁴ глаголя: ⁶⁵ Из уст младенецъ съсушихъ свершиш еси хвалу. Ни разумѣша ⁶⁶ Софонья чтуща, ⁶⁷ писавша тако: Веселися, Ерусалиме, и уравни путь богу твоему, яко придетъ в церковь свою, творяи чудеса и дая знаменья. ⁶⁸

²⁹ Нет У. ³⁰ онем УП. ³¹ въсѣде У. ³²⁻³³ преславныхъ тайн У.
³⁴⁻³⁵ Нет У. ³⁶ ломяще УП. ³⁷ постилаху У. ³⁸ Нет У. ³⁹ незлобием У.
⁴⁰ В ркп. и в Т и нетрудно; нетрудно УП. ⁴¹ прадници У. ⁴²⁻⁴³ сламающе
грѣховныя сѣти У. ⁴⁴ господу У. ⁴⁵⁻⁴⁶ Нет У. ⁴⁷⁻⁴⁸ В ркп. проповѣдавшимъ всемъ мѣрѣ; проповѣдавше (проповѣдаша Т) во всемъ мире УПТ.
⁴⁹ из У. ⁵⁰ рекше У. ⁵¹ Доб. же Т. ⁵²⁻⁵³ Нет У. ⁵⁴ В ркп. отравление; откровение УПТ. ⁵⁵ В ркп. и в Т послѣдуютъ; наменуеть УП. ⁵⁶ Нет У. ⁵⁷ уклонишася У. ⁵⁸ поклоншася У. ⁵⁹ нарицающе У. ⁶⁰ Доб. же У. ⁶¹ Нет УП.
⁶² В ркп. уповать; упование УПТ. ⁶³ См. Бытие, XL, IX, 10—11, ⁶⁴ пророчествовавши У. ⁶⁵ Нет У. ⁶⁶⁻⁶⁷ Софонью чтуще У. ⁶⁸ См. Софония, III, 14.

Нъ свѣтъ творяху на благодателя, да не токмо Исуса, но и Лазоря погубять. И⁶⁹ не хотѣша⁷⁰ с народы глаголати тако: Велий еси,⁷¹ господи! Глас⁷² твой потрясе адова скровища и исторже от внутренних душу умершаго, и изиде Лазарь паки⁷³ на бытѣ спасен. Днесь тварь веселиться, свобожаема от работы вражья, и адская врата и верея потрясошася,⁷⁴ и бѣсовския силы ужасошася. Днесь горы и холми точать сладость; удоля и поля плоды боготи⁷⁵ приносятъ: горнии въспѣвають, и преисподняя рыдають; ангели дивяться, видящи на земли невидимаго на небсѣх, и на жребяти сѣдяща сущаго на престолѣ хѣрувимостьѣ (л. 180 об.) обиступаема народы неприступнаго небесным силам. Ныня младенци радостно хвалим бываеъ, его же серафими⁷⁶ в вышних⁷⁷ страхом славять. Ныня путь съшествуетъ в Ерусалим измѣривый пядью небо и землю дланью,⁷⁸ в церковь входитъ невѣмѣстимый в небеса. Днесь старѣшина⁷⁹ жреческий гнѣваеъся⁸⁰ на творящаго великая чюдеса, книжници и фарисии дѣтем завидять, с вѣтми на срѣтенѣ Христу текущим и зовущим: Осана, сыну Давыдов! Чудны вещи! Како забыша пророк, писавших о Христвѣ всяко нашего ради язычнаго спасения! Уже бо — рече — нѣсть ми хотѣнья в сынѣх Израилевых; явѣ бых не ищущим мене, и рку не людем моим: Люде мои вы есте.⁸¹

Тѣмъ же, братѣе, подобаетъ нам, яко божим сущим людем, възлюбившаго нас Христа прославити. Придѣте, поклонимся ему и припадем, яко блудница, мыслено того пречистѣи лобызающе нозѣ; останем же⁸² ся, яко⁸³ она, от злых дѣл,⁸⁴ излѣем, яко же мюро, на главу его вѣру и любовь нашу. Изидем⁸⁵ любовью, яко⁸⁶ народи, в срѣтение ему и сломим гнѣводержание, яко и вѣтви; постелем ему, яко и ризы, добрыя дѣтели; възкликнем молитвами и безлобьем, яко младенци; предъидем милостынями к нищим; вслѣдуем смиреннем, постом и⁸⁷ бѣдѣнем⁸⁸ и не погубим труда⁸⁹ четырьдесятднѣвняго поста,⁹⁰ в ня же подвижачомся,⁹¹ очищающеся от всякоя скверны,⁹² да в нашу Иерусалим внидетъ ныня Христос; — нашего бо телесе ставленѣе Иерусалим речеться, яко же Исаия глаголетъ: На руку свою⁹³ написах стѣны твоя, Иерусалиме, и вселюся по среде тебе. Уготоваем, яко и горницю,⁹⁴ смѣрением душа наша, да причастием внидетъ в ны сын божий и пасху с ученики своими (л. 181) створить; поидем с идущим на страсть волну; възмем крест свой претерпѣнием всякоя обиды; распнѣмся браньми⁹⁵ к грѣху; умертвим похоти телесныя; възкликнем: Осана в вышних! Благословен еси пришедый на муку волну, ею же ада попра⁹⁶ и смерть побѣди.⁹⁷

До сдѣ же слово окративше, пѣсньми,⁹⁸ яко цвѣты, святую церковь вѣнчаем и праздник украсим, боготи хвалословление възслѣм и Христа⁹⁹ спасителя нашего възвъеличим, — благодатью святаго духа осѣняеми, да¹⁰⁰ радостно праздновавше в мирѣ достигнем триднѣвнаго възкресения господа нашего Исуса Христа, ему же подобаетъ всяка¹⁰¹ слава,¹⁰² честь, держава и поклоняние с отцемъ и с пресвятымъ и благымъ и животворящим духомъ¹⁰³ всегда и ныня и присно¹⁰⁴ в вѣки.¹⁰⁵

⁶⁹ Нет УП. ⁷⁰ възхотѣша бо У. ⁷¹ Доб. ты П. ⁷² Яко глагол У; Яко глас П. ⁷³ Нет У. ⁷⁴ подвизалася У. ⁷⁵ господеву У. ⁷⁶⁻⁷⁷ Нет У. ⁷⁸ Нет У. ⁷⁹ старѣшины У. ⁸⁰ гнѣваются У. ⁸¹ См. Исайя, LXV, 1. ⁸² Нет У. ⁸³ Доб. же и УП. ⁸⁴ Доб. и Т. ⁸⁵ Доб. с У. ⁸⁶ Доб. и УП. ⁸⁷ Доб. молитвою У. ⁸⁸ Доб. и божественным покаянием УП. ⁸⁹ Нет У. ⁹⁰ Нет П. ⁹¹⁻⁹² очистимся от всякоя скверных дѣл У. ⁹³ В ркп. твоею; своею УПТ; см. Исайя, XIX, 16. ⁹⁴ В ркп. и в У горлицю; горницю ПТ. ⁹⁵ В ркп. и в Т ранами; браньми УП. ⁹⁶ Доб. Адама изведе У. ⁹⁷ попра У. ⁹⁸ В ркп. и в Т доб. его; пѣсньми УП. ⁹⁹ Нет У. ¹⁰⁰ Нет Т. ¹⁰¹ Нет УП. ¹⁰²⁻¹⁰³ с отцемъ купно и святымъ духомъ У. ¹⁰⁴⁻¹⁰⁵ В ркп. и в П. веки; в веки УТ. ¹⁰⁵ Доб. вѣком. Аминь Т.

2

¹ Слово Кюрила недостойнаго мниха на святу ю паску во свѣтоносный день воскресения Христова от пророческихъ сказаньи.²

Радость сугуба всѣмъ крестияномъ и веселие миру неизречено пришедшаго ради праздника днесь за скорбь преже бывшаго³ таинства.⁴ Отшедши бо мужеви в путь далече, жена скорбьна бывши дѣтемъ прѣтѣти; пришедши же мужю внезапно, жена веселье неисповѣдимое приемлет, и дѣти радостию (л. 185) ликоствуютъ, паче естества обогащаеми.⁵

Кая же бѣ скорбь преже бывшаго таинства? Предъ вчерашнимъ днемъ господь нашъ Исусъ Христосъ яко человекъ распинаемъ бѣ и яко богъ и солнце помирачи и луну в кровь преложи, и тма бысть по всей земли; яко человекъ воспивъ испусти духъ, но яко богъ землею потрясе, и камень распадеся; яко человекъ в ребра⁶ прободенъ бысть,⁷ но яко богъ завѣсу перваго закона полъма раздра; яко агнецъ кровь⁸ водою⁹ источи, за кровь агнецъ закалаемыхъ преже¹⁰ на жертву, и собою жертву за спасение всего мира богу¹¹ отцю принесе; яко человекъ во гробѣ положенъ бысть и яко богъ оltарь язычскихъ церкви освяти; яко царь стражыми стрегомъ и запечатлѣнъ во гробѣ лежаше, но яко богъ ангельскими вои бѣсовскимъ силамъ в твердыни ада прѣщаше,¹² глаголя: Возмѣте, врата, князи ваши, да видѣтъ царь славы! но врата ада скрушишася словомъ его, и веревя сломишася до основания: сниде самъ господь во адъ и попра бесо(л. 185 об.)вское царство крестомъ и смерть умертви, и сѣдящая во тмѣ видѣша свѣтъ, связании же¹³ нищетою и желѣзомъ раздрѣшишася, и скровища его вся восхити и изиде днесь в силѣ божи и во славѣ святыхъ ангелъ, и¹⁴ работныя душа человекъча свобожены ведяхуся в рай, хвалящеся¹⁵ о Христѣ. Но церкви на пророкы плещиють, не уже воставшию Христу от гроба: то бо суть чада церковная пророци. Воскресе внезапно, цѣломъ печатемъ у гроба, и церкви неисповѣдимое веселие приемлетъ, пророци же радостию ликуютъ, глаголюще. Наша убо пасха, за ны пожресе Христосъ. Кдѣ ти, смерти, побѣда, кдѣ ти, аде, жало!¹⁶ Воста бо яко спя господь и¹⁷ въскресе спасая ны. Христосъ въскресе из мертвыхъ и гробнымъ животъ дарова, и святыхъ души паче естества обогатѣша,¹⁸ от ада на небеса вселившеся.¹⁹ Тѣмъ сугубо и трегубо имя нынѣшний приемлетъ²⁰ праздникъ. Пасха убо нарицаеться закалаемыхъ ради Моисѣемъ во Егуптѣ агнецъ, ихъ же кровью прагы, подѣбоя помазавше, вси израильти²¹ изба(л. 186)вишася смерти отъ²² убивающаго егуптяны²³ ангелъ. То же бысть образъ нынѣшнее пасхы: заклася нынѣ отъ священникъ агнецъ божи Исусъ²⁴ за спасение всего мира, и всероднаго Адама от ада изведе; не бо единѣхъ ради праведныхъ сниде, но и²⁵ всего мира падша преступлениемъ возведе, всѣхъ бо грѣхи въсприемъ²⁶ на крестѣ пригвозди. Мы же върою божественныя пасхы причастимся, помажѣмъ уста божию кровью, еже суть душевнаго дому двери, да не приступятъ бѣси, хотящей ны убити грѣхомъ. Израильтяне бо его заклаша,²⁷ а языци²⁸ обѣдъ имъ²⁹ собѣ створища. И се зоветь пророкъ вся върныя къ божию трапезѣ, глаголя: Тѣло Христово приимѣте гисточника бесмертнаго вкусите. Симъ бо тѣломъ глава ада скрушена бысть и жало его притупися; симъ тѣломъ держава его и власть погублена³⁰

¹⁻² Слово блаженнаго Кюрила на воскресенье. Господи, благослови! ³ В ркп. доб. ради; в Уваровскомъ списке бывшаго. ⁴⁻⁵ Нет. ⁶⁻⁷ ударяем. ⁸⁻⁹ свою. ¹⁰ в пустыни. ¹¹ Доб. и. ¹² вѣщаше. ¹³ Нет. ¹⁴ Нет. ¹⁵ В ркп. хваляще; в Уваровскомъ списке: хвалящеся. ¹⁶⁻¹⁷ Нет. ¹⁸ Доб. и. ¹⁹ вселишася. ²⁰ В ркп. приемля; в Уваровскомъ списке приемлетъ. ²¹ израильтяне. ²²⁻²³ убивающихъ егуптян. ²⁴ Доб. Христосъ. ²⁵ Нет. ²⁶ вземъ. ²⁷ В ркп. приная; в Уваровскомъ списке заклаша. ²⁸⁻²⁹ обѣдомъ ³⁰ попра

бысть; сим чрево его просажено бысть: не бо паки усты его изыде Христос, но само³¹ чрево раздрав адово, изведе душа человекъчскы. Егда бо се тѣло во гробѣ положено бысть, тогда мѣдяная врата сло(л. 186. об.)мишася и верей желѣзная скрушишася, вратници вострепеташа, и темница она распадеся, и мертвии вокресоса. Се тѣло смерть умертви и тварь всю истлѣвши обнови. Сего вѣроу вкушающе крестияне освящаются и вѣчную жизнь³² на небесѣх³³ примут. Вкусим, братие, животнаго брашна и друг друга³⁴ цѣлуим, пращающе от сердець своя согрѣшения. Второе же вѣкресение Христова Великыи день нарицается; по истинѣ же великъ есть день сий, не множе часовъ имѣя, но великихъ ради чудесъ, яже от спаса нашего Христа створишася; днесъ бо³⁵ ангели со человекъкы ликують, и человекъци богом³⁶ освящаются, святыи приимающе духъ. Глаголетъ бо Лука евангелистъ: И минувши суботѣ, зѣло рано придоша жены видѣти гроба, носяще ароматы, да тѣло помажутъ Исусово, и обрѣтоша камень отваленъ и гробъ тощъ. И недомысляхуся о семъ. И явистася³⁷ имъ два ангела в бѣлахъ ризахъ³⁸ и рѣста имъ:³⁹ Что ищите живаго с мертвыми? Нѣсть сдѣ(л. 187) но воскресе; помянѣте глаголы его, иже рече вамъ, яко в трети день воскресну, и нынѣ идѣте к ученикомъ его и рѣцѣте: Христосъ воскресе! О васъ бо прежде писа пророкъ: Придѣте от видѣнныя жены благовѣстница и Сиону рѣцѣте: Приими от насъ радость благовѣщениа! Идѣте к апостоломъ и рѣцѣте: Уже не крыйтеся; се бо събысться слово къ вамъ реченое Исусомъ: Вмалѣ ктому не видѣте мене, и паки вмалѣ узрите мя и возрадуетеся; помяните пророка, о Христѣ и о васъ писавша: Поражаю пастыря, и разидутся овца. Но по малѣ⁴⁰ простру руку и сберу я,⁴¹ и створю малыа⁴² пастыря.⁴³ Идѣте и рѣцѣте ученикомъ: Разумѣйте о времени семъ глаголавша Осию:⁴⁴ От безаконикъ побѣенъ бысть спасъ,⁴⁵ и по двою дню ищѣливъ миръ, и во трети день воскреситъ, и живи будемъ предъ нимъ. И паки Софонья: Потерпите мене, глаголетъ господь, в день воскресения моего, в послушество мое, зане милость моя уже на языцѣхъ. Идѣте и рѣцѣте апостоломъ: Се есть день, о немъ же рече Давидъ: Ты, господи, воскрес, ущедриши⁴⁶ (л. 187 об.) Сиона, яко приде время⁴⁷ — не сего Сиона попираемаго отъ вои глаголю, но церковь язычскую, юже своею искупилъ⁴⁸ кровью, ей же никто же удождѣтъ.⁴⁹ Не мните, аки Евзѣ прелеститися вамъ: она бо от змия совѣтъ прия, вы же отъ ангелъ⁵⁰ слово слышите; бѣ убо радость вамъ глаголеви,⁵¹ вы же спасение миру проповѣдите. Тогда возвратишася жены от гроба и възвѣстиша си вѣя единомунадесятъ. И не имяхуть имъ вѣры; не бѣша бо и еще святаго прияла духа, тѣмъ и страшливы и бѣгуни и⁵² неимовѣриви бяху. Обаче Петръ, Иоанъ вставша текоста ко гробу. Иоанъ же скорѣе Петра притече, но не вниде во гробъ, дондеже Петръ притекъ вниде первое во гробъ и видѣ ризы едины лежаща. Се⁵³ не за страхъ не вниде первое притекъ, но⁵⁴ проображаста бо собою ветхий и новый законъ. Иоанъ образъ ветхаго закона, а Петръ новаго. Тече бо прежде ветхий законъ, по писанью чая Христа; (л. 188) пришедшу⁵⁵ ему, не вниде во вѣру его. Новый же законъ послѣди пришедъ, но прежде во Христа вѣрова, и видитъ уже тѣщую надежду ветхаго закона, не могуща держащихся понѣ спасти. Птенець бо отлетѣ, а безумни тью гнѣзду присѣдять: Христосъ воскресе, а жерци и фарисѣи стражемъ молвять,⁵⁶ оболстити⁵⁷ вельще Христово воскресение. О горе, языче грѣ-

³¹ сам. ³²⁻³³ Нег. ³⁴ Доб. любовию. ³⁵ Нег. ³⁶ В ркп. с богом; в Уваровском списке богомъ. ³⁷ В ркп. явиста; в Уваровском списке явистася. ³⁸⁻³⁹ Нег. ⁴⁰⁻⁴¹ В ркп. простру я руку и сберу я; в Уваровском списке простер руку, съберу я. ⁴² я. ⁴³ См. Захария, XIII, 7. ⁴⁴ См. Осия, VI, 1-2. ⁴⁵ Нег. ⁴⁶ помилуешы. ⁴⁷ См. Пс. СЛ., 14. ⁴⁸ Доб. честною. ⁴⁹ не удождѣть. ⁵⁰ ангела. ⁵¹ глаголю. ⁵² Нег. ⁵³ И се. ⁵⁴ Доб. за смотрение божие и за писание книгъ. ⁵⁵ Доб. же. ⁵⁶ мвздять ⁵⁷ облати.

шен! Какое прельстися!⁵⁸ Почитая⁵⁹ пророкы писавша о Христвѣ не разумѣсте, и чаявшимъ свѣта бысть имъ тма! О люте души ихъ, яко свѣщаша со вѣтъ золъ о бозѣ живѣ! Посемъ нѣкая два отъ ученикъ идяста во весь подале отъ Иерусалима и бесѣдоваста о сихъ всѣхъ, и самъ Исусъ постиже я. Яко же бо пастухъ, егда возлегъ мало поспити и вѣставъ видѣть⁶⁰ рашедѣшюся чреду,⁶¹ и скоро всюду рищеть, да свое сбереть стадо,⁶² тако и Христосъ по воскресеніи ангелы и чловѣкы воедино собираетъ стадо.⁶³ Что — рече — совопрашаеяса и еста дряхла? (л. 188 об.) Она же рѣста, яже о Исусѣ Назарянинѣ, его же распяша жидовѣстии жерци,⁶⁴ и о женахъ ему сказаста, иже глаголють жива⁶⁵ отъ ангела давѣ⁶⁶ слышавше; — не бо его знаяста: бѣста⁶⁷ и еще плотяны зракъ имуща; не уже бо бѣ на нѣ Христосъ дунулъ, глаголя: Примѣте двухъ свѣтѣхъ; ни⁶⁸ и еще⁶⁹ ума ихъ отверзе, да быша разумѣли, яже о немъ писанья. Тѣмъ нарекъ⁷⁰ ея неразумна сердцемъ; — нача има сказати отъ всѣхъ книгъ, яже бяху о немъ, о страстехъ⁷¹ и о вѣскресеніи. Не о семъ ли — рече — писа Моисей: Узрите животъ вашъ висящѣ прямо очима вашима! Давидъ же — о распятіи его: Пригвоздиша руцѣ мои и нозѣ мои. И⁷² о золчи: ⁷³ Вдша во ядъ мою золчъ и в жажду мою напоиша мя оубѣта. И о гробѣ его: Положиша мя во рвѣ преисподнемъ, в темныхъ и в сѣни смертнѣй. Тоже и о вѣскресеніи его: Да вѣскреснетъ богъ и да разидутся⁷⁴ врази его. И пакы: Воскресни, боже, суди земли. Исая же о ученицѣхъ его: И вѣставъ — рече — сберу братію мою, и узрятъ славу мою. И ты вѣвѣстать⁷⁵ имя мое⁷⁶ в странахъ,⁷⁷ и будутъ ми людѣе отъ языкъ (л. 189) мнози.⁷⁸ И се ему глаголющю, приближишася къ вси, в ню же идяста. И⁷⁹ моляста облещи с нима.⁸⁰ Ти яко возлеже,⁸¹ приимъ хлѣбъ, благослови⁸² и даяше имъ. И отверзостася очи ея, и узрѣста язвѣ гвоздинѣ на руку ея, и познаста и,⁸³ яко самъ то есть Христосъ. И тѣ невидемъ бысть отъ нею. Она же возвратистася в Иерусалимъ и повѣдаста вся си апостоломъ, яко воистину вѣскресе Христосъ и явися нама, и познахѣ и по язву гвоздиную.

Мы же, братіе, вѣскресеніе Христова видѣвше, поклонимся глаголюще: Ты еси богъ нашъ,⁸⁴ — развѣе тебе иного не знаемъ. Чловѣче видимый, боже разумѣваемый, вся земля да поклонится и да поеть тебе: Помилуй насъ в тѣ вѣрующихъ. Тебѣ молимся и мили⁸⁵ дѣемъ: оубѣсти грѣхи наша, отпусти долги душѣ нашихъ, славящихъ тя. За ны пострадавша распятіе и смерть, тебе нынѣ раболѣпно служимъ. Вчера с разбойникомъ распинахомъ, днесъ с тобою вѣскресохомъ.⁸⁶ Вчера с Логиномъ возвахомъ: Вѣистину сынъ божій ты еси! — днесъ со ангелы глаголемъ: Вѣистину вѣскресе Христосъ! Вчера с Никодимомъ (л. 189 об.) с креста сняхомъ тя, днесъ с Магдалинею вѣскреша тя видѣхомъ. Вчера со Осифомъ в гробѣ ты полагахомъ,⁸⁷ днесъ яко Марья радостныя⁸⁸ глаголы слышимъ: Къ братіи моеи и къ Петрови шедши⁸⁹ рци имъ,⁹⁰ да идуть в Галелѣю и ту мя узрятъ. И се нынѣ, яко в Галелѣю, в святую⁹¹ црковь собравшеся⁹² и веселящеся⁹³ глаголемъ: Си день, иже створи господъ, вѣзрадуимся и возвеселимъся вонь, — яко твое есть царство⁹⁴ и твоя, Христе, держава со отцемъ и свѣтымъ духомъ и нынѣ [и присно].⁹⁵

⁵⁸ прельститесь. ⁵⁹ Почитавше. ⁶⁰⁻⁶¹ рашедшеся стадо. ⁶²⁻⁶³ Нет. ⁶⁴ отроци.
⁶⁵ Доб. и. ⁶⁶ Нет. ⁶⁷ Доб. бо. ⁶⁸⁻⁶⁹ еще о[т]. ⁷⁰ рек. ⁷¹ страсти.
⁷²⁻⁷³ пакы. ⁷⁴ Доб. все. ⁷⁵⁻⁷⁶ славу мою. ⁷⁷ Доб. имя мое. ⁷⁸ Ср. Исая,
LXVI, 18—19. ⁷⁹⁻⁸⁰ моляста и: Облязи с нами, яко при вечерѣ есть.
⁸¹ Доб. и. ⁸² Доб. я. ⁸³ я. ⁸⁴ Доб. и. ⁸⁵ Доб. ся. ⁸⁶ В ркп. и вѣскресохомъ;
в Уваровскомъ списке вѣскресохомъ ⁸⁷ полагаемъ. ⁸⁸ Доб. твоя. ⁸⁹⁻⁹⁰ рцемъ.
⁹¹ Доб. си. ⁹²⁻⁹³ веселимъся. ⁹⁴⁻⁹⁵ Христе, и тебѣ слава с отцемъ и свѣтымъ духомъ
и нынѣ и [присно].

3

¹ Слово ² Кирила ³ недостойнаго мниха по пасцѣ, похваление въскресе́нїя, ⁴ и о арѣтусѣ, и о Фоминѣ испытанїи ребр господних. ⁵ Господи, благослови! ⁶

Велика учителя и мудра сказателя требуетъ церкви на украшение праздника. Мы же нищи есмы словом и мутни ⁷ умом, не имуще огня святаго духа ⁸ на слаженіе ⁹ душеполезныхъ словес; ¹⁰ обаче любвѣ дѣля сущая со мною братья мало нѣчто скажемъ о поновленїи въскресе́нїя Христова. ¹¹

Въ минувшую ¹² недѣлю святыхъ пасхи у (л. 186) двиление бѣ ¹³ небеси и устрашение преисподним, обновление твари, ¹⁴ избавление миру, раздрушение адово и попрание смерти, въскресе́нїе мертвымъ и погубление прелестныя власти дьяволя, спасение же челоуѣческому роду Христовымъ воскресе́нїемъ, обнищание ¹⁵ ветхому закону и порабоженіе суботѣ, обогащеніе ¹⁶ церкви и въцарение недѣли. Въ минувшую недѣлю всему пременение бысть. Створи бо ся небомъ земля, очищена богомъ ¹⁷ от бѣсовскихъ скверн; ¹⁸ ангели с женами раболѣпно воскресе́нїю ¹⁹ служить. Обновися тварь; уже бо не нарекутъ богомъ ²⁰ стухия: ни солнце, ни огонь, ни источникъ, ни дерева. Отселе бо не приемлетъ ²¹ адъ ²² закалаемыхъ отци младенци, ²³ ни смерть почести; ²⁴ преста бо идолослужение, и погубися бѣсовское насилье крестнымъ таинствомъ, ²⁵ и не токмо съпасеся челоуѣчь род, но и освятися Христовою вѣрою. Ветхий же законъ отынудъ обнища отверженіемъ ²⁶ телча крове и козья жерѣтвы; един бо Христосъ сам собою к отцю за всѣхъ жертву възнесе. Тѣмъ и праздникъ суботѣ преста, а ²⁷ недѣли благодать дана бысть въскресе́нїя ради, и царствовать уже в днехъ недѣля, яко в ту ²⁸ въскресе ²⁹ из мертвыхъ. Вънчаемъ, ³⁰ братье, ³¹ царицю днемъ и дары честны с вѣрою той ³² принесемъ; дадимъ по силѣ, яко же може (л. 186 об.) м: ов милостыню и безлобие и любовь; другой — дѣвство чисто и вѣру праву, ³³ и смѣрение нелицемѣрно; ин — псаломское пѣнье, апостолское учение, ³⁴ молитва ³⁵ с въздыханіемъ к богу. Сам бо господь Моисѣемъ глаголетъ: Не являйся предо мною тощѣ в день праздника. Принесемъ ³⁶ ему прежереченыя добродѣтели, да въсприемъ божию ³⁷ милость, ибо не лишитъ ³⁸ добра приходящихъ с вѣрою: Славящая бо мя — рече — прославлю. Похвалимъ красно ³⁹ новую ⁴⁰ сию недѣлю, в ню же поновление воскресе́нїя празднуемъ. Не бо ⁴¹ та же пасха, ⁴² но антипасха наречетъся. ⁴³ Пасха бо избавленіе миру есть ⁴⁴ от насилья дьяволя ⁴⁵ и свобожение мертвымъ от ада преисподняго; антипасха же есть поновление въскресе́нїя, образъ имущи ветхаго закона, иже завѣща богъ ⁴⁶ в Егуптѣ Моисѣви глаголя: Се избавляю люди моя от работы фараоня и свобожая я от мученья приставникъ его, да понавляеши день спасенія твоего, вонъ жь ⁴⁷ побѣдихъ

¹⁻⁴ Кирила мниха слово на антипасху в первую недѣлю по пасцѣ о воскресе́нїи господя нашего Иисуса Христа Т; Въ новую недѣлю по пасцѣ слово Кирила недостойнаго мниха о поновленїи воскресе́нїя П. ² Доб. блаженаго У. ³⁻⁵ на антипасху в новую недѣлю У. ⁵⁻⁶ Нет Т; господи, благослови, отче! УП. ⁷ медленїи Т. ⁸⁻⁹ в наслаженїе Т. ¹⁰ Доб. но Т. ¹¹ Доб. а вы с прилежаніемъ послушайте У. ¹² Доб. бо Т. ¹³ Доб. на П. ¹⁴ Доб. и У. ¹⁵ обетшанїе Т. ¹⁶ Доб. Христовы[ѣ] УП. ¹⁷ В ркп. от бога; богом УТП. ¹⁸ Доб. и УП. ¹⁹ Доб. Христову П. ²⁰ бози Т. ²¹ Доб. требы П. ²² Доб. требы У. ²³⁻²⁴ Нет П. ²⁵ наитѣм Т. ²⁶ отверженіе УТ; Доб. бо У. ²⁷ В ркп. нет; а УТП. ²⁸ Доб. Христосъ Т. ²⁹ Доб. Христосъ У. ³⁰ В ркп. Вънчаемы; Вънчаем УТП. ³¹ Доб. недѣлю Т. ³² боготи Т. ³³ Нет У. ³⁴⁻³⁵ и молитву УП. ³⁶ В ркп. доб. м. ³⁷ богатую Т. ³⁸ Доб. господь Т. ³⁹ красную УП. ⁴⁰ Нет П. ⁴¹ есть П; доб. еста У. ⁴² Доб. господня У. ⁴³ рече господь У; речетъся П. ⁴⁴⁻⁴⁵ Нет У. ⁴⁶ В ркп. Христос; бог УП; господь Т. ⁴⁷ Доб. день У.

враги твоя, Израилю. Се нынѣ и мы понавляем празднующе побѣдныи день Христов, вонъ же спасение всему миру сдѣя побѣдив начала⁴⁸ и⁴⁹ вѣласти темныя. Того ради и⁵⁰ артусный хлѣб от пасьхи и до ныня в церкви священъ бысть и днесъ на иерѣйскихъ версѣхъ ломиться за опрѣ^(л. 187)снокы, несеныя на главахъ левгит от Егупта по пустыни, дондеже и Чермное море проидоша и ту того⁵¹ освятиша богами,⁵² его же вкушающе сдрави бываху и врагомъ страшни. Они же⁵³ убо избывше телесныя работы, понавляху празднующе день опрѣсночный;⁵⁴ мы же владыкою спасени от работы мысленаго фараона дьявола, понавляемъ побѣдныи на враги день;⁵⁵ сего священаго нынѣ приемлюще⁵⁶ хлѣба, тако вкушаемъ, яко же⁵⁷ они хлѣба небснаго и ангельскаго брашна, и хранимъ его на всяку потребу благу, на сдравие телесем⁵⁸ и душамъ⁵⁹ на спасение⁶⁰ и на прогнание всякого недуга. Днесъ ветхая конецъ приша, и се быша вся нова, видима же и невидима. Нынѣ небеса просвѣтишася, темныхъ облакъ яко⁶¹ вретница съвлекъше,⁶² и свѣтлымъ въздухомъ славу господню исповѣдаютъ. Не си глаголю видима небеса, нъ разумныя, апостолы, иже днесъ на⁶³ Сионѣ к нимъ вѣшедша⁶⁴ познаша господа, и всю печаль забывша и⁶⁵ скорбь иудѣйскаго страха отвергъше,⁶⁶ святымъ духомъ осѣнившеся⁶⁷ възкресение Христово⁶⁸ ясно проповѣдаютъ. Нынѣ солнце красуясь къ высотѣ възсходитъ и радуясь землю огрѣваетъ, — взиде бо намъ⁶⁹ от гроба праведное солнце Христосъ и вся вѣрующая ему спасаетъ. Ныня луна съ вышняго съступивши степени болшему свѣтилу честь подаваетъ; — уже бо⁷⁰ ветхый законъ⁷¹ по писани^(л. 187 об.)ю⁷² с суботами преста и пророки⁷³ Христову закону⁷⁴ честь подаетъ.⁷⁵ Ныня зима грѣховная покаяниемъ престала есть и ледъ невѣрія богоразумиемъ⁷⁶ растаяя; зима убо язычскаго⁷⁷ кумирслужения апостолскимъ учениемъ и Христовою вѣрою престала есть, ледъ же Фомина невѣрія показаниемъ Христовъ ребр растаяя. Днесъ весна красуется оживляюще земное естество, и⁷⁸ бурный⁷⁹ вѣтри тихо повѣвающе плоды гобъзуютъ, и земля сѣмена питающе зеленую траву ражаетъ. Весна убо красная есть вѣра Христова, яже крещениемъ поражаетъ челоуѣческое паки естество; бурный же вѣтри — грѣхотворный⁸⁰ помыслы, иже покаяниемъ претворышеся на добродѣтель душеполезныя плоды гобъзуютъ; земля же естества нашего, аки сѣмя слово божие приемши и страхомъ его болящи присно, дух⁸¹ спасения ражаетъ. Ныня новоражаеми агньци⁸² и уньци⁸³ быстро путь перуше скачютъ и скоро к матеремъ⁸⁴ възвращающеся веселятсся, да и пастыри свиряюще веселиемъ Христа хвалятъ. Агньца⁸⁵ глаголю⁸⁶ кроткия от языкъ люди, а уньца — кумирслужителя невѣрныхъ стран, иже Христовымъ въчелоуѣчениемъ, и апостольскимъ учениемъ и чудесы, скоро по законемъшеся, къ святѣй церкви възвратившеся, млеко си⁸⁷ учения съ^(л. 188)суть, да и учителя Христова стада о всѣхъ молящеся Христа бога славятъ, вся волкы и агньца в едино стадо събравшаго. Ныня древа лѣторасли испушаютъ, и цвѣты благоухания процвитаютъ, и се уже огады сладкую подавають воню, и дѣлатели с надежею тружачущеся плододавца Христа призываютъ. Бѣхомъ бо преже аки древа дубравная не-

⁴⁸ начальника У. ⁴⁹ Нет УП. ⁵⁰ Нет УТП. ⁵¹⁻⁵² хлѣба освятися господеву У; хлѣба освятиша богами и П. ⁵³ Нет УТП. ⁵⁴ опреснокы УП. ⁵⁵ Доб. и УП. ⁵⁶ принимающе У. ⁵⁷ Доб. и УП. ⁵⁸ телеси У. ⁵⁹⁻⁶⁰ В ркл. спасение; на спасение УТП. ⁶¹⁻⁶² вретнишь съвлекошася У. ⁶³⁻⁶⁴ Сионъ вѣшедше к нему У. ⁶⁵⁻⁶⁶ скорбь иудѣйска и страх отвержеся У. ⁶⁷ осѣнети У. ⁶⁸ Этимъ словомъ начинается отрывокъ XIII в ГПБ. F.1.39. ⁶⁹ Нет У. ⁷⁰ Нет ОУП. ⁷¹⁻⁷² Нет П. ⁷³ церкви У. ⁷⁴ Доб. с неделеемъ ОУП. ⁷⁵ В ркл. подаетсся; подаетсся ТП; подаетъ ОУ. ⁷⁶ богоразумиемъ У. ⁷⁷ Нет У. ⁷⁸ Нет О. ⁷⁹ горный У. ⁸⁰ грѣхотворный П. ⁸¹ В ркл. и дух; ОУП. ⁸²⁻⁸³ Нет У. ⁸⁴ матернимъ Т. ⁸⁵ Преже агньца О. ⁸⁶ Доб. иже У. ⁸⁷ Нет ОУП.

имущи плода, ныня же присадися Христова вѣра в нашемъ невѣрѣи, и уже держащяся корене Иосѣва, яко цвѣти добродѣтели пушающе, райскаго паки жития⁸⁸ о Христѣ ожидаютъ, да и святители⁸⁹ о церкви тружающяся от Христа мзды ожидаютъ. Ныня ратаи слова словесныя уныца к духовному ярму приводяще,⁹⁰ и крестное рало в мысленыхъ браздахъ погружающе, и бразду покаяния прочертающе,⁹¹ сѣмя духовное всыпающе,⁹² надежами будущихъ благъ веселятся. Днесъ ветхая⁹³ конецъ прияша, и се быша вся нова възкресения ради. Ныня рѣки апостолскія наводняются, и язычныя рыбы⁹⁴ плодъ пушають, и рыбаи глубину божия въчеловѣченія испытывающе, полну церковную мрежу ловитвы обрѣтають; ⁹⁵ Рѣками бо, — рече пророкъ — расядеться земля, узрять и разболеться нечестивии людье.⁹⁶ Нынѣ мнишьскаго образа трудолюбивая бчела свою мудрость показавши вся удивляеть; яко же бо они в пустыняхъ⁹⁷ самокормимъ живуше⁹⁸ (л. 188 об.) ангелы и челоуѣки удивляють, и си на цвѣты възлѣтающе⁹⁹ медвенны¹⁰⁰ сты¹⁰¹ стваряють, да челоуѣкомъ сладость и церкви потребная подасть.¹⁰² Ныня вся доброголасныя птица церковныхъ ликовъ гнѣздящяся веселятся.¹⁰³ — И птица бо, рече пророкъ, обрѣте гнѣздо себѣ олтаря твоя — и свою каяждо поющи пѣснь, славятъ бога гласы немолчными.¹⁰⁴ Днесъ поновишася всѣхъ святыхъ чиновъ, нову жизнь о Христѣ приемше: пророци и¹⁰⁵ патриарси трудившяся в райстѣи почивають жизни, и апостоли с святители пострадавшяи прославляються на небеси и на земли, мученици и исповѣдници за Христа претерпѣвшяе страсть с ангелы вѣнчаются; цесари и князи¹⁰⁶ послушаниемъ спасаются; ¹⁰⁷ дѣвственнии лица и иночѣстии състави, свой крестъ терпѣниемъ понесъше, первѣнцю¹⁰⁸ Христу от земля на небо¹⁰⁹ послѣдуютъ; ¹¹⁰ постынници и пустынници,¹¹¹ от руки господня труда мзду примыше,¹¹² в горнемъ градѣ с святыми веселятся. Днесъ новымъ людемъ възкресения Христова поновления праздникъ, и вся новая богами¹¹³ приносятся: от языкъ вѣра, от хрестыянъ трѣбы, от иерѣи¹¹⁴ жертвы, от миродержителъ¹¹⁵ боголюбныя милостыня, от вельможъ церковное попечение, от праведникъ смѣренномудри,¹¹⁶ от грѣшникъ истинное покаяние, от нечестивыхъ обращение к богу, от ненавидящихъся духовная любви.

Взидемъ нынѣ и мы, (л. 189) братье, мыслено в Сионскую горницу, яко тамо апостоли събрашася и самъ господь Исусъ Христосъ, затвореннымъ дверемъ, посреде ихъ обрѣтесе и рекъ «миръ вамъ» исполни я радости. Възрадоваша бо ся — рече — ученици видѣвшяе господя, и всю печаль телесную и страхъ сердечный отринуша; дасть бо ся душамъ ихъ духовная дерзость познаниемъ своего владыки, яко обнажи предъ всѣми своя ребра, и гвоздинныя язвы на руку и на ногу показавъ Фомѣ. Не бѣ бо Фома в первый приходъ с ученики видѣлъ господя, и слышавъ его възкресъша не яко лжю мя не вѣроваше, но и самовидецъ хотя быти Христу, тако глаголаше: Аще не вложю руки моея в ребра его и в язву гвоздинную перста моего,¹¹⁷ не иму вѣры. Тѣмъ и господь¹¹⁸ не понося¹¹⁸ ему сице глаголаше: Принеси руку твою¹¹⁹ и вижь прободение ребр моихъ и вѣруи, яко азъ самъ есмь. Мнѣ

⁸⁸ бытъя ОУП. ⁸⁹ Доб. и игумени У. ⁹⁰ В ркп. приходяще; приводяще ОУП.
⁹¹ почертающе О. ⁹² въсыпающе У. ⁹³ Доб. вся У. ⁹⁴ В ркп. рѣки; рыбы ОУП.
⁹⁵⁻⁹⁶ Нет У. ⁹⁷⁻⁹⁸ самокормлею живуть У. ⁹⁹ излетаючи ОУ. ¹⁰⁰ медвенныя О; медвенный У. ¹⁰¹ сот У. ¹⁰² подасться Т. ¹⁰³⁻¹⁰⁴, иже суть церковнии чини: епископи, игумени, попове, дякони, дяци, и свою каяждо поюще пѣснь, славятъ господя У.
¹⁰⁵ Нет ОУП. ¹⁰⁶ Доб. благовернии СУП. ¹⁰⁷ Нет П; доб. святыхъ книг У. ¹⁰⁸ В ркп. первѣнецъ; первенцю ОУП. ¹⁰⁹ небеса ОУП. ¹¹⁰ възлѣдуютъ У. ¹¹¹ и пустынници ОУП. ¹¹² поняша У. ¹¹³ господевы У. ¹¹⁴ Доб. святыхъ ОУП. ¹¹⁵ миродержителъ Т. ¹¹⁶ В ркп. смѣренномудрие. ¹¹⁷ своего ОУП.
¹¹⁸⁻¹¹⁸ В ркп. понося; не понося ОУПТ. ¹¹⁹ свою У.

бо и прежде тебе патриарси и пророци разумѣвше вѣроваша моему вчеловѣчьию. Испытай¹²⁰ первое Исаино о мнѣ писание: Копьемъ бо — рече — в ребра прободен бысть, и изиде¹²¹ кровь и вода; в ребра прободен бых, да¹²² ребром падъша¹²³ Адама въскресих. А тебе ли не вѣрующую ми¹²⁴ презрю? Осязай мя, яко сам аз есмь, его же прежде осязав Семеон и вѣроу прошаше отпущения с миром, и не буди¹²⁵ невѣрен, яко же Ирод, яже слыша мое рожество глаголаше во лхвом: Кде Христос ража (л. 189 об.) етъся, да¹²⁶ и аз¹²⁷ шед поклонюся ему? — а в сердци¹²⁸ о убийствѣ моемъ мысляше, нѣ аще и младенци изби, но¹²⁹ искомага не обрѣте: Взишуть бо мене зли нѣ не обрящють.¹³⁰ Вѣруй ми,¹³¹ Фома, и познай мя, яко же и¹³² Аврам, к нему же под снѣмъ с двѣма ангелома придох, и ты познав мя,¹³³ господя ми нарече.¹³⁴ и о Содомѣ моляше ми ся, да его не погублю, аще и до десяти было¹³⁵ бы в немъ праведник. А¹³⁶ не буди невѣрен, яко же Валам, иже духомъ святымъ прорек мое за мир умерьтвие¹³⁷ и въскресе, и паки мѣзды ради прельстивъся погибе.¹³⁸ И вѣруй ми,¹³⁹ Фома, яко сам аз есмь, его же видѣ Ияков в нощи на лѣствицѣ утверждающася; ¹⁴⁰ то же и¹⁴¹ паки позна мя духом, егда боряхъся с нимъ в Месопотамьи: тогда бо обѣщахъся ему вчеловѣчитися в племени его. И не буди невѣрен, яко¹⁴² Навходьносор, иже видѣв мя в печи отроки от огня спасъша, истинно сына божия нарече мя и паки к своимъ прельстемъ уклонивъся погибе.¹⁴³ Веруй ми,¹⁴⁴ Фома, яко сам¹⁴⁵ аз есмь, его же образ видѣ Исайя на престолѣ высоцѣ,¹⁴⁶ обстоима множествомъ ангел. Аз есмь явивыйся Езекилю посредѣ животных¹⁴⁷ образомъ челоуѣческомъ, ему же и вас прообразих колесы, животныхъ придерживающимъся, въздвизающихъся со мною:¹⁴⁸ то бо животный¹⁴⁹ дух¹⁵⁰ бѣ тогда¹⁵¹ в колесѣхъ, тѣго (л. 190) же и ныня в вас дунух дух святой. Аз есмь, его же видѣ Данил на облацѣхъ небесныхъ¹⁵² подобемъ сына челоуѣча, съшедъшаго до ветхаго днем,¹⁵³ и т написа¹⁵⁴ даную ми от бога отца власть и царство на небеси и на земли¹⁵⁵ нынѣшняго и будущаго бесконечнаго вѣка.¹⁵⁶ Принеси, о близнече, твой перьст и вижь руцѣ мои, има же очи слѣпымъ отверзох, и глухимъ слуха даровах, и нѣмыя доброглаголивы створих. Вижь и нози мои, има же и предъ вами по морю ходих, и по воздуху¹⁵⁷ явствено ступах, и в преисподняя вшед тѣма ада попрах, и с Клеопоу¹⁵⁸ и Лукою¹⁵⁹ до Ельмауса¹⁶⁰ шествовах, и не буди¹⁶¹ невѣрен, но вѣрен. Отвѣща Фома глаголя: Вѣрую, господи, яко ты еси¹⁶² сам Христос¹⁶³ бог мой, о немъ же писаша пророци прозряще¹⁶⁴ духомъ, его же прообрази в законѣ Моиси, его же отвергошася с жерци фарисѣи,¹⁶⁵ ему же поругашася¹⁶⁶ завистию с книжники жидове, его же¹⁶⁷ с Каяифоу¹⁶⁸ на распятѣ Пилат преда,¹⁶⁹ его же бог отецъ из мертвыхъ въскреси. Вижду ребра,¹⁷⁰ от них¹⁷¹ же источи кровь и воду; воду же,¹⁷² да очистити осквернишюся землю, и кровь¹⁷³ же, да освятити челоуѣчское естъство. Вижду руцѣ твои, има же прежде створи всю тварь, и рай

120 Исповѣдайте У. 121 В ркп. изиде; и изиде ОУ. 122-123 Нет У. 124 Нет УП.
 125 Доб. ми Т. 126-127 Нет ОУП. 128 Доб. своим П. 129 Нет УП. 130-131 Веру
 ими ми УТ. 132 Нет О. 133 Доб. и У. 133-134 Нет П. 135 В ркп. бѣло.
 136 Нет П. 137-138 и паки мѣзды ради прельстивъся погибе У. 138-139 Веру ими
 ми У. 140-141 той же П. 142 Доб. и У. 143-144 Вѣру ими ми У. 145 Нет ОУ.
 146 превысоцѣ У. 147-148 образомъ челоуѣческомъ, ему же и вас прообразих колесы,
 животныхъ придерживающимъся (животнымъ придерживающася У), въздвизающихъся со мною
 ОУП; в ркп. придерживахъся, въздвизающихъся со мною. 149 животный ОУП; в ркп. жи-
 вотных. 150-151 бе тогда ОУП; в ркп. и в Т бе. 152 В ркп. небесны. 153 денми У. 154 Доб.
 ми У. 155-156 Нет У. 157 Доб. шествовах У. 158 В ркп. Клеопоу; Клеопоу и ОУП.
 159-160 путь У. 161 Доб. ми Т. 162-163 Нет У. 163 Господь мой Т. 164 до-
 зряще УП. 165-166 его же поругаша У. 167 Доб. осуди ОУ. 168 В ркп. Каяифоу;
 Каяифоу ОУП. 169 Нет ОУП. 170 ребро Т. 171 него Т. 172 Нет ОУП.
 173 В ркп. кровью; кровь ОУП; кровь ею Т.

насади, и человекъ созда, има же благослови патриархы, има же помаза цесари, има же освяти апостолы. Вижу нози твои, ею же прикоснувшись блудница грѣхов отпуст прият, на не (л. 190 об.)ю же припадъши первое вдовица от мертвых своего сына с душею прият жива; над сима ногама кровоточивая подолуѣ ризы прикоснувшись ицѣлѣ от недуга. И аз, господи, вѣрую, яко ты еси бог.¹⁷⁴ И рече к нему Исус: Яко видѣв мя и¹⁷⁵ вѣрова, блажени невидѣвшеи¹⁷⁶ в мя¹⁷⁷ вѣровавшеи.¹⁷⁸

Тѣм же, братъе, вѣруем Христу богу нашему, распеньшемуся поклонимся, въскресшаго прославим, явльшемуся апостолом вѣруем и своя ребра Фомѣ показавшему¹⁷⁹ воспоим, пришедшаго оживит нас похвалим, и просвѣтивъшаго ны исповѣдаем, и всѣх благ подавъшаго нам обилье възвеличим, от троица единого¹⁸⁰ познаим,¹⁸¹ господи и¹⁸² бога, спаса нашего¹⁸³ Исуса Христа,¹⁸⁴ ему же слава¹⁸⁵ с отцемъ и с пресвятым [духом].¹⁸⁶

4

¹ Святого ² Кюрила мниха слово о сънятии тѣла Христова ³ с креста,⁴ и о ⁵ мироносцах, ⁶ от сказання ева (л. б)нгельскааго,⁷ и похвала Иосифу,⁸ в недѣлю ³⁹-юю по пасцѣ.¹⁰

Праздник от праздника честнѣи¹¹ приспѣлъ есть, подавая благодать божию святѣи церкви. Яко же бо и ¹² пленица златы, растворены¹³ жньчюгомь,¹⁴ съ многоцѣнньнымъ каменьемъ, веселять зрящих на ня очи, — нѣ паче сих духовная нам красота, праздници святии, веселяще вѣрных сердца и душа освящающе. Първое бо въскрсьениемъ Христовомъ просвѣтися¹⁵ мир¹⁶ и паська бысть,¹⁷ вся вѣрныя¹⁸ освящающи; таче Фоминомъ испытаниемъ ребр господень обновиися тварь: коснувшю бо ся ему рукою язва, всѣм извѣсто бысть телесное вѣстание.

Ныня же Иосифа благообразнааго с мироносцима похвалим,¹⁹ послуживъшааго по распятии тѣлу Христову. его же евангелист богата нарицаеть, пришдѣша от Аримафѣя. Бѣ бо — рече — и тѣченик Исусов²⁰ и²¹ чая царствия божия. И въ врѣмя страсти вольныи спасовы видѣ страшная в твари чудеса, солнце помь (л. б об.)ркѣше и землю трясушюся, страха исполнивъся и ²² дивяся приде въ Иерусалим. И обрѣте тѣло Христово на крестѣ наго²³ и прободено²⁴ висяще и Марию матерь его съ единѣмъ ученикомъ тому прѣдѣстоящю,²⁵ яже от болѣзни сердца горцѣ рывающи сиде глаголааше: Тварь съболѣзнуеть ми, сыну, твоего зрящи бес погуды умьрщвления. Увы мнѣ, чадо мое,²⁶ свѣте и творче тварем! Что ти ныня въсплачу? Заушения ли, ци ли за ланиту ударения²⁷ и по плещема биения,²⁸ уз же²⁹ и тьмницѣ,³⁰ и заплевания святаго ти лица, яже от незаконник за благая прият! Увы мнѣ, сыне!³¹ Не повиньн сы поруган бысть и³² на крестѣ смерти въкуси. Како³³ тя тѣрниемъ вѣнчаща, и зѣлчи с оцтомъ напоиша, и еще и³⁴ пречистая ти ребра копиемъ пробо-

¹⁷⁴ Доб. мой Т. ¹⁷⁵ Нет ОУП. ¹⁷⁶⁻¹⁷⁷ Нет У. ¹⁷⁸ В ркп. и ТП вероваша; вѣровавшеи О; вѣровавше У. ¹⁷⁹ показавшаго ОУ. ¹⁸⁰ Нет У. ¹⁸¹⁻¹⁸² Христа У. ¹⁸³⁻¹⁸⁴ Нет У. ¹⁸⁵⁻¹⁸⁶ и держава П; с отцемъ и с святымъ (пресвятымъ Т) духомъ и ныне и присно ОУТ.

¹⁻¹⁰ Слово блаженнаго Кюрила епископа Туровска, Иосифу похва[ла] и по пасцѣ в недѣлю 2-ю и о мироносцах. Господи благослови! У. ² Того же ЧТ. ³⁻⁴ Нет Ч. ⁴ древа Т. ⁵ Доб. святых Т. ⁶⁻⁷ сказание Еуаггелия Ч; Нет Т. ⁸ Доб. и Никодиму Т. ⁹ 2 Т. ¹⁰ Доб. Господи, благослови! Ч. ¹¹ честнее ЧТ. ¹² Нет У. ¹³ растворена У; Доб. с Т. ¹⁴ Нет У. ¹⁵ просвѣти У. ¹⁶⁻¹⁷ Нет УЧТ. ¹⁸ Нет У. ¹⁹ почтем ЧТ. ²⁰ Христов ЧТ. ²¹ Нет УЧТ. ²² Нет ЧТ. ²³⁻²⁴ пригвощено У; нет ЧТ. ²⁵ Доб. и Т. ²⁶ В ркп. мой; мое УЧТ. ²⁷⁻²⁸ Нет ЧТ. ²⁹⁻³⁰ Нет У. ³¹ Нет У. ³² Нет ЧТ. ³³ Доб. бо ЧТ. ³⁴ Нет УЧТ.

доша! Ужаснуса небо и земля трепещеть, иудѣйска не тѣряще дерзновения; солнце помѣрче и камене распадется, жидовское окаменение являюще. Вижу тя, милое мое чадо, на крестѣ нага ви(л. 7)сяща, бѣздушна, безрачна, не имуща видѣнія, ни доброты, и горко уязвляюся душею. И³⁵ хотѣла бых с тобою умрѣти, — не тѣрплю бо бездушнаго тебе зрѣти. Радость мнѣ отсель никако же прикоснется, — свѣт бо мой и³⁶ надежа и живот, сын³⁷ и бог,³⁸ на древѣ³⁹ угасе. Кде ми,⁴⁰ чадо, благовѣстование, еже ми древле Гаврил глаголаше: ⁴¹ Радуйся, обрадованая, с тобою господь! — цесаря тя и сына вышняго нарицаю,⁴² спаса миру, и животворца всѣм, и⁴³ грѣхом потребителя! Ныня же зрю тебе, акы злодѣя, межю двѣма повѣшана⁴⁴ разбойникама и⁴⁵ копием прободена въ ребра мѣртвца, и сего ради горко изнемагаю. Не хошю бо жити, нѣ варити тя в адѣ. Ныня⁴⁶ моего чаянія,⁴⁷ радости же и веселія, сына и бога лишена бых. Увы мнѣ! О страннѣм ти рожествѣ тако не болѣх, яко же ныня, владыко,⁴⁸ растѣрзаюся утробою, твое видящи тѣло пригвождено к дрѣву. Твое бѣ преславно рожество, Иусе, и ныня страшно умерщвление: — един от несѣяныя проиде⁴⁹ утробы, цѣлы печа (л. 7 об.) ти моего съблюди дѣвства, и мать мя своего въплещенія показав, и паки дѣвою схрани. Знаю твое за Адама пострадание, нѣ душевною рыдаю объята горестию,⁵⁰ дивящися твоего таинства глубинѣ. Слышите, небеса и море с землею, внушайте моих слѣз рыдание: се бо творецъ ваш от священникъ страсть приемлетъ, един праведнъ за грѣшники и⁵¹ незаконники убиен бысть. Днесъ, Симеоне, постиже мя проречение: ⁵² копие бо мою ныня проходитъ⁵³ душу, твоего от воин зрящи поруганія. Увы мнѣ! Кого к рыданію⁵⁴ призову! Или с кымъ моих слѣз излѣю потоки! Все бо ты оставиша, ужикы⁵⁵ же и друзи, твоих, Христе,⁵⁶ насладивъшеся чудес. Кде нынѣ ликъ седмидесятныхъ ученик? Кдѣ ли верховнии апостоли? Ов бо ты лъстію фарисѣомъ предасть, другій же⁵⁷ страха ради⁵⁸ предъ архиерѣи⁵⁹ с клятвою⁶⁰ отвержеся, ⁶¹ не зная тебе челоуѣка.⁶² И едина, боже (л. 8) мой,⁶³ раба твоя, рыдающе предъстою⁶⁴ с⁶⁵ хранителемъ твоихъ словесъ и⁶⁶ възлюбленнымъ ти наперсникомъ. Увы мнѣ, Иусе мой,⁶⁷ драгое имя! Како стоитъ земля, чюющи тя на себе на крестѣ висяща, иж⁶⁸ на водахъ ту⁶⁹ въ начатѣхъ основалъ еси, иже многыя слѣпца просвѣтив, и мѣртвыя словомъ въскрѣсивъша⁷⁰ твоего божества мановениемъ? Придѣте,⁷¹ видите божія смотренія таинство, како оживлей вся проклятою⁷² умерщвен бысть смертию.⁷³ И си слышавъ Иосиф⁷⁴ приближися къ горко рыдающеи матери,⁷⁵ — его же видѣвши⁷⁶ мольбными⁷⁷ тому оуплѣташеся⁷⁸ глаголы: ⁷⁹ Потѣшися, благообразне,⁸⁰ къ Пилату незаконному судии, и⁸¹ испроси съ креста снѣжати тѣло учителя своего, моего же⁸² сына и бога.⁸³ Подвигнися и прѣдварі, причастниче Христову учению,⁸⁴ тайный апостоле, обещающе божію царствию, и⁸⁵ испроси уже бездушное тѣло, пригвожденное к дрѣву и⁸⁶ прободенное в ребра. Спостражи, благовѣрне,⁸⁷ сугу(л. 8 об.)баго ти ради

³⁵ Нет УЧТ. ³⁶ Нет Т. ³⁷⁻³⁸ Нет Т. ³⁹ кресте ЧТ. ⁴⁰ ти ЧТ. ⁴¹ благовестоваше ЧТ. ⁴² нарицаше и ЧТ. ⁴³ Нет ЧТ. ⁴⁴ Нет УЧТ. ⁴⁵ Нет У. ⁴⁶⁻⁴⁷ мое чаяние У. ⁴⁸ Нет У. ⁴⁹ Нет У. ⁵⁰ болезнью ЧТ. ⁵¹ Доб. за ЧТ. ⁵² прорицание ЧТ. ⁵³ проиде У. ⁵⁴ Доб. ныне ЧТ. ⁵⁵ ученици Т. ⁵⁶ Нет ЧТ. ⁵⁷ Доб. тя Т. ⁵⁸⁻⁵⁹ Нет ЧТ. ⁵⁹⁻⁶⁰ Нет У. ⁶¹⁻⁶² Нет ЧТ. ⁶³ Доб. аз Т. ⁶⁴ пред тобою стою Ч; пред тобою престою со учеником твоим Т. ⁶⁵ и Т. ⁶⁶ со Т. ⁶⁷ В. ркл. мнѣ; мой ЧТ; нет У. ⁶⁸ юже Т. ⁶⁹ Нет Т. ⁷⁰ воскресил еси Т. ⁷¹ Доб. и Т. ⁷²⁻⁷³ и поносною и укорною смертию осужен бысть умерети Т. ⁷⁴ благообразный Иосиф, иже сый от Аримафеа Т. ⁷⁵ девѣ и матери Т. ⁷⁶⁻⁷⁹ девая молебныя глаголы тому простираетъ глаголющи Т. ⁷⁷ молебныя Ч. ⁷⁸ летаяся У; простираетъ Ч. ⁸⁰ Иосифе Т; доб. приступи Т. ⁸¹ Нет Ч. ⁸² Нет Ч. ⁸³ Доб. потѣшися, благообразне Т. ⁸⁴ Доб. и ЧТ. ⁸⁵ Нет Т. ⁸⁶ Нет Т. ⁸⁷ В ркл. благовѣрно; благовернее УЧ; благочестивѣ и благовѣрне Т

вѣнца, его же по въскрѣсенн⁸⁸ Христовѣ въсприимеши,⁸⁹ от всѣхъ конецъ земля⁹⁰ чѣстную славу и поклонение и⁹¹ на небеси⁹² бесконъчную жизнь.⁹³ Умилив же ся Иосифъ плачевными тоя глаголы, не рече: Жърци на мя встануть и озлобятъ,⁹⁴ иудѣи въскрамолятъ⁹⁵ и побють мя, фарисѣи разграбятъ мое богатство, буду же и сборища отлучен.⁹⁶ Ничто же сихъ не рече, нѣ вся⁹⁷ уметы створи⁹⁸ и о своемъ бо⁹⁹ не родив¹⁰⁰ животѣ, да Христа¹⁰¹ приобрящетъ. Дерзнувъ вниде¹⁰² къ Пилату¹⁰³ и въпроси глаголя:¹⁰⁴ Дажь¹⁰⁵ ми, огѣмоне, тѣло страннаго оного Исуса, распятаго между двѣма разбойникама, оклеветанаго от архиерѣи завистию и¹⁰⁶ поруганаго от воинъ не правды. Дажь¹⁰⁷ ми¹⁰⁸ тѣло оного Исуса,¹⁰⁹ его же сыномъ божиемъ нарицахуть книжници и¹¹⁰ цесарьмъ повѣдаху фарисѣи, ему же ты повелѣ над главою дѣску прибити, имущю писание: Се¹¹¹ есть¹¹² сынъ божий и цесарь Израилев.¹¹³ Дажь¹¹⁴ ми¹¹⁵ тѣ(л. 9)ло,¹¹⁶ его же свой ученикъ жърцемъ лъстию¹¹⁷ на сребрѣ¹¹⁸ прѣдасть, о немъ же¹¹⁹ провидя Захария тако написа:¹²⁰ Дадите ми¹²¹ цѣну мою, ли¹²² отрѣцетеся; и поставиша 30 сребренникъ цѣну цѣннаго¹²³ отъ сыновъ Израилев.¹²⁴ О томъ молю ти ся телеси,¹²⁵ о немъ же прорече Каиафа, тому единому за весь миръ умрети; — не просто сего¹²⁶ прорече, нѣ жръць бѣ сего¹²⁷ лѣта,¹²⁸ о нихъ же¹²⁹ рече Иеремия:¹³⁰ Пастуси просмрадиша виноград мой. И пакы псалом¹³¹ глаголетъ о нихъ: Князи людстии събѣрашася на господа и на Христа его.¹³² Си бо¹³³ рече Соломон:¹³⁴ Помыслиша и прѣльстишася, ослѣпи бо я злоба ихъ; рекоша бо:¹³⁵ Уловимъ правдника,¹³⁶ руганиемъ и ранами истяжемъ его и смертию безлѣпотною¹³⁷ осудимъ его.¹³⁸ Сего прошю Исусова¹³⁹ телесе, иже противу твоему отвѣща въпросу: Азъ есмь животъ и истина. И: Не имаша на мнѣ власти никоея же, аще не бы ти дано съвыше,¹⁴⁰ его (л. 9 об.) же ради и¹⁴¹ тебе моляше своя жена, глаголющи: Ничто же не¹⁴² створи праведнику тому;¹⁴³ много бо пострадахъ¹⁴⁴ его ради въ сиѣ. Дажь¹⁴⁵ ми¹⁴⁶ сего распятаго,¹⁴⁷ ему же въходящю въ Иерусалимъ, свѣтвными младенци сѣрѣтахути¹⁴⁸ и глаголюще: Осана, сыну Давидов!; его же гласъ слышавъ, ад отпусти душу¹⁴⁹ Лазаря, уже четверодневна умьрша;¹⁵⁰ о немъ же писа в законѣ Моисей:¹⁵¹ Узрите животъ вашъ прямо очима вашима висящъ. Сего хошю¹⁵² мъртваго телесе, его же мати не познавши мужьска ложа дѣвицею породи; о немъ¹⁵³ же Исаия¹⁵⁴ къ Ахазу глаголаше: Се дѣвица зачнетъ в чревѣ и родить сына,¹⁵⁵ ему¹⁵⁶ имя:¹⁵⁷ С нами богъ;

⁸⁸ вознесенн ЧТ. ⁸⁹ Доб. и ЧТ. ⁹⁰⁻⁹¹ за то возмемъ честь, и славу, и похвалу Т.
⁹² Доб. же Т. ⁹³ Доб. обрящещи Т. ⁹⁴⁻⁹⁶ Благообразный же Иосифъ съжаливси таѣми словесы ея и плачевными ея глаголы умилився, не рече в собѣ: Жърци встануть на мя и книжници въскрамолютъ, иудѣи озлобятъ мя, и фарисѣи побють мя, и сынове Израилеви разграбятъ мое богатство, буду же и отъ сборища жидовска отлучен Т.
⁹⁴ въскрамолятъ Ч. ⁹⁵ озлобятъ Ч. ⁹⁷⁻⁹⁸ си яко смѣтѣ мѣяше и ни во что же вмѣни, но Т. ⁹⁹ Нет ЧТ. ¹⁰⁰ роди У; брег Т. ¹⁰¹ Доб. токмо Т. ¹⁰² вниди ЧТ. ¹⁰³⁻¹⁰⁴ и кланяшеся ему и моляшеся со умилениемъ глаголя Т. ¹⁰⁵ Дай же УЧТ.
¹⁰⁶ Нет ЧТ. ¹⁰⁷ Дай же УЧТ. ¹⁰⁸ Доб. огѣмоне Т. ¹⁰⁹ Доб. распятаго Т.
¹¹⁰ его же Т. ¹¹¹ Исус Ч. ¹¹² Доб. Исус Назарянин Т. ¹¹³ В ркп доб Въпрос.
¹¹⁴ Дай же УЧТ. ¹¹⁵⁻¹¹⁶ огѣмоне, тѣло оного Исуса Т. ¹¹⁷⁻¹¹⁸ на 30 сребренникъ Т.
¹¹⁹⁻¹²⁰ написа Захаря пророкъ, преже провидя, тако пророчествова глаголя Т.
¹²¹ Нет УЧТ. ¹²² или ЧТ. ¹²³ Доб. его же цѣнища Т. ¹²⁴⁻¹²⁵ Дай же ми, огѣмоне, его же прошю телеси Исусова Т. ¹²⁶ его Ч; бо его Т. ¹²⁷ того ЧТ.
¹²⁸⁻¹²⁹ о тѣхъ бо жерѣцѣхъ Т. ¹³⁰ Доб. пророкъ Т. ¹³¹ Давидъ пророкъ во псалмѣхъ Т; нет У. ¹³²⁻¹³³ О нихъ же Т. ¹³⁴ Доб. си Т. ¹³⁵ Доб. в собѣ Т.
¹³⁶ Доб. яко некланюю намъ естъ Т. ¹³⁷ Доб. и бещестно Т. ¹³⁸ Ср. Премудр., II, 21, 19—20. ¹³⁹⁻¹³⁹ Дай же ми, о игѣмоне (подчеркнуто написано другими чернилами) сего прошю господа Исуса Т. ¹⁴⁰ Доб. Сего прошю телеси Т. ¹⁴¹ Нет ЧТ. ¹⁴² Нет Т. ¹⁴³ сему У. ¹⁴⁴ Доб. дѣсь Т. ¹⁴⁵ Дай же УЧТ. ¹⁴⁶⁻¹⁴⁷ тѣло распятаго сего Исуса Т. ¹⁴⁸ сѣрѣтаху Ч; сѣрѣтоша его Т. ¹⁴⁹⁻¹⁵⁰ умершаго Лазаря, уже 4 дни имуща в гробѣ. Дай же ми, огѣмоне, тѣло Исуса распятаго между двою разбойнику, на дѣвѣ висяща Т. ¹⁵¹ Доб. закоподвезъ глаголя Т. ¹⁵² Доб. и прошю Т. ¹⁵³ Нет Т. ¹⁵⁴ Доб. пророкъ Т. ¹⁵⁵ Доб. и нарекутъ Т. ¹⁵⁶ Доб. же Ч. ¹⁵⁷ Доб. Еммануилъ рекше Т.

о немъ же Давидъ прорече глаголя: Прогвоздиша руцѣ мои и нозѣ мои и вся¹⁵⁸ кости моя ищѣюша.¹⁵⁹ Дажь¹⁶⁰ ми¹⁶¹ сего¹⁶² уже умършаго на крестѣ, о немъ же ты¹⁶³ рече¹⁶⁴ къ просящимъ его у тебе на смерть жидомъ: Чистъ есмь отъ крѣви праведника сего, — умывъ же¹⁶⁵ руцѣ и бивъ прѣдасть его;¹⁶⁶ о немъ же глаголетъ пророкъ: Азъ же¹⁶⁷ не противлюся, ни (л. 10) прѣкы¹⁶⁸ глаголю; плещи мои дахъ на раны и ланитѣ¹⁶⁹ на ударение; лица же моего не отвратихъ отъ студа,¹⁷⁰ заплывания.¹⁷¹ Сего прошю¹⁷² назарянина телесе, ему же¹⁷³ отъ изумѣвшихъся избѣгающе въпияху бѣси:¹⁷⁴ Что есть намъ и тобѣ, Иисусе сыне божий? Въмы ты, кто еси¹⁷⁵ святой божий: пришълъ еси прѣже врѣмене мучитъ насъ; о немъ же и самъ богъ отецъ съ небесе, на Иерданѣ крестящюся ему, послухствоваше глаголя: Се есть сынъ мой¹⁷⁶ възлюбленный, о немъ же благоизволихъ; о немъ же духъ святой Исаиемъ¹⁷⁷ глаголетъ: Яко овча на заколение веденъ бысть, отъ безаконныхъ людей¹⁷⁸ прѣданъ бысть¹⁷⁹ на смърть.¹⁸⁰ Дажь¹⁸¹ ми¹⁸² тѣло съняти съ креста,¹⁸³ хошю бо его в своемъ положити гробѣ. Уже бо вся о немъ испълнишася пророчества: съ бо наша болѣзни понесе и за ны пострада; раною его вси ищѣлѣхомъ; зане прѣдана бысть на смерть душа его и съ безаконники въмѣненъ бысть; истрѣбимъ бо, рѣша, память его (л. 10 об.) отъ земля живущихъ, и имя его не помянется къ тому; сего ради хошеть богъ¹⁸⁴ отяти болѣзни¹⁸⁵ отъ душа его¹⁸⁶ и дати ему крѣпкихъ користь,¹⁸⁷ пишеть бо¹⁸⁸ ся о немъ:¹⁸⁹ И ты въ крѣви завѣта своего¹⁹⁰ испусти еси ужники¹⁹¹ своя¹⁹² отъ рова неимуца воды.¹⁹³ И си вся слышавъ отъ Иосифа Пилата¹⁹⁴ дивися, и призва сътъника¹⁹⁵ въпроси и: Аще уже умереть¹⁹⁶ пропатыи¹⁹⁷ Иисусъ? И увѣдавъ дасть тѣло Иосифу, да его погребеть, яко же хошеть. И купивъ¹⁹⁸ плащаницю сънятъ тѣло Иисусово съ креста. Приде же и Никодимъ,¹⁹⁹ несъ исмѣшение²⁰⁰ изъмюрно²⁰¹ и алоино,²⁰² достойно цѣны литрста;²⁰³ обиста тѣло Христово,²⁰⁴ помазавше е²⁰⁵ мюромъ,²⁰⁶ Въпияше же Иосифъ, глаголя сиде: Солнце незаходяй, Христе, творче всѣхъ²⁰⁷ и²⁰⁸ тваремъ господи! Како пречистѣмъ прикоснуса тѣлѣ твоему, неприкосновѣнну ти сущю небеснымъ силамъ, служащимъ ти страшно!²⁰⁹ Кацѣми же плащаницами (л. 11) обию²¹⁰ тя, повивающаго мглою землю²¹¹ и небо облакы покрывающаго!²¹² Или какы воня²¹³ възлѣю на твое святое²¹⁴ тѣло, ему же дары съ вонями пѣрсьстии принесше цесари,²¹⁵ яко богу поклоняхуса,²¹⁶ преобразующе твое за весь миръ умърщвение! Кыя ли нагробныя²¹⁷ пѣсни исходу твоему въспою,²¹⁸ ему же въ вышнихъ немолчными гласы серафими поють! Како ли понесу ты на мою пѣрстьною руку,²¹⁹ носящаго тварь всю, невидимаго²²⁰ господа! Како ли въ моему худѣмъ положю ты гробѣ,²²¹ небесный кругъ утвердившаго сло-

158 Нет ЧТ. 159 Доб. и раздѣлиша себѣ ризы моя, и о матизмѣ моей меташа жребьи, и паки вдаша в ядо мою золчь и в жажю мою напоиша мя оцта Т. 160 Дай же ЧТ. 161-162 тѣло сего Иисуса Т. 163-164 сам рекл еси Т. 165 Нет ЧТ. 166 Доб. да и распнуть Т. 167 Нет ЧТ. 168 вопреки УЧТ. 169 Доб. мои Т. 170 Доб. и У. 171-172 Дай же ми, огѣмоне, сего прошю Иисуса Т. 173-174 вопияху бѣси, избѣгающе отъ челоуѣк, отъ изумѣвшихъся, глаголюще. 175 Доб. ты У. 176 Нет Т. 177 Доб. пророкомъ Т. 178 мужъ Т. 179 В ркп. бы. 180 Ср. Исайя ЛIII. 7. 181 Дай же УЧТ. 182-183 огѣмоне, тѣло Иисусово съняти съ древа Т. 184 господь У. 185-186 В ркп. отъ душа; отъ душа его УЧТ. 187 Ср. Исайя, ЛIII, 4-5, 12. 188-189 пророкомъ (написано другими чернилами) Т. 189 твоего ЧТ. 190 В ркп. ужники; ужники У; узники Т. 191 Доб. и ЧТ. 192 твоя Т. 193 См. Захария, IX. 11. 194 Доб. и ЧТ. 195 Доб. и УТ. 196 умре ЧТ. 197 распятый Т. 198 Доб. Иосиф Т. 199-200 и принесе смѣшенье Т. 201 змирно Т. 202 Доб многоцѣнно Т. 203 триста Ч; Доб и Т. 203-204 и плащаницею чистою обвиста тѣло Иисусово Т. 205 и УЧТ. 206 Доб. со арамафы честно Т. 207 всѣмъ ЧТ. 208 Нет ЧТ. 209 страхомъ Т. 210 повию Т. 211-212 Нет ЧТ. 212-213 Каковая ли благовоныя Т. 214 пречистое ЧТ. 215 Доб. змирною ливаномъ Т. 216 поклонившася ЧТ. 217 гробныя У. 218 Доб. щедре Т. 219 Доб. иже Т. 220 невидимо ЧТ. 221 Доб. иже Т.

вомь и на хѣровимѣх с отцемь и съ святымь почивающаго духомь! Обаче си ²²² вся смотрениемь твориши и вся си своєю волею претерпѣла еси; идеши бо в ад, да ²²³ Адама от ада с Евгою, падша преступлениемь, пакы въведеша в рай и прочая с нима ²²⁴ въскрѣсиши мъртвьца, своего ²²⁵ божества силою. Тѣмь же сице възглашая ²²⁶ погребу тя, ²²⁷ милостиве, ²²⁸ я (л. 11 об.)коже святымь научен бых ²²⁹ духомь: Святый боже, святый крѣпкый, святый бесмъртне, помилуй нас! И положиша и въ гробѣ, и привалиша камень велик къ дверемь гробу. Марія же Магдалини и Марія Ияковля зряста, где и ²³⁰ полагаху. ²³¹

И минувши суботѣ и ²³² солнцю уже всиявъшю, вся ²³³ въкупѣ жены ²³⁴ с мюромь, се уже чѣтвертое, придоша. Първое бо, яко же глаголетъ ²³⁵ Матфѣй, — вечер в субботу придоша ²³⁶ двѣ женѣ видѣт гроба; при нею же трус бысть, егда ангел отвали камень от двѣрий, ²³⁷ и от страха его омртвѣша стрѣгущи; ²³⁸ тѣма тѣгда и сам Исус явлься рече: Радуйтася, идѣта к братии моеи, да идутъ в Галилѣю, и тамо видять мя. И пакы полунощи ины ²³⁹ придоша испытат бывѣшаго, яже от Магдалины о въскрѣсенни Христовѣ слышаша; о тѣх бо Лука написа тако; зѣло рано придоша жены к гробу и обрѣтоша камень уже отвалн, и два ангела в них ставѣша глаголаста: Что ищите (л. 12) живаго с мъртвыми? Нѣсть сде, нѣ въскрѣсе. По семь дрѣд зорями друзѣи придоста ²⁴⁰ женѣ, и тѣ видѣста утрѣ в гробѣ два ангела, идеже бѣ ²⁴¹ лежало тѣло Иисусово; тѣмь же Иоан Фелог рече: от тою слышав, Петр съ другимь ученикомь тече к гробу, и еще сущи тѣмь. Марко же о всѣх повѣдаеть мюроносицах, яже с вонями въ субботу придоша: И вѣлѣзыше въ гроб, ²⁴² видѣша уношю, одесную сѣдѣща, и ужасошася. Он же рече им: Не ужасайтеся! Не вам бо есть страх, нѣ безаконнымь жрѣцѣм, съ стрѣгущи оде ²⁴³ войны. Вы же видете тѣщѣ гроб и рѣцѣте апостолом: Христосъ въскрѣсе! Видите, — без телесе есть плащаница, и о плотномь Иисусовѣ ²⁴⁴ хвалитеся ²⁴⁵ въстании; будѣте благовѣстѣцѣ челоувѣчскому спасению, рѣцѣте апостолом: Днесъ спасение миру! Уже не скѣрбите, ни сѣтуйте, яко мъртвьца, нѣ радуйтеся и веселитеся о бозѣ живѣ. Вам хошю тайны повѣдати божия челоувѣколюбия, яже за Адама въ тлю пад(л. 12 об.)ша пострада; того бо ради с небесе сниде и въплѣтився ²⁴⁶ бысть челоувѣк, да истѣлѣвъшаго ²⁴⁷ обновитъ и на небеса възведеть. ²⁴⁸ Он послушав свѣта вражия, въсхотѣ быти бог, и проклят бысть; съ же послушав ²⁴⁹ отца, ²⁵⁰ бог сы бысть челоувѣк, ²⁵¹ да змия погубить и челоувѣка ²⁵² обожить. ²⁵³ Он, ²⁵⁴ простер руцѣ къ дрѣву възбраньному, смертное утѣрже ядро, и быв раб грѣху сѣниде от едема въ ад; Христос же, на крестѣ руцѣ простер, осужения ²⁵⁵ грѣховнаго и от смерти ²⁵⁶ челоувѣкы свободи. Неповинн сы продан бысть, да проданнѣя грѣхомь от дьяволя работы да ²⁵⁷ избавитъ. На трѣсти губою оцѣта ²⁵⁸ съ золчию ²⁵⁹ въкуси, да загладитъ рукописание челоувѣчскихъ сѣгрѣшений. Копиемь въ ребра прободен бысть, да пламенное оружие отложитъ, бранящее челоувѣкомъ въхода в рай. Крѣвь ²⁶⁰ с водою ²⁶¹ из ²⁶² ребр источи, ²⁶³ има же ²⁶⁴ телесную всю сквѣрну очистив и ²⁶⁵ душа челоувѣча освятил есть. Связан

²²² Нет Ч. ²²³ В ркп. стерлось; да УЧТ. ²²⁴ В ркп. вама; нима УЧТ. ²²⁵ твоего У. ²²⁶ Доб. како ЧТ. ²²⁷ Доб. боже мой ЧТ. ²²⁸ Доб. но Т. ²²⁹ бѣ Ч; бѣх Т. ²³⁰ Нет Ч. ²³¹ Доб. О мюроносицах У. ²³² Нет ЧТ. ²³³ Доб. уже ЧТ. ²³⁴ Доб. придоша Т. ²³⁵ рече ЧТ. ²³⁶ придоста ЧТ. ²³⁷ Доб. гробу Т. ²³⁸ Доб. его ЧТ. ²³⁹ Доб. жены Т. ²⁴⁰ придоша ЧТ. ²⁴¹ бо У. ²⁴² Доб. и ЧТ. ²⁴³ Нет Т; с Ч. ²⁴⁴ Христове ЧТ. ²⁴⁵ Доб. о Ч. ²⁴⁶ Доб. и Т. ²⁴⁷ истѣлѣвшая У. ²⁴⁸⁻²⁴⁹ Адам бо бог въскотѣ быти, и не бысть, но и проклят бысть, понеже послушал думы вражия; Христос же послушавъ Т. ²⁵⁰⁻²⁵¹ бысть сы бог и челоувѣк У. ²⁵² челоувѣки Ч. ²⁵³ спасеть У. ²⁵⁴ Адам бо Т. ²⁵⁵⁻²⁵⁶ смертнаго от греха ЧТ. ²⁵⁷ Нет УЧТ. ²⁵⁸⁻²⁵⁹ и золчи ЧТ. ²⁶⁰⁻²⁶¹ свою УЧТ. ²⁶² В ркп. изд. ²⁶³⁻²⁶⁴ его же Т. ²⁶⁵ Нет ЧТ.

бысть и тѣрниемъ вѣнчан,²⁶⁶ да раздрѣ(л. 13)шить от уз дьяволь чело-
вѣкы и тѣрние прелести вражия искоренить. Солнце помрачи и землю
потрясе, и твари всей плакати ся створи, да адская²⁶⁷ раздрушитъ скръ-
вища, и тамо сущих душа свѣт видѣша, и Евжин плачь на радость прѣ-
ложи. Въ гробѣ яко мѣртв положен бысть,²⁶⁸ и от вѣка умѣршим гробь-
ным²⁶⁹ живот дарова. Камнемъ с печатьми утвѣржен бысть, да адова
врата и вѣрѣя от²⁷⁰ основания скрушитъ.²⁷¹ Стражыми стрѣгомъ бѣ всѣми
видимо, нѣ невидимо съшдъ в ад съвяза сотону. Ангельская бо воинства
съ нимъ²⁷² текуще зѣваху:²⁷³ Възмѣте, врата, князя ваши, да внидетъ²⁷⁴
цесарь славы! И ови съвязаныя душа рѣшаче²⁷⁵ от тѣмнищ пушаху;²⁷⁶
друзии же противныя силы вяжуще глаголаху: Кде ти, смерти, жало? Кде
ти, аде, побѣда? Къ ним же оцѣпѣвъше бѣси въпияху: Кто се есть цесарь
славы,²⁷⁷ с толикою на ны пришел²⁷⁸ властью?²⁷⁹ Погубил есть князя
тѣмы и вся его въскытил²⁸⁰ скро(л. 13 об.)вища, разби смертный град,
адово чрѣво,²⁸¹ извоева плѣнники, иже съ Адамомъ съде, сущая²⁸² грѣш-
ных душа,²⁸³ Въскресе²⁸⁴ цѣлом²⁸⁵ печатем у гроба,²⁸⁶ тако бо и рожься не-
врѣди матерня дѣвства печати.²⁸⁷ Да нѣсть вам страха, нѣ оумѣрѣвъшим
войном. Уже бо вся съвършивъ Исус, въскресе богоплѣнѣнъ, и пока-
зая прѣже вас приходившимъ женам, възывъя красно: Радуйтася!
И апостолом своим в Галилѣю ити повелѣ, да вся²⁸⁸ тамо с вами
освятив с плѣтию на небеса възидеть,²⁸⁹ с нею же и пакы придетъ
судит²⁹⁰ мирови. Си же вся от ангела реченая к мюроносицам о Христѣ
съказахом.²⁹¹

Похвалим ныня Иосифа приснопамятнаго, благообразнаго же и до-
сточюднаго. Блажен еси поистинѣ, преславный²⁹² и досточудный Иосифе,
толика блага и велика²⁹³ богатства на земли и на небеси сподобься!
Достоينو послужив, яко²⁹⁴ и херовими,²⁹⁵ божию телеси; нѣ они невидимо
на своею държаше ра(л. 14)му, страхомъ своя покрывають лица, ты же
радуяся на своею руку Христа бога носил еси.²⁹⁶ Блажен еси, Иосифе,
паче²⁹⁷ патриарх Аврама, Исака и Якова! Его же бо они глас тѣчию²⁹⁸
слышавъше, чѣстни и славни паче всѣхъ явишася, того же ты въ плаща-
ницу²⁹⁹ обил еси тѣло. Блажю³⁰⁰ руцѣ твои, Иосифе, на нею же сына бо-
жия и³⁰¹ всѣхъ творца държал еси тѣло, его же образа не тѣрпя зрѣти³⁰²
въ Хоривѣ Моиси, под камнемъ скрывъся слыша:³⁰³ Задняя моя
узриши;³⁰⁴ тѣмъ и на Фаворѣ съ Илиею видѣв Христа, послушествоваста
того суца бога и человекъ. Блажен еси паче Давида цесаря, великий
Иосифе! Давид бо от Силома кивот съ божиемъ словомъ принесе, нѣ³⁰⁵
въ своеемъ убояся поставити его дому; ты же не скинию с закономъ, нѣ
самого бога прием от³⁰⁶ крѣста, въ своеемъ гробѣ радуяся³⁰⁷ положил еси.
Блажен и преблагословен³⁰⁸ тобою, Иосифе, ископанный гроб, въ немъ же
полежа Христос³⁰⁹ спас наш! У(л. 14 об.)же бо нѣсть гроб, нѣ прѣстол
божий, олтарь небесный,³¹⁰ покоище святаго духа и одр³¹¹ небеснаго це-
саря, о немъ же — рече³¹² Соломон — стоять сильнии³¹³ ратоборьци, изу-

266 Доб. бысть Т. 267 адова Т. 268-269 да гробным и от вѣка умершим Т. 269 Нет У.
270 из Т. 271 разорить Т. 272-273 сущи предтекуще въпиаху Т. 274 снидеть Т. 275 рѣ-
шаше У; рещаше Т. 276 пушаше Т. 277 Доб. иже Т. 278 Доб. есть У. 279 Доб. и
силоу Т. 280 восхытив УЧ. 281 Доб. смегтию поосади Т. 282-283 душа деожъ мья
въскреси Т. 284 Нет Т. 285 Доб. сущим Т. 286 Доб. его въскресе Т. 287 Доб.
Глаголаше же аггел Т. 288 вси У. 289 възнесетъ Т. 290 Доб. всему Т. 291 Доб.
(на полях) Похвала Иосифу ТУ. 292 праведен У. 293 толика 294-295 херо-
вим ЧТ. 296 Доб. о Ч. 297 Доб. древних Т. 298 токмо Т. 299 Доб. свою Т.
300 Блажим Т. 301 Нет ЧТ. 302 Нет ЧТ. 303 Нет У. 304 См. Исход. XXXIII, 23.
305 Нет УЧТ. 306 со Т. 307 Нет Т. 308 преблажен У. 309 Доб. бог Т.
310 Доб. и УТ. 311 кровать Т. 312 Доб. премудрый Т. 313 Доб. храбри Т.

чени брани, имуще оружия обоюдоуостра; ³¹⁴ си ³¹⁵ глагола назнаменуя свя-
 тых чины, ³¹⁶ борющихся с еретикы и съ жиды по' Христѣ. Блажен еси,
 Иосифе, съвершителю божию таинству и пророчьскихъ гаданий раздрѣ-
 шителю! О немъ же бо ³¹⁷ закон и пророци притчами написаша, ³¹⁸ сего ты
 явственно измюрною по святымъ мазаше ³¹⁹ язвамъ. Блажен еси, Иосифе,
 иже вся оживившаго словомъ и водами покрывшаго твердь небесную, ³²⁰
 сего, яко мъртвца, каменемъ ³²¹ покрыв еси въ гробѣ, чая тридневнаго
 въскресенія! ³²² Блажен ³²³ убо ³²⁴ и градъ твой Аримафѣй, из него же ты
³²⁵ приде послужитъ ³²⁶ сыну божию! Кую ³²⁷ похвалу створимъ достойну
 твоего блаженства, ли ³²⁸ кому уподоблю сего праведника? Како ³²⁹ начну
 или ³³⁰ како разложу? ³³¹ Небомъ ли ты про(л. 15)зову? Нѣ того свѣтлѣй
 бысть богочестьемъ, ³³² ибо въ врѣмя страсти Христовы ³³³ небо помрачися
 и свой свѣтъ скры, ты же тогда радуяся на свою руку ³³⁴ бога носяше. ³³⁵
 Землю ли ты благоцвѣтушую нареку? Нѣ ³³⁶ тоя честиѣй ся показа;
 тѣгда бо и та ³³⁷ страхомъ трясаешя, ³³⁸ ты же ³³⁹ с веселиемъ ³⁴⁰ божие тѣло
 съ Никодимомъ въ плащаницю съ вонями обив положил еси. Апостоломъ
 ли ты именую? Нѣ и тѣхъ вѣрнѣе и крѣпчею обрѣтешя; егда бо они ³⁴¹
 страха ради жидовска ³⁴² разбѣгошася, тѣгда ты без боязни и бесумнѣ-
 ныи послужил еси Христови. ³⁴³ Святителя ли ты и старѣйшину ³⁴⁴ про-
 зову? Тѣмъ бо образъ своея службы предал еси, обихода и ³⁴⁵ кады и кла-
 няся съ молитвами пречистому тѣлу Христову глаголя: Въскресни, гос-
 поди, помози намъ, избави насъ имени твоего ради! ³⁴⁶ Священномученикомъ
 ли ты нареку, ³⁴⁷ яко толику показал еси любовь къ Христови? Аще бо и
 не въгрузися в твою пѣрси оружие, ³⁴⁸ ни проляся твоя от меча кровь,
 нѣ изволе(л. 15 об.)ниемъ и ³⁴⁹ вѣрою ³⁵⁰ по Христѣ ³⁵¹ положил еси душу.
 Поразили бо ты быша и на удеса расѣкли, ³⁵³ нѣ съхрани ты ³⁵⁴ от тѣхъ ³⁵⁵
 Исусъ, ³⁵⁶ его же ты храняше тѣло, ³⁵⁷ не убоявша гнѣва жидовска, ни ³⁵⁸
 прещенія жреческа, ³⁵⁹ ни напрасно убивающихъ воинъ не устрашился, ³⁶⁰ не
 пожали си по мнозѣмъ богатствѣмъ, не родив ³⁶¹ ни о своемъ животѣ, ³⁶² чая
 тридневнаго въскресенія. ³⁶³ Нѣ паче всѣхъ святыхъ подвизался еси, бого-
 блаженный Иосифе, и ³⁶⁴ паче всѣхъ имаши дерзновение ³⁶⁵ къ Христу, ³⁶⁶
 къ нему же ³⁶⁷ молися и ³⁶⁸ о насъ, ³⁶⁹ хвалящихъ тя, и чтущихъ твою ³⁷⁰ с мно-
 роносицами ³⁷¹ память, и твой украшающимъ ³⁷² празднику.

Подажь, ³⁷³ святые, ³⁷⁴ всѣмъ намъ твою ³⁷⁵ помощь, буди покрѣвъ граду на-
 шему от всякого зла, подавая ³⁷⁶ князю ³⁷⁷ на противныя побѣду ³⁷⁸ и засту-

³¹⁴ Ср. Песнь песней III, 7—8. ³¹⁵ Доб. же Т. ³¹⁶ чин Ч. ³¹⁷ Нет У.
³¹⁷⁻³¹⁸ пророци прорекоша и закон притчами написа (подчеркнутое написано другими чер-
 нилами) Т. ³¹⁹ помазаше Ч; помазал еси Т. ³²⁰ Доб. ты же Т. ³²¹ Нет ЧТ.
³²² Доб. его Т. ³²³ Доб. еси Ч; доб. еси, Иосифе Т. ³²⁴ Нет Т. ³²⁵⁻³²⁶ пришел
 послужил еси Т. ³²⁷ Доб. ти ЧТ. ³²⁸ или ЧТ. ³²⁹ Доб. ли Т. ³³⁰ ли Ч.
³³¹ Доб. Что ты нареку, блажениче? Т. ³³² благочестьемъ Ч. ³³³ спасовы Т.
³³⁴ Доб. Христа Т. ³³⁵ Доб. Что ты наречемъ, благообразне? Т. ³³⁶ Доб. и ЧТ.
³³⁷ земля Т. ³³⁸ колибашешя Т. ³³⁹ Доб. тогда Т. ³⁴⁰ Доб. и радостию ЧТ.
³⁴¹ апостоли Т. ³⁴² иудейска ЧТ. ³⁴³⁻³⁴⁴ Святителя ли ты (нет У.) и старейшину
 (архирѣя Т) УЧТ; в ркп. Святителя ты старѣйшину. ³⁴⁵ Нет У. ³⁴⁶ Доб Но что
 ты нареку? Т. ³⁴⁷ приглагоша Т. ³⁴⁸ копие аще и Т. ³⁴⁹ Нет ЧТ. ³⁵⁰ Нет Т.
³⁵¹⁻³⁵² дерзнул еси положить свою душу Т. ³⁵³ хотѣша расѣчи Т. ³⁵⁴⁻³⁵⁵ Нет ЧТ.
³⁵⁶ Христос У. ³⁵⁷ Доб. вѣрою бо послужил еси по распятію Христу, снем от древа
 пречистое тѣло его и с плащаницею въ гробѣ новѣ с муромъ честно положил еси, и Т.
³⁵⁸ в ркп. не; ни УЧТ. ³⁵⁹ архирѣйска Т. ³⁵⁹⁻³⁶⁰ и не устрашился напрасно убиваю-
 щихъ воинъ, и не пошадѣвъ имѣнна своего, и Т. ³⁶¹ брег Т. ³⁶² Доб. Вѣрою послужил
 еси Христу Т. ³⁶³ Доб. его Т. ³⁶⁴ Нет Ч; доб. того ради Т. ³⁶⁵⁻³⁶⁶ свое к гос-
 поду Исусу Христу ЧТ. ³⁶⁷⁻³⁶⁹ помолися, благоприятне, за нас Т. ³⁶⁸ Нет УЧ.
³⁷⁰ Доб. святую УЧТ. ³⁷¹ Доб. и с Никодимомъ Т. ³⁷² украшающихъ Т. ³⁷³ По-
 дай же Т. ³⁷⁴ Нет У. ³⁷⁵ твоя УЧТ. ³⁷⁶ Подай же Т; доб. пребогате; доб. (на
 полях) благовѣ У. ³⁷⁷ Доб. нашему Т. ³⁷⁸ победы ЧТ.

пая его от всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ врагъ, миръ же глубокъ, и съдравие телеси,³⁷⁹ купно же и души его проси³⁸⁰ спасения. (л. 16) И нас³⁸¹ избави отъ всякоя нужа, и печали, и бѣды, и всѣхъ лютыхъ напастей и³⁸² многихъ грѣховъ³⁸³ отпуст³⁸⁴ испроси своими къ богу молитвами, да избавитъ ны отъ бесконьчныя муки и причастники створить³⁸⁵ будущая жизни,³⁸⁶ благодатию и челоувѣколюбиемъ господа³⁸⁷ и бога и спаса³⁸⁸ нашего Иуса Христа,³⁸⁹ ему же слава съ отцемъ³⁹⁰ и съ пресвятымъ и благымъ и животворящимъ духомъ, нынѣ и присно и въ вѣкы.³⁹¹

³⁷⁹ Доб. его даруй Т. ³⁸⁰ испроси ЧТ. ³⁸¹ Доб. же хвалящихъ тя Т. ³⁸²⁻³⁸⁸ мно-
гимъ грѣхомъ Ч. ³⁸⁴ отпуста ЧТ. ³⁸⁵⁻³⁸⁶ ны будущихъ благъ вѣчныя жизни Т.
³⁸⁷⁻³⁸⁸ Нетъ Т. ³⁸⁹⁻³⁹⁰ ему же подобають всяка слава, честь и покланяние съ безначал-
нымъ его отцемъ Т. ³⁹¹ Доб. вѣкомъ. Аминь. Ч.

Л. С. ШЕПТАЕВ

Заметки к древнерусским литературным памятникам

I

Накопилась большая исследовательская литература о влиянии устно-поэтического творчества на «Слово о полку Игореве». Пополняются наблюдения и сопоставления отдельных художественных образов из устного творчества со «Словом о полку Игореве».¹

Интересны в этом отношении свадебные обрядовые песни, в которых наблюдается особая сохранность каждого слова и устойчивость текста на протяжении веков. Так, во второй части «Слова», в «золотом слове» Святослава, храбрость Игоря и Всеволода изображается следующими метафорами:

Ваю храбрая сердца
в жестоцем харалузе скована
а в буести закалена.²

В свадебных причетах (в «Великоруссе» Шейна, Академия наук, 1900, № 554) имеются такие строки:

(У свекра...) сердце каменно,
в буести заковано,
в булате сварено.

Метафорические обороты здесь близки к соответствующим местам в «Слове». «Сварено» здесь в смысле «закалено». «Сварить (о железе), — по Далю. — соединять н а к а л к о ю и проковкою две части в одно целое». В этих двух строках «переменились местами» лишь параллельные обстоятельственные слова: «в буести» и «в булате» (харалузе).

В момент побега из плена Игорь вызывает в сознании автора такой образ: «А Игорь князь поскочи³ горностаем к тростию и белым гоголем на воду». Невеста, оплакивая свою красоту (девичий головной убор) причитает на свадьбе так: «Горностаем на воду ушла красота» (Шейн, № 1667).

II

В сочинениях Ивана Пересветова заметную роль играют просторечные выражения: недруг, костарство, ябедник, лихой человек, смертная игра и др. Останавливает на себе внимание его выражение «богатини» в «Ска-

¹ Например: А. П о т е б н я. Слово о полку Игореве и устная народная поэзия. Харьков, 1853. См. еще: А. П о т е б н я. Слово о полку Игореве. Воронеж, 1878; то же, Харьков, 1914. Сопоставления с причитаниями см.: Е. Б а р с о в. Причитания Северного края. М., 1872, ч. I, стр. XXIX—XXX; ч. II, 1882, стр. LII—LV.

² «Слово о полку Игореве». Изд. АН СССР, 1950, стр. 20; то же в издании 1800 г. Мусина-Пушкина и в Екатерининской копии.

³ В Екатерининской копии: «по скачи».

зании о царе Константине». В новом издании сочинений Пересветова⁴ в применении к греческим вельможам, мешавшим объединению страны и боровавшимся за возвращение к феодальной раздробленности, это выражение в разных редакциях применяется в следующих формах: «ленивья богатины» (стр. 187), «ленивьи богаты» (стр. 261), «ленивья богатыя» (стр. 167), «ленивья богаты» (стр. 234), иногда просто «богатыя» (стр. 167).

Это выражение «богатина» с разными ударениями в этом слове попадает иногда в устном народном творчестве. Так, в «Северных народных драмах» Н. Е. Ончукова имеется текст VII под названием «Ездок и конёвал, или Конь».

В озорном скоморошьего типа монологе, в прибаутках, высмеивающих богатеев и бар, между прочим говорится:

Бедненький ратничек
Садился на клочок,
Нюхал божью травку — табачек,
Бога хвалит, царя величает,
Богатую богатину крепко проклинает.⁵

В «Великоруссе» Шейна имеется песня, исполнявшаяся на девичнике в момент, когда сажают каравай в печь. В этой песне не раз попадает слово «богатина», например: «Прилетела пава, Середь двора пала, Косу потеряла. Девка ваша — коса наша. Дай полтину, Я косу покину. Дружка богатины? Не умеет дружка свататься Красным девкам кланяться» (Шейн, № 2077).

Запись Ончукова произведена в Олонецкой губернии, а запись Шейна в Курской губернии. Время записи различное. Эта территориальная отделенность мест записи, а также различное произношение (ударение) в слове указывают на широкое бытование этого слова в свое время в народе.

⁴ Сочинения И. Пересветова. Текст подготовил А. А. Зимин, под редакцией члена-корреспондента АН СССР Д. С. Лихачева. Изд. АН СССР, М—Л., 1956.

⁵ Н. Е. Ончуков. Северные народные драмы. СПб., 1911, стр. 120.

В. Ф. РЖИГА

„Повесть о Петре и Февронии“ в русской литературе конца XVIII в.

Известно, что русская литература последней трети XVIII в. характеризуется значительным усилением демократических элементов. Этот несомненный факт был обусловлен углублением социальных противоречий и обострением классовой борьбы закрепощенного крестьянства с феодально-крепостническим строем. События крестьянской войны под предводительством Емельяна Пугачева в 1773—1775 гг. глубоко всколыхнули широкие народные массы и в конечном счете не могли не привести к усилению роли демократических элементов в литературе. Идейные позиции великого Радищева в его «Путешествии из Петербурга в Москву» не были, конечно, одинокими. Созданию «Путешествия» предшествовали такие произведения, явившиеся из демократической среды в последнюю треть XVIII в., в которых была ярко выражена антикрепостническая, антидворянская направленность. Целый ряд такого рода произведений начинается знаменитым «Плачем холопов», относящимся к 1767—1768 гг., с его мечтой о воле и революционным призывом «выводить» «всякую неправду» «и злых господ корень переводить».

Правда, другие произведения литературы последней трети XVIII в., связанные с пробуждением демократического сознания деревни и города, не отличаются столь ярко выраженной революционностью, но все же антикрепостнический и антидворянский характер их совершенно очевиден. Таковы «Челобитная к богу крымских солдат» и «Горестное сказание», написанные так же, как «Плач холопов», в виршевой форме и проникнутые духом протеста против феодально-крепостнического гнета и произвола. Известны также «крестьянские повести» о подмосковных деревнях Камкиной и Киселихе, в которых выражается ироническое отношение крестьянина-балагура к барину-крепостнику, с одной стороны, и к управителю — с другой. Стоит вспомнить также известные произведения такого писателя, как Чулков, тяготевшего к устному народному творчеству и явно обращавшегося к читателям из трехсословной среды. Важно вместе с тем, что в росте демократических элементов в литературе последней трети XVIII в. немалое значение имели и драматургия с новым жанром комической оперы, затрагивавшим, начиная с «Анюты» Попова (1772 г.), крестьянскую тематику и широко пользовавшимся песенным народным творчеством, и так называемая лубочная литература, нередко высмеивавшая господ в своих картинках.

Интересно, наконец, что в этом процессе усиления демократических элементов в литературе последней трети XVIII в. определенную роль играет и традиция, восходящая к древней русской литературе, отдельные выдающиеся произведения которой получали в 80-х и начале 90-х годов новое.

более демократическое переосмысление. Любопытно, что известная повесть конца XVII в. о Фроле Скобееве была творчески переработана демократическим писателем второй половины XVIII в. И. Новиковым и вошла в состав его повествовательного Сборника «Похождения Ивана Гостиного сына» под заглавием «Новгородских девушек святочный вечер, сыгранный свадебным». Переработка эта замечательна не только обилием колоритных черт живого московского просторечия второй половины XVIII в., но и той иронией, с какой изображаются теперь представители московского боярства, самые фамилии которых, введенные автором, — Кошкодавов и Собакин — звучат насмешливо.

Другое произведение древней русской литературы — «Повесть о Петре и Февронии» — также было переосмыслено в последние десятилетия XVIII в. Так возникла четвертая редакция этой «Повести», общая характеристика которой была в свое время сделана мною,¹ но самый текст оставался до сих пор неопубликованным. Публикуя его теперь, мы не можем не подчеркнуть, что произведение это, в основе своей народное, и в первом литературном оформлении отличалось относительным демократизмом в духе XVI в., а теперь, в последние десятилетия XVIII в., стало, с одной стороны, еще более светским, освободившись от предисловия и послесловия в религиозном стиле, восходящих к XVI в., а с другой стороны, в соответствии с идейным уровнем времени прониклось новыми демократическими мыслями.

В тексте новой редакции, после упоминания о венчании Февронии, сделана вставка об ее добродетели, описывающая ее гуманную деятельность такими чертами: «Феврония же сво[и]ма рукама странных поила и кормила и покоила, в темницах селящих посещала и от темниц свобождала, все благое и доброе содевала и сироты и вдовы питала» (л. 171).

Далее, при изображении отношения бояр к Февронии, особенно подчеркивалось, что «она крестьянска рода и дочь бобыльская» (л. 172). Бояре требуют, чтобы Феврония «отстала деревенскова обычая не по-боярски ходити бесчинно» (л. 171 об.).

Особенно интересно, что новый редактор последовательно проводит демократические мысли. Он не только говорит о праве бояр выбирать князя, но рядом с вельможами и боярами ставит представителей более широких кругов, называя их «градские люди» и полагая, что все они «от всего града и народа присланы». Мысль о народе как источнике власти сказывается и далее, когда представителям города и народа влагается в уста заявление, что «мнози хотят самодержавствовати сами собою, а не от мира избраны».

Демократические настроения нового редактора, откликающиеся на переловую общественную мысль последней трети XVIII в., станут для нас особенно ясными, если мы сопоставим соответствующее место по двум редакциям — второй и четвертой.

Вторая редакция

И абие приидоша вельможи от града Муромы, моляще и глаголюще: «О, господине княже, от всех вельмож и от всего града приидохом молити тя, да не оставиши нас сирых, но возвратиши на свое

Четвертая редакция

И в тот же день приехали сюда вельможи и бояря и градские люди от Муромы пришли, Начаша молити князя и княгиню: «О, великий князю и господине наш, мы к тебе от всего града и народа

¹ В. Ф. Ржиги. Литературная деятельность Ермолая-Еразма. ЛЗЭК вып. XXXIII, стр. 143—145.

отечество. Мнози бо велможи во граде погибоша от меча: кийждо бо их хотя державствовати, сами ся изгубиша, а оставши со всем народом молят тя» (*Памятники старинной русской литературы, вып. 1. СПб., 1860, стр. 44*).
 присланы молити тя и со княгинею, да не оставите нас сирых, помилуй нас и воз-

вратися во град Муром, во отечество свое. У нас во граде Муроме мнози бояря и велможи от народа погибоша в междоусобной брани, в мечи острые секущиеся. Мнози хотят самодержавствовати сами собою, а не от мира избраны...» (*лл. 174, 174 об.*).

Итак, мы не можем не видеть в публикуемом далее тексте четвертой редакции «Повести о Петре и Февронии» отражения тех общественных настроений широких народных масс, которые связаны были с эпохой после крестьянской войны под предводительством Пугачева.

Повесть о Петре и Февронии¹

На Воздвижение честнаго креста господня прииде князь Петр в церковь божию помолитися с верою. И явися ему отроча младо и рече: «Княже Петре, хощеш ли видети Агрикова меча, да покажу ти, иди скоро вослед мене». И приведе ево ко алтарной стене и показа || ему между церковнию л. 166 и алтарем тут мечь закладен в каменной стене. И увидя Петр мечь зело остр, зело подивися и благодарно взя его и принесе в дом свой, радуясь. И скоро шед поведи брату своему князю Павлу и показа ему мечь Агриков. И с того времени стал Петр подобна времени искати на змия, како бы ево погубити. И в некое время пришед Петр в полату к брату своему Павлу на поклонение; обычай бо Петров — всегда приходити на поклонение: он меньшей брат. И быв у брата, пошел в полату к снохе своей, к Павловой жене, и поклонися ей и увидя с нею селяща мужа в образе Павлове. Петр же скоро изыде ис полаты от нея и вьстрете слугу Павлова, идуша из дому. Петр же вопроси его: «Где брат мой Павел?». Слуга же сказал: «В полате судебной люлей судит». Петр же уразумел, что змей лукавой у снохи во образе Павлове сидит, и скоро тече к Павлу || и поведи все ему л. 166 об. про змия пронирство и лукавство и рече ему: «Брате мой милый, послушай мене, не ходи ты ис полаты никуды, а я скоро поиду к снохе своей, а к княгине твоей и застану змия, и буду боротися с ним, а ты в то время буди на молитве и молися господу богу со слезами, дабы мне помог змия победити». И взял мечь Агриков, и прииде в полату к снохе своей и узре змия беседующа с нею во образе брата, и ударил змия твердо и нача сещи ево от всея силы своя зело усердо. Змей же вострепета и паде на пол, мертв бысть и облия² Петра кровию своею на лице его светлое. И от тое крови явилася язва у Петра на лице и струп з болезнию и зело стало тяжко ему быти от того и весь острупел и изнемогаше и искаше от врачей исцеления и не получи нимало да тем и господа бога прогневал, опроче бога стал искати помощи от диавола. Рече господь во евангелии: «Иже невозможно есть от человек спастися, возможно бо суть да от бога». Сущю же князю Петру || в велицей скорби и бо- лезни бывшу и слышав, яко в пределех Резанские области есть l. 167 многие врачи, и скоро посла верного клеветра своего искати врача и обещася ему дары дати. И прииде тот клеветр в дом негде

¹ Так называемая четвертая редакция «Повести о Петре и Февронии» издается по единственной рукописи, сохранившей эту редакцию, а именно по рукописи ГИМа (№ 538, в 4-ку, 1790 г., 309 лл.). Заглавия в рукописи нет. Текст читается на лл. 165 об — 175 об. Печатается он в упрощенной орфографии, обычно принятой при издании текстов XVII и XVIII вв., но с сохранением всех фонетических особенностей данного списка.

² *Испр., в ркп. обия.*

тихо и кротко, никто ево не видал и в храмину вшел и увидел девицу едину, сядящу в ызбе, и ткаше полотно, а пред нею заец скачет. Девица же нача глаголати: «О, несмысленный и неразумный муж, почто тако, не обсылаючися, вшел семо ко мне. И невозможно бо есть во всяком доме быти без ушей, а в храмине без очей». Клеврет же не разуме глаголемых от нея и рече: «Девице, повеждь ми господа ради, где есть господин и жена его дому сего?». Она же отвеща ему: «Отец мой и мати пошли в добрые люди взаем плакати, а брат мой пошел в лес чрез ноги зрети в нави». Юноша же, слышав, и не разуме словес ея, зело подивися разуму ея и рече: «Аз вижду тя премудру и разумну, слышах от уст твоих мудрыя словеса, аз же не могу их разумети». Девица же рече ему: || «Человече, сего ли ты не разумеши, что глаголю, все препросто, аз ти повем и скажу ти. Пришел бо еси ты в дом ко отцу моему, не обсылаючис, да вшел в храмину и увидял меня в таковой простоте сядящу за станом и ткущу полотно, безобразну и красоты лишенну. Аще бы да пес был у нас в доме, и он бы тебя облаял на дворе, а я бы услышала и поопасилась бы: то бо всякому человеку глас бысть и провозвестник, пес в доме слышание и уши, а очи в доме — кошка. А отец³ и мати оба вкупе поидоша на погребение к соседу умершего погребати, сиречь, взаем плакати. А когда преставится, и к нам такожде придут на погребение и по них станут плакати. То именуется заемный плачь. А брат мой древодель пошел в лес, а лести ему на великое и высокое древо, а с высоты вниз зрети на землю, дабы не упасти з древа». Рече же юноша: «Зело ты смысленна и премудра. || Поведай ми, како ти имя?». Она же рече: «Имя мое Феврония, а ты откуда семо пришел и како имя твое и коего града и страны или веси житель и куды путь твой предлежит, повеждь ми все господа ради, и сюды в дом ко отцу моему чего ради пришел». Юноша же рече ей: «Аз ти все повем о себе: аз есмь послан от превелика и славна и честна мужа, от муромскаго князя Петра, а он ныне в великой скорби и в болезни и во многих язвах, тело его струпы великие имать на себе, опрысне кровию от летящаго змия, князь мой Петр мечем Агриковым острым на полы рассече; а в то время змей опрыснул лице его кровию своею, от того он и острупел, а ныне люто скорбит, и послал мя искати врача добраго и хитраго, дабы ему исцелитися. И того ради аз семо приидох послан искати добраго врача исцеления ради. И слышно князю нашему, что де здесь есть много хитрых и мудрых людей, а я их не знаю, где они живут и како их зовут. И ныне аз молю милость || твою, повеждь ми господа ради о них». Она же рече ему: «Аще бы кто требовал князя вашего Петра, то бы мог ево исцелити». Юноша же рече ей: «Аще бы да мочно кому князя нашего исцелити, и он бы много дал ему злата и сребра и всякого имения и богатства. Скажи ми ты искусна и мудра мужа и хитра и духовна врача». Она же рече ему: «Привезите сюды князя Петра вашего, и господь бог да исцелит его и уверачует, аще будет тих и кроток и смирен и богобоязлив и лехкосерд в ответех, да будет исцелен». Юноша же скоро возвратися ко князю с радостию и поведа ему все по ряду, яже видя и слыша. Благоверный же князь Петр услыша про девицу такие глаголы, зело подивися разуму ея и премудрости и рече к предстоящим, да везут его до тоя девицы. И привезоша близ дому ея. Князь же посла к ней юношу вопросити ю о враче добром. Она же рече: «Иди, чадо, и скажи князю своему, яко аз хочу ево врачевати, || а имения его, злата и сребра не хошу от него взимати. Толко есть слово единое до него, и сама ему изреку и супруга хошу ему быти, да божию помощию могу ево управити и скорбь ево уврачевати». Юноша же,

³ Испр.; в ркп. оц.

скоро шед и поведи все подробну князю Петру глаголы ея. Князь же слыша, помысли в себе, како мне, князю, да у древодела дщерь пояти за себя в жену, но зело изнемогаше болезнию многою и еще посла к ней, рече: «Скажи ми, девица, чем ты хоцещи мою болезнь уврачевати и что есть твое врачество: аще духовно уврачюеши, то аз имам тя пояти в жену себе». Блаженная же не требуя много врачевания, но толко взем сосудец малой квасу и молитву сотвори и духом осени и благослови и даде слуге и рече: «Приими сие от мене благодарно и шед отнеси князю Петру». И преже всего повеле баню уготовить⁴ и, выпаря гораздо, обсушить тело да вымазать всего, а един струп оставить немазан, и будет здрав. Слуга же принесе и содея тако. || И князь слыша ея зело премудру и хотя ея искусити, посла к ней едино повесмо лну, сама добра, белова, и глагола ей: «Аще хоцещи супруга быти, да учини в повесме срачицу князю и порты и убрусец малой тем временем, дондеже князь в бани пребудет». Она же не усумнеся нимало, взя у него повесмо и рече слуге: «Взыди на печь нашу и снеси ми поленце». Он же послуша, снесе и даде ей. Она же взя полено, отмери пядь едину полена и отсеке прочь и отдаде слуге и рече: «Отнеси князю Петру от мене и рцы ему: „В кое время аз очистишу лну повесмо, в то бы время князь сам построил в сем утинке стан со всею збруею, и буду я полотно князю ткать на срачицу и на порты и на убрусец“». Слуга же шед ко князю и отдаде ему утинок и сказал все подробну. Князь же взя поленце и рече: «Невозможно мне ис такова малова утинка стана болшова построить». И зело подивися премудрому разуму ея и ответу и посла к ней слугу того же: «Шед, рцы ей, яко ис такова малова утинка невозможно в малое || время построить». Она же рече: «А мне де невозможно в такое малое время из единова повесма три вещи состроити». Слуга же шед и поведи все глаголы ея. Князь же подивися разуму ея и мудрому ответу и поиде в баню мыться по ея повелению, и помазася из сосуда ея и все тело вымазал, а единого струпа не мазал, и изыде из бани вон, успе в мале и бысть здрав, яко и не бывало скорби и струпия на нем, и увидя князь Петр тело свое цело и чисто, толко един непомазанной гниет. Князь же зело подивися такой премудрости и скорому исцелению и на долг час в размышлении бысть о едином струпе гниющем. Блаженная же Феврония в то время молилася господу богу со слезами. Князь же размышляя в себе и не хотяше пояти ю за себя и вспомянул слово свое обещанное, а отечество ея претит ему, и посла к ней драгие дары и повеле ей глаголати: «Не прогневайся, яко невозможно князю Петру пояти тя в жену себе отчества твоего ради». Феврония же даров не прияла || и рече слугам: «Идите ко князю вашему з дарами назад и рцыте ему, яко он обещания своего не сотворил и в правде не устоял, не будет на нем милости божия и гнев велик от бога примет и наказание». Князь же поехал во град Муром здрав и бодр, и весел. И начаша по нем от того струпа непомазаннаго инья струпы являтися и паки весь острупел и увидял себя паче и перваго в великой болезни и скорби изнемогающа, и опять приехал на исцеление к Февронии и приехал близ дому ея, посла к ней с великою честию и с молением и драгие дары посла к ней, чтобы ево исцелити по-прежнему. Она же нимало гневу не подержала, рече слугам: «Аще первое свое обещание князь Петр исправит, супругою меня себе возмет, да будет уврачеван и исцелен и оздравеет». Слуга же шед поведи князю все. Он же обещался с клятвою пояти ю за себя супругою правоверно, аще от нея исцеление получит. || И посла ко князю тово же квасу со благодарением. Князь же по предреченному слову все так же управи

⁴ Испр.; в ркп. уготовит.

и сотвори. И помаза все тело свое острупленное и бысть здрав и поехал в Муром град с великою⁵ радостию да поят с собою и Февронию с великою честию. И пришедше во град Муром, благословением епископа муромскаго сотвориша брак честен и сочетался с Феврониею и венчался в соборной и апостольской церкви и бысть радость велия во граде Муроме. И живуще князь Петр с княгиниею Феврониею во всяком благочестии и ходивше по заповедем господним и пребысть в посте и в молитвах днем и нощию. Феврония же своима⁶ руками странных поила и кормила и покоила, нагих одевала, больных призидала, в темницах сидящих посещала и от темниц свобождала, все благое и доброе содевала и сироты и вдовы питала и в смиреннии и кротости все пребывала и во страсе божиин. По мале же времени старейши брат ево Павел от жития сего отиде. Благоверный же л. 171 об. || князь Петр после брата своего Павла един приял княжество и отчину и град Муром. Враг же диавол искони бе ненавядя добра роду христианскому вложи ненависть в боярех его и начаша не любити блаженные княгини Февронии, боярони вознегодовали на Февронию, яко от крестьянскаго рода блаженная княгиня Феврония — бог же прославляше ю добраго ради ея жития.⁷

Чюдо первое блаженные княгини Февронии, како крохи хлебные прелагаше в фиимаи и в златницы.⁸

Некогда от предстоящих бояр приидоша ко благоверному князю Петру и начаша рещи на княгиню Февронию хулу, чтобы отстала деревенскова обычая не по-боярски ходити бесчинно и крохи за обедом в руку брати будто голодна. Князь Петр, хотя ея искусити и тайно уведати, седе с нею за стол обедати. Егда же скончася обед, она же пред собою крохи взимая в руку свою, встала по обычаю своему. Князь же Петр присмотрил, л. 172 а ея обличити и оговорити, взя ю за руку и разверзе ю и увидя в руке ея росной ладан, || а в иное время златницу обрел вместо крох хлебных и зело ужасеся и подивися сему чудеси и обещася к тому впретки не искушати и прося прощения от нея с любовию. И некогда пришли ко князю бояря с великою яростию, глаголюще: «Великий князю, мы хощем тебе служити верно и праведно со благодарением, яко самодержца имети будем, а княгине твоей Февроние наши боярони не хошут служити и слушати ея: она крестьянска рода и дочь бобыльская, а нашими боярнями господствует. Аще ты хощеша самодержец быти, пойми себе от князей и бояр или от велмож честна рода, а Февроние же даждь доволна богатства, да идет прочь восвоися, откуду пришла, ко отцу своему и матере или в монастырь». Благоверный же князь незлобив, ярости и гнева не имея на них, но с тихостию отвеща: «Но идите ко княгине Февронии и глаголите ей». Они же, наполнившеся неистовства и безстудства, умыслиша учредити пир и сотвориша тако. И егда веселы || быша, начаша глаголати срамныя и безстудныя глаголы, аки псы брегчущие и отнимающе у святыя Февронии из рук дар божий и глаголюще ей: «Госпоже наша княгиня Феврония, весь град наш Муром глаголют бояря и боярони: „Даждь нам князя, его же мы просим у тебе, хощем вси да самодержавствует над нами князь Петр, а боярони наши не хошут у тебе быти под властию, да не господствуеш над ними, да возьмеш много злата и сребра и богатства и отъидеши⁹ прочь, куды хощеша“». Феврония же рече им: «Просите, елико хощете, авося и примете. Аще аз буду глаголати и просити у вас, можете ли

⁵ Испр.; в ркп. воликою.

⁶ Испр.; в ркп. свома.

⁷ В ркп. нет.

⁸ Испр.; в ркп. латницы.

⁹ Испр.; в ркп. отидеши.

сотворити?»). Они же ради быша, неведуще будущаго и глаголюще ей с клятвою: «Аще о чем ты нам единому изреки, и мы без всякого прекословия содеем по твоему словеси и по воли твоей». Феврония же рече: «Ничто же ино прошю, но токмо благовернаго великаго князя Петра муромскаго». Бояра же реша ей: «Аще князь наши сам || похощет. Аще л. 173 у нас в Муроме не будет князя Петра, мы иного выберем и поставим вместо его». Князь же Петр не возлюбил сего суетнаго маловременнаго жития и самодержавства кроме божиих заповедей, яко же богогласный апостол Матфей вѣщает, глаголя: «Аще кто пустит жену свою разве словесе прелюбодѣйнаго, а оженится иного, прелюбы творит». С ними же святой Петр по евангелию сотворит, заповеди божии не разрушил. Бояра же даша им струги и лотки на Оке реке. Они же отыдоша от своєї области и отечества и положиша все упование свое на бога, промышляющаго угодниками своими, духовными мужи.

Егда блаженная княгиня Феврония провидела в некоем человеке на прелесть лукавая помышления.

Пловущим же им по реке в судех, и некий человек бе у княгини в судне и жена ево тут же. Человек же той имев велию мысль на княгиню. Она же познала в нем такую злую мысль, от беса напущенную, и рече ему Феврония: «Человече, воззри ты на свою жену, || а не зри на чюжую». Обличи его л. 173 об. и глагола ему: «Возми сосуд и почерпи воды по страну судна и испей, да и по другую также». Он же тако сотворил. И рече ему Феврония: «С коея страны вода слаждыша?». Он же рече: «Одна вода укусом со обоих стран». Феврония же рече ему: «Сице таково и женѣское естество и у своєї и у чюжия, и не благо ты сие твориши, что ты от своєї жены на чужие помышляеши с похотию. Аще позрит человек на чюжую жену, то прелюбы творит и в вечную муку себя готовит». Слуга же той, увидя блаженную такой крепости разума твердаго и в благодати божии пребывающую чрез духа святаго, и зело убоясь к тому сего не творити и помышления не держати, аминь.

Приспешу вечеру,¹⁰ сташа на брезе, зело убоясь ехати. Благоверный же князь Петр нача помышляти в себе, почто я так содеал, своєю волею отлучился самодержавства. Рече же к нему княгиня Феврония: «Друже мой, не скорби, милостивый мой господине, господь бог, творец и промысленник || о нас с тобою, такожде и о всем мире и не оставит нас л. 174 в нищете быти».

Чюдо сотвори блаженная Феврония на берегу же том... Князю и княгини на вечери ужину начат готовить и припасати дровца малые, на них же котлы висяху. По вечери же княгиня Феврония ходяше на берегу и пришед к тем дровцам малым и благослови их и рече: «Растите и будите на утрие велики и зелены и листиве имуще многое». На утрие ж тако и сбьсться: воставше заутра, и обретесь те древа зело велика и ветве зеленое зыблются малыми ветры. И в тот же день приехали сюды велможи и бояря и градские люди от Мурома пришли, начаша молити князя и княгиню: «О, великий князю и господине наш, мы к тебе от всего града и народа присланы молити тя и со княгинею, да не оставите нас сирых помилуй нас и возвратися во град Муром во отечество свое. У нас во граде Муроме мнози бояря и велможи от народа погибоша в междуусобной брани, в мечи острые секущеся. Мнози хотят самодержавство || вати л. 174 об. сами собою, а не от мира избраны, и весь град и людие соединилися и молят тебя и со княгинею, дабы во всем простили их, в чем они вас прогневали. И, княгиня Феврония, буди госпожа над боярянами и надо всеми.

¹⁰ Испр., в ркп. великому.

да не оставите нас сырых, помилуйте, возвратитесь во град Муром господа ради. . .». Князь же и княгиня зело прослезилися и возжалилися о граде и о мире и о отечествии своем и возвратилися во град Муром, прославляюще господа бога своего и в непрестанных молитвах и молениях всегда пребывающе и в заповедех господних ходяще и оправдания храняще и милостыню неоскудну всегда творяще и сирот и вдовиц кормяще и ко святым монастырем и по церквам всегда ходяще и строяще пелены и воздухи и жемчюгом и камением драгим украшающе и ко всему миру, яко отец и мати чадолюбивые и любовь ко всем равну имуще, а гордости не имуще, но в самого бога богатеюще, яко истинный пастырь, а не наемник.

л. 175 праведно и преподобно || поживе, странныя приемлюще, алчныя насыщающе, нагия одевающе, бедныя от напастей избавляюще и от темницы юзников свобождающе, мертвыя до гроба провожающе и во всяком благочестии пребывающе и господу богу угождающе. А егда прииде благочестное их преставление, оба на молитве стоясте, чтобы во едином часе прилучилося им преставление и любезно между собою совет сотворили, да будут положена во едином гробе. И повеле князь Петр в камени едином выделатъ между ими преграду. И приняли оба иноческий образ, облеклися в черныя ризы. Петр во иноцех наречеся Давид, а Феврония во инокинях наречеся Ефросиния. В то же время преподобная шила воздух в соборную и апостольскую церковь ко святей богородице и убрус своиа рукама. Благоверный же князь Петр посла ко княгине, дабы шла скоряе до него: «Уже бо аз хошу от тела отъйти,¹¹ да ожидаю тебе, яко да оба вкупе с тобою отыдем ко господу». Она же посла к нему того же слугу и рече: «Еще пожди, господине мой, малое время, аз еще не дошила воздуха и убруса богородице».

л. 175 об. || Он же еще и во второе посла к ней и в третье посла к ней, глаголя: «Уже я близ смерти, мало пожду тя». Она же немного недошила, покиня дело, и пошла ко князю. И пришедчи к нему, простилася любезно друг з другом и целование о господе всем предстоящим даде мир и успе оба вдруг вечным сном и во едином гробе положиша их и честно погребоша и бысть от них зело многая исцеления с верою приходящим.

¹¹ Испр.; в ркп. отити.

А. А. ЗИМИН

Новые списки «Хожения» Афанасия Никитина

«Хожение за три моря» Афанасия Никитина — один из замечательных памятников древнерусской письменности. Однако текстологическое изучение его, к сожалению, все еще не может быть признано достаточным. Последнее издание «Хожения», предпринятое в 1948 г., изобилует неточными чтениями, порою грубыми ошибками.¹ К изданию было привлечено пять списков, причем текст опубликован по Троицкому списку² и по списку Ундольского (XVII в.), два списка использованы лишь в вариантах к первому из названных выше.³ Прежде всего крайне неудачным было то, что Архивский и Эттеров списки, составляющие особую редакцию «Хожения», восходящие самостоятельно к протографу памятника, оказались искусственно объединенными в одну группу с Троицким, не имеющим с ними прямой связи. В данном случае издатель шел вслед за публикацией Троицкого списка, предпринятой еще в 1853 г. Археографической комиссией в приложении к Софийским летописям.⁴ Не полностью использован в издании 1948 г. и состав известных текстов «Хожения». Следовало, например, обратить внимание на публикацию «Хожения» Сахаровым.⁵ Сахаров использовал для публикации карамзинскую копию Троицкого и строевское издание Архивского списков, дополнив и исправив их по своему списку позднее (к Архивскому Сахаровский список особенно близок).

До сих пор остается неизданным древнейший текст отрывка из «Хожения», помещенный в сборнике ВБЛ (Музейное собрание, № 3271, л. 35 об.).

Приводим полностью текст Музейного отрывка из «Хожения» Афанасия Никитина.

А вѣрь во Индѣи всѣх 84, а вси вѣруют в Бута. А вѣра с вѣрою ни пьет, ни яст, ни женятся, а инии же баранину, куры, рыбу яйца ядят, а воловины не ядят никаа вѣра. Бедерь бесерменский.

О, благовѣрнии рустии христиане, иже кто по многим землям много плавает, во многыа грѣхы впадает и вѣры ся да лишает христианские.

¹ Хожение за три моря Афанасия Никитина. 1466—1477 гг. Изд. АН СССР, М.—Л., 1948; ср. нашу рецензию в журнале «Вопросы истории» (1949, № 7, стр. 140—143).

² Крайне досадно, что в издании неверно указаны время написания списка (XVI в.) и состав сборника («Исторические сборники XVI в.», Хожение... стр. 131). На самом деле перед нами — Ермолинская летопись, помещенная в рукописи конца XV в. См. подробнее: ПСРЛ, т. XXIII. СПб., 1910, стр. I—IV.

³ Пятый список (Воскресенский) сохранился в отрывках, которые изданы в Археографическом обзоре к «Хожению».

⁴ ПСРЛ, т. VI. СПб., 1853, стр. 330—345. По этой же публикации в значительной мере произведены и отбор вариантов, и исправление основного текста.

⁵ Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым, т. II, кн. III. СПб., 1849, стр. 169—182.

Ино, братье русстии христиане, кто хочет пойти во Индѣйскую землю, и ты остави вѣру свою на Руси, да възкликну Махмета, да поиди в Густанскую землю. Мене залгали псы бесермена.

В Корею убили Шаусеня Алеевых детей, а внучат Махметевых, и он их проклял, ино 70 городов ся розвалило.

Небольшой отрывок из «Хожения» по Музейному списку посвящен индийским верованиям⁶ и связан с особым интересом к религиозным сюжетам геннадиевского кружка. Музейный сборник тщательно описан А. Д. Седельниковым, который датировал его 1491 г.⁷ Я. С. Лурье отодвигает дату ко времени, непосредственно последовавшему за 1492 г.⁸ Судя по содержанию, сборник складывался в окружении новгородского архиепископа Геннадия. Итак, в конце XV в. «Хожение» сделалось известным в различных культурных центрах Руси: в Новгороде (при дворе Геннадия), в Москве (оно попало к великокняжескому дьяку В. Мамыреву и в официальное летописание) и в Троицком монастыре (где находилась Ермолинская летопись). Путешествие отважного тверитина в Индию привлекло к себе внимание сравнительно широкого круга читателей.

Существует, наконец, и еще один список XVII в. (Сухановский) «Хожения», также представляющий известный интерес. Он помещен в составе хронографа (точнее, хронографическо-летописного сборника), написанного в середине XVII в. (ГПБ, Ф. XVII. 17, лл. 402—412). Сборник тщательно описан А. С. Орловым, который сделал не лишнее основание предположение о его принадлежности Арсению Суханову, побывавшему в 50-х годах XVII в. в Египте и Иерусалиме.⁹ Интерес русского путешественника XVII в. к «Хожению» Афанасия Никитина весьма значителен.

Сухановский список принадлежит к той же редакции, что и список Ундольского. Сходен и состав летописных сборников, в которых помещена С1А младшего извода и с 1309 г. текст, близкий к Никоновской летописи.¹⁰ «Хожение» Афанасия Никитина помещено после летописной записи о смерти великого князя Бориса Александровича Тверского¹¹ и двух приписок церковного характера.¹² Тексту «Хожения» непосредственно предшествуют введение от составителя редакции¹³ и заголовок, написанный киноварью на полях (О индийском Хожении).¹⁴

В Сухановском списке (С) в ряде случаев нет тех описок, которые есть в списке Ундольского (У) (например, в У, л. 300 — «спасахъ», тогда как в С «списахъ»;¹⁵ в У, л. 301 об. «мене рады», в С — «мене ради»).

⁶ Ср., например: «А вер в Индеи всех 84, а все веруют в Бута» (Хожение... стр. 17).

⁷ А. Д. Седельников. Рассказ 1490 г. об инквизиции. Труды Комиссии по древнерусской литературе, т. 1. Л., 1932, стр. 47.

⁸ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI в. М.—Л., 1955, стр. 390.

⁹ А. Орлов. Исторические и поэтические повести об Азове. М., 1906, стр. 28—46.

¹⁰ См.: А. Н. Насонов. Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы). Проблемы источниковедения, сб. IV. М., 1955, стр. 265.

¹¹ «В лето 6969 преставися князь великий Борис Александрович Тверский, а по нем сяде во Твери сын его Михаил».

¹² «Того же лета поставлена церковь каменная у Боровицких ворот Рожества Иоанна Предтечи, а был тут двор чудотворца Петра. Того ж году марта в 31 день преставись митрополит Иона чудотворец».

¹³ «В та же лета некто именем Афонасей Никитин сын, тверитин, ходил с послы от великаго князя московского Ивана и от великаго князя тверскаго Генадия за море. И тот тверитин Афанасей писал путь хожения своего сице» (ГПБ, Ф. XVII. 17, л. 402).

¹⁴ Кончается текст словами «до зде о индейском хожении Афонасием, тверитином, и возвратился на преднее».

¹⁵ В списках С и У «горы Гондустаньские», а не «doria Гондустанская», как в публикации 1948 г., где текст дан согласно исправлению, сделанному еще в ПСРЛ, т. VI, стр. 345. Слово «горы» есть и в Троицком списке.

В целом же рассказы очень близкие. Их протограф восходит к Троицкому списку. Это не случайно. Как нам сообщил А. Н. Насонов, летописный текст, в котором помещено «Хожение» по спискам С и У, также связан с Троице-Сергиевым монастырем. Привлечение к изданию Сухановского списка позволит выяснить, какие чтения списка Ундольского являются особенностью последнего, а какие восходят к протографу редакции. Издание «Хожения» Афанасия Никитина по Троицкому, Музейному, Эттерову (с привлечением вариантов по Архивскому списку и списку Сахарова) и Сухановскому (с вариантами по списку Ундольского) спискам позволит, во-первых, решить сложные вопросы истории текста этого памятника, а во-вторых, предпринять научную реконструкцию его протографа.

Р. К. ДМИТРИЕВА

О некоторых источниках «Послания» Спиридона-Саввы

«Родословие» литовских князей, основанное на легенде, где Гедимин назван рабом мелкого вассала смоленского князя, имело довольно широкое распространение в Русском государстве в XVI в. Оно существовало в виде самостоятельного произведения, включалось в летописи, родословные книги. До сих пор в научной литературе эта статья «Родословия» воспринималась как отрывочные летописные заметки, относящиеся к западнорусскому летописанию. Так, варианты этого «Родословия» включены в качестве дополнительных летописных источников в XVII том ПСРЛ, посвященный западнорусскому летописанию. А. А. Шахматов, определяя время составления так называемого Ростовского летописного свода, обратил внимание на запись в своде о литовских князьях как на летописную статью, современную составителю свода. На самом деле эта запись является частью рассматриваемого нами «Родословия» литовских князей.¹

История возникновения варианта «Родословия» литовских князей, в основе которого лежит легенда о происхождении литовского княжеского рода от конюха князя Витена, в общих чертах такова. Легенда, в которой Гедимин назван конюхом и рабом князя Витена, возникла в среде Тевтонского ордена во время враждебных отношений ордена с литовскими князьями с целью унижить род литовских князей.² На Руси она впервые появилась в начале XVI в. в «Послании» Спиридона-Саввы. «Послание» состояло из двух частей: в первой части Спиридон рассказал о происхождении русских великих князей, во второй — о происхождении литовских князей. В данный момент нас интересует вторая часть «Послания» Спиридона. Из каких источников непосредственно Спиридон заимствовал для своего «Послания» легенду о происхождении литовских князей от конюха князя Витена, остается неясным. Он вполне мог сам перенести ее с Запада на русскую почву. Дело в том, что, получив в Турции поставление в митрополиты, Спиридон пытался завладеть западнорусской митрополией и направился в Литву, где попал в заключение. Неприязненное отношение его к литовским князьям вполне сказалось в его произведении; для московского великого князя, боровшегося в то время за пограничные земли с Литовским княжеством, уничижительная характеристика происхождения литовского княжеского рода оказалась приемлемой.

На основании «Послания» Спиридона-Саввы было составлено «Сказание о князьях владимирских» и статья «Родство великих князей литовских», которая вначале помещалась вслед за «Сказанием», в дальнейшем оторвалась от «Сказания», получила самостоятельное существование. На

¹ А. А. Шахматов. О так называемой Ростовской летописи. М., 1904.

² В. Б. Антонович. Монографии по истории западной и юго-западной России, т. 1. Киев, 1885, стр. 37.

основании текстов «Послания» и «Родства великих князей литовских» был создан еще один вариант «Родословия» литовских князей, совпадающий частично с «Посланием», частично с «Родством».³

История «Родословия» литовских князей во многих отношениях до сих пор остается невыясненной. В данной заметке пойдет речь только о некоторых источниках, привлеченных Спиридоном-Саввой для составления «Родословия» литовских князей.

Для удобства будем в дальнейшем «Родословие» литовских князей, составленное Спиридоном-Саввой, называть, как все произведение в целом, «Посланием», в отличие от последующей обработки его, связанной со «Сказанием о князьях владимирских», которую будем называть «Родством великих князей литовских». Текст «Родословия» литовских князей, близкий и к «Посланию» и к «Родству», назовем «Родословием по Чудовскому списку» (один из списков этого текста дошел в рукописи Чудова монастыря).

В основу «Послания» и «Родства» положена упоминаемая выше легенда о происхождении рода литовских князей; последующие события как в «Послании», так и в «Родстве» изложены в тесной связи с событиями русской истории по преимуществу за XIV в. Различие же между ними заключается в том, что в «Родстве» все события даны на фоне взаимоотношений московских великих князей с Ордой, тверскими и литовскими князьями, а у Спиридона главное внимание уделено тверским князьям, о которых говорится как о великих князьях, рассказано о взаимоотношениях их с Ордой, литовскими князьями и совершенно не упомянуто о борьбе с московскими князьями за великое княжение. Умолчание Спиридоном о вражде тверских князей с московскими, надо думать, было не случайностью. Посвящая все произведение в целом утверждению авторитета великокняжеской власти в лице московских князей, он посчитал неуместным говорить о борьбе московских князей за великое княжение в XIV в.

Однако повествование о тверских князьях как о великих, по всей видимости, не понравилось великокняжеской власти. Текст «Родословия» литовских князей, составленный Спиридоном, был переработан, в результате чего появилось «Родство великих князей литовских». В нем части рассказа, посвященные Спиридоном тверским князьям, были соответственно заменены данными из московских летописных сводов, что легко устанавливается путем сопоставления текста «Родства» с летописями. Таким образом, вопрос об источниках «Родства» решается довольно просто, если не считать частей рассказа, общих с «Посланием».

Установлению источников «Родословия», написанного Спиридоном, до некоторой степени помогает в его рассказе тема тверских князей как великих. В начале XVI в. не стояло вопроса о том, кому из русских князей должен принадлежать великокняжеский стол. Борьба за великое княжение между Тверью и Москвой была позади: но в то же время великокняжеская власть в лице московских князей продолжала бороться за усиление своего авторитета, чему и посвящена первая часть «Послания» Спиридона. Поэтому говорить о величии тверских князей даже по отношению к XIV в. было несколько неуместно. Возрождение темы тверских князей как великих в тех условиях, в каких писал Спиридон, можно объяснить только глубоким знакомством автора с традициями тверской литературы.⁴ Спиридон связал родословие литовских князей с дея-

³ См. подробнее: Р. П. Дмитриева. Сказание о князьях владимирских. М.—Л., 1955. Ниже (стр. 442—444) все тексты цитируются по этому изданию.

⁴ О близкой связи «Послания» Спиридона-Саввы с тверской литературой сказано в рецензии Я. С. Лурье на книгу Р. П. Дмитриевой «Сказание о князьях владимирских» (ИЮЛЯ, 1956, т. XV, вып. 2, стр. 171—177).

тельностью тверских, говоря о них как о великих князьях, не с целью возвеличения тверских князей, а в силу близкого знакомства его с тверской литературой, объясняемого его биографией: по своему происхождению он был из Твери. Отметим, что знакомство его с тверской литературой должно относиться не к XVI, а к XV в., так как после Твери он побывал в Турции, Литве и затем в заточении в Ферапонтовом монастыре на Белом озере, где, вероятно, и было написано им «Послание» уже в преклонном возрасте.

С тверскими событиями в большей степени связана первая часть «Родословия» в «Послании» Спиридона-Саввы, в основном посвященная тверскому князю Александру Михайловичу. Любопытно отметить, что рассказ Спиридона-Саввы об Александре Михайловиче не совпадает с двумя известными по летописям версиями об этих же событиях. По общему характеру рассказ Спиридона об Александре Михайловиче примыкает к биографическим повестям о тверских князьях, изложенным в житийном стиле. Некоторая связь чувствуется между «Посланием» Спиридона-Саввы и «Предисловием великих князей тверских»: в «Послании», как и в «Предисловии», Александр Михайлович представлен мучеником за христианскую веру, погибшим от руки неверных татар. О влиянии Повести о Михаиле Ярославиче на рассказ Спиридона об Александре Михайловиче говорит общий тон этих произведений: готовность того и другого князя пожертвовать жизнью за благополучие своей страны. Некоторые частные детали указывают не только на знакомство Спиридона с Повестью о Михаиле Ярославиче, но и о непосредственном влиянии этого тверского произведения на «Послание» Спиридона. Спиридон следующими словами кончает рассказ об Александре Михайловиче: «И убиен бысть мученик Христов великий князь Александр Михайлович, приложися духом к прародителем своим, к отцу своему, и брату, и к сродником своим святым страстотерпцем Борису и Глебу, и предста вкупе святей Троици, моляшеса за все православие». В конце Повести о Михаиле Ярославиче можно прочесть фразу, довольно близкую этому тексту: «Причтеса с лики святых и сродника своим с Борисом и Глебом и с тезоименитым своим с Михаилом Черниговским».

Упоминание имени Михаила Черниговского в Повести о Михаиле Ярославиче не является случайностью. Житие Михаила Черниговского оказало влияние на содержание всей Повести о Михаиле Ярославиче.⁵ Следовательно, это житие было популярно среди тверских книжников. Интерес к имени Михаила Черниговского сохранился и у Спиридона-Саввы. Он начинает рассказ об Александре Михайловиче с упоминания имени Михаила Черниговского: после его смерти татары начали грабить и розорять русские земли.

Почему же Спиридон в такой именно связи упоминает Михаила Черниговского и его боярина Федора? Объясняется это следующими фактами. Житие Михаила Черниговского известно в целом ряде редакций, в том числе одна редакция XV в. связывается с именем Пахомия Серба; текст этой редакции, как правило, в рукописях встречается вместе с Повестью об убиении Батыя. В Хронографе, авторство которого приписывается Пахомию Сербу, житие Михаила Черниговского включено в статьи, посвященные нашествию Батыя и его гибели. Очевидно, для литературной традиции XV в. характерным было связывать нашествие Батыя и начало

⁵ Н. И. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития. Обзор редакций и тексты. ЧОИДР, 1915, кн. 3, стр. 250—251.

татарского ига с одним из ярких событий того времени — трагичной гибелью Михаила Черниговского в Орде. Поэтому и в тексте «Родословия» Спиридона, где он говорит о разорении русских земель после нашествия татар, не является случайностью такая фраза: «По убиении бо великого князя Михаила Черниговского и Феодора боярина его просыпашяся измаилтяне и полетешя по всей земли...». По всей видимости, в данном случае оказали влияние на Спиридона не столько хронографические статьи, сколько общие литературные источники и тенденции, характерные для XV в. Это подтверждается дальнейшим сопоставлением хронографических статей и текста «Послания». В хронографической повести о нашествии татар и в рассказе Спиридона о тех же событиях наблюдается сходство в отдельных фразах. А. А. Шахматов установил влияние на предисловие хронографической статьи о нашествии татар другой статьи из Хронографа.⁶

Автор для описания бедствий, вызванных нашествием татар, частично воспользовался статьей о сербском деспоте Углеше, которая в свою очередь в Хронограф была заимствована из Предисловия инок Исайи к творениям Псевдо-Дионисия Ареопагита: Инок Исайя в 1371 г. перевел на славянский язык сочинения Псевдо-Дионисия Ареопагита, о чем сказано в его Предисловии. 1371 год — год нашествия турок на западные страны после гибели сербского деспота Углеша. Об этом бедствии и рассказывает Исайя в своем Предисловии. Некоторая аналогия событий позволила автору рассказа о нашествии татар воспользоваться отдельными фразами статьи об Углеше.

Спиридон пошел значительно дальше. Говоря об бедствиях, причиненных русским землям нашествием татар, он перенес на русские события весь рассказ об Углеше из Предисловия Исайи, включая и авторское отступление о бессилии передать полностью все бедствия, причиненные нашествием. Эти сетования на недостаток литературных способностей в «Послании» Спиридона вполне гармонируют с другими его отступлениями, не противоречат произведению в целом.

Можно вполне определенно говорить, что Спиридон взял текст Исайи не из хронографической статьи об Углеше, а непосредственно из Предисловия Исайи, так как в его «Послание» включена большая часть текста Предисловия, чем взятая для хронографической статьи. Спиридон почти ничего не изменил в заимствованной части рассказа. По существу ему пришлось заменить только имя Углеша именем Михаила Черниговского и выбросить упоминание о западных странах и фразу: «В то бо время и племя сербских господ, седми мноу род, конец прият».⁷

Таким образом, мы видим, что составленное в начале XVI в. «Послание» Спиридона-Саввы в некоторой степени связано с литературными традициями XV в., написано на основании знакомства с литературой того времени. Многие в вопросе об источниках «Послания» Спиридона-Саввы остаются неясным, но на основании установленного источника для «Родословия» литовских князей можно говорить, что творчество Спиридона связано с литературными явлениями XV в. и находилось под некоторым влиянием тверской литературы.

Обнаружение одного из источников «Послания» Спиридона-Саввы, на наш взгляд, лишний раз подтверждает установленную нами историю взаи-

⁶ А. А. Шахматов. К вопросу о происхождении Хронографа. СПб., 1899, стр. 79.

⁷ Текст Предисловия Исайи опубликован в ВМЧ (октябрь, третий день, табл. 265—266).

моотношений произведений, связанных со «Сказанием о князьях владимирских»: 1) вначале было составлено «Послание» Спиридона-Саввы; 2) на основании его было написано «Сказание» первой редакции и следующее за ним «Родство великих князей литовских»; 3) на основе этих произведений возник новый текст, следующий за «Сказанием» и «Родством», но расширенный в некоторых случаях за счет «Послания» (Чудовский список). Сопоставление рассмотренного в статье отрывка «Родословия» литовских князей из «Послания» Спиридона с соответствующими текстами в «Родстве» и Чудовском списке подтверждает установленную схему соотношения текстов.

Как уже отмечено, в «Послании» эта довольно обширная часть, посвященная бедственному состоянию русских земель после нашествия татар, слово в слово заимствована из Предисловия Исайи. В «Родстве» соответствующий текст представляет собой небольшую часть из этого заимствования, в несколько строк с незначительными сокращениями и изменениями. В Чудовском списке приведена также только небольшая часть заимствования, с изменениями, характерными для «Родства», но без сокращений.

«Послание»

По убиении бо великого князя Михаила Черниговского и Феодора боярина его просыпашася измаилтяне и полетеша по всей земли, яко же птица по воздуху. И овех убо христиан мечем закалаху, овех же в заплечение овождаху, а оставших смерть безгодна поже, от смерти же оставшая гладом погублени бывше. Таковы бо глад бысть во всех странах, яковы же не бысть от сложение миру ниже потом. Христе милостивы да будет. А их же глад не погуби, сих попущением божим, волци нощию и днию нападающе, снадаху. Увы умилен позор бе видети; оста земля всех добрых пуста: и людей, и скотов, и всех добрых плодов. Не бе князя, ни вожда, ни наставника в людех, ни избавляюща, ни спасающаго, но вся исполнишася страха измальтескаго и сердца храбрая доблестных мужь в жен слабеишя сердца преложишяся. И воистину тогда блажаху живи преже умерших. И веруйте ми: не аз иже невежда по всему есмь, но и оне премудры в еллинех ливание не бы могль писанием представити нужду, яже постиже тогда христиан.

«Родство»

По убиении бо князя Михаила Черниговскаго рассыпашася измаилтяне по всей земли Русьской, яко птици полеташа. И христианский род овех мечем закалающе, других же в плен отвожаху, а оставшая смерть и глад погубляше. Сия случишася нам грех ради наших.

Чудовский список

По убиении бо великаго князя Михаила Чернигавскаго и Феодора боярина его просыпашася измаилтяне, полетеша по всей земли Русстей, яко птица по воздуху, овех христиан мечем заколающе, овех же во плен вождаху, а оставшая смертию безгодною и гладом погубляху, грех ради наших.

Трудно себе представить, чтобы сначала было создано произведение : этим небольшим отрывком, заимствованным из Предисловия, а потом на основании выхваченного отрывка из середины текста Спиридон отыскал полный текст в Предисловии Исаяи и включил его целиком. Против этого же говорит и добавление слова «Русской» к выражению «всей земли» в «Родстве» и Чудовском списке. Если иметь в виду, что первоначально было написано «Послание» Спиридона, то изменения в тексте «Родства» и Чудовского списка сделаны вполне закономерно. В Предисловии Исаяи шла речь о западных странах, Спиридон, переписывая нужный ему текст из Предисловия, исключил слово «западные», которое не подходило ему. А в дальнейшем, при составлении «Родства», для большей точности добавили слово «Русской». Если же предположить, что из Предисловия текст был заимствован для «Родства» и Чудовского списка и в их тексте западные земли были заменены русскими, а на основании этих текстов было написано «Послание», то логичность нарушается. В таком случае Спиридону, взявшему в основу текст «Родства» или Чудовского списка и пополнившему его по Предисловию Исаяи, не было никакого смысла исключать слово «Русской»: у него, как и в «Родстве», речь идет именно о Русской земле, в противоположность Предисловию Исаяи, который говорит о западных землях.

Все это лишний раз говорит о том, что «Послание» Спиридона-Саввы было составлено раньше «Сказания о князьях владимирских» и что «Сказание» было создано на основе текста «Послания».

Н. А. КАЗАКОВА

Новый список «Слова ответна» Вассиана Патрикеева

«Слово ответно» вместе с другими сочинениями Вассиана Патрикеева было издано А. Павловым в 1863 г. в № 3 журнала «Православный собеседник» в виде двух произведений: 1) «Слово ответно противу клеветующих истину еуангельскую и о иночьском житии и устроении церковнем» (стр. 104—112) и 2) «Собрание Васьяна, ученика Нила Сорского, на Иосифа Волоцкаго от правил святых Никанских от многих глав» (стр. 180—200). А. Павлов тщательно, но не критически, воспроизвел списки сочинений Вассиана Патрикеева из трех сборников Соловецкой библиотеки, следствием чего явилось издание без всяких оговорок текста «Слова ответна» в виде двух отдельных произведений. Между тем даже без привлечения новых списков критическое изучение тех списков сочинений Вассиана, которые были известны А. Павлову, заставляет усомниться в правильности такого разделения.

Наиболее ранний из известных А. Павлову списков сочинений Вассиана находится в составе рукописи № 941/831 Соловецкого собрания. Эта рукопись (в дальнейшем: С₁) представляет собой сборник религиозно-нравственного содержания, датируемый 60-ми годами XVI в. Совершенно сходен с ним по составу сборник № 963/853, датируемый концом XVI в. (в дальнейшем: С₂). Другой состав имеет сборник № 985/875, второй половины XVII в., содержащий, наряду со статьями общерелигиозного характера, статьи, касающиеся специально Соловецкого монастыря (в дальнейшем: С₃). Списки сочинений Вассиана всех трех соловецких сборников не дают сколько-нибудь значительных вариантов. Единственное существенное отличие имеет список С₃, в котором все сочинения Вассиана снабжены заголовками, тогда как в С₁ и С₂ заголовок имеет лишь «Слово ответно противу клеветующих истину еуангельскую и о иночьском житии и устроении церковнем». Что касается самих текстов, то единичные и очень незначительные разночтения имеет список С₂. Это дает основание предполагать, что список С₁ послужил протографом как для списка С₂, так и для списка С₃.

Текст «Слова ответна», содержащего обличения нарушений иноками евангельских заповедей, и в частности осуждение стяжания, которым занимались монастыри-вотчинники, во всех трех списках начинается словами: «Аще въ истину правду глаголете, правая судите сынове человечести...»,¹ и кончается вопросом: «Како убо сицевии вышесказанное еуангельское жительство жити производят?»²

Немного отступя следует новый текст; он начинается словами, явно представляющими собою обрывок фразы, начало которой утеряно: «Ими

¹ Православный собеседник (далее: ПС), 1863, № 3, стр. 104; приложение, стр. 455.

² ПС, 1863, № 3, стр. 112; приложение, стр. 458.

же сестру ея хвалит, zelo мудре обращает ю и о божественном угрожении въспоминает, глаголя: „Мариа же благую часть избра“ и прочая, — благо же рек Мариино тщание, укорно показа Марфино попечение». ³ Этот текст содержит продолжение обличений монастырского стяжания и недостойного поведения иноков; в конце его помещено рассуждение о еретиках. Отвечая тем, кто обвинял его в незаконной защите еретиков, Вассиан пишет, что он следует Спасовым заповедям и приводит подборку цитат из священного писания и святоотеческой литературы, направленных против казней еретиков. Словами «Не убо стесняти еретиков, и заущати, и освеняти» ⁴ текст кончается. Рассуждения же самого Вассиана о судьбе еретиков, которое логически должно было следовать за подборкой цитат, в тексте нет. Итак, перед нами текст, не имеющий ни начала, ни конца.

В списке С₃ этому тексту придан заголовок, написанный другим почерком, нежели сам текст: «Собрание Васьяна, ученика Нила Сорского, на Иосифа Волоцкого от правил святых Никанских, от многих глав». Этот заголовок позднейшего происхождения, о чем свидетельствует как отсутствие его в протографе-списке С₁, так и оглавление сборника, содержащего протограф. В оглавлении этого сборника, написанном тою же рукою, что и текст сочинений Вассиана, последние выделены в качестве 87-й главы, которая имеет название: «Васиана, Нилова ученика, слово ответно противу клеветующих истинну еуангельскую, и о иноческом житии и устройении церковнем, от святых писаний; и его же с Иосифом Волоцким прение о еретикох». ⁵ Таким образом, заголовок, о котором идет речь, в оглавлении не отражен. Оглавление знает только два произведения Вассиана: 1) «Слово ответно», 2) «Прение о еретиках». ⁶ Следовательно, в тексте сборника С₁ заголовок отсутствует не случайно (по рассеянности переписчика, оставившего место для заголовка и потом забывшего его внести), а потому, что его не было и в тексте сочинений Вассиана, послужившем протографом для списка С₁. Итак, тот текст, который во второй половине XVII в. получил название «Собрание Васьяна, ученика Нила Сорского, на Иосифа Волоцкого от правил святых Никанских, от многих глав», в известных нам списках XVI в. и в протографе этих списков никакого названия не имел.

Появление заголовка, а также историю текста в целом помогает понять список «Слова ответна» сборника № 384/235 Синодальной библиотеки, оставшийся неизвестным А. Павлову. Этот сборник содержит слова Григория Цамблака, Симеона Метафраста, Псевдо-Дионисия Ареопагита, Послание учительное патриарха Фотия и несколько анонимных слов, в том числе «Слово ответно» Вассиана. Сборник датируется 30-ми годами XVI в., следовательно, список «Слова ответна» этого сборника (в дальнейшем мы будем именовать его Синодальным) является самым ранним.

Синодальный список «Слова ответна» существенно отличается от соловецких. В нем соединены в одно целое и текст, носящий в Соловецких списках название «Слово ответно», и текст, имеющий в списке С₃ название «Собрание Васьяна, ученика Нила Сорского, на Иосифа Волоцкого от пра-

³ ПС, 1863, № 3, стр. 180; приложение, стр. 458.

⁴ ПС, 1863, № 3, стр. 200; приложение, стр. 466 и прим. 20.

⁵ ГПБ, Соловецкое собр., сб. № 831/941, л. 4 об.

⁶ Составитель оглавления под «Прением о еретиках» понимал, очевидно, последнее полемическое сочинение Вассиана, написанное в форме диалога между Вассианом и Иосифом Волоцким и посвященное в значительной мере вопросу о еретиках. Текст этого сочинения в сборниках С₁ и С₂ помещен без заголовка, в сборнике С₃ он имеет заголовок: «Того же инока-пустынника Васьяна на Иосифа, игумена Волоцкого, собрание от святых правил и от многих книг собрано, и на его ученики, и различныя межь себя ответы от книг» (ГПБ, Соловецкое собр., сб. № 985/875, л. 57).

вил святых Никанских, от многих глав». Соединение осуществляется посредством отсутствующего в соловецких списках текста, в котором автор продолжает свои вопросы-рассуждения о том, как могут «исправить» «евангельское жительство» иноки, не порвавшие с мирскими делами, и в доказательство того, что не следует предаваться мирским заботам, приводит евангельский рассказ о Марфе. Сопоставим соответствующие отрывки списков Синодального и Сз:

Синодальный список

Како убо и выше сидевни сказание евангельское жительство исправить възмогут? Когда же и възмогутъ очистити свою мысль от помышлений строптивныхъ и ярости, и гнева, и прочего праха съвершаемыхъ в разуме бесчисленныхъ страстей, елико рожати обыкоша в душахъ богатолюбивыхъ тръний, сиречь многообразныя житейскаи печали, како убо сице устроены възможемъ исправи́ти реченое господемъ? Блаженныи чистии сердцемъ, яко тии бога узрят! Колика убо трезвенна и подвига треба намъ брать очищеныи мысли наша! Како же очиститися сна в житейскихъ безпрестани упражняющии и в мирская судилища обращающися, и различие прящися, и ярящися, и клятву преступающии, и лукавнующии, и лжущии, даже токмо получити яже желает? Кто изметъ вы от божественаго и праваго суда тогда, сице безстраха жительствоующехъ и к евангельскому поучению глагольствующихъ, еше с кротостью многою Марфе поношает о мнозе смущающейсе; поносно бо слово есть, еже дважды именовати ю: «Марфа, Марфа, благая, печешися и молвишися о мнозе». Не токмо сими поношает ей, но и ими же сестру ея хвалитъ, zelo мудре обращает ю и о божественномъ угождении и възпоминает, глаголя: «Мариа же благо часть избра», и прочаа — благо же рек Мариино тшание, укорно показа Марфино попечение.

Список Сз

Како убо сидевни вышесказанное евангельское жительство жити произволят?

Собрание Васьяна, ученика Нила Сорскаго, на Иосифа Волоцкаго от правил святых Никанских, от многих глав.⁷

Ими же сестру ея хвалит, zelo мудре обращает ю и о божественномъ угождении възпоминает, глаголя: «Мариа же благо часть избра» и прочая — благо же рек Мариино тшание, укорно показа Марфино попечение.⁸

Текст, имеющийся в Синодальном списке, настолько органически связывает тексты, фигурирующие в соловецких списках в качестве отдельных произведений, что совершенно очевидно, что «Слово ответно» первоначально являлось единым произведением и что Синодальный список его представляет собою вид, более близкий к архетипу, нежели соловецкие списки. Вряд ли разделение «Слова ответна» на два произведения было следствием работы редактора: против этого говорит то обстоятельство, что вторая часть его, фигурирующая в соловецких списках в качестве отдельного произведения, не носит характера такового (не имеет своего собственного сюжета и идейного замысла) и начинается с отрывка евангельского рассказа о Марфе и Марии, который без предыдущего текста, имеющегося в Синодальном списке, совершенно непонятен. Скорее, разделение «Слова ответна» на две части произошло вследствие механической утраты

⁷ Как мы уже указывали, в С₁ и С₂ этот заголовок отсутствует.

⁸ Приложение, стр. 458 и прим. 84—85; ПС, 1863, № 3, стр. 112, 180.

текста в протографе списка С₁; лишь позже, в XVII в., вторая часть была осмыслена в качестве отдельного произведения.

Помимо наличия в середине произведения утраченного позже текста, Синодальный список имеет еще два существенных отличия от списков соловецких сборников. В Синодальном списке в конце помещен текст, продолжающий рассуждение о еретиках, которым кончается вторая часть «Слова ответна» соловецких списков. Вассиан развивает положение о том, что еретиков святое писание возбраняет убивать, и в качестве примера указывает на Ария, Македония и других древних еретиков, которых ни «мечем убиша», ни «огню предаша», ни «в глубину утопоша».⁹ В самом конце «Слова ответна» Вассиан обращается непосредственно к своему неназванному противнику, именуя его «святых писаний клеветником» и «развратником истины».¹⁰ Тем самым он как бы фиксирует внимание читателя на цели своего произведения, которое, как это видно из заголовка, было направлено против «клеветующих истину евангельскую». Все это говорит о том, что последняя часть Синодального списка, отсутствующая в соловецких списках, представляет собою первоначальную заключительную часть произведения, которая придавала ему цельность и законченность.

Является ли отсутствие в соловецких списках заключительной части результатом редакторской работы или же простой утраты текста, сказать трудно. Вероятнее последнее, ибо в соловецких списках текст оборван на полужапе, которая при переписке была лишь несколько переделана для того, чтобы избежать бессмыслицы.

Синодальный список

Соловецкие списки

И паки той же стеснати еретиков и заущати, и осеняти дръзновение их, и соборы и согласна разрешати возбраняеть, и убивати и закалати их возбраняеть.

И паки той же: не убо стеснати еретиков, и заущати, и освеняти.¹¹

Однако хотя соловецкий вариант рассматриваемого отрывка является более поздним, в одном случае он сохранил чтение, несомненно раннее и правильное. Мы имеем в виду очень редкий глагол «освеняти», которому в Синодальном списке соответствует глагол «осеняти». Глагол «освенятися» значит «отстраняться», «отказываться».¹² Это значение подходит к чтению соловецких списков. Вероятно, «не убо стеснати еретиков... и освеняти» означает «еретиков не стеснять... и не отстранять». Возможно, что в Синодальном списке редкое слово «освеняти» по ошибке было заменено писцом более обычным «осеняти».¹³

Третье, и последнее, отличие Синодального списка от соловецких заключается в том, что в соловецких списках более пространно, нежели в Синодальном, изложено рассуждение Вассиана о том, что иноки, использующие для своего обогащения вклады князей на помин души, тем самым «поругаются над княжеским любочестием».¹⁴ Надо полагать, что в данном случае соловецкие списки также ближе к архетипу, ибо имеющийся в них и отсутствующий в Синодальном списке текст входит органической частью в состав произведения: этот текст и по стилю, и по идейному

⁹ Приложение, стр. 466.

¹⁰ Приложение, стр. 466.

¹¹ Приложение, стр. 466 и прим. 19—20.

¹² Срезневский, Материалы, т. II, 1902, стр. 714. У Срезневского нет примеров этого глагола без «ся».

¹³ Этим наблюдением мы обязаны любезному указанию В. П. Адриановой-Перетц.

¹⁴ Приложение, стр. 460—461 и прим. 28.

содержанию является несомненно текстом Вассиана. Отсутствие его в Синодальном списке — результат сокращения текста путем исключения его части. Однако отсутствие этого текста в Синодальном списке и присутствие его в соловецких не меняет идейной направленности и содержания произведения, ибо в обоих случаях имеет место один и тот же тезис, изложенный лишь с разной степенью распространенности.

Все отмеченные различия между Синодальным и соловецкими списками «Слова ответна» не дают основания для отнесения их к различным редакциям. Синодальный и соловецкие списки совпадают как по кругу поднятых вопросов, так и по идейной направленности. «Слово ответно» сохранилось в одной редакции: Синодальный список представляет собою ее более ранний и более близкий к архетипу вид, соловецкие — позднейший.

Время написания «Слова ответна» устанавливается в результате анализа его содержания и сопоставления с другими памятниками публицистики начала XVI в.

В «Слове ответном» Вассиан касается, как мы уже указывали, двух вопросов, волновавших современную ему русскую общественную мысль: о монастырских вотчинах и о судьбе еретиков. Оба вопроса Вассиан решает с нестяжательских позиций. Обличая нарушения иноками евангельских заветов нестяжания, Вассиан рисует потрясающие по своей яркости картины того алчного стяжания и той бесчеловечной эксплуатации крестьян, которой занимались современные ему русские монастыри. «Таже в манастьрь вшедше, — пишет Вассиан, — от неразумиа нашего, чюжаа не преставаем всяким образом себе пристяжавати — и села и имениа, ова убо безстудне у вельмож ласканием прошаще, ова же искупующе. . .». И «живущаа братиа наша убогиа в селех наших различным образом оскорбляем их, истязанми неправедными обидяще их, и леть на леть и лихву на лихву на них налагающе, милость же нигде же к ним показуем, их же, егда не возмогуть отдати лихвы, от имений их обнажихом без милости, коровку их и лошадку отъемше, самех же с женами и детми далече от своих предел, аки скверных, отгнахом».¹⁵ Вассиан указывает, что иноки должны следовать заветам Христа, учившего: «Аще хоцещи съвршен быти, иди и продай имениа твоя и даждь а нищим, и прийдй и последуй ми», и что они должны «житьльствовати. . . безстяжанием, по обетом своим, и в молитве мнозе, и в безмолвии целомудреном, рукоделнем внемлющим, по преданому изначала святыми отци образу и уставу».¹⁶ Мысль о необходимости инокам соблюдать евангельские заповеди и быть верными своим обетам составляет основной идейный стержень произведения.

Что касается второго вопроса, вокруг которого шла борьба в публицистике того времени, — вопроса о судьбе еретиков, то Вассиан в «Слове ответном» категорически выступает против применения по отношению к ним смертных казней. В соответствии с евангельской заповедью милосердия он требует принятия умеренных мер и, в частности, рекомендует заточение еретиков с тем, чтобы уберечь окружающих от их влияния.¹⁷

Однако Вассиан написал свое произведение не только с целью пропаганды своих взглядов, но и опровержения взглядов противников. «Слово ответно» по своему замыслу и форме — острое полемическое произведение, направленное против «клеветующих истину еуангельскую», т. е. тех, кто, с точки зрения Вассиана, неправильно понимал и проводил в жизнь евангельское учение. Как показывает анализ содержания, «Слово ответно»

¹⁵ Приложение, стр. 456—457.

¹⁶ Приложение, стр. 456, 464.

¹⁷ Приложение, стр. 466.

было направлено против иосифлян и в первую очередь против их идейного вождя — Иосифа Волоцкого. «Святых писаний клеветник и развратник истины», к которому Вассиан обращается в конце своего призыва, это — несомненно Иосиф Волоцкий.

В «Слове ответном» Вассиан полемизирует с наиболее ранним выступлением Иосифа Волоцкого в защиту монастырского землевладения, которое имело место на соборе 1503 г.¹⁸ На соборе, при обсуждении вопроса о вотчинных правах монастырей, неприкосновенность их обосновывалась указанием на то, что еще ктитория — основатели монастырей наделяли их селами с тем, чтобы монастыри не пришли в упадок.¹⁹ К этому доводу Иосиф Волоцкий добавил еще один: «...аще у монастырей сел не будет, како честному и благородному человеку постричься? И аще не будет честных старцев, отколе взяти на митрополию, или архиепископа, или епископа и на всякия честныя власти? А коли не будет честных старцев и благородных, ино вере будет поколебание».²⁰ Итак, села — это важнейший источник существования монастырей и церковной иерархии. Если не будет у монастырей сел, то монастыри придут в упадок, иссякнут кадры церковной иерархии и сами основы православия могут быть поколеблены.

Как бы отвечая на рассуждения Иосифа, Вассиан пишет в «Слове ответном»: «Не глаголете убо разуму нашему быти, да церкви божия запустятя и манастырем и без престателей остатися. Не сие мыслим, о человеци, не сие: будь и далече от насицева хула и нечестие, но ниже невечерний день он да сподобится видети, иже сицево, что умышляй. Но отнятися желаем и молимся богу от святых божних церковь и манастырех действуемому ныне сребролюбье и лихоимству, и прочей лютости, и безчеловечию, и жительствовати иноком убо безстяжанием, по обетом своим и в молитве мнозе, и в безмолвии целомудренном, рукоделием внемлющим, по протавому изначала святыми отци образу и уставу». И далее Вассиан указывает, что его проповедь не может привести к запустению божьих церквей, она имеет целью исправление их и возвращение к первоначальной духовной красоте.²¹

Отдельные положения «Слова ответна» Вассиана были направлены и против основного произведения Иосифа Волоцкого, написанного им в защиту церковных и монастырских имуществ около 1506—1507 гг., — трактата, название которого начинается словами: «Яко не подобает святым

¹⁸ Известие о выступлении Иосифа Волоцкого на соборе 1503 г. сохранилось в позднейших памятниках — в «Житии Иосифа, составленном неизвестным», а также в «Письме о нелюбках». В последнее время некоторые исследователи взяли под сомнение факт выступления Иосифа Волоцкого на соборе 1503 г. (см.: А. А. Зимин. О политической доктрине Иосифа Волоцкого. ТОДРЛ, т. IX. М.—Л., 1952, стр. 170; Я. С. Лурье. Краткая редакция «Устава» Иосифа Волоцкого — памятник идеологии раннего иосифлячества. ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 135—137). В частности, Я. С. Лурье отрицает выступление Иосифа Волоцкого на соборе 1503 г., но в то же время он считает вероятным, что Иосиф выступал в «кулуарах собора» с теми аргументами в защиту церковных имуществ, которые приписываются ему в названных памятниках. Поскольку для целей настоящей статьи не имеет значения, выступал Иосиф на самом соборе или в его кулуарах, постольку мы считаем возможным не углубляться в рассмотрение этого вопроса и будем говорить, не отказываясь от привычной терминологии, о речи Иосифа Волоцкого на соборе 1503 г.

¹⁹ Житие Иосифа Волоколамского, составленное неизвестным. ЧОИДР, 1903, кн. 3, стр. 37—39.

²⁰ Письмо о нелюбках. См.: Отношения иноков Кириллова Белозерского и Иосифова Волоколамского монастырей в XVI в. Прибавления к Творениям святых отцов, X, 1851, стр. 505.

²¹ См. Приложение, стр. 464—465.

божиим церквам и монастырем обиды творити и насилне, и восхищати имениа и стяжания их...».²² В своем трактате Иосиф излагает целую систему аргументов в пользу неприкосновенности имущественных прав церкви. Приведем часть этой аргументации: «... а иже церкви божиа обидящим, и от монастырей хотящим что взяти, какова погыбел приходит, напреди о сем напишем, занеже монастырь и церкви божиа богомолия нарицаются, бога молит игумен и з братиею за государя и за его боляре, и за вся христиане, а от них приемлет милостыню...». Продолжая свои рассуждения, Иосиф излагает далее известное правило 165 отцов, в котором подвергаются проклятию все посягающие на церковные и монастырские имущества — не только вельможи, но и «сами венец носящими»,²³ т. е. цари и князья. В рассматриваемом отрывке основной аргумент в пользу неприкосновенности монастырских имуществ заключается в том, что эти имущества трактуются как результат «милостыни», которую христиане давали монастырям с тем, чтобы иноки молились о них богу. Но в религиозной практике феодальной Руси «милостыня» подобного рода означала чаще всего вклады «по душе». Следовательно, в рассматриваемом отрывке Иосиф обосновывал не только неприкосновенность монастырских имуществ вообще, но и вкладов «по душе» в частности.

Как прямое возражение на это утверждение Иосифа Волоцкого звучит следующее место «Слова ответна» Вассиана: «Ниже да глаголемь непщеванием непщующе в гресех, яко благовернии князи сиа приложиша к священным монастырем о спасении душ своих и памяти родителей их, ниже бо изати ли возмогут от рук божиих приложшеи сию».²⁴ Однако, призывая не говорить, что князья не могут брать из монастырей сделанных им вкладов, Вассиан не подвергает рассмотрению вопрос о том, имеют ли право князья подымать руку на монастырское имущество или не имеют. Этого вопроса в «Слове ответном» Вассиан не ставит. Острые своей полемики он направляет на то, чтобы показать, насколько противоречило назначению использование иноками княжеской «милостыни». Вот почему вслед за приведенной выше фразой Вассиан, напомнив евангельскую заповедь нестяжания, вновь (вторично в «Слове ответном») рисует обличительные картины стяжательской деятельности монастырей.²⁵ По-видимому, основное назначение «Слова ответна» заключалось в опровержении публицистических выступлений Иосифа Волоцкого в защиту имущественных прав церкви и монастырей путем показа несоответствия жизни иноков евангельским заповедям, путем обличения стяжательской деятельности монастырей. Вопрос же об отношении княжеской власти к монастырским имуществам Вассиан в «Слове ответном» не ставил, хотя в своей практической деятельности он его пытался ставить и решать в отрицательном для монастырей смысле: в период своей близости к Василию III Вассиан побуждал его произвести секуляризацию монастырских земель. «Аз велю великому князю у монастырей села отымати», — писал Вассиан в своем последнем полемическом сочинении.²⁶

²² В. М а л и н и н. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901, Приложения, стр. 128. Обоснование датировки дано у А. Павлова (Исторический очерк секуляризации церковных земель в России, ч. 1. Одесса, 1871, стр. 53—60) и у В. Жмакина (Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881, стр. 81—83).

²³ В. М а л и н и н. Старец Елеазарова монастыря... Приложения, стр. 129.

²⁴ Приложение, стр. 460.

²⁵ Приложение, стр. 461 и прим. 28.

²⁶ Того же инока-пустынника Васьяна на Иосифа, игумена Волоцкого, собрание от святых правил и от многих книг собрано, и на его ученики, и различные меж себя ответы от книг. Православный собеседник, 1863, № 3, стр. 207—208.

В «Слове ответном» Вассиан вступает в полемику еще с одним положением Иосифа Волоцкого, вошедшим в состав его «Духовной грамоты».²⁷ «Духовная грамота», или «Монастырский устав», Иосифа Волоцкого представляет собою обширное, очень сложное по своей композиции произведение, явившееся результатом многолетней работы автора.²⁸ В «9-м предании» Устава, касаясь вопроса о монастырском суде, Иосиф указывает, что творить суд в стенах самого монастыря нельзя: «Подобает же в селех монастырских не жити чрънцу поселскому, но приежда дозирати; тако же и христиан на монастыре не судити, но за монастырем или на дворце».²⁹ По этому поводу Вассиан с гневной иронией пишет в «Слове ответном»: «Иже отнудь отвргъшеся страха божиа и своего спасениа, повелевают бесчадно мучити и казньми различными истязати неудобь отдающих монастырския долги, — обаче не внутрь монастыря, но вне пред враты негде. Нечто бо безгрешно возмниша, еже вне монастыря казнити христианина. Но о законоположителю, паче же законопреступниче! Аще отнудь грех възмниши, иже внутрь монастыря мучити братьи, тои иже вне мучити грех есть. Почитаемого бо в монастыре бога область не в месте огражается: в руце бо его конци земля».³⁰ Несомненно, что это место «Слова ответна» является прямым ответом на приведенное выше положение Иосифа, вошедшее в состав его «Духовной грамоты».³¹

Что касается заключительной части «Слова ответна», посвященной рассмотрению вопроса о судьбе еретиков, то она носит печать той страстной полемики, которая развернулась вокруг вопроса о наказании еретиков в начале XVI в. Точка зрения Вассиана, категорически выступавшего против казней еретиков «во главу» и требовавшего ограничиться лишь их заточением, противостояла точке зрения Иосифа Волоцкого о необходимости лютых казней еретиков, сформулированной им в «Слове об осуждении еретиков», вошедшем позже в состав «Просветителя» в качестве его 13-го «слова».³²

Итак, в «Слове ответном» Вассиан полемизирует с целым рядом положений Иосифа Волоцкого, высказанных им в речи на соборе 1503 г., трактате в защиту церковных и монастырских имуществ, «Монастырском уставе» и «Слове об осуждении еретиков» (13-м «слове» «Просветителя»). «Слово ответно» — это развернутый ответ Вассиана на важнейшие выступления и произведения Иосифа Волоцкого.

Когда же было написано «Слово ответно»? Произведения Иосифа Волоцкого, с которыми полемизирует Вассиан в «Слове ответном», относятся (в их различных редакциях) к довольно значительному промежутку времени: от собора 1503 г. до последних лет жизни Иосифа, умершего в 1515 г. Что касается «Слова ответна», то оно было написано после возвращения Вассиана из ссылки и уже в период приближения его ко двору,

²⁷ Духовная грамота преподобного игумена Иосифа. ВМЧ, сентябрь, дни 1—13, СПб., 1868, стр. 499—615.

²⁸ Я. С. Лурье убедительно показал, что «Духовная грамота», сохранившаяся в составе Миней Четых, представляет собою пространную редакцию монастырского устава Иосифа Волоцкого, составленную незадолго до его смерти (1515 г.). Этой редакции предшествовала краткая редакция Устава, возникшая в нач. XVI в. (Я. С. Лурье. Краткая редакция «Устава» Иосифа Волоцкого..., стр. 129).

²⁹ ВМЧ, сентябрь, дни 1—13, стр. 604.

³⁰ Приложение, стр. 462.

³¹ На это обстоятельство обратил внимание А. Павлов в своем издании сочинений Вассиана Патрикеева (Православный собеседник, 1863, № 3, стр. 190, прим. 1).

³² Иосиф Волоцкий. Просветитель. Казань, 1896, стр. 475—502.

что подтверждается текстом самого «Слова», сохранившего следующую реплику Вассиана: «... о сицевых беседую с боголюбивыми князи, плачяся и рыдаа церковное нестроение».³³ Очевидно также, что оно было написано еще при жизни Иосифа Волоцкого: на протяжении всего «Слова» Вассиан ведет с ним полемику как с живым и активно действующим противником.³⁴ Вероятная датировка «Слова ответна» — первая половина второго десятилетия XVI в.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Известные списки «Слова ответна» четко делятся на две группы, представляющие два вида произведения.

Список первого вида

ГИМ, Синодальное собр., сборник № 384/235, в 4-ку, 30-х годов XVI в. (водяные знаки: буква «р» с раздвоенным концом и цветком о четырех лепестках над нею — у Брике под № 8641 — 1522 г.; единорог — у Брике похожие под №№ 1024, 1028, 1040 — 1474, 1482, 1519 гг.; шит с тремя цветками лилии — у Брике похожие под №№ 1827, 1828 — 1522, 1529 г.; андреевский крест — у Брике под № 5706 — 1513 г.), писан скорописью, различными почерками, лл. 263—281. Список положен в основу издания.

Списки второго вида

1. ГПБ, Соловецкое собр., сборник № 941/831, в 4-ку, 60-х годов XVI в. (водяные знаки: маленькая рука в рукавчике фестонами с короной над пальцами — у Лихачева под №№ 2980, 3355 — 1559 г., 1564 г.; рука в перчатке с раструбом, на перчатке геральдическая лилия, на раструбе два рога, над пальцами звезда о пяти лучах — у Брике под № 10859 — 1563 г.; сердце с короной над ним — у Лихачева под № 1766 — 1555 г.; сферы различных типов — у Лихачева похожие под №№ 1837, 1838, 1852 — 54, 2994, 3061, 3161, 3205, 3441—43 датируются 50—60-ми годами XVI в.), писан полууставом и полууставом, переходящим в скоропись, различными почерками, лл. 410 об.—424. (С₁).

2. ГПБ, Соловецкое собр., сборник № 963/853, в 4-ку, конца XVI в. (водяные знаки отсутствуют; на обороте первого чистого листа имеется монограмма: «Игумена Соловецкого Иакова»; Иаков был игуменом в 1581—1597 гг.³⁵), писан полууставом, одной рукой, лл. 448—466. (С₂).

3. ГПБ, Соловецкое собр., сборник № 985/875, в 4-ку, второй половины XVII в. (водяные знаки разные, XVII в.; датируется по голове шута с семью бубенцами, лл. 1—26, 35—89, у Тромонина под №№ 384, 385 — 1676—1682 гг.), писан полууставом и скорописью, различными почерками, лл. 36—57. (С₃).

³³ Приложение, стр. 465.

³⁴ См., например, обращение Вассиана к своему противнику в заключительной части «Слова»: «Тонже тебе, святых писаний клеветнику и развратнику истины, случися ныне, святителем бо, рек, подоба есть жителствовати по святым писаниям, освободил еси нас прочее от стужении» (Приложение, стр. 466).

³⁵ П. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877, стр. 816.

Слово ответно противу клеветующих¹ истинну евангельскую² и о³ а. 263 иноческом житии и устроении церковном

«Аще убо⁴ вьистинну правду глаголете, праваа судите сынове чело-вечестии»,⁴ — рече негде блаженный Давид, аки укаря неких человек неправду, юже⁵ противляются божией правде, их же зубы оружия и стрелы, и язык их мечь осытр, иже ищуще поставити правду свою, правде божией не покоришася, ниже бо могут. Мудрования бо их не божим духом водяться, но в тине⁶ земных вещей⁷ валяющесе, не духа плодов, но вльчець паче и тръний прозябають, сииречь учительства неполезнаа и запо-веди челоувечьския и житие, в слове токмо и внешним образе честность имуще. Их же, егда неции от благоговейнейших о⁸ опасстве житиа евангельскаго⁹ въспросят,¹⁰ видети есть к ответом убо изнемогающих¹¹ и ры||б а. 263 об безгласных сущих по притчи, яростию же бесовьскою обдръжимых, абие укоризнами многими облагают с вопрошающих, а о взыскании истинны ниедино слово творят.

Сидево нечто ныне случилось и тебе, иже аще еси, и лепо тебе изъявити, где в евангельских и апостольских и отечьских предании велено есть иночьскому житью преизобилии стяжаний, сиречь села многанародна стяжавати и поработати кристиан, братии,¹² и от сих неправдне сребро и злато събирати, подобне в мире еще обращающихся. Ты же кто ни буди еси, сие¹³ оставив, — аки невеликому попечению явльшесе тебе достойно, на укоризну яже на мя и клеветы безъстрашным языком весь обратился еси, забывся, яко с иными и досадителем затвори божественный Павел царство небесное — но такожде и праведную ревность нашу¹⁴ о иночьском житии¹⁵ истинне, ею же праведне и обличаем вы, преступающиа иночьская обещаниа и непока||рающихся убо истинне, послушающих неправде, яко а. 264 же рече блаженный Павел: «Презорьство,¹⁶ нарицаеши, и безстыдство и гордыню».¹⁷ И недивно: ниже бо съдръжими умным¹⁸ иступлением добре глаголють врачующих их, ниже бо могут познати подаемю себе¹⁹ от них²⁰ помощь. Тоже и вам случилось, мирским паки попечением предавшимся и лихоиманию,²¹ и хищенми²² убогих²³ веселящимся. Сребролюбием и сла-волюбием очеса ваша разумная омрачивше, не хоцете²⁴ отнудь разумети приводимаа вам от целомудренных духовная врачеваниа, но уподобистесе псаломскы речи, «аспиду глухому, и затыкающу уши своа, иже не слушает гласа обавающих».⁶ Но даже не имый в туже тебе²⁵ пропасть, глаголю же, досажений попольземся, аще ниже досажениа достойно сиа мнети, но глаголы печала, из любве духовныа и божественныа ревности востекающа. Принеси²⁶ убо, и божественным писанием яже от вас не по правде дръзаема обличим и узрим, елика же и || какова лютая в самую душу²⁷ вред вла- а. 264 об гающа²⁸ вам и послушающим вам прилагаются. Сице бо вящше и яснейше будет всем достижение истинны. Но сие явити хотящим подобает прежде еже по нас иноков жительство знати, каковый имеет разум и к чему зри-рающе²⁹ престъственныа оны³⁰ обеты обლობызает. Сие бо разумевше, удобь

⁴ Псал. 57. 2. ⁶ Псал. 57. 5, 6.

¹ Так С₁С₂С₃; в ркп. кленущих. ²⁻³ Так С₁С₂С₃; в ркп. или. ⁴ Нет С₁С₂С₃. ⁵ ею же С₁С₂С₃. ⁶⁻⁷ Так С₁С₂С₃; в ркп. земьских мятежей. ⁸ Доб. из С₁С₂С₃. ⁹ Так С₁С₂С₃; в ркп. евангельских. ¹⁰ въсприат С₁С₂С₃. ¹¹ Так С₁С₂С₃; в ркп. изнемогающим. ¹² братию свою С₁С₂С₃. ¹³ Доб. из С₁С₂С₃. ¹⁴⁻¹⁵ Так С₁С₂С₃; в ркп. юже иноческой. ¹⁶⁻¹⁷ и гордыня С₁С₂С₃. ¹⁸ умных С₁С₂С₃. ¹⁹⁻²⁰ Нет С₁С₂С₃. ²¹ лихоиманми С₁С₂С₃. ²² Так С₁С₂С₃; в ркп. хищными. ²³ Доб. безстыдне С₁С₂С₃. ²⁴ хотяще С₁С₂С₃. ²⁵ Нет С₁С₂С₃. ²⁶ Принес С₁С₂С₃. ²⁷⁻²⁸ предвлагающе С₁С₂С₃. ²⁹⁻³⁰ Так С₁С₂С₃; в ркп. преестственная она.

и наставляющаа нас в оно въсприимем божественая словеса и наказания. Елма же бог наш Исус Христос в священъныхъ евангелиихъ въпиеть ко всемъ яве и глаголетъ: «Иже несть со мною, на мя есть; и иже не собираеть с мною, расточит»,^е сииречь, иже не по моимъ заповедемъ жительствуеть и иные в подобное житие и пребывание не вводитъ сие бо знаменуеть еже быти с Христомъ и собрати с ним. Подобаеть и намъ, от его³¹ спасителныхъ заповедей наченшимъ, иноческаго житиа делания порядку изложити. Писаннаа бо от отецъ, словомъ и деломъ съвершеннаа, многа суща и добрейшая показаннаа к совершению добродетели, мно||жайшии ниже в слухъ приати хотятъ, не токмо в следъ ихъ ходити. Сего ради ниже предложити сиа нужно разсудихъ, ово убо аки презираемо от невнимающихъ себе, ово же зане и книгу целу съставити намъ имеють, аще порядку вся предложатся.

Глаголемъ убо, яко иноческое житие ничьтоже ино есть, точию подражание, паче же уподобление бесплотныхъ жителству, по глаголавшему премудрому: «Инокъ есть чинъ и устроение бесплотныхъ, в теле вещественномъ и оскверняемомъ свершаемо». И паки: «Инокъ есть, иже единыхъ божиихъ дръжайся³² в всякомъ времени и месте и вещи». И паки тойже: «Ошельствие есть волна³³ ненависть и отвержение естъства, получения ради преестествоныхъ». Сие же яко видится, на събою рече, но от нихъ же слыша Спаса в евангелиихъ рекшаго к въпросному законнику и рекшему: «Сиа вся съхранихъ от юности моеа — что еще не доисполнихъ?»

Господь же рече: «Аще хощеша съвершенъ быти, иди и продай имения твоа и даждь а³⁴ нищимъ, и прииди и последуй ми». Сиа краткыя || глаголы опасне являютъ иноческое житие,³⁵ в трехъ сихъ съборнейшихъ главизнахъ съобъемлющи и прочаа вся съставляющаа иноческое житие, рекше, нищету, милостыню и всякое братолубие и състрадание,³⁶ к симъ же и молитву не престанну с воздержаниемъ и бодростию. Аще хощеша, рече, съвершенъ быти, а не³⁷ в полу³⁸ съвершенъ. Что же есть еже съвршенъ быти? Самъ Спасъ инде научи, рекъ: «Бывайте съвершении, яко же отецъ вашъ небесный съвершенъ есть». ⁴ Что же ли есть съвершение отчее? Яже к всемъ человекомъ, злымъ и благымъ, праведнымъ и неправеднымъ, неисчерпаемаа щедрота и благости пучина. Сие бо знамена, рекъ: «Иже сияетъ боле солнца своего на злыа и на³⁹ благыа, и одождитъ на праведныа и на⁴⁰ неправедныа»,^е солнцемъ и дождию житийскихъ нужныхъ изъобиле гадательствовавъ. Реченныхъ⁴¹ убо господемъ к въпросившему богатому сицеву силу имеющимъ,⁴² яко съвершенныхъ творити и сущему на небеса своему отцу подобныхъ, по его заповедемъ⁴³ жительствующимъ, да посмотримъ убо, еда по коей||ждо сихъ спасение наше устроаемо ныне, или супротивнаа дръзаемъ?

Господь убо глаголетъ: ⁴⁴ «Продай же убо⁴⁵ имения твоа». * Жы же наша или убо устрояемъ по заповеди господьской, или ни? Таже в манастирь вшедше, от неразумиа нашего, чюжаа не преставаемъ всякимъ образомъ себе пристяжавати — и села и имения, ова убо безстудне у вельможъ⁴⁶ ласканиемъ прошаще, ова же искупующе. Таже господе бывша чюжихъ имений⁴⁷ чрезъ заповедь, велику правду непщуетъ и добродетель, еже тштитися всегда умножити сиа. И глаголавшаго нестяжаниемъ во вследъ его поити, и нищетою и правдою, и сего забывше, и вместо еже безмолствовати и рудоделаемъ своимъ и трудомъ⁴⁸ питатися, по заповеди, градовъ безпрестани

^е Лук. 11. 23. ^з Матф. 19. 21. ^д Матф. 5. 48. ^е Матф. 5. 45. ^ж Матф. 19. 21.
³¹ сего С₁С₂С₃. ³² Так С₁С₂С₃; в ркп. дръжимся. ³³ волное С₁С₂С₃. ³⁴ Нет С₁С₂С₃.
³⁵ жительство С₁С₂С₃. ³⁶ Так С₁С₂С₃; в ркп. страдание. ³⁷⁻³⁸ исполу С₁С₂С₃. ³⁹ Нет С₁С₂С₃. ⁴⁰ Нет С₁С₂С₃. ⁴¹ Так С₁С₂С₃; в ркп. реченымъ.
⁴² Так С₁С₂С₃; в ркп. имеющимъ. ⁴³ заповедехъ С₁С₂С₃. ⁴⁴⁻⁴⁵ Продаждь С₁С₂С₃.
⁴⁶ Так С₁С₂С₃; в ркп. вельможахъ с. ⁴⁷ Так С₁С₂С₃; в ркп. именияхъ.
⁴⁸ труды С₁С₂С₃.

объеждаемъ и в руках богатых взираем, разным образом ласкающе их и раболепне угаждающе им, даже и возможемъ прияти у них ⁴⁹ или деревнишко, или сребришко. ⁵⁰

Господь повелевает: «И даждь я нищим». ³ Мы же единаче сребролюбием и несытоию победеныи, живущаа братиа || наша убогиа в селех наших ⁵¹ различным образом ⁵² оскорбляем их, истязанми неправедными обидяще их, ⁵³ и лесть на лесть и лихву на лихву на них налагающе, милость же нигде же к ним показуем, ⁵⁴ их же егда не возмогутъ отдати лихвы, от имений их обнажихом без милости, коровку их и лошадку отъемше, самех же с женами и детми далече от своих предел, аки скверных, отгнахом; неких же и княжеской ⁵⁵ власти предавше, истреблению конечному подложихом. И иже повелены есме и своа нищим роздати, даже съвршении в добродетели будем, мы же, аки своа душа возненавидяще и аки противу заповедей господьских ополчающеся, обидим и грабим, продаваем христиааний, наших братий, и бичем их истязуем без милости, аки звери дивии на телеса их скакающе. ⁵⁶

Господь рече: «Продаждь своа, и даждь а нищим». ⁴ Мы же от многого безумиа, наипаче же безчеловечиа, имения нищих ⁵⁷ емлюще, в прях и угрожениях изнуряем я. Суть же иже и сановная предствательства сими пристежавают, ⁵⁸ ино и ⁵⁹ сие безаконие ⁶⁰ прикупующе, || и яко же Симон волхв куплею непродаемую ⁶¹ духа благодать себе усваяюще, им же всяко приличествуеть еже от апостола к Симану отвецание, да не глаголю и горше его; занеже не равен грех ⁶² есть еже съгрешати преже иных казниа и еже съгрешати по казании иных. Оле вещи скверности! Инокы, иже свет быти и соль земли от господа повелеваемы и деланием, сиречь апостольских добродетелей, сии своих обетований забывше и всяко благоговеньство отвергыше, и от своих обителей, в старости уже седей встающеся, ⁶³ в мирских судилищах обращаются, или с убогими человекеы прещася о заимьдании многолихвных, или судящеся с суседы своими о предех своих мест и сел. И блаженный убо Павел, коринфанех укораа и мирским сущим, яко отинудь суды имеютъ между собою, и зане не сами паче обидимом ⁶⁴ быти произволяют, но оны обидят и лишают братий своих, «или не весте, рече, яко обидливы царствие небесное не наследят». ^к А инокы, иже во ангельское житие достигнути обещащеся и свет миряном || быти хвалящеся, единою ⁶⁵ уши заткнувше противу евангалских и апостольских заповеданий, ⁶⁶ ни елико Павел миряном повелевает хранить, ⁶⁷ произволяют съблюдати. ⁶⁸ Кто о сих не восплачется? Кто не ризы своа раздерет толику мглу ⁶⁹ и омрачение зря влианых в разумех наших? Егда разумеите, яко праведне рыдаем вас и по правде обличаем вас, и яко от духовныа любве и утроб братолюбивых, а не от гордости и ненависти укаряем вас, якоже вы недобре о нас непщуйте.

Господь рече: «И даждь а нищим, и прииди, и последуй ми». ⁴ Услышим, что глаголетъ: «Не довлеет нам, рече, имений продание и раздание токмо во спасение, но и последовати Спасу нужна нам належит». Что к сим глаголем, презирателие заповедей господьских? ⁷⁰ Да разумеем и ужаснемся,

³ Матф. 19. 21. ⁴ Матф. 19. 21. * 1 Кор. 6. 9. ⁴ Матф. 19. 21.
⁴⁹⁻⁵⁰ ли село, или деревнишко, или сребро, или некое что от животных $C_1C_2C_3$.
⁵¹⁻⁵² различными образы $C_1C_2C_3$. ⁵³ Так $C_1C_2C_3$; в ркп. обидящих. ⁵⁴ показующе $C_1C_2C_3$. ⁵⁵ Так $C_1C_2C_3$; в ркп. князьных. ⁵⁶ наскакающе $C_1C_2C_3$.
⁵⁷ Доб. лихоиманием $C_1C_2C_3$. ⁵⁸⁻⁵⁹ и иное $C_1C_2C_3$. ⁶⁰ Доб. себе $C_1C_2C_3$.
⁶¹ Так $C_1C_2C_3$; в ркп. непроданною. ⁶² Доб. из $C_1C_2C_3$. ⁶³ встающе $C_1C_2C_3$.
⁶⁴ Доб. или лишасем $C_1C_2C_3$. ⁶⁵ Нет $C_1C_2C_3$. ⁶⁶ заповедей $C_1C_2C_3$.
⁶⁷⁻⁶⁸ съхраняют $C_1C_2C_3$. ⁶⁹ Так $C_1C_2C_3$; в ркп. многу. ⁷⁰ господних $C_1C_2C_3$.

и господьскаго⁷¹ страха позде когда въсприимем в сердцих наших, и уразумеем, что есть: «Милость хошу, а не жертву». * «Последуй мне», рече господь, сииречь вослед моих заповедей ходи и по уставу их жительствоуй. л. 269^а Еже и инде явственнейшее сказа, рек: «Аще || кто хошет по мне ити, да отвержется себе», сииречь своа похоти и обычаа мирския, «и да возьмет крест свой», сииречь да умртвит уды своа земленаа постом и молитвою и тръплением приходящих скорбей волных же и неволных, «и да последует мне», * сииречь вышняя мудростуеть. Еже инде сказа, рек: «Иже мне служит, мне да последуеть; индеже аз⁷² есмь, ту и слуга мой будет». °. 73 И яко сице подобает нам последовати Христу, услышим великаго отца нашего Василиа, явьствене глаголющаго: «Ты же небесных⁷⁴ граженств рачитель⁷⁵ и ангельскаго житиа купецъ и⁷⁶ святых мученик Христовых⁷⁷ съвоиник быти желая, утверди себе к терпению скорбей, и мужествене приступи к иноческому чину, навикни и научися апостольскому⁷⁸ жительству, сииречь очию опаство, языкъ въздержание, телу порабощение, мудрование смирено, мысли чистоту, гневу исечение,⁷⁹ поемлем приложи, лишаем не преяся, возненавидим любви, гоним тръпи, хулим утешу, умртвися греху, сраспнися⁸⁰ Христу, всю любовь приложи к господу». Сицева убо съвещает⁸¹ великий Василей.

л. 268 об. А иже о || множестве стяжаний и о собрании злата и сребра несытно устроаеми,⁸² и како убогих истребятъ⁸³ лихвами умышляюще, и славы любяще, и пищею и покоем наслажающеся безпечалне — сиа бо вся и гръша и множайша сих введе в иноцех стяжаний преизлишее и печение. Како убо⁸⁴ *сицевии вышесказанное*⁸⁵ евангельское жительство⁸⁶ исправить възмогутъ? ⁸⁷ Когда же и възмогутъ очистити свою мысль от помышлений строптивных и ярости, и гнева, и прочего праха съвершаемых в разуме бесчисленных страстей, елико рожати обыкоша в душах богатолюбивых тръний, сииречь многообразныа житейския печали, како убо сице устроены възможем исправити реченое господемъ? Блаженный чистии сердцемъ, яко тии бога узрят! Колика убо трезвения и подвига треба нам братъ⁸⁸ очищены мысли наша! Како же очистится сиа в житейских безпрестани упражняющиа и в мирьская судилища обращающися, и различне прящися, и ярящися, и клятву преступающи, и лукавнующи, и лжуши, даже токмо получити яже желаетъ? Кто измет вы || от божественаго и праваго суда тогда, сице без страха жительствоующех и к евангельскому поучению глагольствующих, еже с кротостью многою Марфе поношает о мнозе смущающейся; поносно бо слово есть, еже дважды именовати ю: «Марфа, Марфа, благая, печешися и молвишися о мнозе». Не токмо сими поношает ей, но и ими же сестру еа хвалить,⁸⁹ зело мудре обращает ю и о божественом угождении и възпоминает, глаголя: «Мариа же благую часть избра»⁹⁰ и прочаа, — благо же рек Мариино тшание, укорно показа Марфино попечение. И не страннолюбие укоряа глаголетъ, сиа господь, — не буди! но из-

* *Матф. 9. 13.* ° *Лук. 9. 23.* ° *Иоан. 12. 26.* ° *Лук. 10. 41, 42.*

⁷¹ господня $C_1C_2C_3$. ⁷² Так $C_1C_2C_3$; в ркп. а. ⁷³ Так $C_1C_2C_3$; в ркп. буди.

⁷⁴⁻⁷⁵ жительство рачителю $C_1C_2C_3$. ⁷⁶⁻⁷⁷ святых учеником Христовым $C_1C_2C_3$.

⁷⁸ Так $C_1C_2C_3$; в ркп. апостольское. ⁷⁹ исечение $C_1C_2C_3$. ⁸⁰ Так $C_1C_2C_3$; в ркп. распнися. ⁸¹ Доб. нам $C_1C_2C_3$. ⁸²⁻⁸³ убогих истребляют $C_1C_2C_3$.

⁸⁴⁻⁸⁵ Так $C_1C_2C_3$; в ркп. и выше сицевии сказание. ⁸⁶⁻⁸⁷ жити производят $C_1C_2C_3$.

⁸⁷ Здесь в $C_1C_2C_3$ кончается текст „Слова ответна противу клеветущих истину евангельскую и о иночском житии и устроении церковнем“. После указанной фразы в C_3 киноварью и другим почерком, нежели тот, которым написан текст сочинений *Вассиана Патрикеева*, написан заголовок Собрание Васьяна, ученика

Нила Сорскаго, на Иосифа Володкаго от правил святых Никанских, от многих глав. В C_1 и C_2 заголовок отсутствует. ⁸⁸ В ркп. добавлено а. ⁸⁹ Словами

Ими же сестру еа хвалить в $C_1C_2C_3$ начинается текст, которому, как уже сказано, в C_3 придан заголовок Собрание Васьяна, ученика Нила Сорскаго...

лишное в паче требы⁹⁰ служение отсекая, имъже и не хотя кто в безчислена неподобна падет.⁹¹ Удовляще убо, аще бы благоразумны быхом, и кратко сие Спасово повеление на исправление наше, и отложим излишное и бесполезнаа удволятися нужными, по глаголавшему вселенскому учителю: «Имеюще брашна и одежи сими да удволимся;⁹² хотящеи же богатети⁹³ впадут в напасти⁹⁴ и сети и вжеления⁹⁵ многа безумна и вредна, яже потопляють || човеков во исчежение⁹⁶ и пагубу. Корень бо всем злым л. 269 об. сребролюбие, его же неции желающе отпадоша от веры и себе обложиша болезнми многими.»^p

Что убо нам видится от сих речей, которым паче должно съхраняти сих? Ефесяном ли, мужем мирьским, о них же Тимофею как повелевает апостол? Или нам иноком, иже отложимом вся мирьская пристрастия, и аки запинаяще нас к предложенному нам духовному подвигу? Еда разумеем ли, колико отстоим от апостольскаго жития, паче же ли колико приражаемся богу преступлением апостольских повелений? Аще бо мирьским человеком, имъ же жены и дети имети леть есть, советуеть Павел ошаятися от излишних и доветися⁹⁷ нужными, яже пристыжаваять делающе своими руками, како нам попустит лихоимством питатися, имъ же повелевает инде горняя мудростовати, идеже Христос есть? Что глаголет Каласаем, услышим разумно: «Аще убо, рече, совоскресосте с Христом горняя взыскуйте, иде же Христос одесную бога седя; горняя мудростуйте, а не земная; умросте бо, и жизнь ва||ша скрыся с Христом л. 270 в бога». ^c Услышим и ужаснемся, кии бяше, имъ же сна повелеваша Павел, и кии мы есмя? Они мирьстии человеци, жены и дети имеюще, и паки тшахуся к апостольскому съвершению достигнути; мы же, мира отрешкесея и житие иноческое избравше, ниже в меру их произволим достигнути, ниже ревностию яже к ним водвижающесея, ниже последующими глаголы яже к ним уцеломудрим.⁹⁸

И глаголет бо сице: «Умртвите убо уды ваша, яже на земли — блуд, нечистоту, страсть, вжеление зло и лихоимание, еже есть идолослужение, их же ради приходит гнев божий на сыны непослушливыа». ^m Что к сим отвещаем многогрешнии? Сих ради безстудный аз у вас именуем есмь, дръз языком и осужаю есмь вами. Но что ми дети? Нужа бо ми належит, ⁹⁹ святыми писанми¹⁰⁰ просвещаемому, проповедати всем человеком путь спасения. Божественно бо есть слово глаголющее: «Ниедин свое да взыщеть, но еже ближняго кождо». ^y Что убо обижу вас, братия, аще о спасении моем и вашем събеседую с вами? Ниже бо аз пръвъ, ниже последний и о сем беседую. Польна изначала Спасова || церкви глаголавших л. 270 об. о II, ¹ злобе и добродетели и за истинну възненавидных бывших, не токьмо архиереев и священников и прочаго церковнаго чину, но иноков и просцов, ревность божию показавших, еще же иже на ² ны выше ³ в силу с высоты оболкшесея ⁴ о истинне мужествене подвигшесея. Всем бо божественная ревности поприше ⁵ отворися, и блажен иже в сие съвлечесея законе, зане по труду своему возмет мзду свою от Подвигоположника. И аще убо препираем сими вас, всяко прочее бесполезное прение отлождыше, познайте себе и исправление сподобите. Аще же не произволите беззаконно дръжима излишна житейска бремена отложите, поне не оправдантесея съгрешающе и на святаа писания лжуще, аки попушають вам сицевыми печальми

^p 1 Тимоф. 6. 9, 10. ^c Колос. 3. 1—3. ^m Колос. 3. 5, 6. ^y 1 кор. 10. 24.
⁹⁰ потребности C₁C₂C₃. ⁹¹ впадет C₁C₂C₃. ⁹² Так C₁C₂C₃; в ркп. удивимся.
^{93—94} Так C₁C₂C₃; в ркп. подавают в напастех. ⁹⁵ въжеления C₁C₂C₃. ⁹⁶ исчезновение C₁C₂C₃. ⁹⁷ довети C₁C₂C₃. ⁹⁸ уцеломудрями C₁C₂C₃. ^{99—100} святым писанием C₁C₂C₃.
^{II, 1} Так C₁C₂C₃; в ркп. и. ² Доб. из C₁C₂C₃. ³ Нет C₁C₂C₃. ⁴ Так C₁C₂C₃; в ркп. оболкше. ⁵ Нет C₁C₂C₃.

и неправдавами омрачатися. Довольне бо Павел запрещает всякому сицевому безстыдству, глаголя: «Никтоже воинства сплетается житейскими куплями, даже воинство съчинившему угодит». ^φ Небесному царю воины быхом волею горня да мудрствуем, идеже царь наш. || «Гражданство бо, рече, наше на небесех есть». ^х Да не останемся в земных узех: «Обидливи и хищники во царство небесное не вмещаются», ^и и Павел вопиеть. Но котории обидливи и лихоимци и хищники, точии иже преступлением обет свои жительствующей, и язычне сребро свое на лихву братиам ^б своим в заим дающихи, и лихву на лихву им налагающе, таже последи не возмогшим отдати заимования, ^г обнаживше их ^д имений своих, алчущих и наготующих от своих стяжаний изгнаша? Елико же зъло есть лихоимание, и блаженный Иоан Златоустый в кратких словесех ^е изъяви, рек: «Убийства хищение лютейше есть, помалу нишаго изнуряющее». Но и великий Василей: «Никто же ^ж боготворя ино что, паче бога, может поклонитися богу в дворе святем его. Боготворят же овы убо чрево, овы же сребро, иже лихоиманию, иже есть идолослужение, прилежать. Сицевый, ^з иже несть во дворе святем, ниже поклоняется богу, аще и неразлучен от чувственных ^л събор || быти ^м видится». Да уразумеем прилежне и ужаснемся нерадивии, яко ниже от стояния еже в ^н молитве, рече святыи, ползу ниедину объемлем, дондеже лихоиманию прилежим. Еда разумеите, яко от духовныя любви глаголы мои суть противу преступающих своя обеты и бесчине живущих, а не по некоему излишнему любопрению, якоже ^о неправедне мните!

л. 277 об. ^п Но возвратимся паки, откуда изыдохом. Господь бо паки вопиеть ^р яве: «Аще кто хочет по мне ити, да отвержется себе, да возмет крест свой и да последует ми». ^с Да уразумеем силу заповедей сих и разум Законоположнику, каков есть, и како хочет нас житьствовати! Да разсмотрим ^т же без пристрастия ^у и наше пребывание, каково ныне есть, и приложивше то к разуму Законоположителя, и приложением сице уразумевше наше от истинны отпадение, да ущедрим сами себе, и противляющаяся нам ко исполнению евангельскаго жительства отвергше, прославим отца нашего, иже на небесех, иноческаго || добродетельми, сииречь постом и молитвою чистою, правдою же и целомудрием, молчанием же и безмолвием, ^в смиреньем же и безпечалием житейским, ими же возможем, ума исчистивше, божественному озарению сподобитися, и будем яко светило в мире, слово жизни имеюще, по Апостолу. Аще же сие не произволим иным путем, а не евангальским ходити, да исповедуем и да не лжем на священна писание попушати нам глаголюще с ^г сътяжаними и богатством и мятежнами мирскими житьствовати, ^д и сих ради леть быти иноком лихоимствовать ^е и сокровища събирати на земли, идеже молие и червь погубляют и тате раскапавають.

л. 272 ^ж Ниже да глаголемь нещеванием ^з нещующе в гресех, яко благовернии князи сиа приложиша к священным монастырем о спасении душ своих и памяти родителей их, ^и ниже бо изати ли возмогут от рук божиих приложшей сию. Егда мы аки обидливи и лихоимци от бога осужаемся, — не ложь бо глаголивый проповедник: «И обидливы и лихоимци и хищници царства божиа || не наследят». ^л Господь рече: «Аще кто оставил есть ^м отца или мать или села, а не рече: «Аще кто пристражеть». ^н И ты поругаяся

φ 2Тим. 2. 4. ^х Филип. 3. 20. ^ч 1 Кор. 6. 10. ^ц Лук.. 9. 23. ^м 1 Кор. 6. 10.
^б Так С₁С₂С₃; в ркп. брати. ^{г-д} Так С₁С₂С₃; в ркп. обнаживших. ^е Доб. из С₁С₂С₃. ^ж Доб. рече С₁С₂С₃. ^з Так С₁С₂С₃; в ркп. сицевых. ^{и-л} съборов С₁С₂С₃. ^м Доб. из С₁С₂С₃. ^н Доб. вы С₁С₂С₃. ^о повелевает С₁С₂С₃. ^{п-р} беспристрастие С₁С₂С₃. ^с безлобием С₁С₂С₃. ^т Нет С₁С₂С₃. ^{у-в} Нет С₂. ^ф Так С₁С₂С₃; в ркп. нещевания. ^г своих С₁С₂С₃. ^д Так С₁С₂С₃; в ркп. еси. ^е притяжет С₁С₂С₃.

предлагашь князьское²⁷ любочестие и прельщаяся глаголеши не твоим, но чюжм строителю быти! Человече! что себе прельщаеши и волею противляеши истинне? Како же забыл еси Павла, свыше глаголавшаго: «Никтоже воинствуа съплетается житейскими куплями»²⁸ и прочая? И паки той же: «Хотяще иже богатети падають в напастех и в сети»²⁹ и прочаа.²⁸ Не хошет тя Христос сицевыми оковы житейских печалей связатися, от них же рожаются всяко безаконие и неподобная дела. Но се паки аз горек вам являюся и дръз языком и безстуден, яко же вы глаголете. Аз же толико отстою теми хapatися, яко и владыце всех²⁹ молюся и большими сих поношенми от вас обогатися о его истинне. Ничтоже бо о семь обижу вас, но о вашем спасении распалем, яже к спасению вашему не престаю умыслити. Но о сих убо толико довлеють.

Понеже бо в вашем писании глаголете, яко аще || моимъ словесем по- а. 273
слушать предстателие церквам божиим, запустети имуть³⁰ церкви божиа³¹
и монастыре. Недобре и о семь мудроствуете, яко же о прочих, и сие стра-
жите вящшее от непоучения святых писаний. Аще бо с духовным мудрова-
нием и умным прилежанием прочли ли бысте, издавна ся убо исправили
бyste. Нынe же за многе ваше нерадение пострадае реченное блаженным
Давидом: «Се удаляющеся от тебе, погибнуть»,³ а не и одръжащихся
крепце божиих заповедей и закона его, таже глаголетъ святой дух, но
что: «Светилник ногама моима — закон твой, и свет стезям моим».¹⁰
Недивно убо, аще и вы, сицевым светилником и светом не осиаваемы, прe-
тыкаетеся истинне и являетесь в истинну слeпи,³² осязюще стену, по
притче. Осязите убо слeпии и разумеите, коли когда от века благочестиве
и праведне поживше оставлени быше от бога или лишашася нужных яже
ко удовольнию? Не слышите³³ ли глаголющаго пророка: «Богатыи обни- а. 273 об.
щаша и взалкаша, възыщущи³⁴ же господа не лишастя всякаго блага?».¹¹
И паки той же: «Господь не лишит благая ходящих в безлобии».^{11, а}
И паки той же: «Не видех праведнаго оставлена, ниже семья³⁵ его ищущее
хлеба».⁶ Где вера наша, о человеци? Не слышим ли господа глаголюща:
«Пръвие ищите царствие божие и правду его, и сиа³⁶ приложатся вам!».⁶

²⁷ 2 Тимоф. 2. 4. ²⁸ 1 Тимоф. 6. 9. ²⁹ Псал. 72. 27. ³⁰ Псал. 118. 105. ³¹ Псал. 33. 11.
³² Псал. 83. 12. ³³ Псал. 36. 25. ³⁴ Матф. 6, 33.

²⁷ княжеское C₁C₂C₃. ²⁸ В C₁C₂C₃ далее следует текст: Ниже бо прабаба наша Евва, ниже Адам пратець прощения получиши. Евве убо на прельстившего ю змия, Адаму же на данную себе от бога в помощь жену вину положившим, но паче и сего ради казнени быша, и райския пища лишени бывше, и смърти праведне подложени. Аще же они сице люте казнени быша, едину заповедь преступивше, что мы пострадати чаем, сице явствене всяческо апостольско и отеческо законоположение попирающе, и еже горшее се, и на самая святая писания лжуще, якоже многажды речеся нами. Кая же и благочестивым князем, сиа богу принесшим, польза оттуду мощно есть прибыти, егда вы неправедно и лихоимствене приношения их устраняете, противу благочестивыа их мысли стоите? Сами убо пребогатеюще и питающеся несытно и паче иночския потреби, работающей же вам в селех христиане, братиа наша, нищетою последнюю сжывуше, или к безвременным служениям вашим не довлеют и елико отданиям лихв не изнемогают, нагы, увы, и биени от сел ваших изгнани быша. Коль добра въздаянна въздаете благочестивою мыслию принесшим сиа богу благочестивым князем! Им бо боголюбезною мыслию богу сиа освящающим, яко потреби всякия причитающася угодницы его, в молитве и прочем безмълвии неотгържно упражняются, избытъчствующая же от летних доходов на нищя и приходящая странники с любовью изнурают, да всеми бог прославляется. Вы же от многога безумия и самолюбия и неблагодарства боголюбезный разум благочестивых князей преобидяще, все еже оттуду избыбиле летнее истекающее к себе приемающе, ова убо в сребро превенившие о съгласии лихв в займ даете; ова же съблюдаете, да в времена скудости продаются, яко да мнойшая цены примете. Сице вы добры хранители бyste глаголющиа заповеди: «Не пецетесь о утренем, что ясте или что пиете или в что облечетесь» (Матф. 6. 25). ²⁹ Так C₁C₂C₃; в ркп. всем. ³⁰ нещуют C₁C₂C₃. ³¹ Нем C₁C₂C₃. ³² слeпци C₁C₂C₃. ³³ Слышиши C₁C₂C₃. ³⁴ възыскающе C₁C₂C₃. ³⁵ семени C₁C₂C₃. ³⁶ Доб. вся C₁C₂C₃.

Испытайте и уразумейте, кто от воснавших в святыни и монастырей съоруживших попечение створи когда села приложити своему монастырю, или царю или княземь моление створи³⁷ о лготе или о обиде подлежащих ему селянех, или прою име³⁸ к неким о пределах земных, или бичем мучи³⁹ плоти человеческыа, или юзами сих обложю,⁴⁰ или о истязании лихв имения их отъять, якоже ныне дръзають без страха, иже святых и чудотворцов мнящих себе? Рците нам, аще имате. Но не можете рещи. Ниже бо Пахомий, ниже и Еуфимий, ниже Сава, ниже Феодосий, ниже Герасим, ниже и в Афоньстей горе яко же аггел воснавый в святыни Афонасий, ниже сами удръжаша сицевое что, ниже бывшим || по себе повелеша, паче же спротивно. Аще и трудолюбно в житиа их⁴¹ приникше, обрящеши их⁴² последну нищету возлюбивших,⁴³ яко многажды и дневнаго хлеба оскудевших; и обаче сице скудне имевших николи же запустеша священни их монастыри, скудости ради нужных, но и паче возрастаху и поспешествоваху во всех и умножахуся, своими руками трудающесе и хлеб свой ядуще в поте лица своего, по заповеди, а не в чюже руже возряху, и⁴⁴ христианьскими кровми себе утучняху, ниже лихвами съкровиствоваху себе съкровища на земли, яко же ныне творящеи себе чудотворцов законопологають, не стыдящесе, ниже боящесе страшнаго суда божиа. Иже отнудь отвргъшесе страха божиа и своего спасения, повелевают бесчадно мучити и казньми различными истязати неудоь отдающих монастырския долги, — обаче не внутрь монастыря, но вне пред враты негде. Нечто бо безрешно возмниша, еже вне монастыря казнити христианина. Но, о законоположителю, || паче же⁴⁵ законопреступниче! Аще отнудь⁴⁶ грех възмниши⁴⁷ иже внутрь монастыря⁴⁸ мучити⁴⁹ братий,⁵⁰ тои иже вне мучити грех есть. Почитаемого бо в монастыре бога область не в месте огражается; в руже бо его конци земля. Откуда бо отнудь приал еси власть бити⁵¹ христиан бесчадно⁵² братий, наипаче о неправедных истязаний? Коль ты добр хранитель евангильских заповедей и апостольских правил! Господь заповедает тебе не противуступати⁵³ лукавому, но аще кто ударить тя в десную ланиту, обрати ему и другую; и хотящему с тобою судитися и ризу отняти оставити⁵⁴ ему и срачицу, и просящему у тебе дати,⁵⁵ и не отвратися хотящаго у тебе займовати, и⁵⁶ в заим давати,⁵⁷ от нихже не чаеши восприати. Ты же, аки съпротиву стоати⁵⁸ заповедей сих, вся супротивно узаконяеши, и что ино еси, разве антихрист, сииречь спротивник Христов? ⁵⁹ Кто убо ум имея не възплачется видя⁶⁰ твое безумие? Господь повелевает ти и биющаго тя не противубити, но и боле||бьение от него приимати с всяким тръпениемь и кротостию. Ты же велиши и неповинных мучити и расхищати имениа их о лихве заимований, господу глаголющу⁶¹ в заим давати,⁶² от нихже не чаеши восприати. Коль добра твоя⁶³ учения, о учителю безакониами! Како добре с Христом збираеши? ⁶⁴ Горе, горе! ⁶⁵ Ниже убоялся еси господьскаго запрещения, глаголющаго: «Иже аще разорить единому от заповедей сих менших и ⁶⁶ научит сице, мний наречется во царство небесное»,¹ сииречь последний ввержен в геене. «Не бо во царство небесное внидет, рече Златоуст, не буди, рече, но царство zde възкресение разумей». И сия убо сице.

¹ Матф. 5, 19.

³⁷ сътвориша $C_1C_2C_3$. ³⁸ имети $C_1C_2C_3$. ³⁹ мучити $C_1C_2C_3$. ⁴⁰ обложити $C_1C_2C_3$.
⁴¹ Так $C_1C_2C_3$; в ркп. житиах. ⁴²⁻⁴³ последнею нищетою поживших $C_1C_2C_3$.
⁴⁴ ниже $C_1C_2C_3$. ⁴⁵ Доб. рещи $C_1C_2C_3$. ⁴⁶⁻⁴⁷ Так $C_1C_2C_3$; в ркп. превозмниши.
⁴⁸ Нет $C_1C_2C_3$. ⁴⁹ Доб. христиан $C_1C_2C_3$. ⁵⁰ Доб. наших $C_1C_2C_3$. ⁵¹ бесчадно мучити $C_1C_2C_3$.
⁵² Нет $C_1C_2C_3$. ⁵³ противустояти $C_1C_2C_3$. ⁵⁴ остави $C_1C_2C_3$.
⁵⁵ дай $C_1C_2C_3$. ⁵⁶⁻⁵⁷ Так $C_1C_2C_3$; ркп. займовати. ⁵⁸ стоя $C_1C_2C_3$. ⁵⁹⁻⁶⁰ Так $C_1C_2C_3$; в ркп. что убо ум не възплачется. ⁶¹⁻⁶² Так $C_1C_2C_3$; в ркп. займовати.
⁶³ Нет $C_1C_2C_3$. ⁶⁴⁻⁶⁵ Нет $C_1C_2C_3$. ⁶⁶ В ркп. доб. не.

Аз же не токмо монастырем предстоявших обретаю последнее нестяжание, по заповеди, возлюбивших, но и самех во архиерейство восиавших, имь же от святых правил попускается некако стяжание движимая и недвижимая дръжати, и сиа бо угодне устраати, и изнуряти икономы, сииречь строителями, в потребах нищих и скудных, и вдовах, и сир, и приходящих странник, якоже повелеваю || грозными прещеними святая правила седмых събор. И свидетельствует слову нашему сам великий Василей в правилной второй епистолии, еже к блаженному Амфилохию в начале. Иже прощения себе прося от Амфилохиа о опоздании⁶⁷ епистолии, сицева пишет к нему: «Отдавна отвещав к предложеным⁶⁸ мне от твоего благоговеньства вопросим, не послах писание, — ова убо от недуга долгаго и беднаго възбраняем, ово же от еже не имети служащих. Малы бо у⁶⁹ нас и ниже искусны, ни уготовлены к сицевым служением». От⁷⁰ апостальскаго жительствова мужа мудрования служащих не имети себе присвидетельствовать сицевый толь преславный, приличных⁷¹ к пренесению писаниам и путешествия искусных! Пред нынешними же святители колико и коль украшены предстоять, готовы на всяко мановение владык своих! Не токмо же сие, но и множество батогоносных не мало себе учинивше, и теми бьют, и мучат и различне досажают прящимся пред ними священникомъ же и миря||ном. Но и божественый Григорий Богослов туже нищету пресвидетельствует великому Василию во многих местех надгробнаго слова, но⁷² и вящше, в них же вводит епарха, Модеста именем, претяща великому Василию грабленни,⁷³ и заточением, и многим иным казнением. «Аще чим иным можеша, запрещай, о епархе! — отвеща блаженный — от сих бо ничтоже нам прикасается». И епарху вину вопросившу, блаженный рече Василей: «Зане граблением убо не ят бывает, иже ничто же имеет, разве не сих требуещи власеных моих рубишь и книг малых, в них же весь мой живот есть». Еда разуместе ли кто весь живот блаженнаго сего мужа бе, или еще требуете иных свидетельствех?⁷⁴ Но в епистолии убо, еже к Амфилохию слугов⁷⁵ не име, рече, приличных к пренесению писаниа⁷⁶ и путешествия искусных, к епарху, паки, отвеща, власныа точию рубища и мало книги имети. Блаженный же Иоанн Милостивый толико възлюби еже о бозе убожество⁷⁷ и нищету, аще и сице многостыжательныа⁷⁸ церкви || предстатель бе, и яко шубы едины⁷⁹ потребовав понудися прияти ю от некоего богатаго куплену 30 и 6-ми златы, ею же во едину ношь токмо обвився, наутри продатися ю повеле и нищим роздатися цене ея, якоже в житии его⁸⁰ слышим. Той же, егда оставив Александрию в Кипр отплув,⁸¹ и познав себе уже от житиа настоашаго преходити имеюща к вечной жизни, сицева списа в своей духовней: «И благодарю тебе, господи боже мой, яко сподобил мя еси твоя к⁸² тебе принести и ниедино⁸³ что ино мне в животе остатися, токмо третие⁸⁴ от злата, еже убо сие нищим о Христе братии моеи⁸⁵ дается повелеваю. Егда бо, по повелению божию, александрияном епискуп⁸⁶ поставлен бых,⁸⁷ близ 8 тысуща литр злата в епискупии моеи сушня обретох; от приношенна же боголюбивых муж много сугубна сих собрах имениа, яже Христу суща ведя, Христу и дати усердьствовах, ему же ныне и душу предаю». Да слышим и уразумеем апостоломудреных онех' муж милосердие и попечение еже имеаху || к нищим и

л. 275 об.

л. 276

л. 276 об.

л. 277

⁶⁷ Так С₁С₂С₃; в ркп. подании. ⁶⁸ Так С₁С₂С₃; в ркп. прежним. ⁶⁹ Доб. из С₁С₂С₃. ⁷⁰ О С₁С₂С₃. ⁷¹ Так С₁С₂С₃; в ркп. и приличный. ⁷² и ина С₁С₂С₃. ⁷³ граблением С₁С₂С₃. ⁷⁴ свидетелей С₁С₂С₃. ⁷⁵ служащих С₁С₂С₃. ⁷⁶ писаниам С₁С₂С₃. ⁷⁷ убожество С₁С₂С₃. ⁷⁸ Так С₁С₂С₃; в ркп. многостыжательных. ⁷⁹ единая С₁С₂С₃. ⁸⁰ Так С₁С₂С₃; в ркп. ея. ⁸¹ отплав С₁С₂С₃. ⁸² Нет С₁С₂С₃. ⁸³ Так С₁С₂С₃; в ркп. ниеди. ⁸⁴ трие С₁С₂С₃. ⁸⁵ Так С₁С₂С₃; в ркп. моим. ⁸⁶⁻⁸⁷ бысть С₁С₂С₃.

убогим! Ныне же предстоящей коликими сицевыми церковными имени владеюща и стяжании, сами убо себе бесчисленных обрзов одежь и пищу умышляют несытно, о погибающих же крестиянех братий мразом и гладом ниедино творят попечение. И наипаче божественным правилом величайшу нужу им налагающим и извержение претящим, аще церковная именина,⁸⁸ а не⁸⁹ в потребах нищих и приходящих убогих братий не⁹⁰ добре изнурают. Они же не токмо божественнаа повеления и отеческия уставы презирают все, но и церковное серебро в лихву дающе нищим и богатым, аще кто изнемогает к отдаянию и лихв не милость показаша бедному, но конечно того истребиша. О коликим слезам и рыданием достойна суть сиа! Еда разумеите ли, како оны святителие пустынников⁹¹ последнюю нищету любляху, аще и посреди мирьских плищ и молв обращахуся и многостязательным церквам предстоаху, и како ничтоже свое непщеваху, но аки божи⁹² верны строителе⁹³ звереное⁹⁴ им богатство скудн⁹⁵ым и убогим разделяху боголюбезне, по устроению правильному и господьскому повелению, даже слышать и оны от владыки: «Добре рабе благий! О малех был еси верен, над многими тя поставлю: вниди в радость господина твоего». Блаженный же Иоани Златоуст, якоже пишется в житии его, толико возлюби еже о бозе убогство и смирение, яко потребе бывши ему приплуть к Ефесу исправления ради тамошня святыя божиа церкви, ни телесную немощь, ни долготу путную, ни зимную нужу, ни ино что сицевое умыслив,⁹⁵ влез в корабль, тремя деньми в Апамию прииде, отгудь уже пешь шествие без лености съврша, достызаеть Ефеса. О великого мужа смиrenomудриа! Ни на конь сести восхоте, но пешь толико шествие съврши, но и паче во время зимное и немощью телу отягчаваему. Но онех убо еже о бозе жительство и ревность апостольская сицева. Дрочение же и украшение нынешних архиереев и кто достойне исповесть?

л. 277 об.

л. 278

Не глаголете убо разуму нашему быти, да церкви божиа || запустятя и монастырем и без престателей остатися. Не сие мыслим, о человеци, не сие: будь и далече от нас сицева хула и нечестие, но ниже невечерний день он да сподобится видети, иже сицево что умышляй. Но отнятися желаем и молимся богу от⁹⁶ святых божних церковь и монастырех действующему ныне сребролюбье и лихоимству, и прочей лютости, и безчеловечию, и житьельствовати иноком⁹⁷ убо безстяжанием, по обетом своим и в молитве мнозе, и в безмолвии целомудреном, рукоделием внемлющим, по преданому изначала святыми отци образу и уставу. Сице бо и призвавй нас от тмы к свету прославится и молитвы наша, яко фимиан, пред богом исправятя, и мир с небесе и всяк дар благ⁹⁸ на земли снидет. А божиим святителем лепо отложшим всяко мирьское кичение⁹⁹ и лихоимание,¹⁰⁰ сице устроати церковныя вещи, яко богу зрящу и яко строителем божиим слугам, а не яко владеющим над людьми и насилующим, ниже себе упитающим, но священным уставом покарающесе. || Аще убо сами скудни суть житейския потреби, токмо себе да отделят, прочеа же с страхом божиим и милосердием в требующих брати, нищих и вдовах и сирых изнуряти, яко же божественная правила повелевають, а не изветом,^{III.1} растления² церковных вещей³ дати на лихву серебро церковное, таже истязания ради лихв расхыщати убогих именина. Дьявольское бо сице умышление и всякого безчеловечна и суроства исполнено, и сицева дерзашей⁴ извер-

л. 278 об.

⁰ Матф. 25, 21.

⁸⁸⁻⁸⁹ Нет $C_1C_2C_3$. ⁹⁰ Доб. из C_2 , где частица не написана сверху и другую рукою. ⁹¹ Так $C_1C_2C_3$; в ркп. пустынником. ⁹²⁻⁹³ Так $C_1C_2C_3$; в ркп. верный строитель. ⁹⁴ Так $C_1C_2C_3$; в ркп. уверенное. ⁹⁵ умысли $C_1C_2C_3$. ⁹⁶ Так $C_1C_2C_3$; в ркп. о.

⁹⁷ иноку $C_1C_2C_3$. ⁹⁸ Нет $C_1C_2C_3$. ⁹⁹⁻¹⁰⁰ Нет $C_1C_2C_3$.

^{III, 1-3} Так $C_1C_2C_3$; в ркп. церковнаго вещей растения. ² растения C_1C_2 . ⁴ дрзашей $C_1C_2C_3$.

заяются божественными правилами, аже не исправятся. Не убо запустетися божиам церквам хошем, якоже вы неправедно мене клеветете, но исправитися правильне и на пръвую духовную красоту и удобрение возвратитися желае,⁵ себе предстателие обнажиша, самолюбием и тщеславием побеждены.

Что убо ⁶ безмилостивно и ⁷ спротивно святым писанием ⁸ сътворю, аще ⁹ о сицевых беседую с боголюбивыми князи, плачася и рыдаа церковное нестроение? Или в стужения вам есть слово истинны? И аще слово просто не приемлете, въводящее вас в исправление преступлений ваших, а. 279 како имате дело приимати? И убо аще праведных себе мните, вящщей подобаеь вам ползующих духовне възисквати. Сие бо знамение Соломан мудрый ¹⁰ приложи праведным, рек: «Обличай мудра, возлюбит тя; и даждь вину мудрому, и мудрейши будеть; скажи праведному, и приложит приимати». ⁶ Вы же не приемлюще слово учителное от святых писаний, кому уподобитесь? Соломан изъяви: «Не обличай, рече, злых, да не возненавидит тя». * Не развращаю убо аз христоролюбивыи князи словом божиим, но престапующеи божиа заповеди, и последующеи человеческим преданием и языческим обычаем, ими же имя божие хулимо есть, тии съблазняют и смущают людей божиих: якоже бо от благых дел наших бог прославляется, сице и от злых хулим бывает. Аще же стужаетея о проповеди слова истинны, уже воистинну сами себе уподобисте рекшим древле к апостолом на соборще: «Не заповедию ли заповедехом вам не учить о имени сем? И се исполните Иерусалим учения вашего». ⁹ Но се|| ваш а. 279 об. съвет не пребудет, но истребится отнудь силоу противляющагося гордым, смиренным же дающего благодать.

О нихже убо глаголете, яко еретиков един аз заступаю и о сих побараю не по закону, и сими разум есть ваш осудити неповиннаго. Но и о семь, якоже о инех, лжете явьственне. Ничто же бо о бозе или мудрствовати или судити ¹¹ изволистe, но единою диавольскую удицу поглотивше, и вместо смирения Христова мирскую грьдость восприемше, во всех равне погрешаете и ничто же в вас здраво — ни слово, ни дело, ни умышление. Аще бо был бы в вас разум здрав и суд прав, уразумели бысте, яко не ¹² еретическую злобу заступающе, но о Спасове заповеди, правилном учинении, ¹³ поборающе, правильне, глаголемь, казнитися им, а не во главу, яко же вы хоште, паче от святых отець уставлений мудрствующе, от чрева вашего, а не от писаний глаголюще, не приемлюще в разум евангельскую притчу, яже не попусти слугам владыка дому отръгнути превсеаны плевелы лукавым ¹⁴ в чистой пшеници, но оставити || а. 280 повеле им до времени жатвы. От неа же убо притчя възбраняем богоноснии отцы наши, не токмо оне сицево что на еретиков не повелеша бивати, но и христоролюбивии царие, священным отцемь съглашающе, в заточение их отсылаху, умирене пръвие бьенех бывших и безчестно на верьблюдех, ¹⁵ обведеных по граду, якоже является в житии святаго Амфилохиа. ¹⁶ Что же ли по вас и блаженный Иван Златоуст зазрению великому и осужению достоин, възбраняа еретическую смерть, в них же изъявляет притчу плевелную? Рече бо сице яве: «Не подобаеь убо убивати еретика, занеже брань неумирима хотяще в ¹⁷ вселенную въводится». Или сие и глаголеть, яко аще хоште оружия взимати и закалати еретиков, нужа и многим

⁶ Прит. 9. 8—9. * Прит. 9. 8. ⁹ Деян. 5. 28.

⁵ Доб. их же волею С₁С₂С₃. ^{6—7} безместно или С₁С₂С₃. ^{8—9} Так С₁С₂С₃; в ркп. сътворяюще. ¹⁰ премудрый С₁С₂С₃. ¹¹ осудите С₁С₂С₃. ¹² Доб. из С₁С₂С₃. ¹³ Так С₁С₂С₃; в ркп. учении. ¹⁴ Так С₁С₂С₃; в ркп. лукавых. ¹⁵ вере людех С₁С₂С₃. ¹⁶ Так С₁С₂С₃; в ркп. Амфилохия. ¹⁷ Доб. из С₁С₂С₃.

святым с ними погублятися. Или, яко от¹⁸ тех же плевелех многим мощно прелагати и быти пшеници. И паки той же¹⁹ стеснати еретиков и заушати, и осеняти²⁰ дръзновение их, и соборы и согласиа разрешати възбраняеть, и убивати и закалати их възбраняеть.

л. 280 об.

Что к сим глаголете, иже во вся || дръзии? Вам ли повинутися паче лепо нам, или блаженным отцом, паче же Христу богу нашему о вашего ослепления умнаго? Рците нам, котораго от древних еретиков или мечем убиша, или огню предаша, или в глубину утопоша — не всех ли собором извержающе святии убо отци анафеме предаваху, благочестивие же царие заточением осужаху, сице Ариа, Македониа, Евномиа, Евтихиа, Диоскора, Севира, Навата, Дооната, Савеллиа, Павла Самосатскаго? Которого от тех, рците, убиша или сожгоша, или в глубине морстей утопоша? Яко же вы мудрствуете, что убо съгрешаем о сем, аще Христу, и древним отцем повинующесе и последующе, не убивати еретиков, глаголем, но или в темници затворити их, или в заточение отсылати, откуда же не возможно прочее будет им вредити простеших.

л. 281

Но да не на мнозе слово простираяся, вящшей вас опечалити явлюся, нужами zde уставити слова устремление, занеже и ты же наше ни буди, и не хотя истинну на конце пи|сания моего по моих досаждений, являешися исповедав, архиереом, рек, по святым писанием жительствовати лепо, и мнесь, видиши сие, истое пострадав въсхотевшему древле лжи пророку Валааму кленути господьских людей, его же языка уготовлен кленати предстоящаа божиа благодать людем израильтеом, в благословениих обратила есть. Тонже тебе, святых писаний клеветнику и развратнику истины, случися ныне, святителем бо, рек, подоба есть жительствовати по святым писаниям, освободил еси нас прочее от стужении, и аще бо сие возлюбять святии отци и божии святители, сами же о еже сребролюбьствовати и безчествовати и незаконновати престануть, и тебе подобными епитимии аки врачеве душевнии исцелять, и преданаго тебе отца твоего растленаго преданиа анафеме предадут, и сице и паки мир спасения Израйля божиа будеть благодатию и человеколюбием господа нашего Исуса Христа, ему же слава и поклонение вкупе с отцем и со святым духом и ныне и присно и в веки веком. Аминь.

¹⁸ Так $C_1C_2C_3$; в ркп. о. ¹⁹ Доб. не убо $C_1C_2C_3$. ²⁰ Так $C_1C_2C_3$; в ркп. осеняти. Дальнейший текст в $C_1C_2C_3$ отсутствует.

Н. А. ДВОРЕЦКАЯ

Археографический обзор списков повестей о походе Ермака¹

Повесть Саввы Есипова

Повесть Саввы Есипова имеет две редакции: основную и распространенную. Основная редакция возникла в Тобольске в 1636 г. при тобольской архиепископии в связи с официальным утверждением поминания казаков в Сибири в «неделю православия». Распространенная редакция появилась в конце XVII в. Основные различия между редакциями заключаются в следующем:

1. Распространенная редакция включает в рассказ о приходе Ермака в Сибирь сведения о «воровстве» и разбое казаков на Волге и Дону и в рассказ о гибели Ермака известия о посылке Кучумом татарина к спящим казакам, близкие аналогичным сведениям краткой повести о походе Ермака по списку БАН, 32.8.8 (в свою очередь краткая повесть о походе Ермака по списку БАН, 32.8.8 имеет очень большое сходство со статьей «О взятии Сибири» в «Новом летописце»).

2. Стилистически распространенная редакция отличается от основной большей многословностью.

3. Распространенной редакции обычно сопутствует «Описание о поставлении городов и острогов в Сибири».

Списки основной редакции обладают устойчивостью текста, но далеко не все списки сохраняют все части Повести: заглавие, предисловие, оглавление и затем в конце синодик казакам, кратко и жгато повторяющий Повесть, и сведения о составлении Повести Саввой Есиповым. Первый вид списков основной редакции — списки полные; второй вид — списки, в которых отсутствует предисловие; третий вид — списки, не имеющие синодика, среди них выделяется группа списков со вставкой о рыбах в описании природы Сибири; четвертый вид не имеет сведений об авторстве Саввы Есипова. Из 23 списков основной редакции 12 списков XVII в., 8 списков XVIII в., два — XIX в.

¹ Исследователи давно уже отмечали, что название „Сибирские летописи“, удивившееся за произведениями о походе Ермака, не соответствует их содержанию и форме (см.: С. В. Бахрушин. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М., 1928, стр. 33; А. И. Андреев. Очерки по источниковедению Сибири. XVII век. Л., 1940, стр. 142). Произведения о походе Ермака посвящены истории присоединения Сибири к Русскому государству, они являются своеобразной формой исторического повествования, в которой одновременно со старыми приемами изложения исторических событий находят место новые черты. Ближе всего к историческим повестям стоят сочинение Саввы Есипова о походе Ермака, повествование об этом же событии, составленное в строгановской канцелярии, статья «О взятии Сибири» в «Новом летописце» и многочисленные поздние переделки этих произведений.

Распространенная редакция создавалась путем включения в текст Повести Есипова известий о разбое казаков на Волге и Дону, известий, которые основная редакция тщательно обходила, и путем увеличения сведений «о поставлении градов в Сибирской земле и о создании церквей православных». Последнее достигалось присоединением к Повести Есипова «Описания о поставлении городов и острогов в Сибири» (в дальнейшем сокращенно: «Описание»). Из 29 списков этой редакции только одна группа списков (в количестве пяти) не имеет за Повестью «Описание о поставлении городов и острогов в Сибири», причем возможно, что «Описание» в этих списках сопутствовало Повести в сборниках, но не было включено в книгу, так как 4 списка из этой группы являются отдельными рукописями. Особый вид представляют списки, в которых за Повестью Есипова следуют «Описание» (до 1705 г.), послание сибирского митрополита Игнатия в Красноярск 1697 г. и перечень томских воевод до 1699 г. Другой вид списков представляют такие, где «Описание», следующее за Повестью, касается лишь событий Тобольска; этот вид списков имеет интересные добавления в текст Повести. Четвертый тип списков содержит распространенную редакцию Повести особого состава: в ней соединены особенности обеих редакций. В первом виде списков можно различить несколько групп, в зависимости от характера «Описания», следующего за Повестью Есипова: 1) списки, в которых «Описание» следует за Повестью; 2) списки, в которых «Описание» является последней главой; 3) списки, в которых «Описание» представляет собой отдельные краткие выписки; 4) списки, не имеющие «Описания».

Повесть о походе Ермака Есипова основной и распространенной редакции была издана в 1907 г. на основе 16 списков; в настоящее время известно более 50 списков этой Повести (23 списка основной и 28 списков распространенной редакции).

Повесть имела широкое распространение среди различных кругов населения сибирских городов.² Записи, сохранившиеся в списках, говорят о том, что Повесть читалась также посадскими, торговыми людьми и крестьянами Соликамска, Сольвычегодска, Устюга и Верхотурья.

Основная редакция

I вид.

1. ГПБ, Q.XVII.33, сборник, скорописью XVII в., 158 лл., в 4-ку.³ На л. 15 запись: «Сие тетради Ивашка Андреева сына по реклу Сычева Соли Камской посадцкого человека. А писал их своею рукою лета 7157 году марта в 15 день».

Заглавия Повести: 1) «О Сибири и о сибирском взятии»; 2) «О сибирстей стране, како изволением божиим взята бысть от русскаго полка, собраннаго и водимаго атаманом Ермаком Тимофеевым и своею храброю предоброю дружиною и со единомысленною»; 3) «Начася царство бесерменское в Сибири, и чесо ради Сибирь наречеся, и како божиим изволением взята бысть от православных христиан, от русскаго воинства в наследие росийского скипетродержательства, и како победиша царя Кучума Мартазеева сына и о мужестве и о храбрости русскаго полка, собраннаго

² Г. Ф. Миллер в предисловии к русскому переводу своей «Истории Сибири» писал по поводу списков Повести Есипова: «Подлинно оных так много, что в Сибири нет такого города, в котором бы у жителей по списку или более оных не нашлось» (Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. 1. М.—Л., 1937, стр. 160).

³ Список издан в 1907 г. Археографической комиссией: Сибирские летописи. СПб., 1907, стр. 105—170.

и водимаго атаманом Ермаком Тимофеевым, и о поставлении градов в Сибирстей земли, и о создании церквей православных, еще же и о чудесех пресвятыя Владычеца наша Богородица и Приснодевы Марии, идеже содеяшася во дни и рода наша, и прочих вещей книждо изложих по главом, дане с трудом вся обрящутся»; 4) «О царстве же Сибирском и о княжении написахом, ино с летописца татарского, ино же достоверными мужи испытовах, еже добре и некосненно поведаша ми яве».

2. ГПБ, собр. Погодина, № 1624, сборник, полууставом и скорописью разных почерков XVIII в., 379 лл., в лист.⁴

Заглавия Повести те же, что 2-е и 3-е предыдущего списка.

3. БАН, собрание текущих поступлений, № 608, сборник, скорописью XVII в., 154 лл., в 8-ку.⁵ В состав сборника в числе прочих произведений входит «Летописец старых лет, что содеялось в Московском государстве». По лл. 22—28 надпись: «сия книга горола Соли Камской Ивана Леготина».

Заглавия Повести те же, что и в ГПБ, Q.XVII.33.

4. ГПБ, собр. Титова, № 3708, сборник, скорописью XVIII в., 183 лл., в 4-ку.⁶ В сборник входит «Казанская история» и «История о взятии Астрахани».

Заглавие Повести: «Описание известительное о Сибирстей стране, како изволением божим и милостию и молитвами пресвятыя Богородицы взято бысть православно-росийскими христианы у бесерменских царей царство Сибирское и со многими к нему принадлежащими ордами и со многоразличными неверными языки во обдержание росийскому скипетру мужеством и храбростию росийского воинства, собраного и водимаго атаманом Ермаком Тимофеевичем Поволского и казаков». Перед третьим заглавием обозначено: «Предисловие книги сея». Список имеет ряд добавлений: упоминаются реки Пышма и Исеть, вставлены сведения о празднике чудотворцев Петра, Алексея и Ионы; в начале Повести находится вставка из «Летописца вкратце».

5. ВБЛ, Музейный список, № 2422, сборник, скорописью XVII в., 381 лл., в 4-ку. В составе сборника «Сказание о начале Москвы», «Описание сибирского царства о дорогах по рекам и сухим путем».

Заглавия Повести: «Описание известительное о сибирской стране, как изволением божим взято бысть православными христианы у бесерменских царей»; другое заглавие такое же, как 3-е в ГПБ, Q.XVII.33.

II вид.

6. ВБЛ, Музейное собр., № 5868, сборник, скорописью XVIII в., 57 лл., в 4-ку. В составе сборника хронограф третьей редакции. Перед Повестью следует без начала краткая Повесть о походе Ермака, близкая к статье «О взятии Сибири» в «Новом летописце».

Заглавие Повести: «Главы настоящая книги сея „О Сибирстей стране“».

7. ГПБ, Русское археологическое общество, № 34, сборник, скорописью XVII в., 59 лл., в 8-ку.⁷ Нет первых листов до слов «цвети травные». В состав сборника входит «Сказание о Египте граде», «Сказание о Индии богатой и чудес». На л. 45 имеется запись: «Тетрати Стеньки Аввакумова устюжанина. Лета 7158 году, генваря в 25 день».

Заглавия Повести нет.

⁴ Список использован при издании «Сибирских летописей» (СПб., 1907).

⁵ Список указан М. Н. Мурзановой.

⁶ Список указан Н. Н. Розовым.

⁷ Список использован при издании «Сибирских летописей».

8. БАН, Археографическая комиссия, № 85, сборник, разными почерками XVII—XVIII вв., 384 лл., в 4-ку.⁸ В составе сборника: «Разные обстоятельства в царствование Федора Ивановича и венчание на царство царя Иоанна и Петра». За Повестью следуют отрывочные известия о Сибири, а затем «Сибирский летописец» (список его более полный, чем единственный, известный ранее список, изданный в 1892 г.⁹).

Заглавие Повести: «О Сибирстей стране и о взятии Сибири».

9. ГПБ, F.IV.122, сборник, скорописью XVII в., 14 лл., в лист.¹⁰ В списке нет заглавия, предисловия и оглавления; нет также части 36-й главы, главы 37 и заключения.

10. ГПБ, Q.IV.82, сборник, скорописью XVIII в., 81 лл., в 4-ку.¹¹ В сборнике находится также Повесть о походе Ермака Строгановых и «История о хинском царстве».

Заглавие Повести: «Списание о Сибирской земле».

11. ЛОИИ, Отдел древних рукописей и актов, Археографическая комиссия, № 70, сборник, скорописью XVIII в., 44 лл., в 4-ку.¹²

Заглавие Повести: «Описание о Сибирской земле».

12. ЛОИИ, Отдел древних рукописей и актов, Опись рукописных книг, № 231, скорописью XVII—XVIII вв., 105 лл., в 4-ку.¹³ В числе различных произведений в сборник включено «О настоящей беде Московскому государству и о Гришке Отрепьеве». На л. 30 записи: «Сия книга Соликамского посадукаго человека Василия Емельянова. Писал своєю рукою»; «Сия книга Соликамской Рождественской церкви дьячка Иосифа Степанова, сына Смагина».

В списке нет первых шести глав и начала седьмой.

13. ГИМ, собр. Уварова, № 312/245, копия XIX в., 123 лл., в лист.¹¹ Сборник материалов для истории Сибири. На л. 1 запись: «Сию книгу, мною в разное время собранную, подарил я в богатую библиотеку почетного гражданина Н. Н. Царского, где она может занять приличное место. Многое предполагалось списать, но списано только. Строев 1840 г.».

Заглавие Повести: «О Сибирской стране, како взята бысть от православных христиан изволением божим сиречь от русского полка волским атаманом Ермаком».

14. ГПБ, собр. Титова, № 4214, копия XIX в. списка, собр. Уварова, № 312/245, 160 лл., в лист.

Заглавие Повести то же.

15. Список, изданный в 1824 г. Г. Спасским.¹⁵ Список не имеет заглавия. Начинается с 1-й главы: «О сибирской стране и о народах». В список внесена вставка о сибирских архиепископах, заимствованная из «Описания».

16. ГИМ, собр. Щукина, № 173, повесть, скорописью XVII в., 35 лл., в 4-ку.¹⁶ Заглавие то же, что и в списке ГПБ, Q.XVII.33. На полях лл. 1—29 надпись: «Сия тетрадь Вологочкой губернии Соли-Вечегодской акруги, Задвинской четвери, Перомогоской волости, деревни Мошенской

⁸ Список использован при издании «Сибирских летописей».

⁹ А. И. Андреев. Очерки... стр. 164—165.

¹⁰ Список использован при издании «Сибирских летописей».

¹¹ Список использован при издании «Сибирских летописей».

¹² Список использован при издании «Сибирских летописей».

¹³ Список использован при издании «Сибирских летописей».

¹⁴ Список указан А. И. Андреевым (Очерки... стр. 143).

¹⁵ Рукопись списка — по-видимому, список БАН, Археографическая комиссия, № 85. Список издан в «Сибирском вестнике» (ч. I, СПб., 1824).

¹⁶ Список указан А. И. Андреевым (Очерки... стр. 143).

Евсевия Петрова сына Трифанова; а куплена в Вологде у семинариста Алексея Иванова сына Воскресенского 1802 г. ноября в 9 день». Список кончается главой 34.

III вид, 1-я группа.

17. ГИМ, собр. Уварова, № 1836 (613/416), сборник из пяти рукописей, скорописью XVII в., 125 лл., в 4-ку.

Заглавие Повести: «Тетрати о сибирском взятъе 7172 года ноября в 6 день списаны в Сибири в Тоболску при боярине и воеводах при князе Иване Андреевиче Хилкове да при Герасиме Головнине да при Семене Румянцеве». В списке нет последней главы. Список заканчивается историей составления синодика, после чего идет фраза: «а имена их в синодикe написаны. Слава Христу богу, совершившему сию книгу. Аминь». Самого синодика нет.

18. ГПБ, ОЛДП, Q.XXXVI, сборник, скорописью и полууставом XVII в., 107 лл., в 4-ку.¹⁷ Первая фраза в заглавии Повести не совпадает с предисловием списка ГПБ, Q.XVII.33: «Предисловие Сибирской стране сие и откуда начася царствовати бусорманское в Сибири...».

III вид, 2-я группа.

19. ГПБ, F.IV.76, Окладная книга Сибири, скорописью XVII в., 244 лл., в лист.¹⁸ В начале книги помещена краткая Повесть о походе Ермака, затем идет Повесть Есипова под заглавием: «Да в летописи, какова изложена бысть в лето 7145 месяца сентября в 1 день, о сибирском царстве написано». Список имеет вставку о рыбах Сибири в главе 1.

20. ГПБ, КП, 244/1944, сборник статей по истории и географии Сибири, скорописью XVIII в., 36 лл., в 4-ку. Сборник содержит «Реестр Сибирской губернии городам и что у которого города от Москвы верст», выписки из «Любопытного месяцеслова», из «Ядра Российской истории» Манкиева.

Перед Повестью помещена статья о походе Ермака, сходная со статьей «О взятии Сибири» в «Новом летописце». Повесть начинается теми же словами, что и в «Окладной книге Сибири». Она также имеет вставку о рыбах при перечислении природных богатств Сибири.

21. ВБЛ, собр. Румянцева, № 457, сборник, полууставом разных почерков конца XVII в., 931 лл., в лист.¹⁹ Сборник различного содержания: Хронограф III редакции, «Повесть о Петре и Февронии», «Начало царствия великия России московского государства государя царя и великого князя Иоанна Васильевича всея России».

Заглавие Повести: «Сказание о Сибирской стране». В Повести находится вставка о рыбах.

IV вид.

22. ГПБ, Q.XVII.79, сборник, скорописью XVII в., 586 лл., в лист. Сборник церковных и светских произведений, в числе которых — «Побоище великого князя Дмитрия Ивановича Московского, како победи поганского царя Мамаю на Дону», «Повесть об Агее царе», «Сказание о приходе крымского царя и о приступе ко граду Азову» и др. Список не имеет сведений об авторстве Саввы Есипова.

Заглавие Повести: «Сказание о Сибирской земли, откуда широту и долготу имеет и о первых царех Сибирских». Повесть отличается стилем

¹⁷ См.: Х. Лопарев. Описание рукописей Общества любителей древней письменности, ч. II. СПб., 1893, стр. 62—63.

¹⁸ Указана А. И. Андреевым (Очерки..., стр. 142, 72).

¹⁹ Список издан в 1849 г. П. И. Небольсиным (Покорение Сибири СПб., 1849, стр. 2—88).

изложения от всех других списков; кроме того, эпизод пленения знатных татар воеводой Чулковым изложен в ней иначе.

23. ВБЛ, Румянцевское собр., № 378, сборник, скорописью XVII в., 347 л., в 4-ку. Сборник различного содержания: «О поставлении Царьграда», «Убиение святых великих мучеников Бориса и Глеба», «О приходе чудотворного образа из Корсуни», «О Мамаевом побоище» и т. д.

В списке нет сведений об авторстве Саввы Есипова. Отсутствует и начало Повести; Повесть начинается рассказом «о пришествии Ермакове и прочих в Сибирь».

Распространенная редакция

1 вид, 1-я группа.

1. БАН, 16.8.6, сборник, скорописью XVIII в., 100 л., в 4-ку.²¹

Заглавие Повести: «История о Сибирстей земли о царстве и к нему принадлежащих странах, и о взятии ея атаманом Ермаком Тимофеевым, сыном Поволским, с товарищи». За Повестью следует «Описание», оканчивающееся 1742 г.

2. БАН, 17.16.3, сборник, скорописью XVIII в., 130 л., в 4-ку. Начало рукописи утеряно.

За Повестью следует «Описание», доведенное до 1713 г.

3. Архив АН СССР, ф. 21, оп. 5, № 8, копия XVIII в., 162 л., в лист.²¹

Заглавие Повести то же, что в списке БАН, 16.8.6. За Повестью следует «Описание», доведенное до 1693 г.

4. ЛОИИ, Отдел древних рукописей и актов, Описание собрания рукописных книг, № 140, сборник, скорописью XVIII в., 585 л., в 4-ку.

Начало Повести отсутствует. «Описание» представляет заметки о Сибири до 1685 г.

5. ЦГАДА, ф. 181, № 223, сборник, копия XVIII в., 400 л., в 4-ку. В состав сборника входят источники о Китае и Сибири: «История о китайском царстве», «Список великого государя сибирским печатям», «Описание дороги от Москвы до Тобольска Василия Небольсина».

Заглавие Повести то же. За ней следует «Описание» до 1694 г.

6. ГПБ, собр. Титова, № 4173, сборник, скорописью XVIII в., 137 л., в 4-ку.²² В списке на л. 28 помета: «1734 году марта дня подписал и писал сию книгу яренчанин, ленской волости житель Афанасий Никитин, сын Попов, своею рукою в бытность на Верхотурье в великий пост в неделю девятую».

Заглавие Повести отсутствует. «Описание», помещенное за повестью, кончается 1700 г.

7. ВБЛ, Музейное собр., № 9087, сборник, скорописью XVIII в., 106 л., в 4-ку.²³

В Повести недостает начала (27 л.). «Описание» доведено до 1711 г.

8. ГПБ, Q.XVII.310, скорописью XVIII в., 192 л., в 4-ку.

Заглавие Повести: «История о Сибирской земли и о царствии и к нему прилежащих странах и о взятии ея атаманом Ермаком Тимофеевым, сыном Поволским, и с его дружинами донскими казаки собранным полком». «Описание» обрывается 1586 г.

²⁰ Список использован при издании «Сибирских летописей»

²¹ Список указан А. И. Андреевым (Очерки..., стр. 151).

²² Список указан Н. Н. Розовым.

²³ Этот список под названием «викторовского» использован при издании «Сибирских летописей» (стр. XXVI—XXVIII)

I вид, 2-я группа.

9. ВБЛ, Библиотека ОИДР, № 452, сборник, скорописью XVIII в., 134 лл., в 4-ку.²⁴ Заглавие повести то же, что и в списке БАН, 16.8.6. «Описание» является последней главой повести, доведено до 1707 г.

10. ГПБ, собр. Погодина, № 1490, скорописью XVIII в., 259 лл., в 4-ку.²⁵ В состав сборника входит «Казанская история», «О царстве Астраханском».

Заглавие Повести то же, что и в списке БАН, 16.8.6. «Описание» является последней главой Повести, доведено до 1707 г.

11. ЦГАДА ф. 181, № 272/502, сборник, копия XVIII в., 160 лл., в лист.²⁶

Заглавия Повести нет. «Описание» является последней главой, доведено до 1698 г.

12. ЦГАДА, ф. 199, портфели Миллера, портфель 805, д. 4, сборник, копия XVIII века, 32 лл., в лист.²⁷

Заглавие Повести: «История с сибирстей земли и о царстве и к нему принадлежащих стран, и о взятии Ермаком Тимофеевым, сыном Поволским, с его дружиною, с донскими казаками, собранным полком в лето 7089». «Описание» является последней главой Повести, доведено до 1619 г. Особенностью Повести в этом списке является вставка в синодик отрывка из «Описания» одновременно с незаключенным перечислением имен казаков, погибших в сражениях с татарами.

I вид, 3-я группа.

13. ЛОИИ, Отдел древних рукописей и актов, Археографическая комиссия, № 24, сборник, скорописью XVIII в., 159 лл., в 4-ку. В составе «Летописец от первого славянского народа», «Летописец Московского государства», «История о царстве Астраханском».

Заглавие Повести то же, что в списке БАН, 16.8.6. Повесть по этому списку имеет более поздние названия гор и морей («Камень» заменен «Уралом», «Хвалынское» море — «Каспийским»), при перечислении рек упомянуты реки Уфа и Белая, вставлены сведения из Повести временных лет о том, что Волга впадает в Каспий «седмию десяти жерлы». Список содержит за Повестью лишь отдельные краткие выдержки из «Описания».

I вид, 4-я группа.

14. ВБЛ, собр. Ундольского, № 1248, полууставом XVIII в., 33 лл., в 4-ку.²⁸

Заглавие Повести то же, что в списке БАН, 16.8.6.

15. ГПБ, Q.XVII.157, сборник, скорописью XVIII в., 72 лл., в 4-ку.²⁹ В состав сборника входит «Повесть о появлении мощей Симеона Нового сибирского чудотворца».

Заглавие Повести то же, что в списке БАН, 16.8.6.

16. ГПБ, Q.IV.185, скорописью XVIII в., 41 лл., в 4-ку.³⁰

Заглавие Повести приписано почерком XIX в.: «История Сибирского царства и о покорении оногo под Российскую державу атаманом Ермаком Тимофеевым».

²⁴ Список указан А. И. Андреевым (Очерки..., стр. 143).

²⁵ Список указан А. И. Андреевым (Очерки..., стр. 143).

²⁶ Шифры списков, известных Г. Ф. Миллеру, опубликованы А. И. Андреевым и Н. А. Баклановой в приложении к «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера (т. 1, стр. 562—563).

²⁷ Список указан А. И. Андреевым и Н. А. Баклановой (см.: Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. 1, стр. 562—563).

²⁸ Список издан в «Сибирских летописях» (стр. 171—240).

²⁹ Список использован при издании «Сибирских летописей».

³⁰ Список использован при издании «Сибирских летописей».

17. ГПБ, собр. Титова, № 4214, сборник, копия XIX в., 162 лл., в лист. Заглавие Повести отсутствует.³¹

18. ГИМ, собр. Уварова, 1404 (123), скорописью XVII в., 53 лл., в 4-ку.³²

Заглавие Повести то же, что в списке БАН, 16.8.6. Повесть имеет ряд дополнительных сведений: в главе о приезде казаков в Москву упоминается боярин Никита Романович; атаман, посланный в Москву, назван Иваном Кольцо; интересно выделение из среды татар мурз, мулл и «протчих лутчих людей».

II вид.

19. ГПБ, Q.IV.26, сборник, скорописью XVII в., 154 лл., в 4-ку.³³

Заглавие Повести отсутствует. За Повестью следуют «Описание» (до 1705 г.), послание сибирского митрополита Игнатия в Красноярск 1697 г. и перечень воевод г. Томска до 1699 г.

20. ГПБ, собр. Погодина, № 1491, сборник, скорописью XVIII в., 174 лл., в 4-ку.³⁴

Заглавие Повести то же, что в списке ГПБ, Q.XVII.310. За Повестью следуют «Описание» (до 1705 г.), послание сибирского митрополита Игнатия в Красноярск 1697 г. и перечень воевод г. Томска до 1699 г.

21. ГПБ, F.IV.858, сборник, скорописью XVIII в., 154 лл., в лист.³⁵ В состав сборника входит «Казанская история».

Заглавие Повести то же, что в списке ЦГАДА, ф. 199, портфели Миллера, портфель 805, д. 4. За Повестью следуют «Описание» (до 1705 г.), послание митрополита Игнатия и перечень воевод г. Томска.

22. ГИМ, собр. Забелина, № 184 (126), сборник, скорописью XVIII в., 174 лл., в 4-ку.³⁶

Заглавие Повести то же, что в предыдущем списке. За Повестью следуют «Описание» (до 1705 г.), послание митрополита Игнатия и перечень томских воевод.

23. Архив АН СССР, ф. 21, оп. 5, № 8, сборник, копия XVIII в., 162 лл., в лист.³⁷

Заглавие Повести то же, что в списке ГПБ, F.IV.858. За Повестью следуют «Описание» (до 1705 г.), послание митрополита Игнатия и перечень томских воевод.

III вид.

24. БАН, 32.8.8, сборник, южнорусской скорописью XVIII в., 210 лл., в лист. На л. 1 запись: «Манускрипт малороссийского письма, содержащих, во-первых, реляции географические на польском языке, а при том история о взятии Казани, Астрахани и Сибири. Прислана в Академию от профессора Шлецера и в императорскую библиотеку принята майя 24 дня 1767 года». Повесть находится среди различных произведений о Сибири: «Описание Сибирской страны из древних лет в космографиях», «Дорога Московская через Тюмень в слобы и степь», «Описание херографии от града Тобольска» и др.

Заглавие Повести то же, что в списке БАН, 16.8.6. За Повестью следуют «Краткое описание о Сибирстей земли и о походе атамана Ермака», затем «Описание», доведенное до 1730 г. и касающееся событий

³¹ Список является копией списка собрания Титова № 4173.

³² Список указан А. И. Андреевым (Очерки..., стр. 143)

³³ Список использован при издании «Сибирских летописей»

³⁴ Список использован при издании «Сибирских летописей»

³⁵ Список использован при издании «Сибирских летописей».

³⁶ Список указан А. И. Андреевым (Очерки..., стр. 155)

³⁷ Список указан А. И. Андреевым (Очерки..., стр. 151).

только г. Тобольска. В Повесть внесены добавления: в главу 12 — сведения о пушке Кучума, в главу 24 — новый вариант рассказа о гибели Ермака.

25. Архив АН СССР, ф. 21, оп. 5, № 38,³⁸ сборник, копия XVIII в., 87 л., в лист.

Повесть находится в составе тех же произведений и имеет те же особенности.

IV вид.

26. ВБЛ, МДА, № 144, сборник, скорописью разных почерков конца XVII—начала XVIII в., 179 л., в 4-ку.³⁹ В состав входят краткая Повесть о походе Ермака, отрывок из чертежа Сибири 1667 г. На л. 1 записи и заметки: «Сия книга боярина Михаила Петровича Головина»; на л. 2: «Книга истории о Сибирском царстве дана в Троицкую Сергиеву лавру вкладом морского флоту от поручика Сергея Автономовича Головина 1744 году».

Заглавие Повести: «О Сибирстей стране и о начале, где царие царствоваху и князи князяху прежде прозвания Сибири, и како прозвася Сибирская вся земля, и о взятии Сибири православноросийскими людми, и о преславной победе, богом дарованней на безбожных агарян, и о бывших временах в Сибири по взятии паче же в богоспасаемом начальнейшем граде Тоболске, и о поставлении того града Тоболска и протчих Сибирских градов». Особенности Повести: 1) список имеет некоторое сходство с основной редакцией Повести; 2) в нем отсутствуют синодик и глава об исправлении Повести; 3) начало Повести заимствовано из «Казанской истории»: «Красные убо и новые повести сия достоит нам радостно послушать...». За Повестью следует «Описание», оканчивающееся 1690 г., когда воеводой в Тобольске был Алексей Петрович Головин, под заглавием: «Книга сколько в Сибири в Тоболском и во всех сибирских городах и острогах с начала взятя атамана Ермака Тимофеева, в котором году и кто имяны бояр и околничих и писменных голов и с прописью подъячих бывало».

27. ВБЛ, Музейное собр., № 7564, сборник, скорописью XVIII в., 415 л., в 4-ку. В сборнике помещены краткая Повесть о походе Ермака, отрывок из чертежа 1667 г.

Заглавие и особенности Повести те же. За Повестью следует «Описание» (до 1687 г.) под заглавием: «Выписано из сибирской книги, сколько в Тобольске и во всех городах сибирских и острогах с начала взятя атаманом Ермаком Тимофеевым, в котором году и при которых боярах и стольниках и воеводах, какие грады и остроги построены и о протчем».

28. ГПБ, Эрмитажное собр., № 376, сборник, копия XIX в. сборника ВБЛ, МДА, № 4, 179 л., в 4-ку.⁴⁰

Повесть о походе Ермака Строгановых

Повесть о походе Ермака, излагающая события его похода с точки зрения богатых промышленников и купцов Строгановых, дошла до нас в трех редакциях: основной, распространенной и краткой.

Распространенная редакция значительно отличается от основной.

1. В ней обнаруживается резкая зависимость от Повести Есипова. а) распространенная редакция вместо рассказа о татарских ханах имеет

³⁸ Список указан А. И. Андреевым (Очерки..., стр. 151).

³⁹ Список известен был издателям «Сибирских летописей», но не использован при издании (См.: Сибирские летописи, стр. XXXI—XXXIV).

⁴⁰ Список указан А. И. Андреевым (Очерки..., стр. 154).

лишь следующее заглавие: «Глава 14. Сказание Сибирской земли о царех и князех, как и откуда начашеся и чего ради Сибирь именуется. Писано о том довольно в первом переводе в главе 2» (как известно, 2-я глава Повести Есипова посвящена истории сибирских ханов); б) в распространенную редакцию входят эпизоды, которые имеются лишь в Повести Есипова: об окончательной победе над Кучумом, о присылке пленного Маметкула в Москву уже после смерти Ивана IV; в) в распространенной редакции после заключения следуют еще две главы: «Дитриха храбрым ратоборцам Ермаку Тимофееву с товарищи» и «О первом архиепископе в граде Тобольске».

2. В распространенной редакции заметно также влияние фольклорных источников: а) отдельные слова и выражения: «атаманишко волжских казачишков», «татаршики» и т. д.; б) концовка «дитрихи» казакам: «Такова, братие, сия дивная повесть написеся во славу божию, а в пользу чтущим, состаревшимся людям на послушание, а молодым людям в научение и поощрение, а глаголющим многово разума на внимание, воином на храбрость, а древним на память»; в) включение в состав Повести песни «Ермак взял Сибирь».

3. Одновременно со всеми этими добавлениями и вставками в распространенной редакции можно обнаружить текст, более правильно читающийся: отсутствие вставки о Семене Строганове в рассказе о награждении Строгановых и вставки о Строгановых в главе «о яшашном сборе».

Краткая редакция является сокращенным изложением основной редакции Повести Строгановых. Идейная направленность Повести при этом значительно снижается; это доказывает, что краткая редакция возникла не раньше, а позже основной. При издании повестей о Сибири было использовано девять списков, в настоящее время их известно шестнадцать, списки в основном XVII и XVIII вв. (7 списков XVII в., 7 — XVIII в., 2 — XIX в.).

Основная редакция

1. ГПБ, поступления 1930 г., № 13, сборник, скорописью XVII в., 684 лл., в 4-ку.⁴¹ Состав сборника: «Казанская история», «О послании на Астраханское царство царя Дербыша в 1554 г.».

Заглавие Повести: «О взятии Сибирския земли, како благочестивому государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Русии подарова Бог Сибирское государство ему государю обладати и победити Муртазелиева сына Кучума салтана сибирского и сына его царевича Маметкула взяти жива, и како просвети Бог Сибирскую землю святым крещением и святыми Божиими церквами и утверди в ней святительский престол архиепископию».

2. ГПБ, F.IV.123, повесть, скорописью XVIII в., 10 лл., в лист.⁴²

Заглавие: «О взятии Сибирския земли, како благочестивому государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Русии подарова бог Сибирское государство обладати ему государю, и победити ему Муртазелиева сына Кучума, салтана Сибирского, и сына его, царевича Маметкула, взяти жива, и како просвети бог ту Сибирскую землю святым крещением святыми Божиими церквами».

3. ГПБ, собр. Погодина, № 1489, сборник, скорописью разных почерков XVIII в., 250 лл., в лист.⁴³ Содержание: «Казанская история», статья о приходе турков и татар под Астрахань в 1569 г.

⁴¹ Список издан в 1907 г. (Сибирские летописи, стр. 1—46)

⁴² Список был использован издателями «Сибирских летописей»

⁴³ Список использован при издании «Сибирских летописей».

Заглавие Повести то же.

4. ГПБ, Q.IV.217, сборник, скорописью XVII в., 332 лл., в 4-ку. Перед Повестью помещена «Казанская история».⁴⁴

В Повести нет первых трех глав. Она начинается с прихода казаков в Чусовские вотчины. Заглавие Повести: «Сказание о взятии града Сибири и о поставлении Чусовских городкех».

Распространенная редакция

5. ГИМ, собр. Уварова, № 312/245, копия XIX в., 123 лл., в лист.

Заглавие Повести «Исторія о Сибистей земли. Ин перевод». Единственно в этом списке читается правильно вторая половина песни, вставленной в текст Повести: «... а шел тот посол под Астрахань с государевою казною великою денежною и пороховой до Шевкал...».⁴⁵

6. ГПБ, собр. Титова, № 4214, копия списка ГИМ, собр. Уварова, № 312/245.

7. ЛОИИ, Отдел древних рукописей и актов, Археографическая комиссия, № 70, скорописью XVIII в., 44 лл., в 4-ку.⁴⁶ Заглавие Повести то же.

8. ГПБ, Q.IV.82, скорописью XVIII в., 81 лл., в 4-ку.⁴⁷ Заглавие Повести то же.

Особый вид распространенной редакции — промежуточный список, включающий сведения основной и распространенной редакции

9. ГПБ, собр. Титова, № 2045, повесть, скорописью XVIII в., 19 лл., в 4-ку.

Заглавие Повести: «Сказание Сибирския земли о царех и князех, как и откуду начашеся и чего ради Сибирь именуется».

Краткая редакция

10. ЦГАДА, ф. 181, Московский архив Министерства иностранных дел, № 51/71, сборник, скорописью конца XVII—XVIII в., 203 лл., в лист.⁴⁸ Содержание: «Казанская история», «О истории Псковской вкратце». На л. 1 запись: «Книга сия принадлежала преосвященному Афанасию, Архиепископу Колмогорскому, а в Архив дошедшая от Платона Мусина-Пушкина».

Заглавие Повести: «О взятии Сибирском».

11. ВБЛ, собр. Румянцева, № 259, сборник, скорописью XVII в., 134 лл., в лист.⁴⁹

Заглавие Повести то же.

12. ГИМ, собр. Барсова, № 1852, полууставом XVIII в., 1049 лл., в лист.

Заглавие Повести то же.

⁴⁴ Список использован при издании «Сибирских летописей».

⁴⁵ Во всех остальных списках это место читается так: «... аще ль тот посол под Астрахань с его государевою великою казною денежного и пороховой дошел...».

⁴⁶ Список использован при издании «Сибирских летописей».

⁴⁷ Список использован при издании «Сибирских летописей».

⁴⁸ Принят за основной список краткой редакции в «Сибирских летописях» (стр. 97—104).

⁴⁹ Список известен издателям «Сибирских летописей».

13. ГПБ, собр. Титова, № 4255, сборник, скорописью XVIII в., 428 лл., в 4-ку.

Заглавие Повести: «О Сибирском взятии».

14. БАН, 1.41, сборник, скорописью XVII в., 177 лл., в 4-ку.

Заглавие Повести то же.

15. БАН, 16.17.31, сборник, скорописью XVII в., 325 лл., в 4-ку.⁵⁰

В основной текст почерком XVIII в. на полях сделаны приписки. Заметки на полях являются выписками из трех произведений: «Нового летописца», основной редакции Повести Строгановых и основной редакции Повести Есипова.

16. ГПБ, F.XVII.15, скоропись XVII в., 371 лл., в лист.⁵¹

Сборник различного содержания, в состав его входит «Казанская история».

Заглавие Повести: «О взятии царства Сибирского».

Краткие и смешанные повести о походе Ермака

В рукописных хранилищах Москвы и Ленинграда обнаружен 21 список кратких и смешанных повестей о походе Ермака. Списки относятся к XVII и XVIII вв. Шесть списков этих кратких и смешанных повестей в издании 1907 г. отнесены к краткой редакции Повести Есипова. Между тем большинство списков содержит повести, являющиеся позднейшими переработками Повести Есипова; особую группу составляют списки краткой повести, представляющие собой статью «О взятии Сибири» «Нового летописца», или списки, содержащие повесть, чрезвычайно близкую этой статье. Списки этой краткой повести можно объединить в три группы: I группа — списки, сохранившие текст первоисточника более полно, чем статья «О взятии Сибири» в «Новом летописце»; II группа — списки статьи «О взятии Сибири», «Нового Летописца»;⁵² III группа — списки статьи «О взятии Сибири» в позднейших редакциях «Нового летописца».

Краткая повесть, содержащаяся в списках трех групп, ведет свое начало не от Повести Есипова, а от повести о походе Ермака, составленной до нее, по-видимому, при первом сибирском архиепископе Киприане (1621—1624 г.).

Повести, являющиеся позднейшими переработками Повести Есипова, наглядно показывают, что изменение этой официальной Повести шло по следующим направлениям: сокращение глав, выражающих идейное содержание Повести Есипова; включение сведений о Строгановых; расширение сведений о Сибири; использование фольклорного материала.

Несмотря на большое разнообразие и различие списков можно установить довольно точно несколько видов кратких и смешанных повестей: I группа — списки, соединяющие сведения «Нового летописца» и Повести Есипова основной редакции; II группа — списки, соединяющие сокращенное изложение основной редакции с таким же изложением ряда сведений распространенной редакции; III группа — списки, представляющие сокращенное изложение основной редакции Повести Есипова, с присоединением сведений из других, не дошедших до нас источников; IV группа — списки, соединяющие сведения Повести Есипова и Повести Строгановых.

⁵⁰ Список указан А. И. Андреевым (Очерки..., стр. 143).

⁵¹ Список использован при издании «Сибирских летописей» (стр. 97—104).

⁵² Мы не ставили задачей изучение всех списков «Нового летописца», поскольку списков этих очень много. Просмотренные нами 18 списков основной редакции «Нового летописца» свидетельствуют о том, что статья «О взятии Сибири» не подвергалась в них изменению и в основном сходна со статьей списка, изданного в XIV т ПСРА

**Повести, восходящие к статье «О взятии Сибири»
в «Новом летописце»**

I группа.

1. БАН, 32.8.8, сборник, скорописью XVIII в., 200 л., в лист.⁵³

Заглавие повести: «Краткое описание о Сибирстей земли и о походе нии атамана Ермака». В списке нет встречающейся во всех других списках краткой повести о походе Ермака, вставки о призвании казаков с Волги в вотчины Строгановых.

2. Архив АН СССР, ф. 21, оп. 5, № 38. Копия XIX в., 87 л., в лист. Список — копия сборника БАН, 32.8.8.

3. ВБЛ, МДА, № 144, скорописью разных почерков XVIII в., 179 л., в 4-ку.⁵⁴

Заглавия повести нет.

II группа.

1. ВБЛ, Музейное собр., № 10918, скорописью XVIII в.
2. ВБЛ, Музейное собр., № 8973, скорописью XVII в.
3. ВБЛ, Музейное собр., № 8500, скорописью XVII в.
4. ВБЛ, Музейное собр., № 8628, скорописью XVIII в.
5. ВБЛ, Румянцевское собр., № 258, скорописью XVIII в.
6. ВБЛ, Румянцевское собр., № 364, скорописью XVII в.
7. ВБЛ, ОИДР, № 427, скорописью XVIII в.
8. ВБЛ, собр. Овчинникова, № 482, скорописью XVII в.
9. ГИМ, собр. Уварова, № 1394, скорописью XVIII в.
10. ГИМ, Музейное собр., № 2097, скорописью XVIII в.
11. БАН, Архангельское собр., д. 410, скорописью XVII в.
12. БАН, Архангельское собр., д. 412, скорописью XVII в.
13. БАН, 32.12.9, сборник, скорописью XVIII в.
14. БАН, 19.1.5, сборник, скорописью XVIII в.
15. БАН, 16.4.1, сборник, скорописью XVIII в.
16. ГПБ, СПб. духовная академия, № 311, скорописью XVII в.
17. ГПБ, собр. Титова, № 2563, скорописью XVII в.
18. ГПБ, Отдел древних рукописей и актов Института истории, Археографическая комиссия, № 24, скорописью XVIII в.

III группа.

1. «Новый летописец» по списку Оболенского.⁵⁵ В списке упоминается Иван Самоедов и Иван Онучин; первые воеводы приходят в Сибирь уже после гибели Ермака.

2. ВБЛ, ОИДР, № 358, скорописью XVII в., 163 л., в лист.⁵⁶

Список повести имеет те же особенности.

3. ВБЛ, собр. Румянцева, № 259,⁵⁷ сборник, скорописью XVII в., 134 л., в лист. «Новый летописец» соединен со Степенной книгой.

Статье «О взятии Сибири» в «Новом летописце» (статья без начала) предшествует краткая редакция Повести о походе Ермака Строгановых.

4. ГИМ, собр. Барсова, № 1852, полууставом XVII в., 1049 л., в лист.

Список имеет те же особенности.⁵⁸

⁵³ Список был использован при издании «Сибирских летописей», но подлинник его до сих пор считался утерянным (см.: Сибирские летописи, стр. XXXIV).

⁵⁴ Список издан в 1907 г. (Сибирские летописи, стр. 306—311).

⁵⁵ Напечатан в 1853 г.: Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича, изданный по списку кн. Оболенского. М.

⁵⁶ Список отмечен Л. В. Черепнинным («Смута» и историография XVII в. Исторические записки, № 14. М., 1945, стр. 114).

⁵⁷ Список указан Л. В. Черепнинным («Смута» и историография XVII в., стр. 109).

⁵⁸ Список указан Л. В. Черепнинным («Смута» и историография XVII в., стр. 109).

Позднейшие переработки Повести Саввы Есипова

I группа.

1. ГПБ, СПб. духовная академия, № 313, сборник, скорописью XVIII в., 83 л., в 4-ку.⁵⁹

Заглавие повести: «Сказание о взятии царства Сибирского от донского атамана Ермака с товарищи в 7088 году, о присылке на воеводство князя Семена Волконского, и о поставлении града Тобольска, и окончено чертежом всея Сибири». Повести Есипова, которая начинается с 7-й главы, предшествует статья «Нового летописца», дополненная сообщениями из какого-то другого источника. В основном эти дополнения представляют собой сведения о пребывании Ермака в вотчине Максима Строганова.

2. ГПБ, Ф.XVII.21, полууставом конца XVII в., 942 л., в лист.⁶⁰ Содержание сборника: Хронограф (русские известия доведены до 1674 г.); «Летописец вкратце», «Ведомость о китайском государстве»; «перевод с книги, именуемый «Водный мир», «История из Римских деяний» и другие произведения.

Повесть Есипова доведена до 6-й главы, после чего следует текст «Нового летописца». При описании Сибири в список вставлены сведения о рыбах Сибири и перечислены народности, обитающие не только в Западной, но и в Восточной Сибири. Заглавия Повесть не имеет. Она начинается непосредственно текстом «Летописца вкратце»: «Во времена же те бысть на восточную страну царство, рекомое Сибирское, по древнему Скифь, о ней же вкратце речено в книге сей назади в лето Александра Македонского царя 3113 году». За этим следует текст 1-й главы Повести Есипова: «А от царьствующего града Москвы...».

II группа.

3. ВБЛ, собр. Румянцева, № 416, 279 л., скорописью XVIII в., в лист. Список входит в состав Степенной книги, имеющей заглавие: «Княжение великого князя Иоанна Васильевича в России, выписано из степенной книги князя Василия Урусова со изъятием избыточествственных речений».

Заглавие Повести о походе Ермака: «О Сибирской земле и о стране той». Список начинается короткой выпиской из «Летописца вкратце»: «Царство Сибирское, а по древнему Скифь, на полуночной стране близь востока от царствующего града Москвы, от Росийской земли, яко до двю тысячу поприщ суть». Далее следует текст Повести Есипова до главы 5 с теми же добавлениями, что и в списке Ф.XVII.21. Вторая часть списка имеет заглавие: «О прилучении Сибирского царства к Росийскому государству» и представляет собой сокращенную, без начала и без конца, распространенную редакцию Повести Есипова с включением сведений из «Нового летописца».

4. ЦГАДА, ф. 181, Московский архив Министерства иностранных дел, № 272/502,⁶¹ копия XVIII в., 160 л., в лист.

В списке соединены сведения о Строгановых по «Новому летописцу» с сокращенным изложением похода Ермака по Повести Есипова. Повесть оканчивается известием о гибели Кучума. В конце Повести имеется приписка о постановлении в Сибири в 1621 г. первого архиепископа Киприяна и о заселении Сибири. Заглавие Повести: «О сибирском царстве, как оно под российское владение получено».

⁵⁹ Список был известен А. И. Андрееву, но отнесен им к списку типа «Окладной книги Сибири» (см.: А. И. Андреев. Очерки..., стр. 142).

⁶⁰ Повесть, близкая повести по списку Ф.XVII.21, напечатана в Продолжении ДРВ ч VII, 1790, стр. 180—198.

⁶¹ Список указан А. И. Андреевым (Очерки..., стр. 149—151).

5. Архив АН СССР, ф. 21, оп. 5, № 14, копия XVIII в., 23 лл. в лист.⁶²

Заглавие Повести: «История о Сибирской земле, как пришла под державу Российской империи». Список представляет собой сокращенную, но с большим добавлением о границах Сибири, о ее городах и народностях Повесть Есипова. В Повесть вставлены также сведения о разбоях казаков, близкие сведениям «Нового летописца», но с целым рядом отличий. Повесть заканчивается изложением прихода в Сибирь воевод Сукина и Мясного. Затем идут сведения о постройке Тары в 1588 г., Пельма — 1591 г., известия 1598, 1700 и 1721 гг., заимствованные из «Описания о поставлении городов и острогов в Сибири».

6. ГПБ, F.IV.165, скорописью XVII в. 754 лл., в лист. Хронограф III редакции.

Заглавие Повести: «О Сибирском царстве и о царях того великого царства». Список включает сокращенный текст Повести Есипова с рядом добавлений из других источников. В список включены сведения о разбоях казаков на Волге; другим значительным добавлением является вставка «о жителях, о разных зверях и змиях и птицах дивных, сие обретаются в том Сибирском царстве».

III группа.

7. ЛОИИ, Отдел древних рукописей и актов. Опись рукописных книг, № 223, скорописью разных почерков XVIII—XIX в., 49 лл., 4-ку.⁶³ На лл. 1, 18, 48 имеются записи, из которых явствует, что сборник принадлежал крестьянину Половодовского волосного правления, Харюшинской сотни; соликамскому мещанину Афанасию Ивановичу Бузунову; подарен в 1815 г. и подписан мещанином Григорием Бабиновым.

Заглавие Повести: «Сказание Сибирской земли». Повесть представляет собой сокращенное изложение похода Ермака по Повести Есипова с рядом добавлений из различных источников; таковы, например, сведения о пребывании Ермака в вотчине Максима Строганова. Список особенно интересен биографией Ермака, помещенной в конце Повести.

8. ГИМ, собр. Забелина, № 514/436, сборник, скорописью XVIII в., 323 лл., в лист.

Заглавие Повести: «История о взятии Сибирской земли». Список имеет те же особенности и отличия.

9. ГПБ, собр. Погодина, № 1604, сборник, скорописью разных почерков XVII в., 885 лл., в 4-ку.⁶⁴

Заглавие Повести: «Повесть летописная, откуда начася царство бисерменское в Сибири и чесо ради наречеся Сибирь и како божиим повелением взята бысть православными хрестьяны, и како в Сибири бусюрманская вера умалилась, а провославная крестьянская вера распространилась». Список является сокращенной Повестью Есипова с изменениями и дополнениями: приход первых воевод (так же как в III группе) отнесен ко времени после гибели Ермака; в главу о царе Кучуме внесена вставка о нападении Кучума и палымского князя Аплыгарыма на русские поселения; два раза упоминается казак Черкас Александров.⁶⁵ В конце списка помещены сведения о сыновьях Кучума и имеется приписка: «а как они (сыновья Кучума, — Н. Д.) взяты, тому письмо есть в Посольском приказе».

⁶² Список указан А. И. Андреевым (Очерки..., стр. 151).

⁶³ Список был издан в 1907 г. Археографической комиссией (Сибирские летописи, стр. XXVIII—XXIX).

⁶⁴ Список опубликован в 1907 г. в «Сибирских летописях».

⁶⁵ Из грамот известно, что Черкас Александров в качестве атамана тобольских служилых конных татар участвовал в окончательном разгроме Кучума на Оби в 1598 г. (см.: Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. 2. М., 1941, стр. 456).

10. Ученый архив географического общества СССР, раздел 114, оп. 1, № 107, сборник, скорописью XVIII в., 57 лл., в 4-ку.⁶⁶

Заглавие Повести: «Летописец Тобольский о Сибирской стране». Повесть заканчивается гибелью Кучума и прославлением распространения «православных христиан в Сибири». Список имеет продолжение — в нем изложены события Сибири до 1707 г.⁶⁷ Список представляет собой сокращенную Повесть Есипова с некоторыми добавлениями: так, внесены новые известия в описание обычаев жителей Сибири, в описание природы Сибири; отмечено в главе «о Карачине улусе», что казаки остановились у «Княжей речки»; имеются сведения о том, что Кучум был взят русскими в плен вместе с царевичами и царицами, но бежал, «небрежением стражей своих», и другие добавления. Годы приводятся и от «сотворения мира» и от «рождества Христова». В текст Повести вставлен рассказ о превосходстве русского оружия, имеющийся в Повести Строгановых.

IV группа.

11. ВБЛ, собр. Румянцева, № 379, сборник, скорописью XVII в., 449 лл., в 2-ку.⁶⁸

Заглавие Повести: «О Сибірі». Список не имеет конца: последняя фраза оборвана на половине. Повесть является сокращенным изложением Повести Есипова с включением сведений о разбое казаков на Волге и сведений «инога летописца» о пребывании казаков в вотчинах Строгановых.

12. ВБЛ, Музейное собр., № 10436, сборник, скорописью XVIII в., 24 лл., в 4-ку. В состав сборника входят ряд известий о Сибири: «об архиепископах, который после которого быша на престоле в Сибири» (оканчивается известием о поставлении митрополита Корнилия в Сибирь в 1669 г.); «розряд царева сибирским градом и пригородам и реками тоболского, тюменского и иных сибирских городов».

Заглавие Повести: «О стране Сибирской и о Ермакове взятъе». Список имеет те же особенности. Конец Повести в нем сохранился.

13. ВБЛ, № 128, скорописью XVIII в., 220 лл., в лист.⁶⁹ Заглавие сборника: «Книга глаголемая летописецъ великия земли российские славянскаго языка, отколе и в кои лета начаша бысть великия князи и цари, и когда крещение прият Росийская земля». Сборник разнообразного материала. Для начальных статей источником служит Хронограф, Степенная книга, Житие митрополита Филиппа, для событий XVII в. основной источник — «Летопись о мятежах». Повесть входит в состав этого произведения.

Заглавие Повести: «Сказание о Сибирском царстве и о взятии». Список имеет те же особенности, не закончен, подобно списку ВБЛ, собр. Румянцева, № 379.

14. ЛОИИ, Отдел древних рукописей и актов, собр. Лихачева, № 28, скорописью начала XVIII в., 27 лл., в 4-ку. Заглавие Повести: «Слово о Сибирской стране». Соединение сведений Повести Есипова и Повести Строгановых. Интересна добавлениями, заимствованными из источников, до нас, по-видимому, не дошедших. Таковы сведения о татарских ханах, о нападении казаков на воеводу Григория Засекина, рассказ от лица казаков о пребывании их в вотчине Никиты Строганова, сведения о продвижении казаков в Сибирь.

⁶⁶ Список издан в 1907 г. Археологической комиссией (Сибирские летописи, стр. 241—260).

⁶⁷ Издатели «Сибирских летописей» это продолжение опустили

⁶⁸ Список опубликован П. И. Небольсиным (Покорение Сибири, стр. 2—85) и Археологической комиссией в 1907 г. (Сибирские летописи, стр. 260—270).

⁶⁹ См.: Л. В. Черепнин. «Смута» и историография XVII в., стр. 112.

А. П. ЕВГЕНЬЕВА

Два новых текста XVIII в. былины о Михаиле Потыке

Собирание старинных рукописей и изучение имеющихся рукописных собраний обогащает наши сведения о жизни устных народных произведений. За последние десять лет были опубликованы 7 былинных текстов XVII—XVIII вв., обнаруженных в рукописных сборниках. Вместе с известными ранее это составляет 29 текстов¹ (не считая текстов в Сборнике Кирши Данилова, занимающего особое место по содержанию и характеру записей). Эти 29 текстов представляют собой одиночные произведения, включенные в рукописные сборники различного содержания, или, что реже, находятся в отдельных самостоятельных тетрадочках.

Одиночные тексты былин имеют большой интерес не только для истории устного народного творчества, но и для проблемы связей и отношений между устной и письменной литературой. Известные в настоящее время 29 текстов (включаем сюда былины и тексты былинного содержания) не совпадают по количеству сюжетов, их девять: 1) былина об Илье Муромце, 2) былина о Михаиле Потыке, 3) былина о Ставре Годиновиче, 4) былина об Иване Годиновиче, 5) былина об Алеше и Тугарине, 6) былина о Михаиле Даниловиче, 7) былина о Сухане, 8) Сказание о киевских богатырях, 9) стоящий особняком текст об «отликом добром молодце».

Наибольшим количеством текстов представлены былина об Илье Муромце (11 текстов) и былина о Михаиле Потыке (4 текста). Ниже публикуются еще 2 текста былины о Михаиле Потыке, до сих пор не известные в литературе; таким образом, в настоящее время мы располагаем шестью текстами этой былины, находящимися в рукописных сборниках XVII—XVIII вв.

Сопоставление различных текстов одного и того же сюжета раскрывает процесс переработки устного произведения и вхождения его в письменную традицию. Уже с начала XVII в., когда в рукописных сборниках появляются записи былин (возможно, и ранее) судьба этих одиночных произведений — все более глубокое вхождение в новый для них ряд книжных, письменных произведений, совершающееся почти при каждом последующем копировании.

Очень характерны в этом отношении тексты былины о Михаиле Потыке. Как сказано выше, их шесть вместе с публикуемыми здесь двумя текстами:

1. ГПБ, Буслаевский сборник, О.XVII.44, конца XVII в. Опубликован 2 раза: 1) Л. Н. Майковым (Материалы и исследования по старинной

¹ См. статью Б. М. Соколова «Былины старинной записи», в которой были подведены итоги тому, что было найдено из старых записей былин после публикации Н. С. Тихонравова, и публиковались новые тексты. Из опубликованных Б. М. Соколовым текстов мы не считаем двух, относящихся к началу XIX в. (см.: Этнография, № 1—2, 1926; №№ 1, 2, 1927).

русской литературе, III, СПб., 1891), 2) Н. С. Тихонравовым и В. Ф. Миллером (*Русские былины старой и новой записи*. М., 1894).

2. ВБЛ, Тихонр. 361, около 1740 г. Опубликовано в статье Н. С. Тихонравова «Пять былин по рукописям XVIII в.» (*Этнографическое обозрение*, 1891) и перепечатан в сборнике «Русские былины старой и новой записи» (М., 1894).

3. ВБЛ, Тихонр. 399, около 1744 г. Опубликовано в тех же изданиях, что и предыдущий.

4. ГИМ, сборник Забелина, № 536, конца XVIII в., опубликованный Б. М. Соколовым в статье «Былины старинной записи».

5. ВБЛ, собр. Овчинникова, № 522, 1738 г. Публикуется ниже.

6. БАН, 26.8.41, середина XVIII в. Публикуется ниже.

Описания четырех первых текстов сделаны их издателями, остановимся поэтому на двух последних.

Большой интерес представляет текст из собрания Овчинникова.

Это сборник, в 4-ку, писан полууставом, на 166 лл., состоит из тетрадей и имеет три даты: 1738 г. — дата при тексте былины о Потыке, на следующих за ней листах: 1749 и 1766 гг. Водяные знаки: литеры «Р. Ф.» в раме (л. 2), трезубец, литеры «Н. К.» в раме (л. 20), медведь на щите (лл. 146, 147). На листах, содержащих текст былины о Потыке, водяных знаков нет. На первом листе сборника надпись: «Владимирской губернии Суздальской округи вотчины господина Трегубова, еще тумской округи купца Пётра Феодорова Шиломова... (?) Пеетра Алексеича... (неясно) купиль (?) Владимирской округи Сьнатроицкому уезду (?)». В сборнике 11 статей: 1) Сказание о Бове королевиче, 2) Об индейском царстве, 3) Сказание о зверях и птицах, 4) Космография, 5) Слово о Сампсоне Пресильном, 6) Сказание о трех богатырях земли светорусские: о Илье Муромце, о Иване Потыке, о Алеше Поповиче, 7) Прение скomorоха с жидовином, 8) Летописец от 1679 г. (годы 1154—1676), 9) Беседа царя Давида с Володом Волотовичем, 10) Беседа святых отцов, 11) Беседа трех святителей.

Второй публикуемый здесь текст (рукопись БАН, 26.8.41) представляет собой маленькую тетрадку, в 8-ку, состоящую из 16 листов, писанную скорописью XVIII в. По почерку и бумаге может датироваться серединой века, в крайнем случае началом второй половины XVIII в. Верхняя часть первого и нижняя последнего листов очень потемнели. В 1940 г., когда была сделана копия этого текста, можно было прочесть довольно свободно первый лист, в настоящее время прочесть уже нельзя. Текст имеет надпись, идущую по одному слову в верхней части лл. 3—8, 10—16: «Ферапонтова Бълоезерского монастыря дяконова сына Василья Соколова. Писал онъ самъ, а подписал того жь месяца». Текст носит следующее название: «Сказание о трехъ богатырѣхъ киевскихъ, о славныхъ витезехъ, о Илье Муромце, и о Михайлѣ Потокѣ Ивановиче, и о Олеше Поповиче». Наиболее ранний текст конца XVII в., опубликованный Л. Н. Майковым, по словам его первого издателя и Н. С. Тихонравова, представляет собой запись по памяти или с «пословесной» передачи. Это заявление подтверждается и более углубленным анализом языка текста XVII в., в котором очень незначительны нарушения в стихе, сохранена вся обрядность устного произведения и отражены диалектные особенности с такой яркостью, что без особого труда можно локализовать текст.

Б. М. Соколов в названной выше статье, публикуя текст былины о Потыке из Забелинского сборника конца XVIII в., высказал предположение, что и текст XVII в. представляет собой копию, а не первичное занесение на бумагу устного произведения. Но соображения, представленные

ные им, неубедительны, так как следов более раннего текста в последующих копиях нельзя найти, их нет и в известном нам тексте XVII в. Именно этот, а не какой-либо другой текст лежит в основе последующих, хотя последующие тексты могли быть сделаны и не непосредственно с текста XVII в., что и было в действительности. Доказательством этого являются яркие диалектизмы фонетического и лексического характера текста XVII в., которые в разных случаях и в разных положениях проявляются в текстах XVIII в.

Текст XVII в. с резко акающей окраской, с проявлением резких диалектно ограниченных особенностей, которые, несмотря на попытки уничтожения их (к чему явно стремились последующие переписчики при копировании), сохранились в единичных случаях в текстах XVIII в. и связывают их с текстом XVII в.

По времени появления известные нам тексты былины о Потыке распределяются таким образом: 1) текст XVII в. (ГПБ, О.ХVII.44); 2) текст, датирующийся в рукописи 1738 г. (ВБЛ, собр. Овчинникова, № 522); 3) текст 1740 г. (ВБЛ, Тихонр. 361); 4) текст 1744 г. (ВБЛ, Тихонр. 399); 5) текст середины XVIII в. (БАН, 26.8.41); 6) Текст конца XVIII в. (ГИМ, Забелинский сборник, № 536).

По большей сохранности стиха и специфических особенностей устного произведения на первом месте, кроме записи XVII в., стоит текст 1738 г., (собр. Овчинникова, № 522), далее идет текст 1740 г. (Тихонр. 361), еще далее — текст 1744 г. (Тихонр. 399). Два последних содержат наибольшее количество изменений, хотя по содержанию, сохранности фабулы забелинский является наиболее интересным и обширным.

Эти шесть текстов отнюдь нельзя выстроить в один ряд, представляющий собой копию с копии, хотя в более поздних по времени копиях мы и находим наибольшее количество изменений. Тексты эти в отношении к своему первоисточнику распадаются на две группы: первая объединяет списки: XVII в., Овчинникова и Забелина; вторая — Тихонр. 361, Тихонр. 399 и БАН, 26.8.41. Но и внутри групп отношения можно представить себе таким образом: в первой группе первоисточник — текст XVII в., с него копия (не известная нам), затем текст 1738 г. (собр. Овчинникова, № 522), представляющий копию с копии; текст в Забелинском сборнике (№ 536) является самой поздней копией, причем сделанной, вероятно, непосредственно с текста XVII в., хотя эта «копия» содержит много изменений, но это находится в полном соответствии с тенденциями конца XVIII в. в отношении к произведениям устной поэзии.

Во второй группе все три текста сделаны с копии, но своеобразной, так как она вначале дополняет текст XVII в., а в конце сокращает, давая чрезвычайно сжатый пересказ в форме перечня фактов. Возможно, не для всех этих трех текстов второй группы оригиналом служила только одна копия. Судя по особенностям ошибок и отступлений, были 2 копии (но копия с копии). Текст из собр. Овчинникова интересен тем, что в конце имеет следующую приписку: «Списано с киевской с печатной типографии за номером руки князя Владимира 1738 1 числа».

Попытки найти какие-либо следы, подтверждающие эту приписку, пока ничего не дали. Приписка эта довольно загадочна, так как текст стоит наиболее близко к оригиналу XVII в. и в эту группу входит только поздний Забелинский текст, представляющий собой «книжную» копию с оригинала XVII в.

Вторая группа текстов идет, несомненно, от другой копии, сделанной с оригинала XVII в., следовательно, текст из собрания Овчинникова единичен. Трудно представить, чтобы так могли сложиться обстоятельства,

если бы былина о Михаиле Потыке была в действительности напечатана. Совершенно иначе обстоит дело с текстами былины об Илье Муромце: все известные нам тексты XVIII в. чрезвычайно близки, во многих случаях — до полного совпадения. Объясняется это не только популярностью сюжета, а и тем, что былина об Илье была напечатана, она вошла в лубочную литературу. Лубок поддерживал ее сохранность.

Текст былины о Михаиле Потыке в собрании БАН, 26.8.41 стоит во второй группе текстов и должен быть поставлен на последнем месте, так как на нем сильнее, чем на других, сказались изменения в соответствии с жизнью произведения в новой функции. Наиболее ярко они проявляются в следующем: 1) в изменении структуры предложения, обусловленном нормами книжной речи, которые привели к опущению союзов и частиц, к изменению порядка слов в предложении; 2) в изменении структуры прямой речи и переводе ее в косвенную; 3) в сокращении или упразднении «обрядности», характерной для устных произведений и в целом ряде других более частных деталей.

Сказание о трех богатырех земли/светорусские о Илье Муромце о Иване Потоке о Олеше Поповиче¹

л. 126 В столномъ граде Кieve у великаго кня/зя Владимира киевскаго и Всеславеви/ча было пированье почестное на мно/гие князи и бояри, на сильные могучие /богатыри, и на вся удалые молотцы. И какъ / будетъ у нихъ пиръ на веселие, что взгово/рить велики кн[я]зь киевский Всеславевичъ: / «Ой вы, ой еси, кн[я]зи бояри и сильные могу/чие богатыри, есть ли у меня кому служит / три службы великие, хто бы ехоль в землю / турскую, взял бы дани и выходы, а хто бы / ехоль в землю задонскую и взяль бы дани / и выходы, а хто бы ехаль в землю алвицкую, взяли бы дани и выходы за тридцать летъ и за три годы». Встает тутъ съ

л. 126 об.

места || богатырска Илья Муромецъ с[ы]нъ Ивановичъ а самъ взговорить таково слово: «Светъ / ты г[осу]д[а]рь, великий кн[я]зь Владимиръ киевский, / что никто, г[осу]д[а]рь, тебе ответу не даетъ? болшой / хоронитца за меньшаго, а у меньшаго ответу не/тъ». Самъ взговорит таково слово: «Я, г[осу]д[а]рь, / поеду в землю турскую, возму дани-выхо/ды». Что взговоритъ Михайла Потокъ Ивановичъ: «А я, г[осу]д[а]рь, поеду в землю задонскую, во/зму дани и выходы». Что взговоритъ Олеша Поповичъ: «А я, г[осу]д[а]рь, поеду в землю алвицкую, возму дани и выходы за 30 летъ и за / три годы». И великому кн[я]зю то слово по/любилось, наливает онъ кубецъ меду слад/кова. И великому кн[я]зю называются братьями / названными, и с великимъ кн[я]земъ прощаютьца, / и едутъ из града Кieва.

И какъ будутъ да/лече во чистомъ поле, межъ собою слово молвили: л. 127 || «Ой еси вы, братцы милые, хто у нас напередъ / приедетъ до Кieва, а ково после не будетъ, и / намъ ехать тово сыскивать». И простясь о/ни поехали розно, всякъ своимъ путемъ. / Михайла Потокъ Ивановичъ едетъ подле / моря синева, ажна плаваеть по морю лебедь белая. И Михайло вынимаетъ из налучья свой крепкой лукъ, ис колча/на на калену стрелу: убить хотель лебедь бе/лую. И она ему провещала человеческимъ / голосомъ. «Ой ты ой еси, руской богатыр /Михайла Потокъ Ивановичъ, не стреляй / меня, лебедь белую, я по морю плаваю, / лебедь белая, а пред тобою стану красна/ю девицею». И Михайла не успель стрелы положит в налучь крепкаго лука своего, / а в кол-

¹ Рукопись ВБЛ, собр. Овчинникова, XVIII в. в 4-ку, полуустав, 166 лл., на лл. 126—140.

чань калены стрелы положить, ажно || перед нимъ стала красною девицею. И / Михале она полюбилася, беретъ ея за / руки за белые и целует ея во уста сахарны/е и сажаетъ ея на свой доброй конь. И / поехали с ней в ц[а]р[с]тво задонское и взялъ / дани и выходы и едетъ к Киеву, а лебедь белую с собою везет. л. 127 об.

И приезжает Михайло в Киевъ град, и сто/новитца на свой богатырской дворъ, и / пошелъ х князю Владимиру киевскому / и Всеславевичу, а самъ говорить таково слово: «Свет г[осу]д[а]рь, кн[я]зь Владимиръ киевский, от / меня тебе служба заслужена, привесь / дани и выходы». Что взговоритъ кн[я]зь Вла/димиръ киевски: «Ой еси, Михайла Потокъ Ивановичь, у меня тебе золота / казна не замкнута, и погребы не запе/чатаны, и добры кони на стойле не заперты». || И подносит ему зелена вина, и запивают ме/ды сладкими. И Михайла Потокъ Ивановичь бьет челом / о сыру землю, самъ взговоритъ таково слово: «Свет г[осу]д[а]рь, великий кн[я]зь Владимиръ киевский! ехаль я возле моря синева, ажно / по морю плавает лебедь белая, и вынелъ из на/лука свой крепкой лукъ, а ис колчана кал/ину стрелу и хотелъ убить лебедь белую, и она / провежала ч[е]л[о]в[е]ч[ес]кимъ голосомъ, и я не / успелъ положить в налучь свой крепкой лукъ, а в колчанъ калены стрелы, ажно пере/до мною стала красною девицею. И ныне / она мне полюбилася, что лицемъ лепа / и привесь ея во Киевъ градъ». л. 128

Что взгово/рит таково слово великий кн[я]зь Владимир / киевский: «Михайла Потокъ Ивановичь, пе/репусти мне тое де/вицу красную». Что възгово||рит Михайла Потокъ Ивановичь: «Я тое де/вицу взялъ на синемъ море, ты поедь, та/кову жъ возми, я самъ с нею свенчаюся». / Крестиль ея и венчалъ владыка черниговс/ки, а даль ей имя лебедь белая Авдот/я Лихотовна. И почель с ней любезна жит. / И живетъ с нею два годы, а охотникъ был / ездит во чисто поле тешится по м[е]сяц[у] и по / три и 5. И поехалъ Михайла во чисто / поле тешится ровно на два м[е]сяц[а], / а без нево пришелъ купчина Золотой / Орды с товары заморскими, и пошла / Михайлова жена заморскихъ товаро/въ смотрит. И увидель купчина Золотой / Орды красоту лица ея и почель разпра/шивати, чья де та жена, какъ ея зовуть / по имени. И почали ему люди рассказы/ват та-де || жена богатыря светорускова Михайлы По/тока Ивановича /. л. 128 об.

Купчина почал продават товары на/скоре, едетъ во свою землю и почаль / пити и ести и веселитися. И какъ будетъ / в Золотой Орде, и почаль рассказы/вать / царю Кошею: «сколко-де я, г[осу]д[а]рь царь Кошей, / не ежживаль по инымъ землямъ купчино/ю 30 летъ и три годы, а такой прекрасной / жены не видываль, какъ есть в Киеве у бо/гатыря светорускова у Михайлы Потока / Ивановича жена лебедь белая, лицемъ зо/ло красна». И почель ц[а]рь Кошей собиратися / со всею силою. И собравъ силу сорокъ тысящъ / и пошелъ под Киевъ градъ и Киевъ осади / накрепко. Посылает посланика своего к вели/кому кн[я]зю Владимиру киевскому: «Ой еси, / кн[я]зь Владимиръ киевски, отдай мне Михайлову || жену лебедь белую, и мы от Киева проч / пойдемъ. А будет ты не отгашь намъ ея, / и мы Киевъ градъ взятъемъ возмемъ». / И великий кн[я]зь взговорит таково слово: / «Ой еси вы, граждане и все мужики кие/вляня, думайте да не продумайтесь, от/дават ли Михайлову жену или нетъ, то/перева у насъ в Киеве богатырей не лучилось, / некому выехат противъ силы ко/щевы». / Что взговорят мужики киевские: «Свет / г[осу]д[а]рь великий кн[я]зь Владимиръ киевски, до/селева в Киеве граде Михайловы жены / не бывало, и ц[а]рь Кошей под Киевъ градъ / не прихаживаль и Киева накрепко не / осаживаль, — отгадамъ Михайлову / жену». / Ажно едет ис поля Михайла Потокъ / Ивановичь, скачетъ чрезъ стену каменную || стоно/витца на свой богатырской двор, въ/встречаетъ ево лебедь белая, сама л. 129

взговорить таково слово: / «Светь Михайла Потокъ Иванович, при/шелъ под Киевъ градъ ц[а]рь Кошей Золотой / Орды, а с нимъ силы 40 000, а просить меня / ис Киева, и мужики киевские придумали / отдать мене». Что взговорить Михайла Потокъ Ива/нович: «Собаки мужики киевляне, з/делялися бы они о своими женами / и дочерми, а я самъ за свою жену / стану битися с погаными во чистомъ поле. / И садится онъ на свой доброй конь и едетъ / во чисто поле и побиваетъ силу коще/еву, и Кошей ц[а]рь

л. 130 об. одва сам десятъ ушел / в свою землю. А Михайла Потокъ Ивановичъ || нача пити и ясти и веселитися. И живет онъ / без выезду ровно три м[е]сяца, а товари² его еще въ / Киевъ градъ не приехали. /

И поехалъ Михайла во чисто поле теши/тся ровно на три м[е]сяца. А без него ц[а]рь Кошей собралъ силы 60 000 и Киевъ градъ осадилъ на/крепко и посылает посла своего к вели/кому кн[я]зю Владимиру киевскому: «Ой еси, / кн[я]зь Владимир киевский, отдай ты мне Ми/хайлову жену лебедь белую, и мы от Киева / прочь пойдемъ, а буде не отдашь Миха/йловой жены, и мы Киевъ градъ взьемъ / возмемъ, а людей всехъ в Киеве вырубимъ, а женъ и детей в полонъ возмемъ, а тебе кн[я]зю живу очи

л. 131 вынемъ». / Что взговорит великий кн[я]зь Владимиръ || киевски: «О еси вы, мужики киевляне, думайте да не продумайтесь, отдават ли Михайлову / или нетъ». Что взговорять мужики киевляне: «Светь г[осу]д[а]рь, великий кн[я]зь Влади/меръ киевский, доселева есми в Киеве Миха/йловой жены не было и ц[а]рь Кошей под Ки/евъ градъ не прихаживаль и Киева накре/пко не осаживаль и тебе тое кручины не / было. Отдадимъ Михайлову жену». А то/во оне не ведаютъ, что Михайла бьется / третей д[е]нь и побилъ силу кощеу, и Ко/шей ц[а]рь одва сам шесть ушелъ во свою землю. / Михайло побил силу кощеу и едет на³ / свой богатырской дворъ. И встречаютъ / ево люди дворовые, а сказывают вести не/добрые, что лебедь белая переставилась. / И тутъ Михайло закручинилъ, что никто / ево не встречаетъ и за руки не принимаетъ / и во уста не целует.

л. 131 об. И идетъ во отхожую горницу, || гдѣ жила жена ево, ажно лежит мертвая жена ево, покрыта камкою белою. / И почаль Михайло прощатися, а самъ възговорит таково слово: «Помню я самъ, / что у меня с тобою молвлено». И велель / могилу выкопать и гробницу класть ка/менную, что двумъ ч[е]л[о]в[е]комъ сидма сидеть и лежма лежать и стойма / стоять. И зоветь на погребение кн[я]зя Владимира и владыку черниговскаго и кня/зей и боярь. И они пожаловали, пришли / на погребение кн[я]зь Владимиръ киевски и / владыко черниговски и кн[я]зи и бояри. И / почель класть Михайла Потокъ Ивано/вичъ свою жену лебедь белую, а самъ с не/ю живъ ложится. / Что взговорить кн[я]зь Владимир кие/ский и владыко черниговски и кн[я]зи и бояри || и вси киевляне: «Где то слыхано, чтобы / живые ложилися съ мертвыми? А ты жи/въ ложисся для жены своея, найдемъ / мы девокъ в Киеве, захошь боярскую или / княженскую или девку посацкую, тако/ва шъ тебе жена будет». / И Михайло взговорить таково слово: / «Знайте вы всякъ себя, закапывай не ме/шкайте». И велель великий кн[я]зь накладыва/ть досками дубовыми, засыпайте песка/ми желтыми, над могилою ставили сторо/жу крепкую: «Какъ Михайло скуча станет / кричать громким голосомъ, и вы вы/пускайте ево из могилы вонъ». И похо/роня ево, по домамъ пошли. И бысть / Михайла день до вечера. И какъ будетъ / о полуночи, ажно пришла змея лютая, || гробницу проела и посла во гробницу / дву змиенковъ. И змиенки нача лебедь / белую ссать за груди белые. И Михайло / ухватилъ дву змиенковъ и почаль

² Так в ркп.

³ На полях приписка умерла Михайлова жена.

рвать / надвое. И змия ему провеждала ч[е]л[о]в[е]чески/мъ голосомъ: «Ой еси, Михайла Потокъ / Ивановичъ, не рви моих змиенокв, а я / тебе принесу живой воды и мертвой». / Что взговоритъ Михайла Потокъ Ива/новичъ: «Поди, змия лютая, принеси мне / живой воды». И Михайла Потокъ Ива/новичъ нача рвать змиеноквъ в малые кро/шки и нача покропляет водою свежею, и / змиенки ожили. И покропляет водою Ми/хайла жену свою, и жена ево будто от сна / востала. И он змиеноквъ отпустилъ, а самъ / засвисталъ громъкимъ голосомъ. И караулъ||щики все попадали. л. 133 и почали разкапы/вать. И идетъ Михайло из могилы и веде/тъ за руку жену свою. И тутъ караульщи/ки удивилися, что была Михайлова / жена мертвая, а ныне Михайло оживи/лъ ее. И почале пити и ясти и веселити/ся любезно. И живет с нею ровно два го/ды, а товарищи ево еще в Киевъ не приехали.

И поехал Михайло во чисто поле тешит/ся равно на пят м[е]сяц[о]въ, и без нево при/шелъ ц[а]р[ь] Кощей Золотой Орды, а с нимъ / силы 100 000. И пришелъ под Киевъ градъ и Ки/евъ осадилъ накрепко и посылаетъ / посланника своего к великому кн[я]зю / Владимиру киевскому: «Ой еси, великий / кн[я]зь киевский, отдай мне Михайлову же/ну, и мы от града одедемъ прочь, а буде не отдашь, || и мы Киевъ градъ осадимъ накрепко, / а людей всехъ вырубимъ, а женъ и детей / в полонъ возьмемъ, а тебе, великому князю, очи вынемъ живу». / Что взговоритъ великий князь Владимиръ / киевский Всеславевичъ: «Ой еси вы, кн[я]зи и бо/яри и все мужики киевлена, думайте да / не продумайтесь, отдават ли Михайлову / жену или нетъ, а топерева у насъ в Киеве / богатырей не лучилося, некому выехать / противъ силы кощейевы, а Михайла серди/тъ придет, станетъ побиват мужиковъ / киевскихъ». / Что взговорят кн[я]зи и бояря и все мужики киевлене: «Светъ г[о]су[д]а[р]ь, великий кн[я]зь / Владимиръ киевский, доселева, г[о]су[д]а[р]ь, в Киеве / Михайловой жены не бывало, и ц[а]р[ь] Кощей / под Киевъ градъ не прихаживалъ и Кие/ва накрепко не осаживалъ, отдадимъ Михайлову || жену ц[а]рю Кощею Золотой Орде. л. 133 об. а Михайлу / дадимъ выбирать во всемъ граде Киеве / где хошет, там и возметъ, хоть кнейню, / хоть боярскую, хог девку посацкую, такова/жь ему жена будетъ». И взяли Михайлову / жену за руки белые и надевают на нее плате драгоценное и повели к ц[а]рю Кощею / Золотой⁴ Орде. И ц[а]р[ь] Кощей сталъ светель / и радостень. Самъ взговоритъ таково / слово: «Спасибо-де кн[я]зю Владимиру и в/семъ киевланемъ, что отдали мне Ми/хайлову жену руками, а мне было не ви/дать Михайловой жены, что ушей своихъ /, а сколко бало не стоять под Киевомъ, а от/итти было и обещещену». А самъ пошолъ / от Киева прочь во свою землю. /

Ажно приехолъ ис поля Михайла По/къ⁵ Ивановичъ и едетъ онъ на свой богатырской || дворъ, и встречают ево люди дворовые / а сказывают л. 134 об. вести недобрые, что отда/ли жену ево руками киевлане ц[а]рю Кощею Золотой Орде. И тутъ Михайло закру/чинился и ездитъ он по граду Киеву, а самъ говоритъ громкимъ голосомъ: «Со/баки мужики киевлане, за что отдали / жену мою верную неверному ц[а]рю Кощею Золотой Орде, управлюся я с ва/ми опосле». / И поехолъ Михайло во чисто поля /, а Кощей ушелъ от Киева ровно за 30 ве/рст. И догналъ ц[а]ря Кощея, ажно / ц[а]р[ь] Кощей на стану стоять и почивъ / держитъ. А самъ взговоритъ таково / слово: «Светъ моя милая лебедь бе/лая Авдогя Лихотовна, жила ты во граде || Киеве, тогда слыла жена богатырская, а / и слыла л. 135 боярская, а ныне станешъ слыть / ц[а]р[ь]ицею Золотой Орды». И она на

⁴ Так в ркп.

⁵ Так в ркп.

то слово / прелстилася и увидела жъ, Михайло иде/тъ ко белу шатру, сама возговорит тако/во слово: «Светъ г[осу]д[а]рь, Михайла Потокъ Ивановичъ, рада тебя увидела, не хочю жить / у невернова ц[а]ря Кошья Золотой Орды, хо/чю жить у тебя, богатыря светорускова, / возми меня во Киевъ градъ попрже/му». Подносить ему питья пьянова, испи/ваетъ з дороги Михайло питья пьяно/ва и ложится спат у бела шатра. И почела будить лебедь белая ц[а]ря Кошья Золотой Орды: «Во стань, г[осу]д[а]рь, вотъ пришелъ недругъ / твой Михайло Потокъ Ивановичъ, предай ево злой смерти во чистомъ поле» / Что возговоритъ ц[а]рь Кошья: «Прямая ты || собака безверная, мне Михайла Потокъ / какой недругъ: дважды меня наехалъ во / чистомъ поле, в беле шатре соннова, се / меня не предалъ смерти скорые. Ты какъ / хочешъ сама с нимъ». И велель прибрать ружье богатырское и палку железную, а самъ поехалъ воз свою землю, а белую лебе/дь с собою де взялъ. /

А Михайла спалъ два дни и две ноши / и на утрие пробужается, ажно нетъ в у не/во ружья богатырскова, ни палки желе/зные, одинъ стоитъ ево добрый конь, / и тотъ былъ далече во чистомъ поле. И садится Михайла на свой доброй / конь и доежаетъ ц[а]ря Кошья Золотой / Орды, ажно ц[а]рь Кошья на стану сто/итъ и опочивъ держитъ. Идетъ Миха/йло ко белу шатру. И увидела ево лебедь белая, || встречает она ево во беле шатре, сама воз/говоритъ таково слово: «Светъ Михайла / Потокъ Ивановичъ, рада тебя увидела, / что ты мое д[е]лство разтлилъ, не хочу / жить у невернова ц[а]ря, хочю жить у те/бя, богатыря светорускова, возми ме/ня с собою во Киевъ градъ». И тутъ Миха/йло задумался, а опосли воспоминается: хо/щеть со мною жить по старому. И подно/ситъ ему питья пьянова. Испиваетъ з/дороги Михайла Потокъ, ложится спать / у бела шатра. И она почала будить: «Воста/нь, г[осу]д[а]рь ц[а]рь Золотой Орды, пришел недругъ / твой Михайла Потокъ Ивановичъ, преда/й его злой смерти, азъ де не предамъ зло/й смерти, и он тебя предасть злой смерти / во чистомъ поле». / Что возговоритъ ц[а]рь Кошья Золотой Орды: / «Мне Михайло какой недругъ: двожды наехалъ || меня во чистомъ поле соннова в беле/шатре, се не предалъ смерти, как хочешъ / сама с нимъ». И лебедь белая снимает / с правой руки берчать рукавъ и зави/ваетъ Михайлу очи ясные, и ударила / ничь рукою: «Лежи ты, Михайла Потокъ / Ивановичъ, во чистомъ поле каменемъ». / И Михайло вес окаменель, а сами поехали / в Золоту Орду. /

Ажно приехали в Киевъ градъ Миха/йловы товарищи, идутъ наскоре къ / великому кн[я]зю Владимиру, бьют чело/мъ о сыру землю, сами возговорять / таково слово: «От насъ тебе, г[осу]д[а]рь, службы / заслужены, привезли дани и выходы». / И великий кн[я]зь подносить зелена вина / и запиваютъ меды сладкими. И почали || спрашивать про Михайлу Потока Ивано/вича. И киеленя⁶ нача рассказывать, какъ при/весъ дани и выходы, и какъ привесъ ле/бедь белую, и какъ кр[ес]тилъ ея, и какъ за / себя женоу взялъ, и какъ без нево три/жды приходилъ ц[а]рь Кошья Золотой Орды, и какъ Михайла силу кошееву побилъ, и какъ киевляне отдали жenu ево лебе/дь белую, и какъ Михайло в погоню по/гнал. /

Что возговорит Илья Муромецъ: «Поеде/мъ, Олеша Поповичъ, брата Михай/лы сыскивать». И садятся на свое добрые / кони и едутъ далече во чисто поле и при/ежают х белу каменю, ажно у белова ка/мени стоитъ калика прохожая, риза на ней || земли сорочинские, а клубукъ земли гречес/кие, подсумокъ у калики бархатной, вышит золотомъ волоченымъ, а посохъ у / калики рубен зубъ. /

⁶ Так в ркп

Что взговорит калика прохожая: «Ой еси, / богатыри светорусские, пойдите ко мне хле/ба есть». Что возговорают богатыри свето/русские: «Скажи намъ, калика прохожа/я, про ц[а]рство кощеево и про Михайлу По/тока Ивановича». И стали они хлеба есть. / Поетчи хлеба, стали опочивъ держать, / и спали два дни и две нощи. Наутрие / пробужаются. / Калика прохожая нам возговорить / таково слово: «Братцы богатыри свето/русские, ночесь мне мало спалося, м/ного виделось, кабы от сего камени отмеревши || три лактя на восточную сторону лежит / казна несметная» л. 138
 И поехали ямы рыть / и нашли казну несметную. И почель кали/ка казну делить начетверо. Что возговорают русские прохожие богатыри: / «Что ты, калика, делишь казну начетверо?». / Ответь держитъ калика прохожая: «Кто, / де сей камень вподыметъ и бросить че/рес себя, тому четвертой жеребей». Илья поднелъ камень в груди, а Олеша поднелъ / толка в поесь, а калика вподнелъ и бро/силъ черес себя, а самъ невидимъ бысть, / а ис тово камени выскочилъ Михайла / Потокъ Ивановичъ: «Спаль братецъ дол/го во чистомъ поле, спат бало тебе дол/го и не пробудится, разбудил тебя, Ми/хайла, арханьель н[е]б[ес]ныхъ силъ». / И почель имъ расказывать, как ехол возле || моря синева и какъ привес дани л. 138 об.
 и выхо/ды наскоре, и какъ наехоль лебедь бе/лую, и какъ крестилъ ея, и какъ за се/бя женою взялъ, и какъ трижды при/ходилъ ц[а]рь Кощей, и какъ его обрати/ла лебедь белая белымъ камениемъ. / Что возговорают ево товарищи: «Поеде/мъ, братцы, во ц[а]рство кощеево, лебе/дь белую уьемъ, а ц[а]рю Кошею жи/ву очи вынемъ». И поехали под ц[а]рство / кощеево. Что взговорить Михайла / Потокъ Ивановичъ: «Постойте, братцы, / во чистомъ поле, а я одинъ с Кошее/мъ управлюся». И поехалъ во ц[а]рство / кощеево. И увидела ево лебедь бела/я, мечется наскоре: «Рада тебя уви/дела, Михайло Потокъ Ивановичъ, не хочу || не хочу жит л. 139
 у невернова ц[а]ря Кошея / Золотой Орды, хошу жить у тебя, / богатыря светорусскова, возми меня / во Киевъ градъ попржнему». Подно/ситъ ему зелена вина. И испиваетъ / Михайло з дороги питя пьянова и ло/житца спать во тереме. / Ажно пришелъ ц[а]рь Кощей. Стала ле/бедь белая тешитса в шахматы играт, / и она ему возговорить таково сло/во: «Г[осу]д[а]рь ты мой, Кощей, вот пришел / недругъ твой Михайло Потокъ Ивановичъ. Предай ево злой смерти». / Что возговорить ц[а]рь Кощей: «Какъ / хочешъ сама с нимъ». И она велела е/во снести в ызбу поваренную и приковать || к стене накрепко. И сидит Михайло до ве/чера. Какъ будетъ о полуночи, ажно при/шла к нему дочь ц[а]ря Кошея Золотой Ор/ды Ганка кошеева, сама глядя на нево / прослезилася: «Видиш ли, Михайло, что / над тобою делаетъ жена твоя?». / И что взговорить Михайла По/токъ / Ивановичъ: «Ой еси ты, дочь ц[а]ря Коше/я Зотой⁷ Орды, Ганка кошеева, подай ты / мне палку железную и все оружие бо/гатырское, а я тебя за себя в жену во/зму». И засвисталъ Михайла Потокъ Ива/новичъ своимъ богатырскимъ голосо/мъ, ажно мечутся ево товарищи И/лья Муромецъ да Олеша Поповичъ. И / побивают силу кошееву, а Кошею ц[а]рю живу очи || вынули, а лебедь белую привяли⁸ / г добру коню за л. 140
 хвость и опусти/ли далече во чисто поле, а казну в/зяли несметную, а и Ганку, дочь коше/еву, с собою взяли. И поехали в Ки/евъ градъ. И нача жить лучше пре/жнево, пити и нясти и весе/литися. Тутъ коне/цъ тремъ бо/гатыремъ / земли русь/кие и града / Киева.

Описано с киевской с печатной типографии / за номеромъ руки кн[я]зя Влад/имера 1738 1 числа.

⁷ Так в ркп

⁸ Так в ркп

л. 7 **Сказание о трехъ богатырѣхъ киевскихъ о славныхъ / витезехъ
о Илье Муромце / и о Михайле Потокѣ Ивано/виче и о Олеше
Поповиче⁹**

Во славном градѣ Киевѣ у великаго кн[я]зя Владимира / киевскаго Всеславевича былъ / пиръ навеселѣ про всѣхъ / кн[я]зей и бояръ и сильныхъ мо/гучихъ богатырей. И какъ будет / у нихъ пиръ навеселѣ, и князь Вла/димеръ взговоритъ таково / слово: «Все мои кн[я]зи и бояра / и сильные могучие богатыри, есть / ли изъ васъ кому у меня служит / три службы великие, кто бы ехал / в землю || выходы за 33 года, и кто бы ехалъ / в землю задонску взять бы дани / и выходы за 33 года, и кто бы ехалъ / в землю алевицкую взять бы дани / и выходы за 33 года». И тутъ все / кн[я]зи и вельможи призадумалис, / и никто великому кн[я]зю отвѣту / не даетъ. И хоронятся болшия / за меншихъ, а у меншихъ давно / отвѣту. И тутъ взговоритъ / силни могучий богатырь Илия Муроме/цъ таково слово: «Светъ г[осу]д[а]рь Вла/димер кн[я]зь киевски, я, г[осу]д[а]рь, еду в землю турецкую, возму / дани и выходы за 33 года». И Михай/ло Потокъ Ивановичъ взговоритъ / таково слово: «И я-де, г[осу]д[а]рь, еду в землю / задонскую, возму дани и выходы / за 33 года». Алеша Поповичъ || взговоритъ таково слово: / «Я-де, г[осу]д[а]рь, еду в землю алевицкую, / возьму дани и выходы за 33 года». / И те речи великому кн[я]зю полюби/лис, и сталъ князь Владимир / за те речи чару зелена / вина подносить силнимъ бо/гатырямъ. И выпили зелено ви/но и запоюютъ они меды сла/дкими и с великимъ кн[я]земъ / Владимиромъ прощаются /, да оне же себя называютца братьями названными. первое р... / написана.

И сядятца на свои / богатырские кони, ис Киева вонъ поеха/ли. И какъ будутъ отъ Киева града за/пяты версты, и межъ собой про/щяютца, а сами называются они || братьями названными. И взговорят / таково слово: «Братцы, де милые, / кто изъ насъ напередъ в Киевъ / градъ приедетъ, а ково не будет / изъ насъ, а послѣ насъ, того искать». И про/стилися все и поехали в разные дороги, / всякъ своимъ путемъ. Илья Муромецъ / поехал на рѣку Смородину, на мосты / калиновые, на Соловья разбойника. / Уже та дорога залегла тому / равно тридцать лѣтъ, ни еди/ной годъ ч[е]л[о]в[е]къ не прохаживалъ ни пешей. А Михайло / Потокъ Ивановичъ поехалъ / дорогою святяторускою, возле / море. Алеша Поповичъ пое/халъ Ставровою дорогою.

И прости/лися все и поехали все в разные || дороги, всякъ своимъ путе/мъ. Михайло Потокъ Ива/новичъ возле море синее и у/виделъ на море, ажно плава/етъ по морю лебедь бѣлая, и тутъ Михайло Потокъ / Ивановичъ вынимаетъ изъ на/лучни своей крепкой лукъ, ис колчана калену стрелу и хо/щеть убить лѣбѣдь бѣлую. / И она ему провѣщаетъ ч[е]л[о]в[е]чскимъ гласомъ и рече: «Г[осу]д[а]рь Ми/хайло Потокъ Ивановичъ, / не стреляй меня, лебѣдь бѣлую, / я плаваю по морю лѣбѣдью, / а предъ тобою стану красною дѣ/вицею». И Михайло Потокъ Ива/новичъ не успелъ в налучий лукъ || свой, а в колчан каленые стрѣ/лы, ажно предъ нимъ стала / девица лицемъ зѣло красна. / И Михаилу Потокъ Ивановичю полюби/лас, и беретъ ея за / бѣлые руки, и целуетъ во /уста сахарные, и сажаетъ / на свой богатырской конь, / а себѣ взялъ другою коня, и взял / дани и выходы за 33 года, и по/ехалъ с нею в Киевъ градъ. /

И приехалъ, становитца на своемъ / богатырскомъ дворѣ идет / ко князю Владимиру, а самъ / бьетъ челомъ кн[я]зю Владими/ру о сырую землю и говоритъ / таково слово: «Светъ г[осу]д[а]рь великий кн[я]зь Вла/димеръ киевский || привесь я дани и выходы за 33 года». / И кн[я]зь Вла-

⁹ Рукопись БАН, 26.8.41 (нов. 1481), в 8-ку, середины XVIII в., 16 лл.

димеръ возговорил таково / слово: «Тебѣ у меня казна не запе/чтана, Михайло, и добрые ко/ни у меня не затворены». И подносит кн[я]зь Влади- димеръ ему чару зеле/на вина, запиваютъ меды / сладкими. И тутъ Ми- хайло / Потокъ Ивановичъ бьетъ / челомъ великому кн[я]зю Влади/меру о сырую землю, а самъ / возговоритъ таково слово: «Светъ / г[осу]д[а]рь, великий кн[я]зь Владимиръ / киевский, наехалъ я возле / море синее, ажно по морю по/плаваетъ лебѣдь бѣлая, и я / выналь из налучья свой кре/пкой лукъ, а ис колчана калену || стрелу и хотель убить / лѣбѣду бѣлую, и она мнѣ провѣща/ла ч[е]л[о]в[е]чскимъ гласомъ: «Михай/ло Потокъ Ивановичъ, не стреляй /меня, лѣбѣдь бѣлую, а пред то/бою стану красною деви- цею». / И я не успель положить в на/лучья свой крепкой лукъ, ажно / предо мною стала дѣвица лицомъ / зело красна. И мнѣ она зело / полю- билас, и я привесъ с собою в Ки/евъ град на свой богатырской двор». И кн[я]зь Владимиръ взговоритъ таково слово: / «Михайло Потокъ Ива- новичъ, уступи / мнѣ». И Михайло отвѣтъ держит: / «Г[осу]д[а]рь кн[я]зь Владимиръ Всеславъ/евичъ, самъ я с нею венчался / и крестиль ея и дал имя Авдотья || Лиховидовна, и венчал нас архиерей / черниговски». л. 4 об. И сталъ с нею Ми/хайло любезно жить. И живет / с нею равно три года, а това/рищи ево в Киевъ град еще / не бывали.

И поехал Михайло / в чистое полѣ тѣшится равно / на два м[еся]ца, а бѣз него приехал / под Киевъ градъ купчина Золо/той Орды с товары заморскими / И провѣдала жена Михайла / Потока Ивановича и пошла / тѣхъ товаров смотреть. / И увидѣлъ купчина красо/ту лица ея и сталъ спра/шивать мужиковъ кие/вских, чья-де ета жена и как /ея зовуть по имени и по отчеству. И киевлена || ему сказали: «Эта-де у нас жена / бога- л. 5 об. тырская, Михаила Пото/ка Ивановича, а зовут ея Авдотя / Лиховидовна». И тутъ купчина / почаль товары продавать / наскоро, и распродалъ все товары / и поехалъ во свою землю. И какъ / будетъ в Золотой Орде у ц[а]ря / Кошчей невѣрнова, / а самъ зговоритъ таково / слово: «Светъ г[осу]д[а]рь Кошчей Зо/лотой Орды, сколько я ни ежжи/валь землямъ и по городамъ / купчиной, а такой прекрасной / не видал, что во граде Киевѣ / у богатыря сяторусково Миха/ила Потока Ивановича жена / ево аки лѣбѣдь бѣлая, а по имени || Авдотя Лиховидовна, лицомъ зѣ/ло красна». л. 6 И тутъ ц[а]рь Кошчей / собралъ силы 40 тысящъ и по/шелъ под Киевъ градъ. / И осадилъ Киевъ градъ накре/пко и посылаетъ послы своя / в Киевъ град кн[я]зю Владимиру: / «Ой еси, кн[я]зь Владимиръ / киевской, отдай мнѣ же/ну Михайлову, я от Киева / прочь пойду, а буде ты не / отдашь жены Михайловой, / и я Киевъ градъ взятъемъ / возму, а людей твоих всехъ / порублю, а женъ ихъ и дѣ/тей в полонъ возму». И кн[я]зь / Владимиръ взговоритъ / таково слово: «Ой есь вы / кн[я]зя и бояра и все киевлене, || думу думайте да не про/думайтесь, отдать ли мнѣ / жену Ми- хайлову или не от/давать, а топере у насъ / в Киеве граде силных бога/ты- рей не случилось, некому / выехать противъ силы / кошчевы, и Михайло приедет / с поля, станеть сердится / и станеть мужиковъ побивать и кн[я]зей и бояръ». И все/киевлене взговорятъ таково/во слово: «Г[осу]д[а]рь кн[я]зь Владимир / киевский, доселева не было / в Киеве жены Михаила По/тока Ивановича, и ц[а]рь Кошчей / по тѣхъ меств в Киевъ / град не при- хаживаль / и Киева града не осаживаль, || и тебѣ, г[осу]д[а]рь, такой кру- чины / не было, дадимъ мы жену / Михайлову, и ц[а]рь Кошчей / от Киева прочь поидеть, / а Михаилу дадимъ вы/брать во всемъ Киеве гра/де, гдѣ онъ похощеть, / тутъ и возметъ, у кн[я]зя / или у боярина дочь или дѣ/вку посацкую, такая же / жена будетъ».

Ажно провѣ/щится сердце богатырское / Михаила Потока Ивановича, и едетъ ис поля чисто/во на свой богатырской / дворъ. И встречается ево

л. 7 об. / жена, лебѣдь бѣлая Авдот/я Лиховидовна, а сама / взговорить таково || слово: «Светъ г[осу]д[а]рь Михайло Потокъ Ивановичъ, бѣс те/бя, г[осу]д[а]рь, приехалъ ц[а]рь / Кощей Золотой Орды под Киевъ градъ, а силы с нимъ / 40 тысящъ, и Киевъ град / осадилъ накрепко, а про/шаетъ меня вонъ ис Киева, и киевлене придумали / отдать меня ц[а]рю Кощею / невѣрному». И Михайло По/токъ Ивановичъ взговорит / таково слово: «Собаки мужи/ки киевлене, ссужались / бы они своими женами и доче/рями, а я за свою жену / стану». И Михайло Потокъ / Ивановичъ не
л. 8 въезжая на свой / богатырской дворъ, и поехал || ис Киева вонъ, и напу/щает/ся на силу кощею, и побил¹⁰ваетъ всю силу кощею. Ц[а]рь / Кощей толко самъ с четверты/мъ ушелъ во свою землю. / И Михайло Потокъ побилъ всю / силу кощею. /

И приехалъ на свой бога/тырской дворъ и сталъ зѣ же/ною своею пити и ясти и ве/селитися. И живеть с нею / ровно три годы, а товарищи ево еще не бывали в Киевъ / град. И Михайло Потокъ Ива/новичъ еще поехалъ в чи/стое поле тѣшитца равно / на три м[еся]ца, а бѣз него
л. 8 об. пришелъ ц[а]рь Кощей Золотой / Орды, а силы с нимъ || 90 тысящъ и Киевъ град осадил / накрепко. И посылаетъ пос/лы своя кн[я]зю Влади/меру / киевскому и просить жену / Михайлову, прекрасную Авдо/тью Лиховидовну: «И я от Ки/ева града прочь пойду, / а буде не отдашь, и я вашъ / градъ взятемъ возму, а лю/дей твоих в Киеве граде / всехъ вы/рублю, а женъ и дѣтей в полонъ возму, и тебѣ, кн[я]зю, не спущу». И кн[я]зь Влади/меръ киевской взговорить / таково слово: «Ой еси вы кн[я]зи / и бояра и все киевлене града / Киева, думу думайте да / не про/

л. 9 думайтесь, отдават ли намъ || жену Михайлову или не от/давать. А тепере у насъ / в Киеве сильныхъ богаты/рей не случилось и некому / выехать против силы / кощею и супротив ц[а]ря / Кощей невѣрною, а Миха/йло приедеть с поля, станет / побивать кн[я]зей и бояръ / и всехъ киевленъ». Взговорят: / «Светъ г[осу]д[а]рь кн[я]зь киевский, / доселева в Киеве градъ же¹¹ / Михайловы не бывало и ц[а]рь / Кощей под Киевъ градъ / не прихаживалъ и Киева / града не осаживалъ накре/пко и тебѣ,

л. 9 об. г[осу]д[а]рь, такой / кручины не бывало. Отдадим || жену Михайлову, и ц[а]рь Ко/щей от Киева прочь поидеть, / а Михайлу дадимъ выбра/ть в Киевe граде, гдѣ онъ / похощеть, тутъ и возьмет: / у кн[я]зя или у боярина или / у купецкого ч[е]л[о]в[е]ка возьметъ / и ему такова ж жена будет». / А того не вѣдаютъ, что Ми/хайло бьется с ц[а]ремъ / Кощею и съ ево силой, бился / три дни. А в то время жена / ево преставилась. И побилъ / Михайло всю силу кощею, / едва ц[а]рь Кощей толко / самъ трѣтій ушелъ. И едет / Михайло ис поля на свой / богатырской дворъ и

л. 10 встретили ево люди || дворовые среди двора и сказы/ваютъ ему, что де жена / твоя, лѣбѣдь бѣлая, преста/вилась. И тутъ Михайло ве/льми за/кручинился, что де / не встречаетъ ево лѣбѣдь / бѣлая, за руки не прини/ма/еть. Идетъ Михайла во / отхожую горницу, гдѣ жена / ево лежитъ во гробъ меръ/тва и покрыта камкою бѣлою. И Михайло взговорить / таково слово: «Прости-де/ть мои, лѣбѣдь бѣлая / Авдотья Лиховидовна, / помню

л. 10 об. я, что у нас с то/бою было заправанось...¹², кто у насъ напередъ || ум/реть, кто остане/цца, и тому в могилу живо/му лѣчи. И велель Ми/хайло / могилу копат широко и глу/боку и гробницу выклады/вать камен/ную, чтобъ было / лечь двумъ ч[е]л[о]в[е]камъ и си/дять и стоять свободно / . И зоветь Михайло на погре/бѣние кн[я]зей и бояръ и зове/ть кн[я]зя Вла-

¹⁰ В ркп. зачеркнуто лѣ.

¹¹ Недописано слово жены.

¹² Конец строки неясен.

димера / киевскаго Всеславъевича / и владыку черниговскаго и весь / Киевъ градъ. И съехались / на погребение. И почаль / Михайло жену свою во гроб / клась, и самъ с нею ложит/ца во гробъ. И тутъ || взговорятъ л. 11
 все кн[я]зя / и бояра и все киевлене: / «Нигдѣ того не слыхано, / чтобъ живыя ложились / во гроб с мертвыми, а ты, / Михайло, жив не ложишь / самъ во гробъ с мертвою / женою своею. Или у насъ / в Киеве людей нетъ, а / такихъ красныхъ не выбе/решь? Захотѣлъ бы, и боя/рыню взялъ или дѣвку / посатцкую, и тебе такова ж / была». И Михайло ответъ держитъ: «Знайте всякъ / себя, указывайте дома, / закопывайте гробницу, не мѣш-кайтѣ». / И кн[я]зь || Владимиръ взговоритъ / таково слово: «Накладывайте досками дубовы/ми и засыпайте песками желтыми, над гробни/цею поставте сторожи / крепкие. Какъ Михайлу / скучится, станет / крычать громкимъ / гласомъ, и вы раскопы/вайте Михайлу на во/лней светъ». И те все / по домамъ разохались. / И Михайло лежить с нею, / з женою мертвою, д[е]нь до / вечера. И какъ будетъ в полунощи, ажно пришла / к нему в гробницу змея лютая || и гробницу прогрызла / и пу- л. 12
 стила в гробницу двухъ / змеенковъ, дѣтей своих. / И змеенки почали ссать / жену ево, лѣбѣдъ бѣлую, / за груди. И Михайло ухва/тилъ змеенков и хотѣл / разорвать их надвое, / ажно провѣщится ему / змея лютая ч[е]л[о]в[е]ч[е]скимъ / гласомъ: «Михайло-де По/токъ Ивановичъ, не рви / моихъ змеенковъ мале/нких, я тебѣ принесу жи/вой воды». И Михайло отвѣтъ / даетъ: «Поди ты, змея / лютая, принеси живой / воды, и тогда я спущу || дѣтей твоих». И пошла змея / лютая и принесла ему живой / воды. И Михайло почаль змеенков рвать надвое и по/мазала живую водою, ажно / они ожили. И потомъ пома/зала свою мертвую / жену, лѣбѣдъ бѣлую, жена / ево бутто от сна пробудила/сь. И тут Михайло засви/сталъ громкимъ богаты/рскимъ голосомъ. И почели ево / сторожа раскопывать. И бѣ/рутъ ево за бѣлые руки, а онъ ведетъ за собою жену / свою, лѣбѣдъ бѣлую, за руку. / И тут все киевлене поди/вились, что была мертва жена || л. 13
 Михайлова, а Михайло ожи/вилъ ея. И пошедъ в домъ / свой и сталъ с нею Михайло жить любезно, лутче / старово. И жилъ с нею равно / пять лѣтъ, а товарищи / ево еще не бывали в Киевъ / град. И сталъ Михайло в чи/стое поле ездить те/шитца равно на пять / мѣсяцѣв. / А без него пришелъ под Ки/евъ град ц[а]рь Кощей / Золотой Орды, а силы с ним / 100 ты-сящъ и Киевъ град / осадил накрепко и по/сылаетъ в Киевъ градъ / ко князю Владимиру Все/славъевичу: || «Дай мнѣ жену Михайло/ву, и я от л. 13 об.
 Киева прочь по/иду. Ежели ты не отда/шь мнѣ жены Миха/иловы, и я твой Киевъ / град осажу накрепко / и огнемъ пожгу и мужиков / всехъ в Киеве вырублю, / а женъ и дѣтей в полонъ / возму, самому тебѣ не спущу». И кн[я]зь / Владимиръ взговоритъ та/ково слово: «Ой еси вы кн[я]зи и бояра и все киевлене, думайте думу накрепко, / отдавать ли намъ жену / Михайлову, или не отдава/ть». Кн[я]зи и бояра и все киевлене придумали: отда/димъ || мы жену Михайлову. И отдавше / ц[а]рю Кошею невѣрному. И ц[а]рь / Кощей бѣретъ за бѣлые ру/ки и подвель ея в свой бѣлъ / шатерь, а самъ от Киева / прочь пошелъ. Ажно прие/халь ис чи- л. 14
 стово поля Миха/ло Потокъ Ивановичъ / в Киевъ град на свой бога/тырской дворъ, и встречают/ево люди дворовые и сказываю/тъ, что-де отдали жену / твою, лѣбѣдъ бѣлую-киевле/не ц[а]рю Кошею невѣрному. И тутъ Михайло закручи/нилься, не слезая с своего / добраго коня и поехалъ / по граду Киеву и закрываль || громкимъ гласомъ: «Ой еси / вы, л. 14 об.
 собаки мужики киевле/не бѣзвѣрные, почто вы / отдали жену мою крещеную / ц[а]рю Кошею невѣрному, / управлюся я с вами опосле». / Мужики ис Киева разбежалис, / и ц[а]рь Кощей от Киева отшелъ / равно трицать дней. И Миха/ило Потокъ Ивановичъ догонил / его в три часа. Ажно

ц[а]рь Кошей на стану стоитъ, / з женою ево, лѣбѣдью бѣлою, / опочивъ держитъ. Миха/йло Потокъ Ивановичъ / едетъ прямо к бѣлу / шатру. / л. 15 И увидѣла ево лѣбѣдъ || бѣлая и встречается ево / из бѣла шатра, а сама взго/воритъ таково слово: «Светъ г[осу]д[а]рь Михайло Потокъ Ивано/вичъ, рада я, что я тебя / увидѣла, не хошу жить / у ц[а]ря Кошея невѣрно/во в Золотой Орде, а хошу / жить в Киеве градѣ у бога/тыря свято-русского. Изволь / меня взять к себѣ попреж/нему». И стала подносить жѣ лѣбѣдъ бѣлая Михаилу Пото/ку Ивановичю питья пѣя/ново. И тутъ Михайло испи/ваетъ з дороги и ложитца / спать в бѣлѣ шатре. / И мечется л. 15 об. лѣбѣдъ || бѣлая наскоро и будитъ ц[а]ря / Кошея невѣрно: «Г[осу]д[а]рь / ц[а]рь Кошей, приехалѣ / к тебѣ недругъ твой Ми/хайло Потокъ Ивановичъ, / предай ево смерти скорыя, и онъ за тобою не гоняется». / И ц[а]рь Кошей невѣрной отве/тъ держитъ: «Мнѣ Михайло / какой недругъ? На-ехал онъ ме/ня в чистомъ поле в бѣлѣ / шатре сонного, се не пре/далъ мнѣ смерти скорыя. И какъ хощешь сама / с нимъ». И лѣбѣдъ бѣлая веле/ла л. 16 у него обратъ оружие богатырское и пали/цу желѣзную и завязала || ему очи ясныя и ударила ево / ничѣ рукою: «Лежи ты де, Миха/йло, в чистомъ полѣ под бѣлы/мъ каменемъ». И Михай/ло весь окаменелъ. А сами поехали в Золоту Орду.

Ажно приехали в Киевъ / градъ ево товарищи / и привезли дани и выводы. / И почали спрашивать про / Михаила Потока Ивано/вича. И мужики киевлене ска/зали им се, какъ онъ при/весъ дани и выводы и при-весъ / девицу и крестилъ ея / и какъ женился и какъ пре/ставилась, и л. 16 об. какъ оживил / ея и какъ ц[а]рь Кошей невѣрной и какъ Киевъ || град накрепко.

В. П. АДРИАНОВА-ПЕРЕТЦ

Из истории текста антиклерикальных сатир

(«Сказание о бражнике» и «Сказание о попе Саве»)

Оба публикуемых текста сатирических повестей XVII в. читаются в сборнике Рукописного отделения Музея истории религии АН СССР № 45 (Нехорошевский сборник). Этот сборник в 8-ку, на 214 лл. по старой нумерации (207 лл. по новой нумерации), с утерянным первым и последним листами, писан одним почерком — скорописью XVIII в. — до 1766 г. На лл. 2—19, внизу, читается датированная запись владельца: «Книга золотых дел мастера Василея Гаврилова, сына Нехорошева, подписана его рукою 1766 году месяца гевраря (так!) 30 дня».

Сборник до л. 176 представляет собрание различных, по преимуществу религиозно-дидактических мелких статей, перенумерованных от 1-й до 86-й. Глава 1-я, начало которой утеряно (л. 1), — «Сказание о ризе господней»; последняя, 86-я, глава — «О латинских ересех и прение философа греческаго Панагиота с римским философом со Азимитом». С л. 177 по 214 идет текст — «Космография, сиречь всемирное описание земель во едино пребывание и назнаменование степенем во округах небесных». Такая Космография встречается в одном из списков третьей редакции Хронографа. А. Н. Попов указывает, что в списке XVII в. Н. И. Егорова в конце приписаны «две разные Космографии». Одна из них озаглавлена: «Козмография, сиречь всемирное описание земель в едино пребывание и назнаменование степенем во округах небесных». Та же Космография, по словам А. Н. Попова, читается в Хронографе Румянцевского музея (ныне ВБЛ) под № 456, на лл. 435—457, и в отдельном списке — собрания Ундольского, № 705, конца XVII в.¹

«Повесть о бражнике», помеченная в первой части сборника как «глава 14», находится на лл. 51—53 об., «Сказание о попе Саве» переписано на обороте л. 214, где поместилась лишь часть текста; последний лист сборника с остальной частью «Сказания» утерян.

1. «Повесть, или Сказание о бражнике» известна в большом числе списков XVII—XVIII вв., но среди них сравнительно редки те, в которых введен дополнительный эпизод — спор бражника с «Николой», появляющимся среди ветхозаветных и евангельских «жителей рая». В публикуемом ниже тексте «Сказания» сохранена примечательная подробность: бражник укоряет «Николу» не только за то, что «на седмом соборе» он ударил Ария, но и за его корыстолюбие: «Да ты же со православных христиан емлеш посулы — кануны слаткия». Осуждение «посулов» распространяется с мирских властей на «святых», у «праведников» оказываются

¹ А. Н. Попов. Обзор Хронографов русской редакции. Второй выпуск. М., 1869, стр. 201, 218—219.

грехи не только в прошлом, в их земной жизни, но и в раю: «Никола» продолжает за свою помощь «православным христианам» брать с них «посулы». Так заостряется антиклерикальная направленность сатиры. Другая подробность данного варианта — указание, что бражник в раю «сел в лучшем месте», — также редко встречается в текстах этого «Сказания», между тем она подчеркивает торжество бражника над райскими «праведниками».

(л. 51) Глава 14. Сказание о бражнике

Бысть некий бражник велми пиющ, а за всяким ковшем и за всяким куском господа величал. И повелением божим прииде к нему ангел господень и взя душу его и постави ю у врат честнаго рая и отиде от него.

Бражник же нача толкаться у врат честнаго рая. И прииде апостол Петр и рече ему: «Кто у врат чеснаго рая толкается?». Бражник же отвеща ему: «Аз есмь бражник, хощу с вами в раю быти». И отвеща ему апостол Петр: «Бражником не входимо здесь, в раи бражники не водворяются, бражником уготована мука вечная». Бражник же рече ему: «А ты, господине, кто? Глас твой слышу, а имени твоего не вем». Петр же рече: «Аз есмь Петр верховны, вручил мне господь ключь чеснаго рая». Бражник же рече ему: «Господине Петре, помниш ли ты, коли при распяти господни и ты отрекся² от Христа? Толико бы не слезы помогли тебе, то бы и сам не был (л. 51 об.), за то тебе и дал господь ключь честнаго рая. А меня, православнаго христианина, за что в рай непустиш? А яз, бражник, пил рано, а за всяким ковшем господа бога прославлял». Петр же от него отиде прочь, посрамлен бысть.

Бражник же еше нача талкаться у врат чеснаго рая. Пришед к нему Пауел верховны апостол и рече: «Кто у врат честнаго рая толкается?». Бражник же отвеща: «Аз есмь бражник, хощу с вами в раю быти». Отвеща ему Пауел: «Бражником в раи не входимо, бражником уготована мука вечная». Бражник же рече: «А ты, господине, кто? Глас твой слышу, а имени твоего не вем». Отвеща ему: «Аз есмь Пауел верховны апостол, мирную землю воскресив». Бражник же отвеща ему: «Господине Пауел, помниш ли ты, коли дал бог тебе учить верующих во Христа и ты архидиакона Стефана камением убил? А ныне ты о чем в раю, а меня, православнаго христианина, за что в рай непустиши? А я всегда пил рано, а за всяким ковшем господа прославлял». Пауел же отиде прочь посрамлен.

Бражник же еше нача толкаться у врат честнаго рая. Прииде ко вратом царь Давид (л. 52) и рече: «Кто у врат честнаго рая толкается?». Бражник же отвеща ему: «Аз есмь бражник, хощу с вами в раю быти». И рече царь Давид: «О чем еси богу не утруждался, и ты б уготовал царствие небесное, а то вам уготована мука вечная. Отиди, человеце, прочь». Бражник же рече: «А ты, господине, кто? Глас твой слышу, а имени твоего не вем, кто еси ты». И рече ему царь Давид: «Аз есмь царь Давид». Бражник же рече ему: «Помниш ли ты, коли слугу своего послал на службу и велел ево убити, а жену ево взял на постелю к себе? Да о чем ты в раю? А я, бражник, пил всегда рано, а за всяким ковшем бога прославлял, а ты, прелюбоденца и убиинца, да о чем ты в раю, а меня, православнаго христианина, за что в рай непустиш?». Царь Давид удивися тому мудрому ответу и отиде прочь посрамлен.

Бражник же еше нача толкаться у врат честнаго рая. И прииде ко вратом царь Соломон и рече: «Кто у врат честнаго рая толкается?». Отвеща ему бражник: «Аз есмь бражник, хощу с вами в раю быти». И рече царь

² отрекся повторено.

Соломон: «Отиди, человекче, прочь (л. 52 об.), бражником в рай не входимо, бражником уготована мука вечная. Кто не творит воли божия, тем в рай не входимо». Бражник же рече: «А ты, господине, кто? Глас твой слышу, а имени твоего не вем». И рече ему царь Соломон: «Аз есмь царь Соломон, церковь иерусалимскую строил святая святых». Бражник же рече ему: «Помниши ли ты, коли слугу своего,³ как тебя господь из уст аловых¹ вывел, да аще бы не Давыда ради раба своего, ино б тебя во аде искоренил, да аще бы тебе не одно слово помогло, что ты рек: господи боже мой, не забуди нищих своих до конца. Тем ты из уст аловых⁴ вышел. А яз, бражник, пиющ, а за всяким ковшем господа бога прославляя, опричь господа никого не прославляя». Бражник же рече себе: «Боже милостив, гораздо ты людям жаден. тех грешных рано пускал, а меня, православнаго христианина, за что в рай непустиш?». Соломон же удивися тому мудрому ответу и отиде прочь посрамлен.⁵

Бражник же еще нача толкаться у врат честнаго рая. И прииде ко вратом Николай чудотворец и рече: «Кто у врат честнаго рая толкается?» Бражник же отвеща ему: «Аз есмь (л. 53) бражник, хощу с вами в раю быти». И рече ему Николай чудотворец: «Здесь бражники не водворяются, бражником уготована мука вечная». Бражник же рече ему: «А ты, господине, кто? Глас твой слышу, а имени твоего не вем». Отвеща ему: «Аз есмь святы Николай». «Помниши ли ты, коли святы отцы были на седмом соборе, обличали еретиков и ты дерзнул на еретическую руку? Не подобает святителем дерзну быти. Да ты же со православных христиан емлеш посулы — кануны слаткия. А ныне ты в раю, а меня, православнаго христианина, за что в рай непустиш?». Николай чудотворец удивися тому мудрому ответу, отиде прочь посрамлен.

Бражник же еще нача толкаться у врат честнаго рая. И пришед ко вратом Иоан Богослов и рече: «Кто у врат честнаго рая толкается?». Бражник же отвеща ему: «Аз есмь бражник, хощу с вами в раю быти». И рече Иоан Богослов: «Аз есмь написав во евангелии, что бражники не наследят царства небеснаго». Бражник же рече: «А ты, господине, кто? Глас твой слышу, а имени твоего не вем». И рече (л. 53 об.): «Иоан Богослов, друг Христов, написал евангелие с Лукою и с Марком во едино слово и во едино божество». Бражник же рече: «Иоанне Богослове, помниши ли ты, коли вас господь послал учити⁶ и проповедати и крестити, а во христианах друг друга любити и тяготы носити⁷ и тако исполнить закон христов?». И пусти Иоан Богослов бражника в рай. Бражник же сел в лучшем месте, благословен к тому месту отныне и до века. Аминь.

2. «Сказание о попе Саве» — пьянице и взяточнике, попе из подмосковной слободы Кадашево — редко встречается в списках. Сложенное в XVII в., оно сохранилось лишь в копиях XVIII в., из которых две дают текст в относительно полном виде, одна представляет собой сильно сокращенную версию, и две — отрывки в несколько строк. Поэтому каждый новый список, даже неполный, должен быть учтен как свидетельство не только читательского интереса к этой острой сатире, но и жизни самого ее текста. Как известно, сатирические произведения XVII в. в рукописной традиции сравнительно легко варьировались, напоминая этим судьбу устнопоэтических памятников в живом исполнении. Более устойчивым

³ Очевидно, эти слова ошибочно повторены из предыдущей беседы с Давидом.

⁴ вааловых.

⁵ В ркп. просрамлен.

⁶ В ркп. учитити.

⁷ В ркп. насоти.

был, видимо, текст сатир, сложенных в четкой ритмической форме, которая ограничивала возможности свободного пересказа. Публикуемый ниже отрывок «Сказания о попе Саве» подтверждает это наблюдение; текст его очень близок к лучшему из сохранившихся списков — собрания Забелина, № 536 (855).⁸

(л. 214 об.) Сказание о попе о Саве и о великой его славе

Послушайте, миряне и все православныи христиане,
что ныне зделалось, великое чудо учинилось
над долгим попом, над премым дураком,
от Казмы Демьяна из-за реки,
а в приходе у него все богатые мужики.

Да зовут ево, попа, Савою, да немал он славою.

Живет он за рекою, а в церковь ни ногою.

Люди в церкви молятся, а он по приказом волочитца
и ищет, с кем бы потягатца, а в[п]ред бы ему с ним
и не знатца.

Да он же, поп Сава, по площади рыщет, да
ставлеников ищет,

много с ними говорит, а все к себе за реку манит:

«У меня хотя за рекою стоите, а в церкви не поите.

А я де су, поп Сава, да немалая про меня слава,
вашу братью в попы ставлю и рубашки на вас не
оставлю.

Сам хотя наг поиду, а вашу братью что бубнов поведу».

Добрыми людьми хвалится, а сам от них пятитца,
как бы ему их обмануть, а к себе за реку стянуть.

По тех мест он ставлеников держит, покамест все
денги издержит,

а их домой отпускает и рукописание взимает,

чтоб им опять к Москве приполсти,

а Савушке, батюшке, винца привести. . .

⁸ Текст «Сказания о попе Саве» издан по этому списку в книге: В. П. Адрианова-Перетц. Русская демократическая сатира XVII в. М.—Л., 1954 (серия «Литературные памятники»), стр. 70—72; обзор списков «Сказания» и варианты к изданному тексту на стр. 206—207.

Е. А. МАЙМИН

Протопоп Аввакум в творчестве Л. Н. Толстого

В своих заметках о Толстом А. М. Горький не случайно сближает имя автора «Исповеди» и «Так что же нам делать?» с именем «огнепального протопопа». В Толстом, писал Горький, «жило дерзкое и пытлиное озорство Васьки Буслаева и часть упрямой души протопопа Аввакума... Проповедовало и терзало душу художника Аввакумово начало». ¹ В замечании Горького не одна только яркая образность. Горький сблизил в своем сознании Толстого с Аввакумом, в котором ощущал прежде всего стойкого, непоколебимого («упрямая душа») и страстного борца («Аввакумово начало»). Быть может, именно эти черты личности Аввакума и привлекли к нему внимание Толстого в связи с замыслом романа из Петровской эпохи. Этот неосуществленный замысел относится к самому началу 70-х годов. В течение нескольких лет мысль написать роман из эпохи Петра не оставляла Толстого. Толстой много и упорно работает, и следы этой работы, дошедшие до нас, представляют исключительный интерес. Это не только отдельные художественные наброски будущего произведения, но и материалы по изучению исторических источников, относящихся к эпохе, занимающей писателя. Среди последних особое внимание привлекают отдельные листы в общей обложке, с надписью «Бумаги Петра», в которых имеются выписки из сочинений С. М. Соловьева, касающиеся древней русской истории. Немалое место в этих выписках Толстого занимает и личность протопопа Аввакума. ²

В 13-м томе «Истории России» С. М. Соловьев подробно останавливается на жизни и деятельности Аввакума, приводя целые куски из его «Жития». Читая Соловьева, Толстой делает выборочные, конспективные выписки, записывает то, что кажется ему особенно важным и заслуживающим внимания. Вместе с тем попутно он делает и свои замечания об Аввакуме.

Всего об Аввакуме Толстым сделано четыре выписки. Первая выписка — слова Соловьева, приведенные в сокращении, — «Аввакум в житии своем является не один, но окруженный целю дружиной подобных ему богатырей; тут же близко знакомится с особого рода богатырями и юродивыми, которым так же грузно от силушки, как от тяжелого бремени, и которые освобождаются от этого бремени тем, что ходят в лютые морозы босиком в одной рубашке». ³

¹ А. М. Горький. Лев Толстой. Заметки. В кн.: Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников, т. 2. ГИХЛ, 1955, стр. 413.

² Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, под ред. В. Г. Черткова, т. 17. М., 1936, стр. 395.

³ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., т. 17, стр. 395.

Второй выписке предпослана небольшая заметка, принадлежащая самому Толстому: «Аввакум — однорядку».⁴ Этого нет у Соловьева. Очевидно, эти слова не что иное, как первая зарисовка к портрету: в будущем романе из Петровских времен в качестве одного из персонажей должен будет выступить и Аввакум, и писатель видит его одетым (соответственно свидетельству «Жития») в старинную мужскую одежду, в однорядный долгополый кафтан-однорядку. Далее у Толстого следует еще одно замечание — предварительное, обобщенно-конспективное замечание писателя о характере своего героя: «Злой, энергичный»,⁵ что иллюстрируется кратким пересказом того, о чем говорится у Соловьева: «Дочь [один начальный человек] отнял у матери. Аввакум вступился». И тут же еще один факт из жизни протопопы, еще одна иллюстрация к приведенным определяющим чертам характера — причем слово предоставляется, как это делается и у Соловьева, самому Аввакуму: «Пришли в село мое плясовые медведи и с бубнами и с домрами, и я, грешник, по Христе ревнуя, изгнал их, и ухари и бубны изломал на поле един у многих и медведей двух великих отняв; — одного убил и паки ожил, а другого пустил в поле».⁶ Толстой цитирует не точно. У Аввакума, и соответственно тому у Соловьева, читаем не «убил», а «ушиб», не «пришли», а «придоша» и т. д. К точному цитированию Толстой и не стремится. Видно, что выписки важны ему не как строго документальный материал, а как художественные заготовки, которые еще предстоит обрабатывать сообразно конкретному писательскому замыслу.

Третья выписка — о ссылке Аввакума в Даурию и истязаниях, которым его подвергает Афанасий Пашков. Толстой цитирует из «Жития» вслед за Соловьевым: «На Долгом пороге стал меня из дощеника выбивать...» и обрывает цитату на словах: «Горы высоки, дебри непроходимые, утес каменный, яко стена стоит — голову заломя на горы смотреть». И тут же добавляет от себя как вывод характеристику стиля Аввакума: «Быстрая речь, на волоске шутка мрачная».⁷

Четвертая выписка — новые факты из жизни Аввакума с неточной цитацией. «Десять лет, — говорит Аввакум, — Пашков меня мучил или я его, не знаю. Бог разберет. Наконец пришла грамота — велено Аввакуму ехать на Русь. Протопоп отправился, приплыл в русские города».⁸ У Соловьева это место предпослано рассказу о том, как упавшему было духом протопопу помогла бодрым словом протопопица. Толстого протопопица не интересует. Он ограничивается только приведенными фактами, касающимися самого Аввакума, и следом делает приписку — приписку писателя, художника, которого всегда особенно интересует характерная деталь в человеке. Он пишет: «Себя называет: протопоп».⁹ Это, разумеется, прямо для романа, это писательская заметка к будущему произведению.

В том же месте есть еще одна приписка Толстого: «Себя отстегивал». И рядом приводятся слова Аввакума из «Жития», сказанные им вселенским патриархам: «Мы уроды во Христе (у Аввакума: «Христа ради», — Е. М.), вы славны, мы же бесчестны; вы сильны, мы же немощны».¹⁰

Дошедшие до нас материалы, связанные с толстовским замыслом исторического романа из эпохи Петра, в той части, которая относится непо-

⁴ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., т. 17, стр. 395.

⁵ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., т. 17, стр. 395.

⁶ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., т. 17, стр. 395.

⁷ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., т. 17, стр. 395.

⁸ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., т. 17, стр. 395.

⁹ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., т. 17, стр. 395.

¹⁰ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., т. 17, стр. 395.

средственно к протопопу Аввакуму, свидетельствуют о весьма своеобразном интересе Толстого к знаменитому деятелю раскола.

В это время Аввакум существует для Толстого главным образом как яркая самобытная личность. Именно с этой стороны он привлекает больше всего внимание художника. В Аввакуме Толстой видит будущего героя своего произведения; в связи с ним его интересует все особенное, неповторимое, — все то, что может помочь писателю создать убедительный и живой характер, образ. В конечном счете, протопоп Аввакум интересует Толстого как один из самых замечательных русских людей XVII в. Аввакум — писатель, стилист, непревзойденный мастер родной русской речи пока что для Толстого остается на заднем плане, хотя он и отмечает уже существенную черту — «на волоске шутка мрачная». Сама неточность цитирования произведений Аввакума может служить косвенным свидетельством особой, иной направленности внимания: факты из жизни, характерные детали, а не слова, не форма их выражения важны Толстому. Интерес к Аввакуму — писателю, стилисту появится у Толстого несколько позже, хотя и в очевидной связи с его работой над романом из эпохи Петра.

Работа над историческим романом о Петре вообще заставила Толстого ближе познакомиться с древнерусской литературой. Познакомиться — и оценить. В дневнике жены писателя, С. А. Толстой, под 27 марта 1871 г. мы находим строки, относящиеся к Толстому: «Мечтает написать из древней русской жизни. Читает Четьи-Минеи, жития святых и говорит, что это наша русская настоящая поэзия».¹¹ Следствием близкого знакомства с древнерусской литературой явились у Толстого и мысли о недостатках в современной постановке преподавания словесности в школе. В своих воспоминаниях об отце С. Л. Толстой пишет: «О преподавании русской литературы Лев Николаевич говорил: „Обыкновенно сообщают очень немногое о былинах и летописях и о допетровских русских писателях — о переписке Ивана Грозного с Курбским, о жизнеописании протопопа Аввакума, о Котошихине, Посошкове и др. Между тем это серьезная содержательная литература...».¹² Интересно, что здесь уже «Житие» Аввакума упоминается Толстым среди других выдающихся явлений древней русской литературы. Это дань внимания к Аввакуму — писателю, это признание за его сочинениями литературной ценности.

В конце 70-х годов Аввакум как будто бы начинает занимать Толстого еще и с новой стороны. Толстой в это время переживает самый острый период религиозных исканий. В связи с этим усиливается его интерес к религиозным течениям, которые противопоставляли себя официальной православной церкви, и в том числе к старообрядчеству. В начале мая 1878 г. он пишет статью, которую посвящает спорам старообрядцев с православными, издавна происходившим в Московском Кремле на пасхальной неделе. Статья, так и не законченная Толстым, носила название «Прения о вере в Кремле».¹³ Незадолго перед этим в письме к Н. Н. Страхову Толстой пишет: «Еще просьба: Путешествие инока Парфения и попа раскольника Авакума и раскольничьего что есть, но не обработанного, а сырого матерьяла. Если что есть, или вы узнаете, пришлите мне, пожалуйста».¹⁴ Аввакум теперь интересует Толстого, очевидно, как идеолог, как вождь особой религиозной секты. В нем Толстой хочет найти некую опору, поддержку в своих религиозных исканиях, в своем неприятии казенной

¹¹ Дневники Софьи Андреевны Толстой. 1860—1891 Изд. М. и С. Сабашниковых, 1928, стр. 34.

¹² С. Л. Толстой. Очерки былого. Мой отец в семидесятых годах. В кн.: Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников, т. 1. ГИХЛ, 1955, стр. 171.

¹³ См.: Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., т. 17, стр. 145—150.

¹⁴ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., т. 62 М., 1953, стр. 400.

официальной церкви. Но найти поддержку в этом у Аввакума, как и вообще в старообрядческом движении, Толстой, естественно, не мог (недаром он не закончил свою статью, посвященную спорам старообрядцев с православными: пропал интерес). Более того, Толстой, по-видимому (как и Тургенев), вообще не мог серьезно воспринимать Аввакума как идеолога, воспринимать так же, как он воспринимал, например, своего современника сектанта Сютаева или, в плане социальном, крестьянского писателя Бондарева. Не случайно об Аввакуме-идеологе мы не находим у Толстого ни одного высказывания. Зато, познакомившись ближе с произведениями Аввакума, Толстой увлекается ими с другой стороны — как литератор. Не религиозный реформатор читает Аввакума, но писатель, которому особенно дорога живая русская речь.

Сохранился в бумагах Толстого очень важный в этом смысле документ: записная книжка, опубликованная под № 8,¹⁵ в которой Толстой делал записи в 1879—1880 гг. Интересен уже характер и источник этих записей. Толстой делает выписки из сочинений протопопа Аввакума, словаря Даля, записывает народные выражения, обороты, отдельные слова, услышанные им самим. Само по себе соседство значительно: слова и обороты из сочинений Аввакума рядом с предложениями, взятыми у Даля, рядом с образцами живого народного языка. Очевидно, язык Аввакума воспринимается Толстым в том же плане, что и язык народный: как яркий пример не стертой, не традиционно-литературной, но живой разговорной речи, с ее привлекательной свежестью, выразительностью.

Из сочинений Аввакума Толстой не просто выписывает, но подчеркивает, выделяет особо понравившиеся ему обороты, выражения, слова.

Из «Жития»: «Он надо мною делает за посмея»; «Поглядеть заламя голову»; «Навозная рожь. Протолкался к матери»; «Я только выволокся в Москву»; «Жгом огнем блудным, угаси тот огонь»; «Больно у Христа остра шепалуга та»; «Нестройство в дому»; «Развякался. Блязновато»; «Исцелел в уме».

Примеры яркой, живой, выразительной и динамичной фразы из того же «Жития»: «Река мелкая, плоты тяжелые, пристава немилостивые, палки большие, батоги суковатые, кнуты острые, пытки жестокие, огонь да встряска, люди голодные, лишь станут мучить, ино и умрет»; «Час, другой положит, встанет, 1000 поклонов отбрасает и сядет».

Из книги на крестоборную ересь: «Удавили на виселице. Потонку неколи писать. Употчивали палками. Миленькой»; «Когда гневается — тигр, когда блудный — осел, когда объедается — свинья, когда убивает — сам дьявол».

Из «Челобитной протопопа Аввакума царю Алексею Михайловичу»: «Не покручинься, царь. Ты раб за уряд со всеми».

Из «Послания протопопа Аввакума к боярыне Морозовой»: «Медок переставай попивать. Нам и воды в честь, а живем же».

Из «Письма Аввакума боярыне Морозовой и сестре ее княгине Урусовой»: «Некого четками стегать и не на кого поглядеть, как на лошадке поедет, и по головке погладить. Нет миленького сударика. В последнее недели, как причастили его».¹⁶

Все выписки, сделанные Толстым из сочинений протопопа Аввакума, как легко заметить, имеют единый характер и, соответственно, одно общее назначение. Как правило, они не представляют собою выражений законченного содержания, но всегда являются некими стилизованными образцами. Выращения «поглядеть заламя голову», «выволокся», «развякался» и др.

¹⁵ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., т. 48. М., 1952, стр. 260—292.

¹⁶ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., т. 48, стр. 260—292.

интересовали Толстого как примеры языковой новизны, смелости, самообытности, как яркая, не избитая словесная форма. Нет нужды говорить, как эта языковая свежесть и самообытность важна была писателю, как должен был ухватиться за нее Толстой, особенно в конце 70-х годов, когда его волновали мысли о подлинно народном искусстве, когда он уже задумал писать свои народные рассказы.

Вопрос о том, использовал ли Толстой сделанные им из сочинений Аввакума выписки, употреблял ли он полюбившиеся ему словечки и выражения в своих произведениях, не имеет принципиального значения. Записная книжка писателя — это не только памятная книжка. Писатель может никогда и не воспользоваться непосредственно тем, что он записал. Но это не значит, что записанное пропало: как закрепление работы мысли, воображения художника, как закрепление впечатления (в данном случае — речевого впечатления) запись уже сама по себе сыграла роль в творческом становлении писателя.

Выписки отдельных речевых оборотов, выражений и слов из сочинений Аввакума — несомненное свидетельство той высокой оценки, которую давал в эту пору Толстой Аввакуму как писателю, как стилисту.

Высокое мнение об Аввакуме как стилисте сохранилось у Толстого и в дальнейшем, как сохранился и интерес к самой личности протопопа. В сентябре 1885 г., предполагая издавать «Народный журнал», Толстой пишет П. И. Бирюкову: «Язык надо бы по всем отделам держать в чистоте — не то, чтобы он был однообразен, а напротив — чтобы не было того однообразного литературного языка, всегда прикрывающего пустоту. Пусть будет язык Карамзина, Филарета, попа Аввакума, но только не наш газетный».¹⁷ Спустя 10 лет Толстой снова в беседе с В. Ф. Лазурским упоминает об Аввакуме как о превосходном стилисте. Говоря о недостатках в преподавании словесности, Толстой предлагает свою программу. Лазурский приводит слова Толстого: «...из книжной словесности остановился бы, например, на таком превосходном стилисте, как протопоп Аввакум (Лев Николаевич очень удивился, когда я сказал ему, что у нас Аввакума совсем не включают в учебники)».¹⁸

Свидетельства живейшего интереса Толстого к Аввакуму мы имеем и от более позднего времени. В дневнике С. А. Толстой под датой 3 февраля 1904 г. записано: «Толстой читал вслух семейным Житие протопопа Аввакума».¹⁹ А двумя годами позднее, как сообщает Д. П. Маковицкий, Толстой снова обращается к Аввакуму: «После обеда Лев Николаевич читал нам из Истории Соловьева про протопопа Аввакума. Во время чтения прослезился. С большим уважением и любовью говорил о нем. Хвалил выдержки из Жития Аввакума, приводимые Соловьевым: „Коротко и образно“».²⁰

Так, раз зародившийся, до конца жизни сохранился интерес Толстого к Аввакуму — своеобразнейшему человеку и замечательному писателю.

Этот интерес для нас имеет не только частное значение. Он является еще одним лишним свидетельством того, что в XIX в., в одну из самых славных эпох в истории русской литературы, в эпоху ее расцвета и всемирной славы, не забыт был автор «Жития», высоко ценился и оказывал воздействие на писателей как несравненный мастер живого русского слова.

¹⁷ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., под ред. В. Г. Черткова, т. 63. М.—Л., 1934, стр. 286.

¹⁸ В. Ф. Лазурский. Дневник. Запись под 29 декабря 1895 г. В кн.: Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников, т. 2, стр. 53.

¹⁹ См.: Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., под ред. В. Г. Черткова, т. 55. М., 1937, стр. 400.

²⁰ Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., т. 55, стр. 544.

А. А. ГОРБУНОВА

Два неизвестных частных письма конца XVII в.

(К истории эпистолярного стиля).

Из памятников старины частные письма в музеях, хранилищах и архивах — наиболее редкое явление. Однако ценность этого рода письменных памятников для филологов наиболее велика, так как они доходят до нас в своей первой редакции, без последующих переделок или исправлений, следовательно, точно передают своеобразие стиля и языка автора.

Частные письма обычно точно указывают на адресат и время написания, что тоже очень важно для исследователя.

Для лингвистов и литературоведов такие памятники интересны в том отношении, что «эпистолярные стили, не подвергавшиеся строгой нормализации, отражали сложное и тонкое переплетение в устной и книжной речи того времени старого с новым, своего и чужого (заимствованного)... Несмотря на появление в письмах стилистически инородных речевых средств, они все же были едва ли не копией живой разговорно-бытовой речи того времени».¹

Своеобразие эпистолярного стиля обнаруживается уже в самых ранних памятниках, например в письме «от Гостяты к Васильви» (новгородская берестяная грамота № 9, XI в.). Еще более рельефно характер эпистолярного стиля выявляется в письмах более позднего времени: лексика, синтаксис, морфологический строй их типичны для разговорного русского языка. Памятники эти богаты конкретно-бытовой лексикой и фразеологией, синтаксис свободен от норм книжного языка, не обладает той четкостью, которая была свойственна официальным документам, морфологический строй изобилует формами, свойственными разговорному языку соответствующего времени, возможны диалектные формы. Лишь в известной степени письма содержат элементы книжно-литературного языка, нормы, в какой-то мере уже разошедшиеся с живым разговорным языком. Характерна для писем и своеобразная фразеология, народная в своей основе. В этом отношении чрезвычайно интересны письма протопопа Аввакума.

Своеобразны в письмах и формы обращения, изъявления уважения, порядок изложения содержания письма, подчиняющийся своим, особым нормам. Обычно последовательность изложения в письмах такая:

1. Наименование адресата и лица, от кого письмо: «От Гостяты к Васильви» (XI в.); «От царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси Василью Григорьевичю Грязному Ильину» (1574 г.); «Государю царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Руси бедной холоп твой полоняник Васюкъ Грязной плачетца» (1576 г.); «Государыне моей

¹ А. И. Ефимов История русского литературного языка (Курс лекций) Изд МГУ, 1954, стр 137

свету тетушке княгине Домне Богдановне Борисова дочь Федоровичя Годунова челомъ бьет» (1609 г.); «Государю моему Семену Тимофеевичю Ивашко Милославской челом бью»; «Государю моему и другу сердешному, Ивану Семеновичю, женишка твоя, Дуняшка, премного челом бьет» (из писем, обнаруженных в музее г. Молотова).

2. Затем идет пожелание здоровья и просьба сообщить о здоровье адресата: «Буди, государыня, здорова на многие лета» (из письма Ксении Годуновой к тетке); «Пожалуй, государыня, пиши ко мне о своем здоровье...» (там же); «Пожалуй, государь, прикажи ко мне писать о своем многолетном здорове, а я, государь, твоиво здорovia слышать усердно желаю» (из письма Милославского); «Здравствуй друг сердешной, Иван Семенович, на множество летъ... А ко мне, друг мой, извол писать о своем многолетнем здорове, чего я о твоём благоздравии по вся часы слышати с усердием желаю...» (из письма неизвестной боярыни к мужу).

3. Затем уже обычно следует сообщение о своем здоровье, месте нахождения, жизни, службе: «А про меня похочешь ведати, и я у живоначальные Троицы, в осаде, марта по 29 день» (из письма Ксении Годуновой); «А изволишь, государь, про меня ведать, и я на службе великого государя... в Астарахани...» (из письма Милославского); «А про меня, друг мой, Иван Семенович, изволишь ведать: и я на Москве з детьми...» (из письма неизвестной боярыни к мужу).

4. После этого идет изложение просьбы, сообщение о деле или описание тех или других событий: «Прошу, государь, приятства твоиво к себе, пожалуй побереги Арзамаских моих крестьянишок...» (из письма Милославского).

5. И, наконец, заключение, в котором снова выражается уважение, «челобитье» адресату, пожелание здоровья: «Потом тебе, государю моему, много челом бью» (из письма Милославского); «А аз тебе, государыне своей, много челом бью» (из письма Ксении Годуновой).

Эпистолярный стиль наиболее яркое выражение получил в памятниках XVI—XVII вв. Ряд интереснейших писем и посланий как по содержанию, так и по языку (письма Сильвестра Медведева, послания Максиму Греку и митрополиту Даниилу Федора Карпова, послание Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь игумену Козьме, переписка Ивана Грозного с князем Курбским, с Василием Грязным и др.) свидетельствует об интенсивном развитии эпистолярного стиля в XVI в.

XVII век менее богат памятниками эпистолярного стиля. К ним прежде всего следует отнести замечательные по своим языковым особенностям письма протопopa Аввакума к царю Алексею Михайловичу, боярыням Морозовой, Урусовой, Даниловой, попу Исидору и др. Надо отметить также письма боярыни Морозовой Аввакуму, письма дьякона Федора и др.

С этой точки зрения не лишены интереса два частных письма, по нашему мнению, конца XVII в., обнаруженные в краеведческом музее г. Молотова: письмо Милославского своему другу Семену Тимофеевичу Булгакову и письмо неизвестной боярыни к мужу в Азов.²

* *

*

История двух обнаруженных в музее писем совершенно неизвестна, находились они среди множества других свитков, писанных тоже скорописью.

² Предположение о том, что письмо написано от боярыни, подтверждается следующими строками: «Да я же к тебе, друг мой, хотела боло написать, что некоторыя меня боярони посещают, да велела почернить». Во всяком случае, автор письма — безусловно женщина из высшего сословия того времени.

По-видимому, оба письма некогда были зарегистрированы каждое за своим номером, так как на оборотной стороне одного (письмо Милославского) одним и тем же почерком (черными чернилами, но уже довольно выцветшими) написано: «Просительное письмо», а ниже — «№ 8»; на другом: «Партикулярное письмо», ниже — «№ 33».

Первое письмо сохранилось довольно хорошо, никаких изъянов, кроме двух водяных пятен, на письме нет. Бумага тонкая, довольно плотная, желтоватого цвета. Филигрань представляет собой нижнюю часть кувшинчика, под ней три едва различимые латинские буквы. Написано письмо великорусской скорописью.

Второе письмо сохранилось очень плохо, во многих местах оно порвано, весь первый сстав наклеен на толстую старинную бумагу. Письмо написано на двух сставах. Первый из них сохранился несколько лучше второго, более желтого цвета. На бумаге верхняя часть амстердамского герба (два льва, держащих щит, на котором три косых креста), а именно корона. На втором сставе тоже самая верхняя часть фигурной филигрании, так называемый знак «Pro patria».

Письмо написано черными, хорошо сохранившимися чернилами, великорусской скорописью. Письмо, по-видимому, без конца: так как в нем нет традиционной концовки, пожелания здоровья и челобитья.

После выяснения некоторых обстоятельств, связанных с письмами, перед нами встал вопрос о необходимости выяснить более или менее точно год написания писем, так как прямых указаний на это в письмах нет, и по возможности уточнить сведения об авторах и адресатах писем.

В «Просительном письме» указывается адресат и автор письма: «Государю моему, Семену Тимофеевичю, Ивашко Милославской челом бью». Но какой именно это Иван Милославский: Иван Михайлович, возглавлявший борьбу Милославских против Нарышкиных за возведение на престол царевича Ивана (сына Алексея Михайловича и М. Милославской), активный участник стрелецкого бунта (умерший в 1685 г.), или Иван Богданович Милославский, симбирский окольный и воевода?

Из письма явствует, что автор письма был 5 ноября неизвестного года под Астраханью «на службе великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича». Это дало нам возможность решить вопрос в пользу Ивана Богдановича Милославского, так как известно, что именно он был послан Алексеем Михайловичем в Астрахань на окончательное подавление народного волнения, возглавляемого Степаном Разиным.

К концу августа 1671 г. суда «с государевыми людьми» и воеводою Иваном Богдановичем Милославским подошли к Астрахани. К этому времени в Астрахани находились лишь остатки войска Степана Разина, возглавляемые Федором Шелудяком, сам же Степан Разин был уже казнен (6 июня 1671 г.). Три месяца стоял Милославский под Астраханью. На помощь ему пришел черкесский князь Каспулат Муцалович и осадил Астрахань с другой стороны. В городе начались волнения, а в лагере разинцев — раскол, усилившийся после пленения Федора Шелудяка черкесским князем. Наконец, 26 ноября разинцы сдались Милославскому, Астрахань была взята. В эти дни, полные волнений для астраханцев, Иван Богданович Милославский не забывал о своих личных делах. «... пожалуй, побереги арзамаских моих крестьянишюк...», — писал он своему другу Булгакову.

Его беспокойство за сохранение «крестьянишюк» вызывалось свежими воспоминаниями о крестьянских волнениях, охвативших большую часть территории тогдашней России, в том числе и Арзамас, о массовом бегстве крестьян на Дон, Урал, в заволжские степи.

Так решается вопрос об авторе и годе написания «Просительного письма».

«Партикулярное письмо» как по содержанию, так и по своим языковым чертам более интересно. Нам не удалось установить, от кого оно и кому адресовано. На оборотной стороне лишь написано: «Другу моему Ивану Семеновичю».

Год написания письма, исходя из ряда косвенных дат, примерно можно установить. Из письма видно, что адресат находился на службе «великого государя» в Азове, следовательно, это могло быть только при Петре Первом, в конце XVII в., в период Азовских походов. Как известно, во время Азовского сидения (1641 г.) у царя Михаила Федоровича не только никого не было на службе под Азовом, но он даже отказался принять от казаков отбитый у турок Азов и присоединить его к России. «Повесть об Азовском осадном сидении» раскрывает беспримерный героизм донских казаков и полный драматизма исторический факт. Значит, письмо не могло быть написано в этот период. Кроме того, и язык, и тип скорописи свидетельствуют о более позднем его написании.

Жена пишет: «Хотя б тебе со мною в полтора года на одинъ час видяться»; значит, муж был в отсутствии уже полтора года. Когда же он мог выехать из Москвы? Мы полагаем, что это могло произойти весной 1695 г. (в начале марта), когда он мог выехать вместе с авангардом русской армии. К 6 октября (дата написания письма жены к мужу) примерно и истекло полтора года с момента выхода армии из Москвы. Следовательно, это был уже 1696 г.

В конце марта 1696 г. азовская армия была сосредоточена в Воронеже, где спешно формировался и русский флот. 27 мая русский флот вышел в море, отбросил турецкий флот и блокировал Азов с моря. В это время русская армия осадил крепость Азов с суши. Соединенными усилиями армии и флота 18 июля Азов был взят. В письме указывается, что последнее письмо от мужа было получено 2 октября, а написано оно было 28 августа. Если допустить, что адресат действительно вышел из Москвы в марте 1695 г., то можно предположить и то, что он был участником штурма крепости, а после ее взятия оставался еще в ней. На это же может указывать и та часть письма, где сообщается о посылке трав и денег адресату: «... и те деньги пятьдесят рублей и дватцать рублей, которыя даны для всякаго опасения, положены с травами в коробку». Травы, конечно, могли быть только лекарственные, следовательно, адресат в них нуждался.

Все наши предположения могут быть приняты в связи с тем, что в период Азовских походов Петром Первым было мобилизовано огромное количество людей как из крестьян, так и из высшего сословия того времени. Адресат, по-видимому, был далеко не простым человеком, так как иначе едва ли бы стали навещать жену в его отсутствие московские боярыни.

Прилагаем тексты обоих писем, сохраняя их названия, записанные на обороте.

Просительное письмо

Государю моему Семену Тимофеевичу Ивашко Милославской челом бью. Пожалуй, государь, прикажи ко мне писать о своем многолетном здорове, а я, государь, твоиво здорovia слышать усердно желаю. А изволишь, государь, про меня ведать, и я на службе великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа великия и малыя и белыя Росии самодержца в Астарахани ноября в 5 день жив, доволи творца моиво. А в предтекущая время он же создавый имя весть. Прошу, госу-

дарь, приятства твоиво к себе: пожалуй, побереги арзамаских моих крестьянишок села Рожественнова да села Инчазина. А я в том на тебя надежен. Потом тебе, государю моему, много челом бью.

На оборотной стороне свитка написано:

Государю моему Семену Тимофеевичю Булгакову.

Партикулярное письмо

Государю моему и другу сердешному, Ивану Семеновичю, женишка твоя, Дуняшка, премного челом бьет. Здравствуй друг сердешной, Иван Семенович, на множество лет в милости божией. А ко мне, друг мой, извол писать о своем многолетнем здорове, чего я о твоём благоздравии по вся часы слышати с усердием желаю и з детьми. А про меня, друг мой, Иван Семенович, изволишь ведать: и я на Москве з детьми с Катюшкой и с Парашенькою октября по 6-е число в добром здорове. Челом бью, друг мой, нам ласки твоей — что пожаловал изволил отписать ко мне о своем здорове, и я услыша о твоём здорovie и з детьми с Катюшкой и с Парашенькою обрадовались и о твоём здорове молим господа бога. Грамотка ко мне с почетою пришла, что писана в Азове августа 28-го числа, а к Москве пришла октября 2-го числа. А в той твоей грамотке написано, будто я без тебя гораздо печалюсь без рассудку и лежала. И я, друг мой, ей-ей, не печалюсь и в добром здорovie. Как ты, друг мой, и в Азов поехал ни одна не леживала и ныне в добром здорovie. Да изволил ты, друг мой, ко мне писать, что тебе великое сомнение припало, что я к тебе преж сего в грамотке писала: хотя б тебе со мною в полтора года на один час видяться. А для того писала, что давно с тобою, другом своим, не видалась. И то я к тебе, друг мой, писала в добром здорovie. Да я же к тебе, друг мой, хотела боло написать, что котория меня боярони посещают, да велела почернить. И я для того хотела написать, котория казаки, котория привезли к Москве немцов: казачей капитан Афонасей Смирной с товарищи, и те казаки посланы в Азов, и я с ним Афонасем Смирным послала к тебе, друг мой, грамотку. Дети, Катюшка и Парашенька, имянинные послали к тебе, друг мой: вместо имяниннова калача Катюшка колечко золотое, а Парашенька платочик. Колечко Катюшкино изволь на ручке своей носить на здорovie, а Парашенькиным платочком изволь утиратца на здорovie. А по указу великого государя да управит государь путь твой к Москве. Василий Ертаулов по се число к Москве не бывал. А ты, друг мой, писал ко мне, что будут вскоре после Покрова боярина князя Алексея Петровича человек ево. Яков Микулаев к Москве приехал и грамотку отдал, а в той твоей грамотке написано о денгах, что только денег привезено с Москвы 50 рублей. А надобно денег 70 рублей с лишком. И марта в 9 день послано к тебе, друг мой, с Лазоревым да с Васильем Ертауловым пятьдесят рублей. И тех денег ни на какую державу держать не велено. Им же дано на дорогу лошедям на корм 20 рублей, им же дано еще 20 рублей для всякого опасения.*¹ для роспутия и на отуда ру * и те деньги пятьдесят рублей и дватцать рублей, котория даны для всякого опасения, положены с травами в коробку. И ту коробку замкнула и запечатала изумрудным перснем. И те деньги им я, как клала в коробку, Лазореву и Ертаулову сказывала, и о том к тебе преж сего писала. А кормовых дватцать рублей отдала им.

На оборотной стороне письма
Другу моему Ивану Семеновичю.

¹ Здесь стоит значок (крыж), по-видимому, произошла при письме ошибка в порядке слов, так как далее имеется такой же значок.

Н. А. БАКЛАНОВА

К вопросу о датировке «Повести о Фроле Скобееве»

Основной задачей, стоящей перед исследователем «Повести о Фроле Скобееве», является определение даты ее составления. От разрешения этой задачи зависит трактовка ряда других вопросов, связанных с данной «Повестью». Поэтому все исследователи, специально занимавшиеся «Повестью о Фроле Скобееве» или хотя бы упоминавшие о ней в своих работах, должны были в той или иной форме коснуться и ее датировки.

Ввиду того что обзор литературы, относящейся к «Повести о Фроле Скобееве» (вышедшей до 1934 г.), обстоятельно сделан В. Ф. Покровской,¹ нет необходимости возвращаться к нему вновь. Можно ограничиться только замечанием, что большинство исследователей относит «Повесть» к XVII в., точнее, к последней четверти его. Возможно, что на такое решение оказала известное влияние дата «1680 г.», поставленная в двух списках: Ундольского и Титова, так же как и произвольно поставленная дата в другой повести, близкой по времени к нашей, — «Повести о Савве Грудцыне». Кроме того, в обеих повестях речь идет о событиях, происходивших в XVII в. Эти обстоятельства, видимо, и повлияли на решение исследователей о датировке «Повести», а затем невольно повлекли за собой толкование отдельных фактов, слов, выражений в том смысле, чтобы они подержали такую точку зрения. Лишь Н. Н. Кононов,² оговорившись, что «время составления повести не ясно», все-таки пришел к выводу, что «автор жил не в XVII в., а несколько позже: в Петровское или близкое к последнему время». Промежуточную позицию занял И. Е. Забелин, считавший, что «Повесть» написана в XVIII в. на основании устного рассказа, относящегося к предшествующему столетию.³ Н. К. Гудзий, ранее датировавший «Повесть» концом XVII в., в последнем издании своей Хрестоматии несколько изменил точку зрения (без какой-либо новой аргументации): «Время ее возникновения — самый конец XVII в. — канун Петровских реформ, быть может, начало XVIII в.»⁴

Такая неопределенность в решении вопроса о дате «Повести», а также, как увидим ниже, о месте ее составления и об авторе, вызывает желание еще раз вернуться к этим сюжетам.

Работа над «Повестью» затрудняется крайне незначительным количеством дошедших до нас списков ее. Известно всего семь списков, из которых

¹ В. Ф. Покровская. Повесть о Фроле Скобееве. ТОДРА, т. I. М.—Л., 1934, стр. 249—297.

² Древности, Труды Московского археологического общества, т. V. М., 1911, Протоколы 91-го заседания 2 декабря 1906 г., стр. 6—7.

³ Иван Забелин. Заметки о старинных повестях. Опыт изучения русских древностей и истории, ч. 1. М., 1873, стр. 192—193.

⁴ Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVII веков. Изд. 5, М., 1955, стр. 416.

два мы знаем только по напечатанным текстам, так как подлинники их утрачены, три не имеют конца и только два являются полными.⁵ Лишь один из списков — Ундольского⁶ — по почерку может быть отнесен к первой половине XVIII в. (бумага списка не имеет водяных знаков). Остальные принадлежат более позднему времени.

В. Ф. Покровская полагает, что существующие списки «Повести» можно разбить на две группы: более раннюю, краткую, и более позднюю, пространную. «Принимая в качестве рабочей гипотезы, — пишет она, — движение от краткого варианта ко все более распространенному — чем дальше от события, тем подробнее оно излагается, так как все менее становится воспоминание о нем, — следует Тихонравовскому списку отдать предпочтение как самому краткому и, следовательно, более раннему». Различие в этом списке фамилий действующих лиц по сравнению с другими списками автор объясняет близостью его к описываемым событиям: «нужны были более далекие псевдонимы».⁷ Думаем, что гипотеза В. Ф. Покровской не подтверждается наблюдениями над произведениями древней русской литературы: не всегда более поздние редакции являются и более распространенными; бывают случаи, когда они содержат и сокращения более древнего текста. Что касается «псевдонимов», то этот довод едва ли может иметь значение для рассматриваемого времени. Ведь «Повесть о Фроле Скобееве» не предназначалась для печати и как рукопись безымянного автора не нуждалась в цензуре. Другое наименование фамилий скорее говорит об обратном: в период, к которому относится данный список, фамилии, поставленные в списках более раннего происхождения, уже утратили связь с реальными лицами и потому легко были заменены другими. Принятое В. Ф. Покровской деление списков «Повести» на две группы не может быть проведено отчетливо, так как в каждой из них можно найти и вставки, и сокращения по сравнению с другой. Справедливо выделение ею стоящего особняком списка Забелинского,⁸ как более позднего по сравнению с остальными.⁹ Если в сохранившихся списках нельзя наметить существенных различий (за исключением списка Забелинского), то не приходится говорить о наличии нескольких редакций, отстоящих одна от другой по времени их составления.

Перейдем теперь к более детальному рассмотрению исторических данных «Повести».

Еще Н. Н. Кононов в приведенном выше сообщении установил из наблюдений над текстом «Повести», что она не могла быть написана ранее 1652 г., так как в ней упоминаются вотчины стольника Нардина-Нащокина, находившиеся в Симбирском уезде, а Симбирск был построен в 1652 г. С другой стороны, в журнале «И то и сию» за 1769 г. «Повесть о Фроле Скобееве» значится в числе «разных (рукописных, — Н. Б.) историй, которые продаются на рынке».¹⁰

Промежуток между этими двумя крайними датами, определяющими время составления «Повести», охватывает более чем столетие и может служить лишь отправной точкой для дальнейших разысканий.

Попробуем обратиться к другим данным для разрешения интересующего нас вопроса. Начнем с терминологии «Повести» и ее языка. Эта сто-

⁵ Более подробную характеристику списков «Повести» см. в работе В. Ф. Покровской «Повесть о Фроле Скобееве» (стр. 260—263).

⁶ ВБЛ, собр. Ундольского, № 945.

⁷ В. Ф. Покровская. Повесть о Фроле Скобееве, стр. 263.

⁸ ГИМ, Отдел рукописей и старопечатных книг, Забелинский сборник, № 536.

⁹ В. Ф. Покровская. Повесть о Фроле Скобееве, стр. 263.

¹⁰ Древности, т. V. Протоколы 91-го заседания 2 декабря 1906 г., стр. 6.

рона привлекала внимание предшествующих исследователей. На основании ее Н. Н. Кононов и пришел к мысли о том, что «Повесть» составлена в XVIII в. Обилие новых слов и выражений, не употреблявшихся в XVII в., многие исследователи объясняли позднейшими наслоениями. Это соображение нельзя принять, так как, во-первых, указанные особенности характерны для всех списков с некоторыми вариантами, во-вторых, в «Повести» не встречается терминов и оборотов речи, присущих XVII в. Если бы «Повесть» восходила к тому времени, в ее языке должны были бы остаться какие-нибудь следы этого. Единственным термином XVII в. в «Повести» является «возник» (упряжная лошадь). Но это слово мы встречаем в качестве употребительного в «Толковом словаре» Даля.¹¹ Следовательно, оно существовало и в XVIII в. М. А. Соколова, относящая «Повесть» к концу XVII в., насчитывает в ее словаре лишь четыре слова, «принимаемых за заимствования Петровской эпохи», но и они, по ее мнению, «могли появиться в языке несколько ранее» этого времени.¹² Н. А. Смирнов, на словарь которого ссылается М. А. Соколова, приводит целый ряд иностранных слов, вошедших в русский язык в первую четверть XVIII в.¹³ Многие из них встречаются в «Повести о Фроле Скобееве». Таковы, например, слова: «банкет», «квартира», «персона», «публикация», «реестр». Картотека словаря древнерусского языка, составленная Институтом языкознания АН СССР, содержит сведения, указывающие, что некоторые из этих слов имеются в памятниках XVII и даже XVI в. Так, например, слово «банкет» впервые встречаем под 1634 г. в распросных речах пленного поляка, а во второй раз в 1660 г. в показаниях польского ксендза и, наконец, в третий раз в 1699 г. в стейном списке русского посольства на Карловицком конгрессе: «... сего дня у цесарцев банкет на посредников».¹⁴ В двух первых случаях мы имеем дело с показаниями иностранцев, дававшими, вероятно, на польском языке, причем переводчик не для всех слов сумел найти соответствующие им русские обозначения. Так, остались непереуведенными «комиссия», «календир», «маетности шляхетские», «шляхта». К числу таких слов надо присоединить и «банкет». Что касается выражения 1699 г. «сего дня у цесарцев банкет на посредников», то самая синтаксическая неправильность его указывает, что переводчиком был не русский, а кто-либо из иностранцев, служивших в Посольском приказе. Таким образом, употребление слова «банкет» в дипломатических документах XVII в. вовсе не указывает на то, что оно вошло в литературный язык этого времени. Значительно позже рассматриваемого периода Н. Г. Курганов в своем «Письмовнике» счел нужным дать объяснение слова «банкет» — «пир», «пиршество».¹⁵

В картотеке словаря древнерусского языка слово «квартира» впервые помещено под 1696 г.¹⁶ Однако в документах, содержащихся в этом сборнике, речь идет о «съезжих и постоялых дворах», слово же «квартира»

¹¹ В Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. 1, А—З, стр. 228.

¹² М. А. Соколова. К вопросу о времени и месте возникновения повести о Фроле Скобееве. Научный бюллетень Ленинградского государственного университета, № 3, Л., 1945, стр. 33—34.

¹³ Н. А. Смирнов. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. СОРЯС, т. 88, № 2. СПб., 1910.

¹⁴ Акты Московского государства, т. I, стр. 581; т. III, стр. 80; Памятники дипломатических сношений России с державами иностранными, т. IX, стр. 447.

¹⁵ Н. Г. Курганов. Письмовник, ч. II. СПб., 1790, стр. 220.

¹⁶ Воронежские петровские акты, хранящиеся в архиве Воронежского губернского статистического комитета, вып. 1. Изд. Воронежского губернского статистического комитета, Воронеж, 1872.

употреблено в заглавии к одному из документов (стр. 58), причем это заглавие составлено уже в XIX в.

Слово «персона» в XVII в. употреблялось в несколько ином произношении («парсуна») для обозначения портрета. Но «персона» как лицо встречается лишь в XVIII в. Единственное исключение находим в речи шведского посла Эриксона в 1590 г., в переводе которой читаем: «...государь наш своею персоною болен».¹⁷ По причинам, указанным выше, при рассмотрении слова «банкет», считаем и этот пример не характерным.

Слово «реестр» в картотеке Института языкознания встречается впервые в сочинениях князя А. Курбского: «А ты всех книг, которая что в себе имеет, приписавый, реестра посылаю до вашей милости»,¹⁸ затем под 1658 г.: «...и по реестру подать» (литовцам) и под 1674 г.: «...в реестре писать, которые старые казаки...».¹⁹ Эти примеры также нельзя считать характерными для русского литературного языка XVI и XVII вв., так как лексика Курбского вообще находилась под сильным западным влиянием, а две последние цитаты относятся к литовцам и украинским казакам, среди которых слово «реестр» было употребительным уже в XVII в.

Остается еще выражение «движимое и недвижимое имение» стольника Нардина-Нащюкина, наследником которого он сделал Фрола Скобеева. Слово «имение» в значении имущества очень давнее. Его можно встретить в летописях, в житиях. Но приведенное сочетание слов появляется только в XVIII в. Нам оно встретилось впервые под 1716 г., когда подполковник драгунского эскадрона Григорий Жеребцов писал в своем челобитии, что после его отца «остались движимые и недвижимые имения».²⁰

Кроме указанных, в «Повести» имеется еще немало слов и оборотов, неизвестных XVII в.; например: «вечеринка», «во время увеселительных вечеров», «поверенный с делами», «живет роскошно».

Таким образом, рассмотрение иностранных слов, встречающихся в «Повести о Фроле Скобееве», приводит к следующему заключению. Отдельные слова находим в памятниках более раннего происхождения. Однако можно отметить лишь один случай, когда иностранное слово встречается в частной переписке, притом у автора, находившегося под сильным западным влиянием. Во всех же остальных случаях интересующие нас слова находятся в официальных документах, и преимущественно дипломатических (большой частью иностранного происхождения). Поэтому их употребление никоим образом не может указывать на то, что они вошли в русский литературный язык. В данном отношении характерно объяснение Кургановым слова «банкет».

Итак, перечисленные примеры показывают, что «Повесть» довольно обильно насыщена иностранными словами, неупотребительными в русском языке XVII в., причем эти слова и выражения встречаются с некоторыми вариантами во всех списках. Поэтому их нельзя считать позднейшими вставками. Таким образом, терминология «Повести» указывает на XVIII в., а не на XVII.

О том же говорят и денежные суммы, указания на которые встречаем в «Повести». Фрол щедро раздает «чаевые», как бы мы теперь сказали. Один раз он дает мамке Аннушки два рубля, потом пять рублей. Для XVII в. это очень крупные суммы. За пять рублей можно было тогда ку-

¹⁷ Сборник Русского исторического общества, т. 129, стр. 132.

¹⁸ РИБ, т. 31, Лист князя А. Курбского до Марка, ученика Артемия, стр. 417.

¹⁹ ДАИ, т. IV, стр. 138; СГГД, ч. IV, стр. 308.

²⁰ Доклады и приговоры, состоявшиеся в правительствующем Сенате, т. 6. СПб., 1881, стр. 117.

пить, например, лошадь. Учитывая то обстоятельство, что Фрол Скобеев был «небогатым дворянином» Новгородского уезда, трудно допустить, чтобы он мог легко располагать такими суммами.²¹ Аннушка дает Фролу 2000 рублей. Это огромная сумма для XVII в. Тем более невероятно, чтобы она могла быть в руках у девушки, находившейся в зависимости от своего отца. Это совершенно противно всем правилам Домостроя, руководившим жизнью женщины высшего круга в XVII в.

Также совершенно немыслимо было в XVII в. отпустить дочь стольника в карете одну, без сопровождающих женщин, в гости в Новодевичий монастырь. В. Ф. Покровская указывает на аналогичный случай, имевший место в Москве в 1653 г.²² Но, во-первых, там речь шла о простой девушке-«сиротке», находившейся на воспитании у монахини Вознесенского монастыря, а не о стольничьей дочери, а во-вторых, и эта девушка была отпущена только с пришедшей за ней женщиной.²³ Самостоятельная поездка Аннушки — предвестник той свободы, которой женщины пользовались на ассамблеях.

Наконец, дата, имеющаяся в двух списках «Повести», — «1680 г.» — никак не может говорить в пользу отнесения ее к XVII в., так как в последнем случае стоял бы не «1680 г.», а «7188 г.» или «188 г.». Если даже считать списки с этой датой (Ундольского и Титовский) более поздними по сравнению с другими (что трудно доказать), то все же разница между ними так невелика, что и расстояние по времени не может быть значительным.

Итак, ни терминология «Повести», ни отдельные реалии, встречающиеся в ней, не дают возможности возводить время составления ее к XVII в. Самым же существенным, на наш взгляд, доводом в пользу отнесения «Повести» к XVIII в. является трактовка автором ее основной темы. В «Повести» противопоставляются, с одной стороны, предстатели старых служилых «чинов» — стольники Нардин-Нащокин и Ловчиков, с другой — небогатый городской новгородский дворянин Фрол Скобеев. Большинство исследователей «Повести», опираясь на то, что в ней фигурируют «стольники» — один из разрядов служилых людей московского чина, — относило не только время действия, но и самое составление ее к XVII в.

Рассмотрим этот вопрос детальнее. В «Повести» мы не видим стольников как действующих членов правящей группы. Наоборот, они изображены как остатки отживающей старины. Им противопоставляется преуспевающий в жизни небогатый городской дворянин, промышленяющий в то же время «хождением за делами», Фрол Скобеев. Стольники относятся пренебрежительно к нему, награждая его такими неслестными эпитетами, как «плут», «ябеда», но победителем из столкновения нового со старым выходит представитель нового поколения. Через все содержание «Повести» проходит презрительное отношение автора к старому чиновному миру. Его симпатии на стороне пронырливого, беспринципного Фрола Скобеева.

«Повесть» проникнута атмосферой ломки всего чиновного строя. Служилые люди разделялись в XVII в., как известно, на чины, а последние на разряды. В высший, «думный», чин входили бояре, окольные и думные дворяне. Второй, «московский», чин состоял из стольников, стряпчих, дворян московских и жильцов. В последний входили дворяне городовые и дети боярские. Эта структура, унаследованная от XVII в., держалась

²¹ В начале XVII в. высший годовой денежный оклад городского дворянина не превышал 14 рублей, в конце века он несколько возрос.

²² В. Ф. Покровская. Повесть о Фроле Скобееве, стр. 255.

²³ И. Е. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI—XVII вв. Изд. 3, М., 1901, стр. 450 и сл.

вплоть до издания Табели о рангах в 1722 г., установившей новое деление, но не отменившей старого. Она просто обошла его молчаливым. Старые чины не были официально упразднены, но в них перестали назначать, прекратив имевшим их доживать свой век. В московские чины перестали записывать: в высшие разряды в 1695, а в низшие — в 1703 г.²⁴ Однако делались исключения. Так, 28 января 1712 г. С. Я. Тургенев был пожалован из стольников в думные дворяне.²⁵ Последнее пожалование в чин боярина относится, кажется, к 1699 г., когда это звание получил И. А. Мусин-Пушкин.²⁶ Отдельные лица сохраняли свои старые звания и в половине XVIII в. Так, например, князь И. Ю. Трубецкой носил звание боярина до своей смерти в 1750 г.²⁷ Во втором десятилетии XVIII в. служебные росписи содержат большое количество носителей старых московских чинов. С 1712 г. правительством начали применяться меры к насильственному переселению служилых людей на о. Котлин и в новую столицу. В списке лиц, назначенных к переселению, наибольшее число составляют имена стольников, их названо 445 человек.²⁸ В последующие годы московские чины начинают реже встречаться в перечислениях служилых людей. Сначала наравне с ними, а затем и преимущественно называются «палатные люди» (вместо «думных»), «царедворцы» (вместо «думных» и «московских») и «шляхетство» (вместо прежних «городовых»). Постепенно последнее наименование начинает применяться ко всем служилым людям вообще. Лишь позднее входит в употребление аналогичный ему термин «дворяне».²⁹

Этот период отмирания старых чинов и укрепления нового типа служилого человека и отражен в «Повести о Фроле Скобееве». Время составления ее следует отнести ко второму десятилетию XVIII в. С одной стороны, она не могла быть написана ранее 1710 г., к которому относится производство переписи (Нардин-Нащокин сказал Фролу Скобееву: «Имею я вотчины и в Сибирском уезде, по переписи состоят в трех стах дворах»). С другой стороны, она предшествовала изданию Табели о рангах, которая уже не упоминает старых чинов, в «Повести» же Фрол Скобеев действует еще как городской дворянин. Автором «Повести» был человек, близкий по занятиям и складу к Фролу Скобееву, симпатией к которому проникнута «Повесть».

М. А. Соколова полагает, что «Повесть» была составлена «на юге, а не на севере Московского государства, о чем свидетельствуют как данные ее словаря, так и элементы аканья, наличествующие во всех списках».³⁰ Но и словарь «Повести», и элементы аканья характерны не только для южных

²⁴ «А в стольники, и в стряпчие, и в дворяне с 695, а в жите с 703 года в Розряде в те чины не пишут» (Н. Устрялов. История царствования Петра Великого, т. IV, ч. 2. СПб., 1863, Приложения, стр. 488).

²⁵ Доклады и приговоры, состоявшиеся в правительствующем Сенате, т. 2, кн. 1. СПб., 1880, № 83.

²⁶ М. М. Богословский. Петр I. Материалы для биографии, т. IV. М., 1948, стр. 249.

²⁷ В. А. Евреинов. Гражданское чинопроизводство в России. СПб., 1888, стр. 31.

²⁸ Доклады и приговоры, состоявшиеся в правительствующем Сенате, т. 2, кн. 2. СПб., 1882, № 658.

²⁹ Постепенное изменение от старой терминологии к новой можно проследить по законодательным актам, напечатанным в Полном собрании законов. Для примера укажем: т. III, 1694 г., №№ 1506, 1507; 1695 г., № 1524; 1696 г., №№ 1544, 1554; 1697 г., № 1568; т. IV, 1707 г., № 2181; 1711 г., № 2334; 1712 г., №№ 2466, 2467, 2542, 2593; т. V, 1713 г., №№ 2625, 2627, 2650, 2663, 2684, 2685, 2695; 1714 г., №№ 2770, 2771, 2779, 2845, 2925; 1718 г., № 3184; 1719 г., № 3320.

³⁰ М. А. Соколова. К вопросу о времени и месте возникновения повести о Фроле Скобееве, стр. 34.

областей государства, но и для Москвы. За то, что «Повесть» написана в Москве, говорит ряд топографических данных, встречающихся в ней. Автор знает Ивановскую площадь в Московском Кремле. Правда, он считает ее местом собрания стольников, чего в действительности в XVII в. не бывало. Стольники собирались на Постельном крыльце — площадке Кремлевского дворца, с которой объявлялись указы и на которой можно было услышать все новости, касавшиеся служебных назначений. Этот характер Постельное крыльцо не утратило и в самом конце XVII в. Так, в 1699 г. стольников, стряпчих и жильцов, вызванных на смотр, «смотрели» генералы на Постельном крыльце.³¹ Некоторые из стольников — «комнатные», — стоявшие ближе к царю, имели доступ в его личные покои — «комнаты», откуда и получили свое название.³²

Ивановская же площадь, находившаяся около колокольни Ивана Великого, была местом сбора «площадных» подьячих. Там помещалась «полатка», в которой писались челобитные. То обстоятельство, что автор смешал Постельное крыльцо и площадку на нем с Ивановской площадью, лишний раз указывает на то, что в период составления «Повести» Постельное крыльцо с переездом царя в новую столицу уже утратило свое значение. Однако часть «знатных персон», с которыми свел знакомство Фрол Скобеев, несмотря на грозные указы, еще оставалась в Москве и всячески оттягивала свой переезд в новый «парадиз». Кремлевские здания ветшали. Чиновная Москва постепенно замирала, ее приказы малопомалу прекращали свое существование. На смену им вскоре пришли коллегии, но их образование еще не нашло отражения в «Повести».

Знает автор и Успенский собор в Кремле, и Новодевичий монастырь, в кельях которого доживали свои дни многие представительницы аристократического мира Москвы. Вероятно, поэтому автор и поместил сюда сестру стольника Нардина-Нащокина.

Изложенные выше наблюдения приводят к выводу, что «Повесть о Фроле Скобееве» написана в Москве. Автором ее был мелкий дворянин, избравший своей профессией «хождение за делами», подобно герою его «Повести». Относясь пренебрежительно к старому чиновному миру, отживающему свой век, автор выдвигает в противовес ему новый тип ловкого пройдохи, который завоевывает себе право на существование всеми доступными ему средствами, независимо от их моральной сущности. Этот тип дельца характерен для Петровского времени. При Петре вместо «породы» в основу служебной карьеры легли личные качества: сметливость, сноровка, способность к труду. Они открывали обладателю их возможность выдвижения по службе и достижения высоких степеней. В январе 1712 г. был издан именной указ: «Сказать всему шляхетству, чтоб каждый дворянин во всяких случаях (какой бы фамилии не был) почесть и первое место давал каждому обер-офицеру, и службу почитать и писаться только офицером, а шляхетству (которые не в офицерах) только то писать, куда разве посланы будут».³³ Этот указ хорошо выражает новую точку зрения. Однако открывшаяся возможность продвижения по служебным ступеням имела и свою оборотную сторону. Слишком велик был соблазн использовать ее в своих личных интересах. Нередко пускались в ход клевета, наговоры на соперников, подкупы, взятки, процветало казнокрадство. Если об-

³¹ Записки Желябужского с 1682 по 1709 г. Изд. Российской Академии, СПб., 1840, стр. 145—146.

³² И. Е. Забелин. Домашний быт русских царей, ч. 1. М., 1895, стр. 306.

³³ Полное собрание законов, т. IV, № 2467. Здесь новые, достигнутые выслугой чины противопоставляются прежним, «природным», причем преимущество явно на стороне первых.

рагаться к биографиям видных деятелей Петровского времени, то редкий из них в той или иной степени не обладал этими качествами. Многие побывали под судом, одни отделялись штрафами или наказанием кнутом, другие — ссылкой, а некоторые платились жизнью. Но и самые крутые меры не помогали. Взятничество и казнокрадство, характерные для высшего чиновничества, проникали по служебной лестнице до ее низших ступеней, и правительство было бессильно с ними бороться. В виде примера можно привести два указа, касающиеся писания «крепостей» площадными подьячими. Со времен Уложения 1649 г. для этой цели была отведена «полатка» на Ивановской площади, но в декабре 1699 г. велено было прекратить работу площадных подьячих и писать документы просителям только в приказах. Мотивом для такого решения было установление лучшего контроля и предупреждение злоупотреблений. Однако результаты оказались обратными. Волокита и взяточничество еще более увеличились. Указ пришлось отменить в начале 1701 г. и вернуться к прежнему порядку.³⁴

«Повесть о Фроле Скобееве» представляет собою новый вид литературного произведения по сравнению с повестями XVII в. В противоположность им в ней отсутствует назидательный элемент и проповедуется беспринципный практицизм. В характере этой «Повести» есть нечто, что сближает ее с предшествующей ей на несколько лет по времени написания «Повестью о Савве Грудцыне». Авторы обеих повестей уводят читателя в прошлое; для большей убедительности они даже приурочивают действие своего рассказа к определенной дате. Однако этот «историзм» плохо удается. Несмотря на поставленные даты и на введение некоторых черт из прошлого (например, сцена со стольниками на Ивановской площади в «Повести о Фроле Скобееве» или Смоленская война в «Повести о Савве Грудцыне»), и в той и другой повестях чувствуется сильная модернизация материала. Это еще только начатки историко-бытовой повести. В действительности авторы описывают быт не прошлого времени, а современный им самим. Можно провести известную аналогию между этими повестями и тем, как народные картинки Петровского времени наряжают исторических героев далекого прошлого в костюмы XVIII в.

³⁴ Полное собрание законов, т. IV, № 1833.

Г. Н. МОИСЕЕВА

Неизвестная повесть первой половины XVIII в.

В сборнике № 1283 Музейного собрания Государственного исторического музея, на лл. 261—283, находится неизвестное произведение «Гистория о некоем шляхецком сыне, како чрез высокую и славную свою науку заслужил себе великую славу и честь и ковалерской чин, и како за добрые свои поступки пожалован королевичем в Англии». В этом же сборнике помещены «Гистория о Александре, дворянине российском...», «Гистория о российском матрозе Василии Кириацком» и переводные повести: «Гистория о Францеле Венециане», «Гистория о Елизавете, королевне английской» и «Гистория о Василии королевиче Златовласом».

Сборник составлен из отдельных тетрадей,¹ переписанных скорописью разных рук, на разной бумаге,² водяные знаки которой не восходят позднее 40-х годов XVIII в.: монограмма «Ф»; медведь с алебардой + ЯФЗ; дата 1742; герб г. Амстердама; 1741 + неясный знак.

При объединении в сборник «пострадали» два произведения, переписанные на одной бумаге и одним почерком: «Гистория о Александре, дворянине российском...» и «Гистория о некоем шляхецком сыне». Размер бумаги, на которой были переписаны обе эти повести, не подходил, по-видимому, к формату остальных частей сборника, поэтому верх ее был срезан. Срезка коснулась и верхней строки, поэтому часть текста оказалась совершенно утраченной. Там, где была срезана не вся строка, удалось восстановить текст по уцелевшим нижним частям букв.³

При прочтении текста «Гистории о некоем шляхецком сыне» налицо, при хорошей сохранности текста, несомненное свидетельство того, что этот список не является первоначальным и даже не копией с него. Переписчик допустил ряд ошибок, которые дают основания полагать, что текст этого произведения переписывался неоднократно, прежде чем в нем накопились такие ошибки, как например, слово «мир» смогло быть передано как «пир» (л. 1), «забвение» — «зарвение» (л. 267 об.), «незабвенно» — «незарвенно» (л. 274), «караульный» — «какаульный» (л. 281), «комплиментом» — «комементом» (л. 276) и др. На л. 281 об. писец не мог прочесть слово и, переписав первые три буквы «зак», оставил пространство для вписания остальной части слова. Но слово не было дописано. Видимо, ни писец, ни правщик рукописи⁴ не разобрали его.

¹ В конце каждого произведения подсчитано, сколько в нем листов: так, на л. 189 об.: «64 листа сей гистории», на л. 283: «22 листа в сей гистории».

² Исключение составляют «Гистория о Александре» и «Гистория о некоем шляхецком сыне» (см. об этом ниже).

³ Выражаю сердечную благодарность В. П. Адриановой-Перетц, П. Н. Беркову, М. О. Скрипилю, оказавшим мне помощь в прочтении текста произведения и особенно его некоторых испорченных срезкой строк.

⁴ В ряде слов другими чернилами исправлены слова: «бысть» из «быть» (л. 1), «по воле» в «поведение» (л. 265 об.), повторенное дважды «ни буди» взято в квадратные скобки (л. 264 об.).

Из рассмотрения сохранности текста «Гистории о некоем шляхецком сыне» можно сделать, как полагаем, два вывода: во-первых, если сборник в целом относится к началу 40-х годов XVIII в., то, следовательно, произведение, прошедшее несколько стадий переписки, было создано или переведено значительно ранее; во-вторых, если произведение переписывалось, значит оно интересовало читателей. Чем? На этот вопрос ответит идейно-художественный анализ «Гистории о некоем шляхецком сыне».⁵ Герой произведения — сын незнатного, неродовитого дворянина, достигает почестей и высокого положения за свою «науку» и «острость разума». Эти личные достоинства шляхецкого сына многократно подчеркнуты автором; с ним «в науке» могла соперничать лишь одна цесаревна: «По науке же засел под ней первое место некоего небогатого шляхтича сын, которой наукой весма ей был подобен» (л. 263). Признаваясь ему в любви, цесаревна говорит: «Аще кто и многократно благороднее тебя мне в супружество бы был, хотя и от самых коронованных, а толикаго ума и премудрости, как ты имеешь, несравненна всего мира богатство ума» (л. 264—264 об.). Также выделяя на первый план личные достоинства, цесаревна говорит о своем возлюбленном отцу, когда умоляет цесаря выдать ее замуж за незнатного «шляхецкого сына»: «Веси добре, яко все богатство и благодарение, кроме вашего величества ума и премудрости, его несравненно» (л. 266 об.). Еще более отчетливо выступает авторская точка зрения в речи цесаревны к цесарю и его приближенным, когда она узнает о том, что «шляхецкий сын» безвестно пропал: «Вы весте: и все вы сего единого недостойни... всех вас ум и мудрость против сего яко капля от источника» (л. 269).

Такую же характеристику основных качеств героя дает и английская королева, пораженная его «наукой». «Острость разума» отмечена и английским королем, который дает ему чин действительного тайного советника, а затем генералиссимуса и «положил все государьство на него правлением, что мог так охотно и трудолюбно» (л. 276 об.).

Характеристика «шляхецкого сына», выраженная посредством высказываний о нем различных действующих лиц повести: цесаревны и цесаря, английской королевы и короля, не подвергает сомнению отношение автора к герою — носителю основной идеи произведения. Автор стремится показать, что оценка человека по его личным качествам — единственно правильный критерий. Сын небогатого шляхтича выдерживает суровые испытания: его посылают «во образе посланника» на верную смерть в Англию. Он честно исполняет свой долг: «Послан, что повелено изрекл. За сие доброе послушание осужден днесь на смерть» (л. 269 об.). Английский король также понимает, что шляхецкий сын «невинною смертию за верность государя своего умирает» (л. 270).

Честен он и в любви. Поклявшись цесаревне хранить свое чувство «до смерти», герой сдерживает свое слово, как он сам говорит: «Аз у смерти был, но не преступил обета». Таким образом, и в общественных, и в личных поступках незнатный шляхтич оказывается на высоте и этим как бы подтверждает правильность его оценки.

Полную противоположность «шляхетному сыну» представляют в повести знатные и родовитые придворные цесаря, его «министры и сена-

⁵ В задачу настоящей статьи не входит разностороннее изучение «Гистории о некоем шляхецком сыне». Этому вопросу будет уделено место в монографическом исследовании повестей Петровского времени. Задача настоящей работы — познакомить читателя прежде всего с текстом неизвестного и неизданного произведения и снабдить этот текст введением, в котором найдут место некоторые общие соображения о времени составления произведения, его идейном замысле и др.

торы». Они подняли «великий ропот» после того, как узнали о намерении цесаревны выйти замуж за незнатного, «недостойного». Именно сенаторы предложили цесарю коварный замысел расправы с «шляхецким сыном» — послать его на верную гибель в Англию и выдать цесаревну за «некоего великого князя». Даже после того, как их план был приведен в исполнение, они не переставали клеветать на человека, единственной «виной» которого было то, что он незнатного, «подлого», происхождения: «сенаторы и министры» говорили цесаревне о том, что он «пьяница и костур и знатно нигде, и ныне страмствует или бежал». Трагическое окончание повести — смерть шляхетского сына, цесаревны и английской королевы — является социальным приговором родовитой знати, отстаивающей кастовые предрассудки, не признающей права человека на свободную любовь. Цесаревна над мертвым телом своего возлюбленного, рассказав историю их большой любви, «и писма, написанные кровию, им предъяви, и како он любве ради из Англии приехал... укори Сенат, яко их наветом она лишена нежели сего супружества, но и жизни» (л. 282—282 об.).

Своеобразна и нова по своему замыслу обрисовка образа цесаря в «Истории о некоем шляхецком сыне». С одной стороны, автор характеризует его как просвещенного государя, который «имел прилежную охоту до самых славных вещей такову, дабы не едина в мире могла отставлена быть» (л. 261). В его государстве были построены «здания... впречюдная и в них разных наук школы». Именно цесарь «указал шляхецким, министрским и сенаторским детям быть в науке и по науке засесть место». Он приказал и дочери своей «быть в Академии наук» и «засесть в ней» «по науке»: «. . . тогда испроси у всех воли, что ей и дано, и сядет по науке своей ниже всех. И объяви, яко она не нарушить пришла высокой указ родителя своего, но исполнить с великим прилежанием возымела труд» (л. 262 об.).

Сначала цесарь, как видно из произведения, оценил заслуги незнатного шляхтича, «определил его при академии профессором» (л. 263 об.) и дал ему чин «оберкаморгера». Цесарь сам предложил дочери выбрать себе мужа: «Тебе же, премудрейшии, даю изволение во избрании достойнаго тебе супруга. И кого избереши — воля твоя, с тем да сочетаешися закона» (л. 266). Но когда цесарь узнал, что его дочь любит сына «некоторого небогатого шляхтича», он не решился дать согласие на этот брак: «Надолзе не бысть ответа» (л. 266 об.). Позднее он подчинился совету своих приближенных и выслал «шляхецкого сына» из государства, однако сделал он это «погружаем печалию». Видя цесаревну в «неутешном плаче и скорбе», он дал ей год сроку дожидаться своего возлюбленного. Важно отметить и такой штрих в характеристике цесаря. Когда «шляхецкий сын» вернулся на родину названным сыном английского короля, и тогда цесарь не признал его заслуг. Мертвое тело английского королевича он «повелел отнести тайно и положить на крыльце отца его» (л. 281). И на вопрос отца шляхтича: как поступить с его сыном, на котором «корона, на одежде герб и квалерия аглинского короля, и грамота, в которой объявлен королевичем» (л. 281 об.), цесарь лаконично «повелел погresti». Когда же в Вену прибыла отставшая по пути свита английского королевича и устроила покойному «великую церемонию, яко должно коронованым», и просила цесаря, чтобы он «персонально» проводил до гроба, то последний «претворися болен» (л. 281). Когда же «цесарь и цесаревна» узнали о смерти дочери над гробом ее возлюбленного, то «в горести и многих слезах прибегоша, и слезами обмыша дщери тело своей, и вину смерти причиташе, яко от них плача гордой и умре» (лл. 282 об.—283).

Следует отметить в произведении образы героинь — женщин нового типа, решительно и смело заявляющих о своем праве на любовь, противостоящих косности окружающей их знати и нравственно побеждающих их.

Особенно характерен в этом отношении образ цесаревны. С первых же строк своего произведения автор любит свою героиню: она «прекрасна» и необычно скромна. Когда цесарь торжественно объявляет ей, что «учинит» ее наследницею престола, после того как она исполнит его «изволение», цесаревна отвечает ему готовностью: «. . . не сего венца ради и престола должна волю твою исполнять, но со всякою моею охотою готова усердно по вашей воле яко родителя моего государю исполнить» (л. 262). В Академии наук она пришла «в платье, которая никакова знака не могла дать к короне», то есть она пришла в обыкновенной одежде, по которой нельзя было узнать, что она — наследница престола. «По науке» она «села» «ниже всех», а через три года «превзошла всех во оной Академии. . . сице много науки нача издавати» (лл. 262 об.—263). Цесаревна первая оценила большие достоинства незнатного «шляхецкого сына» и решительно объяснилась ему в любви. Столь же смело она боролась за свое нравственное право — быть женою по собственному выбору — с отцом-цесарем и особенно с окружающими его «сенаторами и министрами», справедливо обвиняя их в стремлении устранить ее от престола: «Вам смерть моя — радость» (л. 267). Сила любви ее безгранична. Узнав о безвестной пропаже возлюбленного, она «со вся домочадцы взыскание сотвори, не обрете, что все куранты и ведомости, и писма, и грамоты — все были таены, где имя оного объявлено» (л. 269—269 об.). Увидя его после двухлетней разлуки, она решается на убийство насильно обвенчанного с нею мужа, лишь бы быть соединенной с любимым. После гибели «шляхецкого сына» цесаревна «сотвори прощение со отцем и матерью, и ко всем ту, тако погрузи себя печалию, рекла: „Ты моей печали, мое сердце умереть. Аз ли тебе оставлю, в сей путь едина отходяща! Да погребусь с тобою в едином гробе!“» (л. 282 об.).

Образ английской королевы в основных чертах близок образу цесаревны: она также решительно действует, добиваясь освобождения «шляхецкого сына» из тюрьмы, также первая объясняется ему в любви и также гибнет, узнав о смерти любимого.

Внешне сходны и обстоятельства, при которых героини выражают свои чувства «шляхецкому сыну», близки и сами их признания, так что трудно различить, говорит ли это цесаревна или королева. Для сравнения приводим эти отрывки.

Объяснение цесаревны

И в некоторое время имела со оным оберкаморгером о некоторых невидимых вещех розыскание, где кроме их единых никого не было. Усмотря она цесаревна такое удобное время, рекла ко оному оберкаморгеру: «Ведай ты отныне и буди благонадежен, что ежели воля будет на то божия, то, кроме тебя, иного в мужа себе иметь и другому женою быть не хочу. . . И аще ты отречешися в сем свете иметь меня женою и быть государем сей короне, навеки не хочу никому быть жена (лл. 263 об.—264 об.).

Объяснение королевы

В некоторое время имела с ним разговор о всех видимых вещех и невидимых, дабы истолковал. И позна в нем совершенную мудрость и ум, которым сладкоглаголением так возжег в ней любовь, что готова ему быть хотя бы тот час в жену. . . И объявила тако: «Отныне веси, яко кроме тебе иного мужа иметь не хочу. Аще тебе лишена буду, во веки никому жена не буду (лл. 272 об.—273 об.).

Автор «Истории о некоем шляхецком сыне» как бы нарочито подчеркивает, что для него не важны истинные обстоятельства, при которых со-

вершают поступки действующие лица его произведения. Они менее всего интересуют писателя. Ему важно в наиболее четкой и доходчивой форме высказать общую мысль о правильности оценки человека по его личным достоинствам: уму, мудрости, «наукам». Поэтому-то неслучайно, что и цесаревна и королева объясняются в любви «шляхецкому сыну» после беседы «о видимых вещех и невидимых». Ведь именно его «совершенная мудрость и ум» и зажгли в них горячую и бескорыстную любовь к нему.

Неслучайно и то, что в повести нет ни одного имени. Даже герой назван отвлеченно: «некотораго небогатаго шляхтича сын», в дальнейшем он фигурирует как «оный оберкаморгер», «оной ковалер», «он». Другие действующие лица также нарочито условны: цесарь, цесаревна, король, королева, сенаторы, министры. Условна и географическая локализация повести. Автор, например, полагает, что Цесария и Англия разделены «границей».⁶ С таким же успехом автор повести мог выбрать местом действия «Гишпанию» или «Флоренцию», от перемены ничего бы не изменилось, ибо с действительной «Цесарией» — Австрией и Англией — произведение это ни в какой мере не связано. Понадобились же они автору «Гистории о некоем шляхецком сыне», чтобы устами своих героев высказать смелые и передовые мысли о взаимоотношении людей на основе признания личных заслуг, а не происхождения. Добившись наибольшей степени обобщения, автор застраховал таким образом свое произведение от обвинения в намеке на действительность.

Эти литературные приемы автора «Гистории о некоем шляхецком сыне» не были присущи ему одному, а характеризовали «целый период, когда героями многих литературных произведений, по преимуществу вышедших из демократической среды, оказались безымянные личности — личности, которых называют в произведениях просто «молодец» или «бедный», «богатый», «голый и небогатый человек», «бразжник», «крестьянский сын», «девица», «купец некий», «ревнивые мужи», «спеваки» и т. д.⁷ Безымянные, как известно, герои повести «О Горе-Злочастье», не указаны действующие лица «Романа в стихах», «Повести о молодде и девице», «Азбуки о голом и небогатом человеке» и других произведений конца XVII—начала XVIII в.

Перенос действия в другую страну встречается также в «Гистории о Александре, российском дворянине...», где все события происходят в Париже, Лилле, Испании, Китае, в «Гистории о российском купце Иоанне» и в «Гистории о российском матрозе Василии Кириацком». С последней «Гистория о некоем шляхецком сыне» имеет наибольшую близость.

Василий Кириацкий, так же как и герой нашей повести, — сын «небольшого дворянина» пришедшего в «великую скудость». О Василии, так же как и о «шляхецком сыне», «слава прошла за его науку и услугу». Цесарь, обращаясь к Василию, отмечает его «достоинства разума», а голландский купец видит его «в науках зело остра».

Имеется сходство и в мелочах: так, героиня повести о Василии Кириацком, королева Ираклия, — единственная дочь.⁸ После перенесенных несча-

⁶ «Егда же приехали до границы, уведав, что отдаעתца цесаревна во брак некоторому князю» (л. 279).

⁷ Д. С. Лихачев. От исторического имени литературного героя к вымышленному. ИЮЛЯ, т. XV, вып. 3. М., 1956, стр. 205.

⁸ «Аз есмь роду королевскаго... токмо едина была у отца своего дочь» (В. В. Сиповский. Русские повести XVII—XVIII вв. СПб., 1905, стр. 115); «Некоторый цесарь имел у себя дщерь прекрасну, любил аки живот свой, что кроме ее других детей не имел» (л. 261).

стей герои обоих произведений появляются при дворе в блестящих и драгоценных одеждах⁹ и поражают этим присутствующих.

Однако несмотря на близость основной идеи повести о Василии Кириацком и «Гистории о некоем шляхецком сыне» следует отметить в последней большую заостренность идейного замысла: то, что в повести о Василии Кириацком рассказано как частное явление (простой матрос стал флоренским королем), в «Гистории о некоем шляхецком сыне» возведено в большую социальную проблему («по науке засесть место»), разрешающуюся трагически.

Можно отметить точки соприкосновения между «Гисторией о некоем шляхецком сыне» и другими оригинальными повестями первой половины XVIII в. В «Гистории о Александре, российском дворянине...» герой произведения также выделяется среди «ковалеров» «красотою лица и остростью ума». Александр и его возлюбленная Тирра, так же как и «шляхецкий сын» с цесаревной, подтверждают свои любовные признания письмами, написанными кровью.¹⁰ Тирра, как и цесаревна, над мертвым телом Александра «мечем ся пронзила».¹¹

Возможно, что эта связь — следствие знакомства обоих авторов с каким-то третьим источником, в котором были эти компоненты, ибо идейной близости между этими двумя произведениями отметить нельзя.

Один эпизод «Гистории о некоем шляхецком сыне» живо напоминает повесть о Ярополе царевиче. Речь идет о появлении «шляхецкого сына» при дворе английского короля, когда он поражает всех присутствующих своим умом (он сказал «похвалу с прилогом древним историей сладкоречиво»), красотою и игрою на арфе: «Он же пришед, взя арфу и направил, толь играл сладко, спевал многие амурные любительныя спевания, что не жели от предстоящих дам ум умрачен тогда был. Ко́й мужеска полу, всех на любление и на зрение до себя привел и похоть огня во всех так возжег, что уже были бы растаеватися их крепости. Из дамских жен персонь та-коже пот излился. Что познав, и престал на арфе играть и спевать» (л. 276).

В повести о Ярополе царевиче соответствующий эпизод передан так: дядя Яропола царевича Агар, обращаясь к племяннику от имени короля, просит, чтобы он «поиграл и увеселил... всех гостей. Слыша царевичь ужасея: «что сие глаголет дядя мой аз когда я игривал? и когда сему учился?.. И принесоша арфу, и Агар даде арфу царевичу и показал ему как ступать, и перетить по струнам, и как ходить по ступеням. Я взя царевичь арфу, и стал играть и воспевать концерты всеми удивительно, и поидоша тонцевать прекрасныя девицы, и так танцевали, что и сорочки их хотя выжми от поту их».¹²

Из сравнения видно, что текст этого эпизода в повести о Ярополе царевиче вторичен по сравнению с текстом «Гистории», ибо в первой игра на арфе оказывается результатом «чуда», которое производит Агар, мгновенно научивший племянника игре на инструменте. В «Гистории о некоем шляхецком сыне» автор не ставит под сомнение умение героя играть на арфе. Таким образом, можно полагать, что в повести о Ярополе царевиче

⁹ В Цесарии Василий Кириацкий появился, «убравшись в драгоценное платье, великия лучи от него сияют». «Шляхецкий сын» в Англии «зделал себе два убора весьма богаты: первой златой з драгоценным камением, второй серебряной з бриллиантом» (л. 286).

¹⁰ «Ежели мою верность чрез присягу видеть вы хотите, прошу и вы ровно учините, и со стороны кровию каждой своим писмом утвердим» (В. В. Сиповский й. Русские повести XVII—XVIII вв., стр. 152).

¹¹ В. В. Сиповский й. Русские повести XVII—XVIII вв., стр. 178.

¹² В. В. Сиповский й. Русские повести XVII—XVIII вв., стр. 186.

этот эпизод сложился под впечатлением знакомства автора с «Гисторией о некоем шляхецком сыне».¹³

Итак, мы можем отметить некоторые общие черты в «Гистории о некоем шляхецком сыне» с уже известными оригинальными русскими повестями первой половины XVIII в. Ближе всего «Гистория о некоем шляхецком сыне», как мы уже указывали, к повести о российском матросе Василии Кириацком. Их роднит общая основная идея произведения, уважение к личности человека независимо от его происхождения, пафос большой любви, не считающейся с сословными предрассудками.

Как уже выяснено исследователями,¹⁴ «Гистория» о «небольшом» незнатном дворянине Василии Кириацком, достигшем благодаря своим знаниям, уму и трудолюбию почестей и славы, отражает характерные черты литературы Петровского времени. Те же черты имеются в «Гистории о некоем шляхецком сыне». Поэтому если даже сюжет повести и связан с переводной литературой¹⁵ (например, с польской или с немецкой), то все же идейное содержание, раскрывающееся в образах героев, позволяет, как мы полагаем, считать это произведение петровской повестью.

Но когда оно могло быть создано? Верхней границей датировки, как нами уже указывалось, является начало 40-х годов XVIII в. Отмеченные нами «порчи» текста позволили несколько «отодвинуть» эту границу, но не дали оснований определить время написания «Гистории».

Обратимся к поискам материала для датировки в самом произведении. В нем рассказывается, что «цесарь», имевший «прилежную охоту до самых славных вещей», учредил в своем государстве «разных наук школы, в которых указал шляхецким, министрским и сенатским детям быть в науке и по науке засесть место» (л. 261—261 об.). Известно, что Петр I «указал» 20 декабря 1714 г.: «которые есть в России знатных особ дети, тех всех от 10 лет и выше выслать в школу Санкт-Петербургскую».¹⁶ Принцип «по науке засесть место» лег в основу Табеля о рангах. Именно «наука», «услуга» государству, а не происхождение были приняты за критерий оценки человека: «А которые знатные услуги покажут, те могут за свои труды производить ранги выше».¹⁷ Табель о рангах был опубликован в 1722 г.

В «Гистории о некоем шляхецком сыне» упоминается Академия наук, в которую послана учиться цесаревна. Если «Гистория» является оригинальным произведением, то вряд ли автор ее стал писать об Академии наук раньше ее учреждения в России. Проект о создании Академии наук слушался на заседании Сената 28 января 1724 г. Открыта же она была, как известно, уже после смерти Петра I, в конце 1725 г. В тексте «Гистории» можно видеть некоторые намеки на то, что автор ее находился под впечатлением о создании Академии наук. В начале же XVIII в. Академия наук была создана именно в России. В других странах академии наук существовали уже раньше или были открыты позднее.¹⁸

¹³ Можно отметить и одинаковое написание слова «тонцы», «тонцевали».

¹⁴ Л. Н. Майков. Неизвестная русская повесть Петровского времени. ЖМНП, 1878, № 7, стр. 192—193; П. Н. Берков. О так называемых «петровских повестях». ТОДРА, т. VII. М.—Л., 1952, стр. 423; Г. Н. Моисеева. Гистория о российском матросе Василии Кириацком. ТОДРА, т. X. М.—Л., 1954, стр. 358—361.

¹⁵ Просмотр библиографии польской литературы XVI—XVIII вв. и проверка источников этой повести профессором Польско-Русского института С. Ф. Фишманом и профессором Ю. Кжижановским в настоящее время не дали определенного результата. За указание на это приношу им свою глубокую благодарность.

¹⁶ Полное собрание законов, т. V, № 2968, стр. 186.

¹⁷ Табель о рангах. СПб., 1722, стр. 13.

¹⁸ Исключение составляет Германия, где Академия наук в Берлине была учреждена в 1700 г. и открыта в 1711 г.

В повести сказано, что цесарь «собра отвсюду премудрыя учителя и определил им великий трактament, побудил отвсюду великих учителей быть до оной Академии» (л. 261 об.).

Еще задолго до учреждения Академии наук Петр I вел переговоры с Христианом Вольфом о приглашении в Россию на очень выгодных условиях разных ученых.¹⁹ Приглашенные при жизни Петра I ученые стали съезжаться в Петербург во второй половине 1725 г.²⁰ По «Гистории», цесаревна, через три года превзошедшая «всех во оной Академии... аще много науки нача издавати» (л. 262 об.—263). Кроме того, она отличалась «во всяких наук розыскиваниях и новых в ыздании» (л. 263). «Регламент Императорской Академии наук», опубликованный после ее официального открытия, ставил перед учеными задачи стараться «познавать и разбискивать различныя действия и свойства всех в свете пребывающих тел, и чрез свое испытание и науку один другому показывать, а потом общим согласием издавать в народ».²¹ «Гистория» как бы повторяет терминологию «Регламента» («розыскивание», «ыздание»).

Весьма возможно, что описание пребывания цесаревны в Академии наук сложилось у автора под впечатлением того участия, которое принимала Екатерина I в ее основании. Вскоре после смерти Петра I через русских послов при иностранных дворах и через газетные статьи было официально оповещено об открытии в Петербурге Академии наук.²² Извещалось, что Екатерина I заботится «о тех делех, кои начаты при его величестве (Петре I. — Г. М.)... а наипаче о науках молодых шляхтичей, для которых новые профессора из других краев выехали. И ко оным профессорам великую показала милость и высокую свою протекцию».²³ 1 августа 1726 г. Екатерина I с дочерьми-цесаревнами Анной и Елизаветой присутствовала на торжественном собрании Академии наук. Для них был принесен трон с балдахином и помещен в зале. Академики, профессора и адъюнкты помещались вокруг стоя, никто не сидел.²⁴ Не лишено оснований полагать, что описание торжественного прихода цесаревны в Академию наук в «Гистории» сложилось под впечатлением описанного выше факта. Сравним: цесаревна «прииде во ону Академию... Они же («главные от профессоров», — Г. М.) убравше балдахин пребогатой и престол от золота, и стол золотом покровен, учителем, стоя пред нею, обучат наук» (л. 262 об.).

По повести, цесарь «определил шляецкого сына при Академии профессором» (л. 263 об.). Известно, что «профессорами Академии» назывались Дювернуа, Балер, Гмелин, Беккенштейн, читавшие на публичных ассамблеях Академии наук «речи», о которых сообщалось в «Санктпетербургских ведомостях».²⁵ Итак, если «Гистория» была действительно русским произведением, то она не могла быть создана ранее второй половины 1725—1726 гг.

¹⁹ П. П. Пекарский. Наука и литература при Петре I, т. I. СПб., 1862, стр. 33.

²⁰ П. П. Пекарский. История Императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1870, стр. XXXIII.

²¹ Регламент Императорской Академии наук и художеств в Санктпетербурге. СПб., 1747, стр. 2.

²² П. П. Пекарский. История Императорской Академии наук в Петербурге, стр. XXXIII.

²³ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, т. XIX. М., 1869, стр. 84.

²⁴ П. П. Пекарский. История Императорской Академии наук в Петербурге, стр. XLI—XLII.

²⁵ СПб. ведомости, 1728, 28 июня, стр. 208; 1728, 29 июня, стр. 212; 15 октября, стр. 336; 1730, 4 мая, стр. 144; 1731, 3 мая, стр. 142 и др.

В пользу этого можно привести и то обстоятельство, что «Гистория о некоем шляхецком сыне» начинается с обращения цесаря к дочери при назначении ее наследницею престола: «...учиню тебя сему престолу и венцу наследницею по мне. Напервой яви свое достоинство, исполни мое изволение». Именно «достоинства» цесаревны являются причиной того, что цесарь поручает ей управление государством. Далее цесарь еще раз обосновывает свое решение: «...цесарь... всем сенаторам своим говоря: „Достоина явила престола и венца моего, дщерь моя“. И повеле объявить указ за подписанием его собственным руки о учинении ея законною наследницею. И повеле на утрие присягу учинить» (л. 266). Можно предположить, что автор «Гистории о некоем шляхецком сыне» знал сочинение Феофана Прокоповича «Правда воли монаршей во определении наследника державы своей уставом державнейшаго государя нашего Петра Великаго», где обосновывалась законность передачи престола тому, кто окажется «достойным»: «...должны цари родители так наставляти сыны своя, дабы они явились достойны царствования, и тако дабы могли быти им подобны достоинством своим»²⁶ (ср.: «достоина явила престола»). Кстати, в сочинении Феофана Прокоповича предусмотрена и передача престола дочери: «Также разумети подобает во оскудении сынов, и о дщерях монарших»²⁷ (ср.: «Наследница моя! Кроме тебя не имею, и учиню тебя сему престолу и венцу наследницею по мне» (л. 261)).

У нас есть еще одно основание для решения вопроса о времени составления «Гистории о некоем шляхецком сыне». По повести, герой получил в Англии сначала чин действительного тайного советника (см. первый чин Табеля о рангах), а затем и генералиссимуса. Известно, что первым генералиссимусом русской армии был А. Д. Меншиков, получивший это звание в конце 1727 года²⁸ (при Петре I он был генерал-фельдмаршалом).

Итак, «Гистория о некоем шляхецком сыне» не могла быть написана ранее 1727 г. В настоящее время определенных данных для установления нижней границы датировки «Гистории» мы не имеем.

Независимо от того, что «Гистория» написана (или переведена) после смерти Петра I, она является типичной петровской повестью.

Понятие «петровская повесть» не следует рассматривать только как хронологическое понятие. Петровская повесть — это комплекс жанрово-литературных особенностей произведения, которые характерны для первой четверти XVIII в. Но так как результаты социально-политических изменений, происшедших в России в этот период, не кончились со смертью Петра I и сказались в последующее время в деятельности тех общественных кругов, которые были экономически и политически заинтересованы в укреплении абсолютизма, то и понимание термина «петровская повесть» может быть пересмотрено.

Автор «Гистории о некоем шляхецком сыне» отстаивал в своем произведении те идеи, которые были ведущими в литературе Петровского времени. Но в действительности, окружавшей его, намечались уже резкие изменения. «Премена делам» Петра I вызывала беспокойство в умах передовых людей того времени. Уже правительство Екатерины I принимало меры к подавлению этих мыслей. В феврале 1726 г. в «Российских ведомостях» была напечатана «Рефлексия, или Разсуждение, о приключившейся премене». В «Рефлексии» сказано, что после смерти Петра I многие «розговаривали о том (о смерти Петра I, — Г. М.) различно, по состоянию ин-

²⁶ Правда воли монаршей... М., 1722, стр. 19.

²⁷ Правда воли монаршей... стр. 35.

²⁸ Гельб и г. Русские избранники и случайные люди в XVIII в. Русская старина, СПб., 1886, апрель, стр. 29.

тереса, каковой кто в том имел, чаяли что вышереченная смерть причинит премену в России». ²⁹ Автор статьи доказывает, что никакой «премены» не произошло, что Екатерина I является «соблюдательницей его мыслей». ³⁰ Но уже одно то, что потребовалось опровергать эти «розговоры» в печати, свидетельствует о том, насколько они были серьезны.

В дальнейшем эта «премена делам» Петра I выступила еще разительнее: 26 июля 1727 г. по указу Верховного тайного совета запрещены были манифесты по делу царевича Алексея и изъята «Правда воли монаршей». В 1728 г. Петр II навсегда покинул Санктпетербург — детище своего деда — и переехал со своим двором в Москву. Тогда же был лишен всех званий и чинов и сослан в ссылку А. Д. Меншиков, в заточении погибли и другие ближайшие сподвижники Петра I. Юного царя Петра II окружали потомки знатных московских бояр — князя Голицыны и Долгорукие. В 1730 г., после смерти Петра II, Верховный тайный совет официально выразил свое отрицательное отношение к памяти Петра I. Не считаясь с завещанием Екатерины I, не признавая наследниками сына Анны Петровны и Елизавету, он призвал на престол Анну Иоанновну. Мелкое и среднее дворянство, выдвинувшееся в первой четверти этого века и оттиснутое «верховниками» от активной политической деятельности, открыто боролось за свои права на участие в общественной жизни страны, в управлении государством. ³¹

Может быть, этой «премной делам» Петра I и можно объяснить трагический конец «Гистории о некоем шляхецком сыне». Так же точно человек, одаренный умом, обладающий большими знаниями, трудолюбивый, бескорыстно-честный, т. е. обладающий всеми теми качествами, которые сделали «небольшого» дворянина Василия Кириацкого флорентинским королем, гибнет в столкновении с высшим обществом.

Автор «Гистории» своего героя назвал «шляхецким сыном». Не следствие ли это перевода повести с польского языка?

Слово «шляхтич» как синоним слова «дворянин» было чрезвычайно распространено в русском языке конца XVII—первой половины XVIII в. Нами отмечено употребление этого слова Петром I, ³² его приближенными, ³³

²⁹ Российские ведомости, 1726, 19 февраля, стр. 2.

³⁰ Российские ведомости, 1726, 19 февраля, стр. 4.

³¹ «... шляхетское мнение Верховный тайный совет уничтожил» (Две записки Татищева, относящиеся к царствованию императрицы Анны. Сб. «Утро». М., 1859, стр. 369—370, 374, 378—383).

³² Письмо о школе Нирода: «... к споможению славы божией и на создание и присное содержание для обучения сирот одного дому, в котором шляхетские и нешляхетные сироты и убогие дети в страхе божии и в христианских добродетелях обучены и воспитаны быть имеют» (П. П. Пекарский. История Императорской Академии наук в Петербурге, стр. XXVI—XXVII). Чтобы побудить дворян к военной службе. Петр I издал указ: «Сказать всему шляхетству, чтоб каждой дворянин во всяких случаях (какой бы фамилии не был) почесть и первое место давал каждому обер-офицеру» (С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, т. XVI. М., 1866, стр. 200—201).

³³ Сенатор Головкин в 1711 г. писал секретарям Посольского приказа о том, что Петр I хочет знать о разделении «недвижимых маестностях... как знатнейших княжик, графских, шляхецких, так и купецких фамилий» (С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, т. XVI, стр. 199). В 1716 г. к Петру I поступило предложение об учреждении в России «ученых обществ», где бы «шляхетная юность» могла получить образование, где «младой шляхтец малыми коштами и гораздо меньшими иждивениями, нежели в чужих землях, в здешней земле учиться» (П. П. Пекарский. История Императорской Академии наук в Петербурге, стр. XIII—XXIV); «А у венецких прокураторей и у шляхты, и у знатных купецких людей... есть свои гундалы» (Статейный список П. А. Толстого: Хрестоматия по истории русского языка. Под ред. С. П. Обнорского и С. Г. Бархударова, М., 1949, стр. 75).

часто встречается оно в «Ведомостях»³⁴ и других печатных материалах того времени. Употребляется это слово и в лубочной литературе.³⁵

В повести встречается целый ряд южноруссизмов («пришла до возраста», «до места», «главные от профессоров», «амурные спевания») и особенностей в падежном управлении южнорусского говора («платье... которая... могла»).³⁶ Имеются в «Гистории» и полонизмы («политично танцевал, краль»), и германизмы («трактамент», «обор-каморгер», «персона», «контракт», «церемония», «пароль»), но все они не выходят за рамки обычного словоупотребления первой половины XVIII в.³⁷ Сочетание церковно-славянизмов («аз», «дщерь», «изреши», «егда», «востать», «семо и овамо», «хошу», «оный» и др.) с иноязычной лексикой является специфической чертой литературного языка в Петровскую эпоху.³⁸

Итак, в «Гистории» нет таких признаков, которые безусловно свидетельствовали бы о том, что перед нами перевод. Но отсутствие этих признаков не является еще доказательством ее оригинального происхождения. Возможно, что со временем отыщется ее иноязычный источник, но от этого она не станет менее типичной для своего времени.

Синтаксические конструкции повести характерны для языка первой половины XVIII в. Словосочетания «некоторый цесарь», «оный оберкаморгер», начало предложения со слова «который» также отмечены нами в большом количестве в различных памятниках первой половины XVIII в.³⁹ Встречается в «Гистории» употребление интенсивно отмирающего в конце XVII—начале XVIII в. оборота дательного самостоятельного⁴⁰ («великим свещам горящим», «учителем стоя пред нею»). Несомненно, что автор «Гистории о некоем шляхецком сыне» свободно владел литературным языком своего времени.

Хорошо продумана им и композиция произведения, в ней нет ничего лишнего, мешающего восприятию основной идеи, любовная интрига тесно переплетена с социальной: уже в начале произведения «небольшого шляхтича сын», засевавший «по науке место», выступает как антипод «сенаторов и министров». В конце повести их столкновение кончается катастрофой,

³⁴ Из Лейдена 22 сентября о трауре по покойном короле «дворянам, шляхтичам гербовым, секретарям... ходить в черном платье» (СПб. ведомости, 1724, 22 сентября, стр. 9); «... на лугу против Исаакиевой церкви новоучиненная кавалергардия в числе 40 персон знатных шляхтичев конницею» (Российские ведомости, 1726, 3 декабря, стр. 4); «Шляхетское мнение» (сб. «Утро». М., 1859, стр. 378).

³⁵ В сборнике XVIII в. из собр. А. А. Титова, № 1627 фигурирует шляхтич, который был прежде «великого рода», а теперь обеднел (С. Ф. Елеонский. Из истории массовой литературы XVIII в. ИЮЛЯ, т. XIV, вып. 5. М., 1955, стр. 457).

³⁶ См. «платье ветхая», «платье цветная», «платье которая» (А. Листопадов. Песни донских казаков. Ростов-на-Дону, 1949, стр. 15, 29, 64); «время великая», «царская жалованье» (Сборник Кириши Данилова. Под ред. П. Н. Шеффера. СПб., 1901, стр. 19, 124).

³⁷ Н. А. Смирнов. Западное влияние на русский язык в петровскую эпоху. СОРЯС, СПб., 1910; И. Огиенко. К вопросу об иностранных словах, вошедших в русский язык при Петре Великом. Русский филологический вестник, 1911, кн. 3/4.

³⁸ В. П. Забродченко. Лексика русских повестей первой трети XVIII века. Автореферат диссертации. МГУ, 1956, стр. 6—7, 12, 15; Б. А. Маргарян. Словарный состав повестей Петровского времени. Автореферат диссертации. М., 1956, стр. 3, 16.

³⁹ «Некоторых достойных персон» (СПб. ведомости, 1728, 23 июля, стр. 240); «в некоторой большой палате» (СПб. ведомости, 1728, 10 августа, стр. 260); «некоторый панегирик» (СПб. ведомости, 1730, 4 мая, стр. 144); «некоего государя» (СПб. ведомости, 1725, 27 апреля, стр. 7); «некоторые из чужестранных министров» (Российские ведомости, 1725, 22 декабря, стр. 3); «оный принц» (СПб. ведомости, 1724, 13 декабря, стр. 8).

⁴⁰ Л. В. Перегонцева-Граве. Дательный самостоятельный в русском литературном языке XII—XVII в. Автореферат диссертации. ЛГУ, 1955, стр. 12.

в которой гибнет не только «шляхецкий сын», но и наследница государства — цесаревна. Смерть цесаревны приводит в свою очередь к смерти и самого цесаря: «цесарь и цесарева... слезами обмыша дщери тело своей, и вину смерти причиташе, яко от них плача горкой и умре» (лл. 282 об.—283). Конец произведения — приговор автора тем богатым и знатным, которые попирают человеческое достоинство во имя корыстных интересов, приговор и цесарю, который не сам решает все вопросы, а слушается совета «сенаторов и министров».

В литературном отношении «Гистория о некоем шляхецком сыне» важна и интересом автора к психологическим переживаниям героев (особенно женщин), попыткой средствами языка изобразить различные оттенки человеческих чувств. Вот, например, как описывает автор чувства цесаревны, когда она увидела после двухлетней разлуки любимого ею человека: «...она же, вся трепеща любовью». Герой «от осязания и видя ее нагое тело и красоту, толико возжеса, яко пламен дыша», английская королева «неңасытно лобзанием любве доволствовала», «по отпуске взор вся ноцию совестию томима».

Всестороннее изучение «Гистории о некоем шляхецком сыне» — задача исследователей. Текст памятника публикуется по рукописи ГИМ, Музейное собрание, № 1283. При публикации повести сохраняются фонетические особенности списка (написания «шляхецкой», «обор-каморгер», «дщерь», «аглинский» и др.). Титла раскрыты, надстрочные буквы внесены в строку, пунктуация современная.

* *
*

л. 261 Гистория о некоем шляхецком сыне, како чрез высокую и славную свою науку заслужил себе великую славу и честь, и ковалерской чин, и како за добрые свои поступки пожалован королевичем в Англии

Некоторый цесарь имел у себя дщерь прекрасну, любил аки живот свой, что кроме ее других детей не имел. Оный цесарь имел прилежную охоту до самых славных вещей такоу, дабы ни едина в мире¹ могла отставлена быть, которая бы в его государстве не была. Здания имел впречюдная и в них разных наук школы, в которых указал шляхецким, министерским, и сенаторским || детям быть в науке и по науке засесть место. И собра отсюду премудрыя учителя и определил им великий трактament, чем побудил² отсюду великих учителей быть до оной Академии. И не бысть³ в те лета толь славная и премудрая наука во всем свете. И тогда оная цесаревна пришла до возраста 12-ти лет, повеле ей отец ея быть в Сенат. Которая в великой славе и убранстве пришла. И тогда цесарь дарил ея от самых царских драгих вещей. И потом, сняв с себя венец, сказал: «Наследница моя! Кроме тебя не имею, и учиню тебя сему престолу и венцу наследницею по мне. Напервой яви свое достоинство, исполни мое изволение». Которая || учинила таков ответ: «Не сего венца ради и престола должна волю твою исполнять, но со всякою моею охотою готова усердно по вашей воле яко родителя моего, государю исполнить». И тогда цесарь, дав ей отеческое лобзание руку, рече: «Скорбь сердца моего безчадия мужеска изцели любовью послушания, и буди в сей Академии Наук». Которая, руку родителя своего целовав, и обещала охотно исполнить, отиде от него. На утрие убрався в платье, которая никакова знака

¹ Испр., в ркп. пире.

² Испр., в ркп. обидил.

³ с в ркп. вставлено.

л. 261 об.

л. 262

не могла дать к короне, и взя малое число от девиц, прииде во ону Академию. Которой нечаянной приход видево, главные от профессоров должное поздравление и приветствие премудро ей сказали. Она же, отдав должное благодарение, объявила волю родителя своего || и свое намерение. л. 262 об.
И тогда с прошением...⁴ да отложит намерение о исполнении на три дни, по трех днех да благоволит быть. На что тако и изволи.

Они же, убравше балдахин пребогатой и престол от злата, и стол златом покровен, учителем, стоя пред нею, обучат наук. И в назначенной день принята с великою славою и многим поздравлением. И тогда приведена до оного места, еже для учения ей уготовлено. Тогда испроси у всех воли, что ей и дано, и сядет по науке своей ниже всех. И объяви, яко она не нарушити пришла высокою указ родителя своего, но исполнить с великим прилежанием возымела труд. Чрез три года превзошла всех во оной⁵ Академии в науке || ...⁶ к науке, то оная цесаревна из себя, яко из некоторого л. 263
источника воды излияти, — сице много науки нача издавати.

По науке же засел под ней первое место некоторого небогатаго шляхтича сын, которой наукой весма ей был подобен и красотою непомерной. Которая так ево любила, как свой живот, и всегда повелела быть при себе, и во всяких наук розыскиваниях и новых в издании весма благ был ей в советных. И тако положила свое намерение, что кроме сего ни за какого не посягнуть; аще умрет, то не быть некому женою. До котораго и цезарь имел многую милость и определил || ево при академии профессором...⁷ л. 263 об.
быть во услуге при дщери своей и пожаловал ево оберкаморгером.

И в некоторое время имела со оным оберкаморгером о некоторых невидимых вещех розыскание, где кроме их единых никого не было. Усмотря оная цесаревна такое удобное время, рекла ко оному оберкаморгеру: «Ведай ты отныне и буди благонадежен, что ежели воля будет на то божия, то, кроме тебя, иного в мужа себе иметь и другому женою быть не хошу». Что слышав, оной оберкаморгер велми омертвев, и изменися вид его, паде || ...⁸ рече: «Всемилолюбивейшая государыни моя цесаревна! Елико л. 264
время мое допустило, служил вашему величеству верно, а некогда повеления вашего преслушав. Ныне мене немилосердно сими словесы умершляешь и помале времени узриши мертва». Цесаревна ему рекла: «Друже мой терпеливый! все глаголанное мною выслушай. Аще кто и многократно благороднее тебя мне в супружество бы был, хотя и от самых коронованых, а толикаго ума и премудрости, как ты имеешь, несравнена всего мира богатство || ума. И аще ты отречешия в сем свете иметь меня женою и быть л. 264 об.
государем сей короне, навеки не хошу никому быть жена, и престол сей да будет вдовствовать!».

Тогда оный каморгер, выняв шпагу, и обрати конец в сердце, и сказал: «Не достоин сего и не буди⁹ мне, выше меры моея. Ежели не отречешия и не даси мне ответа, что никогда сего и сказать, ныне жизнь смертию кончаю!».

И тогда оная цесаревна, вся вострепета от страха смерти своего любимаго, рекла: «Аз нежели ти¹⁰ отречение словесное, но и писменное дам под клятвою ниже сего впредь искать. Мое же повеление исполни и положи шпагу твою до места, и зри моего исполнения что исполню вину || сама». л. 265
Взя нож и обнажи грудь, и разреза, мало и взем перо и бумагу и написа

⁴ *Верх рукописи срезан, одно слово не прочтено, видимо — сказала.*

⁵ *Испр., в ркп. иной.*

⁶ *Верхняя строка срезана.*

⁷ *Одно слово не прочтено.*

⁸ *Несколько слов верхней строки не прочтено, видимо — пред нею на колени.*

⁹ *Повторено в скобках дважды.*

¹⁰ *В ркп. и испр. из ъ.*

кровию тако: «Не хошу иметь в сем свете достойнаго мне супруга, кроме тебе. Аще лестно, то представляю свидетелем бога. Аще отречеши мене, нож в руку мою на умершвление мое. В верности подписую мою кровию и рукою. Ты же осудиши яко убийца, яко неприязною своей мя жизни лишаеш. Девства же моего до закона да хранитель будеши!». И приступль вручи ему писмо и обливаясь слезами, и даде любезное целование во уста, во очи, и во уши.

а. 265 об. Эгда же прочет, позна яко не искушение, но истинна, став на колени воздав ¹¹ благодарение за такое милостивое обещание, и наипаче да тайно до времени будет. И взяв нож, разрезав противу || сердца своего, испусти кровь и написа: «Аще соблаговолит всемилостивейшая государыня моя цесаревна сочетатися со мною законным браком, то по воле ¹² ея охотно исполню. Аще что сего не допустит, до смерти моей не хошу брачен быти. И в том представляю в чистой моей совести бога». И вручив, и от обоих стран бысть любезное, ненасытное целование, и возгореса огонь в любве во обоих, яко охотно того часа исполнить хотели бы брака, аще бы имели волю. Но предложивша согласно времени искать, дабы на сие их изволение соблаговолит цесарское величество.

а. 266 По некоем времени бысть рождения день цесаревне, которой цесарь торжественно отправлял. И по отшествии пира толико возвеселен ¹³ был оную цесаревну, дщериею своею, и всем сенаторам || своим говоря: «Достоина явила престола и венца моего, дщерь моя». И повеле объявить указ за подписанием его собственныя руки о учинении ея законною наследницею. И повеле на утрие присягу учинить. Сам же рече: «Дщерь моя возлюбленная! близ есть время брачного сочетания, да веселия сей день радости вижу в жизни сей. Тебе же, премудрейшии, даю изволение во избрании достойнаго тебе супруга. И кого избереши — воля твоя, с тем да сочетаешия закона».

а. 266 об. Тогда цесаревна, видя время весма благо своего намерения ко исполнению, став на колени, рече: «О дражайшии мой родителю и государь! вем, яко слово исходяще и от уст ваших, право и яко божие не пременяется. || Аще тако благодать твоя надо мною. . .», ¹⁴ и взяв онаго каморгера за руку и рече: «Дражайшии мой отче и государь! благоволи мя вдати сему в жену, и аз буду ему жена и он мне муж достоин. Веси добре яко все богатство и благодарение, кроме вашего величества ума и премудрости, его несравнено. Аще сему не соблаговолиши быть женою, навеки не хошу никому быти жена, кроме сего». И вся залилася слезами, и любызаше рuce отца своего. Надолзе не бысть ответа.

а. 267 Тогда воста великий ропот в сенаторех и министрех. Толь спешно от мест встав и пришед до цесаря и цесаревне, рекоша: «О пресветлая государыня цесаревна, яже самая светлость озаряет тя, избра толикой красоты и премудрости. Сие же изволение твое неправо: подлого недостойна || быть, рещи мота и пьяницу изволиши быть супруга и на престол великий достойна чиниши. Ни, государени, не будет сие! Да будет вам в супружество за коронованных кралей достойно». И тогда слышав цесаревна, рече со слезами: «Сей совет смерти моей и престола вдовствование. Кая вам радость, что узрете мя мертву и престол родителя моего воспримет ин. ¹⁵ И уже сердце мое сим словом яко оружием во мне смертно уязвили. Вам смерть моя — радость. Родителя же моего вижду печальную во мне смерть вашим сове-

¹¹ *Испр., в ркп. востав.*

¹² *В ркп. исправлено другими чернилами повеление.*

¹³ *Испр., в ркп. возвеселит.*

¹⁴ *Одно слово не прочтено.*

¹⁵ *В ркп. инн.*

том». И воста, испусти глас плачевны, изыде вскоре. И тогда цесарь и сенаторы споследовал и клятвами утвердив, яко по воли ея вскоре исполнит. Она же рече: «О пресветлый мой государь! Вем добре аз плачь мой, яко вскоре мя мертву узриши и ты печалию жизнь скончаеши, и престол сей || да воспримет...¹⁶ Отселе не хошу видеть некоторой радости, кроме тебе, дражайший отче, яко на конце живота моего аз и ты».

л. 267 об.

На утрии же вси сенаторы сошедшеся и совет предложиша: «Достойно сей оберкаморгер вышлется из государства во образе посланника до аглинскаго короля. Сие которыми противными писмами, а паче на словах речию да изречет дерзостно, за что может вскоре умерети». И пришед объявиша цесарю: «Аще не тако не можно ея любления отнять, дондеже видим будет. А как безизвестен будет, конечно забвению¹⁷ предаст, яко непотребно и недостойно никакой чести, достойна пьяница и в блудных домах пребывание иметь. Како достоин такова престола, и нам како наречется государь!».

Цесарь, вся сии размышляя, како бы не||...¹⁸ ляя весь день с погру- жаем печалию. Положи намерение исполнить по совету сенаторов своих и написа грамоты противны и запечатав. И, призва нощию одного каморгера, рек: «Слышал ты доброе намерение дщери моей, что аз исполнить и в сына тля иметь хошу, и на престол мой посадити. Ты же потыши усердную службу явити. С сей грамотой поезжай до аглинскаго короля и вручи, и на словах ему скажи: «Недостойный ты толь великаго престола всеми делы своими. И руками государя моего, цесаря, вскоре возмет венец от главы твоея и ты, злодей, споносною смертию умрешь». И даде ему доволно червонцов и 50 человек драбантов. И с того часа, посадив на конь, отпусти и заповеда глаголения ниже застав,¹⁹ ниже в пути в жилье становитца до самой || границы, что тако и учинено, о том известно.

л. 268 об.

Во утрии же день царевна, не видев одного оберкаморгера пред собою, повеле призвати пред себе. И поискав, не обретоша. И быв печалию погружена и не хотя утешатися, надела платье черное и покой повеле изнутри обити сукном черным, и в неутешном плаче и скорбе пребываше. Отец же ея, цесарь, часто приходяще, ово ласкою, ово гневом вопрещаше. И нимало видев от намерения сего мог возвращену, толико прият ответ таков: «О дражайши мой отче! како не скорблю лишения живота моего. Помалу и мя узриши от сей печали мертву, и престол твой воспримет ин. Послушав еси совета сенаторов, которым добре любимую свою дщерь живота лишаеш».²⁰ И тогда от предстоящих сенаторов рече: «О пресветлая, великая государыня наша цесаревна! мы подлинно знаем яко он пьяница и ко- стур, и знатно нигде, и ныне страмствует или бежал. Аще бы убиен, то бы тело его объявлено было». На то прияли²¹ ответ: «Вы весте: и все вы сего одинаго недостойни. Аз живот мой, любве ради его горкой смерти поручаю. Аз его недостойна, || всех вас ум и мудрость против сего яко капля от источника. Смерти моей вы виновны и радость ваша яко престол сей будет вдовствовать». Плача горко, и пребываше в такой печали два года. И виде намерение ея непременно, совет сотвориша: отдать в жену великому князю, да тем от печали и напрасныя смерти избудет.

л. 269

И егда о сем она добре известися, взяв нож в руку, и призва к себе цесаря, и с плачем горким испусти глас плачевны, глаголя: «О предражайши отче мой! аще не отречешися своего намерения — еже мя дати не-

¹⁶ Несколько слов не прочтены.

¹⁷ Испр., в ркп. зарвеню.

¹⁸ Верхняя строка не прочтена.

¹⁹ Испр., в ркп. застав.

²⁰ Испр., в ркп. лишает.

²¹ Испр., в ркп. прияли

волею браку моему — да узрят очи твои излиющуюся кровь дщери твоея едиnorodной и горкую смерть сей час». Отец же, позна намерение ея, всякою клятвою себе утверди не сотворити сего. И взя нож от руки ея, плакая горко, не зная, что сотворити.

По времени же малом клятвами же обеща, да сочетается браком. Она л. 269 об. же испроси от руки еще на полгода, когда не получит о сем год вести: то за кого соблаговолиши отдати мя в жену, буди в твоей воли. И со вся || домочадцы взыскание сотвори не обрете, что все куранты и ведомости, и писма, и грамоты все были таены, где имя оногo объявлено.

Егда же оные оборкоморгер прибыл в Англию, представлен²² бысть королю и вруча грамоту, и рече оное, сказал в лице оногo. Тогда король повеле учинити ему казнь — отсечь главу. Обозре вся он семо и овамо, рекл предстоящим: «Прошу вас, братия моя, отдать мне долг братовства. Также же де и аз предстоял лицу цесарскому, яко же и вы королевскому величеству. Послан, что повелено, изрек. За сие доброе послушание осужден днесь на смерть. Общая сия нам всем чаша. Аз сего дня, а вы утре от своего государя будите посланы на такову же напрасную смерть, будите осуждены, якоже и сию». Отдав королевскому величеству должный поклон и предстоящим, поиде. И предстоящие же многия невинныя смерти его сожлеша и лица свою премениша, и очи слез наполниша, помена,²³ яко самим то же не приключилось, начаша озиратися друг на друга. Тогда л. 270 король позна их желание || и зная, яко он невинною смертию за верность государя своего умирает, и даде таков указ: ктр похочет отдать долг любления и проводить волен. И тогда все ис полаты королевской изыдоша, последовав²⁴ со осужденным на смерть. Он же вся подробну от чести своей изрек, и благодарно им вся премудрости слова сказал, и пространно слово о²⁵ человеколюбии божи ко грешником, и от покаяния, яко об едином кающемся грешнике аггели радуются, и грешного покаяния сам господь любезно примет, обратися ко всем, слезное прошение принесе: «Благодарю вас, мои господине, яко не презрели малого моего прошения, соблаговолили последовати со мной до горкой моей смерти. Яко все мы едину чашу в руке держим: сего дня аз, а утре и вас может постигнуть, но не за²⁶ законную вину, но за едину верную службу и верность государя своего. Молю вашу благодать вопросить мне хотя малое время дух мой сокрушить от гресех пред богом, и покаяние принести. Аз и во животе бо вашего ходатайства прошу на малое время, но и покаянию. И когда прииде || л. 270 об. на место сечения, где указ прочтен, он же нача прошения от всех просить, и последнее целование любезное давати, то не нашелся от всех ту последовавших дабы един без слез быть мог, и советно предложиша умедлить казнь, и просить королевского величества, да дарует малое время к покаянию. И возвратишася до полаты королевския. Видя король их слезы, и сказал, что «тяжек плачь ваш». Тогда все, став на колени, молебное прошение изрекоша, да дарует малое время для покаяния, да им такожде воздаяние равное от бога дасться. На что король скоро указал:²⁷ дать живот на семь дней для покаяния, во осмый же день да казнен²⁸ будет смертне. И те все возвратишася и нечаянную радость и милость королевскую объявили.²⁹ То он, отдав должное благодарение, паки просил их да проводят

²² Испр., в ркп. преставлен.

²³ Испр., в ркп. помекая.

²⁴ Испр., в ркп. последован.

²⁵ Испр., в ркп. от.

²⁶ Испр., в ркп. нет.

²⁷ Испр., в ркп. указ

²⁸ Испр., в ркп. доказан.

²⁹ Испр., в ркп. объявила.

ево до темницы, где объявил им тако: «За многое ваше ко мне благодарение и любовь, || им же богатное обогашен, хошу вам долг любве, вам и чадом а. 271
вашим, отдать. Долг любления вашего — вечное во всем свете славная и великая наука и государя моего цесаря, которой во всем свете нет подобней науке, аз от первых. И не вскрыю того данного мне таланта втуне, и отдам вам и чадом вашим крепким истинном правилом и наукам». Что все радостно приять желали. И наутрии каждой сам и с чады пришли и странное показание чрез краткие науки им показал. И тако им бысть любезно, яко все с великою охотою трудолюбно сему прилежали и неотлучно чрез три дни при нем были, и согласно предложили таковое намерение: да идут до королевны просить помощи, да исходатайствует время живота хотя на полгода. И вси, пришед до королевны, став на колени, просили сице, да ея предстательством даруется жизни время на полгода оному осужденному. И объявили о своих науках, кто на сие мог получитьи чрез толикое малое время познать и обучить было невозможно, что || сие а. 271 об.
получити чрез три дни. То слышав сие от них, и познала, яко то истинно, рекла: «И аз хошу сего дни получитьи³⁰ в третьем часу видеть. Вы же идите тамо не умедлив. И аз сего дня пополудни, в третьем часу дни, видеть желаю. И аз буду даяния ради милостыни осужденным». Они же шедше тайно сказаше ему, яко будет до темницы, в третьем часу дни королевна для подаяния милостыни, а что ее изволение, потом будем, но известны. И ожидаше все прилежно королевны приезду. Егда же узрев, тогда все изыдоша³¹ и отдаша ей должны поклон. И вниде во оную темницу и всем персонам подаваше милостыню. Прииде же и до одного осужденного. Якобы не знаяше, спросила кто сей? И прият таков ответ, даде подаяние. Он же прият от руки ея, и толь высокоучительно и премудро изрек еси поздравлением, яко политичным сладкоглаголением возже в ней любовь такову, ежели бы не зазорно, того же бы часа могла целование дать. И попросила шляхетских и сенаторских, и министорских детей, их самих: коей ради вины он в темнице? || Он же яви ей³² всякое свое обучение науке и особливую книгу, написанную чрез три дни одного осуждения.³³ а. 272
«Которой вам тако сия книга разных наук и часть малая, якобы от великаго источника капли воды точащим же, восхожду и описать чшуся, аще время лишения живота моего не пресечет вскоре». Она же³⁴ о³⁵ великой крепости его и премудрости подивися, яко и вся невчувственна бысть, и взем книгу от руку его, изыде вон.

На утрии же повеле всем быть в полату отца ея и ожидать своего прихода кто что обучил, и имели бы при себе записки. На утрии же все, пришедши до короля, и ожидаше пришествия королевина. Она же, убрався в драгие вещи, и пришед в полату до отца своего и, встав на колени, простре моление: «О, дражайший мой отче и государь! вем яко и престол короны твоя мне преуготовляеши. Молю яко никогда тша обидох от³⁶ тебе. Вем яко твою благодать да не прогневаеши на тол дерзновенное прошение, || яко и его прошением и от всех предстоящих пред тобою, да сего моления обождена. Да даруеши жизнь оному осужденному на пол а. 272 об.
единого года, а потом да будет воля твоя». И подаде книгу, в которой оглавлены науки. И тогда от всех предстоящих молително просили, и кто что обучил, един по единому предъявили. Видев король усердное прошение

³⁰ После слова получитьи в ркп. ошибочно повторено слово дни.

³¹ Испр., в ркп. изодоша.

³² Испр., в ркп. ся.

³³ Испр., в ркп. осужденного.

³⁴ Испр., в ркп. де.

³⁵ Испр., в ркп. в.

³⁶ Испр., в ркп. о.

дочери своей, даде жизнь на полгода, и объяви им, да по прошествии срока ниже кто дерзнет просить. И отдав его на пороль им, которые по свободе из турмы всяк в свой дом требовали и дарили его, весма обогатив. Которой убрался в черное платье и пришед до королевны, благодарил за показанную ея милость. Которая повелела ему по вся дни до себя приходить.

В некоторое время имела с ним разговор о всех видимых вещах и невидимых, дабы истолковал. И позна в нем совершенную мудрость и ум, которым сладкоглаголением так возжег³⁷ в ней любовь, что готова ему
 л. 273 быть хотя бы тот час в жену. И пожаловала ему 4000 черво||...³⁸ которых ему даны от цесаря в путь. И зделал себе два убора весма богаты: первой златой з драгоценным камением, второй сребряной з бралиантом. И в день рождения королевны, убрався во оной убор весма пребогато и пришед до королевны и толь премудро поздравил, второе похвалу, третье от древних всяких историях сладкоглаголиво изрек, которым возжег так огонь любви во оный премудрым глаголением, а паче красотой вида, яко вся восплачется и пот³⁹ из белого ея лица изляся. И не могла более быть вышла вон в некоторый покой. И помале прииде в память и, оставя некоторых двух девиц, спросила их о истинне, како оне несклонные быть любовию оного премудрого и красовиднаго зело ковалера. На что прият таков ответ: «По истинне, аще бы не соблаговолило ваше величество изыти вон, чем мало облегчение в себе познала, то конечно уже вся наша крепость от его вида
 л. 273 об. || яко воск от огня растаяв, и что могло быть, не знаем». И тогда королевна рекла: «Паче короне моей вмению⁴⁰ в части, аще бы сему аз могла быть жена». И через некоторый покой, чрез знаки повелела привести до себе. И выслав всех вон, ненасытно лобзанием любви доволствовала и объявила тако: «Отныне веси яко кроме тебе иного мужа иметь не хошу. Аще тебе лишена буду, во веки никому жена не буду». Он же со всяким благодарением за такое ея изволение приветствовал. И нимало потом был в ней дух спокоен об любви, како о сем может упросить позволение у родителя своего, а паче боящися, да не будет казнен смертию.

Егда же прииде тезоименитство, собрав всех сенаторов и министров, да купно с нею просять, да дарует оному осужденному жизнь. Которым
 л. 274 всем так было приятно, || что нежели о животе, до некоторыми приводы достоинства и супружества являше. И по отпуске взор вся нощию советию томима; аще бы возможна ниже могла от очию своею его отпустить. На утрие же оной ковалер, убрався весма богато, и радостным лицом пришед до королевны, поздравствовал тол сладкоглаголиво и премудро. И видев его тол премудра, вся, яко воск, растая, и яко вся воспламеняся, и не могла более быть. Вшед в другой покой, рекла всем: «Незабвенно⁴¹ счастлива аз буду, аще сего мужа иметь буду». Что все от предстоящих дам на то рекли: «Истинно, государыня, право твое намерение, и мним другою достойна тебе не обрести супруга на сем свете. Радуется вида зрению».

Зело убрався королевна в драгоценное платье и драгим венцем пришед до королевского величества, отца своего, радостным лицом. Отец же ея
 л. 274 об. поздрави, даде ей любезное || целование. Она же лобзаше руце отца своего, и став на колени, и простерше молителное прошение: «О, дражайший мой родителю и государь! никогда вотшя отходила от твоего величества, и вем, аще бы возможно сердце свое мне дать, не отрекся бо о короне и

³⁷ Испр., в ркп. возжел.

³⁸ Верхняя строка срезана.

³⁹ Испр., в ркп. пад.

⁴⁰ Испр., в ркп. вмений.

⁴¹ Испр., в ркп. незаврненно.

престоле, яко аз сему узаконена наследница, собственной руки вашего величества подписано и мне присягой утверждено. Молю твою благость! Даруй живот осужденному оному, истинно достойному дать живот для сей настоящей радости и моего здравия». Ответ прияла таков: «Преобидила сим прошением мою честь. О том ругатели чести моей в лице мое мне нанесенно. Живота просиши и несть вины таковые, коея ради могла убеждена быть до сего прошения». Ответ: «Дражайши отче и государь мой! аз ниедино сего дерзновения и прошения виновна и всех предстоящих лицу твоему». В которое время все вдруг на колени || встав и молителное прошение простирающе, да дарует живот для такова дня и здравия государыни королевны и государственных ползы, яко весма достоин помилования, и полза в нем государственная. А ежели таковых высоких наук могли слышать, кои ныне уже многия познали чрез сего, и паки вышши сих умом недостижимый и неведомы и поныне обещает явить и тою науку обучать». Тогда королевна поклонися и поцелова отца своего короля в ногу. Тогда король больше не мог терпеть, взем ея, и от земли повеле востать. Она же твердо держаше ногу отца своего: «Не встану, дондеже моего прошения не исполниш». На что прияла таков ответ: «Дарую ему любве ради твоя живот». И повеле ему пред себя быть. Она же радостно возда благодарение, и все министры купно благодарили же. Тогда оный оборкаморгер пришед пред короля в богатом в цесарском уборе. Тогда объявил ему: «Дарую живот прошения ради || дщери моей». И тогда, став на колени, толико сотворил ему благодарение и при том похвалу с прилогом древним исторей сладкоречиво. Потом говорил, что прежде естественным родителем был рожден и воспитан,⁴² и государю моему служил верно, и за верную мою службу живота достойна лишился. Ныне же всемилостивейшим государем моим королевским величеством паки от смерти в живот рожден, которому тако верно должен во всю мою жизнь служить и верен быть. И аще время приведет, за честь ево готов яко же умерети. И отныне раб великаго государя королевского величества аглинского». Ис которых ево слов позна его король верную услугу и острость разума. И рад тому бысть, что за неведением благо, что не умертвив. И повеле ему той день пред собою быть, а наипаче бысть радость паче настоящей радости. И рада бысть королевна сему. Егда отшел стол, то оной оборкаморгер, || пришед до королевны с великим комлементом⁴³ и просил до танца, которая на то соизволила. И так искусно и политично тонцевал, что всех удивление превозшло, и никогда такова чинна и тол высокого тонца дотоле кто видел. И так королевна тому была рада, что хотя и во весь день тонцевать, в тягость зело не вменила бы. И потом со многими дамами и порознь тонцевал, что самим музыкантом музыке помешал, что зрением и насыщением видя науку свою отпустила. Он же пришед, взя арфу и направил, толь играл сладко, спевал многие амурные любительныя спевания, что нежели от предстоящих дам ум умрачен тогда был. Кой мужеска полу, всех на любление и на зрение до себя привел и похоть огня во всех так возжег, что уже были бы растаеватися их крепости, из дамских жен персонь такоже пот излился. Что познав, и преста на арфе играть и спевать. И потом на всех || тол высоко и учтиво играл, что видя, король призвал его пред себя и даде ему чин прежни — оборкаморгер. И повеле пред собою всегда быть и во всех делах своих име его, яко острое оружие. И за такие его верные службы имел его аки верное свое око, и пожаловал его тайным действительным советником и ковалером, в чем никто ни завидовал, а всяк к тому радовался, дабы им был тол премудрый государь. И потом король поло-

⁴² Испр., в ркп. воспитав.

⁴³ Испр., в ркп. комлементом.

жил все государство на него правлением, что мог так охотно и трудолюбно. Что видя, король⁴⁴ весьма тому рад бысть и намерен говорить дочери своей, дабы она соизволила его иметь в мужа. Королева же толико его любила, яко вся веселия и забав имела, когда его пред собою видела. Он же боле имея любовь до прежде бывшие цесаревны, памятуя пароль.

И во едино время прииде король ко дщери своей и един наедин объявил намерение свое, яко хоцет дать в жену оному ковалеру. Она же не отречеся отеческого изволения и радостно целова его || руку, что позна король любовь ея до него. И егда же бысть день тезоименитства королевскаго величества, сотвори торжество велие и пир честен. Егда же все сошедше знатные персоны от духовенства и светские, и повеле призвать дщерь свою, которая весьма в богатом уборе пришла во множество дамских персонь. Тогда король поздравствовал его, объявил ему чин генералиссимуса, второе — яко приемлет за сущаго сына, и престол свой по себе, и корону его вручает, и к нему герб свой возложи на него. И взя дщерь свою за руку, повеле обручити ему в жену. Сочетания же брачнаго повеле ожидать времени. В чем от всех поздравлен, и провожден оный день великою радостию и мною музыкою и тонцами.

По прошествии полугода и уже по отъезде от цесаря выходе третьего года усмотря оный назначенный королевич король весьма весели, став || на колени, слезно просил его, дабы уволил до Вены видеть своих родителей и принять от них благословение. Нечаянное оное прошение слышав, король оскорбе и рече: «Может тебе в пути или тамо, что зло приключитца, и ведаю любовь дщери моя до тебе, яко в двух ваших телесех едина душа, да и тебе не лишен буду, а наипаче цесарь, аще и мир с ним заключен, однако же может тебе мстить зло, яко ты его природной шляхтичь». На сие недостав отвещав: «По воли вашего величества назначен я дщери вашей в супружество. Не могу в сие вступить, не приняв их родительскаго благословения. И чтож изволиш упоминать о цесаре, мне ничто, я ему равный, по милости твоей, брат, и по контрактам должен мне отдать долг любви, якоже подлежит к тому. Ваше величество соблаговолиш объявить мой отезд во все государства. А что изволиш мне || упоминать о обрученной мне в супружество дочери вашей, моей государине королевны, на сие и она соблаговолит до законнаго брака нашего, то от обоих родителей будет благословение дело то». Король, хотя и с печалию,⁴⁵ но поизволи и повеле публиковать во окрестныя государства отъезд оного королевича. Егда оной королевич пришед до королевны, и став на колени, просил поизволения, да уволит до Вены, и объяви яко поизволение от отца ея получил, которая нечаянно услыша отъезд, вся изменися и бысть яко мертва. что всех во ужас привлекла. И прииде в память, с великим прошением и слезами толико охавив его, плакася, яко и одежда его измоче, и моли, да оставит намерение отлучения, и являше, яко «отездом твоим, но отселе не могу быть жива от печали. Аще ты и возвратишия, но мене уже не узриши в животе». На оное ответ таков изрек: «Аще же тобою буду || одержан и до родителей моих буду не допущен то и ты меня узриши мертва и не принять от родителей моих благословения, — никогда могу с тобою законно сочетатися». И потом сладкоглаголивими словами склонил ее, да уволит, токмо с великою жалостию. Которая, тайно собрав до себе всех министров, и объявила об отъезде, вся им подробно сказа. На что от многих прияла таков ответ, что готовы оне сами с его величеством ехать, прочие же детей и братию обещали послать, и здравия хранения на себя

⁴⁴ Испр., в ркп. королю.

⁴⁵ Испр., в ркп. печали.

восприяли. Что малое⁴⁶ пользование ея скорби сотворися. И в назначенный день своего отъезда взял конной гвардии баталион, много шляхетских министрских детей 300 человек в великом убранстве аки в злате залиты, и взя червонных несколько сот тысячъ, и талер великое число, и прият прошение от короля и королевны, поехал. Которая в том разлучении предтворила, что ниже от печали стать могла от места, рекла: «Виждь, боже, мою до тебя любовь || и верность, что ты все забыл, меня смерти предпослал, и уже последнее мое с тобою разлучение, яко ты меня болше в сем житию не увидиш». И даде лобзание, поехал. л. 279

Егда же приехали до границы, уведав, что отдаецца цесаревна во брак некоторому князю, оставя всех, взя с собою 12 человек и довольно червонных, и так скоро поскакал, и на всякую версту платил по талеру за всех. И бежал чрез девятыя сутки день и нош. И которые при нем были, все изнемогли и остались по пути, а в день 4, 15, 16, 17 остана. Един прибеже до Вены, и уведав, яко цесаревна уже у венца, пришед в дом цесарской познал многих. Он же вопроси где спалня уготовлена цесаревны, что ему показано вскоре. И вниде в спалню ко определенному ту, и обрел друга такова, который весма обрадовался, и вопросил. Он же ему кратко || сказал и показал герб, яко он коронован, и нарицается аглинского короля сын. И просил его, дабы уволил во оной спалне ему начевать. Который мало противитися, и поизволил ему, за что дал ему великое число червонных, и лег под кровать. л. 279 об

Егда приведена цесаревна и князь, и легли спать, то он чрез мудрость свою навел на князя сон, встав, и вышел, и ста посреде палаты великим свещам горящим. Увидев цесаревна допросила: человек или стень? Тогда услышала его глас, бросилас, и охвата, обдлалась слезами, неутешно рыдаше и вопросила его об отлучении и о всем. Он же вся ей поведал: и како избавлен от смерти королевой, и как сын ныне наречен аглинского короля. И показа герб и лист, что обручена за него королевна и он любовию обужден, да не отрекся браку ея. Ради того || восприял трудной путь и не получил желаемого. И обличи ея совесть, выняв писмо руки ея, рекл: «Не верна ты мне явилась. По сему писму руки твоя судит боже между мною и тобою. Аз у смерти был, но не преступил обета!». Она же, вся трепеща любовию, и просила, чтоб того князя, мужа своего, заколоть. На что он ей сказал: «За что пролию кровь неповинную?». То прося шпаги у него, обеща заколоть. Не дал. И потом просила: как хочет, токмо бы ее не оставил. На то сказал: «Уже того столко не можно, что тебе быть мне женою. Но прошу, дай мне за тую верность девство свое». Она же молча. Которой объем, и поцелова и осыза,⁴⁷ где ему потребно, паки понуждая до своей воли. Рекла: || «Аще не умертвиш сего шелмы, не обещаеши меня быть муж, и не отдам девства моего!». Которой от осызания и виде ее нагое тело и красоту, толико возжеся, яко пламен дыша, и паки понуди, и обнажи мечь. На что и сказала: «Паки все исполню по твоей воли, токмо одинаго девства не отдам». Которой тому ждаше так, что уже якобы девству можно быть, но никакo мог сотворити. Рек: «Ныне красота твоя мне смерть, аще не исполниш воли моей». И толико возжеся огонь похоти, яко достиже сердца его, и тако пад и умре. Видев цесаревна, плакав довольно, взя писмо своей руки, ляже на постелю и разбуди князя, и объяви: «Видиши ли мертвец среди полат лежит». И скоро призвав || караулный⁴⁸ офицер и доложил цесарю. И смотрех яко королевской сын, и принесет герб и лист, а сын того государства некоего шляхтича. А как л. 280

⁴⁶ Испр., в ркп. малою.

⁴⁷ Испр., в ркп. осыза.

⁴⁸ Испр., в ркп. какаулный.

в полату явился, неведомо. Повелел отнести тайно и положить на крыльце отца его. Цесарева же в той скорби и слезах ниже мало от слез преста, но обливаше безмерно.⁴⁹

На утрие же отец оного, изыде из двора еще рано, и навалися на крыльце на оное мертвое тело. И взяв огонь, осмотрев весьма богато убранное. И позна сына своего, внесе в дом, плакася, и осмотра яко королевской, недоумевашеся како сие бысть. И во утрие иде до цесаря, и объяви тело, яко его сын, «безвестен бысть более 3-х лет, ныне явился мертв на крыльце. На нем же корона, на одежде герб и ковалерия аглинского короля, и грамота, в которой объявлен королевичем || и как явился на крыльце — не вем». Цесарь повеле погresti. Которой, взяв при нем бывшия вещи, про-
л. 281 об. дав, и убрав, и погребению принесоша.

В которое то самое время его конная гвардия и министры совсем зак⁵⁰ взято встичю и спросили господ: «где изволит стоять государь наш, королевич аглинской?». Который показали яко тот иже несется до погребения. С великим плачем взяли тело, любезно целовали и обмываше слезами, возвратишася в дом короля своего. И учинили великую церемонию, яко должно коронованным и просили цесаря, да персонално проводит до гроба. Он же претворися болен, но повеле министром быть и всякую
л. 282 должную честь воздать. Она же, цесаревна, упросися || да отдаст при погребении целование и осяжет тело, и тем якобы болезнь избудет, яко бы она увидев мертва в полате, испужалась.

Егда же отпущена, с великим плачем прошение сотвориша. И тогда оная цесаревна, пришед на гроб, и всем повеле молчати. Плачем великим в горести от начала их любления и писма, написанные кровию, им предъяви, и како он любве ради из Англии приехал, и при самых смертех был, а любве ея до ней не оставил. И како в полату вшел и просил девства ея, чего она не поизволила, возжехся похотию огня и любления, яко уже
л. 282 об. не могла⁵¹ быть ему || жена, вострепета горко, пад и умре. Потом укори Сенат, яко их наветом она лишена нежели сего супружества, но и жизни. И сотвори прощение со отцем и с материю, и ко всем ту, тако погрузи себя печалию, рекла: «Ты моей печали, мое сердце умереть. Аз ли тебе оставлю, в сей путь едина отходяща? Да погребусь с тобою в едином гробе!» И ударися о гроб толь силно, яко той час умре, и немало не бысть жива. Видев нечаянную⁵² печаль, скоро возвестиша цесарю и цесареве, которые в горести и многих слезах прибегоша, и слезами обмыша дщери
л. 283 тело своей || и вину смерти причиташе, яко от них плача горкой и умре.

Егда уведав аглинска королевна, воздохнув горко, пад и умре, яко свеща угасе. Тогда король аглинской плакашеся горко смерти дщери своей, предаша погребению с великою процессою.

⁴⁹ Испр., в ркп. безместно.

⁵⁰ Так в ркп., по-видимому, здесь пропущено слово

⁵¹ Испр., в ркп. мог.

⁵² Испр., в ркп. начинанную.

Ш некоемъ шляхецкомъ сынѣ како
 чрезъ кысковию и славию своимъ на чужд
 за служила себе великую славу и
 чинъ и ковалерской чинъ и како за
 добрыя свои поступки пожалова
 королевичемъ Англии.

И вполторги цесаря и имъ уседа имъ под
 праски лобилъ сии Апостолъ ~~судя~~ что проиш
 ее рудихъ дѣтей неимѣлъ ови цесаря
 имѣлъ Прибавлю Охоты рословъ сл
 нхъ ~~и сии~~ ~~Панопъ~~ ~~друз~~ ~~ни~~ ~~Евша~~
 и Пирв Могла ~~оста~~ ~~пленя~~ ~~втъ~~ ~~кто~~
 радъ в и его ~~додв~~ ~~тв~~ ~~не~~ ~~в~~ ~~ла~~ ~~за~~
 иа ~~публ~~ ~~в~~ ~~бур~~ ~~ею~~ ~~ка~~ ~~и~~ ~~ши~~ ~~д~~ ~~раз~~ ~~вн~~ ~~х~~
 на ~~дуб~~ ~~Шко~~ ~~в~~ ~~в~~ ~~пол~~ ~~тор~~ ~~ги~~ ~~У~~ ~~на~~ ~~ва~~ ~~и~~ ~~д~~
 шляхецкимъ ~~ман~~ ~~х~~ ~~тур~~ ~~скимъ~~ ~~и~~ ~~с~~ ~~и~~ ~~м~~ ~~о~~ ~~д~~
~~и~~ ~~с~~ ~~к~~ ~~а~~ ~~з~~

Первая страница рукописи «Гистории о некоем шляхецком сыне».
 (ГИМ, Муз. 1283, л. 261 — верхний край листа в ркп. обрзан).

*ПО РУКОПИСНЫМ СОБРАНИЯМ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА*

(Печатается под наблюдением В И Малышева)

Л. Н. ПУШКАРЕВ

Рукописи житийного содержания Центрального государственного архива литературы и искусства

При опубликовании нами в 1954 г. обзора рукописных сборников литературного характера Центрального государственного архива литературы и искусства (ЦГАЛИ)¹ уже отмечалось, что коллекция архива содержит большой материал, до сих пор не вошедший в научный оборот. В частности, довольно значительную группу составляют рукописи житийного характера. Это жития святых (преимущественно русских), памяти, каноны, чудеса, службы и т. д., всего 67 номеров. Выделение их в архиве в самостоятельную группу сделано весьма условно, главным образом на основании первых статей сборника, и, как покажет дальше описание, совершенно не раскрывает истинного содержания многих этих рукописей. Жития святых нередко встречаются и в других группах коллекций; в свою очередь, в этой группе имеется довольно значительное количество повестей и других произведенных в нашей науке.

Важность привлечения в научный оборот описываемого ниже рукописного материала бесспорна. Среди него мы находим большое количество русских житий, в числе их важные для изучения древнерусской литературы жития — Бориса и Глеба, Петра и Февронии, царевича Дмитрия Угличского, Александра Невского и многие другие. В этих сборниках встречаются и такие произведения, как Повесть об епископе Удоне, Слово о законе и благодати митрополита Илариона, повесть о белом клобуке, выписки из сочинений Максима Грека, «Хождение» Трифона Коробейникова, повесть о Темир Аксаке, «Книга бесед» протопопа Аввакума, Великое Зерцало, повесть о куре и лисице и др. Имеются, хотя и реже, исторические документы, чаще копии. Таковы, например, списки с грамот Ивана Грозного архимандриту Гермогену от 8 сентября 1556 г., от февраля 1558 г. и от 1572 г., указ Синода от 1729 г., Степенная книга и пр. Следует отметить также, что встречаются списки редких житий, почти совсем не изученных в нашей науке.

Рукописи содержат значительное количество владельческих и читательских записей, скреп и помет, также имеющих несомненный научный интерес. Все они приводятся в описании.

Ввиду того что настоящий обзор не ставит перед собой целей точного научного описания рукописей, а стремится лишь обратить внимание исследователей на это малоизвестное собрание, в описании сборников перечисляются не все статьи, а лишь те, которые имеют литературный или

¹ Л. Н. Пушкарев, Рукописные сборники литературного характера Центрального государственного литературного архива СССР. ТОДРА, т. X. М.—Л., 1954 стр. 459—465.

исторический интерес. Не отмечаются, например, статьи проложного и патеричного характера, жития греческих святых и ряд церковно-служебных произведений, представляющих интерес для очень узкого числа исследователей.

Два сборника мною не описаны совсем, так как находились в реставрации (№№ 24 и 38). Одна рукопись (№ 30) на самом деле состоит из двух, почему ей и дана двойная нумерация (№№ 30/I и 30/II).

Ниже следует краткое описание рукописей житийного характера ЦГАЛИ.

1. (ЦГАЛИ, ф. 1338, оп. № 1, д. № 1).² Сборник, конца XVI в., в 4-ку, полуустав, 235 л., переплет — доски, обтянутые тисненой кожей, заставки начала XVII в. На корешке ярлык: «Р 102 Мальцев 1027» и записи почерком XX в.: «№ 186. Мал 1921». На листе при переплете — начало оглавления (почерк XX в.). Сборник реставрирован. Содержание: Память архиепископов Александра, Иоанна и Павла Нового и Александра Свирского (лл. 1—3); Молитва Александру Свирскому (л. 3 об.—28); Память тех же архиепископов и исповедание Александра Свирского, списано Иродионом игуменом (лл. 28 об.—141 об.) и другие статьи.

2. (д. № 2). Сборник, XVI—XVII вв., в 4-ку, полуустав и скоропись нескольких почерков, 286 л., переплет — доски, обтянутые тисненой кожей, застежки. На корешке ярлык: «Р 1060 Мальцев». Заголовки и начальные буквы текста писаны киноварью. На л. 4 — заставка. Записи: на крышке переплета почерком XIX—XX вв. — «№ 5 18²⁴/_X — 89. Больш.»; «№ 342. Мал. 1921»; л. 3 — «1865 года сия книга государственные. 1866 года апреля 26 дня Нижегородской губернии Семеновского уезда Хахломской волости. 1866 года мая 5 дня»; л. 3 об. — перечень крестьян, бывших в принятых; по лл. 4—9 внизу мало разборчивая скрепа почерком XVII в. — «... сына... подписана моею рукою»; л. 39 почерком XIX в. — «Лебедев»; л. 43 — «Григорей Анне Васильевне»; л. 47 об. почерком XIX в. — «Зернов»; л. 51 об. почерком XIX в. — «Кокушкин»; л. 104 почерком XIX в. — «Пишу я тому, кто мил сердцу моему. Не язвите Анна Васильевна... покорно прошу я вас»; л. 226 почерком XIX в. «Сия книга деревни Мартынова крестьянина Григорья». Содержание: Житие Александра Невского (лл. 4—116 об.); Сказание о церковном сыне (л. 243—286) и слова и поучения проложного и патеричного характера.

3. (д. № 3). Сборник, XVIII в., в 4-ку, скоропись нескольких почерков, 258 л., переплет — доски, обтянутые тисненой, со следами позолоты кожей, застежки. Содержание: Житие Алексия, человека божья (лл. 1—24 об.); Житие Александра Свирского (л. 25—167 об.); Исповедание веры наместника Савоярда (лл. 170—258).

4. (д. № 4). Сборник, XVII в., в 4-ку, скоропись нескольких почерков, 458 л., переплет — доски, обтянутые тисненой кожей, застежки, корешок подновлен в XIX в. На корешке ярлык: «Р 1066 Мальцев №». Запись на крышке переплета: «№ 345. Мал. 1921. 18 ²¹/_{IV} — 93. У Горбатов. Никифорова». Содержание: Служба св. Киприяну, Устинье и Андрею Юродивому (лл. 1—11 об.); Житие Андрея Юродивого (лл. 12—295 об.); Житие Василия Нового (лл. 296—458 об.).

5. (д. № 5). Житие Андрея Юродивого и Епифания, конца XVI в., в 4-ку, устав и полуустав нескольких почерков, 321 л., переплет — доски, обтянутые кожей (истлела) и холстиной (корешок). На корешке ярлык: «Р 1020 Мальцев №».

² Далее в скобках указывается лишь номер документа.

6. (д. № 6). Житие Андрея Юродивого, конца XVI в., в 4-ку, полуустав нескольких почерков, 226 л., переплет — доски, обтянутые тисненой кожей, следы от жуковин, корешок подновлен в XIX в. На корешке ярлык: «Р 1022 Мальцев №». На переплете ярлык со скорописью XVII в.: «Книга Андрея Уродивого Цареград[к]аго чудотворца». Запись на крышке переплета: «9 октября 1884 г. № 281. Мал. 1921».

7. (д. № 7). Сборник, конца XVIII в., в лист, скоропись нескольких почерков, 79 л., переплет картонный. Запись почерком конца XIX—начала XX в.: «Сия книга принадлежит Архипу Антонову Трагрикину деревни Брюминина» (лл. 1—79). Содержание: Повесть об епископе Удоне (лл. 72—79) и статьи проложного и патеричного характера.

8. (д. № 8). Сборник, XVIII в., в 8-ку, полуустав, 307 л., переплет — доски, обтянутые тисненой кожей, следы застежек XVIII в. Записи: л. 1 об. «ГЛМ 10564/2». Содержание: Житие Андрея Юродивого (лл. 2—275); Чудеса Прокопия Устюжского о расслабленном (лл. 276—282 об.) и об иерее (286—289 об.); Чудо Александра Свирского о рыбаках (лл. 290—295); Видение Даниила (лл. 295 об. — 302); Пришествие преподобного Даниила в монастырь к Александру (лл. 302 об. — 304 об.) и др.

9. (д. № 9). О последнем времени Андрея Юродивого, XIX в., в 4-ку, полуустав, 4 л., вложено в картонную папку XIX в. На папке ярлык: «О последнем времени». На корешке ярлык: «Р 1591. Бр. св. Креста». Записи на л. 1: «№ 161. 1845 года июня 8 день»; «18 $\frac{31}{XII}$ 86 156».

10. (д. № 10). Житие Антония Дымского, XIX в., в 4-ку, полуустав, 12 л., без переплета. Записи: л. 1 — «Из рукописей библиотеки Шляпкина» и штамп его библиотеки; л. 7 — «1843 года июля 29 дня у синяго моста (далее неразборчиво)».

11. (д. № 11). Служба и чудеса Артемия Веркольского, XIX в., в 4-ку, полуустав, 52 л., переплет — картонный, корешок обтянут кожей, на переплете тиснение со следами позолоты: «Служба преподобного Артемия». Записи: л. 1 — «Сия книга принадлежит церкви св. великомученицы Параскевы, что на Пятницкой улице, 1854 г., октября 19»; л. 2 почерком XIX в. — «Тропарь богородице, слава святому и ныне не умолчим никогда»; лл. 49 об. — 52 об. — «Житие праведного отрока Артемия Веркольского 1856-го года марта 9-го дня списал диакон Петр».

12. (д. № 12). Житие и чудеса Антония Сийского, XVII в., в 4-ку, полуустав, переплет — доски, обтянутые тисненой кожей, следы застежек. На корешке ярлык: «Р 1024 Мальцев №». Записи: скрепа на лл. 2—57: «сия книга гла[голе]мая [...препо]добнаго отца нашего Антония Ново-явленского, ижа Сийский нарицатца, коломнятина посадцкого человека Мокарки Никитина сына прозви[щем] Шурова, купил на Москве у двоерянина Москоуского у Семираина Никоновича по прозвищу Маркова, купил в 167 году, а потписал яз, Мокарко Никитин, своєю рукою во 1677 году июля в... день»; л. 50 об. — «1841 год»; л. 274 об. — «А 1700 апреля в 13 день продал сию книгу коломнятин посацкой человек Федор Макаров сын Шуров зачисто, а подписал своєю рукою».

13. (д. № 13). Житие Варвары (без начала и конца), второй половины XVIII в., в 4-ку, скоропись, 5 л., без переплета. Скрепа по листам: «...Погоста-Анлинского-... подписал Филип крестьянин». На л. 4 об. штамп: «ГЛМ 9913/11».

14. (д. № 14). Житие Варлаама и Иосафа, XVI в., в 4-ку, полуустав, 406 л., переплет — доски, обтянутые тисненой кожей, следы застежек — всё XIX в. На корешке ярлык: «Р 1025 Мальцев №». Книга частично

реставрирована. На л. 1 — заставка. Запись на л. 406 об.: «Лета 1571 апреля в 30 день продал есми яз, Иванко Михайлов, сию книгу брата своего Екемы Иасафа, а взял на нем 40 алтын без гривны... а подписал сам своєю [рукою]».

15. (д. № 15). Житие Варлаама и Иосафа (конца недостает), середины XVI в., в 4-ку, полуулав, 233 л., переплет — доски, обтянутые тисненой кожей, застежки — всё XIX в. На корешке ярлык: «Р 1926 Мальцев №». Книга реставрирована.

16. (л. № 16). Житие Варлаама и Иосафа, XVIII в., в лист, скоропись нескольких почерков, 297 л., переплет — доски, обтянутые тисненой кожей, застежки. На корешке ярлык: «Р № 85 Мальцев № 84». Записи: на крышке переплета киноварью XIX в. — «Сия книга глаголемая Иосафа царевича»; карандашом почерком XX в. — «№ 162. Мал. 1921 г.»; на листе при переплете почерком XVIII в. — «Книга глаголемая Иасафа царевича да Варла... царева слава»; штамп: «Научная библиотека при Саратовском Госуниверситете № 84»; на л. 297 почерком XVIII в.: «Конец венц: Благочестие их».

17. (д. № 17). Сборник, XVII в., в 4-ку, скоропись, 83 л., переплет утрачен. На крышке ярлык: «Р 1166 Мальцев №». Содержание: Житие Варсонофия Казанского без начала (л. 1—2 об.); «Вкратце о житии отцов Гурия и Варсонофия» (л. 3—23 об.); Житие и подвиги Александра Невского, без конца (л. 24—83).

18. (д. № 18). Житие Василия Блаженного, XVII в., в 4-ку, полуулав, 133 л., переплет — доски, обтянутые тисненой кожей, застежки — всё XIX в. На корешке ярлык: «Р 1181 Мальцев №». На переплете запись карандашом XIX в.: «7 февр. 73 г. Василия блаженного», другим почерком: «№ 287. Мал. 1921».

19. (д. № 19). Житие Василия Нового, XVII в., в 4-ку, скоропись, 104 л., без конца, переплет от другой рукописи — доски, обтянутые тисненой кожей, с застежками. На корешке надпись: «XVIII в. Житие Василия Нового», и ярлык: «1362 Шляпкин № 109». Л. 1-а XIX в. — рамка списана с оригинала 1650 г., надпись полуулавом: «Житие и отчасти чудес исповедание преподобного и богоносного отца нашего Василия Нового чудотворца, списано Григорием Мнихом, учеником его, Благослови, отче. Рукопись сия XVII века куплена в городе Ярославле лета 7389 июля 30 дня, дано 2 рубля. А конца в ней нет. А список нечист по древности». На обороте запись, начала XX в.: «Рукописи Шляпкина № 29».

20. (д. № 20). Житие Василия Нового, XVIII в., в 4-ку, 92 л., без начала.

21. (д. № 21). Житие Василия Нового, конца XVIII в., в 4-ку, полуулав, 166 л., переплет — картон, обтянут лощеной черной холстиной, корешок утрачен. В конце книги вложены 2 листка начала XIX в. из Апостола — об Иоанне Крестителе, писаны полуулавом. Запись писца на л. 165 об.: «Книга Жития и отчасти чудес. Сказание преподобного Василия Нового и видение ученика его Григория, взята из рукописанной Миней чети святейшего Макария, митрополита Московского. Типом издана в типографии почавевской в лето 7325, а с оный написано второе, с верниго дозволения. Конец книги, аминь и богу слава».

22. (д. № 22). Служба, житие и чудеса Германа Казанского, XVIII в., в 4-ку, полуулав, 309 л., переплет — доски, обтянутые кожей, — всё XVIII в. На крышке ярлык: «Р 1325 Мальцев №». Записи: л. 1—2 об. скорописью конца XVIII в. — «Сия книга житие и чудеса святителя и чудотворца иже во святых отца нашего Германа, архиепископа Казанского и Свяжского, бывшего второго Казанского архиерея, а Свяжского пер-

вого священно-архимандрита, которым и Свияжская обитель первоклассный Богородицкий монастырь построен от сотворения мира в 7063 (1655) г. а от воплощения бога словом в лето 155 е, по грамоте, данной ему, чудотворцу, тогда от Грозного государя, царя Иоанна Васильевича всея Руси самодержца. И построен монастырь царским иждивением и от добротных богобоязливых подателей. Во верность сего, что сия книга ризничная оного Богородицкого монастыря, подписал того же монастыря наместник и Свияжского духовного правления присутствующий иеромонах Еуфимий своеручно. Апреля 24 числа 1797-го года», далее (на л. 2—2 об.) идет описание Свияжского монастыря; скрепа скорописью XVIII в. по лл. 3—209: «Сия книга глаголемая служба житие и чудеса святителя Германа чудотворца Казанского и Свияжского Богородицкого монастыря стряпчего Исайя Игнатъева сына Смирняцкого»; л. 297 — список с грамоты царя Ивана Грозного архиепископу Герману от 8 сентября 7064 г.; л. 298 — список с грамоты Ивана Грозного архимандриту Герману от февраля 7066 г., 7080 г.; л. 299 — благословение Никона Герману, Указ Синода от 1729 г.; л. 302 — список архимандритов в Богородицком соборе (кончается подробной биографией Селивестра); л. 308 скорописью конца XVIII в. — «Сия книга глаголемая Житие архиепископа Германа Казанского и Свияжского священноархимандрита»; л. 308 об. скорописью XIX в. — «1823 года генваря 31 дня. Сия книга жития святого Германа Казанского нового чудотворца Свияжского бывшего архимандрита, потписано сего генваря лета от сатворения мира 7330, индикто. . .».

23. (д. № 23). Сборник, конца XVII в., в 4-ку, скоропись, 124 лл., переплет — картон (XVIII в.). На корешке ярлык: «Р 1063 Мальцев №». Записи: на листе при переплете — «Из книг священника П. Хевосей. Село Вомгальское. Февраля 13 го 1846 года»; на обороте этого же листа скорописью XVIII в. — запись о сборе денег на рекрутов. Содержание: отрывки из описания чудес иконы Казанской божей матери (лл. 1—17 об.); «Служба богородице ради избавления от ляхов» (лл. 18—22 об.); «Житие Гурия и Варсонофия, списано Ермогеном митрополитом Казанским» (лл. 23—124).

24. (д. № 25). Житие Даниила Переяславльского, XIX в., в лист, скоропись, 36 лл., без переплета (обернуто в синюю бумагу).

25. (д. № 26). Сборник, конца XVI—начала XVII в., в 4-ку, полуустав нескольких почерков, 1074 лл., переплет — доски, обтянутые тисненой кожей, застежки, корешок изъеден червями. Записи на крышке переплета скорописью XIX в.: «Жития святых»; «В конце приложена история о белом клобуке. Писана в 16—17 столетии». Штамп: «Иван Иванович Семенов». Имеется оглавление (начиная с 10-й главы). Содержание: Житие Дионисия чудотворца (лл. 10—63 об.); Житие Петра и Февронии (лл. 165—182 об.); Житие Петра царевича Ордынского (лл. 183—194 об.); Чудеса иконы Казанской богородицы (лл. 319—348 об.); Житие княгини Ольги (лл. 526—594 об.); Слово о законе и благодати и похвала князю Владимиру митрополита Илариона (лл. 595—694 об.); Житие Авраамия Чюхломского (лл. 635—672 об.); Чудо Ильи пророка в Нижнем Новгороде (лл. 711—718); Житие Бориса и Глеба (лл., 718 об.—741 об.); Житие Антония Римлянина (лл. 813—862); Житие Авраамия Смоленского (лл. 880—919 об.); «Перенесение» мощей митрополита Петра (лл. 920—934 об.); Житие Александра Свирского (лл. 935—1033 об.); Повесть о белом клобуке (лл. 1034—1069 об.); выписки из сочинений Максима Грека (лл. 1070—1074 об.).

26. (д. № 27). Сборник, XVII в., в 4-ку, полуустав, 150 лл. в бумажной обложке XX в. На обложке штамп: «Библиотека И. А. Шляпкина

№ 191», и запись: «Сборник Дружинный (подарил В. Г. Дружинин) 23 IV 1907 г.». Содержание: Житие Дмитрия Прилуцкого (лл. 1—44 об.); Служба иконе Казанской богородицы (лл. 45—65 об.); Повесть о явлении иконы Казанской богородицы (лл. 66—96 об.); Служба и Житие Бориса и Глеба (лл. 97—111 об.); Похвала Борису и Глебу (лл. 112—129 об.); Житие Петра и Февронии (лл. 130—150 об.).

27. (д. № 28). Житие царевича Дмитрия Угличского и служба ему (лицевое), конца XVII в., в лист, полуустав, 225 лл., переплет — доски, обтянутые малиновым бархатом (вытерт), серебряные застежки и наугольники, на первой крышке переплета — серебряное клеймо с изображением царевича Дмитрия, на задней крышке переплета — следы серебряных жуков. На обороте первой крышки переплета штампы: «Могиз № 9, ц. 500 р.»; «МГФУ. Цена 500 р.»; «ГЛМ, 1946/1».

28. (д. № 29). Сборник (углический), XIX в., в 4-ку, скоропись, 27 лл.; обложка бумажная. На обложке надпись: «Сия тетрадь писалась 1831 года с января 25 дня по 1-е число марта. Тетратка. Список». Содержание: Сказание о царевиче Дмитрии Угличском (лл. 1—4); О разорении града Углича, нарицающего древле града Угля, сладко умиленная и жалостнейшая повесть вкратце (лл. 4—8); Отказ от града Углича (лл. 8—18); Дополнение истории о разорении Угличском и о монастырех его и сколько иноков и инокинь, и мирских мужей и жен побито и сожжено (лл. 18 об.—27 об.).

29. (д. № 30/I). Житие Ефрема Новоторжского и молитва ему и Нилу Новоторжскому, XVIII в., в 4-ку, полуустав, 7 лл., без переплета.

30. (д. № 30/II). Житие Ефрема Новоторжского, XVIII в., в 4-ку, полуустав, 39 лл., без переплета. Заглавия и начальные буквы кинноварью.

31. (д. № 31). Сборник, XVIII в., в 4-ку, полуустав, 223 лл., переплет — доски, обтянутые тисненой кожей, застежки. На корешке — тиснение «Цветник». Сборник был реставрирован в XX в. Записи: на л. при переплете — «Библиотека Шляпкина рукописей № 87»; на л. 1—«Б. Ш. рук. № 87». Содержит жития греческих святых, русских статей нет.

32. (д. № 32). Сборник, XVIII в., в 4-ку, полуустав нескольких почерков, 380 лл., переплет — доски, обтянутые тисненой кожей, застежки — всё XVIII в. Записи: скрепа по лл. 4—61 скорописью XVIII в. — «Сию книгу житие преподобных отец Ефросина и Савы псковских чудотворцов дал в дом Успению пресвятой богородицы в Печерской монастырь архиепископль казначей старец Иларион на память по своей души. А хто сию книгу восхитит или освоит судит ему бог и пречистая богородица». Содержание: Житие и преставление Ефросина Псковского (лл. 4—258); Память Моисея Мурина и житие Саввы Пустыннжителя (лл. 259—380 об.).

33. (д. № 33). Житие Зосимы и Савватия Соловецких, каноны и службы им, XVIII в., в 4-ку, полуустав, 244 лл., переплет — доски, обтянутые тисненой с позолотой кожей, застежки конца XVIII—начала XIX в., со следами реставрации. Оглавление на лл. 1—4. На листе при задней крышке переплета штамп: «ГЛМ, 10035/1».

34. (д. № 34). Сборник, XVIII в., в 4-ку, полуустав и скоропись нескольких почерков, 785 лл., переплет — доски, обтянутые тисненой кожей, застежки. Содержание: Житие Ивана архиепископа Новгородского (лл. 4—29 об.); Слово похвальное Михаилу Черниговскому (лл. 30—74 об.); Житие Ефросинии Суздальской (лл. 107—159 об.); Житие Зосимы и Савватия (лл. 160—346 об.); Житие Саввы Вишерского (лл. 407—432 об.); Житие Сергия Обнорского (лл. 433—518 об.); Житие Иоанна Рыльского (лл. 519—542 об.); Убиение царевича Дмитрия (лл. 543—578 об.); «Пе-

ренесение» мощей Димитрия Углического в Москву (лл. 579—586 об.); Воспоминание о Ионе Новгородском (лл. 639—669 об.); Житие Михаила Клопского (лл. 670—714 об.); Слово о Николе Новгородском (лл. 715—720 об.); Житие Арсения Тверского (лл. 721—753 об.); Слово о мощах Никиты Новгородского (лл. 754—785 об.).

35. (д. № 35). Сборник, конца XVI в., в 4-ку, полуустав нескольких почерков, 548 лл., переплет — доски, обтянутые тисненой кожей, застежки. На корешке ярлык: «Р 1173 Мальцев №». Русских статей нет.

36. (д. № 36). Житие Иосифа Волоколамского, XVII в., в 8-ку, скоропись, 149 лл., переплет — доски, обтянутые тисненой кожей, застежки — всё XVII в. На корешке ярлык: «Р 1106 Мальцев №». На обороте крышки переплета запись карандашом скорописью XIX в.: «№ 656. Мал. 1921. 20 марта 74 г. И-фа Волоколамского житие». Скрепа почерком XVII в. на лл. 1, 3, 5, 7, 9, 11, 13, 15, 17, 19, 21, 23, 25, 27, 29, 31, 33, 35, 37, 39, 41, 43, 45, 47, 49, 51, 53, 55, 57, 58: «Лета — 7173 (1665)-го да... в дом живоначальные Троицы в Сергиев монастырь сию книгу Иосифа Волоцкого келарь старец, Симон Азарьин во веки неотемлемо никому».

37. (д. № 37). Отрывки из житий Киприяна и Алексея человека божья. XVII в., в 4-ку, скоропись двух почерков, 10 лл., без переплета. Записи: на л. 3 скорописью конца XVI в. — «По милости божией и великих чудотворцев Петра и Алексея, Ионы, Филиппа Московских и всеа Руси помилуй мя, боже, по велицей милости твоей. Послух Микифор Прохоров сын»; скрепа скорописью XVII в. по лл. 3—10 — «Лета 7104 (1596)-го года марта в 5 день ксей Иванов сын Жадовской, сию книгу Соборник прилож есми...».

38. (д. № 39). Сборник, XVII в., в 4-ку, скоропись, 216 лл., переплет — картон, корешок обтянут кожей, на корешке — тиснение «Рукописный сборник». Записи: скрепа скорописью XVII в. без начала на лл. 59—123 — «Нале на воде в куличе при попе, Прохоре Федотове сыне и при детях ево Микифоре да Якиме. И ему, Прохору Федотову, с детьми своими у тое церкви Преображения ту книгу прочитати жития святых — коим година придет и по праздникам. А на сторону ему, Прохору, не отдать, и ни продать, и ни заложить, и на подержанье кому не отдать, и за меня, Алексея, бога молить, а буде я, Алексей, и волею божию смерть мне случитца, и ему, попу Прохору и с детьми своими ни продать же, ни заложить, и на сторону не отдать ни роду моему, ни племяни не отдать же, и поминать меня, Алексея, ему, Прохору, и детям ево поминать. А буде он, поп — Прохор, или сын ево, который отдаст кому или продаст — или заложит — или отдаста родителям моим после меня, и он, поп Прохор, и с детьми своими буди анафема проклятою проклат, и ты Башко Прохор Федотович, за живого меня, Алексея, бога моли, а волею...»; тем же почерком скрепа на лл. 132—145 — «И присно и во веки веков. Аминь. Бог и господь царь славы, Исус Христос наш, слава тебе, слава святой матере...». Пометы: на л. 123 об. скорописью XVII в. — «В лето 7148 (1640) году аз, многогрешный раб христов Алексей, написал сие житие преподобного отца нашего Кирила игумена Белозерского чудотворца»; другим почерком XVII в. — «В лето 7148 (1640) году аз, многогрешный раб христов Алексей, написал по милости же послух Микифор Прохоров сын Попов, а Микифор Прохоров на Москве в приказе»; на л. 124 скорописью XVII в. — «Сия книга глаголемая сборник 7149 (1641 г.)-го...»; на л. 131 об. скорописью конца XVII в. — «Книга глаголемая сборник Преображения Спасова, а прилож сию книгу Алексей Иванов сын Жадов» (запись повторена трижды); на л. 216 скорописью XVII в. (почерком писца) — «В лето 7149 (1641) году аз, многогрешный

раб христов Алексей, написал сие житие преподобного отца нашего Александра игумена Свирского монастыря чудотворца, иже во области Великого Новаграда». Содержание: Житие Кирилла Белозерского (лл. 1—123 об.); Тропарь и знамение Прокопию Устюжскому (лл. 124 об.—131); Житие Александра Свирского (лл. 132—216 об.).

39. (д. № 40). Сборник, XVII в., в 4-ку, скоропись нескольких почерков, 84 лл., переплет — плотная бумага XIX в. На переплете запись скорописью XX в.: «Сборник (конец 1630 г.). Шляпкин № 388/132». На корешке запись «388». Запись на л. 84 об. скорописью XX в.: «Рук. Б. Ш. № 119». Содержание: Житие Кирилла Белозерского (лл. 1—47); Хождение Трифона Коробейникова, без начала и конца (лл. 48—94 об.).

40. (д. № 41). Сборник, XVII в., в 4-ку, полуустав нескольких почерков, 532 лл., переплет — доски, обтянутые тисненой кожей, застежки — всё XIX в. При переплете сборник был подновлен, обрез выкрашен в синюю краску. На л. 1—1 об. — оглавление (составлено в XIX в.). Старый шифр на крышке переплета: $\frac{8382}{2}$.

Содержание: жития Пафнутия Боровского (лл. 2—38), Ефросина Псковского (лл. 38—155), Исаяи, епископа Ростовского (лл. 155—162), Игнатия Ростовского (лл. 173 об.—175), Дионисия Глушицкого (лл. 175—208), Иоанна Нового (лл. 208—216 об.); Знамение иконы богородицы в Чирьсках (под Псковом) (лл. 217—223 об.); О праздновании Спаса в 30 день августа (лл. 223 об.—226); летописная заметка «Се содеяся в лето 670» (лл. 226—226 об.); Чудеса иконы Владимирской богородицы (лл. 226 об.—233); Перенесение мощей митрополита Петра (лл. 233—245 об.); Повесть о Темир-Аксаке (лл. 246—256 об.); жития Ионы новгородского (лл. 256 об.—276), Дмитрия Вологодского (лл. 276—325), митрополита Алексея (лл. 325—341), Кирилла Белозерского (лл. 342—425), княгини Ольги (лл. 425 об.—474); Память и похвала князю Владимиру (лл. 475—493 об.); Слово о законе и благодати и похвала князю Владимиру (лл. 493 об.—514 об.); Житие Гавриила Псковского (лл. 515—525); О рождении и воспитании Пафнутия Боровского (лл. 526—526 об.).

41. (д. № 42). Сборник, XVIII в., в 4-ку, скоропись нескольких почерков, 120 лл., переплет — доски, обтянутые тисненой кожей, следы застежек, переплет обновлен в XIX в. На корешке ярлык: «337 Шляпкин № 84», и надпись красной краской: «XVII в. Евфимия Терновского слово». Записи: на крышке переплета скорописью XIX в. — «Рукописи Шляпкина № 17» и штамп «Библиотека рукописей И. А. Шляпкина № 17»; на л. 1 — заставка и запись полууставом XIX в.: «Сия книга, глаголемая слово о житии царя Константина и матери его Елены, творения Евфимия, патриарха Терновского, да слово о них, да служба св. Екатерине. А был сь сборник великого города Пскова церкви Царево Константиновской, что близ Мишариной горы». Содержание: Служба св. Екатерине (л. 2—30 об.); Житие Константина и Елены (лл. 32—104); Слово на воздвиженье креста господня (лл. 105 об.—120).

42. (д. № 43). Сборник, конца XVIII в., в 8-ку, полуустав, 181 лл., переплет — доски, обтянутые тисненой кожей, следы застежек, верхняя крышка отстает. Записи: на листе при переплете скорописью XX в. — «3547 Калкин». Заставка — акварель с золотом на л. 1. Содержание: Житие Корнилия Онежского (лл. 1—72 об.); Повесть о патриархе Никоне (лл. 73—94 об.); «Книга бесед» протопопа Аввакума, только первая беседа (лл. 118 об.—132); Челобитная (пятая) Аввакума к царю Алексею Михайловичу (лл. 132—152); О крещении (протопопа Аввакума) (лл. 152 об.—167 об.).

43. (д. № 44). Сборник, XVIII в., в 4-ку, скоропись и полуустав нескольких почерков, 127 л., переплет — картон, корешок обтянут холстиной XVIII в. Содержание: глава 21 из Великого Зеркала (лл. 122—123 об.); О лакомце и лихоимце (лл. 125 об.—126) и др.

44. (д. № 45). Житие Григория Омиритского, середины XVI в., в 4-ку, устав, 98 л., переплет — доски, обтянутые тисненой кожей, застежки — всё XIX в. На корешке ярлык: «Р 1023 Мальцев №». Записи: на крышке переплета скорописью XX в. — «№ 290. Мал. 1921»; на листе при переплете скорописью XX в. — «Бумага полов. XVI в. № 1023».

45. (д. № 46). Сборник, середины XVI в., в 4-ку, полуустав нескольких почерков, 503 л., переплет — доски, обтянутые тисненой кожей, следы застежек и жуковин — всё XVI в. Корешок отсутствует, крышки отстают, изъедены червями. На корешке ярлык: «Р 1164 Мальцев №». Записи: на л. 231 — скорописью конца XVIII в. «Сия книга Якова Михайловича Отечник, цена ему рубль дватцать копеек. Московскому уезду» (далее неразборчиво); на л. 318 об. скорописью XIX в. записи бытового характера. *Содержит слова, поучения и жития.*

46. (д. № 47). Чудеса Никандра пустынножителя, XVII в., в 4-ку, скоропись, 31 л., переплет — бумага приходной книги 1776 г., л. 30 из другой рукописи (летописные заметки о Жигимонде и Александре Михайловиче Тверском). На л. 31 об., штамп: «ГЛМ 10445/3».

47. (д. № 48). Сборник, XVIII в., в 4-ку, полуустав и скоропись двух почерков, 78 л., переплет — картон, обтянутый кожей, обветшал. Содержание: Служба Иоанну, архиепископу Новгородскому (лл. 1—17); Житие Иоанна, архиепископа Новгородского, без начала (лл. 18—19 об.); Житие и чудеса Никиты Столпника Переяславского (лл. 20—77 об.).

48. (д. № 49). Сборник (канонник), XVIII в., в 8-ку, полуустав нескольких почерков, 108 л., переплет — картон, корешок обтянут кожей — всё конца XVIII—начала XIX в. Содержание: каноны Никите Переяславскому (лл. 1—14 об.), Артемию Веркольскому (лл. 15—26), Сергию Радонежскому (лл. 27—43 об.), преподобному Никону (лл. 44—54 об.), Антонию Печерскому (лл. 36—71), Феодосию Печерскому (лл. 71 об.—84 об.), Екатерине великомученице (лл. 85—96 об.), Кирику и Улите (лл. 97—108 об.).

49. (д. № 50). Сборник, середины XIX в., в 4-ку, скоропись 126 л. + 23 л. печатного текста (1840 г.), переплет — картон, углы и корешок обтянуты кожей, на корешке тиснение: «Служба преподобному Нилу». Запись на обратной стороне передней крышки переплета скорописью XIX в.: «Сия книга принадлежит лейб-гвардии московского полка Петра Герасимовича 1850 года октября 11-го дня. В ней есть писанное... Кончил писать 1852 года мая 31 дня в субботу. Герасимов». Содержание: Службы Нилу Селигерскому, печатный текст (лл. 2—24 об.), Тихвинской богоматери (лл. 25—70), Димитрию Ростовскому (лл. 118—141 об.); Сказания о Тихвинской иконе богоматери (лл. 70 об.—117); О мощах Киево-Печерской лавры (лл. 147—149 об.); О мощах новгородских чудотворцев (лл. 150—153).

50. (д. № 51). Степенная книга, второй половины XVI в., в 4-ку, полуустав нескольких почерков, 846 л., переплет — доски, обтянутые тисненой кожей, застежки — всё XIX в. На корешке надпись «Степенная» и ярлык: «Р 868 Мальцев №». Записи: на обороте передней крышки переплета карандашом скорописью XX в. — «300. — № 309. Мал. 1921»; на листе при переплете — «№ 69»; скрепа XVII в. по лл. 1—8: «Лета 7145 (1637)-го году сентября в... день продал сию книгу степенную дворцовому подьячому, а взял за нее шесть рублей с полтиною и подписал я, поп Никола,

сам своею рукою. Взята». Степенная книга начинается с жития Ольги и кончается 17-й степенью (явление св. Николы в Дедилове граде).

51. (д. № 52). Сборник поучительный, XVIII в., в 8-ку, полууустав, 241 л., переплет — доски, обтянутые тисненой кожей, застежки XVIII в. Запись на л. 2 скорописью XVIII в.: «Сия книга, глаголемая божественное писание, Максима Юрьева сына Колчанова подписана тысяча году февраля в день, подписал своею рукою». В рукописи оставлены места для заставок, заглавных букв и киновари, но не заполнены. Содержание рукописи составляют выписки из евангельских чтений «о страсти христове» и др.

52. (д. № 53). Сборник, XVI в., в 4-ку, полууустав, 192 л., переплет — доски, обтянутые тисненой кожей, застежки. На корешке ярлык: «Р 1185 Мальцев №». Записи: на обороте передней крышки переплета карандашом скорописью XX в. — «№ 274. Мая. 1924 г.»; скорописью XIX в. чернилами — «9 октября 1884 г.»; скрепа конца XVII в. по лл. 1—39: «Сия книга житие святого праведного Прокопия и блаженного Иоанна Устюжских новых чудотворцев, а куплена сия книга в городе Устюжно, а куплена у посадского человека у Якова Титова, а купил сию книгу Ярославского уезду Подгородного стану Гаврило Евтихийев сын деревни Тестрецева, а купил тою ни владеть книгою никому, ни роду ево, ни племяни», скрепа местами написана поверх стертого. Содержание: Жития Прокопия Устюжского (лл. 1—160 об.) и Иоанна Устюжского (лл. 161—192).

53. (д. № 54). Житие Саввы Сербского, середины XVI в., в 4-ку, полууустав, 293 л., переплет — доски, обтянутые тисненой кожей, застежки — всё начала XIX в. На корешке ярлык: «Р 1028 Мальцев №». Записи: на обороте передней крышки переплета карандашом скорописью XIX в. — «№ 6. 23 нояб[ря] 18[7]72 г.»; на листе при переплете карандашом скорописью XX в. — «№ 405. Мал. 1921 г.»; на л. 292 чернилами скорописью XIX в. — «Сия книга житие святого Савы Сербского казанского мещанина Лазаря Егорова Рыскова, куплена в лето от мироздания 7348 (1840) месяца июня в 10 день в Павла Сидоровича, заплачено за нее 24 рубля. Подписал своеручно Лазарь Рысаков».

54. (д. № 55). Житие Зосимы и Савватия, конца XVI—начала XVII в., в 4-ку, полууустав, 270 л., переплет — доски, обтянутые тисненой кожей, застежки — всё конца XVIII—начала XIX в. При переплете книга была реставрирована, обрез подкрашен, последние листы дописаны заново. Оглавление на лл. 1—5 (служба, каноны, житие, чудеса, похвальные слова). Записи на листе при переплете скорописью XIX в. карандашом: «Соловецкого Савватия житие и канон». Скрепа XVII в. на лл. 6—67: «Лета 7112 июня в 9 день купил сию книгу житие преподобных отец Зосимы и Саватия соловецкого чудотворцев со всеми службами в монастыре на Соловках Герасим Гаврилов, сын Едемской. Сия книга, глаголемая житие соловецких чудотворцев Зосимы и Саватия, Герасима Гаврилова сына Едемского и внука его, Ивана Васильева сына Едемского, в лето 7182 (1674)-го апреля в 20 день, на Суланде в дом Живоначальные Троицы и пречистые богородицы и преподобных отец Зосимы и Саватия соловецких чудотворцев сию святую книгу великих соловецких чудотворцев Зосимы и Саватия житие и преславная чудеса их положил аз, многогрешный Иван, вечного ради поминания отца моего Василия. И аще кто от дьявола научен будет и восхощет неким злохитрием похитити сию книгу из святого дому сего, известно да есть мстительница ему да будет пречистая богородица в сий век и будущий и великии чудотворцы Зосимо и Саватие соловецкии, понеже сию книгу положил по моему гробому — обещанию».

55. (д. № 56). Сборник, конца XVI—начала XVII в., в 4-ку, полуустав нескольких почерков, 160 лл., переплет — обветшавшая кожа со следами тиснения. На крышке ярлык: «Р 1270 Мальцев №». Записи: на обратной стороне передней крышки переплета карандашом — «50.—62. 1921. Маль». На л. 1 — оглавление сборника. Содержание: службы Савве Сербскому (лл. 1—34 об.), Дмитрию Вологодскому (лл. 35—57), Иоанну, митрополиту московскому (лл. 58—69), Стефану Пермскому (лл. 69—81), Феодосию Печерскому (лл. 81—98), Антонию Печерскому (лл. 98—106), Исидору Ростовскому (лл. 111—124 об.), Исаии, епископу ростовскому (лл. 124—135), Никите Столпнику Переяславскому (лл. 135—144 об.), Игнатию, епископу ростовскому (лл. 144 об.—159); Слово Антония Черноризца (лл. 106—117).

56. (д. № 57). Житие и чудеса Сергия Пенежского, XVII в. (без начала и конца), в 4-ку, крупный полуустав, 68 лл., без переплета (вложено в посторонний переплет XVIII в.). Запись на л. 59 об. скорописью XVII в.: «И в поместиях у стольника князя Михаила Коркодинова и детей его во 160-м году».

57. (д. № 58). Сборник, 1603 г. со вставками конца XVIII—начала XIX в., в 4-ку, полуустав нескольких почерков, 374 лл. Все статьи XVII в. писаны одним почерком. Переплет — доски, обтянутые тисненой кожей, застежки. На корешке ярлык: «Р 1180 Мальцев №». Записи: на обороте передней крышки переплета скорописью XX в. карандашом — «125 — № 283. Мал. 1921»; скорописью XIX в. чернилами — «1812-го году июля 26 дня была молния во всю ночь»; на л. 1 скорописью XVIII в. — «1744-го году сентября 2-го февраль по 20 число ходила звезда по воздуху под небом с хвостом или с лучем великим или равно как хобот у ее был. Сперва ходила по вечерам до 6-го и до 4-го часу, а потом по утрам на заре ходила она же. Из книги. . .». Печатный ярлык «Ex libris»: «Из книги Григорья Порфирьевича Никифорова № 92». Содержание: Преставление Авраамия Ростовского (лл. 9—20 об.); Повесть о Петре царевиче Ордынском (лл. 21—37 об.); Убиение князя Михаила Черниговского (лл. 38—46); Житие Сергия Радонежского (лл. 46—126 об.); Житие Дмитрия Вологодского (лл. 148 об.—223); жития Никиты Столпника Переяславского (лл. 223—240), Дионисия Глушицкого (лл. 300—366), Ефросинии Суздальской (лл. 368—374) и другие статьи. Запись писца книги: «Исусе Христе сыне божий, помилуй мя, грешного раба своего Иосифеца дьячка, что написал сию книгу, глаголемую сборник. А сия книга списана бысть повелением князя Богдана Иосифовича, а списал сию книгу Иосифец Семенов сын. А зачата бысть сия книга в лето 7111 (1603) году месяца декабря в 8 день на память преподобного отца нашего Потопия. А свершился сия книга месяца февраля в 14 день на память преподобного отца нашего Ауксентия. А кто сей сборник почтет чести, а где ся буду описал, или переписал, или строки не дописал, и вы бога ради господя собою исправляйте, а меня грешного не клените. Всякому благому начало и конец».

58. (л. № 59). Чудеса Сергия и Германа Валаамских, 1800 г., в 4-ку, скоропись, 9 лл., переплет — мягкий, цветной картон.

59. (д. № 60). Сборник житийный, XVII в., в лист, полуустав, 171 лл., переплет — доски, обтянутые тисненой кожей, следы застежек — всё XIX в. На переплете полуоборванный ярлык: «№ Р — (78) Мальц». Переплет отстает от книги. Записи: на передней крышке переплета скорописью XX в. карандашом — «500. — № 752. Мал. 1921. 79/78»; на листе при переплете — «Сборник № 78»; на л. 1 — штамп «Научная библиотека при Саратовском Госуниверситете». Русских статей нет.

60. (д. № 61). Сборник, второй половины XVI в., в 4-ку, полуустав нескольких почерков, 552 л., переплет — доски, обтянутые тисненой кожей, застежки — всё XIX в. Записи: на л. 1 скорописью XX в. карандашом — «Жития святых. Рукопись XVI в. 2-ой полов., русских слов 16. Ф. К.»; скрепа XVII в. по лл. 5—10 стерта, можно предположительно восстановить: «Сия книга. . . псковского купца. . .». Содержание: Повесть об Иоанне Новгородском (лл. 14 об.—26 об.); Преставление Федора Смоленского (лл. 42 об.—52); Убиение Михаила Черниговского и боярина его Федора (лл. 52 об.—59 об.); Память Сергия Радонежского (лл. 60—66 об.); Житие Зосимы и Савватия Соловецких (лл. 81 об.—132); Житие Гурия и Варсонофия Казанских (лл. 141—166); Преставление Авраамия Ростовского (лл. 176—186 об.); Житие Варлаамия Хутынского (лл. 190 об.—199); Знамение иконы Богородицы в Новгороде (лл. 233 об.—239); Беседа трех святителей (лл. 295 об.—300 об.); Житие Дмитрия Прилуцкого (лл. 309—329); Житие вкратце Алексея митрополита московского (лл. 329 об.—335 об.); Житие Кирилла Белозерского (лл. 418 об.—428); Повесть о явлении в Казани богородицы (лл. 435 об.—444 об.); Житие Макария Желтовского и Унежского (лл. 451 об.—472 об.); Повесть о чудесах иконы Владимирской богородицы (лл. 527 об.—542).

61. (д. № 62). Сборник, XVIII в., в 4-ку, скоропись разных почерков, 165 л., переплет — картон, корешок обветшал. Содержание: Повесть о куре и лисице (лл. 142—154 об.); выписки из Великого Зеркала (лл. 155—157 об.); сочинение о пьянстве, состоящее из предложений, подобранных по алфавиту, без начала, с буквы «е» (лл. 158—165 об.).

62. (д. № 63). Сборник, конца XVI в. со вставками XVIII в., в 4-ку, полуустав, 165 л., переплет — доски, обтянутые тисненой кожей, застежки — всё XVIII в. На корешке ярлык: «Р 1193 Мальцев №». Записи: на обратной крышке переплета скорописью XX в. карандашом — «№ 400. Мал. 1921. Записана в опись»; на л. 3 скорописью XVIII в. — «Милостивый государь мой батюшка Василий Гаврилович, зделай милость, пришли мне денг по . . .рублей [а]сигнациями с великим. . .»; той же рукой на л. 5 — «Милостивый государь мой друг, Степан Кондра. . .»; на л. 8 — «Милостивый государь». Полууставом XVIII в. скрепа по лл. 17 об.—21: «Выписано из самыя тоя месячныя Минеи печатныя — служебныя месяц август — благословением на печатной — святейшего патриарха — Филарета Никитича — московского и всея Руси. В лето 7138 (1630)-го». Скорописью XIX в. на л. 165 об.: «Сия книга житие святого отца нашего Филипа, митрополита московского чудотворца всея Руси, а купил сию книгу нижегородкой купец Алексей Пестов на базаре, заплатил 5 р. 1824 года мая 9 дня». Содержание: Служба, житие и чудеса Филиппа митр. московского (лл. 23—145); Тропарь Герману Соловецкому (лл. 146—146 об.); Повесть о Германе Соловецком (лл. 147—164 об.).

63. (д. № 64). Сборник, середины XVII в., в 4-ку, полуустав, 142 л., переплет — доски, обтянутые тисненой кожей, застежки — всё XVII в. Заставка тушью на л. 2. Содержание: Житие и чудеса Филиппа, митрополита московского (лл. 2—122); Повесть о старце Германе Соловецком (лл. 123—140).

64. (д. № 65). Сборник, XVIII в., в 4-ку, полуустав нескольких почерков, 328 л., переплет — доски, обтянутые тисненой кожей XVIII в., попорчен. Содержание: Молитвы, как класть дитя в колыбель и против лукавого духа (лл. 1—2); Слово Паладия мниха о втором пришествии (с миниатюрами) (лл. 11—52 об.); Слово 15 Иосифа Волоцкого о еретиках (лл. 155—158); «Слово о сошествии Иоанна Предтечи во аде» (лл. 244—257); из Великого Зеркала (лл. 257 об.—269 об.); Послания Петра и Иуды

(лл. 297 об.—301); Слова Нила Сорского (лл. 302—307 об.) и различные слова и поучения из Патериков, Златоструя и других книг.

65. (д. № 66). Сборник, второй половины XVIII в., в 4-ку, скоропись, 16 л., без переплета. Запись на л. 16 об. скорописью начала XIX в.: «Сия к... сей список Андрея Кузнецова». Содержание: Слово о царе Аггее (лл. 7 об.—10); Слово о Федоре купце (лл. 11 об.—15) и другие статьи.

66. (д. № 67). Сборник, XVI в., в 8-ку, полуустав разных почерков, 123 л., переплет — кожаная сумка, кожа с следами тиснения. На корешке ярлык: «Р 1119 Мальцев №». Записи: на обратной стороне передней крышки переплета карандашом — «25.—»; на п. 1 карандашом — «№ 641 Мал. 1921», скорописью начала XIX в. — «Сия книга глаголемая Марины Карповны Григорьевской»; на л. 75 об. скорописью начала XVIII в. — «Сия книга Вологодского уезду Тошенской трети Масленикой волости сельца Бесед, а на сей странице подписал Дмитрий Кирилов, а подписал декабря 21 дня 1725-го году». Содержание: Повесть об иконе Владимирской богоматери и о ее чудесах (лл. 1—75); Служба Дмитрию Прилуцкому (лл. 76—89 об.); Молитва Дмитрию Вологодскому (лл. 89 об.—91 об.) и др.

Л. И. ЕМЕЛЯХ

Старинные рукописные книги Музея истории религии и атеизма Академии наук СССР

Музей истории религии и атеизма Академии наук СССР был создан в 1932 г. С этого времени в него стали поступать вместе с другими экспонатами и рукописные книги. Специфические задачи Музея во многом определили и состав его собрания. Это преимущественно такие книги и свитки, которые могли быть использованы в экспозициях Музея. Вместе с рукописными материалами поступали и старопечатные книги, а также рукописные рисунки бытового и историко-церковного характера.

В настоящее время в Музее имеется более двухсот рукописных книг XV—XVIII вв. и большое количество более позднего рукописного материала. Рукописные книги выделены в особую коллекцию и хранятся в Рукописном отделе Музея. В данной информационной заметке будут даны сведения лишь о рукописных книгах.

Подробных сведений о том, как составлялось собрание в Музее, не имеется. Однако по самим книгам и по некоторым записям можно установить, какие старые собрания влились в нашу коллекцию рукописных книг. В Музее имеется ряд книг, принадлежавших ранее Волковской старообрядческой поморской общине в Петрограде. Несколько рукописных и старопечатных книг имеют штампы Тихвинского старообрядческого кладбища. Есть рукописные материалы из библиотеки Покровской приходской общины, книгохранилища Казанской духовной академии, личной библиотеки известного старообрядческого начетчика В. Т. Зеленкова.

Большое место в собрании занимают синодики Соловецкого монастыря. Их насчитывается более двух десятков; среди них находятся относящиеся к XVII в. Синодики Соловецкого монастыря представляют большую ценность своими записями и сведениями о лицах, попавших в них.

Коллекция синодиков Соловецкого монастыря поступила в Музей в 1953 г. из бывшего Центрального антирелигиозного музея в Москве. Вместе с этими рукописями из Музея было передано также собрание бывшего Соловецкого музея, организованного сразу же после закрытия монастыря и просуществовавшего до середины 30-х годов. В этом собрании наибольшую ценность имела коллекция рукописей исторического, литературного и бытового содержания, собранная Н. Н. Виноградовым. К сожалению, в наш Музей попала лишь очень незначительная часть рукописей Виноградова. Большинство же их перешло неизвестно куда. Даже то, что видел в 1948 г. В. И. Малышев в Центральном антирелигиозном музее в Москве, дошло до нас не полностью.¹ В нашем собрании нет упоми-

¹ В. И. Малышев. Коллекция славяно-русских рукописей В. Ф. Груздева. Ученые записки Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена, Кафедра русской литературы, т. 67. Л., 1948, стр. 268.

наемых им Повести о начале Москвы, Истории о российском матросе Александре, Повести о Шемякине суде, Сказания о Фоме и Ерёме, Разговора пьющего с непьющим и некоторых других ценных бытовых повестей XVII—XVIII вв. Из перечисленных в его статье рукописных книг сохранился лишь очень интересный сборник XVIII в. со сказанием о попе Савве, повестью о бражнике и др.

Из Центрального антирелигиозного музея поступили также рукописные книги со следами принадлежности ранее (штампы, записи и т. д.) библиотеке Уфимского художественного музея, Уфимской духовной семинарии, К. П. Виноградову и Среднеазиатскому музею ВЧК—ОГПУ.

По содержанию большинство рукописных книг нашего собрания относится к церковно-служебной литературе, старообрядческим догматическим и полемическим сочинениям. Однако, как будет видно ниже, этим не ограничивается содержание наших рукописных материалов. Среди них есть списки древнерусских повестей, исторических и юридических сочинений, образцы стихотворной поэзии и др. Для историка древнерусской литературы большой интерес представляет сборник XVIII в., принадлежавший в XVIII в. золотых дел мастеру Василию Гавриловичу Нехорошеву и содержащий ряд списков с ценных и редких памятников древнерусской литературы. Заслуживает внимания сборник конца XVII—начала XVIII в. сочинений и материалов в защиту патриарха Никона, имеющий в своем составе полный текст известного «Возражения» Никона боярину Стрешневу. Отметим также «Глас последний» Симеона Полоцкого (список конца XVII в.), «Великое Зерцало» (рукопись начала XVIII в., полный и исправный текст), Повесть о битве князя Михаила Скопина-Шуйского с поляками под Калязинским монастырем (список начала XVIII в.).

В собрании имеются списки повести об Акире Премудром, Сказание о бесноватой Соломонии, «Рукописания Адама», списки произведений Кирилла Туровского, Геннадия Новгородского, Иосифа Волоцкого, Юрия Траханиота и др. Есть материалы по народной медицине (лечебники, травники) и суевериям (заговоры, приговоры, обереги, присухи и т. д.). Большинство рукописей подобного содержания представляют собою небольшие тетрадки, часто отдельные листы, засаленные, замазанные, — яркое свидетельство того, что все они в свое время побывали во многих руках и широко использовались.

По времени написания наиболее древней рукописью в собрании Музея является Псалтырь конца XV—начала XVI в. От XVI в. имеется несколько рукописных книг, в том числе сборник со словами и посланиями Иосифа Волоцкого, Геннадия Новгородского и Юрия Траханиота.

В числе лицевых и орнаментированных рукописных книг особо интересных не встречается. Однако в фондах Музея хранится большая коллекция старообрядческих рисунков и настенных листов с текстом XVIII—XIX вв., среди которых имеются и очень ценные рисунки и миниатюры. Большинство рисунков этой коллекции ранее принадлежало известному ученому-археографу В. Г. Дружинину.

Таково в общих чертах содержание собрания рукописных книг Музея истории религии и атеизма Академии наук СССР.² Как одну из задач на ближайшее время Рукописный отдел Музея ставит подробное научное описание всех своих рукописных материалов. Тогда могут оказаться и еще какие-нибудь ценные памятники, ускользнувшие сейчас от внимания. Но поскольку наше собрание еще совсем неизвестно исследователям, мы ре-

² В Музее имеется также небольшое собрание славяно-русских старопечатных книг XVI—XIX вв., но оно еще пока не описано до конца.

шились дать о нем предварительные сведения, полагая, что это собрание может заинтересовать исследователей.

Приводим ниже краткое описание 40 наиболее интересных рукописей собрания. Рукописи следуют в хронологическом порядке их написания.

1. Псалтырь, конца XV—начала XVI в., в 4-ку, 142 лл. полуустав, переплет.

2. Сборник пасхально-астрономических и церковно-полюемических сочинений, конца XVI—начала XVII в., в лист, 53 лл., полуустав. Содержание: «Введение к великому миротворному кругу Агафона 1541 г.»; «Изложение Пасхалии» Зосимы (без заглавия, в обработке Агафона); «Послание Геннадия о пасхалии»; «Сказания» об окончании седьмой тысячи Иосифа Волоцкого (первоначальная редакция 8—10 «слова» «Просветителя»); «О летах седьмые тысуши» (послание Юрия Траханиота Геннадию).

3. Петр Дамаскин, XVI в. (лл. 1—61 об.) и конца XIX в. (лл. 62—221), в 4-ку, 224 лл., полуустав, переплет.

4. Четьи-Минеи (октябрь), конца XVI в., в лист, 348 лл., полуустав, переплет. Запись: «Сия книга Микифора Михеевича, сына Блудова. Куплена во 120 (1612) году, как стояли бояре под Москвою, у козака у Ивана Фролова». Из русских статей — Житие Ивана Рьльского и Слово Кирилла Туровского.

5. Слова Григория Богослова, начала XVII в., в лист, 123 лл., полуустав, переплет.

6. Глас последний Симеона Полоцкого, конца XVII в., в 4-ку, 49 лл. скоропись, без переплета.

7. Житие Прокопия Устюжского и Житие Варлаама Хутынского, XVII в., в 4-ку, 95 лл., полуустав, переплет бумажный.

8. Евангелие учительное, XVII в., в лист, 560 лл., полуустав, переплет.

9. Сборник статей в защиту патриарха Никона, конца XVII—начала XVIII в., в лист, 355 лл., скоропись, переплет. Содержание: Житие Никона Ивана Шушерина; Возражение Никона против вопросов боярина Стрешнева; грамоты по делу Никона; «чудеса» Никона; Акrostих — эпитафия Никону, написанная Германом, из Воскресенского монастыря.

10. Сборная рукопись конца XVII—начала XVIII в., в лист, 28 печатных и 74 рукописных листа, полуустав, переплет. Содержание: Служба Савве Сторожевскому; Житие и похвальное слово Макария Калязинского и др.

11. Великое зеркало, начала XVIII в., в лист, 224 лл., полуустав, переплет.

12. Повесть о битве князя Михаила Скопина-Шуйского с поляками под Калязинским монастырем, начала XVIII в., в 8-ку, 4 лл., скоропись, без переплета.

13. Сборник соловецкий, начала XVIII в., в 4-ку, 216 лл., скоропись, без переплета. Содержание: жития Зосимы и Савватия Соловецких, Елеазара Анзерского; сказания о чудесах Иоанна и Логина и Вассиана и Ионы.

14. Сборник (Нехорошевский), первой половины XVIII в., в 8-ку, 207 лл., скоропись, переплет. В 1766 г. принадлежал золотых дел мастеру Василию Гаврилову, сыну Нехорошева. Содержание: Сказание о ризе Христовой (из статейного списка посла Василия Коробьина); Повесть о старце, прошившем руки царской дочери; Послание утешительное к печальным человеком (русское сочинение); Повесть о царице и львице; Повесть о царе Аггее; Иерусалимский свиток; Епистолия о неделе; Мучение Кирика и Улиты; притча о хромце и слепце; Сказание об индейском царстве;

Сказание о бражнике; Повесть Симеона Суздальца; Космография; Сказание о попе Савве, статьи из Хронографа, апокрифические сказания и др.

15. Сборник, второй половины XVIII в., в 8-ку, 8 лл., скоропись, без переплета. Содержание: Житие Прокопия Устюжского и Повесть о трех женах, обретенных в горе.

16. Лечебник, XVIII в., в лист, 196 лл., скоропись, без переплета.

17. Сон богородицы, XVIII в., в 8-ку, 6 лл., скоропись, без переплета.

18. Сборник, XVIII в., в 8-ку, 32 лл., скоропись, без переплета. Содержание: Повесть об Акире Премудром (без начала), Сказание об Иоанне Большом Колпаке и о чудесах его при его погребении в 1589 г. (без заглавия), Повесть о бесноватой жене Соломонии и др.

19. Сказание о Соломонии из Ергоцкой волости, жившей с демоном, XVIII в., в 4-ку, 12 лл., скоропись, без переплета.

20. Стоглав, конца XVIII в., в 4-ку, 219 лл., полуустав, переплет.

21. Уложение царя Алексея Михайловича, конца XVIII в., в лист, скоропись, переплет.

22. Сборник, конца XVIII—начала XIX в., в 4-ку, 134 лл., полуустав. Содержит Хрисмологион и «разговор» христианина с жидовином.

23. Сказания о Тихвинской иконе богородицы, конца XVIII в., в лист, 132 лл., скоропись, переплет.

24. Поморские ответы, конца XVIII в., в лист, 92 лл., полуустав, переплет. Есть еще список XVIII в.

25. Келейный летописец Дмитрия Ростовского, конца XVIII в., в лист, 120 лл., полуустав, переплет. Есть еще два списка XVIII в.

26. Родословная таблица от Адама до императора Павла I, начала XIX в., в лист, 35 лл., полуустав, переплет.

27. Стих о страстях господних, начала XIX в., в 8-ку, 6 лл., скоропись, без переплета, лл. 1 и 6 представляют собой нижнюю половину рекрутской квитанции.

28. Травник, начала XIX в., в 4-ку, 11 лл., скоропись, без переплета.

29. Заговоры-обереги новобрачным и заговор от грыжи, начала XIX в., в 8-ку, 6 лл., скоропись, без переплета.

30. Поминание заздравное и зауспокойное монаха Соловецкого монастыря, начала XX в., в 8-ку, 30 лл., скоропись, без переплета.

31. Свадебное обережение, начала XIX в., в 8-ку, 4 лл., скоропись, без переплета.

32. Сборник старообрядческий, начала XIX в., в 8-ку, 6 лл., скоропись, без переплета. Содержание: стих-плач Иосифа Прекрасного, молитвы (апокрифические), Символ веры (без конца), старообрядческий.

33. Сборник, составленный Измаилом Догадкиным в 1822 г., в 8-ку, 12 лл., скоропись, без переплета. Содержание: рассказ умершего о том, что с ним было после смерти (как вспоминались ему грехи и добродетели); рассказ об императоре, подарившем бедной больной женщине 50 червонцев; рассказ об императоре и графе Финкельштейне (без конца).

34. Сборник апокрифический, XIX в., в 8-ку, 24 лл., полуустав, без переплета. Содержание: «Слово о двою разбойниках»; Рукописание Адама дьяволу; Слово о кресте.

35. Сборник заговоров и примет, первой четверти XIX в., в 8-ку, 14 лл., скоропись, без переплета.

36. Присухи, первой половины XIX в., в 16-ю долю листа, 5 лл., скоропись, без переплета.

37. Сборник заговоров, середины XIX в., в 16-ю долю листа, 7 лл., скоропись, без переплета.

38. Сборник астрологических записей, второй половины XIX в., в 4-ку, 16 л., скоропись, переплет бумажный.

39. Сборник, второй половины XIX в., в 16-ю долю листа, 12 л., скоропись, без переплета. Содержание: Сон богородицы, Иерусалимский свиток, Сказание о 12 пятницах. Есть еще три сборника XIX в. такого же содержания.

40. Страсти Христовы, XIX в., в 4-ку, 32 л., скоропись, без переплета. Есть еще несколько списков XVIII—XIX вв. этого апокрифического сочинения.

Во время печатания настоящей статьи при разборе фондов Музея дополнительно было обнаружено свыше 50 рукописных книг XVI—XIX вв. Среди них:

а) Повести: о 12 снах Мамера (XVIII в.), о царе Соломоне (XVIII в.), о Казанской иконе богородицы (XIX в.), о Корнилии Выговском (XIX в.), о царице и львице (XVIII в.), об убийстве царевича Дмитрия (XVIII в.), о Хмеле (XIX в.), о купце Басарге (XVIII в.);

б) Жития: Варлаама и Иоасафа (XVI в., лицевое), Бориса и Глеба (XVII в.), Иоанна Новгородского (XVII в.), Филиппа митрополита (XVII в.), Макария Желтоводского (XVII в.), Иосифа Волоцкого (XVIII в.), Алексея — человека божия (XVIII в.), Евфросина Псковского (XIX в.);

в) Апокрифы: Сон Богородицы (XVIII в.), Сказание о 12 пятницах (XVIII в.), Слово Нифонта о русалиях (XVIII в.), Молитва св. Антипу (XVIII в.), Иерусалимский свиток (XVIII в.), об Адаме (XVIII в.), Молитва Михаилу Архангелу (XVIII в.), заклинательные, заговорные молитвы и др.;

г) Народная медицина: Лечебник (XVIII в.), Травник некоего Ивана Федорова (XVII в.), Травник (XVIII в.), Сборник медицинских советов (XVIII в.);

д) Естественно-исторические и научные произведения: отрывок из Хронографа редакции 1512 г. (XVII в.), Космография (XVIII в.), Толкование глобуса (XVIII в.), Повесть о травах, и др.

Н. Ф. ДРОБЛЕНКОВА, Л. С. ШЕПЕЛЕВА

Описание рукописного собрания Архива Географического общества СССР¹

Начало рукописному собранию Географического общества СССР было положено частными дарственными вкладами вскоре же после открытия общества в 1845 г. Среди первых поступлений оказались вклады 1849 г. ярославского купца С. А. Серебренникова (Географическое «описание г. Архангельского с уездом» XVIII в. — № 1, оп. 2), А. Леопольдова из г. Саратова (Духовные псалмы — № 100, оп. 1 — переданы из бумаг Надеждина), павлоградского купца М. Ищенко. Затем в 1875—1876 гг. из г. Владимира были переданы К. Тихонравовым более 60 актов. В 1875 г. И. М. Лядовым было передано еще 15 деловых документов; в 1876 г. из Казани от Е. Т. Соловьева поступила грамота царя Федора Иоанновича, найденная в бумагах Завоянского-Муравского (Завовского Муровья?) в 1834 г. — № 61, оп. 1; в 1877 г. он же передал архиву общества купчую крепость г. Козмодемьянска 1756 г. — № 5, оп. 2. В 1887 г. от И. И. Лебедева поступила рукопись (сказание о происхождении чудотворной иконы Смоленской божьей матери — № 39, оп. 1).

Материалы, переданные З. Ю. Шокальской (6 деловых документов XVII в. — № 110, оп. 1), Г. В. Шимонко (фотографический снимок писцовой книги 1678 г. — № 35, оп. 1), А. Горланович (лечебник — № 29, оп. 1), А. А. Вознесенским (рукопись летописного характера — № 115, оп. 1), графом Ф. Л. Гейденом (Описание Воронежской губернии — № 3, оп. 2), А. Дмитриевым (копия с летописного текста, оригинал которой утрачен, — № 10, оп. 2), С. Гуляевым (Рукописный путевой журнал XVIII в. — № 82, оп. 1), не имеют дат их получения в архиве.

В 1954 г. Польское географическое общество передало в дар Географическому обществу СССР фотокопию сочинения Матвея Меховского: «Описание двух Сарматий» в переводе Андрея Глабера. Краков, 1535 (№ 114, оп. 1), Географическое общество Китая прислало карты и текст древнего географического произведения Китая «Юйгун» (№ 116, оп. 1).

Большая часть рукописных материалов собрания, в особенности литературного характера, не имеет точных сведений о времени их приобретения и об именах владельцев.

Наиболее ранние рукописи датируются XVI в., поздние — XIX в.

Рукописное собрание Географического общества СССР (136 номеров) включает значительное количество материалов хозяйственного, экономического, географического и исторического характера, большое количество памятников деловой письменности. Часть этих

¹ Благодарим за помощь, оказанную нам в процессе составления описания, В. П. Адрианову-Перетц и В. И. Малышева.

материалов поступила из Запорожского архива, откуда были переданы в 1848 г. писарские копии с шести документов 1768—1772 гг. о постройке Молдовахийского монастыря «Драгомирны» за Дунаем (№ 79, оп. 1). В рукописное собрание Русского географического общества вошли документы из архива Пертоминского монастыря — за 20-е и 40-е годы XVII в. (№ 86, оп. 1). Сохранился ряд документов Покровского девичьего монастыря XVII в. Среди них: памяти о рыбной ловле на Белоозере 18 марта 1631 г. (№№ 1 и 2, оп. 1); памяти различного хозяйственного содержания монастырским приказчикам (№№ 2, 3, 55, 56, оп. 1); отписки о пожаре и хозяйственного содержания (№ 2, оп. 1); приходно-расходная книга монастыря за 1651 г. (№ 2, оп. 1) и 1688 г. (№ 105, оп. 1); записные книги монастыря за 1688 и 1694 гг. (№ 105, оп. 1); книги умолоточные, посевные, ужинные вотчин Покровского девичьего монастыря конца XVII в. (№ 105, оп. 1) и т. п.

Группа документов представляет собою материалы о г. Шуе XVII—XVIII вв. (№ 8, оп. 1) и включает в себе, кроме указов, семи челобитных шуян (за 1613—1677 гг. — № 37, оп. 1), расписок и сказок, документы общего характера, содержащие сведения о состоянии г. Шуи в 1718 г., краткую городскую опись, список жителей Шуи и ее уезда.

К числу хозяйственных документов принадлежат: выписки из писцовых и межевых книг (к примеру, две выписки из писцовых и межевых книг Суздальского уезда 1628, 1629, 1630 гг. — № 40, оп. 1); таможенные книги (две таможенные книги целовальников 1639 и 1686 гг. поступили из Устьсысольска в 1851 г. от С. Г. Мельникова — № 33, оп. 1); издержечная книга 1712 г. (№ 30, оп. 1); выпись из писцовых книг по селу Данилову Измарасской волости Суздальского уезда 1674—1677 гг.; письма стольника Якова Нелединского и подьячего Пимена Кудрявцева, копия 1679 г., в 4-ку, скоропись, 247 л., переплет кожаный в сумку (№ 46, оп. 1); бумаги колыванского (бийского) купца Федченко (расписки, расчетные книжки, квитанции, долговые книги и другие материалы хозяйственного содержания за 1805—1820 гг. — № 44, оп. 1); «объявление» Василия Кожина за 1781 г. (№ 42, оп. 1); Книга о проездах по Сибирской дороге 1596 г. (№ 32, оп. 1); «выпись с писцовых книг писма и меры Якова Кондырева да подьячего Ивана Черницова» 1632, 1633 гг. в Суздальском уезде, рукопись, конца XVII—начала XVIII в., в 4-ку, 128 л., скоропись, бумажный переплет, на полях скрепы: «Дияк Григорей Посников» (№ 78, оп. 1); приходно-расходные книги Никольского Корельского монастыря, 1572—1577 гг., в 4-ку, 76 л. — № 89, оп. 1; приходно-расходные книги того же монастыря за 1662—1664 гг. (№ 90, оп. 1); девять отписок (свиток) Муромского уезда за 1677—1682 гг. (№ 101, оп. 1); книга сборная работникам 1707 г. (№ 85, оп. 1); книга расписок за 1713 г. (№ 87, оп. 1); приходно-расходная книга ярославского помещика Петра Шубина за 1794—1795 гг. (№ 92, оп. 1), «роспись полевой мере», первой четверти XVIII в., в 4-ку, скоропись, 12 л., в бумажном позднем переплете (№ 17-IV, оп. 1) и многие другие.

Значительное место в рукописном собрании занимают указы, манифесты, грамоты и другие административные документы: копия с указа Алексея Михайловича 1660 г., свиток XVII в., скоропись (№ 67, оп. 1); копия с указа Петра I 1712 г. капитану Лоуренсу Берху, в лист, 2 л., скоропись середины XVIII в. (№ 63, оп. 1); сборник, конца 20-х годов XVIII в., в лист, скоропись, 62 л., переплет картонный, покрытый кожей, содержит царские указы о беглых людях, краткие родословные выписки, выписки из Уложения Алексея Михайловича, копию с указа Анны Иоанновны о наследственном землевладении, правах наследства и другие статьи

(как видно из записей и помет на книге, сборник составлялся в г. Белозерске; № 17, оп. 2); копии с царских указов 30-х годов XVIII в., в лист, 6 лл., скоропись XVIII в. (№ 71, оп. 1); царский указ 1731 г. в Кяхтинский пост Иркутской губернии, копия XVIII в., в 4-ку, 8 лл., скоропись (№ 64, оп. 1). Печатные указы Петра I, Екатерины I, Анны Иоанновны, Елизаветы (№ 63, оп. 1); копия с манифеста Анны Иоанновны (№ 43, оп. 1); две копии XIX в. с манифестов Пугачева от 1774 г., в лист, 2 лл. (№ 95, оп. 1); жалованная грамота Василия Ивановича (Шуйского) попу Воздвиженской церкви Иосифу, копия XIX в., сделанная и переданная в общество В. Делекторским (№ 4, оп. 1); копия XVII в. с грамоты Ивана Васильевича 1547 г. (№ 76, оп. 1); копия с грамоты Михаила Федоровича муромским старостам 1640 г. (№ 74, оп. 1); грамота патриарха Никона в г. Курмыш по случаю сбора топорков и бердышей, составлена в Москве в 1654 г., копия XIX в. (№ 96, оп. 1); грамота Федора Алексеевича 1679 г. сольвычегодскому стольнику и воеводе, свиток, скоропись конца XVII в., скреплена печатью с изображением двуглавого орла (№ 111, оп. 1); копии XVIII в. с грамот Ивана и Петра Алексеевичей в Рязань воеводе, 1683 г. (№ 110, оп. 1); копия с грамоты Алексея Михайловича Григорию Дмитриевичу Строганову (№ 27, оп. 1); перевод с польского языка документа из Тайного приказа № 151 о переходе Великого княжества Литовского в русское подданство, копия XIX в., в лист, 6 лл. (№ 5, оп. 1); «объявление» Синода об отречении от церкви Максима Пархомова и Дарьи Костовской, жителей села Мсты Вологодской губернии 1722 г., копия XIX в., из бумаг Глаушева, подарена Географическому обществу Гольшевым (№ 73, оп. 1); дело о беглых крестьянах в Симбирском суде за 20-е годы XVIII в., передано Географическому обществу из Симбирска в 1876 г. его членом Вл. Юрловым, приобретшим рукопись у священника Пломеневского в 1866 г. (№ 81, оп. 1); «...предложение во учрежденную при дворе ее имп. величества конференцию от сенатора генерала фельдцейхмейстера... графа Петра Ивановича Шувалова о разделении губерний к ежегодному рекрутскому набору на пять частей...», копия 60-х годов XVIII в., скоропись, 10 лл., без переплета и конца (№ 49, оп. 1).

Географические сочинения архива общества представлены копиями XVIII—XIX вв.: с печатного издания географии XVIII в. (№№ 84, 88, 112, оп. 1), с путевого журнала каравана-экспедиции из Петербурга в Пекин 1741 г. Е. Фирсова (№ 82, оп. 1). Статьи по географии, этнографии, экономике и истории Китая, Средней Азии, Индии, Палестины, Казани содержатся в семи рукописных книгах начала XIX в. (№ 20, оп. 2; см. также №№ 1, 3, 4, 6, 8, оп. 2).

События, связанные с борьбой украинского народа за национальное освобождение против польской шляхты, отражены в сочинении «О начале поименования казаков», копия середины XIX в. (№ 28, оп. 1). Рукопись заканчивается виршами в честь победы Богдана Хмельницкого: «Кот[о]рии пришли, чтоб Хмельницкого поимати, но сами принуждены в неволю ступати» (л. 2 об.).

Ряд рукописей архива Географического общества представляет собою лечебники-«травники» (№№ 15, 29, 31, 41, 93, оп. 1 и № 18, оп. 2).

Кроме того, в рукописном собрании архива хранятся материалы самого разнообразного характера: две копии герба рода Чихачевых конца XVIII в. (№ 7, оп. 2); копия с лубочной картинки из слободы Мстеры Вязниковского уезда Владимирской губернии (№ 23, оп. 1); лубочные цветные листы о преподобном Герасиме, о Василии блаженном, Максиме юродивом с разъяснительным текстом, лицевой печатный листок с текстом

молитвы Михаилу архангелу, составленный в Москве в Чудовом монастыре (№ 83, оп. 1); ноты церковных служб (№ 14, оп. 1); арабские рукописи(?), 6 тетрадей в большую 4-ку (№ 13, оп. 2); «Предзнаменование времени на всякий год по планетам», таблица на большом листе (бумага 60-х годов XVIII в.) с изображением в кругах планет, конец оторван (№ 47, оп. 1); выписки из календаря 1752 г. (№ 11, оп. 1); *Scientia Rationalis, Philosophia Libera*, рукописная копия 1766—1768 гг. на латинском языке, в 4-ку, 321 л., в бумажном переплете (№ 106, оп. 1) и т. д.

Помимо актового материала, лечебников, географических сочинений и т. п., значительное место в собрании занимают памятники духовной и светской литературы.

Духовная литература представлена сочинениями богословского содержания, житиями святых, сборниками апокрифов, молитв, кратких изречений греческих и римских философов и отцов церкви, четырьмя-минееями, тропарями и «помянниками», псалтырями, молитвенниками, «прологом», духовными псалмами и пр.

Памятники светской литературы представляют собой в основном поздние копии с известных древнерусских повестей XVI—XVII вв., сборники песен и жарт конца XVIII в., вирши, летописные тексты в копиях XVIII—XIX вв., личные дневники, выписки из различных печатных изданий.

1. Житие и чудеса Зосимы и Савватия Соловецких и служба им (без конца), списано митрополитом Спиридоном, вторая половина XVI в., в 4-ку, полуустав, 74 л., переплет дощатый, покрытый кожей, сохранилась одна медная заставка. И переплет, и заставка XVI в. (№ 16, оп. 1).

2. Повесть о Шуйской иконе богородицы и о ее чудесах, конца XVII в., в 4-ку, скоропись двух почерков, 55 л., переплет картонный, покрытый кожей. Рукопись передана Географическому обществу 30 ноября 1887 г. Иваном Ивановичем Лебедевым. Старый инвентарный номер 41/1887. (№ 39, оп. 1).

3. Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 г. Нестора Искандера (без начала и конца), конца XVII в., в 4-ку, скоропись, 15 л., без переплета. (№ 15, оп. 2).

4. Сборная рукопись XVII—первой четверти XVIII вв., в 4-ку, полуустав и скоропись разных почерков, 267 л., переплет дощатый, обтянутый кожей, на обложках наклеены рукописные листы из Космографии. На лл. 2—10 скрепа: «Сия книга Антониева-Сийскаго монастыря келаря иеромонаха Иосифа келейная. Подписан в лето от [рождества] Христова в 1736». На л. 105 — изображение корабля в звезде и кругах с указанием сторон света. На л. 1 — оглавление рукописи. Содержание: Житие Василия Нового (лл. 1—104 об.); Лусидариус (лл. 106—139); «Бысть знамение сие в Венгерской земли...» (о землетрясении в Венгрии; л. 139 об.); «О патриархе Иоакиме, како пил отравное зелье от жидовиновы руки и не отравися...» (из хождения Трифона «Коробейникова»; лл. 140—144 об.); Зерцало богословия (лл. 146—167); Толкование молитвы «Отче наш» (л. 169—184 об.); «Сказание о 12 сивиллах...» (лл. 185—190 об.); Предисловие к святым (лл. 191—198 об.); «Наказание святого Илариона ко отрекшимся мира...» (лл. 199—229 об.); Послание «святейшему и разумнейшему во Христе отцу духовнейшему и господину» (русское счисление — лл. 230—267). (№ 10, оп. 1).

5. Сборная рукопись, конца XVII—30-х годов XVIII в., в 4-ку, скоропись и полуустав разных почерков, 267 л., в кожаном замшевом переплете. Содержание: «Великая предивная наука» Раймонда Люлия (лл. 1—191 об.). Эта рукопись написана в 1726 г., как видно из нижеследующей

записи на л. 8: «Отчасти писано святых боговдохновенных книга, творение премудраго учителя академии Сарборской Раймунда Люоля, а названа сия „Наука кабалистичная“. А писал сии книги отставной салдат Андрей Емчанинов у Архангельскаго города в лето от рожества Христова 1726 году своим тщанием про свою ползу. А списано три науки, а четыре оставлено. От Адама в лето 7234»; Книга Иисуса, сына Сирахова (лл. 196—262 об.), рукопись, конца XVII в.; Притчи Соломона (только первая глава, без конца; лл. 264—266), рукопись написана полууставом первой четверти XVIII в. (№ 54, оп. 1).

6. Сборник, начала XVIII в., в 4-ку, полуустав, 166 лл. Рукопись без переплета, начало утрачено. Содержание: Слово о богородице (лл. 1—36 об.); Сказание о сорока великомучениках (лл. 37—45 об.); Служба на богоявление (лл. 47—60 об.); Житие Параскевы Пятницы (лл. 62—80 об.); Страсти Христовы (лл. 81—166). (№ 48, оп. 1).

7. Сборник первой четверти XVIII в., в 4-ку, скоропись, разные почерка (на лл. 7—38 об. южнорусская скоропись), 51 лл. (порядок листов в некоторых случаях перепутан), в бумажном позднем переплете, на обложечном листе — оглавление позднего времени. Содержание: изречения и поговорки духовно-нравоучительного содержания (лл. 1—2 об.); стихи и псалмы духовного содержания (частью syllабические, лл. 3—6 об.); выписки из притчей Соломона, из Книги Иисуса, сына Сираха; изречения и поучения духовного содержания (лл. 9—14); вирши («Стихи увещания к детям»; л. 14 об.); выписки из «Физиолога» (лл. 16 об.—21 об. и 35—35 об.); Троестрочная азбука (лл. 22—28); Титул императора Петра Алексеевича (лл. 28—28 об.); повесть о приобретении царского венца Владимиром Мономахом («О сем, откуда Росийскии самодержцы венец царский на себе носити начаша»; 2 лл. 30 об.—32); «Слово о трех слепцах» Софония Премудрого (лл. 32 об.—33 об.); стихи на рождество Христово (лл. 34—34 об. и 37—37 об., 38); Стих на взятие Азова Петром I (лл. 36—36 об.); выписки из библейских преданий с включением эпизодов из хронографов, «Александрии», «Повести о Царьграде», «Слова о происхождении грамоты и церковного пения» (лл. 39—49 об.); Притча (сказание) о двух разбойниках (лл. 49 об.—50 об.). (№ 17-I, оп. 1).

8. «Повесть о начале Москвы», конца XVIII в., в 4-ку, скоропись, 7 лл., в бумажном переплете. Заглавие: «Летописец о начале царствующаго града Москвы». I редакции 2-й вид.³ (№ 17-II, оп. 1).

9. «Епистолия Пилата к царю Тиверию в Рим о Иисусе Христе», первой четверти XVIII в., в 4-ку, скоропись, 10 лл., в бумажном переплете. (№ 17-III, оп. 1).

10. Плач богородицы, первой четверти XVIII в., в 4-ку, полуустав, 5 лл., в бумажном переплете. (№ 17-V, оп. 1).

11. Сборник, первой четверти XVIII в., в 4-ку, скоропись, 15 лл., с заставками и выписанными полууставом заголовками, в позднем бумажном переплете. На некоторых листах сборника сохранилась своя обрывочная буквенная пагинация. Содержание: «Повесть о видении некоему мужу духовну» протопопа Терентия (лл. 1 об.—5),⁴ заглавие: «Список з древняго

² О литературной истории этой повести см.: Р. П. Дмитриева. Сказание о князьях Владимирских. Изд. АН СССР, М.—Л., 1955, стр. 55—56.

³ Согласно классификации, предлагаемой М. А. Салминой в докладе, прочитанном на заседании Сектора древнерусской литературы 28 мая 1956 г.

⁴ Рукопись представляет собою так называемую вторую редакцию, согласно определению П. Г. Васенко (Заметки к статьям о Смуте, внесенным в Хронограф 1617 г. Сб. статей, посвященных С. Ф. Платонову. 1922, стр. 266) и Е. Н. Кушевой (Из истории публицистики Смутного времени. Ученые записки Саратовского государственного

слога писания с подлинного», в конце приписка: «...7183 [1674] ноября в 13 день таково видение бысть в Чюдове монастыре некоему монаху, добродетельну мужу, священноиноку Феодосия уставщику. Он же такое преславное видение возвестил о сем архиепископу архангельскому и еласунскому, страшными клятвами увязав, еже имени его не поведал ми. Конец»; Отрывок из жития святых мучеников Кирика и матери его Улиты (л. 5 об.); Повесть о царице Динаре (лл. 6—11 об.); Индекс книг ложных (л. 12—13 об.); Повесть о воеводе Дракуле (без конца), начало: «...[о] Дракуле, воеводе Мунтиянской земли» (л. 13 об.—15 об.). (№ 17-VI, оп. 1).

12. Сборник богословского содержания XVIII в., в 4-ку, 16 лл., скоропись, без обложки. В XVIII в. рукопись принадлежала крестьянину деревни Лещево Ферапонтова монастыря Федору Иванову Бибиксарову. Содержание: «Символ» Афанасия, патриарха Александрийского (л. 1—2 об.); «Изложение о вере» Анастасия Антиохийского и Кирилла Александрийского (л. 2 об.—4); «Изложение о вере» исповедника Максима (л. 4—6); Об изображении крестного знамени (л. 6 об.—13); «Сказание о Псалтыри» Василия Великого (л. 13 об.—14 об.); «Сказание о Псалтыри и псалмах Давыда» святого Августина (л. 15—16). (№ 53, оп. 1).

13. «Валаамская беседа», рукопись 60-х годов XVIII в., в 4-ку, скоропись, 18 лл., без переплета. (№ 51, оп. 1).

14. Синописис Инокентия Гизеля. Копия с издания 1762 г., сделана в 1769 г., в 4-ку, скоропись, в кожаном переплете. Старый инвентарный номер 346. (№ 45, оп. 1).

15. Сборник проложных статей, второй половины XVIII в., в 4-ку, скоропись, 14 лл., без переплета и конца. (№ 52, оп. 1).

16. Сборник, третьей четверти XVIII в., в 4-ку, скоропись нескольких почерков, 79 лл., без переплета. Сборник содержит 86 песен.⁵ Песни расположены на лл. 1—56, на остальных листах хозяйственные записи XIX в. (№ 6, оп. 1).

17. Сборник жарт и басен, третьей четверти XVIII в., в 4-ку, скоропись двух почерков, 60 лл., без переплета и конца. На первом листе надпись: «Сия книга жарты польски, беседы московски утешны от пяти разных транков (?) преложены и во единствен порядок споряжены. Списаны 1764 году, месяца февруария в день...».⁶ Каждый рассказ снабжен заголовком. Сборник состоит из фацеций, переведенных с польского языка в XVII в. (начало: «Выписано из жарт польских, бесед московских» — лл. 1—24 об.); из стихотворных жарт второй половины XVIII в. на сюжеты переводного сборника анекдотов середины XVIII в. (начало: «Увеселительныя жарты польския» — лл. 25—40 об.; имеется своя нумерация с № 1 по 18-й и басен, очевидно, взятых из сборника «Зрелище жития человеческого», переведенного с немецкого языка в 1674 г.⁷ (лл. 41—60 об.; имеется своя нумерация с № 1 по 92-й). (№ 9, оп. 1).

университета, Педагогический факультет, т. V, вып. 2, 1926, стр. 96). Ср. высказывание относительно редакции «Повести»: И. И. Смирнов. Восстание Болотникова (1606—1607 гг.). Госполитиздат, 1951, стр. 289—290.

⁵ Значительную их часть составляют песни, входящие в «Новое и полное собрание российских песен», составленное М. Д. Чулковым (М., 1780). Некоторые песни имеются в других сборниках (см., например: Новейший, полный и всеобщий песенник, содержащий в себе собрание отборных и всех доселе известных употребительных и новейших всякого рода песен... СПб., 1818; В. Ф. Трутовский. Собрание русских простых песен с нотами. СПб., 1776—1796).

⁶ Далее надпись неразборчива.

⁷ А. Н. Пыпин. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1858, стр. 175—177.

18. Сборник, конца XVIII в., в 8-ку, полуустав, 12 лл., без переплета. На рукописи имеется запись чиновника особых поручений Смирнова (?) и неразборчивая печать с датой «7 января 1877 г.». Содержание: Стих о лексинских девицах; Стих Наталье Кузьминичне Колашевской; Стих о Борисе и Глебе; Стих о потопе. (№ 7, оп. 1).

19. Сборник конца XVIII в. (бумага 1778—1781 гг.), в 4-ку, скоропись, 86 лл., переплет картонный, покрытый кожей. Содержание: Синописис Инокентия Гизеля и Повести и Слова патеричного характера. (№ 115, оп. 1).

20. Сборник изречений и притч, выписанных из сочинений греческих и римских философов, отцов и учителей церкви, конца XVIII в. (бумага 1788 г.), в 4-ку, скоропись, 21 лл., без обложки. На лл. 16—17 об. — текст на латинском языке, затем следует рассуждение «о пользе чтения древних классических писателей» (лл. 18—20). В конце имеется владельческая запись Петра Володимирова из села Ильинского Холмогорского округа о покупке им этой рукописи в Архангельске. Запись сделана в 1796 г. (№ 18, оп. 1).

21. Предисловие к «Поморским ответам» («История краткая о ответах сих»), конца XVIII в., в 4-ку, скоропись, 15 лл., без переплета. (№ 19, оп. 2).

22. «Слово о папе римском», конца XVIII—начала XIX в., в 4-ку, скоропись, 22 лл. Рукопись представляет собой выписки из различных книг о происхождении папства. (№ 59, оп. 1).

23. Рукописная тетрадь, конца XVIII в., в 4-ку, скоропись, 4 лл. Содержит смешанный текст на русском и латинском языках, отрывки стихов (ямбы, хорей). Заглавие: «Отчаянная старика молодого епиграмма, знатной и высокой особе самолично во дворце врученная». (№ 14, оп. 2).

24. Сборник «нравоучительных мнений на разные материи, собранных из древних греческих стихотворцев», конца XVIII в. (бумага 1789—1790 гг.), в 4-ку, скоропись, 77 лл. Рукопись на русском и латинском языках. Сборник содержит выписки изречений, афоризмов древнегреческих поэтов и философов. (№ 13, оп. 1).

25. Сборник, конца XVIII—начала XIX в., в 8-ку, скоропись, 40 лл., в картонном переплете. Сборник состоит из общего помянника, канона умерших, чина пения 12 псалмов, молитв и тропарей разным святым, выписок из книги Старчества, тропаря и молитв преподобным отцам Зосиме и Савватию Соловецким. (№ 12, оп. 1).

26. Рукопись, конца XVIII—начала XIX в. (водяной знак — голландская филигрань 1727 г. фабр. Van der Ley «Pro Patria»), в 4-ку, скоропись, 61 лл., переплет картонный. Заглавие: «Летописец Тоболской. О Сибирской стране». В рукописи на полях краткие пояснительные заметки по тексту другими чернилами; в начале — разбита на главы, сопровождаемые названием. Несколко листов утрачено (лл. 3—6). В 1847 г. рукопись принадлежала Николаю Абрамову, штатному смотрителю Березовских училищ. (№ 108, оп. 1).

27. «История Выговской пустыни» Ивана Филипова, начала XIX в. (бумага 1808 г.), в 4-ку, поморский полуустав, 129 лл., переплет картонный, покрытый кожей. (№ 16, оп. 2).

28. Родословец от Адама до Романовых, начала XIX в., в лист, скоропись, 54 лл., переплет картонный с кожаным корешком. Текст родословца расположен в кругах таблиц. (№ 58, оп. 1).

29. Рукопись, начала XIX в. (бумага 1790 г.), в 4-ку, скоропись, 8 лл., без переплета, без конца. Содержит выписки из книг: «Путешествия Гулливеровы», «Избранные Цицероновы письма», «Несчастный Никанор», «Странствования Телемаха, Улиссова сына» Фенелона (переводчик на

русский язык Иван Захаров, 1786 г.), выписки на латинском языке из «Philosophiae». (№ 113, оп. 1).

30. «Благочестивые размышления», рукопись, первой четверти XIX в. (бумага 1820 г.), в 4-ку, скоропись, 53 л., без переплета. Сочинение без начала и конца (начинается с гл. 4 и обрывается на гл. 29). Имеется запись чиновника сольвычегодского уездного суда о том, что он дарит эту книгу своему брату, Платону Семеновичу Смелкову. (№ 57, оп. 1).

31. Сборник апокрифических сочинений, первой четверти XIX в., в 8-ку, скоропись, 72 л., без переплета. В начале «реестр» ко всему сборнику, есть своя пагинация. Содержание: Сон богородицы, Иерусалимский свиток, Сказание о 12 пятницах, молитва кресту, молитва богородице, молитва Христу, заговоры на различные случаи, псалмы, клятвы земле и солнцу, молитвы-заговоры на различные случаи, уберegi и т. п. (№ 60, оп. 1).

32. Духовные псалмы. Рукопись, первой половины XIX в., в 4-ку, скоропись, 18 (22) л., бумажный переплет. В верхнем левом углу обложки запись: «№ 343. 1 мая 1849 г. от члена сотрудника Леопольдова. Из бумаг Надеждина». (№ 100, оп. 1).

33. «Соловецкий летописец». Рукопись, первой половины XIX в. (бумага 1819 г.), в 4-ку, скоропись, 44 л., переплет картонный. На обратной стороне обложки — владельческая помета 1814 г. (№ 94, оп. 1).

34. Сборник апокрифов, первой половины XIX в., в 4-ку, скоропись, 6 л., без переплета, без начала и конца. Содержит: Сон богородицы (отрывок), Иерусалимский свиток и Сказания о 12 пятницах. (№ 18, оп. 2).

35. «Сара, или истинное происшествие в Шклове, гнусная измена дружбы, верность служанки и смерть несчастных любовников».⁸ Рукопись, середины XIX в. (бумага, очевидно, 1843 г.), в 4-ку, скоропись, 6 л., без конца и переплета. На л. 1 — владельческая надпись: «Сия тетрадь Марии Стениной». (№ 50, оп. 1).

36. Стих о масленице («Разговор. С письма, полученного от масленицы прошлого года»). Рукопись, первой половины XIX в. (бумага 1834 г.), скоропись, 3 отдельных листа, у последнего оторван нижний угол. Начинается стих: «Любезные мои сибиряки, как воинство и козаки...». (№ 50, оп. 1).

37. Личный дневник (за 1824—1861 гг.) какого-то заводчика (?) Вятской губернии, второй половины XIX в., в 8-ку, скоропись, 25 л. (№ 50, оп. 1).

38. Стих «Текущий век», сопровождается заметкой В. Н. Перетца, характеризующего его как произведение позднее (XIX в.) и не имеющее художественной ценности, в лист (1 л.), подделка под полуустав, в расцветочной рамке. (№ 9, оп. 2).

39. Копия статьи из «Ведомостей» о страшной силе грозе, разразившейся над прусским городом Кандербехом, в лист, почерком XIX в., 1 л. В конце (л. 1 об.) надпись: «С подлинным верно. Смелников (?). Старый инвентарный номер 246. (№ 12, оп. 2).

40. Копия с летописного текста, освещающего события в Устюге, Перми, из жизни Строгановых, конца XIX или начала XX в., в 4-ку, копия сделана не писарским почерком, без переплета. Утеряны листы в начале, середине и конце. На первом листе запись за подписью А. Дмитриева об утрате оригинала летописи, с которого снята копия. Копия вызывает сомнения относительно существования оригинала летописи. (№ 10, оп. 2).

⁸ У В. В. Сиповского (Из истории русского романа и повести СПб. 1903, ч 1) о данной повести сведений нет.

Л. И. ПОЛЯНСКАЯ

Памятники древнерусской письменности в собрании Центрального государственного исторического архива СССР в Ленинграде

В составе богатых и разнообразных по своему содержанию фондов одного из крупнейших архивохранилищ нашей страны — Центрального государственного исторического архива СССР в Ленинграде — имеется собрание рукописей, представляющее большой интерес не только для историков, но и для литературоведов и историков русской культуры вообще. Это собрание в течение длительного времени (XVIII—XIX вв.) создавалось в архиве правительствующего Синода. Его составили рукописи, поступавшие по разным случаям из монастырских и церковных хранилищ и частных собраний епископов. В него же вошли рукописные книги, запрещенные к печати духовной цензурой, а также конфискованные у старообрядцев и сектантов.

Хронологически это собрание охватывает XIV—XIX вв. По происхождению своему, судя по языковым особенностям и имеющимся пометам, рукописи относятся к различным районам России и Украины, но чаще других среди них встречаются рукописи северных районов, в особенности Вологодского края.

подавляющее большинство рукописных книг по содержанию связано с религиозным культом. Среди них преобладают богослужебные сборники, в том числе старообрядческие, сочинения агиографического характера, законодательные сборники, сочинения по истории церкви, историко-статистические описания епархий, описные книги монастырей и церквей. Наряду с ними встречаются сборники самого разнообразного состава, каталоги библиотек, повести, духовные стихи, апокрифы, церковные песнопения с нотами и др.

В свое время основная часть собрания была подробно описана А. И. Никольским и труд его напечатан тремя выпусками.¹ Общее количество вошедших в это описание рукописей равняется 4065 единицам.²

Однако, кроме этих рукописей, в фондах бывшего синодального архива имеется еще свыше 1000 неописанных рукописных книг. Основная часть их относится к XVIII—XIX вв., и лишь отдельные восходят к XVII в. По содержанию эти рукописи также в большинстве своем относятся к церковно-служебным и церковно-историческим произведениям. На все

¹ А. И. Никольский. Описание рукописей, хранящихся в архиве святейшего Синода, т. I. Рукописи богослужебные. СПб., 1904; т. II, вып. 1, СПб., 1906; вып. II, СПб., 1910.

² См.: Центральный государственный исторический архив СССР в Ленинграде (ЦГИАЛ), фонд 834, описи 1—3.

имеется краткая инвентарная опись.³ Из этой группы рукописей помещаем ниже краткое описание 28 рукописных книг, которые могут представить интерес для более тщательного изучения. Рукописи располагаются в хронологическом порядке. Вслед за ними даем краткое описание 9 рукописных книг, находящихся в отдельных частных фондах архива.

1. Кормчая, 1650 г., в лист, полуустав и скоропись, 401 л., в поврежденной кожаной обложке. Содержит большое количество поправок, вынесенных на поля, часть текста вычеркнута. Типографский оригинал Кормчей, Москва, 1650 г. (Фонд 834, опись 4, № 548).

2. Служебник, XVII в., в лист, полуустав, 322 л. Переплета и начала рукописи не сохранилось. Содержит службы: на обновление храма, Воздвижению, мученику Никите, Федору Смоленскому, мученику Евстафию, преподобному Сергию Радонежскому, Иоанну Богослову, преподобному Харитону, Покрову богородицы и др. (Фонд 834, опись 4, № 1264).

3. Азбука гражданская, правлена рукою Петра Первого, 29 января 1710 г., в 4-ку, 19 стр., печатный текст с исправлениями черными чернилами, в бумажной обложке. На обороте верхней обложки резолюция Петра Первого: «Сими литеры печатать исторические и манифактурные книги, а которые подчеркнуты, тех в вышеписанных книгах не употреблять». Под резолюцией помета: «В тетради сей правление и подписание собственные руки его царского пресветлого величества прислано чрез секретаря Алексея Васильевича Макарова». На стр. 1, под текстом, внизу, надпись красными чернилами: «Дано лета господня 1710 генваря в 29 день». На внутренней стороне нижней обложки помета: «Сия тетрадь принята из приказа с роспискою февраля в 15 день 710 года». На обложке белая наклейка с названием книги и номерами: «№ 2 (зачеркнуто), 270—1276». В верхнем углу стоит «№ 268», также зачеркнутый. Кроме подлинника, имеется один экземпляр фотокопии. (Фонд 834, опись 4, № 585).

4. Летопись Нестора, список 1766 г., в лист, скоропись, 201 л., переплет дощатый, покрытый кожей. На заглавном листе запись: «История российского народа лиц и дел знаменитших с обстоятельством прочих к ним прислушающих вещей, написанная преподобным отцом нашим Нестором летописцем святопечерским в року 1073-м, а потом из имеющейся в Киевопустынно-Николаевском монастыре 1754 года ноемвриа 3 дня переписанной списана в Киево-Софийском кафедральном монастыре. Року 1766 месяца септемвриа». На обороте заглавного листа рисунок пером, изображающий Нестора летописца. Внизу заглавного и первых листов надпись: «От книг отца игумена Выдубецкого Иакова (не разобрано) по отбытии его в Успенскую Катенского монастыря церковь на поминовение отдана сия книга, писанная летопись преподобного Нестора Печерского братом его иеромонахом Геронтом, постриженцем монастыря Катенского. 1774 г. декабря 13-го». (Фонд 834, опись 4, № 583).

5. Летописец келейный Дмитрия Ростовского, XVIII в., в 4-ку, скоропись, 385 л., в дощатом кожаном переплете. (Фонд 834, опись 4, № 354).

6. Летописец келейный Дмитрия Ростовского, XVIII в., в лист, скоропись, 123 л., в картонном переплете с кожаным корешком. На первом листе внизу карандашная помета: «1890 г. апреля 3-го дня Василий Яковлев Шеин». (Фонд 834, опись 4, № 635).

7. Праздники («дванадцатые») греческого распева на четыре голоса (партитура), первой трети XVIII в., в 4-ку, скоропись, 321 л., переплет

³ ЦГИАЛ, фонд № 834, опись 4.

дощатый, покрытый кожей. На заглавном листе надпись: «Сия книга села Красного Ианновской церкви казенная». (Фонд 834, опись 4, № 228)..

8. «Иго господне благо», первой четверти XVIII в., в 4-ку, полуустав и скоропись, 807 лл., состоит из отдельных тетрадей и листов. Содержит предисловие, оглавление и 19 глав. (Фонд 834, опись 4, № 102).

9. «Иго господне благо», XVIII в., в лист, скоропись, 526 лл., в дощатом, покрытом кожей переплете. Содержит предисловие, оглавление и 19 глав. (Фонд 834, опись 4, № 103).

10. Сборник служб и житий, начала XVIII в., в 8-ку, полуустав, 146 лл., в картонном переплете. Содержит службу, сказание и чудеса мученикам Мине, Виктору, Висентию, Стефаниде. (Фонд 834, опись 4, № 94).

11. Сборник, 40-х годов XVIII в., в 4-ку, полуустав и скоропись, 258 лл., переплет дощатый, покрытый кожей, с застежками. Состав сборника: службы и стихиры Иверской иконе богородицы, молитвы Иакову Боровицкому, Слово на день явления Казанской иконы богородицы, чин коронования императрицы Елизаветы Петровны; речь Антиоха Кантемира к императрице Анне Иоанновне, сатиры и эпиграммы Кантемира, рассуждение о музыке («Что есть музыка») с нотными иллюстрациями. (Фонд 834, опись 4, № 95-а).

12. Хронограф (библейский), второй половины XVIII в., в лист, скоропись, 263 лл., в дощатом кожаном переплете. На внутренней стороне нижней крышки переплета приписка о сильном снеге с дождем и громом 29 сентября 1778 г. На первом листе помета (XIX в.) «Постельниковской церкви» и штамп: «Библиотека правильной палаты СПб синодальной типографии 14 мар. 92, № 5107». (Фонд 834, опись 4, № 582).

13. Отрывок из Патерика азбучного (гл. 4), XVIII в., в 4-ку, скоропись, 2 лл., без обложки и переплета. (Фонд 834, опись 4, № 92).

14. Месяцеслов, XVIII в., в 16-ю долю листа, текст печатный в пережку с рукописным, полуустав, 261 лл., в кожаном переплете с застежками. Приложена азбучная зрячая пасхалия. (Фонд 834, опись 4, № 239).

15. Беседа отца с сыном, 1780 г., в 4-ку, скоропись, 9 лл., без обложки и переплета. В конце рукописи приписка: «Писана сия книга 1780 года, месяца марта 13 дня». На последнем листе дважды помета латинскими буквами: «Сия книга Григория Пермякова». (Фонд 834, опись 4, № 411).

16. Поморские ответы с добавлением иноческого афонского устава, 1781 г., в лист, скоропись, 326 лл., в картонном переплете с кожаным корешком. (Фонд 834, опись 4, № 422).

17. Описная книга Московского Благовещенского собора (копия), XVIII в. (1771—1772-е годы), в лист, скоропись, 210 лл., в картонном переплете с кожаным корешком. Копия с описей 1703 и 1721 гг. (Фонд 834, опись 4, № 774).

18. «Стих умиленный», конца XVIII в., в 8-ку, полуустав, 5 лл., тетрадь без переплета, плохой сохранности. (Фонд 834, опись 4, № 134).

19. «Страсти Христовы», XIX в., в 8-ку, полуустав, 4 лл., без переплета и обложки. (Фонд 834, опись 4, № 264).

20. Житие Феодосия Тотемского и молитва ему, XIX в., в 4-ку, скоропись, 7 лл., тетрадь без обложки и переплета. На обороте последнего листа — черновые рисунки и отрывочные записи, не относящиеся к тексту. В конце рукописи надпись: «Сия тетрадь принадлежит Николаевской церкви, что в Тепринове, священнику Федору Калининскому». (Фонд 834, опись 4, № 262).

21. Сборник, начала XIX в., в 4-ку, полуустав, 54 лл., в поврежденном бумажном переплете. Содержит службу и житие Симона Юрьевец-

кого. На первом листе под верхней крышкой помета архивариуса синодального архива А. Никольского о том, что данная рукопись извлечена из дела архива VI отделения 3-го стола за 1909 г., № 8. Дело это содержит сведения о рассмотрении и отклонении Синодом ходатайства Юрьевецкой городской управы и Юрьевецкого уездного предводителя дворянства разрешить совершать церковные службы «блаженному Симону». (Фонд 834, опись 4, № 261).

22. Апокрифическое слово о сошествии Иоанна Предтечи в ад, XIX в., в 8-ку, полуулав, 14 л., тетрадь без обложки и переплета. На первых листах внизу помета разрядкой: «Тетрадка сия, как писанная с раскольнической книги, употребляема быть не может и подлежит уничтожению. Член Симбирской духовной консистории протоиерей Николай Воронцов. 1 ноября 1854 г.». В конце тетради заверка о количестве листов, подписанная исправником (фамилия неразборчива). (Фонд 834, опись 4, № 251).

23. Сборник духовных стихов, XIX в., в 8-ку, полуулав, 45 л., тетрадь в бумажной обложке, покрытой парусиной. Содержание: плач богородицы, плач Адама, стихи о смерти и мучениях грешников, плач монахини, стихи о пустыне, плач Иосифа Прекрасного, стих с началом «Ох ты, время, время злое...», стих «об иноческом житии» и др. (Фонд 834, опись 4, № 1090).

24. Сборник старообрядческих стихов, XIX в., в 8-ку, полуулав, 17 л., тетрадь без переплета. Содержит стих о последнем времени и стих «Похвала девственникам». (Фонд 834, опись 4, № 135).

25. Сборник старообрядческих стихов, XIX в., в 8-ку, полуулав, 8 л., тетрадь без переплета и обложки. Содержит «Стих о пришествии господнем», стих-плач блудного сына, «стих умиленный» некоего странника и стих о кратковременности жития. (Фонд 834, опись 4, № 133).

26. Стих-плач Иосифа Прекрасного, первой половины XIX в., в 8-ку, полуулав, 4 л., тетрадь без переплета и обложки. (Фонд 834, опись 4, № 132).

27. Обиход нотный, крюковой, первой четверти XIX в., в лист, полуулав поморского письма, 317 л., переплет дощатый, покрытый кожей, верхняя крышка переплета сломана. На заглавном листе рисунок красками и золотом поморской работы. Помета: «Книга Тихвинского старообрядческого кладбища». Штамп: «Библиотека правильной палаты СПб синодальной типографии. 29 дек. 93, № 4243». (Фонд 834, опись 4, № 229).

28. Ирмологий крюковой, начала XIX в., в 4-ку, полуулав, 332 л., переплет дощатый, покрытый кожей. На первом листе заставка — рамка с изображением Иоанна Дамаскина. Штамп: «Библиотека правильной палаты СПб синодальной типографии. 29 дек. 93 № 4242». (Фонд 834, опись 4, № 230).

Кроме этих рукописных книг, в отдельных частных фондах ЦГИАЛ хранятся следующие рукописи:

1. Сборник крюковой, первой половины XVII в., в 4-ку, полуулав, около 1000 л., без переплета. Содержит октоих, стихиры «богородичны», минею цветную и др. Штамп Московского археологического общества [Фонд 1119 (С. В. Смоленского), опись 1, № 222].

2. Русский родословец, третьей четверти XVII в., в большой лист, скоропись, 204 л., переплет дощатый, покрытый черным сафьяном. Роскошная фамильная рукопись рода князей Репниных, украшенная многочисленными заставками, написанными чернилами и золотом. Заглавие: «Родословная великих князей русских и кто от них и на которых владательствах и уделах были и каким прозванием» [Фонд 1035 (князей Репниных), опись 1, № 1].

3. Духовная и «Примирение русской церкви с римской» — сочинения Стефана Яворского, середины XVIII в., в лист, скоропись, без переплета. В рукописи, кроме того, есть эпитафия Стефану Яворскому. [Фонд 1086 (Томиловых и Шварца), опись 1, № 1229].

4. «Краткая история Петра Первого» Крекшина Петра (без начала и конца), середины XVIII в., в 4-ку, скоропись, без переплета. (Фонд 1086, опись 1, № 1172).

5. «Разговор о разных материях» Демокрита с Гераклитом, христианина с язычником и др., конца XVIII в., в 4-ку, скоропись, без переплета. (Фонд 1101, опись 1, № 163).

6. Житие и чудеса Феодосия Тотемского, 1804 г., в 4-ку, скоропись, 24 лл., без переплета. (Фонд 1101, опись 1, № 245).

7. Сборник церковных песнопений, на линейных нотах, начала XIX в., в лист, скоропись, переплет картонный с кожаным корешком. Содержит песнопения, распеваемые на литиях. (Фонд 1119, опись 1, № 58).

8. Сборник стихов, на линейных нотах, конца XVIII—начала XIX в., в лист, скоропись, переплет картонный. Четыре книги: 1) бас 1-й и 2-й, 2) тенор 1-й и 2-й, 3) альт 1-й и 2-й, 4) «дишкант» 1-й и 2-й. Содержит стихи и песни самого разнообразного характера, но преимущественно лирические. [Фонд 1109 (А. В. Преображенского), опись 1, № 177, 178, 179 и 180].

9. Сборник церковных песнопений, на линейных нотах, первой четверти XIX в., в лист, скоропись, 159 лл., переплет картонный с кожаным корешком. Содержит хвалебные и херувимские песни. (Фонд 1109, опись 1, № 181).

Н. А. МАЛЕВАНОВ

Рукописи XVI—XVIII вв. Государственного исторического архива Ленинградской области

Государственный исторический архив Ленинградской области (ГИАЛО) является одним из крупных областных хранилищ в стране, сосредоточившим у себя наряду с фондами губернских и уездных учреждений ценные материалы по истории культуры народов СССР. В основном это фонды высших учебных заведений, существовавших в Петербурге с последней трети XVIII в. до Великой Октябрьской социалистической революции: фонд Горного института, Главного педагогического института, Петроградского университета, Историко-Филологического института. Археологического института и др. Интересные сведения по ряду проблем истории культуры можно почерпнуть также в фондах различных обществ и общественных организаций XIX—начала XX вв.: Русского музыкального общества, Общества поощрения художеств, Общества востоковедения, Петроградского славянского благотворительного общества, Петроградского общества архитекторов и др.

Среди фондов ГИАЛО имеются материалы, относящиеся и к более раннему времени, главным образом монастырские фонды Кирилло-Белозерского монастыря, поступившие в архив в 1922 г., и заштатного Староладожского Николаевского монастыря.

Материалы Кирилло-Белозерского монастыря сохранились со второй половины XVI в. Более ранние документы XIV—XV вв. дошли в списках и копиях середины XVIII в. Документальные материалы фонда отражают хозяйственную, политическую и церковную деятельность монастыря почти за весь его период существования с 1397 до 1930 г.¹

Значительное место в фонде Кирилло-Белозерского монастыря занимают грамоты и акты монастырского землевладения, охватывающие период с 1397 по 1699 г.: жалованные грамоты княжеские, великокняжеские и царские, грамоты-указы, выданные по делам Кирилло-Белозерского монастыря на имя других лиц, грамоты епископские, митрополичьи и патриархии. Этот материал существенно дополняют выписки из писцовых и переписных книг на монастырские села и вотчины в Белозерском, Бежецком, Вологодском, Костромском, Пошехонском, Устюжском, Арзамасском и других уездах.

Наибольшее количество документов фонда относится к так называемому «монастырскому собору» и «житинной службе» (1599—1699 гг.). Это — книги прихода и расхода монастырской казны, отписи и расписки, книги сбора ямских и стрелецких денег на жалованье даточным людям,

¹ Богатейшее собрание рукописных книг Кирилло-Белозерского монастыря в настоящее время хранится в ГПБ.

окладные книги, тетради, записи кабальных и бескабальных долгов крестьян и слуг (за XVII в.), книги таможенных сборов на монастырской Успенской ярмарке и др.

В «житинной службе» особого внимания заслуживают «книги сбора оброчного хлеба с подмонастырных крестьян». Самая ранняя из них относится к 1599 г. Для характеристики монастырского хозяйства в XVII в. несомненный интерес представляют также «посевные тетради», книги выдачи ссудного хлеба крестьянам и слугам, книги записи пустошей, сданных под запашку подмонастырным крестьянам из четвертого снопа в период крестьянской войны начала XVII в. и польско-шведской интервенции, книги прихода и расхода монастырского хлеба.

Менее значительную группу по количеству составляют дела отъезжих служб: Вологодской (1629—1691 гг.), Холмогорской (1647—1689 гг.), Московской (1649—1697 гг.), Умбской (1677—1695 гг.). Документы служб содержат сведения о монастырских строениях, имуществе, о приходе и расходе денег и хлебных запасов, о продаже соли и вологодском «судовом ходе».

Несколько беднее представлены, главным образом книгами прихода и расхода денег, хлебных запасов и товаров на выдачу крестьянам и «промышленным людям», монастырские промыслы (усоля): Дураковское (1665—1680 гг.), Золотицкое (1638—1691 гг.), Кузерецкое (1630—1699 гг.), Лапшенское (1642—1697 гг.), Ненокоцкое (1633—1682 гг.).

Небольшая группа дел, включенных в фонд Кирилло-Белозерского монастыря, относится к приписным монастырям, находившимся в его ведении в XVII—XVIII вв.: Благовещенскому Ворбозомскому (1637—1688 гг.), Горицкому Воскресенскому девичьему (1656—1658 гг.), Никитскому (1672—1679 гг.), Нило-Сорской пустыни (1658 г.), Родионовой пустыни (1664 г.).

Кроме того, в ГИАЛО хранится коллекция рукописных книг XVIII и начала XIX столетия, насчитывающая 10 единиц. Большинство этих книг ранее принадлежало Московскому археологическому обществу, остальные — частным лицам. Ниже приводится их краткое описание.

1. Камень веры Стефана Яворского, 30-х годов XVIII в., в лист, скоропись, 748 лл. (лл. 3—4 отсутствуют), переплет дощатый, сохранилась одна медная застежка.

2. Хроника Стрыйковского, 30—40-е годы XVIII в., в лист, скоропись, 317 лл. (л. 1-й и несколько листов в конце отсутствуют), переплет бумажный. На рукописи два круглых штампа Московского археологического общества.

3. Житие Петра Первого, сочинение Петра Крекшина, XVIII в. (третья четверть), в лист, скоропись, 283 лл., переплет картонный, покрытый черной кожей. На рукописи имеются записи и пометы: 1) «Сия книга Петра Андреева, сына Михнева»; 2) «Крайне неверно писана и переписана» (обе записи — чернилами и относятся к XVIII в.); 3) «От благочинного села Тейкова священника Ивана Павлинова» — карандашом (эта же запись, но чернилами повторена на нижних полях первых 7 листов рукописи); 4) «Государь мой, батюшка Федор Федор[ович]» — чернилами. На первых двух листах рукописи штампы Московского археологического общества.

4. Сборник, конца XVIII в., в лист, скоропись, 370 лл., переплет дощатый, покрытый кожей. Содержит библейскую историю, Тропник Иннокентия папы римского, «Поучение от отца к сыну», духовную Димитрия Ростовского, слова и поучения отцов и учителей церкви (Ивана Златоуста,

Нила Великого и др.). На рукописи штампы Московского археологического общества.

5. Сборник, конца XVIII в., в лист, скоропись, 337 л., переплет дощатый, покрытый коричневой орнаментированной кожей, с двумя медными застежками. Содержит беседы Хрисанфа патриарха иерусалимского и «Камень соблазна или начало и вина раскола двух церквей восточной и западной» Ильи Минятиева. Оба сочинения — копии с печатных изданий XVIII в. В конце рукописи имеется приписка следующего содержания: «Сия книга цветник Спаской церкви Кременчуковской диакона Ефимия Савурского, подописана (sic!) октября 27 дня 1769 году, Новороссийской губернии публичным нотариусом и Кременчуковской таможи ладонным браковщиком Семеном Светушкиным».

6. Житие Андрея Пошехонского, конца XVIII в., в 4-ку, скоропись, 17 л., тетрадка, в бумажной обложке. На обложке имеются старые шифры и номера.

7. Сборник, XVIII в., в лист, скоропись, 53 л., без начала, в картонном переплете, покрытом тисненой кожей. Содержит слова и поучения отцов церкви. На обложке имеются перечеркнутые записи: «Сия книга записная ярославца, посацкого человека, Алексея Никитина, сына Дубова, приход и росход купечества: на Василье [Мизине] за хлеб 12 ал[тын] 4 деньги; у Чичерина набрано мяса на 5 алтын 2 деньги; заработал Иван Лысеев 5 алтын 2 деньги; на нем, Лысееве, заемных денег 55 алтын... денег; взял еще — дано денег 11 алтын 4 деньги. На Олексее Васильеве Крашениннике за мясо 3 алтына 2 деньги; на Василье Мизине за хлеб 12 ал[тын] 4 д[еньги]». Другие записи на четырех строках густо замазаны и неразборчивы.

8. Росписание чина, подлежащего к освещению новопостроенной церкви, XVIII в., в лист, скоропись, 4 л., без переплета.

9. Сборник (новгородский), первой трети XIX в., в лист, скоропись, 22 л., переплет картонный, конец в рукописи утерян. Содержание: Устав Софийского собора или «чиновник», переписанный, как видно из записи, по приказанию Гавриила, архиепископа новгородского и санктпетербургского в последних числах февраля 1778 г. (копия с него); хронологическая таблица, составленная по Новгородскому рукописному летописцу; выписки из Новгородского летописца, изданного в Москве в 1781 г.; выписки о постройке новгородских церквей. На отдельном листе рукописи написаны хронологические выписки из книги «Исторический и хронологический опыт о посадниках новгородских» (М., 1821 г.), чин Пещного действа и копия письма сенатора Баранова ректору новгородской семинарии, архимандриту Игнатию, от 6 июня 1827 г. Имеются два рисунка, выполненные пером, с изображением общего вида Новгорода и новгородской церкви Софии.

10. Канон княгини Софии Суздальской, 1820 г., в 8-ку, испорченный полуулав, 7 л., переплет бумажный. В конце рукописи скорописным почерком одинаковыми с рукописью чернилами помечено: «Написан с подлинника 1820 года, апреля 8 дня». На рукописи имеются старые библиотечные номера.

Н. П. ЖИНКИН

Рукописное собрание Харьковской научной библиотеки им. В. Г. Короленко

Научная библиотека им. В. Г. Короленко в Харькове хранит в своих фондах более 240 славяно-русских рукописных книг XV—XIX вв. Кроме того, в ней имеются рукописные книги и документы на иностранных языках. На большинстве рукописей нет никаких пометок или других каких-нибудь косвенных указаний на то, откуда и каким образом они попали в библиотеку. Не имеется данных и о времени их поступления сюда. Печатного описания на рукописные материалы нет, а имеющаяся краткая опись, составленная много лет назад, не сообщает никаких сведений о бывших владельцах рукописей.

По содержанию большинство рукописных книг библиотеки относится к богослужебным. Это — и самые старые книги собрания (Требник XIV в., Апостол 1456 г., «Лествица» Иоанна Лествичника 1479 г., «Беседы» Иоанна Златоуста XV в., Слова Григория Богослова XV в. и др.). Среди богослужебных рукописей следует отметить сборник творений Дионисия Ареопагита 1371 г., принадлежавший сербскому иноку Исаии. Некоторые другие богослужебные рукописи XVI—XVIII вв. представляют интерес своими заставками и инициалами. Возможно, часть культовых рукописей библиотеки ранее принадлежала Волынскому древлехранилищу, Загоровскому монастырю и Никольской Святогорской пустыни. На некоторых рукописях такие пометы имеются.

Во время Великой Отечественной войны библиотека им. В. Г. Короленко сильно пострадала от бомбардировок немецких оккупантов и от того, что очень много ценного библиотечного имущества, в том числе и рукописного, было вывезено оккупантами и не найдено до сих пор.

Библиотека принимает меры, чтобы увеличить свой рукописный фонд. В настоящее время пополнение происходит путем покупки рукописей в букинистических магазинах г. Харькова и у частных лиц.

Сообщаем ниже краткие сведения о наиболее интересных рукописных книгах библиотеки.

1. Хождение Трифона Коробейникова, XVII в., в 4-ку, 62 лл.
2. Стоглав, XVIII в., в лист, 108 лл.
3. Житие Иоанна, архиепископа новгородского, XVIII в., в 4-ку, 56 лл.
4. Келейный летописец Дмитрия Ростовского, середины XVIII в., в лист, 215 лл.
5. «Житие Петра Первого» Крекшина Петра, конца XVIII в., в 4-ку, 88 лл.
6. Разговор в царстве мертвых Петра Первого с Иваном Грозным, Карлом XII, Александром Македонским и царем Соломоном, XVIII в., в 8-ку, 256 лл. В XVIII в. принадлежала рядовым 4-й роты (Орский гарнизонный батальон) Ильинской крепости, Микешину и Бардану.

7. Духовная В. Н. Татищева, XVIII в., в 4-ку, 33 лл.
8. Путешествие из Петербурга в Москву А. Радищева, около 1790 г., в 4-ку, 324 стр.
9. «Горе от ума» А. Грибоедова, около 1830 г., в 4-ку, 181 лл. В библиотеке есть еще четыре списка.
10. Сборник стихотворений Н. Огарева, середина XIX в., в 4-ку, 182 лл.
11. Сборник стихотворений русских поэтов, 1825 г., в 4-ку, 53 лл. Содержит стихотворения Державина, Жуковского, Пушкина и др.
12. Сборник галицких народных песен, начала XIX в., в 4-ку, 744 лл. Бумага фабрики братьев Мачковых и польской фирмы «Де Славута».

Кроме того, в библиотеке хранится несколько списков с разных произведений Л. Н. Толстого, ряд гектографированных и стеклогрфированных изданий его сочинений, «Дневник» Маевского (с 1905 по 1917 г.), списки с сочинений историков Н. М. Карамзина и М. П. Погодина, писателей А. Сумарокова («Семира» и др.), В. И. Лизогуба, В. Ф. Нехая и др.

Из иностранных рукописей можно выделить «Коран» на арабском языке и сборник исторического содержания на волошском языке. Обе рукописи относятся к XVII столетию.

Л. А. ДМИТРИЕВ

Славяно-русские рукописи отдела редких книг Латвийской государственной библиотеки в Риге

В VII т. ТОДРА В. И. Малышевым были опубликованы краткие сведения о рукописях Латвийской исторической библиотеки, рижской Гребенщиковской старообрядческой общины и некоторых рижских частных собраний.¹

К указанным В. И. Малышевым в Риге собраниям в настоящее время может быть прибавлена небольшая коллекция славяно-русских рукописей Латвийской государственной библиотеки.

Латвийская государственная библиотека основана в 1919 г. В ее Отделе редких книг, наряду с собранием ценнейших печатных изданий как западноевропейских, так и русских (есть, например, «Апостол» Ивана Федорова львовской печати и экземпляр первого издания «Слова о полку Игореве»), хранится и рукописный материал. Описание латышских и западноевропейских рукописей в настоящее время подготавливается сотрудниками Отдела. Фонд славяно-русских рукописей еще не описан.

Славяно-русских рукописей в отделе имеется 23. По штампам и наклейкам на книгах можно заключить, что большинство их ранее принадлежало библиотеке Рижской духовной семинарии и местному церковно-археологическому музею.² Подавляющее число рукописей — церковно-религиозного содержания и преимущественно позднего поморского письма. Среди поздних интересны своим оформлением «Книга зеркало тайнств и конца всемирного» (XIX в.) с многочисленными миниатюрами и лицевой «Апокалипсис» (XIX в.).

Но наряду с поздними в собрании имеются и рукописи более раннего времени. Это Деяния и послания апостолов (XVI в.), Сборник слов Дионисия Ареопагита (XVI—начала XVII в.), Евангелие (XVI в.), Минея праздничная (XVI в.). Последняя рукопись имеет несколько поздних владельческих записей, в том числе конца XVIII в. о переплете рукописи: «Вновь переплетал сию книгу Трефолой ригскаго дворца крестьянин, Семен Тимофеев, сын Мастерской, 1799-го году и отделана февраля 9-го дня».

Большой интерес представляют записи на списке «Страстей Христовых» XVII в. Они показывают, как быстро иногда книга от переписчика попадала в руки потребителя. В конце этой рукописи мы читаем: «Напи-

¹ В. И. Малышев. Заметки о рукописных собраниях Ленинграда, Черновиц, Риги, Двинска и других городов. ТОДРА, т. VII, М.—Л., 1949, стр. 463, 465—466.

² О русских рукописях в бывшей Рижской епархии, в том числе семинарских и церковно-археологического музея, см.: Историко-статистическое описание церквей и приходов Рижской епархии, 5 вып. Рига, 1902; Торжество 50-летия самостоятельного существования Рижской епархии. Рига, 1901; Н. А. Лейсман. Православие в Лифляндии. Рига, 1905.

сая сия книга 198 [1690]-го году сентября в 10 день. Аще в чесом описахся, прощения прошаю. Д.—Я.—С.—С.». А на первом чистом листе книги уже сообщается о ее новом владельце: «198 [1690] сентября в 21 день преосвященный Афанасий, архиепископ колмогорский и важеский, купил сию книгу на свои архиерейские келейные денги у москвитина у Демида Яковлева, сына Серкова. А цены дал дватцат шесть алтын четыре денги».

Следует отметить также пергаменный листок, разрезанный на три части и извлеченный из переплета более поздней книги. Он записан с обеих сторон почерками разного времени. С одной стороны текст настолько стерся, что разобрать его можно лишь путем тщательной и кропотливой работы. На другой стороне содержание рукописи частично удалось прочесть. Вот этот текст:

Аплъ прркъ мчнкъ и ститель
 . . . и црца ихъ же ради насъ
 просвѣти дво спис.
 Нгда хощеть с... дити снъ твои
 бже тѣгда св
 бави на ѿ
 О прчтая дво дъ
 на твоѣ похвалениѣ
 ми подаи
 Сла оца и сна

Начертания уставных букв, а также то, что все выносные буквы еще пишутся под титлом, говорит о раннем времени написания рукописи, никак не позднее XIV в.

Кроме указанных рукописей, могут быть отмечены еще следующие рукописные книги: 1) сборник, составленный из разных рукописей XVII—XVIII вв., имеющий в своем составе «Страсти Христовы», Житие Василия Нового, Житие Кирилла и Мефодия, «Написание» Геннадия, архиепископа новгородского, о белом клобуке и другие статьи; 2) сборник сочинений Раймунда Люлия, XVIII в.; 3) Житие, чудеса и службы Зосиме и Савватию Соловецким, XVIII в.; 4) Воинский артикул (копия с печатного издания, СПб., 1717 г.).

Помимо древнерусских рукописей, в собрании имеются списки «Демона» Лермонтова и «Записки о России» Н. М. Карамзина и др.

Как видно из приведенного перечня, собрание славяно-русских рукописей Латвийской государственной библиотеки не содержит особо ценных для историков литературы материалов, но оно тем не менее заслуживает внимания исследователей и может быть небесполезно при изучении русской культуры древнейшего времени.

В. И. МАЛЫШЕВ

Сочинения протопопа Аввакума в собрании Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР

За последние шесть лет в ИРЛИ образовалось собрание древнерусских книг XIII—XIX вв., насчитывающее в настоящее время свыше двух тысяч единиц.

Основу собрания составили рукописные материалы, полученные в 1951 г. из ИМЛа. Большинство этих рукописей ранее принадлежало академику В. Н. Перетцу.¹

Второе место по числу рукописных книг занимает собрание Карельского филиала Академии наук СССР, переданное Институту по решению Президиума АН СССР в 1954 г. Карельское собрание составилось из рукописных книг, собранных местными экспедициями в Кемском, Беломорском, Пудожском и Заонежском районах Карельской автономной республики в 1940—1949 гг.²

Около трехсот рукописных книг XV—XIX вв. было собрано экспедициями Сектора древнерусской литературы ИРЛИ в селениях, расположенных в нижнем и среднем течении р. Печоры и по ее притокам, Цильме и Пижме, в 1949—1956 гг.³

В 1950 г. экспедиция Сектора древнерусской литературы привезла из низовьев р. Мезени 53 рукописные книги XVI—XX вв.⁴

Остальная часть институтского собрания образовалась из рукописей, приобретенных от ленинградских коллекционеров и собирателей других городов, а также из рукописных книг и документальных материалов, полученных в дар от В. Г. Зыкина (Сыктывкар, Коми АССР), Т. Е. Бурдина (г. Емецк Архангельской области), историков А. А. Зимина, Я. С. Лурье и других лиц.⁵

Аввакум в собрании Пушкинского Дома представлен всего семью произведениями: «Житие», «Книга бесед», «Книга толкований и нравоучений», первая и пятая челобитные к царю Алексею Михайловичу, послание боярину Андрею Плещееву и послание к сибирской «братии». Однако среди них есть такие, как, например, «Книга бесед», которая включает ряд самых различных сочинений Аввакума и только формально может считаться одним его произведением. Наряду с беседами в нее входят письма и послания Аввакума к разным лицам. В Институтском списке «Книги бесед»

¹ Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского Дома АН СССР, вып. IV. М.—Л., 1953, стр. 118—128.

² ТОДРА, т. V. М.—Л., 1947, стр. 149—158.

³ ТОДРА, т. VII. М.—Л., 1949, стр. 469—480; т. XI. М.—Л., 1955, стр. 425—439; т. XII, М.—Л., 1956, стр. 461—493.

⁴ ТОДРА, т. VIII. М.—Л., 1950, стр. 362—379.

⁵ Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского Дома АН СССР, вып. VI. М.—Л., 1956, стр. 101—102.

имеется, например, полный текст послания Аввакума к «боровским страдалцам» — боярыне Ф. П. Морозовой, княгине Е. П. Урусовой и М. Г. Даниловой. Поскольку это послание принято считать составной частью «Книги бесед», в описании оно отдельно не выделяется.

Списки Пушкинского Дома сочинений протопопа Аввакума не содержат чего-нибудь нового, ранее неизвестного в печати, но они тем не менее заслуживают внимания исследователей и могут быть использованы при критическом издании его произведений, потребность в котором назрела давно. Списки эти дают нередко более правильные чтения, чем те, которые мы знаем сейчас. Так, две выписки из «Книги бесед» и послание Аввакума к Спиридону Потемкину имеют очень исправный текст, поясняющий «темные» места старых списков. Первая челобитная Аввакума к царю Алексею Михайловичу встречается вообще очень редко в рукописях, и потому каждый новый вариант ее представляет интерес.

Заслуживает также внимания единственный известный лицевой список «Жития» Аввакума, хотя и поздний. Текст и миниатюры его написаны ярославским иконописцем А. А. Великановым, умершим несколько лет назад в Ярославле. К сожалению, «Житие» в этой рукописи обрывается на предисловии, но миниатюры рисуют жизнь Аввакума вплоть до сожжения его в Пустозерске. Очевидно, у художника был под рукой и другой какой-то список «Жития» и по нему он делал рисунки.

Следует отметить и само вступление к «Житию» в этой рукописи. Оно имеет в начале похвалу богородице и рассказ о патриархе Нестории (из «Енисейского цветника»). Ни похвалы богородице, ни рассказа о патриархе Нестории в других списках «Жития» нет. Это самостоятельное произведение Аввакума, известное в отдельных списках.⁶ Оно есть только в списках «Жития» ЦГАДА, № 899/1539,⁷ и Ярославского областного музея, № 121 (15367).

Другой список «Жития», приобретенный в 1954 г. в Ленинграде (найден в семье бывшего старообрядческого начетчика), интересен попыткой пересказать «Житие» своими словами, приблизить речь Аввакума к разговорному языку XIX в. При передаче содержания переписчик очень вольно обращается со своим оригиналом. Кстати сказать, с такой же целью сделана переработка вступления к «Книге бесед» и первой беседы в рукописи XIX в., разысканной в 1954 г. на Печоре.

При критическом издании «Жития» может оказаться бесполезным список, приобретенный в 1955 г. в деревне Скитской (на Пижме); он очень полный и исправный. В описании он помещен первым. В скитской рукописи, сразу же вслед за «Житием» Аввакума, находится его челобитная (пятая) к царю Алексею Михайловичу. В таком соседстве с «Житием» она встречается довольно часто, иногда даже не отделяемая заглавием. Есть основание предполагать, что соединение этих двух разных по характеру произведений сделано еще самим Аввакумом. Неслучайно именно эта челобитная оказалась рядом с автографом «Жития» в так называемом «Пустозерском сборнике»,⁸ правда, здесь она не является автографом. То, что на Печоре, неподалеку от Пустозерска, где писались оба произведения, обнаружен еще список «Жития» в соседстве с пятой челобитной протопопа, есть лишнее доказательство того, что соединение этих произведений принадлежит Аввакуму. Может быть, соседству с «Житием» обязана пятая челобитная, уступающая по содержанию и яркости изложения другим

⁶ Русская историческая библиотека, т. 39, Л., 1927, стлб. 689—694.

⁷ Труды Отдела древнерусской литературы, т. VIII, 1950, стр. 383.

⁸ В. Г. Дружинин и и. Памятники первых лет русского старообрядчества. Пустозерский сборник. СПб., 1914, стр. 7.

челобитным Аввакума к царю, своей популярностью в среде старообрядцев. Списков ее, как и списков «Жития», известно более четырех десятков, хотя многие тексты «Жития» и не имеют рядом этой челобитной.

Небольшая коллекция рукописных текстов сочинений Аввакума Пушкинского Дома АН СССР, образовавшаяся за последние шесть лет, наглядно говорит о том, что поиски произведений Аввакума у населения должны продолжаться. Их необходимо проводить не только в глухих деревнях Севера, но и в городах, даже в таких, как Москва, Ленинград, Ярославль, Горький, и во многих других местах, где в прошлом имелись старообрядческие центры. Как показано, даже поздние списки могут оказаться бесполезными при изучении литературной деятельности Аввакума. Если же иметь в виду, что сам Аввакум постоянно видоизменял и переделывал свои произведения, каждый из дошедших до нас списков может представлять интерес. Не исключена возможность находок и новых, еще неизвестных писаний Аввакума.

Кроме списков сочинений Аввакума, в Рукописном отделе Пушкинского Дома хранятся работы русских писателей и исследователей XIX—XX вв., посвященные Аввакуму, и самые различные материалы позднего времени, как-либо связанные с этой личностью.

Так, здесь имеется автограф стихотворения поэта А. Е. Измайлова «Раскольник Аввакум. Сказка в стихах».⁹ Стихотворение сохранилось в составе фонда Общества любителей словесности и премудрости. Оно было напечатано А. А. Веселовским в журнале «Русский библиофил» (СПб., 1912, № 4, стр. 63).

Среди бумаг В. С. Миролюбова находится автограф известной статьи А. А. Кизеветтера «Протопоп Аввакум». Сравнительно с печатным текстом рукопись содержит небольшие отступления, объясняющиеся последующей тщательной правкой автором своего труда в корректуре.¹⁰

Известно, как высоко ценил А. Блок «Житие» Аввакума. В архиве поэта в ИРЛИ есть рукописный каталог книг его личной библиотеки, составленный им самим, в котором среди других книг названо издание «Жития» Аввакума под редакцией Н. С. Тихонравова (М., 1861 г.).¹¹

В 1918 г. петроградское книгоиздательство «Огни» предполагало издать в серии «Образы прошлого» популярную брошюру о протопопе Аввакуме объемом в 8—10 печатных листов. Написание «биографической характеристики» поручалось Я. Л. Барскову. Сведения об этом несостоявшемся издании можно найти в архиве книгоиздательства «Огни».¹²

В одном из писем И. А. Гончарова к И. И. Льховскому выдающийся русский писатель цитирует Аввакума.¹³ Это пока единственное известное прямое свидетельство знакомства Гончарова с сочинениями Аввакума. О большом интересе А. Амфитеатрова к сочинениям Аввакума можно узнать из заметки В. Ф. Боцяновского о языке этого писателя.¹⁴

⁹ Журнал всех входящих и исходящих бумаг Общества любителей словесности и премудрости, шифр. 9623, LV. б., 8, лл. 92—92 об.

¹⁰ Архив В. С. Миролюбова, ф. 185, оп. 1, № 1554. Напечатана в кн.: Журнал для всех, 1904, № 5, стр. 304—311. Отдельной брошюрой издана т-вом «Донская речь» (Ростов-на-Дону, 1904, 28 стр.).

¹¹ Архив А. А. Блока, ф. № 654, оп. 1, № 388. В Пушкинском Доме хранится и само издание «Жития», М., 1861, в составе библиотеки А. А. Блока.

¹² Архив книгоиздательства «Огни», ф. 212, № 81.

¹³ Архив А. Ф. Кони, ф. 134, оп. 8, № 7. Письмо от 25/13 июня 1857 г. Напечатано: Литературный архив, т. III. Изд. ИРЛИ, М.—Л., 1951, стр. 101. См. также письмо П. И. Мельникова-Печерского к К. Н. Бестужеву-Рюмину от 24 XI 1860 о написании первым статьи «Аввакум и аввакумовщина» (Архив К. Н. Бестужева-Рюмина, № 24918, CLXXX. б. 37, л. 3).

¹⁴ Архив В. Ф. Боцяновского, фонд 439, № 2.

Пушкинскому Дому принадлежит большая часть личного архива известного археографа и историка древнерусской литературы И. А. Шляпкина. В этом архиве находится много студенческих работ, которые писались учениками Шляпкина по Петроградскому университету. В числе их три студенческих зачетных сочинения посвящены изучению жизни и литературной деятельности протопопа Аввакума:

1. Д. М. Лузгин. Язык и стиль «Жития протопопа Аввакума», 92 лл. Зачетное сочинение студента, 1915 г. В конце работы приложен словарь народных и характерных для XVII в. слов, составленный на основании «Жития» Аввакума. Оценка А. К. Бороздина — «удовлетворительно».¹⁵

2. Миротворцев Нестор. Протопоп Аввакум. 138 лл. Зачетное сочинение студента, 1915. Оценка Шляпкина — «весьма удовлетворительно».¹⁶

3. В. С. Шилов. Протопоп Аввакум и его время. 103 лл. Зачетное студенческое сочинение, 1915 г. Оценка Шляпкина «удовлетворительно».¹⁷

Ниже следует описание списков сочинений Аввакума ИРЛИ. Для удобства пользования оно построено по тематическому плану. При передаче заглавий произведений Аввакума применяется упрощенная орфография. В приложении печатаются высказывания Н. К. Михайловского, Л. В. Никулина и Е. В. Тарле о «Житии» Аввакума и описание иконографических материалов об Аввакуме Музея истории религии и атеизма Академии наук СССР в Ленинграде.

«Житие» Аввакума

1. Заглавие: «Аввакум священнопротопоп понужен бысть житие свое написати иноком Епифанием, — понеже отец ему духовной инок, — да не забвению предано дело божие; и сего ради понужен бысть отцем духовным на славу Христу богу нашему. Аминь». Начало: «Всесвятая троице, боже и содетелю всего мира! Поспеши и направи сердце мое начати с разумом и кончати дела благими». Сборник, начала XIX в., в 4-ку, поморский полуустав, 83 лл., одна заставка в красках, переплет картонный, с кожаным корешком. На полях и чистых листах рукописи имеется несколько записей и помет, в том числе: 1) крестьянина устьицемца Ивана Мяндина о чтении «Жития» в 1840 г.; 2) пажемского «поета» Венедикта Антонова о переплете рукописи в 1838 г.; 3) владельческая запись пажемца Клеона Мартыновича Носова от 1864 г. По классификации Я. Л. Барскова, текст относится к редакции А. Полный и довольно исправный список. В этом сборнике, кроме «Жития», находится челобитная Аввакума (пятая) к царю Алексею Михайловичу и «Видение» благовещенского протопопа Терентия (лл. 79 об.—82).

Печорское собрание, поступления 1955 г., № 25, лл. 2—11

2. Заглавие: «Аввакум протопоп понужден бысть житие свое написати иноком Епифанием, — понеже отец ему духовной инок, — да не забвению предано дело божие; и сего ради понужден бысть от отца духовнаго на славу Христу богу сыну божию. Аминь». Начало: «Гимна. О пресвятей и преблагославенней и славней владычице нашей богородице». Одно предисловие к «Житию». Сборник сочинений Аввакума, новейшего письма, в 4-ку, испорченный полуустав, 129 лл., переплет дощатый, покрытый кожей. Сборник написан ярославским иконописцем А. А. Великановым. Им же нарисованы в старинном стиле многочисленные заставки, инициалы, не-

¹⁵ Архив И. А. Шляпкина, ф. 341, оп. 1, № 501.

¹⁶ Архив И. А. Шляпкина, ф. 341, оп. 1, № 511.

¹⁷ Архив И. А. Шляпкина, ф. 341, оп. 1, № 592

сколько заставок-рамок и восемь миниатюр, изображающих царя Алексея Михайловича, патриарха Никона и отдельные эпизоды из жизни Аввакума.¹⁸

Текущие поступления, 1953, № 23, лл. 120—129 об.

3. Заглавие: «Выписано из книги протосингела Аввакума». Начало: «До мене бо прииде мне ища заблуждшаго. Тут показывает первое пришествие Христово и второе». Конец: «В детстве голубятник был, я де их смолоду держал, попович был. Еще после Никона чаем поправление. Так глаголет протосингел». Сборник, первого десятилетия XIX в. (бумага 1801—1806 гг.), в 4-ку, 305 лл., испорченный полуустав, переплет досчатый, покрытый кожей, с двумя медными застежками. Кроме «Жития» Аввакума, в рукописи имеются несколько слов и поучений отцов и учителей церкви: «Исповедание правой веры» дьякона Федора Иванова, «Проскинитарий» Арсения Суханова (без конца), повесть о царице и львице, повесть о Григории папе, повести из «Великого зерцала», Иерусалимского патерика и др. В XIX в. рукопись принадлежала добрянским мещанам Тихону Головлеву и Петру Тихоновичу Головлеву. Текст «Жития» в данном отрывке сильно подновлен, местами пересказан совершенно заново переписчиком современным языком, так что даже трудно сказать, какой редакцией «Жития» пользовался переписчик при переработке. Кроме того, вставлены отрывки из «Жития» Елифания.

Текущие поступления, 1954, № 22/4, лл. 61—92 об.

4. Заглавие: «Аввакум протопоп принужден житие свое написати священноиноком Елифанием; понеже он был ему отец духовный. Сице начиная Аввакум сказывати про свое житие». Начало: «Аз Аввакум протопоп сице живу и умираю. Рождение же мое в Нижегородских пределах, за Кудмою рекою, в селе Григорьеве». Отрывок из первой редакции «Жития», оканчивающийся словами: «... ночью, покиня жену и дети, по Волге, сам третий, ушел» (бегство из г. Юрьевца-Поволжского). Язык «Жития» сильно подновлен. Сборная рукопись из нескольких рукописей, первой четверти, середины и конца XIX в., в 8-ку, 79 лл., полуустав нескольких почерков, переплет картонный, с матерчатым корешком. Другие статьи рукописи богослужебные.

Печорское собрание, поступления 1956 г., № 21, лл. 1—17.

5. Заглавие: «В другом слове его же Аввакума протопоба». Начало: «Да что много говорить: аще бы не были борцы, не были бы даны быша и венцы. Кому охота венчаться: не почто ходить в Персиду, а то дома Вавилон». Конец: «Будьте они прокляты со всем замыслом своим лукавым, а страждущим от них вечная память трижды». Небольшой отрывок из редакции А. Сборник, второй половины XVIII в., в 8-ку, полуустав, переплет дощатый, покрытый кожей.

Архив журнала «Русская старина», рукопись без шифра.

«Книга бесед» Аввакума

1. Заглавие: «Книгу сию собрал от святого писания протопоп Аввакум на крестообразную ересь никонианскую и прочтя новины их». Начало: «Беседа человека грешна, человека безобразна и бесславна, человека не

¹⁸ Снимок с одной миниатюры опубликован в «Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского Дома АН СССР» (вып. VI, стр. 101).

имуща видения, ни доброты». Вступление к книге, беседы с первой по шестую, из восьмой — рассказы о Мелхиседеке и Аврааме и послание к боярыне Ф. П. Морозовой, княгине Е. П. Урусовой и М. Г. Даниловой в Борзовск (начало: «Протопоп Аввакум раб и посланник господа бога...»). Сборник сочинений Аввакума, новейшего письма.

Текущие поступления, 1953 г., № 23, лл 74—102

2. Заглавие: «Послание протопопа Аввакума». Начало: «Беседа человека грешна, человека безобразна и безславна, человека не имуща видения, ни доброты». Вступление и первая беседа в несколько сокращенном виде. Сборник, середины XVIII в., в 8-ку, поморский полуустав, 98 лл., переплет картонный, с кожаным корешком. Кроме сочинений Аввакума, в сборнике находится повесть о Корнилии Выговском (Пахомия), рассказ Корнилия о патриархе Никоне и повесть о Никоне («Видение») Димитрия Волжанина.

Мезенское собрание, поступления 1950 г., № 21, лл. 8—16.

3. Заглавие: «Послание протопопа Аввакума». Начало: «Беседа человека грешна, человека безобразна и безславна, человека не имуща видения, ни доброты». Вступление и первая беседа в несколько сокращенном виде. Сборник, начала XIX в., в 8-ку, 150 лл., поморский полуустав, переплет дощатый, покрытый черной кожей, с двумя медными застешками. В XIX в. принадлежал крестьянину Пустозерской слободки Петру Андреевичу Кожевину и галицким мещанам Семену и Елизавете Брудастовым. Кроме сочинений Аввакума, в сборнике находится повесть о Корнилии Выговском (Пахомия), рассказ Корнилия о патриархе Никоне и повесть («Видение») Димитрия Волжанина.

Печорское собрание, поступления 1956 г., № 13, лл. 11 об.—26

4. Заглавие: «Послание протопопа Аввакума о Никоне». Начало: «Послание пишет сице: человека грешна, человека безобразна и безславна, не имуща ни видения, ни доброты». Вступление и первая беседа в сокращенном виде. Язык сильно подновлен. Сборник середины XIX в., в 8-ку, полуустав, 164 лл., переплет дощатый, покрытый кожей. Кроме сочинений Аввакума, в сборнике есть следующие произведения: Повесть о Владимирском попе Тимофее, «Список миробытной истории», «Путник» Марка Топозерского, повести и сказания из «Великого зерцала», Патерика и других книг.

Печорское собрание, поступления 1954 г., № 28, лл. 131—139.

5. Без заглавия. Начало: «Колико от отец навыхоих разумети писание и да познаеши время се совершенно. Мнози глаголют от неведения божественнаго писания, яко быти антихристу». Сборник, середины XVIII в., в 8-ку.

Мезенское собрание, поступления 1950 г., № 21, лл 2—7 об

6. Без заглавия. Начало: «Колико от отец навыхоих разумети писание и да познаеши время се совершенно. Мнози глаголют от неведения божественнаго писания, яко быти антихристу во Иеросалиме». Сборник, начала XIX в.

Печорское собрание, поступления 1956 г., № 13, лл 1—11.

7. Заглавие: «Послание Аввакума протопопа о последнем антихристе». Начало: «Колико от отец навыхоих разумети и да познаеши время се со-

вершено. Многие глаголют по неведению божественнаго, что антихрист явится в настоящем Иерусалиме». Язык сильно подновлен. Сборник, середины XIX в. Этот отрывок и 5 и 6 скорее всего принадлежат Авраамью.

Печорское собрание, поступления 1954 г., № 28, лл. 121—130.

«Книга толкований и правоучений»

Заглавие: «Нравоучение». Начало: «Послушайте поучение се чады, да скажу Вам, что есть тайна христианская и како жити». Отрывок из поучения «Как нужно жить в вере?». Сборник, второй половины XVIII в., в 8-ку, полуустав.

Архив журнала «Русская старина», рукопись без шифра.

Челобитная (первая) царю Алексею Михайловичу

Заглавие: «Список челобитные отца Аввакума». Начало: «От высочайшия десницы устроенному, благочестивому государю, свету Алексею Михайловичю». Второй вид. Сборник сочинений Аввакума, XX в., новейшего письма.

Текущие поступления, 1953 г., № 23, лл. 3—11.

Челобитная (пятая) царю Алексею Михайловичу

1. Заглавие: «Сицево послание послано к царю от протопопа Аввакума с сотником 178 году ис Пустозерския темницы». Начало: «Царь государь и великий князь Алексей Михайлович, многожды писахом тебе прежде и молихом тя». Сборник, середины XVIII в.

Мезенское собрание, поступления 1950 г., № 21, лл. 16 об.—29 об.

2. Заглавие: «Сицево послание послано к царю от протопопа Аввакума с сотником 178 году ис Пустозерския темницы». Начало: «Царь государь и великий князь Алексей Михайлович, многожды писахам тебе прежде и молихом тя». Сборник, начала XIX в.

Печорское собрание, поступления 1955 г., № 25, лл. 71 об.—79.

3. Заглавие: «Сицево послание послано к царю от протопопа Аввакума с сотником 178 году ис Пустозерския темницы». Начало: «Царь государь и великий князь Алексей Михайлович, многожды писахом тебе прежде и молихом тя». Сборник, начала XIX в.

Печорское собрание, поступления 1956 г., № 13, лл. 26—47.

4. Заглавие: «Послание протопопа к царю из Пустозерския темницы». Начало: «Царь государь и великий князь Алексей Михайлович, много раз я писал к тебе прежде и просил тебя примиритися с богом и оставить отделение свое от церковнаго тела». Язык сильно подновлен. Сборник, середины XIX в.

Печорское собрание, поступления 1954 г., № 28, лл. 140—155.

5. Без заглавия. Начало: «Царь государь и великий князь Алексей Михайлович, много раз я писал к тебе прежде и просил тебя примиритися с богом и оставить отделение свое от церковнаго тела». Отрывок, заканчивающийся словами: «...мир ти и снова благословение». История Ветковской церкви, самого конца XIX в., в 4-ку, полуустав, переплет картонный, с кожаным корешком.

Мезенское собрание, поступления 1950 г., № 50, лл. 14—15 об.

Послание боярину Андрею Плещееву

Заглавие: «Против же сего многокозненного и прелеснаго послания Аввакум протопоп восписует, лсти и хулы исполненные уста заграждает и посрамляет и яко острием меча посекает вселукаваго языка глаголы. С писатель же сему авва Спиридон Потемкин. Слово 5». Начало: «Правду рекл еси, вспомянув дружество, еже по Христе, яко полезно есть». Сборник сочинений Спиридона Потемкина («Книга о правой вере»), последней четверти XVIII в. (бумага 1781 г.), в 8-ку, 27 лл., полуустав, переходящий в скоропись, переплет дощатый, покрытый кожей, с двумя медными застежками.

Текущие поступления, 1954, № 22/1, лл. 67—85 об

Послание Сибирской «братии»

Заглавие «Священнопротопопа Аввакума: писано сие с самого письма руки его». Два небольших отрывка.

I. Начало: «Наипаче в нынешнее время в нашей России сами во огонь лезут от скорби великия, ревнуя по благочестии». Конец: «Добро дело соделали, чадо Сергие, и надобно так рассуждать между собою, и блажим кончину их во веки. Аминь. А. П. писал своею рукою».

II. Начало: «Здесь братие велико ли есть дело, что во огонь посадят. Помнишь ли бы в нижегородских пределах родяся я живал». Конец: «К церкви божию почасту приходи, а не бреди со слепых в никониянскую костелу и сонмицу». Сборник, второй половины XVIII в., в 8-ку, полуустав.

Архив журнала «Русская старина», рукопись без шифра.

Для полноты сведений следует, может быть, упомянуть «Стих о Никоне протопопа Аввакума». Это стихотворение находится в старообрядческом сборнике, второй половины XVIII в., из собрания В. Н. Перетца, № 490 (старый шифр: Q.281), лл. 218 об. — 219 об. К Аввакуму, по-видимому, этот стих не имеет никакого отношения, и имя протопопа в заглавии поставлено для того, чтобы придать тексту большую достоверность и значимость. Все стихотворение выдержано в приподнято-риторическом тоне, не характерном для аввакумовских писаний, с преобладанием книжного языка и церковно-славянизмов. Никаких конкретно исторических данных в содержании нет, кроме троекратного упоминания имени Никона с ругательными эпитетами («рысучий зверь», «душевный пагубниче», «проклятый змий» и др.) и фразы: «...придем же мы во царствующий град Москву и видим лукавое суетие злых человек». Несомненно это позднее произведение, возможно, даже поморское, так как очень напоминает по стилю многие стихи, которые сочинялись в XVIII в. в Выго-Лексинском общежительстве.¹⁹

¹⁹ В связи с этим «стихотворением Аввакума» хочу обратить внимание еще на одну вещь, связываемую с именем знаменитого писателя XVII в. В Музее истории религии и атеизма АН СССР есть небольшой крест из красной меди (размер 10 × 16 см), по виду как бы очень стертый от долгого употребления и напоминающий по рисунку кресты XVI—XVII вв. (шифр: А 3225). На оборотной стороне его имеются две следующие надписи старинным полууставом и скорописью первой половины XVIII в.: 1) рельефный текст полууставом — «А: В царствующем граде Москве ЗРМ [1632]»; 2) гравированная надпись — «Сей крест господеи бе у страсготерпца Аввакума протопопа во изгнании в Пустозерске. По сожжении же святого взят бысть стрельцом и хранися честно. Аз же смиренный Андрей Дионисев сын Вторушии с сущими в Москве 7223 [1715] лета стяжах и за мало нечто у сына стрельца того и принесох во обитель

Есть еще литографированное издание, возможно купца Безводина, двух отрывков из посланий Аввакума к неизвестным лицам. Это тетрадка из шести листов, в серой бумажной обложке. Время издания — конец XIX в. Сочинения имеют общее заглавие: «Послания отца Аввакума протопопа к христианам из темницы». Тексты напечатаны по рукописи ГПБ, F.XVII.31. Оба отрывка опубликованы.²⁰

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Писатели и ученые о «Житии» Аввакума

В VIII и IX тт. ТОДРА мы опубликовали высказывания русских писателей и общественных деятелей о «Житии» Аввакума. Ниже приводится оценка «Жития» Н. К. Михайловским, писателем Л. В. Никулиным и академиком Е. В. Тарле.

Н. К. Михайловский.

«„Житие“ есть превосходное в своем роде произведение. Чуждая нашему времени речь, испещренная, вдобавок, грубыми и до последней степени наивными выражениями, мешает оценить степень „жемчужности“, художественной красоты „Жития“, но всякий признает, что Аввакум владел пером».

Ник. Михайловский. Литература и жизнь. Русская мысль, 1892, № 5, стр. 139—140.

Л. В. Никулин.

«В 1862 году был опубликован исторический документ, можно сказать — подлинное художественное литературное произведение допетровской Руси, „Житие Аввакума“, одного из столпов „старой веры“».

Лев Никулин. Федор Шаляпин. Очерки жизни и творчества. Изд. «Искусство», М., 1954, стр. 70.

Е. В. Тарле.

«Получил новое издание (Academia) протопопа Аввакума²¹ и снова хочу его перечитать. Какой дивный язык у этого яркого психопата и какой героизм. Пушкин бы его оценил. Среди казенных попов таких молодцов почти не было (Арсений? Беллюстин? Никанор одесский? Во всяком случае их было мало). И из-за какой махровой ерунды они препирались... А я Аввакума даже люблю, — особенно за стиль и язык».

Из письма Е. В. Тарле к Н. В. Короленко-Ляхович. Личный архив С. К. Ляхович. Указано А. В. Храбровицким.

2. Аввакум в изобразительном искусстве

В X т. ТОДРА нами было опубликовано описание изобразительных материалов об Аввакуме. Во время подготовки и печатания той работы большие иконографические фонды Музея истории религии и атеизма Ака-

нашу на вечное поклонение. Аминь». Однако и сама отливка креста, и сам способ гравирования, методом травления, говорят о более позднем его происхождении, возможно, даже в конце XIX в. Вероятно, в XVIII—XIX вв. старообрядцы нередко использовали имя протопопа Аввакума в практических целях.

²⁰ А. К. Бороzdнн. Протопоп Аввакум. Изд. 2, СПб., 1900, «Приложение», стр. 31—34, №№ 12—13.

²¹ Имеется в виду книга: «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное и другие его сочинения». Редакция, вступительная статья и комментарий Н. К. Гудзия. Изд. «Academia», [М., 1934].

демии наук СССР не были еще целиком разобраны после передачи их из Москвы. Вследствие этого часть изобразительных материалов об Аввакуме музея не могла быть мной обследована и описана.

В настоящее время представляется возможность исправить некоторые неточности, содержащиеся в моей статье 1954 г., и дополнить статью новыми материалами.

В статье было указано, что местонахождение картины П. Е. Мясоедова «Сожжение протопопа Аввакума в Пустозерске» не известно. Как выяснилось, она находится в Музее и сейчас выставлена для обозрения в разделе «Старообрядчество XVII в.». Кроме того, в Музее истории религии и атеизма АН СССР имеются еще следующие иконографические материалы об Аввакуме:

1. Неизвестный мастер. **Протопоп Аввакум.** Икона, новейшего письма. Дерево, яичные краски.

Поясное изображение Аввакума, с книгой и раскрытым свитком в руке.

2. Неизвестный мастер. **Протопоп Аввакум.** Икона, новейшего письма. Дерево, яичные краски.

Поясное изображение Аввакума, с книгой и раскрытым свитком в руке. Мастер тот же, что и предыдущей иконы.

3. Б. В. Шергин. **Протопоп Аввакум.** Миниатюра, написанная в старинной манере. Бумага, акварель. Фотография.

Аввакум изображен сидящим за столом с раскрытой книгой и свернутым свитком в руке.

4. **Сожжение Аввакума и его единомышленников в Пустозерске.** Миниатюра, новейшего письма, исполненная в старинной манере. Бумага, акварель. По-видимому, также работы Б. В. Шергина. В ней использованы детали названной выше картины П. Е. Мясоедова. Фотография.

5. Неизвестный рисовальщик. **Аввакум в палате у Никона. Четыре рисунка** (иллюстрации к стихотворению «Легенда о протопопе Аввакуме»), новейшего письма. Бумага, акварель.

Воспроизведения: Исторический сборник «Три века». Под редакцией В. В. Каалаша, т. II, М., 1912, стр. 48.

По сведениям, полученным мной от молотовского ученого-краеведа А. К. Шарца, в деревне Липы Сивинского района Молотовской области, у местного крестьянина Быкова Семена Потаповича (по местному прозвищу «Симоха»), в 30-х годах имелась старая икона протопопа Аввакума. Иконописное изображение Аввакума имелось также в Харбинской старообрядческой церкви у священника Иоанна Кудрина (как сообщил нам хабаровский писатель В. Н. Иванов).

Во время печатания статьи в собрание Пушкинского Дома АН СССР поступили две рукописи с сочинениями протопопа Аввакума:

1. Сборник, XVIII в. (третья четверть). Содержит: челобитную (пятую) Аввакума царю Алексею Михайловичу, письмо Маремьяне Федоровне, выписки из «Книги бесед» (главы первой, второй, третьей, четвертой), послания «всем горемыкам» в Москву, выписки из обращения к Симону в «Книге толкований и нравоучений» и челобитной царю Федору Алексеевичу (Поступления 1957 г., № 14/4).

2. Сборник, конца XIX в. Содержит челобитную (пятую) Аввакума царю Алексею Михайловичу. (Поступления 1957 г., № 14/13).

Е. С. РАДЧЕНКО

Славяно-русские старопечатные книги в Государственной публичной исторической библиотеке в Москве

В Отделе редких книг Государственной публичной исторической библиотеки (Москва) имеется коллекция славяно-русской старопечатной книги (кирилловской печати), насчитывающая 743 экземпляра (около 500 названий) и охватывающая период времени от 1564 г. до начала XIX в.

Собрание коллекции было начато с момента организации Государственной публичной исторической библиотеки в 1938 г. Основу собрания составили старопечатные книги из неразобранного фонда Библиотеки ГИМа. Пополнение затем продолжалось и ведется до сих пор путем обмена с другими книгохранилищами и приобретений у частных лиц. Здесь хранятся старопечатные книги, входившие ранее в собрания П. В. Киреевского, И. Е. Забелина, А. Уварова, Н. Н. Бирукова, Бобринского, библиотеки Рязанского архиерейского дома, библиотеки Чудова монастыря и др.

Книг XVI в. в коллекции насчитывается 15, XVII в. — 367, XVIII в. — 343, XIX в. — 22. По месту издания они распределяются так: Москва — 512, Петербург — 49, Киев — 81, Чернигов — 13, Могилев — 7, Кутейна — 5, Львов — 11, Уневский монастырь — 3, Острог — 5, Евью — 3. Есть книги, напечатанные в типографиях Заблудовья, Рахманова, Дермани, Крилоса, Иверского монастыря и Новгород-Северского. Старообрядческие издания представлены книгами, вышедшим из типографий: Супрасли (18), Клинцов (14), Почаева (14), Вильны (5), Гродно (1), Янова (1). Кроме того, имеются издания славянских типографий Венеции, Терговищ, Вены, Ясс, Гале.

Гордостью собрания является экземпляр Апостола (Деяния Апостольския), напечатанного в 1564 г. Иваном Федоровым. Книга имеет деревянный переплет, покрытый кожей. Сохранность экземпляра средняя. По листам мало разборчивая запись: «В лето 1591 месяца апреля 25 дня на отчизном имени. . . Петр Григорьев. . .»; от 1647—1648 г. сохранились две пометы о продаже книги: «155 [1647] мая в 3 день продал сию книгу Апостол Осташковец Иван Иванов сын Щетинников попу Михаилу Стефанову Тверитину, а подписал я, Иван, своею рукою зачисто»; «156 [1648] июня в 27 день продал сию книгу Апостол поп Михаил Стефанов сын Тверитин».

В коллекции находится также Евангелие учительное, изданное Иваном Федоровым в 1569 г. в Заблудовье. Экземпляр полный, хорошей сохранности. Есть «Деяния Апостольския», напечатанные Иваном Федоровым в 1574 г. во Львове. К сожалению, книга не имеет известного послесловия, в котором печатник XVI в. описывает историю организации типогра-

фии в Москве, причину ухода из Москвы, работу в Заблудовье и переход во Львов.

Острожский период деятельности Ивана Федорова представлен Новым Заветом и Библией 1580—1581 гг. Экземпляр Нового Завета не имеет титульного листа и двух листов в начале; хорошо сохранился последний лист с послесловием и типографской маркой печатника. В книгу вплетены 7 миниатюр тонкой ручной работы в красках с изображением евангелистов и царя Давида. Переплет заключен в медный, посеребренный оклад чеканной работы конца XVIII в. Библия имеется в двух экземплярах, оба дефектные. Выход на одной книге указан 12 июля 1580 г. Оба экземпляра с большим количеством различных надписей, относящихся к тексту. Часть из них писана латынью и красными чернилами. На форзаце одного экземпляра есть владельческая запись крестьянки Владимирской губернии. Другой экземпляр из собрания Н. Н. Бирукова. Из львовских изданий XVI в., вышедших после смерти Ивана Федорова, следует отметить «Грамматику» 1591 г. (первое издание типографии Львовского братства).

В 1598 г. в Остроге вышли две книги, копировавшие шрифт Библии Ивана Федорова: Псалтырь и Послания Мелетия Александрийского. В вышедшей в Остроге в 1594 г. книге Василия Великого «О постничестве» использован шрифт Ивана Федорова. Все 3 книги имеются в библиотеке.

Из изданий типографии Мамоничей, оборудованной Петром Мстиславцем после его ухода из Заблудовья, в коллекции имеются «Деяния апостольские» 1591 г. и Евангелие учительное 1595 г. Экземпляр Апостола дефектный, не имеет ни посвящения воеводе Теодору Скумину, ни послесловия. На Евангелии есть вкладная запись 1631 г.: «Положил сию книгу святую, глаголемую Евангелие учительное, Соловецкого монастыря игумен Макарий, лета 7139 [1631] и никому тое святыя книги ни продать, ни заложить».

Из изданий московских учеников Федорова в коллекции находится Октоих 1594 г. работы Андроника Тимофеевича Невежи. По листам книги скрепа «Сия книга Кандалашского монастыря» и запись о продаже.

Среди старопечатных книг XVI в. отметим Молитвенник, изданный в Венеции в 1570 г. Экземпляр принадлежал Н. Н. Бирукову. Время правления царя Бориса Годунова отражено в нашей коллекции одним лишь изданием — Служебником 1602 г. работы мастера Андроника Тимофеевича Невежи.

При Василии Шуйском среди московских печатников появляется новый мастер — Онисим Михайлович Радишевский, «Волынец», как он сам себя именует. В коллекции имеются две книги этого мастера: Евангелие 1606 г. и Устав 1610 г. «Устав сиречь око церковное» Радишевского в 1633 г. указом патриарха Филарета предписывалось отбирать во всех церквях и монастырях и свозить в Москву для сожжения на том основании, что печатал его «вор, бражник, чернец Логин. . . не по апостольскому и не по отеческому преданию своим самовольством».

Настроение настороженности и недоверие к религиозным учениям, идущим с Запада, отразилось и на таком интересном памятнике, как «Потребник иноческий» 1639 г. В нем, в главе «Соборное изложение», от лица Филарета Никитича Романова изложена история его посылки в Польшу (посольство к Сигизмунду), воцарения Лжедмитрия, обрисованы бытовые условия жизни белорусского населения и чинимые ему религиозные притеснения. Раздельная пагинация этого издания, многочисленные типографские поправки в ней, неоднородность в составе различных экземпляров свидетельствуют о том, что эта книга была в свое

время подвергнута изменениям. На имеющихся в библиотеке экземплярах сохранился ряд владельческих надписей: «Се аз государя своего боярина Иоанна Федоровича Болтина крестьянин»; «Лета 7190 [1681] подписал троицкой поп Фома»; «Сия книга Потребник Исая Ермолаева, сына Голубина, благословение отца» и др.

К 40-м годам XVII в. относятся три книги нашей коллекции, знаменующие появление в Москве светской печати. Это — «Грамматика» Мелетия Смотрицкого, 1648 г. (экземпляр П. Бабаева),¹ Учение и хитрость ратного строения пехотных людей, напечатанное в 1647, а выпущенное в 1649 г., и Уложение царя Алексея Михайловича, 1649 г. На переплете одного из экземпляров воинского Устава — герб Московского печатного двора. На другом есть запись: «сия книга, глаголемая старой военной артикул, пехотного строения Федор Андреича, сына Бунина, а подписал он своею рукою впредь для ведома 1712 г. 23 июня». В надписях, встречающихся на экземплярах «Уложения», эта книга носит название «Судебник».

Из книг, напечатанных в защиту церковной реформы Никона, укажем три: Кормчая 1653 г., Служебник 1655 г. и Скрижаль 1656 г. Все они характеризуются тем, что, сверх обычного состава, принятого в этих книгах, они включают ряд дополнительных статей, направленных на укрепление позиций Никона. На экземпляре Скрижали нашей коллекции имеется интересная надпись: «Сия книга царевича государя учителя Никифора Кондратьевича Вяземского, а подписана 709 [1709] году сентября дня 5, а куплена у некоего книгопродавца, а подписал сын его большей Андрей, по повелению своих родителей». Дальше эта надпись повторена на немецком языке.

Из книг киевской типографии могут быть названы: «Мир с богом» Иннокентия Гизеля, 1669 г.; «Трубы словес проповедных» Лазаря Барановича, 1670 г.; «Меч духовный» его же, 1666 г. Книги эти имели широкое распространение, о чем свидетельствуют и надписи на экземплярах библиотечной коллекции: «Сия книга, глаголемая Меч духовный, еже есть из глагол божиих... слободы крестьянина Афанасия Макеева сына Гибалина, 1690 года месяца октября»; «Сия книга, глаголемая Труба, архангельского попа Иоанна Георгиева келейная» и др.

В коллекции библиотеки хранятся два экземпляра 3-го издания (1680 г.) Синописа Иннокентия Гизеля. Один из экземпляров имеет после титульного листа гравюру с изображением государственного герба с портретом Федора Алексеевича в центре; кругом герба — начальные буквы царского титула.

В библиотеке имеются почти все прижизненные издания сочинений Симеона Полоцкого: «Жезл правления», «Псалтирь», «Обед душевный», «Вечеря душевная», «Повесть о Варлааме и Иоасафе». На некоторых экземплярах изданий Симеона Полоцкого сохранились надписи: «1747 году сентября 25 дня сия книга, называемая Обед, куплена на Спасском мосту Григорием Тимофеевым, дана 4 рубля 50 копеек», или запись-скрепа: «Сия книга, глаголемая История преподобных отец наших Варлаама Иоасафа, а кто сию книгу похитит или продаст, а подписание выскребет да будет проклят... а подписал есмь аз старец Михаил Бакшеев», или: Сия книга Рязанской семинарии священной библиотеки проповедана конционатором Симеоном иеромонахом Полотским. Сие сокровище духовное очень презрядное» — на книге «Вечеря душевная».

¹ Первое издание этой «Грамматики» (Евью, 1619 г.) также имеется в собрании библиотеки.

Среди книг второй половины XVII в. заслуживает также внимания небольшая книжка, как бы превосходящая своим назначением и оформлением деловую книгу Петровского времени. Это изданное в 1682 г. счетные таблицы под названием «Считание удобное, которым всяк человек, купующий или продающий зело удобно изыскать может число всякия вещи». На книге есть надпись: «Сия книга именитого человека Григория Дмитриевича Строганова, человека ево Василия Иванова, сына Истомина, а подписал сам своею рукою а буди кто восмет... буди тот человек заповедан богом во веки веков. Аминь...». Из руководств и учебников, изданных в конце XVII и первых годах XVIII в., отметим: Букварь Карiona Истомина, издание 1694 г.; Букварь и Словарь Федора Поликарпова, издания 1701 и 1704 гг.; Арифметику Магницкого 1703 г. Экземпляр Букваря Карiona Истомина не имеет последнего листа с «обращением благодарственным». Книга принадлежала Ф. Ф. Шуберту, имеет экслибрис библиотеки Бобринского. На одном экземпляре букваря Федора Поликарпова есть такая запись: «Сия книга, глаголемая Букварь, сиречь младым детям учение азбука славянска и греческа и латинска посадцкого человека Осиф Матвеева, подписал своею рукою». Буквари Федора Поликарпова нашей коллекции принадлежали ранее И. Е. Забелину и М. И. Соколову. Укажем одну надпись на экземпляре «Арифметики»: «Сия книга Арифметика школы математической ученика Петра Малкова, а дана сия книга 1715 году». В 1812 г. за эту книгу было уплачено десять рублей серебром.

Таковы наиболее ценные экземпляры из собрания старопечатных книг Государственной публичной исторической библиотеки. Конечно, мы называли здесь далеко не все то, что могло бы вызвать интерес у исследователей, особенно у тех, кто занимается изучением истории славяно-кирилловского книгопечатания: объем краткой информационной статьи заставил, например, отказаться совсем от характеристики книг, напечатанных в XVIII—XIX вв. Для пожелавших бы более подробно познакомиться с содержанием нашего собрания сообщаем, что основная часть коллекции уже обработана, т. е. составлено подробное научное описание большинства книг, имеется обзор всей коллекции в целом. Кроме того, составлен каталог надписей на книгах, проделана большая работа по составлению материалов для словаря терминов, хронологических дат и собственных имен, связанных с историей славяно-кирилловского книгопечатания. В каталоге записей на книгах имеется 102 надписи, из которых одна относится к XVI в. и 38 — к XVII в. Среди владельцев книг XVI—XVIII вв. 11 человек были крестьяне, 4 посадских человека, 6 купцов, 31 представитель духовенства и 19 человек людей самых различных социальных групп и профессий.

Историки русской культуры редко обращаются к нашему богатейшему собранию, хотя в нем имеется много ценных экземпляров. Происходит это потому, что оно до сих пор еще почти неизвестно широкому кругу специалистов.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список книг кирилловской печати XVI—XVII вв. Государственной публичной исторической библиотеки в Москве

1. Деяния апостольские, Ивана Федорова. М., 1564.
2. Евангелие учительное, Ивана Федорова и Петра Мстиславца. Забудовье, 1569.
3. Молитвенник. Венеция, 1570.
4. Деяния апостольские, Ивана Федорова. Львов, 1574.

5. Новый Завет с Псалтырью, Ивана Федорова. Острог, 1580.
6. Библия, Ивана Федорова. Острог, 1581.
7. Грамматика еллино-словенского языка. Львов, 1591.
8. Книга о постничестве Василия Великого. Острог, 1594.
9. Псалтырь с воследованием. Острог, 1598.
10. Послания Мелетия Александрийского. Острог, 1598.
11. Деяния апостольские, типография Мамоничей. Вильно, 1576—1590.
12. Деяния апостольские, типография Мамоничей. Вильно, 1591.
13. Евангелие толковое, типография Мамоничей. Вильно, 1595.
14. Октоих, Андроника Тимофеева Невежи. М., 1594.
15. Деяния апостольские, Андроника Тимофеева Невежи. М., 1597.
16. Служебник, Андроника Тимофеева Невежи. М., 1602.
17. Евангелие напрестольное, Анисима Михайлова Радищевского. М., 1606.
18. Триодь постная, Ивана Андроникова Тимофеева, М., 1607.
19. Минея служебная, месяц сентябрь, Ивана Андроникова Тимофеева. М., 1608.
20. Устав, Анисима Михайлова Радищевского. М., 1610.
21. Октоих, Никиты Федорова Фофанова и Петра Васильева Федыгина. М., 1618.
22. Евангелие напрестольное. М., 1619.
23. Минея, сентябрь. М., 1619.
24. Минея, декабрь. М., 1621.
25. Минея, февраль. М., 1623.
26. Минея, ноябрь. М., 1623.
27. Минея, март. М., 1624.
28. Минея, май. М., 1626.
29. Служебник. М., 1627.
30. Минея, июнь. М., 1627.
31. Евангелие напрестольное. М., 1627.
32. Минея, июль. М., 1629.
33. Служебник. М., 1630.
34. Минея, август. М., 1630.
35. Октоих. М., 1631.
36. Минея общая. М., 1632.
37. Устав. М., 1633.
38. Евангелие учительное. М., 1633.
39. Потребник. М., 1633.
40. Псалтырь. М., 1634.
41. Часовник. М., 1634.
42. Псалтырь с воследованием. М., 1636.
43. Деяния апостольские. М., 1635.
44. Триодь постная. М., 1636.
45. Минея, декабрь. М., 1636.
46. Минея, сентябрь, Василия Бурцева. М., 1636.
47. Канонник. М., 1636.
48. Евангелие напрестольное. М., 1637.
49. Азбука, Василия Бурцева. М., 1637.
50. Трефолой, март—май. М., 1638.
51. Евангелие учительное, Василия Бурцева. М., 1639.
52. Потребник иноческий. М., 1639.
53. Потребник мирской. М., 1639.
54. Евангелие напрестольное. М., 1640.
55. Канонник, Василия Бурцева. М., 1641.
56. Устав. М., 1641.
57. Триодь постная. М., 1642.
58. Маргарит. М., 1642.
59. Соборник. М., 1642.
60. Пролог, декабрь—август. М., 1643.
61. Минея, сентябрь. М., 1644.
62. Минея, январь. М., 1644.
63. Деяния апостольские. М., 1644.
64. Евангелие напрестольное. М., 1644.
65. Минея, апрель. М., 1645.
66. Минея, сентябрь. М., 1645.
67. Минея, октябрь. М., 1645.
68. Минея, ноябрь. М., 1645.
69. Минея, декабрь. М., 1645.
70. Минея, март. М., 1645.
71. Минея, апрель. М., 1645.
72. Минея, февраль. М., 1646.

73. Минея, май. М., 1646.
74. Минея, июнь. М., 1646.
75. Минея, июль. М., 1646.
76. Минея, август. М., 1646.
77. Служебник. М., 1646.
78. Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. М., 1647.
79. Святцы. М., 1647.
80. Поучения Ефрема Сирина. М., 1647.
81. Лествица Иоанна Лествичника. М., 1647.
82. Псалтырь. М., 1647.
83. Соборник. М., 1647.
84. Триодь цветная. М., 1648.
85. Святцы. М., 1648.
86. Триодь цветная. М., 1648.
87. Евангелие с предисловием Феофилакта Болгарского. М., 1649.
88. Уложение царя Алексея Михайловича. М., 1649.
89. Деяния апостольские. М., 1648.
90. Грамматика славенская Мелетия Смотрицкого. М., 1648.
91. Октоих. М., 1649.
92. Триодь постная. М., 1650.
93. Служебник. М., 1651.
94. Евангелие напрестольное. М., 1651.
95. Псалтырь с воследованием. М., 1651.
96. Потребник. М., 1651.
97. Служебник. М., 1652.
98. Евангелие учительное. М., 1652
99. Часослов. М., 1652.
100. Поучения Ефрема Сирина и аввы Дорофея. М., 1652.
101. Часослов. М., 1653.
102. Кормчая. М., 1653.
103. Евангелие напрестольное. М., 1654 (?)
104. Служебник. М., 1655.
105. Служебник. М., 1657.
106. Скрижаль. М., 1656.
107. Пентикостарион. М., 1660.
108. Анфологюн. М., 1660.
109. Пролог, декабрь—март. М., 1661.
110. Минея общая. М., 1663.
111. Библия. М., 1663.
112. Книга о священстве Иоанна Златоуста. М., 1664.
113. Книги великих пастырей церковных. М., 1665.
114. Беседы на Евангелие от Матвея (чч. 1 и 2) Иоанна Златоуста. М., 1664.
115. Беседы на Евангелие от Иоанна Златоуста. М., 1665.
116. Октоих. М., 1666.
117. Минея, сентябрь—ноябрь. М., 1666.
118. Поучения Ефрема Сирина. М., 1667.
119. Евангелие. М., 1668.
120. Пролог, сентябрь—март. М., 1675.
121. Извещение чудесе о сложении перстов. М., 1677.
122. Псалтырь Симеона Полоцкого. М., 1680.
123. Тестамент Василия царя греческого. М., 1680.
124. Вопросы и ответы Афанасия, архиепископа александрийского. М., б. г. (бумага 1680).
125. Обед душевный Симеона Полоцкого. М., 1681.
126. Повесть о Варлааме и о Иоасафе. М., 1681.
127. Евангелие учительное. М., 1681.
128. Читание удобное. М., 1682.
129. Увет духовный Иоакима, патриарха московского. М., 1682.
130. Вечера душевная Симеона Полоцкого. М., 1683.
131. Пролог, сентябрь—февраль. М., 1685.
132. Пролог, март—август. М., 1685.
133. Евангелие. М., 1685.
134. Минея, июнь. М., 1693.
135. Букварь словесно-российских письмен, Кариона Истомина. М., 1694.
136. Устав. М., 1695.
137. Православное исповедание веры Петра Могилы. М., 1696.
138. Службы, житие и чудеса Николая Мерликийского. М., 1699.
139. Синодик или помянник. М., 1700.

140. Поучения Ефрема Сирина. М., 1701.
141. Евангелие. М., 1701
142. Букварь Федора Поликарпова. М., 1701.
143. Новый Завет. М., 1702.
144. Арифметика Леонтия Магницкого. М., 1703.
145. Евангелие на престольное. М., 1703.
146. Таблицы логарифмов (А. Фархварсон, С. Гвина и Л. Магницкой). М., 1703.
147. Лексикон трехязычный Федора Поликарпова. М., 1704.
148. Беседы Иоанна Златоуста, типография Киево-Печерской лавры. Киев,² 1623.
149. Беседы на Деяния апостольские Иоанна Златоуста, типография КПЛ. Киев, 1624.
150. Номоканон, типография КПЛ. Киев, 1624.
151. Толкование на апокалипсис Андрея Кесарийского, типография КПЛ, Киев, 1625.
152. Лексикон славеноросский Павлы Беринды, типография КПЛ, Киев, 1627.
153. Лимонарь Сафрония, патриарха иерусалимского, типография Спиридона Соболя, Киев, 1628.
154. Поучения аввы Дорофея, типография КПЛ. Киев, 1628.
155. Литургиарийон, типография КПЛ. Киев, 1629.
156. Евангелие учительное, типография КПЛ. Киев, 1637.
157. Евхологон Петра Могилы, типография КПЛ. Киев, 1646.
158. Новый Завет с Псалтырью, типография КПЛ. Киев, 1658.
159. Ключ разумения Иоанникия Галятовского, типография КПЛ. Киев, 1660.
160. Киево-Печерский патерик, типография КПЛ. Киев, 1661.
161. Меч духовный Лазаря Барановича, типография КПЛ. Киев, 1666.
162. Выклад о церкви святой, типография КПЛ. Киев, 1668.
163. Мессия правдивый Иоанникия Галятовского, типография КПЛ. Киев, 1669.
164. Мир с богом человеку, Иннокентия Гизеля, типография КПЛ. Киев, 1669.
165. Трубы словес проповедник Лазаря Барановича, типография КПЛ. Киев, 1674.
166. Огородок Марии богородицы Антония Радивилового, типография КПЛ. Киев, 1676.
167. Пречестные акафисты всеседмичные, типография КПЛ. Киев, 1677.
168. Киево-Печерский патерик, типография КПЛ. Киев, 1678.
169. Синописис Иннокентия Гизеля, типография КПЛ. Киев, 1680.
170. Четьи Миней Дмитрия Ростовского, сентябрь—ноябрь, типография КПЛ. Киев, 1689.
171. Новый Завет с Псалтырью, типография КПЛ. Киев, 1692.
172. Четьи Миней Дмитрия Ростовского, декабрь—февраль, типография КПЛ. Киев, 1695.
173. Каноны пресвятой Богородицы Иоанна Дамаскина, типография КПЛ. Киев, 1697.
174. Четьи-Миней Дмитрия Ростовского, март—май, типография КПЛ. Киев, 1700.
175. Новый Завет, типография КПЛ. Киев, 1703.
176. Четьи-Миней Дмитрия Ростовского, июнь—август, типография КПЛ. Киев, 1705.
177. Ифика иерополитика, типография КПЛ. Киев, 1712.
178. Руно орошенное Дмитрия Ростовского, типография Троице-Ильинского монастыря,³ Чернигов, 1691.
179. Руно орошенное Дмитрия Ростовского, типография ТИМ. Чернигов, 1696.
180. Богородице дево Иоанна Максимовича, типография ТИМ. Чернигов. 1707.
181. Феатрон Иоанна Максимовича, типография ТИМ. Чернигов. 1708.
182. Анфологион. Новгород-Северский, 1678.
183. Перло многоценное Кирилла Транквиллиона, типография Михаила Вошанки. Могилев, 1699.
184. Небо новое Иоанникия Галятовского, типография Михаила Вошанки. Могилев, 1699.
185. Часовник. Могилев, 1701.
186. Часовник, типография Спиридона Соболя. Кутейна, 1632.
187. Повесть о Варлааме и о Иоасафе, типография монастыря Кутейнского. Кутейна, 1637.
188. Новый Завет о Псалтырью, типография монастыря Кутейнского. Кутейна, 1652.
189. Лексикон славеноросский Памвы Беринды, типография монастыря Кутейнского. Кутейна, 1653.
190. Рай мыслений, типография Иверского Валдайского монастыря. 1659.
191. Анфологион. Львов 1632.
192. Деяния апостольские, типография Михаила Слѣзки. Львов 1639.
193. Троиць цветная, типография Михаила Слѣзки. Львов, 1642.
194. Небо новое Иоанникия Галятовского, типография Михаила Слѣзки. Львов, 1665(?).

² В дальнейшем: КПЛ.

³ В дальнейшем: ТИМ.

195. Молитвы повседневные, типография братства Святодуховского монастыря в Вильно. Евью, 1611.
 196. Новый Завет с Псалтырью, типография братства Святодуховского монастыря. Евью, 1611.
 197. Грамматика Мелетия Смотрицкого, типография братства Святодуховского монастыря. Евью, 1619.
 198. Зерцало Богословия Кирилла Транквиллиона, типография Уневского монастыря. 1692.
 199. Евангелие учительное Кирилла Транквиллиона, типография Уневского монастыря. 1696.
 200. Евангелие учительное Кирилла Транквиллиона. Рахманов, 1619.
 201. Евангелие учительное, типография Гедеона Балабана. Криос, 1606.
-

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

И. ДУЙЧЕВ

Изучение в Болгарии древнеславянской и древнеболгарской литературы за 1945—1955 гг.¹

Для болгарского ученого изучение древнеславянской и, в частности, древнеболгарской литературы является научно-исследовательской задачей первостепенной важности. В течение десятилетия, с 1945 по 1955 г., были опубликованы книги и статьи, явившиеся значительным вкладом в этой области. Одни из них дают новые материалы, другие намечают пути к решению основных проблем истории литературы или представляют собой обобщения прежних исследований. Внимание болгарских ученых направлено в основном на изучение древнеболгарской литературы, в то время как изучение вопросов, связанных со старославянской письменностью значительно отстает.²

1. Создание славянского письма и возникновение старославянской письменности являются двумя наиболее трудными и спорными вопросами в славяноведении. Из исследований по этим вопросам прежде всего должны быть указаны работы болгарского слависта Е. Георгиева, который опубликовал целый ряд научных и научно-популярных трудов и статей: «Възникване на славянската писменост» (ЕЛ, VIII, 6, 1953, стр. 353—366); «Началото на славянската писменост и нейния разцвет в средновековна България» (Младеж, 1954, кн. 5, стр. 22—27); «Powstanie pisma słowiańskiego» (Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego, II, 7, 1954, стр. 41—59). Точка зрения автора лучше всего изложена в книге «Славянская письменность до Кирилла и Мефодия» (София, Българска академия на науките, Институт за българска литература, 1952, 8°, 95 стр.).³ Книга содержит следующие главы: «Глаголица — азбука Константина

¹ Статья прислана Болгарским библиографическим институтом им. Елина-Пелина в Софии. Перевод с болгарского О. Ф. Коноваловой. (Ред.)

² Далее в этой статье приняты следующие сокращения:

БАН — Българска Академия на науките.

БЕ — Български език.

ГББИ — Годишник на Българския библиографски институт.

ГДА — Годишник на Духовната академия.

ГодСУБФ — Годишник на Соф. ун-т, богосл. факултет.

ГодСУИФ — Годишник на Соф. ун-т, ист.-филол. факултет.

ГодСУФ — Годишник на Соф. ун-т, филол. факултет.

ЕЛ — Език и литература.

ИАИ — Известия на Археологическия институт: ср. также ИБАИ.

ИБИД — Известия на Българското историческо дружество.

ИИБИ — Известия на Института за българска история.

ИИБЛ — Известия на Института за българска литература.

ИПр — Исторически преглед.

³ Ср. рецензии на эту книгу: Н. А. Кондрашов, Вопросы языкознания АН СССР, 1952, кн. 6, стр. 144—150; М. П. Сотникова, Вопросы истории, 1953, кн. 3, стр. 98—103; перевод на болгарский язык напечатан в ИПр, IX, 5, 1953, стр. 534—542.

Кирилла»; «Кириллица и глаголица»; «Постепенное возникновение кирилловского письма из греческого»; «Усвоение греческой культуры славянами»; «Крещение славян и распространение письменности в их среде»; «Исторические факты, которые свидетельствуют о существовании славянской письменности до Кирилла и Мефодия»; «Явные вести из памятников о славянской письменности до Кирилла и Мефодия»; «Начало славянской письменности в свете древнейших славянских надписей»; «Теории о докирилломефодиевском славянском культурном языке и начало славянской письменности»; «Донынешние теории о происхождении кириллицы» и «Происхождение глаголицы». Как видно из самого содержания, автор поддерживает представление о докирилломефодиевском происхождении кириллицы как славянского алфавита, возникшего еще в раннем средневековье. Константин Философ — Кирилл в течение IX в. создал глаголицу, используя для этой цели существовавший в то время кирилловский алфавит. Вместе с тем, согласно автору, глаголица явилась новым, созданным для славян письмом, которое не ведет своего начала от греческого минускульного и курсивного письма, тогда как кириллица — «славянизированная греческая азбука». Эти представления о приоритете кириллицы Е. Георгиев развил в книге «Създаването на Преславската и Охридската книжовни школи в средновековна България» (ГодСУФ, I, 1955, 71 стр.), в которой он, кроме этих вопросов, затронул еще и некоторые вопросы, касающиеся литературной жизни Болгарии конца IX—начала X в. Как хорошо отметил Е. Георгиев, «развитие славянской письменности тесно связано с распространением христианства среди славян». Имея это в виду, нужно обратить внимание на две полемические статьи, а именно: на статью Ал. Бурмова «Против буржуазно-идеалистическите становища по въпроса за налагането на християнството в България през IX в.» (ИПр, X, 2, 1954, стр. 36—52) и на статью Е. Георгиева «По въпроса за християнизирането на средновековна България» (ИПр, X, 5, 1954, стр. 82—104). В противоположность Бурмову, Георгиев отстаивает концепцию о продолжительной и постепенной христианизации болгарского народа, что связывается им с созданием предкирилловского кирилловского алфавита. Интересные рассуждения содержит статья Ал. Бурмова «За началото на славянската писменост в България» (ИПр, VIII, 1, 1952, стр. 50—59). Для полноты следует упомянуть статью В. Сл. Киселкова «Кирило-методиевският въпрос в нова светлина» (Народен пастир, IX, 19—20, стр. 5, от 27 V 1953), в которой подтверждается, что «най-старата славянска азбука е била така наречената глаголица» создана еще в древнеславянский период, до переселения славян из их прародины. Наряду с другими работами вклад в науку представляет и статья В. Георгиева «Происход на писмото» (БЕ, 1954 кн. I, стр. 5—9). Рассматривая сведения древнеболгарского писателя Чернорица Храбра, Е. Георгиев (Покръстването на славяните и българите и началото на славянската писменост според вести в «Сказанието» на Черноризец Храбр. ИПр, IV, 1, 1947, стр. 91—94) утверждает, что Храбр говорил о «покръстването на славяните като за нещо съвсем отделно от покръстването на Борисова България», и относит это «в една много по-ранна епоха». Затем автор отрицает толкование свидетельства Храбра о 6363 г. как дате создания славянского письма Константином Философом в том смысле, что речь идет о 855 г. н. э. (6363—6508) и считает правильным определить ее как 862/63 г. н. э. (6363—5500). Наконец, Георгиев полагает, что Черноризец Храбр писал кириллицей, и говорит о ней. Эти высказывания были подвергнуты известной критике со стороны покойного М. Генова в статье «За началото на славянската писменост» (ИПр, VI, 4—5, 1950, стр. 600—609), который останавливается главным

образом на вопросе о 855 или 863 г. в известии Храбра как дате создания славянского алфавита Константином Философом — Кириллом. Автор считает, что два брата Константин-Кирилл и Мефодий еще во время жизни в монастыре на Олимпе (Малая Азия) «замыслили план за своята бъдеща мисионерска дейност всред балканските славяни, като съставят азбука, съобразна със звуковите особености на славянския език, и преведат най-необходимите библейски и богослужебни книги». Исходя из этого, автор полагает, что указанную Храбром дату нужно считать 855 г. По мнению Генова, Кирилл и Мефодий готовились к просветительской деятельности среди балканских славян, однако приход великоморавских посланников 862/63 г. отвлел их от этого намерения.

2. За последние годы были открыты несколько важных памятников эпиграфики на славянском языке, которые вносят много нового в разъяснение вопроса о начале славянской письменности в болгарских землях. На первое место здесь нужно поставить надпись Мостича, открытую в 1953 г. при раскопках так называемого «Външен град» в средневековой болгарской столице Преславе. Сведения об этой надписи даны в статьях Ст. Станчева: «Старобългарският надгробен надпис на чъргубилята Мостич от Преслав» (БЕ, V, 2, 1955, стр. 89—93), «Надгробният надпис на един преславски болярин от X в.» (ИПр, XI, 4, 1955, стр. 61—76); в статье В. Ивановой «Надписът на Мостич и преславският епиграфски материал» (БЕ, V, 2, 1955, стр. 94—117), наконец, в книге Ст. Станчева, В. Ивановой, М. Балана и П. Боева «Надписът на чъргубиля Мостич» (София, Българска академия на науките, 1955, 8°, 160 (1) стр.). Несомненно, что это одна из самых важных славянских эпиграфических находок за последние десятилетия. Эту надпись, которая состоит из 12 строк кирилловского письма, нужно считать в числе самых древних славянских эпиграфических памятников не только болгарских, но и всех славянских земель. «Вътрешният болярин» («чъргубиля») Мостич жил во времена Симеона (893—927) и Петра (927—969), и его надгробная надпись должна быть датирована «най-късно в петдесетте или шестдесетте години на X в.». Это значит, что надпись самое меньшее на 25 лет старше известной Самуиловской кирилловской надписи 993 г. По длине текста надпись занимает «първо място между всички известни старобългарски и изобщо старославянски епиграфски паметници». Надгробная надпись Мостича имеет исключительно интересные особенности для изучения славянско-кирилловской палеографии. Исходя из этих палеографических особенностей, В. Иванова в статье «Надписът на Мостич...» считает, что необходимо пересмотреть вопрос о датировке известных кирилловских памятников (например, Савиной книги, Супрасльского сборника, Хилендарских листов и др.), которые до сих пор относятся к первой половине XI в. и которые В. Ивановой склонна отнести к сравнительно более раннему времени. В статье Ивановой даны, кроме того, очень важные сведения о некоторых недавно открытых славянских эпиграфических памятниках начала X в., найденных главным образом в Преславе. Короче говоря, вновь найденный эпиграфический материал дает возможность подвергнуть пересмотру прежние представления о начале славянской письменности. Как видно из этих эпиграфических памятников, кирилловское письмо было установлено еще до конца IX в. как одно из разновидностей старого унциала. По словам В. Ивановой, «новый материал ни позволява да разграничим отделни разновидности на кирилското лапидарно писмо в Преслав и да го свържем с развитието на книжовното писмо».

К эпиграфическим находкам, связанным с началом славянской письменности, следует отнести еще одну краткую фрагментарную надпись,

опубликованную недавно В. Бешевлиевым в «Нови откъследи от първо-български и други средновековни надписи от Плиска и Преслав» (ИАИ, XX, 1955, стр. 282—283). Надпись состоит из одиннадцати буквенных знаков, а именно: ОСТРО/БОГОИН ... По мнению издателя этого фрагмента, здесь мы имеем одну из древнейших славянских надписей в болгарских землях. Так как из сохранившихся 11 букв, 10 букв являются греческими или подражанием греческим буквам, а одна буква — Б — славянская, то можно предположить, что это одна из первых попыток приспособить греческое унциальное письмо для выражения славянской речи, и тем самым отнести надпись к докирилловским опытам в создании славянского письма. Однако памятник очень поврежден и нельзя сделать никаких точных выводов. Интересны, но, к сожалению, не изучены, славянские эпиграфические материалы, опубликованные в статье Ст. Михайлова «Археологически материали от Плиска (1948—1951 г.)» (ИАИ, XX, 1955, стр. 49—181), где даны изображения некоторых начертаний, буквенных знаков на камне, украшений на роге оленя (буквенные знаки и изображения могли иметь астрологическое значение) и др. Как известно, еще В. Ягич в работе «Графика у славян» (СПб., 1911, стр. 26—36) обратил внимание на так называемые «рабоши», употреблявшиеся до недавнего времени болгарами и сербами, как на остатки старинного славянского письма. Новым вкладом в изучение этого вопроса является статья П. Детева «Един календар-рабош в Пловдивския народен музей» (Български народ, III 1947, стр. 10—13). В связи со спорами относительно приоритета глаголицы или кириллицы следует указать на статью Е. Георгиева, «Към въпроса за Константиновото (Кириловото) авторство на глаголицата. Следи от глаголицата в Методиевото пространно житие» (ИИБЛ, II, 1954, стр. 219—221). Автор исследует известие жития Мефодия (гл. XV), где говорится, что Мефодий перевел за шесть месяцев библейские книги (без Маккавеев), и заявляется, что это заняло время от марта до конца октября, т. е. в сущности восемь месяцев. Георгиев объясняет ошибку тем, что текст был транскрибирован с глаголического оригинала на кириллицу, без учета разного числового значения буквенных обозначений. Это толкование вышеупомянутого текста, однако, не представляет ничего нового по сравнению с тем, что дано еще покойным М. Решетаром (M. Rešetar, Zur Übersetzungstätigkeit Methods. Archiv für slavische Philologie, XXXIV, 1—2, 1912, стр. 234—239).

3. За истекшее десятилетие было опубликовано несколько работ общего характера по истории древнеболгарской литературы. Прежде всего назовем две компилятивные работы: Хр. Недякова «Стара българска литература» (София, 1945, 16°, 158 стр.) и Г. Константинова «Стара българска литература» (София, 1946, 16°, 255 стр.). В качестве учебного пособия для университета была опубликована книга П. Динекова «Стара българска литература» (т. I, София, 1950, 8°, 231 стр.; т. II, София, 1953, 8°, 206 стр.). Книга содержит хорошо сделанное краткое изложение предмета и полезную библиографию. Должна быть еще упомянута также и книга знатока староболгарской литературы, ныне покойного М. Генова «Етюди върху старобългарската литература» (София, 1947, 16°, 139 стр.), в которой рассматриваются отдельные вопросы истории староболгарской литературы; например, о начале старославянской письменности, о перенесении славянской письменности в Моравию и Панонию, о литературном наследии Солунских братьев среди западных и восточных славян, о богомилстве, о староболгарской беллетристике и др. Опубликована также незавершенная докторская диссертация болгарского писателя П. Ю. Тодорова (1879—1916) под названием «За отношението на славяните към

българската литература», над которой автор работал приблизительно с 1901 по 1904 г. (П. Ю. Годоров. Славяните и българската литература. София, 1944, стр. 5—110). В работе автор собрал некоторые полезные сведения также и относительно изучения древнеболгарской литературы, носящие преимущественно биографический и библиографический характер. Для учебных целей предназначена книга Е. Георгиева «Славянски литератури в очерки и образци, I. От началото на славянската писменост до средата на XIX в.» (София, 1949, 8°, 267 стр.). По своему содержанию книга стоит на грани между общим изложением предмета и хрестоматией с текстами. Здесь же назовем и книгу М. Генова «Старобългарска литература. Антология. Избор, превод, характеристика» (София, 1947, 16°, 247 стр.).

4. В качестве одного из наиболее полезных сборников текстов должна быть названа объемистая книга Ст. Романского «Старобългарски език в образци» (София, 1945, 8°, V, 602 стр. и 24 табл.). В книге даны образцы глаголических текстов, затем староболгарские глаголические тексты, переданные кириллицей, наконец, староболгарские кирилловские памятники. Ко всем памятникам добавлены краткие вступительные заметки с библиографией изданий и научной литературы о них. Особого внимания заслуживает один из открытых недавно Рыльских глаголических текстов Паренсиса Ефрема Сирина (до сих пор была опубликована только часть их). На книгу имеется отзыв Ив. Дуйчева (ГББИ, I, 1945—1946. София, 1948, стр. 541—542). Сюда же отнесем еще и книгу К. Мирчева «Старобългарски език» (София, 1954, 150 стр.), в которой приводятся (стр. 110—136) и некоторые староболгарские тексты.

5. За последнее десятилетие появилось несколько работ, в которых опубликованы новые древнеболгарские тексты. Так, на основе рукописи Архивного института при Болгарской Академии наук Ив. Снегаров (Неизвестни старобългарски жития. ГДА, III (XXIX), 1953—1954, стр. 151—175) издал (по копии XIV в.) краткое житие Климента Римского, погибшего в Херсоне. Текст является почти дословным переводом известного греческого оригинала. На основе той же рукописи издано краткое житие Константина Философа — Кирилла (так называемое Успение Кириллово), новый текст которого содержит некоторые различия и добавления по отношению к известным и изданным до сих пор спискам памятника (см. указание у Г. А. Ильинского: Опыт систематической кирилло-мефодиевской библиографии. София, 1934, стр. 26, § 30; М. Попруженко — Ст. Романского: Библиографски преглед на славянските кирилски източници за живота и дейността на Кирила и Методия. София, 1935, стр. 51—52). Важнейший вклад в этой области представляет собой одно фрагментарное житие болгарского патриарха Иоакима I, датируемое XIII в., которое является новым ценным источником для изучения истории Болгарии того времени. К сожалению, текст жития дефектен, а первое издание неудовлетворительно (об этом см. указание у Ив. Дуйчева: *Iv. Du j č ev Byzantinoslavica*, XVI, 2, 1955, p. 403).

Ив. Снегаров (Неизвестен досега препис от разказа «Чудо с българина Георги». ИИБИ, III—IV, 1951, стр. 295—296) опубликовал на основании рукописи XIV—XV вв., хранящейся в Архивном институте Болгарской Академии наук, среднеболгарскую редакцию этого важного памятника, известного до сих пор по двум русским спискам XIV и XVII вв., изданным Хр. Лопаревым («Чудо святого Георгия о болгарине», СПб., 1894). Текст рукописи Архивного института был издан полностью и Б. Ангеловым (Старославянски текстове. 1. Нов препис на старобългарския разказ «Чудото с българина». ИИБЛ, III, 1955, стр. 167—173).

Автор вместе с тем дает подробный обзор известных списков и изданий и указывает еще три списка XVI—XVII вв. (один белорусский список от 1669 г., другой список от 1593 г. и обнаруженный А. В. Горским список недатированной рукописи), которые остались неиспользованными при издании памятника. Б. Ангелов (Старославянски текстове. 2. Разказ за пастиря, ухапан от змия. ИИБЛ, III, 1955, стр. 174—177), опубликовал на основе пролога № 17, А, XIV в., среднеболгарской редакции (Архивный институт при БАН), староболгарский текст, который он определяет как «едно от оригиналните произведения на старобългарската литература, отразяващо моменти от живота на българския народ непосредствено след неговото покръстване». В сущности, в тексте нигде не говорится определенно о болгарах и существуют известные основания предполагать, что в данном случае имеем скорее переводное сочинение с греческого языка, вероятно из какого-нибудь патерика. Вопрос заслуживает дальнейшего изучения.

Среди изданий памятников по истории старославянской и староболгарской письменности должна быть упомянута и книга: Теофилакт Охридски. «Житие на Климент Охридски». Превод от гръцкия оригинал, увод и белжки от Ал. Милев. София, БАН, 1955, 8°, 103 стр. В книге перенздан греческий текст жития Климента Охридского, составленного Теофилактом Охридским в конце XI или начале XII в. Текст сопровождается библиографическим введением, болгарским переводом и краткими комментариями.

6. Жизнь и деятельность Константина Философа—Кирилла, его брата Мефодия и их учеников, а также все письменные памятники, имеющие к ним отношение, представляют собой предмет особого внимания со стороны болгарских ученых. В своей большой книге В. С. Киселков (Славянските просветители Кирил и Методий. София, 1945, 16°, 436 стр.) подробно рассмотрел жизнь и деятельность двух славянских первоучителей и в качестве дополнения дал краткий обзор их литературной деятельности («Книжовни трудове на светите братя», стр. 379—420). К сожалению, Киселков исходил из абсолютно ошибочной точки зрения на два основных источника о жизни и деятельности Кирилла и Мефодия, а именно на так называемые Паннонские жития, иными словами, на пространные жития. В противоречие с фактами и оценкой современной славистической науки в лице выдающихся ее представителей автор отстаивает необоснованное мнение о том, что «Кириловото житие трябва да е е появило в първата половина на XV век, а Методиевото — няколко десетилетия покъсно». Недооценивая, таким образом, два исключительно важных старославянских памятника, автор допускает логическую ошибку и строит свое изложение в большей степени на основе сведений этих же житий. Некоторые верные критические замечания в этом направлении сделал недавно советский византолог Ф. М. Россейкин (Буржуазная историография о византино-моравских отношениях в середине IX в. Византийский временник, III, 1950, стр. 245—248). Он правильно говорит о том, «что Паннонские легенды возникли в годы, близкие к эпохе братьев».

В. Сл. Киселков (Кирил и Методий в Рим и папа Адриан II. ИПр, III, 1, 1946—1947, стр. 98—105) рассматривает вопрос об отношении папы Адриана II к славянской письменности и соглашается с тем, что сведения о принятии славянской богослужебной литературы представляют собой только «красивую легенду», из-за которой Кирилловское и Мефодиевское жития в этой части не заслуживают доверия.

Эпизод посещения Константином Философом—Кириллом племени Фул где-то в южнорусских землях или в Крыму, о котором сообщает Ки-

риловское житие (гл. XII), рассмотрен в статье Ив. Дуйчева (Iv. Du j č e v. Zur literarischen Tätigkeit Konstantins des Philosophen. Byzantinische Zeitschrift, XLIV, 1951, стр. 105—110 — Festschrift Fr. Dölger). Загадочное личное имя Александр, которое, согласно тексту Жития Константина, носило дерево, служившее объектом языческого поклонения, следует объяснить как плохой перевод первоисточника, использованного в данном случае составителем Жития Константина — греческого рассказа Константина Философа — Кирилла о его миссии у хозаров.

К толкованию сведений Кирилловского жития (гл. XV) относится статья: Iv. Du j č e v. Un episodio dell'attività di Costantino Filosofo in Moravia, Ricerche slavistiche, III, 1954, стр. 90—96. В житии рассказывается, что Константин Философ во время пребывания в Моравии вел борьбу, между прочим, с теми, кто поддерживал теорию «i ako podъ zemlею живоуть чловѣци велеглави...». В сущности здесь стоит вопрос о теории существования антиподов, которая была широко известна в древности и в средневековье, а в VIII в. была распространена в области нынешнего Зальбурга, недалеко от Моравии. В согласии с цареградской церковью Константин-Кирилл выступил против правильного с научной точки зрения утверждения о существовании антиподов, за которыми кроется теория о сферичности земли.

В связи с культом, оказываемым болгарским народом памяти двух славянских первоучителей, могут быть названы две хорошо аргументированные статьи Б. Ангелова: «Празникът на славянските просветители Кирил и Методий. Произход и развитие» (ИИБИ, V, 1954, стр. 253—290); «Към историята на празника на Кирил и Методий през средните векове» (Сборник в чест на акад. Ал. Теодоров-Балан. София, 1955, стр. 56—68). К общей оценке деятельности Солунских братьев следует отнести работу В. Червенкова, «Димитър Благоев и неговото дело. Дело на Кирил и Методий» (София, 1945, стр. 25—43). Наконец, прибавим для полноты брошюру Ст. Каракостова «Кирил и Методий и борбата за свобода и славянска просвета» (София, 1954, 16°, 16 стр.), так же как и некоторые популярные статьи: Хр. Гандев. Дело на Кирил и Методий. Славяни, I, 4, 1945, стр. 111—112; М. Янакиев. Дело на Кирил и Методий. Славяни, V, 5, 1949, стр. 191; Е. Георгиев. Славянската писменост и славянската култура. Славяни, VI, 5, 1950, стр. 134—137; Е. Георгиев. Великото дело на Кирил и Методий. Славяни, IX, 5, 1953, стр. 19—20.

В переводной статье покойного советского ученого Б. Д. Грекова, «Ролята на славяните в историята на световната култура» (ИПр, III, 3, 1946—1947, стр. 318—334) затронут, между прочим, и вопрос о кирилло-мефодиевском деле. Следует прибавить еще перевод жития Кирилла и жития Мефодия, переизданный в книге В. Сл. Киселкова «Пространните жития на светите брата Кирил и Методий» (5-е изд., София, 1945, 8°, 64 стр.).

7. Староболгарские писатели второй половины IX и первой половины X в. за последнее десятилетие были изучены сравнительно мало. Было опубликовано несколько популярных очерков, которые в сущности представляют собой не научно-исследовательские труды, а скорее общее изложение, сделанное на основе более ранних исследований. Так, о ближайшем ученике Солунских братьев Клименте Охридском была издана брошюра Цв. Тодорова «Св. Климент Охридски» (София, 1945, 16°, 64 стр.), в которой дан краткий биографический очерк, сведения о литературной деятельности Климента, фрагменты из жития Кирилла, житие Мефодия и Похвальное слово Константину-Кириллу в новоболгарском переводе.

В связи с Климентом Охридским следует назвать также и статью В. Велчева «Климент Охридски и неговото значение за единението на славяните» (ЕЛ, IV, 1948, стр. 41—48).

Об одном из наиболее важных и интересных староболгарских писателей, а именно Черноризце Храбре, было опубликовано только краткая статья П. Динкова, «Черноризец Храбр» (ЕЛ, VIII, 1, 1953, стр. 47—51).

О Иоанне Екзархе было также опубликовано очень мало работ. Работа Т. Годорова «Иоан Екзарх като писател-проповедник» (ГДА, I (XXVII), 1950—1951, 32 стр.) является частью задуманного очень большого исследования, построенного на сравнительно богатой литературе, однако затрагивает совсем несущественную сторону в деятельности староболгарского писателя. Об этом болгарском писателе говорит и Б. Ангелов в очерке научно-популярного характера «Иоан Екзарх» (ЕЛ, VIII, 3, 1953, стр. 174—182). В связи с историей древнеболгарской архитектуры Н. Мавродинов в работе «Описанието на Преслав в Шестоднева на Иоан Екзарх» (ИПр, XI, 3, 1955, стр. 66—76) дал опыт нового толкования одного места из Шестоднева Иоанна Екзарха.

8. Беседа Пресвитера Козьмы представляет собой, как известно, не только важный памятник средневековой болгарской литературы, но также и один из самых богатых и достоверных источников истории богомилского движения. С удовлетворением следует заметить, что в течение последних лет появилось несколько очень интересных книг и статей, посвященных истории богомилского движения в Болгарии, в которых изучение Беседы Козьмы занимает почетное место. Так, была переиздана полезная книга Ив. Клиначарова «Поп Богомил и неговото време» (София, 1947, 8°, 184 стр.). Не имеет особой научной ценности работа Б. Пашева «Богомилското учение и съвременният аграризъм» (София, 1947, 16°, 46 стр.).

В. Сл. Киселков в статье «Векът на пресвитер Козма» (ЕЛ, IV, 1949, стр. 179—192) поддерживает неубедительную точку зрения о том, что Козьма жил в XI в. и написал свою Беседу в Македонии после восстания 1040—1041 гг. Краткий очерк о жизни упомянутого староболгарского писателя дал В. Велчев (Пресвитер Козма и неговата Беседа против богомилите. ЕЛ, V, 3, 1950, стр. 231—235). В. Велчев отмечает, что Козьма является «един от най-крупните български писатели през средновековието». Этому же болгарскому слависту принадлежит интересное исследование о социально-экономических отношениях в Болгарии, написанное на основе сведений, подчерпнутых у Козьмы (В. Велчев. Социална структура на България през X век според Беседата на пресвитер Козма. ИПр, I, 2—3, 1945, стр. 138—155). Общее изложение истории болгарского богомилства дано И. Митевым (Богомилството — прогресивно движение в епохата на феодализма. София, 1948, 16°, 23 стр.). Следует особо отметить материалы по истории богомилства и «Беседе Козьмы» как историческом источнике для изучения этого движения, опубликованные в последнее десятилетие Д. Ангеловым: «Богомилството в България. Произход, същност и разпространение» (София, 1947, 16°, 196 стр.); «Презвитер Козма и Беседата му против богомилите» (София, 1948, 16°, 7 стр.). В книгах даны сведения о Козьме, о времени, когда была написана Беседа («не по-рано от 936 г.»), о социальных отношениях в Болгарии в X в. и о богомилском движении. Нужно указать и научно-популярную статью Д. Ангелова под заголовком «Богомилството» (Младеч, 1954, кн. 8, стр. 28—32), а также его брошюру «Общечеловеческие и социальные элементы в богомилском учении» (София, 1946, 16°, 20 стр.), затем статью «Произход и същност на богомилството» (Училищен преглед, XLIV, 3—4, 1945, стр. 201—226), и, наконец, работу «Философските възгледи на богомилите» (ИИБИ, III—IV,

1951, стр. 113—147). Хорошее изложение богомильского учения дано в книге названного автора «Богомилство в Болгарии» (М., 1954, 16°, 213 + 1 стр.), в которой исследуются вопросы об источниках богомилства, происхождении учения и его сущности, о богомильских общинах и братствах, об отношении богомилов к государству и дано изложение философских взглядов богомилов. В конце (стр. 206—212) дана достаточно подробная библиография источников и литературы. Ко всем этим трудам Д. Ангелова нужно добавить и его работу о распространении богомилства в Византийской империи — «Der Bogomilismus auf dem Gebiete des byzantinischen Reiches. Ursprung, Wesen und Geschichte» (I—II. Год СУИФ, XLIV, 2, 1947—1948, 71 стр.; XLVI, 1949—1950, 57 стр.).

9. С большим сожалением приходится признать, что за последнее десятилетие исследователи уделяли очень слабое внимание одному из важнейших разделов староболгарской литературы — апокрифике. Чрезмерно общий характер носит статья Д. Ангелова «Апокрифната книжнина като отражение на феодалната действителност и светогледа на експлоатираната класа в средновековна България» (ИПр, VI, 4—5, 1950, стр. 493—508), в которой все же даны интересные общие рассуждения и оценки. Со своей стороны Б. Ангелов в работе «Списъкът на забранените книги в старобългарската литература. Към въпроса за класовия характер на нашата стара литература» (ИИБЛ, I, 1952, стр. 107—159) дал подробное и ценное исследование по вопросу о возникновении, оформлении и распространении списков так называемых запрещенных книг в древнеболгарской и вообще древнеславянской литературе. Б. Ангелов переиздает тексты по нескольким спискам: текст сборника Симеона (Святослава) 1073 г., список Погодинского новоканона, список монастыря св. Онуфрия (XVII в.), Киприановский список (по рукописи XVI в.), один болгарский текст от 1750 г., некоторые другие близкие тексты и дает обзорную сравнительную таблицу. Этому же вопросу посвящена статья Ив. Дуйчева «Най-старият славянски списък на забранени книги» (ГББИ, III, 1954, стр. 49—61). В статье анализируется список (перечисление) запрещенных книг в так называемом сборнике Симеона (Святослава) 1073 г. в сопоставлении с его греческим оригиналом. В упомянутом списке из 24 или 25 апокрифических произведений самое меньшее 14 или 15 были переведены на староболгарский и вообще на старославянский языки, остальные же были мало известны и слабо распространены в самой Византии. Вообще говоря, этот список запрещенных книг при своем возникновении в Болгарии, т. е. в конце IX—начале X в., имел «антикварную» ценность и никоим образом не может безоговорочно рассматриваться как библиографический показатель существующей в то время в Болгарии апокрифической литературы. Большой интерес представляет работа В. Сл. Киселкова «Сидор Фрязин и Яков Ценцал» (ИИБИ, III—IV, 1951, стр. 287—294). Автор рассматривает список запрещенных книг, сохранившийся в рукописи XVI века (бывшая Московская синодальная библиотека № 322). В списке как авторы еретических книг названы, между прочим, Сидор Фрязин и Яков Ценцал. Киселков убедительно показывает, что здесь упомянут основатель яковистской ереси Яков Ценцал-Барадай, а под именем Сидора Фрязина следует видеть Исидора, сына alexсандрийского агностика II в. Василида. Это второе предположение автора неприемлемо. Вероятнее всего, под Сидором Фрязиным следует разумеать киевского митрополита Исидора (умер в Риме, будучи римским кардиналом, в 1463 г.), прозванного Фрязиным-Франком, вследствие принятия им католического вероисповедания. Об этом см. заметки Ив. Дуйчева (Iv. Du jč ev, Byzantinoslavica, XIII, 2, 1952—1953, p. 356—357).

10. Вопрос о литературных центрах в средневековой Болгарии затронут в нескольких исследованиях. Общие представления по этому вопросу дает статья П. Динекова «Книжовни средища в средновековна България» (ИПр, III, 4—5 1946—1947, стр. 407—425), в которой собраны сведения о книжных центрах в Преславе, Охриде, Тырнове, Света Горе, Кратове, Софии, в некоторых монастырях и городах и пр. Книжная деятельность в Рыльском монастыре рассмотрена в книге Ив. Дуйчева «Рилският светец и неговата обител» (София, 1947, 16°, VII, 431 стр.). В качестве дополнения к этой книге был опубликован «Пътеводител за Светата Рилска обител и Рила планина» (Издание на Св. Рилска обител, София, 1948, 16°, 88 (7) стр.), где, между прочим, приведены некоторые сведения о рукописном собрании монастыря. В связи с жизнью основателя монастыря Ивана Рыльского (родился 876—880 гг., умер 18 VIII 946) и вообще со средневековой болгарской агиографической литературой нужно упомянуть работу Ив. Гошева «Трите най-стари пространни жития на преподобни Иван Рилски» (ГодСУБФ, XXV, 1947—1948: 8°, 72 стр.), в которой дан новоболгарский перевод так называемого Народного жития XI—XII в., житие, написанное Георгием Скилицей (XII в.), и житие, написанное патриархом Евфимием (XIV в.) вместе с некоторыми объяснительными замечками к тексту.

Важный, ныне угасший книжный центр средневековой Болгарии, главным образом в течение XIII—XIV вв., находился в нижнем течении р. Русенски Лом (недалеко от г. Русе), в церквях и монастырях около села Иваново. Сведения об этом книжном центре дал недавно А. Василиев в статье «Новооткрити надписи и ктиторски образи при с. Иваново» (ИБАИ, XV, 1946, стр. 197—203) и особенно в книге «Ивановските стенописи» (Материали за историята на гр. Русе и Русенския окръг. I. София 1953, 8°, 48 стр. и 58 табл.).

11. По истории болгарской литературы XIV—XV вв. написано сравнительно мало. Книга В. Сл. Киселкова «Митрополит Григорий Цамблак» (София, 1946, 8°, 64 стр.) дает нам краткий очерк жизни и книжной деятельности видного писателя и церковного деятеля. Как известно, Похвальное слово патриарху Евфимию, составленное Григорием Цамблаком, представляет собой важнейший исторический источник для болгарской истории конца XIV в. и периода турецкого завоевания болгарских земель. Текст этого памятника нуждается во внимательном изучении и толковании, так как слово написано чрезвычайно тяжелым и искусственным языком. Небольшой вклад дан в статье Ив. Дуйчева «Едно неясно място от Цамблавката възхваля за Евтимий» (БЕ, IV, 1, 1954, стр. 171—172). Толкованию сведений главы XVIII, где рассказывается о попытке турецких властей погубить патриарха Евфимия, посвящена статья Ив. Дуйчева «Легендарный мотив у Григория Цамблака» (Slavia, XXI, 1953, стр. 345—349).

Полезная монография о Константине Костенческом — ревнителе южнославянского культурного единства в XV в. была опубликована К. М. Куевым (К. М. Кујев. Konstantyn Kostenecki w literaturze bulgarskiej i serbskiej. Kraków, 1950, 8°, 128 стр.; Biblioteka Studium słowiańskiego Uniwersytetu Jagiellońskiego seria A, № 5). Автор обобщил сведения о жизни и деятельности этого болгарина, прожившего большую часть жизни в сербских землях. Некоторые поправки и добавления к работе Куева даны Ив. Дуйчевым в журнале «Byzantinoslavica» (XIII, 2, 1952—1953, стр. 328—334).

В одной болгарской рукописи из Ловеча XVI в. был найден краткий фрагментарный текст с описанием путешествия в Палестину. Так как текст найден вместе с другими текстами, связанными с Константином Костенческим, отрывок о путешествии в Палестину был принят за сочинение упомя-

нутаго писателя и впервые опубликован Ю. Трифоновым (Списание на Българската академия на науките LXV, 1943, стр. 288—291), а позднее и Куевым в указанной выше статье (стр. 113—117). Однако на самом деле этот текст представляет собой отрывок двух различных описаний хождения в Палестину и имеет чисто переводной характер. Первая часть отрывка была издана на основании сербской рукописи покойным сербским ученым Новаковичем (St. Novaković. Starine, XVI, 1884, стр. 54—55). Текст, представляющий буквальный перевод греческого оригинала, опубликован в работе: A. Klötz. Rheinisches Museum, LXV, 1910, стр. 606—616, а недавно издан также и Н. Пигулевской (Византия на путях в Индию. Из истории торговли Византии с Востоком в IV—VI вв. М.—Л., 1951, стр. 408—410) на основе (до сих пор неиспользованной) греческой рукописи № 252, л. 67^о, от 1661 г., хранящейся в Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Изучению этого же вопроса посвящена статья Ив. Дуйчева «За книжовното творчество на Константин Костенечки» (ИИБЛ, II, 1954, стр. 223—231).

Известно, что Владислав Граматик, являющийся наиболее выдающимся представителем южнославянской литературы XV в., знаменит главным образом как переписчик рукописей, переводчик и автор одной повести о перенесении мощей основателя Рыльского монастыря Ивана Рыльского из Тырнова в Рыльскую обитель в 1469 г. Для изучения его личности и творчества представляет интерес книга В. Сл. Киселкова «Владислав Граматик и неговата рилска повест» (София, 1947, 8°, 72 стр.), в которой даны биографические заметки о писателе, сведения о его литературной деятельности (стр. 10—56) и новоболгарский перевод его «Рыльской» повести. Здесь нужно назвать еще работу того же автора — «Нов лъч върху книжовната дейност на Владислава Граматик» (ИБИБД, XXIV, 1948, стр. 170—179).

К истории южнославянской литературы XV в. нужно отнести и статью Б. Ангелова «Няколко нови вести за книжовното дело на Димитър Кантакузин» (ИИБЛ, II, 1954, стр. 249—262). Автор дает сведения об 11 списках с текстом одного произведения этого писателя — «Молитва към Богородица» — и переиздает текст памятника на основании рукописи середины XVIII в. (русская редакция с болгаризмами), хранящейся в Архивном институте при Болгарской Академии наук под № 3258. Новый текст содержит около 70 стихов, больше, чем ранее опубликованный список. В тексте имеются некоторые орфографические различия. Говоря, что близкий текст опубликован в Ан^тологіоне (Москва, 1660), Ангелов подчеркивает, что это произведение проникло очень рано в древнюю русскую литературу.

Наконец, по изучению староболгарской литературы XIII—XV вв. следует упомянуть статью Ив. Дуйчева «Едно изследване върху Троянската притча» (ИИБЛ, II, 1954, стр. 271—275), представляющую собой рецензию с критическими замечаниями на книгу: A. Ringheim. Eine altserbische Trojasage. Prague—Upsal, 1951.

12. Отдельно нужно указать несколько исследований о староболгарских литературных памятниках в связи с некоторыми специальными задачами. Так, в староболгарской литературе имеется очень большое количество сведений о развитии естественных наук в средневековой Болгарии. С целью собрать все сведения такого рода, разбросанные в разных памятниках староболгарской литературы, был издан сборник Цв. Кристановым и Ив. Дуйчевым «Естествознание в средновековна България. Сборник от исторически извори» (София, 1954, 8°, 630 стр.). В начале сборника Цв. Кристанов дал введение под заголовком «За етногенезиса на българския народ»

(стр. 5—46). Остальная часть книги содержит подобранные староболгарские литературные памятники, данные в оригинале, новоболгарский перевод и объяснительные заметки (стр. 47—592), написанные Ив. Дуйчевым. Эта часть книги содержит, наряду с другими, следующие главы: III. Сведения из области на естествознание в съчиненията на Йоан Екзарх; IV. Физиологът; V. За лекари и лечебници в апокрифното «Детство Исусово»; VI—VII. Извадки от две слова на Йоан Златоуст в старобългарски превод; XI—XII. Извадки из житията на Ромил Видински и Филотея Видинска във връзка с медицината; XIII. Послание на Патриарх Евтимий Търновски; XIV. Извадки из Синодика на българската църква; XVIII. Извадки из Диалозите на Псевдо-Кесарий; XXI. Из Разумника; XXII. Из гадателните книги; XXIII. Космография и география в «Християнска топография» на Козма Индикоплевст и др.

В связи с турецким нашествием на балканские земли и отражением его в литературе XIV—XV вв., у южных, восточных и западных славян следовало бы назвать статью Ив. Дуйчева (Iv. Du j č ev. La conquête turque et la prise de Constantinople dans la littérature slave contemporaine. Byzantinoslavica, XIV, 1953, стр. 14—54; XVI, 1955, стр. 318—329). Автор дал в систематическо-хронологическом порядке сведения из разных литературных памятников об отдельных этапах турецкого завоевания в балканских землях.

Из области поздней славянской эпиграфики мы должны указать специальное исследование Ив. Гошева «Търновски царски надгробен надпис от 1388 година» (София, 1945, 4°, 74 стр.).

Наконец, можно отметить две работы по вопросу о староболгарской музыке. Здесь уместно вспомнить исчерпывающую и интересную книгу: R. Palikarova-Verdeil. La musique byzantine chez les Bulgares et les Russes (du IX-e au XIV-e siècle). Copenhague, 1953 (Monumenta musicae byzantinae Subsidia, III, 8°, XI, 249 стр., табл. I—XXI). Автор рассматривает вопросы музыки в славянских землях до принятия христианства, византийскую музыку до IX в., византийскую музыку в Болгарии после 865 г. и в России после конца X в., дает сведения о византийской музыкальной системе, о перенесении к славянам византийской нотной системы между IX и XIV вв., о введении византийских реформ в области музыки в Болгарии XII—XIV вв. и пр. Все это связано, разумеется, с изучением большого количества нотных славянских рукописей. Особенно интересны рассуждения автора о сущности музыкальных знаков, которые были употреблены Константином Философом и Мефодием при создании первых литургических славянских сочинений. О музыкальных знаках в известном Палаузовском списке Синодика опубликована небольшая статья Ст. Лазарова «Бележки върху Синодика на цар Борил» (Духовна култура, XXXI, 2, 1956, стр. 24—30).

13. Наконец, нужно назвать целый ряд научных трудов и научно-популярных статей с очень разнообразным содержанием, но связанных с изучением староболгарской литературы.

Так, Б. Ангелов в работе «Класовият характер на старобългарската книжнина» (ИПр, IV, 4—5, 1947—1948, стр. 556—561) пишет, что «въпросът за разкриване на класови елементи в нашата средновековна литература остава открит за нашата литературна история и неговото разрешение изисква по-специални проучвания, които ще допринесат особено много за изяснение на редица проблеми из средновековната ни история». Интерес представляют и две другие статьи того же автора, а именно: «Старобългарският писател в защита на славянската книжнина» (Балкански преглед, II, 5—6, 1947, стр. 47—52) и «Необходими изследвания върху

старобългарската литература» (ИПр, V, 5, 1949, стр. 659—660). В статье «Из историята на руското книжно проникване у нас (XI—XIV в.)» (ИИБЛ, III, 1955, стр. 37—65) упомянутый автор подчеркивает, что «до като през X в. може да се говори предимно за българско културно влияние върху русите, от края на XI век и особено от XII век насам има вече обратно въздействие». Давай сведения о литературных памятниках и укаывая богатую библиографию, Ангелов затрагивает также и вопрос о византийских переводах в старой русской литературе и о их перенесении в Болгарию. В другой статье, названной «„Слово о полку Игореве“ и някои южнославянски успоредици към него» (ИИБЛ, III, 1955, стр. 178—182), Б. Ангелов ищет параллели среди текстов известных произведений древнерусской литературы и некоторых южнославянских литературных памятников, например, в одном похвальном слове о сербском князе Лазаре, погибшем в Косовской битве 15 июня 1389 г., жизнеописании Стефана Лазаревича, написанном Константином Костенческим, и в некоторых древних сербских летописях. По словам автора, эти параллели «как не се дължат на някакво пряко литературно въздействие, говорят за общи книжни форми, получили разпространение между русите и южните славяни». Эти параллели представляют, с другой стороны, по мнению автора, новое доказательство древнего происхождения «Слова о полку Игореве».

Заслуживает внимание также статья Е. Георгиева «Ролята на славянската писменост за създаването и развитието на дружбата между българския и руския народ» (Българо-съветска дружба, 1954, кн. 4, стр. 5—6).

Некоторые интересные сведения о болгаро-русских литературных связях могут быть найдены в статье Ив. Гошева «Духовните връзки между българския народ и руския през време на петвековното ни робство с нови данни из паметниците на Църковно-археологически музей в София» (Сборник: Славянско братство. София, 1945, стр. 48—54). Сведения о старобългарских литературных памятниках и русско-болгарских литературных связях даны в книге Ив. Снегарова «Духовно-културни връзки между България и Русия през средните векове (X—XV в.)» (София, 1950, 8^о, 96 стр.). Особенно интересна III часть книги «Духовно влияние на България» и часть IV «Главни български и южнославянски културни дейци в Русия». Здесь говорится о распространении древнеболгарской письменности в XII—XIV вв., о втором южнославянском влиянии, о деятельности митрополита Киприана и Григория Цамблака и их последователей. Сведения о средневековых болгарских литературных памятниках можно найти в другой книге того же автора, а именно «Културни и политически връзки между България и Русия през XVI—XVIII в.» (София, 1953, 8^о, 129 (1) стр.).

В болгарской научной литературе было опубликовано несколько кратких очерков о жизни и деятельности известных исследователей в области славяноведения и древнеболгарской литературы. Так, Д. Крънджалов в статье «Развой и форми на славянската идея» (ИПр, III, 4—5, 1946—1947, стр. 456—477), между прочим, дает сведения о И. Добровском, В. Копитаре, П. И. Шафаржике, Я. Каларе и др. Библиографические сведения даны в статье того же автора «Павел Йосиф Шафаржик (1795—1860)» (ИПр, I, 4, 1945, стр. 322—325). Отдельно следует упомянуть 3 статейки: Е. Георгиев. Йосиф Добровски — велик чешки възрожденец и основоположник на славянската филология. По случай 200-годишнината от рождението му. Септември, 1953, кн. 9, стр. 149—152; Я. Дворжачек. Йосиф Добровски — патриарх на славянознанието (1753—1829). Славяни, 1953, кн. 10, стр. 17—18; Е. Георгиев. Йосиф Добровски. ЕЛ, IX, 5, 1954, стр. 398—400. Небезынтересно отметить также и статью

В. Сл. Киселкова «Виктор Григорович, Иван Богоров и неизвестното им познaнство» (ИИБИ, V, 1952, стр. 297—318).

Обзор трудов по старославянской и древнеболгарской литературе, опубликованных за последнее десятилетие, ясно показывает, что в этой области сделано очень много. Нельзя, однако, сказать, что действительно сделано все, что следовало бы сделать. Перед болгарскими исследователями все еще стоит ряд невыполненных основных задач в этой области. Так, например, необходимо, особенно исходя из чрезвычайно полезных методологических указаний, данных за последнее время в связи с изучением древнерусской литературы,⁴ дать критическое издание памятников древнеболгарской литературы, опубликовать монографические труды об отдельных писателях и произведениях, а также и об отдельных периодах болгарской литературы, наконец, подготовить и издать полную научную историю древнеболгарской литературы.

⁴ См. важную статью Д. С. Лихачева «Некоторые новые принципы в методике текстологических исследований древнерусских литературных памятников» (ИЮЛЯ, 1955, т. XIV, 5, стр. 403—419). — Должен добавить, что в данном библиографическом обзоре пропущены некоторые публикации, которые, по моему мнению, не представляют особого интереса.

В. ВИТКОВСКИЙ

Работы польских ученых по древнерусской филологии и истории за 1945—1955 гг.¹

Оживленно и плодотворно развивающееся, особенно на протяжении последнего полувека, польское славяноведение уже в период до второй мировой войны добилось значительных достижений в области древнерусской филологии. Ранним периодом истории русского, белорусского и украинского языков и литературы занимался в то время ряд исследователей-специалистов по восточно-славянской филологии, а также ученых, работавших в других отраслях славяноведения, но обладающих и в этой области обширными знаниями. Среди них — известные ученые, как А. Брюкнер, Я. Янув, Ю. Кшижановский, В. Курашкевич, Т. Лер-Сплавинский и ряд других. Однако и весьма ограниченные возможности контактов с советскими учеными, и отсутствие центра, координирующего работы в этой области, в значительной степени задерживали проведение плановых, систематических и соразмерных с возможностями польской науки того времени работ по русской филологии.

Решительный перелом наступил на этом участке всего лишь в первые годы после войны. Отношения с Советским Союзом, основанные на сотрудничестве во всех областях общественной и культурной жизни, дали возможность установить постоянные дружественные связи с советскими научно-исследовательскими центрами. Создание и расширение кафедр русской филологии при четырех университетах (Вроцлавском, Ягеллонском в Кракове, Варшавском и Лодзинском), а также основание в 1952 г. Польско-Советского института обеспечили постоянный приток новых научных работников. Ряд новых научных журналов («Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego», «Pamiętnik Słowiański», «Prace z filologii polskiej i słowiańskiej», «Język Rosyjski»), не считая периодических изданий отдельных университетов, обеспечили прежде всего молодым, начинающим славяноведам значительно большие, чем до войны, возможности публиковать свои работы.

К сожалению, все эти, несомненно, благоприятствующие творческому развитию научно-исследовательских работ факторы все же не могли — во всяком случае до сих пор не смогли — существенно повлиять на рост количества научных публикаций, касающихся вопросов древнерусского языка, истории и культуры.

Причины такого положения вещей следует искать в специфических условиях, в каких находилась русская филология в Польше в период пер-

¹ Статья прислана Отделом литературы Польско-Советского института в Варшаве. (Ред.). В настоящем обзоре не учитываются популярные статьи, опубликованные в значительном количестве в журналах в связи с 300-летием воссоединения Украины с Россией.

вого десятилетия после войны. Первой из этих причин была, бесспорно, необходимость заниматься параллельно — и даже в значительно большей степени, чем древнерусской проблематикой, — вопросами новой русской и советской литературы, вопросами современного русского литературного языка и диалектологии. В таких условиях работы по древнерусской филологии отошли для немногочисленных кадров польских русистов на второй план. Этого нельзя не учесть при подведении итогов работ в интересующей нас области.

* *
*

Общее представление о состоянии историко-литературных исследований и основные библиографические данные, в частности касающиеся также древнерусской литературы, дает статья С. Фишмана и М. Якубеца, освещающая итоги десятилетия (точнее: период с 1946 до половины 1954 г.) в области истории русской литературы в Народной Польше (1).

В течение всего минувшего десятилетия в Польше в сущности не вышло ни одной работы общего характера по древней русской литературе. В качестве единственной попытки такого рода можно привести опубликованный в «Отчетах» Академии Наук в Кракове (Akademie Umiejętności) доклад С. Кольбушевского, посвященный вопросам истории русской литературы с древнейшего периода до конца XVIII в. (2).

Среди работ, посвященных более узким проблемам из области древнерусской литературы, больше всего вышло работ о «Слове о полку Игореве». Вопросы подлинности этого великого памятника древнерусской литературы (на основе анализа языка и стиля), а также его художественные качества рассматривают в своих статьях Л. Гомолицкий (3), С. Урбанчик (4), В. Якубовский (5) и А. Зайончковский (6—7). Критическое издание «Слова» в поэтическом переводе Юлиана Тувима с обширным (71 стр.) литературно-историческим очерком М. Якубеца (8) дало возможность широким кругам читателей подробно ознакомиться не только с самим произведением, но также и с основными связанными с ним вопросами. Вступительный очерк содержит, в частности, разделы: Духовная культура Киевской Руси в XI—XII вв., Исторический фон поэмы, Проблема авторства, Вопрос подлинности, «Слово о полку Игореве» в русской литературе, среди поляков и др.

Иного рода работу, сугубо филологического характера, представляет собой издание «Слова», подготовленное А. Обрембской-Яблонской (9). Этой работе, предназначенной в основном для специалистов, предшествовал целый ряд статей того же автора, касающихся или отдельных вопросов издания (10—11) или излагающих взгляды других исследователей на отдельные проблемы «Слова» (12—13). Издание «Слова», подготовленное А. Обрембской-Яблонской, содержит вступительную статью, отдельные главы которой касаются таких вопросов, как открытие «Слова», поход Игоря по сведениям русских летописей, «Слово» на фоне эпохи, язык, правописание и критика текста, литературный генезис «Слова», содержание и художественный план произведения, отзвуки «Слова» и скептики, «Слово» в польских переводах. В издании помещено воспроизведение издания «Слова» 1800 г., древнерусский текст по изданию А. С. Орлова, польский прозаический перевод, поэтический перевод Юлиана Тувима и обширные комментарии.

Последней из серии работ, посвященных «Слову», является рецензия Г. Сафаревич на издание, подготовленное А. Обрембской-Яблонской (14).

Хронологически позднейшим после «Слова» памятником, изданным в Польше в столь же тщательной обработке, является «Хождение за три моря» Афанасия Никитина (15). Текст дан в переводе Г. Вильман-Грабовской, вступительный очерк и комментарии В. Якубовского и переводчицы. Вступительный очерк (127 стр., т. е. более $\frac{2}{3}$ объема всей книги), кроме подробной характеристики автора и произведения, рассмотренных на фоне общественно-политических и культурных условий Руси XV в., содержит ряд разделов, знакомящих читателя с малоизвестными экономическими и политическими отношениями в Персии и Индии того времени. Персидским и турецким элементам языка посвящена особая работа А. Зайончковского (16).

Дальнейшие две оригинальные работы — это статья В. Якубовского «Протопоп Аввакум и идейно-религиозная борьба в России XVII века» (17) и изданные в серии «Национальной библиотеки» (как и «Слово о полку Игореве» и «Хождение за три моря») «Былины» (18). Вступительный очерк (131 стр.) с представляющим особый интерес разделом «Былины в Польше» и примечания написал М. Якубец. Переводы отдельных былин принадлежат Ч. Ястшембцу-Козловскому, Т. Лопалевскому и Т. Хрусцельскому.

Рецензиями В. Якубовского (19) и Л. Нодзынской (20) исчерпываются работы в области древней русской литературы.

* *
*

Особое место среди работ польских ученых по русской филологии (в самом широком смысле этого слова) занимают работы скончавшегося недавно (1952 г.) краковского славяноведа Яна Янува. «Один из последних, если не последний, представитель славянской филологии старого типа» (21), этот ученый сочетал глубокое знание ряда столь резко разграничиваемых ныне специальностей, как древнерусская и древнепольская филология (т. е. языкознание, равно как и история литературы), востоковедение (по крайней мере в степени, необходимой для работы по вопросам языковых и культурных связей славян с народами Ближнего Востока) и, наконец, этнография. Из статей и научных работ, написанных им в период 1946—1952 гг., можно отнести к русской филологии: монографический очерк жизни и творчества выдающегося украинского проповедника и писателя XVII в. И. Галятовского (22), исследование переводов и переложений «Постиллы» М. Рея в русских поучениях (23), статью об учительных апракос-евангелиях (24—25) и заметки о необыкновенной популярности на Руси произведений Кирилла Транквилиона Ставровецкого (26). Наконец, три весьма богатые содержанием статьи под общим названием «Восточнославянская лексикография до конца XVII века» (27), в которых автор пытается разрешить ряд частных вопросов, связанных, главным образом, с возникновением и построением известного «Лексикона» П. Бернды.

* *
*

Работы В. Курашкевича (28) и А. Мировича (29) имеют такое же значение для истории исследований в области восточнославянских языков, как статья С. Фишмана и М. Якубеца для истории литературных исследований. Первая из них дает обзор важнейших работ о восточнославянских

языках, опубликованных на польском языке до конца 1952 г. (не учитывая, тем самым, работ польских ученых, опубликованных на иностранных языках, но приводя работы зарубежных ученых, переведенные на польский язык). Статья А. Мировича посвящена развитию восточнославянской филологии в Народной Польше с 1946 по июль 1954 г. и содержит ряд дополнительных библиографических данных.

Работы по древнерусской филологии (в большинстве небольшие статьи и сообщения), в отличие от работ по литературе, отчетливее группируются вокруг определенных проблем.

1. Происхождению и развитию русского литературного языка посвящены: работа Т. Лер-Сплавинского о культурном языке дохристианской Руси (30) и ее популярная версия, напечатанная в журнале «*Język Rosyjski*» (31), доклад Л. Оссовского, освещающий результаты новейших исследований советских ученых о происхождении русского литературного языка (32), статья В. Дорошевского о происхождении и элементах русского литературного языка (33), Я. Отрембского о роли старославянского языка в развитии русского литературного языка (34), две небольшие популярные статьи К. Собоцкого (35) и В. Витковского (36) и, наконец, одна рецензия Я. Сятковского (37).

2. О новгородских грамотах на бересте писали: Т. Лер-Сплавинский (две популярные статьи информационного характера; 38—39), А. Поппе (историко-филологический очерк; 40), Я. Ригер (41) и В. Курашкевич (42) (критическое освещение филологической стороны вышедших до сих пор изданий берестяных грамот).

3. Вопросы грамматики и исторической диалектологии русского языка касаются: В. Курашкевич в статье о результатах новейших исследований в области исторической диалектологии русского языка (43), Л. Оссовский в своем очерке по диалектологии (44), а также А. Мирович (45) и В. Витковский (46) в двух рецензиях.

4. Развитию украинского языка посвящена коллективная работа С. Грабца, Т. Лер-Сплавинского и П. Зволинского (47). Л. Шнейдер (48) занимается языком подкарпатской переработки одного из произведений Кирилла Транквилиона Ставровецкого. С. Грабец рассматривает в своих работах (49—50) вопросы влияния украинского языка на польский язык XVI и XVII вв.

Истории восточных славян касаются следующие работы (в хронологическом и тематическом порядке):

1. Общеественно-политические проблемы. Истории восточнославянских народов в связи с общим развитием славянских народов посвящена работа Г. Батовского (51). Тот же автор пишет о названиях стран (областей), населенных славянами (52). Проблему происхождения восточных славян на основе данных археологии освещает К. Маевский (53). Древнейшему (доисторическому) периоду развития восточных славян (с особым учетом данных языкознания) посвящена небольшая, но ценная работа Т. Лер-Сплавинского (54). Ту же тему затрагивает С. Кучинский (55). О результатах исследований, касающихся происхождения древнерусских племен радимичей и вятичей, пишет Е. Видаевич (56); об исследованиях, посвященных экономическим основам образования Русского государства, Г. Ловмянский (57). О Киевской Руси пишет С. Кучинский (58); об этапах этнического развития русского народа — Ю. Халасинский (59). Причины и последствия похода Владимира на ляхов рассматривает С. Кучинский (60).

О результатах исследований советских ученых в области истории Новгорода Великого пишет М. Богуцкая (61); о работах, касающихся образо-

вания централизованного Русского государства, — С. Краковский (62). С историей восстания Степана Разина знакомит польских читателей статья З. Вуйцика (63).

Сравнительно многочисленные рецензии (64—82) посвящены статьям и работам советских исследователей: К. В. Базилевича, Б. Д. Грекова, В. Д. Королюка, В. В. Мавродина, А. А. Новосельского, В. Т. Пашуто, Б. А. Рыбакова, П. А. Садикова, И. И. Смирнова и П. Н. Третьякова.

Особую группу составляют работы, касающиеся исторических материалов по древнерусской истории. Сюда относятся работы С. Микуцкого о древнейшей русской дипломатике (83—84), четыре рецензии Г. Ловмянского (85—88) и одна рецензия С. Гербста (89).

2. О культурных проблемах пишут М. Якубец в статье об источниках и развитии украинской культуры (90) и С. Травковский в статье о древнерусских городах в свете новейших советских исследований (91), а также авторы ряда рецензий (92—103) на труды Б. Д. Грекова, А. Г. Манькова, Б. А. Рыбакова и М. Н. Тихомирова.

3. Вопросы права и администрации нашли отображение в очерках и докладах Е. Погоновского (вопросы из области сравнительного славянского правоведения; 104), В. Хейноша (к истории общественного строя русских земель в средние века; 105—106), А. Ветулани и С. Романа (о русском средневековом переводе земских статутв Казимира Великого и Владислава Ягайло; 107—108), а также в рецензии В. Хейноша на работу А. Ветулани и С. Романа (109). Они составляют особую группу самостоятельных и интересных работ, основанных на исчерпывающем анализе источников. Сюда следует отнести также пять рецензий на советские научные публикации (110—114).

4. История искусства. Немногочисленные мелкие работы, появившиеся до 1955 г.: В. Моле — «Из истории русского искусства» (115), С. Фишмана — «Святая Троица Рублева» (116), М. Динстл-Домбровы — «Палехская иконописная мастерская» (117) и рецензия Е. Иодковского (118). Существенная перемена к лучшему на участке исследований древнерусского искусства в Польше произошла в 1955 г., когда вышла из печати обширная (362 стр.), богато иллюстрированная монография В. Моле «Русское искусство до 1914 г.» (119), посвященная, между прочим, древнерусской архитектуре, живописи, скульптуре и иконописи. В 1956 г. появилась небольшая работа того же автора «Русская икона» (120), посвященная истории русской иконы с XI по XIV в.

5. Польско-русские связи. Попытку анализа польско-русских взаимоотношений на протяжении истории сделали В. Кентшинский (121) и В. Томкевич (122). О названиях и размещении польских племен в связи с их славянским окружением пишет Э. Войцеховский (123). Польско-русские отношения в раннем средневековье в свете археологических данных рассматривает К. Яжджевский (124). Вопросами, связанными с новейшими исследованиями о Червенских городах, занимаются в своих статьях Г. Ловмянский (125) и А. Гейштор (126). Анализ «Повести временных лет» как источника исторических сведений о Польше дает А. Ф. Грабский (127). О торговле Польши с Киевской Русью пишет А. Гильчер (128). О Матвее из Мехова как авторе первой книги о русских и украинских землях напоминает Р. Э. (129).

6. Вспомогательные исторические науки. Вопросы сфрагистики затрагивает Е. Иодковский в статье «Русские печати XI—XII вв., найденные в Гродне и Дрогичине» (130). Краткий очерк русской палеографии содержит учебник Б. Горыдыского (131).

СОКРАЩЕННЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ

BHSiK	— Biuletyn Historii Sztuki i Kultury.
BPTJ	— Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego.
CP-H	— Czasopismo Prawno — Historyczne.
Dz. Pol.	— Dziennik Polski.
Jęz. Pol.	— Język Polski.
Jęz. Ros.	— Język Rosyjski.
KH	— Kwartalnik Historyczny.
KHKM	— Kwartalnik Historii Kultury Materialnej.
KIP-R	— Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego.
Pam. Lit.	— Pamiętnik Litracki.
Pam. Słow.	— Pamiętnik Słowiański.
Prz. A	— Przegląd Archeologiczny.
Prz. H	— Przegląd Historyczny.
Prz. NHIS	— Przegląd Nauk Historycznych i Społecznych.
Prz. Z	— Przegląd Zachodni.
PFPiS	— Prace z filologii polskiej i słowiańskiej.
PWTN	— Prace Wrocławskiego Towarzystwa Naukowego.
RDSiG	— Roczniki dziejów Społecznych i Gospodarczych.
RO	— Rocznik Orientalistyczny.
RS	— Rocznik Słowistyczny.
Spr. PAU	— Sprawozdania z posiedzeń Polskiej Akademii Umiejętności.
Spr. PMA	— Sprawozdania państwowego Muzeum Archeologicznego.
Spr. WTN	— Sprawozdania Wrocławskiego Towarzystwa Naukowego.
TNT — Pr. Wydz. FF	— Towarzystwo Naukowe w Toruniu — Prace Wydziału Filologiczno-Filozoficznego.
TP	— Tygodnik Powszechny.
WH	— Wiadomości Historyczne.
ZSł.	— Życie Słowiańskie.

1. S. Fiszman i M. Jakóbiec. Dziesięć lat rusycystyki literackiej w Polsce Ludowej. KIP-R, 1954, nr 3(8), s. 55—93.
2. S. Kolbuszewski. Historia literatury rosyjskiej. T. I. Od początku do końca XVIII w. (omówienie). Spr. PAU, t. LI (1950), s. 215—218.
3. L. Gomolicki. Autentyczność «Słowa o pułku Igora» w świetle badań radzieckich. Kuźnica, 1948, nr 38.
4. S. Urbańczyk. Z zagadnień literatury staroruskiej. Kuźnica, 1948, nr 48.
5. W. Jakubowski. Słowo o wyprawie Igora. Jęz. Ros., R. 2 (1949), nr 1, s. 19—25.
6. A. Zajączkowski. Słowo o wyprawie Igora. Odrodzenie, 1949, nr 2.
7. A. Zajączkowski. Związki językowe połowiecko-słowiańskie. PWTN, 1949, S. IA, nr 34, s. 48—64.
8. Słowo o wyprawie Igora. Przełożył Julian Tuwim, wstępem i objaśnieniami zaopatrzył M. Jakóbiec. Wydanie drugie, zmienione. Wydawnictwo Zakładu Narodowego im. Ossolińskich, Wrocław 1950. Biblioteka Narodowa, ser. II, nr 50, s. LXXI + 40.
9. Słowo o wyprawie Igora. W opracowaniu A. Obrębskiej-Jabłońskiej. Przekład poetycki J. Tuwima. Przekład filologiczny A. Obrębskiej-Jabłońskiej i Z. Feddeckiego. Pod. red. S. Fiszmana. Państwowe Wydawnictwo Naukowe. Warszawa 1954, s. 175 + VIII + 46. Zawiera również fotoofsetową reprodukcję «Słowa» wyd. z 1800 r.
10. A. Obrębska-Jabłońska. Transpozycja imion własnych w polskich przekładach «Słowa o wyprawie Igora». Jęz. Pol., R. XXXI (1951), nr 3, s. 97—111.
11. A. Obrębska-Jabłońska. «Słowo o wyprawie Igora» w przekładach polskich. Pam. Lit., R. 43 (1952), z. 1/2, s. 408—441.

12. A. Obrębska-Jabłońska. Рец.: Булаховский. О первоначальном тексте Слова о полку Игореве. — ИЮЛЯ, 1952, т. XI, вып. 5. KIP-R, 1953, nr 4, s. 184—185.
13. A. Obrębska-Jabłońska. Рец.: В. Ф. Ржига. Несколько мыслей по вопросу об авторе Слова о полку Игореве. — ИЮЛЯ, 1952, т. XI, вып. 5. KIP-R, 1953, nr 4, s. 185.
14. H. Safarewicz. Polskie wydanie «Słowa o wyprawie Igora» (Słowo o wyprawie Igora. W opracowaniu Antoniny Obrębskiej-Jabłońskiej. PIW. Warszawa, 1954, s. 175). KIP-R, 1955, nr 3 (12), s. 192—194.
15. Atanazy Nikitin. Wędrowka za trzy morza. Przełożyła H. Willman-Grabowska, opracowali W. Jakubowski i H. Willman-Grabowska. Wydawnictwo Zakładu Narodowego im. Ossolińskich, Wrocław 1952. Biblioteka Narodowa, ser. II, nr 72, s. CXXVII—56.
16. A. Zajączkowski. Materiał językowy persko-turecki z «Wędrowki za trzy morza» Nikitina (XV w.). RO, t. XVII (1953), s. 47—67.
17. W. Jakubowski. Protopop Awwakum na tle walk ideowo-religijnych w Rosji XVII stulecia. Spr. PAU, t. XLIX (1948), nr 1, s. 7—11.
18. Byliny. Wybrał, wstępem i objaśnieniami zaopatrzył M. Jakóbiec. Wydawnictwo Zakładu Narodowego im. Ossolińskich, Wrocław, 1955. Biblioteka Narodowa, ser. II, nr 96, s. CXXXI—170.
19. W. Jakubowski. Рец.: История русской литературы. Том второй, часть вторая. Литература 1590—1690 гг. Редакторы тома: А. С. Орлов, В. П. Адрианова-Перетц, Н. К. Гудзий. Пам. Słow., t. I (1949), s. 148—157.
20. L. Nodzyńska. Рец.: В. П. Адрианова-Перетц. У истоков русской сатиры. — ИЮЛЯ, 1954, т. 13, вып. 1. KIP-R, 1954, nr 3(8), s. 208—210
21. T. Ulewicz. Dorobek naukowy Jana Janowa w zakresie dziejów dawnego piśmiennictwa i kultury. Pам. słow., t. IV, 1 (1954), s. 52—70. см. то же:
T. Lehr-Spławiński. Dorobek naukowy Jana Janowa w zakresie językoznawstwa słowiańskiego. Pам. Słow., t. IV, 1(1954), s. 71—75.
22. J. Janów. Galatowski Joannicjusz. Polski Słownik Biograficzny, VII (Kraków, 1948), s. 221—222.
23. J. Janów. Tłumaczenia i przeróbki z Postylli M. Réja w pouczeniach ruskich (Tymczasowy wykaz około 50 kodeksów). Spr. PAU, t. XLVIII (1947), s. 301—306.
24. J. Janów. Problem klasyfikacji ewangeliarzy «uczynnych» (kaznodziejskich). Cz. I Grupa środkowo-podolska. Spr. PAU, t. XLVIII (1947), s. 296—301.
25. J. Janów. Ze studiów nad ewangeliarzami «uczynnymi» XVI—XVII w. Slavia, XIX (1950), s. 317—335.
26. J. Janów. O niezwykłej popularności dzieł C. Tr. Stawrowieckiego na Rusi w XVII w. i ich przeróbki na Zakarpaciu. Spr. PAU, t. LII (1951), s. 899—903.
27. J. Janów. Leksykografia wschodnio-słowiańska do końca XVII w. Cz. I Uwagi o 'Azbukownikach' i 'Rozmówkach' bizantyńsko-rosyjskich. Cz. II, 1 Leksykon P. Beryndy i jego stosunek do nauki zachodnio-europejskiej. Cz. II, 2 Etymologie Maksyma Greka, Manuela Retora i innych autorów w słowniku imion P. Beryndy z 1627 r. Spr. PAU, LII (1951), S. 129—135, 327—334, 466—474.
28. W. Kuraszkiewicz. Ważniejsze prace o językach wschodnio-słowiańskich napisane po polsku. KIP-R, 1953, nr 2/3, s. 160—169.

29. A. Mirowicz. Dziesięć lat językoznawstwa wschodni-słowiańskiego w Polsce Ludowej. KIP-R, 1954, nr 3(8), s. 94—109.
30. T. Lehr-Spławiński. Zagadnienie języka kulturalnego Rusi przedchrześcijańskiej. (Z powodu pracy S. P. Obnorskiego «Очерки по истории русского литературного языка старшего периода», Изд. АН СССР, Москва—Ленинград, 1946). RS, t. XVI, 1 (1948), s. 153—162.
31. T. Lehr-Spławiński. Z rozważań o pochodzeniu rosyjskiego języka literackiego. Jęz. Ros., R. 2 (1949), nr 1, s. 9—15.
32. L. Ossowski. Najnowsze wyniki badań radzieckich nad pochodzeniem rosyjskiego języka literackiego. Spr. WTN za 1949 rok, nr 2, s. 73—78. Wrocław, 1952.
33. W. Doroszewski. Geneza i składniki rosyjskiego języka literackiego. Jęz. Ros., R. 1 (1948), nr 1, s. 13—18.
34. J. Otrębski. Rola języka starsłowiańskiego w rozwoju rosyjskiego języka literackiego. Jęz. Ros., R. 6 (1953), nr 6, s. 3—10.
35. K. Sobocki. Rosyjski język literacki i jego pochodzenie. Nowe Kadry. 1952, nr 1, s. 4—5.
36. W. Witkowski. Kształtowanie się rosyjskiego języka literackiego. Dz. Pol. («Od A do Z»), 1953, nr 9—s. 3, nr 10—s. 3, nr 12—s. 3, nr 14—s. 3, nr 17—s. 3.
37. J. Siatkowski. Рец.: П. И. Аванесов. К вопросу образования русского национального языка. — Вопросы языкознания, 1953, № 2. KIP-R, 1953, nr 5, s. 158—160.
38. T. Lehr-Spławiński. Najstarsze listy słowiańskie. TP, 1953, nr 439, s. 10.
39. T. Lehr-Spławiński. Najstarsze zabytki mowy potocznej na Rusi. Jęz. Ros., R. 7 (1954), nr 3, s. 5—9.
40. A. Poppe. Zabytki staroruskiej kultury piśmienniczej na korze brzozonej w Nowogrodzie Wielkim. KH. t. 61 (1954), nr 2, s. 365—374.
41. J. Rieger. Gramoty nowogrodzkie pisane na korze brzotowej. (A. B. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). Изд. АН СССР, Москва, 1953; A. B. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). Изд. АН СССР, Москва, 1954). KIP-R, 1955, nr 4 (13), s. 74—82.
42. W. Kuraszkiewicz. Uwagi paleograficzne i językowe na marginesie wydania gramot nowogrodzkich pisanych na brzozonej korze. KIP-R, 1955, nr 4(13), s. 83—95.
43. W. Kuraszkiewicz. Nowe wyniki badań w zakresie dialektologii historycznej języka rosyjskiego. KIP-R, 1953, nr 5, s. 92—101.
44. L. Ossowski. O zwięzonym lub dyftongicznym o w pewnych gwarach i zabytkach rosyjskich. (Ze studiów nad akcentem rosyjskim). BPTJ, X, Kraków, 1950, s. 141—147.
45. A. Mirowicz. Рец.: П. С. Кузнецов. К вопросу о генезисе видо-временных отношений древнерусского языка. — Труды Института языкознания АН СССР, 1953, т. 2. KIP-R, 1954, nr 4(9), s. 228—235.
46. W. Witkowski. Gramatyka historyczna języka rosyjskiego. (Рец.: П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Морфология. Изд. Московского университета, Москва, 1953). KIP-R, 1955, 4(13), s. 186—189.
47. S. Hrabec, T. Lehr-Spławiński, P. Zwoliński. Rozwój języka ukraińskiego. KIP-R, 1955, 1—2(10—11), s. 70—99.

48. L. Schneider. Język podkarpackiej przeróbki Pawła Kuzykiewicza z Cyryla Trankwiliona Stawrowieckiego z wieku XVII. PFPiS, t. 1 (1955), s. 418—448.
49. S. Hrabec. «Kresowość» w języku poetów czerwono-ruskich. BPTJ, VIII, Kraków, 1948, s. 127—129.
50. S. Hrabec. Elementy kresowe w języku niektórych pisarzy polskich XVI i XVII w. TNTPr. Wydz.FF, Toruń, 1949, t. 3, z. 2, s. 159+1 nlb.
51. H. Batowski. Zwięzły zarys dziejów Słowiańszczyzny. Biblioteka Oświaty Powszechnej, t. 5, Kraków, 1948, ss. 198+9 nlb.
52. H. Batowski. Siedziby Słowian i nazwy krajów (regionów). Świat i Polska, 1948, nr 7.
53. K. Majewski. Kultura pól grzebalnych na Ukrainie, a problem genezy Słowian wschodnich. Archeologia, 1948, s. 167—176.
54. T. Lehr-Spławiński—Słowianie wschodni (z cyklu: Początki Słowian). Biblioteka Studium Słowiańskiego UJ, ser. B, nr 3, Kraków, 1946, s. 18+mapka.
55. S. Kuczyński. O początkach Rusi. 1946, s. 21.
56. J. Widajewicz. Radymicze i Wiatycze. Wiedza i Życie, 1948, s. 911—914.
57. H. Łowmiański. Stan badań nad podłożem gospodarczym i społecznym genezy państwa ruskiego. Prz. H, t. 43 (1942), z. 1, s. 34—59 sod., 164—166.
58. S. Kuczyński. Ruś Kijowska. Dz. Pol., 1946, nr 95.
59. J. Chałasiński. Zagadnienia etapów etnicznego rozwoju narodu rosyjskiego. Prz. NHiS, 1952, t. 2, s. 278—296.
60. S. Kuczyński. O wyprawie Włodzimierza I ku Lachom w związku z początkami państwa polskiego. Spr. WTN, Wrocław, 1952, (1949), z. 2, s. 114—122.
61. M. Bogucka. Problemy historii Wielkiego Nowogrodu w najnowszych pracach uczonych radzieckich. KH, 1953, nr 3, s. 380—388.
62. S. Krakowski. Problem powstania scentralizowanego narodowego państwa ruskiego w historiografii radzieckiej. KH, 1949, nr 1/4, s. 358—371.
63. Z. Wójcik. Powstanie Stienki Razina w XVII w. Problemy, 1952, nr 7, s. 457—466.
64. K. Musianowicz. Rec.: P. N. Tretjakow. Plemiona wschodnio-słowiańskie. Zarys popularno-naukowy, Warszawa, 1949, s. 243. WH, 1949, nr 4, s. 57.
65. T. Lalik. Rec.: B. A. Rybakow. Russkije zemli po kartie Idrisi 1154 goda. Kratkije soobszczenija o dokładach i polewych issledowanijach I. M. K., nr 43/52. KHKM, 1954, nr 4, s. 792—793.
66. Z. Podkowińska. Rec.: W. W. Mawrodin. Obrazowanije driewnierusskogo gosudarstwa. Leningrad, 1945. Spr. PAU, XLIX (1948), 1, s. 195—201.
67. Z. Podkowińska. Rec. (ср. выше). KH, LVI (1948), s. 230.
68. K. Musianowicz. Rec.: B. A. Rybakow. Problema obrazowanija driewnierusskoj narodnosti w swietie trudow I. W. Stalina. Woprosy istorii, 1952, z. 9. Spr. PMA, t. 5 (1953), z. 1/2, s. 114—116.
69. J. Baumgart. Rec.: B. D. Grekow. Walka Rusi o stworzenie własnego państwa. Warszawa, 1950. KH, LVIII (1950), z. 1/2, s. 183—187.
70. H. Batowski. Rec. (ср. выше). ZSł. 1950, s. 578—580.

71. H. Łowmiański. Rec.: B. D. Grekow. Kijewska Rus. Izd. 3, M. — L., 1939, i tegoż: Bor'ba Rusi za sozdanije swojego gosudarstwa M. — L., 1945. Prz. H, XXXVIII (1948), s. 294—303.
72. J. Baszkiewicz. Rec.: W. T. Paszuto. Oczerki po istorii Galicko-Wołyńskiej Rusi. Moskwa, 1950, Inst. Istorii AN SSSR, CP-H, t. 4, 1952, s. 481—487.
73. R. Kamienik. Rec. (см. выше). KH, LIX (1952), s. 126—130
74. B. Włodarski. Rec. (см. выше). Prz. H, t. 44 (1953), nr 3, s. 426—438.
75. H. Łowmiański. Rec.: W. W. Ma w r o d i n. Obrazowanie j edinogo russkogo gosudarstwa. Leningrad, 1951, Izd. Leningradskogo Uniwersiteta. Prz. H, t. 43 (1952), z. 1, s. 139—146.
76. L. Bazyłow. Polityka zewnętrzna scentralizowanego państwa rosyjskiego w drugiej połowie XV w. (Рец.: К. В. Базилевич. Внешняя политика русского централизованного государства II половины XV в. Изд. Московского университета. Москва, 1952). KIP-R, 1953, nr 2/3, s. 152—159.
77. W. Jewsiewicki. Rec. (см. выше). Prz. NHiS, 1953, t. 3, s. 407—410.
78. H. Łowmiański. Rec. (см. выше). Prz. H, t. 44 (1953), nr 1/2, s. 195—202.
79. L. Bazyłow. Rec. P. A. Sadikow. Oczerki po istorii opriczyny. Moskwa, 1950, AN SSSR. Prz. H, t. 44 (1953), nr 1/2, s. 212—216.
80. M. Wierchowski. Kwestia inflancka w drugiej połowie XVI wieku. (Рец.: В. Д. Королюк. Ливонская война. Из истории внешней политики русского централизованного государства во второй половине XVI века. Москва, 1954). KIP-R, 1954, nr 4(9), s. 214—220.
81. S. Herbst. Rec.: I. I. Smirnow. Wosstanie Bołotnikowa (1606—1607). Izd. 2, 1951. Leningradskoje otdiel. Instituta istorii AN SSSR. Prz. H, t. XLIII (1952), z. 1, s. 146—149.
82. W. Czapieński. Rec.: A. A. Nowosielski. Borba Moskowskiego Gosudarstwa s Tatarami w pierwszej połowie XVII wieku. Moskwa, 1948. Prz. H, XLII (1952), s. 436—441.
83. S. Mikucki. Studia nad najstarszą dyplomatyką ruską. I. Dogowory z Grekami. Spr. PAU, t. XLVIII (1947), s. 76—78.
84. S. Mikucki. Studia nad najdawniejszą dyplomatyką ruską. Pam. Słow., t. III (1952), s. 106—146.
85. H. Łowmiański. Rec.: D. S. Lichaczow. Russkije letopisi i ich kulturno-istoriczeskoje znaczenie. M. — L., 1946. Prz. H, XXXVIII (1948), s. 279—288.
86. H. Łowmiański. Z nowszych wydawnictw radzieckich latopisarstwa ruskiego. (Rec.: Powieś'wriemiennych let. Cz. I. Tiekst i pieriewod; Cz. II. Priłożenija. Pod ried. W. P. Adrianowoj-Pierietc. Moskwa, 1950. KH, 1953, nr 3, s. 233—243.
87. H. Zowmiański. Z nowszych wydawnictw radzieckich latopisarstwa ruskiego. (Rec.: Nowgorodskaja pierwaja letopiś starszege i młodszego izwodow. Pod ried. i c priedisłowijem A. N. Nasonowa. Moskwa, 1950). KH, см. выше.
88. H. Łowmiański. Z nowszych wydawnictw radzieckich latopisarstwa ruskiego. (Rec.: Prisiełkow M. D. Troickaja letopiś — rekonstrukcija tieksta. Moskwa, 1950). KH, см. выше.
89. S. Herbst. Rec.: Powieś'to oprichożenii Stefana Batorija na grad Pskow. Podgotowka tieksta i statij W. I. Małyszewa. Moskwa, 1952, AN SSSR, Institut Russkoj Literatury. KH, 1954, t. 61, nr 2, s. 258—259.
90. M. Jakóbiec. Zródła i drogi rozwojowe kultury ukraińskiej. KIP-R, 1954, nr 1—2(10—11), s. 100—123.

91. S. Trawkowski. Miasta staroruskie w świetle nowych badań radi-
zieckich. Architektura, 1952, nr 1. Biuletyn Instytutu urbanistyki
i Architektury, nr 1, s. 1—2, ilustr.
92. L. Rauhut. Rec.: Istorija kultury driewniej Rusi. T. I. Domongol-
skij period. Materialnaja kultura. T. 2. Obszczestwiennyj stroj i du-
chownaja kultura. Moskwa, 1948. KH, 1952, t. 59. s. 143—
145.
93. K. Musianowicz. Rec. (см. выше). Spr. PMA, 1952, z. 3/4, s. 111—115.
94. J. Jodkowski. Rec.: B. A. Rybakow. Znaki sobstwiennosti w kniaże-
skom choziajstwie Kijewskoj Rusi X—XII w. Sowietskaja Archeoło-
gija, VI. BHSiK, 1946, nr 3—4, s. 210—211.
95. M. Małowist. Rec.: B. D. Griekow. Opyt periodizacii istorii kre-
stian w Rossii... Woprosy istorii, 8—9, 1946. Prz. H, t. XXXVII
(1948), s. 454—455.
96. H. Łowmiański. Rec.: B. D. Grekow. Krestjanie na Rusi s drewniejszych
wriemien do XVII wieku. M.—L., 1946. RDSiG, 1950.
s. 219—223.
97. S. Sreniowski. Rec. (см. выше). CP-H, 1949, s. 471—474.
98. H. Łowmiański. Rec.: B. A. Rybakow. Riemieśło driewniej Rusi.
Moskwa, 1948. RDSiG, 1950, s. 219—223.
99. W. Hensel. Rec. (см. выше). Prz. Z, 1949, nr 1/2, s. 146—148.
100. T. Nowak. Rec. (см. выше). KH, LVII (1949), nr 1/4, s. 256—262.
101. S. Hozzowski. Rec.: A. G. Mańkow. Ceny i ich dwizenije w rus-
skom gosudarstwie XVI wieku. Moskwa, 1951. KH, LIX (1952),
s. 112—122.
102. J. Nowakowa. Rec.: Tamożennyje knigi Moskowskogo gosudarstwa
XVII w. t. 1. Moskwa (b. r. wyd). KH, LVIII, (1950), z. 1/2,
s. 194—195.
103. T. M. Nowak. Rec.: M. Tichomirow. Driewnierusskije goroda.
Moskwa, 1946. KH, LVIII (1950), z. 1/2, s. 200—210.
104. J. Pogonowski. Z problematyki studium porównawczego praw
słowiańskich. Spr. WTN, 1948, s. 120.
105. W. Hejnosz. «Mordanica» czy «ordyńcy»? Przyczynek do dziejów
ustrojowych ziem ruskich w średniowieczu. Spr. PAU, t. LI (1950),
s. 297—298.
106. W. Hejnosz. «Mordanica» czy «ordyńcy»? (Przyczynek do dziejów
ustrojowych ziem ruskich w średniodeczu). Pam. Słow., t. II (1951),
s. 187—196.
107. A. Vetulani i S. Roman. Sredniowieczny ruski przekład statutów
ziemskich Kazimierza Wielkiego i Władysława Jagiełły. Wrocław,
1950.
108. A. Wetulani i S. Roman. О времени перевода земских стату-
тов Казимира Великого и Владислава Ягелло на украинско-русский
язык.—Уч. записки Института славяноведения, том IV, 1951,
s. 347—356.
109. W. Hejnosz. Jeszcze o średniowiecznym ruskim przekładzie Statu-
tów ziemskich Kazimierza Wielkiego i Władysława Jagiełły. CP-H,
t. 4, 1952, s. 459—465.
110. S. Roman. Rec.: Pamiatniki prawa kijewskiego gosudarstwa X—XII
wiekow. Sostawitiel, docent A. A. Zimin. Moskwa, 1952. CP-H, t. 6,
1954, s. 369—373.
111. W. Sobociński. Problemy historii państwa i prawa Rusi Kijow-
skiej (W związku z pracą: S. W. Juszkow. Kurs istorii gosudarstwa
i prawa SSSR, t. I. Moskwa, 1951). CP-H, t. 4, 1952, s. 358—406.

112. S. Roman. Zagadnienia historii Ruskiej Prawdy. (Rec. na S. W. Juszkowa «Russkaja Prawda, proischozhdienije». Moskwa, 1950). CP-H, t. 5, 1953, s. 206—223.
113. W. Hejnosz. Rec.: Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. Часть 1. Изд. АН СССР, Институт истории. М—Л., 1948. Pam. Słow., t. II (1951), s. 223—225.
114. L. Żytkowicz. Rec. (см. выше), cz. 1—2. KH, LXI (1953), nr 1, s. 223—229.
115. W. Mole. Z dziejów sztuki rosyjskiej. Jęz. Ros., R. 1 (1948), nr 2, s. 8—18. Jęz. Ros., R. 2 (1949), nr 2, s. 8—16.
116. S. Fiszman. „Święta Trójca“ Rublowa. Odrodzenie, 1948, nr 33.
117. M. Dienstl-Dąbrowa. Wytwórnia ikon w Palech, Dz. Pol., 1946, nr 135.
118. J. Jodkowski. Rec.: N. N. Woronin. Pamiatniki władimiro-suzdalskiego zoczystwa XI—XIII wiekow. Izd. AN SSSR, Moskwa, 1945. BHSiK, 1946, nr 3/4, s. 210—211.
119. Wojśław Molé. Sztuka rosyjska do roku 1914. Zakład im Ossolińskich-Wydawnictwo. Wrocław—Kraków, 1955, Praca zawiera 260 ilustracji w tekście i pięć tablic barwnych.
120. W. Molé. Ikona ruska. Wydawnictwo Sztuka. Warszawa, 1956, s. 56. Zawiera 41 ilustracji.
121. W. Kętrzyński. Polacy i Rosja. Dziś i Jutro, 1946, nr 10, s. 1—3.
122. W. Tomkiewicz. Stosunki kulturalne polsko-rosyjskie do XVIII w. Pamiętnik VII Zjazdu historyków polskich. Wrocław, 1948, s. 235—238.
123. Z. Wojciechowski. O nazwach i lokalizacji plemion polskich na tle sąsiedztwa słowiańskiego. Pam. Słow., t. IV, 2 (1955), s. 324—339.
124. K. Jażdżewski. Stosunki polsko-ruskie we wczesnym średniowieczu w świetle archeologii. Pam. Słow., t. IV, 2 (1955), s. 340—360.
125. H. Łowmiański. Problematyka historyczna Grodów Czerwieńskich w związku z planem zespołowych badań polsko-radzieckich. KH, LXI (1953), nr 1, s. 58—85.
126. A. Gieysztor. Polskie badania na Grodach Czerwieńskich w latach 1952 i 1953. KIP-R, 1954, nr 1 (6), s. 144—153.
127. A. F. Grabski. «Повесть временных лет» jako materiał źródłowy do dziejów Polski—w świetle nowszej literatury. KIP-R, 1955, nr 1—2 (10—11), s. 258—292.
128. Z. Hilczerna. Przyczynki do handlu Polski z Rusią Kijowską. Prz. A., R. 26 (1950), t. 9, z. 1, s. 8—23.
129. R. Z. Maciej Miechowita, autor pierwszej książki o ziemiach Rosji i Ukrainy. Wiedza i Życie, 1952, nr 4, s. 360—362.
130. J. Jodkowski. Pieczęcie ruskie XI—XII w. znalezione w Grodnie i Dohiczynie. Prz. H, XXXVII (1948), s. 153—180.
131. B. Horodyski. Podręcznik paleografii ruskiej. wyd. Studium Słowiańskiego. Uniw. Jag. Seria C, nr 6, Kraków, 1951, s. 132.

Е. ПРОХАЗКОВА

**Библиография чехословацких работ по древнерусской
литературе за 1945—1955 гг.¹**

1. František Kubka. Slovo o pluku Igorově, Praha, 1946 (Překlad).
2. Jan Komorovský. K prekladaniu «Slova o pluku Igorovu» do slovenštiny. — Slovo a tvar, I, 1947, str. 21—25.
3. Karel Horálek. K otázce tvarového charakteru Slova o pluku Igorově. — Slovo a slovesnost, X, 1947, č. 2, str. 112—114.
4. Jan Frček. Zádostina. Staroruský žalozpěv o boji Rusů s Tatary r. 1380. Rozprava literárně dějepisná. Kritické vydání textů, Praha, Slovanský ústav, 1948.
5. N. Pospelov, P. Sabliovskij, A. Zerčaninov. Dějiny ruské literatury, I. Praha, 1947. Recenze: Vaclav Kůst (spojená s recenzí II. dílu. — Listy filologické, 73, 1949, č. 2—3, str. 117—120.
6. Ivan Paňkovič. Семигородське парамійне читання про пімсту Ярославна Святополкові за убиття Бориса і Гліба. — Slavia, XIX, 1949, č. 1—2, str. 86—99.
7. Antonín Dostál. Dispute de l'authenticité du Slovo d'Igor dans la science occidentale. — Byzantinoslavica, X, 1949, č. 2, str. 275—284.
8. Slavomír Wollman. Slovo o polku Igoreve. Stav výzkumů 150 let po I. vydání. — Slovesná věda, III, 1950, č. 3, str. 134—146.
9. Jan Frček. Zádostina; V. P. Adrianova-Peretz, Zádostina. Recenze: Antonín Dostál — Listy filologické, 74, 1950, č. 1, str. 39—43.
10. Putování ruského kupce Afanasije Nikitina přes moře v 15 stol. do Indie. Přeložil Vincenc Lesný. Praha, 1951.
11. Václav Polák, Slavomír Wollman, Bohumila Zástěrová. Dodatky k stavu výzkumů Slova o polku Igoreve. — Slovesná věda, III, 1951, č. 5. str. 245—246.
12. Slavomír Wollman. Slovo o polku Igoreve v jubilejním roce 1950. — Slavia, XXI, 1952, č. 1, str. 67—82.
13. Antonín Dostál. Les derniers travaux soviétiques relatifs au „Slovo o pluku Igoreve“. — Byzantinoslavica, 13, 1952—1953, str. 290—291.
14. Slavomír Wollman. Slovo o polku Igoreve v jubilejním roce 1950. (Dokončení). — Slavia, XXII, 1953, č. 2—3, str. 484—491.
15. Nestorův letopis ruský. Z originálu přeložil a předmluvu napsal Karel Jaromír Erben. Vydání uspořádal a doslovem opatřil Julius Dolanský. Erbenovy poznámky doplnil Antonín Florovskij, Praha, 1954.

¹ Библиография прислана Славянским институтом Чехословацкой Академии наук в Праге. (Ред.).

16. Julius Dolanský. Význam Ruska pro práci Josefa Dobrovského o slovanských literaturách. — Sovětská věda — literatura III, 1954, č. 1, str. 71—86 (především str. 81—83).
 17. Helena Procházková. Nový pohled na vznik staré ruské literatury. Recenze knihy: Д. С. Лихачев. Возникновение русской литературы. — Sovětská věda — literatura, III, 1954, č. 6, str. 778—782.
 18. Helena Procházková. Stará ruská literatura N. K. Gudziho. — Sovětská věda — literatura IV, 1955, č. 2, str. 215—223.
 19. Slavomír Wollman. Dobrovský a Slovo o pluku Igorově. — Slavia, XXIV, 1955, č. 2—3, str. 269—282.
 20. Slavomír Wollman. Tři zpěvy staroruské, přeložila Hana Skalová, předmluvu napsal Slavomír Wollman. Praha. 1955, Státní nakladatelství krásné literatury (Světová četba 105).
 21. A. V. Florovskij. Чешская библия в истории русской культуры и письменности (Фр. Скорина и продолжатели его дела). — Сборник филологický XII, 1940—1946, str. 153—260.
 22. Frank Wollman. Tvaroslovné určení Slova o pluku Igorově. — Psychologie, čas. pro teor. a užitou psych., XII, 1949, č. 3—5, str. 108—112.
-

В. Д. КУЗЬМИНА

Критико-библиографический обзор статей и заметок по истории древнерусской литературы в журнале «Revue des études slaves» (1932—1955)

Информация о статьях по древнерусской литературе в зарубежной периодике, в том числе в данном журнале (кончая 1931 г., т. XI), была дана читателям ТОДРА покойным акад. М. Н. Сперанским (Критико-библиографические заметки о новых трудах по истории древнерусской литературы. ТОДРА, т. I. Л., 1934, стр. 359).

Предлагаемый обзор объединяет сведения о статьях и заметках по истории древнерусской литературы, напечатанных в последующих томах (XII—XXXII) «Revue des études slaves» (далее обозначаем сокращенно RES) за 1932—1955 гг.

Статьи объединены по историческим периодам и сгруппированы вокруг отдельных произведений или писателей, которые привлекали внимание зарубежных ученых.

Из литературы Киевской Руси исследователи обращались к трем произведениям: так называемому «Изборнику» Святославу 1076 г., «Слову о полку Игореве» и «Слову на антипасху» Кирилла Туровского.

Первому из этих произведений посвящены две статьи Н. П. Попова: «L'Izbornik de 1076 dit de Svjatoslav comme monument littéraire» (RES, 1934, XIV, стр. 5—25) и «Les auteurs de l'Izbornik de Svjatoslav de 1076» (RES, 1935, XV, стр. 210—223).

И. У. Будовниц в статье «Изборник Святослава 1076 года и „Поучение“ Владимира Мономаха и их место в истории русской общественной мысли» (ТОДРА, т. X. 1954, стр. 44—62) подробно остановился на мнении Н. П. Попова, который доказывал русское (а не болгарское) происхождение «Изборника» и считал его произведением митрополита Илариона и его школы. Действительно, доводы Н. П. Попова относительно составления «Изборника» на Руси вполне убедительны, но нет достаточных оснований приписывать его целиком или частично митрополиту Илариону. И. У. Будовниц показывает тесную связь идейной основы и содержания «Изборника» с обострением классовых противоречий на Руси во второй половине XI в., существенно дополняя наблюдения Н. П. Попова, сосредоточенные преимущественно на художественной форме вошедших в «Изборник» произведений.

Наибольшее количество статей и заметок посвящено «Слову о полку Игореве». Количество первое место занимает цикл статей проф. А. Мазона («La Zadonščina» réhabilitation d'une oeuvre. RES, 1938, XVIII, стр. 5—40; «Le Slovo d'Igor»: le sujet et le cadre; le modèle principal, les adaptations massives. RES, 1938, XVIII, стр. 163—213; 1939, XIX, стр. 52—

86, 242—288), объединенных в 1940 в. в монографию «Le Slovo d'Igor» (Paris, 1940), дополненную затем статьей «Le Slovo d'Igor» (RES, 1944, XXI, стр. 5—45).

Научная несостоятельность стремления А. Мазона доказать, будто «Слово о полку Игореве» — подделка конца XVIII в., была раскрыта Н. К. Гудзием (Ревизия подлинности Слова о полку Игореве в исследовании проф. А. Мазона. Ученые записки МГУ, вып. 110, Труды Кафедры русской литературы, кн. 1, М., 1946, стр. 153—187), В. П. Адриановой-Перетц (Задонщина. Опыт реконструкции авторского текста. ТОДРЛ, Л., 1948, т. VI, стр. 205—217), Р. Якобсоном (L'authenticité du Slovo. La geste du prince Igor. Еропée russe du XII-e siècle. Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves, т. VIII. 1945—1947, New York, 1948, стр. 235—360) и многими другими как советскими, так и зарубежными учеными. На возражения против его концепции проф. А. Мазон ни разу не дал полного и развернутого ответа.¹

Следует также обратить внимание исследователей «Слова о полку Игореве» на статью проф. А. Мазона «Claude Fauriel et les poèmes prétendus anciens de Russie et de Bohême» (RES, 1944, XXI, стр. 121—131). В этой статье проф. А. Мазон печатает 9-ю лекцию Клода Фориеля, прочитанную в Сорбонне в 1831/32 учебном году и посвященную «Слову о полку Игореве» и Краледворской рукописи, поддельность которой еще не была известна. В своем введении проф. А. Мазон возвращается к своим обычным сомнениям в подлинности «Слова» (стр. 123—125). На стр. 128—131 напечатан текст части лекции К. Фориеля, посвященной «Слову о полку Игореве». К. Фориелю известно обнаружение рукописи в 1795 г. и первое издание 1800 г. Он обращает внимание на историчность поэмы, подчеркивает ее лиро-эпический характер и считает, что основная часть поэмы заканчивается картиной разгрома Игорева войска половцами.² Далее, по мнению Фориеля, следуют лирические эпизоды. Фориель полагает, что «Слово о полку Игореве» — образец отдельной песни о крупном событии национальной истории. С таких именно песен, считает К. Фориель, началось развитие эпоса в странах Европы.

Заметки по «Слову о полку Игореве», помещенные в тт. XII—XXXII RES, касаются понимания отдельных слов («русичи» — В. Unbegaun. Les «Rusići/Rusieis du Slovo d'Igor». RES, 1938, XVIII, стр. 79—80), словосочетаний (А. Vaillant. «Ярославна рано плачет». RES, 1949, XXV, стр. 106—108), истолкования темных мест («земля Трояня» — А. Vaillant. «La Terre de Trajan». RES, 1948, XXIV, стр. 179—180; «готские девы» — Е. Borschak. «Les jeunes filles gothes du Slovo d'Igor». RES, 1950, XXVI, стр. 137—138).

Е. Борщак полагает, что упоминание в «Слове» готских дев — доказательство поддельности произведения, являясь отзвуком присоединения Крыма к России в XVIII в. и провозглашения митрополита Игнатия митрополитом «готфийским и кафийским».

В. В. Мавродин указал, что автор мог иметь здесь в виду крымских готов или готов-тетракситов, живших в XII в. на Тамани и южнее ее, по берегу Черноморья (В. В. Мавродин. Очерки истории левобережной Украины. Л., 1940, стр. 267). Анализируя высказывания проф. Мавродина, Д. С. Лихачев уточнил, что речь шла в данном случае именно о тмутороканских готах, которым поход Игоря угрожал вместе с половцами

¹ В «Journal des savants» (1948, janvier—juin, стр. 23—25) А. Мазон напечатал рецензию на работу В. П. Адриановой-Перетц о «Задонщине» в т. V ТОДРЛ, однако полного разбора всей аргументации В. П. Адриановой-Перетц не дал.

² По непонятным причинам К. Фориель считает половцев татарским племенем.

(Слово о полку Игореве, под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950 (серия Литературные памятники), стр. 430). Это показывает совершенную необоснованность точки зрения Е. Борщака.

А. Вайан в статье «Cyrille de Tourgov et Grégoire de Nazianze» (RES, 1950, XXVI, стр. 34—50) рассматривает вопрос о заимствовании Кириллом Туровским описания весны в «Слове на антипасху» из аналогичного «Слова» Григория Назианзина. Проф. А. Вайан приходит к выводу, что Кирилл Туровский не только заимствовал это описание, но, главное, испортил его, введя цепь схоластических аллегорий в картину весеннего пейзажа. Следует принять во внимание, что сличение текстов, приведенное А. Вайаном, указывает на отсутствие рабского подражания византийскому образцу, а творческая переработка знаменитых произведений отцов церкви типична вообще для средневековых проповедников, она свойственна и Кириллу Туровскому, как указывал В. П. Виноградов (О характере проповеднического творчества Кирилла, епископа Туровского. Сб. статей в память столетия Московской духовной академии. Сергиев посад, 1915, ч. 2, стр. 313—395). Отличия легко объясняются различными историческими условиями и существенной разницей между ораторским искусством древней Руси XII в. и Византии IV в.

Преемственной связи традиций литературы Киевской Руси с развитием литературы на северо-востоке в последующие столетия посвящены две работы безвременно погибшего М. Горлина:³ статья о Серапионе Владимирском (Sérapion de Vladimir, prédicateur de Kiev. RES, 1948, XXIV, стр. 21—28) и заметка об отголоске Похвалы князю Рюрику Ростиславичу (Ипатьевская летопись, 1200 г.) в произведении инока Фомы «Слово похвальное тверскому князю Борису Александровичу» (Un écho de l'éloge de Ruric Rostislavič. RES, 1942, XX, стр. 156—158).

Приведенные М. Горлиным шесть примеров близких совпадений текста позволяют принять его точку зрения и считать доказанным, что тверской инок-публицист XV в. знал не только Тверскую летопись, местные статейные списки, Начальную летопись, «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона, паримийное Чтение о Борисе и Глебе (все это было указано А. А. Шахматовым: Отзыв об издании Н. П. Лихачева «Инока Фомы Слово похвальное о благоверном великом князе Борисе Александровиче». Памятники древней письменности и искусства, № 176. СПб., 1911, Приложения, стр. 15—28), но также летопись по Ипатьевскому списку. В последней привлекли его внимание как эпизоды ранних сказаний Начальной летописи (ср.: А. А. Шахматов. Отзыв об издании Н. П. Лихачева..., стр. 17 — о дарах греческого императора Святославу, крещение Владимира), так и одно из позднейших поэтических произведений, внесенное в нее под 1200 г.

Далеко не столь бесспорно мнение М. Горлина о том, что Серапион Владимирский был исключительно киевским, а не владимирским проповедником. В отличие от Е. В. Петухова (Серапион Владимирский — русский проповедник XIII века. СПб., 1888), считавшего, что четыре из пяти дошедших до нас «слов» Серапиона, были произнесены во Владимире в 1274—1275 гг., М. Горлин утверждает, что лишь одно — последнее — было составлено и произнесено во Владимире, а четыре первых следует относить к киевскому периоду деятельности Серапиона (1230-е—первая половина 1270-х годов). Н. К. Гудзий в статье «Где и когда протекала литературная деятельность Серапиона Владимирского» (ИЮЛЯ, 1952, т. XI, вып. 5, стр. 450—456) показал, что, во-первых, надо говорить не

³ М. Горлин был схвачен и замучен в фашистском гестапо в 1942 г. Некролог М. Горлина и список основных трудов см.: RES, 1946, XXII, стр. 289—290.

о пяти, а лишь о четырех произведениях Серапиона, так как пятое «слово» — лишь редакция предшествующего. Не случайно, что «Златая цепь» включает лишь четыре «слова» Серапиона, а пятое помещается лишь начиная с Паисиевского сборника. Таким образом, четвертое и пятое «слова» — безусловно относятся к владимирскому периоду деятельности Серапиона. Отнесение М. Горлиным почти всех произведений Серапиона к Киеву, как показал Н. К. Гудзий, основано на неправильном представлении о мирных добрососедских отношениях северо-восточных княжеств Руси с татарами (что противоречит исторической действительности), на неполном и неточном цитировании. Таким образом, второе «слово» Серапиона (по М. Горлину; третье — по нумерации Е. В. Петухова) нет основания обязательно относить к Киеву. Вопрос о датировке третьего «слова» Серапиона (по М. Горлину, второго — по Е. В. Петухову) представляется не вполне ясным за отсутствием неоспоримых данных для датировки в тексте произведения.

М. Горлин и Н. К. Гудзий предлагают разные датировки (1260-е годы или около 1275 г.) в зависимости от того, как они понимают указание Серапиона на начало сорокалетия, в течение которого Русь терпит беды под властью татар (начиная с 1223 или 1237 г.).

М. Горлин предлагает вести счет от битвы на р. Калке (1223 г.), Н. К. Гудзий — от похода на северо-восточную Русь в 1237 г., что представляется более вероятным. Возражения проф. А. Мазона Н. К. Гудзию не достигают цели за неимением новых доказательств (RES, 1953, XXX, стр. 156). По-видимому, вопрос о датировке данного «слова» следует считать открытым и признать пока установленным, что первое «слово» было произнесено в Киеве, а второе, четвертое и пятое — во Владимире.

Впрочем, датировка и локализация произведений без тщательной текстологической работы не могут считаться правомерными и убедительными. Изучение и научное издание наследия Серапиона Владимирского — одна из очередных задач советских историков древнерусской культуры.

За последние два десятилетия зарубежные слависты не раз обращались к одному из наиболее поэтических произведений древнерусской литературы XIII в. — «Слову о погибели Русской земли». М. Горлин посвятил ему статью («Le Dit de la terre Russe et de la mort du grand prince Jaroslav. RES, 1947, XXVIII, стр. 5—33»), в которой доказывает, что оно не было самостоятельным произведением, а с самого начала было соединено с повествованием о смерти Ярослава Всеволодовича. Последнее М. Горлин восстанавливает по Степенной книге и вступлению к житию ярославского князя Федора Ростиславовича, написанному Андреем Юрьевым, и создает реконструированный текст, объединяющий «Слово о погибели Русской земли» с рассказом о смерти Ярослава. С возражением против точки зрения М. Горлина дважды выступал профессор Женевского университета А. В. Соловьев (Le Dit de la ruine de la terre Russe. Byzantion, t. XXII. Bruxelles, 1953, стр. 105—128; New traces of the Igor Tale in old Russian literature. Harvard slavic studies. Harvard university press. Cambridge Massachusetts, 1953, v. I, стр. 73—81), доказывая, что «Слово о погибели» было создано как самостоятельное произведение, близкое к «Слову о полку Игореве» по своему жанру и поэтическому стилю. Природе, составу и датировке «Слова о погибели» посвящена специальная статья Н. К. Гудзия «О Слове о погибели Русская земля» в XII т. ТОДРА (1956, стр. 527—545), прочитанная первоначально как доклад 20 декабря 1955 г. на заседании группы по изучению древнерусской литературы в ИМЛ.

Малоудовлетворительной из-за эмпирического рассмотрения литературной истории произведения представляется статья А. Фролова (Le Zna-

ménié de Novgorod, évolution de la légende. RES, 1948, XXIV, стр. 67—81; 1949, XXV, стр. 45—72). А. Фролов рассматривает развитие сказаний о чуде богородичной иконы Знамения во время битвы суздальцев с новгородцами вне всякой связи с конкретно-историческими условиями политической жизни Новгорода Великого в XII—XV вв. Кроме того, выдающиеся произведения новгородской иконописи об этом событии автор знает лишь частично, например, иконы Русского музея и б. Гостинопольского монастыря ему неизвестны. И по методологии, и по неполноте материала его большая статья (свыше 3 печатных листов) невыгодно отличается от кратких и разносторонних характеристик этих произведений в работах советских исследователей, оставшихся ему неизвестными (ср.: Д. С. Лихачев. Литература Новгорода XIV—XV вв. В кн.: История русской литературы, т. II, М.—Л., 1945 (АН СССР), стр. 263—264; В. Н. Лазарев. Искусство Новгорода. М.—Л., 1947, стр. 112—120).

Автор обширной монографии о Максиме Греке (Maxime le Grec et l'Occident. Paris, Louvain 1943, 460 стр.),⁴ И. В. Денисов выступил в RES с тремя статьями, которые являются как бы дополнением к ней: об изданиях сочинений Максима Грека (Les éditions de Maxime le Grec. RES, 1944, XXI, стр. 112—120), о двух течениях в русском православии XV в. (Aux origines de l'église russe autocéphale. RES, 1947, XXIII, стр. 66—88), о посмертных жизнеописаниях Максима Грека (Maxime le Grec et ses vicissitudes au sein de l'église russe. RES, 1954, XXI, стр. 7—20).

На основании изучения архивов Афона, Корфу, Болоньи, Флоренции, Рима, Венеции, Парижа, Эскуриала и Александрии проф. И. В. Денисов воссоздал ранний период биографии Максима Грека, установил его мирское имя (Михаил Триволис) и раскрыл жизненный путь его до прибытия на Русь. Уроженец г. Арта, Михаил Триволис в юности посещал университет Франции и Италии, работал у известного итальянского типографа Альда Мануция, несколько лет был сотрудником Пико де ла Мирандола, а в 1502—1504 гг., после принятия католичества, стал монахом доминиканского монастыря св. Марка в Венеции. С 1505 г. Максим Триволис возвращается к православию, покидает Италию и вступает в Ватопедский монастырь на Афоне.

Современный исследователь жизни и деятельности Максима Грека не может пройти мимо работ И. В. Денисова, замечательных по широте изученных архивных материалов. Но как выше названная монография, так и статьи И. В. Денисова в RES отличаются католической тенденциозностью, снижающей их научную ценность. Значение католичества явно преувеличено, на наш взгляд, в анализе мировоззрения Максима Грека. Борьба разных течений в русской религиозной идеологии XV в. (иосифляне и их противники) неверно представлены И. В. Денисовым лишь как результат западного влияния.

Исследование В. Ф. Ржиги о Максиме Греке (Максим Грек как публицист. ТОДРЛ, т. I. 1934, стр. 5—120), а также новейшие советские работы по истории русской общественной мысли XV в. (И. М. Кудряцев. Послание на Угру Вассиана Рыло как памятник публицистики XV века. ТОДРЛ, т. VIII. 1951, стр. 159—186; А. А. Зимин. О политической доктрине Иосифа Волоцкого. ТОДРЛ, т. IX, 1953, стр. 159—177, и др.) дают гораздо более точную, правильную и разностороннюю картину, связывая развитие идеологии с русским историческим процессом и развитием классовой борьбы в условиях феодализма XV в.

⁴ Подробный разбор этой монографии был дан А. Мазоном (A. Mazon. Michel Trivolis dit Maxime le Grec. Journal des savants, 1943, juillet, стр. 97—106).

Из статей И. В. Денисова в RES для исследователей наиболее ценна в силу указанных причин статья 1944 г., которая содержит сравнительный критический анализ двух изданий сочинений Максима Грека (Казань, 1859—1862 и Троицкая Лавра, 1910) и указания на наиболее авторитетные списки сочинений Максима Грека, которые либо были копиями с автографа, либо принадлежали ближайшим современникам Максима Грека.

Интересны отдельные наблюдения И. В. Денисова над развитием житийной легенды о Максиме Греке на Руси в XVI—XVIII вв. и убедительное установление авторов первых жизнеописаний Максима Грека в XVI в. — А. М. Курбского и диакона Исаяи Копинского.

Русской литературе XVII в. на страницах RES посвящены две статьи: в первой из них проф. А. Мазон ставит вопрос об источниках повести о Горе-Злочастии (А. Мазон. «Malheur-Mauvais Destin». RES, 1951, XXVIII, стр. 17—42); во второй — проф. Б. О. Унбегаун изучает стихотворные элементы недавно изданного проф. А. Мазоном «Артаксерсова действия» по списку Лионской библиотеки (B. O. Unbegaun. Les débuts de la versification russe et la Comédie d'Artaxerxès, RES, 1955, XXXII, стр. 32—41) и ставит вопрос о роли иноземцев в развитии силлаботонической системы стихосложения на Руси.

Вряд ли найдет проф. А. Мазон единомышленников в своем воззрении на повесть о Горе-Злочастии как одной из обработок евангельской притчи о блудном сыне, в которой, кроме библейских персонажей, нашел отражение образ Горя, созданный в народной поэзии. Многочисленные западноевропейские параллели и ссылка на Симеона Полоцкого («Комедия о притче о блудном сыне») в данном случае совершенно не убедительны, так как различия оказываются гораздо значительнее общего сходства в сюжетной схеме (неповиновение родителям, своеволие, наказание), широко распространенной в литературе эпохи феодализма.

Проф. Б. Унбегаун тщательно выделил тонические стихотворные строки (шести- и четырехстопные ямбы) в 1-м акте русского текста «Артаксерсова действия» (стр. 65, 67, 69, 71, 73, 75 и 81 по изданию проф. А. Мазона) и отметил, что в дальнейшем тонический стих в этой пьесе исчезает, заменяется рифмованной прозой досилабической поэзии.

Наличие тонических стихотворных вставок в тексте пьесы, по мнению Б. Унбегауна, — доказательство того, что не только немецкий текст, но и русский написан кем-то из немцев. Ему кажется невозможным допустить, чтобы кто-либо из русских в 1672 г. владел силлаботоническим стихом (стр. 36). Повести о Горе-Злочастии, о Сухане, Песни П. А. Квашнина-Самарина, С. И. Пазухина и другие произведения показывают, что владение тоническим стихом не было редкостью среди русских людей XVII в.

Поэтому довод Б. Унбегауна звучит столь же неубедительно, как и его мнение, что Тредиаковского и Ломоносова вдохновила на реформу стихосложения немецкая поэзия (стр. 34), хотя первый приводил образцы стихотворных размеров из русских народных песен, а второй указывал на необходимость соответствия стихосложения природе языка.

Вопрос об авторе (или авторах) «Артаксерсова действия» остается пока открытым, тем более что синтаксис и лексика пьесы с малым количеством германизмов, а в отдельных случаях и с прямым непониманием немецкого текста оригинала не противоречат тому, чтобы это был русский автор, как указывает сам проф. Б. Унбегаун (стр. 36).

А. М. ПАНЧЕНКО

Чешские переводы «Слова о полку Игореве» XIX в.

Первые переводы «Слова о полку Игореве» на чешский язык были выполнены в начале XIX в.: в 1810 г. И. Юнгманном и в 1821 г. — В. Ганкой; оба перевода имеют на себе ясный след влияния Иозефа Добровского. Более того, перевод Юнгманна был сделан под его непосредственным руководством.

Существует мнение, что Добровский, возможно, слышал о «Слове» уже во время своего пребывания в России в 90-х годах XVIII в.¹ (если считать, что рукопись «Слова о полку Игореве» была найдена не в 1795, а в 1791 г.). Во всяком случае именно в это время он завязал связи с русскими учеными — собирателями и исследователями древней русской литературы. Известно, что Добровский примыкал к кружку графа Н. П. Румянцева (еще в начале 1791 г. Н. П. Румянцев обратился к Добровскому через посредство австрийского посланника во Франкфурте-на-Майне Филиппа Стадиона² по вопросу о русско-чешских связях). В числе членов кружка Румянцева были Н. Н. Бантыш-Каменский и А. Ф. Малиновский, издававшие «Слово» в 1800 г.³

Добровский поддерживал также переписку с А. С. Шишковым, в которой значительное место уделялось «Слову».

Первое упоминание о «Слове» сделано Добровским в «Slavin» и относится, возможно, к 1805 г., так как «Slavin» был в основном составлен в этом году. Здесь Добровский обращает внимание на имя Стрибог, встречающееся в «Слове»,⁴ и жалеет, что не знает текста памятника.⁵

Сведения об имени Стрибог Добровский мог почерпнуть из немецкого перевода, напечатанного в «Russischen Miscellen» в 1803 г. Лишь в 1809 г. он получил «Слово о полку Игореве», напечатанное с замечаниями и предложением Шишкова в т. I «Сочинений и переводов» Российской академии за 1805 г. 1 января 1810 г. Добровский пишет Копитару: «Игорева песнь, которую я получил из России, восхитила бы вас. Русские некоторые места

¹ Slavomír Wollman. Dobrovský a Slovo o pluku Igorově. Slavia, 1955. (R. XXIV), seš. 2—3, стр. 269.

² Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова, т. I. Берлин, 1870, стр. 221.

³ И. И. Срезневский пишет в предисловии к «Переписке Востокова»: «Основными, старшими членами этого кружка были, кроме графа Румянцева, Бантыш-Каменский, Малиновский, Евгений, отчасти и Оленин. К ним присоединились Калайдович, Востоков, Ермолаев, Кеппен, Иоани Григорович. Не в нем, но и не вне его были некоторые из профессоров, как Тимковский, Каченовский, Данилович, Лобойко, и академик, как Аделунг, Круг, Френ. К нему примыкали и некоторые из иноземных ученых, близких к нему по занятиям, как Добровский, Линде и пр.» (Переписка А. Х. Востокова... с объяснительными примечаниями И. И. Срезневского. СПб., 1873, стр. 1—2).

⁴ Slavin, Prag, 1808, стр. 414.

⁵ Slavin, Prag, 1808, стр. 369.

не поняли совсем, и немецкий перевод в „Russischen Miszellen“ не точен». ⁶ Следовательно, Добровскому был известен перевод, напечатанный в 1803 г. в «Russischen Miszellen», и высказанное выше предположение приобретает вероятность.

«Слово» интересовало Добровского не только с точки зрения лингвистической, хотя он главным образом изучал отдельные выражения, слова и грамматические формы текста. ⁷ Сл. Вольман в своей работе приводит факты, свидетельствующие о внимании Добровского к «Слову о полку Игореве» с точки зрения литературно-эстетической. ⁸ В частности, его занимала проблема жанра памятника, вопросы о ритмике «Слова», о его авторе.

Сравнение переводов И. Юнгманна (чешского) и И. Мюллера (немецкого) ⁹ — оба они были выполнены одновременно под руководством Добровского — позволяет с большой достоверностью подтвердить положения чешского исследователя.

Перевод Юнгманна, сделанный в 1810 г., остался в рукописи и только в 1932 г. был издан В. А. Францевым. В предисловии переводчик пишет о непосредственном руководстве Добровского: «Наш великий Чех, его высокопреподобие П. Иоз. Добровский, не только предоставлением выправленной книги, но и своими глубокими советами нас привел к тому, чтобы мы этот драгоценный памятник древности, в высшей степени важный не для одних только русских, но и всех вообще славян, да и всех исследователей языка и любителей поэзии, также нашим дорогим чехам могли открыть». ¹⁰

У Юнгманна, следовательно, была книга Шишкова с замечаниями Добровского. В письме к Ант. Мареку от 9 февраля 1810 г. Юнгманн пишет, что получил «Слово» от Добровского лишь на 14 дней, так что едва успел списать текст латинским шрифтом. ¹¹ Уже 19 апреля он послал Мареку свой перевод. Сл. Вольман предполагает по этому поводу и, как кажется, справедливо — что Добровский привлек к работе над переводами «Слова» сразу нескольких своих учеников: Юнгманна, Мюллера и, возможно, Рожняя (его стихотворный перевод не сохранился).

Это предположение может объяснить также, каким образом Юнгманн за такой короткий срок сумел сделать перевод, если учесть, что он был плохо знаком с русским языком и даже с русской азбукой, в чем он признавался в письмах к тому же Ант. Мареку.

Добровский неоднократно писал о том, что он руководил работой И. Мюллера; например, в письме Копитару от 13 октября 1811 г.: «Под моим руководством был сделан перевод». ¹² Когда Я. Пожарский в 1819 г. презрительно отозвался о переводе И. Мюллера, Добровский, защищая

⁶ И. В. Ягич. Письма Добровского и Копитара. СОРЯС, т. XXXIX. СПб., 1885, стр. 74: «Jgors Gesang, den ich aus Rußland erhielt, würde Sie entzücken. Die Russen haben einige Stellen gar nicht verstanden, und die deutsche Übersetzung in den „Russ[ischen] Miszellen“ ist nicht genau».

⁷ См.: Slovo o pluku Igorově. Ruský text v transkripci, český překlad a výklady Jozefa Jungmanna z r. 1810. Vydal a úvodem opatřil V. A. Francev, v Praze, 1932, стр. 7. (В дальнейшем: Francev).

⁸ См.: Slavomír Wollman. Dobrovský a Slovo o pluku Igorově, стр. 272.

⁹ I. Müller. Heldengesang vom Zuge gegen die Polowzer... Prag, 1811.

¹⁰ Francev, стр. 19: „Náš veliký Cech, Vys důstojný P. Joz. Dobrovský, nejenom podáním pravené knihy, ale i svou hlubokozornou radou nám k tomu laskava propůjčil, abychom ten drahý poklad starožitnosti, ne jedněm Rusům, ale všem vůbec Slovanům, ano všechněm jazyka skonmatelům, a básnířství milovníkům předěžitý, také našim milým Cechům odkryti mohli“.

¹¹ Francev, стр. 12.

¹² И. В. Ягич. Письма Добровского и Копитара, стр. 218.

своего ученика, в письме к А. С. Шишкову замечал: «Я хочу показать ему (Я. Пожарскому, — А. П.) места, которые Мюллер, еще прежде его трудившийся над переводом помянутого „Слова“ под моим влиянием, также перевел и понял».¹³ Добровский здесь, конечно, защищал свои чтения.

Юнгманн и Мюллер не проявили разногласий по основным вопросам, неизбежно встающим при переводе «Слова о полку Игореве»; это сходство, очевидно, следует объяснить именно влиянием Добровского. Влияние, как мы уже говорили, не ограничивалось областью прочтений, хотя и в этом отношении переводы очень сходны: например, Юнгманн и Мюллер верно перевели слова «до кур» в значении «до пения петухов»; слово «папързи» им тоже объяснил И. Добровский: у Юнгманна — «porruhy», у Мюллера — «eiserne Bänder»; в позднейшем переводе В. Ганки — «porruzii», «eiserne Schuppen-Bänder». В письме Добровского к Шишкову от 11 февраля 1820 г. имеется указание: «...папорзи есть конечно не иное что, как польское porrag, богемское porrieg».¹⁴

Влияние Добровского сказывается в решении вопроса о жанре памятника (у Юнгманна — «Slovo (řeč)», у Мюллера — «Sermon») и о его авторе (Мюллер считает его монахом из Малороссии: «Geistlicher von Kleinrußland», Юнгманн также: автор «Слова», по его мнению, — «малоросс и, может быть, монах»). У Добровского в письме к Копитару, написанном, по датировке Ягича, в феврале—марте 1810 г., как раз в то время, когда Юнгманн работал над переводом, встречаем аналогичное высказывание: «Поэтому москвичи Игореву песнь, автор которой был малоруссом или червоноруссом, не везде поняли».¹⁵

В вопросе о ритмике «Слова о полку Игореве» мнения обоих переводчиков также совпадают с мнением И. Добровского: «Слово», считают они написано ритмической прозой со стихотворными вставками.¹⁶ Юнгманн разделил на стихи зачины Бояна, попытался восстановить ритмическую структуру первой строфы («Не буря соколы занесе»), нарушенную, по его мнению, в процессе переписывания. В переводе он включил в третью строку двусложное слово, выделив его скобками:

Ne bouře sokoly zanáší
Přes pole široká;
(nébrž) kavky stády letí
K Donu velikému.

Также он разделил на стихи характеристику курян, «цитату» из Бояна в конце «Слова» («Тяжко ти головы...») и слова автора, следующие за ней.

Мюллер пошел еще дальше: он выделил в стихи 8 мест из текста.

¹³ Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова, т. II. Берлин, 1870, стр. 374 (письмо цитируется по переводу, сделанному А. С. Шишковым).

¹⁴ Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова, т. II, стр. 375.

¹⁵ И. В. Ягич. Письма Добровского и Копитара, стр. 115: «Daher haben die Moskauer Russen den Gesang auf Igor, dessen Verfasser ein Malorusse oder Roth — russe war, nicht überall verstanden».

¹⁶ В 1827 г. в рецензии на „Историю славянских языков и литератур по всем наречиям“ П. И. Шафарика, Добровский писал: „Zu den schätzbarsten poetischen Denkmäler dieser Zeit, sag Hr. Sch. S. 150, gehört das Heldengedicht Igor (Slovo o polku Jgora, Jgors Zug gegen die Polowzer), ausgezeichnet durch K hnheit, Kraft und Anmut, sowohl der Gedanken als des Ausdrucks. Dieses Slovo (Sermon) enthält aber doch auch gar viele matte, prosaische, gedehnte Stellen, und ist ein sonderbares Gemengsel von Poesie und Prosa“. (Josef Dobrovský. Saffarik Paul Joseph, Geschichte der sl. Sprache und Literatur nach allen Mundarten, Ofen, 1826, 524 s. Jahrbücher der Literatur, 37, 1827, стр. 11).

Юнгманн воспроизводил текст «Слова» в латинской транскрипции: «я» обозначено как «ā»; «н» как «je» и т. д., подобным образом и Добровский транскрибировал русские тексты. У Юнгманна отсутствуют «ъ» и «ь»; это закономерно вызвало большое количество ошибок. Юнгманн то смягчает «е» («utrě», «na robědu»), то не обозначает смягчения («drevo», «nebologom», «zovet»).

Конъектур у Юнгманна немного: «обступиша» вместо «отступиша», «носит вас ум» вместо «носит ваш ум». Вообще Юнгманн очень точно следовал изданию Шишкова; все изменения, внесенные последним в текст по сравнению с изданием 1800 г., Юнгманн принял полностью: «бремены» вместо «времены», «на конину» вместо «на канину» (здесь Юнгманн перевел «на конскую шкуру»). Многие примечания его просто переведены из книги Шишкова.

Сведения по истории Киевской Руси и генеалогии русских князей Юнгманн получил оттуда же; сам текст «Слова» также служил для него источником; так, он буквально понял обращение Святослава к Игорю и Всеволоду, которым начинается «злато слово», и назвал Святослава Киевского дядей Игоря и Всеволода. Вообще историческая сторона «Слова», по-видимому, интересовала Юнгманна меньше всего. Поэтому он даже в исторический обзор включил плач Ярославны, очень эмоционально изобразив ее скорбь. Впрочем, у И. Юнгманна часто можно встретить восторженные восклицания по поводу красот «Слова о полку Игореве».

В примечаниях И. Юнгманна встречаются ошибки: так, слово «кумир» он не понял, посчитав его за второе имя Дажьдбога. Перевод темных мест «Слова» представил для И. Юнгманна большие затруднения: он не дал оригинальных толкований, предпочитая в таких случаях переводить очень осторожно, различными способами указывая на трудность данного выражения. Возьмем, например, перевод до сих пор удовлетворительно не понятого места: «... U Plešeňska na vyhoně byly v háji Kisanově, nesešli (nemám sláti?) k siněmu mori?». Попытка объяснить слово «nesešli» в скобках и два вопросительных знака свидетельствуют о том, что смысл этого места остался для И. Юнгманна непонятным.

И. Юнгманн не ставил перед собой задачи дать новые толкования — он вообще не подходил к «Слову» только как к объекту изучения. Перевод «Слова» был для И. Юнгманна одним из средств для выполнения задачи возрождения чешского языка.

Кроме возможности обогащения чешского языка со стороны стилистической, «Слово» привлекало И. Юнгманна и возможностью лексических заимствований из родственного языка. Это стремление отчетливо проступает в переводе: многие слова И. Юнгманн переносит из оригинала, всегда поясняя их смысл в скобках: braň (voj), siný (modrý), stolec (trůn), kramola (rozbroj), tuk (všeliké dobro) и т. п. Иногда он выражает сожаление по поводу утраты чешским языком некоторых слов (например: «храбрый»: «Жаль, что слово „храбрый“ (польское chrobry) в чешском языке исчезло»).¹⁷

В подтверждение этим предположениям можно привести высказывания И. Юнгманна по этому поводу, сделанные им позднее. Говоря о источниках для развития языка, он пишет: «Другими богатыми источниками, из которых можно черпать, являются наречия инославянские, в большей или меньшей степени родственные чешскому языку... В конце концов и до-

¹⁷ Francev, стр. 32.

словный перевод с чужих языков, если он не против духа чешского языка, может умножить богатство его оборотов».¹⁸

Учитывая отношение И. Юнгманна к переводу как к средству для обогащения языка, можно понять, почему он предпочитал точный перевод вольному. Возможно, что у И. Юнгманна была и другая цель: способствовать выработке общеславянского языка. Именно в это время он горячо ратует за выработку такого языка.¹⁹

Но особенно ясно эта цель видна у автора другого чешского перевода «Слова о полку Игоре»²⁰, вышедшего в 1821 г., — В. Ганки.

В издании В. Ганки (кроме чешского, здесь был помещен и немецкий перевод) текст «Слова» был напечатан «всеславянской» азбукой, составленной самим В. Ганкой. Вопрос об азбуке, наиболее соответствующей звукам славянских языков, интересовал чешских филологов начала XIX в. в связи с планами создания общеславянского литературного языка. Ганка был одним из наиболее ревностных реформаторов азбуки. Попытки его были неудачны — также и этот. Шафарик, например, писал, что никак не мог принудить себя прочесть «Слово» в издании Ганки (письмо Коллару от 20 февраля 1826 г.).²¹

В. Ганка издавал «Слово о полку Игоре» для «славян латинского письма», «заботясь о практической пользе для славянской взаимности». Вот письмо В. Ганки, адресованное Российской Академии наук: «Примите милостиво, славнейшие и препочитаемые члены, в славный знак благодарности моей толкование Слова о Полку Игоре, которого подлинник я представил латинскими буквами только для того, чтоб уроженцы мои и другие латинские славяне [могли] участвовать не только красот древнего сочинения, но боле того — очевидно смотреть эту маленькую разницу наречий между собою».²²

В. Ганка неоднократно писал о своей основной задаче — дать возможность «славянам латинского письма» познакомиться со «Словом». Об этом он говорит и в русском предисловии в переводе, и в письме к Александру I, приложенному к экземпляру его издания, который он преподнес царю.²³ С этой же целью он предпослал своему переводу предисловия на русском, чешском, польском и сербском языках.

Если оставить в стороне вопрос о достоинствах транскрипции Ганки (она действительно очень неудобна), то можно только приветствовать его стремления. В Чехии в начале 20-х годов XIX в. русский язык знали еще немногие (сам В. Ганка владел им далеко не в совершенстве — об этом говорят переводы русских песен, выполненные им, письма его, написанные по-русски, и т. д.). Изучение русского языка заметно прогрессировало лишь со времени войны 1812 г. и за короткое время не могло дать больших

¹⁸ Josefa Jungmanna... Slowesnost... třetí vydání... W Praze, 1846, стр. 23—24: «Jiné bohaté zdroje, z kterých nabíratí lze, jsou nářečí jinოსловanská, hned ta hned ona češtině přibuznější... Naposledy i doslovné prekládání z cizích jazykův, jestliže není na odpor duchu češtiny, může rozmnožiti bohatost jejich obrátův».

¹⁹ Он писал Ант. Мареку 9 февраля 1809 г.: «... nám Slovanům to potěšitelné býti musí, když nářečí všechna slovanská v jeden se spolčí. My od Rusů, Rusové od nás jazyka vydokonalení přijmeme. Co tedy česky píšeme, již pro onu velikou říši slovanskou píšeme» (Literatura česká devatenáctého století. d. I. V Praze, 1911, стр. 679).

²⁰ Igor Swatoslawiç. Hrdinsky zpiew o taženj proti polowcům. Wěrně w půwodnjm gazyku, s připogenjm českého a Německého přeloženj. Od Waclawa Hanky. W Praze, 1821.

²¹ Časopis Českého Musea, 1874, стр. 67.

²² Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель, изд. В. А. Францев. Варшава, 1905, стр. 1194.

²³ Письма к Вячеславу Ганке... , стр. 1195.

результатов. И с этой точки зрения В. Ганка вынужден был отдать предпочтение «латино-славянской транскрипции».

«Я охотно предложил бы „Игоря“ чехам кирилловскими письменами, но я опасался, что не достигну этим своей цели: в слове важнее всего звук, а я желал иметь более широкую публику, чем несколько читающих по-русски чехов, поляков и хорватов», — писал В. Ганка.²⁴ Интересно, что в 1851 г. В. Ганка собирался издавать «Слово» уже по-русски (в 1836 г. «Слово» было издано в Праге кириллицей вместе с Краледворской рукописью).²⁵

Вторая задача, поставленная В. Ганкой, — показать «маленькую разницу (славянских, — А. П.) наречий между собою» — определила его метод перевода: он старался как можно чаще сохранить русское звучание.

Сравнение переводов И. Юнгманна и В. Ганки вполне подтверждает это. Следует упомянуть, что Ганка, вероятно, пользовался переводом Юнгманна. Эту мысль высказал В. А. Францев на основании того, что исправления и приписки, совпадающие с замечаниями и чтениями Юнгманна, сделаны в «Сочинениях» Шишкова рукой В. Ганки и относятся ко времени, более позднему по сравнению с тем, к которому принадлежит перевод Юнгманна. При всем сходстве этих двух переводов можно заметить, что В. Ганка значительно более связан оригиналом, чем И. Юнгманн.

Стремление сохранить всюду русское звучание привело В. Ганку к анекдотическому случаю: слова «Игорь князь» в предложении «Тогда вступи Игорь князь в злат стремя.» В. Ганка переводит созвучным сочетанием «Jgor kněz». Однако и в современном чешском языке, и во времена В. Ганки слово kněz значило ксендз, священник. Правда, в древнечешском языке оно означало «князь», но постепенно было заменено словом «kuřez», первоначально обозначавшим «сын князя». Чехом первой половины XIX в. оно никак не могло восприниматься в значении «князь». Сам Ганка в других случаях употребляет «kníže»: «Spala knížeti mysl žadost, i žalost jemu znamení zastoupila, zkusiti Donu velikého». Буквальное следование тексту заставило В. Ганку слово «пльк» всюду переводить чешским «pluk», однако «pluk» только «полк», но не «поход» (эта ошибка встречается и у Юнгманна: «... pověsti o pluku»).

В связи с приведенным выше замечанием И. Юнгманна, где он сожалеет об утрате чешским языком слова «chrabý», интересно отметить, что В. Ганка употребляет его в переводе без всякого объяснения. В заметке же по поводу «Слова», напечатанной в журнале «Krok»²⁶ в год выхода в свет перевода, в значении «храбрый» В. Ганка употребляет то же слово, что и Юнгманн: «srdnatý (Vsevolod vupodobňuje svoje srdnaté vítěze)». Вообще лексика этого пересказа «Слова» — он составлен в выражениях, близких к переводу, — вполне чешская.

В. Ганка употребляет иногда грамматические формы, не свойственные чешскому языку: вместо «jsi» — личное местоимение 2 л. ед. ч. — «jesi», вместо «Rusové» (как у Юнгманна) — «Rusici». Число этих примеров можно значительно увеличить.

Чтения В. Ганки почти всюду совпадают с чтениями И. Юнгманна; основные расхождения: у И. Юнгманна — «не лепо ли ны» (как в первом издании), у Ганки — «не лепо ли бы», у Юнгманна — «лучеж вы» («lépe vám»), у Ганки «лучеж ны» («lépeť nám»). Примечательна эта общая

²⁴ В. А. Францев. Очерки по истории чешского возрождения Варшава, 1902, стр. 82

²⁵ Polyglotta Kralodvorského rukopisu. Vydání Váceslava Hanky. V Praze, 1852.

²⁶ Krok, D. I, č. 1, 1821, стр. 81—85.

ошибка — «лучеж» вместо «луцеж». Это лишнее подтверждение того, что В. Ганка пользовался работой И. Юнгманна. В. Ганка, как и И. Юнгманн, работал под влиянием И. Добровского. Ему В. Ганка посвятил свой труд: «Его высокопреподобно Иозефу Добровскому, члену многих ученых обществ, славянства патриарху».

Письма В. Ганки к А. С. Шишкову говорят о том, что Добровский был посредником между ними. Книги, присылаемые из России, Ганка получал от Добровского, он имел возможность читать даже письма Шишкова и Добровского (см. письмо от 8 (20) мая 1820 г.²⁷).

Одно из примечаний В. Ганки напоминает фразу из письма Добровского к Шишкову от 11 февраля 1820 г.²⁸ у Ганки: «Истягну ум крепостию своею... nep í препоясал, препоясать též í стягнути можно чресла (trísła, bedra) ум toliko стягнути, t. j. sebrati, sammeln, sprappen...».²⁹

В письме И. Добровского: «Истягну ум представляет совершенно другое понятие, нежели препоясал ум; он (Я. Пожарский, — А. П.) худо принял стягну за истягну» (перевод письма Добровского на русский язык сделан самим А. С. Шишковым). Письмо это написано в то время, когда В. Ганка, вероятно, уже занимался подготовкой к изданию: в письме от 8(20) мая он пишет, что издает «Слово о полку Игореве». Вполне возможно, что В. Ганка взял свое примечание прямо из письма И. Добровского.

Исторические примечания у В. Ганки большей частью неопределенны: «Glebů bylo několik, probež se určiti nemůže, který se zde míní... Swatopolků bylo mezi ruskými knížaty pět, o kterém zde řeč jest, těžko určiti»³⁰ (примечания эти — почти дословный перевод примечаний первого издания; по-видимому, они взяты из книги А. С. Шишкова).

В русском предисловии к своей работе В. Ганка пишет: «Кто бы хотел Царедворскую рукопись Старо-Ческу с Игорем сравнивать, за верно бы нашел много сходства, не токмо в словных выражениях, но, более того, в самом духе древности и мышлении, как н[а]п[ример] героической песни Олдрих и Болеслав с заключением Игоря совсем сходно».³¹ С помощью Краледворской рукописи В. Ганка комментировал «Слово о полку Игореве» и, наоборот, пояснял Краледворскую рукопись, опираясь на текст «Слова».³²

Уже самое беглое рассмотрение знаменитых «подделок» дает возможность предположить, что «Слово» послужило материалом для них. Вот некоторые примеры. В песне «Jaroslav»: «Váleno deň, váleno deň vterý» (в «Слове»: «Бишася день, бишася другый»). Герои подделок сравниваются с «ярим туrom», как Всеволод в «Слове»: «Tu Vratislav jak tur jarý skočí... Hruďoš zarve jarým turom».

В «Любушном суде» часто встречается „oteň zlat stól“ («stól oteň», «s otnia zlata stola»). Втава говорит, как и Донец в «Слове о полку Игореве», и т. д.³³

Использование В. Ганкой «Слова» в качестве материала для подделок не было случайным, если учесть, что подделки в какой-то степени имели цель указать близость славянских наречий между собою (А. С. Шишков

²⁷ Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова, т. II, стр. 388—389.

²⁸ Записки, мнения и переписка А. С. Шишкова, т. II, стр. 372—376.

²⁹ Igor Swatoslawiç... Od Waclawa Hanky, стр. 50.

³⁰ Igor Swatoslawiç... Od Waclawa Hanky, стр. 44, 48.

³¹ Igor Swatoslawiç... Od Waclawa Hanky, стр. XII.

³² Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель, стр. 1196—1197.

³³ Polyglotta Kralodvorského rukopisu, стр. 23, 29, 115.

считал, что Краледворская рукопись понятнее русскому читателю, чем «Слово о полку Игореве»). Перевод В. Ганки был неодобрительно встречен и в Чехии, и в России. В Чехии один Ант. Марек, не менее горячий сторонник общеславянской азбуки и общеславянского литературного языка, чем сам В. Ганка, сочувственно отозвался о его работе. В России «Вестник Европы» потешался над В. Ганкой, высмеивая его малограмотное русское предисловие: «Имеем долг поблагодарить почтенного г. Ганку за преподанное нам наставление собственным примером, что никогда не должно писать без крайней нужды на таком языке, который хотя мы и разумеем, но которому не учились с малолетства, одним словом, на языке, которого не можем назвать своим природным».³⁴

Признавая все недостатки работы В. Ганки, обусловленные различными причинами, среди которых не последнее место занимают его противоречивые, а частью и реакционные политические взгляды (русофильство, стремление к всеславянской монархии под эгидой России), мы все же не должны оценить эту работу только отрицательно. Перевод И. Юнгманна, вероятно, был довольно хорошо известен в кругах деятелей чешского возрождения; возможно, он читался в кругу людей, составлявших кружок И. Добровского, с ним были знакомы Ант. Марек, И. Мюллер, Я. Неедлы — издатель журнала «Гласатель», в котором И. Юнгманн хотел напечатать свой труд. Работа была уже подготовлена к печати, однако «Гласатель» так и не вышел до 1818 г., и перевод не был опубликован. Только издание В. Ганки познакомило широкого читателя со «Словом о полку Игореве», и в этом, прежде всего, его значение. Перевод В. Ганки по своему уровню значительно ниже, чем перевод его предшественника. Сравнительная оценка этих переводов облегчается тем, что оба переводчика, и Юнгманн, и Ганка, стремились к точному переводу. Цели их совпадали не целиком: если И. Юнгманн в основном считал свой перевод практическим средством для обогащения чешского языка, то В. Ганка прежде всего хотел сделать шаг вперед на пути выработки общеславянского литературного языка; но в обоих случаях были неизбежны заимствования из текста «Слова о полку Игореве». И здесь перевод И. Юнгманна значительно превосходит перевод В. Ганки по своей ценности: осторожные лексические заимствования, сделанные И. Юнгманном, действительно обогатили словарный состав чешского языка (разумеется, опосредствованно, через другие работы И. Юнгманна, так как перевод не был опубликован в свое время). В. Ганка же попытался «приладить» чешский язык к оригиналу, и перевод его вряд ли был понятнее читателю, чем само «Слово о полку Игореве». Однако, повторяем, значение работы В. Ганки именно в том, что это было первое печатное издание «Слова о полку Игореве» в Чехии, которое познакомило чешского читателя с замечательным памятником древней русской литературы.

Было бы неверно оценивать переводы «Слова о полку Игореве», выполненные И. Юнгманном и В. Ганкой, только, и даже главным образом, с точки зрения его изучения. Хотя некоторые соображения относительно памятника, высказанные Юнгманном и Ганкой (особенно первым), и имели определенную ценность в свое время (например, относительно ритмики «Слова о полку Игореве»), но основное не в этом. Прежде всего эти переводы свидетельствуют об интересе к русской культуре, и в частности к литературе, непрерывно возраставшем с усилением национально-освободительной борьбы чешского народа: судьбы чехов неизменно связывались с судьбой славянства, и надежды возлагались прежде всего на русский

³⁴ Вестник Европы, 1822, № 18, стр. 157—159.

народ; переводы из русской литературы служили делу сближения чешского и русского народов.

«Слово о полку Игореве» было одним из первых произведений русской литературы, переведенных на чешский язык. Этот выбор не мог быть случайным. «Слово» говорило о наличии высокой культуры на Руси еще в XII в.; одной же из основных задач чешского возрождения было обоснование права чехов на самостоятельность; идея славянской взаимности была настолько сильна в Чехии, что памятник национальной культуры русского народа мог восприниматься и как свидетельство высокой культуры чехов как части славянства.

И. Юнгманн писал в предисловии к переводу, что «Слово» дорого «не одним русским, но всем вообще славянам». Автора «Слова» он называет славянским певцом. «И у славян были свои предсказатели (věštec)... Один из них... иноземных бардов нисколько не меньше. Хотя угасла память о его имени, он живет и без имени в своем слове, и если зависит что-либо от имени, назовите его Оссианом либо Гомером славянским или Игоревым певцом».³⁵

Призыв к объединению, звучавший в «Слове», мог быть вполне воспринят как призыв к единению славян.

* *
*

Два других перевода «Слова о полку Игореве» на чешский язык относятся ко второй половине XIX в.: перевод М. Гатталы³⁶ вышел в 1858 г., перевод К. Эрбена³⁷ — в 1869 г.

За четыре десятилетия, прошедших со времени выхода в свет перевода В. Ганки, изучение «Слова о полку Игореве» шагнуло далеко вперед. Новые работы чешских исследователей не были уже популяризаторством, — это были опыты научных изданий «Слова о полку Игореве».

Работа Мартина Гатталы, известного словацкого лингвиста, невелика по объему. В предисловии он пишет: «В том, что я не объяснил „Слова“ более распространено, повинны собственно наши литературные обстоятельства, не благоприятствующие подобным замыслам. Мой уважаемый издатель, учитывая это, и на данное издание решился с трудом, хотя я за него не требовал никакой награды».³⁸

«Литературные обстоятельства» — это, вероятно, тяжелые условия, которые были созданы для чешской литературы жестокой габсбургской реакцией, наступившей после революции 1848 г.

В небольшом предисловии Гаттала обнаружил широкое знакомство с литературой о «Слове». Он пишет здесь о трудах Калайдовича, Востокова, об изданиях Шишкова, Пожарского, Сахарова, Максимовича, Дубенского. Гаттала пытается привести доказательства в пользу подлинности «Слова», оперируя при этом собственными именами памятника в сравнении с описанием похода Игоря в Ипатьевской летописи. Для доказательства подлинности «Слова» он приводит еще известную приписку

³⁵ Francev, стр. 19.

³⁶ Slovo o polku Jgorevě. Vydal Martin Hattala, v Praze, 1858.

³⁷ Dvě zpěvy staroruských totiž: O výpravě Jgorově a Zádonština. S kritickými, historickými, a jinými vysvetlujícími poznámkami a doklady vydal Karel Jaromír Erben. V Praze, 1869.

³⁸ Slovo o polku Jgorevě. Vydal Martin Hattalla, стр. VIII: „Že sem Slova rozsáhléj nevyložil, tím jsou vlastně nepřiznivě takým předsevzetím poměry naše literární vinny. Ct. nakladatel můj máje je na zřeteli, i ku přítomnému vydání jen ztěžka se odvážil, ačkoli sem za ně žádné odměny nežádal“.

к «Апостолу» 1305 г., упоминает о «Задонщине» и «Сказании о Мамаевом побоище». Автора «Слова» Гаттала считает современником Игоря и несомненно светским человеком.

Текст «Слова о полку Игореве» М. Гаттала напечатал по тексту издания Дубенского, не внося каких-либо значительных поправок. Его исправления в основном касаются грамматических форм, причем сам переводчик относительно этих исправлений, стоящих в скобках, замечает, что некоторые формы памятника, отступающие от правил грамматики, характеризуют особенности языка «Слова».

Стремление повсюду правильно определить грамматические формы привело Гаттала к интересной ошибке: выражение «нъ рози нося имь хоботы пашуть» (вместо «розьно ся имь хоботы пашуть») Гаттала исправил в «рогы носящим» и перевел: «než tĕm, kteřĩ rohy nosĩ, ohony oajĩ», считая это ироническим замечанием по отношению к «тем князьям, которые только воюют».

Примечания М. Гатталы поясняют лексику и грамматические формы «Слова». Лишь изредка переводчик включает примечания исторического характера. Многие примечания взяты из Дубенского: например, «папорзи» М. Гаттала, как и Дубенский, возводит к слову «папороток» (локтевая кость крыла птицы), «тльковину» (это слово, по его мнению, женского рода) Гаттала считает за стрелу, следуя предположению Дубенского, и т. д. Некоторые места М. Гаттала перевел неправильно: слова «чили въспети было, вещей Бояне, Велесов внуче» в переводе получили противоположный смысл: «Čili si nemĕl zaspĩvatĩ veřtĩ Bojane, Velesův vnuku», т. е. «или ты не должен был запеть, вещей Боян, внук Велеса?». М. Гаттала не понял того, что следующие фразы являются «зачинном» Бояна так же, как и предыдущие, что так хорошо почувствовал И. Юнгманн за полвека до него. Слово «дорогá» в выражении «Кая раны дорога, братие» М. Гаттала прочел как «дорóга» и перевел сочетание «раны дорога» словами «dřáha gap», т. е. «дорога, путь ран». Не избежал он и обычной ошибки чешских переводчиков, переведя слово «пльк» в предложении «О Бояне, соловно старого времени: абы ты сиа плькы ущекотал...», где оно имеет значение «поход», словом «pluk» («kdy bys ty pluky tyto oslavil spĕvem svůt»), означающим только «полк». Правда, в других случаях М. Гаттала переводит «пльк» совершенно правильно.

Особенно следует остановиться на художественной ценности перевода М. Гатталы. В письме от 11 июля 1869 г. к П. П. Дубровскому К. Эрбен назвал переводы В. Ганки и М. Гатталы «неудобоваримыми».³⁹ Соглашаясь с оценкой К. Эрбена по отношению к переводу В. Ганки, мы не можем распространить ее на перевод М. Гатталы. Ему, как нам кажется, удалось создать перевод, в значительной степени передающий экспрессивность «Слова о полку Игореве».

Родственность чешского и русского языков, наличие общих черт в синтаксисе и лексике и помогает переводчику, и затрудняет его работу; поскольку толкает иногда к созданию адекватов по звучанию, ведет к приспособливанию, прилаживанию чешского языка к русскому, как это было у В. Ганки. В переводе «Слова о полку Игореве» возникает дополнительная трудность: переводчик имеет дело здесь с древнерусским памятником, и перед ним встает задача: подыскать и включить в перевод такие средства словесного изображения, которые смогли бы воссоздать все своеобразие памятника, ни в коем случае не «осовременивая» его. М. Гаттала

³⁹ В. А. Францев. Очерки по истории чешского возрождения, стр. LXIII: «...ani Hankův, ani Hattalův překlad není záživný».

пошел по пути возможно более точного — насколько допускает чешский язык — сохранения синтаксического и ритмического рисунка оригинала и даже приблизительного количества слогов. Он осторожно употребляет уже давно устаревшие в чешском языке слова, точно соответствующие древнерусским («*komon*» вместо «*kŭn*», «*sinŭ*» вместо «*modrŭ*»). Этими способами достигается «архаизация» перевода. Думается, что такой путь вполне закономерен.

Однако М. Гаттала в некоторых случаях не сумел уловить различия двух языков; придерживаясь русского звучания, он допускает иногда в переводе грубые ошибки. Так, переводя фразу «крычать телеги полунощы, рци лебеди роспушени», М. Гаттала употребил в переводе словацкий диалектизм «*taliga*» (в чешском это слово отсутствует): «*Křičí taligy o pŭlnoci, jako labuti rozpuštěné*». «Печаль» Гаттала перевел словом «*réše*» — «забота», «попечение»; вероятно, здесь его также ввело в заблуждение звучание слова. Однако эти ошибки не снижают художественных достоинств перевода М. Гатталы. Е. Барсов назвал его «едва ли не одним из лучших славянских переводов».⁴⁰

В отзыве Российской Академии наук перевод Гатталы оценен довольно сдержанно, но также благоприятно: «Гаттала... обладает знанием славянских наречий, знаком близко с успехами филологов, сам принимает в них участие на самом деле. От него можно было ожидать издания „Слова о полку Игореве“, достойного нашего времени. И оно действительно удалось. Оно не велико объемом, не богато объяснительными соображениями; предпринято, очевидно, с целью сделать „Слово“ общедоступным для всех; но и в своем малом объеме заключает в себе почти все, что необходимо на первый раз. Некоторые из его примечаний любопытны у нас и не для учащих».

В 1869 г. «Слово о полку Игореве» издал известный чешский ученый и поэт Карел Яромир Эрбен. Его труд был издан в пражском научном обществе и одновременно в издательстве Э. Грегра.

К. Эрбен был, несомненно, подготовлен к такой работе: в его активе насчитывалось значительное количество изданий памятников древней чешской литературы (сочинения Томаша Штитного, И. Гуса и др.); в 1867 г. он перевел на чешский язык Повесть временных лет; у него, следовательно, был уже и опыт перевода с древнерусского.

Его работа состоит из текста «Слова», перепечатанного с издания И. Сахарова,⁴¹ с переводом (он расположил их рядом, в два столбца). К. Эрбен привел разночтения по писарской копии, сделанной для Екатерины II, следуя примеру Н. С. Тихонравова⁴² (вообще он много позаимствовал из издания Н. С. Тихонравова), составил примечания и алфавитный указатель собственных имен, встречающихся в «Слове». Также он напечатал здесь перевод летописной повести о походе Игоря (по Ипатьевской летописи), текст и перевод «Задонщины» (текст воспроизведен по изданию И. И. Срезневского 1858 г. с вариантами по рукописи Ундольского) с примечаниями и, наконец, перевод «Повести о Мамаевом побоище».

В предисловии К. Эрбен останавливается на истории изучения «Слова», приводит подробное сопоставление издания 1800 г. и писарской копии, повторяя в основном положения Н. С. Тихонравова. Считая, что в скорописи XVI в. «ъ», «ь», «ы» и «ѣ» писались сходно, Эрбен очень свободно

⁴⁰ Е. В. Барсов. «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. I, стр. 204.

⁴¹ И. Сахаров. Песни русского народа. СПб., 1839, стр. 277—304.

⁴² Н. С. Тихонравов. «Слово о полку Игореве», 1866.

обращается с орфографией первого издания. Сначала он даже «замышлял в этом издании выправить первоначальный текст... вообще по правилам старославянской грамматики», но благоразумно отказался от своего намерения, решив, что это — памятник русский и тогда «пришлось бы сделать важные изменения в других вещах, помимо правописания, и стереть многие языковые особенности (!)». ⁴³

К. Эрбен поставил перед собой задачу — сделать перевод не только точным, ясным и понятным, но и «по духу своему приближающимся, насколько возможно», к оригиналу. А поскольку автор «Слова», по мнению К. Эрбена, пропускает некоторые вещи, известные или понятные его современникам, в переводе в скобках приводилось то, что могло послужить пониманию смысла. Если бы К. Эрбен задумал сделать что-то вроде «объяснительного» перевода, то это его намерение было бы совершенно понятным. Но, кажется, ничем нельзя менее приблизиться по духу к оригиналу, чем включением объяснений в скобках. Эрбену, несомненно, не удался перевод; эмоциональное воздействие оригинала часто утрачивается. К. Эрбен допускает частые нарушения синтаксиса, ритмики, загружает перевод служебными словами.

Сравним начала переводов К. Эрбена и М. Гатталы.

У Гатталы: „Neslušelo-li by nám, bratří, počítí starodávným způsobem vážné pověsti o výpravě Jgora, syna Svatoslavova. Počítí se je však té písní dle události tohoto času, a ne dle zamyšlení Bojanova“.

У Эрбена: „Nebylo-li by nám, bratří, slušné, abychom způsobem písní starobýlých počáli vypravovati truchlivé pověsti o výpravě Jgorově, Jgora syna Švatoslavova? Ale třeba jest tu píseň podle toho, co se času tohoto skutečně přihodilo, a nikoli podle zamyšlení Bojanova“.

У К. Эрбена интонация совершенно не та, что в «Слове», — вялое, многословное повествование.

Благодаря обширным примечаниям, алфавитному указателю имен и географических названий труд К. Эрбена очень выигрывает. Обычно К. Эрбен дает верные сведения, однако одна грубейшая ошибка очень снижает ценность всей этой части работы: К. Эрбен спутал Новгород-Великий и Новгород-Северский, перевел «Северский» как «Северный» и поместил стольный город удельного княжества Игоря на озере Ильмень (кстати, и название озера он искажил — «Ильмер» вместо «Ильмень»): „Novohrad, Новгород s přijmím Veliký, také Severní, město na jezere Imeře, nejstarší v říši Ruské, udělné město Jgorovo“.⁴⁴

Основной интерес в работе К. Эрбена представляют конъектуры и объяснения темных мест «Слова о полку Игореве».

Е. В. Барсов подверг К. Эрбена жесткой критике за то, что переводчик «отнесся к тексту без... почтенной осторожности... и испестрил его множеством своих и чужих неудачных поправок».⁴⁵

Некоторые из этого «множества поправок» следует рассмотреть отдельно.

1. Эрбен заменил «раны» на «рать», читая вместо «Кая раны дорога, братие» «Кая рать дорога»; он не привел никаких палеографических обоснований этой замены. Это место у Эрбена переведено так: «Jaký to, bratří drahý boj...».

⁴³ К. J. Erben. Dvě zpěvy staroruských totiž: o výpravě Jgorově a Zádónština, стр. VI.

⁴⁴ К. J. Erben. Dvě zpěvy staroruských... стр. 27.

⁴⁵ Е. В. Барсов. «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. I, стр. 205—206.

2. Место «за ним кликну Карна и Жля, поскочи по Руской земли» Эрбен считает испорченным, предлагая читать «Кара» вместо «Карна». «Кара», по мнению Эрбена, значит «буря» («bouře», «svaг»); он соотносит это слово с русским «караул». Эрбен не считал эти слова именами половцев ханов, полагая, что в противном случае здесь стояло бы: «кликну Карна с Жлю» или «кликнуста Карна с Жля». «Жлю», «Желю» Эрбен возводит к «злу». По его мнению, слово «Жля» в «Слове» имеет значение «печаль». Эрбен соединяет глагол «кликну» с существительным «Кара», а существительное «Жля» относит к глаголу «поскочи», принимая, таким образом, все предложение за сложно-сочиненное.

3. Эрбен принял поправку «Троян» на «Боян», предложенную Тихомировым. Слово «век» в соединении с именем Бояна Эрбен считает за обозначение периода человеческой жизни в 7 лет, определяя, таким образом, год рождения Бояна около 1020 г.

4. Слово «кисань» Эрбен переводит как «змей», «дракон» (saň, drak); это, по его мнению, олицетворение половцев, которые «тоже приходили от моря».

5. Совершенно ясное место «ту кровавого вина не доста» Эрбен также считает испорченным и предлагает читать вместо «не доста» — «не не доста».

6. Вместо «время Бусово» Эрбен предлагает «время Бесово», основываясь на том, что выше половцы названы «детьми бесовыми».

7. «Клюками» он переводит «zahnutýma pohama» — «как делают наездники при быстрой езде, если хотят прочно сидеть на коне»; этот перевод никак не объяснен.

8. Вместо «в друже теле» Эрбен читает «в дружe (или дружье) теле». Все выражение «аще и вещь душа в дружe («дружe» — по Эрбену) теле» он относит к Бояну, бывшему, будто бы другом Всеслава Полоцкого. Перевод этого места выглядит следующим образом: «Ač měl i včstího ducha v téle přitele svého...».

9. Выражение «рози нося им» Эрбен прочел «розньо ся им». Последняя конъектура совершенно правильна; она была принята впоследствии. Другие же догадки Эрбена не представляют особой ценности. Недостатки работы К. Эрбена были подробно разобраны Н. Лавровским⁴⁶ еще в 1870 г. Е. В. Барсов заметил впоследствии, что «перевод Эрбена ни в каких отношениях — ни по исправлению текста, ни по уразумению его смысла, ни по примечаниям — не может занять почетного места среди многочисленных переводов знаменитой и единственной в своем роде древнерусской песни».⁴⁷

Чешские ученые приписывают иногда переводу К. Эрбена большие достоинства, но, кажется, Е. Барсов и Н. Лавровский справедливо критиковали эту работу.

В Чехии, конечно, широко комментированная, обширная работа К. Эрбена имела большое значение: это было первое научное издание «Слова».

* *

*

Рассматривая чешские переводы «Слова о полку Игоре» XIX в., мы объединили их в две группы. Это сделано не только в силу чисто внешних

⁴⁶ Н. Лавровский. О новом чешском переводе «Слова о полку Игоре». ЖМНП, 1870, № 10.

⁴⁷ Е. В. Барсов. «Слово о полку Игоре» как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. I, стр. 205.

обстоятельств, например, близости по времени переводов И. Юнгманна и В. Ганки, с одной стороны, и переводов М. Гатталы и К. Эрбена с другой.

Для Юнгманна и В. Ганки перевод «Слова» был прежде всего средством для выполнения языковых задач, поставленных чешским возрождением, хотя цели И. Юнгманна и В. Ганки были различными. Кроме того, И. Юнгманн и В. Ганка ставили перед собой задачу ознакомить читателей (В. Ганка имел в виду не только чехов) со «Словом о полку Игореве». Мы объединяем их работы и по восприятию «Слова» как памятника «оссианического» типа — свидетельства общеевропейского распространения «Оссианизма» и, во-вторых, как доказательства культурного значения «Слова».⁴⁸

Переводы второй группы (М. Гатталы и К. Эрбена) — переводы филологические. Если переводы первой группы рассматривались нами главным образом как факт литературы чешского возрождения, то переводы второй группы — как изучение «Слова о полку Игореве»; поэтому они оценивались с двух сторон: с точки зрения достоинств исследования и художественной ценности перевода.

⁴⁸ П. Н. Берков. Переводы «Слова о полку Игореве» на западноевропейские языки. Ученые записки ЛГУ, № 76, серия филологических наук, вып. 11, 1941, стр. 334.

А. В. СОЛОВЬЕВ

Новый итальянский перевод «Слова о полку Игореве»

В связи с общим повышением интереса к советской русской культуре на Западе появляется целый ряд исследований по древнерусской литературе, и в частности о ее величайшем памятнике — «Слове о полку Игореве». В 1954 г. издан новый перевод с комментариями на итальянском языке.

Изящно изданная книжка под заглавием «Слово о полку Игореве, русская эпопея XII века, старанием Ренато Поджиоли» появилась как 4-й выпуск в серии «Новое ожерелье поэтов с подлинным текстом»;¹ первым выпуском были сонеты Шекспира.

Из предисловия видно, что автор перевода и комментария учился русскому языку в Гарвардском университете (США) у проф. Р. О. Якобсона и там заинтересовался «Словом». Обширное вступление (стр. 21—86) излагает историю памятника и дает подробную эстетическую оценку его. Самый текст «Слова» (русскими буквами) напечатан на левых страницах (88—196), а на правых (89—197) помещен итальянский перевод. Необходимо отметить, что, следуя изданию Якобсона,² автор разбил текст памятника на 218 нумерованных предложений (что весьма удобно для ссылок в комментарии) и, кроме того, на 30 глав, что нам кажется слишком дробным делением. Так как каждая глава начинается с новой страницы, а содержит всего от пяти до восьми предложений, то на многих страницах помещены лишь одна-две фразы. Для чтения это довольно удобно, но поэтому текст «Слова» с переводом занял 110 страниц, что можно считать излишней тратой бумаги. Лучше было дать более подробную библиографию, а она отсутствует, за исключением нескольких ссылок на стр. 81—86, которые показывают недостаточное знакомство с новейшей советской литературой предмета. За текстом следуют объяснения эмендаций текста, принадлежащие Р. О. Якобсону (стр. 201—208), и комментарий переводчика к отдельным, неясным для итальянского читателя местам текста (стр. 211—235).

Самым интересным для нас является вступление, в котором автор дает восторженную оценку «древнейшего и величайшего эпического творения русского гения» и часто сравнивает его с западноевропейским эпосом, чем делает его доступнее своим читателям. Изложим главные мысли этого вступления.

¹ Cantare della Gesta di Igor. Epopea russa del XII secolo, a cura di Renato Poggioli. Nuova collana di poeti con testo a fronte, 4. Giulio Einaudi editore. Torino, 1954.

² La Geste du prince Igor. Texte établi, traduit et commenté sous la direction d'Henri Grégoire, de Roman Jakobson et de Marc Szeftel. Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves, т. VIII. New York, 1948, стр. 383.

Как и песня о Роланде, «Слово о полку Игореве» есть песня о поражении: сходство и в том, что поражение вызвано «буестью», самоуверенностью героя («desmesure» Роланда). Но в отличие от Роланда, Игорь не наказан до конца: он счастливо возвращается к жене, что несколько напоминает Одиссею. Автор считает, что «Слово» — «единственная эпопея, в которой герой восхваляется за то, что он действовал более как лисица, чем как лев». На это можно возразить, что поэт вдохновился фактом, а затем сохранилась прекрасная немецкая поэма (по-латыни) о счастливом бегстве Вальтара из плена, на некоторое тематическое сходство которой со «Словом» указал еще в 1926 г. Дмитро Загул.³

Разбирая структуру «Слова», автор указывает на его «божественную пропорцию», на его гармоническое деление на три части: 1) вступление, поход и поражение (эпическая часть); 2) сон Святослава и призывы к князьям (драматическая оратория); 3) плач Ярославны и возвращение Игоря (по преимуществу лирическая часть). Он высоко ставит среднюю часть, где поэт пользуется всеми средствами риторики, переходя от отчаяния к негодованию, от иронии и сарказма к панегирикам и давая ряд живых портретов. Все это становится его «золотым словом». Поэт — «златоуст политического красноречия: он говорит как жрец родины и как судия истории».

Плач Ярославны, по мнению Поджиоли, — поэтическая вершина «Слова». Как бы вследствие ее заклинаний наступает стремительное бегство Игоря, в котором ему помогают все силы природы. Отмечена легкая ирония в разговоре ханов. Наконец, мрачный колорит, навеянный злоеющим затмением на обе первые части, рассеивается. Солнце ярко светит, и поэма заканчивается торжественным пэаном.

Интересен анализ стиля, в котором комментатор подробно останавливается на его сложности: это и эпическая «повесть», и ораторское «слово», и проникнутая лиризмом «песня». Но они не резко разграничены: разные поэтические приемы проходят через все три части. Каждый голос имеет свое место в структуре контрапункта, и все они связаны. Так, «золотое слово» Святослава есть мужской вариант плача Ярославны, а оба они — отзвуки плача самого автора. Похождения Всеслава и бегство Игоря имеют ту же окраску чудесного — известный параллелизм. Лирический элемент разлит по всей поэме: то как личное соло поэта, то в форме хоровой лирики, иногда в форме оды или гимна, или элегии в плачах, наконец, идиллии в диалоге с Донцом, который автор определяет в другом месте как «амебейное пение».

Хорошо отмечена обостренность слуховых и зрительных впечатлений поэта: он слышит шум и звон битвы, ему слышится голос Ярославны, он как бы видит и затмение и надвигающуюся с моря грозу.

Особенно удачен подробный разбор «хроматических эффектов»; такого богатства, по мнению автора, нельзя найти ни в одной иной европейской поэме. Он говорит: скандинавские поэмы окрашены темным цветом; в песне о Сиде Менендеу отметил серость ее колорита; песня о Роланде не знает другого цвета, кроме темного железа. «Слово» полно ярких красок, удивляющих богатством полихромии. Преобладает золотой цвет; в золоте кованы многие предметы: золотые престолы (7 раз) и златоверхие терема, злаченые шлемы (3 раза) и стрелы, стремена (3 раза) и седла князей, монеты, которыми бряцают готские девы; оно появляется и целой массой, погруженной на дне реки, как золото Нибелунгов.

³ Д. Загул. Деякі риси старонімецької пісні про Вальтарія з ІХ ст. аналогічні до окремих місць „Слова о полку Игоревь“. Записки Іст.-філ. відділу УАН, VII—VIII. Київ, 1926, стр. 47—53.

Столь же часто появляется «червленый цвет», цвет кровавого вина, которое может стать и синим; это цвет крови, обогрившей траву и землю битв (4 раза); им окрашены «кровавые зори» и «багряные столпы»; ярко блестят «червленые щиты» (4 раза) и «червленый стяг».

Пейзаж блестит зеленым цветом травы и деревьев. Синим цветом — море, Дон и мгла, но река Сула блестит серебром. Сизые орлы и серые волки дополняют картину. Вся поэма пронизана блеском стали — харалуга, и он трепещет, как синие молнии. Реже встречается серебро, но белым цветом отливают горностаи, лебеди и гоголи и «белая чолка» стяга. Черный цвет дают траурная паполома, зловещий черный ворон, черные тучи, черная земля и темные берега Стугны.

Полихромия «Слова» не только декоративна, у нее есть символическое значение: напоминая преобладанием золота византийскую мозаику, она имеет драматическую функцию. Тьма затмения как будто продолжается в течение всего похода («два солнца померкоста», «Игорю утрпе солнца свет»); света нет и в рассказе о Всеславе. Но в третьей части солнце встает в плаче Ярославны и венчает своим ореолом возврат Игоря.

Столь же богаты и разнообразны слуховые эффекты. Все «Слово» «шумит и звенит» разными голосами, начиная со звуков труб, клика половцев, крика раненых, и особенно «пением копей», громом сабель, треском шлемов, звоном золота. Земля тутнет, земля стучит, трава шумит и «гром великий» гремит. В промежутках все время слышен язык зверей и птиц, особенно богатый: соловьи поют и щекочут, галки говорят, вороны грают, сороки трескочут, звери свищут, волки воют и лисицы брешут. Звериным образом «кличет Див», а раненые воины ревут, как туры.

В анализе эпических формул и метафор автор отмечает постоянные эпитеты в духе народной поэзии и талантливое создание новых ярких эпитетов. Любопытно его наблюдение, что типичное славянское отрицательное сравнение (типа «то не снег и не лебеди белы, то шатер Асан-аги», восхитившее еще Гете) встречается в «Слове» лишь два раза: первый раз, когда поэт говорит в духе Бояна: «Не буря соколы занесе...», и в самом конце, в комическом разговоре двух ханов: «А не сороки встрокоташа...». В обоих случаях поэт пользуется этим приемом в духе пародии, что бросает свет на его отношение к народному эпосу, по мнению Поджиоли.

Анализ языка обнаруживает наряду с народными и книжные элементы, как в древнеиспанской литературе. В нем есть библейские выражения («на ниче ся години обратиша», «уныша градом забрала»); в нем есть элементы, указывающие на прямое или косвенное знакомство с византийской литературой, как например метафоры «мыслено древо», «жемчужна душа», действующие абстракции: «снесесе хула», «тресну нужда» и аллегория «Дева-обида».

Все это свидетельствует о стилистической и символической сложности «Слова» — этого гениального создания поэта-виртуоза, сумевшего сохранить гармонию между орнаментальным стилем и пророческим тоном.

По заключительным словам Поджиоли, «всем людям, способным почувствовать красоту героической песни, этот неизвестный царственный волхв поэзии приносит в дар золото, фициам и смирну отдаленной, но вероятно вечной эпопеи».

Эта восторженная, пожалуй, чрезмерно эстетическая оценка может сильно заинтересовать итальянских читателей, и в этом отношении можно приветствовать автора, с таким вниманием и таким энтузиазмом исполнившего свою трудную задачу.

Прекрасное знание русского языка и богатство итальянского поэтического языка помогли Р. Поджиоли дать отличный перевод, вполне отве-

чающий оригиналу. Мы заметили в нем очень мало спорных мест. Так, в сне Святослава «поганных толковин» переведено почему-то «di Peceneghi infedeli». О печенеггах в это время уже не упоминается: скорее, поэт мог намекать на черниговских коуев, бывших причиной поражения Игоря. Но лучше было бы не уточнять и перевести «degli alleati infedeli (неверных союзников)».

Тут же сказано «una grossa perla»: переводчик не понял, что «женчюг» — собирательное имя и что следовало перевести «grosse perle» множественным числом. Нельзя считать удачным перевод «терема златоверхого как «reggia dalla cupola d'oro»: золотой купол на тереме весьма сомнителен. Почему-то «Сула не течет... граду Переяславлю» передано «non scorre... in pro della rocca di Perejaslavlj»: Переяславль вовсе не стоит на скале.

Заметим несколько погрешностей в историко-литературной части. Так, автор пишет, что «Слово о погибели земли Русской» было открыто М. С. Грушевским в 1895 г., тогда как известно, что его нашел Х. Лопарев в Псково-Печерском монастыре и опубликовал в 1892 г. в «Памятниках Общества любителей древней письменности» (вып. 84); М. С. Грушевский напечатал в 1895 г. лишь небольшую заметку об этой находке.

Довольно странно утверждение, что русским дружинникам «были чужды этические идеалы западного рыцарства», примером чего должно служить «изложение любовных тем, совершенно отличное» от западных поэм. В последних будто бы любовь проявляется лишь в виде супружеской и семейной любви, как например в песнях о Сиде и о Роланде. «Слово» же, по мнению Р. Поджиоли, «не участвует в моральном настроении христианского духа, отличающего песни о Сиде и Роланде от варварской германской эпохи, и скорее приближается к эпосу Гомера. Достаточно указать на полную циничность и яркого реализма сцену умычки половечких девок» (стр. 33—34).

На это следует возразить, что песня о Сиде неудачно выбрана в качестве морального примера. Ведь главным сюжетом второй ее части является рассказ о том, как два молодых графа, женихи дочерей Сиды, везя их на свадьбу, предпочли надругаться над ними по дороге и бросить опозоренными в пустынном месте. Это варварское неуважение к чести невест вызывает мщение Сиды. Оно бросает яркий свет на «рыцарские идеалы» западного феодализма. Кроме того, тема прелюбодеяния типична для западного эпоса (Тристан и Изольда). Правда, в песне о Сиде есть образ верной и послушной жены героя. Но ведь «Слово о полку Игореве» дает еще более трогательные образы тоскующей Ярославны, «милой хотя Глебовны» и плачущей матери Ростислава. Если оно мимоходом упоминает о похищении языческих пленниц, то ведь так же поступали все западные феодалы, крестоносцы и не-крестоносцы, в это жестокое время. И курьезно, что проф. А. Мазон именно в этой умычке половчанок не видит ничего грубого, а, напротив, усматривает в ней «галантный стиль» французских рыцарских романов, «романтический легкий штрих»⁴ в духе XVIII в.

Несколько странным является утверждение Р. Поджиоли, что в «Слове» не видно ни христианства, ни патриотизма, что, подобно эпопее Дигениса и испанским романцерам, это лишь «пограничный роман», эпопея «реконкисты» (возвращения) утерянной Тмутаракани. Конечно, христианского духа в «Слове» гораздо меньше, чем в летописи, но оно все

⁴ «Une touche romanesque et légère» (А. Мазон. Le Slovo d'Igor. Paris, 1940, стр. 165).

время называет половцев «погаными» (язычниками), и странно утверждать, что «термин „христиане“ нигде не появляется в Слове», когда он есть в его заключении. Автор чрезмерно настаивает на том, что это лишь пограничная ссора между двумя соседними, даже родственными народами, и указывает, что «сам Игорь был сыном половчанки». Это неверно: мать Игоря была дочерью новгородского посадника Петрилы, лишь отец его, Святослав Ольгович, был сыном Осолуковой дочери. Что касается патриотизма «Слова», то о нем много писали в советской литературе, которая автору недостаточно известна.

Эти погрешности несколько умаляют достоинство комментария Р. Поджиоли, в общем весьма интересного. Отметим, что в нем он касается (на стр. 21—22) и пресловутого похода проф. А. Мазона против подлинности «Слова» и считает, что эта гипотеза совершенно уничтожена блестящими и подробными доказательствами проф. Р. О. Якобсона.⁵ Именно неудача А. Мазона вызвала повышение интереса к «Слову» на Западе, выразившееся в появлении все новых переводов: на испанский язык — Я. и М. Малкиель в Буэнос-Айресе (1948 г.); на английский — проф. С. Кросса (1948 г.); на французский — проф. А. Грегуара (1948 г.) и швейцарского поэта Р. Супо (1950 г.); на словацкий — под ред. проф. А. В. Исаченко (1946 г.) и на словенский — проф. Р. Нахтигаля (1954 г.).⁶

* *
*

В издании текста «Слова» Р. Поджиоли принял все исправления, внесенные Р. О. Якобсоном в его издание 1948 г., и еще несколько новых. Нам хочется указать на три особенно интересные конъектуры.

1. Проф. Р. О. Якобсон уничтожил пресловутые «стрикусы». Он обратил внимание на то, что в Екатерининской копии написано: «утрѣже вазнистри кусы», что в печатном издании 1800 г. изменено на «утрѣ же воз-зни стрикусы», причем «утрѣ же» совершенно ошибочно переведено как «по утру же», что позднейшие издатели стали изменять в «утрѣ же». Между тем «утрѣже» — это правильный аорист от глагола «утрѣгнути» — «урвать» (как «оторгнуть» — «оторвать»)⁷. Если держаться Екатерининского текста, то в нем не надо менять ни одной буквы, следует лишь правильно разделить слова: «утрѣже вазни с три кусы». Слово «вазнь», не понятое издателями 1800 г., значит «счастье», «удачи» (Tuchê). В «Изборнике» Святослава 1073 г. «вазнь» противопоставлена христианскому смиреннию, а мы можем добавить, что два века спустя в Ипатьевской летописи под 1287 г. о князе Владимире Волынском сказано: «Дал бжшеть ему бог вазнь не токмо и на одиных ловех, но и во всем за его добро и правду». Следовательно, слово «вазнь» было известно в дружинном быту и применялось не только к охоте, но и ко всей деятельности князя. Итак, «утрѣже вазни с три кусы» значит «урвал счастья с три

⁵ В указанном издании «La Geste du prince Igor» (стр. 235—360). Автору остались неизвестными убедительные возражения проф. Н. К. Гудзия (Ревизия подлинности «Слова о полку Игореве» в исследовании проф. А. Мазона. Ученые записки МГУ, вып. 110. М., 1946, стр. 153—187) и В. П. Адриановой-Перетц («Задонщина». Опыт реконструкции авторского текста. ТОДРА, т. VI. М.—Л., 1948, стр. 205—217).

⁶ Р. Поджиоли отмечает, что еще в XIX в. появился итальянский перевод «Слова» в сборнике «Русская поэзия: былины и пр.» Доменико Чамполи (без даты); этот старый перевод перепечатан в 1946 г. профессором Леоне Пачини-Савой в книге «Slovo o polku Igoreve — Detto della Campagna di Igor» (Napoli, 1946).

⁷ Прибавим, что глагол «utrhnouti» — «урвать» известен в чешском языке, а в сербском словарь Вука Караджича приводит «utrgnuti se» — «оторваться» (про грыжу).

клока». Проф. Якобсон справедливо указывает, что «вазнь» может делиться на части, и приводит текст из «Пчелы»: «... уне ми имети каплю вазни нежели бѣтарь ума», а «кус» известен Слову Кирила Философа.⁸ Теперь текст ясен: вещей Всеслав был удачлив, он занял Новгород, «расшиб славу Ярославу», сел даже на столе в Киеве, но все это было временно, частично («три куса»): хоть он был хитер и горазд, и «вазнив», не избежать ему было божьего суда.⁹

2. Известно, что из всех географических названий в «Слове» труднее всего объяснить «Дудutki». Н. М. Карамзин сообщал о монастыре около Новгорода, но никто из позднейших комментаторов не нашел этого монастыря. Трудно сказать, был ли у добросовестного Карамзина какой-то утраченный источник. Между тем В. В. Капнист в своем недавно лишь опубликованном комментарии к «Слову», «не зная, где подлинно Дудutki находились, отыскал город Дудичи близ Минска на реке Птиче».¹⁰ Надо сказать, что Дудичи вовсе не город, а маленькое село в 35 километрах к югу от Минска: это древнее родовое название, и мы не видим никаких оснований, чтобы оно в XII в. называлось Дудutki. Однако, не зная о переводе Капниста, проф. А. Мазон пришел к той же мысли и на основании ее сочинил целую сказку о том, как вернувшийся после раздела Польши офицер рассказывал Мусину-Пушкину об этой деревне и как предполагаемый фальсификатор (неясно, Мусин-Пушкин или Бантыш-Каменский) включил Дудutki в текст «плагиата», наряду с Тмутараканью, как «два полюса русского империализма».¹¹ Несообразность этой гипотезы видна из того, что в 1795 г. русская граница дошла уже до Гродна и Бреста, гораздо дальше на запад, и что никому не известные Дудutki не могли играть роль «полюса империализма».

Между тем проф. Якобсон предлагает упразднить Дудutki и читать «сѣду ток», предполагая диттографию переписчика. Для этого у него имеются серьезные основания: еще Потегбня обратил внимание на то, что в сказках битва сравнивается с молотьбой, а ток с полем битвы или местом поединка: «дми точок» — очищай место для поединка. Проф. Якобсон приводит еще два примера фразы «дуй точок» из украинских сказок.¹² Поскольку в следующей строке «Слова» сказано «на тоце живот кладут», можно предполагать, что Всеслав-чародей «сдул ток», т. е. очистил место для битвы.

⁸ La Geste du prince Igor. Texte établi... par Roman Jakobson, стр. 240—241.

⁹ Заметим, что слово «стрикусы» обычно производят от древнемецкого «Strit-axus»; но весьма сомнительно, существовало ли такое слово: в германском этимологическом словаре Клуге, на который обычно ссылаются, есть только слово «axus», а если даже было образовано редкое слово «stritaxus», то неясно, почему бы оно попало в русский язык и не встретилось в летописях, где часто упоминаются топоры и секиры. Наконец, имея ударение на коренной гласной «а», оно вошло бы в русский язык в форме «стритаксы» или «стритаки», но вовсе не в форме «стрикусы», сочиненной неудачливыми комментаторами 1800 г. Можно утверждать, что слово «stritaxus» было неизвестно древнемецкому языку: его нет ни в словаре Клуге, ни в более подробном словаре Шаде (O. Schade. Altdeutsches Wörterbuch, II, 881 и сл.), хотя он приводит 26 сложных слов с первой частью «strit». Только в словаре среднемецкого языка Лексера (M. Lexer. Mittelhochdeutsches Handwörterbuch, II, 1240) мы найдем два примера искомого слова «боевой топор», но оба они взяты из текстов XV в. и дают новые, среднемецкие формы: «strit-ackes» и «stridaxht». Эти формы XV в. весьма далеки от воображаемых «стрикусов».

¹⁰ Д. С. Бабкин. «Слово о полку Игореве» в переводе В. В. Капниста. Слово о полку Игореве. Сборник исследований и статей под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950.

¹¹ A. Mazon. Le Slovo d'Igor, стр. 157—162.

¹² La Geste du prince Igor. Texte établi... par Roman Jakobson..., стр. 92—93.

Р. Поджиоли внес это изменение в текст, но перевел довольно неточно: *e lasciò la sua posta sull'aia*. Эта конъектура кажется нам менее убедительной, чем первая. Дудутки могли находиться близ Новгорода, по свидетельству Карамзина; такое название вполне возможно, сравним сербские звукоподражательные слова: «гугутка» (горлица) и «дудук» (свирель). Нет достаточных оснований предполагать удвоение слога переписчиком, что нигде больше не встречается в тексте «Слова». Все же мы сочли полезным указать на эту попытку исправления текста.

3. Заключительную строку: «Князем слава, а дружине аминь», проф. Якобсон предлагает читать «а дружине честь». Действительно, понятия «слава» и «честь» тесно связаны и в «Слове», и в Ипатьевской летописи, причем слава обычно принадлежит князю, а честь — дружине. Можно предполагать, что позднейший монастырский переписчик заменил последнее слово «честь» обычным заключительным «аминь».¹³

¹³ La Geste du prince Igor. Texte établi... par Roman Jakobson... стр. 96.

А. В. СОЛОВЬЕВ

Новое словенское издание «Слова о полку Игореве»¹

Если издание молодого итальянского энтузиаста Поджиоли (см. предыдущую статью) обращается к широким кругам любителей изящной литературы, книга маститого слависта Райка Нахтигаль носит совершенно другой характер. Его перевод и комментарий «Слова о полку Игореве» возникли в связи с преподаванием студентам-славистам, и, по его словам, «перевод не преследует литературных целей, а направлен филологически для понимания русского текста», для изучения истории русского языка.

Во вступлении проф. Р. Нахтигаль кратко говорит о первых изданиях, об авторе и о дате памятника (стр. 7—11). Он специально останавливается на вопросах фонетики и морфологии «Слова» (11—18). Он отмечает отдельные архаизмы, из которых «ясно видна картина древнерусского языка оригинала XII века», что побуждает его реконструировать текст, освободив его от всех изменений, внесенных переписчиками. Эту реконструкцию издатель считает главной задачей своего труда, причем особо рассматривает вопрос о древнерусских ударениях, которые он вносит в текст (стр. 21—23).

Текст памятника напечатан в четыре столбца: на левых страницах текст по изданию 1800 г. и «реконструкция» гражданским шрифтом (стр. 24—60), на правых страницах — та же «реконструкция» латинскими буквами и перевод на словенский язык (стр. 25—61). Комментарий имеет по преимуществу филологический характер, давая студентам объяснения мало понятных слов и выражений (стр. 62—96).

Очень полезным является исчерпывающий алфавитный указатель всех слов памятника, цитируемых по страницам и строкам издания 1800 г. (стр. 97—132).

Краткие библиографические заметки (стр. 133—136) касаются основных изданий и комментариев к «Слову» и переводов его на славянские языки: мы узнаем, что первый перевод на словенский язык дал в 1865 г. М. Плелершич, прослушавший в Вене у Ф. Миклошича семинар о «Слове». Попутно проф. Нахтигаль касается скептической школы и возрождения ее проф. А. Мазоном, говоря: «Утверждение, что Слово могло возникнуть под влиянием Задонщины, смешно, что видно из примера: „за шеломянем — за Соломоном“».²

¹ Slovenska Akademija Znanosti in Umetnosti. Academia Scientiarum et Artium Slovenica. Razred za filološke in literarne vede. Classis II. Philologia et litterae. Dela-Opera. 8. Institut za slovenski jezik. Institutum linguae slovenicae. 5. Staroruski ep Slovo o polku Igorjevè. Slovensko izdajo priredil Rajko Nahtigal. Ljubljana, 1954, стр. 5—136.

² В комментарии на стр. 71 акад. Нахтигаль указывает, что слову «шоломя-соломя» («соломен») в «Изборнике» Святослава 1073 г., отвечает в словенском и хорватском языках «sleme» («слѣмъ») как название невысокой горы.

К изданию приложены подробная родословная таблица князей, упомянутых в «Слове», и географическая карта древней Руси, на которую нанесены только названия, находящиеся в «Слове».³

Рассматриваемое издание несомненно полезно: оно дает словенским читателям ясное понятие о «самом знаменитом памятнике древнерусской литературы» (стр. 5) и является своевременным, так как давно устаревший перевод Плетершника стал библиографической редкостью. Филологический комментарий проф. Нахтигала очень поучителен и стоит на высоте современной славистики. Однако у нас являются некоторые возражения по поводу «реконструкции», которую автор считает главным достижением своего труда.

Попытка восстановления подлинного текста «Слова», с освобождением его от всех наслоений и изменений, которые могли быть внесены переписчиками, — не новость. Ее сделал уже Ф. Е. Корш в 1909 г.,⁴ старательно восстановив глухие гласные и полногласные формы во всем тексте «Слова», что, впрочем, не встретило одобрения в литературе предмета. Недавно, в 1948 г., проф. Р. О. Якобсон дал свою, более осторожную попытку восстановления текста: он поместил полногласные и некоторые другие древнерусские формы в скобках, после форм текста, предоставляя читателям выбор между теми и другими.⁵ Сам проф. Р. Нахтигаль опубликовал в 1950 г. около одной трети своей реконструкции и перевода текста,⁶ теперь он дает его в законченном виде.

Следуя во многом за тщательным исследованием акад. С. П. Обнорского,⁷ автор предполагает, что церковно-славянские формы появились в результате корректуры, проведенной переписчиками в эпоху «второго южнославянского влияния», т. е. в XV и XVI вв. Поэтому он сильно изменяет привычный нам текст «Слова»: 1) заменяет написания глухих после плавных «л» и «р» глухими перед ними, например «пѣлк»; 2) восстанавливает всюду глухие гласные, например «кѣнзязь», «клькѣтъм»; 3) после шипящих и «ѡ» ставит всюду «я» и «ю», например «начяшя»; 4) после гортанных всюду «ы», а не «и», например «Кыеву»; 5) заменяет все неполногласные формы полногласными, например «золото», а не «злато»; 6) заменяет местоименные формы прилагательных на -скый именными (нечленными), например «Кыевьскъ», «Русьскъ» (род. п. мн. ч.); 7) заменяет «жд» и «щ» (из «dj» и «tj») русским смягчением «ж» и «ч». Есть еще ряд более мелких изменений, на которых мы не будем останавливаться.

Оправданы ли все указанные изменения?

1. С первым можно согласиться (его провели уже Корш и Якобсон). Действительно, русский язык XII в. старался освободиться от болгарского написания «плькъ» и заменить его более подходящим к произношению начертанием. Так, уже в подлинной Мстиславовой грамоте около 1130 г. стоит «държа», «дѣлжни». Но невольно встает вопрос: не поддерживалось ли уже в оригинале «Слова» употребление болгарских начертаний книжной традицией «первого южнославянского влияния» XI—XII вв. и не старался ли сам автор «Слова» писать по-книжному «плькъ», а не «пѣлкъ», хотя это ему не всегда удавалось?

³ На карте есть погрешности: не указаны Ляхи, Овары на Кавказе, Новгород-Северский, Лукоморье; между тем Дудutki указаны огромными буквами, больше и выше Новгорода-Великого, хотя положение их сомнительно.

⁴ Ф. Е. Корш, Исследования по русскому языку Академии Наук, т. II, № 6.

⁵ La Geste de prince Igor, Texte établi... par Roman Jakobson..., стр. 150—178.

⁶ Rajko Nahhtigal. Slovo o polku Igoreve (Odlomek iz slovenske prreditve izdaje) Slavistična Revija, III. Ljubljana, 1950, стр. 369—396.

⁷ С. П. Обнорский и др. Очерки по истории русского литературного языка. Изд. АН СССР, М.—Л., 1946, стр. 132—198.

2. Строгое восстановление глухих кажется нам более сомнительным. Надо различать их в двух положениях.

а. Известно, что в слабом положении они исчезают уже с XI в.: на Тмутараканском камне 1076 г. уже стоит «князь Глеб», а не «кнѣзь Гълеб»,⁸ в Мстиславовой грамоте последовательно проведено «князь», «княжение», «Всеволод»; на черниговской чаре около 1150 г. стоит «князя». Поэтому поскольку в тексте «Слова» 33 раза стоит «князь» без ера, то нам кажется излишним восстанавливать его во всех 33 случаях: такая реформа ведет именно к болгаризации памятника.

б. Сложнее вопрос о глухих в сильном положении: однако, как говорит С. П. Обнорский, «в сильном положении, „ъ“ и „ь“ должны были уступить место гласным полного образования еще в период XII—XIII вв.».⁹ Особенно это должно было быть заметно в протяжном чтении или пении (а «Слово», вероятно, пелось под звуки гусель). В тексте «Слова» довольно последовательно проведено русское прояснение глухих: заменять ясные фонемы «клектом», «подперь» неудобными для пения формами «клькътъмь», «подьпърь» приводит к ненужной архаизации, т. е. именно болгаризации текста.

3. Мы полагаем, что нельзя так решительно ставить «я» и «ю» после шипящих и «ц», как это делает проф. Нахтигаль. Опять-таки следует провести различие между двумя случаями.

а. В памятнике, как отметил С. П. Обнорский, наблюдается решительное преобладание начертаний с «а»: выдержанные написания «жа» (10 случаев), «ща» (7 случаев) и «ша» (43 случая) при одном только примере «рассушьясь», всегда «ца» (14 случаев) и колебание лишь при «ч» (29 случаев «ча» и 11 случаев «чя»)¹⁰ Трудно думать, что все 103 указанных случая отвердения — против 12 случаев смягчения — появились под пером позднейших писцов, тем более, что отвердение шипящих ясно наблюдается в подлинных памятниках XII в.: «държа» в Мстиславовой грамоте и «чара... Давыдовича» на чаре 1150 г. Вероятно, в оригинале «Слова» преобладали такие написания, и можно даже поставить вопрос, не являются ли случаи написания малого юса («я») после «ч» и «щ» данью болгарской традиции.

б. Несколько иную картину дают «у» и «ю»: при последовательном написании «жу» (4 случая), «шу» (10 случаев) и «щю» (7 случаев) мы видим постоянное «цю» (6 случаев) и сильное преобладание «чю» (10 случаев) над «чу» (2 случая). Возможно, что отвердение «щ» является чертой промежуточной, новгородской, как предполагает академик Обнорский; с другой стороны, преобладание форм с «чю» типично для новгородского договора 1189 г. при последовательно проведенном написании «жа» и «ша».¹¹ Русская графика, а вероятно, и русское произношение XII в. не знали строгого однообразия во всех этих случаях, и приводить живое разнообразие к одному знаменателю кажется нам излишним ригоризмом.

4. Таким же излишним ригоризмом является строгое проведение в реконструкции употребления «ы» после задненёбных согласных. Проф. Нах-

⁸ Между тем в «Изборнике» Святослава надпись на миниатюре гласит «Гълеб» (не варяжское ли имя «Gudleif»?). Проф. Нахтигаль не принял этого во внимание и оставил «Глеб».

⁹ С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка, стр. 140. Договор Новгорода с немцами 1189 г. (сохранившийся в точной дипломатической копии 1257 г.) показывает уже полное прояснение глухих, а «ь» остается в нем как графический знак, часто равный «е» («пондъть», «повержьть» и т. п.).

¹⁰ С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка, стр. 147—148.

¹¹ «чюжее», «свяжють», но «тяжа» (4 раза), «рубеза», «сажати», «прашати».

тигаль в этом вопросе расходится с С. П. Обнорским, допускающим, что в оригинале «Слова» были уже известны случаи употребления «и» после «г», «к», «х», и считающим, что написания «Киев» и «Хинова» отражали живое произношение. По нашему мнению, строгое употребление «ы» во всех этих случаях ведет опять к чрезмерной архаизации, т. е. болгаризации, текста, ибо весьма возможно, что преобладание написаний с «ы» в тексте XVI в. является следствием новой болгаризованной орфографии.¹²

5. Проф. Нахтигаль решительно изгоняет неполногласные формы и заменяет их полногласными;¹³ нам кажется, что вопрос не так прост, и для этого сравним язык «Слова» с языком летописей и былин.

Древнейшие летописи сохранились лишь в списках XIV—XV вв. (Лаврентьевский 1377 г. и Ипатьевский нач. XV в.). Однако эти списки довольно правильно сохраняют старое правописание, ибо относятся к эпохе до «второго южнославянского влияния». Именно в этих списках мы найдем прихотливое чередование форм «град»/«город», «злато»/«золото» и сходных с ними. Начальная летопись пишет «Царьград», но «Новгород», Рюрик раздает «грады», но Олег ставит «городы»; Киев сперва «градок», затем «мати градом руским», еще позже «старейший град в земли во всей» (1096 г.); Торческ и Чернигов — «грады» (1093 г.), а Святополч — «город» (1095 г.). В Киевской летописи XII в. (Ипатьевской) преобладает форма «город», но в Галицко-Волынской — «град» («во граде Кыеве» — 1205 г., «град» Перемышль — 1208 г., «град» и «гражаны» в Галиче — 1219 г., «град» Холм — 1223 г. и т. д.). Такое разнообразие написаний убеждает нас, что по ним вовсе не проходила рука позднейшего корректора.

Еще знаменательнее язык былин, свободных от церковного влияния и сохранивших много старинных оборотов. Они говорят «Киев-град», «стольный Киев-град», но «ко городу ко Киеву», «во городе во Кыеве», «во Новгород», но «во Нове-граде». Мы полагаем, что эти чередования объясняются требованиями ритма и гармонии гласных. «Стольный Киев-град» дает ясное дактилическое окончание стиха, как и «во Нове-граде», тогда как «во городе во», «ко городу ко» дает звуковой упор на «о».

Такое же чередование представляют «злато»/«золото» с их производными. В Повести временных лет семь раз встречается «злато и паволоки», семь раз «злато и серебро»; видно, что это устоявшаяся формула. Наряду с этим «да будем золоти яко золото» (дактиль, под 971 г.). Требование ритма особенно заметно в Галицко-Волынской летописи под 1252 г.: «седло от злата жьжена... и сабля златом украшена, кожую... круживы златыми... и сапозы... шиты золотом». После трех неполногласных форм полногласная дает дактилическую концовку.

То же видим и в былинах: в них часто поется о «золоте», особенно в конце строк (дактиль), но найдем и формулу «злато и серебро» (Рыбников, №№ 181 и 196) и эпитеты «злачен перстень» (Рыбников, №№ 8, 193, 195), «ключи злаченые» (Рыбников, № 154) и особенно «терема златоверхие» (Рыбников, №№ 144 и 146; Гильфердинг, №№ 13 и 199) и «златоверховатые» (Рыбников, №№ 193 и 197). Такое же колебание, объясняемое отчасти ритмом, найдем в былинах между формами «молодец» и «младенчик», «молодой» и «млад Соловей Будимирович», «молода Забава Путятична» (Рыбников, № 149) и «млада Василиста» (Рыбников, № 171). Наконец, и приставка «пре» вовсе не

¹² С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка, стр. 146.

¹³ Все же он делает исключение для таких церковно-славянских слов, как «власть», «страны» и «здрави», оставляя их в неполногласной форме.

всегда переходит в «пере», и былины поют «женская прелесть», «прекрасная», «престарелая», «Буслай преставился», а не «переставился».

После этих наблюдений ясно, что в «Слове» нельзя механически заменить все неполногласные формы полногласными, ибо этим нарушается богатый ритм и звуковая окраска поэмы. Поэт 13 раз пишет «град» и лишь один раз «город»; в этом отношении его стиль близок к стилю Галицко-Волынской летописи. Когда мы читаем «Страны ради, гради веселы», нам ясно, что это прекрасное созвучие трех двусложных слов с упором на «ра» и даже с внутренней рифмой («ради» — «гради»). Когда проф. Нахтигаль ставит «городы», вся музыка стиха пропадает. То же можно сказать о стихе «Отвори врата Нову-граду, разшибе славу Ярославу»: поэт как бы радуется накоплению звонких слогов «ра» и «ла», звучащих как боевой клич. Текст проф. Нахтигалья дает унылое, протяжное оканье: «Отвори ворота Нову-городу, розшибе славу Ярославу». Мы полагаем, что поэт предпочитал формы на «ра» и «ла» из-за их энергичной звучности и краткости.¹⁴ Когда он говорит «храбра и млада князя»¹⁵ или «ступает в злат стремень в граде», этот ритм нельзя заменять окающей растяжкой. У него 22 раза встречается «злато» (с его производными) — оно в стихе звончей, чем «золото», и нельзя предполагать, что какой-то писец внес эти славянизмы. Так же как певцы былины, поэт пел «злаченные», «терем златоверхий», «златокотанный»; эти формы первоначальны.

Заметим, что поэт пользуется и полногласными формами, и никакой корректор их не изменял. Он говорит: «Яр туре Всеволоде, стоиши на борони», ибо это дактиль — концовка и вместе с тем ассонанс: «борони» перекликается со «Всеволоде»; но в другом месте поэт звонко кончает: «до спели на брань».

Особенно интересна единственная форма «город» в плаче Ярославны. В его трехчастном делении мы слышим сперва: «Ярославна ра/но плачет в Путивле на забрале аркучи» — центральное слово «Путивль» окружено симметричным повтором плавных слогов: «на», «ра» и «ла». Это прекрасная музыкальная фраза. Она повторена целиком в третьем призыве, к солнцу. Но вот во втором призыве, к Днепру, сказано: «Путивлю городу на забороле аркучи» — две полногласные формы. Что это, недосмотр корректора? Однако, исправив первую и третью фразу, он не мог бы пропустить вторую. Нет, это музыкальная вариация. Как хороший композитор в «теме с вариациями» помещает между мажорными минорную (или наоборот), так и певец «Слова» хочет избежать однообразия. Пользуясь эпическим тройным повтором, он умело изменяет средний, вставляя в него слово «городу» и настраивая в лад с ним «заборолу», которым дальше созвучны многие «о»: «Словутичу, ты пробил... горы, сквозе землю По/ловецкую». Такие же вариации можно отметить в стихах: «великая поля...

¹⁴ С. П. Обнорский близко подошел к решению этого вопроса о чередовании славянизмов и руснизмов в тексте «Слова», отметив, что какие-то «иногда более глубокие причины» не позволяли производить перелицовок и что, «например, колебание вариантов „голова“ и „глава“ в памятнике несомненно должно объясняться из стилистической дифференцированности соответственных отрезков контекста памятника». Он отметил тонкие различия между употреблением форм «вран» и «ворон», «ворота» и «врата», «глас» и «голос»; вероятно, этими же «стилистическими условиями» должно объяснять вариантность имени „Володимир“ и „Владимер“» (С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка, стр. 192—194). Однако С. П. Обнорский относит эти заботы о «соблюдении внутреннего благозвучия» на счет переписчиков. Мы склонны думать, что писец, механически переписывавший текст, не руководствовался такими тонкими стилистическими соображениями. Эта вариантность скорее является чертой богатства литературного языка крупного поэта.

¹⁵ Отметим, что сам князь Игорь говорит: «где мужи храборьствующей?» (Ипат. 434), а про Даниила Галицкого сказано: «бе бо дерз и храбор» (Ипат. 497)

прегородиша», «дети бесови кликом поля прегородиша, а храбрии Русичи преградиша»; в первых двух случаях полногласная форма ассонирует с «поля», в третьем она перестроена на славянский лад и созвучна с «храбрии» — единообразие избегнуто.

Можно отметить, что пользование формой «вран» наряду с полногласной «ворон» объясняется тоже ассонансами; поэт три раза говорит: «врани граяхуть, врани възграяху, врани не граяхуть» — созвучие «вра» — «гра» прекрасно изображает карканье воронов. Но когда он говорит: «черный ворон, поганый Половчине», вся фраза настроена на «о». Это искусство большого поэта, сознательное или бессознательное, — об этом трудно судить.

Проф. Нахтигаль не обратил внимания на отзвуки «Слова» в «Задонщине»: между тем они интересны для восстановления подлинного облика «Слова».

В древнейшем, Кирилло-Белозерском, списке 1475 г. есть фраза: «Славий птица, что бы еси выщекотала», замененная в трех позднейших списках более простонародным оборотом: «О соловей летняя птица». Очевидно, «славий» в Кирилло-Белозерском списке восходит к традиции «Слова», где сказано «скача, славню, по мыслену древу». Любопытно отметить, что позднейшие переписчики «Задонщины» в XVI в. вовсе не вносили церковно-славянские, а, напротив, использовали народные формы.

Между тем полногласная форма «Слова»: «кликом поля перегородиша» сохранена в четырех списках «Задонщины» (К-Б — «свистом поля перегороди», И₁, У и С — «поля широкая кликом огородиша»). Так же полногласная форма «яр туре стоиши на борони» сохранена в И₁, И₂ и У: «уже стал тур на боронь (тур оборен)». Фраза Святослава «А чи диво ся, братие, стару помолодити?» нашла отзвук в четырех списках «Задонщины»: «Тутю, брате, стару помолодити[ся]». «Задонщина», как и «Слово», знает лишь «шеломы», а не «шлемы».

Но с другой стороны, неполногласные формы в «Задонщине» восходят именно к тексту «Слова». В И₂ и У мы читаем «главы свои подклониша» и в «Слове» так же: «главы своя поклониша». В трех списках «Задонщины» «жены руския всплескаша татарским златом», что перелицовано из «Слова»: «звоня рускым златом». «Славный град Москва» (три раза в «Задонщине») отвечает «граду Киеву» в «Слове».

Наконец, любопытное сочетание неполногласной и полногласной форм в «Слове»: «златым шеломом посвечивая» точно сохранена в И₂, а в списках И₁ и У читается «злачеными шеломы», что опять-таки восходит к форме «злаченный» в «Слове».¹⁶

Эти примеры показывают, что уже в 1380-х годах иерей Софоний пользовался старинным списком «Слова», отличавшимся тем же прихотливым чередованием полногласных и неполногласных форм, как и Мусин-Пушкинский список XVI в. Ясно, что это чередование находилось уже в оригинале «Слова» и объясняется не «вторым южнославянским влиянием» XV в., а еще первым влиянием на Киевскую Русь, в XI—XII вв.

6. Резкой особенностью «реконструкции» текста «Слова» является строго проведенная проф. Нахтигалем замена членных форм прилагательных с окончанием -ский нечленными (-ск, -ска, -ско). В «Слове» таких прилагательных ровно 60. Одно только слово «Руский» повторяется

¹⁶ Чередование форм «забрала» и «заборола» в «Слове» прихотливо отражается в разных списках «Задонщины». Именно И₂ и У дают: «на забралах» (2 раза) и «железная забрала», между тем в И₁ и Син. мы читаем «на заборолех» и «железна зарона» (И₁), «железное забороло» (Син.). В К-Б этих слов вообще нет.

в разных формах 26 раз, «Половецкий» — 18 раз, «Киевский» — 3 раза и т. д. Во всех 60 случаях издатель вносит лишь именные формы и печатает: «Святослав... грозный Киевск», «земле Русьскы», «по Русьске земли», «с Чьрниговскы былями», «Галичьск Осмомысле», «костыми Русьск сынов», «горам Кыевскам» и т. п. Единственным его доводом является форма «държа Русьску землю» в подлинной грамоте великого князя Мстислава I; мы можем прибавить еще «тиун бояреск» в древнейшем списке Русской Правды (1288 г.).¹⁷ Но наряду с этими формами мы встретим в той же грамоте «вено во[д]ское», а в том же списке Правды — «Правда Роуськая, тысячького Киевского, морьскую лодью, войский конь, детьчьскому» и др., всего 13 местоименных форм против одной именной. Надо полагать, что этот список точно отражает язык времени Владимира Мономаха. Вообще замена именных форм местоименными есть древнейшее явление русского языка, и надпись на Николодворищенском антиминсе 1149 г. дает лишь формы «Новгородского», «Ростовьского», уже с русской заменой формы -аго окончанием -ого, под воздействием форм указательных местоимений типа «того», «тому».¹⁸

Все это явления живого языка первой половины XII в. Как же можно предполагать, будто поэт конца XII в. отверг эти явления и вернулся к архаическим, именным формам, а что лишь позднейший переписчик во всех 60 случаях заменил их членными? Ведь мы видели, что он вовсе не заменял все полногласные формы болгарскими и не проявлял строго ригоризма.

Возьмем опять для сравнения язык летописи. На первых ее страницах мы часто встретим именные формы: «Руска земля» (852 г.), «землю Фрачьску и Македонску», «язык словенск», «землю Словенску» (898 г.) и т. п. Но эти формы чаще всего встречаются в «Сказании о писменех», которое, по исследованию Н. К. Никольского 1930 г., вставлено в летопись из церковного (быть может, западославянского) источника. Между тем в Повести временных лет с 1010 по 1110 г. (по Лаврентьевскому и Ипатьевскому спискам) мы нашли 190 случаев членных форм и только 21 случай употребления нечленных форм прилагательных на -ский. Из этого 21 случая 11 ясно указывают на церковную, болгарскую традицию: «вера хрестьянска», «кровь хрестьянску» (2 раза), «погубление душа хрестьянскы», «на хрестьянске роде», «роду хрестьянска», «мечтанье бесовско», «бесовску действу», «Хананейско племя», «цесарь Июдейск», «цесаря Асурийска».¹⁹ Еще показательнее данные XII в. В Ипатьевской летописи за сто следующих лет, с 1111 по 1210 г. мы найдем на 588 случаев членных форм только шесть именных, из них пять ясно объясняются церковным влиянием, именно: «не пролейта крови хрестьянскы», «ни погубита Рускы земле», «бог всегода Рускы земле и Рускых сынов в бесчестьи не положил есть», «от Вавилонска нечаяния», «избави и господь за молитву хрестьянску».²⁰ Особенно интересен последний пример: в нем говорится именно о князе Игоре (под 1185 г.). В одном лишь рассказе Ипатьевской летописи о походе Игоря мы нашли 22 прилагательных на -ский («Руские», «Половецкие», «на землю Рускую» и т. п.) в членной форме, совсем как в «Слове».

¹⁷ Е. Ф. Карский. Русская Правда по древнейшему списку. Изд. АН СССР, Л., 1930.

¹⁸ П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953, стр. 147.

¹⁹ Повесть временных лет. М., 1950, т. 1, стр. 102, 132, 148, 120, 128, 122, 131.

²⁰ Ипат. лет., стр. 297, 310, 478, 437; шестой случай «пасаше сыны боярскы» (стр. 270) объясняется оттенком неопределенности эпитета. Напротив, членные формы «русский», «половецкий» употребляются по общей норме, имея чисто атрибутивное значение (С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка, стр. 57—58).

Единственным исключением является указанная фраза об избавлении Игоря, вероятно записанная со слов его попа, бывшего с ним в плену.

Опять-таки архаический язык былин знает именные формы «красна девица», «горючь камень», но прилагательные на -ский в них всегда в полной форме, во-первых, вследствие своего оттенка определенности, а вероятно, и потому, что они дают дактилические окончания: «стольно-Киевский», «свето-русьские». Этим дактилизмом объясняется и употребление удлиненных форм: «богатырских», «литовским». Можно полагать, что стремление к более гармоничным ритмическим отрезкам определило и дактилические концовки «Слова»: «за землю Рускую», «на землю Половецкую», «Святослав грозный великий Киевский». Заменять их краткими формами является невниманием к ритмической структуре «Слова».

Мы считаем, что в XI и XII вв. нечленные формы на -ск были редким архаизмом и что их спорадическое употребление поддерживалось авторитетом церковного, староболгарского языка. Именно в «Сказании черноризца Храбра», в похвале Кириллу-Константину, в текстах Евангелия мы встречаем «язык словеньск», «елиньск язык», «страха ради иудейска» и т. п.²¹ У нас является мысль, не есть ли одинокое «дрьжа Руську землю» в Мстилавовой грамоте отражение болгарского стиля в великокняжеском окружении?

Живая речь той эпохи, а особенно народнопоэтический стиль предпочитал более певучие, местоименные формы. Поэтому попытка проф. Нахтигала изгнать из текста «Слова» все 60 членных форм кажется нам насильем над морфологией и ритмикой памятника и неожиданной, бесполезной его «болгаризацией».

7. После этих сравнений языка «Слова» с языком былин и Ипатьевской летописи следует обсудить еще и неуклонно проведенную издателем замену всех церковно-славянских форм со звуком «щ» и «жд» их русскими дублетами: «аче», «хочю», «стонучи» вместо «аще», «хощу», «стонущи»; «жажею» вместо «жаждею» и т. п.

Опять-таки, сравнение с языком Ипатьевской летописи, свободной от «второго южнославянского влияния», очень поучительно. И в этом отношении ее стиль весьма пестрый: она очень часто пользуется русскими формами с «ч» и «ж», но наряду с ними в ней довольно часты и болгарские формы, очевидно, вошедшие в литературный язык той эпохи. Например, именно во второй половине XII в. мы встретим в ней и «аще» и «хощу», и притом вовсе не в рассказах с церковной окраской, а именно в прямой речи князей и светских людей. Так, новгородцы говорят в 1178 г. князю Мстиславу Храбром: «Княже, аще се богови любо», а сам Мстислав обращается к дружине: «Братья, аще ныне умрем за хрестьяны». Именно в рассказе о плене Игоря под 1185 г. сын тысяцкого и конюший говорят князю: «Поиди, княже, в землю Рускую, аще восхошет бог избавити тебя», а сам Игорь молится: «Аще спасеши мя, владыко».²² Видно, что в решительные моменты русские люди пользовались оборотами торжественного литературного стиля, хорошо знакомого им по церковной службе и по чтению псалтыря.²³

²¹ Нечленные формы на -ск типичны для древнейших церковных текстов, как Киевские глаголические листки X в., Македонские и Охридские XI в. (И. Огиенко. Памятки старо-славянской мови. Варшава, 1929, стр. 48 и сл.).

²² Ипатьевская летопись, 1871, стр. 411, 413, 438. Даже половцы говорят князьям: «а хошем с тобою ряд положить», а берендичи — «аже ны хошеши любити» (там же, стр. 379 и 343).

²³ И причастия болгарского типа часто встречаются в летописи XII в. Игорь восклицает: «Где бояре думающеи, где мужи храборьствующеи?» и т. п. Поэтому нас

После этого нас не должно поражать «хощу бо» в устах князя Игоря в «Слове», так же как и три случая пользования союзом «аще». Заметим, что два раза «аще» ассонирует со словом «вещий» («Боян бо вещий, аще кому хотяше» и «аще и веща душа»), — мы можем предположить опять уже отмеченную нами склонность поэта к ассонансам. В третий раз «аще» появляется после двух «аже» — не есть ли это опять музыкальная вариация, как в случае «забрало/забороло»? Нам кажется, что поэт умело и осторожно пользовался болгарскими дублетами для большей красочности языка. И. П. Еремин справедливо отметил, что «Слово» есть «литературное произведение, вооруженное всем мощным аппаратом художественного воздействия на читателей, выработанным в его время торжественным красноречием Киевской Руси» (разрядка моя, — А. С.).²⁴ Одним из средств в этом аппарате было умелое пользование болгаризмами, обогатившими русский язык такими понятиями, как «власть»,²⁵ «мужество», «жажда», «шестокрильци», «златоверхий».

Во всяком случае, внимательный и серьезный труд проф. Р. Нахтигала надо приветствовать как проявление усилившегося интереса югославских ученых к величайшему памятнику древнерусской литературы. Прекрасный перевод на словенский язык и комментарий являются большой заслугой проф. Нахтигала и стоят на высоте современной науки. Надо надеяться, что вскоре появится и научное издание «Слова о полку Игореве» на сербохорватском языке: до сих пор сербы и хорваты не имели ни точного перевода памятника, ни хорошего его комментария.

не должно удивлять «нощь стонуши» (зловещий ассонанс!) в «Слове», так как и «нощь» и «полунощь» постоянно встречаются в Ипатьевской наряду с русскими формами.

²⁴ И. П. Еремин. Слово о полку Игореве как памятник политического красноречия Киевской Руси. Слово о полку Игореве. Сборник под ред. В. П. Адриановой-Перетц, стр. 100.

²⁵ Святослав Всеволодич говорит в 1180 г.: «приму один власть Рускую» (Ипатьевская летопись, стр. 416); поэтому в «Слове» даже проф. Нахтигаль не решился заменить в его речи слово «уже не вижду власти» — «уже не вижю волости» (стр. 44).

В. К. ПЕТУХОВ

«Слово о полку Игореве» в переводе П. П. Негоша

В 1951 г. исполнилось 100 лет со дня смерти П. П. Негоша — великого поэта и крупного государственного деятеля Югославии. Негош хорошо знал русский язык и внимательно следил за развитием русской литературы. Столетие смерти поэта было отмечено началом издания полного собрания его сочинений. Последний том собрания вышел в 1954 г. Во II т. сочинений помещены отрывки из «Слова о полку Игореве», переведенные поэтом.¹

Рукопись, содержащая перевод «Слова», была обнаружена проф. А. Гавриловичем в редакторском архиве известного сербского журналиста Д. Медаковича и была впервые опубликована в 1905 г.² В годы второй мировой войны рукопись пропала. По описанию А. Гавриловича, она представляла собой три листа большого формата. Какие-либо примечания и заметки отсутствовали. Негошем были переведены четыре отрывка из «Слова» (приблизительно одна пятая часть), каждый из которых имел заглавие.

Сербский ученый М. Бабович³ в работе, посвященной переводу «Слова» Негошем, ввиду отсутствия в Югославии первых изданий текста памятника, не смог ответить на вопрос, какое русское издание легло в основу данного перевода. Настоящая работа представляет собой попытку ответить на этот вопрос.

Осенью 1837 г. Негош приехал в Петербург и пробыл в нем около месяца. В мае—июне этого же года вышел из печати прозаический перевод «Слова» М. А. Максимовича. Вероятнее всего, Негош и воспользовался этим изданием при своем переводе. Однако прежде чем рассматривать перевод М. А. Максимовича, коротко остановимся на изданиях «Слова о полку Игореве», появившихся до 1837 г.

Мы рассмотрим их в хронологическом порядке. В 1803 г. появилось стихотворное переложение «Слова» И. Серякова.⁴ Проведенное ниже сравнение переводов Негоша и И. Серякова убеждает нас в том, что в основу перевода Негоша лег не этот текст.

Помним в древних мы преданиях
Применяли как сражения
К быстру стаду соколиному,
Пушну на белых лебедей;
Чей сокол всех напред летел,
Прежде песнь тому и пелася.

Он пјеваше прошли дана збића,
Не пјеваше как оно се пјева.
(Танким гласом и слабым ријечима)
Већ он пушћа десет соколовах.
Да напа'ну јато лабудовах,
Соко писне, лабуд пјесну дава.⁵

¹ П. П. Његош, Дјела, књ. 2, Београд, 1953, стр. 374—381.

² А. Гавриловић. «Слово о полку Игореве» у српској књижевности. В Годишнице Николе Чупића, књ. XXIV. Београд, 1905.

³ М. Бабовић. Његошев превод «Слова о полку Игореве». Београд, 1953.

⁴ И. Серяков. Поход Игоря противу половцев. СПб., 1803.

⁵ Здесь и в дальнейшем изложении тексты приводятся по упомянутому выше изданию сочинений Негоша.

И. Серяков передает «предание» в безличной форме, тогда как у Негоша действующим лицом является Боян. У И. Серякова песня поется тому, чей сокол прилетел к стае лебедей первым. У Негоша же песнь поет лебедь.

Тут взглянул на солнце красное,
И увидел свое воинство
Тьмой густою все покрытое,
Пронес со вздохом речь к нему:
«Гой, вы братья и друзья мои!
Быть нам лучше всем изрубленным
Нежель в плен итти и бедствовать».

Храбри Игор пушћа оћи своје
Да сунчане испитају тајне,
Али сунце свијетло не бива,
Мрак јер сакри коње и јунаке.
(Божја воља казује се вишња).
Тада Игор гласно бесједио:
«Браћа моја и дружина врсна,
Боље нам је умиријет јуначки
Нег плијеном постати душману».

В данных двух отрывках говорится об одном и том же событии. Однако изображение его у этих авторов настолько различно, что трудно предположить возможность использования Негошем текста И. Серякова.

Ах! плачевный раздается глас,
Ярославной выпускаемый;
Нежный стон несется в воздухе;
Как оставленная горлица,
Так она воркует в тереме
По утрам тоской снедаемая.

Закукала кукавица сиња
У прозорје прије бјела дана,
На глас њезин кука Јарославна,
Игорова вијерница љуба.

У Негоша Ярославна сравнивается не с горлицей, как это делает И. Серяков, а с кукушкой. Отсутствуют в тексте Негоша вторая и четвертая строчки перевода И. Серякова. Подобные несоответствия в текстах Негоша и И. Серякова можно проследить почти в каждом отрывке, изображающем то или иное событие.

Следующее переложение текста «Слова» появилось в 1807 г. Оно было сделано в стихотворной форме А. Палицыным.⁶ Остановимся на первом примере.

Любовь к отечеству зовет, о Россы нас!
Воспеть брань Игоря на древний предков
глас,
Каким их подвиги вещались знамениты:
Да будут бытия и наших лет открыты. . .
Спокойным гласом так к своей дружине рек:
«Друзья, не унывать, разить я с вами тек.
В кровавой сечи пасть славнее под мечами,
Чем, вдавшись в плен, стенать под тяжкими
цепями».

Лијепо л'је нама појевати,
По старински пјесну удесити,
О ратиштах тврдога Игора,
Свјатослава јуначкога синка. . .
Тада Игор гласно бесједио:
«Браћа моја и дружина врсна,
Боље нам је умиријет јуначки,
Нег плијеном постати душману».

При сравнении этих отрывков прежде всего бросается в глаза простота и спокойная повествовательность тона перевода Негоша. У него полностью отсутствует напыщенность и нарочитая стилизация, которые отличают текст А. П. Палицына.

Уже Российская рать течет со всех сторон,
Сбираясь из жилищ в поход на гордый
Дон.
Не бурей чрез поля широки, отдалены
Не многи соколы то были занесены,
Но войска дружных птиц подобились
стадам,
Готовым устремить полет к Донским брегам.

Нјесу оно тице соколови
Те прел'јећу свуд широка поле,
Већ је оно јато плашивца
Те побјеже Дону великому.

⁶ А. П а л и ц ы н. Игорь. Героическая песнь. Харьков, 1807.

Первые две строки в отрывке А. Палицына лишние по сравнению с оригиналом «Слова» и с переложением Негоша. К тому же у Негоша использован поэтический образ стаи летящих на Дон галок, что полностью соответствует тексту памятника, тогда как у Палицына наблюдается здесь совершенно неоправданное искажение этого поэтического сравнения. Уже на основании сравнения этих параллельных отрывков Негоша и Палицына становится ясным, что Негош не прибегал к использованию текста последнего.

Стихотворный перевод Н. Язвицкого⁷ не заслуживает специального рассмотрения, так как автор значительно сократил «Слово о полку Игореве» в своем переводе. Например, у Н. Язвицкого отсутствуют следующие места текста «Слова»: 1) от слов «Помнишьть бо, рече, пьрвыхъ времянь усобиць» до слов «Боянь, же братия, не 10 соколовъ, на стадо лебедей пущаше»; 2) от слов «О, Бояне, Соловию старого времени!» до слов «не буря соколы занесе»; 3) от слов «Съ зарания до вечера» до слов «Что ми шумить, что ми звенить»; 4) от слов «Ту ся брата разлучиста» до слов «Уж бо, братие, не веселая година вьстала». Все эти выпущенные Н. Язвицким места полностью сохранены в переводе Негоша. Следовательно, Негош положил в основу своего перевода какое-то другое, значительно более полное переложение «Слова».

В 1813 г. был издан стихотворный перевод памятника, сделанный И. Левитским.⁸ Сравним следующие два отрывка.

Нам приятно братцы песнь воспеть
Древним слогом — слогом жалобным
О походе славна Игоря,
Не веселую — печальную.

Лијено л'је нама појевати
По старински пјесну удесити,
О ратиштах тврдога Игоря
Свјатослава јуначкога синка.

Четвертая строчка отрывка Левитского совсем отсутствует у Негоша. Левитский называет Игоря просто по имени, у Негоша же указано и отчество Игоря.

Что за шум слышен в полночи
До восхода зари утренней?
Игорь двинулся с полками в путь:
Брата жаль ему Всеволода,
Жаль что войско Половецкое
Победило войско русское.
Войска сходятся немедленно,
Брань кровава начинается,
Копьев звуки умножаются.

Почуј гласе, звоном се разл'језу
Игор чеге окупљава своје,
Жалећ' милог брата Всеволода.

В следующем отрывке Левитского только четыре первые строчки соответствуют тексту «Слова». Все остальное добавлено самим Левитским. Негош же дает почти дословный перевод соответствующих строк памятника.

Ярославнин голос слышется
Как оставленная горлица,
По утрам воркует жалобно.

Закукала кукавица сиња
У прозорје прије бјела дана,
На глас њезин кука Јарославна,
Игорова вијерњица љуба.

У Левитского, так же как и у Серякова, Ярославна изображена как «оставленная горлица», а Негош обращается к сравнению, использован-

⁷ Чтение в Беседе любителей русского слова, кн. 6. СПб., 1812.

⁸ И. Левитский. Ироическая песнь о походе Игоря на половцев. СПб., 1813.

ному автором «Слова». Перевод Негоша гораздо более близок оригиналу, чем переложение Левитского. Поэтому можно почти с уверенностью утверждать, что Негош имел для работы какой-то иной, более точный перевод «Слова».

После стихотворного переложения Левитского вышел перевод Я. Пожарского,⁹ сделанный в прозаической форме. Ниже мы сравним ряд отрывков из переводов Пожарского и Негоша.

Памятна речь прежних времен о брани;
тогда же пускали десять Соколов на стадо
лебедей, чей сокол долетал, тот прежде
песнь воспевал.

Он пјеваше прошли дана збића. . .
Већ он пушћа десет соколовах,
Да напа'ну јато лабудовах,
Соко писне, лабуд пјесну дава.

При сравнении первых двух отрывков наблюдается то же расхождение, какое мы видели при сравнении этого же отрывка Негоша с переводом Серякова. У Пожарского, как и у Серякова, рассказ о соколах ведется в безличной форме, только у него песнь пел тот, чей сокол долетал до лебедей первым.

Почернела земля под копытами, костью
была засеяна, а кровию полита: огорчен-
ные сим половцы взошли в Русскую землю.

Тутњи земља коњу под копитом,
Црвеном се залијева крвцом,
Топлом крвљу из срца јуначког,
Ај, Русијо, постојбина њина,
Крв је твоја и туга је твоја.

Пожарский, описывая поражение князя Игоря и печаль земли Русской, делает следующий неверный вывод: «...огорченные сим половцы...». Негош же избежал ошибки Пожарского и дал в своем переводе тождественное оригиналу толкование этого события.

Свивая славою обе половины сего времени,
носясь за войском Трояновым чрез поля
на горы.

Опјевај нам славу Игорову,
Да се вијни Тројанову зиду.

Обращение автора к Бояну, всегда остававшееся спорным местом «Слова», Пожарский переводит «свивая славою». Негош же вообще выпустил это место. Можно предположить, что Негош не обошел бы молчанием поэтический образ славы, соединяющей два героических периода жизни русского народа, если бы был знаком с переводом Пожарского. Небезынтересно отметить, что в переводе Максимовича это место памятника тоже опущено.

Следующий прозаический перевод был опубликован в 1823 г. и принадлежал Н. Граматину.¹⁰ Рассмотрим это издание «Слова» сравнительно с переводом Негоша.

Помнил он сказания давно минувших вре-
мен о войне, и тогда пускал десять соко-
лов на стадо лебедей, который сокол до-
летал, ту наперед песню он пел.

Он пјеваше прошли дана збића.
Већ он пушћа десет соколовах,
Да напа'ну јато лабудовах,
Соко писне, лабуд пјесну дава.

В данном отрывке Граматин говорит, что выпускает соколов на лебедей и поет песнь Боян. В переводе Негоша Боян только выпускает соколов, а песнь поет лебедь.

...увивая славами обе половины сего
времени, рыща по дороге Трояновой через
поля на горы.

Опјевај нам славу Игорову,
Да се вијни Тројанову зиду.

⁹ Я. Пожарский. Слово о полку Игоря Святославича. СПб., 1819

¹⁰ Н. Граматин. Слово о полку Игоревом. М., 1823.

Темное место обращения автора к Бояну Граматин толкует почти так же, как и Пожарский.

И сказал ему сильной тур Всеволод.

Сила му је дивьег бика снага.

Здесь Граматин называет Всеволода «сильным туром», что значительно ослабляет образ, использованный автором «Слова» (буй-тур), тогда как Негош переводит дословно.

Полечу кукушкой к Дону, омочу бобрый рукав в Каяле реке, утру князю кровавые его раны на жестоком его теле.

Створ' ме, Боже, кукавицом сињом,
Да полетим пут Дунава ладна,
Да исквасим самур-одијело
У Кајали у води студеној.
Не бил' тешке уминуле ране
На Игору господару моме.

В данном отрывке у Граматина кукушка летит к Дону, а у Негоша к Дунаю. Это особенно убедительно свидетельствует о том, что Негош пользовался другим переводом «Слова».

Наконец, рассмотрим перевод А. Вельтмана,¹¹ вышедший в 1833 г.

Он десять своих соколов устремлял в лебединое стадо и первый домчавшийся сокол вдруг песню запевал.

Већ он пушћа десет соколовах,
Да напа'ну јато лабудовах,
Соко писне, лабуд пјесну дава.

В противоположность Вельтману, у Негоша песнь поет лебедь.

Желание испытать из великого Дона умом овладело; а грустные мысли о знамении неба — душою.

Јуначка је жеђа обузела
Дивна жеђа бесамртног пића.

Вельтман противопоставляет желанию испытать из Дона грустные мысли, овладевшие Игорем. Негош переводит это место иначе. У него отсутствует противопоставление и говорится лишь о стремлении к бессмертной славе.

Вспорхну, говорит, полечу горемычная к Дону!

Створ' ме, Боже, кукавицом сињом,
Да полетим пут Дунава ладна.

Так же как Граматин, Вельтман считает, что в этом месте правильнее говорить о Доне. А Негош, как отмечалось ранее, пишет о Дунае.

О ветер! говорит она, ветер! Что ты веешь на зло? Зачем ты на легких крыльях своих мчишь стрелков ханских на рать Ярославина друга.

Вјетар зове и њему се моли:
Нашто душеш, нашто луте стр'јеле,
Од крвника на крилима својим,
Носиш против господара мога.

По Вельтману, Ярославна жалуется на то, что ветер приносит на своих крыльях «стрелков ханских». В переводе же Негоша говорится не о «стрелках ханских», а о стрелах, что соответствует тексту. Все это подтверждает предположение о том, что не переложение Вельтмана лежало в основе перевода Негоша.

Смысловое несоответствие отдельных мест в рассмотренных нами переводах и в переводе Негоша убеждает нас в том, что Негош не пользовался упомянутыми изданиями. Отсутствие в вышеуказанных переводах «Слова» членения текста на озаглавленные отрывки, которое мы наблюдаем у Негоша, также подтверждает это.

¹¹ А. Вельтман. Песнь ополчению Игоря Святославича. М., 1833.

Какое же издание «Слова» использовал Негош при своем переводе?

А. Гаврилович считает, что Негош обратился к изданию М. А. Максимова.¹² Р. Лалич присоединяется к предположению первого публикатора. Он пишет следующее: «За правильность этой мысли говорят названия отдельных частей „Слова“, которые, кажется, даны по Максиминовичу»¹³ (Р. Лалич не имел в своем распоряжении издания М. А. Максимова 1837 г.). Он считал также возможным, что Негош параллельно пользовался изданием А. С. Шишкова.¹⁴ Это положение он обосновывал тем, что в личной библиотеке Негоша было найдено собрание сочинений А. С. Шишкова, в седьмом томе которого помещены текст и прозаический пересказ «Слова».

Однако ни А. Гаврилович, ни Р. Лалич текстов не сравнивали. Ниже мы и приводим параллельные места из переводов А. С. Шишкова, М. А. Максимова и Негоша (тексты приводятся соответственно по ранее указанным изданиям).

Памятно нам по древним преданиям, что поведая о каком-либо сражении, применяли оное к десяти соколам, на стадо лебедей пушенным.

Как вспоминал он сказания прежних времен об усобице, то пускал тогда десять соколов на стадо лебедей.

Он пјеваше проши дана
збића,
Не пјеваше как оно се пјева.
(Танким гласом и слабым
ријечима)

Већ он пушћа несет соко-
ловах

Да напану јато лабудовах.
Храбри Игор чека брата
свога.

Брата свога Всеволода кне-
за.

Док и њега ето, брату спје-
ши,

Сила му је дивљег бика
снага.

Како паде бесједити стада.
Тада Игор гласно бесједио:
«Браћо моја и дружино
врсна!»

Ждет Игорь милого брата Всеволода. Богатырь же Всеволод вещает к нему.

Игорь ждет милого брата Всеволода. И говорит к нему Буй-тур Всеволод.

Произнес к дружине своей: «Братья и друзья!»

И говорит Игорь к дружине своей: «Братья и дружина!»

Ярославни голос слышется; она как оставленная горлица по утрам воркует.

Слышен голос Ярославны. Пустынной кукушкой он раздастся с утра.

Закукала кукавица сиња
У прозорје прије бјела дана,
На глас њезин кука Яро-
славна,

Игорова вијерница љуба.

Ты носил на себе Свято-славовы военные суда до стану Кобякова.

Ты лелеял на себе лодыи Святославовы до войска Кобякова.

Те носио Свјатославе вој-
ску,
Ухитио пука Кобјакова.

Из приведенных примеров видно, что Негош в своем переводе не следовал пересказу Шишкова. Можно предположить лишь то, что поэт пользовался в некоторых случаях текстом «Слова», который был помещен у Шишкова параллельно с прозаическим переводом последнего. В этом нас убеждает также и то, что членение на отрывки точно соответствует членению Максимова.¹⁵ Следовательно, остается предположить, что Негош пользовался переводом Максимова.

¹² М. А. Максимова. Песнь о полку Игореве, сложенная в конце XII в. на древнем русском языке. Киев, 1837.

¹³ П. П. Феглош, Дјела, књ. 2, стр. 606.

¹⁴ Собрание сочинений и переводов адмирала А. С. Шишкова, ч. VII. СПб., 1826.

¹⁵ М. Бабович в своей работе «Негошев превод „Слова о полку Игореве“» полагает, что членение на отрывки текста «Слова» у Негоша не соответствует членению М. А. Максимова. Это, вероятно, вызвано тем, что в Югославии нет издания Макси-

Затруднительно определить время перевода. Перевод не мог возникнуть ранее 1837 г., так как к этому году относится издание Максимовича. А. Гаврилович полагает, что он возник в начале творческого пути Негоша. Он пишет: «Рукопись очень похожа на рукопись Илиады и первые письма владыки, одинаковы отдельные поэтические выражения. Мы с основанием можем отнести отрывки перевода „Слова“ к первому периоду его учения и деятельности».¹⁶

Р. Лалич также полагает, что перевод относится к концу тридцатых годов. Во всяком случае в известной поэме Негоша «Горный венец» (1847 г.) имеется ряд стихов из перевода «Слова». Сербский ученый Е. Милович приводит параллели из «Горного венца» к ряду стихов перевода «Слова».¹⁷ Следовательно, и во времена поэтической зрелости Негош не забывал «Слово о полку Игореве». Таким образом, переводы отрывков «Слова» Негошем, вероятно, были первой попыткой перевода «Слова» на сербский язык.

Интерес крупнейшего поэта Югославии Негоша к величайшему памятнику русской литературы является еще одним свидетельством давней культурной взаимосвязи братских славянских народов.

мовича 1837 г. Вследствие этого сербский ученый ссылается на книгу А. С. Орлова о «Слове о полку Игореве». Но там членение на отрывки Максимовича приводится не точно.

¹⁶ А. Гавриловић. «Слово о полку Игореве»... стр. 139

¹⁷ Ј. Миловић. Горски «вијенањ» и Слово о полку Игореву. В газете «Побједа». Цетиње, 6 января 1946 г. К сожалению, этой работы нет в библиотеках СССР.

О. А. ДЕРЖАВИНА

Обзор работ по изучению литературных памятников первой трети XVII в.

Произведения, отражающие события начала XVII в., неоднократно привлекали к себе внимание ученых, как историков, так и литературоведов. Историки первыми обратились к этим памятникам. Они искали в них исторические сведения, интересовались в первую очередь фактами, изложенными в произведениях писателей начала XVII в., и их достоверностью. Так подходили к памятникам, им известным, и виднейшие историки XVIII и XIX вв. (Татищев, Карамзин, Погодин, Соловьев, Костомаров, Ключевский, Платонов) и другие, менее значительные, исследователи-историки (Бутурлин, Арцыбашев, Устрялов, Краевский, Полозов, Белов, Киссель, Муравьев, епископ Филарет, Тюменев и др.). Последние часто изучали не всю совокупность фактов, описанных в исследуемых ими произведениях, а лишь отдельные события, например обстоятельства смерти царевича Дмитрия, осаду Троице-Сергиева монастыря поляками в 1610—1611 гг. и т. п.

Эти работы, несомненно, представляют интерес для каждого, занимающегося памятниками начала XVII в., так как здесь собрано много любопытных и ценных сведений о событиях и людях этой эпохи, но в то же время они уже не могут удовлетворить современного читателя. Изучая изображение событий эпохи так называемой «Смуты» в памятниках XVII в., историки XVIII и XIX вв. не могли, стоя на позициях дворянско-крепостнической (Татищев, Карамзин), или позднее — буржуазной (Ключевский, Платонов) идеологии, правильно понять и по-настоящему раскрыть точку зрения писателей XVII в. на события своего времени. Их мало интересует классовый характер всех этих описаний, субъективность писателей — представителей той или иной группы, которая достаточно ярко выражена в оценке событий и лиц «Смутного времени», данной в памятниках первой трети XVII в. Этих историков в первую очередь интересуют факты, а не идеи, отраженные в памятниках, хотя эти идеи имеют, как известно, огромный исторический интерес.

Следует указать также, что не все памятники, интересующие нас, нашли в трудах дореволюционных историков достаточно полное освещение даже со стороны их исторической достоверности. Некоторым из них более посчастливилось, другим — менее. И. И. Полосин в своей статье «Иван Тимофеев — русский мыслитель, историк и дьяк XVII века»¹ указывает, что «Временник» Ивана Тимофеева — один из интереснейших памятников начала XVII в. — долгое время находился совершенно вне поля зрения лиц,

¹ Ученые записки Московского Гос. педагогического института им. В. И. Ленина, т. 60, Кафедра истории СССР, вып. 2. М., 1949, стр. 135—192.

интересовавшихся событиями конца XVI и начала XVII в., хотя иногда и упоминался в общих обзорах древней письменности.²

Напротив, к «Сказанию» Авраамия Палицына историки обращаются очень часто. Труд Палицына долгое время считался самым достоверным источником по истории так называемой «Смуты» и постоянно использовался в исторических трудах. Издание полного текста «Сказания» Авраамия Палицына, осуществленное впервые в XVIII в. (в 1784 г.), было повторено в начале XIX в. (в 1822 г.). Оба издания выполнены Синодальной типографией. Какой список был положен в основу первого издания, неизвестно. Текст не выверен по лучшим спискам, содержит много неточностей и ошибок, которые повторяются и во втором издании, слово в слово совпадающем с первым.

Из прочих памятников в течение XIX в. были изданы следующие: 1) так называемая «Рукопись Филарета»,³ 2) «Новый летописец»,⁴ 3) «Сказание о Гришке Отрепьеве»,⁵ 4) «Плач о пленении и конечном разорении Московского государства»,⁶ 5) «Иное сказание»,⁷ 6) «Повесть о видении некоему мужу духовну»,⁸ 7) «Четыре сказания о Лжедмитрии»,⁹ 8) «Повесть», приписываемая князю И. М. Катыреву-Ростовскому,¹⁰ 9) «Житие преподобного Иринарха»,¹¹ 10) «Повесть о разорении Московского государства всяя Российской земли»,¹² 11) «Статьи о смуте из Хронографа 1617 г.»,¹³ 12) «Повесть о князе М. В. Скопине-Шуйском».¹⁴

Кроме того, отрывок из «Повести», приписываемой князю И. М. Катыреву-Ростовскому, под заглавием «Сергея Кубасова написание вкратце о царех московских» был напечатан в «Хрестоматии памятников древнерусской литературы и народной словесности», составленной Ф. Буслаевым.¹⁵

² Пр. Филарет. Обзор русской духовной литературы, 1, § 204; А. В. Старчевский. Очерки литературы русской истории до Карамзина. СПб., 1845, стр. 86—87; П. М. Строев. Библиологический словарь. СПб., 1882, стр. 269—271; В. С. Иконников. Новые исследования по истории Смутного времени Московского государства. Киев, 1889, стр. 102; С. А. Белокуров. Из духовной жизни московского общества XVII в. М., 1902, т. III, стр. 62 и сл.

³ Так называемая «Рукопись Филарета», с предисловием и примечаниями Мухомова. М., 1837.

⁴ «Новый Летописец», изданный Оболенским. М., 1853.

⁵ Издано в ЧОИДР (1846—1847, IX) и отдельно (М., 1847) под заглавием «Сказание и повесть о расстриге Гришке Отрепьеве и о похождениях его».

⁶ Издано по неисправному списку (с пропусками и без конца) в кн.: ВОИДР, кн. V. М., 1850, Смес., стр. 56—61.

⁷ Издано в XVI книге ВОИДР (М., 1856, Материалы, стр. 1—80) под ред. И. Д. Беляева.

⁸ См.: ЛЗАК за 1861 г., вып. 1. СПб., 1862, отд. II, стр. 52—56.

⁹ Изд. Ростопчина. СПб., 1863.

¹⁰ Издана А. Н. Поповым в «Изборнике славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции» (М., 1869, стр. 283—315).

¹¹ Издано арх. Амфилохием под заглавием «Житие преподобного Иринарха затворника Ростовского Борисоглебского монастыря, что на Устье реке» (М., 1869). Текст подновлен.

¹² М., Общество истории и древностей российских, 1881.

¹³ Изд. А. Н. Поповым в «Изборнике славянских и русских сочинений и статей...» (см. то же в издании Ростопчина: Четыре сказания о Лжедмитрии. СПб., 1863). Отповедь в защиту патриарха Гермогена, вызванная одной из статей этого Хронографа, напечатана в заметке П. Г. Васенко «Новые данные для характеристики патриарха Гермогена» (ЖМНП, 1901, № 7, отд. 2, стр. 140—142).

¹⁴ Издана А. Н. Поповым в «Изборнике славянских и русских сочинений и статей...» и — в другой редакции — в Приложении к «Отчету» ОЛДП за 1904 г. под ред. П. Г. Васенко.

¹⁵ Изд. 4, М., 1888.

В 1891 г. Археографическая комиссия издает XIII том РИБ, целиком посвященный памятникам, относящимся к событиям и лицам «Смутного времени». Здесь впервые была напечатана первая редакция начальных глав «Сказания» Авраамия Палицына (по списку Московской духовной академии № 175) и ряд других ранее не напечатанных произведений.

Следует еще упомянуть издание памятников, относящихся к «Смутному времени» и извлеченных из рукописей ГПБ и Главного Штаба, вышедшее в Петербурге в 1872 г. под редакцией М. Кояловича. Это издание как бы подготовило появление XIII тома РИБ.

Из работ исследователей прошлого века многие посвящены «Сказанию» Авраамия Палицына. Эти работы ставят вопрос о достоверности сведений, сообщаемых в произведении, пытаются характеризовать личность автора, Палицына, и его роль в описанных событиях и попутно касаются вопроса о жанре произведения. Исчерпывающий литературный анализ памятника, естественно, не входит в задачи исследователей. Е. Болховитинов говорит об авторе «Сказания» как о «муже достопамятном в списке патриотов, спасших Россию от бедствий в начале XVII века», но отмечает некоторую субъективность в его изложении. В «Словаре» Болховитинова мы читаем первую биографию Палицына.¹⁶

П. Строев пытается определить жанровую природу памятника и указывает на имеющиеся его списки. По его мнению, «Сказание» — это «чудословная повесть, написанная по образцу монастырских повестей XVI века».¹⁷

Из старых работ, кроме упомянутых выше, известны: 1) статья И. Воронова «Нечто об Авраамии Палицыне»,¹⁸ 2) статья И. М. Снегирева «О месте погребения Авраамия Палицына»,¹⁹ 3) статья Сахарова «Авраамий Палицын, Иоанн Наседка и святой архимандрит Дионисий».²⁰

Второй этап изучения «Сказания» открыла статья Д. П. Голохвастова «Замечания об осаде Троицко-Сергиевой лавры поляками (1608—1610 год) и описание оной историками XVII—XVIII—XIX столетий».²¹ Это первая развернутая работа о «Сказании», пользующаяся документами. Полемицируя с учеными-историками начала XIX в., всецело доверявшими сведениям, сообщаемым в «Сказании», автор указывает несоответствие произведения исторической правде и называет его «духовно-исторической эпопеей о чудесном спасении монастыря и всей России».

Отмечая литературные достоинства памятника (реализм описаний, простоту языка), Голохвастов выдвигает предположение, что не все «Сказание» написано Палицыным, что он был лишь редактором произведения, который, собрав чужие записки, выдал сочинение под своим именем; автор статьи характеризует Палицына как человека сомнительных патриотических достоинств, уклончивого, ловкого, хитрого, искавшего прежде всего своих личных интересов, иногда без разбора средств.

С ответом на статью Голохвастова выступает А. В. Горский в статье «Возражения против Замечаний об осаде Троицкой лавры».²² Статья написана в защиту старого взгляда на осаду монастыря и Палицына. Возражая против ряда положений статьи Голохвастова, Горский в то же время указывает на самостоятельное существование отдельной редакции первых

¹⁶ Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина, т. I. Изд. 2. СПб., 1827, стр. 4.

¹⁷ Библиологический словарь и черновые к нему материалы СПб., 1882, стр. 11—12.

¹⁸ Московский телеграф, 1833, ч. 51, № 12, стр. 632—634.

¹⁹ Московский наблюдатель, 1836, кн. 6.

²⁰ Северная пчела, 1842, № 58.

²¹ Москвитянин, 1842, № 6—7.

²² Москвитянин, 1842, ч. 6, № 12.

шести глав «Сказания», т. е. кладет начало сравнительному текстологическому изучению двух редакций начальных глав памятника. В ответе на возражения Горского Голохвастов приводит ряд новых доказательств, подтверждающих положения своей первой статьи, и указывает, что не может принять «исторической апофеозы, которой он (Палицын, — О. Д.) удостоился в половине прошлого столетия».²³

В 70-е годы XIX в. вокруг «Сказания» Палицына вновь разгорается полемика, в которой принимает участие И. Е. Забелин, Н. И. Костомаров и С. Кедров.²⁴ Главная тема полемики — морально-этическая ценность личности Палицына как человека и общественно-политического деятеля. Оценка моральных качеств Палицына подменила здесь изучение идейного смысла его произведения и его самого как писателя. Литературной стороны «Сказания» указанные авторы не касаются. Работа Кедрова рисует перед нами идеальный образ Палицына и совершенно некритически относится к сведениям, которые он сообщает. Цель автора — реабилитировать Палицына и превознести его личность как патриота и как писателя. Более интересной является статья того же автора «Авраамий Палицын как писатель»,²⁵ так как здесь дается сличение редакций начальных глав и упоминается о художественных особенностях произведения. Работы Кедрова не могут удовлетворить современного исследователя и интересны лишь тем большим биографическим и историческим материалом, который в них собран. С положениями работ Кедрова удачно polemизирует Забелин в новых изданиях своей книги, вышедших в 1896 и 1901 гг.²⁶

Среди исследований о памятниках «Смутного времени», написанных учеными-историками дореволюционного периода, выделяется работа С. Ф. Платонова «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени как исторический источник».²⁷ В предисловии к этой книге исследователь отмечает не только историческое, но и литературное значение произведений начала XVII в. «Литературный характер произведений о Смуте, — читаем мы здесь, — очень разнообразен. . . Не одно повествование о фактах составляет задачу всех этих литературных памятников: среди них часто встречаются произведения публицистические и морально-дидактические, в которых фактическая сторона имеет лишь служебное значение. Такая особенность делает большую часть произведений о Смуте пригодными более для характеристики литературных мнений и движений общественной мысли в Смуту, чем для истории внешних фактов Смутного времени».²⁸

В задачу исследования Платонова, как свидетельствует он сам, не входило изучение упомянутых памятников с их литературной стороны. Он ограничивается в своей книге лишь указанием на тот или иной литературный факт, не вдаваясь в его анализ с литературной точки зрения. С этой стороны, по мнению Платонова, эти памятники ждут еще своего исследователя, так как до сих пор они служили и служат гораздо более источни-

²³ Ответ на рецензию и критику «Замечания об осаде Троицкой лавры. М., 1844» (Москвитянин, 1844, № 7).

²⁴ Н. И. Костомаров. 1) Личности Смутного времени. Вестник Европы, 1871, № 6; 2) Кто виноват в Смутном времени? Там же, 1872, № 9; И. Е. Забелин. Минин и Пожарский. Русский архив, январь, 1872; С. Кедров. Авраамий Палицын. М., 1880.

²⁵ Русский архив, 1886, № 8.

²⁶ Из второстепенных исследований, написанных в том же плане, известны: работа А. С. Сербина «Келарь Троице-Сергиевского монастыря Авраамий Палицын, знаменитый деятель, сподвижник, защитник русской земли в мрачную эпоху самозванцев» (М., 1850), статья Е. Воронцова «Сказание Авраамия Палицына» (журнал «Вера и разум», 1903 г.) и некоторые другие. Ничего нового эти работы не дают.

²⁷ С. Ф. Платонов, Сочинения, т. II, 1-е изд., 1888; 2-е изд., 1913.

²⁸ С. Ф. Платонов, Сочинения, т. II, стр. X.

ками исторических сведений, чем предметом историко-литературных наблюдений. Однако свою книгу Платонов называет «сводом литературных характеристик», которые при дальнейшем изучении предмета могут пополняться, но «всегда будут служить точкой отправления для будущих изысканий», как «первый шаг к изучению данного историко-литературного явления».²⁹

Книга С. Ф. Платонова дает для литературоведа ряд ценных исторических и библиографических указаний, пытается установить хронологию последовательного появления памятников и их зависимость друг от друга, разбирает их источники и отдельные редакции, характеризует авторов и попутно касается литературных достоинств того или иного памятника. Автор указывает в разбираемых им повестях и сказаниях о «Смуте» стремление к риторической красоте изложения в ущерб исторической точности, а также наличие агнографического и фольклорного элемента. Все эти замечания и указания действительно могут в известной степени служить отправной точкой при изучении произведений первой трети XVII в. как памятников литературных. Однако, являясь представителем буржуазной науки, С. Ф. Платонов, исследуя историческую ценность произведений начала XVII в., недостаточно полно раскрывает их идейный смысл, отрицает их от исторических условий, в которых они возникли. Отмечая любопытные сдвиги в мышлении писателей начала XVII в., он не объясняет и не обобщает их.

Эту недооценку идейной стороны произведений в работе Платонова в свое время отметил В. О. Ключевский.³⁰ Анализируя выводы Платонова, Ключевский указывает, что «автор не вводит в состав этого материала политических мнений и тенденций, проводимых в памятнике, считая их только „литературными“, а не историческими фактами и, таким образом, смешивая или отождествляя не вполне совпадающие понятия исторического факта и исторического события или происшествия». Сказав о той роли, какую сыграли в дни «Смуты» «Повесть попа Терентия» и некоторые другие произведения, Ключевский указывает далее на разнообразие жанров, использованное авторами произведений о «Смутном времени», на литературное и историческое значение «Временника» Тимофеева как историко-политического трактата, «автор которого знает приемы научного изложения и требования исторической объективности и умеет их формулировать: под неуклюжей вычурностью его изложения просвечивают исторические идеи и политические принципы». Дав такую общую характеристику труда Ивана Тимофеева, В. О. Ключевский не развивает своих положений подробно, и перед читателем встает вопрос, какие же идеи и политические принципы проводит Тимофеев в своем труде и какими приемами изложения он пользуется, чтобы выполнить требования исторической объективности. Не анализируется им, естественно, и «неуклюжая вычурность» стиля. Ключевский отмечает также литературную стройность и оригинальность статей о «Смуте» в Хронографе 1617 г.³¹

Совершенно согласен с Ключевским и В. С. Иконников. Он указывает на разнообразие у писателей эпохи «Смуты» изложения и в з г л я д о в н а

²⁹ С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания и повести о смутном времени как исторический источник. Сочинения, т. II, стр. XVI—XVII.

³⁰ В. О. Ключевский. Отзыв об исследовании г. Платонова. Отчет о присуждении наград гр. Уварова, СПб., 1890, стр. 53—56; Приложение к «Запискам Академии наук», т. 53, № 9, стр. 57.

³¹ В. О. Ключевский. Отзыв об исследовании г. Платонова. Отчет о присуждении наград гр. Уварова, стр. 53—56; Приложение к «Запискам Академии наук», т. 53, № 9, стр. 57.

происшедшие события. «В повествованиях современников, — говорит он, — чувствуется потребность выйти на более широкий путь освещения событий, их преемственной связи при участии личного понимания писателя».³²

На литературную сторону изучаемых памятников из историков XIX в. обращает внимание также А. А. Тюменев. Рассматривая детально в связи с изучением легенды о смерти царевича Дмитрия все относящиеся к «Смутному времени» повести, жития и сказания, Тюменев определяет время появления каждого памятника, устанавливает прямую зависимость некоторых из них друг от друга и анализирует их как с точки зрения исторической достоверности, так и со стороны литературных качеств. Отмечая в некоторых из них ряд легендарных вставок и сказочных оборотов речи, он ставит эти повести и сказания в связь с народным творчеством, ссылаясь на исторические песни и былины о Дмитрии царевиче. «Убиение царевича Дмитрия, — говорит Тюменев, — только самый яркий, но далеко не единственный пример признания в литературе XVII века голословных слухов и легендарных рассказов историческими фактами».³³

Несколько ценных указаний о литературном значении памятников начала XVII в. дается в «Обзоре хронографов русской редакции» А. Попова.

Из работ этого времени, касающихся частных вопросов, необходимо отметить вышедшую в 1900 г. статью П. Васенко «О редакциях Повести кн. И. М. Катырева-Ростовского»,³⁴ очень ценную для литературоведа. Сопоставляя краткую редакцию «Повести», известную по списку ГПБ,³⁵ с той, которая читается в Хронографе Кубасова, П. Г. Васенко приходит к убеждению, что эта последняя пространная редакция более позднего происхождения. Он указывает еще третью, промежуточную, редакцию «Повести», сохранившуюся в сборнике из библиотеки графа Уварова.³⁶

Особый интерес к памятникам начала XVII в. наблюдается в 1908—1913 гг. в связи с юбилейной датой 300-летия царствования дома Романовых. В эти годы вторично переиздается XIII том РИБ. Это 2-е издание XIII тома, осуществленное в 1909 г., представляет собой пока незаменимый и почти исчерпывающий сборник произведений первой трети XVII в.

Сверх ранее изданных и упомянутых выше памятников (кроме «Рукописи Филарета» и «Нового летописца»), сюда вошли: 1) «Повесть, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов», 2) «Новая повесть о преславном Российском царстве», 3) несколько повестей о «чудесных видениях», 4) «Повесть о некоей брани, належащей на Великую Россию», 5) «Временник» Ивана Тимофеева, 6) «Сказание» Авраамия Палицына в полном виде, 7) «Повесть» («Словеса дней и царей») князя Ивана Хворостинина, 8) вторая редакция «Повести», приписываемой князю Катыреву-Ростовскому, 9) «Сказание о царстве царя Федора Ивановича», 10) повесть князя Шаховского, 11) жития царевича Дмитрия из мины Тулупова и из мины Милютина, 12) «История о патриархе Иове Московском», 13) «Сказание о Самозванце» по списку Московского публичного музея № 3141.

Выполненное строго научно по лучшим из имеющихся списков, снабженное разночтениями, издание это явилось ценным вкладом в изучение

³² В. С. Иконников. Новые исследования по истории Смутного времени Московского государства, стр. 102.

³³ А. А. Тюменев. Пересмотр известий о смерти царевича Дмитрия. ЖМНП. 1908, № 5—6.

³⁴ Записки Русского археологического общества, т. XI, вып. 1—2, 1900.

³⁵ Шифр списка: Q.IV.154.

³⁶ См. РИБ, т. XIII, стр. XXII.

перечисленных памятников, впервые представших во всем многообразии и богатстве своего содержания и формы. Том переиздавался еще раз в 1925 г., но в него вошла лишь часть напечатанных во 2-м издании произведений, поэтому новое, 3-е издание не может заменить издания 1909 г.

Некоторые памятники, вошедшие в XIII том РИБ, были выпущены Археографической комиссией отдельными оттисками. Так, в 1907 г. были напечатаны «Новая повесть» и «Иное сказание», в 1909 г. — «Сказание» Авраамия Палицына и «Статьи о смуте из Хронографа 1617 г.», в 1910 г. — «Повесть о некоей брани, належщей на Великую Россию». В то же время в 1909 г. в Москве выходят «Памятники истории Смутного времени» под редакцией А. И. Яковлева.

В 1912 г. в Петербурге под редакцией С. Ф. Платонова и Е. Ф. Тураевой-Церетели печатается сборник «Памятники Нижегородского движения в эпоху „Смуты“ и Земского ополчения 1611—1612 гг.». В него вошли документы и ряд отрывков из различных произведений начала XVII в.

В те же годы переиздается книга Платонова и появляется ряд новых работ, посвященных памятникам и историческим деятелям начала XVII в. Такова статья П. Васенко «Дьяк Тимофеев — автор Временника».³⁷ Васенко поставил себе задачей «изучить Временник как историографическое явление, ... проследить зависимость Тимофеева от взглядов и приемов XVI в., а затем выяснить, были ли какие-нибудь новые мотивы в труде дьяка Ивана». Статья содержит немало сведений, интересных для историка литературы, но собственно литературного анализа труда Ивана Тимофеева она не дает, литературных приемов его работы не выясняет и рассматривает этот памятник главным образом как труд исторический.

В том же 1908 г. в работе В. С. Иконникова «Опыт русской историографии» дается библиография по «Сказанию» Авраамия Палицына.³⁸ Ряд интересных мыслей об идейном значении «Временника» и начальных глав «Сказания» Авраамия Палицына содержит статья А. Яковлева «Безумное молчание»,³⁹ рассматривающая эти произведения главным образом со стороны их публицистической направленности. Как указал С. Ф. Платонов, оба произведения имеют в этой области много общего. А. Яковлев и стремится раскрыть это общее, показывая, что эти произведения отражают «переработку общественного сознания» русских людей, переживших в начале XVII в. сложный психологический перелом. Яковлев касается и вопроса о языке изучаемых произведений, он говорит: «Источник болезненной неясности Тимофеева, одинаково мучительной для автора и для читателя, не столько, кажется, в желании что-то спрятать в намеках и что-то недоговорить, сколько в желании высказать что-то такое, что он не в состоянии выразить, в его стремлении при помощи тех слов, какими он располагает, передать не существовавшие в мышлении древнерусского человека понятия. Ему просто не хватает слов для обозначения всех вскрывшихся отношений и свойств общества».

Из двух указанных авторов Яковлев, несмотря на трудность языка, отдает предпочтение Тимофееву, называя его «Временник» «самым любопытным памятником Смутного времени». Сравнивая размышления Тимофеева с произведениями, предшествующими его труду, и со «Сказанием» Авраамия Палицына, Яковлев раскрывает постепенный ход мыслей дьяка Ивана и замечает, что «он мыслит глубже, чем авторы предыдущих сказаний». Литературной, художественной стороны произведений Яковлев совершенно

³⁷ ЖМНП, 1908, № 3, стр. 88—121.

³⁸ В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. II, кн. 1. Киев, 1908, стр. 1830—1859.

³⁹ Сборник статей, посвященный В. О. Ключевскому. М., 1909, стр. 651—679.

не касается. Спорная в ряде положений статья Яковлева несомненно интересна как одна из первых попыток уяснить точку зрения людей начала XVII в. на события своего времени.⁴⁰

Из сделанного обзора можно заключить, что исследователи XIX и начала XX вв., главным образом историки, немало сделали для изучения памятников первой трети XVII в. Они привели в известность весь наличный материал, выделили ведущие произведения, наметили основные проблемы, связанные с их изучением (проблемы редакций, авторства, жанра, стиля), и вплотную подошли к изучению памятников «Смутного времени» как литературных произведений.

Если мы обратимся теперь к общим курсам и систематическим обзорам русской литературы дореволюционного периода, то далеко не везде найдем даже упоминание о повестях эпохи «Смутного времени». Так, мы ничего о них не находим в «Истории русской словесности» А. Д. Галахова,⁴¹ в труде под тем же заглавием И. Д. Порфирьева⁴² и даже в «Истории древней литературы» М. Н. Сперанского.⁴³ В. А. Кельтуяла в своем «Курсе истории русской литературы»⁴⁴ посвящает памятникам эпохи «Смуты» одну страницу, заметив при этом, что в эту эпоху «литературное творчество отошло на задний план». Он ограничивается перечислением памятников и несколькими общими замечаниями. А. Н. Пыпин более подробно говорит о памятниках начала XVII в., но дает им очень суровую и несправедливую оценку. Он указывает на стремление авторов в повестях о «Смуте» к условной литературной форме, к «красоте изложения» в ущерб фактичности и даже смыслу, наличие элементов агиографических и народно-легендарных, влияние общепризнанных взглядов на характеристику исторических лиц и событий. Все это, по мнению Пыпина, снижает ценность разбираемых произведений. «Литература исторических рассказов о Смутном времени, — говорит исследователь, — довольно значительна. Это традиционная летописная манера, где хотя и выдаются собственные сочувствие или враждебность писателя к лицам и событиям, но все-таки нет объяснения внутреннего значения и связи событий. Когда такой писатель рассказывает биографию излюбленного деятеля, он пишет натянутым языком жития, и если хочет придти к общему выводу, то на место истории становится церковное поучение».⁴⁵ Итог анализа получается далеко не утешительный: повести о «Смуте» не только не ценны как исторический источник, но не интересны и как литературные произведения, так как ничего нового по сравнению с XVI в. не дают.

Более глубокий литературный анализ памятников начала XVII в. дает профессор А. С. Архангельский в своей книге «Литература Московского государства». Он использует ценные указания на литературные достоинства памятников, сделанные С. Ф. Платоновым, что и помогает ему избежать односторонних выводов, которые так резко были высказаны Пыпиным. А. С. Архангельский называет разбираемые памятники «чрезвычайно интересным циклом московских повестей и сказаний» и указывает в них как традиционные, так и новые черты.⁴⁶ Архангельский, как и Ключев-

⁴⁰ О политических взглядах дьяка Тимофеева см также в книге В. Вальденберга «Древнерусские учения о пределах царской власти» (Пгр., 1916, стр. 362—370).

⁴¹ См. 2-е изд., СПб., 1880; глава 2 этой книги о древнерусской повести, написанная А. Н. Веселовским, повестей о «Смуте» не касается.

⁴² История русской словесности, ч. 1. Изд. 5, Казань, 1891.

⁴³ Изд. 2. М., 1914.

⁴⁴ Курс истории русской литературы, ч. 1. История древней русской литературы СПб., 1911.

⁴⁵ А. Н. Пыпин. История русской литературы, т. II, гл. 11, стр. 455—465.

⁴⁶ А. С. Архангельский. Литература Московского государства. Казань, 1913, стр. 250—263.

ский, отмечает публицистический характер повестей о «Смуте» и пытается анализировать те вопросы и идеи, которые волновали публицистов XVII в. Рассматривая влияние на повести о «Смуте» устнопоэтической легенды, народной поэзии, Архангельский не ограничивается, как предыдущие исследователи, простой ссылкой на «Повесть о Скопине-Шуйском», а более или менее детально анализирует как ее, так и «Сказание о царстве Федора Иоанновича», в котором находится ряд легендарных и даже сказочных подробностей. Разбор произведений заканчивается анализом «повести-поэмы» Катыврева-Ростовского, где, по словам исследователя, «в книжный рассказ вносятся эпические приемы».⁴⁷ Как видим, эта книга делает уже значительный шаг вперед в литературном анализе повестей о «Смуте» по сравнению с ранее разобранными исследованиями.

Е. А. Петухов в своей книге «Русская литература» также использует выводы Платонова о повестях и сказаниях «Смутного времени»; он находит в высокой степени интересным для историка литературы наличие в них народнопоэтического элемента; вместе с тем «в них ясна связь с преданиями литературы XV—XVI веков, что делает особенно ценными эти произведения, как свидетельства совершенно самостоятельной струи в ходе московской письменности XVII века, рядом с другим течением, шедшим из Киева. На некоторых повестях Смутного времени можно наблюдать даже ясные следы влияния известных литературных образцов XV и XVI в., например, „Повести о Царьграде“, „Казанской истории“, летописей».⁴⁸

Наблюдения Е. А. Петухова верны в той части, где он говорит о свободе памятников начала XVII в. от влияния, как он ее называет, «юго-западной схоластической школы» и отмечает в повестях «Смутного времени» черты, сближающие их с произведениями XV и XVI вв. Но заслуга писателей начала XVII в. не в том только, что они были верны старой традиции и представляли собой «совершенно самостоятельную струю в ходе московской письменности XVII в.»; в их произведениях мы находим ряд новых черт, которые возникают в литературе начала XVII в. не в результате каких-либо «влияний», а, как показали работы советских ученых-литературоведов, под воздействием самой жизни.⁴⁹

Из отдельных работ, опубликованных до Великой Октябрьской социалистической революции и касающихся повестей о «Смуте», необходимо упомянуть статью А. С. Орлова «О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI и XVII вв.».⁵⁰ Вместе с другими памятниками древнерусской литературы автор разбирает здесь «Иное сказание» и «Повесть», приписываемую Катывреву-Ростовскому, которую считает наилучшим творением того времени.

После 1917 г. изучение памятников начала XVII в. вступает в новую фазу. Интерес к ним растет. Появляется ряд новых работ, посвященных выяснению различных вопросов и проблем, связанных с повестями «Смутного времени».

⁴⁷ Как правильно отмечено С. Ф. Платоновым и А. С. Орловым, «Повесть» составлена «исключительно в книжном стиле». Поэтика ее насквозь книжная, и лишь по недоразумению авторы общих курсов по истории русской литературы (Пыпин, Архангельский, Петухов), касаясь этой «Повести», говорят о присущей ей якобы народной традиции (см.: Н. К. Гудзий. Заметка о повести князя Катыврева-Ростовского Сборник в честь А. И. Соболевского. Л., 1928, стр. 306—309).

⁴⁸ Е. В. Петухов. Русская литература. Древний период Изд. 3, Пгр, 1916, стр. 300.

⁴⁹ См. ниже о работах Д. С. Лихачева и В. П. Адриановой-Перетц в VIII и IX томах ТОДРА.

⁵⁰ ИОРЯС, т. XIII, кн. 4 (1909 г.), стр. 24—33.

Так, С. Ф. Платонов в статье «Старые сомнения»⁵¹ пересматривает вопрос о порядке появления редакций «Повести» Катырева-Ростовского и ставит вопрос о том, не была ли пространная редакция более ранней и наоборот. В той же статье он приходит к выводу, что Катырев был не автором, а лишь интерполятором «Повести», использовавшим чужой труд.

А. М. Ставрович в работе «Сергей Кубасов и Строгановская летопись»⁵² пытается решить вопрос об авторе «Повести» иначе: сличив Строгановскую летопись с «Повестью» Катырева, она категорически утверждает, что автором «Повести» является Сергей Кубасов, составитель Хронографа и Строгановской летописи. С. Ф. Платонов, наоборот, решительно отвергает авторство Кубасова.⁵³

Внимание историков по-прежнему привлекает и «Сказание» Авраамия Палицына. Ряд работ, посвященных «Сказанию», дает П. Г. Васенко. Ему принадлежит статья об Авраамии Палицыне в книге «Люди Смутного времени» (изд. Брокгауза и Эфрона) и несколько работ текстологического характера. В работе «Две редакции первых шести глав „Сказания“ Палицына»⁵⁴ Васенко сопоставляет первоначальную и окончательную редакции и пытается определить время их написания. Автор объясняет разночтения второй редакции большею частью стремлением к сокращению и литературными требованиями, не обращая внимания на то, что во второй редакции выпущены все наиболее острые политические места. После выхода в свет работы П. Г. Любомирова «Новая редакция „Сказания“ Авраамия Палицына»,⁵⁵ в которой автор анализирует новый список начальных глав «Сказания», найденный в собрании Забелина, и утверждает, что Забелинская редакция написана раньше Академической, Васенко пишет новую статью «Забелинская редакция первых шести глав „Сказания“ Авраамия Палицына»,⁵⁶ где возражает Любомирову. Он считает, что и Забелинская и Академическая редакции написаны в одно время, в 1612—1613 гг., и представляют собой авторские наброски-черновики Палицына. Последняя работа Васенко — «„Сказание“ Авраамия Палицына, как литературное явление»⁵⁷ — содержит отдельные замечания о литературной стороне «Сказания».

Для изучения «Повести 1606 г.» очень интересной и важной является статья Е. Н. Кушевой, развивающая новый по сравнению с предшествующими исследователями взгляд на взаимоотношение редакций повести и жизни царевича Димитрия, вошедшего в Минею Тулупова.⁵⁸ Основываясь на найденных ею новых документах, автор по-новому разрешает вопрос о создании «Иного сказания» и его отношении к труду Авраамия Палицына, а также и о возникновении «Сказания о Самозванце». Если с некоторыми выводами статьи и нельзя согласиться, — так мало убедительной кажется гипотеза о появлении «Сказания о Самозванце» еще до воцарения Шуйского или утверждение, что полная редакция «Повести 1606 г.» возникла только в 20-е годы, когда создавалось «Иное сказание» в целом, — то вопрос о том, что наиболее ранней редакцией «Повести 1606 г.» является «Повесть, како восхити неправдою царский престол Борис Годунов»,

⁵¹ Сборник в честь М. К. Любавского. Пгр., 1917, стр. 172.

⁵² Сборник статей по русской истории, посвященный С. Ф. Платонову. Пгр., 1922, стр. 285—293.

⁵³ См. статью «Старые сомнения».

⁵⁴ ЛЗАК за 1919—1922 гг. Пгр., 1923, стр. 1—38.

⁵⁵ Сборник, посвященный С. Ф. Платонову, стр. 226—248.

⁵⁶ Сборник статей в честь А. И. Соболевского, стр. 100—102.

⁵⁷ Доклады Российской Академии наук, 1924, октябрь—декабрь.

⁵⁸ Е. Кушева. Из истории публицистики Смутного времени. Ученые записки Саратовского гос. университета им. Н. Г. Чернышевского, 1926, вып. 2, т. V, стр. 21—97.

можно считать решенным. Вторая редакция «Повести», полная, вошедшая в «Иное сказание», была составлена, как убедительно доказывает автор статьи, из материалов краткой редакции и первого жития царевича Дмитрия, но, думается, возникла она не в 20-е годы XVII в. — в это время она в таком виде никому не была нужна, — а во время правления Шуйского.

Среди исторических трудов советского периода как особенно ценную для литературоведа следует отметить статью Л. В. Черепнина «„Смута“ и историография XVII века»;⁵⁹ работа по-новому освещает вопрос об источниках ряда памятников, в частности «Нового летописца», и вскрывает связи между отдельными историческими произведениями XVII в.

Большой вклад в изучение «Временника» дьяка Тимофеева сделал И. И. Полосин, напечатавший часть своей докторской диссертации, посвященной исследованию указанного писателя.⁶⁰ Работа содержит подробную, тщательно подобранную библиографию вопроса, показывающую ход изучения памятника, и пытается, основываясь на внимательном изучении его текста и единственной сохранившейся у нас рукописи «Временника», воссоздать время и историю написания памятника, определить его структуру, наконец, историю самой рукописи.

Очень многие наблюдения и выводы И. И. Полосина представляют несомненный интерес как для историка, так и для литературоведа и могут считаться вполне научно обоснованными и бесспорными; с некоторыми нельзя согласиться. Так, вызывают сомнения хронологические выкладки исследователя, устанавливающие время написания как всего памятника, так и его частей. Вряд ли приемлемо также утверждение, что «Временник» — это лишь архив дьяка Тимофеева, а не законченное произведение; если это можно с известной долей достоверности утверждать о последней части «Временника», носящей название «Летописец вкратце», то первая его часть никак не подходит под такое определение, так как отличается продуманностью построения и идейной цельностью.⁶¹

Значительный интерес должны были представлять те части работы И. И. Полосина, которые остались не написанными: они должны были исследовать «источники», «факты и идеи» и «язык и стиль» «Временника». Уже самая постановка вопросов, связанных с памятником, показывает, что эти главы имели бы большое значение для историка литературы.

* *
*

Первые работы литературоведов, появившиеся после Великой Октябрьской социалистической революции, посвящены выяснению частных вопросов, связанных или со всеми произведениями начала XVII в., или с каким-нибудь одним из них, и касаются преимущественно их формальных особенностей. Такова, например, статья Н. П. Попова «К вопросу о первоначальном появлении вирш в северорусской письменности»,⁶² устанавливающая, что зарождение вирш следует искать в памятниках начала

⁵⁹ Исторические записки, № 14. М., 1945, стр. 81—128

⁶⁰ И. И. Полосин. Иван Тимофеев — русский мыслитель, историк и дьяк XVII века. Ученые записки Московского гос. педагогического института им. В. И. Ленина, т. 60, вып. 2. М., 1949, стр. 135—192.

⁶¹ См.: «Временник» Ивана Тимофеева. Изд. АН СССР, М.—Л., 1951 (серия «Литературные памятники»), статья О. А. Державиной «Дьяк Иван Тимофеев и его Временник», там же подробное описание рукописи.

⁶² См.: ИОРЯС за 1917 г., т. XXII, кн. 2. Пгр., 1918, стр. 259—273.

XVII в., в частности у Авраамия Палицына и в «Ином сказании». Автор считает, что первых стихотворцев дал нам Троице-Сергиев монастырь. Дополнением к этой работе является статья В. П. Адриановой, напечатанная в тех же «Известиях».⁶³ Автор указывает, что стремление к рифмованной речи можно наблюдать уже в повести о царе Федоре Иоанновиче патриарха Иова и поэтому нет необходимости связывать возникновение вирш с Троице-Сергиевым монастырем.

О формальных особенностях говорит и статья А. С. Орлова «Повесть Катырева-Ростовского и Троянская история Гвидо де Колумна».⁶⁴ Автор ставит перед собой задачу показать зависимость стиля «Повести», приписываемой Катыреву, от «Троянской истории». Статья состоит из ряда сопоставлений текста указанных памятников, которые подтверждают эту зависимость, и совершенно не касается композиции и идейного содержания «Повести», приписываемой Катыреву-Ростовскому. Той же «Повести» посвящена «Заметка о повести князя Катырева-Ростовского» Н. К. Гудзия, выясняющая литературные связи «Повести» и источники ее поэтики.⁶⁵ В работах советских ученых-литературоведов мы видим попытки по-новому подойти к анализу памятников «Смутного» времени: они стремятся выяснить классовое лицо писателей, определить социально-политический резонанс самих произведений, их место и значение в свою эпоху и их литературные особенности.

Повести о «Смуте» включаются в учебники, печатаются в отрывках в хрестоматиях. Так, ряд отрывков из «Повести», приписываемой Катыреву-Ростовскому, напечатан был во второй части «Историко-литературной хрестоматии» Н. А. Бродского, Н. М. Мендельсона и Н. П. Сидорова⁶⁶ и в хрестоматии Н. К. Гудзия.

Из учебников наиболее известной является книга проф. Н. К. Гудзия, выдержавшая несколько изданий.⁶⁷ От издания к изданию повестям о «Смуте» в учебнике уделяется все больше внимания, однако и в последнем издании освещение этого вопроса нельзя считать достаточным. Автор начинает свой обзор повестей о «Смуте» коротким очерком исторических событий эпохи, а затем кратко разбирает «Новую повесть о преславном Российском царстве», «Повесть 1606 г.», «Плач о пленении и конечном разорении Московского государства», «Сказание» Авраамия Палицына, «Летописную книгу», приписываемую Катыреву-Ростовскому, «Повести о Скопине-Шуйском» и «Послание дворянина к дворянину».

Автор не касается ряда ценных в литературном отношении памятников, таких, как «Временник» Ивана Тимофеева, «Сказание о Самозванце» или «Сказание о царстве царя Федора Иоанновича». Кроме того, что важнее, и разобранными памятниками автор учебника интересуется почти исключительно в связи с вопросом традиции и новации, недостаточно касаясь идейного содержания памятников и не вскрывая в каждом отдельном случае их связи с общественными настроениями начала XVII в.

Несомненным достоинством последнего издания «Хрестоматии» Н. К. Гудзия (1952 г.) является включение в число представленных в ней памятников начала XVII в. «Повести о видении некоему мужу духовну» и отрывков из «Сказания» Авраамия Палицына.

⁶³ ИОРЯС за 1921 г., т. XXVI. Пгр., 1923, стр. 271—276.

⁶⁴ Сборник статей в честь М. К. Любавского, стр. 73—98.

⁶⁵ Сборник статей в честь А. И. Соболевского, стр. 306—309.

⁶⁶ Историко-литературная хрестоматия, часть 2. Составлена Н. А. Бродским, Н. М. Мендельсоном и Н. П. Сидоровым. М.—Пгр., 1923.

⁶⁷ Н. К. Гудзий. 1) История древнерусской литературы. Изд. 6-е, М., Учпедгиз, 1956; 2) Хрестоматия по древнерусской литературе XI—XVII веков. Изд. 5, исправленное и дополненное, М., Учпедгиз, 1952.

Учебник А. С. Орлова «Древнерусская литература X—XVII века»⁶⁸ отводит всему XVII в. всего 17 страниц, а на характеристику повестей о «Смуте» — 4½ страницы. Автор ограничивается лишь общим обзором некоторых памятников и такой же общей характеристикой их литературной манеры. В «Истории русской литературы», вышедшей под редакцией проф. В. А. Десницкого,⁶⁹ повестям о «Смуте» уделяется значительно больше места. После характеристики эпохи авторы учебника анализируют произведения, группируя их следующим образом: 1) литература, современная «Смуте» (сюда вошли «Повесть 1606 г.», «Новая повесть», «Повесть о Скопине-Шуйском», а также литературное творчество крестьянско-казацких масс), и 2) литературные воспоминания о «Смуте», куда входят: «Временник» Тимофеева, «Сказание» Палицына, «Словеса дней и царей» Ивана Хворостинина, «Летописная книга» Катыврева-Ростовского и новгородские и псковские сказания о «Смуте». Данные, которые сообщаются в учебнике, в настоящее время уже несколько устарели и в ряде случаев не полны. Ценным является привлечение таких памятников, как «Временник» Тимофеева и произведение Хворостинина.

Важным этапом в истории изучения литературы эпохи «Смуты» является выход в свет 2-й части II тома «Истории русской литературы».⁷⁰ В двух главах (1-й и 2-й, стр. 28—77), посвященных литературе 1590—1630-х годов, дан обзор всех памятников этого периода, начиная с повести патриарха Иова о царе Федоре Иоанновиче и кончая повестями об осаде шведами Тихвинского монастыря. О некоторых памятниках здесь говорится впервые. Раскрывается их содержание, идеология автора, художественные и стилистические особенности, выясняется связь повестей о «Смуте» с предшествующей литературой и друг с другом, а также те новые черты, которые отмечают произведения этого периода от ранее созданных памятников. Это первый в истории нашей науки полный обзор памятников начала XVII в., выполненный не историками, а литературоведами. Он является как бы итогом того, что было сделано по изучению литературы этого периода, и в то же время мы ощущаем здесь новый подход к материалу. Памятники подаются на широком историческом фоне, их идейное содержание увязывается с классовой и внутриклассовой борьбой эпохи. Явления литературы ставятся в связь с общим развитием культуры — с архитектурой и живописью, уясняется их связь с народным творчеством. Сведения, сообщаемые здесь, дают читателю довольно полное представление о литературе конца XVI—начала XVII в. Но за истекшие со времени выхода в свет этого тома восемь лет многие положения, высказанные в 1-й и 2-й главах, устарели, анализ некоторых произведений (например, «Временника» Тимофеева, «Сказания» Палицына и др.) кажется недостаточным. Таким образом, эта полезная книга, сыгравшая большую роль в деле изучения повестей о «Смуте», является уже пройденным этапом.

Одновременно с этими общими трудами появляются исследования, посвященные отдельным памятникам. В них пересматриваются заново вопросы, связанные с созданием того или иного произведения, изучается художественная структура произведения.

В работе «Заметки к статьям о Смуте, включенным в Хронограф 1617 г.»⁷¹ П. Г. Васенко дает анализ стиля и художественных приемов произведения и пробует разрешить вопрос об его авторе. «Повести

⁶⁸ Изд. АН СССР, М.—Л., 1945.

⁶⁹ Т. I, ч. 1, Учпедгиз, М., 1941.

⁷⁰ Изд. АН СССР, М.—Л., 1948.

⁷¹ Сборник статей. . . , посвященных С. Ф. Платонову, стр. 248—269.

о Скопине-Шуйском» рассматриваются в ценной работе В. Ф. Ржиги «Повести и песни о Михаиле Скопине-Шуйском»,⁷² где автор устанавливает прямую связь между литературой начала XVII в. и народным творчеством, и в статье М. А. Яковлева «Повесть о Михаиле Скопине-Шуйском (ее историческое значение)»,⁷³ где указаны издания «Повести», разобрано ее содержание, взаимоотношение и время написания двух ее редакций, а кроме того, подробно показано, как отразились в «Повести» исторические события того времени. Автор приходит к выводу, что литературные памятники могут служить весьма ценными историческими документами.

Интересна другая статья проф. М. А. Яковлева — «„Иное сказание“ (Повесть о крестьянском движении начала XVII века)».⁷⁴ В статье выясняется состав произведения, ставится и разрешается вопрос об авторе первой части — «Повести 1606 г.», определяется жанр произведения, являющегося, как указывает исследователь, летописной воинской повестью с яркими чертами публицистики, анализируются положительные и отрицательные образы, изобразительные средства и композиция «Сказания». Автор работы доказывает на убедительных примерах, что изобразительные средства произведения определяются его идейным содержанием. Удачно анализируется композиция произведения. По мнению автора работы, в ее основу положена политическая борьба Шуйских сперва с Годуновым, потом с Лжедмитрием I и, наконец, с Болотниковым; вокруг этой борьбы располагаются все события и образы «Сказания». В заключение в статье ставится вопрос о летописных заметках, помещенных в конце произведения, и устанавливаются связи «Иного сказания» с предшествующей литературой — летописью, Степенной книгой, Хронографом 2-й редакции, «Сказанием о Мамаевом побоище» и другими произведениями древнерусской литературы.

Первой части «Иного сказания» посвящена статья А. С. Орлова «Повесть 1606 года о восхищении Российского престола Борисом Годуновым и Лжедмитрием и о воцарении Василия Шуйского».⁷⁵ Автор подробно рассматривает содержание той редакции «Повести», которая дана в «Ином сказании», ставит вопрос об источниках и анализирует художественные достоинства «Повести». В статье показывается развитие ее сюжета, раскрываются приемы композиции, характеристики исторических лиц. Много внимания уделяется художественным приемам «Повести», частично традиционным, восходящим, как доказывает А. С. Орлов, к более ранним памятникам, в частности к Хронографу, частично представляющим собою новую литературную манеру автора, возникшую в начале XVII в. Но, говоря о происхождении «Повести» и взаимоотношении ее редакций, А. С. Орлов без достаточных оснований возводит ту и другую редакции к какой-то третьей, являющейся, по его мнению, протографом. В то же время он предполагает, что одним из источников «Повести 1606 г.» в редакции «Иного сказания» является первое житие царевича Димитрия, что вносит в вопрос о возникновении «Повести» неясность. Кроме того, А. С. Орлов в своей работе не принимает во внимание выводов упоминавшейся выше статьи Кушевой и не считается с ее убедительными выводами.

⁷² ИОРЯС, 1928, кн. 1, стр. 81—133

⁷³ Ученые записки Ленинградского гос. педагогического института им. М. Н. Покровского, т. IV, вып. 2. Л., 1946, стр. 188—213.

⁷⁴ Ученые записки Ленинградского гос. педагогического института им. М. Н. Покровского, факультет Русского языка и литературы, вып. 1. Л., 1933, стр. 183—232

⁷⁵ ИОЛЯ, т. V, вып. 1. М., 1946, стр. 27—46.

Следует упомянуть также ряд работ, посвященных изучению развития и отражения в памятниках XVII в. легенды о смерти царевича Димитрия Угличского. Первым, еще в дореволюционное время, обратился к этой теме В. Светозаров в статье «Развитие легенды о смерти царевича Димитрия»,⁷⁶ но его работа очень поверхностна и не дает ясного представления о возникновении и развитии легенды. Более глубоко подошел к той же теме А. А. Рудаков в статье «Развитие легенды о смерти царевича Димитрия в Угличе».⁷⁷ Он привлекает большее количество памятников, устанавливает источник возникновения легенды, обращаясь к грамотам Шуйского и Марии Нагой — матери царевича, правильно указывает этапы, которые прошла легенда в своем развитии. Упрекая справедливо своего предшественника, Светозарова, в том, что он, говоря о развитии легенды, располагает памятники не в хронологическом порядке и допускает ряд сомнительных и рискованных заключений, А. А. Рудаков в свою очередь привлекает далеко не все произведения, в которых в том или ином виде рассказывается легенда о царевиче Димитрии; новые подробности, появляющиеся в отдельных вариантах легенды, он склонен в ряде случаев без достаточного основания приписывать личному творчеству данного автора, объясняя это «стремлением к логичности и улучшению рассказа».

Той же проблеме посвящена была кандидатская диссертация автора данной статьи «Повесть о царевиче Димитрии Угличском в памятниках XVII века».⁷⁸ В диссертации привлекаются все памятники, в которых история царевича Димитрия так или иначе используется, выявляются источники легенды и вновь возникающих подробностей, выясняется связь между отдельными произведениями, рассказывающими о смерти царевича. Автор рассматривает также исторические песни, в которых отражена легенда, и влияние ее на иконопись и миниатюру. Одна из глав диссертации, посвященная анализу образов повести о царевиче, как они даны в произведениях писателей XVII в., напечатана.⁷⁹ Автор указывает здесь на новый подход к образу человека, к изображению человеческого характера в повестях, отражающих события «Смуты».

Упомяну еще несколько ненапечатанных диссертаций, имеющих прямое отношение к нашей теме и представляющих несомненный интерес. Это, во-первых, диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук Н. И. Прокофьева на тему «„Видения“ крестьянской войны и польско-шведской интервенции начала XVII века. (Из истории жанров литературы русского средневековья)» и, во-вторых, диссертация Л. Кутиной на тему «Лексика исторических повестей о Смутном времени. (Из истории русского литературного языка XVII века)». Если вторая работа интересна для литературоведа лишь частично, некоторыми своими наблюдениями, то первая, изучающая такой любопытный жанр древней литературы, как «видения», представляет исключительный интерес для каждого изучающего литературу русского средневековья. Приходится пожалеть, что эта интересная и талантливая работа до настоящего времени ни целиком, ни в отрывках нигде не напечатана. Диссертация А. И. Филатовой

⁷⁶ Русская старина, 1913, февраль.

⁷⁷ Исторические записки, № 12. М., 1941, стр. 254—283.

⁷⁸ Основные положения работы нашли отражение в статье «Рукописи, содержащие рассказ о смерти царевича Димитрия (хранящиеся в Отделе рукописей ВБЛ)», напечатанной в «Записках» Отдела рукописей ВБЛ (вып. 15, М., 1953, стр. 78—117).

⁷⁹ Ученые записки Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина, т. VII, Кафедра русской литературы, вып. 1 Учпедгиз, М., 1946, стр. 21—34.

«Черты нового в исторической повести 20-х годов XVII века»⁸⁰ посвящена анализу «Иного сказания» и «Сказания» Авраамия Палицына и хотя имеет ряд существенных недостатков (несоразмерность частей, отсутствие анализа композиции произведений, поверхностное освещение некоторых вопросов, поспешные утверждения и пр.), все же небезынтересна, так как разрешает ряд вопросов, связанных с литературной стороной памятников.

В 1951 г. в серии Академии наук СССР «Литературные памятники» был издан «Временник» Тимофеева с переводом и комментариями. В статье, сопровождающей издание, О. А. Державина пытается главным образом дать анализ политических и общественных взглядов автора «Временника» и лишь попутно касается его литературной манеры. Широко развернуть литературный анализ произведения не позволили рамки статьи.

В 1955 г. Институтом русской литературы АН СССР издано «„Сказание“ Авраамия Палицына». Книга содержит полный текст памятника и текст первой редакции начальных глав, археографический и исторический комментарий и сопровождается статьями Л. В. Черепнина и О. А. Державиной. В первой рассматриваются политические взгляды Палицына, во второй дается общий анализ произведения, ставится и по-новому решается вопрос об авторе и раскрываются идейное звучание и художественные особенности и достоинства всех его частей.

Статья О. А. Державиной «К истории создания „Летописной книги“, приписываемой кн. Катыреву-Ростовскому»,⁸¹ ставит своей задачей выяснить вопрос о создании «Повести» и об участии в этом князя Катырева-Ростовского. Автор пытается по-новому разрешить эти вопросы, основываясь на анализе стиля первой редакции «Повести», определяет, что в основу «Повести», последним редактором которой был Катырев, положен рассказ о первом Самозванце, дополненный потом каким-то любителем украшенного стиля, обратившимся за художественными средствами к переводу «Троянской истории» Гвидо де Колумна.

В заключение необходимо отметить две работы, касающиеся произведений начала XVII в. и напечатанные в последних выпусках ТОДРА. В VIII т. ТОДРА помещена статья Д. С. Лихачева «Проблема характера в исторических произведениях начала XVII века», в IX т. — статья В. П. Адриановой-Перетц «Исторические повести XVII века и устное народное творчество». Д. С. Лихачев в своей работе выясняет принципиальное отличие исторических трудов XVII в. от подобных же произведений предшествующих эпох. Показывая на примере Хронографа 1617 г., «Временника» Тимофеева, труда князя Ивана Хворостинина и других памятников начала XVII в. новое отношение писателей к человеческой личности, их попытки раскрыть и объяснить противоречия человеческого характера, Д. С. Лихачев выясняет исторические корни этих новых воззрений на человеческую личность. Он справедливо видит здесь один из случаев проявления новых реалистических элементов в русской литературе.

В. П. Адрианова-Перетц рассматривает связь исторических повестей XVII в. с народным творчеством, привлекая «Повесть о Скопине-Шуйском», «Послание дворянина к дворянину» и воинские повести донских казаков. Элементы народного творчества указывает она и в «Сказании о царстве царя Федора Иоанновича и о убиении брата его, царевича Димитрия Иоанновича Углицкого». Сближение литературы с народным

⁸⁰ Свердловск, 1949.

⁸¹ Ученые записки Московского городского педагогического института им. В. П. Погемкина, т. XLVIII, вып. 5. М., 1955, стр. 29—45.

творчеством в XVII в. в статье объясняется тем, что «после крестьянской войны начала XVII века значительный рост роли в общественно-политической жизни Московского государства демократического лагеря, противостоявшего феодальной реакции, способствовал созданию новой демократической интеллигенции, которая приняла деятельное участие в развитии литературы. . . Новый автор, как и его читатель, энергично заявлял права на литературное применение живого языка, на смелое сближение с устным творчеством народа». Это было, по мысли автора статьи, «проявлением могучего процесса освобождения человеческой мысли от многовековой власти над ней церковной идеологии».

В работах Д. С. Лихачева и В. П. Адриановой-Перетц обнаруживается свежий подход к теме и намечаются перспективы дальнейшего изучения памятников русской литературы начала XVII в.

С. А. ЛЕВИНА

К изучению Воскресенской летописи. По поводу статьи В. В. Лаптева «Воскресенская летопись» (Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена, т. 102, Л., 1955, стр. 165—239)

Древнерусское летописеведение продвинуто далеко вперед трудами советских историков и филологов, которые не только исправили и уточнили ряд конкретных выводов буржуазных исследователей, но и расширили круг изучаемых летописей; в частности, ими уделено большое внимание изучению летописей XVI—XVII вв.

Однако один из крупнейших летописных сводов XVI в. — Воскресенская летопись — до последнего времени оставался почти в полном забвении. Специальных работ, посвященных всестороннему анализу Воскресенской летописи, не имелось. В литературе были приняты выводы А. А. Шахматова, сделанные им в разное время в связи с изучением различных летописей. Поэтому от всей души хочется приветствовать появление первой большой работы, посвященной анализу этого ценного исторического памятника.

Задача статьи так сформулирована ее автором: «В данной работе ставится задача — дать очерк о Воскресенской летописи, ее списках, редакциях, источниках, показать редакционную работу и политическую идеологию составителя Воскресенской летописи» (стр. 170).

В соответствии с поставленной задачей статья В. В. Лаптева «Воскресенская летопись» состоит из следующих разделов:

1) Введение; 2) Гл. I. Списки Воскресенской летописи; 3) Гл. II. Редакции Воскресенской летописи и время их составления; 4) Гл. III. Источники Воскресенской летописи; 5) Гл. IV. Редакционная работа и политическая идеология составителя первой редакции Воскресенской летописи.

Сделанная во «Введении» попытка дать историографический очерк изучаемого вопроса увенчалась успехом, если не считать досадных неточностей: статья И. А. Тихомирова называется не «О Воскресенской летописи», как указывает автор (стр. 166), а «Обозрение состава Воскресенского летописного свода»; статья А. Е. Преснякова называется не «Летописное дело в XIV—XVI вв.» (стр. 167) и не «Летописное дело в XIV—XVII вв.» (стр. 231), как разноречиво утверждает автор, а «Древнерусское летописание». Жаль, что автор не остановился в этом разделе на статье М. Н. Тихомирова «О Вологодско-Пермской летописи»;¹ правда, она не посвящена специальному анализу Воскресенской летописи, но в ней впервые выдвинута мысль о существовании Москов-

¹ См.: Проблемы источниковедения, т. III. Изд. АН СССР, М.—Л., 1940

ского свода 1528 г., легшего в основу Воскресенской, Вологодско-Пермской и Софийской II летописей.

В главе «Списки Воскресенской летописи» дано описание и выяснены взаимосвязи семи ее списков. Все они были и раньше известны в литературе: пять из них — Воскресенский (Академический XII),² Алатырский (Академический XIII),³ Синодальный,⁴ Парижский,⁵ Карамзинский⁶ — использовались издателями тт. VII, VIII ПСРЛ; Библиотечный II⁷ (в статье В. В. Лаптева он назван просто Библиотечный) были обнаружены и описаны А. Е. Пресняковым;⁸ Археографический⁹ — А. А. Шиловым.¹⁰

Однако совместное описание всех списков было сделано впервые. В силу этого тем более непонятным является пропуск фрагмента еще одного списка Воскресенской летописи.¹¹ Этот список XVI в. был обнаружен и описан А. Е. Пресняковым в известной автору статье «Мелкие заметки к Воскресенской летописи» (указанный список будет в дальнейшем называться Библиотечный I).

Написанию статьи автор не предпослал изучение рукописных хранилищ Москвы, что, без сомнения, сказалось на качестве работы.

Результатом моих поисков в рукописных собраниях Москвы явилось обнаружение еще четырех списков Воскресенской летописи, до сих пор не упоминавшихся в литературе.

Музейный список. Так условно назовем список, хранящийся в Музейном собрании ВБЛ.¹² Список писан разными почерками первой половины XVII в. на 988 лл. по нумерации начала XX в. (по ошибочной нумерации XIX в. — на 979 лл.). В книге много чистых листов без пропуска текста. Водяные знаки — голова шута, два льва, держащие герб, латинские буквы «RDP». Пометы XVII в.: лл. 13—55 — «Книга глаголямая летописец Акима Яковлевича Ржевского духовная; а куплена у Кузьмы Барисовича у Бухвостова, а подписал яз, Кузма Борисович, своєю рукою, а хто сию книгу станет у него, у Кима Яковлевича Ржевского, и мне тое книгу духовную очищать, а будет я тое книгу не очищу, и мне ему, Акиму Яковлевичю, заплатити втрое. А дана сия книга духовная шесть рублей»; л. 59 об. — «Книга глаголе...»; на листе, наклеенном на заднюю доску, написано: «Книга Кузма Борисовича Бухвостова летописец... (далее неразборчиво)»; на последнем листе написано: «Лета 7184-го... (далее неразборчиво) в 29 день». Оглавлений в списке не сохранилось. Текст начинается с главы введения «Начало православных государей и великих князей русских»¹³ и доводит изложение до 1559 г. Текст оканчивается на середине л. 988 об. словами: «... да х казначею к Федору Ивановичу Сукину», после чего имеется два чистых листа. Все основные отличия Библиотечного II и Карамзинского списков от прочих списков Воскресенской летописи находят отражение и в Музейном списке. То, что Музейный список сделан с протографа Карамзинского списка, доказывается следую-

² БАН, № 34.5.24.

³ БАН, № 16.3.1.

⁴ ГИМ, Синодальное собр., № 144.

⁵ ГПБ, F.IV.678.

⁶ ГПБ, F.IV.601.

⁷ ГПБ, F.IV.585.

⁸ А. Е. Пресняков. Мелкие заметки к Воскресенской летописи ЛЗАК, вып. XIII. СПб., 1901.

⁹ ЛОИИ, собр. Археографической комиссии, № 243.

¹⁰ А. А. Шилов. Описание рукописей, содержащих летописные тексты. ЛЗАК, вып. XXII. СПб., 1910.

¹¹ ГПБ, F. IV. 239.

¹² ВБЛ, Музейное собр., № 1509.

¹³ ПСРЛ, т. VII, стр. 231.

шим: под 1469 г. в Карамзинском списке оставлены в некоторых местах пробелы; до первого пробела (до слов «... татар на святые церкви») Музейный список следует Карамзинскому, а с этого места в Музейном списке пропуск до окончания пробелов (до слов «... в неделю 50-ю»), потом он продолжает следовать Карамзинскому списку (до слов «... во все страны зажгоса»), после чего в Карамзинском списке опять встречаются пробелы, им соответствует пропуск в Музейном списке.¹⁴ Имея перед собой протограф Карамзинского списка, переписчик Музейного списка опустил места с пробелами совсем, отчего и получилась бессмыслица.

Подтверждается это и следующим: в статье «А се рускии митрополиты» вслед за именем Макария тем же почерком написаны имена Афанасия, Филиппа, Кирила, Антония (л. 15 об.), а последний был митрополитом с 1572 по 1581 гг.;¹⁵ в статье «Начало и корень великих князей русских» после имени Ивана IV написано «по Иване сын его царь и великий князь Феодор» (л. 15). А Федор стал царем в 1584 г. Это следует поставить в связь с тем, что по водяным знакам первые две части Библиотечного II списка датируются 70—80-ми годами XVI в. Итак, Библиотечный II список был протографом как Музейного, так и Карамзинского списков.

Румянцевский список. В начале XIX в. для Н. П. Румянцева была сделана копия с Археографического списка Воскресенской летописи.¹⁶ Список написан разными почерками начала XIX в. на 118 лл. Нумерация полстная в правом верхнем углу, а внизу страницы нумерация тетрадей (через каждые 8 лл.), кончая седьмой. На л. 1 почерком начала XIX в. написано: «Список с летописца Ферапонтова монастыря».

Мазуринский список. В рукописном собрании Мазурина в ЦГАДА хранится фрагмент списка Воскресенской летописи конца XVI в. на 567 лл.¹⁷ Обратная сторона последнего листа чистая. Кроме полстной нумерации, есть еще и постраничная, частично срезанная при реставрации списка. Последние листы рукописи плохо сохранились. При переплете большое количество листов было подшито ошибочно. Водяной знак — ведрь. Первого оглавления в списке нет, вместо него помещена таблица «О седми соборех» (л. 1), не сохранившаяся в других списках Воскресенской летописи. Список доводит рассказ до 1451 г. (до слов «противу безбожных, пушки»;¹⁸ л. 561); далее сохранились отрывки последующих годов: на л. 564, 1460—1461 гг., от слов «всемогий же человеколюбец» до слов «о преставлении [митрополита Ионы]»;¹⁹ на лл. 562, 566, 1492—1493 гг., от слов «Фрязин, каплан постриженный» до слов «посла своего Осан[чюка]»;²⁰ на лл. 563, 565, 567, 1496 г., от слов «важене; а рекам имена» до слов «и спаса нашего Иисуса Христа».²¹

Мазуринский список дает чтения более исправные и первоначальные, чем Воскресенский. Например, во всех списках, кроме Воскресенского, значится: «... от отца своего, и позна веру христианскую», есть эти слова и в Мазуринском списке;²² во всех списках — «Прусскую»,²³ в Воскресенском списке — «русскую»; во всех списках — «В лето 6490. Заратисяя

¹⁴ ПСРЛ, т. VIII, стр. 155—157; ср.: ВБЛ, Музейное собр., № 1509, л. 624 об.

¹⁵ П. М. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877, стр. 6.

¹⁶ ВБЛ, собр. Румянцева, № 256.

¹⁷ ЦГАДА, собр. Мазурина, № 1530.

¹⁸ ПСРЛ, т. VIII, стр. 124.

¹⁹ ПСРЛ, т. VIII, стр. 148—149.

²⁰ ПСРЛ, т. VIII, стр. 224—226.

²¹ ПСРЛ, т. VIII, стр. 231—233.

²² ПСРЛ, т. VII, стр. 253; ЦГАДА, собр. Мазурина, № 1530, л. 40 об.

²³ ПСРЛ, т. VII, стр. 268; ЦГАДА, собр. Мазурина, № 1530, л. 53 об.

Вятичи, и иде на нь Володимер, и победи их второе»,²⁴ а в Воскресенском этого нет; во всех списках «... и успе Моисей ту на горе. И приа власть Исус Наввин; сей прииде в землю обетованную»,²⁵ а в Воскресенском этих слов нет; во всех списках «отцу и сыну и святому духу в веки, аминь»,²⁶ а в Воскресенском эти слова отсутствуют, и т. д.

После окончания Воскресенского списка Мазуринский дает чтения, более исправные, чем Парижский список, совпадая с другими списками. Например, во всех списках написано «землю»,²⁷ а в Парижском — «отчину»; во всех списках «пречистые его матери»,²⁸ а в Парижском — «пречистыа богородица»; во всех списках «поставил его святейший патриарх Филофей»,²⁹ а в Парижском — «поставлен есть святейшим патриархом Филофеем», и т. д.

Уваровский список. В собрании Уварова в ГИМе³⁰ хранится рукопись на 503 л., написанная почерками конца XVI—конца XVIII вв. На лл. 15—431 об. этой рукописи содержится список Воскресенской летописи, почерк конца XVI в. Начало и конец списка утрачены, нижнее поле первого листа оборвано. Водяной знак — однорукий кувшинчик. По нижнему полю рукописи почерком середины XVII в. написано: «К[ни]га глаголемая летописец Юрья Иванова, сына Суровцова, а после своево живота благословил сына своево, Ондreja Суровцова» (лл. 15—50). Текст начинается со середины послания архиепископа новгородского Василия к владыке тверскому Феодору 1347 г. со слов «ту видеша. Ни едино же дело...»³¹ и обрывается 1541 г., ранее других списков Воскресенской летописи — до слов «... и отпустиша за царем воевод князя Семена Ивановича».³² Список дает чтения, близкие Синодальному списку; в Синодальном и Уваровском — «привязан», «ту», а в Карамзинском — «привязав», «той»;³³ в Синодальном и Уваровском — «из Вельня», в Карамзинском — «из Волыня»;³⁴ в Синодальном и Уваровском — «быть сей», в Карамзинском и Парижском — «быть се»;³⁵ в Синодальном и Уваровском — «и вы поедте», в Карамзинском и Парижском — «и вы едте»,³⁶ и т. д.

На лл. 1—14 об. помещен текст сокращенной редакции Московского свода 1493 г., доведенный до 1350 г. Это — реставрация утраченного начала текста Воскресенской летописи. Почерк — конца XVII—начала XVIII в. Водяные знаки — шут, гербовый щит.

На лл. 432—477 об. тем же почерком, что и первые 14 л., сделаны выписки из «Нового летописца».

На лл. 478—503 размещена выпись из Государственного Гербовника о житии царя Алексея Михайловича, записанная почерком конца XVIII в. На л. 503 почерком конца XVIII в. написано: «Сия книга дому Николая Николаевича Лыкова села Езыкова служителя его Николая (далее зачеркнуто Николаевича) Фадеева, сына Сакалова 1785 году». Другим почерком конца XVIII в. поверх этого текста написано: «В городе

²⁴ ПСРЛ, т. VII, стр. 295; ЦГАДА, собр. Мазурина, № 1530, л. 78.

²⁵ ПСРЛ, т. VII, стр. 302; ЦГАДА, собр. Мазурина, № 1530, л. 84 об.

²⁶ ПСРЛ, т. VII, стр. 319; ЦГАДА, собр. Мазурина, № 1530, л. 102 об.

²⁷ ПСРЛ, т. VIII, стр. 17; ЦГАДА, собр. Мазурина, № 1530, л. 392.

²⁸ ПСРЛ, т. VIII, стр. 23; ЦГАДА, собр. Мазурина, № 1530, л. 399 об.

²⁹ ПСРЛ, т. VIII, стр. 32; ЦГАДА, собр. Мазурина, № 1530, л. 413

³⁰ ГИМ, собр. Уварова, № 567.

³¹ ПСРЛ, т. VII, стр. 213.

³² ПСРЛ, т. VIII, стр. 300.

³³ ПСРЛ, т. VII, стр. 214; ГИМ, собр. Уварова, № 567, л. 15 об.

³⁴ ПСРЛ, т. VII, стр. 215; ГИМ, собр. Уварова, № 567, л. 17 об.

³⁵ ПСРЛ, т. VIII, стр. 12; ГИМ, собр. Уварова, № 567, л. 25.

³⁶ ПСРЛ, т. VIII, стр. 294; ГИМ, собр. Уварова, № 567, л. 421

Сарае» (?), а ниже третьим почерком — «Сия книга в городе Угличе» и «святаго архистра... (не дописано)».

Итак, в настоящее время известны 12 списков Воскресенской летописи; 7 из которых обнаружены после выхода в свет тт. VII и VIII ПСРЛ. Анализ этих списков приводит меня к выводу, что Воскресенский и Парижский списки при издании летописи были взяты за основные совершенно произвольно, так как наиболее ранним по времени составления и сохранившим лучшие первоначальные чтения является Библиотечный II список, который и должен быть положен в основу при переиздании Воскресенской летописи. Прочие списки должны быть непременно использованы для исправления явных описок, приведения разночтений, добавления тех мест, которые сохранились только в этих списках: по Библиотечному I — статья «О боярех, которые у великих князей в духовных писаны», по Мазуринскому — таблица «О семи соборех», по Археографическому и Румянцевскому — окончание описания нашествия крымского хана Сафа-Кирея под 1541 г.

В. В. Лаптев не только не предпринял розыска новых списков в рукописных собраниях Москвы, но даже описание единственного известного ему списка из хранящихся в Москве — Синодального — он сделал не на основе личных наблюдений, а по предисловию к изданию Воскресенской летописи Археографической комиссией. В результате в статье не указан архивный шифр этого списка,³⁷ не описаны водяные знаки, как, впрочем, и для Библиотечного II, Карамзинского и Парижского списков.

Остановлюсь на одной неточности, которая, впрочем, может быть объяснена опечаткой: в статье указан ошибочный архивный шифр Алатырского (Академического XIII) списка — 16.3.1 (основн. 1226), правильный — 16.3.1 (основн. 1296).

В главе «Редакции Воскресенской летописи и время их составления» автор приводит результаты сравнения второго и третьего оглавлений к летописи, сделанные И. А. Тихомировым в статье «Заметка об оглавлениях, помещенных перед Воскресенским летописным сводом».³⁸ Укажу, кстати, что В. В. Лаптевым искажено название этой статьи и неправильно сказано, что второе оглавление начинается со второй главы, в то время как оно открывается одиннадцатой главой (стр. 182).

Вслед за А. А. Шахматовым,³⁹ В. В. Лаптев обращает внимание на то, что начиная с 4-й и кончая 63-й главой в третьем оглавлении перед каждым первым известием указан год; с 64-й по 70-ю главу год перед первым известием не указан, оглавление составлено менее подробно; с 1538 по 1541 г. текст летописи совсем не разбит на главы, изложение событий этих годов носит характер кратких записей (стр. 183). Автор приходит к подтверждению выводов А. А. Шахматова о существовании трех редакций Воскресенской летописи: в первоначальной редакции она имела окончание на 63-й главе — на известии о поимании князя Юрия Ивановича в декабре 1533 г.; вторая редакция оканчивалась 1537 г. рассказом о поимании князя Андрея Ивановича; третья редакция доводила повествование до 1541 г. и заканчивалась статьей о приходе крымского хана Сафа-Кирея на Русскую землю. В подтверждение мысли об окончании первой редакции на событиях декабря 1533 г. автор приводит результаты сравнений Воскресенской и Львовской летописей, имеющих общий текст за 1519—1533 гг.

А. А. Шахматов, а вслед за ним и В. В. Лаптев использовали для выводов оглавления, помещенные перед Воскресенским и Алатырским спис-

³⁷ ГИМ, Синодальное собр., № 144

³⁸ ЖМНП, 1902, № 6.

³⁹ Отчет о сороковом присуждении наград графа Уварова СПб., 1899.

ками, но не привлекли Парижского списка, в котором имеется оглавление второй части летописи, начиная с 32-й главы.⁴⁰ Наблюдения над оглавлением Парижского списка позволяют несколько изменить этот вывод. Указания на год, с которого начинается глава, не пропадают в этом списке окончательно после 63-й главы, они отсутствуют лишь там, где события данной главы происходили в том же году, что и в предыдущей, но мы его найдем в тех главах, где описываются события нового года: таковыми являются главы 65, 68, 70. Другими словами, Парижский список, в отличие от Воскресенского и Алатырского, содержит следующие даты: 7043 (1535) г., 7044 (1536) г., 7045 (1537) г. 63-я глава охватывает, так же как и главы 64—70, события за часть года. Следовательно, новое деление на главы в третьем оглавлении начинается после 62-й главы. С 63-й главы события года размещаются в 2—3 главах. В соответствии с этим уменьшился и объем глав: 63-я глава занимает в печатном тексте всего 2 стр.;⁴¹ 64-я — $\frac{2}{3}$ стр.;⁴² 65-я — $\frac{1}{2}$ стр.;⁴³ 66-я — $\frac{1}{4}$ стр.;⁴⁴ 67-я — $\frac{1}{2}$ стр.;⁴⁵ 68-я — 1 стр.;⁴⁶ 69-я — всего 3 строчки.⁴⁷ Таких небольших глав нет нигде в Воскресенском своде.

Итак, я прихожу к выводу, что новое деление на главы в третьем оглавлении начинается после 62-й главы. В связь с этим следует поставить существование второго оглавления, содержащего 62 главы. 62 главы второго и третьего оглавлений оканчиваются указанием на события конца августа 1533 г.

Все сказанное выше склоняет меня к мысли, что первоначальная редакция Воскресенской летописи была доведена до конца августа 1533 г., а не до конца декабря 1533 г., как предполагают А. А. Шахматов и В. В. Лаптев. Приведу и другие данные в подтверждение этой гипотезы.

В ГИМе хранятся два «Летописца вкратце» XVI в.,⁴⁸ до сих пор не привлекавшиеся исследователями. Сравнение их содержания с текстом Воскресенской летописи показывает, что оба летописца составлены на основе Воскресенской летописи. Один из них (№ 940) доводит свой рассказ до 3 сентября 7041 г. — до известия о построении церкви в Коломенском (л. 191),⁴⁹ а второй (№ 939) следует Воскресенской летописи до известия о приезде Темешки Кадышова осенью 7041 г. (л. 102),⁵⁰ а с 7042 г. не имеет с ней ничего общего. Составители обоих летописцев держались сентябрьского стиля. Следовательно, описание смерти Василия III, происшедшей в декабре 1533 г., оба летописца должны были поместить под 7042 г. В кратком летописце № 940 мы вообще не находим описания смерти Василия III, так как он оканчивается 7041 г., в летописце же № 939 описание смерти Василия III сделано другим почерком XVI в. и по другому источнику, как, впрочем, и весь последующий текст. Если бы составители кратких летописцев в качестве источника имели редакцию Воскресенской летописи, доведенную до конца декабря 1533 г., то, вероятно, внесли бы описание смерти Василия III в свои летописцы, ведь они особенно много внимания уделяли описанию событий, происшедших с великими князьями или

⁴⁰ ПСРЛ, т. VIII, стр. 1—7.

⁴¹ ПСРЛ, т. VIII, стр. 285—287.

⁴² ПСРЛ, т. VIII, стр. 287.

⁴³ ПСРЛ, т. VIII, стр. 287—289.

⁴⁴ ПСРЛ, т. VIII, стр. 289.

⁴⁵ ПСРЛ, т. VIII, стр. 289—291.

⁴⁶ ПСРЛ, т. VIII, стр. 291—292.

⁴⁷ ПСРЛ, т. VIII, стр. 292.

⁴⁸ ГИМ, Синодальное собр., №№ 939, 940.

⁴⁹ Ср. ПСРЛ, т. VIII, стр. 280.

⁵⁰ Ср. ПСРЛ, т. VIII, стр. 281.

их семьями. Скорее всего оба летописца использовали редакцию Воскресенской летописи, доведенную до конца августа 1533 г., ведь не логично же описать всю жизнь великого князя, кроме его смерти, и на этом в одном случае окончить летописец, а в другом — с 7042 г. пользоваться новым источником.

Библиотечный I список Воскресенской летописи, найденный А. Е. Пресняковым и уже упоминавшийся мною (ГПБ, F.IV.239), перечисляет бояр, присутствовавших при составлении духовных грамот московских великих князей. Это — часть первой главы введения, не сохранившаяся в других списках. Здесь перечень бояр оканчивается именами из духовной Ивана III, но ничего не говорится о боярах, подписавшихся под духовной (или духовными) Василия III. Это лишний раз подтверждает мысль, что работа над первоначальной редакцией была начата до смерти Василия III. Я говорю «начата», так как введение, часть первой главы которого представляет собой статья о боярах, предшествует тексту летописи, а следовательно, с него и была начата работа составителя.

Во введении к летописи рассказывается о происхождении московских великих князей. Причем о каждом из них говорится по одной схеме: указывается начальный год княжения каждого князя, называются дети, оставшиеся после его смерти. Но описание княжения Василия III дается иначе: приведена дата вступления Василия III на престол, далее должны быть названы сыновья Василия III, оставшиеся сиротами по смерти отца, — Иван и Юрий, однако вместо этого сразу рассказывается о княжении Ивана IV и Елены Глинской.⁵¹ Этот факт указывает на то, что часть, говорящая о княжении Ивана IV, представляет собой приписку, сделанную позже предшествующих строк рукой лица, не сумевшего выкинуть в принцип построения статьи. Первоначально же данная статья оканчивалась указанием на имена детей, оставшихся после смерти Ивана III. Подтверждение этой своей мысли я нахожу в двух кратких летописцах XVI в. (Синодальное собр. №№ 939, 940), составленных на основе первоначальной редакции Воскресенской летописи. Здесь статья о великих князьях оканчивается перечислением сыновей Ивана III.⁵² Из сказанного можно сделать вывод, что работа над первоначальной редакцией была начата еще при жизни Василия III, т. е. до начала декабря 1533 г.

Одним из доказательств того, что существовал свод, доведенный до конца августа 1533 г., может служить следующее: чем ближе мы подходим к названной дате, тем более подробной становится летопись; мы начинаем в ней находить указания не только на год, месяц, и даже не только на день, но и на час события. Количество событий, записанных под каждым годом, увеличивается до 7041 г. (т. е. до конца августа 1533 г.), а затем резко падает. Так, под 7041 г. указаны даты 35 событий, а под 7042 г. (с сентября 1533 г.) — 9 событий. Это позволяет предположить, что автор, записывая события 1533 г., использовал личные воспоминания, подробности событий еще не успели стереться из его памяти. Кроме того, эти данные подтверждают мысль о существовании первоначальной редакции летописи, доведенной до конца августа 1533 г.

Сходство Воскресенской и Львовской летописей прекращается на тех же событиях конца августа 1533 г., на которых, по моему мнению, оканчивалась первоначальная редакция Воскресенской летописи.⁵³ Следовательно, составитель Львовской летописи пользовался редакцией августа 1533 г.

⁵¹ ПСРЛ, т. VII, стр. 238.

⁵² ГИМ. Синодальное собр., № 939, л. 2; № 940, л. 3

⁵³ Ср. ПСРЛ, т. VIII, стр. 284; т. XX, ч. 1, стр. 418

Я согласна с мнением А. А. Шахматова и автора статьи о существовании второй (1537 г.) и третьей (1541 г.) редакций Воскресенской летописи. Но мне думается, что время составления третьей редакции Воскресенской летописи можно определить более правильно. В. В. Лаптев пишет, что третья редакция «составлена в правление Шуйских» (стр. 185). В списке русских митрополитов, помещенном во введении к Воскресенской летописи, последним назван Макарий,⁵⁴ а он стал митрополитом 19 марта 1542 г.⁵⁵ В списке литовских князей рядом с именем Сигизмунда I имеется пояснение: «нынешний король»,⁵⁶ а он был королем до 8 октября 1544 г. Следовательно, третья редакция Воскресенской летописи составлена между 19 марта 1542 г. и 8 октября 1544 г.

В статье не приведено достаточно убедительных данных в подтверждение мысли о составлении третьей редакции сторонником Шуйских. Попытка определить социальное лицо составителя третьей редакции путем сравнения изложений одних и тех же событий, записанных в разных источниках XVI в., сделана мною в статье «О времени составления и составителе Воскресенской летописи XVI века».⁵⁷

В главе «Источники Воскресенской летописи» В. В. Лаптев пытается разыскать ее непосредственные источники. Путеводной нитью в этой работе для него явились высказывания А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова. А. А. Шахматов указывал, что «в основание (Воскресенской летописи, — С. Л.) положен Московский свод, доведенный до 1479 г., систематически сближенный с текстом Софийской I, и список Царского».⁵⁸ М. Д. Приселков писал, что Московский свод 1479 г. лежит «в основе изложения Воскресенской летописи и летописи Ростовской».⁵⁹

В. В. Лаптев произвел детальное сравнение Воскресенской летописи с Московским сводом конца XV в., списком Царского С1Л, Н4Л и пришел к выводу, что Воскресенскую летопись по ее основным источникам можно разделить на четыре части, в каждой из которых он отыскивает свои источники:

1) до 1074 г. — список Царского С1Л, Московский свод 1479 г., первая часть «Сказания о князьях Владимирских», Тихоновская редакция Ростовского свода (стр. 198);

2) с 1074 по 1479 г. — Московский свод 1479 г., список Царского С1Л, Тихоновская редакция Ростовского свода, вторая часть «Сказания о князьях Владимирских», житие святого Николая, житие Михаила Клопского, повесть о Тихвинской иконе, повесть «О взятии Царьграда турками», возможно, особая редакция Н4Л (стр. 213);

3) с 1480 по 1509 г. — список Царского С1Л, Тихоновская редакция Ростовского свода, официальная Московская летопись, возможно, свод 1499 г., документы государева архива (стр. 222—223);

4) с 1509 по 1541 г. — свод 1520 г., составленный на основе свода 1518 г., официальная Московская летопись, материалы государева архива (стр. 227).

В тех случаях, когда текста Воскресенской летописи нет ни в одной из изданных летописей, В. В. Лаптев считает его догадкой составителя Вос-

⁵⁴ ПСРЛ, т. VII, стр. 239.

⁵⁵ П. М. Строев. Списки иерархов..., стр. 6

⁵⁶ ПСРЛ, т. VII, стр. 256

⁵⁷ См. ТОДРА, т. XI. М.—Л., 1955

⁵⁸ А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, стр. 370.

⁵⁹ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940 стр. 117.

кресенской летописи (стр. 188, 190, 197, 220), не допуская даже мысли о том, что в научный оборот введены еще не все летописные своды.

В конце главы (стр. 226) автор привел схему источников Воскресенской летописи. В ней указаны 14 ее источников: 7 из них — летописи, 6 — отдельные повести, сказания и жития, затем материалы государственного архива (дипломатические, разрядные книги, церковные, военные и т. д.).

Насколько разноречивы взгляды В. В. Лаптева на источники Воскресенской летописи, можно судить хотя бы по следующим фактам: на стр. 197 автор пишет, что близость Н4Л к Воскресенской и С1Л объясняется «общим источником Софийской I и Новгородской IV (свод 1448 г.), а не тем, что составитель Воскресенской летописи пользовался Новгородской IV летописью»; на стр. 207 особая редакция Н4Л названа возможным источником Воскресенской летописи, а в схеме источников Н4Л особой редакции безоговорочно включена в число непосредственных источников летописи, в то время как другой возможный источник — хронограф русской редакции (стр. 194) — вообще в схему источников не попал; в схему внесено «Сказание о Москве», о котором в тексте не сказано ни слова; на стр. 223 одним из источников Воскресенской летописи назван свод 1520 г., составленный по своду 1518 г., в схеме же непосредственным источником Воскресенской летописи назван свод 1518 или 1520 гг.

Мне думается, что метод определения непосредственных источников, которым пользуется В. В. Лаптев, не может быть признан правильным. Автор статьи исходит из негласного предположения, что составитель Воскресенской летописи непосредственно использовал дошедшие до нас и опубликованные в ПСРЛ своды, поэтому он производит сравнение Воскресенской летописи с предшествовавшими ей летописями. В результате им проделана наиболее трудоемкая часть работы, однако ее надо было дополнить сравнением Воскресенской летописи с современными ей сводами.

Произведенное мною сравнение Воскресенской летописи с Вологодско-Пермской,⁶⁰ Симеоновской, Типографской, Софийской II, Никоновской, Иоасафовской⁶¹ и Музейной⁶² летописями приводит к мысли, что источник Воскресенской летописи не может быть непосредственно возведен ни к одному из предшествовавших ей летописных сводов. И вот почему. Сравнение Воскресенской летописи с предшествовавшими ей летописями показывает, что порой в пределах одного года мы встречаемся с известиями двух или более летописей, однако в современных Воскресенской летописи сводах эти известия иногда встречаются в том же сочетании. Приведу несколько примеров. 946 год дан в Воскресенской летописи по Московскому своду конца XV в. с добавлением отрывка, имеющегося в списке Царского С1Л (от слов «и на что ся предати» до слов «воробьи же под острых»), однако эти два отрывка уже объединенными находятся в Типографской летописи; 1422 год дан по Московскому своду конца XV в. с добавлением отрывка о походе Ягайла и Витовта на Марьин город из списка Царского С1Л, но в Симеоновской и Никоновской летописях эти сведения объединены; 1441 год дан по Московскому своду конца XV в. с дополнением со слов «Того же лета...» и до конца года по списку Царского С1Л, но

⁶⁰ Текст Вологодско-Пермской летописи в настоящее время подготавливается к печати в Издательстве АН СССР. Мною она изучена по Синодальному списку (ГИМ, Синодальное собр., № 485).

⁶¹ ВБЛ, фонд Московской духовной академии, № 140. Текст Иоасафовской летописи подготовлен к печати в Издательстве АН СССР А. А. Зиминым и автором этих строк.

⁶² ВБЛ, Музейное собр., № 1512. Музейная летопись была обнаружена А. А. Зиминым, а описана А. Н. Насоновым (см.: А. Н. Насонов. Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы). Проблемы источниковедения, т. IV. Изд. АН СССР, М.—Л., 1955, стр. 249—250).

в Симеоновской летописи эти сведения также объединены; 1472 год дан по Московскому своду конца XV в. со вставкой из С2Л известия о посылке в Пермь Федора Пестрого, но в Симеоновской, Вологодско-Пермской и Никоновской летописях эти сведения встречаются в том же сочетании. Несмотря на близость Воскресенской летописи к списку Царского С1Л с 1481 по 1509 г., в тексте Воскресенской летописи есть как будто вставки из недошедшей до нас отдельно официальной Московской летописи, однако в современных летописях в известиях до 1493 г. мы находим их иногда в том же контексте: под 1485 г. известия о посылке гонца к новгородскому наместнику и о походе на Тверь, но они имеются в Типографской, Симеоновской, Н4Л, а последнее — в Вологодско-Пермской летописи, известия о рождении у великого князя сына и о крымско-татарских отношениях есть и в С2Л; под 1486 г. о смерти Михаила Андреевича Верейского и о постройке стены около Владимира дьяком Мамыревым, оба известия есть в Никоновской летописи; под 1488 г. о размолвке между великим князем и Андреем Углицким, о новгородских полах, о выводе в Москву 7000 жителей из Новгородской области, все эти известия есть в Никоновской летописи; под 1489 г. об уходе Иосифа Ростовского со владычества и о поставлении Тихона, есть и в Никоновской летописи; под 1490 г. о посылке к волошскому воеводе Стефану Ивана Лихарева, имеются в Симеоновской, Вологодско-Пермской, Никоновской летописях и Хронографическом списке Н4Л; под 1491 г. вместо краткого известия о поставлении Зосимы на митрополию — длинное, вместо краткого сообщения о постановлении собора, созванного против новгородских еретиков — длинное, о возвращении Ивана Лихарева, о появлении кометы, о прибытии посла от великого магистра, о посылке рудоискателей на Печору, все эти известия есть в Никоновской летописи, первые четыре имеются в Хронографическом списке Н4Л, известия о возвращении Ивана Лихарева и посылке рудоискателей — в Симеоновской летописи; первое и последнее — в Вологодско-Пермской летописи; под 1492 г. ряд известий, отсутствующих в списке Царского С1Л, есть и в Симеоновской, Вологодско-Пермской и Никоновской летописях; под 1493 г. ряд дополнительных известий есть и в Симеоновской и Никоновской летописях.

Итак, некоторые известия в Воскресенской летописи, представляющие собой, по мнению предшествующих исследователей, соединение двух и более источников, в действительности, могли быть взяты из одного источника.

Подтвердить это предположение могут результаты изучения и других летописей XVI в. Ниже приводятся наблюдения над текстом Симеоновской летописи. С 1480 по 1493 г. Симеоновская летопись имеет ряд известий, общих с Хронографическим списком Н4Л, несмотря на близость ее к списку Царского С1Л: под 1483 г. об освящении церкви Воскресения Христова (есть также в Никоновской летописи); под 1485 г. о посылке гонца к новгородскому наместнику и о походе на Тверь (есть в Типографской летописи, а последнее известие — в Вологодско-Пермской); под 1489 г. более подробное, чем в списке Царского С1Л, описание похода великого князя на Вятку (есть в Типографской и Никоновской летописях); под 1490 г. о посылке Ивана Лихарева в Волошскую землю (есть в Вологодско-Пермской и Никоновской летописях); под 1491 г. о возвращении Лихарева и об окончании Петром Фрязиным Фроловской стрельницы (есть в Никоновской летописи). Кроме того, в Симеоновской летописи этих лет есть 14 известий, отсутствующих в списке Царского С1Л и Хронографическом списке Н4Л,⁶³ но имеющих в Воскресенской летописи,

⁶³ Перечисление этих известий см. в статье А. А. Шахматова «Симеоновская летопись XVI в. и Троицкая начала XV в.» (ИОРЯС, 1900, кн. 2, стр. 503—504).

5 известий, отсутствующих в списке Царского С1Л, Хронографическом списке Н4Л, Воскресенской летописи, но имеющих в других летописях XVI в.: под 1490 г. подробно перечисляются мастера, прибывшие из Италии вместе с шурином великого князя Андреем (есть в Типографской и Никоновской летописях), о лечении великого князя Ивана Ивановича мистром Леоном и казни последнего (есть в С2Л, Типографской и Никоновской летописях), об отъезде шурина великого князя Андрея (есть в Никоновской летописи); под 1491 г. об окончании каменной стены в Новгороде (есть в Никоновской летописи); под 1493 г. о прибытии послов от великого князя Александра (есть в Никоновской летописи). И только три известия: под 1481 г. о нападении немцев на Псков и отступлении от этого города; под 1485 г. об отъезде княгини Анны Васильевны в Рязань, о женитьбе ее сына Ивана Васильевича, отсутствуют во всех известных летописях.

Однако сравнение Воскресенской летописи с современными ей летописями указывает и на обратное: в одних случаях они содержат сведения, почти тождественные с Воскресенской летописью, в других описание событий отличается редакционно, в третьих в них излагаются события, отсутствующие в Воскресенской летописи.

На основе вышеизложенного я делаю предположение, не лежат ли в основе всех этих летописей близкие по содержанию своды, в которых сведения Московского свода конца XV в. списка Царского С1Л, Н4Л и С2Л были объединены хотя бы частично. Различия между летописями могут быть объяснены выбором составителем разных известий из общего источника, привлечением других источников и редактированием известий, взятых из источников, в соответствии со своими политическими симпатиями и антипатиями. Определить их состав и содержание можно только в результате сравнительного изучения всех летописей XVI в. Эта задача может быть решена совместными усилиями историков-источниковедов, филологов, лингвистов и археологов.

Ниже мною сделана попытка определить только хронологические рамки этих сводов. Восстанавливаемая схема летописания вовсе не претендует на непогрешимость, это — первая попытка восстановления примерной схемы истории летописания конца XV—первой половины XVI в., которая в дальнейшем, без сомнения, будет уточнена. Кроме того, в схеме отражена история создания лишь тех летописных сводов, источники которых явились основой или непосредственными источниками Воскресенской летописи.

Произведенное выше сравнение Воскресенской летописи с предшествующими ей летописями позволяет обратить внимание на 1493 г. как на год, являющийся вехой в летописании.

1. Текст Симеоновской летописи до 1390 г. почти тождественен с Троицкой. С 1410 до 1493 г. (до конца) Симеоновская летопись сохраняет близость к Воскресенской.⁶⁴

2. Типографская летопись до 1423 г. сходна с Воскресенской. С 1425 до 1484 г. известия Типографской летописи взяты из Тихоновской редакции Ростовского свода и Митрополичьей летописи первых десятилетий XVI в. Затем мы наблюдаем в ней возвращение к 1482 г. С 1482 г. по 1493 г. она дает текст, близкий к Воскресенской летописи. После 1493 г. сходство Типографской летописи с Воскресенской прекращается.⁶⁵

⁶⁴ Здесь использованы некоторые выводы статьи А. А. Шахматова «Симеоновская летопись XVI в. и Троицкая начала XV в.» и приведены собственные наблюдения.

⁶⁵ Здесь использованы некоторые выводы статьи А. Н. Насонова «Летописные памятники Тверского княжества» (Известия АН СССР, Отделение гуманитарных наук, 1930, № 9) и приведены собственные наблюдения.

3. Музейная летопись доводит свой рассказ до 1493 г. На то, что окончание летописи не является случайным, указывает список всероссийских митрополитов, предшествующий тексту летописи. Этот список оканчивается Зосимой, который был митрополитом с 26 сентября 1490 г. до 19 мая 1494 г. Музейная летопись до самого конца сохраняет близость то со списком Царского С1А, то с Воскресенской летописью.

4. Вологодско-Пермская летопись до 1418 г. близка к одной из редакций С1А, а с 1419 г. — к Воскресенской летописи. Эта близость сохраняется до 1492 г., после чего опять повторен 1491 г. и до 1496 г. излагаются вологодские, пермские и устюжские известия, встречавшиеся и до 1491 г. Затем 1496 г. изложен вновь, причем отсюда возобновляется сходство с Воскресенской летописью и отсутствуют северные известия.⁶⁶

5. Известны три списка краткой редакции свода 1493 г.⁶⁷ Из них только Погодинский № 1409 сохранил текст до конца, Погодинский же № 2036 обрывается на 1396 г., а Уваровский № 567 — на 1350 г. Краткая редакция свода отразилась на Архангелогородском летописце, исследованном и подготовленном к печати К. Н. Сербиной.⁶⁸

Отсюда я делаю вывод, что в основе всех этих летописей лежит Московский свод 1493 г.

С 1494 г. Воскресенская, Никоновская, Вологодско-Пермская (с 1496 г.) и С2А продолжают сохранять сходство со списком Царского С1А, но каждая из них имеет отличия, выражающиеся главным образом во вставках дополнительных известий.⁶⁹

После окончания списка Царского на 1509 г. эти летописи сохраняют между собой сходство, причем Вологодско-Пермская летопись то полностью совпадает с Воскресенской или с С2А, то имеет дополнительные известия. М. Н. Тихомиров предполагал, что общий источник этих трех летописей прерывался на 1528 г.; в Воскресенской летописи он нашел свое отражение до 1526 г., а в Вологодско-Пермской и С2А — до 1528 г.⁷⁰ Ниже приводится сравнение общих известий С2А, Воскресенской и Вологодско-Пермской летописей за 1527—1528 гг.

Софийская П летопись

Воскресенская летопись

Вологодско-Пермская летопись

В лето 7035 декабря ездил князь великий Василей Иванович всея Руси в Новгородской уезд к Пречистой на Тихвину молиться; а с ним был боярин его князь Иван Васильевич Немой, да дворецкой Иван Иванович Кубенской и иные княжата двора его.⁷¹

Тое же зимы князь велики был у Пречистые на Тихвине помолитися.⁷²

Князь великий Василей Иванович всея Руси ездил к Пречистой на Тихвину на молбу.⁷³

⁶⁶ Здесь использованы некоторые выводы статьи М. Н. Тихомирова «О Вологодско-Пермской летописи» (Проблемы источниковедения, т. III. Изд. АН СССР, М.—Л., 1940) и приведены собственные наблюдения.

⁶⁷ ГПБ, собр. Погодина, №№ 1409 и 2036; ГИМ, собр. Уварова, № 567.

⁶⁸ К. Н. С е р б и н а. Устюжский летописный свод. Исторические записки, № 20. М., 1946; Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец). Подготовлен к печати К. Н. Сербиной. М.—Л., 1950.

⁶⁹ Об отличиях Воскресенской летописи от списка Царского см. в рецензируемой статье В. В. Лаптева (стр. 217—223).

⁷⁰ М. Н. Т и х о м и р о в. О Вологодско-Пермской летописи, стр. 242.

⁷¹ ПРСЛ, т. VI, стр. 265.

⁷² ПРСЛ, т. VIII, стр. 272.

⁷³ ГИМ, Синодальное собр., № 485, л. 547 об.

В лето 7036 сентебря приходил безвестно царевич Ислам со многими людьми к Оке к берегу; а великого князя воеводы в те поры были на берегу, князь Федор Михайлович Мстиславской и иные воеводы, и стрелялися об реку от утра и до вечера, и поможе бог великого князя воеводам, отбили его от берега, и пошол Исламы вьсвоясы с великим срамом.⁷⁴

В лето 7036 сентября 5 прииде Ислам царевич крымской, Юсуп царевич Епанчин сын, да два царевича Ахмата Хромово дети и мурзы многие безвестно к берегу к Оке реке похваляся, хотя реку передеть; и князь велики сам противу его вышел да стал в Коломенском. А в ту пору воеводы были на берегу не с многими людьми, князь Василей Семенович Одоевской и князь Иван Иванович Щетина, да князь Феодор Васильевич Лопата...⁷⁵

В лето 7036 сентября приходил к берегу ко Оке к реке царевич Ислам Магмет Киреев сын царя крымского со многими людьми. И великого князя воеводы князь Федор Михайлович Мстиславьской и иные воеводы великого князя Василья Ивановича от берегу отбили, он же скоро возвратися и побеже в поле.⁷⁶

Это сравнение показывает, что после 1526 г. мы встречаемся с занесением одних и тех же событий во все три летописи, но с разным их освещением. Кроме того, на 1526 г. оканчивается Академический список Вологодско-Пермской летописи.

Итак, общий источник Воскресенской, Вологодско-Пермской и С2Л заканчивался на 1526 г. Московский свод 1526 г. создан на основе Московского свода 1493 г. и явился основным источником Воскресенской летописи на всем ее протяжении, одним из источников С2Л, им продолжен свод пермского епископа Филофея, созданный на основе Московского свода 1493 г., одной из редакций С1Л и вологодско-пермских источников.

Я согласна с мнением В. В. Лаптева, которое он высказал вслед за А. А. Шахматовым и А. Н. Насоновым, о том, что другим источником Воскресенской летописи была Тихоновская редакция Ростовского свода, явившаяся источником и Типографской летописи, и об использовании составителем Воскресенской летописи материалов государева архива.

Таким образом, я полагаю, что Воскресенская летопись была составлена по двум источникам летописного характера — Московскому своду 1526 г. и Тихоновской редакции Ростовского свода, в чистом виде нам неизвестным, и по материалам государева архива.

В главе «Редакционная работа и политическая идеология составителя первой редакции Воскресенской летописи» В. В. Лаптев пытался показать политическую заостренность первой редакции, имевшей целью обоснование неизбежности «прав малолетнего Ивана Васильевича на великое княжение» (стр. 229).

Задача поставлена правильно, но автор пошел к ее разрешению неверным путем. Исходя из предположения, что составитель первой редакции Воскресенской летописи непосредственно использовал предшествовавшие ей летописные своды (Московский свод 1479 г., список Царского С1Л и др.), В. В. Лаптев утверждает, что выбор того или иного известия из этих источников всегда диктовался политическими мотивами. Неправильное разрешение вопроса об источниках Воскресенской летописи повлекло за собой и ошибочность подхода к выяснению редакционной работы, проделанной составителем первой редакции. Если бы в главе об источниках В. В. Лаптев путем сравнения Воскресенской летописи с современными летописями выяснил состав ее летописных источников (Московского свода 1526 г. и Тихоновской редакции Ростовского свода, как я предпо-

⁷⁴ ПСРЛ, т. VI, стр. 265.

⁷⁵ ПСРЛ, т. VIII, стр. 272.

⁷⁶ ГИМ, Синодальное собр., № 485, л. 547 об.

лагаю), то в этой главе ему осталось бы определить, насколько полно они отразились в Воскресенской летописи, были ли в них сделаны изменения и дополнения и какие именно. Однако этот вопрос В. В. Лаптевым даже не поставлен. Выяснение состава и содержания непосредственных источников Воскресенской летописи и редакционной работы над ними составителя первоначальной редакции ее является делом очень сложным и совершенно неизученным в литературе, а потому требует больших дополнительных изысканий и в пределах этой статьи осуществлено не будет.

Важную роль для выяснения политической идеологии составителя первой редакции Воскресенской летописи играет анализ статей введения к тексту летописи. По непонятным причинам В. В. Лаптев оставил введение вне поля своего зрения.

В тексте введения большинства дошедших до нас списков Воскресенской летописи содержится 31 статья. Статья «О боярех, которые у великих князей в духовных писаны» сохранилась только в Публичном I списке. Статья «О семи соборах» имеется лишь в Мазуринском списке. На то, что все эти статьи имеют отношение к тексту летописи, указывают слова: «а подлинно писаны литовские великие князи и род их в начале от доскы»,⁷⁷ приведенные под 1265 г. Выяснить состав введения редакции августа 1533 г. может помочь сравнение статей введения Воскресенской летописи редакции 1541 г. и двух кратких летописцев (Синодальное собр., №№ 939, 940), составленных, как указано выше, по редакции августа 1533 г.

Воскресенская летопись (ПСРЛ, т. VII)

Синодальный № 939

Синодальный № 940

Начало православных государей и великих князей русских, корень их изыде от Августа, царя Римскаго, а се о них писание подлежит (стр. 231—238).

Удельные князи московские (стр. 238—239).

Начало и корень великих князей русских и въкратце (стр. 239).

От летописца въкратце князи рустии (л. 1—2).

От летописца въкратце князи рустии (л. 1—3).

От великого князя Всеволода Владимирскаго ростовстии князи (л. 2—2 об.).

От великого князя Всеволода Владимирскаго ростовстийскии князи (л. 3 об.—4).

От того же Всеволода Владимирскаго тверстии князи (л. 2 об.).

От того же Всеволода Володимировича тверстии князи (л. 4).

Смоленстии князи от великого князя Владимира Монамаха (стр. 239).

Смоленстии князи от великого князя Владимира Монамаха (л. 2 об.—3).

От великого князя Владимира Монамаха смоленстийскии князи (л. 4 об.—5).

От великого князя Ярослава Всеволодича суздальстии князи (л. 3—3 об.).

От великого князя Ярослава Всеволодича суздальстийскии князи (л. 5—6).

А се ярославстии князи (л. 3 об.).

А се ярославстийскии князи (л. 6).

⁷⁷ ПСРЛ, т. VII, стр. 166.

А се рустии митрополиты (стр. 239).	А се рустии митрополиты (л. 9).	А се рустии митрополиты (л. 23 об.—24).
А се новгородстии епископи (стр. 239).	А се новгородские епископи (л. 9 об.—10).	
Архиепископи новгородстии (стр. 239).	А се архиепископи (л. 10—11 об.).	
А се писаны из царств (стр. 239).	Короли (л. 12 об.).	Короли (л. 24 об.—25).
От летописца Рим старее Византии (стр. 239—240).	От летописца Рим старее Византия (л. 5).	От летописца Рим старее Византия (л. 23 об.).
А се имена градом всем русским дальним и ближним (стр. 240).	А се имена всем градом русским дальним и ближним (л. 5—5 об.).	А се имена всем градом русским дальним и ближним (л. 56—56 об.).
А се польские грады (стр. 240).	А се полскии (л. 5 об.).	А се польские (л. 56 об.— 57).
А се грады киевские (стр. 240).	А се киевские (л. 5 об.— 6 об.).	А се киевские (л. 57—59).
А се грады волынские (стр. 240).		
А се грады литовские (стр. 240—241).	А се литовские (л. 6 об.— 7 об.).	А се литовские города (л. 59 об.—61 об.).
А се грады рязанские (стр. 241).	А се рязанские (л. 7 об.).	А се рязанские (л. 61 об.— 62).
А се грады смоленские (стр. 241).	А се смоленские (л. 7 об.— 8).	А се смоленские (л. 62— 62 об.).
А се грады залесские (стр. 241).	А се залесские (л. 8—9).	А се залесские (л. 62 об.— 64 об.).
А се цари болшие орды (стр. 241).	Цари ординские (л. 4 об.).	Цари ординские (л. 6 об.).
Начало о великих князех рязанских (стр. 241—244).		
Начало муромским князем (стр. 244).		Начало муромским князем (л. 7—9).
А пронские князи от рязанских же князей (стр. 244—245).		А пронские князи пошли от рязанских князей (л. 9— 10 об.).
Начало великим князем тверским (стр. 245).		Начало великим князем тверским (л. 10 об.—13 об.).
От тверских дорогобужские и чрънатиинские (стр. 245).		От тверских дорогобужские (л. 13 об.—14 об.).
От тверских же хльмские князи (стр. 245—246).		От тверских же холмские князи (л. 14 об.—15 об.).
От тверских же микулинские князи (стр. 246).		От тверских же микулинские князи (л. 16—17 об.).
Сказание вкратце сущим от Адама и до днешнего вре-	Сказание вкратце сущим от Адама до днешняго	Сказание вкратце сущим от Адама и до сего вре-

мьяни, родословие (стр. 246—251.)

О турках, како придоша во греческую землю (стр. 251).

В лето Ираклия царя (стр. 252).

Знамена в царства пръвых царей (стр. 252—253).

Начало государей литовских (стр. 253—256).

Сказание вкратце о молдавских государех, отколе нася молдовская земля (стр. 256—259).

времени, родословие (лл. 22—28 об.).

Родословие литовского княжества (лл. 14—21 об.).

мени, родословие (лл. 42—49).

О турках, како придоша в греческую землю (лл. 50—51).

В лето Ираклия царя (лл. 51—52).

Знамение в царства первых царей (лл. 52—55 об.).

Родословие литовского княженья (лл. 25 об.—40 об.).

Из этой таблицы видно, что пять статей имеются только в сохранившейся третьей редакции Воскресенской летописи. Однако предположить, что введения обоих кратких летописцев в совокупности содержат все главы введения первоначальной редакции Воскресенской летописи, нельзя, ибо они потому и называются краткими, что сокращали текст своего источника. Одно является бесспорным: в первоначальной редакции введение имело в объеме хотя бы 26 статей.

Содержание некоторых статей введения пронизано стремлением возвысить московского великого князя. Статьи о смоленских, муромских, пронских, тверских, дорогобужских, чернятинских, холмских, микулинских, ростовских, суздальских, ярославских князьях — не просто справки о происхождении этих князей: всюду подчеркивается, что они были младшими братьями или сыновьями великих князей, дабы доказать правомерность войн за присоединение этих княжеств (Смоленск, Ярославль, Рязань и др.) и необходимость подчинения «молодшего» удельного князя «старейшему» брату московскому. Имелась в летописи и статья, в которой перечисляются имена татарских ханов. Появление ее станет понятным, если вспомнить, что вся первая половина XVI в. была занята борьбой с казанскими татарами. Статьи о митрополитах московских, епископах и архиепископах новгородских не являются оригинальными. Эти и подобные им статьи кочуют по многим летописям XVI в. Да это и понятно, ибо церковь в те времена была опорой великокняжеской власти.

Составителем введения сделана попытка связать литовскую историю с русской. В 1129 г. великий князь Мстислав Владимирович совершил поход на Полоцк. По взятии его полоцкий князь бежал в Царьград. Вилинчане же через некоторое время взяли себе в качестве князей сыновей полоцкого князя, Давида и Мовколда. Эта глава построена так, чтобы по прочтении ее читатель сделал вывод о правомерности стремления московских великих князей присоединить литовские земли.

Две статьи летописца посвящены Византии. Первая давала родословие византийских императоров, а вторая рассказывала о взятии Византии турками, причем Москва описывалась преемницей Византии. Эти статьи отражают теорию «Москва — третий Рим».

Статья «А се имена градом всем русским далним и ближним» содержит перечень городов, населенных русскими, украинцами, белоруссами, болгарам, молдаванами, и отчасти со смешанным населением из белорус-

сов и литовцев. Эта статья известна и по другим рукописям XV—XVI вв. и отражает, по мнению М. Н. Тихомирова, «представление автора Списка русских городов о единстве русских, украинцев, белоруссов, молдаван, болгар».⁷⁸

Статьи «О часах да о боярех, которые у великих князей в духовных писаны, да о семи соборех», мне думается, входили во введение редакции августа 1533 г. Как известно, Василий III был женат дважды. Первая его жена, Соломония Сабурова, не имела детей, поэтому брат Василия, Юрий, надеялся, что престол перейдет к нему. Однако в 1525 г. Василий III развелся с женой, а в январе следующего, 1526 г. женился вторично — на Елене Васильевне Глинской. У последней 25 августа 1530 г. родился сын Иван — соперник Юрия Ивановича. Василий скрывал от Юрия свою болезнь, так как понимал, что, увидя приближение смерти брата, Юрий начнет борьбу за власть; и Василий не ошибся в своих опасениях — 3 декабря он умер, а 11 декабря 1533 г. Юрий был уже арестован за то, что замыслил злое дело против нового великого князя.

Статья «О часах да боярех, которые у великих князей в духовных писаны» должна была подтвердить право Ивана на престол. Каждый московский великий князь передавал престол по духовной грамоте своему старшему сыну. В конце духовных грамот приводились имена бояр, присутствовавших при их составлении. Являясь сторонником московского великого князя, составитель введения решил поместить имена бояр, подписавшихся под духовными грамотами, чтобы доказать, что сама традиция отдает престол Ивану как старшему сыну.

Появление статьи «О семи соборех» в данной летописи следует, возможно, поставить в связь со священным собором 1531 г., осудившим Василиана Косого, который был обвинен в еретичестве. В связи с этим повысился интерес к вселенским соборам, также осуждавшим еретиков. Эта же статья, но несколько в ином виде, часто встречается в рукописных сборниках XV в. Она представляет собой историческую справку, составленную перед восьмым вселенским собором 1437 г.

Итак, анализ некоторых статей введения приводит к мысли, что составитель его не отличался беспристрастностью в описании действий великого князя, а выступал как его сторонник.

Давая общую оценку статье В. В. Лаптева «Воскресенская летопись», надо сказать, что, несмотря на некоторые несомненные достоинства ее (описание семи списков и установление их взаимосвязи, постановка вопроса о социальном лице и политической идеологии составителей первой и третьей редакций летописи, определение некоторых источников внелетописного характера), она не исходит из основной методологической установки советских исследований летописания — необходимости изучения летописей в связи со всей историей летописания, в силу чего розыски непосредственных источников Воскресенской летописи и определение редакционной работы составителя первой редакции предприняты в ней в неправильном направлении.

⁷⁸ М. Н. Тихомиров. Список русских городов дальних и ближних. Исторические записки, № 40. М.—Л., 1952, стр. 218.

П. Н. ПОПОВ

Дополнения к библиографии работ о «Слове о полку Игореве» за 1938—1954 гг.

Полный учет литературы о «Слове о полку Игореве» составляет важную, но до сих пор еще не решенную задачу. В 1940 г. в порядке подведения итогов юбилея 750-летия «Слова о полку Игореве», в СССР изданы были почти одновременно два библиографических указателя литературы о «Слове», начиная со времени его открытия и кончая юбилейными днями. Один из этих указателей составлен был в Ленинграде, в Институте русской литературы Академии наук СССР, членом-корреспондентом АН СССР и АН УССР В. П. Адриановой-Перетц,¹ другой — в Москве группой сотрудников Научно-Библиографического отдела Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина О. В. Даниловой, Е. Д. Поплавской и И. С. Романченко под редакцией профессора С. К. Шамбинаго.² Эти указатели, взаимно дополняя и корректируя один другой, все же не дали исчерпывающей библиографии «Слова о полку Игореве». Особенно значительны пропуски в юбилейной литературе о «Слове» за 1937 и 1938 годы.

В 1955 г., после нового юбилея «Слова о полку Игореве» по поводу 150-летия его опубликования (1800—1950 гг.), издан был Институтом русской литературы АН СССР третий библиографический указатель Л. А. Дмитриева, являющийся продолжением предшествующих. Этот указатель регистрирует литературу о «Слове» за годы 1938—1954.³

О достоинствах и недостатках указателя Л. А. Дмитриева мы говорим в другом месте⁴ и повторяться здесь не будем. Помещаем здесь лишь наши дополнения за указанный период как к указателю Л. А. Дмитриева, так и к предшествующим указателям. Ниже приводим в алфавитном порядке незарегистрированные 97 работ о «Слове», изданные в СССР за 17 лет с 1938 по 1954 г. включительно, т. е. за период, охваченный указателем Л. А. Дмитриева. Так как последний указатель, к сожалению, не регистрирует зарубежной литературы о «Слове», то и наши дополнения ее пока не касаются.

При отборе дополнений мы, естественно, руководились теми же принципами, которые положены в основу указателя 1955 г., являющегося непосредственным объектом нашего изучения. Мы регистрируем пропуски не только исследовательских трудов (таких оказалось совсем немного), но и в большинстве тех научно-популярных или популярных статей и очерков.

¹ «Слово о полку Игореве». Библиография изданий, переводов и исследований. Изд. АН СССР, М.—Л., 1940, 110 стр.

² «Слово о полку Игореве». Библиографический указатель. М., 1940, 140 стр.

³ «Слово о полку Игореве». Библиография изданий, переводов и исследований. 1938—1954. Изд. АН СССР, М., 1955, 91 стр.

⁴ ИЮЛЯ, т. XV, вып. 3, М., 1956.

которые отразили интерес советской общественности к «Слову о полку Игореве».

В наших дополнениях мы избегали регистрировать совсем мелкие вещи, например, заметки информационного характера. Не вошли в наш указатель и чисто художественные произведения, широко отражающие темы «Слова» вне его текста. Однако учитываются посвященные этим отражениям научные работы. Опущены школьные учебники, но регистрируются пособия по методике преподавания «Слова» в школе, а также учебные пособия для вузов.

Наши дополнения, разумеется, отнюдь не являются исчерпывающими. Эту работу надо продолжать, обратив особое внимание на республиканскую и областную прессу, а также на учет более или менее значительных высказываний о «Слове», содержащихся в работах, не посвященных специально «Слову».

Надо надеяться, что коллективными усилиями, путем дополнений существующих указателей, будут созданы благоприятные условия для составления в ближайшее время единого, сводного, полного указателя работ о «Слове», как старых, так и новых, как изданных в СССР, так и появившихся за рубежом нашей страны. В таком указателе давно уже *ощущается большая потребность*.

1. А х р ы м е н к а П. Заганнае выданне «Слова аб палку Ігаравым». — Газ. «Гомельская праўда», Гомель, 1953, 19 апреля, № 79, стр. 2.

Рецензия (отрицательная) на массовое издание «Слова» на белорусском языке, опубликованное в 1952 г. Державным издательством БССР (Минск).

2. Б а з а н о в В. Вольное общество любителей российской словесности. Гос. издательство Карело-Финской ССР, Петрозаводск, 1949.

Стр. 143, 245, 254 и др. — о «Слове о полку Игореве» в восприятии декабристов.

3. Б а з а н о в В. Очерки декабристской литературы. Публицистика. Проза. Критика. М., Гос. издательство художественной литературы, 1953.

Стр. 229, 255—266 и др. — об отношении декабристов Н. И. Кутузова, А. А. Бестужева, К. Ф. Рыльева к «Слову о полку Игореве».

4. Б а з и л і в с ь к и й М. Великий памятник. — Литературная газета. Киев, 1938, 24 мая, № 24, стр. 3.

Юбилейная статья к 750-летию «Слова».

5. Б е л з а Ігор. «Слово о полку Ігоревім». Слова Тараса Шевченка («З передсвіта до вечора»). Музыка Ігоря Белзи для співу з фортепіано. «Мистецтво», Харків, 1938, 12 стр.

Ноты на текст «Бой на Каяле» в переводе Т. Шевченко для мужского голоса в сопровождении фортепиано, с русским стихотворным переводом самого композитора. Написано в 1938 г., к 750-летию «Слова», издано к 125-летию со дня рождения Т. Г. Шевченко (1814—1939).

6. Б і л е ц ь к и й О. І. Героїчна поема Київської Русі. — Газ. «Комуніст», Киев, 1938, 26 мая, № 118, стр. 3.

Юбилейная статья к 750-летию «Слова».

7. Б і л е ц ь к и й О. І. Хрестоматія давньої української літератури (доба феодалізму). Упорядкував дійсний член АН УРСР О. І. Білецький. Издание второе, исправленное и дополненное, Учпедгиз УРСР «Радянська школа», К., 1952.

Стр. 70—81 — вводные замечания и полный текст «Слова» с комментариями в подтексте. В указателе Л. А. Дмитриева отмечено только первое издание 1949 г. (№ 18).

- 8. «Боян — русский певец-дружинник 2-й пол. 11 і нач. 12 вв.». — Большая советская энциклопедия, 2-е изд., т. 6. М., 1951, стр. 11.
9. Бугайко Т. Ф., Бугайко Ф. Ф. Методика викладання української літератури в VIII-х класах середньої школи. Учпедгиз УРСР «Радянська школа», К., 1952.

Стр. 158—165, 218, 243, 252 и др. — о методике преподавания «Слова» в средней школе.

10. Бугославский С. Гениальное творение русского народа. — Газ. «Советская Украина», К., 1938, 26 мая, № 118, стр. 3.

Юбилейная статья к 750-летию «Слова».

11. Вейсман Е. Русь и степь. — Газ. «Советское искусство», М., 1938, 12 ноября, № 150, стр. 2.

Об отражении «Слова» в советском изобразительном искусстве по поводу открытия юбилейной выставки в Литературном музее. Критические замечания о произведениях художников В. Фаворского и А. Герасимова.

12. Вітчизна. Збірник висловлювань діячів російської та української культури про Вітчизну. ГИХЛ УССР, К., 1953.

Сборник открывается отрывками из «Слова» в украинском стихотворном переводе М. Рыльского (стр. 7—13).

13. Глотов И., инженер-полковник. Большой труд исследователя. — Газ. «Красная звезда», М., 1952, 18 ноября, № 272, стр. 3.

Рецензия на кн.: В. Ф. Федоров. Военные вопросы «Слова о полку Игореве». Издание Академии артиллерийских наук, М., 1951. Об основных видах оружия русских и половцев XII столетия, об авторе «Слова» как военном человеке и участнике похода Игоря, о маршруте похода и т. п.

- 14. Греков Б. Д., акад. Культура Киевской Руси. Изд. АН СССР, М.—Л., 1944.

О «Слове» на стр. 46—47, 73, 75. Книга переиздана (с дополнениями) в переводах на испанский, французский и английский языки Государственным издательством литературы на иностранных языках (М., 1947).

- 15. Григулис А. «Слово о полку Игореве» (на латышском языке). Латгосиздат, Рига, 1950.

Указатель, составленный Л. А. Дмитриевым, отметил под № 71 стихотворный перевод «Слова» на латышский язык А. Григулиса, но опустил вступительную статью, посвященную «Слову» (стр. 7—26).

16. Григулис А. Статья о «Слове о полку Игореве» и часть его же стихотворного перевода с комментариями на латышском языке. — Газ. «Literatura un Maksla» («Литература и искусство»), Рига, 1950, 10 декабря, № 50, стр. 3.
17. Гудзий Н., проф. Великий памятник русского эпосу. — Газ. «Комуніст», К., 1938, 14 мая, № 108, стр. 3.
18. Гудзий Н. К. Пушкин и «Слово о полку Игореве». — Газ. «Труд», М., 1938, 26 мая, № 118, стр. 4.
19. Гудзий Н., проф. Гениальный памятник російського героїчного епосу. — Газ. «Більшовик», К., 1938, 26 мая, № 119, стр. 3.
20. Гудзий Н. Безсмертний твір русского народу. — Газ. «Вісті Центр. Викон. Комітету УРСР», К., 1938, 28 мая, № 118, стр. 3.

№№ 17—20 — юбилейные статьи к 750-летию «Слова».

- 21. Гудзий Н. Древняя русская литература. — Большая советская энциклопедия, 1-е изд., т. 49. М., 1941.
О «Слове» на стр. 610—611.
- 22. Гудзий Н. «Слово о полку Игореве». — Большая советская энциклопедия, 1-е изд., т. 51. М., 1945, стр. 406—411.
Статья общего характера.
23. Дмитерко Л. У стародавньому Путивлі. — Газ. «Комуніст», К., 1938, 15 мая, № 109, стр. 4.
О советском Путивле в дни празднования 750-летия «Слова», о животворных традициях «Слова» в украинской литературе, о близости «Слова» к народной поэзии.
24. Добин И. Цветок народной поэзии. — Газ. «Сталинское племя», К., 1938, 24 мая, № 44, стр. 3.
О родстве «Слова с народными песнями (несколько примеров), о глубокой народности «Слова».
25. Добрынин М. К., проф. Гениальное творение. — Газ. «Пионерская правда», М., 1938, 24 мая, № 70, стр. 3.
Юбилейная популярная статья.
26. Еремин И. П., проф. «Слово о полку Игореве» в русской, украинской и белорусской поэзии. — Газ. «Сталинское племя», К., 1938, 26 мая, № 45, стр. 3.
Конспективное изложение темы.
- 27. Ефимов А. И. История русского литературного языка. Курс лекций. Изд. Московского университета, М., 1954.
Стр. 67—73, 83—88 — о языке «Слова».
- 28. Забіла Н. «Слово про Ігорів похід». — Літературний журнал, К. — Харьков, 1938, № 8, стр. 14—18; 1939, № 8, стр. 26—35.
Полный текст украинского стихотворного пересказа «Слова».
- 29. Ивановский Н. Великие чувства народа. — Общественница, М., 1938, № 7, стр. 37—39.
Причина бессмертия «Слова» в его народности и патриотизме. Основные художественные образы «Слова». В статью включен «Плач Ярославны» в стихотворном переводе С. Городецкого.
30. «Игорь Святославич». — Большая советская энциклопедия, 2-е изд., т. 17. М., 1952, стр. 312.
- 31. «Игорь жангномаси». — «Узбекистан хотин-кизлари», 1950, декабрь, № 3, стр. 8—9.
Кроме вступительной статьи, здесь издан стихотворный перевод отрывка из «Слова» на узбекском языке.
- 32. Ильин Г. За ширмой «научной объективности». — Славяне, М., 1948, № 6, стр. 36—37.
Критика работ А. Мазона о подложности «Слова».
33. История СССР, т. I. С древнейших времен до конца XVIII века. Под ред. акад. Б. Д. Грекова, чл.-корр. АН СССР С. В. Бахрушина, проф. В. И. Лебедева. Издание второе, М., ОГИЗ, 1948.
О «Слове» на стр. 128—129.

34. Історія Української РСР, т. I. Изд. АН УССР, Київ, 1953 (Інститут історії Академії наук УССР).
О «Слове» на стр. 89, 95, 111—112.
35. Історія Беларускай ССР, т. I. Изд. АН БССР, Мінск, 1954.
О «Слове» на стр. 37, 64.
36. Історія української літератури. Том перший. Дожовтнева література. Изд. АН УССР, К., 1954 (Інститут літератури ім. Т. Шевченка АН УССР).
«Слову» посвящені стр. 42—48. Автор розділа о «Слове» — Н. К. Гудзий.
37. Калецкий П. «Слово о полку Игореве». — Журн. «Резец», Л., 1938, № 9, стр. 18—20.
Кроме общих сведений о «Слове», довольно обстоятельное изложение о близости «Слова» к народной поэзии, обогащенной высоким мастерством индивидуального поэта XII столетия.
38. Келдыш Ю. История русской музыки. Госмузиздат, М.—Л., 1948.
Стр. 44—46, 61—62 — о «Слове» как памятнике русского героического эпоса, о певце Бояне, о «Слове» как песни.
39. «Кончак». — Большая советская энциклопедия, 2-е изд., т. 22. М., 1953, стр. 506.
40. Корст Н. О. и Смирнов С. А. Методические указания к преподаванию литературы в VIII классе. Учпедгиз РСФСР, М., 1954.
Стр. 14—28 — о преподавании «Слова» в средней школе. Раздел о «Слове» написан С. А. Смирновым.
41. Косарик Дм. Пушкин, Шевченко и «Слово о полку Игореве» — Газ. «Сталинское племя», К., 1938, 24 мая, № 44, стр. 3.
О борьбе Пушкина со скептическим отношением к «Слову» (Каченовского и др.). О сходном подходе к «Слову» Пушкина и Шевченко. О совместном праздновании юбилея «Слова» народами СССР как одним из ярких проявлений дружбы народов СССР.
42. Косарик Дм. Київ у «Слове о полку Игореве». — Газ. «Пролетарська правда», К., 1938, 28 мая, № 120, стр. 4.
Упоминання в «Слове» о Києве, Дніпрі, Київських горах, Богородиці Пирогощій, Боричевом ввозі. Висновок о том, что автор «Слова» был киевлянин.
43. Красноставский М. М., проф. Бессмертный эпос великого народа. — Газ. «Сталинское племя», К., 1938, 24 мая, № 44, стр. 3.
44. Ливанова Т., Пекелис М., Попова Т. История русской музыки, под ред. проф. М. С. Пекелиса, т. I, Госмузиздат, М.—Л., 1940, Глава II. Музыкальная культура Киевской и Новгородской Руси.
На стр. 66—69 — о «Слове» как замечательном образце поэтического творчества, тесно связанного с музыкой; о высоком уровне музыкальной культуры в древней Руси; о певцах-гусярах; о связях «Слова» с древнейшей народной поэзией; о певце-профессионале Бояне.
45. Лисенко М. Ясне сонце в небі сяє. Уривок з «Слова о полку Ігоревім». Мішаний хор в супроводі ф-но. Переклад М. Максимовича. — В кн.: М. Лисенко. Зібрання творів в 20 томах, т. X.

Вокальні твори на тексти різних авторів. Хори та вокальні ансамблі. «Мистецтво», К., 1951, стр. 42—45.

Музыка (ноты) на текст «Слова» о возвращении князя Игоря из плена в украинском стихотворном переводе М. А. Максимовича.

46. Лисенко М. Плач Ярославны (із «Слова о полку Ігоревім»). Сопрано. Переклад М. Максимовича. — В кн.: М. Лисенко. Зібрання творів в 20 томах, т. XI. Вокальні твори на тексти різних авторів. Солоспів в супроводі фортепіано. «Мистецтво», К., 1952, стр. 70—79.

Текст и ноты.

47. Лихачев Д. С. Народное поэтическое творчество времени расцвета древнерусского раннефеодального государства (X—XI вв.). — В кн.: Русское народное поэтическое творчество, т. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1953.

Стр. 201—202 — об отражении в «Слове» народных преданий о Все-славе Полоцком; стр. 206—207 — о значении «Слова» для реконструкции ритмического строя древнерусского эпоса; стр. 215 — о Бояне как профессиональном эпическом певце. Кроме того, к упоминанию Л. А. Дмитриева (№ 333), касающемуся следующей главы этой книги, надо добавить: стр. 221—224 — об отражении «Словом» дружинной поэзии также и более раннего периода феодальной эпохи.

48. Лушчик Л. Г. Литературное наследие древней Руси и советская историческая проза. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. К., 1953 (Гос. университет им. Т. Г. Шевченко).

Стр. 9, 11 — об отражении «Слова» в русской исторической прозе дореволюционного и советского времени, в частности в повести И. Новикова об авторе «Слова»: «Сын тысяцкого» (1938), в повести Г. Троицкого «Иду на вы» (1939) и др.

49. Маслов С., проф. Героїчна поема про похід Ігоря Сіверського. — Газ. «Пролетарська правда», К., 1938, 26 мая, № 118, стр. 3.

Общая характеристика «Слова».

50. Маслов С., проф. Поема про Ігоря в російській літературі. — Літературна газета, К., 1938, 24 мая, № 24, стр. 3.

Об отражении «Слова» в художественной литературе.

51. Махновець Л. Є. «Слово о полку Ігоревім» в українській поезії. — Література в школі, Учпедгиз УССР «Радянська школа», К., 1952, стр. 27—34.

Обзор отражений «Слова» в украинской поэзии, дореволюционной и отчасти советской.

52. Медведенко Г. Ф. Заклик до єднання. — Газ. «Комсомолец України», К., 1938, 24 мая, № 117, стр. 3.

Призыв к единению древней Руси — центральная идея «Слова».

53. Москаленко А. А. Хрестоматія з історії української літературної мови. Учпедгиз УССР «Радянська школа», К., 1954.

Стр. 11—12 — «Плач Ярославны» (древнерусский текст).

54. Назаревский А. А. Автор «Слова о полку Ігоревім» и его политическое мировоззрение. — В кн.: VIII наукова сесія. Тези доповідей.

Секція філології. Изд. Киевского гос. университета им. Т. Г. Шевченко, К., 1951, стр. 15—17.

Сокращенное изложение доклада, опубликованного в «Филологическом сборнике КГУ» (№ 3, К., 1951).

55. Невмируца пісня патріотизму. — Газета «Комуніст», К., 1938, 26 мая, № 118, стр. 1.

Передовая статья юбилейного номера, посвященного 750-летию «Слова».

56. Новиков Иван. Бессмертная поэма. — Журн. «Смена», М., 1938, № 5, стр. 20—21.

Вступительная статья и два отрывка из «Слова» — «Бой с половцами» и «Плач Ярославны» — в стихотворном переводе И. Новикова.

57. Новиков Иван. Патриотична поема. — Газ. «Більшовик», К., 1938, 23 мая, № 117, стр. 3.

58. Новиков Иван. «Слово о полку Игореве». — Газ. «Комсомольская правда», М., 1938, 26 мая, № 118, стр. 3.

Общая характеристика идейного содержания и художественных особенностей «Слова»; значение его в советскую эпоху.

59. Новиков И. «Слово о полку Игореве». — Журн. «Огонек», М., 1938, № 12, стр. 12—15.

Вступительная заметка о «Слове» и стихотворный его перевод И. Новикова с прозаическим изложением содержания тех мест «Слова», которые опущены в данном тексте.

60. Новиченко Л. Идеологія безбатченків на службі імперіалістичної реакції. — Журн. «Вітчизна», орган Союзу советских писателей Украины, К., 1948, № 7, стр. 175—188.

Критика книги Кларенса Меннинга «Украинская литература. Изучение основных писателей» (Нью-Йорк, 1944). На стр. 179 и 180 — разоблачение антинаучной концепции Меннинга о «Слове» как произведении западноевропейского (кельтского) происхождения. Критика замалчивания Меннингом высокого уровня культуры и литературы древней Руси.

61. Обнорский С. П., акад. Культура русского языка. Изд. АН СССР, М.—Л., 1948.

Стр. 10—13 — о языке «Слова».

62. Обнорский С. П. и С. Г. Бархударов. Хрестоматия по истории русского языка, часть первая, изд. 2, Учпедгиз РСФСР, М.—Л., 1952.

Стр. 209—222 — древний текст «Слова» и примечания к нему.

63. Онікевич В. «Слово о полку Ігоревім» як істричний документ одного з етапів боротьби росіян з половцями. — Наукові записки Київського державного педагогічного інституту ім. О. М. Горького, т. III, К., 1939, стр. 147—156.

Статья общего характера.

64. Орлов А., акад. Дорогоцінний пам'ятник. — Газ. «Більшовик», К., 1938, 25 мая, № 118, стр. 1.

Юбилейная статья к 750-летию «Слова».

65. Отзыв Маркса о «Слове». — Газ. «Правда», М., 1938, 9 мая, № 126, стр. 4.

О высокой оценке К. Марксом «Слова» как поэмы о национальном самосознании и общественно-политическом единении Руси в трудных условиях ее исторического существования.

66. Почи́нский И. Сокровищница древнерусской поэзии. — «Литературный Казахстан», Алма-Ата, 1938, № 6, стр. 7—12.

Статья общего характера по поводу 750-летия «Слова».

67. Покровский В. С. История русской политической мысли, вып. I. Гос. издательство юридической литературы, М., 1951.

«Слову» посвящен особый раздел (стр. 31—34).

68. Попов П. М. «Слово о полку Игоревім» і Шевченко. — Газ. «Вісті ЦВК УРСР», К., 1938, 14 мая, № 108, стр. 3.

Юбилейная статья к 750-летию «Слова» об интересе Т. Шевченко к «Слову».

69. Попов П. М. «Слово о полку Игоревім» в образотворчому мистецтві. — Літературна газета, К., 1938, 24 мая, № 24, стр. 2.

Первая отдельная работа на эту тему в литературе о «Слове». Впоследствии была расширена в статью, напечатанную в юбилейном сборнике исследований и статей, изданных АН СССР в 1950 г. под ред. В. П. Адриановой-Перетц (стр. 458—478).

70. Попов П. М., проф. Маркс і Енгельс про «Слово о полку Игоревім». — Газ. «Комуніст», К., 1938, 26 мая, № 118, стр. 3.

Конспективное изложение статьи того же автора «Маркс і Енгельс про „Слово о полку Игоревім“» в кн.: Радянське літературознавство Наукові записки, № 2—3. К., 1938 (Институт литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР), стр. 7—28.

71. Попов П. М. М. А. Максимович. — Журн. «Вісник АН УРСР», К., 1954, № 10.

Стр. 63 — о работе Максимовича над «Словом».

72. Попов П. М., член-корр. АН УРСР. Програма з історії давньої української літератури (доби феодалізму—до кінця XVIII ст.). Для філологічних факультетів університетів і факультетів мови та літератури педагогічних вузів. Пятое послевоенное издание. Учпедгиз УРСР «Радянська школа», К., 1953, 48 стр.

Стр. 14—15 — «Слово о полку Игореве»; стр. 42—43 — библиография «Слова». То же, с изменениями и дополнениями, в изданиях 1939, 1940, 1945, 1948, 1949, 1950 и 1953 гг.

73. Проспект першого тома курсу історії української літератури (проект). — Радянське літературознавство. Наукові записки, № 2—3, К., 1938 (Институт литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР).

О «Слове» на стр. 186—187. В отдельном издании (К., 1938) — стр. 16—17. Работа коллективная. Автор раздела о «Слове» — П. Н. Попов.

74. Птуха М. В. действ. чл. и предс. Отдел. обществ. наук АН УССР. Відділ суспільних наук на грудневій сесії АН УРСР. — Журн. «Вісті Академії наук УРСР», Изд. АН УССР, К., 1946, № 1 (119).

Стр. 20—24 — о докладах, посвященных культуре Киевской Руси и «Слову» на декабрьской сессии АН СССР.

75. Пушкин А. С. («Песнь о полку Игореве» найдена была...»). — В кн.: А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений (в 16 томах),

т. XII. Изд. АН СССР, 1949, стр. 147—148; разночтения стр. 388, примечания стр. 449.

Впервые здесь правильно прочитано то место в заметке Пушкина о «Слове» (1836 г.), где поэт в доказательство подлинности памятника отмечает, что русские писатели XVIII столетия «не имели все столько поэзии, сколь находится оной в Плаче (раньше печаталось «в плане», — П. П.) Яр[ославны], в описании битвы и бегства». В предисловии к XII т. редакция заметки Пушкина о «Слове» ошибочно приписана Б. М. Эйхенбауму, но фактически принадлежит Н. К. Гудзю.

76. Пушкин и «Слово» — Газ. «Правда», М., 1938, 9 мая, № 126, стр. 4.

Основные сведения о работе Пушкина над «Словом».

77. Рабинович М. Г. Музыкальные инструменты в войске древней Руси и народные музыкальные инструменты. — Советская этнография, М., 1946, № 4, стр. 142—160.

Стр. 143 — «Слово о полку Игореве» как свидетельство об употреблении духовых музыкальных инструментов — «труб» — в войсках и походах древней Руси.

78. Рильский Максим. Українські переклади «Слова». — Газ. «Більшовик», К., 1938, 25 мая, № 118, стр. 4.

Статья о разных художественных способах переводов или перепевов «Слова» в украинской дооктябрьской и советской литературе, в частности о поэтическом переводе самого автора белым стихом с элементами рифмы

79. Рильский Максим. До ювілею «Слова о полку Ігоревім». — В кн.: Максим Рильский. Дружба народів. Статті. ГИХЛ УССР, К., 1951.

Стр. 173—177 — юбилейная статья к 150-летию опубликования «Слова».

80. Рильский Максим. «Слово о полку Игореве». — В кн.: Максим Рильский. Великая дружба. Сборник статей. Гос. издательство художественной литературы, М., 1954.

На стр. 23—27 — последнее переиздание юбилейной статьи к 150-летию опубликования «Слова» (1950 г.) в переводе на русский язык с некоторыми вариациями, в том числе и в заглавии статьи.

81. Родина. Сборник высказываний русских писателей о родине. Второе издание, дополненное. Гос. издательство художественной литературы, М., 1943.

Стр. 7—11 — отрывок из «Слова о полку Игореве» (поход Игоря и битва с половцами) в стихотворном переводе С. Шервинского.

82. Ромм Александр. Древнее слово и юное время. — Литературная газета, М., 1938, 11 ноября, № 62, стр. 3.

О юбилейной выставке, открытой по поводу 750-летия «Слова» в Москве. О причинах ее большой популярности. Характеристика «Слова» как произведения глубоко народного по содержанию и форме.

83. Русские писатели о литературном труде (XVIII—XX вв.), т. I. Изд. «Советский писатель», Л., 1954.

Высказывания о «Слове» поэта-декабриста А. А. Бестужева (стр. 193, 203, 221—222), А. С. Пушкина (стр. 309), В. Г. Белинского (стр. 586).

84. Русские писатели о языке (XVIII—XX вв.). Изд. «Советский писатель», Л., 1954.

Высказывания о «Слове»: Н. М. Карамзина (стр. 60—61), А. С. Пушкина (стр. 131—132), А. А. Бестужева (стр. 139—140), А. И. Гердена (стр. 268), Н. А. Добролюбова (стр. 455).

85. Скосырев Петр. «Слово о полку Игореве» и его переводы. — Литературная газета, М., 1938, 10 мая, № 26, стр. 5.

О стихотворных переводах «Слова» на русский язык. О незавершенном состоянии этого дела вследствие особых трудностей. Об отсутствии специальных исследовательских работ о «Слове» как художественном памятнике.

86. Скосырев Петр. Гордость русского народа. — Газ. «Пионерская правда», М., 1938, 24 мая, № 70, стр. 3.

Юбилейная статья.

87. Славетний памятник культуры минулых поколений. — Литературная газета, К., 1938, 24 мая, № 24, стр. 3.

Редакционная статья к 750-летию «Слова о полку Игореве».

- 88. Сокольников М. [П.] Иван Голиков и его работа над «Словом о полку Игореве». — Журн. «Искусство», М.—Л., 1938, июль—август, № 4, стр. 31—47.

Об иллюстрировании «Слова» художником-палешанином Иваном Голиковым (с 8 большими иллюстрациями в тексте).

- 89. Тихомиров М. Н. Київська Русь. — Наукові записки Інституту історії УРСР, т. 3. К., 1950.

Стр. 23—29 — о «Слове» как народном памятнике Киевской Руси. Датировка «Слова» — до 1 октября 1187 г. (дата смерти Ярослава Осмомысла). О международных связях Руси, отразившихся в «Слове». Упоминание о Траяне — отражение болгарских событий эпохи создания «Слова»

90. Толстой Алексей. О самом главном (1938). — Литературная газета, М., 1938, 30 мая, № 30, стр. 3.

Характеристика «Слова» как призыва к единению перед лицом опасности. «Слово» проникнуто истинной «человечностью, высокими думами, возвышенными страстями и роскошью героических образов».

91. Толстой Алексей. Стыд хуже смерти (1941), Родина (1941). — Полное собрание сочинений А. Н. Толстого, т. 14. Гос. издательство художественной литературы, М., 1950.

Статьи о патриотизме советского народа и Советской Армии в дни Великой Отечественной войны: размышления о характере и судьбах русского народа с использованием образов «Слова о полку Игореве» (стр. 111, 160).

- 92. Чичеров В. И. Героическая поэзия древней Руси. Вступительная статья к сборнику того же названия, изданному ОГИЗ—ГИХЛ, Л., 1944.

О «Слове» на стр. 8—12, 17—18.

93. Шамбинаго С., проф. Исторична рамка «Слова о полку Игореве». — Газ. «Пролетарська правда», К., 1938, 22 мая, № 115, стр. 3.

Исторический комментарий к «Слову о полку Игореве».

94. Шатров Б. Где находится река Каяла. Новое исследование, посвященное «Слову о полку Игореве». — Газ. «Комсомольская правда», М., 1952, 19 мая, № 94, стр. 3.

Рецензия на книгу проф. В. Г. Федорова, «Военные вопросы „Слова о полку Игореве“» (М., 1951). Автор, в частности, излагает мнение В. Г. Федорова о том, что Каяла — это р. Кривель близ слияния Орели и Орельки у г. Лозовая Харьковской области УССР.

95. Шевченко Тарас. Повне зібрання творів в десяти томах, том другий. Поезії (1847—1861). Изд. АН УССР, К., 1939.

На стр. 317—320 помещены основные тексты перевода Т. Г. Шевченко «Слова о полку Игореве»; на стр. 472—474 — черновые варианты перевода; на стр. 525—526 — текстологические примечания к автографам Шевченко, относящимся к стихотворному переводу Т. Г. Шевченко «Слова о полку Игореве».

96. Шмельков В. Героїчний твір. — Газ. «Комсомолец України», К., 1938, 24 мая, № 117, стр. 3.

Общая характеристика «Слова».

97. Штокмар М. П. Исследования в области русского народного стихосложения. Изд. АН СССР, М., 1952.

Стр. 294 и сл. — о «Слове» как доказательстве высокой поэтической культуры древней Руси; стр. 298—299 — об искажениях «Слова» переписчиками; стр. 306—343 — многочисленные образцы языка «Слова» и сравнение их с языком фольклора.

ХРОНИКА

**Научные заседания Сектора древнерусской литературы
Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии
Наук СССР с сентября по декабрь 1956 г.**

12 сентября. Сообщение чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц о недопустимой вульгаризации и искажениях исторической правды в сценарии фильма об Афанасии Никитине (журнал «Искусство кино», 1956, № 7).

Сообщение чл.-корр. АН СССР Д. С. Лихачева о книге Ю. Бешаровой «Imagery of the Igor' tale in the light of byzantinoslavic poetic theory» (Leiden, 1956) с критическим ее разбором.

Обсуждение книги «Библиография советских работ по древнерусской литературе за 1945—1955 гг.» (М.—Л., 1956). В присутствии составителей.

Утверждение к печати правил оформления рукописей для ТОДРЛ и других изданий по древнерусской литературе.

19 сентября. Доклад чл.-корр. АН СССР Д. С. Лихачева «Движение русской литературы XI—XVII вв. к реализму».

26 сентября. Обсуждение проспекта монографии канд. филол. наук В. Д. Кузьминой (Москва) «Девгениево деяние». С участием автора.

19 октября. Доклад канд. филол. наук В. И. Малышева о результатах археографической экспедиции 1956 г. в Усть-Цилемский район Коми АССР.

2 ноября. Обсуждение статьи чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц и канд. истор. наук Я. С. Лурье «Афанасий Никитин — путешественник-писатель (для нового издания «Хожения» Афанасия Никитина)». С участием авторов.

23 ноября. Сообщение доктора истор. наук В. В. Мавродина «Одно замечание по поводу „мыси“ или „мысли“ в „Слове о полку Игореве“». Печатается в XIV томе ТОДРЛ.

Сообщение канд. истор. наук Д. Н. Альшица «Полемический отклик XVI в. на „Слово о полку Игореве“». Печатается (в переработанном виде) в XIV томе ТОДРЛ.

Его же сообщение «Что означает „Пирогощая“ русских летописей и „Слова о полку Игореве“?».

28 декабря. Обсуждение проспекта книги канд. филол. наук В. И. Малышева «Рукописная книжная традиция нижней и средней Печоры (XV—XIX вв.)». С участием автора.

Научные заседания группы по изучению древнерусской литературы Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР с декабря 1955 г. по декабрь 1956 г.

1955

20 декабря. Доклад акад. АН УССР Н. Д. Гудзия «Слово о гибели Рускыя земли». Напечатан в XII т. ТОДРЛ (М.—Л., 1956, стр. 527—545).

1956

3 января. Доклад доктора истор. наук Н. Н. Воронина «Литературные источники в творчестве древнерусских зодчих». Напечатан в настоящем томе.

Его же сообщение «К оценке строительной деятельности Ермолиных». Печатается в XIV томе ТОДРЛ.

7 февраля. Доклад канд. филол. наук И. М. Кудрявцева «Список „Артаксерксова действия“ из Вологодского собрания».

21 февраля. Доклад канд. искусствоведч. наук О. И. Подобедовой «Повесть о Петре и Февронии по неизданной лицевой рукописи». Напечатан в настоящем томе.

Сообщение канд. филол. наук Э. В. Померанцевой о записанной ею от воронежской сказительницы А. Н. Корольковой в 1955 г. сказке «Верная жена князя Петра» (сюжет «Петра и Февронии»).

13 марта. Доклад канд. филол. наук О. А. Державиной «О художественном методе и художественном стиле исторических повестей начала XVII в. («Временник» Тимофеева и «Повесть» Катыврева-Ростовского)».

3 апреля. Доклад канд. филол. наук А. В. Позднеева «Епифаний Славинецкий — поэт».

24 апреля. Сообщение канд. филол. наук В. Д. Кузьминой «Обзор работ по древнерусской литературе в „Revue des études slaves“». Напечатано в настоящем томе.

Сообщение доктора филол. наук П. Г. Богатырева «Монографии по древнерусской литературе в Чехословакии».

15 мая. Доклад доктора истор. наук Н. Н. Воронина «„Анонимное“ сказание о Борисе и Глебе, его датировка и автор». Напечатан (в расширенном виде) в настоящем томе.

23 октября. Доклад канд. филол. наук В. Д. Кузьминой «Вопрос об источнике повести о царице Персике». Печатается в XIV т. ТОДРЛ.

Обсуждение сценария фильма «Афанасий Никитин» (журнал «Искусство кино», 1956, № 7).

27 ноября. Доклад акад. АН УССР Н. К. Гудзия «О русском литературоведческом наследстве».

Сообщение канд. филол. наук В. Д. Кузьминой «Обзор статей по древнерусской культуре в журнале „Oxford Slavonic papers“».

11 декабря. Доклад канд. филол. наук А. Н. Робинсона «Епифаний и протопоп Аввакум».

М. О. Скрипиль

НЕКРОЛОГ

16 января 1957 года скоропостижно скончался крупнейший советский литературовед, талантливый ученый, один из старейших сотрудников Сектора древнерусской литературы, доктор филологических наук, профессор Михаил Осипович Скрипиль.

М. О. Скрипиль родился 7 ноября 1892 г. в станице Старокоросунской Кубанской области. Начальное образование он получил в церковно-приходской станичной школе, среднее — в классической гимназии Новоросийска. В 1911 г. поступил на филологический факультет Киевского университета, который окончил с дипломом первой степени в 1916 г. Свою подготовку к научной деятельности М. О. Скрипиль начал еще в студенческие годы, в семинаре проф. В. Н. Перетца, где прочно и навсегда определилась основная область его научных интересов — история древнерусской литературы. При окончании университета М. О. Скрипиль с успехом защитил дипломную работу по истории древнерусской повести XVII в. Однако научная деятельность М. О. Скрипиля в области древнерусской литературы, успешно начатая в студенческие годы, после окончания университета была на долгий срок прервана. До 1934 г. М. О. Скрипиль вел в основном только научно-педагогическую, преподавательскую и культурно-просветительную работу. С 1916 по 1920 год он работает преподавателем русской литературы сначала в мужской гимназии города Острога Волынской губернии, а затем в школе станицы Старокоросунской; с 1920 по 1923 год он занимается педагогической деятельностью в Краснодаре — в университете и пединституте. С 1923 г. Михаил Осипович до последнего дня жизни тесно связывает свою судьбу с Ленинградом. В 20-е и начале 30-х гг. он ведет большую культурно-просветительную и педагогическую работу. Через Губполитпросвет он организует в Ленинграде широкую сеть литературных кружков на заводах и предприятиях, пишет многочисленные статьи и брошюры по вопросам организации и ведения литературных кружков, литературных экскурсий и т. п. Работает в Институте политпросвета имени Н. К. Крупской, пединституте имени А. И. Герцена и ряде других высших учебных заведений города. С 1945 г. до последнего времени он работал профессором кафедры русской литературы Филологического факультета Ленинградского государственного университета, где руководил несколькими семинарами, читал общие курсы по истории древнерусской литературы, по палеографии, методике научной работы. В течение ряда лет он вел семинар по древнерусской повести; некоторые участники этого семинара и после окончания университета продолжают работать в области древнерусской литературы. В последние годы он руководил семинаром, посвященным творчеству М. Е. Салтыкова-Щедрина. Своей педагогической деятельностью Михаил Осипович внес большой вклад в воспитание и подготовку литературоведов.

Когда в 1934 г. в Институте литературы АН СССР (Пушкинском Доме) была организована группа древнерусской литературы, к работе в этой группе был привлечен и М. О. Скрипиль. С этого года возобновилась научная деятельность М. О. Скрипиля в области изучения древнерусской литературы, начатая им на студенческой скамье. Уже через год, в 1935 г., он успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Повесть о Савве Грудцыне». Эта диссертация была напечатана во 2-м, 3-м и 5-м томах «Трудов» Отдела древнерусской литературы. В «Трудах» были напечатаны и основные из последующих исследований М. О. Скрипиля. Исследование «Повести о Савве Грудцыне» было построено на тщательном изучении обширного рукописного материала — текст повести был исследован и издан по 76 спискам. Уже в этой первой большой работе определилась характерная черта М. О. Скрипиля как историка древнерусской литературы — его стремление начинать каждое исследование с тщательного изучения истории текста данного памятника, с попытки на основе этого изучения восстановить авторский текст, разновидности его позднейших переделок и принципы, которыми определялась работа редакторов. Вместе с тем в исследовании повести о Савве Грудцыне обнаружился и особый интерес М. О. Скрипиля к тем произведениям повествовательного жанра, которые наиболее отчетливо отражали исторические события и бытовые реалии жизни древней Руси.

В дальнейшем М. О. Скрипиль и сосредоточил свое внимание прежде всего на изучении историко-бытовых и сказочно-исторических русских повестей XV—XVII вв. Но исследование этих повестей привело его также к вопросу о литературных источниках творчества древнерусских писателей, и тогда переводная повесть и легенда заняли видное место в кругу его научных интересов. Исследования в этой области послужили ему материалом для статей в первых трех томах Истории русской литературы, подготовленных коллективом сотрудников сектора древнерусской литературы и изданных Академией наук в 1941—1947 гг. Его перу в этих книгах принадлежит ряд глав, посвященных древнерусским повестям — Повести о Басарге, о царице Динаре, о Петре царевиче Ордынском, о Петре и Февронии, о Соломонии бесноватой, о Савве Грудцыне, об Улиании Осорбиной и ряда других.

Итоги изучения древнерусской оригинальной повести, которыми М. О. Скрипиль занимался более десяти лет, были обобщены им в докторской диссертации «Опыты изучения древнерусской историко-бытовой повести», успешно защищенной 30 ноября 1944 г. Исследованиям М. О. Скрипиля по древнерусской повести предшествовали труды по этому вопросу таких известных ученых, как Ф. И. Буслаев, А. Н. Пыпин, Н. С. Тихонравов, И. Н. Жданов, В. М. Истрин. Но Михаил Осипович своими исследованиями значительно расширил, уточнил, а в ряде случаев коренным образом изменил существовавшие до него представления об этом жанре древнерусской литературы. М. О. Скрипиль поставил перед собой задачу выяснить становление и развитие древнерусской оригинальной повести как литературного жанра. В предшествующих исследованиях ученые искали корни древнерусской оригинальной повести в житийной и легендарной литературе, считая, что повесть является результатом эволюции этих жанров. М. О. Скрипиль возникновение и развитие древнерусской оригинальной повести связывает не только с литературной традицией, а учитывает прежде всего круг общественно исторических явлений, обуславливавших становление и развитие жанра древнерусской повести.

В отличие от своих предшественников, преувеличивавших значение литературных, по преимуществу переводных, источников в процессе разви-

тия древнерусской повести, М. О. Скрипиль показал, что в изучаемых им повестях традиционно-литературные элементы в большинстве случаев играют служебную, второстепенную роль в оформлении национального содержания, неразрывно связанного непосредственно то с общественно-политическими событиями и идеями данного исторического момента, то через отражение их в народном предании или эпической песне.

Анализируя литературное окружение древнерусских повестей, М. О. Скрипиль в каждом конкретном случае показывает их взаимосвязь с остальными жанрами древнерусской литературы и приходит к выводу, что не вполне определенная жанровая природа древнерусских повестей в последующей литературной жизни сближала их с устойчивыми и преобладающими в древнерусской литературе жанрами. На ряде примеров он показал, что клерикальный характер поздних редакций некоторых повестей не исконное явление авторского текста, как считали его предшественники, а вторичное.

Много внимания в своих работах М. О. Скрипиль уделил проблеме взаимосвязи древнерусской повести с фольклором. М. О. Скрипиль в своих исследованиях останавливался на рассмотрении вопроса о влиянии устного народного творчества на повествовательную литературу в различные исторические периоды, показав зависимость степени этого влияния от конкретных фактов исторической действительности. Он показал в своих работах, что древнерусская повесть часто обращалась как к непосредственному источнику — к русской устной легенде, русской сказке, русским былинам и историческим песням.

В отличие от своих предшественников, М. О. Скрипиль говорит не только о проникновении в повести отдельных фольклорных мотивов, но и о фольклорной основе целых литературно-повествовательных композиций. Вместе с тем в своих исследованиях М. О. Скрипиль рассмотрел и другую сторону этого вопроса — как литературная повесть переходила в фольклор.

Глубокий интерес к вопросу о литературно-фольклорных связях XIII—XVI вв. привел М. О. Скрипиля к попытке реконструкции фольклора этого периода, осуществленной им в двух статьях, опубликованных в книге: «Очерки по истории русского народного поэтического творчества X—начала XVIII в.», которые характеризуют различные, по преимуществу исторические жанры XIII—XVI вв.

М. О. Скрипиль являлся крупнейшим специалистом в области древнерусской текстологии. Его оригинальные и ценные наблюдения по этому разделу литературоведения не нашли отражения в специальной книге или статье, но отдельные его наблюдения, разбросанные в различных статьях, его безукоризненно выполненные издания древнерусских текстов представляют значительный вклад в развитие методики текстологических исследований.

Наряду с большой научно-исследовательской деятельностью М. О. Скрипиль вел в Институте и большую педагогическую и организационную работу. В тяжелую блокадную зиму 1941—1942 гг. он активно участвовал в сооружении оборонительных рубежей на подступах к Ленинграду, возглавлял работу по охране архивных и музейных ценностей Института. Во время войны М. О. Скрипиль был награжден медалями «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». До последних дней М. О. Скрипиль руководил аспирантами, работавшими не только в области древнерусской литературы и фольклора, но и над вопросами русской классической и советской литературы. Каждый, кому пришлось работать под руководством М. О. Скрипиля,

с любовью вспоминает его неизменную внимательность, его требовательность и вместе с тем его полную готовность отдать все свои знания, весь свой опыт своим ученикам.

В 1954 году М. О. Скрипиль возглавил Сектор народного творчества ИРЛ. По его инициативе была начата работа над сводом русского фольклора, идея создания которого принадлежала А. М. Горькому и А. Н. Толстому. В настоящее время Сектором подготовлено несколько томов различных серий этого свода. Первый том серии былин, содержащий записи былин XVII и XVIII вв., подготовлен М. О. Скрипилем совместно с А. М. Астаховой. По инициативе М. О. Скрипиля и под его редакцией начали издаваться сборники «Русский фольклор. Материалы и исследования». Первый том этого издания вышел в 1956 г.

Смерть оборвала неутомимую и плодотворную работу Михаила Осиповича Скрипиля в расцвете его творческих сил. Советское литературоведение понесло тяжелую утрату. Но сделанное М. О. Скрипилем в области изучения древнерусской литературы навсегда и прочно войдет в фонд нашей науки.

Л. А. Дмитриев

МИХАИЛ ОСИПОВИЧ СКРИПЛЬ.

Л. А. ДМИТРИЕВ

Список трудов М. О. Скрипиля¹

1935

1. Повесть о Савве Грудцыне. Тезисы диссертации на степень кандидата наук. Л., 1935.
2. Повесть о Савве Грудцыне. — ТОДРА, т. II. М.—Л., 1935, стр. 181—214.

I. История изучения «Повести о Савве Грудцыне»; II. Историко-бытовая основа «Повести о Савве Грудцыне».

1936

- 3 Повесть о Савве Грудцыне (окончание). — ТОДРА, т. III. М.—Л., 1936, стр. 99—152.

III. «Повесть о Савве Грудцыне» и переводные сборники религиозных легенд конца XVII в.; IV. Отношение «Повести о Савве Грудцыне» к старорусской литературной традиции; V. Легендарные мотивы «Повести о Савве Грудцыне» и демонологические представления XVII в.; VI. Заключение.

1938

4. Великое литературное произведение русского народа. — Крестьянская правда, 1938, 24 мая.

О «Слове о полку Игореве».

5. «Злато слово» русской литературы. — Красная газета, 1938, 23 мая.

О «Слове о полку Игореве».

1940

6. Литературная история «Повести о Иулиании Вяземской». — ТОДРА, т. IV. М.—Л., 1940, стр. 159—175.

1941

7. Бытовые и сказочно-исторические повести. — В кн.: История русской литературы. Учебник для вузов, т. I, ч. 1. М., Учпедгиз, 1941, стр. 264—274.

¹ В список включены только те работы, которые посвящены вопросам изучения древнерусской литературы и фольклора. Кроме сокращений, входящих в постоянный список условных сокращений, принятых в «Трудах», в настоящей библиографии приняты следующие сокращения: ГИХЛ — Государственное издательство художественной литературы; ЛГУ — Ленинградский государственный орден Ленина университет имени А. А. Жданова; Ленгорно — Ленинградский городской отдел народного образования; Учпедгиз — учебно-педагогическое государственное издательство.

Бытовые повести XVII в.: «Повесть о Горе-злочастии», «Повесть о Савве Грудыне», «Повесть о Соломонии бесноватой», Повесть о Фроле Скобееве, Повесть о Карпе Сутулове. Старые исторические сюжеты в форме занимательных новелл: «Слово о царе Михаиле», Повести «О начале Москвы», «История об Азовском взятии и осадном сидении... 7135 года».

8. Житийная литература. — В кн.: История русской литературы, т. I. Литература XI—начала XIII века. М.—Л., Изд. АН СССР, 1941, стр. 87—106.

Переводные жития - биографии.

9. Литература второстепенных областных центров. — В кн.: История русской литературы. Учебник для вузов, т. I, ч. I. М., Учпедгиз, 1941, стр. 177—182.

«Повесть о Петре и Февронии»; «Повесть о Меркурии Смоленском».

10. Московское летописание. — В кн.: История русской литературы. Учебник для вузов, т. I, ч. I. М., Учпедгиз, 1941, стр. 132—144.

Хронограф 1442 г.; Исторические повести; Повести и сказания о Мамаевом побоище: Летописная повесть о Мамаевщине, «Задонщина», Сказание о побоище великого князя Дмитрия Донского, «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского»; Повесть «О Московском взятии от царя Тахтамышы»; Повесть о Темир-Аксаке; Панегирические жития.

11. Московская литература. — В кн.: История русской литературы. Учебник для вузов, т. I, ч. I. М., Учпедгиз, 1941, стр. 156—169.

Повесть о взятии Царьграда Нестора Искандера; «Сказание о князех владимирских»; Сказания о Вавилонском царстве; Повесть о Басарге; Публицистика — Старец Филофей, Иосиф Волоцкий (1439—1515) и Нил Сорский (1433—1508), Максим Грек.

12. Областные литературы в годы феодальной раздробленности и татаро-монгольского ига (1220—1370-е годы). — В кн.: История русской литературы. Учебник для вузов, т. I, ч. I. М., Учпедгиз, 1941, стр. 91—122.

1. Литература Галицко-Волынского княжества XIII в.: Галицко-Волынская летопись; 2. Литература северо-восточной Руси XIII в.: Повесть о битве на Калке, Рассказ Лаврентьевской летописи под 1237 г., Повести о Николе Зарайском, Повести об Александре Невском, Серапион Владимирский, «Моление» Даниила Заточника, Житие Михаила и Федора Черниговских; 3. Литература северо-восточной Руси XIV в.: Литература Твери XIV в. — Повесть об убийстве Михаила Ярославича в Орде, Сказание о Щелкане; Литература Москвы XIV в. — Летопись, Житие митрополита Петра; Литература Новгорода XIII—XIV вв. — Летопись, Послание Василия о рае, Путешествия; Литература Пскова XIII—XIV вв. — Повести о Довмонте; 4. Сборники; 5. Переводная литература XIII—XIV вв.: «Сказание об Индийском царстве», «Слово о двенадцати снах Шахаиши».

13. Областные повести первой половины XVII в. — В кн.: История русской литературы. Учебник для вузов, т. I, ч. I. М., Учпедгиз, 1941, стр. 243—252.

Повести о завоевании Сибири; Повести об Азове; «Сказание о киевских богатых»; «Повесть о Еруслане Лазаревиче»; «Повесть о Юлиании Лазаревской»; «Повесть об Унженском кресте».

14. Повесть о Соломонии. — В кн.: Старинная русская повесть. Статьи и исследования под ред. Н. К. Гудзия. М.—Л., Изд. АН СССР, 1941, стр. 197—215.

1945

15. Гениальное творение русского народа. — Ленинградская правда, 1945, 14 августа.
О «Слове о полку Игореве».
16. Московские повести конца XV—начала XVI в. — В кн.: История русской литературы, т. II. Литература 1220—1580-х гг., ч. 1. М.—Л., Изд. АН СССР, 1945, стр. 340—349.
Повесть о Басарге; Повесть о царице Динаре.
17. Областные повести конца XV—начала XVI в. — В кн.: История русской литературы, т. II. Литература 1220—1580-х гг., ч. 1. М.—Л., Изд. АН СССР, 1945, стр. 350—367.
1. Повесть о Петре, царевиче ордынском; 2. Повесть о Меркурии Смоленском; 3. Повесть о Петре и Февронии.
18. Обобщающие предприятия XVI в. — В кн.: История русской литературы, т. II. Литература 1220—1580-х гг., ч. I. М.—Л., Изд. АН СССР, 1945, стр. 433—437.
Четьи-Миней; Степенная книга (раздел «Степенная книга» написан совместно с А. С. Орловым).
19. Опыты изучения древнерусской историко-бытовой повести XV—XVII вв. — В кн.: Рефераты научно-исследовательских работ за 1944 год. Отделение литературы и языка. М.—Л., Изд. АН СССР, 1945, стр. 12—13.
Реферат докторской диссертации.
20. Переводная литература северо-восточной Руси XIII—XIV вв. — В кн.: История русской литературы, т. II. Литература 1220—1580-х гг., ч. 1. М.—Л., Изд. АН СССР, 1945, стр. 143—156.
Раздел написан совместно с В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской.

1946

21. «Повесть о Петре и Февронии» и эпические песни южных славян об огненном змее. — Научный бюллетень ЛГУ, № 11—12, 1946, стр. 35—39.

1947

22. Повесть о Савве Грудцыне. (Тексты). — ТОДРЛ, т. V. М.—Л., 1947, стр. 225—308.

1948

23. Легендарно-нравоучительные повести и духовные стихи. — В кн.: История русской литературы, т. II, ч. 2. Литература 1590—1690 гг. М.—Л., Изд. АН СССР, 1948, стр. 287—300.
1. Повести о хмеле; 2. Повесть о Соломонии бесноватой; 3. Синодик.
24. Легендарные повести. — В кн.: История русской литературы, т. II, ч. 2. Литература 1590—1690 гг. М.—Л., Изд. АН СССР, 1948, стр. 95—102.

Житие Иулиании Лазаревской, написанное Дружиной Осорбным. «Сказание об Унженском кресте».

25. Неизвестные и малоизвестные русские повести XVII в. — ТОДРЛ, т. VI. М.—Л., 1948, стр. 324—332.

I. Повесть о разуме человеческого; II. Слово о купцы и сыне его и жене сыновне; III. Повесть о купце Григории.

26. Повесть о Савве Груддыне. — В кн.: История русской литературы, т. II, ч. 2. Литература 1590—1690-х гг. М.—Л., Изд. АН СССР, 1948, стр. 222—227.

27. Повесть об Улянии Осорьиной. (Комментарии и тексты). — ТОДРЛ, т. VI. М.—Л., 1948, стр. 256—323.

28. Проблемы изучения древнерусской повести. — ИЮЛЯ, т. VII, вып. 3, май-июнь. М., 1948, стр. 189—200.

29. Сатирико-бытовые повести. — В кн.: История русской литературы, т. II, ч. 2. Литература 1590—1690 гг. М.—Л., Изд. АН СССР, 1948, стр. 228—239.

1. Повесть о Карпе Сутулове; 2. Сказание о молодце и девице и о старом муже; 3. История о Фроле Скобееве.

30. Сказочно-исторические повести. В кн.: История русской литературы, т. II, ч. 2. Литература 1590—1690 гг. М.—Л., Изд. АН СССР, 1948, стр. 240—244.

Повести о царе Михаиле.

31. «Смутное время» в изображении литературных памятников 1612—1630 гг. — В кн.: История русской литературы, т. II, ч. 2. Литература 1590—1690 гг. М.—Л., Изд. АН СССР, 1948, стр. 61—65.

«Повесть книги сея от прежних лет».

32. Старинная русская повесть в советском литературоведении. — Ученые записки Государственного педагогического института имени А. И. Герцена, т. 67, Л., 1948, стр. 40—47.

33. Старообрядческая литература. — В кн.: История русской литературы, т. II, ч. 2. Литература 1590—1690 гг. М.—Л., Изд. АН СССР, 1948, стр. 329—332.

Повесть о боярыне Морозовой.

1949

34. История древней русской литературы в свете задач современности. — ЛГУ. Доклады и сообщения филологического института, вып. I. Л., изд. ЛГУ, 1949, стр. 163—173.

35. Повесть о Петре и Февронии муромских в ее отношении к русской сказке. — ТОДРЛ, т. VII. М.—Л., 1949, стр. 131—167.

36. Повесть о Петре и Февронии. (Тексты). — ТОДРЛ, т. VII. М.—Л., 1949, стр. 215—256.

1950

37. Легендарно-политические сказания древней Руси. — ЛГУ. Доклады и сообщения филологического института, вып. 2. Л., Изд. ЛГУ, 1950, стр. 48—63.

1951

38. Народная русская сказка в литературной обработке конца XVII—нач. XVIII в. («Повесть о купце, купившем мертвое тело»). — ТОДРЛ, т. VIII. М.—Л., 1951, стр. 308—325.

39. Повесть о Тимофее Владимирском. — ТОДРЛ, т. VIII. М.—Л., 1951, стр. 287—307.

1952

40. *Ред.*: Слово о полку Игореве. Л., Изд. «Советский писатель» (Библиотека поэта, Большая серия), 1952, 308 стр.

1953

41. Народное поэтическое творчество периода укрепления централизованного русского государства (XV—XVI вв.). — В кн.: Русское народное поэтическое творчество, т. I. Очерки по истории русского народного поэтического творчества X—начала XVIII веков. М.—Л., Изд. АН СССР, 1953, стр. 301—311, 337—347.

Введение; Общая характеристика народного творчества конца XV—XVI века; Былины; Пословицы.

42. Народное поэтическое творчество периода феодальной раздробленности и создания централизованного русского государства (XIII—XV вв.). — В кн.: Русское народное поэтическое творчество, т. I. Очерки по истории русского народного поэтического творчества X—начала XVIII веков. М.—Л., Изд. АН СССР, 1953, стр. 248—300.

Введение; Общая характеристика народного поэтического творчества XIII—XV веков; Былевой эпос XIII—XV веков; Исторические песни XIII—XV веков; Сказка XIII—XV веков, Духовный стих XIV—XV веков.

43. Сказание о Вавилоне граде. — ТОДРЛ, т. IX. М.—Л., 1953, стр. 119—144.
44. *Ред.*: Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. Подготовка текста, статья и комментарии И. П. Еремина. М.—Л., Изд. АН СССР, 1953, 282 стр.

1954

45. «История» о взятии Царьграда турками Нестора Искандера. — ТОДРЛ, т. X. М.—Л., 1954, стр. 166—184.
46. Русская повесть XVII века. Составитель. М. О. Скрипиль. Редактор И. П. Еремин. ГИХЛ, 1954, 479 стр.

От составителя: стр. 5—7; Повесть о Горе-Злочастии: I стр. 103—115 — текст, стр. 400—417 — статья и примечания; Повесть о купце: стр. 126—135 — текст, стр. 424—427 — статья и примечания; Повесть о Марфе и Марии: стр. 48—53 — текст, стр. 359—365 — статья и примечания; Повесть о начале царствующего града Москвы: стр. 74—81 — текст, стр. 376—384 — статья и примечания; Повесть о Савве Грудцыне: стр. 81—102 — текст, стр. 385—399 — статья и примечания; Повесть о смерти воеводы М. В. Скопина-Шуйского: стр. 29—38 — текст, стр. 344—349 — статья и примечания; Повесть о тверском Отроче монастыре: стр. 116—125 — текст, стр. 418—423 — статья и примечания; Повесть об Улянии Осорбиной: стр. 39—47 — текст, стр. 350—358 — статья и примечания.

47. *Ред.* (совместно с М. П. Алексеевым, Г. А. Бялым, А. Г. Дементьевым, И. П. Ереминым, В. Я. Проппом): Гоголь. Статьи и материалы. Л., Изд. ЛГУ, 1954. 396 стр.

1955

48. «Слово Даниила Заточника». — ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955, стр. 72—95.

49. *Ред.*: «Слово о полку Игореве». Библиография изданий, переводов и исследований (1938—1954). Составил Л. А. Дмитриев. М.—Л., Изд. АН СССР, 1955. 90 стр.

1956

50. Вопросы научной периодизации русского народного поэтического творчества (X—XVII веков). — Русский фольклор. Материалы и исследования, т. 1. М.—Л., Изд. АН СССР, 1956, стр. 22—38.

Доклад, прочитанный на совещании по вопросам изучения русского народного поэтического творчества 17—20 ноября 1953 г

51. *Ред.* (совместно с А. М. Астаховой, Б. Н. Путиловым и В. В. Тимофеевой): Вопросы советской литературы, т. IV. Фольклор в русской советской литературе. М.—Л., Изд. АН СССР, 1956. 423 стр.
52. *Ред.* (совместно с А. М. Астаховой и В. Г. Базановым): Русский фольклор. Материалы и исследования, т. I. М.—Л., Изд. АН СССР, 1956. 346 стр.
53. *Ред.*: Свод русского фольклора. Проспект. На правах рукописи. Л., АН СССР, ИРЛ (Пушкинский Дом), 1956, 82 стр. (Печатается).
54. Литература в годы нашествия Батыя и татаро-монгольского ига (вторая четверть XIII в. — 1380 г.). — В кн.: История русской литературы, под ред. Д. Д. Благого, т. I.
55. *Ред.* (совместно с А. М. Астаховой и В. Г. Базановым): Русский фольклор. Материалы и исследования, т. II.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААЭ — Акты, собранные... Археографической экспедицией.
 АИ — Акты исторические.
 АН СССР — Академия наук СССР.
 БАН — Библиотека Академии наук СССР.
 Брике — С. М. Briquet. Les filligranes. Paris, 1907.
 ВБЛ — Всесоюзная библиотека им. В. И. Ленина в Москве.
 ВМЧ — Великие Минеи четии, изд. Археографической комиссии.
 ВОИДР — Временник Общества истории и древностей российских при Московском университете.
 ГВЛ — Галицко-Волынская летопись.
 ГИМ — Государственный исторический музей в Москве.
 ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.
 ДАИ — Дополнения к Актам историческим.
 ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
 ИМА — Институт мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР.
 ИЮЛЯ — Известия Отделения литературы и языка Академии наук СССР.
 ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук.
 ИпоРЯС — Известия по русскому языку и словесности Академии наук.
 ИРЛ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР.
 КСИИМК — Краткие сообщения и доклады Института истории материальной культуры Академии наук СССР.
 ЛЗАК — Летопись занятий Археологической комиссии.
 Лихачев, Бум. мельн. — Н. П. Лихачев. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. СПб., 1891.
 Лихачев, Вод. зн. — Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899.
 ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории Академии наук СССР.
 Н1Л, Н2Л, Н3Л, Н4Л, Н5Л — Новгородские первая, вторая, третья, четвертая и пятая летописи.
 ОЛДП — Общество любителей древней письменности.
 ОЛЯ — Отделение литературы и языка Академии наук СССР.
 ПВЛ — Повесть временных лет.
 ПДП — Памятники древней письменности.
 ПДПИ — Памятники древней письменности и искусства.
 П1Л, П2Л, П3Л — Псковские первая, вторая и третья летописи.
 ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
 РИБ — Русская историческая библиотека.
 СГГД — Собрание государственных грамот и договоров.
 СОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук.
 С1Л, С2Л — Софийские первая и вторая летописи.
 Срезневский, Материалы — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893—1912.

- ТОДРА — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР.
- Тромонин — К. Тромонин. Изъяснение знаков, видимых на писчей бумаге... М., 1844.
- ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов СССР в Москве.
- ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.
- ЧОЛДП — Чтения в Московском обществе любителей духовного просвещения.
-

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр. 3
От редакции	
<i>Исследования</i>	
Н. Н. Воронин (Москва). «Анонимное» сказание о Борисе и Глебе, его время, стиль и автор	11
Н. А. Мещерский. (Петрозаводск). К вопросу об источниках Повести временных лет	57
Д. С. Лихачев (Ленинград). История подготовки к печати текста «Слова о полку Игореве» в конце XVIII в.	66
М. В. Щепкина (Москва). К вопросу о правописании рукописи «Слова о полку Игореве»	90
И. П. Еремин (Ленинград). Волинская летопись 1289—1290 гг.	102
Б. И. Дубенцов (Ленинград). К вопросу о так называемом «Летописце княжения Тферскаго»	118
А. И. Клибанов (Москва). К проблеме античного наследия в памятниках древнерусской письменности	158
Я. С. Лурье (Ленинград). К вопросу об идеологии Нила Сорского	182
Ю. К. Бегунов (Ленинград). Соборные приговоры как источник по истории новгородско-московской ереси	214
А. А. Зимин (Москва). К изучению источников Степенной книги	225
М. А. Салмина (Ленинград). К вопросу о происхождении «Сказания об убийстве Даниила Суздальского и о начале Москвы»	231
Б. В. Сапунов (Ленинград). К вопросу о культурных связях России с другими странами в XVI—XVII вв. (по материалам печатных книг)	235
М. Д. Каган (Ленинград). Легендарная переписка Ивана IV с турецким султаном как литературный памятник первой четверти XVII в.	247
В. Е. Гусев (Ленинград). Заметки о стиле «Жития» протопопа Аввакума	273
С. Н. Азбелев (Ленинград). Летописные памятники Новгорода XVII—XVIII вв. (обзор списков)	282
П. Н. Берков (Ленинград). Вероятный источник народной пьесы «О царе Максимилиане и его непокорном сыне Адольфе»	298
<i>К семидесятилетию Николая Калининвича Гудзия</i>	
Приветствие от Сектора древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР	315
Приветствие от московских специалистов по древнерусской литературе	317
А. Н. Робинсон. К семидесятилетию Николая Калининвича Гудзия (очерк жизни и деятельности)	319
Хронологический список трудов академика АН УССР Николая Калининвича Гудзия	326
<i>Литература и искусство</i>	
Ю. Н. Дмитриев (Ленинград). Об истолковании древнерусского искусства	345
Н. Н. Воронин (Москва). Литературные источники в творчестве древнерусских зодчих	364
В. И. Антонова (Москва). Московская икона начала XVI в. из Киева и «Повесть о Николле Зарайском»	375
О. И. Подобедова (Москва). Лицевая рукопись XVII столетия «Повести о Петре и Февронии»	393

Материалы и сообщения

	Стр.
И. П. Еремин (Ленинград). Литературное наследие Кирилла Туровского	409
Л. С. Шептаев (Ленинград). Заметки к древнерусским литературным памятникам.	427
В. Ф. Ржига (Москва). «Повесть о Петре и Февронии» в русской литературе конца XVIII в.	429
А. А. Зимин (Москва). Новые списки «Хожения» Афанасия Никитина	437
Р. П. Дмитриева (Ленинград). О некоторых источниках «Послания» Спиридона-Саввы	440
Н. А. Казакова (Ленинград). Новый список «Слова ответна» Вассиана Патрикеева	446
Н. А. Дворецкая (Ленинград). Археографический обзор списков повестей о походе Ермака	467
А. П. Евгеньева (Ленинград). Два новых текста XVIII в. былины о Михаиле Потыке	483
В. П. Адрианова-Перетц (Ленинград). Из истории текста антиклерикальных сатир («Сказание о бражнике» и «Сказание о попе Саве»).	497
Е. А. Маймин (Выборг). Протопоп Аввакум в творчестве Л. Н. Толстого	501
А. А. Горбунова (Молотов). Два неизвестных частных письма конца XVII в. (к истории эпистолярного стиля)	506
Н. А. Бакланова (Москва). К вопросу о датировке «Повести о Фроле Скобееве»	511
Г. Н. Моисеева (Ленинград). Неизвестная повесть первой половины XVIII в.	519

*По рукописным собраниям Советского Союза
(печатается под наблюдением В. И. Малышева)*

Л. Н. Пушкарев (Москва). Рукописи житийного содержания Центрального государственного архива литературы и искусства	543
Л. И. Емельях (Ленинград). Старинные рукописные книги Музея истории религии и атеизма Академии наук СССР	556
Н. Ф. Дробленкова, Л. С. Шепелева (Ленинград). Описание рукописного собрания Архива Географического общества СССР	561
Л. И. Полянская (Ленинград). Памятники древнерусской письменности в собрании Центрального государственного исторического архива СССР в Ленинграде	569
Н. А. Малеванов (Ленинград). Рукописи XVI—XVIII вв. Государственного исторического архива Ленинградской области	574
Н. П. Жинкин (Харьков). Рукописное собрание Харьковской научной библиотеки им. В. Г. Короленко	577
Л. А. Дмитриев (Ленинград). Славяно-русские рукописи Отдела редких книг Латвийской государственной библиотеки в Риге	579
В. И. Малышев (Ленинград). Сочинения протопопа Аввакума в собрании Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР	581
Е. С. Радченко (Москва). Славяно-русские старопечатные книги в Государственной публичной исторической библиотеке в Москве	591

Критика и библиография

И. Дуйчев (София). Изучение в Болгарии древнеславянской и древнеболгарской литературы за 1945—1955 гг.	601
В. Витковский (Варшава). Работы польских ученых по древнерусской филологии за 1945—1955 гг.	615
Е. Прохазкова (Прага). Библиография чехословацких работ по древнерусской литературе за 1945—1955 гг.	627
В. Д. Кузьмина (Москва). Критико-библиографический обзор статей и заметок по истории древнерусской литературы в журнале «Revue des études slaves» (1932—1955)	629
А. М. Панченко (Ленинград). Чешские переводы «Слова о полку Игореве» XIX в.	635
А. В. Соловьев (Женева). Новый итальянский перевод «Слова о полку Игореве»	649
А. В. Соловьев (Женева). Новое словенское издание «Слова о полку Игореве»	656
В. К. Петухов (Ленинград). «Слово о полку Игореве» в переводе П. П. Негоша	665
О. А. Державина (Москва). Обзор работ по изучению литературных памятников первой трети XVII в.	672

Стр.

С. А. Левина (Москва). К изучению Воскресенской летописи. По поводу статьи В. В. Лаптева «Воскресенская летопись» (Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена, т. 102. Л., 1955, стр. 165—239)	689
П. Н. Попов (Киев). Дополнения к библиографии работ о «Слове о полку Игореве» за 1938—1954 гг.	706

Хроника

Научные заседания Сектора древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР с сентября по декабрь 1956 г.	719
Научные заседания группы по изучению древнерусской литературы Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР с декабря 1955 г. по декабрь 1956 г.	720
Л. А. Дмитриев. М. О. Скрипиль. (Некролог)	721
Л. А. Дмитриев. Список трудов М. О. Скрипиля	725
Список сокращений	731

Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом)
Академии наук СССР

*

Технический редактор Р. С. Певзнер
и Э. Ю. Блейх

Корректоры А. А. Гельфанд и Э. В. Коваленко

*

РИСО АН СССР № 35—99В. Подписано
к печати 11 июня 1957 г. М-27543.
Бумага 70 × 108^{1/16}. Бум. л. 23. Печ. л. 63.02.
Уч.-изд. л. 63,45 + 11 вкл. (1,29 уч.-
изд. л.). Тираж 1800. Зак. № 32.
Цена 40 р. 15 к.

1-я типография Изд. Акад. наук СССР.
Ленинград, В-34, 9-я линия, д. 12.

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
129	25 снизу	предисловии	предисловие
134	2 сверху	отбросил	отбросив
145	1 снизу	Тверской сборник,	испр. по ркп.:
146	Средний столбец, 15 снизу	венчаи,	венчаи,
146	Средний столбец, 14 снизу	прослави.	прослави и.
146	Правый столбец, 4—5 снизу	смыслени	смыслени и
147	Средний столбец, 9 сверху	богоспасному	богоспасеному
147	Средний столбец, 21 сверху	псходящу	исходящу
156	Схема	1-я, 2-я и 3-я части	2-я и 3-я части
156	"	Предисловия и общая канва „Повести“	Предисловия и общая канва „Повести“
		Свод Ивана Михайловича 1425 г	Этот текст относится к правому (незаштрилованному) кругу
163	13 снизу	Ничем	Не чем
189	13 сверху	1448—1460 гг	1448—1468 гг.
189	5 снизу	289—290.	23—25.
206	20	Симайского.	Синайского.
252	5 сверху	один	един
260	23 снизу	Автор	Авторы
263	20 сверху	„всяким	„всякими
272	Цифра на поле	л. 580	л. 581
294	20 снизу	166 л.,	194 л.,
295	11	рукописи в	рукописи к
296—297	схема	24.5.13	24.5.33
296—297	"	Погод. 411	Погод. 1411
307	9 снизу	zeitgenössischen	zeitgenössischen
307	7	Бауцена	Бауцене
307	3	G o ł a b e k.	G o ł a b e k.
307	3	Russi	Rusi
308	11	Jozet G o ł a b e k.	Jozef G o ł a b e k.
386	18	пелени	пелены
387	14 сверху	1948 г. В связи	1948 г., в связи
469	5	дане	да не
473	14	805,	505,
474	23	805,	505,
475	12 снизу	№ 4,	№ 144,
521	2	гордой	горкой
524	19	перетить	перстить
636	8	I. Müller.	J. Müller,
637	8	poetiscqen	poetischen
637	6	ausgezeich durch K hinhit, Kraft	ausgezeichnet durch Kühnheit, Kraft

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
638	22 снизу	mori?».	moži?».
639	13 "	prekládání	překládání
	10 "	nážečí	nářečí
640	27 "	«kuiže»,	„križe“.
641	12 сверху	nen í	není
641	13 "	trísla,	trísła,
645	5 "	«kūn»	„kūn“
646	17 снизу	Imere,	Ilmère,
647	23 "	věštiho	věštiho
662	16 "	всегда	всегда
670	Правый столбец, 6 сверху	несет	десет
671	2 снизу	«вијенањ	„вијенац
698	18 сверху	Иосифа	Иоасафа
710	18 "	песни.	песне.
713	3 снизу	АН СССР.	АН УССР.
720	5 сверху	Н. Д. Гудзия	Н. К. Гудзия

Труды Отдела древнерусской литературы, т. XIII.